

U $\frac{305}{1}$

1848



М. Н. КАТКОВЪ.

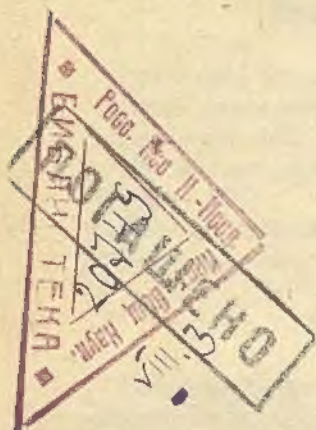


U 305
1

СОБРАНИЕ ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ

МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1878 годъ.



ИЗДАНИЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1897.

М. В. НАТЮРБ.

СОБРАНИЕ

ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТІИ

МОСКОВСКИХЪ ВЪДОМОСТЕЙ

1878 годъ



13730-45



2007052023

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Моск. уѣзда.

1878 годъ.

Указатель статей¹⁾.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы ²⁾.

- ✓ Два слова молодымъ людямъ. 89—Б.
- Наше варварство—въ нашей иностранной интеллигенціи. 106.
- ✓ По поводу пріѣзда Государя Императора въ Москву. 296.
- ✓ Царскій призывъ къ огражденію нашего юношества отъ лжеученій. 297—А.

Военное дѣло.

Расходъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ въ дѣлахъ на Балканскомъ полуостровѣ. 167—Б.

Москва.

Встрѣча въ Москвѣ первыхъ моряковъ возвращающихся въ Петербургъ съ Чернаго моря. 84—В. 85—Б.

- ✓ Уличная демонстрація въ Москвѣ 3 апрѣля. 88—А. 95—А.

Встрѣча въ Москвѣ Насръ - Эддинъ - Шаха. 117—Б.

Прибытіе въ Москву Великаго Князя Николая Николаевича. 249—Б.

Морское дѣло.

- Вопросъ о каперствѣ. 5. 72. 118.
- Комитетъ по сбору пожертвованій на приобретение судовъ добровольнаго флота. 84—Б.
- Крейсерскій флотъ. 90. 98.
- Добровольный флотъ. 110 Б.
- Подвигъ „Весты“ и крейсерскій флотъ. 190.
- Идея о крейсерахъ въ Англіи. 204, стр. 353.
- Морскія средства Англіи для крейсерской войны. 215.

Судебное дѣло. ✓

- Дѣло Вѣры Засуличъ. 85, стр. 154. 95—Б.
- Дѣло Вѣры Засуличъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Правительствующаго Сената. 132—А.
- Кража Юхонцевымъ 2,023,295 рублей изъ кассы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. 219—Б.
- Дѣло корнета Цѣпина обвиняемаго въ нанесеніи крестьянину Гурину тяжкихъ побоевъ отъ которыхъ послѣдовала смерть. 288—Б.

Учебное дѣло. ✓

- ✓ Расшатанность нашихъ высшихъ школъ. 310—Б.
- ✓ „Старшіе“ и университетская молодежь. 314—Б. ✓

Финансовые вопросы.

- Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1878 годъ и всеподданнѣйшій докладъ министра Финансовъ. 12—Б.
- Поднятіе вексельнаго курса, паденіе лажы на золото, пониженіе курса русскихъ бумагъ Лондонской биржей и промахи нашего финансоваго управленія при заключеніи вѣннскаго займа. 14—Б.
- Наша отпускная и привозная торговля въ 1876 и 1877 гг. Фабричный кризисъ. 63.
- Подписка на „Второй Восточный заемъ“. 208—Б.
- Проектъ положенія о разрядномъ налогѣ. 218.
- Необходимость податной реформы. 220.
- Проектъ г. Твидла о разработкѣ нефти и устройствѣ нефтепроводовъ. 267—Б.
- Созданныя войной наши бюджетныя затрудненія и наше экономическое положеніе послѣ войны. 284.
- Наше экономическое положеніе до и послѣ войны. 295. 305. 312.
- Доктрина и наше экономическое положеніе. 321.

¹⁾ Цифры означаютъ номера *Московскихъ Видомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первая, вторая или третья статья въ данномъ номерѣ. Указаніе страницы при номерѣ означаетъ часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

²⁾ Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Русскія владѣнія въ Азіи.

Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа о дальнемъ походѣ. 163—Б. 172. 257—Б.
Вопросъ о Кульджѣ. 247. 252—Б.
Прорывъ Аму-Дарьи къ Сорокамышу. 254.
Рѣка Аму-Дарья. 277.
Исслѣдованіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича: „Пески Кара-Кумъ“. 291—Б.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы.

Борьба противъ анархистовъ. 293.

Ватиканъ.

Папа Пій IX (по поводу его кончины). 27—Б.
Избраніе кардинала Печчи папою подъ именемъ Льва XIII. 39—Б.
Энциклика папы Льва XIII. 100—Б.

Война Россіи съ Турціей.

Обзоръ событій предшествовавшихъ объявленію войны и дѣйствій нашихъ армій за Дунаемъ и въ Малой Азіи. 1.

Слухи о перемиріи. 4.

Зимній переходъ черезъ Балканы и дальнѣйшее движеніе нашихъ отрядовъ на Филиппополь. 6.

Наше требованіе вести переговоры въ Адрианополь, отреченіе Англіи отъ Турціи и „англійскіе интересы“. 7.

Рѣчи Джона Брайта, г. Манса и г. Чамберлена въ Бирмингамѣ. Часть тронной рѣчи англійской королевы о событіяхъ на Востокѣ и переговоры о перемиріи. 9.

Пораженіе Реуфъ-паши и Сулейманъ-паши. 10.
Трехдневная битва при Филиппополѣ и занятіе Адрианополя. 12—А.

Слухи объ Англо-Австрійскомъ союзѣ противъ сепаратнаго мира Россіи съ Турціей. 13.

Посредничество королевы Викторіи въ пользу Турціи. Настроеніе турецкихъ государственныхъ людей и предостереженіе Россіи *Национальною Газетою*. 14—А.

Daily Telegraph о трехъ мотивахъ для занятія русскими Галлиполи и требованіе *Times* подвести подъ конференцію устройство христіанскихъ провинцій Турціи. 16—А.

Нѣмецкая печать о европейской конференціи, возможности занятія нами Константинополя и нейтрализаціи Дуная. 16—Б.

Жестокость Турокъ. 17.

Десять пунктовъ русскихъ мирныхъ условій по извѣстіямъ газеты *Wiener Tagblatt* и вопросъ о возвратѣ Россіи части румынской Бессарабіи по извѣстіямъ *Политической Корреспонденціи*. 18—А.

Посылка англійскаго флота къ Дарданелламъ. 18—Б.

Кому Австрія болѣе союзникъ, намъ или Англіи? 19—А.

Мирныя прелиминаріи. 19—Б.

Военныя силы Турціи послѣ взятія Адрианополя. 19—В.

Объясненія англійскихъ министровъ въ обѣихъ палатахъ. 20.

Ожиданія въ Россіи извѣстій о заключеніи мира. 21—А.

Двусмысленное сообщеніе англійскаго министра о подписаніи общихъ основаній мира и Франціи о конгрессѣ. 21—Б.

Меморандумъ герцога Веллингтона отъ 10 декабря 1829 года. 21—В.

Приостановка военныхъ дѣйствій. 22.

Вѣроятное содержаніе мирныхъ прелиминарій и идея конгресса. 23.

Рѣчь канцлера казначейства г. Норткота при внесеніи требованія чрезвычайнаго кредита. 24.

Идеальный союзъ Германіи съ Россіей и требованія для дипломатіи. 25

Результатъ австрійскаго вмѣшательства. 26—А.

Причина медленности въ подписаніи Портою русскихъ основаній мира и условій перемирія. 26—Б.

Перемиріе. 27—А.

Условія перемирія, переполохъ въ Англіи и англо-австрійскій союзъ. 29.

Положеніе дѣлъ созданное условіями перемирія. 30—А.

Приказъ англійскому флоту вступить въ Босфоръ. 30—Б.

Телеграмма государственнаго канцлера русскимъ посланъ въ отвѣтъ на желаніе иностранныхъ эскадръ вступить въ Босфоръ и запугиваніе насъ Англіей и Австріей. 31.

Отсрочка вступленія англійской эскадры въ Босфоръ. Запугиваніе насъ Англіей. 32—А.

Донесеніе полковника Веллеса лорду Дарби. Меморандумъ Британскаго правительства. 32—Б.

Трактаты о проливахъ и интересы Австріи. 33—А.

Впечатлѣніе въ Москвѣ отъ слуха о вступленіи русскихъ войскъ въ Константинополь. 33—Б.

Предлогъ для вступленія англійскаго флота въ Босфоръ. Необходимость движенія Русскихъ на Галлиполи. 34—А.

Паденіе англійскихъ фондовъ. Повышеніе русскихъ фондовъ и кредитнаго рубля. 34—Б.

Истинная цѣль вступленія англійскаго флота въ Босфоръ. 36.

Ненормальныя отношенія державъ какъ слѣдствіе вступленія англійскаго флота въ Дарданеллы. 37.

Рѣчь князя Бисмарка въ германскомъ имперскомъ сеймѣ. 38.

Русскій отрядъ. 39—А.

Поворотъ въ настроеніи Турокъ какъ слѣдствіе вступленія англійскаго флота въ Дарданеллы. 40.

Нѣкоторые обстоятельства прохода англійскаго флота чрезъ Дарданеллы. 41—А.

Настроеніе Константинопольскихъ руководящихъ сферъ до прохода англійскаго флота чрезъ Дарданеллы и перемѣна этого настроенія. Цѣль лорда Беконсфильда завлечь Англію въ войну противъ Россіи. 41—Б.

Меморандумъ конфиденціальнаго разговора графа Шувалова съ графомъ Дарби 8 іюня 1877 года. Обстановка будущей конференціи. 43—А.

Закулисная исторія дѣла о вбѣгѣ англійскаго флота въ Дарданеллы. 43—Б.

Впечатлѣніе произведенное рѣчью князя Бисмарка на Австрію и Англію. 44—А.

Два депеши англійскаго посла въ Константинополь, г. Леярда. 44—Б.

Толки о предстоящемъ занятіи Австріею Боснии и Герцеговины. 44—В.

Угрозы Россіи и военные приготовления Австріи и Англіи. Наши союзники на Востоку. 45—А.

Вопросъ о проливахъ. 45—Б.

Только твердость и готовность къ отпору избавятъ насъ отъ новой войны. 46.

Всѣ обязательства имѣютъ силу только для другихъ державъ, а не для Англіи. Перемена настроенія австро-венгерской печати. 47.

По поводу предстоящаго подписанія мирныхъ условий. 48—А.

Негодование англійской печати по вопросу о мирныхъ условияхъ. 48—Б.

Заключеніе мира. 49.

Рѣчь лорда Дарби и негодование на нее торійской печати. Запугиваніе Россіи. Отношеніе Англіи къ Австріи. 51.

Политика уступокъ по отношенію къ Австріи. 52.

Условія Санъ-Стефанскаго мира. 53. 64.

Воинственные демонстраціи Англіи и Австріи. Рѣчь графа Андраши Предполагаемый раздѣлъ Турціи. 54.

Вопросъ о демаркаціонной линіи. Турецкія укрѣпленія. 96.

Переговоры. Возстаніе въ Родопскихъ горахъ. 101—А.

Ультиматумъ генерала Тотлебена. Неуступчивость Англіи. 116—Б.

Уводъ Турками болгарскихъ дѣвушекъ и мальчиковъ. 124—Б.

Краткій обзоръ дѣйствій нашей арміи за Дунаемъ. 303.

Конгрессъ въ Берлинѣ.

Англійскіе интересы и мысль о конференціи. 11.

Требованіе газеты *Times* подвести подъ конференцію устройство христіанскихъ провинцій Турціи. 16—А, стр. 33.

Нѣмецкая печать о европейской конференціи. 16—Б, стр. 35.

Условія которыя могутъ дать смыслъ существованію Турціи. Настроеніе русскаго народа по вопросу о конференціи. 50.

Неужность конгресса въ Берлинѣ. 55. 57. 58. 59. 76. 90.

Увѣщанія съ которыми обращаются къ Австріи изъ Берлина и Петербурга. 56.

Старанія князя Бисмарка склонить Россію къ уступкамъ. 61—А.

Графъ Андраши заботится о сохраненіи дружбы съ Россіей. 61—Б.

Слухъ объ уступкахъ Россіи. Слухъ о предварительномъ конгрессѣ. 61—В.

Лондонская конвенція 1871 года. Надежда на избавленіе Россіи отъ конгресса. 62.

Графъ Андраши и его противники. Вопросъ о турецкомъ рынкѣ. 65.

Наша политика уступчивости. 66—А.

Отвѣтъ на нашу уступчивость. 66—Б.

Притязанія предъявленныя намъ Англіей. Наглость совершившихся дѣйствій. Каждый протекающій день ослабляетъ насъ, а противниковъ усиливаетъ. 68.

Господство на Востоку. 69.

Нѣмецкая брошюра: „Тройственный союзъ, рѣшеніе Восточнаго вопроса“. 70—А.

Запросы въ верхней и нижней палатѣ. 70—Б.

Газета *Times* о С.-Стефанскомъ мирѣ. 71—А.

Journal de St.-Petersbourg о выводѣ англійскаго флота изъ Дардаделлъ. 71—Б.

Наши отношенія къ Турціи и англійское вліяніе въ Константинополѣ. 73. 75—А.

Корреспонденція изъ Берлина въ вѣнскую газету *Montags-Review*. 75—Б.

Требованія Англіи и выжидательное положеніе. 77.

Лордъ Солсбери затруднилъ осуществленіе конгресса. Миссія графа Игнатьева въ Вѣну. 78.

Рѣчь г. Гладстона. 79.

Циркулярная нота лорда Солсбери. 80.

Рѣчь лорда Беконсфильда. 81—А.

Рѣчь лорда Гранвиля и лорда Гартингтона. 81—Б.

Требованія Австро-Венгрии. Недовольство Италіи. 82.

Лондонскій протоколъ 1871 года. Промеморія князя Горчакова. 83.

Парижскій трактатъ. 84—А.

Наши отношенія къ Турціи. 85, стр. 153.

Рѣчь лорда Дарби. 87.

Восторгъ Турціи отъ англійскаго циркуляра.

Расположеніе русскихъ войскъ. 88—Б.

Выговоръ лорду Дарби. 88—В.

Разграниченіе сферъ власти на Балканскомъ полуостровѣ. 89—А.

Министерскій кризисъ въ Турціи. Наши войска подъ Константинополемъ. Митингъ союза для охраненія трактатовъ. Конгрессъ съ предварительною къ нему конференціей. 91.

Предварительныя условія для предварительныхъ переговоровъ о предварительной конференціи. 92.

Предварительная конференція. Нашъ лагерь подъ Константинополемъ. Газета *Times* о настоящихъ затрудненіяхъ Россіи. 94.

Положеніе Англіи въ Тихомъ Океанѣ. 101—Б.

Переговоры о принципахъ переговоровъ. 103.

Предстоящее занятіе Австріей Босніи и Герцеговины. Предполагаемая посылка англійскаго флота въ Балтійское море. 104.

Наша дипломатическая слабость. Рѣчь г. Брайта. 105.

Поездка графа Шувалова въ Петербургъ. Стараніе запугать Россію. 107.

По поводу поездки графа Шувалова въ Петербургъ. 108. 111. 113—А. 115—А. 117—А. 119, стр. 211.

Планъ рѣшенія восточныхъ затрудненій появившійся въ *Сѣверо-Германской Всесоюзной Газетѣ*. 112.

Конгрессъ въ Немировѣ въ 1737 году. 113—Б.

Экономическій кризисъ въ Англіи. Статья въ газетѣ *Northern Echo* о вредѣ для англійской торговли русскихъ *Алабамъ*. 114.

Игра въ запугиванье. 119, стр. 212.

Заботливость о нашемъ благополучіи англійской печати. 120.

Псевдо-вѣнская корреспонденція газеты *Times* о миссіи графа Шувалова. 121—А.

Мирныя знаменія газеты *Standard*. Загадочныя требованія Австріи. 121—Б.

Наши миролюбцы. 123—А.

Взгляды императрицы Екатерины II на Англичанъ и войну Россіи съ Англіей. 123—Б.

Политическій *Humbig*. 124—А.

Сообщенія газеты *Daily Telegraph* о соглашеніи съ графомъ Шуваловымъ. Обманчивыя надежды возлагаемыя на конгрессъ. 125.

Пренія въ палатѣ общинъ по поводу призыва индійскихъ войскъ въ Европу. 126.

Газета *Times* о программѣ соглашенія между Россіей и Англіей. 127.

Требованіе Англіи подвергнуть весь Санъ-Стефанскій трактатъ разсмотрѣнію конгресса. Обратная сторона вызова семи тысячъ войскъ изъ Индіи. 128.

Письмо г. Метланда въ *Daily Telegraph* объ опасности англійской торговлѣ отъ русскихъ крейсеровъ. 130—Б.

Значеніе королевскаго вліянія въ Англіи. Смотръ англійскихъ войскъ. 131.

Объясненія графа Андраши въ делегаціяхъ. 132—Б.

Презрительный тонъ лондонской министерской печати. Газета *Daily News* о томъ какъ начались переговоры о соглашеніи между Россіей и Англіей. 133.

Программа конгресса. Желательно чтобы на конгрессѣ занялись вопросомъ о социализмѣ. 134.

Формула приглашенія на конгрессъ. Рѣшеніе англійскаго премьера отправиться на конгрессъ. 136.

Англійская печать о задачахъ конгресса. 137.

Рѣчь во французской палатѣ депутатовъ министра г. Вадингтона. Графъ Андраши о союзѣ трехъ Императоровъ. Рѣшимость Австріи взять въ свои руки переустройство Балканскаго полуострова. 138.

Agence Générale Russe о берлинскомъ конгрессѣ. Англо-русское соглашеніе. 139.

Извѣстія о совѣщаніяхъ. Претензіи Австріи. Попытка Порты арестовать англійскаго подданнаго. Выраженіе конгрессомъ благожеланія императору Германскому. 140.

Мобилизація части австрійскихъ войскъ. 144.

Англо-русское соглашеніе. 145. 149. 151.

Предложеніе г. Райлензда о трактатахъ. 146.

Слухи о занятіяхъ конгресса по вопросу объ организаціи Болгаріи. 150. 153.

Газета *Times* о задачѣ Берлинскаго конгресса и устройствѣ Болгаріи. 152.

Успѣхъ одержанный англійскою политикою на конгрессѣ по вопросу о Болгаріи. 154—А.

Конгрессъ о западной половинѣ Балканскаго полуострова. 154—Б.

Политика Турціи относительно рѣшенія конгресса. 156.

Выясненіе газетою *Times* руководящихъ принциповъ англійской политики на конгрессѣ. Профессоръ Блюнчли о положеніи Востока созданномъ Русско-Турецкой войной. 157—А.

По поводу статьи вѣнской *Политической Корреспонденции* озаглавленной „Изъ русскихъ сферъ Берлинскаго конгресса“. 157—Б.

Подробности объ англійской мобилизаціи. Лордъ Дарби объ австрійской арміи. 158.

Румынскій меморандумъ представленный конгрессу. 159—А.

Права Австріи на Боснію и Герцеговину. 159—Б.

Результаты конгресса. 160. 164—Б. 167—А.

Притязанія Англіи на конгрессѣ относительно павшихъ приобрѣтеній въ Азіи. 161.

Сепаратное соглашеніе Англіи съ Турціей. 163—А. 164—Б. 165. 166. 169. 170. 171.

Ликование англійскихъ министровъ. 173—А.

Сужденія англійской печати о берлинскомъ трактатѣ. 174—А.

Промедленіе въ австрійскомъ занятіи Босніи и Герцеговины. 174—Б.

Радость Англичанъ. Критика Берлинскаго трактата лордомъ Солсбери. 176.

Апология Берлинскаго трактата въ *Agence Générale Russe*. Переговоры Австріи съ Турціей о занятіи Босніи и Герцеговины. 177.

Рѣчь лорда Беконсфильда о Берлинскомъ трактатѣ. 178.

Новыя затрудненія возникшія благодаря Берлинскому трактату. 179.

Результаты для Россіи Берлинскаго конгресса и англо-турецкой конвенціи. 180.

Пренія въ палатѣ лордовъ по поводу Берлинскаго трактата. 181. 187—А.

Занятіе Австріей Босніи и Герцеговины. 184. 187—Б. 191. 192—Б. 195. 198. 199—А. 201—Б. 206, стр. 355. 209. 216. 219—А. 230. 233.

Корреспондентъ газеты *Times* объ австрійской политикѣ на Берлинскомъ конгрессѣ. 186—А.

Пренія въ палатѣ общинъ о результатахъ Берлинскаго конгресса. 188.

Отношенія Турціи, Германіи и Венгріи къ занятію Австріей Босніи и Герцеговины. 192—А.

Новая фаза англо-турецкой политики. 194.

Исполненіе нѣкоторыхъ постановленій Берлинскаго конгресса. 196.

Занятіе Кипра Англичанами. 201—А.

Англо-турецкая конвенція. Ошибочная аналогія между Малой Азіей и Индіей. 202—А.

Обзоръ въ газетѣ *Times* Восточнаго вопроса. 203.

Вопросъ о передачѣ Россіи Батума. 205. 208—А. 210. 217.

Родопская коммиссія. 211. 214. 221. 222. 225.

Исполненіе Турціей рѣшеній Берлинскаго конгресса. 212.

Рѣчь сэра Стаффорда Норткота. 256.

Турецкая нота Австріи. Куріозъ австро-венгерскихъ газетъ. 252—А.

Сѣтованія англійскихъ газетъ на неисполненіе Россіей Берлинскаго трактата. 257—А.

Волеяніи Болгаръ въ Восточной Румелии. 260—Б.

Исполненіе Берлинскаго трактата. 263, стр. 453.

Окончательный мирный договоръ между Россіей и Турціей. Румелийская коммиссія. 265.

Внутреннее положеніе Австріи противорѣчитъ слуху о союзѣ ея съ Франціей и Англіей противъ Россіи. Страхъ за неприкосновенность Берлинскаго трактата. 267—А.

Европейское замѣшательство по дѣламъ Востока. 271.

Сѣтованія и крики по поводу Берлинскаго трактата. Неисполнимость Берлинскаго трактата въ его отрицательной части. 272.

Англо-австрійскій договоръ. Обезпеченіе исполненія Берлинскаго трактата. 275.

Защита Берлинскаго трактата. 281.

Рѣчь лорда Беконсфильда. 282.

Полное и всестороннее осуществленіе Берлинскаго трактата. 285. 288—А.

Органическій регламентъ для Восточной Румелии. 287—А.

Роль Австріи въ Восточномъ вопросе. 287—Б.

Мотивы той торопливости съ какою вырываютъ Россію изъ занимаемаго ею положенія въ Турціи. 289.

Объясненія графа Андраши въ засѣданіи бюджетной коммиссіи рейхсрата. 297—Б. 304.

Истинный смыслъ австро-венгерской политики на Востока. 298.

Печальныя вѣсти изъ Восточной Румелии. 301, стр. 529.

Миссія германскаго посла въ Лондонѣ графа Мюнстера. 306.

Русская администрація въ Болгаріи. 307.

Рѣчь лорда Беконсфильда. Осуществленіе Берлинскаго трактата. Возрастаніе могущества Англіи. 308.

Дѣйствія Англіи въ Турціи. Слухъ объ австро-англійскомъ занятіи Восточной Румелии. 310—А.

По поводу письма г. Леруа-Болье. 311—Б.

Предложенія сдѣланныя Германіей Англіи. 313.

Корреспонденція въ газету *Times* о томъ что дѣлается въ Восточной Румелии. 314—А.

Объясненія г. Ваддингтона. Конвенція 4 іюня. 317.

Странное отношеніе французской печати къ Россіи и восточнымъ христіанамъ и объясненіе этого отношенія англійскою оппозиціонною печатью. 319.

Клсвета на русскія власти въ Болгаріи. Очеркъ русской журналистики въ *Pall Mall Gazette*. 323.

Румелийская коммиссія. 330.

Англо-Афганскій вопросъ.

Тревога Англичанъ по поводу движенія русскихъ войскъ въ Средней Азійи. 204.

Планъ огражденія Индіи. 226.

Миссія въ Кабулъ. Отношеніе англійской печати къ афганскому предпріятію своего правительства. 228.

Отказъ Афганскаго эмира принять англійское посольство. Причины недовѣрія Ширъ-Али. Игра въ престижъ. Урокъ 1842 года. 232.

Впечатленіе произведенное на Европу отказомъ эмира. 237.

Обзоръ сношеній Англіи съ Афганистаномъ.

Лига мусульманскихъ государствъ подъ гегемоніей Англіи. 238.

Затрудненія для немедленнаго дѣйствія противъ Афганистана. Надежда Англіи на Россію. Дѣйствія Англіи въ Афганистанѣ были исполненіемъ давно задуманнаго плана. 240.

Приготовленія Ширъ-Али къ встрѣчѣ англійскаго вторженія. Три различныя мнѣнія англійской печати о дѣйствіяхъ противъ Афганистана. Бездѣйствіе англійскихъ министровъ. 243.

Главная причина задержки Афганскаго вопроса есть причина финансовая. Дѣла Англіи съ султаномъ. Англійскія домогательства въ Россіи. 245.

Причины побуждающія Англичанъ стать осторожнѣе въ ихъ афганскихъ затѣяхъ. Англійская печать о наказаніи эмира. Совѣтъ Россіи въ газетѣ *Times*. 251.

Желаніе Англіи сдѣлать афганскаго эмира своимъ вассаломъ. Бартль Фреръ объ опасности со стороны Россіи. 259.

Значеніе англо-афганской распри для Россіи. 261.

Значеніе предпріятія задуманнаго Англіей со стороны Индіи. Исполненіе Берлинскаго трактата. 263.

Затѣя лорда Литтона. Угрозы противъ Россіи въ газетѣ *Times*. 268.

Неготовность Англіи къ войнѣ съ Афганистаномъ. 273.

Рѣчь лорда Портбрука. 286.

Начало англійскихъ военныхъ операцій въ Афганистанѣ. Непопулярность въ Англіи афганской войны. 291—А.

Объяснительная депеша статсъ-секретаря Индіи. Непопулярность въ Англіи афганской войны. 292.

Военныя дѣйствія въ Афганистанѣ. Какъ Россія можетъ угодить Англіи. 299.

Оппозиція въ англійскомъ парламентѣ по афганскому вопросу. 301, стр. 529.

Какъ Англія разчитываетъ покончить съ афганскимъ вопросомъ и связь этого вопроса съ восточною политикою Англіи. 316. 318.

Удаленіе эмира Ширъ-Али изъ Кабула и военные успѣхи Англичанъ. 332—Б.

Австро-Венгрія.

Анти-германская воинственная партія въ Пештѣ. 97.

Мечта Австріи о заключеніи таможеннаго и военнаго союзовъ съ Сербіей и Черногоріей. 206, стр. 355.

Министерскій кризисъ въ Венгріи. 239.

Вступленіе чешскихъ депутатовъ въ пражскій лацдагъ. Событія внутренней австрійской политики за послѣднія десять лѣтъ. 241.

Вызовъ Австріи Портой. Внутренняя политика Австро-Венгріи. 246.

Открытіе венгерскаго сейма. Отставка министерства князя Ауэрсперга. Намеки на объясненіе графомъ Андраши своей политики. 258.

Проектъ адреса императору въ австрійскомъ рейхсратѣ. Бюджетная коммиссія рейхсрата. Правительство г. Тисы. Адресъ Боснійскихъ магометанъ къ русскому канцлеру. 270.

Полемика о дружбѣ между австрійскою и германскою печатью. Планъ совокупнаго дѣйствія. 274.

Отвѣтъ императора Франца-Іосифа на привѣтствіе президента австрійской делегаціи. 281, стр. 483.

Тяготѣніе австрійскихъ Нѣмцевъ къ Германіи и отношеніе къ этому Берлинской печати. 320.

Англія.

Застой въ промышленности и торговлѣ Англіи. 99. 324. 326.

Борьба между рабочими и капиталистами въ Англіи. 143.

Отношеніе Англіи къ милитаризму. 197, стр. 338.

Отношеніе англійскаго правительства къ турецкимъ порядкамъ. 217.

Угроза Россіи отъ Англіи войной. Контрастъ естественныхъ экономическихъ условій между Англіей и Россіей. 278.

Германія.

Страничка изъ исторіи войны 1870 года. 100—А.

Покушеніе на жизнь императора Вильгельма I. 110—А.

Законопроектъ о социалистахъ въ Германіи. 121—Б. 224. 236. 249—А. 253.

Новое покушеніе на жизнь императора Вильгельма I. 130—А.

Мѣры противъ социалистическихъ агитацій. 142.

Распусценіе рейхстага. Сходки. Г. Лотаръ-Бухеръ. Борьба партій. 147.

Состояніе здоровья императора Вильгельма I. Процессъ Гёделя. Война органовъ правительства противъ національ-либеральной партіи. 173—Б.

Перемена внутренней политики князя Бисмарка. 185.

Выборы въ имперскій парламентъ. 189.

Англійская печать объ избирательной кампаніи князя Бисмарка и о положеніи Германіи. 197.

Сношеніе князя Бисмарка съ социаль-демократами. 227. 234.

Разговоръ г. Бловица съ княземъ Бисмаркомъ о 1875 годѣ. 231.

Примѣненіе закона о социалистахъ. Рѣчь Ласкера и соглашеніе національ-либераловъ съ консервативами. Неопредѣленная тревога Германіи. 260—А.

Дѣйствія противъ социалистической пропаганды. 264. 300.

Книга г. Буша о князѣ Бисмаркѣ во время войны съ Франціей. 294.

Германская „культурная борьба“. 311 — А. 332—А.

Князь Бисмаркъ объ экономической и финансовой реформѣ. 325. 327.

Италія.

Italia irredenta. 183. 186.—В.

Мѣры италіанскаго правительства противъ анархистовъ. 300, стр. 528.

Франція.

Слухи о союзѣ Франціи съ Англіей. Сходство республиканской Франціи руководимой Гамбеттой со Второю Имперіей. 266.

Документы обнародованные во французской „Желтой Книгѣ“. 279. 280.

Леонъ Гамбетта. „Умѣренные“ и „истинные республиканцы“. Отношеніе Гамбетты къ Германіи. 328.

Французскій севать и результатъ выборовъ въ него. Гамбетта и министерство Дюфора. Макъ-Магонъ. 331.

Турція.

Хаосъ и разложеніе въ Турціи. Угрозы Англіи. 250.

Министерскій кризисъ. 301, стр. 529.

Дворцовые заговоры въ Константинополѣ. Переговоры съ Англіей о гарантіи займа. 313.

Общее обозрѣніе.

Обзоръ событій внутренней жизни европейскихъ государствъ. 3.

1878 годъ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

Съ тревожнымъ чувствомъ встрѣчала Россія только что окончившійся 1877 годъ. Усилія враждебной намъ дипломатіи грозили неисчислимыми усложненіями и безъ того трудному вопросу. Константинопольская конференція, собравшаяся для примиренія разнообразныхъ интересовъ, не имѣла успѣха, и только подняла духъ у Турокъ. Всѣ миролюбивыя попытки нашего правительства уладить дѣло сообща, соединенными усиліями Европы, разбились объ упорное сопротивленіе англійской политики, усматривавшей въ вопросѣ христіанскаго человѣколюбія средство подорвать значеніе Россіи, и безъ особенныхъ усилій и затратъ достигнуть цѣли своихъ давнихъ домогательствъ. Измученные христіане Востока вновь узнали что облегченіе ихъ участи задерживается и препятствуется какими-то англійскими интересами.

Поѣздка генерала Игнатьева къ наиболѣе вліятельнымъ Европейскимъ дворамъ, въ надеждѣ избѣжать кровопролитія, кончилась пучкомъ Лондонскаго протокола, гдѣ лѣвая рука лорда Дарби подписывала обратное тому что писала его же правая, Мѣра долготерпѣнія истощилась, и Россія вынуждена была сказать рѣшительное слово, безповоротно опредѣлившее дальнѣйшій ходъ событій.

12-го апрѣля Высочайшимъ манифестомъ объявлена была война, и въ тотъ же день наши войска перешли Закавказскую и Румынскую границы.

Рѣдко война была встрѣчаема такимъ всеобщимъ и восторженнымъ сочувствіемъ

народа какъ объявленная Царемъ-Освободителемъ за человѣческія права единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ народностей Востока. Возвращеніе Государя изъ арміи, только-что двинутой имъ на борьбу, уподоблялось торжественному шествію побѣдителя. Десятки, сотни тысячъ народа покрывали путь Монарха изъявляя Ему свою преданность и готовность приносить всѣ необходимыя жертвы на великое дѣло. Приснопамятная, великая историческая минута, это торжественное въ стѣнахъ Кремля появленіе Государя возвѣстившаго народу свое рѣшеніе!

Россія, до конца миролюбивая и сильная прежде всего правотой своего дѣла, собрала на своихъ границахъ войска въ количествѣ достаточномъ для поддержанія своихъ предложеній, но не для сокрушительнаго удара. Не дремала и дипломатія старавшаяся поставить всякія преграды нашимъ движеніямъ и затруднить наши дѣйствія.

Весеннее время года и небывалый разливъ Дуная надолго задержали наше наступленіе. Цѣлые два мѣсяца прошли въ передвиженіи и сосредоточеніи войскъ и въ занятіи различныхъ позицій на Румынскомъ берегу какъ для обороны территоріи союзника, такъ и для введенія въ заблужденіе противника касательно мѣста предполагаемой переправы; но пока на Европейскомъ театрѣ войны наши удачи ограничивались занятіемъ второстепенныхъ пунктовъ и борьбой съ непріятельскою флотиліей, — борьбой, прославившею имена многихъ героевъ-моряковъ — на Малоазійскомъ театрѣ войны уже произошли важныя событія.

Не взирая на свою очевидную малочисленность, войска Кавказскаго корпуса подѣ

начальствомъ сподвижника П. П. Муравьева, генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова, быстрымъ наступленіемъ предупредили сосредоточеніе противника. Еще Мухтаръ-паша не успѣлъ двинуться отъ Эрзерума, какъ уже палъ Ардаганъ и былъ обложенъ Карсъ, а Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова двигался внутрь непріятельскихъ владѣній угрожая самому Эрзеруму. Къ Батуму, борясь съ величайшими трудностями и преодолевая ихъ, подвигался Ріонскій отрядъ подъ командой ген. Оклобжію. Это быстрое наступленіе кавказскихъ войскъ должно было однако остановиться. Вскорѣ должна была оказаться крайняя малочисленность выдвинутыхъ отрядовъ. До главныхъ силъ расположившихся подъ Карсомъ почти одновременно дошли извѣстія о затруднительномъ положеніи генерала Тергукасова въ виду превосходныхъ силъ противника и о бѣдственномъ положеніи геройской горсти русскихъ солдатъ подъ начальствомъ капитана Штоквича, окруженныхъ въ Баязидѣ въдесятеро сильнѣйшимъ непріателемъ. Генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ немедленно сдѣлалъ диверсію въ пользу Тергукасова чтобъ отвлечь на себя часть непріятельской силы. Результатомъ былъ Зивинскій бой, хотя и окончившійся неудачей, но достигшій цѣли. Отрядъ генерала Тергукасова получилъ возможность отступить къ границѣ и освободить баязидскій гарнизонъ послѣ 23-дневнаго знаменитаго сидѣнья. Оборона Баязидскаго гарнизона составитъ одну изъ достопамятнѣйшихъ страницъ исторіи настоящей войны. Цевольно напрашивается сравненіе между чествованіемъ опозореннаго избіеніемъ раненыхъ Османа и забвеніемъ покрывшимъ нашего капитана Штоквича не сдавагоса непріятелю несмотря на самое жестокое изъ всѣхъ страданій, — жажду.

День боя, 13-го іюня, у Зивина былъ поворотнымъ въ Малоазіатской кампаніи. Часть войскъ Кавказскаго корпуса, штурмовавшего Зивинскія позиціи, вынуждена была отступить предъ превосходными силами противника, и такъ какъ ей не удалось разбить армію шедшую на выручку осажденной крѣпости, то главныя силы Кавказскаго корпуса вынуждены были снять осаду Карса, отправить осадную артиллерию въ Александрополь и занять фланговую позицію съ центромъ въ Кюрюкь-Даръ и съ авангардомъ въ Башъ-Кадыкларъ.

Вслѣдъ затѣмъ и турецкая армія подъ начальствомъ Мухтара заняла свои позиціи на Аладжадагъ, а Изманлъ, двигаясь за отступавшимъ Тергукасовымъ, проникъ въ Эриванскую губернію, гдѣ и укрѣпился на Чингильскихъ высотахъ.

Еще не успѣли отступить наши кавказскія войска отъ Зивина, какъ на Европѣскомъ театрѣ Дѣйствующая Армія начала свои дѣйствія.

Трудный вопросъ переправы черезъ Дунай былъ блистательно разрѣшенъ лично самимъ Главнокомандующимъ. 10-го іюня войска отдѣльнаго корпуса генерала Циммермана, имѣя 18-ю пѣхотную дивизию генерала Жукова во главѣ, благополучно перешли Дунай у Галаца, а на разсвѣтъ 15-го іюня, 8-й корпусъ генерала Радецкого, имѣя во главѣ 14-ю дивизию Драгомирова, началъ переправу на лодкѣ между Зимницею на лѣвомъ и Систовомъ (Свищовомъ) на правомъ берегу Дуная. Выборъ послѣдняго пункта не былъ предусмотрѣнъ Турками, а потому и оборонялся всего одною бригадою пѣхоты, которая послѣ упорнаго боя вынуждена была отступить.

Переправа черезъ Дунай доставшаяся намъ цѣною ничтожныхъ потерь была первымъ успѣхомъ Дѣйствующей Арміи.

Укрѣпившись на правомъ берегу рѣки и наведя понтонный мостъ, войска наши продолжали переправу и сосредоточившись въ количествѣ трехъ корпусовъ начали дальнѣйшее наступленіе.

17-го іюня Государь Императоръ лично переѣхалъ на лодкѣ черезъ Дунай и посѣтилъ Свищово. Сбылись пророческія слова Тютчева.

„Онъ живъ Верховный Промыслитель
И судъ Его не оскудѣлъ,
И слово Царь-Освободитель
За Русскій выступить предѣлъ.“

Планъ кампаніи выяснился въ слѣдующихъ чертахъ: два корпуса, подъ начальствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича, и подъ именемъ Руцукскаго отряда были, двинуты къ востоку чтобы запереть выходъ изъ четырехъ-угольника крѣпостей; 8-й корпусъ генерала Радецкого, съ кавалеріей подъ начальствомъ генерала Гурко, направленъ былъ къ Балканамъ; 9-й корпусъ генерала Криденера былъ двинутъ для овладѣнія Никополемъ и для охраны праваго фланга.

Поразительный успѣхъ сопутствовалъ нашимъ первымъ движеніямъ. 25-го іюня занято было Тырново, въ тотъ же день Руцукскій отрядъ занялъ безъ боя линію Янтры, 1-го іюля совершенно генераломъ Гурко первый переходъ черезъ Балканы, черезъ Ханкіойскій переваль, а вслѣдъ затѣмъ занять и Шипкинскій проходъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ; наконецъ, 3-го іюля, войсками 9-го корпуса были взяты штурмомъ Никополь. Вдругъ неожиданное появленіе Виддинскаго корпуса Османъ-пашы у Плевны положило временный предѣлъ нашему наступленію. Сила Виддинскаго корпуса не была повидимому въ точности извѣстна, а потому и произошли подъ Плевной два неудачныя для насъ дѣла 8-го и 18-го іюля.

При этомъ обнаружился принятый Турками способъ веденія войны. Способъ этотъ заключался въ оборонѣ укрѣпленныхъ позицій, и рекомендованъ Туркамъ величайшимъ полководцемъ нашего вѣка, Наполеономъ I, чрезъ посредство его посланника въ Константинополь генерала Себастьяни еще въ 1807 году. Наполеонъ указывалъ своимъ союзникамъ на невыгоды встрѣчи съ русскими войсками въ открытомъ полѣ, критиковалъ ихъ образъ дѣйствій въ прежнее время, когда участь кампаній рѣшалась генеральнымъ сраженіемъ, въ какомъ Турками обыкновенно командовалъ верховный визирь, и совѣтовалъ наоборотъ развлекать вниманіе русскихъ многими пунктами и утомлять ихъ осадой укрѣпленныхъ позицій.

Совѣтомъ этимъ Турки хорошо воспользовались въ настоящую кампанію, причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду громадное усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія.

Съ 18 іюля наступилъ тяжелый для насъ періодъ. Война сосредоточилась почти исключительно вокругъ Османовой арміи. Тутъ наконецъ обнаружилась недостаточность мобилизованной нами арміи. Были вытребованы подкрѣпленія состоявшія изъ гвардейскаго корпуса, гренадерскихъ и нѣкоторыхъ армейскихъ дивизій. Войска Руцукскаго отряда и 8-го корпуса, занимавшаго какъ Тырново, такъ и входы Еленинскаго, Ханкіойскаго и Шипкинскаго переваловъ, были заняты исключительно обороною своихъ позицій отъ напора сильнѣйшаго противника, который старался воспользоваться нашею временною сла-

бостью. Отрядъ генерала Гурко, дѣйствовавшій за Балканами, вынужденъ былъ отступить, а подъ самою Плевной соединенныя войска 4-го и 9-го армейскаго корпусовъ съ двумя дивизіями Румынъ подъ начальствомъ князя Карла и подъ ближайшимъ наблюденіемъ нашей Главной Квартіры, перебравшейся въ Горній Студень, выжидали прибытія вызванныхъ подкрѣпленій.

Время было тягостное, но за то въ этотъ долгій и томительный періодъ Русская армія показала себя во всей своей доблести. Не будь этихъ трехъ мѣсяцевъ тяжелыхъ испытаній, многія свойства русскаго офицера и солдата не успѣли бы явить себя предъ изумленнымъ міромъ... Это было истиннымъ торжествомъ нашего народнаго духа.

Оборона Шипки и дѣйствія арміи Государя Наслѣдника Цесаревича, увѣнчавшіяся дѣломъ 9 сентября при Церковнѣ (Чаркіюфъ), вотъ подвиги которыхъ не забудетъ исторія. Героизмъ, самоотверженіе, дисциплина русскаго воина засвидѣтельствовали блистательно о самомъ народѣ, и свидѣтельство это было тѣмъ сильнѣе что массы воиновъ пополнявшихъ убыли поступали почти прямо изъ народа...

Продолжительность выжиданія подкрѣпленій и усилія превосходныхъ числомъ турецкихъ армій прорвать наши позиціи со стороны Руцукскаго отряда вынудили нашу команду прибѣгнуть еще разъ къ рѣшительному штурму Плевны.

День 30 августа останется надолго памятнымъ. Все усилія штурмовавшихъ колоннъ разбились о неприступныя верки возведенныя Турками и защищаемыя наилучшимъ современнымъ оружіемъ, при обилии снарядовъ и патроновъ превосходящемъ всякое вѣроятіе. Но день 30 августа былъ вмѣстѣ и послѣднимъ нашимъ испытаніемъ. Подкрѣпленія начинали прибывать, Руцукскій отрядъ справился молодецки со своимъ противникомъ, а на Шипкѣ, наученные опытомъ августовской недѣли, Турки не предпринимали ничего рѣшительнаго. Весь сентябрь мѣсяць прошелъ въ усиленіи нашей арміи и въ относительномъ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ, но съ начала октября, едва силы были нѣсколько уравновѣшены, Турки почувствовали всю тщету своихъ надеждъ.

Въ то время какъ за Дунаемъ происходили вышеписанныя событія, на Мало-

зіятскомъ театрѣ войны долгое затишье, начавшееся нѣсколько прежде чѣмъ въ Болгаріи, приходило къ окончанію. И здѣсь дѣло остановилось за малочисленностью войска; и здѣсь какъ и тамъ быстрый порывъ нашихъ армій долженъ былъ временно пріостановиться по одной и той же причинѣ, чтобы выждавъ подхода подкрѣплений вновь перейти къ исполненію первоначальнаго плана. Старыя Кавказскія войска, собственно не потерпѣвшія ни одного пораженія и только вынужденныя къ пассивной роли своею малочисленностью, горѣли нетерпѣніемъ доказать врагу свое безспорное превосходство.

21 сентября, начался двѣнадцатидневный бой кончившійся 3 октября совершеннымъ разгромомъ турецкой арміи, плѣненіемъ трехъ дивизій, семи пашей, 40 орудій и бѣгствомъ остатковъ непріятельскихъ полчищъ, подъ личнымъ начальствомъ Мухтара, въ направленіи къ Эрзеруму.

Ближайшимъ послѣдствіемъ Аладжинскаго или Авліарскаго боя было бѣгство Измаиль-паши съ Чингильскихъ высотъ. Бросивъ свой обозъ, Измаиль соединился съ Мухтаромъ и занялъ вмѣстѣ съ нимъ позицію на грозныхъ высотахъ Деве-Бойну, послѣднемъ горномъ кряжѣ до Эрзерума. Но и Тергукасовъ соединился съ отрядомъ Геймана; преслѣдовавшимъ остатки Мухтаровой арміи; и оба генерала заняли угрожающее положеніе противъ позицій противника. Генераль Гейманъ, какъ старшій въ чинѣ, принялъ начальство и рѣшился на немедленную атаку могучей позиціи.

Бой 23 октября у Деве-Бойну показалъ въ полномъ блескѣ какъ искусство генераловъ, такъ и достоинство войскъ сохраняющихъ боевыя преданія своихъ прославленныхъ предковъ. Друзья и враги отдали одинаково справедливость тактическимъ приѣмамъ боя и удали солдатъ сломившихъ противника который занималъ необыкновенно выгодное положеніе. Результатомъ Деве-Бойнскаго сраженія было бѣгство врага въ укрѣпленія Эрзерума. Такимъ образомъ въ Малой Азіи въ теченіе одной кампаніи мы вторично заняли предназначенное въ планѣ пространство. Но въ тылу нашего движенія еще держался Карсъ, твердыня Малой Азіи, Карсъ укрѣпленный по всѣмъ правиламъ науки, защищаемый 22-хъ-тысячнымъ гарнизономъ, считавшійся неприступнымъ. Обладаніе

этою крѣпостью предоставляло существенныя выгоды противнику и поддерживало его вліяніе на подвластныя ему полудикія орды Курдовъ, Лазовъ и пр.

Взять Карсъ было совершенно необходимо, тѣмъ болѣе что и съ полученнымъ небольшимъ подкрѣпленіемъ войска Кавказскаго корпуса были все-таки еще такъ слабы что не могли одновременно дѣйствовать съ полною надеждой на успѣхъ въ различныхъ пунктахъ. Удержанныя подѣлами Карса они не могли въ свою очередь высылать подкрѣпленія къ Эрзерумскому отряду.

Возобновленная осада Карса, въ связи съ блокадой, грозила затянуться на долгое время, такъ какъ собранные гарнизонамъ запасы на случай зимовки всей Мухтаровой арміи, обиліемъ своимъ давали противнику возможность держаться тутъ многіе мѣсяцы. Наконецъ, близость зимняго времени, сопряженнаго съ неизбѣжными потерями и трудностями, понудили команду Кавказскаго корпуса рѣшиться на предпріятіе имѣющее мало подобныхъ себѣ въ военныхъ лѣтописяхъ; назначенъ былъ штурмъ Карса, причемъ число штурмовавшихъ войскъ не достигало количества оборонявшагося гарнизона. Въ ночь съ 5 на 6 ноября штурмовыя колонны, подъ общимъ начальствомъ одного изъ виновниковъ Аладжинской побѣды, генерала Лазарева, двинулись на штурмъ юго-восточныхъ фортовъ и къ утру овладѣли всѣми позиціями непріятеля на правомъ берегу Карсъ-Чая: Сувари, Канлы, Хафисъ-бей, Карадагъ и Арабъ-Табіэ находились въ нашихъ рукахъ, и выбитый гарнизонъ бѣжалъ въ направленіи къ Саганлугу; но встрѣченный отрядомъ генерала Роопа положилъ оружіе. Трофеями славнаго дня были: 17.000 солдатъ, 12 пашей, 303 орудія и множество ружей. Этою побѣдой завершился длинный перечень нашихъ успѣховъ подъ Карсомъ, этой „неприступной“ крѣпости. Тотчасъ вслѣдъ за его паденіемъ двинуты были подкрѣпленія къ Эрзеруму, который теперь уже совсѣмъ обложенъ; кромѣ того, направленъ отдѣльный отрядъ къ Батуму; уже успѣвшій захватить городъ Арданучъ.

Такимъ образомъ, къ концу года Кавказская армія достославно исполнила свои главныя задачи, и въ настоящую минуту сторожить Эрзерумъ.

Ходъ Малоазіатской кампаніи дѣлится

на три резко очерченные периода: первоначальный период быстрого движения наших войск сильных не количеством и оружием, но доблестью, окончившийся боем 13 июня у Зивина; второй период, обороны занятых позиций при слабости сравнительно съ силами неприятеля, — период, окончившийся съ подходом гренадерской дивизии; наконец, третий период, период уравнившихся сил, начавшийся славным боем на Аладжадагъ и представляющий рядъ изумительныхъ успехов.

Какъ въ началѣ кампаніи, Кавказская армія перешедшая непосредственно неприятельскую границу предупредила насъ несколько недѣль успѣхи Дѣйствующей Арміи на Дунаѣ, такъ и по окончаніи на обоихъ театрахъ войны вынужденнаго бездѣйствія, она же первая, получивъ необходимыя подкрѣпленія, перешла въ наступленіе; но подобно тому какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ Дунайскія войска послѣдовали славному примѣру своихъ боевыхъ товарищей, такъ и въ концѣ сентября, усилившись подходомъ гвардіи и гренадеръ, вооруженныхъ бердановскими ружьями, войска Дунайской арміи перешли въ наступленіе, окончившееся рядомъ необыкновенныхъ успѣховъ.

Первымъ и ближайшимъ объектомъ дѣйствій къ концу сентября была все та же Плевна, не только приковывавшая къ себѣ войска осаднаго отряда, но и вынуждавшая всѣ прочіе отряды нашей арміи къ бездѣйствію и неравномѣрной оборонѣ. Чтобы покончить съ Плевной, необходимо было прибѣгнуть къ блокадѣ, такъ какъ свободный тылъ давалъ Осману возможность получать не только подкрѣпленія людьми, но и всѣ необходимыя военныя запасы, а также продовольствіе изъ отдѣльнаго корпуса Шефкетъ-паши расположеннаго у Орханіе. Сознавая всю важность Софіе-Плевнинскаго шоссе пересѣкающаго Балканы у того же Орханіе, Османъ устроилъ рядъ сильно укрѣпленныхъ этаповъ, по протяженію названнаго пути вплоть до мѣста расположенія Шефкетова корпуса, въ свою очередь находившагося въ непосредственной связи со вновь сформировавшеюся арміей Мегемеда-Али за Балканами.

Дабы порвать связь Османской арміи со вспомогательными отрядами и такимъ образомъ пресѣчь ему возможность дальнѣйшаго усиленія, избранъ былъ съ нашей

стороны гвардейскій корпусъ, поступившій подъ начальство генерала Гурко и двинутый за Видъ въ юго-западномъ направленіи. 12 октября войска гвардейскаго корпуса взяли штурмомъ сильнѣйшій изъ этаповъ Горный Дубнякъ, а черезъ три дня усиленною бомбардировкой вынудили къ сдачѣ со всѣмъ гарнизономъ и Телишъ, чѣмъ и исполнили свою задачу заключавшуюся въ обложеніи Османовой арміи, которая очутилась въ безвыходномъ положеніи послѣ взятія города Врацы гвардейскимъ кавалерійскимъ отрядомъ генерала Леонова и занятіемъ сѣверо-западныхъ высотъ у Плевны войсками гренадерскихъ дивизій и Румынъ.

Послѣдовавшій одновременно съ прибытіемъ подкрѣпленій пріѣздъ знаменитаго инженера генерала Тотлебена оживилъ осадныя работы, и соединивъ въ одно кольцо блокаду постепенно суживалъ ее надвигавшимися укрѣпленіями.

Съ момента утвержденія нашихъ отрядовъ на Софіе-Плевнинскомъ шоссе и съ окончательнымъ обложеніемъ Плевны, паденіе Османовой арміи стало вопросомъ времени. Но прибывшія силы нашихъ дѣйствующихъ войскъ уже давали намъ возможность, не ограничиваясь блокадой, перейти въ наступленіе, для чего вторично былъ избранъ гвардейскій корпусъ двинутый къ Этропольскимъ Балканамъ.

Къ началу ноября взаимное положеніе воюющихъ сторонъ можно представить слѣдующимъ образомъ: въ центрѣ Плевна, окруженная тѣснымъ кольцомъ блокады, вокругъ которой въ свою очередь расположилась длинная дуга нашихъ отрядовъ начинающаяся у Мечки на Дунаѣ, проходящая линію Кара-Лома, упирающаяся въ Балканы близъ Еленинскаго перевала и далѣе захватывающая Тырново, Шипку, Ловчу съ перевалами Розалитскимъ, Траянскимъ и Тетевенскимъ, а на сѣверо-западъ до движенія нашего гвардейскаго корпуса. Назначеніе этой дуги состояло съ востока и юга въ пассивной оборонѣ своихъ позицій съ цѣлью препятствовать прорыву неприятельскихъ армій для выручки запертаго въ Плевнѣ Османа, а съ юго-запада въ активныхъ дѣйствіяхъ, чтобы по возможности отбросить турецкія войска Шефкета находившіяся по сую сторону Балканъ и воспрепятствовать дальнѣйшему формированію Забалканской арміи. Всѣ вспомогательные отряды безукоризненно испол-

нили свое назначеніе. Отрядъ Государя Наслѣдника Цесаревича, и именно 12-й корпусъ, командуемый Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, покрылъ себя славою двухъ блистательныхъ побѣдъ подъ Мечкою и Тростеникомъ, 14 и 30 ноября, и до конца исполнилъ свое назначеніе не пропустивъ ни одного турецкаго солдата за линію Янтры.

Дивизія князя Святополкъ-Мирскаго, въ послѣднія минуты которая доживала Плевна, хотя и понесла относительно громадныя потери и отступила со своихъ выдвинутыхъ позицій, но сдержала напоръ Сулеймановой арміи и выждавъ подкрѣпленій изъ 11-го корпуса опрокинула непріятеля; наконецъ гвардейскій отрядъ послѣдовательнымъ занятіемъ Правецкой позиціи, Этрополя и высотъ Греота у Арабъ-Конакского перевала, вынудилъ Турокъ поспѣшно очистить Орханіе, Врачешъ, и отступить на южный склонъ Балканъ.

Всѣ эти успѣхи и вмѣстѣ съ ними утраченныя надежды побуждали Османъ-пашу принять окончательное рѣшеніе: или сдаться на милость побѣдителя, какъ ему было предложено, или прорываться; онъ выбралъ послѣднее. 28 ноября, на разсвѣтъ, турецкая армія, въ количествѣ 48 тысячъ человѣкъ, со своимъ предводителемъ во главѣ, переправилась за Видъ и ударила на наши позиціи въ сѣверо-западномъ направленіи. Послѣ пятичасоваго боя Турки были отброшены къ Плевнѣ, восточныя укрѣпленія которой уже были заняты нашими войсками. Дальнѣйшее сопротивленіе было немислимо, и Османъ со всею арміею сдался безусловно генералу Ганецкому, командиру гренадерскаго корпуса. Плодомъ почти пятимѣсячныхъ усилій нашихъ войскъ было плѣненіе цѣлой непріятельской арміи въ составѣ 44-хъ тысячъ человѣкъ со всеми командирами, офицерами и 77 орудіями. Но главный результатъ побѣды вознаградившей насъ за долгія усилія было освобожденіе нашей собственной арміи, что и дало возможность перейти къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ. Вся Россія праздновала паденіе Плевны какъ предначатіе такихъ дѣйствій.

Пало главное препятствіе, но вдругъ выросъ новый врагъ грозившій новыми проволочками.

Совершенно неожиданно, гораздо ранѣе обыкновеннаго, наступила суровая, рѣд-

кая въ тѣхъ мѣстахъ зима, въ нѣсколько дней испортившая всѣ дороги.

Снѣжныя балканы и 20-градусная стужа не были однако непобѣдимымъ препятствіемъ для нашихъ войскъ. Прокладывая дорогу среди заносовъ, вырубая лѣстницы во льду, спуская орудія отъ одного дерева до другаго, она побѣдила главнаго врага — суровую природу. Переходъ черезъ Балканы, въ половинѣ декабря, гвардейскаго отряда и 31-й пѣхотной дивизіи, возбуждаетъ изумленіе; Турки видимо не ожидали этого, оборона ихъ еще не успѣла подготовиться, и разбитые при Ташкисенѣ и Софіи войска ихъ бѣжали въ разныя стороны, преслѣдуемые и отрѣзываемыя. Одновременно движеніе Сербовъ примкнувшихъ къ нашей арміи еще съ 1 декабря очищало все западное пространство Болгаріи, а на Сѣверномъ склонѣ центральныхъ Балканъ происходило окончательное сосредоточеніе корпусовъ двинутыхъ изъ Плевны; 25 декабря былъ захваченъ Траянский перевалъ, и 16-го дивизія генерала Скобелева двинулась къ Калоферу; князь Святополкъ-Мирскій переходилъ Балканы отъ Елены, а генералъ Радецкій наступалъ со стороны Шипкинскаго перевала, 28 декабря начался новый упорный бой, кончившійся неожиданнымъ блистательнымъ успѣхомъ плѣненія турецкой арміи подъ Шипкой въ составѣ 41 баталіоновъ, кавалерійскаго полка и 10 батарей. Отряды наши заняли Казанлыкъ, Ени-Загру, Татаръ-Базарджикъ, Сербы взяли приступомъ Нишъ, Черногорцы — Антивари, и вотъ разбитая Турція уже обращается въ нашу Главную Квартиру съ просьбой о мирѣ...

№ 3.

Москва, 2-го января.

Событія внутренней жизни почти всѣхъ европейскихъ государствъ въ минувшемъ году далеко не представляли пестроты и разнообразія годовъ предшедшихъ. Одна изъ главныхъ причинъ тому конечно война державшая въ напряженіи всеобщее вниманіе; но едва ли менѣе виновенъ въ томъ и общій застой въ торговыхъ дѣлахъ, начавшійся гораздо ранѣе восточныхъ замѣшательствъ, еще съ 1875 года, и распространившійся на самыя промышленныя стра-

ны Европы, тяжко отозвавшійся въ богатой Англіи и дающій себя чувствовать даже по ту сторону Океана, въ Соединенныхъ Штатахъ. Этими двумя факторами, войной и торговымъ и промышленнымъ застоємъ, и обуславливались дѣла во всѣхъ странахъ. Все остальное рѣдко гдѣ представляло интересъ.

Начнемъ съ Англіи. Ни одна сессія даже нынѣшняго торійскаго парламента не была такъ бесплодна какъ прошлогодняя, и если это не возбудило большихъ толковъ и неудовольствій, то единственно потому что всѣ умы были гораздо болѣе заинтересованы событіями въ Турціи и отношеніемъ Англіи къ войнѣ. А между тѣмъ, въ Англіи не мало дѣлъ которыя вскорѣ потребуютъ самаго серіознаго вниманія, и прежде всего экономическое положеніе страны. Нѣтъ англійской газеты которая не встрѣтила бы Новаго Года мрачнымъ раздумьемъ по поводу торговаго застоя. И дѣйствительно, доходы, давно переставшіе обнаруживать прежнюю эластичность и въ зашломъ году едва-едва покрывшіе смѣты, въ прошломъ году съ четверти на четверть показывали уменьшеніе, и притомъ въ главныхъ статьяхъ — акцизахъ и пошлинахъ — служащихъ самымъ вѣрнымъ мѣриломъ благосостоянія страны; такъ что опасаются что финансовый годъ завершится дефицитомъ, въ будущемъ же дефицитъ не подлежитъ сомнѣнію если останутся прежнія смѣты. Между тѣмъ, — такъ какъ торійское управленіе всегда отличается небрежностью въ дѣлѣ финансовъ, — въ прошлую сессію на это не было обращено вниманія и не принято никакихъ мѣръ, хотя данныя были у всѣхъ подъ руками. Фабрики давно стали закрываться одна за другою, отчасти вслѣдствіе забастовокъ, отчасти потому что работали въ убытокъ, даже съ пониженіемъ заработной платы; давно стали слышаться и горькія жалобы на упадокъ вывоза сравнительно съ привозомъ. Въ княжествѣ Вельсскомъ, этой желѣзодобывательной и каменноугольной житницѣ, дошло до того что рабочему населенію грозитъ голодъ не хуже индійскаго: желѣзные заводы почти сплошь остановились, а теперь начали пустовать и многія каменноугольныя копи. Газеты переполнены ужасающими описаніями нищеты, такой что благотворители не находили въ домахъ рабочихъ, прежде благоденствовавшихъ, даже обломка посуды куда бы по-

ложить приносимую пищу. Неудивительно что доходы регулярно падаютъ.

Въ Индіи, какъ всѣмъ памятно, страшное бѣдствіе голода постигло двѣ провинціи съ населеніемъ свыше 30 милліоновъ. Частная благотворительность переслала изъ Англіи до полумилліона ф. ст., но она была лишь крайне слабымъ подспорьемъ для тѣхъ усилій которыя потребовались отъ самого Индійскаго правительства. Ему голодъ въ Мадрасѣ и Бомбей обошелся въ восемь милліоновъ ф. ст., и на эту цифру приходится обременить бюджетъ Индіи увеличеніемъ налоговъ. Но никакихъ органическихъ мѣръ противъ этого зла и къ его предотвращенію не принято ни Индійскимъ правительствомъ, ни Англійскимъ парламентомъ. А въ будущемъ году вновь предвидится неурожай и голодъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Индіи и въ Аудѣ. За то Англичане въ Индіи очень заботятся обезопасить себя отъ Россіи, и потому расширили свои владѣнія занявъ Кветту въ Белуджистанѣ, чѣмъ возбудили подозрительность Афганскаго эмира и вовлеклись въ мелкую войну съ горцами Афридіями и Джоваками.

Любопытная судьба постигла „бойкую“ политику Беконсфильдовскаго кабинета и на другомъ пунктѣ, на Мысѣ Доброй Надежды. Безкорыстная Англія конечно не ищетъ завоеваній, и если дѣлаетъ присоединенія, то только *по необходимости*. Она и Трансваальскую республику *вынуждена* была проглотить чтобъ избѣжать Кафрской войны. Но именно тотчасъ затѣмъ и начались столкновенія съ Кафрами, такъ что пришлось спѣшно отправлять изъ Англіи войска на Мысѣ Доброй Надежды.

Что сказать объ отношеніи Англіи къ нашей войнѣ и вообще къ восточнымъ дѣламъ? Мы знаемъ каково было участіе Англіи въ Константинопольской конференціи, въ Лондонскомъ протоколѣ, мы знаемъ общенародными депеши лорда Дарби, мы слышали рѣчи министровъ, но каковы *были* дѣйствительныя отношенія Англіи къ Турціи, и каковы они *теперь*? Что говорилъ и говоритъ г. Лейрдъ Портъ и какія инструкціи получаетъ онъ отъ премьера помимо лорда Дарби, объ этомъ, кромѣ министровъ, едва ли кто хорошо знаетъ, что-нибудь въ самой Англіи. Публикѣ тамъ вообще, также какъ и намъ, извѣстно только что въ кабинетѣ есть два теченія, и къ борьбѣ ихъ мы можемъ относиться

гораздо спокойнѣе чѣмъ сами Англичане коихъ тревожить неизвѣстность. Ожидаемое на дняхъ преждевременное открытіе парламента должно будетъ чѣмъ-нибудь разрѣшить эту неизвѣстность. Сколько можно судить, общественное мнѣніе Англіи до сихъ поръ сильно высказывалось противъ воинственныхъ поползновеній премьера и вѣрной ему части кабинета, отчасти по причинѣ и безъ того плохого состоянія торговыхъ дѣлъ, отчасти отъ сознанія изолированности Англіи; немногіе, стоящіе выше національныхъ предразсудковъ, люди въ Англіи присоединяютъ къ этимъ мотивамъ и сознаніе что заступничество за Турокъ было бы дѣломъ безславнымъ и позорнымъ.

Отношеніе Австрійской монархіи къ Восточному вопросу было лишь до нѣкоторой степени сходно съ отношеніемъ Англіи. Въ Австро-Венгріи также шумная клика Магьяръ, гордыхъ своимъ привилегированнымъ предъ другими народностями положеніемъ въ имперіи, показала себя не разъ самыми неприличными заявленіями сочувствія къ баши-бузукамъ и Черкесамъ. Но отъ роковыхъ увлеченій и ошибокъ въ разчетъ подобныхъ Беконсфильдовскимъ, Австрію оберегаетъ комбинація, выгоды коей она съ каждымъ днемъ должна цѣнить все болѣе. Мы говоримъ о Трехъ-Императорскомъ Союзѣ, выступать изъ коего Австрія, несмотря на всѣ происки Англіи, не обнаружила ни малѣйшей наклонности. Дѣло Австріи совсѣмъ иное чѣмъ Англіи. Для Англіи Востокъ въ Азіи, для Австріи въ Европѣ, и интересы ихъ только случайно могли бы сойтись въ противодѣйствіи Россіи. Но австрійскіе политики кажется окончательно убѣдились что не Англія съ ея сепаратными видами, безсильная поддержать разложившуюся и гниющую Турцію, можетъ оградить чисто-австрійскіе интересы, а только вѣрность Союзу Трехъ Императоровъ, внѣ коего для Австріи со всѣхъ сторонъ открывались бы новыя опасности. Въ Австріи ранѣе поняли невозможность *status quo* на Востокѣ, и не имѣютъ желанія связывать участь имперіи съ трупомъ. Вотъ почему всѣ эти магьярскія демонстраціи и заговоры, всѣ бѣшеные вопли вѣнской туркофильской печати были пустымъ трескомъ не имѣвшимъ вліянія на политику Австро-Венгріи.

Къ тому же и экономическое положеніе этой имперіи менѣе благоприятствуетъ ри-

скованной политикѣ чѣмъ въ Англіи. Со времени пресловутаго краха Австрія до сихъ поръ страдаетъ хроническимъ промышленнымъ и торговымъ кризисомъ. Всѣмъ памятно какъ всполошились въ Вѣнѣ и Пештѣ отъ неудачи переговоровъ съ Германіей о возобновленіи торговаго трактата. Послѣ того прежній трактатъ былъ продолженъ на короткій срокъ, но на уступки съ обѣихъ сторонъ при его возобновленіи мало надежды, ибо тягостная продолжительность экономического кризиса и въ Германіи сильно ощущается. За то Германія гораздо менѣе чувствовала неблагопріятное вліяніе войны. Напротивъ, закрытіе нашихъ южныхъ портовъ и военныя потребности отозвались нѣкоторымъ оживленіемъ торговой и промышленной дѣятельности въ Германіи. Къ этому же всего болѣе вела и ея ясная, твердая, опредѣленная политика, безъ всякихъ сомнѣній и колебаній. Германія заботилась болѣе всего предотвратить общеевропейское столкновеніе, и тѣмъ конечно оказала великую услугу всему міру.

Внутреннія дѣла Германіи идутъ своимъ чередомъ, не безъ затрудненій при той сложной организаціи которая требуетъ еще много усилій для окончательной выработки, но и безъ большихъ столкновеній, безъ рѣзкихъ поворотовъ. Однажды князь Бисмаркъ замышлялъ было вовсе удалиться отъ своихъ разнообразныхъ обязанностей, однако былъ убѣжденъ удовольствоваться продолжительнымъ отпускомъ. Теперь онъ болѣе прежняго сблизился съ національно-либеральною партіей, и его вліяніе вновь утвердилось еще прочнѣе чѣмъ прежде.

Франція была единственною страной гдѣ во внутреннихъ дѣлахъ случилось въ истекшемъ году нѣчто неожиданное, возбудившее общее любопытство несмотря на громъ войны въ Турціи. Нескончаемая борьба партій разыгралась новою вспышкой, которая, казалось, могла привести къ важнымъ замѣшательствамъ не только внутреннимъ, но и международнымъ. Въ маѣ, когда палата уже собралась въ сессію, между маршаломъ-президентомъ и кабинетомъ Жюль-Симона возникла размолвка, вслѣдствіе того что Жюль-Симонъ обнаружилъ крайнюю слабость и отступался въ палатѣ отъ тѣхъ мѣръ которыя самъ въ совѣтѣ министровъ считалъ необходимымъ отстаивать. Размолвка, наконецъ, разрѣшилась тѣмъ что маршалъ Макъ-Ма-

гонъ 16 мая уволилъ кабинетъ лѣвой и призвалъ вновь герцога де-Броля, который и сформировалъ новый кабинетъ исключительно изъ правыхъ группъ. Пошла столь обычная во Франціи перетасовка чуть не всего административнаго персонала, а такъ какъ палата отказалась вотировать бюджетъ, то маршалъ, съ утвержденія сената, распустилъ ее и предписалъ новые общіе выборы. Лѣвыя, съ своей стороны, грозили низложеніемъ маршала Макъ-Магона, разчитывая вновь поставить президентомъ Тьера. Неожиданная смерть этого государственнаго человѣка разстроила комбинацію; тѣмъ не менѣе на выборахъ лѣвыя, можетъ-быть вслѣдствіе слишкомъ уже назойливаго усердія префектовъ назначенныхъ г. Фурту, приобрѣли и въ новой палатѣ большинство, если не такое громадное какимъ располагали въ прежней, однако достаточное чтобы держаться неуступчиво, а для вящаго успѣха и чтобы скрыть разности между множествомъ дробей республиканскаго большинства, составленъ комитетъ Восемнадцати, рѣшеніями коего должна безусловно руководиться вся партія. Маршалъ Макъ-Магонъ долго сопротивлялся, толковали даже о новомъ распусcenіи палаты, но въ послѣднюю минуту, какъ ходятъ слухи, опасенія гораздо болѣе внѣшнихъ чѣмъ внутреннихъ замѣшательствъ одержали верхъ, и маршалъ согласился, наконецъ, вновь призвать Дюфора. Республиканцы торжествовали побѣду, позабывъ что этого самаго Дюфора они же свергли годъ тому назадъ для Жюль-Симона, а этотъ послѣдній, невинная жертва переполоха, въ свою очередь, забытъ всѣми партіями.

Главная черта всей этой исторіи есть та что помимо борьбы партій, интересующей только Французовъ, шестимѣсячное управленіе герцога де-Броля возбуждало недоувѣріе и опасеніе какъ внутри Франціи, такъ и особенно внѣ ея, подозрѣніями связи его съ клерикализмомъ. Пессимисты были даже въ полной увѣренности что, въ случаѣ вторичнаго распусcenія палаты и диктаторскаго управленія Франціей, неизбежно вспыхнетъ новая война между Франціей и Германіей. Гроза эта миновала, но съ утвержденіемъ республиканскаго министерства во Франціи случился новый неожиданный куріозъ въ ея международныхъ отношеніяхъ. Нигдѣ какъ въ Англіи республиканское большинство французской

палаты не встрѣтило такой шумной поддержки: вся англійская печать безъ исключенія, въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ осуждала попытку маршала Макъ-Магона и привѣтствовала рукоплесканіями новый кабинетъ Дюфора. Но едва онъ образовался какъ обнаружилось что новый министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ваддингтонъ, держится весьма рѣшительнаго мнѣнія относительно Египта и весьма озабоченъ чтобъ Англія не присвоила его себѣ.

Газета *Times* уже убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ не увлекаться такими заманчивыми мечтами, ибо иначе... да иначе просто „придется потерять послѣдняго политическаго союзника въ Европѣ;“ да и „Италія не дозволитъ намъ спокойно владѣть Египтомъ.“

Впрочемъ Италія была въ минувшемъ году самымъ спокойнымъ государствомъ, хотя либеральный кабинетъ г. Депретиса въ теченіе года, многими неловкими мѣрами, утратилъ свою прежнюю популярность, и сомнительно сумѣетъ ли онъ возстановить ее обновясь недавно свѣжими силами. Кончина короля Виктора-Эммануила есть уже событіе наступившаго года.

№ 4.

Москва, 3-го января.

Въ настоящую минуту телеграммы и газеты переполнены толками о перемиріи. Объ этомъ разсуждаютъ на всѣ лады и даже подаютъ надежду на успѣхъ предстоящихъ переговоровъ. Первый вопросъ который естественно приходитъ всякому на мысль: зачѣмъ же перемиріе? почему не прямо миръ если Порта признаетъ себя побѣжденною? На это легко отвѣтить что всякому миру, установленіе котораго требуетъ времени, обыкновенно предшествуетъ перемиріе. Но въ данномъ случаѣ этого объясненія недостаточно, ибо такого рода перемиріе *eo ipso* означаетъ окончательное принятіе побѣжденнымъ предиминарій мира во всѣхъ существенныхъ чертахъ, такъ что для дальнѣйшихъ переговоровъ остается только формальная сторона дѣла: уясненіе подробностей, условія *modus operandi* при исполненіи мирнаго договора, и т. п. Всѣ же главные предметы спора между воюющими бываютъ рѣшены ими при самомъ заключеніи перемирія. Такъ всегда

бываетъ когда побѣжденный серьезно желаетъ прекратить войну, и такъ происходило дѣло при заключеніи мира между Австріей и Пруссіей въ 1867 году, между Германіей и Франціей въ 1871.

Слѣдовательно, мы все-таки возвращаемся къ тому же вопросу какъ и при первомъ, циркулярномъ обращеніи Порты ко всѣмъ державамъ. Признаетъ ли она себя побѣжденною, серьезно ли прежней попытки ея теперешнее обращеніе къ Россіи, расположены ли уполномоченные Порты принять тѣ условія которыя они услышатъ въ русской Главной Квартирѣ отъ имени Русскаго Государя? Сомнѣнія по этому поводу должны будутъ разрѣшиться весьма скоро. А пока, чтобы судить о намѣреніяхъ и надеждахъ Порты, мы можемъ только суммировать слухи и толки которыми наполнены газеты. Устраняя несообразныя предположенія, мы до нѣкоторой степени получимъ возможность составить себѣ понятіе объ игрѣ.

Начать съ того какъ возникла эта мысль о перемиріи, и что подъ нимъ разумѣютъ въ сферахъ завѣдомо туркофильскихъ. Несерьезность заявленія Порты при ея циркулярномъ обращеніи къ Европѣ была дѣломъ Англіи. Теперь Англія сама взялась передать Россіи якобы о мирныхъ намѣреніяхъ Порты. Цѣль обоихъ шаговъ теперь ясна. Первая попытка мѣтила на то чтобы какъ-нибудь устроить дипломатическое посредничество. Во второмъ случаѣ, Англія уже знала что Россія не приметъ посредничества и осторожно ограничилась простою передачей желанія Порты заключить миръ, — шагъ очевидно излишній, ибо Порта сама могла изъявить свое желаніе. Однако Англія не даромъ взяла на себя роль курьера: ей хотѣлось попытаться нельзя ли узнать какихъ условій потребуетъ Россія отъ Турціи, конечно съ тѣмъ чтобы сейчасъ же привязаться къ переговорамъ. Съ этого момента начинаются самыя разнообразныя догадки.

Въ иностранныхъ газетахъ разказываютъ будто въ русскомъ отвѣтѣ сказано что если Порта желаетъ мира, то лучше бы она доказала это позаботясь сперва о перемиріи, для чего де пусть и пришлетъ уполномоченнаго въ нашу Главную Квартиру. Такимъ образомъ Россія обошла будто бы затрудненіе преждевременно высказать свои условія, чего добивалась Англія. Но въ такой хитрости не могло быть на-

добности, такъ какъ Россія и не обязана высказывать свои условія пока противникъ ея не призналъ себя побѣжденнымъ. Поэтому, нѣтъ основанія допустить чтобы первая мысль о заключеніи перемирія, независимо отъ послѣдующихъ переговоровъ о мирѣ, шла со стороны Россіи.

Туркофильская печать усиливается выставить будто Россія, не желая заключать миръ въ настоящую минуту, хлопочетъ только о перемиріи, которое де для ней крайне необходимо потому что ея войска босы, въ лохмотьяхъ и терпятъ всевозможныя лишенія вслѣдствіе перерыва сообщенія черезъ Дунай ледоходомъ. Возражать на эту ложь излишне; только зачѣмъ бы кажется въ такомъ случаѣ Туркамъ соглашаться на переговоры? Но послушаемъ далѣе. Разказываютъ что Англія узнавъ русскій отвѣтъ, стала возражать что военнымъ начальникамъ трудно де будетъ обсуждать „политическіе вопросы;“ потомъ будто бы допустила что обсужденіе перемирія дѣйствительно вызываетъ много техническихъ и военныхъ вопросовъ которые нельзя иначе рѣшить какъ въ Главной Квартирѣ; однако сдѣлала де оговорку что все это относится *только* къ вопросу о перемиріи; но что она оставляетъ за собою право голоса относительно мирныхъ условій, ибо они касаются вопросовъ имѣющихъ интересъ для Европы (то-есть Англіи); она не можетъ способствовать заключенію перемирія, если относящіяся къ оному дѣйствія приведутъ къ цѣлому ряду совершившихся фактовъ, такъ что Англіи останется только принять безъ нея составленную программу.“ И англійская печать положительно утверждала что такимъ образомъ Англія старалась совершенно отдѣлать условія мира отъ вопроса о перемиріи, что де русскою „официальною“ печатью зловредно смѣшивалось.

Имѣли ли успѣхъ эти новыя домогательства Англіи, газеты умалчиваютъ.

Рѣшеніе Порты послать уполномоченныхъ для переговоровъ о перемиріи не даетъ основанія для какого-либо заключенія. Есть намеки что Англія посовѣтовала этотъ шагъ Портѣ чтобы по крайней мѣрѣ такимъ путемъ развѣдать о требованіяхъ Россіи и не допустить сепаратнаго договора ея съ Портой. Но именно это-то и не предвѣщаетъ серьезнаго исхода переговоровъ. Какъ видно, и Портѣ внушено смотрѣть на перемиріе только какъ на воен-

ную мѣру. Корреспондентъ *Daily Telegraph* телеграфируетъ изъ Перы, отъ 9-го января, что Порта соглашается на шестинедѣльное перемиріе на такихъ условіяхъ: 1) чтобы войска обѣихъ сторонъ оставались въ нынѣ занимаемыхъ позиціяхъ, 2) чтобы переговоры о мирѣ начались немедленно по вступленіи въ силу перемирія (слѣдовательно прелиминарія не будутъ приняты одновременно), и 3) полагается де возможнымъ условиться о снабженіи въ это время Эрзерума продовольствіемъ.

Порта говоритъ какъ побѣдитель, и сама предписываетъ условія! Забавно только что въ другой телеграммѣ, отъ того же числа, тотъ же самый корреспондентъ сѣтуетъ что много дней еще пройдетъ до пріостановки военныхъ дѣйствій, говоритъ что гораздо бы лучше было „еслибъ Англія потребовала отъ Россіи перемирія, для ускоренія времени, ибо съ каждымъ часомъ положеніе такъ измѣняется что потеря нѣсколькихъ дней можетъ причинить серіозныя препятствія.“ Къ выгодѣ ли Россіи, однако, такое военное перемиріе когда Портѣ дорогъ каждый часъ для остановки военныхъ дѣйствій, но безъ утвержденія прелиминарій?

Парижскій корреспондентъ *Times* считаетъ достовѣрнымъ что Турція согласится на пріостановку военныхъ дѣйствій даже въ томъ случаѣ если Россія поставитъ военныя условія, по той же простой причинѣ что даже очищеніе крѣпостей Болгарскаго Четырехъсторонника ничѣмъ „не предрѣшаетъ вопроса о мирныхъ условіяхъ.“ Корреспондентъ замѣчаетъ что есть огромная разниа между даже условнымъ перемиріемъ и такимъ которое соединено съ принятіемъ прелиминарій. Гарантіи, въ видѣ, напримѣръ, занятія крѣпостей, естественно необходимы во всякомъ случаѣ. Но обсужденіе этихъ гарантій или условій перемирія имѣетъ смыслъ только при готовности противника прекратить немедленно войну принятіемъ перемирія. Иначе возможны случаи что противникъ готовъ будетъ уступить и нѣкоторыя стратегическія выгоды, лишь бы выпадало время. И таково, должно думать, положеніе Порты. Она готова на перемиріе, даже пойдетъ на уступки чтобы добиться его, только бы уклониться отъ прямыхъ переговоровъ о мирѣ, потому, какъ говоритъ тотъ же корреспондентъ, что въ такомъ случаѣ условія мира будутъ гораздо тяжелѣе чѣмъ ка-

кихъ Порта можетъ ожидать на конгрессѣ. Все это не показываетъ однако серіозности мирнаго расположенія Порты, и по-даетъ мало надежды чтобы переговоры ея уполномоченныхъ могли привести къ какому-либо результату.

О томъ же свидѣтельствуетъ и внезапный задоръ турецкаго флота который, послѣ полного бездѣйствія во все время войны, вдругъ принялся бомбардировать и разрушать открытые русскіе порты, Евпаторію съ Феодосіей, въ ту самую минуту когда Порта шлетъ мирныхъ уполномоченныхъ въ Русскую Квартіру. Дѣйствія эти не говорятъ о смиреніи Порты и о признаніи ею своей безпомощности...

№ 5.

Москва, 4-го января.

Читатели *Московскихъ Вѣдомостей* помнятъ вѣроятно споръ поднятый весной нынѣшняго года съ газетой *Голосъ* по поводу допустимости каперства въ случаѣ войны. Вопросъ о каперствѣ былъ поднятъ въ Императорскомъ Обществѣ для Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству. Желая имѣть по этому вопросу разъясненіе компетентнаго въ международномъ правѣ лица, Общество обратилось къ знаменитому гейдельбергскому профессору Блунчи съ запросомъ относительно употребленія каперовъ въ случаѣ войны, напримѣръ въ случаѣ войны съ Англіей. Недавно Общество получило отъ Блунчи отвѣтъ въ изданномъ имъ сочиненіи: *О правѣ добычи во время войны, и о правѣ морской добычи въ особенности*, при письмѣ на имя предсѣдателя Общества, графа Камаровскаго. Въ этомъ письмѣ, профессоръ Блунчи говоритъ: „Я не сомнѣваюсь что наконецъ будетъ достигнута реформа морскаго военнаго права, но сомнѣваюсь чтобы Англія согласилась, на основаніи юридическихъ доказательствъ, принять такую реформу прежде чѣмъ она не узнаетъ на опытъ что и *англійская морская торговля можетъ быть подорвана нѣсколькими крейсерами* гоняющимися за добычей.“ Въ этихъ словахъ выражена вся суть новаго сочиненія знаменитаго ученаго. Размѣры статьи не дозволяютъ намъ остановиться на разсмотрѣніи этого сочиненія, но въ виду выводовъ г. Блунчи, совпадающихъ въ сущ-

ности съ мнѣніемъ которое мы защищали противъ г. Мартенса, мы считаемъ не безполезнымъ указать здѣсь на нихъ. Мы не касаемся вопроса о неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ. Признаніе ея конечно желательно, но это признаніе встрѣчало и до сихъ поръ встрѣчаетъ сильнѣйшее сопротивленіе въ Англіи: англійскіе юристы болтаютъ, что ограниченіемъ права на морскіе призы ослабится не только произволъ англійскаго военнаго флота, но и вообще средства нападенія Англіи какъ морской державы. Признаніе Парижскою деклараціей неприкосновенности непріятельской собственности на нейтральныхъ корабляхъ не разъ уже служило предлогомъ для Англичанъ, даже въ парламентѣ, возбуждать вопросъ объ обязательности для Англіи постановленій деклараціи на томъ формальномъ основаніи что декларація не получила формы договора, — не ратификована королевой, а подписавшіеся подъ нею представители Англіи на Парижскомъ конгрессѣ не были специально уполномочены на это парламентомъ. Правда что до сихъ поръ англійскій парламентъ не рѣшался отречься отъ деклараціи, но если принять въ соображеніе что въ агитаціи въ пользу такого отреченія весьма дѣятельную роль игралъ г. Дизраэли (лордъ Биконсфильдъ) и что въ вопросѣ о блокадѣ Англійское правительство защищаетъ теорію прямо противорѣчащую четвертому пункту деклараціи, то вопросъ о силѣ деклараціи, а слѣдовательно и о силѣ отмѣны каперства, становится весьма сомнительнымъ. Какъ помнятъ наши читатели, *Голосъ*, въ лицѣ адвоката русской политики предъ Европой, г. профессора Мартенса, заступаясь и тутъ за честь Россіи и желая вопреки протестамъ Англіи убѣдить Европу въ благонамѣренности Россіи, ратовалъ въ пользу мнѣнія что въ силу принятой Россіей Парижской деклараціи мы не имѣемъ права употреблять въ случаѣ войны никакихъ судовъ кромѣ чисто-военныхъ. Въ полемикѣ съ г. Коркуновымъ г. Мартенсъ показалъ начитанность въ международномъ правѣ и привелъ очень много цитатъ. Но вотъ является другой ученый, котораго, мы полагаемъ, нельзя заподозрить въ неблагонадежности и приверженности къ отжившей старинѣ въ международномъ правѣ. По мнѣнію Блунчли, постановленія Парижской деклараціи очень

неудовлетворительны. Признавая въ принципѣ грабежомъ захватъ каперами частнаго имущества подданныхъ воюющей державы, декларація оставляетъ въ силѣ грабжъ этого имущества военными крейсерами самого правительства. По Парижская декларація ложно толкуется. Впервые ложное толкованіе дано было ей въ знаменитомъ меморандумѣ министра иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ Мэрси отъ 28 іюля 1856 года, въ которомъ онъ обусловливалъ отказъ Соединенныхъ Штатовъ приступить къ деклараціи тѣмъ, что она не ограничиваетъ право морской самообороны государствъ располагающихъ слабымъ военнымъ флотомъ. Именно Мэрси полагалъ что въ силу ея такія державы лишались права пользоваться для войны своими купеческими судами. Въ силу этихъ соображеній Мэрси заявилъ что Соединенные Штаты не иначе могутъ согласиться на принятіе постановленія объ отмѣнѣ каперства какъ подъ условіемъ признанія полной неприкосновенности частной собственности въ морскихъ войнахъ. Блунчли относится нѣсколько скептически къ доводамъ Мэрси, и этотъ скептицизмъ находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ историческомъ фактѣ что несмотря на послѣдовавшее заявленіе Франціи, Нидерландъ, Португаліи, Пруссіи и Россіи признать неприкосновенность частной собственности, новый президентъ Штатовъ Бьюкананъ возразилъ что Мэрси зашелъ въ своемъ предложеніи слишкомъ далеко потребовавъ еще ограниченія блокады и наконецъ совершенно отказался отъ признанія новой реформы. Главное возраженіе Блунчли направлено противъ толкованія каперства. По мнѣнію Блунчли, отмѣна каперства вовсе не означаетъ отказа отъ добровольной морской службы подданнаго или даже чужеземнаго судовладельца у воюющаго государства, *не означаетъ отказа отъ морской милиціи.*

„Подобно тому какъ въ сухопутной войнѣ государству нельзя запретить формированія волонтерскихъ отрядовъ наряду съ регулярнымъ войскомъ, такъ и морской державѣ невозможно запретить усиливать свой военный флотъ приспособленіемъ купеческихъ кораблей для военныхъ цѣлей. Подобно тому какъ сухопутная держава можетъ призвать къ оружію на защиту отечества все мужское населеніе страны, и морская держава можетъ воспользовать-

ся въ случаѣ войны всѣмъ способнымъ къ морской службѣ населеніемъ и частными судами. Поэтому невѣрно, будто держава обладающая большимъ торговымъ и незначительнымъ военнымъ флотомъ вслѣдствіе отмѣны каперства не имѣетъ права усиливать первый съ помощью послѣдняго. Характеристическая особенность и безусловное зло каперства состоитъ въ томъ что оно не подчинено военной регламентации, и что оно употребляется не для борьбы одного государства противъ другаго, а для грабежа частными лицами частныхъ же лицъ.

Таково мнѣніе гейдельбергскаго ученаго. Онъ первый высказалъ такой взглядъ на значеніе первой статьи Парижской декларации, и тѣмъ болѣе это дѣлаетъ ему чести; а насъ радуетъ болѣе все то что его мнѣніемъ о партизанскомъ флотѣ подтверждается то что высказывалось нами въ спорѣ съ Мартенсомъ. Гейдельбергскій профессоръ подкрѣпляетъ наши доводы самымъ толкованіемъ первой статьи декларации. Ея заявленіе что „La course est et reste abolie“ отнюдь не исключаетъ возможности употребленія морскихъ частныхъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ какой смыслъ имѣетъ это запрещеніе.

Прежде всего, что такое каперство? Какъ извѣстно, каперство было установлено въ XV в. въ виду оградить хотя въ нѣкоторой степени частную собственность на морѣ отъ произвола воюющихъ. До этого времени всякій подданный непріятельскаго государства могъ снарядить судно и отправиться въ море *cougir sus aux ennemis*, то-есть добывать непріятельскія суда и непріятельское имущество. Съ XV в. начинается развиваться сознание народовъ что право на военную добычу принадлежитъ государству и его военнымъ органамъ, а не частнымъ лицамъ. Поэтому право снаряжать каперскія суда было поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія правительства, которое давая это разрѣшеніе давало инструкцію каперу относительно того какія дѣйствія его будутъ считаться законными и какія незаконными, причемъ каперъ вносилъ даже извѣстную сумму денегъ въ видѣ залога и удостоверялся что онъ будетъ сообразоваться съ правилами морскаго права. Несмотря однако на это, каперы сплошь и рядомъ нарушали эти правила даже относительно нейтральной собственности, а правитель-

ства, изъ эгоистическихъ и ложныхъ взглядовъ на цѣли войны, потакали этимъ нарушеніямъ. Въ виду этихъ злоупотребленийъ воюющими правомъ войны, Парижскій конгрессъ и рѣшилъ оградить по возможности нейтральную собственность на морѣ. Таковъ поводъ къ Парижской деклараціи, таковъ ея характеръ. Вопросъ о правахъ государства на самооборону, объ организациі его морскихъ силъ, не входилъ и не могъ входить въ программу Парижскаго конгресса; а слѣдовательно не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ объ употребленіи государства, въ случаѣ войны, частныхъ судовъ для военныхъ операцій и касается лишь употребленія исключительно для морскаго грабежа, производимаго частными лицами. Г. Мартенсъ утверждаетъ что морскую войну можно вести лишь военными судами, — но что такое военное судно? Это понятіе „военнаго“ вовсе не обусловлено большею или меньшею толщиной броневой обшивки, точно также какъ понятіе солдата не обусловлено его вооруженіемъ. Хотя бы онъ былъ безоруженъ, онъ все-таки остается солдатомъ. Правда, солдатъ, коль скоро онъ переодѣтъ и собираетъ свѣдѣнія съ цѣлью сообщить ихъ непріятелю, считается шпиономъ, и не берется въ плѣнъ, а вѣшается. Таково постановленіе американскихъ полевыхъ инструкцій и проекта Брюссельской декларации. Но корабль никогда не бываетъ безъ мундира, его мундиръ — его военный флагъ, его корабельныя бумаги и принятый въ военно-морскую службу начальникъ. Слѣдовательно, коль скоро частное судно взято на государственную военную службу и поставлено подъ начальство капитана, утвержденного правительствомъ, оно должно считаться военнымъ судномъ, а не частнымъ каперомъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Блунчли, никакому государству не воспрещается въ случаѣ морской войны снарядить купеческія суда, и этими „крейсерами“ совершать захваты непріятельской частной собственности, но командирами ихъ должны быть лица поставленные или утвержденные правительствомъ. Нѣтъ надобности чтобъ эти офицеры были на военно-морской службѣ и до поступленія на крейсеръ, — Блунчли допускаетъ принятіе начальниковъ и всего экипажа съ торговаго судна въ составъ командующихъ и экипажа на крейсерѣ, онъ допускаетъ также что-

бы воюющее государство назначало. извѣстную часть добычи въ пользу командировъ и экипажа крейсера! Въ сущности тутъ остается весьма мало различія между „крейсеромъ“ Блунчи и „каперомъ“, такъ какъ послѣдній также долженъ былъ имѣть особое разрѣшеніе правительства и подлежалъ отвѣтственности. Но Блунчи основательно полагаетъ что въ данномъ случаѣ крейсера будутъ осторожны уже вслѣдствіе своей подчиненности военной дисциплинѣ. Что касается пригодности купеческихъ судовъ для войны, пригодности, въ которой сомнѣвался покойный Каченовскій, то она доказана подвигомъ *Весты*. А что касается мнѣнія Европы (читай: Англія) въ случаѣ употребленія Россіей „крейсеровъ“ которыхъ рекомендуетъ Блунчи, то мы полагаемъ что этотъ вопросъ послѣдній. Впрочемъ, для лицъ находящихся этотъ вопросъ весьма существеннымъ мы можемъ привести ноту французскаго делегата иностранныхъ дѣлъ, графа Шодорди, отъ 28 октября 1870 года, въ которой сказано: „Купеческій флотъ какъ относительно личнаго своего состава, такъ и относительно самихъ кораблей есть такое орудіе морскаго могущества которымъ всегда можно воспользоваться для усиленія военнаго флота и преобразовать его такимъ образомъ въ орудіе войны.“ Этимъ аргументомъ графъ Шодорди оправдывалъ захватъ частной собственности на морѣ. Но если такъ, то онъ допускалъ возможность преобразованія купеческихъ судовъ въ крейсера. Наконецъ, что особенно важно, Пруссія имѣла въ виду примѣненіе крейсерства въ смыслѣ крейсеровъ Блунчи во время войны 1870—1871 годовъ, и это было одобрено англійскими коронными юристами.

№ 6.

Москва, 5-го января.

Послѣ паденія Плевны Туркамъ было необходимо скорѣе стянуть всѣ стоявшія въ разныхъ мѣстахъ войска по ту сторону Балканъ для защиты Адрианополя. Таковъ и былъ ихъ планъ, но они не успѣли привести его въ исполненіе. Они инстинктомъ почували грозившую опасность и готовились отразить ее, но могли ли они предвидѣть что русскія войска совершатъ невоз-

можное? Наступила суровая зима со снѣгами; заносами, выюгами, жестокою стужей; прекратилась правильная переправа черезъ Дунай и, какъ злорадно потѣшались туркофильскія газеты, генералы Декабрь и Январь, эти старые друзья Русскихъ, очутились на сторонѣ Турокъ. Сбыточнымъ ли казалось при такихъ условіяхъ перебросить большую часть арміи черезъ длинную цѣпь Балканъ и затѣмъ быстрою лавиною ринуться съ разныхъ пунктовъ на турецкіе отряды, которые не только занимали всѣ ключи позицій, но еще имѣли ту выгоду что къ югу отъ нихъ и параллельно цѣпи Балканъ идетъ желѣзная дорога отъ Адрианополя до Татаръ-Базарджика. Все это вѣроятно принимали въ разчетъ Турки, и въ увѣренности что кампанія возобновится не скоро, они, даже заговоривъ о мирѣ, все еще принимали высокомѣрный тонъ.

Заблужденіе ихъ не было продолжительное. 28 ноября сдалась Плавна, а 28 декабря войска наши, по всей линіи, уже стояли твердою ногою по ту сторону Балканъ.

Этотъ удивительный переходъ черезъ Балканы зимой, и притомъ жестокою зимой, съ трудностями и чудесами совершенными для преодоленія ихъ, превосходить быть-можетъ все что въ этомъ отношеніи запомнить военная исторія. Эта чудная военная поэма хорошо знакома нашимъ читателямъ изъ превосходныхъ писемъ нашего даровитаго корреспондента. 19 декабря отрядъ генерала Гурко дебушировалъ изъ горъ, и болѣе половины дѣла было уже сдѣлано. 23 декабря, черезъ четыре дня послѣ того, онъ уже вступилъ въ Софію, которая, съ окружающимъ ее райономъ, по словамъ *Русскаго Инвалида*, „въ климатическомъ отношеніи доставляетъ нашимъ войскамъ наивыгоднѣйшія условія къ жизни, въ особенности послѣ тѣхъ ужасныхъ лишеній, которыя выносилъ такъ долго русскій солдатъ въ снѣжныхъ ущельяхъ Балкана.“

Мы присутствуемъ при невиданномъ еще зрѣлищѣ быстрого и энергическаго веденія обширной зимней кампаніи. Одновременно двинуты были и другіе отряды, которымъ съ такимъ же геройствомъ приходилось преодолевать неимоверныя препятствія для обхода другихъ выходовъ изъ Балканъ. Генераль Карцевъ, обойдя по едва замѣтной тропѣ Траянской переваль,

27 декабря спустился къ Корнару и разбилъ отрядъ шедшій изъ Карлова, а 28 занялъ Сопоть и Карлово, захвативъ большое количество продовольствія. Въ то же время была обойдена Шипкинская позиція генераломъ Скобелевымъ справа на Зелено Древо, Караджи и Иметли, а княземъ Святополкъ-Мирскимъ слева на Сельцу и Янину, и когда эти колонны атаковали турецкую армію съ тыла, генераль Радецкій ударилъ на нее съ фронта, и она принуждена была положить оружіе. Нашимъ шипкинскимъ героямъ наконецъ досталось такъ долгожданное торжество. Куплено оно было не безъ тяжкихъ потерь, но за то дало и великій результатъ, открывъ кратчайшій путь на турецкія сообщенія. Наконецъ, въ довершеніе, войсками генерала Делингсгаузена былъ занятъ и Твардицкій переваль.

Блестательный результатъ двухдневной Шипкинской битвы сразу открывалъ горизонтъ на немедленное затѣмъ поле дѣйствія. „Хотя результаты побѣды 28 декабря еще неизвѣстны, говорилъ *Русскій Инвалидъ*, но предвидѣть ихъ не трудно. Казанлыкъ и долина Тунджи теперь въ нашихъ рукахъ, и отрядамъ нашей арміи спустившимся съ Балканъ открывается возможность *разрѣзать* турецкія войска въ Румелии на нѣсколько частей и разбить ихъ прежде чѣмъ они соединятся впереди Адрианополя. Настоящій моментъ прямо указываетъ на необходимость самыхъ настойчивыхъ и смѣлыхъ дѣйствій противъ ошеломленного противника, и можно быть увѣреннымъ что мы сумѣемъ имъ воспользоваться.“ Прошло едва пять дней, и ожиданіе это оправдывается, какъ можно видѣть изъ вчерашней и нынѣшней депешъ Главнокомандующаго. Отрядъ генерала Гурко, не отдохнувъ въ Софіи послѣ утомительныхъ переходовъ и непрестанныхъ боевъ, отбросилъ бывшія тамъ турецкія войска на юго-западъ и преслѣдовалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ; затѣмъ немедленно двинулся онъ на востокъ двумя колоннами. 28 декабря колонна графа Шувалова уже занимала Ихтиманъ, а 30-го она заняла послѣднюю естественную преграду между этимъ городомъ и Татаръ-Базарджикомъ, Траяновы ворота, между тѣмъ какъ кавалерійскій отрядъ уже былъ въ Вѣтреновѣ, менѣе 20 верстъ не доходя Татаръ-Базарджика, откуда начинается желѣзная дорога въ Адрианополь. Ко-

лонна же генерала Вельяминова въ тотъ же день заняла Самаково, около 25 верстъ къ юго-западу отъ Ихтимана, гдѣ проходитъ другая дорога изъ Софіи на Татаръ-Базарджикъ.

Съ запада надвигаются на Турокъ большія силы, и теперь онъ должны быть уже не далеко отъ Татаръ-Базарджика. Константинопольская депеша извѣщала даже о боѣ бывшемъ въ понедѣльникъ между этимъ городомъ и Филиппополемъ, и говорила что бой возобновился во вторникъ, умалчивая какъ о подробностяхъ такъ и о результатѣ. Мы не имѣемъ еще официальнаго извѣстія объ этомъ боѣ, можетъ быть по отдаленности отряда генерала Гурко, занимающаго крайній пунктъ дуги охватывающей турецкія войска въ долину Марицы. Во всякомъ случаѣ, турецкая депеша, отъ 4 января, гласитъ что Сулейманъ отодвинулся къ Филиппополю. Извѣстия что русскіе разѣзды были уже въ Чирпанѣ и идутъ на Ени-Махале, онъ очевидно предчувствовалъ опасность, но едва ли вполне оцѣнилъ ее. Дѣйствительно, перейдя перевалы, русскія войска съ сѣвера тремя отрядами оцѣпили линію изъ Татаръ-Базарджика чрезъ Филиппополь на Адрианополь и двинулись на перерѣзъ ея. Генераль Карцевъ очистивъ отъ Турокъ долину Гюпса (къ югу отъ Траянова перевала), послалъ летучій отрядъ на Калоферъ и, занявъ Клисру, вошелъ въ связь съ подходившими къ нему войсками отъ Златицы и Тетевена, и затѣмъ уже 29 декабря выбилъ Турокъ изъ Копривщицы; разѣзды были имъ посланы къ Чукурли, Новоселу и Стрѣлици. О дальнѣйшемъ движеніи его сегодня узнаемъ что онъ съ пѣхотой дошелъ до Каратопрака, верстахъ въ 15 или 20 отъ Филиппополя и выслалъ отрядъ для связи съ генераломъ Гурко. Изъ войскъ спустившихся въ долину Казанлыка съ Шипки передовымъ отрядомъ, около того же времени, была занята Эски-Загра, а разѣзды посланные къ Чирпану, недалеко отъ Адрианопольской желѣзной дороги, верстахъ въ 40 къ востоку отъ Филиппополя, доходили до Ени-Махале, еще далѣе на востокъ къ селенію Тырнову, верстахъ въ 50 по желѣзной дорогѣ отъ самаго Адрианополя, гдѣ отдѣляется Ямбольская вѣтвь на Ени-Загру; наконецъ и этотъ городъ на Ямбольской желѣзной дорогѣ также занятъ нашими разѣздами. Сего-

дня депеши извѣщаютъ еще о высылкѣ разъѣздовъ на Сливно и объ оставленіи Турками этого города. Рельсы, какъ на Филиппопольской, такъ и на Ямбольской линіяхъ сняты нашими разъѣздами, и войскамъ, и Сулейману грозитъ опасность быть отрѣзанными отъ Адрианополя.

Между тѣмъ Порты, отправивъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ, хочеть нахрапомъ взять перемиріе. Она уже распорядилась по части печати пригласивъ ее къ умѣренности относительно Россіи, и наказала войскамъ по сую сторону Балканъ не стрѣлять въ наши разъѣзды, до извѣстной черты. Это уже фактическое предначатіе перемирія. Видно это перемиріе Туркамъ очень нужно, какъ повидному нужно и другу нашему Беконсфильду.

№ 7.

Москва, 7-го января.

Лондонская газета *Daily Telegraph* извѣстила изъ Константинополя будто турецкіе делегаты, встрѣтятся съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ на станціи Тырново по Адрианопольской желѣзной дорогѣ, вынуждены были согласиться на требованіе вести переговоры не иначе какъ въ Адрианополѣ, вслѣдствіе чего немедленно и были отправлены по телеграфу приказанія очистить этотъ городъ. Извѣстіе это тѣмъ интереснѣе что сообщается однимъ изъ самыхъ ярыхъ туркофильскихъ органовъ. Итакъ, Турція сломлена. Ея арміи не существуютъ, ей нечѣмъ защищать путь къ самой столицѣ, и ей остается преклониться предъ волей побѣдителя. Впрочемъ, объ истинномъ настроеніи Порты мы не замедлимъ узнать вскорѣ по ходу переговоровъ, а Военачальники наши конечно не дозволятъ Портѣ затягивать время дипломатическими изворотами.

Другое, событіе представляющее въ настоящую минуту интересъ есть открытіе Англійскаго парламента, созваніе коего тремя недѣлями ранѣе срока повергло было въ такое безпокойство Англійскую націю что она рядомъ демонстрацій заблаговременно успѣшила протестовать противъ всякихъ воинственныхъ поползновеній своего правительства. Ожидали что немедленно за открытіемъ парламента, у него будутъ потребованы чрезвычайныя субсидіи; го-

ворили даже что еслибы паче чаянія парламентъ отказалъ въ этомъ, лордъ Беконсфильдъ рѣшился распустить его.

Ничего подобнаго не случилось, и торіійскій кабинетъ очень мирно встрѣтился съ собравшимися представителями. Къ огорченію туркофиловъ, англійскіе министры наперерывъ объявляютъ что Турція не должна ожидать отъ Англіи никакой помощи, и что они не имѣютъ внести теперь никакихъ предложеній. Итакъ, та самая Англія которая втянула Турцію въ войну, которая всячески поощряла ея сопротивление, воспѣвала доблесть и геройство ея баши-бузуковъ, и всячески подъ рукой оказывала ей помощь, всенародно отрекается отъ Турціи.

Но отрекаясь отъ Турціи Англійское правительство предупреждаетъ парламентъ что можетъ-быть вынуждено будетъ обратиться къ нему за средствами чтобы защищать „англійскіе интересы.“ Въ этомъ можетъ де явиться надобность, такъ какъ „военныя дѣйствія приближаются къ мѣстностямъ гдѣ находятся англійскіе интересы“.

Но Англійское правительство предъ началомъ войны перечислило свои интересы, указавъ главнымъ образомъ на Суэзскій каналъ и Египетъ. Она выговаривала чтобы эту вассальную Портѣ страну считать нейтральною и не предпринимать противъ нея непріятельскихъ дѣйствій. Россія согласилась.

Что же однако послѣдовало? Должно было ожидать что страна признаваемая нами нейтральною будетъ и вести себя какъ нейтральная. Ничуть не бывало. Едва началась война, хедивъ побуждаемый Англіей и противъ истинныхъ интересовъ своей страны, безъ того обремененной долгами, принялъ участіе въ войнѣ: его войска были отправлены въ Турцію, его корабли перевозили всякія пособія, словомъ; онъ оказывалъ самую дѣятельную помощь Портѣ какая только была въ его силахъ. Россія имѣла полное право тотчасъ же объявить свой контрактъ съ Англіей разорваннымъ. Но продолжая соблюдать добровольно данное ею согласіе падить якобы „англійскій интересъ“ въ Египтѣ, она явила неслыханный въ исторіи примѣръ уважая нейтралитетъ страны которая находилась съ нею въ войнѣ и сама не предпринимая противъ нея непріятельскихъ дѣйствій.

Напрасно стали бы говорить что Россія

дѣлала это поневолѣ, такъ какъ по отдаленности не могла будто бы причинить Египту вреда. Напротивъ, она имѣла полную возможность нанести ему самый чувствительный вредъ и воспрепятствовать хе-диву подавать Турціи помощь. Одна наша атлантическая эскадра, появившись у береговъ Египта, могла бы остановить переправу египетскихъ войскъ въ Турцію. Но мы могли сдѣлать болѣе. Мы могли выслать въ Средиземное море нашъ Балтійскій флотъ, а онъ не только остановилъ бы всякіе транспорты между Египтомъ и Турціей, но могъ бы весьма дѣйствительнымъ образомъ блокировать египетскія гавани и принудить Египетъ къ оборонѣ вмѣсто нападенія. А еслибы мы вызвали турецкій флотъ въ Средиземное море, то этимъ мы косвеннымъ, но весьма дѣйствительнымъ образомъ оградилъ бы наши Черноморскіе берега отъ разоренія и имѣли бы возможность посчитаться съ турецкимъ флотомъ. Не сдѣлавъ всего этого мы ограничили свое законное право обороны и усилили способы нашего противника вредить намъ. Предъ началомъ Франко-Германской войны, Англія, какъ извѣстно, напомнила обоимъ противникамъ неприкосновенность Бельгіи. Но что сказала бы та или другая изъ воюющихъ сторонъ еслибы въ теченіе войны оказалось что Бельгія принимаетъ участіе противъ нея заодно съ ея противникомъ? Продолжала ли бы она считать ее нейтральною? А Египетъ былъ поставленъ Англіей въ такое отношеніе къ намъ, безъ всякаго основанія для его нейтралитета, единственно ради „англійскаго интереса.“

Вотъ что мы напоминаемъ англійскимъ политикамъ въ отвѣтъ на ихъ сказку про „бѣлаго быка.“ Пусть они припомнятъ что они уже взяли съ насъ цѣной русской крови и умноженныхъ жертвъ и расходовъ этотъ свой интересъ, эти Шейлоковы проценты, что этотъ ихъ интересъ былъ нашимъ вредомъ. Мы полагаемъ что за этотъ вредъ Англія остается въ долгу предъ нами, также какъ и за ту помощь которую она сама оказывала Турціи, безстыдно и открыто на весь міръ позволяя доставлять ей военную контрабанду на англійскихъ корабляхъ, въ нарушеніе королевской прокламаціи о нейтралитетѣ, на подобіе подвиговъ *Алабамы*, за которые Англіи пришлось послѣ покаяться.

О какихъ же еще интересахъ могутъ

вести рѣчь англійскіе политики? Они сами хорошо знаютъ что, послѣ всего сдѣланнаго Россіей, они не имѣютъ даже призрачнаго предлога приставать къ ней со своими интересами и что Россія вольна не обращая на нихъ никакого вниманія кончить какъ ей самой будетъ угодно дѣло съ Турціей. Мы совѣтовали бы имъ лучше, хотя бы изъ приличія, примолкнуть теперь объ „англійскихъ интересахъ.“ Къ чему эти притворно-грозныя рѣчи?

№ 9.

Москва, 9-го января.

Въ Бермингамѣ собирался 13 января митингъ, на которомъ держали рѣчи къ своимъ избирателямъ три представителя этого города въ парламентъ: знаменитый Джонъ Брайтъ, г. Мансъ (Muntz) и г. Чамберленъ. Рѣчи всѣхъ трехъ ораторовъ, также какъ и резолюціи принятыя митингомъ, были за нейтралитетъ и противъ всякихъ попытокъ втянуть Англію въ войну. Рѣчь г. Брайта обращалась къ воспоминаніямъ Крымской войны когда его смѣлый голосъ заглушался свистками. Всѣ его тогдашнія предсказанія оправдались. Гдѣ, спрашивалъ онъ, результаты этой войны, результаты громадныхъ жертвъ, крови и денегъ? Пресловутое ограниченіе русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ Морѣ давно не существуетъ, и никто отмѣнѣ этой самой существенной цѣли войны, какъ объясняли въ то время, не воспротивился. Далѣе, Турція, за которую ведена была война, теперь въ большей опасности чѣмъ когда-либо, а Россія все также могущественна будто Крымской войны и не бывало. И вся Европа, кромѣ Англіи, равнодушно смотритъ на паденіе Турціи. Такова была въ немногихъ словахъ сущность пространной рѣчи г. Брайта, которую онъ заключилъ замѣчаніемъ что нѣтъ двухъ странъ которыя могли бы менѣе вредить другъ другу какъ Англія и Россія, и что напротивъ интересъ Англіи въ отношеніи къ Россіи есть поддерживать нерушимую дружбу съ нею, и эта дружба, по убѣжденію оратора, можетъ быть обезпечена лишь бы только его соотечественники могли освободиться отъ снѣдающей ихъ зависти.

Мнѣнія г. Брайта, впрочемъ, слишкомъ хорошо извѣстны, и наше вниманіе оста-

новилось болѣе на рѣчи г. Чамберлена, который по пунктамъ разбиралъ какіе интересы Англіи могутъ быть затронуты настоящею войной. Обладаніе Индіей онъ конечно считалъ необходимымъ защищать всѣми средствами, но Индіи ничто не угрожаетъ. Затѣмъ необходимо оберегать и путь въ Индію, то-есть Суэзскій каналъ, а каналъ этотъ находится въ Египтѣ. Подверглись ли эти интересы хотя малѣйшей опасности? Вотъ что отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ:

„Россія, въ уваженіе къ нашимъ представленіямъ, во вниманіе къ нашимъ интересамъ, допустила Египетъ принять роль воюющей стороны въ этой войнѣ, оказывать дѣятельную помощь Турціи, и въ то же время даровала ему привилегіи которыя обыкновенно предоставляются нейтральной державѣ. Мы поступили весьма односторонне въ этомъ дѣлѣ. Если существенные интересы нашей страны требовали нейтрализаціи Египта, то почему же мы не принудили хедива оставаться нейтральнымъ? Зачѣмъ допускали мы чтобы онъ посылалъ своихъ несчастныхъ подданныхъ, свои черныя войска изъ тропическихъ странъ Африки гибнуть жалкимъ образомъ на холоду и въ снѣгахъ Болгаріи?“

То же самое говорили мы на дняхъ. Значитъ, здравомыслящихъ и безпристрастныхъ Англичанъ самихъ поражаетъ недобросовѣстность мистификаціи пускаемой въ ходъ подъ именемъ англійскихъ интересовъ. Но замѣчательно что ни одна англійская газета не сочла нужнымъ остановиться на этихъ словахъ. Ихъ осторожно обошли молчаніемъ въ печати, занимаясь болѣе разсужденіями о рѣчи Брайта. Дѣйствительно, въ недобросовѣстности англійской политики, которая, подъ предлогомъ заботъ о своихъ интересахъ въ Египтѣ, оказала прямую помощь Турціи, упрекъ этотъ очень серіозенъ и отъ него трудно отговориться. Удобнѣе молчать объ этомъ предметѣ, и не смущаясь продолжать ту же недобросовѣстную игру.

Ниже читатели найдутъ полное изложеніе той части тронной рѣчи при открытіи парламента которая относится къ событіямъ на Востокѣ. Она производитъ худшее впечатлѣніе чѣмъ можно было судить по краткому сообщенію переданному телеграфомъ. Королева созвала представителей націи ранѣе положеннаго срока специально съ цѣлью увѣдомить ихъ о ста-

раніяхъ сдѣланныхъ ею чтобы содѣйствовать возстановленію мира. А между тѣмъ рѣчь, вложенная министрами въ ея уста, звучитъ фальшиво и можетъ возбудить въ нашемъ противникѣ новыя пагубныя надежды. Въ самомъ дѣлѣ, въ тронной рѣчи возвѣщается что до сихъ поръ „ни одинъ изъ воюющихъ не нарушилъ условій на коихъ основанъ нейтралитетъ Англіи,“ что „пока эти условія не будутъ нарушены, положеніе принятое Англіей не измѣнится,“ и выражаетъ увѣренность что обѣ стороны будутъ и впредь уважать эти условія. Къ чему же, тотчасъ вслѣдъ затѣмъ, парламентъ предупреждается что отъ его щедрости могутъ потребоваться средства для „соотвѣтственныхъ приготовленій“ чтобы принять „мѣры предосторожности,“ которыя могутъ потребоваться „нѣкоторыми неожиданными обстоятельствами если война къ несчастію продлится?“ Не ясно ли что заботы англійской политики о мирѣ столь же лицемерны какъ и ея толки о своихъ интересахъ? Въ какихъ же мѣрахъ предосторожности можетъ встрѣтиться Англіи надобность когда специально поименованные ею интересы уважаются и есть увѣренность что и впредь будутъ уважаться обѣими воюющими сторонами? Въ тронной рѣчи сказано: если война продлится. Не есть ли это угроза противъ Россіи и поощреніе Турціи къ сопротивленію?

Плохую услугу Англіи въ заботахъ о мирѣ мы уже видѣли на самомъ началѣ переговоровъ о мирѣ. На прошедшей недѣлѣ мы были удивлены съ какимъ нахрапомъ Порты хотѣла взять перемиріе. Теперь изъ сопоставленія разныхъ газетныхъ свѣдѣній разъясняется въ чемъ было дѣло. Когда Портѣ, чрезъ посредство Англійскаго правительства, былъ переданъ отвѣтъ Россіи что для переговоровъ о перемиріи и мирныхъ условіяхъ ей слѣдуетъ обратиться въ Русскую Главную Квартиру, то въ совѣтахъ Порты вообразили или хотѣли представить дѣло такъ что Россія хлопочетъ о перемиріи, и потому тотчасъ же отправили приказанія турецкимъ генераламъ прекратить непріятельскія дѣйствія. Въ то же время въ Русскую Квартиру было послано извѣщеніе что туда незамедлительно отправятся турецкіе уполномоченные, но просили сообщить сперва въ Константинополь мирныя условія, для того де чтобы снабдить уполномоченныхъ соотвѣтствующими инструкціями. То есть, въ

Портъ воображали что военныя дѣйствія будутъ немедленно остановлены безо всякихъ гарантій, а она будетъ вольна тянуть переговоры и торговаться сколько ей будетъ угодно. Весьма вѣроятно, тутъ было и не безъ задней мысли перетянуть въ сущности переговоры въ Константинополь чтобы воспользоваться совѣтами г. Леярда. Разумѣется Русскій Главнокомандующій не могъ снизойти на эту продѣлку со стороны Турокъ. Его инструкціи, какъ сообщаетъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, были таковы что турецкіе уполномоченные должны прибыть въ Главную Квартирѣ чтобы узнать о мирныхъ условіяхъ, а не посылать ихъ на разсмотрѣніе въ Константинополь; поэтому онъ могъ только передать по телеграфу о претензіи Турокъ въ Петербургъ, откуда конечно получилъ только подтвержденіе прежнихъ инструкцій. Такимъ образомъ самими Турками былъ созданъ предлогъ почему начатіе переговоровъ замедлилось на нѣсколько дней.

Все это конечно было хорошо извѣстно вѣстовщикамъ разсылавшимъ телеграммы изъ Константинополя и Вѣны. А между тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, туркофильская печать то и дѣло трубила что начатіе переговоровъ, при всей доброй волѣ Порты, умышленно затягивается капризами Россіи, которая объявила что они должны быть ведены въ Главной Квартирѣ, а тамъ де говорятъ что не имѣютъ инструкцій и посылаютъ за ними въ Петербургъ.

Такія продѣлки, при самомъ началѣ переговоровъ, — плохое предвѣщаніе. Во всякомъ случаѣ, къ недоразумѣнію Порты, было ли оно случайное или умышленное, не должно бы быть никакого повода еслибы г. Леярдъ взялъ на себя трудъ ограничиться передачей русскаго отвѣта во всей точности, не оставляя и тѣни сомнѣнія въ его смыслѣ...

Сейчасъ мы получили извѣстіе о новой блистательной побѣдѣ: половина арміи Сулейманъ-паши (около 40 таборовъ), отброшенная къ Малымъ Балканамъ, разбита въ прахъ и совершенно разсѣяна.

№ 10.

Москва, 10-го января.

Новая, важная по своимъ послѣдствіямъ побѣда!

Она была довершеніемъ побѣды при Кадикюѣ. Недостаточно было отрѣзать непріятельскія силы, надо было тяжелымъ ударомъ лишить ихъ всякой возможности оправиться. Такъ и поняли свою задачу гвардейскіе командиры. Оттѣснивъ врага въ предгоріе Малыхъ Балканъ и окруживъ его съ трехъ сторонъ, наши войска трое сутокъ дрались безостановочно, ночуя на поляхъ сраженія. Турки кинулись въ восточномъ направленіи между Филиппополемъ и Станимакой, но здѣсь у селеній Бѣлестицы и Карагача понесли окончательное пораженіе, потерявъ 4 тысячи убитыми, болѣе 3 тысячъ плѣнныхъ и 49 орудій. Разсѣянные остатки ихъ бѣжали въ горы Деспотодага.

Если велико было всеобщее нетерпѣніе во время втораго періода кампаніи, то дѣйствія нашихъ войскъ, начиная съ 19 декабря по настоящій день, опережаютъ самое пылкое воображеніе.

Планъ турецкой обороны былъ задуманъ на широкихъ основаніяхъ. Самонадѣянно, не подозрѣвая грозившей имъ опасности, Турки находили возможнымъ отбиваться по всему южному склону Балканъ, и раздѣлили свою армію на двѣ половины: одна, подъ начальствомъ Реуфъ-паши, съ главною квартирою въ Эски-Загрѣ, должна была задерживать наступленіе корпуса генерала Радецкаго и сохранять связь съ войсками оставленными въ Четырехъугольникѣ, а другая, подъ личнымъ начальствомъ Сулеймана, предназначалась для защиты всей южной Болгаріи отъ наступленія генерала Гурко, одновременно занимая сильныя позиціи къ западу впереди Ихтимана у Вакареля и къ сѣверу у Петричева, и эта вторая армія, какъ оказывается, числила въ себѣ не менѣе 80 таборовъ. Планъ этотъ, растянувшій турецкія силы на 250—300 верстъ, далъ намъ возможность разбить непріятеля по частямъ, предупреждая всякую попытку его сосредоточиться у какого-либо пункта.

Но для этого войскамъ нашимъ надо было преодолѣть громадныя препятствія, на которыхъ и основывались надежды Турокъ. Надо было перейти Балканы сильно укрѣпленные, еще сильнѣе защищенные суровою зимой; затѣмъ, не теряя ни минуты времени, двигаться въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, по дурнымъ дорогамъ и безъ дорогъ, основывая успѣхъ главнѣйшимъ образомъ на быстротѣ передвиженій.

Черезъ девять дней послѣ Таликисенскаго боя и быстрого разлива нашихъ кавалерійскихъ отрядовъ по всей Софійской долинѣ, корпусъ генерала Радецкаго, усиленный 30-ю пѣхотною дивизіей и отрядомъ генерала Скобелева 2-го, полонилъ значительную часть Реуфовской арміи. Съ потерей 32.000 человекъ плѣнными и 93-хъ орудій Турки лишены были возможности сопротивляться въ долину Тунджи, и отдѣльными отрядами кинулись къ Адрианополю.

Бой 28 декабря у Шипки, столь славно увѣнчавшій пятимѣсячныя непомѣрныя усилія отряда генерала Радецкаго, разомъ обезпечилъ дальнѣйшій ходъ кампаніи.

На западъ войска генерала Гурко быстрымъ занятіемъ Софіи и преслѣдованіемъ непріятеля долиной Топольницы понудили одну часть его силъ отступить къ Татаръ-Базарджику и далѣе на Филиппополь, а другую — покинуть постепенно не только Ихтиманъ, Копачикъ, но и самыя Траяновы ворота, и притянувъ къ себѣ отрядъ защищавшій Самаково, всего въ количествѣ 40 таборовъ, отступать въ томъ же направленіи. Еслибъ отряду этому удалось настигнуть войска отступающія къ Филиппополю съ сѣвера, то у Турокъ могла бы образоваться довольно сильная армія, во всякомъ случаѣ способная отступить къ Адрианополю въ порядкѣ и задерживать наше наступленіе порчей дорогъ, сожженіемъ мостовъ и арріергардными дѣлами; но точное исполненіе плана и быстрота передвиженій уничтожили это намѣреніе. За два дня до боя у Шипки, отрядъ генерала Карцева, овладѣвъ Траяновымъ переваломъ, понудилъ Турокъ оставить свои позиціи и очистить дорогу съ сѣвера на юго-востокъ къ Филиппополю, по которой отрядъ нашъ и двинулся немедленно. Приближеніе генерала Карцева съ фланга ставило турецкія силы въ опасное положеніе, и Сулейманъ-паша рѣшился очистить Филиппополь не дождавшись соединенія своихъ отрядовъ. 4 января занятъ нашею кавалеріей Филиппополь, и въ тотъ же день на западъ отъ этого города, въ разстояніи не болѣе 13 верстъ, у селенія Кадыкія закипѣлъ бой между отступающими 40 турецкими таборами и колонной графа Шувалова. Бой у Кадыкія кончился не только пораженіемъ Турокъ, но, въ виду уже занятія нами Филиппополя, вынудилъ ихъ отступить къ югу, въ Малые Балканы на Дермендеръ, куда немедленно на-

правлены были графомъ Шуваловымъ съ фронта и съ праваго фланга войска его собственной колонны, а съ лѣваго фланга на Станимаку отрядъ генерала Скобелева 1, чѣмъ Сулейманова армія и была разрѣзана на двѣ части, лишенная всякой возможности соединиться. Быстрота дѣйствій и искусство маневрированія удивительныя! 3 января былъ бой у Кадакія, 4-го наши войска безъ отдыха продолжали атаку не давая непріятелю опомниться, а 5 января отрѣзанной части Сулеймановой арміи было нанесено окончательное пораженіе.

Между тѣмъ, торопясь къ Адрианополю, Сулейманъ, преслѣдуемый гвардейскою кавалеріей, съ остатками своей арміи продолжалъ отступленіе; 5 января онъ находился уже въ Папазлы, въ 25 верстахъ къ востоку отъ Филиппополя, но былъ предупрежденъ быстрымъ наступленіемъ кавалерійскихъ отрядовъ арміи Радецкаго, занявшихъ въ тылу его пространство между Чирпаномъ и Ени-Махале.

Не ограничиваясь этимъ движеніемъ, генералъ Радецкій одновременно двинулъ къ востоку отрядъ, занявшій 4 января Сливну, что понудило Турокъ очистить и Ямболъ, а съ главными силами, имѣя въ авангардѣ генерала Скобелева 2-го, направился къ Адрианополю. 3 января генералъ Струковъ, командующій кавалеріей Скобелевскаго отряда, занялъ станцію Тырново при соединеніи дорогъ изъ Филиппополя и Ямболя, 4-го занялъ Германлы и продолжалъ свое движеніе безостановочно, пока авангардъ не сосредоточился въ полномъ составѣ у того же Германлы, 7 января, пройдя въ 40 часовъ 82 версты и переваливъ черезъ Малые Балканы! Ожили Суворовскіе богатыри!

Въ настоящую минуту изъ официальныхъ телеграммъ извѣстно что кавалерія генерала Струкова еще 6 января проникла до города Мустафа-Паша, находящагося въ 30-верстномъ разстояніи отъ Адрианополя, который вѣроятно уже занятъ нашими войсками. Но вспомнимъ что русскія войска уже занимали этотъ турецкій городъ, а воспоминаніе о 1829 годѣ изгладилось слишкомъ скоро изъ турецкой памяти, а потому почтимъ наши геройскія войска увѣренностью что на этотъ разъ они пойдутъ далѣе, и развѣ въ стѣнахъ самого Константинополя заключатъ миръ купленный цѣною ихъ доблестныхъ усилій и дорогою кровью ихъ павшихъ товарищей.

Но извѣстіе о подступѣ нашихъ войскъ къ Стамбулу не было бы такъ поразительно какъ нынѣшнее, хотя не подтвержденное, извѣстіе изъ Галлиполи, полученное въ Лондонѣ, о появленіи Русскихъ между Узунъ-Кепри, и Кешаномъ на пути къ Дарданелламъ, уже въ близкомъ отъ нихъ разстояніи...

№ 11.

Москва, 11-го января.

Что такое англійскіе интересы? Было время когда занятіе Россіей Очакова объявлялось до такой степени опаснымъ для англійскихъ интересовъ что Англія грозила войной если Россія будетъ настаивать на своемъ требованіи. Это было во время нашей войны съ Турціей въ 1791 году, когда въ Англіи царило министерство все-сильнаго Питта, который, чтобы запугать насъ, спѣшно предпринялъ громадныя по тому времени морскія вооруженія приказавъ снарядить 36 линейныхъ кораблей, 12 фрегатовъ и столько же бриговъ и меньшихъ судовъ. По счастію нашимъ посломъ въ Лондонѣ былъ въ то время графъ Семень Романовичъ Воронцовъ, который, проживъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ, успѣлъ хорошо ознакомиться съ закулисною стороною англійской политики, и не только не встревожился этими мѣрами, но напротивъ побуждалъ нашъ Дворъ стоять твердо на своихъ требованіяхъ, а самъ, полагаясь на справедливость русскаго дѣла, энергически противодѣйствовалъ махинаціямъ Питта. Обстоятельства тогда были насколько возможно сходны съ настоящими. Страна, также какъ и теперь, была противъ войны съ Россіей, понимала какъ ея несправедливость, такъ и весь вредъ могущій произойти отъ нея для самой Англіи вслѣдствіе прекращенія торговли. Зная это и понимая также что Питтъ хотѣлъ главнымъ образомъ запугать Россію, графъ Воронцовъ тотчасъ принялъ свои мѣры. Онъ поговорилъ сначала съ подсекретаремъ герцогомъ Лидзомъ и увидя что тотъ мыслить какъ Питтъ, заключилъ разговоръ слѣдующими словами: „Такъ какъ я вижу что „министерство столь слѣпо что ввязывается (подъ предлогомъ сохраненія Очакова за Турками, что для Англіи должно „быть безразлично) въ войну несправую и

„вредную для обѣихъ странъ, то моя обязанность воспрепятствовать злу. Вы безъ „сомнѣнія имѣете большинство въ обѣихъ „палатахъ, но я уже достаточно знакомъ „съ этою страной чтобы знать что мнѣ „стерство и самъ парламентъ тогда только „сильны когда ихъ поддерживаетъ желаніе „графствъ и лицъ имущихъ и независимыхъ, „которые въ концѣ концовъ „управляютъ страной. Я объявляю вамъ „поэтому, господинъ герцогъ, что употреблю всевозможныя средства уведомить „страну о вашихъ проискахъ столь противныхъ ея интересамъ, и я слишкомъ „хорошаго мнѣнія объ англійскомъ здравомъ „смыслѣ чтобы не надѣяться что общій крикъ страны заставитъ васъ отказаться отъ вашего несправедливаго предпріятія.“

II графъ Воронцовъ не медля принялся за исполненіе своего намѣренія. Онъ тотчасъ же отправился къ вождямъ оппозиціи и, что по его словамъ было еще дѣйствительнѣе (*plus efficace*), ко многимъ членамъ палаты общинъ пользовавшимся по своему независимому характеру всеобщимъ уваженіемъ, и объяснилъ имъ несправедливость мѣръ которыя готовилось принять министерство, огромные расходы ими требуемые и неизбежное прекращеніе торговли съ Россіей, столь необходимой для Англіи. Все это удалось какъ нельзя лучше чтобы разстроить козни Питта. Когда онъ затѣмъ явился въ парламентъ чтобы открыто возвѣстить что вооружаемый флотъ назначается противъ Россіи которую слѣдовало де „воздержать въ ея безмѣрномъ честолюбіи“ и „воспрепятствовать разрушенію Оттоманской имперіи,“ то хотя большинство и осталось за нимъ, но онъ былъ удивленъ увидя что оппозиція усилилась на сто голосовъ противъ обыкновеннаго, и ему пришлось выслушать самыя ожесточенныя нападки. Онъ видѣлъ какъ многіе изъ его же приверженцевъ выходили изъ палаты для того чтобы не подавать голоса противъ него, но не желая и вотировать въ его пользу. На другой день онъ еще болѣе смутился увидя что число оппозиціи все возрастаетъ. Онъ сталъ уже опасаться за свое большинство и спѣшно отправилъ курьера чтобы нагнать прежде посланнаго который везъ въ Петербургъ формальное объявленіе войны „если Россія не заключитъ тотчасъ же мира съ Портою возвративъ ей все у ней завоеванное.“

Второй курьеръ вѣвремя нагналъ перваго въ Берлинѣ, но такъ какъ дѣло держалось втайнѣ, то Питтъ все еще надѣялся застрашать Русскій дворъ вооруженіемъ флота который стоялъ на якорѣ въ Портсмутѣ. Онъ все его не разоружалъ, въ надеждѣ что Россія *сама собою* откажется отъ большей части своихъ претензій, и особенно отъ обладанія Очаковымъ. Однако, графъ Воронцовъ сумѣлъ разузнать обо всемъ этомъ и настоятельно увѣщаль въ Петербургѣ своими донесеніями на сохраненіи твердости. А въ это время тревога распространилась по всѣмъ мануфактурнымъ городамъ Англіи, гдѣ начались публичныя сборища и ассоціаціи (совершенно подобное тому что видимъ нынѣ), и въ парламентъ посыпались петиціи противъ мѣръ принимаемыхъ министерствомъ относительно Россіи. Въ Лондонѣ, на всѣхъ стѣнахъ домовъ писали мѣломъ: „не нужно войны съ Россіей.“ Въ то же время многія газеты и масса брошюръ непрерывно поддерживали агитацію противъ правительства. Борьба эта продолжалась съ марта мѣсяца по іюль, и *наконецъ* Питтъ призналъ себя побѣжденнымъ: флотъ былъ разоруженъ, и въ Россію былъ отправленъ Фокнеръ согласиться на все чего желала императрица. И замѣчательнѣе всего что графъ Воронцовъ, такъ дѣятельно способствовавшій разстроить махинаціи Питта, не только не повредилъ этимъ своему положенію въ Англіи, но весьма вскорѣ, напротивъ, пріобрѣлъ личное довѣріе того самаго министерства противъ косяго такъ усердно ратовалъ за достоинство и интересы своей родины.

Подробности бѣгло разказаннаго нами эпизода изъ исторіи прошлаго столѣтія заимствованы нами изъ автобіографической записки графа Семена Романовича Воронцова писанной имъ къ графу О. В. Раstopчину, и помѣщенной въ 8-й книгѣ *Архива* князя Воронцова, издаваемаго подъ редакціей П. И. Бартенева. Желające полнѣе ознакомиться съ предметомъ могутъ найти много интересныхъ подробностей въ письмахъ графа С. Р. Воронцова къ своему брату Александру Романовичу, помѣщенныхъ въ 9-й книжкѣ *Архива* князя Воронцова. Мы должны ограничиться лишь весьма немногими выписками. Въ письмѣ отъ 29-го марта 1791 года, разказывая о первой парламентской неудачѣ Питта, нашъ посолъ писалъ:

„Дѣло это (то-есть вооруженія коими застрашивали Россію) рѣшительно непопулярно; г. Питтъ принужденъ былъ сказать что оно не приведетъ къ войнѣ и не промолвилъ ни слова о посылкѣ флота въ Балтійское море. Если у насъ будутъ тверды, то намъ должны будутъ предоставить Очаковъ.“

Письмо 11-го апрѣля начинается тѣмъ же увѣщаніемъ.

„Игра наша превосходная, если мы не уступили, какъ я надѣюсь и какъ я ожидаю отъ великой души императрицы и отъ твердости ея совѣтниковъ. Г. Питтъ, который безъ всякаго повода и съ такою неосторожностью обнаружилъ свое озлобленіе противъ Россіи, утвердится болѣе чѣмъ когда-либо если у насъ уступятъ; въ противномъ случаѣ не имѣя возможности объявить войну, о которой нація и слышать не хочетъ, онъ компрометтированъ навсегда. Онъ не имѣетъ болѣе прежней популярности...“

Еще опредѣлительнѣе графъ Воронцовъ повторялъ то же самое въ письмѣ отъ 26-го апрѣля.

„Дѣло нашего двора обстоитъ самымъ превосходнымъ образомъ, и не только долженъ онъ стоять твердо, но объявить письменно всѣмъ европейскимъ дворамъ что, такъ какъ онъ болѣе года поставилъ свои умѣренныя условія, а Турки, по упорству ли или *по винушенію тайныхъ подстрекателей*, которыхъ императрица не желаетъ ни называть ни знать, продолжаютъ войну, то она объясняетъ что не можетъ равнодушно видѣть пролитіе крови своихъ подданныхъ; объявляетъ что если Турки не примутъ мира, на умѣренныхъ условіяхъ ею предложенныхъ, къ 1 іюля, то она уже *не ограничится* этими условіями; что пусть державы, которыя выказываютъ себя столь ревностными достигнуть мира, проповѣдуютъ о немъ Туркамъ и принудятъ ихъ заключить его, или же пусть предоставятъ Россіи *право заставить Турокъ заплатить весь вредъ который она терпитъ* отъ ихъ упорства.“

Приведемъ еще выписку изъ письма отъ 2 іюля, въ которомъ нашъ посолъ оправдывалъ себя предъ нашимъ Дворомъ въ томъ что съ самаго начала не раздѣлялъ опасеній внушаемыхъ многимъ угрозами Англіи:

„Правда, я ошибся въ одномъ, но не ошибся въ другомъ. Я слишкомъ понадѣ-

ялся на здравый смысл и просвѣщенный взглядъ г. Питта; но полагаю я хорошо понялъ характеръ Англійской націи: ибо, когда г. Питтъ захотѣлъ, противъ всякой справедливости и наперекоръ истиннымъ интересамъ своей страны, вовлечь ее въ *неполитическую и тягостную войну*, имѣлъ ли онъ успѣхъ? Посмѣетъ ли онъ еще предпринять ее? Нѣтъ. Будьте увѣрены что я не ошибся когда писалъ Двору что эта мѣра такъ непопулярна что низвергнетъ министра еслибъ онъ дерзнулъ упорствовать. Да, я это утверждаю и буду утверждать всегда. Г. Питтъ самъ это видитъ, и какъ онъ безконечно болѣе дорожитъ своимъ мѣстомъ чѣмъ это думаютъ, то онъ сдѣлаетъ все на свѣтѣ чтобы не потерять его, утративъ въ то же время всю свою популярность, единственное основаніе его могущества.“

И далѣе въ томъ же письмѣ, послѣ того какъ авторъ его разъяснялъ все безсиліе Англіи причинить какой-либо существенный вредъ Россіи и напоминалъ какъ Петръ Великій въ 1719 и 1720 годахъ, при гораздо менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, не испугался угрозы англійскаго флота, читаемъ слѣдующія строки, выражающія высокій патріотизмъ нашего тогдашняго посла:

„Но всего болѣе меня успокоивалъ твердый и великодушный характеръ императрицы. Я не мыслилъ возможнымъ чтобы она захотѣла уступить угрозамъ или неприязни и подчиниться велѣнію иностранныхъ державъ; она оправдала мое довѣріе къ ея высокому характеру, и я горжусь служить столь великой государынѣ.“

Не правда ли какъ многое въ этой исторіи напоминаетъ настоящій хвастливый задоръ лорда Беконсфильда? Разница только въ томъ что теперь вопросъ сталъ обширнѣе, что наше положеніе гораздо благопріятнѣе, а положеніе Англіи теперь гораздо менѣе надежно чѣмъ было во время Питта. Но за то, къ выгодамъ государственныхъ людей нашихъ въ прошедшемъ столѣтіи, тогда у Англичанъ не былъ еще такъ какъ въ наши дни усовершенствованъ одинъ изъ пріемовъ политическаго обмана. Пустыми угрозами и тогда умѣли страшить, но тогда дипломатія еще не владѣла искусствомъ утонченной лжи говорить якобы не отъ себя, а за какіе-то „европейскіе интересы“, за „интересы всего міра!“ Если вѣрить телеграммѣ нашего бер-

линскаго корреспондента, то въ дипломатіи снова родились надежды на *сбыточность* конференціи для обсужденія „европейскихъ дѣлъ!“ Какіе же это *европейскіе* интересы, то-есть *одинаковые* для всѣхъ державъ? Мы понимаемъ что есть англійскіе, германскіе, австрійскіе, французскіе, италіянскіе интересы, наконецъ позволительно признать и *русскіе*. Намъ ничто не мѣшаетъ столкнуться съ тою или другою державой если находимъ это нужнымъ или полезнымъ для себя; но можетъ ли Россія отдавать свои дѣла, *свои* интересы, на судъ какой-то фантастической Европы? При неблагопріятномъ сложеніи отношеній ея къ другимъ, гораздо достойнѣе для нея было бы отступить отъ какихъ-либо вполне законныхъ выгодъ въ виду *force majeure*. Но, благодаря Бога, въ настоящее время международное положеніе Россіи далеко не таково. Въ необходимости преклониться предъ силой вещей находится, напротивъ, Англія. Ей и нужна конференція. Для ея политики судилище для разбора русскихъ правъ, купленныхъ русскою кровью, было бы настоящимъ торжествомъ. Противъ этой махинаціи годится только одно средство, то самое которое графъ Воронцовъ употреблялъ въ борьбѣ съ Питтомъ и которое на дняхъ рекомендовала намъ *Nord-deutsche Allgemeine Zeitung*—твердость и настояніе на своихъ *русскихъ* интересахъ. Чтобы заманить насъ на конференцію, насъ пугаютъ что Англія иначе не признаетъ сепаратнаго мира который мы можемъ заключить съ Турціей. Чтò же намъ-то до этого? Пусть не признаетъ! Тѣмъ хуже для нея.

Но, помимо обмана, мысль о конференціи скрываетъ прямую опасность для міра, гораздо болѣешую чѣмъ твердое настояніе на своемъ правѣ. Конференція не есть парламентъ, рѣшающій жизненные вопросы большинствомъ; тамъ меньшинство исчезаетъ. А какая держава, уважающая свое достоинство, подчинитъ заранѣе свои существеннѣйшіе интересы простому счету голосовъ? Въ концѣ концовъ конференція, при разногласіи, или превратится въ пуфъ или поведетъ къ войнѣ. Мы видѣли какъ даже опекаемая Турція насмѣялась надъ съѣхавшимися къ ней европейскими судьями и выпроводила ихъ вонъ. Повторять ли комедію послѣ столькой крови? А что если въ сонмищѣ голоса раздѣлятся три противъ трехъ или два противъ четырехъ?..

№ 12.

Москва, 12-го января.

А.

Новыя телеграммы Великаго Князя Главнокомандующаго сообщаютъ подробности о трехдневной битвѣ при Филиппополѣ и о занятіи нашими войсками Адрианополя.

Нечего говорить о громадномъ значеніи Филиппопольской побѣды. Главная турецкая армія, предназначенная для защиты всей Румелии, за исключеніемъ остатковъ войскъ Реуфа, торопливо вернувшись въ Константинополь для обороны его растянутыхъ укрѣпленій, уже не существуетъ... Не только 49 орудій достались намъ въ пылу битвы, не только цѣлая половина непріятельскихъ силъ истреблена, полонена и разсѣяна въ прахъ, но и та часть арміи которая еще сохраняла нѣкоторые признаки порядка, охваченная ужасомъ предъ молодецкою атакой *одного* казачьяго полка, бросаетъ остатки своей артиллеріи въ количествѣ 40 орудій... Разгромъ и паника какимъ мало примѣровъ въ исторіи.

Пока войска гвардейскаго отряда окончательно расправлялись со своимъ противникомъ, движеніе отряда генерала Радецкаго продолжалось безостановочно и заключилось 8-го января занятіемъ Адрианополя. Сегодня, 12-го, Главнокомандующій покидаетъ Казанлыкъ, и съ 15-го наша Главная Квартира будетъ находиться въ этой второй столицѣ бывшей Турецкой имперіи. Официальное увѣдомленіе о занятіи Адрианополя предупреждено сообщеніями о томъ же изъ иностранныхъ источниковъ; но не слѣдуетъ упускать изъ виду что Главнокомандующій не рѣдко принужденъ временно умалчивать объ успѣхахъ своего войска дабы дать возможность вполне развиться всѣмъ результатамъ побѣды. Такъ, при существующемъ положеніи дѣлъ, важно не самое занятіе Адрианополя, а тѣ послѣдствія которыя отсюда проистекаютъ, то направленіе въ которомъ будутъ двинуты наши войска, не дающія опомниться растерявшемуся и изнемогшему противнику.

Особое вниманіе обратили на себя слухи съ турецкой стороны о приближеніи нашихъ войскъ къ Галлипольской косѣ, слухи не подтверждаемые официально, но

весьма правдоподобные. По слухамъ, нашими войсками уже заняты Кешанъ находящійся въ 35 верстномъ разстояніи отъ Галлипольскаго полуострова. Быстрое занятіе Галлиполя, вотъ было бы по истинѣ великимъ и рѣшающимъ дѣломъ!...

И въ 1829 году армія наша переходила Балканы, и тогда знамена наши развивались въ Адрианополѣ, — но при какихъ условіяхъ?

Въ 1829 году, въ Черномъ Морѣ господствовалъ русскій флотъ, не только облегчавшій наши движенія, но и снабжавшій армію всѣмъ необходимымъ. Съ паденіемъ Варны оказывалась полная возможность параллельнаго движенія на югъ сухопутныхъ частей и флота, чѣмъ и воспользовался Дибичъ: отрядивъ отдѣльный корпусъ генерала Красовскаго для блокады Шумлы, самъ фельдмаршалъ съ остальными корпусами перешелъ Балканы на восточной ихъ оконечности. Отъ Айдоса до Адрианополя не болѣе 120 верстъ въ прямомъ направленіи, а переходъ черезъ Балканы былъ совершенъ въ іюль мѣсяцѣ. То ли теперь? Лишенная содѣйствія флота, отрѣзанная отъ восточныхъ Балканъ четырехугольникомъ крѣпостей, армія наша принуждена была издалека начать свое движеніе къ долигѣ Марицы; не 120 верстъ предстояло ей пройти, а въ два, даже три раза болѣе, и не лѣтомъ, а суровою зимой, какой не запомнятъ въ тѣхъ мѣстахъ старожилы. Пять мѣсяцевъ страдали скованные орлы, и теперь когда они въ полномъ блескѣ явили все превосходство, всю доблесть русскаго солдата, было бы несправедливостью судьбы прервать ихъ гордый полетъ и отказать имъ въ полномъ торжествѣ. Мы вѣримъ что на этотъ разъ Адрианополь будетъ только станціей для нашей арміи, и ждемъ официального подтвержденія частныхъ слуховъ о движеніи на Галлиполи какъ ждали подтвержденія тѣхъ же слуховъ о занятіи Адрианополя...

В.

Опубликованная на дняхъ „Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1878 годъ“ и сопровождающій ее всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ были прочтены всѣми, безъ сомнѣнія, съ большимъ интересомъ. Прежде всего, конечно, интересовалъ публику вопросъ

во что до сих пор обошлась Россіи нынѣшняя война. Вопросъ этотъ не оставленъ безъ отвѣта, какъ бывало въ прежнія времена. „Общій итогъ всѣхъ уже ассигнованныхъ въ росписи чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ войной,“ — читаемъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, — „начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1876 года простирается по 25 декабря сего (1877) года до 432.518.176 рублей.“

Было бы, однако, полагать, большою ошибкой думать что этою суммой чрезвычайныхъ военныхъ кредитовъ ограничивается весь итогъ матеріальныхъ жертвъ принесенныхъ Россіей на предпринятое ею святое дѣло. Размѣры этого итога въ дѣйствительности, безъ сомнѣнія, гораздо крупнѣе, въ чемъ можно убѣдиться хотя бы изъ разсмотрѣнія послѣдняго отчета Государственнаго Контроля. Въ этомъ отчетѣ пояснено что внѣбюджетные, чрезвычайные расходы по военнымъ приготовленіямъ простирались въ 1876 году до 51 милл. рублей (50.998.114 р. 37 коп.). Но изъ того же отчета видно что цифрой 51 милл. рублей чрезвычайные расходы вызванные политическими событіями 1876 года не ограничивались, и что значительная часть ихъ пала на обыкновенныя бюджетныя средства. Указывая на это обстоятельство, мы, говоря о дефицитѣ коимъ завершился 1876 годъ (13.844.306 руб.); имѣли уже случай замѣтить что не будъ отнесены къ отдѣлу обыкновенныхъ многіе расходы вызванные военными приготовленіями, этого дефицита, вѣроятно, не оказалось бы вовсе. Еще въ большей мѣрѣ чѣмъ на исполненіи бюджета 1876 года военныя обстоятельства должны были отразиться на исполненіи бюджета минувшаго 1877 года. Какою именно тяжестью легла война на обыкновенный бюджетъ прошлаго года, объ этомъ можно будетъ судить лишь когда будутъ сведены и обнародованы счета Государственнаго Контроля, но приблизительно понятие можно составить и теперь.

На покрытіе вышеупомянутой суммы внѣсмѣтныхъ военныхъ расходовъ (432.518.176 руб.), какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, предназначены:

1) Свободные остатки отъ смѣтъ прежняго времени, коихъ къ 1877 году, какъ значится въ послѣднемъ отчетѣ Государственнаго Контроля, числилось около 34 милліоновъ (33.951.881 руб. 72 коп.).

2) Два внутренніе займа, всего въ *триста* милліоновъ рублей номинальныхъ, которые по реализаціи могли доставить казнѣ около 270 милл. руб.

3) Внѣшній заемъ во *сто* милл. рублей металлическихъ, который по реализаціи могъ дать, смотря по курсу, приблизительно, 110—120 милліоновъ рублей кредитныхъ.

Въ общей сложности всѣ эти источники могли дать сумму хотя и близко подходящую, но во всякомъ случаѣ меньшую указанной суммы военныхъ расходовъ. Затѣмъ, помимо оказывающагося при этомъ небольшого дефицита, реализація самыхъ займовъ замедлилась, и не дала своевременно всѣхъ требовавшихся суммъ, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, понадобились выпуски кредитныхъ билетовъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ объ этихъ выпускахъ не упомянуто, но изъ публикуемыхъ балансовъ Государственнаго Банка видно что долгъ государственнаго казначейства Банку по текущимъ расходамъ за его счетъ возросъ къ 12 минувшаго декабря до 250.799.557 рублей, а итогъ временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, къ тому же числу, до 293.850.000 рублей.

Нельзя допустить чтобы вся сумма этого огромнаго выпуска кредитныхъ билетовъ пошла на покрытіе тѣхъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ которые включены въ упомянутый итогъ 432½ милліоновъ рублей, ибо при такомъ допущеніи вышло бы что реализація всѣхъ трехъ нашихъ займовъ, двухъ внутреннихъ и одного внѣшняго, не доставила казнѣ понынѣ даже и 105 милліоновъ кредитныхъ рублей. Но что бы ни говорили о неудачѣ нашихъ займовъ, — одни внутренніе дали казнѣ около 210 милліоновъ рублей; *) съ меньшимъ успѣхомъ, но все же въ немаломъ количествѣ разошлись и облигаціи внѣшняго займа. Правда, изъ общаго числа разобранныхъ публикой займовыхъ облигацій, нѣкоторыя еще не оплачены вполнѣ, — но даже принявъ во вниманіе и это обстоятельство, нельзя допустить чтобы суммы уже поступившія въ казну по всѣмъ

*) Итогъ неразобранныхъ публикой билетовъ и облигацій внутреннихъ займовъ, приблизительно выражаемый въ балансахъ Государственнаго Банка суммою принадлежащихъ Банку процентныхъ бумагъ, составлялъ къ 1 декабря прошлаго года около 60 милл. р.

тремъ займамъ были ниже 200 милліоновъ рублей. А отсюда ясно что крупная доля, повидимому около трети, всей массы временнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, пошла на покрытіе не собственно чрезвычайныхъ военныхъ ассигновокъ, а дефицита въ обыкновенномъ бюджетѣ на 1877 годъ, — дефицита вызваннаго конечно тѣми же причинами которыя повели къ сокращенію доходовъ и возрастанію расходовъ въ 1876 году, то-есть исключительными обстоятельствами военнаго времени. Крупный дефицитъ въ обыкновенномъ бюджетѣ 1877, — истинный размѣръ коего станетъ извѣстенъ, конечно, не ранѣе сведенія и провѣрки счетовъ Государственнымъ Контролемъ, — не будетъ поэтому неожиданностью. Впрочемъ, ожидать его можно было уже при самомъ опубликованіи росписи государственныхъ доходовъ на 1877 годъ. Хотя она и была сведена съ предполагаемымъ избыткомъ доходовъ въ 8.522 рубля, но въ нее, какъ тогда же было нами замѣчено, вовсе не былъ внесенъ расходъ по уплатѣ процентовъ на только что выпущенные, въ виду восточныхъ замѣшательствъ, банковые билеты 4-го выпуска, а вліяніе которое должно было оказать на равновѣсіе бюджета пониженіе курса кредитнаго рубля было принято въ расчетъ лишь въ весьма слабой степени.

Оба эти обстоятельства — уплата процентовъ и погашенія по военнымъ займамъ и пониженіе курса кредитнаго рубля — съ гораздо большею предусмотрительностью приняты въ расчетъ при составленіи опубликованнаго на дняхъ бюджета на текущій 1878 годъ. Именно, въ нее внесенъ расходъ въ 17 милл. руб. на уплаты по двумъ *внутреннимъ* займамъ (ни проценты, ни погашеніе по *внѣшнему* займу въ бюджетъ не включены), а расходы по заграничнымъ платежамъ, вслѣдствіе пониженія курса, повышены на 8.970.000 рублей, что въ общей сложности составляетъ вызванное исключительно нынѣшнею войной увеличеніе нормальныхъ расходовъ на 25.970.000 рублей. За исключеніемъ этой цифры, сумма всѣхъ прочихъ обыкновенныхъ расходовъ исчислена въ 537.857.231 р., а итогъ обыкновенныхъ доходовъ — въ 538.331.523 руб., такъ что не будь обстоятельствъ вызвавшихъ указанное увеличеніе расходовъ, въ нормальномъ бюджетѣ было бы соблюдено равновѣсіе, и лишь благодаря этимъ обстоятельствамъ оказался дефицитъ въ

25.495.708 р. *), повышенный въ бюджетѣ, вслѣдствіе обычнаго внесенія въ него двухъ милліоновъ на недоборъ въ окладныхъ сборахъ, до 27.495.708 руб. Дефицитъ этотъ, по Высочайшему повелѣнію, долженъ быть покрытъ изъ суммъ послѣдняго внѣшняго займа.

Помимо повышенія расходовъ по займамъ и по заграничнымъ платежамъ, прочія бюджетныя назначенія 1878 года, какъ по доходамъ такъ и по расходамъ, вообще мало разнятся отъ соотвѣтственныхъ назначеній бюджета 1877 года. Упомянемъ лишь наиболѣе интересныя для публики отступленія назначеній новаго бюджета отъ прошлогоднихъ, съ указаніемъ причинъ коими эти отступленія вызваны.

Окончательное прекращеніе платежей на вознагражденіе Даніи за отмѣну Зундской пошлины повело къ сокращенію расходовъ на сумму около 400.000 р. Прекращеніе помилной платы Русскому Обществу Пароходства и Торговли; пріостановившему вслѣдствіе войны свои рейсы, дало экономіи 833.000 руб. Затѣмъ свыше милліона рублей экономіи сдѣлано путемъ временной пріостановки нѣкоторыхъ строительныхъ работъ, — пріостановки вызванной нынѣшними политическими обстоятельствами. Такъ, по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ строительные расходы уменьшены на 484.000 р., по Министерству Финансовъ — на 519 000 руб., вслѣдствіе временной пріостановки работъ по постройкѣ въ Харьковѣ Технологическаго Института, по гражданскому управленію Закавказскаго края — на 85.000 р., вслѣдствіе временной пріостановки построенія въ Тифлисѣ собора Кавказской арміи. Сдѣланныя по этимъ статьямъ сокращенія дозволили внести въ бюджетъ, безъ обремененія его, значительный кредитъ (1.710.000 р.) на устройство Сяскаго и Свирскаго каналовъ.

Въ статьяхъ доходовъ преимущественное вниманіе обращаетъ на себя увеличеніе дохода отъ акциза съ табаку на 2.396.500 руб., вслѣдствіе установленія съ 1 января сего года новаго тарифа бандеролей. Повышеніе этого наименѣе тягостнаго изъ акцизовъ съ избыткомъ возмѣщаетъ тѣ недо-

*) Въ сущности бюджетный дефицитъ менѣе этой суммы, ибо въ числѣ расходовъ значатся отчисления въ запасные фонды: Военнаго Министерства — 2.220.081 руб. и Морскаго — 371.033 р. Безъ этихъ отчисленій дефицитъ сократился бы до 22.904.584 р.

четы въ доходахъ которые ожидаются отъ уменьшенія горныхъ податей на 1.650.135 руб. (главнымъ образомъ за отмѣною процентной подати съ добываемаго золота), а равно и отъ отмѣны вреднаго для промышленности акциза съ фотогеноваго производства (давшаго въ 1876 году 281.390 руб.).

Разчеты казны съ желѣзно-дорожными обществами по приплатамъ гарантій перешли, какъ извѣстно, отъ Министерства Путей Сообщенія къ Министерству Финансовъ, и смѣта расходовъ по этой статьѣ (11 милліоновъ) повышена противъ прошлогодней на два милліона. Параллельно съ этимъ увеличеніемъ расхода, ожидается увеличеніе на 2.122.242 р. поступленій отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ на платежи по ихъ облигаціямъ, частію вслѣдствіе предполагаемаго увеличенія платежей отъ Одесской, Новгородской и Либаво-Роменской желѣзныхъ дорогъ, частію вслѣдствіе исчисления платежей съ облигаціонныхъ капиталовъ по возвышенному курсу. Такимъ образомъ, и съ этой стороны бюджетное равновѣсіе осталось бы ненарушеннымъ еслибы платежи казны по желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ не возвысились на $5\frac{1}{4}$ милліоновъ отъ увеличенія расходовъ на разницу въ курсѣ, — что чувствительно отозвалось на размѣрахъ дефицита съ конмъ сведена новая государственная роспись.

Должно замѣтить, впрочемъ, что цифра этого дефицита, принимая во вниманіе обстоятельства при коихъ она получилась, не представляетъ собою ничего тревожнаго, особенно въ виду сдѣланнаго во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ заявленія что за покрытіемъ дефицита изъ Высочайше указаннаго источника, „удовлетвореніе текущихъ на 1878 годъ расходовъ *вполнѣ обезпечено*“, и затѣмъ экстраординарные ресурсы понадобятся лишь для покрытія собственно военныхъ издержекъ. Это заявленіе позволяетъ надѣяться что въ наступившемъ году текущіе расходы не потребуютъ какъ въ минувшемъ выпуска кредитныхъ билетовъ, а будутъ дѣйствительно покрыты указанными въ бюджетѣ средствами, причемъ самый дефицитъ не выйдетъ изъ предположенныхъ предѣловъ $27\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Въ этихъ же размѣрахъ, повторяемъ, онъ не представляетъ ничего тревожнаго для нашихъ финансовъ и по своему значенію не можетъ быть даже сравниваемъ съ бюджетными дефицитами шестидесятихъ

годовъ — дефицитами не военного, а *мирнаго* времени. Припомнимъ что государственныя росписи сводились у насъ съ превышеніемъ расходовъ надъ доходами

| | |
|-----------------|---------------|
| въ 1866 году на | 21.583.931 р. |
| ” 1867 ” ” | 15.206.294 ” |
| ” 1868 ” ” | 12.462.136 ” |
| ” 1869 ” ” | 15.174.074 ” |

Это по росписи; при исполненіи же бюджетовъ дефициты оказывались иногда много крупнѣе, и на примѣръ за 1866 годъ дефицитъ оказался въ 60.600.000 рублей! Въ относительно короткій срокъ, государство съ торжествомъ вышло изъ борьбы съ хроническими дефицитами, и вслѣдъ за пятилѣтіемъ 1866—1870, ознаменовавшимся стомилліоннымъ дефицитомъ, мы видѣли пятилѣтіе 1871—1875, давшее 55-милліонный избытокъ доходовъ надъ расходами. Въ виду такого факта, нѣтъ повода опасаться чтобы дефициты появившіеся въ нашихъ бюджетахъ вслѣдствіе нынѣшней войны сдѣлались хроническими. Предположенный же дефицитъ текущаго года до такой степени отличается временнымъ характеромъ что поднимись только въ текущемъ году поступленіе доходовъ до цифры дѣйствительнаго поступленія ихъ въ 1875 году, — и дефицита совсѣмъ не окажется. А такое возрастаніе доходовъ послѣ побѣдоносной и счастливой войны есть дѣло болѣе чѣмъ возможное.

Однако нельзя не признать что восточныя замѣшательства обошлись намъ весьма не дешево. Однѣ собственно военныя издержки уже превысили $432\frac{1}{2}$ милліона рублей, и неизвѣстно до какой цифры дойдутъ онѣ въ будущемъ. Въ нормальныхъ бюджетахъ мѣсто превышенія доходовъ надъ расходами заступили дефициты, въ 1876 году около 14 милліоновъ рублей, въ минувшемъ 1877, какъ можно полагать, милліоновъ во сто, если не болѣе, въ текущемъ 1878, по предположеніямъ росписи, въ $27\frac{1}{2}$ милл. Кромѣ трехъ займовъ въ 400 милліоновъ, понадобился уже почти 300-милліонный выпускъ кредитныхъ билетовъ. Понадобилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышеніе нѣкоторыхъ налоговъ, какъ на примѣръ таможеннаго (уплата пошлинъ золотомъ) и акциза съ табаку, причемъ подверглась обложенію даже свободная прежде отъ налога махорка, и еще большія повышенія налоговъ понадобятся, вѣроятно, въ будущемъ. Удовлетвореніе многихъ

потребностей пришлось отсрочить или сократить. Приостановка черноморской торговли не могла не отозваться на всѣхъ интересахъ южной окраины Россіи. Пониженіе курса кредитнаго рубля со всѣми его послѣдствіями ощущается на всемъ пространствѣ государства. Всѣ эти обстоятельства не могли не имѣть вліянія на многія отрасли нашей промышленности, изъ коихъ нѣкоторыя еще до войны были постигнуты кризисомъ. Затѣмъ, массы людей были оторваны отъ своихъ семействъ и отъ обычнаго производительнаго труда, многія тысячи и десятки тысячъ изъ нихъ легли костью, еще большее число поплатилось ранами и потерей здоровья. Много пролилось слезъ, много причинено горя, много появилось на Руси вдовъ, сиротъ и увѣчныхъ.

Нельзя не имѣть всего этого въ виду, особенно теперь когда дѣло близится къ разчету и уже идетъ рѣчь о прелиминаріяхъ мира съ Оттоманскою Портой, вынудившею насъ, своимъ наглýmъ упорствомъ, на столь тяжкія и громадныя жертвы. Въ виду этихъ жертвъ, Россія не можетъ удовольствоваться простымъ вознагражденіемъ—денежнымъ и территоріальнымъ: требуется гарантія въ томъ что необходимость такихъ жертвъ болѣе не повторится. Такую гарантію можетъ дать только радикальное рѣшеніе Восточнаго вопроса. И чтобы привести дѣло къ такому концу, Россія, конечно, не остановится ни предъ какими жертвами. Высшія соображенія долга возложеннаго на Россію ея исторіей вполне совпадаютъ въ этомъ отношеніи съ ея матеріальными и финансовыми интересами. Лишь съ окончательнымъ рѣшеніемъ Восточнаго вопроса освободится она отъ вѣчно тяготѣвшаго надъ нею кошмара, державшаго ее въ постоянномъ напряженіи, препятствовавшаго безостановочному и плодотворному развитію ея силъ и много разъ парализовавшаго успѣхи въ развитіи ея благосостоянія. Какъ бы ни были велики расходы на войну, эти расходы не будутъ непроизводительными если исходомъ войны будетъ полное рѣшеніе Восточнаго вопроса. Достиженіе такого результата поведетъ къ такому подъему народнаго духа, вдохнетъ въ народныя силы такую энергію при которой не будутъ неодолимы никакія финансовыя затрудненія, и о которой въ настоящее время нельзя составить себѣ даже приблизительнаго понятія.

№ 13.

Москва, 13-го января.

Когда стало несомнѣнно что Турція изнемогла въ борьбѣ, а ея делегаты, ѣхавшіе въ Русскую Главную Квартиру съ передышками и можетъ быть съ намѣреніями не очень податливыми, должны будутъ уже не разсуждать, а подчиниться требованіямъ побѣдителя, тогда туркофилы, разочарованные къ тому же англійскою тронною рѣчью, забили новую тревогу. Они вздумали увѣрять что не только Англія, но и Австрія протестуютъ противъ сепаратнаго мира между Россіей и Турціей, и намекали что въ рѣшительную минуту можетъ возникнуть Англо-Австрійскій союзъ. Пробный шаръ былъ пущенъ въ *Neue Freie Presse*. Эта газета выступила съ утвержденіемъ что 15-го января (замѣтьте какая точность) графъ Зичи представилъ Портѣ ноту, въ которой Австрія протестуетъ противъ сепаратнаго мира и совѣтуетъ Туркамъ не принимать русскихъ условій. Свой совѣтъ Австрія будто бы мотивировала тѣмъ что, въ качествѣ державы подписавшей Парижскій трактатъ, она всегда была того мнѣнія что заключеніе мира есть вопросъ европейскій. Разница съ подобнымъ шагомъ Англіи состояла будто бы только въ томъ что одновременно съ деклараціей переданною г. Леярдомъ Портѣ была передана протестующая нота и лордомъ Лофтусомъ въ Петербургъ, между тѣмъ какъ Австрія воздержалась де отъ увѣдомленія Русскаго правительства.

Моментъ былъ разчитанъ туркофилами недурно. Извѣстіе о протестѣ Австріи должно было облегчить воинственную осанку англійскимъ министрамъ въ неудобную для нихъ минуту предъ парламентомъ; къ тому же это извѣстіе имѣло тѣнь правдоподобія. Какъ ни часто ссылается графъ Андраши на незыблемость Тройнаго Союза, онъ столь же часто повторялъ для оправданія своей пассивной политики что въ подходящій моментъ сумѣетъ отстоять интересы Австріи, и что при заключеніи мира Австрія броситъ на вѣсы свое слово. Могло поэтому казаться, не счелъ ли австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ именно настоящій моментъ удобнымъ для своего „вѣскаго“ слова.

Но можетъ ли Австрія положиться на

Английскій союзъ? Какъ бы отвѣтомъ на это служить напечатанное на дняхъ въ *Кельнской Газетѣ* письмо ея вѣнскаго корреспондента изъ круговъ, какъ прибавляетъ газета, „близкихъ къ Австрійскому правительству.“ Въ Вѣнѣ, утверждаетъ письмо, съ самаго начала скептически относились къ набатнымъ извѣстіямъ изъ Англіи, и теперь не имѣютъ причины въ этомъ раскаиваться. Съ разныхъ сторонъ дѣлались де упреки что Вѣнскій кабинетъ пропустилъ моментъ чтобы присоединиться къ Англіи, но эти упреки были де справедливы только пока могло казаться что Англія дѣйствительно готова придти на помощь Турціи и придать ей „новую силу въ послѣднихъ судорогахъ отчаянной борьбы;“ но по мѣрѣ того какъ истинный образъ английской „помощи“ выступалъ изъ тумана, Вѣнскій кабинетъ не могъ болѣе сомнѣваться что для британскихъ политиковъ все дѣло только въ томъ чтобъ оградить кругъ британскихъ интересовъ. Корреспондентъ не находитъ ничего возразить противъ такого образа дѣйствій, такъ какъ и сама Австрія, говоря о мирѣ какъ о вопросѣ европейскомъ, въ сущности имѣетъ въ виду лишь собственные интересы, но по этому самому она и не можетъ жертвовать для Англіи и своимъ государственнымъ благосостояніемъ, и столь драгоцѣннымъ для нея миромъ. Упомянувъ затѣмъ что, склоняясь къ Англіи, Австрія стала бы въ противорѣчіе къ Союзу Трехъ Императоровъ, „ибо въ Берлинѣ слѣдятъ съ несомнѣннымъ неудовольствіемъ за поползновеніями (Ge-lüste) Сентъ-Джемскаго кабинета,“ корреспондентъ указываетъ еще на одно, по его мнѣнію, еще болѣе важное обстоятельство. Внѣ Союза Трехъ Императоровъ и независимо отъ его вліянія, замѣтенъ поворотъ противъ английскихъ намѣреній. Державы Средиземнаго моря въ свою очередь опасаются что вмѣсто европейскихъ интересовъ, какъ первоначально выставлялось въ Лондонѣ, имъ пришлось бы стараться для выгодъ Англіи и въ ущербъ себѣ. Въ виду этого, политика Австріи опредѣлялась сама собою, и она ни секунды не колебалась въ ней.

Приведенныя соображенія не представляютъ, конечно, чего-либо новаго, но какъ эпизодъ поднятой туркофилами тревоги о „бѣгствѣ Австріи изъ - подъ знамени“ (Oesterreich's Fahnenflucht), имѣютъ свое

значеніе. Что касается собственно извѣстія *Neue Freie Presse*, то оно какъ берлинскими газетами, такъ и английскою *Daily News* объяснено тѣмъ что Австрія, нѣсколько недѣль тому назадъ отказывая Портѣ въ посредничествѣ, чтобы смягчить дѣло, упомянула въ своемъ отказѣ что „удерживаетъ за собою свое законное вліяніе на окончательное заключеніе мира.“ Дипломаты Порты поспѣшили придать этимъ словамъ тотъ смыслъ что Австрія настаиваетъ на своемъ качествѣ державы-поручи и тѣмъ будто бы подтверждаетъ трактатъ 1856 года установившій цѣлость и независимость Турціи; но такое объясненіе, заявленное Эссадъ-беемъ въ Вѣнѣ, было тамъ принято съ очевиднымъ неудовольствіемъ. Этотъ-то фактъ *Neue Freie Presse* и перенесла на настоящій моментъ, связавъ его кстати съ пребываніемъ въ Вѣнѣ венгерскихъ министровъ, пріѣхавшихъ неизвѣстно уже въ который разъ договариваться объ Австро-Венгерскомъ „соглашеніи.“ Это „соглашеніе,“ несмотря на безконечные переговоры, никакъ не можетъ состояться и, какъ сообщала сегодняшняя телеграмма, даже грозитъ изъ-за частнаго разлада между кабинетомъ и парламентомъ (по вопросу о размѣрѣ пошлины на кофе и петролей) кризисомъ Цислейтанскаго министерства. А между тѣмъ неурядица эта отзывается на торгово-политическихъ отношеніяхъ Австріи къ другимъ странамъ, подрываетъ ея кредитъ, причиняетъ застой ея промышленности и торговли. Все это, конечно, не очень поощрительно для военныхъ замысловъ.

Австрія не можетъ сказать чтобъ ея интересы не были уважены или чтобъ имъ грозила опасность. Это доказываетъ все теченіе Восточнаго кризиса. Многія военныя соображенія, въ особенности Сербовъ и Черногорцевъ, рушились отъ одного слова Австріи, и имъ приходилось строить новыя. Слову этому придавало вѣсь исключительно ея положеніе въ Союзѣ Трехъ Императоровъ и рѣдкая податливость со стороны Россіи. Въ этомъ, и болѣе ни въ чемъ, заключается и въ будущемъ для Австріи гарантія ея положенія. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Монархи Австріи и Россіи обмѣнялись письмами, что произвело, особенно въ Вѣнѣ, успокоительное дѣйствіе. Фактъ этотъ, конечно, не останется безъ оцѣнки и въ Лондонѣ.

№ 14.

Москва, 14-го января.

А.

Полученныя нами сегодня иностранныя газеты такъ обильны самыми разнообразными извѣстіями по поводу воспрянувшей къ лихорадочной дѣятельности дипломатинъ что мы считаемъ не лишнимъ сопоставить здѣсь важнѣйшія изъ этихъ извѣстій, тѣмъ болѣе что телеграфъ передалъ намъ многія изъ нихъ со значительными сокращеніями и часто съ искаженіемъ смысла.

Интереснѣе всего слухи о личномъ посредничествѣ королевы Викторіи въ пользу Турціи. По этому поводу *Times*, отъ 21 января, сообщаетъ что „по извѣстіямъ изъ источника не допускающаго сомнѣнія, Императоръ Всероссійскій получилъ отъ королевы Викторіи письмо въ которомъ ея величество заступаетъ за Турокъ и проситъ Царя остановить дальнѣйшее движеніе его войскъ.“ Это извѣстіе передано по телеграфу изъ Лондона, отъ 20 января, въ *Кельнскую Газету* еще съ большею подробностью. Въ телеграммѣ сказано: „Королева Викторія обратилась къ Императору Александру съ собственноручнымъ письмомъ въ коемъ проситъ чтобы русскія войска остановились въ своемъ движеніи впередъ дабы не коснуться Константинополя. Отвѣтъ Императора еще не послѣдовалъ, но судя по впечатлѣніямъ англійскаго посольства въ Петербургѣ, письмо королевы повидимому не встрѣтило благопріятнаго приѣма.“ О предпринятомъ ею шагѣ королева Викторія сообщила и въ Константинополь: въ газету *Times* сообщаютъ оттуда, отъ 17 января, что ея величество телеграфировала султану что ему уже извѣстно о томъ что сдѣлали ея министры; но сверхъ того она желаетъ его увѣдомить что она сама настойчиво просила (*urged*) Императора Всероссійскаго о скорѣйшемъ заключеніи почетнаго мира съ Турціей.

Эти газетные слухи о личномъ вмѣшательствѣ королевы Викторіи въ извѣстной мѣрѣ подтверждаются преніями Британскаго парламента. Въ засѣданіи палаты общинъ 21 января, одинъ изъ членовъ спросилъ правительство, правда ли что королева Викторія обратилась къ Императору Всероссійскому съ письмомъ въ ко-

емъ настаиваетъ на скорѣйшемъ прекращеніи военныхъ дѣйствій? На это г. Порткотъ замѣтилъ что отвѣчать на этотъ вопросъ немедленно нѣтъ возможности.

Между тѣмъ извѣстія изъ Константинополя отнюдь не доказываютъ чтобы „экстраординарные“ со стороны Англій попытки въ пользу Турціи хотя сколько-нибудь способствовали ободренію тамошнихъ государственныхъ людей. Все сообщаемое оттуда не только указываетъ на полнѣйшее отчаяніе господствующее въ турелкой столицѣ, но и на то какъ низко упала тамъ кредитъ Англій. Не говоря ужъ о томъ что самыя фанатическія изъ тамошнихъ газетъ настойчиво требуютъ чтобы Турція заключила миръ цѣною какихъ бы то ни было жертвъ и чтобы она не обращала никакого вниманія на „интересы другихъ державъ,“ мы находимъ въ корреспонденціи изъ Константинополя, отъ 11 января (то-есть задолго еще до послѣднихъ громовыхъ ударовъ постигшихъ турецкое оружіе), помѣщенной въ *Политической Корреспонденции*, весьма характеристичныя подробности о настроеніи тамошнихъ государственныхъ людей. Вотъ слова которыя, по увѣренію корреспондента, сказалъ наканунѣ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ одному изъ представителей великихъ державъ, говоря о со-вѣтѣ данномъ лордомъ Дарби Портъ обратиться непосредственно къ Россіи: „Увлеченные Англійей, мы смѣло идемъ по пути котораго мы не знаемъ и который роковымъ образомъ приведетъ насъ къ пропасти, все равно примемъ ли мы, или отвергнемъ условія предложенныя намъ Россіей. *Оттоманская имперія погибла.*“ Тотъ же Серверъ-паша, защищая Турецкое правительство противъ нападокъ въ турецкомъ парламентѣ, высказался, по словамъ того же корреспондента, очень рѣзко объ Англій, которую онъ прямо обвинялъ въ томъ что она постоянно подстрекала Турцію сопротивляться до крайности, а между тѣмъ когда настала часъ крайней опасности Англія покинула Турцію и предоставила ее собственной участи. Въ этотъ день (10 января) Серверъ-паша еще утѣшалъ парламентъ возможностью успѣшной обороны столицы, указавъ на то что правительство еще располагаетъ 150.000 въ долинь Адрианополя, добавивъ что въ теченіе *трехъ мѣсяцевъ* это число возрастетъ до 300.000, которые будутъ де въ

состояніи удержать Русскихъ отъ движенія на Константинополь. Палата нѣсколько успокоилась этими увѣреніями и выразила свое довѣріе правительству. Но вслѣдъ затѣмъ армію Сулеймана постигъ окончательный погромъ, Адрианополь былъ очищенъ безъ сопротивленія. И вотъ мы читаемъ въ той же *Корреспонденціи* телеграфное сообщеніе изъ Константинополя, отъ 20 января, что Порта, „въ виду угрожающаго внутренняго положенія вещей, особенно въ столицѣ, куда стеклось изъ разныхъ мѣстъ Румелии не менѣе 300.000 бѣглецовъ, вынужденною находится во что бы то ни стало принять условія поставленныя Россіей, какъ бы суровы они ни были.“

Наконецъ, петербургскій корреспондентъ той же *Корреспонденціи* подтверждаетъ, въ письмѣ отъ 17 января, что султанъ дѣйствительно обратился непосредственно къ Императору Всероссійскому по телеграфу съ просьбой о пріостановленіи военныхъ дѣйствій на время переговоровъ, для коихъ турецкіе уполномоченные отправились въ Главную Квартіру. На это де было отвѣчено султану увѣреніемъ въ мирномъ расположеніи Россіи; и что пріостановленіе военныхъ дѣйствій послѣдуетъ де немедленно какъ только турецкіе уполномоченные примутъ предложенные имъ прелиминаріи мира.

Догадкамъ и слухамъ о содержаніи этихъ прелиминарій, отъ принятія коихъ зависитъ самое перемиріе, нѣтъ конца въ иностранной печати. Берлинская печать по своему обыкновенію относится къ этимъ слухамъ съ крайнею сдержанностью и осмотрительностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить что наступившая съ неожиданною быстротой вѣроятность вступленія русскихъ войскъ въ Константинополь застала и берлинскую печать нѣсколько врасплохъ. Въ подобныхъ случаяхъ органы ея обыкновенно прибѣгаютъ къ туманнымъ рѣчамъ и неудобопонятнымъ разсужденіямъ. Такимъ характеромъ (совсѣмъ не гармонирующимъ съ прежде высказанными взглядами) отличается въ особенности передовая статья, отъ 22 января, посвященная берлинскою *Национальною Газетою* вступленію русскихъ войскъ въ Адрианополь. Названная газета сочла нужнымъ предостерегать Россію. Ей кажется что „русскія войска дошли теперь до такого пункта на своемъ побѣдномъ

пути гдѣ каждый дальнѣйшій шагъ можетъ причинить опасное разверзаніе почвы.“ Хотя миръ легче будетъ продиктовать въ стѣнахъ Царь-Града, продолжаетъ газета, но „обратный путь оттуда къ Пруту былъ бы гораздо труднѣе нежели изъ Адрианополя, даже еслибы ни Англичанъ, ни Мадьяръ не существовало на свѣтѣ (?!)“. Не куріозно ли это? И въ то же время, припоминая кампанію 1829 года и тогдашнюю воздержность Россіи, та же газета находитъ что еслибы Россія и теперь, какъ тогда, не захотѣла до конца воспользоваться плодами своихъ побѣдъ и отказалась отъ занятія Константинополя, то это вызвало бы въ Европѣ „удивленіе и насмѣшки!“ Вотъ это имѣетъ смыслъ, и это правда.

Б.

Непрерывная цѣпь блестящихъ успѣховъ русскаго оружія, помимо достигнутыхъ ими важныхъ военныхъ и политическихъ результатовъ, не осталась безъ серьезныхъ послѣдствій и для нашего финансоваго положенія. Въ какой бы мѣрѣ ни парализовалось благотворное вліяніе этихъ успѣховъ непрекращающимися выпусками кредитныхъ билетовъ (сумма временнаго выпуска къ 19 декабря дошла до 302.800.000 р.), нашъ вексельный курсъ послѣднее время пошелъ въ гору. Крайнее паденіе курса, обнаружившееся вслѣдъ за неудачей августовскаго штурма Плевнинскихъ укрѣпленій, понизившее къ концу сентября цѣну нашего рубля до 234 сантимовъ, уже отошло въ область прошлаго. Къ 10 января курсъ поднялся до 263½ сантимовъ — отмѣтка какой еще не было ни разу съ іюля мѣсяца. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстро сталъ падать лажъ на золото. О цѣнѣ 8 руб. 80 к. за полуимперіаль, по которой совершались сдѣлки на золото въ началѣ октября, нѣтъ болѣе и помина, 2 января полуимперіаль цѣнился на Петербургской биржѣ уже только въ 8 руб. 4 коп., а къ 10 января эта цѣна понизилась до 7 руб. 82 коп.

Вмѣстѣ съ улучшеніемъ нашего вексельнаго курса измѣнилось въ нашу пользу и настроеніе иностранныхъ биржъ по отношенію къ русскимъ фондамъ. Нашъ внѣшній заемъ, о совершенной неудачѣ коего было такъ много толковъ, теперь разобранъ сполна. Остатокъ этого займа, какъ

сообщило *Agence Générale Russe*, покрыть во Франціи съ преміей.

Таковы обстоятельства при которых начинается для Россіи новый финансовый годъ. Обстоятельства эти, конечно, во многомъ облегчаютъ нашему Министерству Финансовъ задачу пріисканія средствъ для удовлетворенія всѣхъ предстоящихъ нуждъ. При исполнѣ уже обезпеченномъ удовлетвореніи текущихъ расходовъ, въ наступившемъ году чрезвычайныя средства понадобятся лишь на покрытіе собственно военныхъ издержекъ. Въ минувшемъ году, для покрытія ихъ представилась необходимость, помимо займовъ, прибѣгать къ усиленнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, между прочимъ для покупки золота и заграничныхъ векселей по чрезмѣрно высокимъ цѣнамъ. Теперь, съ окончаніемъ реализаціи внѣшняго займа, дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ перестаютъ быть необходимостію. Открывается полная возможность объявленія новаго внѣшняго займа, при заключеніи коего, конечно, будутъ приняты всѣ мѣры къ устраненію тѣхъ причинъ которыя столь неблагоприятно отозвались на послѣднемъ займѣ, крайне замедливъ его реализацію.

Одна изъ такихъ причинъ устранилась сама собою. Извѣстно что Лондонская биржа минувшимъ лѣтомъ, вслѣдъ за заключеніемъ русской сдѣлки съ Мендельсоновскимъ синдикатомъ, бросила громадную массу русскихъ фондовъ на Амстердамскую, Берлинскую и другія континентальныя биржи, съ цѣлю понизить курсъ русскихъ бумагъ и повредить успѣху подписки на русскій заемъ. Лондонская биржа, на минуту, достигла своей цѣли. Но въ своемъ стремленіи подорвать русскій заемъ, она истратила свои заряды, и изгнавъ отъ себя русскія бумаги, тѣмъ самымъ лишила себя возможности тѣмъ же способомъ вредить новымъ русскимъ займамъ на континентѣ Европы. Легкость съ какою изгнанныя изъ Англіи русскія бумаги нашли себѣ помѣщеніе въ другихъ странахъ (одна Голландія, по свидѣтельству нѣмецкой биржевой газеты *Actionär*, купила ихъ съ мая по ноябрь болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ рублей) послужила лишь нагляднымъ доказательствомъ кредита какимъ пользуются за границей наши фонды. Съ покрытіемъ же нашего займа въ Парижѣ, Лондонской биржѣ не осталось даже утѣшенія что принесенныя ею жертвованія при сбытѣ рус-

скихъ фондовъ задешево, въ убытокъ себѣ, не пропали безслѣдно.

У Англіи осталось только одно средство вредить Россіи на биржахъ: смущать биржевой людъ угрозами военныхъ приготовленій. Но отъ слишкомъ частаго употребленія это оружіе давно уже притупилось и перестало производить ожидаемое дѣйствіе. Сдѣланное лордомъ Норткотомъ въ Англійскомъ парламентѣ заявленіе что въ понедѣльникъ онъ потребуетъ дополнительнаго кредита на морскія и военныя цѣли прошло на биржахъ почти незамѣченнымъ. На Петербургской биржѣ 13 января курсъ понизился лишь $1\frac{1}{2}$ сантима (до 262), а полуимперіалы поднялись лишь до 7 р. 90 к., то-есть въ меньшемъ размѣрѣ чѣмъ въ какомъ ежедневно происходятъ повышенія и пониженія при обычныхъ колебаніяхъ внѣ всякихъ политическихъ соображеній.

Воспользуется ли Лондонская биржа этимъ даннымъ ей урокомъ,—это ея дѣло; но что касается нашего финансового управленія, можно быть увѣрену что оно исполнѣ воспользуется опытомъ послѣдняго займа, и не допуститъ повторенія тѣхъ промаховъ какіе случились при его заключеніи и при открытіи на него подписки. Итъ сомнѣнія что оно не упуститъ воспользоваться въ этомъ отношеніи и малѣйшими указаніями, со включеніемъ даже сѣтованій амстердамскаго корреспондента *St.-Petersburger Herald*, который, излагая причины недостаточной подписки на заемъ въ Амстердамѣ, заявилъ между прочимъ тотъ фактъ что промежутокъ времени между публикаціей условій займа и подпиской былъ такъ малъ что публикѣ не оставалось достаточнаго времени ни для соображенія выгоды этихъ условій, ни для того чтобы приготовить нужныя для участія въ подпискѣ наличныя суммы. Еще съ большимъ вниманіемъ, безъ сомнѣнія, отнесется наше финансовое управленіе къ серіознымъ замѣчаніямъ о нашемъ послѣднемъ займѣ сдѣланнымъ специалистами по финансовой части.

Позволимъ себѣ припомнить замѣчанія сдѣланныя однимъ изъ такихъ специалистовъ, г. Адольфомъ Вагнеромъ. Не одобряя ни размѣра, ни формы нашего послѣдняго займа, онъ высказалъ между прочимъ едва ли подлежащее спору мнѣніе что для успѣшности займовъ планы займовыхъ операцій въ военное время должны быть иные

чѣмъ въ мирное. Прежде всего онъ высказался противъ займовъ для военныхъ цѣлей недостаточно крупными суммами, — и трудно не согласиться съ основательностью этого замѣчанія. Очевидная недостаточность суммы займа для вызывающихъ его надобностей невольно заставляетъ ожидать въ непродолжительномъ времени новыхъ займовъ, а подобныя ожиданія отнюдь не могутъ усиливать на денежныхъ рынкахъ настроеніе къ повышенію. Такія ожиданія и вызываемыя ими колебанія на руку только биржевымъ игрокамъ. Несравненно лучше, поэтому, разомъ заключить одинъ большой заемъ чѣмъ занять ту же сумму въ нѣсколько пріемовъ, черезъ часть по ложкѣ.

Другое замѣчаніе г. Вагнера касается высоты процента по займу. Онъ противъ займовъ за проценты мирнаго времени съ пониженіемъ лишь подписнаго курса, и рекомендуетъ для военныхъ цѣлей займы за повышенные проценты. Противъ повышенныхъ процентовъ, конечно, можетъ быть приведенъ тотъ аргументъ что ежегодные платежи по высоко-процентнымъ займамъ слишкомъ обременяютъ государственный бюджетъ. Но финансовая практика другихъ государствъ уже выработала хорошее средство для облегченія этого неудобства, и г. Вагнеръ настойчиво указываетъ на это средство. Именно, онъ предлагаетъ выпускать займы не въ пятипроцентныхъ облигаціяхъ по сильнопониженному курсу, а на примѣръ въ семипроцентныхъ по курсу близкому къ *à la pari*, выговаривая себѣ право, по истеченіи извѣстнаго срока, выкупить облигаціи по ихъ номинальной стоимости. При такомъ условіи, съ наступленіемъ мирнаго времени, когда кредитъ удешевится и явится возможность занимать за меньшій процентъ, проценты по экстреннымъ военнымъ займамъ могутъ быть понижены до нормальнаго размѣра, а въ случаѣ несогласія на то кредиторовъ, суммы слѣдующія имъ въ возвратъ будутъ легко добыты за сравнительно низкій процентъ. Разчетъ на успѣхъ 7%, займа по курсу близкому къ *à la pari* былъ сдѣланъ въ предположеніи что подписка на послѣдній заемъ, при всѣхъ несовершенствахъ ея условій, будетъ все-таки разомъ покрыта. Въ виду опыта не оправдавшаго этихъ ожиданій можетъ быть выгодно будетъ, для вѣщаго обезпеченія успѣха займа, измѣнить условія къ болѣе выгодѣ кредиторовъ, и выпустить об-

лигаціи съ болѣе высокимъ процентомъ, — но сущность дѣла отъ этого не измѣняется: высокій процентъ придется уплачивать лишь нѣсколько лѣтъ, а не все время до погашенія займа.

Возвышеніе процента и вообще болѣе высокая привлекательность условій займа для публики могутъ имѣть и еще одну выгодную сторону: они устраняютъ необходимость обращаться къ посредству малоавторитетныхъ синдикатовъ, по аналогіи съ подрядами на гвардейскія сукна: невозможно низкія цѣны отталкиваютъ солидныхъ фабрикантовъ отъ подряда и вынуждаютъ вести дѣло съ менѣе разборчивыми спекулянтами; выгодныя условія займовъ привлекаютъ къ участию въ нихъ сильныя банкирскія группы, чѣмъ была бы устранена одна изъ главнѣйшихъ причинъ неудачи послѣдней займовой подписки, столь замедлившей реализацію займа.

Ограничиваясь пока этими замѣчаніями, не можемъ не высказать въ заключеніе что при займѣ на зрѣло обдуманыхъ основаніяхъ можно смѣло разчитывать что онъ, въ виду благопріятно измѣнившагося биржеваго настроенія, не раздѣлитъ той участи какая постигла подписку 3 (15) ноября прошлаго года.

№ 16.

Москва, 16-го января.

А.

Извѣстіе, до сихъ поръ ничѣмъ не подтвердившееся, о томъ что русскія войска уже 9 (21) января находились на пути къ Галлиполи, укрѣпленному пункту на узкой косѣ образующей сѣверо-западный берегъ Дарданелльскаго пролива, было какъ извѣстно, пущено впервые специальнымъ корреспондентомъ *Daily Telegraph*, который самъ впрочемъ передавалъ его гадательно, извѣщая только что въ Галлиполи „поднялась паника вслѣдствіе слуха будто Русскіе находятся между Узунъ-Кепри и Кешаномъ, въ разстояніи около 10 часовъ отсюда,“ и что вслѣдствіе сего „многія семейства готовятся переправиться въ Азію.“ Названная газета сама довольно скептически отнеслась къ сообщенію своего корреспондента, полагая что русскія войска едва ли имѣли время совершить такое важное движеніе. Тѣмъ не менѣе она разразилась бранною до неприличія статей

противъ Россіи за то что русскія условія все еще оставались неизвѣстными Англичанамъ, между тѣмъ какъ русскія войска продолжали двигаться. Завзятый туркофильскій органъ хотѣлъ видѣть въ этомъ не что иное какъ „обманъ Турціи“ и желаніе „предать Великобританію на посмѣшище,“ такъ какъ де мирные переговоры начались по ея ходатайству.

На это не стоило бы обращать и вниманія, но къ удивленію нашему въ этой яркой филиппикѣ противъ Россіи приводятся весьма основательные мотивы почему для Русской арміи, съ своей стороны, должно быть весьма важно и желательно захватить командующій пунктъ въ Дарданеллахъ прежде чѣмъ идти на Константинополь. Такихъ мотивовъ приводятся три, и всѣ они заслуживаютъ вниманія. Прежде всего занятіемъ Галлиполи были бы совершенно отрѣзаны остатки арміи Сулейманъ-паши, которые, будучи отброшены къ югу въ горы и пробираясь черезъ нихъ къ Эгейскому морю, только моремъ и черезъ Дарданелльскій проливъ могутъ еще надѣяться достигнуть Константинополя. Но не однимъ только турецкимъ транспортамъ преградили бы путь русскія войска въ Галлиполи: они заперли бы также и англійской эскадрѣ входъ въ Мраморное море. „Броненосцы могли бы пройти, если имъ вздумается,“ разсуждаетъ англійская газета, „потому что на батареяхъ нѣтъ орудіи которыя могли бы остановить ихъ. Но ни одно транспортное судно съ углемъ или продовольствіемъ или вѣстовое судно не могло бы пройти по узкому каналу безъ дозволенія Русскихъ. Словомъ Русскіе разрѣшили бы на время вопросъ „о Дарданеллахъ закрыть проливъ для всякихъ судовъ кромѣ броненосцевъ. Мы не могли бы даже сноситься съ британскимъ посломъ безъ разрѣшенія прохода для британскаго флота.“

Кромѣ этихъ двухъ мотивовъ для занятія Русскими Галлиполи, *Daily Telegraph* указываетъ еще третье соображеніе, столько же если не болѣе важное для наступающей арміи. Если де предположить что „военная необходимость“ заставитъ Русскихъ идти на Константинополь, то линія ихъ сообщеній, въ юго-восточномъ направленіи отъ Адріанополя, будетъ находиться весьма не далеко отъ Галлиполи, такъ какъ пройти мимо него для наступающей арміи было бы все равно что оста-

вить безъ вниманія на пути сильную крѣпость. „Русскіе могутъ только предположить, но не могутъ быть увѣрены что „враждебная сила не явится вдругъ противъ нихъ изъ косы у Пролива, и у русскіхъ стратегиковъ въ лагерѣ Великаго Князя неизбѣжно явится желаніе отвратить эту опасность.“

Все это такъ разсудительно что невозможно не согласиться съ доводами туркофильской газеты, и мы никакъ не ожидали что она такъ хорошо разъяснитъ намъ чрезвычайную важность и даже необходимость занятія Галлиполи нашими войсками, для того чтобъ отрѣзать турецкую столицу отъ полученія помощи и совершенно парализовать дальнѣйшее сопротивленіе Турокъ. Конечно, лондонская газета дѣлаетъ это вовсе не изъ заботливости о насъ...

Другія англійскія газеты гораздо болѣе занимаются вопросомъ о мирѣ чѣмъ о войнѣ, и въ этомъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе статья послѣдняго номера *Times*. Въ ней выражается надежда что Русскіе не будутъ имѣть повода идти въ Константинополь такъ какъ Порта должна уже теперь видѣть какъ безнадѣжна была бы попытка добиваться лучшихъ условій продолженіемъ сопротивленія. Органъ Лондонскаго Города даетъ поэтому Портѣ весьма благоразумный совѣтъ отложить всякую мысль будто она въ какомъ бы то ни было смыслѣ оберегаетъ европейскіе интересы. Пусть де заботится только о себѣ, а европейскія державы смогутъ сами оградить себя. Это, конечно, справедливо, но любопытно знать огражденія какихъ именно европейскихъ интересовъ *Times* ожидаетъ видѣть со стороны державъ. Она допускаетъ что, безъ сомнѣнія, Россія будетъ имѣть большую льготу во всѣхъ чисто военныхъ дѣлахъ; но право предотвращенія (*prevention*—эвфемизмъ любезно употребляемый газетой чтобы смягчить явно бывшее на мысли понятіе запрещенія) со стороны державъ немедленно выступить въ дѣйствіе какъ только Россія затѣетъ прочныя перемѣны (*permanent changes*) въ административномъ устройствѣ Оттоманской имперіи. Почему же бы такъ? Почему же именно въ этомъ державы должны имѣть право голоса? А потому, объясняетъ намъ *Times*, что „Россія будетъ судима главнымъ образомъ по тому чего можетъ потребовать для христіанскихъ насе-

„леній. Злоупотребленіе ими было ея единственнымъ основаніемъ для вступленія въ войну, и все предпріятіе ея будетъ безславно („infamous) если теперь ихъ благоденствіе „будетъ оставлено безъ вниманія.“ Мы конечно увѣрены что война не окончится такимъ безславіемъ, но не понимаемъ зачѣмъ же тутъ нужно право голоса другихъ державъ для обезпеченія христіанамъ Турціи благоденствія. Кто же повѣритъ газетѣ *Times* что, требуя чтобъ устройство Болгаріи обсуждалось непременно на конференціи, она безпоясится только о томъ какъ бы Россія не забыла о тѣхъ несчастныхъ ради освобожденія коихъ отъ звѣрскаго и постыднаго ига она взялась за оружіе? Россія, слава Богу, не забыла о своихъ стонущихъ братьяхъ по вѣрѣ въ самую горькую минуту ихъ нужды, и готовность помочь имъ доказала величайшею жертвой — кровью десятковъ тысячъ своихъ сыновъ, пролившихъ ее за святое дѣло, въ то время какъ въ Англіи отворачивались отъ этихъ презрѣнныхъ Болгаръ, осыпали ихъ клеветой и бранью, прославляя геройство и мужество Османовъ и Шефкетовъ. Россія одна и купила себѣ право озаботиться наилучшимъ устройствомъ ихъ будущности, — конечно не на основаніи протоколовъ Константинопольской конференціи, что было бы дѣйствительно позоромъ для Россіи, и даже не на подобіе устройства Ливана, которое Франція вытребовала у Турціи не кровопролитною войною, а весьма дешевою парадною экзекуціей. А откуда является такое право для Англіи, которая сама подстрекала Порту къ расправѣ съ этими Болгарами, которая рукоплескала либерализму болгарскаго палача Мидхата, которая поощряла турецкихъ министровъ къ сопротивленію требованіямъ Россіи и вовлекла ее въ войну, а теперь трепещетъ въ досадѣ предъ ея неизбежными послѣдствіями? Ужъ не потому ли признать за ней это право что Бекеръ-паши, Гобардъ-паши, Манторпъ-бей и многое множество имъ подобныхъ сражались въ рядахъ притѣснителей Болгаръ, бокъ-о-бокъ съ Шефкетами и Сулейманами? Нѣтъ, господа лицемѣры, вы требуете подвести подъ конференцію устройство христіанскихъ провинцій Турціи совсѣмъ не потому что боитесь какъ бы Россія не позабыла тѣхъ за кого лила свою кровь, а для того чтобы не дать освобожденію христіанъ совершиться въ той мѣрѣ какъ должно. Да это яв-

ствуется изъ дальнѣйшихъ словъ той же самой статьи, гдѣ говорится что Россія можетъ потребовать строгихъ гарантій противъ повторенія безчинствъ отъ какихъ страдали христіане, и что ни Англія, ни какая другая держава не стануть де ограничивать этихъ гарантій изъ педантической заботливости о „цѣлости и независимости Оттоманской имперіи,“ но все это допускается „въ извѣстныхъ предѣлахъ.“ Вотъ именно по причинѣ этихъ-то „извѣстныхъ предѣловъ“ участіе Англіи не должно быть допускаемо въ этомъ великомъ дѣлѣ.

Б.

Полученныя нами вчера и сегодня нѣмецкія газеты содержатъ не мало указаний которыя могутъ отчасти послужить комментариемъ къ переданнымъ третьяго дня изъ Лондона извѣстіямъ о содержаніи мирныхъ условій будто бы предложенныхъ Россіей, а также объ европейской конференціи которой предоставлено будетъ „регулированіе той части Восточнаго вопроса которая затрогиваетъ общеевропейскіе интересы.“ Въ виду того что извѣстія эти, особенно объ условіяхъ мира, пока ничѣмъ достовѣрнымъ не подтверждены, намъ остается лишь поставить на видъ то настроеніе, значительно измѣнившееся и далеко неблагоприятное окончательному торжеству Россіи которое въ послѣдніе дни сказалось въ берлинской печати. Вопросъ о конференціи есть повидимому дѣло рѣшенное. Это видно не только изъ приведеннаго нами вчера письма нашего хорошо свѣдущаго берлинскаго корреспондента (который, сказать мимоходомъ, хочетъ только позолотить пиллюлю толкуя предполагаемую конференцію какъ торжество русской дипломатіи надъ англійскою); это подтверждается и въ замѣткѣ появившейся 23 января въ берлинской *Провинціальной Корреспонденціи*, признанномъ органѣ прусскаго правительства. Замѣтка эта тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія что въ ней чуть ли не впервые съ начала войны Германское правительство публично высказывается о текущихъ событіяхъ. Содержаніе этой замѣтки было намъ вкратцѣ передано по телеграфу; но въ виду важности ея считаемъ нужнымъ воспроизвести ее здѣсь in extenso:

„Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ взоры обращены теперь на Русскую Главную

Квартиру въ Румелии уже не для того чтобъ узнать что-либо о дальнѣйшихъ военныхъ операціяхъ, а въ ожиданіи вѣстей о болѣе или менѣе близкихъ видахъ на миръ. Раньше чѣмъ кто бы то ни было ожидалъ, — даже послѣ паденія Плевны, — могущіе успѣхи смѣлаго зимняго похода русскихъ войскъ привели ходъ войны къ такому положенію что Турція убѣдилась въ дальнѣйшей невозможности обороняться и вынуждена просить мира. Послѣ безуспѣшнаго обращенія къ посредничеству Европы, голосу которой она не хотѣла внять до войны, и къ особенному заступничеству Англіи, Турція должна была вступить на единственно возможный для нея путь — путь непосредственныхъ переговоровъ съ Россіей. Уже нѣсколько дней уполномоченные Турціи находятся въ Русской Главной Квартирѣ въ Казанлкѣ дабы условиться съ Русскимъ Главнокомандующимъ касательно перемирія. Но такъ какъ для перемирія самое важное и рѣшительное предварительное условіе заключается въ дѣйствительной готовности къ заключенію мира, то въ успѣхѣ перемирія можно будетъ усмотрѣть и вѣроятность близкаго мира. Полное соглашеніе впрочемъ будетъ обусловлено не одними рѣшеніями обѣихъ воюющихъ сторонъ: отчасти разрѣшеніе подлежащихъ вопросовъ не можетъ совершиться безъ соглашенія и содѣйствія европейскихъ державъ. Но существовавшія до сихъ поръ отношенія между державами даютъ основаніе разчитывать что и въ теперешнюю рѣшительную фазу восточныхъ затрудненій удастся достигнуть разрѣшенія съ полнымъ сохраненіемъ европейскаго мира. Мудрость и умѣренность Императора Александра, Его тѣсное и довѣрчивое единеніе съ сосѣдними державами, и не менѣе того вновь подтвержденныя мирныя наклонности Англіи служатъ обезпеченіемъ того что послѣдній Восточный кризисъ окончится мирно, ранѣе чѣмъ можно было ожидать.

Берлинскія вліятельныя газеты придаютъ этой официальной замѣткѣ огромное значеніе не только какъ указанію на близость мира, но и по удаленію которое въ ней дѣлается на общеевропейскій характеръ вопросовъ подлежащихъ разрѣшенію при переговорахъ о мирѣ, а также по сопоставленію „умѣренности“ Россіи съ „миролюбіемъ“ Англіи. вмѣстѣ съ тѣмъ берлинскія газеты тщательно и какъ бы съ

удовольствіемъ отмѣчаютъ всякія указанія на то будто Россія, въ угоду Англіи, отказалась даже отъ временнаго занятія Константинополя, и что извѣстіе о движеніи русскихъ войскъ на Галлиполи оказывается невѣроятнымъ. Опроверженію въ этомъ смыслѣ, появившемуся въ *Agence Russe* и переданному по телеграфу въ Берлинъ, придано особенное значеніе. Кромѣ *Национальной Газеты* и другая берлинская газета, *Post*, старается доказать что Россія не должна идти на Константинополь „ибо это было бы сигналомъ къ раздѣленію Турціи,“ и не допускаетъ чтобы можно было разчитывать на безуспѣшное отношеніе къ такому событію не только Англіи, но и всей остальной Европы. „При вступленіи германскихъ войскъ въ Парижъ,“ замѣчаетъ далѣе названная газета, „дѣло шло объ очень рѣдкомъ триумфѣ, но не о приобрѣтеніи величайшей добычи. Можно праздновать триумфы безъ участниковъ, но нельзя присвоить себѣ величайшее въ мірѣ завоеваніе безъ того чтобы не явились желающіе участвовать въ дѣлѣ, если только силъ для этого недостаточно.“ *Les imitations ne produisent pas toujours les ressemblances*, — цитируетъ по этому поводу газета *Post* изреченіе Наполеона III...

Только *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* вѣритъ во вступленіе русскихъ войскъ въ Константинополь и полагаетъ что Англія будетъ совершенно безсильна этому воспротивиться. Но это замѣчаніе вызвало немедленно возраженіе со стороны *Национальной Газеты*, которая въ номерѣ, отъ 24-го января, высказывается по этому предмету съ большею ясностью нежели наканунѣ. Названная газета, во первыхъ, не вѣритъ чтобъ это дѣйствительно было такъ, то-есть чтобъ Англія не была въ силахъ стать на пути Россіи ко вступленію въ Константинополь и во всякомъ случаѣ считала бы великимъ европейскимъ несчастіемъ еслибы дѣло дошло до борьбы между Россіей и Англіей изъ-за Константинополя. А во вторыхъ, она думаетъ что „дальнѣйшее распространіе пожара не должно ни въ чемъ затрогивать европейскихъ отношеній Германіи и ея матеріальныхъ интересовъ,“ и что „поэтому теперь наступила совершенно иная фаза въ развитіи событій.“

Отмѣтимъ еще что та же газета приводитъ замѣтку сообщенную ей изъ „ува-

жаемаго источника," въ которой указывается на то что Россія повидимому имѣетъ намѣреніе возвратить отнятыя у нея въ 1856 г. владѣнія у устьевъ Дуная. Въ замѣткѣ указывается что нейтрализація Дуная по всему его протяженію есть де жизненный интересъ не только для Австріи, но и для значительной части южной Германіи. А потому существенно де важно, чтобъ Австрія и Германія настояли на томъ чтобъ устья Дуная остались подъ покровительствомъ Европы и чтобы существующій здѣсь порядокъ вещей былъ освященъ новымъ мирнымъ трактатомъ.

Для полнаго достиженія указанной цѣли авторъ замѣтки полагаетъ, съ другой стороны, желательнымъ и срытіе турецкихъ крѣпостей на берегахъ Дуная.

И не мало еще, повидимому, будетъ заявлено объ „общеевропейскихъ“ и „сепаратныхъ“ интересахъ кои требуется „сберечь“ и „вновь оградить“ теперь, когда дѣло идетъ о подведеніи итоговъ всему тому что достигнуто геройскими усиліями русскихъ войскъ и цѣною потоковъ русской крови...

№ 17.

Москва, 17-го января.

Извѣстіе о блистательной побѣдѣ такъ не порадовало бы насъ какъ порадуешь завтра Москву и всю Русь православную полученная нами поздно вечеромъ телеграмма изъ Лондона, откуда главнымъ образомъ распространяются теперь вѣсти объ условіяхъ будущаго мира. Туркофильскіе органы наводили тяжкое на всѣхъ уныніе, тѣмъ болѣе тяжкое чѣмъ выше поднимался у насъ народный духъ вслѣдствіе немовѣрныхъ подвиговъ нашихъ войскъ. Но вотъ Англійское правительство должно было наконецъ объясниться въ парламентѣ. Скрывать долѣе истину было невозможно. Изъ краткихъ и отрывочныхъ донесеній телеграфа мы узнаемъ что первую и главною заботой Россіи при заключеніи мира была участь Болгаріи. Нѣтъ, не губернаторъ, поставленный Портой съ согласія державъ, а европейскій принцъ по выбору Царя-Освободителя, — вотъ та автономія которой требуетъ Россія, вотъ то освобожденіе за которое стоило пролить русскую кровь. Англійскимъ мини-

страмъ, конечно, не нравится это, но для того ли мы вели войну чтобы сдѣлать имъ угодное?

Итакъ, слава Богу, само правительство Англійское невольными объясненіями своими опровергло и пресѣкло лживыя вѣсти распространявшіяся его же органами, которые нахально утверждали что каковы бы ни были затрудненія по другимъ условіямъ мира, будто для Болгаріи положительно принять въ основаніе проектъ Константинопольской конференціи, причемъ вся трудность состоитъ будто бы только въ обозначеніи границъ этой провинціи. Чтобъ измѣрить нахальство этихъ вѣстовщиковъ стоить припомнить въ чемъ заключался пресловутый проектъ конференціи. Существенною чертой его было то что исполненіе различныхъ предполагавшихся реформъ предоставлялось самому Турецкому правительству подъ платоническимъ „надзоромъ“ великихъ державъ. А для вящей гарантіи, опять-таки само же Турецкое правительство имѣло учредить особую жандармерію, къ чему оно и приступило назначивъ номинально начальникомъ оной выгнаннаго изъ службы за гнусный поступокъ и высидѣвшаго въ тюрьмѣ бывшаго англійскаго полковника Валентина Бекера, который, получивъ затѣмъ титулъ Бекеръ-паши, неоднократно командовалъ турецкою кавалеріей въ разныхъ битвахъ противъ насъ и теперь находится въ войскѣ Сулеймана. Хорошую перспективу готовятъ для Болгаръ эти газетные вѣстовщики, выкапывая мертворожденный и давно похороненный проектъ конференціи! Но удивительнѣе всего что эти люди прикидываются будто и не вѣдаютъ цѣли этого пресловутаго проекта. Когда онъ вырабатывался, Англія, заботясь о Портѣ, добивалась всячески умѣрить требованія Россіи и какъ можно меньше стѣснить турецкую администрацію. А какъ показала себя турецкая управа послѣ конференціи, которая такъ была о ней заботлива? Не говоря уже о вопіющемъ нарушеніи войсками Порты принятой ею Женевской конвенціи, о ихъ звѣрской расправѣ съ нашими и румынскими плѣнными и ранеными, измѣнила ли она хотя въ чемъ-нибудь свое обращеніе съ Болгарами? Объ этомъ свидѣлствуютъ опустошеніе цѣлаго Казанлыккаго округа по отступленіи отряда генерала Гурко, послѣ его перваго похода за Балканы, безчисленные казни Бол-

гарь въ Филиппополѣ и Адрианополѣ, въ теченіе всего лѣта и осени, когда тамъ не было еще и тѣни опасности отъ появленія русскихъ войскъ; повсюду пылавшіе болгарскіе города и деревни. Разказами объ этихъ фактахъ были переполнены газеты, и о нихъ не могутъ не знать тѣ кто толкуютъ теперь о протоколахъ Константинопольской конференціи. Имъ не только извѣстно это, но они должны знать и то что истребленіе Болгарскаго племени совершалось Турками систематически, и на югъ отъ Балканъ продолжалось до самой послѣдней минуты, до послѣднихъ успѣховъ русскаго оружія, а въ мѣстахъ остающихся въ рукахъ Турокъ совершается и понынѣ. Такъ напримѣръ, въ послѣднемъ номерѣ *Daily News*, константинопольскій корреспондентъ этой газеты приводитъ письмо, отъ 24 декабря, полученное имъ изъ Сливна, ручаясь что „всѣ существенныя подробности могутъ быть подтверждены всѣми живущими въ Константинополѣ корреспондентами газетъ.“ Передадимъ по возможности кратко сообщаемые въ этомъ письмѣ факты. Вотъ какъ оно начинается:

„Городъ нашъ представляетъ прискорбное зрѣлище. Болѣе пяти тысячъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей изъ опустошенныхъ деревень въ окрестности, обнаженные и босые, бродятъ по городу, прося милостыни и умирая отъ голода и холода. Тюрьмы переполнены неповинными Болгарами изъ города также какъ изъ окрестныхъ деревень, и почти каждый день съ полдюжины изъ нихъ вѣшаются. Съ тѣхъ поръ какъ Сулейманъ-паша прошелъ черезъ Сливно (къ концу сентября) около 1.000 человѣкъ были повѣшены посреди города. Когда прибылъ этотъ генералъ, то въ тюрьмахъ было много Болгаръ задержанныхъ подъ неважными предлогами; ихъ поддерживали бы короткое время въ тюрьмѣ и потомъ отпустили бы. Но Сулейманъ, не довольствуясь тѣмъ что повѣсилъ уже много неповинныхъ сельчанъ, приказалъ повѣсить также и этихъ болгарскихъ узниковъ. Въ день когда онъ долженъ былъ оставить городъ, чтобы сдѣлать свой отъѣздъ сколь можно болѣе торжественнымъ, онъ приказалъ повѣсить заразъ 35 Болгаръ на той улицѣ черезъ которую ему было ѣхать. Таковы были триумфальныя ворота черезъ которыя этотъ генералъ выѣхалъ...“

Съ отъѣздомъ его, однако, жителямъ Сливна отнюдь не стало легче, такъ какъ оставшійся Садыкъ-бей, снабженный неограниченнымъ полномочіемъ, продолжаетъ самымъ произвольнымъ образомъ хватать и вѣшать Болгаръ. Дошло до того, по словамъ автора письма, что несчастные восклицали въ отчаяніи: „Ужели нѣтъ Бога чтобъ оградить насъ отъ этихъ убійцъ, которые, не спрашивая ни слова, не называя вины, такъ немилосердно избиваютъ насъ.“ Какъ же авторъ объясняетъ эти страшныя избиенія? Большинство ежедневно казнимыхъ лицъ были поселяне изъ мѣстностей опустошенныхъ баши-бузуками, изъ Ени-Загры, Омарчева, Бугалиэ, Куруджіэ и другихъ, а потому турецкія власти, знавшія какъ варварски были истреблены эти селенія, не желали оставлять живыхъ свидѣтелей которые могли бы потомъ разказать ужасную повѣсть! Въ половинѣ декабря Сливненскій митрополитъ Серафимъ, тронутый воплями и рыданіями женщинъ и дѣтей, рѣшилсѣ отправиться къ Садыкъ-бею, и на колѣняхъ, со слезами умолялъ сжалиться надъ невинными и прекратить казни. Садыкъ-бей обѣщалъ что болѣе никого не повѣситъ. Въсть эта мигомъ облетѣла городъ и ободрила сердца христіанъ, но на слѣдующій же день снова десять человѣкъ были повѣшены посреди города. 12 декабря 24 лучшихъ людей изъ Болгаръ были арестованы и брошены въ тюрьму, гдѣ ихъ поддерживали три дня и потомъ отправили въ Константинополь, закованныхъ попарно. Это были извѣстныя лица, пользовавшіяся довѣріемъ всего населенія санджака, болшею частью люди за 60 лѣтъ, служившіе правительству, и многократно, особенно въ послѣднее время, ссужавшіе ему большія суммы денегъ на содержаніе арміи. О дальнѣйшей участи ихъ авторъ письма ничего не знаетъ, но о ней разказываетъ уже самъ корреспондентъ *Daily News*. Какъ только они были привезены въ Константинополь, болгарскій экзархъ, узнавъ объ этомъ, отправился къ великому визирю, Эдхемъ-пашѣ, чтобъ объяснить ему положеніе этихъ лицъ и просить о ихъ освобожденіи. Великій визирь обѣщалъ, но въ то время какъ константинопольскихъ друзей узниковъ увѣряли въ ихъ освобожденіи, они были немедленно сосланы въ Боли, въ Малой Азіи. Корреспондентъ своими глазами видѣлъ какъ

ихъ отправляли въ изгнаніе и передаетъ содержаніе *тескере* (официальнаго приказа) при которомъ они были препровождены адрианопольскимъ военнымъ совѣтомъ къ мюстешару заплѣвъ въ Константинополь. Въ приказѣ этомъ значилось: „Такъ какъ эти лица суть главные и вліятельные Болгары въ Сливѣ и такъ какъ они, въ силу вліянія коимъ пользуются, могутъ въ будущемъ устроить возстаніе, то мы посылаемъ ихъ къ вамъ для распоряженія съ ними какъ знаете.“ Корреспондентъ заключаетъ что подобные факты перестали уже удивлять тѣхъ кому извѣстна программа Турецкаго правительства, а программа эта есть истребленіе всѣхъ просвѣщенныхъ, богатыхъ и вліятельныхъ Болгаръ.

Что же остается прибавить къ этому? Возможно ли, въ виду подобныхъ фактовъ, толковать еще о проектахъ конференціи, при которыхъ вся власть оставалась бы въ рукахъ турецкихъ чиновниковъ? Нѣтъ, конечно, не за сохраненіе турецкой администраціи въ болгарскомъ краѣ, не за эту возможность для ней осуществить свою „программу“, принесено столько жертвъ и пролито столько крови! Слово автономія, говорятъ, очень эластично. Пусть такъ, но какъ бы ни угодно было толковать его туркофиламъ, не они будутъ приводить въ исполненіе эту автономію въ освобождаемыхъ христіанскихъ провинціяхъ, а русскія войска, и когда ими исполнена будетъ эта задача, то лондонскимъ туркофиламъ придется увидѣть, какъ ни прискорбно это будетъ для ихъ сердецъ, такую автономію Болгаріи при которой не останется въ ней ни одного турецкаго чиновника, ни одного турецкаго солдата.

№ 18.

Москва, 18-го января.

А.

Въ противность лондонскимъ извѣстіямъ о мирныхъ условіяхъ, вѣнская газета *Wiener Tagblatt*, отъ 24 января, приводитъ слѣдующіе десять пунктовъ русскихъ мирныхъ условій, которые ей доставлены „чрезвычайнымъ“ путемъ (дай Богъ чтобы они оказались вѣрными): 1) Болгарія включаетъ всю область отъ Дуная до Адрианополья.

Въ интересъ европейскаго мира и во избѣжаніе будущихъ столкновеній, Россія придаетъ большое значеніе тому чтобы Болгарія была поставлена въ возможно болѣе свободныя отношенія къ Портѣ. Болгарія раздѣляется на двѣ провинціи Цисъ-и Трансбалканскую. Но обѣ части будутъ имѣть одно національное собраніе и одного господаря. Отношенія къ Портѣ будутъ состоять въ уплатѣ ежегодной дани, размѣръ которой будетъ разчитанъ по количеству чистаго дохода отъ этой области за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. 2) Турецкія придунайскія крѣпости, въ видахъ прочнаго спокойствія и безопасности Румыніи, будутъ срыты. 3) Боснія и Герцеговина организуются подобно Болгаріи, причемъ обращается кромѣ того вниманіе на аграрную реформу. 4) Румынія получаетъ въ вознагражденіе за жертвы принесенныя въ войнѣ увеличеніе территоріи и объявляется независимою. 5) Въ интересъ европейскаго мира, Сербія на будущее время объявляется самостоятельною и увеличивается присоединеніемъ округовъ Нишскаго и Косовскаго, а также областями Призрена и Новаго Базара. 6) Черногорія получаетъ приращеніе территоріи и Антиварскую гавань съ прибрежною полосой. 7) Черное море дѣлается свободнымъ для плаванія торговыхъ судовъ всѣхъ націй; что же касается военныхъ судовъ, то проходятъ чрезъ Дарданеллы открывается въ смыслѣ Ункіаръ-Скелесійскаго договора только флотамъ прибрежныхъ государствъ. 8) Для огражденія восточнаго берега Чернаго моря, Россія требуетъ уступки сѣ Армянской возвышенности, особенно батумской гавани и крѣпостей Карса и Эрзерума. 9) Военное вознагражденіе. 10) До уплаты военнаго вознагражденія русская армія остается въ Болгаріи. Содержаться она будетъ насчетъ дани которая назначена Портѣ. Она же блюдетъ за порядкомъ, пока не организуется національная болгарская армія.

Повторяемъ, дай Богъ чтобы эти свѣдѣнія оказались вѣрными, и чтобы мы настояли на нихъ!

По извѣстіямъ *Политической Корреспонденціи* изъ Букарешта, отъ 21 января, Россія до сихъ поръ ни однимъ словомъ не затрогивала въ Букурештѣ вопроса о возвратѣ ей части румынской Бессарабіи. Тѣмъ не менѣе держится слухъ что этотъ вопросъ возбужденъ Россіей конфиденці-

альнымъ образомъ у нѣкоторыхъ кабинетовъ.

Б.

Изъ полученныхъ сегодня газетъ узнаемъ что посылка англійскаго флота въ Дарданеллы могла повести къ гораздо болѣе серіознымъ замѣшательствамъ чѣмъ можно было думать по телеграфному извѣстію прошедшей недѣли. Оказывается что Англійское правительство замышляло не только отправку флота, но и высадку въ Галлиполи. Вотъ какъ въ *Daily News* извѣщалось объ инструкціяхъ посланныхъ британскому флоту въ Средиземномъ морѣ:

„Мы извѣстились что въ виду извѣстной случайности главнокомандующему Средиземнымъ флотомъ, нынѣ находящемуся въ Саросѣ (заливъ съ западной стороны косы образующей Дарданельскій проливъ), отправлены инструкціи *высадить* въ Булаирѣ отрядъ морской пѣхоты и моряковъ, дабы они временно могли служить *защитниками* линій Галлиполи, и затѣмъ держать въ готовности шесть своихъ самыхъ просторныхъ кораблей для немедленной отправки въ Мальту чтобы перевезти массу тамошняго гарнизона. Случайность предусматриваемая въ этихъ инструкціяхъ, какъ мы извѣстились, есть дошедшее достовѣрное извѣстіе о движеніи русскаго отряда на Галлиполи.“

Одновременно съ этимъ извѣстіемъ, въ обѣихъ палатахъ было возвышено министрами что въ слѣдующій понедѣльникъ правительствомъ будетъ потребованъ чрезвычайный кредитъ, цифра коего въ то время оставалась совершенно неизвѣстною, а въ газетахъ объявлено было также что двое изъ министровъ, лордъ Дарби и лордъ Карнарвонъ, подали въ отставку. Теперь намъ болѣе понятна тревога которая была возбуждена этими извѣстіями въ Англии. Загадочное требованіе кредита само по себѣ достаточно было чтобы возбудить безпокойство, а отправка флота въ Дарданеллы вмѣстѣ съ предполагавшеюся высадкой тамъ англійскихъ войскъ для *защиты* турецкой территоріи явно указывала на принятое кабинетомъ рѣшеніе выступить изъ нейтралитета и готовность принять участіе въ войнѣ. И дѣйствительно, туркофильскій *Daily Telegraph* присовокуплялъ къ этимъ извѣстіямъ что султаномъ былъ данъ фирманъ для пропуска англійскаго флота, что подтвердилъ вчера

и канцлеръ казначейства въ парламентѣ. На это же указывалъ и выходъ въ отставку тѣхъ двухъ министровъ которые своими послѣдними заявленіями наиболѣе гарантировали сохраненіе нейтралитета. Значитъ, разсуждали оппозиціонные органы, съ выходомъ этихъ двухъ лицъ предъ страной остается уже не тотъ кабинетъ что былъ недѣлю тому назадъ при открытіи парламента, когда въ тронной рѣчи было объявлено что ни однимъ изъ воюющихъ не затронуты интересы обозначенные лордомъ Дарби какъ условія нейтралитета Англии. Если, однако, онъ выходитъ въ отставку вмѣстѣ съ лордомъ Карнарвонемъ, то значитъ онъ не находитъ чтобъ имъ и теперь грозила опасность, а между тѣмъ правительство принимаетъ де грозныя мѣры, и никто не знаетъ по какому поводу. Правительство не сообщаетъ де рѣшительно никакихъ объясненій которыя могли бы дать нить для руководства въ лабиринтѣ его намѣреній.

Съ тѣхъ поръ прошла еще недѣля, и общественное мнѣніе Англии, также какъ весь міръ, пребываютъ въ прежней неизвѣстности. Одинъ изъ подавшихъ въ отставку министровъ, лордъ Карнарвонъ, объяснилъ что онъ былъ противъ какъ посылки флота, такъ и требованія кредита. Что же касается лорда Дарби, то его убѣдили остаться въ кабинетѣ, какъ говорить, съ тѣмъ условіемъ чтобы приказъ флоту былъ немедленно отмѣненъ. Позволительно, однако, усомниться чтобъ отзывъ флота былъ данъ только для того чтобы удержать лорда Дарби въ кабинетѣ. Гораздо вѣроятнѣе что статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ имѣлъ возможность растолковать своимъ менѣе свѣдущимъ товарищамъ какое дурное впечатлѣніе мѣра эта произведетъ въ Европѣ. И въ самомъ дѣлѣ, нашъ берлинскій корреспондентъ сообщаетъ намъ отъ вчерашняго числа что ожидается протестъ со стороны державъ противъ факта входа англійскаго флота въ Дарданеллы, и что положеніе Беконсфильда, вслѣдствіе испытаннаго имъ фіаско, сильно потрясено, такъ что онъ вынужденъ былъ взять назадъ свою циркулярную ноту. Вотъ, полагаемъ, болѣе вѣрное объясненіе спѣшнаго отозванія назадъ флота въ ту минуту когда онъ уже вошелъ въ устья Дарданеллы, гдѣ его приветствовали турецкіе салюты.

Но какое же значеніе остается для тре-

буемаго кредита когда Англійское правительство, по той или другой причинѣ, вынуждено было отмѣнить тѣ дѣятельныя мѣры которыя могли дать его объясненія? Канцлеру казначейства, сэръ-Стаффорд Норткоту, выпала на долю неблагодарная задача уговаривать палату чтобъ она согласилась дать деньги правительству на всякій случай, безъ опредѣленной цѣли, просто чтобы показать ему свое довѣріе. Онъ удостовѣрялъ что посылка британскаго флота въ Дарданеллы не имѣла никакой связи съ рѣшеніемъ потребовать кредита. Чтобъ еще лучше расположить палату и успокоить оппозицію, онъ объявляетъ что отнюдь и не имѣется въ виду непременно издержать деньги которыя будутъ вотированы парламентомъ, а что онѣ нужны правительству только для того чтобы погрозить ими на конгрессѣ. Но если правительство обѣщаетъ парламенту не тратить просимыхъ денегъ, и просить ихъ только за тѣмъ чтобы поддержать ихъ въ карманѣ во время конференціи, то какой же эффектъ, кромѣ комическаго, могутъ имѣть эти карманные деньги? А если правительство все-таки намѣрено приступить къ военнымъ приготовленіямъ предъ тѣмъ какъ идти на конференцію, то соотвѣтственно съ этимъ и другимъ пришлось бы также приняться за военные приготовления для подкрѣпленія дѣйствительности своего голоса, и предполагаемая конференція для обезпеченія мира превратилась бы во всеобщія приготовленія къ европейской войнѣ.

Объясненіе данное канцлеромъ казначейства о посылкѣ англійскаго флота къ Дарданелламъ забавно по наивно-циническому признанію недобросовѣстности англійскаго нейтралитета. Отъ Россіи Англійское правительство освѣдомилось что русскія войска только тогда могутъ быть вынуждены идти на Галлиполи когда турецкія войска будутъ тамъ сосредоточиваться. И что же? какъ только Сулейманъ отступилъ въ направленіи къ Галлиполи, Англійское правительство посигѣшило послать флотъ въ Дарданеллы! Благодаря, конечно, этому маневру, Сулейманъ и имѣлъ возможность обезпечить отступление остаткамъ своей арміи къ турецкой столицѣ. Такого поступка нейтральной державы, дѣятельно способствующаго военной операциі одного изъ воюющихъ и препятствующаго не менѣе необходимой операциі другой стороны, еще не бывало въ исторіи войнъ.

№ 19.

Москва, 19-го января.

А.

Только что пришедшая телеграмма изъ Вѣны, чрезъ Берлинское агентство, снова возбуждаетъ опасенія со стороны Австріи, и снова свидѣтельствуетъ о нѣкоторой прискорбной неопредѣленности нашихъ отношеній къ Германіи. Австрія именуемая нашимъ союзникомъ, — третья въ знаменитомъ Тройномъ Союзѣ, — давала намъ себя хорошо чувствовать во время дипломатической кампаніи прошлаго года и во время войны; весьма естественно что она даетъ себя чувствовать и при заключеніи мира. Англія дѣйствительно не изолирована, какъ заявилъ ея министръ въ парламентѣ: она находитъ себѣ союзниковъ между нашими союзниками, и графъ Андраши ловко подблъываетъ то что неловко начинаетъ лордъ Беконсфилдъ. Мы очень признательны нашему берлинскому корреспонденту за его успокоительную телеграмму, но не думаемъ чтобы можно было особенно радоваться оборотамъ какіе принимаетъ австрійская политика, несмотря на такъ-называемый Тройственный Союзъ, который соединяетъ ее съ нами. Англія не дозволяетъ намъ заключать сепаратный миръ съ Турціей, и настаиваетъ на конгрессѣ; Австрія также не признаетъ нашего мира съ Турціей и также требуетъ конгресса: кому же стало быть она болѣе союзникъ, намъ или Англіи? Почему же, если такъ-называемый союзъ Трехъ Императоровъ есть несправедливая формула, а живое дѣло, и если Германія дѣйствительно *заинтересована* нами въ нашу пользу, — почему же Австрія не столковалась съ Россіей относительно тѣхъ интересовъ которые она считаетъ для себя жизненными, и зачѣмъ ей понадобился бы общій конгрессъ, который нуженъ только для того чтобы Англія не осталась изолированной?

Б.

Хотя до сихъ поръ нѣтъ официальныхъ свѣдѣній о содержаніи мирныхъ прелиминарій составляющихъ предметъ теперешнихъ переговоровъ въ Русской Главной Квартирѣ, но можно съ увѣренностью сказать что первое извѣстіе объ этихъ пре-

лиминаріяхъ пущенное въ ходъ въ субботу лондонскими газетами — извѣстіе возбуждавшее тревогу среди русской публики, — оказывается тенденціознымъ искаженіемъ истины. Исканіе это относится къ вопросу о будущей организаціи Болгаріи. Лондонскія газеты сообщили будто Болгаріи предполагается дать *административную* автономію съ христіанскимъ губернаторомъ. Между тѣмъ въ *Политическую Корреспонденцію* телеграфируютъ изъ Лондона отъ того же 14 (26) января что Болгаріи предполагается дать *полную* автономію лишь съ вассальною подчиненностью султану.

Константинопольскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ, отъ 18 января, что заявленіе со стороны Англіи и Австріи, сдѣланное Портѣ что они не признаютъ мира который заключенъ будетъ безъ ихъ вѣдома и участія непосредственно съ Россіей, отнюдь не было принято Портой въ смыслѣ ободренія; мустешаръ Каратеодори, правая рука всѣхъ турецкихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, объяснилъ накануне что эти заявленія Австріи и Англіи нисколько не удержатъ Турціи отъ принятія прелиминарій, если только условія постановленныя Россіей не покажутся самой Турціи чрезмѣрными. Въ этомъ смыслѣ высказался и султанъ лично Намык-пашѣ предъ отъѣздомъ его въ Русскую Главную Квартіру. Это желаніе султана служить де выраженіемъ настроенія одушевляющаго въ настоящую минуту всѣ высшія офіціальныя сферы Турціи, убѣжденныя въ томъ что всякое постороннее вмѣшательство должно быть признано запоздалымъ по скольку рѣчь идетъ объ интересахъ самой Турціи; что же касается чужихъ интересовъ, то ей все равно какія бы распри не возникли за нее въ Европѣ, не пожелавшей придти ей вовремя на помощь. Въ этомъ смыслѣ даны де и инструкции турецкимъ уполномоченнымъ отправленнымъ въ Русскую Главную Квартіру. Имъ предписано обратиться къ умѣренности Великаго Князя Главнокомандующаго и указать на выгоды которыя умѣренность принесетъ Россіи съ точки зрѣнія ея будущаго вліянія на Турцію. Имъ велѣно де подкрѣпить этотъ аргументъ тѣмъ соображеніемъ что Англія, своимъ двусмысленнымъ образомъ дѣйствій, Австрія, своею воздержностью, и Франція, своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, потеряли вся-

кое довѣріе и значеніе въ глазахъ Порты. Если поэтому Россія будетъ де умѣренна въ своихъ требованіяхъ и не наложитъ на побѣжденную Порту жертвъ равносильныхъ ея уничтоженію, то народъ турецкій проникнется благодарностью къ Россіи и отдастъ себя подъ ея покровительство.

Концертъ, такимъ образомъ, выходитъ полный. И рычаніе британскаго льва, и пѣніе турецкой сирени, несмотря на ихъ кажущуюся дисгармонію, все-таки сводится къ тому что не должно слишкомъ близко затрогивать „жизненные интересы“ Турціи.

Послушаемъ однако и третій голосъ, раздавшійся въ Европѣ, голосъ интересовъ Русскаго народа. О нихъ говорится (и весьма вѣрно) въ письмѣ вѣнскаго корреспондента берлинской *Національной Газеты*, отъ 25 января. Этотъ корреспондентъ утверждаетъ что весьма мало вѣроятно чтобы миръ былъ заключенъ съ тѣмъ подобіемъ власти которое нынѣ существуетъ въ Константинополѣ. Достоверно де извѣстно что власть султана зависитъ теперь лишь отъ случайностей, и что малѣйшая искра можетъ вызвать въ Константинополѣ пожаръ, коего размѣры и послѣдствія невозможно опредѣлить. И вотъ, передавая настроеніе господствующее въ русскихъ свѣдущихъ кругахъ, корреспондентъ берлинской газеты замѣчаетъ что нельзя же ожидать чтобы Россія заключила гнилой миръ въ то время когда паденіе Оттоманскаго владычества въ Европѣ становится неизбѣжнымъ и когда для достиженія этой цѣли русскимъ войскамъ остаются лишь два-три перехода. Въ серьезныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Константинополя не будетъ де и надобности: пушечная пальба съ Чаталджи произведетъ то же дѣйствіе что трубные звуки подъ стѣнами Іерихона.

Русскій народъ, замѣчаетъ совершенно вѣрно корреспондентъ, никогда не примирится съ тѣмъ если остановлено будетъ побѣдоносное шествіе русскихъ войскъ въ ту минуту когда вѣковыя и завѣтныя мечтанія его такъ близки къ осуществленію, а съ другой стороны ничто не сравнится со славою настоящаго царствованія если Россія твердо настоитъ на своемъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, корреспондентъ, основываясь на мнѣніяхъ господствующихъ въ русскихъ дипломатическихъ сферахъ, считаетъ мало вѣроятнымъ успѣшный исходъ теперешнихъ переговоровъ и пола-

гаеть что нужно выждать еще недѣли двѣ прежде чѣмъ можно будетъ имѣть ясное понятіе о предстоящемъ ходѣ событій. Въ ожиданіи этого, русскія войска остановились де у Адрианополя, „но лишь для того чтобы быть въ состояніи предпринять заключительное дѣйствіе со внушительною силой, исключаящею всякій рискъ, и дабы въ случаѣ надобности быть готовыми дать отпоръ какимъ-либо предпріятіямъ со стороны Англіи.“

Будемъ надѣяться что только что приведенныя соображенія нѣмецкаго корреспондента вѣрнѣе отражаютъ истинное положеніе вещей нежели тенденціозные слухи въ такомъ изобиліи распускаемые изъ враждебныхъ Россіи источниковъ.

В.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ извѣстій о движеніи нашихъ армій, еще недѣлю тому назадъ съ двухъ сторонъ неудержимо стремившихся къ Адрианополю. Теперь мы знаемъ что онѣ подвигаются впередъ въ трехъ направленіяхъ, указанныхъ имъ Главнокомандующимъ.

Два изъ этихъ направленій имѣютъ особое значеніе, одно на Люле-Бургасъ, т. е. къ Константинополю, другое на Демотику, т. е. къ Галлиполи. Очевидно что удача въ томъ или въ другомъ изъ этихъ направленій имѣла бы рѣшительное дѣйствіе и повела бы къ условіямъ мира болѣе дѣйствительнымъ и выгоднымъ чѣмъ тѣ кои могутъ быть достигнуты въ Адрианополь.

Какъ ни важны результаты пораженій нанесенныхъ Туркамъ, какъ ни блистательны результаты достигнутые Забалканскимъ походомъ нашихъ войскъ, они еще не сложили непріятеля въ конецъ.

Въ настоящую минуту Турки все еще владѣютъ Четыреугольникомъ крѣпостей, полуостровомъ Галлиполи, охраняемымъ къ тому же политическими отношеніями, и наконецъ, самимъ Константинопольскимъ округомъ. Для обороны всего этого чрезполоснаго пространства у Турокъ имѣются, во первыхъ, гарнизоны Рушука, Силистріи, Шумлы и Варны; въ количествѣ не менѣе 40 тысячъ человекъ, и отдѣльный корпусъ расположенный въ центрѣ ихъ сообщеній, приблизительно въ 20—25 тысячъ, итого тысячъ слишкомъ шестьдесятъ; во вторыхъ, незначительный гарнизонъ въ Галлиполи и остатки Сулеймановой арміи, которые вы-

нырнувъ въ одной изъ гаваней могутъ усилить число войскъ занимающихъ столь важный въ стратегическомъ отношеніи полуостровъ; втретьихъ, армія Реуфъ-паши отъ 60 до 70 тысячъ защищающая укрѣпленіе столицы, съ центромъ въ Чаталджѣ. Если соединить всѣ эти отдѣльные отряды въ одну цифру, то у непріятеля получится всего войска не менѣе 150.000 человекъ, правда разрозненнаго, но все еще стоящаго подъ ружьемъ и сохраняющаго названіе армій.

Съ другой стороны, противъ каждой изъ исчисленныхъ непріятельскихъ силъ находятся наши силы превосходящія непріятеля и числомъ, и духомъ. Четыреугольникъ крѣпостей замыкается съ запада доблестнымъ Рушукскимъ отрядомъ, а съ востока корпусомъ генерала Циммермана. Войска Наслѣдника Цесаревича уже заняли Разградъ и Османъ-Базаръ, а корпусъ Циммермана—Базарджикъ.

Что касается полуострова Галлиполи, то, въ случаѣ сосредоточенія тамъ непріятельскихъ войскъ, нашъ гвардейскій отрядъ могъ бы встрѣтиться еще разъ со знакомымъ противникомъ чтобы напомнить ему о трехдневной Филиппопольской битвѣ.

Остается Константинополь и армія Реуфа, противъ которой съ нашей стороны могутъ быть двинуты 8-й, 4-й, гренадерскій и часть 11-го корпусовъ, всего въ количествѣ не менѣе 80 тысячъ, при значительномъ числѣ кавалеріи и артиллеріи.

Такимъ образомъ, подъ стѣнами Константинополя могутъ встрѣтиться приблизительно силы равныя числомъ, на что и разчитываютъ вѣроятно турецкіе уполномоченные,—но неравныя духомъ и боевымъ составомъ, что вѣроятно и упускается ими изъ виду.

№ 20.

Москва, 20-го января.

Объясненія данныя англійскими министрами 25-го января въ обѣихъ палатахъ, по замѣчанію газеты *Times*, были весьма таинственны. Оппозиціей былъ поставленъ цѣлый рядъ вопросовъ. Она желала знать получены ли русскія условія и извѣстны ли они правительству; были ли они получены наканунѣ (когда впервые было возвѣщено о кредитѣ) и знало ли правитель-

ство что эти условія предъявлены Портъ; есть ли какое основаніе въ слухахъ что прелиминаріи мира или перемиріе уже подписаны; приняты ли правительствомъ какія-либо мѣры не сообщенныя парламенту; наконецъ спрошено, справедливы ли слухи о выходѣ въ отставку нѣкоторыхъ членовъ правительства, и потребовано сообщеніе документовъ которые разъяснили бы отношенія Англіи къ другимъ державамъ. Последнія два обстоятельства лордъ Гартингтонъ объявилъ особенно важными, такъ какъ выходъ въ отставку кого-либо изъ кабинета имѣетъ важное значеніе для мѣръ возвышенныхъ правительствомъ, указывая на перемѣну намѣреній объявленныхъ при открытіи парламента, а еще важнѣе знать одобряются ли дѣйствія Англіи другими державами, и какимъ образомъ произошло что вопросы о Константинополѣ и судоходствѣ чрезъ Дарданеллы, которые въ прошломъ году были провозглашены европейскими, теперь сочтены правительствомъ за такіе которые требуютъ единственно британской охраны.

Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не было дано удовлетворительнаго отвѣта, и всего менѣе по вопросу о посылкѣ флота. Въ началѣ засѣданія Верхней Палаты, лордъ Беконсфильдъ, на вопросъ лорда Сандвича сказалъ: „такъ какъ Русскія войска продолжали подвигаться въ направленіи гдѣ глубоко замѣшаны Британскіе интересы, и такъ какъ мы были извѣщены „султаномъ что жизнь и собственность въ Константинополѣ не могутъ быть обезпечены вслѣдствіе господствующаго тамъ „беспорядка, то правительство ея величества сочло долгомъ приказать флоту отъправиться изъ Смирнской бухты къ Дарданелламъ.“ А послѣ, на болѣе обстоятельный запросъ лорда Гранвиля, премьеръ уже ничего не промолвилъ о необходимости охраненія жизни и собственности въ турецкой столицѣ, и только съ удареніемъ настаивалъ на поддержаніи и охраненіи британскихъ интересовъ поименованныхъ въ майской депешѣ лорда Дарби, изощряясь доказать что принятая временно мѣра нисколько не противорѣчила нейтралитету. „Если же понимать нейтралитетъ „такъ что мы не должны защищать великіе интересы нашей страны,“ прибавилъ премьеръ, „то такому нейтралитету я предпочитаю интересы страны и честь королевы.“

Еще менѣе можно было что-либо понять о связи между прогулкой англійскаго флота назадъ и впередъ и мирными условіями. Какъ премьеръ въ верхней палатѣ, такъ и канцлеръ въ нижней хотѣли увѣрить будто въ промежуткѣ между двумя приказами флоту правительство ознакомилось, наконецъ, въ нѣкоторой степени съ русскими условіями, и намекали что это будто не безъ вліянія было на отозваніе флота. Лорду Беконсфильду, конечно, было желательно дать понять что его угроза уже возымѣла нѣкоторое дѣйствіе; но ни онъ, ни канцлеръ казначейства ничѣмъ не могли подтвердить свой намекъ. Изъ ихъ словъ выходило что officialнаго извѣстія объ условіяхъ мира Англійское правительство все-таки не имѣло, а только конфиденціально освѣдомилось о нѣкоторыхъ изъ нихъ, потому и не можетъ сообщить о нихъ парламенту. Точно также министры не нашли возможнымъ удовлетворить любопытство палаты относительно переговоровъ Англіи съ другими державами, по той же причинѣ что они не въ правѣ обнародовать конфиденціальную корреспонденцію съ другими державами безъ ихъ согласія. Уклончивый отвѣтъ былъ данъ даже на вопросъ о томъ получено ли было согласіе Порты на проходъ флота; канцлеръ казначейства замѣтилъ только что „пунктъ этотъ не былъ оставленъ безъ вниманія.“ А между тѣмъ г. Гладстонъ находитъ основаніе думать что Порта тогда только согласилась на вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы когда г. Леярдъ объявилъ что флотъ все-таки войдетъ, съ согласія или безъ согласія Турціи.

За то многое разъяснила рѣчь лорда Карнарвона, пожелавшаго представить объясненіе своего выхода въ отставку. Онъ уже два раза предъ тѣмъ подавалъ въ отставку: въ первый разъ когда онъ получилъ выговоръ отъ перваго министра за рѣчь въ которой высказывался противъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства Англіи по поводу настоящей войны. Затѣмъ 12 января (31 декабря) въ кабинетѣ впервые обсуждалось отправленіе флота въ Дарданеллы, и лордъ Карнарвонъ рѣшительно возражалъ противъ этой мѣры. Тогда еще никакого рѣшенія не было принято; но 11 (3) января было рѣшено отправить флотъ въ Дарданеллы. Вслѣдствіе этого, лордъ Карнарвонъ тотчасъ же послалъ премьеру прошеніе объ отставкѣ, и хотя приказъ

флоту былъ отмѣненъ, опять подалъ свое прошеніе 18 числа, на другой день по открытіи парламента, въ письмѣ которое онъ прочелъ въ палатѣ. Такъ какъ прошеніе не было принято, то лордъ Карнарвонъ считалъ дѣло конченнымъ, но 23 января вопросъ объ отправкѣ флота былъ снова поднятъ въ кабинетѣ и рѣшенъ утвердительно, послѣ чего ему не оставалось болѣе ничего какъ настоять на своемъ увольненіи. Изъ рѣчи лорда Карнарвона узнаемъ что оба прежніе раза, т.-е. 12-го и 15-го января, отмѣна приказа флоту послѣдовала не вслѣдствіе согласія его товарищей съ его взглядами, а по обстоятельствамъ постороннимъ и случайнымъ. Особенно замѣчательно слѣдующее въ его рѣчи мѣсто:

„Рѣшеніемъ отправить флотъ въ турецкія воды кабинетъ принялъ мѣру далеко уклоняющуюся отъ политики нейтралитета которую онъ обязался сохранять пока ни одинъ изъ воюющихъ не затронетъ извѣстныхъ условій нами изложенныхъ. 17 января, въ королевской рѣчи было признано что ни одинъ изъ воюющихъ не касался поименованныхъ условій, а въ промежутокъ отъ 17 до 23 января не случилось ничего что оправдывало бы уклоненіе отъ этой политики. Я думалъ также что минута выбранная кабинетомъ для этой мѣры была дурно выбрана, такъ какъ въ это время переговоры между воюющими достигли критическаго пункта; и подобная мѣра съ нашей стороны могла имѣть самое зловередное вліяніе, поощряя Турцію и имѣя видъ угрозы противъ Россіи. Я считалъ также опасною политикой ставить нашъ флотъ въ положеніе при какомъ случайности войны могли бы вызвать столкновение и вовлечь насъ въ затрудненія какихъ мы не могли ни предусмотрѣть, ни разсчитать. Далѣе мнѣ казалось что такимъ образомъ дѣйствій мы измѣняли наше долготѣ наблюдательное положеніе на угрожающее въ отношеніи къ одному изъ воюющихъ; что мы измѣняли положеніе нейтральной стороны на положеніе, можетъ быть, воюющей; словомъ, что это былъ шагъ въ направленіи къ войнѣ.“

Но все это было еще за недѣлю тому назадъ. Послѣ того телеграммы передавали намъ много всякаго пустословія наговореннаго въ англійскихъ палатахъ. Оказалось что англійское правительство осталось очень не довольны русскими условіями,

и съ тѣхъ поръ оно все выше поднимаетъ задоръ, что особенно видно изъ сегодняшнихъ телеграммъ. Оно прибѣгло ко своей обычной системѣ запугиванья. Ежедневно высылаются сенсационныя телеграммы объ отправкѣ ружей и разныхъ военныхъ запасовъ въ Мальту, о заготовкахъ провіанта и т. п. Обыкновенно серіозныя военныя приготовленія дѣлаются молча и по возможности скрываются отъ противника....

Въ подобныхъ случаяхъ твердость и достоинство самое лучшее средство отпора, между тѣмъ какъ малѣйшая уступчивость изъ желанія ублажить противника неизбежно ведетъ къ противоположному результату. Россія, поставивъ Турціи требованія которыя она находитъ основательными и законными, должна непоколебимо стоять на своемъ. Мы можемъ быть увѣрены что никакими уступками не удовлетворимъ Англии. Ее можетъ удовлетворять только позоръ нашъ, только наше паденіе на Востокѣ. Стоить только вступить на путь уступокъ, и враждебныя притязанія будутъ возрастать ежедневно, и имъ конца не будетъ, пока наконецъ мы не дойдемъ до пункта гдѣ ничего не останется какъ ударить наглеца. Стоить только припомнить прошлогоднюю исторію Константинопольской конференціи, на которой мы надѣялись уступчивостью и отказомъ отъ своихъ справедливыхъ требованій избѣжать войны съ Турціей. Пусть же лучше разрывъ падаетъ на отвѣтственность Англии, если она того желаетъ. Но она притихнетъ какъ только серіозно убѣдится что ея угрозы остаются безъ дѣйствія.

№ 21.

Москва, 21-го января.

А.

Объявленіе войны за правое дѣло было встрѣчено въ Россіи съ неописаннымъ восторгомъ; но извѣстіе о заключеніи мира, хотя и послѣ великихъ побѣдъ, ожидается съ трепетнымъ страхомъ...

По достовѣрнымъ полученнымъ нами извѣстіямъ основанія мира и условія перемирія уже подписаны; неизвѣстно въ точности въ чемъ они состоятъ.

Б.

Вчера вечеромъ, какъ передаетъ одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ, въ англійскомъ парламентѣ, одинъ изъ министровъ объявилъ что турецкимъ посломъ въ Лондонѣ получена телеграмма Порты уведомляющая что наканунѣ въ Адрианополѣ подписаны общія основанія мира и перемирія; но дѣйствительно ли они подписаны, прибавилъ министръ, остается неизвѣстнымъ. Итакъ, вмѣстѣ и извѣстно, и неизвѣстно. Англійскій министръ присовокупилъ еще что и характеръ мирныхъ условій также неизвѣстенъ Британскому правительству. Какимъ же образомъ тотъ же министръ въ понедѣльникъ разсуждалъ о русскихъ условіяхъ, и притомъ будто бы на основаніи сообщеній сдѣланныхъ ему графомъ Шуваловымъ? Въ Англіи ведется весьма похвальный обычай (хотя въ нынѣшнемъ парламентѣ онъ нѣсколько разъ нарушался), запрещающій вмѣшиваться имя королевы въ парламентскія пренія. Въ виду принятой нынѣшними англійскими министрами системы намековъ и двусмыслий, не мѣшало бы распространить это правило и на другія лица которыя находятся предъ англійскимъ парламентомъ въ положеніи вынужденнаго безмолвія и вовсе предъ нимъ неотвѣтственны. Англійскіе министры являются въ палаты и безцеремонно заявляютъ что они слышали отъ такого-то посла то-то и то-то; но публика не имѣетъ никакого ручательства за вѣрность этихъ сообщеній. Документы включаемые въ дипломатическій сборникъ подъ именемъ *Синей Книги* печатаются обыкновенно много поздиѣе, но и они не всегда могутъ дать разъясненіе: въ нихъ публикуются депеши, а не словесныя сообщенія, да и въ выборѣ депешъ бываетъ не безъ подтасовки: укрывается все чего обнародованіе было бы невыгодно для министровъ; такіе документы они часто отказываются сообщать публикѣ подъ предлогомъ что въ нихъ заключаются конфиденціальныя сообщенія.

Многіе читатели, вѣроятно, остановились также на странности одной изъ вчерашнихъ телеграммъ. По сообщенію газеты *Times* изъ Парижа, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ уведомилъ бюджетную комиссію что если состоится европейскій конгрессъ, то онъ потребуетъ спеціальнаго кредита, для того чтобъ и Фран-

ція могла явиться на конгрессъ какъ подобаетъ великой державѣ.

Франція, какъ видно, не хочетъ отстаивать отъ Англіи и желаетъ показать что и она не нищая, и явится на конгрессъ также съ деньгами. Эти деньги въ карманѣ должны служить угрозой и означать готовность къ вооруженіямъ. Стало-быть, соглашеніе на конгрессъ представляется такъ мало возможнымъ что всѣ собираются на немъ грозить другъ другу. И вотъ такого-то европейскаго совѣщанія добивается Англія: оно выдается ею необходимымъ для обезпеченія общаго мира.

Итакъ, стоворы и соглашенія будутъ происходить не на сценѣ конгресса, а за кулисами, и неизбѣжнымъ результатомъ должно быть раздѣленіе державъ на лагеря, а затѣмъ и европейская война. Честь и слава англійской политикѣ! Съ неподражаемымъ искусствомъ она постоянно достигаетъ того что своими же руками разрушаетъ то чего добивается...

В.

Въ настоящую минуту, когда враждебные намъ въ западной Европѣ элементы поднимаютъ такой гвалтъ о разныхъ европейскихъ интересахъ, одна англійская газета, густаго торійскаго цвѣта, оказала намъ по истинѣ услугу обнародованіемъ меморандума писаннаго 10 декабря 1829 года герцогомъ Веллингтономъ, бывшимъ тогда во главѣ кабинета, къ лорду Эбердину, занимавшему постъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ. Газета сопровождаетъ этотъ документъ замѣчаніемъ что многое въ немъ весьма примѣнимо къ настоящему положенію дѣлъ. Да, это справедливо, изъ него видно какъ давно уже неизмѣнною цѣлью англійской политики было всячески противодействовать возрожденію восточныхъ христіанскихъ населеній, протестовать не только противъ ихъ освобожденія, но и противъ всякаго ограниченія турецкаго произвола, подъ предлогомъ будто бы отпора честолюбію Россіи и грозящей отъ него опасности для свободы Европы. Изъ разсужденій герцога Веллингтона можно видѣть также что и въ его время употреблялись тѣ же что и нынѣ доводы. Переходимъ къ анализу его меморандума.

Тогда, также какъ и теперь, шли толки о мирныхъ условіяхъ которыя побѣдо-

носная Россія предписывала Портѣ. Положеніе принятое Англіей относительно только-что кончившейся войны было совершенно подобно нынѣшнему. Въ самомъ началѣ герцогъ напоминаетъ что Британское правительство „осуждало эту войну,“ „не видѣло въ ней необходимости,“ и напередъ заявило что оно „отстаиваетъ право Англіи, какъ одной изъ европейскихъ державъ, наблюдать за ходомъ войны и изслѣдовать (*examine*) ея результаты.“ А чтобы поставить это право Англіи внѣ всякаго спора, герцогъ Веллингтонъ излагаетъ слѣдующее ученіе: „Британское правительство заявило свое мнѣніе что *самый полный успѣхъ въ справедливѣйшемъ дѣлѣ не даетъ права сильнѣйшей сторонѣ требовать отъ слабѣйшей жертвъ* которыя затрогивали бы ея политическое существованіе или касались бы *того положенія территориальныхъ владѣній на коемъ покоится общій миръ.*“ Какъ кстати это нравоученіе въ устахъ Англіи, удержавшей за собой Гибралтаръ, какъ результатъ войны, и какъ особенно подобало говорить это побѣдителю при Ватерло, когда всего за 15 лѣтъ предъ тѣмъ Англія, въ награду за свою борьбу противъ Наполеона, присвоила себѣ не только множество французскихъ колоній, но и болѣшую часть голландскихъ и португальскихъ, за то только что эти страны были покорены Франціей, да еще вдобавокъ удержала за собой Мальту и Ионическіе острова, первоначально отнятые у Фраицузовъ русскимъ оружіемъ. Но переходимъ къ дѣлу. Это аподиктическое заявленіе понадобилось герцогу Веллингтону для того чтобы тотчасъ же за тѣмъ по пунктамъ возражать противъ всѣхъ условій потребованныхъ тогда отъ Порты. Изъ его возраженій выходитъ какъ будто онъ ожидалъ что Россія не потребуетъ ровно ничего отъ Порты, а удовольствуется своими побѣдами, и оставитъ Турцію совершенно въ томъ видѣ какъ была она прежде. Въ самомъ дѣлѣ, онъ жалуется:

„Трактатъ въ отношеніи къ Греціи приводится въ исполненіе способомъ самымъ тягостнымъ для султана... Постановленія прежнихъ трактатовъ въ отношеніи къ Сербамъ требуется привести въ исполненіе въ пятнадцать дней, съ уступкой еще пяти округовъ этому народу, и русская армія имѣетъ оставаться въ сосѣдствѣ столицы пока эти постановленія не будутъ

приведены въ исполненіе. Валахія и Молдавія фактически имѣютъ стать независимы отъ Порты, за исключеніемъ только уплаты дани и утвержденія князя, пожизненно избираемаго каждымъ княжествомъ... У Порты отнимаются, далѣе, средства для поддержанія верховныхъ правъ которыя за ней остаются. Города на лѣвомъ берегу Дуная должны быть очищены магометанами и ихъ укрѣпленія разрушены въ теченіи пятнадцати дней, прежде чѣмъ русская армія уйдетъ изъ сосѣдства Константинополя.“

Перечисливъ свои жалобы на всѣ эти льготы требуемыя Россіей для христіанъ, герцогъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „Какъ думать чтобы султанъ могъ пользоваться независимымъ или какимъ бы то ни было контролемъ надъ различными подчиненными его правительству народами, коль скоро у него будутъ исторгнуты подобныя уступки!“

Затѣмъ, меморандумъ возражаетъ противъ 7-й статьи трактата, въ которой договаривается что „торговля русскихъ подданныхъ во владѣніяхъ Оттоманской Порты не будетъ стѣсняема ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, ни какимъ запрещеніемъ или ограниченіемъ, ни вслѣдствіе какого бы то ни было регламента или мѣры, будетъ ли она административная или законодательная,“ и далѣе постановляется что „русскіе подданные, ихъ суда и товары будутъ изъяты отъ всякаго насилія или придиричиваго вмѣшательства,“ и что „русскіе подданные будутъ подлежать исключительной юрисдикціи русскихъ посланниковъ и консуловъ“ и т. д. Эти постановленія, по мнѣнію герцога, лишаютъ Порту „независимости въ ея собственныхъ владѣніяхъ.“

Далѣе, герцогу крайне не нравилась и контрибуція потребованная тогда отъ Порты, хотя она простиралась только до 5.750.000 ф. ст., и въ особенности условія разсрочки ея, вслѣдствіе коихъ русскія войска должны были занимать турецкія провинціи до полной уплаты, лишь постепенно очищая ихъ по мѣрѣ взносовъ.

Но Англійское правительство, какъ значится въ меморандумѣ, — страшилось въ особенности нравственнаго вліянія всѣхъ этихъ тягостныхъ для Порты условій на „ея христіанскихъ подданныхъ всѣхъ исповѣданій.“ Да и какъ было не страшиться? „Сербы, Валахи, Молдаване, Греки

„Мореи и островы и пр., будутъ освобождены отъ турецкаго владычества“ (что глубоко огорчало герцога Веллингтона, участвовавшаго въ борьбѣ Испанцевъ за свободу противъ французскаго владычества), „и нельзя сомнѣваться что мѣры, замышляемыя этимъ трактатомъ должны будутъ поощрить другія христіанскія націи къ попыткамъ достигнуть такихъ же выгодъ подобными же средствами.“ Въ самомъ дѣлѣ, проницательный герцогъ предвидѣлъ что и другіе христіане пожелаютъ освободиться отъ варварскаго ига, и потому всею душой скорбѣлъ объ освобожденіи Сербовъ, Грековъ, Румынъ: лучше бы, право, и имъ оставаться въ неволѣ.

Но мы не покончили еще съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ гнусѣйшаго политическаго эгоизма. Удивленія достойно, какъ и въ то время, задолго до рожденія пресловутаго Парижскаго трактата, въ меморандумѣ герцога Веллингтона уже встрѣчается вошедшая съ тѣхъ поръ въ дипломатическую поговорку фраза о „независимости Порты и цѣлости Турецкихъ владѣній.“ А еще болѣе остается дивиться безстыдству съ какимъ русскіе взгляды объявляются въ меморандумѣ „совершенно не соотвѣтствующими съ заявленіями Императора и съ безопасностью другихъ державъ, въ особенности Австріи.“ Вообще, герцогъ Веллингтонъ до такой степени былъ недоволенъ всеміи русскими условіями мира съ Портой, что откровенно высказывалъ что пожалуй было бы лучше чтобы „Русскія войска вступили въ Константинополь и чтобы Турецкая имперія распалась,“ такъ какъ тогда всѣ великія державы „приняли бы участіе въ распоряженіи обломками Турецкой монархіи.“ И это вслѣдъ за фразой о „ея независимости и цѣлости!“

Наконецъ, въ заключеніе документа мы видимъ ту же игру что и теперь. Англійскому правительству очень хотѣлось добиться *конференціи*, хотя тогда это желаніе выражалось туманнѣе. Чтобы проложитъ къ ней путь герцогъ наводитъ на мысль о „ручательствѣ“ (гарантіи) съ обязательствомъ между державами что онѣ „будутъ считать предметомъ общаго обсужденія и соглашенія всякія мѣры какія впредь придется принимать относительно Турецкой имперіи.“ Герцогъ пояснялъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: „Я понимаю

возраженія противъ гарантіи, въ особенности примѣнительно къ странѣ которой мы не защищали, допустивъ сокрушить и завоевать ея. Но соглашеніе вытекающее изъ гарантіи мнѣ представляется наилучше подходящею мѣрой чтобы успокоить тревогу, опасенія и ожиданія которыя будутъ возбуждены этими сдѣлками, а также чтобы *удовлетворить нашу страну что для ея интересовъ было сдѣлано все что только было можно.*“

Итакъ, мы вѣчно встрѣчались съ этими „англійскими интересами.“ Торійская газета откопала меморандумъ герцога Веллингтона съ очевидною цѣлью поощрить нынѣшнихъ министровъ идти по его стопамъ въ восточной политикѣ. Но въ этомъ не было надобности: они и такъ ревностно дѣйствуютъ въ томъ же духѣ. Для насъ документъ этотъ имѣетъ другой интересъ. Было время когда англійской политикѣ было нужно чтобы Очаковъ принадлежалъ Турціи; было время когда англійскимъ интересамъ вредило освобожденіе Греціи и Сербіи; теперь имъ претитъ освобожденіе Болгаръ и другихъ христіанскихъ населеній. Но, слава Богу, теперь пятидесятилѣтній опытъ у всѣхъ предъ глазами: Греція, Сербія, Румынія, давно свободны, и никого нельзя обморочить что Европѣ вообще, а самимъ этимъ странамъ въ особенности, стало отъ того хуже; настоящая участь Болгаріи, Воеводины, Герцеговины, показываетъ въ какомъ положеніи теперь находились бы освобожденные тогда страны еслибъ онѣ все еще оставались подъ турецкою властью, какъ того желало сердце знаменитаго герцога. Освобождены онѣ были, наперекоръ его желаніямъ, Адрианопольскимъ миромъ безо всякой конференціи. Теперь насталъ чередъ другихъ племенъ, свобода коихъ, какъ и тогда, куплена русскою кровью...

№ 22.

Москва, 22-го января.

Радоваться ли? Прежде войдемъ каждый въ клѣть свою и помолимся, да поможетъ Богъ нашему возлюбленному Государю довершить великій подвигъ и заключить миръ достойный и прочный.

Война еще не кончена; только приостановлены военныя дѣйствія. Еще миръ не

заклученъ. Подписаны: предварительныя условія мира; но гдѣ ручательство что они будутъ вполнѣ соблюдены? Мы вели переговоры съ Турціей; но насъ еще ожидаютъ переговоры съ Европой. Наши доблестныя войска съ неслыханнымъ самоотверженіемъ и геройствомъ перешли Балканы, полонили непріятельскую армію, разгромили другую, послѣднюю, прикрывавшую Стамбуль. Побѣдоносное движеніе остановилось почти въ виду беззащитной столицы непріятеля и еще ближе къ тому роковому мѣсту гдѣ закрѣпленъ главный узелъ Восточнаго вопроса. Насъ торопили заключеніемъ перемирія. Наши друзья въ Европѣ заколебались. Всѣ усилія Англіи были направлены къ тому чтобы военныя дѣйствія были приостановлены пока еще не созрѣли ея ковы и пока еще нѣтъ силы которая смогла бы предупредить быстроту нашихъ ударовъ. Туркамъ теперь ничего болѣе не остается какъ стягивать свои разбросанныя войска къ столицѣ. Видишь уже предлагалъ капитулировать лишь бы только былъ выпущенъ его гарнизонъ. Измаилъ-Хакки-паша, запертый въ Эрзерумѣ, тоже неоднократно предлагалъ его сдачу; лишь бы выйти оттуда съ остатками своей арміи. Гарнизоны Рушчука и Силистріи были бы скоро вынуждены сдаться въ виду угрожающаго имъ соединенія отряда Государя Наслѣдника Цесаревича съ корпусомъ Циммермана. Приостановка военныхъ дѣйствій, соединенная съ очищеніемъ Дунайскихъ крѣпостей и Эрзерума, возвращаетъ султану запертыя въ нихъ войска его, которыми предстоялъ неизбѣжный путь во глубинну Россіи.

Но Богъ милостивъ. Будемъ надѣяться что миръ не замедлитъ, миръ достойный дѣла подъявшаго наше оружіе, что Турки соблюдутъ всѣ принятыя ими обязательства, и что предстоящая конференція державъ, на которой онѣ собираются угрожать другъ другу, не повредитъ сущности дѣла и окончится мирно.

№ 23.

Москва, 23-го января.

Въ виду официальнаго извѣстія о заключеніи перемирія и о принятіи Портой основаній будущаго мира (который по слухамъ предполагено назвать „вторымъ Адриано-

польскимъ миромъ“), всѣ прочія извѣстія принесенныя намъ почтой оказываются болѣе или менѣе запоздалыми. Не лишены интереса лишь тѣ изъ коихъ можно вывести какое-либо заключеніе о самомъ содержаніи мирныхъ прелиминарій. Въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить заявленіе петербургскаго по иностраннымъ дѣламъ листа, *Agence Générale Russe*, отъ 20 января (1 февраля), которое возвращаетъ насъ къ первоначальному сообщенію англійскихъ газетъ касательно будущей организаціи Болгаріи, сообщенію опровергнутому, какъ намъ казалось, заявленіемъ англійскаго канцлера казначейства въ парламентѣ. Сэръ-Стаффордъ Норткотъ общалъ въ четвергъ объ опасеніяхъ что „Болгаріи предполагается дать полную автономію, съ государемъ изъ европейскихъ принцевъ, по избранію Русскаго Императора.“ *Agence Générale Russe* офиціознымъ тономъ заявляетъ что она, *Agence*, „не могла не предостеречь по телеграфу“ своихъ абонентовъ въ Европѣ и въ томъ числѣ англійскія газеты противъ выходки г. Норткота, который мотивировалъ „свое требованіе кредита основываясь на слухѣ касательно намѣреній приписываемыхъ иностранному государю (что противорѣчитъ всѣмъ парламентскимъ обычаямъ) избрать для Болгаріи преданнаго ему принца, между тѣмъ какъ вопросъ объ этомъ даже не былъ затронутъ въ условіяхъ поставленныхъ Россіей, въ коихъ рѣчь идетъ лишь о христіанскомъ губернаторѣ поставленномъ во главѣ мѣстной управленія.“

Зато оказывается въ иномъ смыслѣ невѣрнымъ извѣстіе о другомъ пунктѣ мирныхъ условій, именно о Дарданеллахъ. Въ телеграммѣ изъ Лондона, отъ 28 января, слова г. Норткота сказанныя въ парламентѣ изложены были въ томъ смыслѣ что англійскій флотъ былъ отозванъ изъ Дарданеллъ, когда Англійскому кабинету стало извѣстно что Россія согласна передать вопросъ о Проливахъ на обсужденіе европейской конференціи. Изъ стенографическаго же отчета о засѣданіи палаты общинъ 28 января оказывается что г. Норткотъ, излагая содержаніе мирныхъ условій на основаніи телеграфнаго сообщенія г. Лейярда отъ 24 января, сказалъ слѣдующее по вопросу о Дарданеллахъ: „По телеграммѣ г. Лейярда, предполагалось вопросъ о Босфорѣ и Дарданеллахъ предоставить евро-

„пейскому конгрессу. Таково было извѣстіе „нами полученное, которое вполне согласовалось съ тѣмъ что мы имѣли поводъ ожидать. Но затѣмъ обнаружилось, что депеша была передана невѣрно, и она на другой день была исправлена. Оказалось, что вопросъ о Проливахъ долженъ быть разрѣшенъ не путемъ соглашения Императора Всероссийскаго съ европейскимъ конгрессомъ, а лишь путемъ соглашения между Россіей и Турціей.“

Однако изъ дальнѣйшихъ извѣстій, за послѣдніе два дня полученныхъ, слѣдуетъ придти къ тому печальному выводу что британскій министръ и на этотъ разъ получили невѣрное извѣстіе.

Конгрессъ представляется результатомъ „рѣшительнаго“ образа дѣйствій принятаго въ послѣдніе дни Австріей. По этому поводу, иностранныя газеты, смотря по большей или меньшей враждебности ихъ къ Россіи, сообщаютъ разнорѣчивые слухи, кои однако сводятся къ тому что Австріи такъ или иначе принадлежитъ существенная роль въ томъ поворотѣ который приняли дѣла въ послѣднюю минуту предъ заключеніемъ перемирія. Вмѣшательство Австріи сказалося въ нотѣ адресованной С.-Петербургскому кабинету, которую враждебныя Россіи газеты, какъ напримѣръ *Кельнская*, прямо назвала *ультиматумомъ*. Напротивъ, офиціозные органы, въ особенности берлинскіе, кои при всякомъ случаѣ съ особенною любовью оберегаютъ „нерушимость“ Тройнаго Союза, всячески старались доказать что Австрія и въ этомъ случаѣ отнюдь не измѣнила „Союзу“ и вовсе не была солидарна съ Англіей. О самомъ же содержаніи австрійской ноты наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія, по общему отзыву, заключались въ офиціозной корреспонденціи изъ Вѣны, появившейся въ венгерскомъ правительственномъ органѣ *Ellenör*, отъ 29 января. Корреспонденція заявляетъ что Австрія, „наконецъ“, выступила изъ своего бездѣйствія, и что графъ Андраши изложилъ интересы Австро-Венгрии въ нотѣ адресованной въ Петербургъ, которая должна служить для огражденія требованій Австріи и на будущей конференціи. „Австро-Венгрія надѣется“, сказано далѣе въ корреспонденціи, „опираясь на свою превосходно организованную армію, и въ согласіи съ Европой, добиться измѣненія(!) условій поставленныхъ Россіей.“ Точнаго указанія этихъ

условій мы и тутъ не находимъ; но вотъ что корреспонденція противъ этихъ условій *возражаетъ*: „Россія своими условіями „стремится секвестровать Турцію въ свою „пользу на ближайшее будущее въ военномъ, политическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Австрія въ особенностяхъ не можетъ допустить чтобы Русскія войска заняли на продолжительное время Болгарію и чтобы Русское вліяніе на долго оставалось тамъ распоряжаться. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ неоднократно уже высказывалось въ этомъ смыслѣ предъ Петербургскимъ кабинетомъ, и этотъ взглядъ всегда признавался тамъ правильнымъ и уважительнымъ. Въ случаѣ необходимости Австрійское правительство намѣрено сослаться на заявленія по этому предмету Петербургскаго кабинета и таковыя обнародовать.“ Корреспонденція настаиваетъ на томъ что Австріи принадлежитъ также „рѣшительное слово“ по вопросу о расширеніи границъ Сербіи и Черногоріи.

И такъ, вела войну Россія, а будутъ заключать миръ Англія и Австрія!

Что же касается возвращенія намъ части Бессарабіи, то Австрія можетъ де на это согласиться лишь подъ тѣмъ условіемъ чтобы Дунай былъ нейтрализованъ по всему его теченію вдоль Сербской и Румынской границъ.

Берлинская *Национальная Газета* (спасибо ей!) замѣчаетъ что это „бряцаніе меча“ ничего тревожнаго не означаетъ: „много шума изъ де ничего.“ Коль скоро Австрія ничего не возражаетъ противъ превращенія Болгаріи въ самостоятельное государство, то Россіи нѣтъ де никакой надобности занимать Болгарію на продолжительное время своими войсками, „такъ какъ“ болгарскіе легіоны, когда они будутъ организованы, представляютъ собою войско не менѣе преданное Россіи нежели сама русская армія.“ Изъ-за нѣсколькихъ миль территоріи о коей будетъ идти рѣчь при исправленіи границъ Черногоріи и Сербіи воевать никто де не станетъ (очень утѣшительно узнать это послѣ двухлѣтней кровопролитной борьбы которую вели Черногорія и Сербія!), а нейтрализацію Дуная Россія вѣроятно де согласится коль скоро Австрія соглашается на возвращеніе ей части Бессарабіи (но что же будетъ значить эта частичка Бессарабіи, отрѣзанная отъ Дуная?).

Тутъ опять мы встрѣчаемся съ *полною автономіей* Болгаріи, а между тѣмъ о та-

кой автономіи, какъ съ нѣкоторою удалью свидѣтельствуешь *Agence Russ*?, не было и рѣчи въ русскихъ условіяхъ.

Замѣчательно что та же *Национальная Газета*, въ статьѣ отъ 30 января, не допускаетъ мысли о возможности возвращенія Болгаріи подъ владычество Турціи и увѣщеваетъ Австрію *не противиться неизбѣжному*. „Едва ли можно предположить,“ разсуждаетъ эта газета, „чтобы Россія отъ „казалась отъ образованія изъ Болгаріи „самостоятельнаго или, по крайней мѣрѣ, „вассальнаго государства. Австрія имѣла „достаточно времени поразмыслить о томъ „что Россія не для того вступила въ войну „чтобы по ея окончаніи отдать Турціи „обратно Болгарію въ исправленномъ видѣ. „И неужели въ Австріи еще могутъ думать „что подобныя войны ведутся съ тѣмъ „чтобы по окончаніи ихъ оставить все по „старому?“

Если петербургскій французскій листокъ имѣлъ основаніе сообщить то что онъ сообщилъ о предполагаемомъ устройствѣ Болгаріи безъ дальнѣйшихъ поясненій, то можно ли обратиться и къ нему съ тѣмъ же вопросомъ который берлинская гезета предлагаетъ Австріи.

№ 24.

Москва, 24-го января.

Мы изложили, въ послѣднемъ № нашей газеты, содержаніе рѣчи руководителя Британской нижней палаты, канцлера казначейства Норткота, при внесеніи 28 декабря требованія чрезвычайнаго кредита. Прежде всего не можетъ не поразить всякаго удивительное сходство этой рѣчи съ меморандумомъ герцога Веллингтона относительно условій Адрианопольскаго мира, о которомъ мы говорили на дняхъ. Нынѣшнее Англійское правительство, по примѣру стараго герцога, возражаетъ рѣшительно противъ всѣхъ русскихъ условій. Особенно забавно что англійскимъ газетамъ не по нутру географія. Добро бы еще шла рѣчь объ освобожденіи Болгаръ живущихъ къ сѣверу отъ Балканъ, а то нужно же быть такой горькой дѣйствительности что они заселяютъ почти сплошь и всѣ земли къ югу отъ Балканъ до самаго Эгейскаго моря! Какъ это они такъ разселились не подумавъ что это современемъ

причинить такое горе англійскимъ министрамъ!

Рѣчь англійскаго министра имѣетъ интересъ, во первыхъ, по разъясненію относительно посылки англійскаго флота въ Дарданеллы, во вторыхъ, по указанію будущаго положенія которое Англія высокомерно готовится занять на конференціи или конгрессѣ.

Относительно перваго объясненіе канцлера казначейства разъяснило только недобросовѣстность англійскаго нейтралитета. Оказывается что уже на третій день по взятіи Плевны, Англійское правительство обезпокоилось возможностью движенія русскихъ войскъ за Балканы, и вздумало вынуждать у Россіи обязательство считать священными и недоступными извѣстные пункты турецкой территоріи, и предоставить такимъ неслыханнымъ образомъ стратегическія преимущества своему противнику. Можетъ-быть Англійское правительство нашло поощреніе своей назойливости въ томъ обстоятельстве что не встрѣтило достаточно твердаго отказа своимъ притязаніямъ, которыя оно едва ли бы посмѣло повторить еслибъ увидѣло что они оставляются безо всякаго вниманія. Но Русское правительство, хотя и снизошло до переписки по этому поводу, могло только повторить свое прежнее заявленіе что Россія не помышляетъ о приобрѣтеніи Константинополя, однако не можетъ отказаться, въ угоду Англіи, отъ свободы дѣйствій принадлежащей всякому воюющему. Но Англійскому правительству нужно было только завязать споръ, и черезъ мѣсяцъ оно стало уже прямо добиваться отъ Россіи „увѣренія“ что русскія войска не пойдутъ на Галлиполи, такъ какъ де операціи которыя поставили бы проходъ черезъ Дарданеллы подъ контроль Россіи были бы помѣхой для обсужденія окончательныхъ условій мира. Русское правительство отвѣтило что, какъ ни желаетъ оно избѣгнуть этого, однако можетъ быть вынуждено къ тому сосредоточеніемъ турецкихъ силъ, и въ свою очередь весьма естественно пожелало имѣть увѣренность что и Британское правительство не помышляетъ о занятіи Дарданеллъ. На это, однако, послѣдовалъ отвѣтъ что такого намѣренія нѣтъ только при настоящихъ обстоятельствахъ. Любопытиѣе всего что этотъ отвѣтъ былъ данъ всего за два дня до посылки туда англійскаго флота, то-есть 21

декабря. Узнавъ что Сулейманъ отступаетъ въ направленіи къ Галлиполю, и опасаясь что Русскіе за ними послѣдуютъ, Англійское правительство 23-го декабря приказало флоту двинуться къ Дарданелламъ. Слѣдовательно, по объясненію самаго англійскаго министра, посылка флота была вызвана прежде всего движеніемъ Сулеймана, и предпринималась для прикрытія его.

Затѣмъ, объясненіе немедленной отмѣны приказанія, будто бы вслѣдствіе телеграммы Леярда что Порты приняла условія мира и что нечего болѣе опасаться русскаго движенія на Константинополь, — телеграмма оказавшаяся неточною, — не согласуется съ объясненіемъ которое въ тотъ же день далъ лордъ Дарби въ верхней палатѣ. Онъ подавалъ въ отставку вслѣдствіе посылки флота, и остался въ кабинетъ только когда она была отмѣнена. Онъ это и объяснилъ палатѣ, говоря что ему пришлось бы защищать мѣру которую „по совѣсти“ онъ не могъ одобрить. При этомъ, въ отвѣтъ лорду Стретедену, который рекомендовалъ занять Константинополь чтобы не пустить туда Русскихъ, лордъ Дарби сказалъ:

„Когда идетъ война и непріятельская армія приближается къ столицѣ одного изъ воюющихъ, то если въ это время вступаетъ третья сторона и говоритъ: „Нѣтъ, вы „не должны идти въ столицу; мы вступимъ „если вы это сдѣлаете,“ — такой поступокъ, въ общепринятомъ смыслѣ словъ, долженъ считаться несовмѣстимымъ съ положеніемъ нейтралитета. Еслибы семь лѣтъ тому назадъ наша страна сдѣлала то что иные ей совѣтовали, а именно объявила что мы вступимся если нѣмецкія войска пойдутъ на Парижъ, то вполне ясно что принявъ это положеніе мы стали бы участниками въ войнѣ.“

А между тѣмъ, именно самъ лордъ Дарби вступался, и старался предотвратить своими депешами вступленіе Русскихъ въ Константинополь. Онъ только разчитывалъ достигнуть этого назойливыми притязаніями и пустыми угрозами что „Англія вынуждена будетъ принять мѣры предосторожности.“

Таковы разъясненія относительно настоящаго. Относительно же будущаго положенія Англіи, данныя палатѣ правительствомъ указанія еще хуже. Какъ было извѣстно еще изъ телеграммы, канцлеръ казначейства пояснялъ что кредитъ требуется правительствомъ вовсе не за тѣмъ

чтобъ его весь издержать, а чтобы подкрѣпить правительство выраженіемъ довѣрія къ нему парламента, дабы оно могло явиться на конференцію во всеоружіи силы единой націи. „Мы желаемъ, говоритъ англійскій министръ, приступая къ этимъ совѣщаніямъ имѣть возможность говорить твердымъ голосомъ, голосомъ Англіи, и притомъ такъ чтобъ онъ былъ выслушанъ.“

Но въ какомъ смыслѣ готовятся англійскіе министры заявлять голосъ своей страны, въ этомъ ручается не только слишкомъ хорошо извѣстная политика Англіи, но и дальнѣйшія объясненія канцлера казначейства. Онъ видитъ что падаетъ „краеугольный камень“ на которомъ въ теченіи столѣтій Англія поддерживала дорогое для нея положеніе вещей въ юго-восточной Европѣ. Турція поражена, и съ сокрушеннымъ сердцемъ онъ видитъ неизбежность нѣкоторой перемѣны въ этомъ положеніи вещей. И вотъ онъ заявляетъ что „Англія не должна жертвовать Турками ради какихъ-то европейскихъ цѣлей.“ Они и такъ много пострадали: возможно ли еще причинять имъ безпокойство ради цѣлей которыя вѣдь вовсе не турецкія, и слѣдовательно Туркамъ чужды? Теперь уже безъ всякаго стыда выдвигаются прямо турецкіе интересы, которымъ должны быть подчинены европейскія цѣли. Итакъ вотъ что голосъ Англіи будетъ отстаивать предъ Европой!

И у этого министра, послѣ этихъ словъ, достало духу сказать такого рода лесть своей націи: „мы имѣемъ поддержку на „рода который, въ силу конституціи и по „своему характеру, любитъ свободу и под„держиваетъ все что есть *благороднаго* и „который готовъ во всякое время проли„вать свою кровь или тратить свои сокровища за всякое дѣло которое онъ почи„таетъ *справедливымъ*.“

№ 25.

Москва, 25-го января.

Наконецъ и германская пнѣія изрекла свое слово. Въ тронной рѣчи отозвался князь Бисмаркъ, архей германской политики. Германія, какъ свидѣтельствуется прошлое, болѣе всего заботится о сохраненіи мира въ Европѣ. Ея отношенія безразлично ко всѣмъ и мирны, и дружелюбны. Въ Восточныхъ дѣлахъ она мало заинтересо-

вана, а потому съ полнымъ безкорыстіемъ можетъ способствовать улаженію дѣлъ на Востокъ, такъ чтобы всѣ остались довольны, начиная съ Турціи, и конечно Турція будетъ вполне довольна, точно также какъ и ея союзники, если дѣла на Востокъ останутся при потѣ Андраши и при Константинопольской конференціи. Эти великія усилія, это страшное кровопролитіе, эти ужасы, эти бѣдствія, и эти великія побѣды, эти подвиги самоотверженія какому примѣру нѣтъ въ исторіи, это могучее возбужденіе духа въ великомъ народѣ, все это хотятъ вычеркнуть, — весь этотъ минувшій 1877 годъ хотятъ вычеркнуть, — и возвратить насъ къ Константинопольской конференціи, къ этому постыдному пуфу европейской дипломатіи. Но развѣ это возможно, развѣ исторія когда-нибудь ходила ракомъ, развѣ такіе годы вычеркиваются, развѣ такіа событія можно сдѣлать не бывшими?

Германская политика остается вѣрна себѣ. Какова она была въ началѣ Восточныхъ смутъ, во время сочиненія ноты Андраши, при составленіи Берлинскаго меморандума и за зеленымъ столомъ Константинопольской конференціи, такая точно является она и теперь, объемля насъ разверстыми для всего міра объятіями.

Однако имѣемъ ли мы право сѣтовать на Германію за платонизмъ ея дружбы къ намъ? Всякій смотритъ на вещи по своему. Въ критическія минуты, въ трудную пору борьбы, мы безкорыстно держали наготовѣ наше оружіе чтобы воспротивиться всѣмъ враждебнымъ покушеніямъ другихъ ея сосѣдей, и дали ей возможность раздавить своего противника. Но Германія, какъ вырился руководитель ея политики, при всемъ дружелюбіи къ намъ, не захочетъ жертвовать здоровыми костями ни одного изъ своихъ гренадеръ для дѣла въ которомъ интересъ ея не замѣшанъ. Если мы хотимъ чтобы Германія была дѣятельно расположена въ нашу пользу, чтобы она была не на словахъ только, а на дѣлѣ нашимъ союзникомъ, то намъ слѣдуетъ связать ея интересы съ нашими. Дѣло принятое нами имѣетъ величайшее для насъ значеніе, съ нимъ соединяется все для насъ святое, въ немъ наша исторія, въ немъ наша будущность. Мы не скупимся на жертвы для этого дѣла, мы приносимъ ему самыя тяжкія жертвы. Какъ бы при этомъ не позаботиться намъ о дѣй-

ствительныхъ союзахъ, основанныхъ не на чувствахъ только, но на реальныхъ государственныхъ интересахъ? Насъ все угощали тройнымъ союзомъ. Нѣтъ, намъ былъ бы пригоднѣе двойственный союзъ. Для насъ было бы достаточно въ настоящее время имѣть солидарную программу только съ Германіей если ужъ судьба связала насъ съ нею, и если мы сами поставили себя всѣхъ ближе къ ней. Дальновидная, смѣлая, spirited какъ говорятъ Англичане, политика могла бы, при добромъ согласіи и полномъ взаимномъ довѣріи Дворовъ, установить программу солидарную для обѣихъ державъ, имѣющихъ каждая въ разныхъ сферахъ свой великіе интересы которые легко могли бы счестся между собою. Важность возбужденнаго вопроса и совершающихся событій приглашала насъ къ тому. Руководитель германской политики постоянно держалъ въ полурастворѣ дверь для соглашенія, которое могло бы дать реальное значеніе нашему идеальному союзу съ Германіей. Можно было надѣяться что по крайней мѣрѣ во время войны, которую не успѣли мы предотвратить подобнымъ соглашеніемъ, установится между нами и ближайшею къ намъ изъ великихъ державъ дѣйствительный союзъ который избавилъ бы насъ отъ печальной необходимости идти на Вѣнскую конференцію....

Каждая держава прежде всего сильна своими внутренними силами, но каждая должна быть сильна также союзами и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Германія могла успѣшно дѣйствовать и достигнуть великихъ результатовъ благодаря безкорыстной, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной дружбѣ Россіи. И намъ, для того чтобы достигнуть существенныхъ успѣховъ въ важномъ для насъ вопросѣ, слѣдуетъ имѣть дѣйствительнаго въ Европѣ союзника, который такъ или иначе былъ бы заинтересованъ успѣхами нашего дѣла.

Но у насъ, къ сожалѣнію, имѣются доктринеры такъ называемаго между-народнаго права, готовые жертвовать самыми жизненными интересами страны своимъ тупоумнымъ теоріямъ. У насъ, къ несчастію, встрѣчаются дипломаты которые полагаютъ что дипломатія наша должна заботиться болѣе о европейскомъ равновѣсіи чѣмъ объ интересахъ Россіи, которыхъ они не признаютъ потому что не знаютъ. Этого мало: у насъ есть дипломаты (вѣрьте что есть)

которые полагаютъ что Россія обязана, хотя бы съ пожертвованіемъ интересовъ своихъ на Востокъ, отстаивать папу отъ Бисмарка...

Но время дипломатіи кончилось. Мы хотимъ сказать кончилось время такъ-называемаго дипломатическаго искусства состоящаго въ переливаніи изъ пустаго въ порожнее. Въ настоящее время требуется для дипломатіи прежде всего государственное разуміе, которое чутко къ національнымъ интересамъ, зорко въ оцѣнкѣ обстоятельствъ, способно сближать отдаленное и пролагать новые пути для дѣйствія. О, еслибы мудрость нашей дипломатіи предотвратила лютую необходимость идти намъ теперь на эту конференцію, столь тяжкую для чувства и столь опасную для дѣла! А если нѣтъ иного исхода, если есть forse maggiore, то да поможетъ Богъ нашимъ государственнымъ людямъ предотвратить ковы нашихъ враговъ и запутать ихъ въ собственныхъ сѣтяхъ...

Конференція созывается для заключенія мира. Такъ ли? Скорѣе не послужитъ ли конференція началомъ европейской войны?..

Но, что бы ни было, всѣ надежды нашего святаго дѣла сосредоточены на Самомъ Государѣ нашемъ. Кто, какъ Онъ можетъ чувствовать достоинство и честь Россіи? Государь знаетъ цѣну Своего народа, и не знаетъ только предѣла его самоотверженію и преданности.

„Дѣло далеко еще не кончено,“ сказалъ на этихъ дняхъ Государь, — „и мы должны оставаться на готовѣ пока не достигнемъ прочнаго и достойнаго Россіи мира.“

Государь, что бы ни было, мы готовы!

№ 26.

Москва, 26-го января.

А.

Въ полученномъ нами вчера номерѣ *Политической Корреспонденціи*, отъ 1 февраля, особеннаго вниманія заслуживаетъ подтвержденіе извѣстія о принятіи Россіей австрійскаго предложенія объ европейской конференціи. Названный вѣнскій листокъ, черпающій свои свѣдѣнія изъ сферъ весьма близкихъ ко графу Андраши, возвѣщаетъ объ указанномъ фактѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „По полученному

„нами извѣстію изъ Петербурга отъ вчерашняго числа, государственный канцлеръ князь Горчаковъ, на сообщенныя „ему возраженія Вѣнскаго кабинета противъ кажущихся ему сомнительными пунктовъ мирныхъ прелиминарій, отвѣтилъ въ „смыслѣ сходномъ съ отвѣтомъ даннымъ „имъ на ремонстраціи Сентъ-Джемскаго „кабинета, изложенныя въ нотѣ хотя и „не тождественной, но одинаковой по „содержанію съ австрійскою нотой, которой „она предшествовала. Русскій государственный канцлеръ призналъ возраженія „обоихъ кабинетовъ настолько уважительными что повторилъ въ положительной „формѣ, — хотя съ оговоркой относительно „права Россіи согласиться непосредственно съ Турціей насчетъ основаній „необходимыхъ для перемирія, — прежде данныя увѣренія что всѣ вопросы, вытекающіе изъ прелиминарій которые затрагиваютъ европейскіе интересы вообще или „спеціальные интересы различныхъ державъ въ отдѣльности, не могутъ быть „регулированы помимо европейскаго соглашения.“

Политическая Корреспонденція старается позолотить пилюлю добавляя къ вышеприведенному что въ петербургскихъ политическихъ кругахъ господствуетъ убѣжденіе что „при существующихъ отношеніяхъ Россія не имѣетъ повода противиться „завершенію (Finalisirung) предпринятаго „ею дѣла переустройства Балканскаго полуострова путемъ конференціи великихъ державъ.“

По другимъ извѣстіямъ, въ русскомъ отвѣтѣ на австрійскую ноту признано и то что условія насчетъ коихъ уже состоялось соглашеніе между Россіей и Турціей „могутъ еще подлежать измѣненію,“ и что вообще ни одно изъ этихъ условій, поскольку они затрагиваютъ европейскіе интересы, не можетъ считаться дѣломъ рѣшеннымъ пока не будутъ утверждены державами.

Враждебныя намъ въ Вѣнѣ партіи возликовали. *Neue Freie Presse* считаетъ этотъ результатъ австрійскаго вмѣшательства положительнымъ успѣхомъ съ своей точки зрѣнія. Она только тревожно спрашиваетъ что именно Петербургскій кабинетъ признаетъ интересомъ Европы, но утѣшаетъ себя тѣмъ что огражденіе противъ коварныхъ замысловъ Россіи теперь въ добрыхъ рукахъ, такъ какъ между Ан-

гліей и Австріей установилась якобы полная солидарность относительно вопросов: о Дарданеллахъ и объ устьяхъ Дуная.

Графъ Андраши нѣсколько загладилъ свою тяжкую вину во мнѣніи враждебныхъ намъ партій. А наканунѣ, когда отвѣтъ на Вѣнскую ноту еще не былъ извѣстенъ, та же газета осыпала австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ горькими упреками и доказывала ему что онъ хотя и вступилъ наконецъ на тотъ путь который въ теченіе двухъ лѣтъ рекомендовали ему, путь открытаго и рѣшительнаго сопротивленія всѣмъ замысламъ Россіи, но „слишкомъ поздно.“ Слишкомъ поздно потому что теперь (знаменательное сознаніе!) нѣтъ уже возможности фактически помѣшать Россіи воспользоваться плодами ея побѣдъ. Войну противъ Россіи слѣдовало начать лѣтомъ этого года. Тогда Турція могла быть драгоцѣннымъ и сильнымъ союзникомъ для Австріи. „Тогда было возможно вычеркнуть Восточный вопросъ изъ числа очередныхъ вопросовъ на многіе десятки лѣтъ; тогда можно было надолго обезпечить миръ Европы и прочно оградить будущность Австріи, ея вліяніе на Востокъ и могущество среди другихъ державъ. Великій государственный человѣкъ *тогда* отъважился бы на войну; онъ увлекъ бы за собою Англію и пріобрѣлъ бы безсмертную славу.“

Да, это правда. Дѣйствительно запоздали. Не ожидали тамъ быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ нашихъ армій. За грубымъ цинизмомъ запоздалыхъ сѣтованій скрывается вѣрная оцѣнка существующаго теперь положенія вещей. Враги наши сознаютъ что несмотря на кажущуюся уступчивость Россіи и на предстоящую конференцію, на которую они возлагаютъ, или по крайней мѣрѣ прикидываются что возлагаютъ, столько надеждъ, Россія въ дѣйствительности господствуетъ надъ положеніемъ и можетъ безъ малѣйшаго опасенія внимать австро-англійскимъ „бряцаньямъ мечомъ.“ Балканскій полуостровъ почти весь находится во власти нашей и нашихъ дѣйствительныхъ, неложныхъ, неразрывно съ нами соединенныхъ союзниковъ, христіанскихъ народовъ Турціи, теперь хорошо вооруженныхъ и располагающихъ войсками, составляющими уважительную и для Австріи силу Турки совершенно справедливо считаютъ однихъ Черногорцевъ силою равною двухсоттысяч-

ной арміи. Никогда Россія не была такъ могущественна на Востокъ, особенно если она еще выше подниметъ свое великое древнее знамя восточнаго христіанства, безъ различія племенъ.

Б.

Рѣчи англійскихъ министровъ при продолжающихся еще доселѣ преніяхъ въ парламентѣ объ экстренномъ кредитѣ, вмѣстѣ съ обнародованными документами, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на послѣднюю фазу переговоровъ, предшествовавшихъ подписанію турецкими делегатами прелиминарій мира и условій перемирія. Прежде всего поражаетъ возмутительный фактъ съ какою до послѣдней минуты англійскіе министры, въ особенности дошедшій до неприличія г. Кроссъ, позволяли себѣ кричать: Что же Россія не заключаетъ перемирія, что она не останавливаетъ движенія своихъ войскъ, что она такъ медлитъ сообщить намъ условія самаго мира чтобы мы могли обсудить ихъ? Какъ будто Россія была обязана сдѣлать все это! Вотъ первый утѣшительный результатъ нашей заботливости объ „англійскихъ интересахъ“, которые съ изумительною наглостью не хотятъ признавать самой возможности существованія „русскихъ интересовъ.“ Нѣтъ ничего хуже и опаснѣе въ международной сферѣ какъ уступчивость и угодливость...

Всѣ инсинуаціи противъ Россіи, весь гвалтъ о промедленіи въ заключеніи перемирія, основывались главнымъ образомъ на телеграфическихъ донесеніяхъ г. Леярда. Самое характерическое было послано имъ 29 (17) января. Въ этой телеграммѣ онъ самымъ положительнымъ образомъ ручался что турецкимъ уполномоченнымъ были еще 23 (11) января посланы приказанія принять основанія мира письменно сообщенныя имъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, но что Порта послѣ того три раза телеграфировала своимъ уполномоченнымъ, спрашивала ихъ о результатѣ, но не получила отъ нихъ никакого отвѣта, а между тѣмъ телеграфное сообщеніе съ Казанлыкомъ не было прервано.

Условія прелиминарій мира и перемирія были подписаны окончательно 31 (19) января. Если допустить что Портою 23 (11) числа было отправлено по телеграфу приказаніе подписать русскія основанія мира,

то желательно бы узнать на какие еще переговоры могли быть потрачены восемь дней. Припомнимъ какъ медлительна была Порта въ первое время когда узнали что должна для переговоровъ обратиться въ Русскую Главную Квартуру, припомнимъ долгій выборъ уполномоченныхъ, безконечные ихъ сборы, затѣмъ сношенія ихъ съ Константинополемъ, раздумье объ инструкціяхъ; сравнимъ съ этимъ лихорадочную спѣшность чтобы поскорѣе результатъ переговоровъ вошелъ въ силу. На Порта въ этотъ промежутокъ времени не могло не повліять одно обстоятельство поставившее переговоры въ совершенно ненормальные условія.

Главная забота Порты, съ той самой минуты какъ она стала искать мира, была остановить движеніе русскихъ войскъ. Мы видѣли какъ она нахрапомъ хотѣла взять перемиріе. Наше требованіе что перемиріе должно быть сопряжено съ принятіемъ основаній мира не могло не озадачить Порта. Требовалось многое взвѣсить и обдумать. Порта медлила, какъ ни дорого было для нея перемиріе, потому что его нельзя было купить иначе какъ цѣной окончательнаго мира коимъ обуславливалось ея будущее положеніе.

Но вотъ, вдругъ, съ одной стороны Австрія, съ другой Англія заявили Россіи и Портѣ что онѣ вольны заключать между собой какія угодно условія, но что условія эти не будутъ имѣть силы безъ согласія европейскихъ державъ, а Россія противъ этого не протестовала... Послѣ того Портѣ колебаться было болѣе не зачѣмъ. Можно было согласиться на всякія основанія мира, и легко можно повѣрить что Порта дѣйствительно послала своимъ уполномоченнымъ приказъ принять *все* что касается прелиминарій, въ расчетъ что сейчасъ же затѣмъ остановятся непріятельскія дѣйствія. Тутъ конечно имъ пришлось разочароваться и услышать что и для перемирія требуется установить условія которыя обезпечили бы для Россіи пріобрѣтенные ея войсками успѣхи. На споры у нихъ и были потрачены эти восемь дней. Объ условіяхъ мира ей заботиться было нечего: это былъ журавль въ небѣ; а *условія перемирія* были синицею въ руки Россіи. О нихъ-то конечно ея уполномоченные и торговались до крайности, и очень можетъ быть что и выторговали для себя многое, особенно если нашу дипло-

матію очень смущала въ то время назойливость Англіи и волновало желаніе успокоить ее чтобъ отнять у ней предлогъ къ комедіи военныхъ приготовленій.

№ 27.

Москва, 27-го января.

А.

22 января, при осмотрѣ Выборгскаго полка, Государь Императоръ, какъ извѣстно, изволилъ между прочимъ сказать: „Поздравляю васъ, господа, съ заключеніемъ перемирія на столь выгодныхъ для насъ условіяхъ. Мы этимъ обязаны славнымъ нашимъ войскамъ которыя доказали что для нашихъ молодцевъ невозможнаго нѣтъ.“

Только теперь въ виду лишь сегодня обнародованной депеши Главнокомандующаго о подробностяхъ условій перемирія, мы можемъ понять всю силу произнесенныхъ Его Величествомъ словъ.

Заключенное нами перемиріе стоить этого безпримѣрнаго въ исторіи зимняго похода нашихъ войскъ. Тяжкихъ жертвъ стоилъ этотъ походъ, но, — да будетъ благословенна память павшихъ героев! — ими искуплена необходимость еще болѣе тяжелыхъ жертвъ. Этими, съ неимовѣрною быстротой слѣдовавшими, ударами по истинѣ рѣшена судьба кампаніи. Нашъ противникъ палъ въ изнеможеніи. Онъ покорился всѣмъ условіямъ которыя предали его въ нашу власть. Самое заключеніе перемирія есть безкровная, скромно возвѣщенная, но тѣмъ не менѣе блистательная побѣда.

При первомъ извѣстіи о заключенномъ перемиріи, кто могъ бы оцѣнить все его значеніе? Очищались Дунайскія крѣпости, пріостанавливались непріязненные дѣйствія до заключенія мира; объ условіяхъ котораго ходили противорѣчивые, смутные, приводившіе въ уныніе слухи: вотъ и все. Но Россія не была обязана, какъ вообразили себя британскіе министры, посвящать цѣлый міръ въ подробности своихъ переговоровъ съ Турками. Турки также считали своею обязанностью быть скромными. Мы согласились заключить миръ на конференціи державъ; но никто не могъ требовать и никто не требовалъ чтобы мы

и перемиріе заключили по указкѣ другихъ и съ разрѣшенія Англіи. Порта, разувѣрившаяся въ своихъ друзьяхъ, совершенно отдалась въ руки побѣдителя. Она сложила съ себя предъ нимъ оружіе, и ввѣрила ему всѣ ключи своей крѣпости. Понятно тревога съ какою англійскіе министры ждали извѣстія о подробностяхъ перемирія; понятно волненіе въ парламентѣ, о которомъ повѣствуютъ сегодняшнія телеграммы. Имъ стало извѣстно что перемиріе заключено, а между тѣмъ константинопольскій посолъ ихъ, въ страшной тревогѣ, чрезъ Бомбей, шлетъ имъ сообщеніе что Русскіе все-таки подвигаются впередъ и подходят къ завѣтнымъ мѣстамъ. Русскіе—въ одномъ переходѣ отъ Константинополя, и Турки очищаютъ предъ ними оборонительную линію столицы. Между тѣмъ, съ двухъ сторонъ, подошли наши войска къ Галлиполи, и султанъ едва ли дастъ теперь, безъ нашего согласія, фирманъ на вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы....

Мы приобрѣли по перемирію не только Дунайскія крѣпости, но и кое-что другое, о чемъ, слава Богу, до сего дня никому извѣстно не было. Въ наши руки перешла береговая линія отъ нашей границы до Балъчика включительно, чѣмъ дана возможность снабжать моремъ наши войска необходимыми запасами. Мы завладѣли гаванями Бургоса и Мидиі къ югу отъ Балканъ, дабы облегчить тѣмъ же способомъ снабженіе нашей главной арміи проникшей въ глубь Европейской Турціи; мы приобрѣли береговое пространство въ Мраморномъ Морѣ, отъ Буюкъ-Чекмедже, находящагося не далѣе 25 верстъ отъ Константинополя, до *Шаркія* расположеннаго у начала Галлипольскаго перешейка, съ лѣвой стороны и далѣе отъ *Урни*, расположеннаго въ свою очередь съ правой стороны того же перешейка, до *Мекри*, въ Архипелагѣ.

Кто знаетъ карту, для того все этимъ сказано.

Пусть же англійскіе министры испрашиваютъ экстренный кредитъ; пусть оппозиція, озадаченная ихъ сообщеніями, беретъ назадъ свою поправку. Мы желаемъ успѣха лорду Беконсфилду; желаемъ ему получить этотъ мизерный кредитъ который пригодится ему развѣ для покрытія затратъ какихъ у него потребовало добросовѣстное соблюденіе нейтралитета. Теперь

мы можемъ даже пожелать чтобъ Англія, одержимая Беконсфилдомъ, не ограничилась пустыми угрозами. Дѣло наше было бы совсѣмъ съ концомъ еслибъ это царство тьмы съ позолоченными верхушками, предвѣщающее обманомъ, питающееся насиліемъ, опутавшее міръ своими сѣтями, получило наконецъ заслуженный ударъ.

Вчера проѣхалъ черезъ Москву, на пути въ Петербургъ, одинъ изъ блистательной плеяды нашихъ моряковъ, флигель-адъютантъ Барановъ. Невольно подумали мы какъ отозвалось бы въ Лондонѣ появленіе этихъ морскихъ орловъ крейсерами не въ лужѣ стѣсненной берегами, а на просторѣ океановъ....

Положеніе наше на Балканскомъ полуостровѣ такъ могущественно что насъ теперь не пугаетъ конференція.... Дѣло наше все въ рукахъ нашего благословеннаго Богомъ Государя.

Б.

Смерть Пія IX — важное событіе какъ для Римской церкви, такъ и для всей Европы. Старѣйшій по лѣтамъ всѣхъ царствующихъ государей, онъ сошелъ съ земнаго поприща послѣ правленія безпримѣрно долгаго во всей исторіи Римскаго Престола. При его преклонномъ возрастѣ, здоровье его давно уже было очень слабо, и въ послѣдніе годы не разъ ожидали его кончины. И однако столь естественная кончина восьмидесятилѣтняго старца производитъ впечатлѣніе почти равносильное неожиданности. Этимъ событіемъ отмѣчается грань крайне сложныхъ отношеній, религиозныхъ и политическихъ, и можетъ быть предвѣщается великій кризисъ.

Для полной оцѣнки личности Пія IX и вліянія какое онъ имѣлъ на свою церковь пришлось бы написать исторію послѣднихъ тридцати лѣтъ. Онъ игралъ значительную роль въ этой эпохѣ, начальныя событія коей лишь смутно памятливы для большей части живущаго поколѣнія. Характеризовать ихъ въ краткомъ очеркѣ тѣмъ труднѣе что въ этотъ періодъ наступилъ переломъ какого не бывало во всю исторію римскаго понтификата. Есть въ ней кровавыя страницы, повѣствующія о ересяхъ, войнахъ, гоненіяхъ, плѣненіяхъ; бывали смутныя времена когда Римская кафедра представляла зрѣлище папъ и анти-папъ, спорившихъ о власти и предававшихъ другъ

друга анаѳемъ, къ великому соблазну въ-
рующаго міра. Не разъ грозила опасность
духовному владычеству Рима, но борьба
доселъ всегда оканчивалась только отпа-
деніями и сокращеніемъ сферы его вліянія.
На нашихъ глазахъ возникъ вопросъ бо-
лѣе глубокий — о самыхъ основахъ папской
власти.

Родившись въ 1792 году, Іоаннъ-Марія
Мастаи-Феретти, знатнаго происхожденія,
получилъ, по выбору кардиналовъ въ 1846
году, папскую тиару въ сравнительно мо-
лодомъ возрастѣ, въ эпоху глухаго бро-
женія умовъ предшествовавшаго повсемѣ-
стному взрыву страстей почти во всей
Европѣ. Новый папа, принявшій имя Пія
IX, былъ не чуждъ либеральнаго движе-
нія и въ началѣ ревностно принялся за
реформы въ своемъ государствѣ. Полити-
ка тогда безусловно первенствовала надъ
религіею. Но буря революціи смутила ре-
форматора. Папа бѣжалъ въ Гаэту, и могъ
вернуться въ Римъ только опираясь на
австрійскіе и французскіе штыки. Съ тѣхъ
поръ папа Піи IX все болѣе и болѣе под-
падалъ вліянію іезуитской партіи, которой
онъ прежде не благоволилъ. Впрочемъ, въ
союзѣ этомъ не было ничего неестествен-
наго. Хотя кроткаго и мягкаго по приро-
дѣ характера, но съ живымъ и впечатли-
тельнымъ, легко увлекающимся умомъ, Піи
IX не довольствовался скромною ролью
многихъ изъ своихъ предшественниковъ,
быть главою Римской церкви и заискивать
покровительства сильныхъ государей. Ему
по душѣ были преданія папскаго главен-
ства не фиктивного, а дѣйствительнаго,
когда въ Римѣ стягивался узелъ европей-
скихъ дѣлъ. Іезуиты казались для этого
готовымъ орудіемъ. И никогда еще они не
достигали такого вліянія въ Римской цер-
кви какъ при Піи IX.

Война 1859 года очистила Италію отъ
австрійскихъ войскъ, и съ ихъ уходомъ папа
лишился большей части своихъ владѣній,
Мархин и Умбріи. Попытка организовать
папское войско, подъ начальствомъ гене-
рала Ламорисьеры, кончилось жалкимъ
фіаско при Кастельфидардо. Папа отлу-
чилъ короля Италианскаго отъ церкви, но
владѣній своихъ тѣмъ не возвратилъ. Толь-
ко Римъ съ небольшимъ округомъ давалъ
ему право на титулъ государя, да и то
благодаря присутствію французскаго гар-
низона. Но покровительство Наполеона III
было не надежно, и хотя французскія вой-

ска, очистившія Римъ въ декабрѣ 1866
года, въ силу конвенціи заключенной съ
Италіей, возвратились въ 1867 году для
отраженія опрометчивой попытки Гарибаль-
ди, но Піи IX понималъ шаткость послѣд-
няго обломка своего престола, несмотря
на пресловутое *jamaïs* Руэра. Оттого, чѣмъ
ближе клонилось время къ развязкѣ, тѣмъ
выше, неукротимѣе поднимались ватикан-
скія притязанія. Энциклика, силлабусъ,
безчисленныя аллокуціи произносимыя па-
пой при всякомъ случаѣ, все дышало не-
укротимымъ духомъ высокомерія и мірской
гордости. Наконецъ, наканунѣ катастро-
фы, онъ увѣнчалъ свою гордыню созва-
ніемъ Ватиканскаго собора, провозгласи-
вшаго 18-го іюля 1870 года „непогрѣ-
шимость папы.“ Это была предсмертная
судорога отжившаго принципа. Съ паде-
ніемъ Наполеона исчезла послѣдняя вре-
менная опора папства. Римъ сталъ на дѣ-
лѣ столицей Италіи. Насталъ послѣдній
переходъ въ жизни Піи IX. Облекшись въ
роль ватиканскаго узника, онъ всюду ви-
дѣлъ только враговъ, и самого грознаго
узрѣлъ въ лицѣ новой Германской импе-
ріи. Исторія причинъ вызвавшихъ „куль-
турную борьбу“ еще темна, но нельзя со-
мнѣваться что германскій канцлеръ не
предпринялъ бы этой борьбы безъ силь-
ныхъ побужденій. Папскому *non possumus*
онъ противопоставилъ не менѣе непреклон-
ное: „Мы не пойдемъ въ Каноссу.“

Но и папа до конца остался вѣренъ се-
бѣ. Ни старость, ни недуги, ни политиче-
скія превратности и крушенія не поколе-
бали его. До послѣднихъ дней его жизни
Ватиканъ былъ гнѣздомъ интригъ, заго-
воровъ, притономъ всѣхъ реакцій, всѣхъ
осужденныхъ исторіей притязаній. Туда, къ
жилищу одряхлѣвшаго старца, съ безо-
койствомъ обращались всѣ взоры; тамъ
ковались замыслы искавшіе случая смутить
спокойствіе Европы; тамъ дѣлѣались на-
дежды чудомъ упразднить все современ-
ное строеніе Европы. Донъ-Карлосъ, фран-
цузскіе клерикалы, польскіе выходцы, да-
же султанъ, — находили тамъ поощреніе и
благословеніе. Вчера добровольный узникъ
все еще мнилъ повелѣвать, отошелъ въ
вѣчность.

Кто возьмется предвидѣть событія ко-
торыя могутъ послѣдовать за этою кончи-
ной? Въ сущности, рѣшительный кризисъ
для Римской церкви начинается только те-
перь. До сей минуты онъ былъ только от-

сроченъ. Конклавъ для выбора новаго папы, безъ сомнѣнія, состоится въ Римѣ. Князья церкви, какъ именуютъ кардиналовъ, очень хорошо понимаютъ значеніе выбора новаго папы въ эту минуту для авторитета своей церкви, и фантастическіе проекты перенесенія конклава въ Мальту, Триестъ или даже въ Англію, не возымѣютъ дѣйствія. Выборъ при такихъ ненормальныхъ условіяхъ утратилъ бы всякое обаяніе, и пожалуй вызвалъ бы расколъ. Многіе опасаются выбора иностранца потому что этимъ еще болѣе отпечатлѣется отвлеченный всесвѣтныи характеръ Римской церкви, между тѣмъ какъ Италіянцы все, болѣе или менѣе, политики, и потому новый папа, не связанный категорическими заявленіями Пія IX, можетъ скорѣе примириться съ Италіянскимъ королевствомъ найти *modus vivendi* съ нимъ. Другіе же считаютъ такой результатъ скорѣе возможнымъ при выборѣ въ папы какого-либо изъ иностранныхъ кардиналовъ, отличающихся большимъ образованіемъ и менѣе узкими взглядами. Вѣроятно все таки выборъ Италіянца, но и тутъ является вопросъ, падаетъ ли онъ на челоука суроваго, въ родѣ Панебіанко, который пойдетъ по стопамъ Пія IX, или же на кого-либо изъ кардиналовъ извѣстныхъ болѣе либеральными взглядами. По всему вѣроятію, выборъ для всѣхъ окажется неожиданностью, да и въ характерѣ кардиналовъ очень можно ошибиться, какъ это было и относительно самаго Пія IX.

Полагаемъ что въ западной печати излишне придають значеніе гаданіямъ о характерѣ будущаго папы. Правда, нельзя вовсе устранить вліяніе личности, тѣмъ болѣе что новый папа, кто бы онъ ни былъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ пользоваться тѣмъ ореоломъ величія который долгою привычкою, несчастіями и замѣчательнымъ характеромъ былъ созданъ для Пія IX. Но личность новаго папы, какъ бы ни была она почтенна, сама по себѣ не можетъ разрѣшить роковой вопросъ о судьбѣ папства.

Общество живетъ своею исторіей, а церковь остается неизблемою и неизмѣнною, ибо „Царство ея не отъ міра сего.“ По римскіе первосвященники издавна извратили великій смыслъ этого ученія. Еще въ Каносѣ восторжествовала въ Римской церкви гордыня „міра сего“, и теперь ей предстоитъ навсегда рѣшить этотъ во-

просъ съ міромъ: очередь его также неизбежна какъ и вопроса о турецкомъ владычествѣ въ Европѣ и можетъ-быть вопроса объ исключительномъ морскомъ господствѣ Англіи. Не даромъ эти три силы, чуя грозу, такъ дружелюбно поглядывали другъ на друга.

Мы счастливы тѣмъ что Россія не затронута прямо этимъ неизбежнымъ Западнымъ вопросомъ, въ добавокъ къ столь важному для насъ Восточному. Но это не значитъ что мы можемъ быть вовсе безучастны къ нему. Нѣтъ, мы не можемъ стоять къ папству ни въ безпристрастномъ нейтралитетѣ, ни даже въ условномъ, по примѣру нейтралитета лорда Дарби въ нашей войнѣ. Хотя обремененные множествомъ своихъ, болѣе близкихъ заботъ, мы не призваны къ прямому участию въ вопросѣ о судьбахъ папства, но все сочувствіе Россіи не раздѣльно будетъ на той сторонѣ которая имѣетъ поставить папство въ должные предѣлы.

Кстати: такъ какъ смертью папы возбуждаются весьма важные для Европы вопросы, то мы рекомендовали бы для конференціи, о которой такъ хлопочетъ аполитическая Австро-Венгрія, предметъ гораздо болѣе интересный чѣмъ толки о русскихъ условіяхъ мира съ Портой...

№ 28.

Москва, 28-го января.

Телеграмма Главнокомандующаго объ условіяхъ перемирія, напечатанная въ послѣднемъ номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, передана не совсѣмъ точно. Уступленное намъ побережье простирается не только отъ нашей границы до Бальчика, то-есть къ сѣверу отъ Варны, но и южнѣе Варны, отъ Мизевры до Деркіоя, причемъ по этой линіи русскія войска занимаютъ лишь порты Бургасъ и Мидію. Мидія отстоитъ отъ входа въ Босфоръ со стороны Чернаго моря лишь на разстояніе приблизительно вдвое большее нежели другой уступленный намъ пунктъ, Буюнъ-Чекмедже, со стороны Мраморнаго, то-есть верстъ на 50 или 60. Сверхъ того, слѣдуетъ обратить вниманіе что побережье отъ Урши до Макри, въ Эгейскомъ морѣ, отдаетъ въ наши руки не только устье Марицы, но и вѣтвь желѣзной дороги изъ

Адрианополя къ Эносу, такъ что наши войска будутъ имѣть въ своихъ рукахъ желѣзнодорожное сообщеніе чрезъ Адрианополь отъ занимаемаго нами Черноморскаго берега у Деркіоя къ переданнымъ намъ портамъ Эгейскаго моря.

Положеніе занятое Россіей на Балканскомъ полуостровѣ оказывается еще болѣе рѣшительнымъ нежели то какимъ оно представлялось вчера. Русскія войска господствуютъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, не исключая и обоихъ Проливовъ, ибо Босфоръ и Дарданеллы охвачены съ обѣихъ сторонъ уже занятыми нами позиціями.

Переполохъ произведенный въ Англіи этими условіями перемирія понятенъ. Случилось то что англійская политика старалась предотвратить хитросплетеніями своихъ интригъ, и предотвращено то къ чему она напряженно стремилась. Проливы фактически въ рукахъ Россіи, и теперь захватъ ихъ Англіей матеріально невозможенъ. Возгласы лондонской министерской газеты *Morning Post* обнаруживаютъ безсильную злобу. Англія не должна де идти на конференцію если ей не будутъ даны матеріальныя гарантіи и требуетъ чтобы Британскій флотъ вошелъ въ Черное Море. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не злиться: уже два года Британскій флотъ находился въ Безикской бухтѣ и стерегъ добычу, и вдругъ! Насъ пугаютъ что Англія не пойдетъ на конференцію: тѣмъ лучше что не пойдетъ. Что же касается до угрозъ войною, то на нихъ не слѣдуетъ обращать ни малѣйшаго вниманія. Англія дерзка только съ трусливыми, и немедленно перемѣняетъ тонъ съ неуступчивыми и твердыми. Да и Россіи ли опасаться войны теперь когда она фактически находится въ обладаніи тѣмъ уже что было бы цѣлью войны. Война съ Англіей *ipso facto* освободила бы Россію отъ всякихъ прежнихъ обѣщаній данныхъ именно въ предупрежденіе вооруженнаго съ нею столкновенія. Англія посылаетъ теперь въ Константинополь „часть своего флота для защиты лицъ и собственности.“ Отъ Россіи зависитъ допустить или нѣтъ вступленіе англійскихъ броненосцевъ въ воды Босфора. Во всякомъ случаѣ это не можетъ быть допущено въ размѣрахъ выходящихъ за предѣлы заявляемой цѣли. Предлогомъ ко вступленію выдается необходимость оказать покровительство жизни и собствен-

ности людей въ Константинополѣ, въ случаѣ безпорядковъ. Но по принятіи прелиминарій мира Оттоманское правительство есть союзникъ Россіи и достаточно обезпечено отъ всякихъ потрясеній и безпорядковъ въ столицѣ близко стоящими русскими войсками, и Турецкое правительство не имѣетъ повода разрѣшить вступленіе въ Босфоръ цѣлой англійской эскадрѣ. А безъ этого разрѣшенія англійскимъ судамъ пришлось бы пробиваться силой, что невозможно безъ объявленія войны Россіи. Едва ли Англія на это рѣшится, и если рѣшится, то въ этомъ можно будетъ усмотрѣть лишь ускореніе неминуемой всемірно-исторической развязки.

Нѣтъ причинъ опасаться и англо-австрійскаго союза.

О движеніи австрійской арміи въ тылъ нашимъ войскамъ теперь не можетъ уже быть рѣчи. Дунайскія крѣпости въ нашихъ рукахъ, а войскамъ нашимъ стоить только перемѣнить фронтъ. Не слѣдуетъ забывать и о союзникахъ на Балканскомъ полуостровѣ: о сербской арміи, уже испытанной въ бояхъ, организованной и отлично вооруженной, о черногорскихъ герояхъ, о болгарскомъ народномъ ополченіи, наконецъ о Грекахъ. Напрасно англійскіе политики надѣются поссорить ихъ съ нами. Греки слишкомъ тѣсно связаны своею историческою судьбой съ единовѣрною имъ Россіей, а задачи Россіи на Востокъ такъ широки и возвышены что всѣ справедливыя стремленія греческой націи найдутъ себѣ мѣста въ русской программѣ.

Зимницкій корреспондентъ *Политической Корреспонденции*, всегда сообщавшій самыя достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи нашихъ войскъ передаетъ что въ Румынію не перестаютъ вступать свѣжія русскія войска изъ Бессарабіи, а букурештскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ что 30.000 русскихъ войскъ вступившихъ въ послѣднія недѣли въ Румынію не направлены къ Дунаю, но остаются въ Румыніи; кромѣ того, по словамъ того же корреспондента, многіе полки направленные первоначально къ Дунаю получили приказаніе возвратиться и остаться въ Румыніи. Въ Букурештѣ, гдѣ, по словамъ корреспондента, удивляются этому (хотя удивляться тутъ казалось бы нечего), не сомнѣваются что Россія на всякій случай готовится. Сверхъ того, въ ту же газету сообщаютъ изъ Букурешта, отъ 2 фе-

враля, что чрезъ этотъ городъ провозят-
ся въ Болгарію *значительные отряды рус-
скихъ моряковъ....*

№ 30.

Москва, 30-го января.

А.

Мы приводимъ сегодня полный текстъ тронной рѣчи прочитанной отъ имени императора Вильгельма при открытіи Германскаго Рейхстага, въ среду 6 февраля. Параграфъ этой рѣчи касающійся Восточнаго вопроса въ связи нѣсколько лучше смотритъ чѣмъ въ извлеченіи которое было передано сюда по телеграфу. Начало вовсе было опущено въ телеграммѣ, а оно опредѣляетъ смыслъ дальнѣйшаго. „При „открытіи Рейхстага въ прошедшемъ году,“ такъ начинается параграфъ, „еще „не была исключена возможность надѣяться что Турецкое правительство присту- „питъ по собственному рѣшенію къ испол- „ненію тѣхъ реформъ о которыхъ евро- „пейскія державы пришли между собою къ „соглашенію на Константинопольской кон- „ференціи.“ Итакъ прошлогодняя конфе- ренція явилась въ тронной рѣчи прежде всего какъ историческое воспоминаніе вполне естественное, такъ какъ въ прошедшемъ году Рейхстагъ именно открытъ былъ вскорѣ послѣ закрытія конференціи, и въ тогдашней тронной рѣчи была рѣчь о ней какъ о самомъ крупномъ фактѣ иностранной политики и была выражена надежда что исполненіемъ реформъ еще миръ будетъ сохраненъ. Такъ какъ тогдашнее ожиданіе не сбылось, то императоръ выражаетъ теперь надежду на скорый миръ который не ограничится только заявленіемъ принциповъ и благожеланіемъ улучшить положеніе дѣлъ на Востокѣ, а создастъ „прочныя гаран- тіи,“ въ которыхъ вся сила и которыхъ Константинопольская конференція не давала. Замѣтимъ что о войнѣ между Россіей и Турціей въ тронной рѣчи не упомянуто ни однимъ словомъ. Вообще составители рѣчи сумѣли и въ этотъ разъ соблюсти обѣтъ молчанія предъ публикой. Это не только наше мнѣніе: такъ высказались о тронной рѣчи и вліятельнѣйшія берлинскія газеты. „Никому не можетъ „придти въ голову,“ замѣчаетъ *Націо-*

нальная Газета, „что въ этихъ словахъ, „которыя видимо стараются быть по воз- „можности ничтожными, заключается изло- „женіе политики нашего руководящаго ми- „нистра, на которую въ настоящую мину- „ту, одну изъ самыхъ критическихъ въ ев- „ропейской исторіи, съ напряженіемъ об- „ращены взоры всего міра.“

Князь Бисмаркъ, можетъ-быть, выска- жется откровеннѣе въ Рейхстагѣ, гдѣ, какъ сообщаетъ нашъ берлинскій корреспондентъ, готовится спросъ по иностранной политикѣ со стороны радикальныхъ фракцій. Спросъ этотъ будетъ имѣть характеръ упрека канцлеру за его слишкомъ дружелюбный къ Россіи образъ дѣйствій. Тронная же рѣчь никѣмъ въ Германіи не была понята въ смыслѣ поворота или измѣненія въ отношеніяхъ ея къ Россіи.

Зато въ Вѣнѣ враждебные Россіи органы (то-есть большинство тамошней печати) давно уже провозгласили Тройной Союзъ расторгнутымъ; венгерская же печать уже и войну объявила Россіи. Впрочемъ, тонъ этихъ воюющихъ съ Россіей газетъ много понизился и далеко не такъ самоувѣренъ какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда имъ были извѣстны лишь prelimинаріи мира и еще то что Россія, по настоянію Австріи, согласилась на конференцію. Мы уже имѣли случай указать какъ ликовала по этому поводу партія имѣющая *Neue Freie Presse* своимъ органомъ, и какія надежды возлагала она на конференцію. Посмотримъ удержится ли этотъ тонъ когда вѣнскимъ газетамъ станутъ извѣстны всѣ условія перемирія. Покамѣстъ *Neue Freie Presse* (отъ 5 февраля) извѣстилась лишь о томъ что Дунайскія крѣпости будутъ очищены турецкими войсками, и этого уже было достаточно чтобы повергнуть ее въ величайшую тревогу. Вѣнскимъ друзьямъ нашимъ очень не нравится что Россія, столь уступчивая въ вопросахъ политическихъ (даже они дивятся нашей дипломатической уступчивости), вмѣстѣ съ тѣмъ старается „до конца воспользоваться выгодами вытекающими изъ ея военныхъ успѣховъ.“ Теперь же эти наши доброжелатели очень опасаются что Россія, заручившись совершившимися фактами, будетъ мало сговорчива на конференціи. Упомянутая газета положительно усматриваетъ въ очищеніи Дунайскихъ крѣпостей „маневръ противъ Австріи.“ „Русскія войска займутъ эти крѣ-

пости лишь временно конечно,“ продолжаетъ она далѣе, „но уйдутъ ли они отсюда если конференція по своему выскажется о будущемъ устройствѣ Болгаріи!“ А какъ вы думаете, спросили бы мы въ свою очередь нашихъ вѣнскихъ друзей, выскажется ли конференція по своему (то есть такъ какъ намъ хочется) о будущемъ устройствѣ Болгаріи когда можно будетъ предвидѣть что въ такомъ случаѣ русскія войска пожалуй и не уйдутъ изъ Дунайскихъ крѣпостей?...

Но подождемъ что то заговорятъ въ Вѣнѣ когда узнаютъ что, кромѣ Дунайскихъ крѣпостей, еще кое-что временно занято русскими войсками...

Пока лишь берлинскія газеты, скорѣе всѣхъ къ намъ доходящія, содержатъ уже нѣкоторыя указанія, полученныя изъ Лондона, о положеніи дѣлъ созданныхъ условіями перемирія. Указанія эти заключались въ переданныхъ по телеграфу тревожныхъ возгласахъ утреннихъ лондонскихъ газетъ того дня, утверждавшихъ, —однѣ что Русскіе подступаютъ къ Константинополю, а другія что Русскіе уже тамъ. *Національная Газета* тотчасъ предугадала истину въ этихъ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ указаніяхъ; она поняла что тутъ скрывается лишь исполненіе условій перемирія дотолѣ неизвѣстныхъ; она поняла что какъ эти условія, такъ и тайна въ которую они были облечены до ихъ исполненія, есть мастерской и неожиданный ударъ. „Что скажутъ на это, спрашиваетъ органъ господствующей теперь въ Пруссіи партіи, —что скажутъ Австрія и Англія?“ *Національная Газета* цитуетъ сообщеніе свѣдущаго константинопольскаго корреспондента *Journal des Débats*, который за нѣсколько дней до полученія упомянутыхъ извѣстій предупреждалъ что „Россія еще имѣетъ въ своихъ рукахъ важный козырь противъ Австріи, именно соглашеніе съ Турціей на счетъ открытія русскимъ войскамъ морскихъ сообщеній... Что тогда станетъ,“ спрашивалъ корреспондентъ, „съ пресловутымъ стратегическимъ положеніемъ Австріи, въ силу коего ее считали, и сама она воображала себя, властелиномъ положенія?..“

До какой стѣпени измѣнились внезапно декораціи и какое магическое дѣйствіе произвелъ „мастерской шагъ“ Россіи, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ произнесенная въ минорномъ тонѣ новая рѣчь сэръ-

Стаффорда Порткота, содержаніе которой было намъ вчера передано по телеграфу.

Б.

Въ ту минуту когда перемиріе окончательно заключено и основанія мира подписаны Портой, всеобщее вниманіе не могло не быть поражено извѣстіемъ о приказѣ англійскому флоту вступить въ Босфоръ. Важность этого событія достаточно доказывается тѣмъ что такой учтивый и всѣмъ присѣдающій органъ какъ *Agence Générale Russe* осмѣлился заявить что „хотя входъ англійскаго флота и мотивированъ необходимостью защищать христіанское населеніе Константинополя, но самый этотъ фактъ возвращаетъ Россіи полную свободу дѣйствій.“

Лордъ Дарби объявилъ въ палатѣ что Англійское правительство не просило у султана новаго фирмана для пропуска флота, и что прежде полученный фирманъ остается будто бы въ силѣ. Но если султанскій фирманъ необходимъ, то самый этотъ фактъ показываетъ что разрѣшеніе должно быть просимо каждый разъ по спеціальному поводу, и что султанъ даетъ его по своему усмотрѣнію. Какъ же понять что фирманъ данный за нѣсколько времени прежде, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, по которымъ Англійское правительство тогда не нашло нужнымъ воспользоваться, можетъ сохранять свое дѣйствіе на неопредѣленное время и при измѣнившихся условіяхъ? Если бы такъ, то разъ добытымъ фирманомъ возможно было бы пользоваться и годъ, и десять лѣтъ спустя, когда угодно. Этою натяжкой Англійское правительство не внушаетъ ли подозрѣнія что оно не рѣшалось просить новаго фирмана опасаясь отказа. Сейчасъ полученная депеша *Daily Telegraph* изъ Перы извѣщаетъ что дѣйствительно Порта не раздѣляетъ взгляда графа Дарби на дѣйствительность прежняго фирмана, и отказываетъ дать новый на пропускъ англійскаго флота къ Константинополю, находя для себя появленіе его тамъ не только бесполезнымъ, но и вреднымъ.

Англійское правительство, какъ видно, и само сознавало шаткость почвы на которую готовилось вступить. Тотъ же лордъ Дарби объяснялъ въ палатѣ что пока перемиріе не было подписано, правительство въ правѣ было думать что посылка флота

въ турецкія воды будетъ не то что мудрою, а опасною политикою, такъ какъ Турціей было бы это сочтено за поощреніе къ сопротивленію, Россіей за непріязненный актъ, Англійскимъ народомъ за первый шагъ къ войнѣ. Но если соображенія не позволявшія прежде лорду Дарби одобрить посылку флота (а извѣстно что онъ подавалъ въ отставку по этому поводу) уже не существуютъ, то не существуетъ и предлога.

Прежде выставляли по крайней мѣрѣ что приближеніе военныхъ дѣйствій къ стѣнамъ столицы грозило взрывомъ мусульманскаго фанатизма который обрушился бы на христіанскомъ населеніи; можетъ-быть притворно, но страшилась возмущенія мусульманской черни, избіенія христіанъ, пожаровъ въ Стамбулѣ; тогда говорили, и объ этомъ телеграфировалъ и Лейрдъ, что сама Порты не ручается за спокойствіе въ столицѣ въ виду приближенія къ ней русскихъ войскъ. Но съ заключеніемъ перемирія всякое основаніе для этихъ опасеній отъ движенія русскихъ войскъ устранилось. А что касается до волненій въ турецкой столицѣ которыя могли бы парализовать власть султана, то эти опасенія теперь еще менѣе основательны, такъ какъ по принятіи условій мира Порты въ правѣ считать Россію своею союзницею и при случаѣ могла бы съ увѣренностью обратиться къ ея помощи: стоящія недалеко отъ Константинополя русскія войска, конечно, послужили бы гораздо болѣе надежною охраной не только для христіанскаго населенія, но и для британскихъ подданныхъ, чѣмъ англійскіе броненосцы.

Journal de St.-Petersbourg весьма кстати припоминаетъ какъ Россія, полтора года тому назадъ, сама предлагала морскую демонстрацію державъ чтобы принудить Порты къ уступкамъ въ пользу христіанскихъ населеній, и какъ это предложеніе разстроилось отказомъ Лондонскаго кабинета, и присовокупляетъ: „Кто знаетъ сколько „бы пролитой крови, ужасовъ и страданій „можно было избѣжать еслибы Британское „правительство согласилось въ сентябрѣ „1876, по приглашенію Россіи, на то самое что оно теперь дѣлаетъ вопреки ей?“

Но о прошедшемъ рѣчь кончена. Теперь господствуетъ фактъ настоящаго, не имѣющій съ тѣмъ временемъ ничего общаго. Поэтому, нельзя не улыбнуться дипломатическому книжсену *Генеральнаго Русскаго*

Агентства, заявляющаго что если „присутствіе англійскаго флота въ Босфорѣ, „имѣетъ цѣлью содѣйствовать поддержа- „нію порядка и серіозному и справедли- „вому разрѣшенію Восточнаго вопроса, то „флотъ этотъ будетъ принятъ какъ помощь „о которой Россія упоминала и въ Берлинскомъ меморандумѣ, и въ заявленіи „сдѣланномъ графомъ Сумароковымъ-Эль- „стономъ въ Вѣнѣ.“ Говорятъ еще что высылка флотовъ къ Стамбулу должна быть понимаема въ смыслѣ параллельнаго дѣйствія. Но какая цѣль этого „параллельнаго дѣйствія?“ Полтора года тому назадъ, этимъ предполагалось избѣжать войны, принудить Порты къ принятію небольшихъ въ то время требованій. Но что можетъ значить теперь „параллельное дѣйствіе?“ Къ чему оно будетъ принуждать Порты когда та, побѣжденная русскимъ оружіемъ, согласилась на все и приняла предписанныя ей условія? Напротивъ, державамъ слѣдовало бы протестовать противъ дѣйствія Англии какъ противъ нарушенія общаго для всѣхъ принципа...

Характеристичнѣе всего для фарисейства англійской политики — предлогъ огражденія христіанскихъ жителей Стамбула отъ мусульманскаго фанатизма. Англія, спокойно созерцавшая всѣ ужасы турецкой расправы на Балканскомъ полуостровѣ, поощрявшая къ нимъ, вдругъ теперь заснѣшила ограждать огражденных...

№ 31.

Москва, 31-го января.

Сегодняшнія телеграммы мало прибавляютъ къ разъясненію положенія созданнаго поступкомъ Англійскаго кабинета, который вдругъ рѣшился двинуть свой флотъ въ Босфоръ послѣ того какъ Турціей были приняты основанія мира. Мы даже не знаемъ придуманнаго для этой мѣры повода, такъ какъ переданныя телеграфомъ заявленія англійскихъ министровъ были очень сбивчивы и неясны. Сегодня, впрочемъ, узнаемъ изъ телеграммъ признаніе Англійскаго правительства что ему не удалось воспользоваться прежде добытымъ фирманомъ для пропуска флота. При входѣ въ Дарданеллы повстрѣчалось затрудненіе. Объ этомъ теперь идутъ де переговоры, но англійскіе министры убѣждены что за-

трудненія будутъ все-таки устранены, и намѣреніе ихъ остается неизмѣннымъ. Англійское правительство непремѣнно хочетъ чтобъ его флотъ сталъ на якорь въ Босфоръ. Если такъ, то излишне говорить не только о правѣ, но и выставить какой бы то ни было предлогъ. *Sic volo, sic jubeo*, — такъ хочу, — вотъ и все объясненія.

Вслѣдствіе того и нѣкоторыя другія державы готовятся принять подобную мѣру, и, по словамъ лорда Дарби, три изъ нихъ (то-есть, конечно, Австрія, Франція, Италия) уже просили дозволенія войти въ проливъ.

Въ виду этого, наше правительство, конечно, не могло остаться безучастнымъ, и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сегодня обнародована телеграмма государственнаго канцлера къ русскимъ посламъ въ Берлинъ, Лондонъ, Парижъ, Римъ и Вѣнъ, смыслъ коей таковъ что съ появленіемъ иностранныхъ эскадръ въ Босфоръ наши войска вступятъ въ турецкую столицу.

Итакъ, кабинетъ Беконсфильдъ-Дарби, который еще во время войны, въ минувшемъ декабрѣ, такъ добивался отъ Россіи обѣщанія не занимать Константинополя даже временно, теперь самъ, по прекращеніи войны, вызываетъ это тревожившее его событіе своею мѣрой, принимаемою безо всякаго основательнаго предлога. Невозможно допустить чтобы такой важный шагъ, усложняющій разомъ все отношенія, могъ зависѣть отъ личнаго взгляда англійскаго посла въ Константинополь, которому вздумалось донести будто великобританскіе подданные въ Константинополь вдругъ очутились въ опасности. А усиленная дѣятельность въ англійскихъ арсеналахъ, приказъ адмиралтейства какъ можно скорѣе кончать постройку военныхъ судовъ, а эти извѣстія о мобилизаціи и немобилизаціи австрійскихъ корпусовъ, — все это также для огражденія англійскихъ подданныхъ въ турецкой столицѣ?

Теперь, когда наше дѣло съ Турціей кончено, когда условіями перемирія мы обезпечили наше положеніе въ стратегическомъ отношеніи — теперь эти запугиванья теряютъ не только силу, но и смыслъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть цѣль этихъ приготовленій, этихъ громозвучныхъ мѣръ предъ конференціей? Вспомнимъ что шумъ этотъ начался какъ только заключено было перемиріе и стали извѣ-

стны его результаты. Пока мы заявляли что для перемирія необходимо принятіе Портой основаній мира, объ этомъ не очень беспокоились и насъ торопили только скорѣйшею пріостановкой непріятельскихъ дѣйствій, лишь бы наши войска не дошли до Константинополя. Гвалтъ поднялся какъ только перемиріе было заключено, и военныя дѣйствія остановились. Дѣло въ томъ что Россія обезпечила себѣ слишкомъ выгодное положеніе. Но это было естественнымъ послѣдствіемъ успѣшной войны. Какая же держава, одержавъ успѣхи на ратномъ полѣ, влагаетъ мечъ въ ножны не обезоруживъ предварительно противника просящаго мира? Развѣ германскіе полководцы не потребовали сдачи парижскихъ фортовъ одновременно съ началомъ переговоровъ о мирѣ? Точно такъ и условія перемирія вытребованныя Россіей были выраженіемъ успѣховъ ея оружія. Но положеніи Англіи и Австріи, желающихъ показать что и онѣ явятся на конференцію во всеоружіи, совсѣмъ иное. Ихъ вооруженія, клонящіяся какъ бы къ тому чтобъ обезпечить и себѣ преимущества равносильныя выгодному положенію Россіи, изобличаютъ цинически что конференція нужна имъ только затѣмъ чтобы помѣшать Россіи привести въ исполненіе дѣло стоившее ей столькихъ жертвъ.

Чтобы парализовать нашихъ противниковъ, разстроить ихъ замыслы, посрамить ихъ интриги и наконецъ изолировать Англію, слѣдуетъ на ея наглую „хочу“ отвѣчать энергическою рѣшимостью, и солидно занять Константинополь еще прежде чѣмъ появятся въ Босфоръ ея броненосцы. Это вѣрнѣе всего образумило бы Англію, а еслибъ ея правительство слишкомъ зарвалось сгоряча, то она тѣмъ вѣрнѣе осталась бы въ безсильномъ одиночествѣ...

№ 32.

Москва, 1-го февраля.

Вотъ когда кончилась наша Крымская война! Послѣ двадцати двухъ лѣтънаго перемирія! Наши противники считали дѣло съ нами поконченнымъ, но одинъ за другимъ въ этотъ промежутокъ времени они понесли заслуженную кару; одинъ за другимъ они выбыли изъ строя. Остался одинъ, злѣйшій изъ всѣхъ, который былъ истин-

нымъ виновникомъ всего зла на Востокъ, который своими ковами и возбудилъ противъ Россіи войну въ 1853 году. Онъ же сталъ виною и возобновленія ея въ 1877, и хотя на честный бой онъ не вышелъ, но заслуженная кара нашла его, и Англія понесла быть-можетъ самое жестокое и самое заслуженное во всю свою исторію поражение. Вотъ плоды ея усилій! Что приобрѣла она цѣною своего коварства и всей благодаря ея интригамъ пролитой крови? Русскія войска въ Константинополь, Турція потрясена въ своихъ основаніяхъ, ея существованіе зависитъ отъ милости Русскаго Царя... Къ чему же Англіи послужила бѣшеная осада Севастополя, подъ который удалось ей тогда своими обманами привести почти всю Европу?

Броненосная англійская эскадра давно стояла грозно близъ Дарданеллъ, сторожа событія,—но ничего не усторила и никого не испугала. Событія шли своимъ чередомъ, не обращая на нее вниманія. Наконецъ она было рванулась въ роковой Геллеспонтъ, но сейчасъ же и возвратилась на свою стоянку. Это была шутка? Иѣтъ, правительство могущественной Англіи шутить не любитъ. Оно вступитъ въ Дарданеллы; это его непремѣнная воля; оно вышлетъ свой флотъ въ Константинополь. Торжественно съ приличнымъ пафосомъ возвѣстило оно о томъ въ парламентъ. Оно обратилось къ державамъ и объявило имъ свое намѣреніе приглашая послѣдовать кому угодно за нимъ. Флоту уже посланъ приказъ идти немедленно къ Константинополю, отъ котораго флотъ находится менѣе чѣмъ на сутки пути. Вѣсть объ этомъ облетѣла весь міръ и смутила всѣ биржи. На другой день, съ трепетомъ ожидали мы узнать какъ-то эти грозные броненосцы вступятъ въ воды Босфора. Въ самомъ дѣлѣ, не страшно ли было подумать? Сколько должны были наши войска употребить усилій, сколько принести жертвъ, сколько совершить чудесъ самоотверженія и мужества, сколько одержать великихъ побѣдъ,—и вотъ достаточно не многихъ часовъ спокойнаго, торжественнаго, церемоніальнаго плаванія англійской эскадры, при салютахъ съ Дарданелльскихъ и Босфорскихъ укрѣпленій, чтобъ уничтожить все обаяніе нашихъ побѣдъ... Англія предоставляла Русскимъ драться съ Турками; но споръ между ними рѣшить она, во имя британскихъ интересовъ...

Однако прошла недѣля, а англійскіе броненосцы все еще только идутъ къ Дарданелламъ. Встрѣтилось затрудненіе. Султанъ не даетъ фирмана, а между тѣмъ русскія войска вступятъ въ Стамбулъ, греческія возвратятся въ Θεσσαлію, какъ только англійскіе броненосцы появятся въ Мраморномъ морѣ...

Англія ставила условіемъ своего нейтралитета чтобы Русскіе не занимали Константинополя; она не допускала даже временнаго занятія турецкой столицы русскими войсками, и вотъ отданный ея правительствомъ приказъ Британскому флоту двинуться къ Босфору послужить въ тоже время сигналомъ и русской арміи занять Константинополь... Положеніе критическое, и очень естественно что лордъ Дарби отложилъ рѣшеніе съ понедѣльника на четвергъ...

Этотъ промежутокъ времени употреблялся на то чтобы напугать насъ.

Всѣ знаютъ что Англія обладаетъ флотомъ достаточнымъ для борьбы съ русскимъ флотомъ въ Черномъ Морѣ. Но телеграфъ каждый день извѣщаетъ насъ о великихъ морскихъ приготовленіяхъ Англіи. Намъ спать не даетъ стукъ молота въ англійскихъ докахъ. Телеграфъ извѣщаетъ насъ даже о томъ что рабочіе въ арсеналахъ въ такой-то день принялись за дѣло раньше урочнаго времени. *Массы* рабочихъ силъ заняты чтобъ окончить (страшно сказать)!.. постройку четырехъ канонирокъ. Какой-то панцырный корветъ, заказанный Турецкимъ правительствомъ, взятъ за себя Англіей и пойдетъ на усиленіе ея флота. Четыре броненосныя судна получили приказаніе идти въ Гибралтаръ... чтобъ ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Митинги собираются для изъявленія безпредѣльнаго довѣрія и преданности лорду Беконсфильду. Въ редакціи газеты не одобряющей его политику разбили даже стекло въ окнѣ. Все это должно напугать насъ, и спасти „британскіе интересы.“

Эти жалкія попытки прикрыть свое поражение не изобличаютъ ли его самымъ яркимъ образомъ?...

Б.

Одновременно съ возвѣщеніемъ слуха о вступленіи будто бы русскихъ войскъ въ Константинополь, которое съ такимъ сценическимъ эффектомъ было сдѣлано ан-

англійскими министрами въ обѣихъ палатахъ, ими было обнародовано и нѣсколько новыхъ документовъ по восточнымъ дѣламъ. Здѣсь, во первыхъ, заключаются всѣ депеши г. Леярда съ 31 января, и въ особенности тѣ двѣ его телеграммы отъ 6 и 7 января, содержаніе коихъ было прочитано министрами въ палатахъ и возбудило такой переполохъ. Но, кромѣ этихъ позднѣйшихъ, въ новомъ выпускѣ *Синей Книги* помѣщены еще гораздо болѣе ранніе документы, а именно меморандумъ Британскаго правительства, сообщенный русскому послу въ Лондонѣ 28 іюля, донесеніе англійскаго военнаго агента полковника Веллеслея лорду Дарби, изъ Бѣлы, отъ 20 іюля, и его же меморандумъ, также изъ Бѣлы, отъ 29 (17) іюля. Всѣмъ этимъ документамъ конечно должно было бы найтись мѣсто въ первомъ обнародованномъ сборникѣ документовъ, и потому являются два вопроса: во первыхъ, почему они были сначала утаены, а во вторыхъ, какая причина тому что они теперь появились на свѣтъ. Причиной втораго, должно думать, просто тревожная торопливость министровъ. Они наскоро хватали что только попадалось подъ руку для вящаго эффе́кта. Англійскимъ министрамъ попалась кстати одна фраза въ меморандумѣ полковника Веллеслея, которую они звонко и проговорили въ парламентъ, съ цѣлью набросить тѣнь на Русское правительство въ виду дошедшихъ до нихъ тревожныхъ слуховъ, а чтобы сослаться на фразу пришлось обнародовать весь документъ, и, кстати или не кстати, съ нимъ вмѣстѣ попались и упомянутые два другіе. Фраза была слѣдующая:

„Его Величество Императоръ не займетъ Константинополя для удовлетворенія военной чести, а только въ томъ случаѣ если этотъ шагъ будетъ необходимъ по ходу событій.“

Прочестъ эту фразу было по обстоятельствамъ эффектно, но обнародованіемъ документа англійскіе министры услужили не себѣ, и обнаружили только свою недобросовѣстность, въ яркомъ контрастѣ съ коими выступаютъ прямодушіе и искренность Русскаго Монарха. Вотъ содержаніе этого меморандума. Полковникъ Веллеслей извѣщаетъ что предъ отъѣздомъ онъ имѣлъ свиданіе съ Государемъ Императоромъ, и что Его Величество благоволилъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія, уполномочивъ его сообщить ихъ своему правительству:

„Его Величество повторилъ что было сказано лорду Лофтусу въ Ливадіи и мнѣ въ Зимницѣ.“

„Цѣль настоящей войны есть единственно улучшение состоянія христіанскаго населенія Турціи.“

„Условія мира требуемыя Императоромъ суть тѣ самыя что недавно сообщены лорду Дарби графомъ Шуваловымъ, и останутся тѣ же доколь Англія сохранитъ свое нейтральное положеніе; если же, однако, Англія выступитъ изъ этого положенія, то дѣла вступятъ въ новую фазу.“

„Его Величество не имѣетъ въ мысляхъ присоединеній, кромѣ можетъ-быть русской территоріи потерянной въ 1856 году, и можетъ-быть также извѣстной части въ Малой Азіи.“

(Далѣе слѣдуетъ вышеприведенная фраза которая была вырвана отдѣльно отъ остальнаго текста англійскими министрами для прочтенія въ парламентѣ).

„Его Величество готовъ вступить въ переговоры если пригодныя предложенія будутъ сдѣланы султаномъ; но посредничество въ пользу Турціи не можетъ быть допущено.“

„Европа будетъ приглашена на конференцію для окончательнаго установленія (*settlement*) условій мира.“

„Государь Императоръ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія или намѣренія какимъ-либо образомъ угрожать интересамъ Англіи, по отношенію ли къ Константинополю, Египту, Суезскому каналу или Индіи.“

„Временное занятіе Болгаріи будетъ необходимо.“

„Государь Императоръ опасается что настоящая политика Англіи клонится только къ поощренію Турокъ, и слѣдовательно къ продолженію войны, и полагаетъ что еслибъ англійское вліяніе подѣйствовало на Порту, то султанъ легко согласился бы вступить въ переговоры, и такимъ образомъ война была бы приведена къ скорому концу.“

Теперь ясно почему этотъ документъ не былъ обнародованъ ранѣе. Онъ лишилъ бы возможности Англійскій кабинетъ такъ громко кричать о скрытности нашего правительства, о неизвѣстности нашихъ условій мира и о тайнственности въ которую они облакаются. Теперь, когда второпяхъ обнародованъ этотъ документъ ради одной только фразы, мы узнаемъ что сущность русскихъ условій была въ главныхъ чер-

тахъ намѣчена еще въ прошломъ іюлѣ и *хорошо* извѣстна Англійскому правительству. Тогда уже указанъ былъ и способъ переговоровъ, а именно обращеніе султана прямо къ Россіи, и напередъ устранялось всякое посредничество. Прикидываться же въ январѣ изумленнымъ по поводу того что было извѣстно за полгода, благовидно ли это?

Но отсюда мы узнаемъ также что уже въ іюлѣ заходила англійскими министрами рѣчь о Константинополѣ, и что имъ хотѣлось вырвать у Россіи какія-то ручательства еще въ то время когда войска наши только что были задержаны Плевной. Въ этомъ отношеніи не менѣе интересенъ и меморандумъ Англійскаго правительства, отъ 28 іюля, сообщенный русскому послу. Въ немъ, между прочимъ, значится:

„Правительство ея величества вполне намѣрено не отступать отъ объявленнаго имъ нейтралитета; но оно не полагаетъ что было бы отступленіемъ отъ нейтралитета, и думаетъ что Россія не сочтетъ за таковое если оно найдется вынужденнымъ *направить свой флотъ въ Константинополь* и такимъ образомъ оградить европейское населеніе отъ внутреннихъ безпорядковъ.“

Это въ іюлѣ прошлаго года. Вотъ когда Англійское правительство добивалось за-благовременно занять позицію въ Константинополѣ, и въ то же самое время требовало отъ Россіи обязательства чтобъ ея войска не вступали въ Константинополь! И оно не считало этого отступленіемъ отъ нейтралитета!

Англійское правительство не обнародовало отвѣта какой послѣдовалъ на это сообщеніе, но такъ какъ его флоту въ прошедшемъ году не довелось побывать въ Босфорѣ, то легко догадаться объ отвѣтѣ...

№ 33.

Москва, 3-го февраля.

А.

Въ виду совершившагося нынѣ факта вступленія англійскихъ броненосцевъ въ воды Мраморнаго моря, не лишнимъ будетъ припомнить существующее по этому предмету постановленіе трактатовъ. Первый трактатъ о Проливахъ заключенный

въ Лондонѣ 13-го іюля 1841 года содержитъ заявленіе о „твердой рѣшимости“ султана сохранить и на будущее время въ силѣ издревле соблюдаемый Оттоманскою Портой принципъ воспрещенія военнымъ судамъ европейскихъ державъ входить въ Дарданеллы и Босфоръ доколѣ Порты находится „въ мирѣ.“ Державы участвовавшія въ трактатѣ 1856 года обязались, съ своей стороны, вполне уважать это постановленіе трактата 1841 года Затѣмъ, 2-я статья гласитъ: „султанъ предоставляетъ себѣ попрежнему выдавать пропускные фирманы *легкимъ* военнымъ судамъ которыя по обычаю исполняютъ служебныя обязанности у посольствъ дружественныхъ державъ.“ Наконецъ, послѣдній международный актъ по этому предмету, Лондонскій трактатъ 13-го мая 1871 года содержитъ слѣдующее опредѣленіе:

„*Статья 2 я.* Принципъ закрытія Дарданеллъ и Босфора, установленный въ сепаратномъ договорѣ отъ 30-го марта 1856, остается въ силѣ, равно какъ право его величества султана открывать въ мирное время Проливы флотамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ если это окажется нужнымъ для исполненія постановленій трактата 30-го марта 1856.“

Берлинская *Національная Газета* весьма справедливо замѣчаетъ что вступленіе Британскаго флота *послѣ* заключенія перемирія не можетъ быть приравнено къ предположенному 24-го января проходу флоту чрезъ Дарданеллы. Тогда Турція была еще въ войнѣ, и потому Парижскій трактатъ не могъ служить помѣхой къ выдачѣ пропускнаго фирмана. Теперь же Турція войну прекратила, а потому со вступленіемъ Британскаго флота въ Проливы „Англія сама расторгаетъ Парижскій трактатъ.“ Этотъ выводъ получаетъ особенную силу въ виду извѣстія что Турція не выдала Англіи требуемаго фирмана и протестовала противъ этого насильственнаго шага Англіи. Что это былъ насильственный шагъ, въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ полученная сегодня изъ Лондона телеграмма что англійскій адмиралъ имѣлъ приказаніе войти въ Проливы съ позволенія или безъ позволенія, и что корабли „приготовлены къ бою.“ А между тѣмъ англійское правительство, извращая очевидность, утверждаетъ противное. Заявляя въ парламентѣ о посылкѣ вновь флота въ Кон-

стантинополь, лордъ Дарби проводилъ параллель между теперешнимъ положеніемъ и тѣмъ которое было за двѣ недѣли до того когда флоту было дано въ первый разъ приказаніе, въ послѣдствіи отмѣненное, вступить въ Проливы. Тогда этотъ шагъ могъ быть истолкованъ Россіей какъ актъ ей враждебный и англійскимъ народомъ какъ первый шагъ къ войнѣ. А теперь обстоятельства перемѣнились, и никто не можетъ сомнѣваться въ мирныхъ намѣреніяхъ Англіи. А въ то же самое время лондонскій телеграфъ продолжаетъ назойливо возвѣщать о обширныхъ военныхъ приготовленіяхъ предпринимаемыхъ въ Англіи! Англійскій флотъ, говорятъ намъ, приблизился къ Константинополю съ самыми мирными цѣлями, лишь для того чтобъ охранить „населеніе и собственность.“ А противъ возвѣщеннаго вступленія русскихъ войскъ въ Константинополь Англія, какъ извѣщаетъ телеграфъ, поспѣшила протестовать, хотя казалось бы что ужъ если предвидится какая-либо опасность для христіанъ въ Константинополѣ, то содѣйствіе сухопутныхъ войскъ находящихся тутъ же по близости можетъ быть только желательнымъ.

Заявленіе о посылкѣ Англійскаго флота въ Константинополь сопровождалось сообщеніемъ что Англія въ этомъ случаѣ заручилась наконецъ давно желаннымъ содѣйствіемъ другихъ державъ. Англія разослала приглашеніе прочимъ державамъ присоединиться къ ней въ предпринимаемомъ дѣйствіи. Къ этому лордъ Дарби присовокупилъ что, по извѣстіямъ имъ полученнымъ, „еще одна держава заявила Портѣ требованіе о выдачѣ пропускаго фирмана. Пошли догадки о томъ какая бы это могла быть держава? Вѣнская *Neue Freie Presse* поспѣшила возвѣстить что держава эта—Австрія. Но слухъ этотъ опровергается офиціозными телеграммами изъ Вѣны. Сверхъ того, имѣются указанія о томъ какъ относится Австрійское правительство къ заключеннымъ между Россіей и Турціей прелиминаріямъ мира, и они окончательно подрываютъ всѣ расчеты вѣнскихъ вѣстовиковъ объ „англо-австрійскомъ дѣйствіи.“ Указанія эти мы находимъ въ признанномъ органѣ графа Андраши, *Montagsrevue*, отъ 10-го февраля, въ подробности разбирающемъ обнародованныя Русскимъ правительствомъ предварительныя условія мира съ точки зрѣ-

нія австрійскихъ интересовъ. Вѣнскій офиціозный листокъ признаетъ что Австрія не можетъ пожаловаться на то чтобъ ея интересы были обойдены и оставлены безъ вниманія при установленіи прелиминарій мира и условій перемирія. Это явствуетъ прежде всего изъ открытія судоходства по Дунаю. Перебирая затѣмъ предварительныя условія мира, органъ графа Андраши находитъ что „реформы выговоренныя для Босніи и Герцеговины, осуществляя то что проектировалъ графъ Андраши, поставлены подъ охрану такихъ гарантій которыя отданы вполне въ руки Австріи, пока Вѣнскій кабинетъ „предпочитаетъ такое положеніе вещей „полному присоединенію этихъ провинцій.“ Сербія и Румынія, какъ самостоятельныя государства, настолько де связаны въ своихъ жизненныхъ интересахъ съ великою дунайскою державой что должны будутъ главнымъ образомъ опираться на нее. Въ Болгаріи вліяніе Австріи не будетъ столь же нераздѣльнымъ „пока она останется вассальнымъ княжествомъ,“ но и болгарское христіанское правительство должно де будетъ искать тѣснаго сближенія съ цивилизованною Европой и стало-быть „обращать свои взоры на Вѣну.“ Черногорія, значительно увеличенная и получающая наконецъ морское побережье, по необходимости измѣнитъ свои бытовые условія зависѣвшія главнымъ образомъ отъ ея территоріальнаго положенія, и потому должна будетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ особенностей дѣлавшихъ ее столь неудобнымъ сосѣдомъ. Сверхъ того, съ пріобрѣтеніемъ гаваней она не можетъ не подпасть въ большей мѣрѣ нежели до сихъ поръ вліянію, а въ случаѣ надобности и принудительному дѣйствію со стороны Австріи. Словомъ, *Montagsrevue* какъ нельзя болѣе довольна мирными прелиминаріями, которыя „открываютъ грандіозныя перспективы австрійской миссіи на Востокъ и тому цивилизующему и воспитательному вліянію которое ей предназначено на Балканскомъ полуостровѣ.“

Итогъ такъ хорошъ что выходитъ какъ будто бы и вся-то война предпринята Россіей исключительно въ интересахъ Австріи. *Montagsrevue*, какъ бы сознавая что картина ею нарисованная ужъ слишкомъ хороша, спѣшитъ оговориться что въ дѣйствительности Россія воевала не за Австрію, но и „не противъ Турціи (?), а

„противъ того господствующаго положенія „которое занимала Англія въ Босфорѣ и „которое грозило въ будущемъ еще болѣе „усилиться.“ Это послѣднее указаніе, во всякомъ случаѣ, очень знаменательно. Оно служить характеристичнымъ отвѣтомъ на всѣ измышленія объ Англо-Австрійскомъ союзѣ и о совокупномъ дѣйствіи обѣихъ этихъ державъ.

Князь Бисмаркъ вчера вернулся въ Берлинъ и не нынче-завтра онъ дастъ разъясненія по поводу теперешняго политическаго положенія которыхъ ожидаютъ съ напряженіемъ. Разъясненія эти будутъ даны въ рейхстагѣ, въ отвѣтъ на интерпелляцію внесенную надняхъ всѣми фракціями, консервативными и либеральными, за исключеніемъ партіи центра. Вопросъ выражается такъ: „Намѣренъ ли имперскій канцлеръ, и когда именно, дать въ рейхстагѣ объясненія о политическомъ положеніи на Востокѣ и о политикѣ которой слѣдовало и намѣрено впредь слѣдовать имперское правительство по этому вопросу?“ Органы національно-либеральной партіи, указывая на то что подобнаго рода спросы по иностраннымъ дѣламъ необычны въ Германскомъ рейхстагѣ, такъ что со времени основанія имперіи былъ всего только одинъ подобный примѣръ (въ 1871 году по поводу Люксембурга), вмѣстѣ съ тѣмъ сознаются что спросъ поставленъ не съ цѣлью оказать какое бы то ни было противодѣйствіе правительству, либо измѣнить въ чемъ-либо образъ дѣйствій коему оно слѣдовало до сихъ поръ, а напротивъ, чтобъ еще болѣе укрѣпить его. Другими словами, это обращеніе къ правительству есть результатъ предварительнаго соглашенія съ самимъ княземъ Бисмаркомъ который считаетъ теперь нужнымъ прервать молчаніе столь упорно соблюдавшееся Германскимъ правительствомъ.

Въ виду столь торжественныхъ приготовленій, предстоящая манифестация князя Бисмарка получаетъ особенный интересъ.

Б.

Слухъ, потомъ не подтвердившійся, о вступленіи русскихъ войскъ въ Константинополь произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ Москвѣ. На домахъ съ раняго утра показались уже флаги, и народъ толпами устремился ко храмамъ. Слуху этому придавалось вѣроятіе обнародованнымъ

въ тотъ же день содержаніемъ депеши государственнаго канцлера что мѣра эта имѣется въ виду если Англія исполнитъ свою угрозу, и въ тотъ же день получено извѣстіе что ея броненосцы насильно ворвались въ Мраморное Море и стали у входа въ Босфоръ...

№ 34.

Москва, 4-го февраля.

А.

Англійское правительство, заматавшись торопливо въ желаніи что-либо предпринять дабы скрыть постыдное фіаско своей восточной политики, на свою голову создало новое затрудненіе которое не легко будетъ распутать, и поставило себя въ такое положеніе изъ котораго не предвидится для него достойнаго выхода. Англійскій флотъ ворвался въ Дарданеллы, вопреки Портѣ и въ готовности къ бою.

Первое послѣдствіе уже было предусмотрено, и мы на него указывали. Депеша Лейарда изъ Константинополя, отъ 13 (2) февраля, извѣщаетъ что „если придетъ Британскій флотъ, то и русскія войска займутъ окрестности Константинополя съ такою же мирною цѣлью какъ и флотъ прибывшій для охраны англійскихъ подданныхъ.“ Депеша присовокупляетъ что султанъ при этомъ останется въ своей столицѣ, и что для русскихъ войскъ будутъ приготовлены казармы.

Такимъ образомъ англійская политика устраняетъ сама то чего она такъ опасалась, что было ей болѣе всего неприятно. Съ самаго начала войны она заботилась выгородить Константинополь изъ сферы операций. Все время она приставала къ нашему правительству, добиваясь получить отъ него какое-либо ручательство что Константинополь даже временно занятъ не будетъ. Само собою разумѣется что такое притязаніе связать свободу дѣйствій Россіи не могло имѣть успѣха, и англійскіе министры знали что Константинополь все-таки можетъ быть занятъ русскими войсками если станетъ это необходимымъ по ходу событій, но обстоятельства, хотя и не радостныя для англійской политики, сами собою складывались къ исполненію ея желанія. Безпри-

мѣрно быстрые, неожиданные, для недруговъ столько же какъ и для насъ самихъ, успѣхи были достигнуты русскими войсками. 21 декабря была занята ими Софія, 28 взята въ плѣнъ вся Шипкинская армія, а 19 декабря уже заключено перемиріе когда наши доблестныя войска были уже всего въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ переходахъ отъ Константинополя, и не было арміи которая могла бы задержать ихъ. Они остановились, можно сказать, въ виду Царьграда, такъ какъ Турція покорилась, приняла всѣ русскія требованія, и условіями перемирія дала гарантіи что ея покорность была искренняя. Такъ было дѣло до вмѣшательства англійской дипломатіи. Но она разомъ измѣнила его именно къ тому чего не хотѣла. Какъ же это случилось?

26 января (7 февраля), въ прошедшій четвергъ, Англійское правительство было встревожено депешей Леярда что Русскіе несмотря на подписанное перемиріе продолжаютъ подвигаться въ направленіи къ Константинополю, не обращая вниманія на протесты турецкихъ генераловъ. Прочтены были сенсационныя телеграммы, возбуждшія небывалое въ англійскомъ парламентѣ волненіе. Правда, въ тотъ же день русскимъ посломъ была передана полученная имъ отъ князя Горчакова телеграмма о лживости этихъ слуховъ, но приказъ флоту былъ данъ уже въ тотъ же день, и Англійскому правительству было съ руки подозрѣвать обманъ чтобъ оправдать свое дѣйствіе.

Но на слѣдующій день уже не могло оставаться сомнѣній. Подтвердилось несомнѣннымъ образомъ что Русскіе вовсе не шли на Константинополь. Отъ Леярда были получены условія перемирія, и оказалось что наши войска только заняли выговоренные пункты. Какъ быть? Флоту уже отправлено было приказаніе двинуться, и англійскимъ министрамъ не хотѣлось вторично очутиться въ смѣшномъ положеніи отмѣной приказа. Къ тому же и англійскій посолъ былъ бы компрометтированъ признаніемъ что имъ поднята фальшивая тревога. Рѣшились прикрыть его. Лордъ Дарби 8 февраля, въ прошедшую пятницу, объясняя въ палатѣ лордовъ положеніе дѣлъ, старался доказать что г. Леярдъ все-таки былъ правъ, и что сообщеніе его нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ неточнымъ, ибо по одному изъ усло-

вій перемирія Турки должны де очистить оборонительныя линіи Константинополя, и, по сообщенію г. Леярда, они уже начинали увозить съ нихъ орудія. Но приведемъ далѣе слова самого лорда Дарби: „Милорды, нѣтъ доказательствъ чтобы Русскіе намѣревались войти въ самый городъ, но хотя они и дали увѣренія что они этого не сдѣлаютъ; но очевидно что при данномъ положеніи они могутъ это сдѣлать когда имъ угодно, и что Константинополь совершенно беззащитенъ.“

Это заявленіе противорѣчитъ цѣли официально возвѣщенной Англійскимъ правительствомъ для отправки флота. Въ немъ мы имѣемъ признаніе что побужденіемъ къ тому дѣйствию была досада на полный успѣхъ Россіи и полную покорность Турціи. Константинополь беззащитенъ! Но противъ кого же защищать его? Остался послѣдній аргументъ: въ Константинополѣ могутъ случиться безпорядки, ихъ можетъ вызвать одно опасеніе русскаго занятія, а тамъ много британскихъ подданныхъ.

Этимъ аргументомъ или предлогомъ Англійское правительство поставило себя еще болѣе въ неловкое положеніе. Долгъ челоувѣколюбія не есть исключительная принадлежность Англійскаго правительства, и не можетъ ограничиваться охраною его подданныхъ. Фальшь предлога конечно была очевидна, особенно послѣ вышеприведенныхъ словъ лорда Дарби; но она ярко обнаружена была не спорами, не возраженіями противъ свѣдѣній и опасеній лорда Дарби, а заявленіемъ нашего правительства что и оно намѣрено послать часть своихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью, но что „наша защита будетъ распространена на всѣхъ христіанъ.“

Изъ сегодняшнихъ телеграммъ двѣ особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, англійскій посолъ въ Константинополѣ уже понижаетъ тонъ относительно возможнаго занятія Русскими Константинополя, лордъ Дарби въ разговорѣ съ графомъ Шуваловымъ, какъ передаетъ телеграфъ содержаніе обнародованной депеши англійскаго министра, требуетъ чтобы Россія не смѣла помышлять о движеніи на Галлиполи, такъ какъ это могло бы поставить въ опасное положеніе Англійскій флотъ вступившій въ Мраморное Море.

Обѣ депеши не противорѣчатъ одна другой. Напротивъ ихъ слѣдуетъ читать вмѣ-

ствъ. Таковъ компромиссъ предлагаемый Англіей. Но это не компромиссъ, а новая дерзость. Гвалтъ поднятый Англичанами о Константинополь былъ разчитанъ на то чтобъ ошеломить насъ и подъ предлогомъ вымышленныхъ опасеній ворваться въ Дарданелльскій проливъ; въ сущности же все дѣло и было именно въ Галлиполи, а вовсе не въ Босфоръ, который есть такое же *mare clausum* какъ и Черное Море. Дарданеллы, вотъ выходъ въ Средиземное Море, и здѣсь ключъ какъ Чернаго Моря, такъ и Босфора. Англійскіе маневры направлены именно на этотъ пунктъ, который лордъ Дарби особенно заботился обезпечить съ тѣхъ поръ какъ Англійскій флотъ можетъ быть отрѣзанъ отъ своихъ сообщеній.

Какова наглость этой претензіи чтобы мы же и озаботились безопасностью сообщеній эскадры высланной для угрозы намъ! Британскій министръ извѣщаетъ русскаго посла о томъ какъ можетъ быть понято въ Англіи движеніе русскихъ войскъ на Галлиполи; ему слѣдуетъ также освѣдомиться какъ понято въ Россіи вступленіе Англійскаго флота въ Дарданеллы...

Тонъ принимаемый англійскими министрами превосходитъ всякое вѣроятіе, и если они въ немъ ищутъ выхода изъ неловкаго положенія въ какое они сами привели себя, то они только болѣе запутаютъ себя...

Россія показала невѣроятное долготерпѣніе. Она добровольно старалась щадить разные интересы, не только ей чуждые, но нерѣдко и прямо враждебные. Она сама затрудняла себѣ дѣло, но осталась вѣрна возвышенному ея образу дѣйствій до конца: при самомъ заключеніи перемирія, обезпечивая должными гарантіями достигнутые ея результаты въ отношеніи къ Турціи, она осторожно обошла всѣ щекотливые пункты относительно другихъ.

Предупредительность наша наша оказалась однако напрасною: отвѣтомъ было вторженіе Англійскаго флота вопреки трактатамъ, насильно. Разговоръ лорда Дарби съ графомъ Шуваловымъ показываетъ что англійскій министръ самъ сознавалъ незаконность своего дѣйствія, такъ какъ онъ предвидѣлъ что оно можетъ повести къ движенію Русскихъ на Галлиполи. Непостижима только дерзость претендовать съ тѣмъ вмѣстѣ чтобы Россія именно не дѣлала этого шага...

Напротивъ, теперь очевидно что Россіи именно слѣдуетъ принять мѣры которыя дадутъ ей серіозныя гарантіи уже не противъ Турціи, а противъ Англіи. Ея поступокъ не только возвращаетъ Россіи полную свободу дѣйствій, но и обуславливаетъ нѣкоторыя дѣйствія. Занятіе Галлиполи русскими войсками должно быть естественнымъ послѣдствіемъ вторженія Англійскаго флота. Англійскіе министры не могутъ говорить о безобидности принятой ими мѣры когда извѣстно что она не задолго была даже поводомъ къ министерскому кризису. Самъ лордъ Дарби подавалъ тогда въ отставку, слѣдовательно онъ понимаетъ значеніе шага на который онъ теперь далъ свое согласіе. Да развѣ наконецъ Англійское правительство не прокричало на весь міръ о своихъ военныхъ приготовленияхъ, о лихорадочной дѣятельности кипящей во всѣхъ его арсеналахъ и верфяхъ, объ усиленіи гарнизона въ Мальтѣ, о заготовленіи транспортовъ для войскъ и проч. Кому же грозила Англія? Самая претензія такими грубыми способами запутать правительство великой державы есть для нея оскорбленіе которое не должно оставаться безнаказаннымъ.

И англійскій министръ, въ виду этого, высказываетъ надежду что Россія не приметъ никакихъ мѣръ предосторожности! Онъ ожидаетъ что Россія будетъ только трепетно внимать угрозамъ, не принимая никакихъ мѣръ въ отпоръ имъ!

Русскимъ войскамъ необходимо занять Галлиполи, еще болѣе чѣмъ Константинополь. Англичане своими дѣйствіями обязываютъ насъ занять Галлиполи и держаться тамъ пока ихъ эскадра не оставитъ Мраморнаго Моря. Вотъ компромиссъ который возможно, съ нашей стороны, дружелюбно предложить Англичанамъ. Но если бы мы захотѣли, то могли бы еще спросить ихъ по какому праву флотъ ихъ такъ долго загостился въ Безикской бухтѣ, которая вовсе не есть англійское владѣніе?

Б.

Извѣстіе о паденіи англійскихъ фондовъ подтвердилось полученными сегодня въ Москвѣ телеграммами: они упали болѣе чѣмъ на четверть процента, что для этихъ фондовъ весьма много.

Этотъ фактъ тѣмъ знаменательнѣе что сопровождается на заграничныхъ биржахъ

одновременнымъ повышеніемъ русскихъ фондовъ. Облигаціи нашего послѣдняго вѣшняго займа, которые минушею осенью съ трудомъ помѣщались по курсу ниже 77, поднялись на Берлинской биржѣ до 84 за сто!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдніе дни ознаменовались послѣдовательнымъ повышеніемъ курсовъ нашего кредитнаго рубля. Такъ, 100 кредитныхъ рублей на Берлинской биржѣ цѣнились:

| | | | | |
|--------------------|-----|-------------|----|--------|
| 12 февр. (31 янв.) | 213 | имп. марокъ | 25 | пф. |
| 14 (2) февр. | 215 | " | " | 35 пф. |
| 15 (3) февр. | 218 | " | " | — |
| 16 (4) февр. | 219 | " | " | 20 пф. |

№ 36.

Москва, 6-го февраля.

Какъ передаетъ намъ телеграфъ, англійскія газеты сегодня успокоительнѣе отзываются о положеніи дѣлъ.

Въ чемъ же однако измѣнилось оно послѣ вчерашняго? Вышелъ ли англійскій флотъ изъ Мраморнаго Моря? Созналось ли Англійское правительство что совершило поступокъ не имѣющій себѣ оправданія? Нисколько. Англійскій флотъ преспокойно пребываетъ между проливами куда онъ ворвался, бросивъ якорь въ одной изъ гаваней Мраморнаго Моря на азіатскомъ берегу, въ трехъ, четырехъ часахъ разстоянія отъ Константинополя. Для какой надобности остается этотъ флотъ между Проливами когда Представители Франціи, Италіи и Германіи въ Константинополь доносятъ своимъ правительствамъ что тамъ и не предвидѣлось опасности для христіанъ которая требовала бы особенныхъ мѣръ для огражденія ихъ жизни и собственности? Для чего же двинуть англійскій флотъ, это мы хорошо знаемъ. Лордъ Дарби самъ признался въ палатѣ что эта мѣра, хотя и принятая подъ предлогомъ огражденія британскихъ подданныхъ, была вызвана досадой на условія русскаго перемирія. Англійская же печать еще откровеннѣе разъяснила цѣль этой мѣры. Не будемъ ссылаться на самые ярые изъ враждебныхъ намъ органовъ, *Daily Telegraph* или *Morning Post*; приведемъ нѣсколько строкъ изъ болѣе умѣреннаго и самаго вліятельнаго. Въ полуоченномъ вчера номерѣ *Times*; эта газета

не смущаясь объявила: „Посылка англійскаго флота была шагомъ сдѣланнымъ съ цѣлью предъявить наше требованіе „(claim) и занять положеніе для поддержанія его... Нѣтъ надобности скрывать что такова истинная цѣль съ какою нашъ флотъ былъ посланъ въ Босфоръ, и лордъ Дарби поступилъ бы лучше еслибы прямо призналъ этотъ фактъ, вмѣсто того чтобъ укрываться за пустымъ предложеньемъ огражденія британскихъ подданныхъ и другихъ лицъ въ случаѣ волненія въ Турецкой столицѣ. Лучше признаться въ простой истинѣ что такъ какъ мы хотимъ имѣть голосъ въ будущемъ рѣшеніи относительно Константинополи и Проливовъ, то мы считаемъ и благоразумнымъ дѣломъ, и нашимъ явнымъ правомъ наложить руку (to assert some hold) на эти важныя позиціи.“ Другія англійскія газеты пошли еще далѣе, и не церемонясь объясняли намъ что флотъ будетъ стоять въ Босфорѣ въ видѣ угрозы чтобы при случаѣ войти въ Черное Море и парализовать открытое теперь для нашихъ армій морское сообщеніе.

И послѣ такихъ откровенныхъ признаній, руководящій лондонскій органъ, въ полученномъ сегодня номерѣ, взываетъ ко „взаимному довѣрію“, на которомъ де только и можетъ состояться компромиссъ, находя однако „необходимымъ замѣтить что все еще Россія слѣдуетъ сдѣлать первыи шагъ съ этою цѣлю.“ Вотъ какъ растутъ притязанія при первыхъ еще сомнительныхъ признакахъ уступчивости!

Позиціи нами занимаемыя мы приобрѣли цѣной тяжелой войны и великихъ жертвъ, безпримѣрными подвигами нашихъ войскъ. Если это для Англійи непріятно, то ей слѣдовало бы сдѣлать все возможное чтобы предотвратить войну, а ея правительство сдѣлало напротивъ все возможное чтобы войну возбудить и ожесточить ее. Теперь Англія пожелала занять позиціи которыя уравнивали бы выгоды нашего положенія. До желанія ея намъ нѣтъ дѣла, но мы не можемъ не посчитаться съ фактомъ: Англійскій флотъ ворвался въ Дарданеллы въ нарушеніе трактатовъ, вопреки протесту султана. Теперь дѣлается видъ попятнаго шага; флотъ де не вошелъ въ Босфоръ, а сталъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; вслѣдствіе чего и русскія войска не должны переступить демаркаціонную линію проведенную условіями переми-

рія. Но русскія войска стоятъ на тѣхъ мѣстахъ куда привело ихъ право войны, и гдѣ указало имъ быть перемиріе? По какому же праву Англичане стоятъ у входа въ Босфоръ? По какому праву были ими нарушенъ запретъ Дарданеллъ? Говорятъ что вслѣдствіе протеста султана остальные суда флота стоящаго въ Безикѣ не пойдутъ въ Дарданеллы. Но кто можетъ въ томъ поручиться? Если протестъ султана находятъ теперь уважительнымъ, то онъ долженъ имѣть силу и для судовъ уже вошедшихъ въ проливъ, и они должны были бы не въ бухтѣ Мунданіи стоять на якорѣ, а возвратиться туда откуда пришли. Гдѣ гарантія что завтра къ нимъ не присоединятся другія, а затѣмъ они не очутятся въ Черномъ Морѣ? Намѣреніямъ Англіи мы не обязаны вѣрить если она не вѣритъ нашимъ.

Смѣшно толковать о взаимномъ довѣріи когда компактъ условнаго нейтралитета, выдуманный Англіей и нами ничѣмъ до сихъ поръ не нарушенный, разорванъ ея же руками. Если сообразоваться съ ея дѣйствіями, то на ея послѣдній шагъ слѣдовало бы отвѣчать равносильнымъ; она захватила гарантію противъ насъ: почему же намъ не имѣть соотвѣтственнаго обезпеченія? Ея флотъ не вошелъ въ Босфоръ, и наши войска не вступили въ Константинополь, — пусть такъ, но ея флотъ прошелъ Дарданеллы, и соотвѣтственнымъ ходомъ съ нашей стороны было бы занятіе Галлиполи. Англичане не хотятъ намъ вѣрить: почему же мы должны имъ вѣрить? Они скажутъ что ввели флотъ не съ враждебною намъ цѣлю, а для своего обезпеченія. То же можемъ и мы сказать имъ занявъ Галлиполи: это мѣра не враждебная, а лишь обезпеченіе наше. Мы можемъ сказать имъ что и наше занятіе будетъ продолжаться только до тѣхъ поръ пока ихъ флотъ будетъ оставаться въ Мраморномъ Морѣ. Какъ только онъ выйдетъ оттуда, то и наши войска оставятъ Галлиполи.

Мѣра эта, обезпечивая наше положеніе, которое есть законный результатъ войны, не поставитъ насъ въ худшее предъ Англіей положеніе. Что касается *quasi*-воинственныхъ угрозъ, то не стоить придавать имъ значенія. Обращаемъ кстатіу вниманіе на помѣщаемую ниже статью французской газеты *XIX Siècle* о роли въ войнѣ англійскаго флота: не мы одни цѣ-

нимъ надлежащимъ образомъ безсиліе Англіи вести въ одиночку серіозную войну. Если же она имѣетъ на примѣтѣ союзниковъ себѣ, то и мы могли заручиться союзами. Гарантія въ этомъ случаѣ никакъ не повредила бы намъ, а принесла бы пользу какъ всякое усиленіе нашего положенія: легче найти надежнаго союзника державѣ выгодно поставленной чѣмъ слабой и колеблющейся въ своей политикѣ.

№ 37.

Москва, 7-го февраля.

Опрометчивая и дерзкая мѣра насильнаго вступленія англійскаго флота въ Дарданеллы создала ненормальныя отношенія которыя не легко распутываются. Самал скудость извѣстій, на ряду съ весьма неопредѣленными увѣреніями что все кажется можетъ обойтись благополучно, указываетъ на несомнѣнную натянутость положенія. Требуется сдержанность въ сужденіяхъ когда съ часу на часъ могутъ придти вѣсти измѣняющія всѣ основы сужденія. Дай Богъ только чтобъ это выжиданіе не было похоже на затишье предъ бурей.

Среди сомнѣній и неизвѣстности мы знаемъ только что происходятъ какіе-то переговоры и разъясненія между державами. Сегодня, какъ извѣщаетъ лондонская телеграмма, собирався совѣтъ англійскихъ министровъ для обсужденія русской депеши, которая, по свѣдѣніямъ одного изъ министерскихъ органовъ, требуетъ отъ Англіи соотвѣтствующей уступки на ея домогательство чтобы русскія войска не занимали Галлиполи. Но извѣстіе слишкомъ кратко и неясно, такъ что никакихъ заключеній изъ него выводить еще нельзя. А между тѣмъ сейчасъ получили мы телеграмму съ извѣстіемъ что англійская эскадра, вмѣсто того чтобъ уходить, опять приблизилась къ Константинополю.

Англійское правительство поставило себя въ неловкое и неправоe положеніе, и ему предстоитъ теперь выпутываться изъ него. Еслибъ оно было расположено добросовѣстно отречься отъ своего недавняго напускнаго задора, то ему не стали бы дѣлать затрудненій при отступленіи и помогли бы ему *sauver les apparences*. Но вопросъ, къ сожалѣнію, не въ формѣ, а

въ сущности. Оппозиціонная *Daily News* полагаетъ что русскому сообщенію приданъ характеръ укрѣпляющій надежды на миръ. Мы были бы очень благодарны этой газетѣ еслибъ она могла дать намъ указаніе въ миролюбивомъ ли духѣ встрѣтитъ его Англіійскій кабинетъ, то-есть расположенъ ли онъ отступить отъ своихъ невозможныхъ притязаній. Завтра мы узнаемъ объ этомъ. По тону же англійской печати пока судить трудно. Отмѣтимъ только одинъ куріозъ въ полученномъ сегодня номерѣ *Times*. Продолжая развивать свою вчерашнюю тему что *главною* причиной послышки британскаго флота въ Мраморное море была необходимость „имѣть матеріальную гарантію для огражденія англійскихъ интересовъ,“ лондонская газета въ то же время хочетъ убѣдить насъ что Россія вовсе будто бы не въ правѣ дѣлать какія-либо возраженія, ибо эта мѣра „отнюдь не есть враждебный поступокъ и подлежитъ дружескому истолкованію.“ Это де „показъ силы,“ *a display of force*, и ничего болѣе. Безподобный аргументъ! Не знаемъ, однако, придется ли онъ по вкусу публицисту *Times* когда бы онъ услышалъ что и занятіе русскими войсками Галлиполи также вовсе не враждебная англійскому флоту мѣра, а только — „показъ силы подлежащій дружескому истолкованію.“

Въ сегодняшнемъ же номерѣ лондонской руководящей газеты находимъ любопытныя разсужденія ея вѣнскаго корреспондента о причинахъ побудившихъ Порту отказать въ новомъ фирманѣ на пропускъ англійскаго флота, хотя за три недѣли предъ тѣмъ она по первому слову дала такой фирманъ. Одна изъ причинъ есть, конечно, измѣнившееся положеніе турецкихъ дѣлъ, но не менѣе побудительную причину усматриваетъ туркофильскій корреспондентъ и въ совершенно различномъ характерѣ просьбы о фирманѣ въ обоихъ случаяхъ. Онъ, какъ кажется, считаетъ ошибкой что при вторичной послышкѣ флота Англіійское правительство хотѣло лишить эту мѣру всякаго характера враждебности къ Россіи, объявивъ что она принимается единственно для огражденія британскихъ подданныхъ. Въ первомъ случаѣ дѣло было совсѣмъ иначе, и въ требованіи фирмана вовсе не значилось огражденіе жизни и собственности британскихъ подданныхъ, а разумѣлось „огражденіе британ-

скихъ интересовъ коимъ угрожало движеніе русскихъ войскъ.“ Оттого де Турки тогда и поспѣшили выдать фирманъ, еще удерживая въ своихъ рукахъ Дунайскія крѣпости и оборонительныя линіи Константинополя, и въ надеждѣ что появленіе англійскаго флота придастъ новую бодрость ихъ оборонѣ. При вторичномъ же требованіи фирмана Порты уже потеряла свои послѣднія позиціи и покорилась. Однако, корреспондентъ *Times* полагаетъ что даже въ эту минуту, еслибы только Англія, а съ нею какая-либо другая держава смѣло потребовали отъ Порты доступа въ Константинополь „для огражденія европейскихъ интересовъ,“ она можетъ-быть, подобно утопающему, ухватилась бы за соломинку, даже съ рискомъ занятія Русскими столицы. Но было бы слишкомъ много требовать отъ нея, заключаетъ корреспондентъ, чтобъ она подверглась этому риску за дозволеніе державамъ охранять своихъ подданныхъ. Въ этомъ требованіи она скорѣе де видѣла расположеніе не выручить ее изъ отчаяннаго положенія, а усилить ея опасности. Выдача фирмана въ этомъ случаѣ была бы безмолвнымъ признаніемъ что такое огражденіе дѣйствительно требуется въ интересѣ иностранныхъ подданныхъ, и дала бы предлогъ для военнаго занятія столицы на неопредѣленное время. Взглядъ этотъ не лишень правдоподобія при настоящихъ обстоятельствахъ, и такое настроеніе Турокъ было бы намъ еще болѣе на руку для противодѣйствія махинаціямъ Англичанъ посредствомъ занятія Галлиполи, чѣмъ Порты вовсе бы не встревожилась лишь бы только избавить отъ того свою столицу. Отмѣтимъ еще одно. Англіійское правительство, судя по нѣкоторымъ намекамъ газетъ, усиленно хлопочетъ заручиться союзомъ Австріи. Но какъ ни естественно влеченіе этихъ державъ другъ къ другу, — обѣ онѣ досадуютъ на успѣхи Россіи и всячески ищутъ ослабить ихъ результаты, — сѣтъ признаки что эти будущіе союзники противъ насъ не довѣряютъ другъ другу. Извѣстія англійскихъ корреспондентовъ изъ Константинополя свидѣтельствуютъ что ихъ дружное дѣйствіе никакъ не можетъ состояться, несмотря на всѣ хлопоты Лейярда. Недовѣріе обоюдное, но по различнымъ причинамъ. Въ Австріи не увѣрены въ серіозности приготовленій Англіи къ дѣйствію и сомнѣваются въ со-

стоянія ли союзъ съ Англіею дать Австріи тѣ выгоды какихъ она разчивала достигнуть не выступая рѣшительно противъ Россіи. Говорили даже будто принятая въ послѣднее время Англіею воинственная осанка (что въ лондонской сатирической газетѣ *Полешинель* изображено въ видѣ осла надѣвшаго львиную шкуру) была принята именно съ цѣлью ободрить Австрію и убѣдить ее въ серьезности англійскаго рычання. Но и въ самой Англіи, съ другой стороны, многіе весьма сомнительно смотрятъ на возможность союза съ Австріею, не полагаясь на внутреннюю силу этой имперіи. Въ особенности либеральная оппозиція, хотя и пріостановила противодѣйствіе политикѣ кабинета лорда Беконсфильда, стоитъ теперь на томъ что Англія лучше можетъ отстоять свои интересы одна чѣмъ въ союзѣ съ Австріею, указывая при томъ что и интересы обѣихъ странъ не однородны. Въ полученномъ сегодня номерѣ *Daily News* читаемъ: „Только въ минуты умственного затмѣнія и замѣшательства могла появиться мысль о союзѣ съ Австріею. Ни одно благоразумное правительство не станетъ искать опоры себѣ въ союзѣ съ такимъ государствомъ. Это несчастная держава, — несчастная въ своей послѣдней исторіи, въ составѣ своихъ элементовъ, а особенно въ невозможности такъ вести свои дѣла чтобы пользоваться живыми силами вѣка. Ея народы — за исключеніемъ, и то сомнительнымъ, „Мадьяръ — не желаютъ войны съ Россіею. „Отъ бѣдствій войны Австрія довольно пострадала въ послѣднія двадцать лѣтъ, и „пора ея правительству стать осторожнымъ „и благоразумнымъ.“

№ 38.

Москва, 8-го февраля.

Политическая проволока телеграфа чуть не весь день нынче была занята у насъ передачей рѣчи князя Бисмарка произнесенной въ Германскомъ Имперскомъ сеймѣ. Она была сообщена намъ въ семи продолженіяхъ, и кажется вполне, такъ что едва ли придется намъ еще разъ воспроизводить ее изъ берлинскихъ газетъ которыя придутъ дня черезъ два.

Рѣчь не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы насъ поразить нежи-

данностью. Такіе политики какъ германскій имперскій канцлеръ не прибѣгаютъ къ парламентской трибунѣ для достиженія какихъ-либо серьезныхъ цѣлей, и мы охотно ему вѣримъ что онъ вовсе не желалъ и не вызывалъ того спроса который послужилъ поводомъ къ его рѣчи и придалъ ей особенное значеніе въ глазахъ публики. Но если князь Бисмаркъ не раскрывалъ никакихъ тайнъ дипломатіи и не сказалъ ничего такого о чемъ нельзя было бы догадываться по общему ходу дѣлъ, то съ другой стороны должно отдать ему справедливость что онъ не *умиляетъ* ограничиваться словами безъ содержанія. Въ извѣстномъ смыслѣ рѣчь его отличается искренностью и прямою, и эти качества нельзя не признать и за послѣднею его манифестаціею. Князь Бисмаркъ въ сущности лишь повторилъ то что онъ еще въ самомъ началѣ восточныхъ замѣшательствъ выставилъ какъ руководящее правило германской политики: полное воздержаніе отъ всякаго вмѣшательства до тѣхъ поръ пока для Германіи не представятся какіе-либо существенные интересы, какими она не можетъ признать для себя дѣла на Востокѣ. Князь Бисмаркъ отказывается за Германію отъ роли третейскаго судьи коему принадлежало бы послѣднее рѣшающее слово въ возникшихъ и предвидимыхъ имъ взаимныхъ пререканіяхъ. Ему не улыбается то что такъ было заманчиво для Наполеоновъ. Доколѣ Германія не имѣетъ непосредственныхъ интересовъ въ дѣлѣ, онъ не хочетъ принимать въ немъ никакого рѣшающаго участія.

Отдавая справедливость этой трезвой политикѣ германскаго канцлера, мы можемъ лишь пожалѣть о томъ что Германія не имѣла повидимому повода отступать отъ этого взгляда за все то время которое прошло послѣ рѣчи Бисмарка по восточнымъ дѣламъ произнесенной годъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ многое совершилось. Россія цѣною геройскихъ усилій ея сыновъ и великихъ жертвъ достигла великихъ результатовъ. Результаты были бы можетъ-быть болѣе рѣшительны и во всякомъ случаѣ наступили бы ранѣе и цѣною менѣе тяжкою еслибы не приходилось вѣдаться съ притязаніями прямо ей враждебными, но облеченными въ форму „дружественныхъ напоминаній.“ Германія была и остается единственною державою коей

интересы ни въ чемъ не сталкивались съ интересами Россіи; но чтобъ ея отношеніе къ восточнымъ дѣламъ не было безучастнымъ и не ограничивалось только платоническимъ сочувствіемъ, требовалось чтобы солидарно съ этими дѣлами возникъ для нея одинъ изъ тѣхъ жизненныхъ интересовъ, о которыхъ князь Бисмаркъ говорить въ заключеніе и своей рѣчи. Германія, замѣтилъ князь Бисмаркъ, не можетъ и не должна рисковать какою-либо войной кромѣ войны для поддержанія ея независимости извнѣ и ея единства внутри. Но князь Бисмаркъ не утверждаетъ чтобъ онъ считалъ задачу свою поконченною и чтобы Германской имперіи не оставалось ничего болѣе предпринять для завершенія и упроченія зданія основаннаго войнами 1865 и 1870 годовъ. Сверхъ того, у Германіи есть свой недругъ противъ котораго ея руководящій министръ нашелъ вынужденнымъ поднять „титанскую“ борьбу, исходъ которой еще неизвѣстенъ: мы говоримъ о борьбѣ съ папскою куріей и съ притязаніями католической церкви. Этотъ недругъ есть вмѣстѣ и недругъ Россіи. А гдѣ есть общій врагъ, тамъ дана и общая почва для сближенія взаимныхъ интересовъ...

Между тѣмъ, въ рѣчи князя Бисмарка проглянулъ въ одномъ мѣстѣ косвенный упрекъ указывающій на то что мы не только ни въ чемъ не сталкивались съ Германіей, но какъ бы чуждались и устранились ея. Князь Бисмаркъ вчера только получилъ обнародованные въ воскресенье официальные документы относящіеся до этого предмета, и ему знакомо было содержаніе этихъ документовъ „лишь благодаря любезности другихъ правительствъ.“

Интересно сопоставить это указаніе князя Бисмарка съ замѣчаніемъ высказаннымъ еще въ прошедшій четвергъ берлинскою *Национальною Газетой*. Возражая нѣкоторымъ петербургскимъ газетамъ предлагавшимъ Германіи роль третейскаго судьи въ возникшихъ между Россіей и другими державами пререканіяхъ и употребляя выраженія которыя во многомъ совпадаютъ съ замѣчаніями князя Бисмарка, упомянутая газета замѣчаетъ слѣдующее: „Если „хотятъ чтобы Германія стала на сторону Россіи въ томъ положеніи которое она „сама создала своими послѣдними требованіями и рѣшеніями, то спрашивается „что же было сдѣлано со стороны Петер-

„бурга въ теченіе послѣдней, столь полной знаменательными событіями недѣли, „чтобы вполне заручиться содѣйствіемъ „Германскаго правительства?... Изъ от- „дѣльныхъ отрывочныхъ извѣстій, здѣсь „и тамъ проникшихъ въ печать, оказы- „вается даже то что въ Вѣнѣ и Лондонѣ „знали каждый разъ больше нежели въ „здѣшнихъ обыкновенно столь свѣдущихъ „кругахъ.“ Далѣе та же газета замѣчаетъ что ни одна изъ прежнихъ рѣчей князя Бисмарка не давала повода предполагать что „Россія имѣетъ вексельный бланкъ Германіи“ на ея дружественное содѣйствіе даже въ такихъ затрудненіяхъ которымъ Германія не причастна. Это замѣчаніе берлинской газеты мы привели лишь потому что оно служитъ какъ бы комментариемъ къ указанному мѣсту въ рѣчи князя Бисмарка.

Какъ фактъ доселѣ совершенно неизвѣстный, особеннаго вниманія въ рѣчи князя Бисмарка заслуживаетъ указаніе на то что онъ, князь Бисмаркъ, потребовалъ председательства Германіи на конференціи въ томъ случаѣ если она соберется въ нѣмецкомъ городѣ. Германія однако довольствуется тѣмъ что это право было за нею признано въ принципѣ, а воспользуется ли имъ на дѣлѣ, это еще вопросъ нерѣшенный.

№ 39.

Москва, 9-го февраля.

А.

6-го февраля возвратился въ Петербургъ Августѣйшій Предводитель Руцукскаго отряда Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ и командиръ причисленнаго къ нему 12 корпуса, Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Населеніе столицы восторженно встрѣтило Ихъ. Радостно откликнется и вся Россія на привѣтъ столицы Августѣйшимъ Полководцамъ, которые въ теченіи семи мѣсяцевъ стояли на стражѣ дѣйствующей Арміи и отражая ожесточенные удары главныхъ силъ непріятеля облегчили другимъ нашимъ войскамъ возможность совершить тѣ безпримѣрные подвиги которыми справедливо гордится весь народъ Русскій.

Тяжела была задача Руцукскаго отряда въ продолженіи этихъ семи мѣсяцевъ, велика была отвѣтственность его Началь-

ника, хорошо сознававшего что малѣйшая ошибка могла имѣть пагубныя послѣдствія...

Исторія разкажетъ подробности тяжелыхъ испытаній, лишеній и геройскаго напряженія силъ, при которыхъ Руцукскому отряду удалось исполнить свое дѣло до конца; но и теперь можно, по крайней мѣрѣ, намѣтить моменты оказанныхъ имъ незабвенныхъ заслугъ.

25-го іюня войска Руцукскаго отряда безъ боя заняли линію Янтры. Самое названіе приданное отряду, первоначально состоявшему всего изъ двухъ корпусовъ, указывало на задачу которую предстояло ему разрѣшить въ первый періодъ кампаніи. Но обстоятельства измѣнились, наступательное движеніе за Балканы должно было пріостановиться, на правомъ флангѣ у нихъ неожиданно выросла Плевна, и при новомъ поворотѣ военныхъ дѣйствій Руцукскому отряду пришлось стать щитомъ нашихъ главныхъ силъ, щитомъ который прикрывалъ ихъ отъ увлеченнаго мнимымъ успѣхомъ непріятеля, и далъ возможность 28 ноября блистательно покончить съ гнѣздомъ сопротивленія.

„Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается,“ говоритъ русская пословица. Войскъ двинутыхъ первоначально на театръ войны оказалось слишкомъ мало, попытки овладѣть Плевной поглощали подходившіе резервы, удѣлять войска на линію Янтры было невозможно, а между тѣмъ положеніе дѣлъ на этомъ пунктѣ становилось день ото дня труднѣе. Чтобы взять укрѣпленную позицію прежде всего надо разбить армію которая назначается для выручки. Въ данномъ случаѣ исполнить это правило было совершенно невозможно въ виду особенныхъ условій въ которыхъ дѣйствовалъ противникъ, опиравшійся на Четырехугольникъ первоклассныхъ крѣпостей; оставалось только задерживать его натискъ и отнимать у него надежду поспѣть во время къ стѣсненной арміи Османа. Но и этотъ способъ дѣйствій былъ чрезвычайно труденъ въ виду неравномерности боровшихся силъ. На протяженіи семидесяти верстъ отъ береговъ Дуная до предгорія Великихъ Балканъ разбросанъ былъ 60-тысячный отрядъ, тянувшійся по линіи Кара Лома и почти лишенный резервовъ, имѣя противъ себя 100-тысячную армію предводимую опытнымъ начальникомъ и опирающуюся на первоклас-

сныя крѣпости. Армія эта могла броситься на любой изъ пунктовъ нашей линіи. Въ такихъ обстоятельствахъ полагаться исключительно на храбрость и самоотверженіе своихъ солдатъ было бы жестоко; слѣдовало пользоваться всѣми способами военного искусства, не пренебрегая ничѣмъ. Очевидцы единогласно свидѣствуютъ о превосходныхъ мѣрахъ предосторожности принятыхъ въ Руцукскомъ отрядѣ, тылъ коего былъ укрѣпленъ еще сильнѣе чѣмъ передовыя позиціи, о благоустройствѣ и порядкѣ на всемъ пространствѣ ея расположенія. Только благодаря образцовой предусмотрительности, сентябрьская попытка Мегемета-Али окончилась 9 сентября неудачно при Чаркіюфъ (Церковнѣ) и вынудила благоразумнаго сердарь-экрема къ немедленному отступленію. Дѣло это было блистательное не столько по количеству сражавшихся сколько по своимъ послѣдствіямъ, и займетъ одну изъ почетнѣйшихъ страницъ въ исторіи настоящей войны. Благодаря твердости и стойкости малочисленнаго отряда, при прочной связи съ виду разрозненныхъ частей, мы выгадали время въ которое успѣла подойти гвардія и гренадеры, завершившіе обложеніе Плевны. Уже теперь, на основаніи немногихъ извѣстныхъ данныхъ, достаточно явствуетъ что бой при Церковнѣ заключилъ собою самый тяжкій и мучительный періодъ дѣйствій Руцукскаго отряда.

Придавалъ борьбѣ въ Четырехсторонникѣ первоклассное значеніе, сознавая что отъ дѣйствій въ этомъ укрѣпленномъ пространствѣ значительно зависитъ весь исходъ обороны, Турки замѣнили благоразумнаго Мегемета-Али бѣшенымъ Сулейманомъ. Всѣмъ было ясно что назначеніе этого безумнаго героя Шипки было предзнаменованіемъ фанатическихъ усилій, и что послѣдуютъ отчаянныя попытки къ которымъ было необходимо изготovitъ. Начинался второй періодъ дѣйствій для Руцукскаго отряда, все еще слабаго и числомъ, и протяженіемъ своей диспозиціи. Плевна считала свое существованіе уже не мѣсяцами, а недѣлями; но удайся Туркамъ прорвать нашу линію на Янтрѣ, удайся имъ появиться на лѣвомъ берегу этой рѣки, наши знамена не развѣвались бы теперь въ Адрианоуполѣ.

Сулейманъ сказался скоро. Измѣнивъ планъ своего предшественника и отказавшись отъ мысли дѣйствовать на центръ Руцукскаго отряда, онъ избралъ обѣск-

томъ своихъ дѣйствій лѣвый флангъ, сила съ прорваться на линію нашихъ сообщеній которыя такъ доблестно охранялъ корпусъ Великаго Князя Владиміра Александровича. Кровопролитные бои 14 и 30 ноября уничтожили послѣднія надежды непріятеля, а между тѣмъ охраняемая Русскими отрядомъ армія подъ Плевной кончила свое дѣло, полонивъ Османа съ остатками его арміи.

Б.

„Habemus Papam!“ провозгласилъ вчера, въ четверть втораго, кардиналъ-дьяконъ съ большаго балкона надъ вратами Ватикана, и затѣмъ новизбранный двѣстисемьдесятъ-пятый „намѣстникъ св. Петра,“ бывшій кардиналъ Печчи (родился въ 1810 году, въ Карпанетто, въ Италіи), ставшій папой Львомъ XIII, преподалъ народу свое благословеніе. Еще задолго до кончины Пія IX волновалъ всѣхъ вопросъ: „кто будетъ новымъ папой?“ — разрѣшенъ. Событіе крупное не для одного католическаго міра, особенно въ виду борьбы поднятой предшественникомъ настоящаго папы съ государствомъ. Пойдетъ ли Левъ XIII по слѣдамъ своего предшественника или мудрою умѣренностью утишитъ кризисъ? Будущаго предрѣшать не слѣдуетъ. Примѣръ Пія IX да послужитъ предостереженіемъ. Но сколько позволяетъ заключать прошлое кардинала Печчи, его избраніе въ папу есть побѣда *умѣренной* партіи. Весьма компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, изучившій въ непосредственной близи Римскую іерархію, Руджеръ Бонги, въ своемъ недавнемъ сочиненіи: *Пій IX и будущій папа*, поставилъ кардинала Печчи первымъ кандидатомъ на папство, — и вотъ не ошибся. Бонги свидѣтельствуетъ что кардиналъ Печчи, будучи архіепископомъ Перуджіи, умѣлъ всегда соблюдать добрыя отношенія къ Италіянскому правительству, и что онъ считается однимъ изъ лучшихъ умовъ кардинальской коллегіи. Онъ человѣкъ ученый и былъ превосходнымъ правителемъ своей епархіи. По своему положенію въ партіяхъ онъ принадлежитъ къ правому крылу умѣренныхъ (*moderati*). Замѣтимъ что послѣдняя причина могла подкупать Руджера Бонги, который былъ творцомъ закона о „гарантіи“ и всегда являлся горячимъ приверженцемъ соглашенія папства

съ новымъ Италіянскимъ королевствомъ. Впрочемъ, не онъ одинъ такого мнѣнія о новомъ папѣ. Онъ уже давно въ общемъ былъ мнѣніи *parabilis* (то-есть способнымъ стать папой).

Нѣкоторые думали, когда Пій IX послѣ 30-лѣтней немилости приблизилъ кардинала Печчи къ себѣ и сдѣлалъ его кардиналомъ-камерлингомъ что это обстоятельство уменьшитъ шансы Печчи на избраніе въ папы. Но вѣроятно потому что онъ не долго былъ въ званіи кардинала-камерлинга, этого не случилось. Какъ видно изъ телеграммы, при послѣднемъ *скрутиніи*, то-есть при выниманіи изъ чаши билетовъ съ именами кандидатовъ, Печчи получилъ 36 голосовъ и ему не доставало еще 5 до законныхъ, двухъ третей, но кардинальская коллегія уже не пожелала повторять опыта, и опустила предъ нимъ на колѣна.

№ 40.

Москва, 10-го февраля.

Англійскій флотъ въ Гибралтарѣ, какъ сообщаютъ телеграфныя извѣстія, отплылъ оттуда съ запечатанными инструкціями на Востокъ. Это новое усиленіе и безъ того уже почтенной англійской эскадры въ водахъ Леванта, полагаемъ, даже газетѣ *Times* трудно будетъ истолковать въ „дружественномъ“ смыслѣ. На шумные крики о воинственныхъ приготовленіяхъ Англіи не стоить обращать большаго вниманія, но иное дѣло мѣры втихомолку и дружески ею принимаемыя. Не доброе чутся въ нихъ. Ея угрозы нечего страшиться, но нельзя не опасаться или дерзкаго захвата, какихъ не мало въ исторіи Англіи, или зловредныхъ помѣхъ въ нашихъ переговорахъ съ Турками. Въ то время какъ мы такъ благодушно внимаемъ придирамъ англійской дипломатіи къ тому что мы де пришли въ слишкомъ опасное сосѣдство съ пунктами имѣющими „европейскій“ интересъ; въ то время какъ взываютъ къ намъ чтобы мы постарались внушить къ себѣ довѣріе, Англійское правительство отнюдь не руководится въ собственныхъ дѣйствіяхъ такими идеальными соображеніями, и не тревожась тѣмъ довѣряютъ ли ему или нѣтъ поступаетъ такъ что всѣ его дѣйствія изобличаютъ намѣреніе, по англійскому выраженію, *to steel a march*

upon the adversary, — то есть выгадать ходъ у противника, упредить его. И пока занимаютъ насъ пререканіями о томъ какъ бы намъ разсѣять неосновательныя противъ насъ подозрѣнія, пока эти господа намъ сладкозвучно напѣваютъ что въ то же время всѣ дѣйствія Англіи должны быть толкуемы въ самомъ дружескомъ смыслѣ, Англіійскій флотъ преспокойно остается въ Мраморномъ Морѣ, въ виду Константинополя, два броненосца стерегутъ тылъ его у Дарданеллъ, остальные суда стоятъ тутъ же подъ бокомъ въ Бизикѣ, да къ нимъ еще движутся подкрѣпленія, и глядь, — не сегодня завтра — мы пожалуй увидимъ что Англичане подъ носомъ у насъ займутъ Галлиполи. Дождаться ли этого событія которому пожалуй тоже захотятъ дать дружеское истолкованіе?...

Между тѣмъ, присутствіе англійскаго флота въ Мраморномъ Морѣ уже имѣло одно весьма неблагоприятное для насъ послѣдствіе, которое можно было бы предусмотрѣть съ самаго начала. Турки пріобрѣли и начинаютъ находить какія-то затрудненія для заключенія мира. Несмотря на то что они приняли безусловно основанія мира одновременно съ подписаніемъ перемирія, теперь они начинаютъ торговаться объ условіяхъ мира, и даже снаряжаютъ для этой цѣли слезливаго Намыкъ-Пашу въ Петербургъ. Удивляться этому особенно нечего, хотя Турціи, въ ея настоящемъ положеніи, казалось бы нѣтъ расчета разрывать перемиріе для возобновленія борьбы. Турція вынуждена была покориться на волю побѣдителя; она разочаровалась въ своихъ доброжелателяхъ. Но вотъ обстоятельства перемирія, и хотя она очень хорошо знаетъ что Англія заботится только о себѣ; однако Порты можетъ въ крайности возымѣть надежду спасти что-нибудь изъ потеряннаго благодаря соперничеству державъ. Это ея послѣдній шансъ, и удивляться можно было бы скорѣе въ томъ случаѣ еслибы турецкіе министры не попытались этимъ шансомъ воспользоваться. И въ этомъ случаѣ можно напередъ имѣть увѣренность что ихъ несговорчивость будетъ возрастать по мѣрѣ того какъ они будутъ видѣть что Англичане усиливаютъ свою позицію, а мы остаемся на своемъ мѣстѣ, ограничиваясь словесными пререканіями по поводу дѣйствій Англіи, но не

принимая сами никакихъ мѣръ предосторожности въ отвѣтъ на ея шаги.

Объясненіе этого поворота въ настроеніи Турокъ находимъ въ любопытныхъ свѣдѣніяхъ которыя передаетъ парижскій корреспондентъ газеты *Times* въ ея послѣднемъ номерѣ, и за достовѣрность которыхъ онъ ручается, такъ какъ они получены имъ отъ одного пріятели, „пользующагося официальнымъ довѣріемъ въ Константинополѣ.“ Пріятель этотъ пишетъ что до 14-го (2-го) февраля, вечеромъ, можно было еще опасаться что Турки станутъ стрѣлять по англійскому флоту еслибъ онъ продолжалъ настаивать на проходѣ чрезъ Дарданеллы вопреки протесту. Турки были въ крайне затруднительномъ положеніи, они были раздражены противъ Англіи и не довѣряли ей, но также чувствовали себя совершенно въ рукахъ Россіи. Къ тому же и при дворѣ была де сильная русская партія, главнымъ представителемъ которой былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Серверъ-паша. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, по словамъ пріятели англійскаго корреспондента, все дѣло было направлено ловкостью англійскаго посла который сумѣлъ сохранить положеніе въ одно и то же время твердое и примирительное. Что же именно онъ сдѣлалъ? Вотъ какъ пишетъ объ этомъ упомянутый „пріятель.“ „Онъ „(англійскій посолъ) принужденъ былъ увѣрить Порту что флотъ прибудетъ не исключительно для охраны британскихъ интересовъ, а также ради турецкихъ; „то же увѣреніе было уже дано Мусурусъ-пашѣ лордомъ Дарби и телеграфировано Портѣ. Почти весь остальной день „(14-го февраля), до самой полуночи, прошелъ въ самыхъ тревожныхъ переговорахъ, и наконецъ Порту убѣдили отказаться отъ угрозы стрѣлять по флоту и „дать ему пройти, хотя бы подъ сильнымъ протестомъ.“ Далѣе эти витимныя свѣдѣнія гласятъ что Порты въ сущности и не могла поступить иначе, такъ какъ де она знала что адмиралъ Горнби навѣрное силой проложитъ бы себѣ путь еслибы нельзя было иначе, хотя, съ другой стороны, она „обязана была сдѣлать сильныя увѣщанія противъ забѣга англійскаго флота чтобъ успокоить Россію, которой она (тогда) сильно опасалась.“ Въ заключеніе пріятель корреспондента, для его свѣдѣнія, сообщаетъ что при этихъ переговорахъ англійскою партіей руково-

дилъ Саидъ-паша, которому де англійская нація обязана великою благодарностью. Все это весьма интересно, но интереснѣе еще замѣчаніе что хотя адмиралу Горнби, какъ полагали, и данъ былъ приказъ употребить силу не болѣе чѣмъ сколько абсолютно нужно чтобы проложить себѣ путь, однако была опасность что простой обмѣнъ выстрѣловъ могъ бы вызвать войну между Англійей и Турціей въ союзѣ съ Россіей.

Теперь, какъ видно, эта опасность для Англии устранилась, но за то Турція ободрилась надеждой на поддержку Англии. Пожалуй, придется намъ дожидаться что, вмѣсто протеста, Порты дастъ свое согласіе на занятіе Англичанами Галлиполи...

Но вотъ сейчасъ получили мы черезъ Вольфа телеграмму изъ Лондона о раскрытіяхъ и объясненіяхъ происходившихъ тамъ въ палатѣ лордовъ. Прочтенная графомъ Дарби переписка его съ княземъ Горчаковымъ произвела въ палатѣ пріятное впечатлѣніе. Лорды остались довольны. Беконсфильдъ торжествуетъ, осыпанный изъявленіями одобренія.

№ 41.

Москва, 11-го февраля.

Сообщенія парижскаго корреспондента *Times*, со словъ одного его стамбульскаго пріятели, о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ прохода англійскаго флота чрезъ Дарданеллы, которыя мы привели вчера, вполне подтверждаются въ полученномъ сегодня номерѣ *Times* специальнымъ константинопольскимъ корреспондентомъ этой газеты, съ разницей только въ числахъ. 9 февраля, сообщаетъ корреспондентъ, англійское посольство въ Константинополѣ впервые узнало о предстоящемъ прибытіи флота, и тотчасъ озаботилось мѣрами къ его принятію; но къ удивленію своему адмиралъ Горнби узналъ что командиры Дарданелльскихъ фортовъ не получали приказаній пропустить флотъ, вслѣдствіе чего потребовались новыя сношенія. Между тѣмъ, въ Константинополѣ господствовало величайшее возбужденіе, въ особенности когда на другой день населеніе высыпало посмотреть на прибытіе флота. Живущіе тамъ Англичане чувствовали себя въ смѣшномъ положеніи когда было объявлено

что флотъ повернулъ назадъ въ Безикскую бухту. Два дня англійскій посолъ напрасно хлопоталъ о полученіи фирмана, и такъ и не добился; но 12-го пришла телеграмма отъ лорда Дарби съ приказаніемъ флоту войти въ Мраморное Море хотя бы безъ дозволенія. Положеніе стало еще тревожнѣе, такъ какъ Порты рѣшилась стрѣлять по англійскимъ кораблямъ, и только къ полуночи этого дня усилія англійскаго посла, при помощи морскаго министра Саидъ-паши, успѣли убѣдить Порту чтобы она ограничилась только протестомъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ совершилось вторженіе англійскаго флота въ Мраморное Море. Въ вѣрности этихъ свѣдѣній сообщаемыхъ изъ различныхъ источниковъ въ англійскія газеты нѣтъ повода сомнѣваться. Англійское правительство, рѣшивъ чтобы его флотъ сталъ въ виду Константинополя, ни у кого не спрашивало позволенія, не освѣдомлялось будетъ ли это кому пріятно или непріятно; оно поступило по своему изволенію, а потомъ, по совершившемся фактѣ, охотно завязало переговоры, но не въ оправданіе себя, а для вящаго обезпеченія себѣ выгодъ сдѣланнаго дѣла.

Хотя все это случилось весьма не давно, но удостовѣрить фактъ не худо. Недавнимъ прошлымъ создано настоящее. Англійскій *fait accompli* имѣетъ большое значеніе для будущаго, и нужно намъ теперь же позаботиться чтобы не очутиться предъ новымъ *fait accompli*. Наглая быстрота съ какою все это совершилось усиливаетъ опасность. Мы замѣтили что Англійское правительство вступило въ переговоры по совершеніи факта, и исторія этихъ переговоровъ, какъ она представлена парламенту, весьма поучительна. Сдѣлавъ дерзкій шагъ, Англія не медля принялась хлопотать чтобы обезпечить себя отъ послѣдствій. Не оправдываться стала она, а требовать чтобы мы не смѣли, вслѣдствіе прорыва ея флота чрезъ Дарданеллы, занять Галлиполи и линіи Булаира. На какомъ основаніи Англія потребовала этого? На томъ что занятіе нами Галлиполи можетъ быть опасно для Англійскаго флота который прибылъ угрожать и вредить намъ!! Въ сѣни вашей квартиры врывается съ недружелюбными намѣреніями вооруженный челоуѣкъ и требуетъ чтобы вы не вздумали принять мѣры которыя помѣша-

ли бы ему броситься на васъ! Вотъ вѣрная иллюстрація англійскихъ переговоровъ, и безстыжею уловкой своей дипломатіи Англія, какъ видно добилаь своего. Ей удалось выговорить что мы не станемъ занимать ни Галлиполи ни Булаира. Взамѣнъ того Англія утѣшаетъ насъ что и она не высадитъ тамъ войскъ, лишь бы только наши войска держались на почтительномъ разстояніи отъ линій Булаира и не мѣшали англійской армадѣ вторгаться въ заповѣдныя воды. Впрочемъ, Галлиполи заняты турецкими войсками которыя, и безъ помощи мизернаго англійскаго десанта, но при содѣйствіи англійскаго флота, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, могутъ оказать препятствіе котораго мы бы не встрѣтили занявъ этотъ пунктъ заблаговременно.

А это возобновленіе отнюдь не есть невозможность. Правда, нами заняты такія позиціи которыя могутъ угрожать турецкой столицѣ. Но Порта вѣдь почти въ такомъ положеніи что ей терять нечего, внезапное же появленіе англійскаго флота въ Мраморномъ Морѣ не могло не ободрить Порту. Иной духъ повѣялъ уже въ турецкихъ сферахъ чѣмъ за недѣлю предъ тѣмъ, и прежде всего онъ сказался неожиданнымъ увольненіемъ прежняго министра иностранныхъ дѣлъ Серверъ-пашы, того самага который былъ такъ раздраженъ противъ англійской политики, впутившей его страну въ бѣдственную войну, — увольненіе немедленно послѣ подписанія имъ условій перемирія, и назначеніе на его мѣсто для переговоровъ Савфета, того самага который показалъ себя такимъ упрямымъ на Константинопольской конференціи. Ахметъ-Тевфикъ, назначенный первымъ министромъ, взамѣнъ упраздненной должности великаго визиря, также считается ревностнымъ сторонникомъ англійской политики, и назначеніе его приписываютъ вліянію Леярда. При такой обстановкѣ переговоры легко могутъ затянуться, а тѣмъ временемъ Турки могутъ стянуть войска для послѣдней, хотя бы отчаянной попытки сопротивленія, въ ободряющемъ присутствіи англійскаго флота.

Все это заставляетъ подумать о нашей безопасности. Цѣль присутствія англійскаго флота вовсе не платоническая, и не одну защиту Константинополя онъ имѣетъ въ виду. Дѣло флота не съ арміями вое-

вать, а дѣйствовать въ своей стихіи, и англійская печать не смущаясь объясняетъ что цѣль его отправки въ Проливы была та чтобъ имѣть возможность открытаго сообщенія съ Чернымъ Моремъ. Не стѣсняясь указывать и на то что это желаніе было вызвано именно тѣми условіями нашего перемирія которыя обезпечили нашъ тылъ очищеніемъ Дунайскихъ крѣпостей и занятіемъ двухъ-трехъ приморскихъ пунктовъ въ Болгаріи и Румеліи. Слѣдовательно, присутствіемъ англійскаго флота въ Босфорѣ имѣется въ виду парализовать выгоду этихъ условій для насъ. Наконецъ, еслибъ англійскіе броненосцы и не вошли въ Черное Море, не слѣдуетъ забывать что туда можетъ войти и уже тамъ находится турецкій флотъ, который, въ случаѣ не невозможнаго возобновленія военныхъ дѣйствій, будетъ все равно что англійскій подъ командой англійскихъ офицеровъ.

Если англійскій флотъ не только не удался изъ Мраморнаго Моря, но еще обезпечилъ свои сообщенія чрезъ Дарданеллы, безъ чего онъ былъ бы все равно что въ клѣткѣ, то намъ остается теперь ограждать себя только занятіемъ Босфора...

Б.

Въ полученномъ сегодня номерѣ *Политической Корреспонденціи* находимъ письмо изъ Константинополя, отъ 10-го февраля, которое подтверждаетъ и вмѣстѣ значительно дополняетъ картину набросанную корреспондентомъ *Times*. Изъ этого письма, писаннаго за нѣсколько дней до вступленія флота, мы узнаемъ каково было настроеніе въ константинопольскихъ руководящихъ сферахъ прежде чѣмъ дерзкій шагъ Англіи возстановилъ то обаяніе которое она утратила тамъ послѣ рѣшительныхъ и энергическихъ дѣйствій Россіи, сказавшихся и въ условіяхъ перемирія.

Корреспондентъ вѣнскаго листка придаетъ большое вѣроятіе общему мнѣнію господствовавшему въ то время въ Константинополѣ что кромѣ обнародованныхъ документовъ о перемиріи и основаніяхъ мира былъ заключенъ еще тайный договоръ между Россіей и Турціей. Въ существованіи этого договора убѣжденъ де весь дипломатическій міръ Константинополя, и это убѣжденіе подтверждается де тѣмъ что вездѣ,

въ Адріанополѣ и на Дунаѣ, гдѣ только Русскіе и Турки официально соприкасаются, все улаживается какъ будто по какому-то уговору, который далеко не вездѣ совпадаетъ съ общеизвѣстными и обнародованными условіями. Такъ напримѣръ, указываетъ корреспондентъ, Дунайскія крѣпости продолжали оставаться въ рукахъ Турокъ, хотя по конвенціи о перемиріи Турки должны были приступить немедленно къ ихъ очищенію. Сверхъ того, Турками заняты еще нѣкоторые пункты на Дунаѣ. Словомъ, корреспондентъ весьма ясно намекаетъ что Турція будто бы вступила въ оборонительный союзъ съ Россіей и обязалась содѣйствовать намъ въ случаѣ нападенія со стороны на военное положеніе наше на Балканскомъ полуостровѣ. Тайный договоръ не ограничивается де и этимъ, и слѣдуетъ ожидать какихъ-то „неожиданностей относительно Египта.“ Само собою разумѣется что мы оставляемъ все это сообщеніе на отвѣтственности корреспондента. Оно имѣетъ лишь интересъ какъ указаніе на то какаѣ рѣзкая перемѣна произошла съ тѣхъ поръ какъ написана эта корреспонденція, перемѣна ознаменованная не только вступленіемъ британскаго флота въ Дарданеллы, но и паденіемъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Серверъ-паши и замѣной его Савфетъ-пашой. Въ то время когда писалъ корреспондентъ, вліяніе „русской партіи“ при дворѣ султана и стоявшаго во главѣ ея Серверъ-паши еще находилось въ возрастаніи, и корреспондентъ передаетъ очень интересный разговоръ, происходившій въ тѣ дни между Серверомъ и греческимъ банкиромъ Зарифи, „Эгеріей Порты въ финансовыхъ дѣлахъ.“ Зарифи выразилъ Серверъ-пашѣ свое удивленіе по поводу внезапной перемѣны въ политикѣ Порты. На это турецкій министръ отвѣтилъ слѣдующее: „Что же вы хотите? Европа покинула насъ по-слѣ того какъ она прямо и косвенно „подзадоривала насъ къ борьбѣ противъ „Россіи. Еслибы мы предвидѣли позднѣйшее поведеніе Европы, мы бы приняли „условія Лондонской конференціи. Теперь „же намъ ничего болѣе не остается какъ „кинуться въ объятія Россіи. Черезъ это „мы еще можемъ кое-чего достигнуть. Если „по этой причинѣ возникнутъ замѣшательства въ самой Европѣ, тѣмъ лучше! „Намъ терять болѣе нечего, и распря про- „изошла бы лишь по вопросу о нашемъ

„раздѣлѣ. Если же требованія Россіи не „встрѣтятъ противодѣйствія (что болѣе „вѣроятно), тогда мы прямо заинтересо- „ваны въ томъ чтобы примкнуть къ ней. „Россія еще нуждается въ насъ въ Евро- „пѣ; она предпочтетъ слабую Турцію на „Босфорѣ какому бы то ни было новому „государству поставленному подъ гарантію „Европы. Наше существованіе было до „сихъ поръ европейскою необходимостью; „теперь оно стало необходимостью для „Россіи.“

Этимъ соображеніями турецкій министръ мотивировалъ предъ своимъ собесѣдникомъ перемѣну происшедшую въ политикѣ Турціи, и окончилъ бесѣду слѣдующими словами: „Центръ тяжести турецкаго „существа отнынѣ перемѣстился въ Азію. Не „хотѣли оставить за султаномъ качество „европейскаго монарха; онъ останется, въ „качествѣ халифа, повелителемъ ста мил- „ліоновъ Азіятовъ. Въ качествѣ азіятской „державы Турція не можетъ желать для „себя лучшаго союзника какъ Россію, и „въ качествѣ такой державы у нея нѣтъ „болѣе большого противника какъ Англія. Въ „Европѣ мы въ ней нуждались, въ Азіи „она будетъ нуждаться въ насъ. Турецкій „султанъ есть религіозный глава большей „части англо-индійскихъ владѣній. Отны- „нѣ императрица Индійская и глава Ислама „стоятъ другъ противъ друга какъ со- „перники.“

Этой интересной программѣ вновь возникающаго политическаго положенія суждено было недолго господствовать въ нѣдрахъ Порты: какъ только удалось Англіи наложить руку на проливъ введеніемъ туда флота, декорачія перемѣнилась. Вмѣстѣ съ программой палъ и ея авторъ, и въ томъ же самомъ номерѣ *Политической Корреспонденціи* откуда мы заимствовали эту *profession de foi* Серверъ-паши встрѣчаемъ позднѣйшее телеграфное сообщеніе изъ Константинополя что переговоры о мирѣ, начавшіеся 16 февраля въ Адріанополѣ, „встрѣтили на самыхъ первыхъ порахъ весьма важныя затрудненія.“ На этомъ основаніи *Политическая Корреспонденція* находитъ „смѣшнымъ“ сообщеніе *Daily News*, которое было и намъ передано по телеграфу, будто окончательнаго подписанія мирнаго трактата между Россіей и Турціей слѣдовало ожидать въ среду 20 (8) февраля. *Agence Générale Russe*, отъ 21 (9) февраля, также замѣчаетъ что

сообщеніе *Daily News* не совпадает со свѣдѣніями полученными этимъ *Агентствомъ*, „свѣдѣніями указывающими что „Турки внезапно стали настолько же не-„сговорчивы, насколько они до сихъ поръ „были предупредительны.“

Agence Générale Russe предпосылаетъ этому сообщенію пространное разсужденіе меланхолическаго свойства, смыслъ котораго заключается въ томъ что Англія по видимому намѣренно ведетъ дѣло къ войнѣ. Въ этомъ можно де убѣдиться прослѣдивъ всю исторію восточныхъ затрудненій въ послѣдніе годы. Каждый разъ Англія неожиданнымъ образомъ разстраивала всѣ комбинаціи клонившіяся къ сохраненію мира, не обращая никакого вниманія на уступчивость обнаруженную по отношенію къ ея притязаніямъ Россіей. Такъ было де и въ прошедшее время. Заявивъ сначала въ самомъ парламентѣ что русскія условія мира и перемирія не затрогиваютъ тѣхъ пунктовъ кои намѣчены были Англіей какъ прикосновенные ея интересамъ, Англійскій кабинетъ внезапно опять сталъ обнаруживать тревогу и безпокойство. Вызванный на объясненіе, онъ заявляетъ что не можетъ не считать англійскихъ интересовъ угрожаемыми въ случаѣ занятія Галлиполи русскими войсками. „Опять ему дано полное удовлетвореніе,“ замѣчаетъ далѣе издаваемый въ Петербургѣ французскій листокъ: „можно было логически предположить что послѣ этого новаго доказательства уваженія (*déférence*) со стороны Россіи, Англія почтетъ „себя удовлетворенною. Ничуть; Англія все-„таки вступила въ Дарданеллы.“ Все это приводитъ петербургско-французскій листокъ къ убѣжденію что лордъ Беконсфилдъ увлекаетъ Англичанъ въ войну противъ Россіи; и листокъ предостерегаетъ „благоразумныхъ и умѣренныхъ“ въ Англіи людей, и совѣтуетъ имъ быть насторожѣ и имѣть въ виду что вмѣсто войны изъ-за Турціи дѣло можетъ дойти до войны съ Россіей изъ-за оскорбленнаго народнаго самолюбія и національнаго достоинства.

Французскій органъ издаваемый въ Петербургѣ удивляется воинственному задору Англіи, несмотря на уступчивость Россіи. Но не вѣрнѣ ли объяснять одно другимъ? И вмѣсто того чтобы предвѣщать Англичанъ противъ столкновенія съ Россіей „изъ-за оскорбленнаго національнаго до-

стоинства,“ къ коему влечетъ де ихъ лордъ Беконсфилдъ, не слѣдовало ли бы этому органу, все-таки слышущему офиціознымъ, прекратить свои расшаркиванья предъ Англіей и убѣдиться наконецъ что эти-то „знаки уваженія,“ не говоря уже объ ихъ неприличіи, болѣе всего содѣйствуютъ тому исходу который, по мнѣнію *Agence Russe*, есть замысль главы Британскаго кабинета?

№ 43.

Москва, 13-го февраля.

А.

Петербургскій литографированный листокъ, *Agence Générale Russe*, на основаніи новѣйшихъ извѣстій, сообщаетъ что переговоры о мирѣ приближаются къ концу. По словамъ телеграммы одной изъ англійскихъ газетъ, подписаніе договора ожидается даже сегодня. Будь это при обыкновенныхъ условіяхъ, намъ оставалось бы порадоваться скорому окончанію войны ознаменованной великими побѣдами, принудившими нашего противника покориться всѣмъ нашимъ требованіямъ. Чего же остается болѣе желать?

Но въ томъ то и бѣда что и войну мы вели, и миръ заключаемъ не при обыкновенныхъ условіяхъ. Не то заключенъ, не то нѣтъ. Между обоими противниками которые вели войну все будетъ кончено и подписано, а тотчасъ затѣмъ имѣетъ собраться конференція или конгрессъ гдѣ все начнется сызнова. Вѣдь не для праздної же болтовни измышлено это дипломатическое сонмище. Мы знаемъ что тутъ выступятъ стороны недовольныя нашими успѣхами. Въ ихъ глазахъ нашъ миръ не есть миръ окончательный; онъ полагаютъ что онъ можетъ подлежать измѣненіямъ, конечно не съ цѣлію возвысить цѣну нашихъ побѣдъ...

Англійскимъ правительствомъ только что обнародованъ „меморандумъ конфиденціальнаго разговора графа Шувалова съ лордомъ Дарби,“ происходившаго 8 іюня прошлаго года, слѣдовательно еще до перехода нашихъ войскъ за Дунай; и въ этомъ документѣ тогда уже были намѣчены всѣ требованія нынѣ предъявленные нами Портѣ: освобожденіе Болгаріи, вознагражденія Сербіи, Черногоріи и Румыніи, реформы

въ Босніи и Герцеговинѣ; было намѣчено даже возвращеніе части Бессарабіи уступленной въ 1854 году и Батума съ прилежащимъ округомъ. Наконецъ, въ этомъ меморандумѣ было упомянуто также и о необходимости измѣненія существующихъ постановленій о Пропливахъ, „составленныхъ въ духѣ недовѣрія и вражды къ Россіи,“ о необходимости такого измѣненія „которое обезпечило бы Черное Море отъ послѣдствій ненормальнаго и исключительнаго положенія Проливовъ.“ Россія изложила свою программу при самомъ началѣ войны, и умѣренность ея такъ велика что послѣ всѣхъ жертвъ, послѣ блистательныхъ успѣховъ и въ виду полного истощенія противника, она не измѣняетъ своихъ главныхъ требованій, хотя она напередъ предувѣдомляла, какъ это значится въ меморандумѣ, что требованія ея могутъ измѣниться „если ея войска будутъ принуждены перешагнуть за Балканы.“ Слѣдовательно, Европа была приготовлена къ усиленію русскихъ требованій съ ходомъ войны, а вмѣсто того требованія Россіи остаются въ сущности тѣ же. Нѣкоторое измѣненіе, хотя неизвѣстно еще въ какомъ размѣрѣ, можетъ теперь встрѣтиться относительно территориальнаго вознагражденія Россіи за войну въ Арменіи; но конечно не этотъ пунктъ всего болѣе смущаетъ нашихъ недоброжелателей, а совокупность нашихъ требованій и перемены производимыя ими въ цѣломъ составѣ Османской имперіи. Всѣ требованія эти, какъ теперь видно, давно были извѣстны, но тогда противъ нихъ не находили нужнымъ возражать, потому конечно что не вѣрили въ возможность столь быстрыхъ успѣховъ Россіи, а напротивъ предусматривали неудачи. Лордъ Дарби, какъ видно въ его депешѣ къ лорду Лофтусу, по поводу этого разговора ограничился только замѣчаніемъ, и то лишь въ смыслѣ своего личнаго мнѣнія, что „Турція едва ли согласится на предлагаемыя условія иначе какъ подъ абсолютнымъ давленіемъ необходимости.“ Но вотъ Турція вынуждена была согласиться, но требуется для окончательнаго заключенія мира конференція не участвовавшихъ въ войнѣ державъ...

По какой бы программѣ ни открылись совѣщанія этой конференціи, никакъ нельзя поручиться что на ней не могутъ быть затронуты всѣ пункты нашего мирнаго договора съ Турціей. Все что угодно можетъ

быть объявлено несоотвѣтственнымъ съ интересами той или другой державы. Компромисса тутъ быть не можетъ и торгъ будетъ односторонній: державы будутъ требовать только уступокъ отъ Россіи.

И вотъ на мирное совѣщаніе державъ идутъ съ угрозами и съ оружіемъ. Англійское министерство вытребовало себѣ у парламента военный кредитъ и ввело свой флотъ въ Проливы. Англія захватила себѣ такимъ образомъ гарантію; она обезпечила себѣ возможность ворваться и въ Черное Море. Примѣру ея теперь слѣдуетъ и Австрія, также рѣшившая потребовать отъ делегаціи обѣихъ половинъ монархіи кредитъ въ 60 милліоновъ чтобъ употребить ихъ на военные цѣли, въ случаѣ если австрійскіе интересы не будутъ уважены на конференціи. По слухамъ, въ Австріи уже начались и приготовленія къ мобилизаціи. Вотъ при какой обстановкѣ откроется будущая конференція. Стало-быть она можетъ (говоримъ только *можетъ*) привести къ новой войнѣ. Да это намъ прямо и говорятъ. Обращаемъ вниманіе на сегодняшнія телеграммы передающія отзывы англійской печати. Газета *Times* намъ такъ и объявляетъ что избѣгнуть новой войны Россія можетъ де только умѣренностью, то-есть отказомъ отъ своихъ требованій и исполненіемъ враждебныхъ намъ желаній Англіи.

А Турція? Она подпишетъ все чего мы потребуемъ, но развѣ подпись ея есть надежная порука что она останется при своей подписи когда на конференціи объявлено будетъ что заключенный ею миръ лишенъ всякаго значенія? Сомнительно чтобъ она стала энергически и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свой мирный договоръ съ Россіей. Она пожалуй скажетъ: я бы и рада, да Европа не хочетъ. А потому и намъ было бы весьма не худо имѣть матеріальное обезпеченіе. До сихъ поръ мы выговорили себѣ нѣкоторыя гарантіи только на время перемирія, которыя достигли цѣли относительно самой Порты. Но мы не заняли ни Дарданелльскихъ укрѣпленій, ни даже Босфорскихъ. А между тѣмъ вступленіе англійскаго флота въ Босфоръ и вообще положеніе принимаемое какъ Англіей, такъ и Австріей, заставляютъ подумать о пересмотрѣ условій съ Портой касательно гарантій и обезпечить уже не только перемиріе, но и самый миръ занятіемъ если не Галлиполи,

то по крайней мѣрѣ флотовъ командующихъ выходомъ въ Черное Море. Мы также должны подумать о томъ чтобы представить на конференцію съ достаточными гарантіями...

Б.

Закулисная исторія дѣла о вбѣгѣ англійскаго флота въ Дарданеллы продолжается раскрываться. Въ полученномъ сегодня номерѣ *Политической Корреспонденции* находимъ новое письмо изъ Константинополя отъ 12-го февраля посвященное опять этому предмету, и изъ него узнаемъ новыя вещи представляющія это казусное дѣло въ нѣсколько иномъ, но еще болѣе характеристичномъ свѣтѣ, нежели прежнія сообщенія того же корреспондента вѣнскаго листка и газеты *Times*. Для полной характеристики слѣдуетъ имѣть въ виду что и это письмо писано наканунѣ вступленія флота, причемъ корреспонденту по видимому и въ голову не приходило что это событіе можетъ совершиться, и притомъ не далѣе какъ на другой день. Вотъ что мы узнаемъ изъ этой корреспонденціи:

Въ субботу, 9-го февраля (28 января) вечеромъ, г. Леярдъ потребовалъ и получилъ отъ Порты разрѣшеніе на вступленіе въ Босфоръ части изъ числа англійскихъ броненосцевъ находящихся въ Безикской бухтѣ. „Безусловно вѣрно то,“ удостовѣряетъ корреспондентъ, „что Porta дала „на это фирманъ по всей формѣ.“ Вотъ факты которые это подтверждаютъ: санитарныя свидѣтельства безъ которыхъ ни одно судно не можетъ получить доступъ въ Босфоръ уже были заготовлены и доставлены на санитарную станцію. Съ субботы на воскресенье чиновники гавани были разбужены въ 2 часа ночи и имъ было приказано приготовить мѣста для якорныхъ стоянокъ ожидаемыхъ судовъ. Наконецъ прибрежные жители Перы были предупреждены чрезъ ночныхъ стражниковъ что они услышатъ пушечные выстрѣлы, но чтобъ они этимъ не тревожились, такъ какъ это будутъ салютные залпы ожидаемыхъ ночью англійскимъ кораблямъ. Ночью корабли однако не пришли. Но на другой день утромъ газета *Levant Herald*, органъ британскаго посольства, возвѣстила въ экстренномъ прибавленіи что англійскій флотъ прибудетъ въ теченіе дня.

Между тѣмъ наступила внезапная перемѣна которую корреспондентъ объясняетъ

слѣдующимъ образомъ: Въ субботу вечеромъ Porta официально сообщила дипломатическому корпусу, а также Русской Главной Квартирѣ, о разрѣшеніи данномъ ею Англии. Отвѣтъ Великаго Князя Главнокомандующаго полученный Портой гласилъ что онъ будетъ считать все состоявшееся соглашеніе потерявшими силу, а стало быть и конвенцію о перемиріи, если хотя одинъ англійскій броненосецъ вступитъ въ Проливы. Было 7 час. утра когда г. Леярду было сообщено объ этомъ отвѣтѣ Русской Главной Квартиры. Султанъ былъ пораженъ имъ какъ громомъ: представлялось неизбѣжнымъ то чего онъ всего болѣе опасался,—занятіе Константинополя русскими войсками. Нельзя было терять ни минуты, и г. Леярдъ, вошедшій въ положеніе султана, на собственный страхъ послалъ адмиралу Горноби приказаніе остановиться. Объ этомъ дѣйствительномъ поводѣ къ остановкѣ британскаго флота было, по словамъ корреспондента, официально умолчано, и въ засѣданіи парламента Ахмедъ-Вевфикъ-паша мотивировалъ остановку флота отказомъ Порты въ выдачѣ фирмана, причемъ губернатору Дарданеллъ было де приказано заявить что „въ присутствіи британскаго „флота нѣтъ болѣе надобности, такъ какъ „порядокъ въ Константинополѣ нарушаемъ „не былъ. Если же, несмотря на это, „флотъ будетъ настаивать на пропускѣ, „то онъ, губернаторъ, возлагаетъ на Англійское правительство всю отвѣтственность за этотъ шагъ и протестуетъ противъ него.“

Во вторникъ, 12 февраля, положеніе дѣлъ въ Константинополѣ еще представлялось корреспонденту въ такомъ видѣ что „султанъ властвуетъ тамъ лишь номинально,“ въ дѣйствительности же все распоряжается Россія. Самое турецкое населеніе Константинополя находило лишь поводъ къ насмѣшкамъ надъ Англійей по поводу вторично не состоявшагося вступленія сѣ флота въ Проливы. Въ воскресенье и въ понедѣльникъ по улицамъ Галаты и Перы красовались въ разныхъ мѣстахъ прибитые плакаты слѣдующаго содержания: „Затерянъ флотъ между Безикскою бухтой и Константинополемъ. Тотъ „кто его найдетъ получитъ хорошее вознагражденіе.“

Rira bien qui rira le dernier и могъ на это отвѣтить лордъ Беконсфильдъ. Ан-

гійская эскадра не только вошла въ Дарданеллы на другой день послѣ этой мнимой неудачи надъ которою успѣшили пошмѣяться стамбульскіе шутники; но мы узнаемъ теперь что и *Босфоръ въ ихъ рукахъ*. Вчера мы привели сообщеніе изъ Мальты, обнародованное въ англійскихъ газетахъ, подробно перечисляющее тѣ суда англійскаго флота которыя нынѣ уже стоятъ по сую сторону Дарданелльскаго пролива. Кромѣ пяти броненосцевъ находящихся въ заливѣ Муданіе и двухъ оберегающихъ у Галлиполи свободу сообщеній англійской эскадры, мы узнаемъ что пять судовъ „меньшаго размѣра“ находятся въ Босфорѣ или у входа въ Черное Море *чтобы наблюдать за проливомъ* и быть въ распоряженіи посла и англійскихъ консуловъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ Англичанъ *оба* Пролива и всѣ этапы коими обуславливается свобода сообщеній для ихъ флота, начиная отъ Мальты. Они не только могутъ свободно доходить до Константинополя, но и путь въ Черное Море для нихъ открытъ, и въ случаѣ еслибы, вопреки предсказаніямъ князя Бисмарка, конференція не привела къ ожидаемому результату, Англія имѣетъ теперь полную возможность парализовать то блестящее военное положеніе которое пріобрѣтено нами благодаря безпримѣрнымъ военнымъ успѣхамъ и заключенному съ Турціей перемирію. Самое драгоценное изъ пріобрѣтеній этого перемирія—свободное морское сообщеніе съ нашими военными силами на Балканскомъ полуостровѣ—становится сомнительнымъ, почти невозможнымъ, если англійскій флотъ имѣетъ свободный доступъ въ Черное Море. А если такъ, то позволительно усомниться чтобы конференція въ Баденъ-Баденѣ окончилась лучше Константинопольской...

№ 44.

Москва, 14-го февраля.

А.

При всей скудости извѣстій принесенныхъ сегодня телеграфомъ, и они подтверждаютъ необходимость для насъ заручиться серіозными матеріальными гарантіями. Каково, напримѣръ, ежедневно

читать толки въ Англійскомъ парламентѣ о ходѣ нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Турціей, слушать какъ лордъ Дарби объявляетъ что такое-то русское требованіе отвергается Портой, и что онъ, *лордъ Дарби*, надѣется что Россія не будетъ настаивать! О другомъ предполагаемомъ требованіи онъ выражается что оно „потребуется серіознаго обсужденія;“ третьему пункту онъ даетъ свое толкованіе, и съ авторитетомъ говоритъ что оно должно быть или взято назадъ, или существенно измѣнено. Неизвѣстно съ кѣмъ мы ведемъ переговоры, съ Портой или съ Англіей. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ палатѣ принимаетъ такой тонъ какъ будто все дѣло взято имъ въ свои руки. Онъ судитъ и рядитъ о мирныхъ условіяхъ такъ какъ будто Россія была побѣжденною стороною и должна подчиниться условіямъ которыя продиктуетъ ей побѣдоносная Англія.

Само собою разумѣется что желанія Англіи такъ и останутся желаніями, но задоръ ея пріутихъ бы еслибы теперь же въ нашихъ рукахъ находилось матеріальное обезпеченіе, которое наглядно выставило бы ея безсиліе. Именно ея задоромъ и создается натянутое положеніе которое такъ тревожитъ всѣхъ.

Рѣчь князя Бисмарка, которую повсюду ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, нигдѣ не произвела полного удовольствія. Никто въ ней не нашелъ именно того чего желалъ. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, съ одной стороны поняли ее такъ что политика германскаго канцлера развязываетъ Австріи руки и не воспрепятствуетъ ей выступить противъ Россіи если она захочетъ и сможетъ это сдѣлать. Но австро-мадьярскіе политики разочарованы касательно помощи на какую они кажется разчитывали отъ Германіи. Что касается англійской печати, то она крайне недовольна рѣчью князя Бисмарка. Считающаяся министерскимъ органомъ *Morning Post* въ особенности негодуетъ на безнравственность съ какою германская политика оправдываетъ захваты совершаемые Россіей у слабѣйшихъ сосѣдей. Вообще же англійскія газеты выводятъ изъ рѣчи князя Бисмарка то нравоученіе что бесполезно ожидать отъ Германіи какой-либо преграды древнимъ историческимъ стремленіямъ Россіи. Такое заключеніе высказываетъ *Times*, и съ нею болѣе или менѣе согласны другіе ор-

ганы. Если же специально указать на тѣ пункты этой рѣчи которые особенно не понравились въ Англіи, то они всего яснѣе развиваются въ провинціальной газетѣ *Manchester Guardian*, всегда бывшей строго-либеральнымъ органомъ, но въ послѣднее время рѣзко обратившейся къ поддержкѣ торійскаго кабинета. Вопервыхъ, она недовольна тѣмъ что князь Бисмаркъ не высказалъ готовности поддерживать Австрію въ ея жизненныхъ интересахъ, совпадающихъ де отчасти съ интересами Англіи. „Конечно,“ читаемъ далѣе такое разсужденіе, „можно утверждать, и князь Бисмаркъ повидимому усиливается увѣрять въ этомъ, что ни одинъ изъ этихъ интересовъ не подвергается вопросу, и было бы пріятно еслибы можно было доказать что это такъ. Однако, для этого было бы необходимо чтобы Россія готова была безкорыстно пожертвовать большею частью того что она естественно должна считать законными плодами побѣды, и чтобы она озаботилась интересами всѣхъ прочихъ предпочтительно предъ своими собственными. Но едва ли есть надобность чтобы серіозные люди стали полагаться на такое предположеніе.“ Итакъ, вотъ первая причина неудовольствія въ Англіи на германскую политику: она не хочетъ принуждать Россію предпочесть собственнымъ интересамъ чужіе. По этого мало. Въ предвидѣніи что другіе могутъ предъявить Россіи такія претензіи, въ Англіи усматриваютъ въ общемъ тонѣ рѣчи князя Бисмарка что онъ не пристанетъ самъ ни къ которой сторонѣ. Новое неудовольствіе, особенно вслѣдствіе опасенія какъ бы это возвышеніе не повліяло на нерѣшительность Австріи. „Мы,“ съ высокомеріемъ восклицаютъ Англичане, „уже дали доказательство что достаточно чутки къ важности кризиса, но Австрія вѣроломно разчитывала на поддержку, въ которой, какъ видно, ей отказываютъ.“ Все же болѣе въ Англіи остались недовольны тѣмъ что по такимъ „жизненнымъ вопросамъ“ какъ о судоходствѣ въ Проливахъ и о контролѣ надъ Дунаемъ князь Бисмаркъ не сказалъ ничего яснаго и удовлетворительнаго, хотя сказалъ де многое такое „что вовсе не ясно и отнюдь не удовлетворительно.“ Вотъ какъ откровеннѣе прочихъ англійскихъ органовъ разсуждаетъ объ этомъ манчестерская газета: „Князь Бисмаркъ увѣряетъ насъ что

„свобода торговли въ обоихъ этихъ пунктахъ обезпечена, и что онъ имѣетъ въ томъ письменное удостовѣреніе изъ С.-Петербурга. Мы тѣмъ болѣе были бы благодарны за это свѣдѣніе еслибы хоть на минуту предполагали что свободѣ судоходства грозитъ опасность, по крайней мѣрѣ во время мира. По вопросу въ которомъ Англія болѣе всѣхъ прочихъ заинтересована, то-есть о правѣ прохода военныхъ судовъ черезъ Проливы, замѣчанія князя Бисмарка отзываются пронойей. Онъ полагаетъ что важность вопроса преувеличивается. Турція въ теченіи столѣтій имѣла власть надъ мореплаваніемъ въ Дарданеллахъ, и это не сдѣлало ее великимъ государствомъ. Съ чего же намъ опасаться вліянія какое Россія можетъ пріобрѣсти въ этихъ мѣстахъ? Еслибы князю Бисмарку сказали что такъ какъ обладаніе устьями Рейна не сдѣлало Голландіи великимъ государствомъ, то нѣтъ де важности еслибы тамъ утвердилось французское вліяніе, его можетъ быть не убѣдило бы такого рода историческое разсужденіе.“ Въ заключеніе, манчестерская газета приходитъ, подобно всѣмъ прочимъ, къ тому выводу что „не отъ Германіи можемъ мы (то есть Англія) ожидать какой-либо помощи.“

Б.

Мы вчера упомянули объ обнародованномъ только на дняхъ Англійскимъ правительствомъ меморандумѣ графа Шувалова, въ которомъ еще 8 іюня были намѣчены всѣ требованія нынѣ предъявленные Портѣ Россіей. Но вмѣстѣ съ нимъ обнародовано и нѣсколько другихъ англійскихъ документовъ, въ особенности двѣ депеши англійскаго посла въ Константинополь, г. Деярда, о которыхъ также стоитъ сказать нѣсколько словъ, ибо въ нихъ, съ другой стороны, раскрывается какъ давно была также намѣчена и англійская политика относительно русскихъ условій. Разница между образомъ дѣйствій Россіи и Англіи только та что Россія ни отъ кого не скрывала своихъ намѣреній, сообщила ихъ какъ Англіи, такъ и Германіи и Австріи, что значитъ въ меморандумѣ графа Шувалова. Дешеши же г. Деярда лорду Дарби только теперь стали извѣстны, когда эготъ министръ буквально слѣдуетъ указаніямъ которыя далъ ему Деярдъ

съ іюля прошлаго года. Самъ лордъ Дарби замѣтилъ тогда графу Шувалову свое личное мнѣніе что Турція едва ли приметъ русскія условія не будучи абсолютно принуждена къ тому необходимостью. Но онъ препроводилъ конфиденціально эти условія на разсмотрѣніе г. Леярда, который и выразилъ о нихъ сужденіе въ двухъ депешахъ, отъ 13 и 19 іюля. Онъ разъясняютъ еще одно любопытное обстоятельство. Въ меморандумѣ графа Шувалова оставалось неяснымъ имѣлъ ли онъ разговоръ съ графомъ Дарби, въ которомъ изложилъ русскую программу. Но въ послѣдней изъ своихъ депешъ г. Леярдъ между прочимъ пишетъ: „Когда я, въ моей депешѣ отъ 30 мая, подавалъ мысль что настоящее относительное положеніе воюющихъ могло бы представить случай для посредничества, я едва ли могъ предвидѣть, послѣ всѣхъ увѣреній умѣренности и безкорыстія данныхъ Россіей, что она будетъ настаивать, даже не одержавъ ни одного успѣха, кромѣ захвата небольшого городка (Ардагана), на такихъ условіяхъ какъ предложенныя *sine qua non* княземъ Горчаковымъ.“ Слѣдовательно, извѣщеніе о будущихъ русскихъ условіяхъ мира было выманено уловкой, а открытая добросовѣстность Россіи тѣмъ ярче выступаетъ что она и послѣ ни въ чемъ существенномъ не измѣнила своихъ намѣреній. Какое же однако сужденіе высказалъ г. Леярдъ о русскихъ условіяхъ? Разбирая ихъ, онъ находилъ ихъ совершенно невозможными всѣ до единаго, развѣ за исключеніемъ признанія независимости Румыніи, и сильнѣйшимъ образомъ предостерегалъ свое правительство чтобы не дѣлать и намека о подобныхъ условіяхъ Портѣ, тѣмъ болѣе предлагать ихъ. Его возмущали эти условія какъ ведущія къ распаденію Турціи, и еще болѣе возмущало что Россія не допускаетъ посредничества. Пусть де кто другой даетъ такіе совѣты Портѣ, только не Англія: „Необходимо (*it is vital*) для нашихъ серіознѣйшихъ интересовъ, важность коихъ нельзя достаточно изобразить, а еще менѣе преувеличить, чтобы мы были готовы вступиться для спасенія Турецкой имперіи отъ полнаго распадѣнія;“ и далѣе: „Если правительство ея величества того мнѣнія что ничего нельзя сдѣлать чтобы воспротивиться замысламъ Россіи, то мы должны по крайней мѣрѣ быть готовы

„явиться посредниками когда наступитъ время. Чтобы имѣть возможность къ этому мы должны дать почувствовать Турціи что хотя, какъ мы предостерегали ее, она не можетъ ожидать никакой помощи отъ насъ въ своей борьбѣ съ Россіей, мы будемъ готовы, въ благопріятную минуту, употребить всѣ наши усилія чтобы съ нею поступили умѣренно и справедливо. *Моею цѣлію и было поддерживать такія надежды...* Это есть единственный остающійся намъ путь если мы не ходимъ дать Турціи даже той косвенной помощи какую могутъ сдѣлать необходимою охраненіе и поддержаніе нашихъ національных интересовъ“

Лордъ Дарби теперь, какъ видно, вполне проникся мудростью этихъ инструкцій полученныхъ имъ болѣе чѣмъ за полгода отъ г. Леярда.

В.

Австрія собирается пожать гдѣ не сѣяла. Толки о предстоящемъ занятіи ею Босніи и Герцеговины становятся все громче, настойчивѣе и опредѣленнѣе. Въ пользу занятія этихъ областей рѣшительно высказываются теперь въ Австро-Венгріи даже тѣ кто еще недавно энергически отвергали самую мысль о немъ. Пора, говорятъ они бросить „ложный стыдъ“, побуждавшій донинѣ воздерживаться отъ прямого заявленія этой мысли, пора заявить что занятіе Босніи и Герцеговины требуется интересами Австро-Венгерскаго государства. Въ дѣйствительности этихъ интересовъ убѣждаетъ де географическая карта Австро-Венгерской монархіи: стоить взглянуть на эту карту чтобы видѣть что помянутыя турецкія провинціи составляютъ существенную часть ея и слѣдовательно должны быть къ ней присоединены.

Австрія готовится такимъ образомъ явиться на предложенный ею европейскій конгрессъ или конференцію съ географическою картой — въ рукахъ и указаніе на картѣ мѣстностей занятыхъ австрійскими войсками должно будетъ послужить убѣдительнымъ доказательствомъ основательности аргументаціи. Обезпечивъ себѣ занятіе Босніи и Герцеговины, Вѣнскій кабинетъ, по мнѣнію австрійской офиціозной печати, поступитъ именно „въ томъ духѣ политики мира съ которымъ Австро-Венгрія слѣдила до сихъ поръ за развитіемъ событій.“

Однако, въ какую же силу, на какомъ основаніи, Австрія отхватить цѣлыя области у сосѣдняго государства, съ которымъ не была въ войнѣ?

Въ войнѣ съ Турціей была Россія, ей одной принадлежитъ право распорядиться тѣмъ, что добыто ея оружіемъ и кровью. Россія, по праву побѣдителя, можетъ пожалуй включить въ свои мирныя условія, между прочимъ, и уступку Босніи и Герцеговины, а затѣмъ переуступить ихъ Австріи. Значить, Австрія получила бы эти области отъ Россіи какъ даръ. Только такой путь пріобрѣтенія ею этихъ областей былъ бы дѣйствительно согласенъ съ провозглашаемою ею „политикой мира:“ иного мирнаго пути нѣтъ и быть не можетъ.

Но даръ стараются чѣмъ-нибудь заслужить, а Австро-Венгрія, взамѣнъ всякихъ услугъ, разчитываетъ вторгнуться въ права Россіи, и распорядиться плодами ея побѣдъ... Это, по толкованію австрійской офиціозной публицистики, будетъ значить не болѣе какъ „воспользоваться въ широкихъ размѣрахъ свободой дѣйствій.“

№ 45.

Москва, 15-го февраля.

А.

Вчера предъ самымъ выходомъ нашей газеты получена была телеграмма излагавшая, со словъ Рейгера Агентства, главные пункты мира который имѣетъ быть подписанъ въ Санъ-Стефано. Не знаемъ достовѣрны ли эти свѣдѣнія; но они вообще утѣшительны. Только вопросъ въ томъ можно ли будетъ считать миръ заключеннымъ если онъ будетъ подлежать пересмотру? Можемъ ли мы порадоваться этимъ условіямъ, даже просто посудить объ ихъ удовлетворительности, когда мы знаемъ что они никѣмъ, кромѣ насъ, не будутъ считаться окончательными, когда на предстоящей конференціи они могутъ подвергнуться возраженіямъ. Съ разныхъ сторонъ прямо объявляютъ намъ какія измѣненія будутъ потребованы. Англія противится уступкѣ намъ турецкаго флота и всякимъ перемѣнамъ въ постановленіяхъ о Проливахъ. Въ газету *Times* телеграфируютъ изъ Петербурга куріозное извѣстіе будто Россія хотя и предложитъ этотъ

вопросъ на конференціи, но не станетъ серьезно возражать если Англія будетъ настаивать на удержаніи *statu quo*. Австрія, мало интересуясь Проливами, съ своей стороны возражаетъ противъ предполагаемой организаціи Болгаріи и противъ занятія ея русскими войсками. А одинъ эксцентрический ораторъ въ англійской палатѣ требуетъ чтобы правительство ея британскаго величества не допускало территориальныхъ измѣненій въ Арменіи какъ нарушеніи европейскаго равновѣсія! Вотъ и миръ! Одинъ одно взялъ, другой другое,—и ничего не осталось.

А что касается характера и возможнаго результата будущихъ европейскихъ совѣщаній, намъ нѣтъ надобности останавливаться на своихъ сомнѣніяхъ или на предположеніяхъ заграничной печати. Интересно обратитъ вниманіе на слова сказанныя британскимъ премьеромъ при внесеніи имъ въ палату лордовъ втораго чтенія билля объ экстренномъ кредитѣ, уже разрѣшеннаго нижнею палатой. Лордъ Беконсфильдъ при этомъ сказалъ: „Было бы совершенно неразумно предполагать что „вслѣдствіе общаго желанія уладить эти „дѣла на конференціи, результатъ этотъ „такъ непремѣнно и послѣдуетъ. Усилія „эти могутъ не имѣть успѣха, война можетъ распространиться, и площадь враждебныхъ дѣйствій даже расширяться.“ Вотъ какой исходъ конференціи представляется возможнымъ человеку который былъ главнымъ виновникомъ войны нашей съ Турціей, который не скрывалъ своей ненависти къ Россіи и нынѣ, подавивъ у себя всякую оппозицію, безпрекословно распоряжается судьбами Англіи. Если онъ такъ говоритъ о предстоящей конференціи, значить онъ готовится поставить на ней такія требованія на которыя Россія согласиться не можетъ.

Итакъ, мы готовы къ тому что всѣ наши мирныя условія, отъ перваго до послѣдняго, будутъ встрѣчены возраженіями. Но если хотѣть чтобы заключаемый нами теперь миръ былъ дѣломъ твердымъ, то намъ слѣдуетъ обезпечить его достаточными матеріальными гарантіями. Вотъ Англія обезпечила себѣ, безъ всякаго спроса и права, стоянку въ Мраморномъ Морѣ и выдвинула свой флотъ чуть не къ самому Понту, и для безопасности сообщеній заключила съ нами же условіе чтобы мы не забирали ея флоту выхода занятіемъ Галли-

поли, пока англійскія войска не высалятся. Но когда они высалятся, то намъ пришлось бы уже не занимать, а *отнимать* Галлиполи, слѣдовательно, это былъ бы уже не миръ, а война. Съ другой стороны, Австрія запасается деньгами и даже мобилизуетъ свои войска. Пожалуй и она, по примѣру Англіи, пожелаетъ имѣть матеріальную гарантію для успѣшнаго настоянія на своихъ требованіяхъ, двинувъ свои войска уже не въ Боснію, а въ Румынію, на перерѣзъ нашихъ сухопутныхъ сообщеній, подобно тому какъ англійскій флотъ стережетъ наши морскія сообщенія въ Черномъ Морѣ, только что выговоренныя нами въ перемиріи? Конечно, въ Румыніи стоятъ наши войска, и мы воспротивимся такому движенію Австріи, но это опять не утвержденіе мира, а война.

Мы не вѣримъ этимъ угрозамъ и этимъ военнымъ приготовленіямъ. Все это разчитано на нашу уступчивость. Мы увѣрены что все это смолкнетъ при видѣ нашей рѣшимости и твердости. А чтобъ обнаружить рѣшимость и твердость, мы должны воспользоваться всѣми какими можемъ гарантіями...

Вопросъ о матеріальныхъ гарантіяхъ коими долженъ быть обезпеченъ заключаемый нами миръ невольною связью наводитъ на мысль и о союзникахъ нашихъ на Востокѣ. Мы говоримъ между прочимъ о Румыніи. Невозможно отрицать что тамъ обнаруживается неудовольствіе противъ насъ, котораго конечно не трудно было бы избѣжать. Румынамъ очень будто бы не хочется потерять клочекъ Бессарабіи уступленный Турціи трактатомъ 1856 года. Россія, какъ теперь стало извѣстно изъ меморандума графа Шувалова, еще минувшимъ лѣтомъ, при начертаніи основной программы будущаго мира, имѣла въ виду возвратъ этой прежней своей территоріи, и объ этомъ извѣстила какъ Англію, такъ и другія державы. А между тѣмъ Румынское правительство, по видимому, узнало объ этомъ намѣреніи весьма недавно, между тѣмъ какъ съ нимъ было бы проще всего условиться объ этомъ предметѣ. Другою неловкостью, какъ видно затронувшею самолюбіе нашихъ союзниковъ, было то что переговоры о мирѣ велись безъ ихъ участія. Если ихъ устраненіе было уступкой въ отношеніи къ Портѣ, которой могло быть непріятно вести переговоры со своими бывшими вассалами,

то уступка эта была излишняя, и едва ли могла помирить Порту съ существенными утратами на которыя ей приходится соглашаться. Присутствіе румынскаго, сербскаго и черногорскаго агентовъ при переговорахъ о мирѣ не могло бы имѣть большаго вліянія на ихъ результатъ, но дало бы возможность нашимъ союзникамъ высказать свои желанія и удовлетворило бы ихъ національное чувство.

Разумѣется, политическая интрига, которою такъ ловко умѣютъ владѣть наши противники, старается воспользоваться всякимъ нашимъ шагомъ чтобы поселить смуту между нами и нашими естественными союзниками на Востокѣ. Но мы имѣемъ могущественное средство обращать въ ничто ихъ замыслы. На Востокѣ намъ слѣдуетъ стоять выше всякихъ односторонностей. Главная сила наша тамъ есть по истинѣ святое дѣло восточнаго христіанства. Всѣ другіе интересы должны быть ему подчинены. Намъ предстоитъ примирять, а не ссорить разнородные элементы христіанскаго мира на Востокѣ и отнюдь не являться въ немъ только партіей. Мы должны быть равно справедливы къ Болгарамъ и Грекамъ, къ Румынамъ и Сербамъ, и своего интереса не отдѣлять отъ общаго имъ всѣмъ интереса. Всѣ эти народы принадлежатъ къ одной великой съ нами системѣ, и никакія козни не оторвутъ ихъ отъ насъ если мы сами отъ нихъ не оторвемся.

Б.

Хотите знать откуда петербургскій корреспондентъ *Times* сообщилъ въ свою газету интересное извѣстіе что Россія не стоитъ за вопросъ о Дарданеллахъ, и только ради шутки, *не серьезно*, какъ онъ выразился, поведетъ объ этомъ вопросѣ рѣчь на конференціи?

Journal de St.-Petersbourg (№ 41), трактую о помѣщенной въ № 38 *Московскихъ Вѣдомостей* статьѣ „по вопросу о Проливахъ“, оканчиваетъ свой переводъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

„Предлагая здѣсь соображенія московскаго автора, мы оставляемъ однако за нимъ всю отвѣтственность его соображеній. Съ нашей стороны, — мы полагаемъ что вопросъ о Проливахъ ставится нынѣ между двумя крайностями: *полное закрытіе или полная свобода. Но при мате-*

„рѣальной трудности осуществить пер-
 „вую изъ этихъ двухъ системъ и тѣмъ
 „съ коими сопряжена вторая, спраши-
 „вается не предпочтительнѣе ли было
 „бы подкрѣпленный нѣкоторыми гаран-
 „тіями status quo? Во всякомъ случаѣ
 „Русское правительство рѣшилось пере-
 „дать этотъ вопросъ всеобщаго интереса
 „на европейское обсужденіе; слѣдователь-
 „но, ему одному предлежитъ отстаивать
 „въ томъ обсужденіи то что оно призна-
 „етъ наиболее соответствующимъ инте-
 „ресамъ Россіи.“

Какъ это ново! А мы думали что на кон-
 ференціи будутъ говорить еще кто-нибудь,
 а не правительство!

Но Русское правительство высказалось
 не въ смыслѣ мнѣнія петербургской фран-
 цузской газеты. Въ меморандумѣ вручен-
 номъ нашимъ посломъ лорду Дарби 8 іюня
 прошлаго года сказано:

„Что касается Проливовъ, постановле-
 нія коими Черное Море, закрытое въ мир-
 ное время, открывается въ военное время
 всѣмъ враждебнымъ Россіи флагамъ, но-
 сятъ въ отношеніи къ ней печать непріяз-
 ни и недовѣрія. Это вопросъ который мо-
 жетъ быть пересмотрѣнъ лишь въ томъ
 смыслѣ чтобъ оградить Черное Море отъ
 послѣдствій неправильнаго и исключитель-
 наго положенія Проливовъ. Возможно ли
 для Россіи не обратить вниманія Европы
 на необходимость устранить такой поря-
 докъ вещей который былъ явно направ-
 ленъ къ ея ущербу?“

№ 46.

Москва, 16-го февраля.

Воинственный задоръ Англіи, вѣнскія уг-
 розы исподтишка, ничему этому мы не вѣ-
 римъ; все это не болѣе какъ грубая попыт-
 ки напугать насъ, не болѣе какъ обидный
 расчетъ на наше малодушіе, на нашу подат-
 ливость, на слабость нашей дипломатіи. Но
 мы не отрицаемъ что эта недостойная игра
 можетъ кончиться дурно; не отрицаемъ что
 послѣдствіемъ этихъ возмутительныхъ уг-
 розъ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ будетъ вой-
 на. Все зависитъ отъ того какъ эти угрозы
 принимаются нами, и какъ мы съ самаго на-
 чала отвѣчаемъ на нихъ.

Хотимъ ли мы войны,—войны очень се-
 ріозной которая распространится далеко и

быть-можетъ потрясетъ Европу въ ея осно-
 ваніяхъ? Покажемъ уступчивость, прики-
 немся малодушными, дадимъ нашимъ про-
 тивникамъ тѣшиться надъ нами и оскорб-
 лять насъ до послѣдней глубины нашего
 народнаго чувства,—и война будетъ! Вой-
 на непременно будетъ если мы искусно ра-
 зыгранною слабостью, шагъ за шагомъ, за-
 влечемъ нашихъ противниковъ къ шагамъ
 невозвратнымъ. Но войны не будетъ, если
 мы сочтемъ ниже себя и недостойнымъ на-
 шего дѣла вести игру обманомъ. Войны не
 будетъ если мы съ самаго начала посту-
 пимъ соотвѣтственно нашему національно-
 му достоинству и нашему государствен-
 ному величію, по сторонамъ не озираясь.

Вспомнимъ 1863 годъ. Англія, та же са-
 мая Англія которая пугаетъ насъ теперь
 своимъ абиссинскимъ героемъ, соединила
 тогда противъ насъ всю Европу. Наполе-
 оновская Франція была тогда въ силѣ. По-
 мнители, даже Турція участвовала въ этомъ
 знаменитомъ Европейскомъ кондертѣ! Од-
 на лишь Пруссія держалась въ сторонѣ,
 какъ и теперь лукаво посмѣиваясь. Мы
 казалось были тогда въ самомъ жалкомъ
 и трепетномъ положеніи. Мы повидимому
 были совершенно изолированы и неспо-
 собны ни къ какому отпору. Наши враги
 были увѣрены не то что въ слабости на-
 шей, были увѣрены въ нашей готовности
 развалиться въ угоду имъ, и уничтожить-
 ся. Нѣкоторые случайные признаки удо-
 стовѣряли ихъ въ этомъ. Мы дѣйстви-
 тельно слѣдовали тогда политикѣ самоубій-
 ственной, которая поощряла самые враж-
 дебные противъ насъ виды. Наша дипло-
 матія говорила языкомъ заставлявшимъ
 всѣхъ думать что Русскаго народа со-
 всѣмъ не существуетъ, и что Россія есть
 только громадный призракъ. Въ нашихъ
 желаніяхъ угодить наступавшей на насъ
 Европѣ мы доходили до того что мятежу
 который вспыхнулъ въ нашей западной
 окраинѣ давали амнистію на мѣсяцъ впе-
 редъ. И чѣмъ уступчивѣе были мы, тѣмъ
 назойливѣе становились наши противники,
 тѣмъ грознѣе наступала на насъ европей-
 ская коалиція. Никогда не было на насъ
 столько окриковъ и въ печати всѣхъ странъ,
 и въ парламентскихъ демонстраціяхъ, и въ
 правительственныхъ депешахъ. Вся внут-
 ренность поворачивается какъ вспомнимъ
 чего намъ приходилось тогда наслушать-
 ся. И никогда не были мы такъ близки къ
 войнѣ какъ въ ту самую минуту какъ по-

видимому были готовы исполнить самыя враждебныя намъ требованія. За то, помните ли какъ все сразу смолкло, и какъ мгновенно сцена міра измѣнилась когда Россія заговорила свойственнымъ ей языкомъ великаго народа и великой державы? Вотъ превосходный опытъ который долженъ быть намъ памятенъ! А еще ближе, очень недавно, былъ другой урокъ также поучительный. Мы не желали возбуждать Восточный вопросъ опасаясь потрясти Европу; мы надѣялись уладить дѣла на Востокѣ мирнымъ образомъ; мы всячески старались избѣжать войны. Мы думали достигнуть этого согласительностію и уступчивостію. На Константинопольской конференціи мы выбросили за бортъ весь грузъ нашихъ требованій, мы шагъ за шагомъ приняли программу нашихъ противниковъ. Что же вышло послѣдствіемъ, миръ или война? И вотъ мы начали войну, но тоже озираясь по сторонамъ, какимъ-то дипломатическимъ способомъ, какъ бы только для демонстраціи, давая связывать себѣ руки и отказываясь отъ правъ воюющей стороны, какъ бы опасаясь встревожить Европу значительнымъ развитіемъ нашихъ силъ и слишкомъ рѣшительными успѣхами нашего оружія, — и что же? Война только затянулась и ожесточилась, и вотъ въ минуту нашего торжества, столь блистательно одержаннаго чудотворною народною доблестью нашихъ войскъ, мы вдругъ очутились въ положеніи школьниковъ, которые напроказничали и должны дать отчетъ строгому шультейстеру... Господи, до чего мы дожили! Насъ разчитываютъ запугать даже лордомъ. Непиромъ Магдальскимъ, о которомъ сегодня получили мы чуть не десять телеграммъ...

О, еслибы мы въ побѣдоносномъ движеніи нашихъ войскъ не остановились на пути, а дошли до конца, и стали бы на Босфорѣ, и стали бы на Дарданеллахъ! Миръ, достойный и справедливый, былъ бы уже подписанъ на всей нашей волѣ, и мы были бы избавлены отъ этой возмутительной комедіи телеграфныхъ угрозъ и парламентскихъ военныхъ демонстрацій. Наша рѣшимость произвела бы отрезвляющее дѣйствіе. Мы занимали бы позиціи и обладали бы гарантіями которыя никого бы не могли поощрить къ войнѣ съ нами. Наше уваженіе къ интересамъ другихъ державъ и наша умѣренность въ послѣднемъ разчетѣ были бы оценены должнымъ

образомъ и приняты съ благодарностію. Не могло бы и рѣчи быть объ уступкахъ въ существенныхъ и непремѣнныхъ условіяхъ нашего мира.

Нѣтъ, намъ нечего озираться по сторонамъ, нечего опасаться коалиціи. Политическое положеніе благоприятствуетъ намъ если только мы сами не испортимъ его. Намъ стоитъ только *фактически* показать что угрозы насъ не пугаютъ, и онѣ сразу умолкнутъ. Къ рѣшительному противнику придираться труднѣе чѣмъ къ тому кто колеблется. Государственная физика учитъ что не слабостію и податливостію государства обезпечиваютъ себѣ миръ, а рѣшимостію и готовностію принять всякій вызовъ. Даже малое государство внушаетъ уваженіе къ себѣ твердостію и готовностію къ отпору...

Телеграмма одной изъ петербургскихъ газетъ передаетъ намъ любопытное извѣстіе. Въ Вѣнѣ де опасаются что настроеніе Русскаго народа будетъ принято во вниманіе Русскимъ правительствомъ и что вслѣдствіе этого со стороны Россіи нечего ожидать никакихъ уступокъ. Опасаются! Какъ гармонируетъ это настроеніе съ тѣми угрозами которыя мы то и дѣло слышимъ со всѣхъ сторонъ! Но извѣстіе это очень совпадаетъ съ грустнымъ сѣтованіемъ только что полученнаго нами листка лондонской газеты *Times* что „русскіе государственные мужи, обладающіе опытностію и благоразуміемъ князя Горчакова, которые должны желать избѣжать всякаго расширенія войны, въ особенности съ Англіей, не могутъ свободно дѣйствовать, ибо армія восторженная побѣдой можетъ съ трудомъ быть удержана отъ стремленія къ достиженію вполнѣ открытой ея цѣли, и это военное давленіе усиливается могущественнымъ и одушевленнымъ вліяніемъ С.-Петербургскаго Двора и общества.“

Это грустное для англійской газеты разсужденіе внушено ей сообщеніями ея же собственныхъ корреспондентовъ въ послѣдніе дни о томъ что дипломатія повидимому совершенно утратила контроль надъ военною партіей.

Вотъ истинное значеніе тѣхъ угрозъ которыми насъ страшатъ. Насъ осаждаютъ жужжаніемъ о важности тѣхъ и другихъ интересовъ которые не могутъ помириться съ успѣхами Россіи, намъ указываютъ

на опасное настроеніе народнаго мнѣнія въ Англіи, въ Австро-Венгріи, и объясняютъ намъ, съ трогательною о насъ заботливостію, что мы можемъ еще избѣжать войны — только путемъ широкихъ уступокъ. Но вотъ видятъ что Русское правительство принимаетъ во вниманіе не враждебныя его странъ желанія, а настроеніе своего народа, и угрозы смѣняются смутнымъ трепетомъ и печальными сѣтованіями. Нечего сказать, хорошее же мнѣніе имѣли въ Вѣнѣ и Лондонѣ о Русскомъ правительствѣ воображая что оно заботится не о странѣ своей, а о томъ что скажутъ парламентскіе паяцы и продажныя газеты!

№ 47.

Москва, 17-го февраля.

Англія обезпечила себя залогомъ для того чтобы противодействовать и вредить намъ: она ввела свой флотъ въ Мраморное Море и наблюдаетъ за Босфоромъ. Мы замѣчали что и намъ слѣдовало бы обезпечить себя противъ враждебныхъ намѣреній Англіи. Но на этотъ предметъ уже зорко обратили вниманіе въ Англіи, и тревожатся мыслью какъ бы въ самомъ дѣлѣ Россія не вздумала обезпечить себя занятіемъ Босфора отъ подозрительныхъ намѣреній такъ близко придвинувшагося англійскаго флота. Англійская печать побуждаетъ свое правительство озаботиться этимъ и не допускать чтобы Россія преградила англійскому флоту входъ въ Черное Море. Лордъ Дарби, какъ извѣстно, давъ приказаніе флоту ворваться въ Дарданельскій проливъ, въ нарушение трактатовъ, обезпечился безопасностью его сообщеній и поспѣшилъ сговориться съ Россіей чтобъ она не занимала Галлиполи, взамѣнъ чего обѣщалъ что и Англія не высадитъ тамъ своихъ войскъ. Объ этомъ соглашеніи онъ подробно разказалъ въ палатѣ лордовъ 21 февраля. И что же? Объясненіемъ его не все остались довольны. Только газета *Standard* простодушно обмолвилась слѣдующимъ признаніемъ: „Мы обѣщались не дѣлать того чего и не предполагали. Британскій флотъ, хотя не въ самомъ Константинополѣ, въ пятнадцати миляхъ отъ него, а Дарданельскій проходъ обезпеченъ.“ Другіе же органы порицаютъ

лорда Дарби за его будто бы сговорчивость. Его осуждаютъ за то что онъ вступилъ де на путь компромиссовъ и заключилъ взаимныя обязательства, между тѣмъ какъ русское обѣщаніе не занимать Галлиполи и безъ того де прежде было дано Россіей *безусловно*. „Къ чему же теперь,“ такъ разсуждаютъ въ англійскихъ газетахъ, „за повтореніе этого обязательства „Россія наложила также обязательство на „Англію, а мы бросили единственную возможную компенсацію (11) которою могли „бы воспользоваться?“ Съ другой стороны, лордъ Дарби подвергся еще большимъ нападкамъ за то что не потребовалъ отъ Россіи обязательства не занимать фортовъ Босфора, ибо „очевидно этимъ подверглась бы опасности возможность для англійскаго флота войти въ Черное Море.“ „Предположимъ,“ читаемъ разсужденіе въ *Daily Telegraph*, „что державы не согласятся на „конференціи, и затѣмъ послѣдуетъ не- „медленное объявленіе войны; тогда Рус- „скіе, владѣя Босфоромъ, будутъ имѣть „неисчислимую выгоду надъ своими вѣро- „ятными противниками. Поэтому, слѣдо- „вало бы выговорить, чтобъ укрѣпленія „Босфора были заняты европейскими гар- „низонами (конечно англійскими) пока усло- „вія мира не будутъ окончательно ула- „жены.“

Наши противники сами разъясняютъ намъ важное значеніе гарантіи которою мы могли бы обезпечить себя отъ враждебныхъ намъ намѣреній. Кто поручится что Англичане не готовятся и ее захватить.

Было бы напрасно думать что Англичане будутъ стѣсняться какими бы то ни было обязательствами или компромиссами. Мы уже видѣли при вторженіи англійскаго флота въ Дарданеллы какъ мало англійская политика стѣсняется постановленіями трактатовъ когда находитъ ихъ для себя неудобными. Манчестерская газета, настаивая на необходимости занять Дарданеллы, или по крайней мѣрѣ хотя бы азіатскій берегъ Пролива англійскими войсками, разсуждаетъ такимъ образомъ: „Въ „какомъ отношеніи, однако, мы будемъ „тогда стоять къ условному соглашенію „между княземъ Горчаковымъ и лордомъ „Дарби? Пришлось бы признаться что Рус- „скіе не подвинулись къ линіямъ Булапра „и не высаживали войскъ на азіатскомъ „берегу Пролива, между тѣмъ какъ мы вы- „садили бы войска на одномъ или на обо-

„ихъ берегахъ. Глядя единственно только „на букву обязательства, конечно скажутъ „пожалуй что мы первые нарушили уго- „воръ нарочно заключенный съ тѣмъ чтобъ „уменьшить до минимума опасности столк- „новенія. Но мы не сомнѣваемся что упре- „ки которымъ мы неизбежно подверглись „бы потеряютъ всю свою силу при свѣтѣ „справедливости и здраваго смысла.“

Какой же смыслъ былъ бы съ нашей стороны стараться поладить съ Англіей когда при всякихъ переговорахъ и уго- „ворахъ Англичане понимаютъ что всѣ обя- „зательства имѣютъ силу только для дру- „гихъ въ отношеніи къ нимъ, но никакъ не для нихъ въ отношеніи къ другимъ.

Стоитъ между тѣмъ обратить вниманіе на замѣчательный метаморфозъ совершив- „шійся въ австро-венгерской печати.

Въ то самое время какъ офиціозные ав- „стро-венгерскіе органы подъ ладъ офиці- „альнымъ демонстраціямъ въ парламентахъ и делегаціи заговорили воинственнымъ язы- „комъ, въ „независимой“ вѣнской печати тоже произошла внезапная перемѣна не менѣе характеристичная и знаменательная, но противоположнаго свойства. Всѣмъ из- „вѣстна роль которую играла съ самаго начала Балканскихъ замѣшательствъ наи- „болѣе распространенная и вліятельная вѣн- „ская газета *Neue Freie Presse*. Ей без- „спорно принадлежала должность запѣвалы въ неистовомъ хорѣ такъ-называемой тур- „кофильской печати которую турецкая ди- „пломатія—надо ей отдать справедливость— сумѣла съ большою ловкостью организо- „вать во всѣхъ значительныхъ центрахъ европейской журналистики. Эта газета не переставала нападать на графа Андраши за его „дружественную“ къ Россіи поли- „тику, и съ самаго начала войны вопила на всѣ лады о необходимости чтобъ Ав- „стрія стала открыто на сторону Турціи. И что же! Теперь эта самая газета горячо нападаетъ на графа Андраши уже во имя мира. Вѣнско-турецкое „бюро печати“ лучше всѣхъ конечно знаетъ причины по- „чему названная газета предоставила Тур- „цію на произволъ судьбы. Но намъ не такъ интересны причины вызвавшія это переро- „жденіе какъ самый фактъ, и аргументы которые теперь высказываетъ вѣнская га- „зета противъ воинственныхъ стремленій будто бы обуявшихъ Австро-Венгрію. Еще за нѣсколько дней до извѣстія о кредитѣ который правительство было намѣрено по-

требовать, *Neue Freie Presse* сомнитель- „но покачивала головой по поводу офиці- „ального заявленія будто „нѣкоторыя изъ „условія мира не соотвѣтствуютъ интере- „самъ Австро-Венгріи, а именно тѣ изъ „нихъ въ коихъ заключается перемѣщеніе „силъ на Востокъ къ невыгодѣ Австріи.“ Упоминаемая газета замѣчаетъ по этому поводу что „едва ли австрійское мини- „стерство иностранныхъ дѣлъ серьезно по- „мышляетъ о войнѣ, такъ какъ невозмо- „жно насильственно обратить вспять ходъ „исторіи.“

Еще рѣшительнѣе и откровеннѣе вы- „ступила та же газета противъ предполо- „женного требованія кредита. Она твердо убѣждена что такія воинственныя „демон- „страціи“ какъ появленіе англійскаго флота въ Мраморномъ Морѣ или мобилизація ав- „стрійской арміи „не могутъ побудить мо- „гучаго побѣдителя отступить назадъ “ „Мо- „билизовать съ тою цѣлью,“ сказано да- „лѣе, „дабы Австрія могла явиться на кон- „ференцію во внушительномъ видѣ, для „этого Австрія недостаточно богата. Это „мы можемъ предоставить другимъ наці- „ямъ обладающимъ болѣе обильными рес- „урсами. У насъ нѣтъ денегъ для демон- „страцій.“ Что рѣчь идетъ только о де- „монстраціи и ни о чемъ больше, въ этомъ *Neue Freie Presse* не сомнѣвается, ибо для того чтобы серьезно помышлять о вой- „нѣ нужно де по крайней мѣрѣ заручить- „ся союзникомъ, а такового не имѣется не только во Франціи или Германіи, но и въ „Англіи. Что же касается Германіи, то хотя послѣдняя рѣчь князя Бисмарка и ставитъ внѣ сомнѣнія ея полный нейтралитетъ, однако „кто можетъ поручиться что при „тѣхъ замѣшательствахъ кои наступили „бы въ продолженіи австро-русской вой- „ны, для Германіи не окажется необходи- „мость обратиться фронтомъ противъ Ав- „стріи?“

Вотъ какія благоразумныя рѣчи прихо- „дится слышать теперь отъ туркофильскихъ „органовъ. И нужно прибавить что *Neue Freie Presse*, проповѣдуя Австріи смире- „ніе предъ совершившимся фактомъ, отнюдь не обольщаетъ себя насчетъ предѣловъ „требованій Россіи. Мирныя условія, о ко- „ихъ телеграфъ возвѣстилъ въ понедѣль- „никъ, 25 февраля, передаются вѣнскою га- „зетой, со словъ *Агентства Гаваса*, съ нѣ- „которыми существенными добавленіями. Она утверждаетъ что весь турецкій флотъ

имѣть быть выданъ Россіи, что Россіи будетъ предоставлена морская стоянка въ Босфорѣ, что предѣлы Болгаріи будутъ простираться до Салоникъ и Аѳона который будетъ принадлежать Болгаріи, и что не только Россія, но и Сербія, Черногорія и Румынія получаютъ отъ Турціи денежное вознагражденіе. Словомъ. *Neue Freie Presse* полагаетъ что „турецкому владычеству въ Европѣ положенъ конецъ.“ Тѣмъ не менѣе она восклицаетъ: „мы не „хотимъ войны и еще менѣе воинственныхъ демонстрацій!“

Впрочемъ, имѣются указанія и на то что Австрія готова и инымъ способомъ уравновѣситъ то „перемѣщеніе силъ на Балканскомъ полуостровѣ“ которое она считаетъ для себя невыгоднымъ, и что она въ концѣ концовъ скрѣпя сердце согласится „принять“ Боснію и Герцеговину какъ вознагражденіе за тотъ ущербъ который ей нанесенъ послѣдствіями теперешней войны...”

№ 48.

Москва, 18-го февраля.

А.

Извѣстія клонятся къ тому что миръ подписанъ или будетъ подписанъ къ нашему завтрашнему празднику. Дай Богъ! Великая была бы радость для всей Русской земли. День водаренія нашего Государя, день возрожденія нашего отечества, день освобожденія нашего народа, ознаменовался бы и торжествомъ освобожденныхъ христіанскихъ народовъ Востока. Но подписанъ миръ или нѣтъ, великое дѣло уже совершилось, и нѣтъ на землѣ силы которая могла бы обратить его вспять. Не знаемъ что далѣе будетъ,—будущее въ рукъ Божіей,—но мы знаемъ то что совершилось, и можемъ на завтра почить отъ всѣхъ заботъ о будущемъ.

Предположимъ худшее, предположимъ что миръ не состоялся, что козни нашихъ враговъ подстерегли насъ при самомъ заключеніи мира, и что снова прорвется война. Не дай Богъ этого! Но кто осмѣлится подумать что дѣла на Востокѣ возвратятся въ прежнее состояніе, и что дальнѣйшій ходъ событій не поведетъ только къ большому торжеству того дѣла за кото-

рое Государь нашъ обнажилъ мечъ Россіи?

Тяжко, но мы можемъ представить себѣ самое худшее—можемъ представить себѣ что враги наши вырвутъ изъ рукъ нашихъ дѣло свято засвидѣтельствованное нами обильною кровію; но развѣ предъ судомъ Божіимъ оно не останется тѣмъ не менѣе сдѣланнымъ нами? Заставимъ на минуту умолкнуть всѣ соображенія и разчеты,—развѣ мы не выйдемъ изъ этого дѣла съ чувствомъ святости, которая выше всего, и важнѣе всего въ жизни какъ людей, такъ и народовъ призванныхъ къ жизни? Мы сказали невозможное для того чтобы сказать самое худшее: нѣтъ, никто нашего дѣла у насъ не вырветъ и вырвать не въ силахъ. Во всякомъ случаѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ, оно останется за нами. Благодать его отзовется во всемъ нашемъ составѣ. Оно возвыситъ нашъ духъ, оплодотворитъ нашу жизнь, озаритъ наши пути и сообщитъ намъ могущество какого ничто другое не могло бы намъ дать.

Дай Богъ чтобъ ожидаемый миръ былъ заключенъ на тѣхъ главныхъ условіяхъ которыя уже разглашены нашими врагами прежде чѣмъ быть-можетъ переговоры созрѣли и приблизились къ заключенію.

Естественно русскому чувству тревожно вникать въ подробности событій имѣющихъ для Русскаго народа столь великое значеніе. И то не такъ, и это было бы желательно... Но совершались ли въ исторіи событія въ которыхъ все было бы такъ и ничто не могло бы быть иначе, которыя развертывались бы въ идеальныхъ линияхъ геометрическаго чертежа, а не выработывались бы изъ хаоса подробностей и тьмы случайностей? Вспомнимъ ближайшее, вспомнимъ событіе соединенное съ торжествомъ завтрашняго дня—освобожденіе народныхъ массъ въ нашемъ отечествѣ изъ рабской зависимости. Развѣ не было тогда тревогъ, опасеній, сомнѣній, не всегда не справедливыхъ, не во всемъ неосновательныхъ? Но развѣ то что вышло не есть великое, святое и плодотворное дѣло?

Ходъ исторіи не прерывается. Мы всегда должны быть готовы къ новымъ событіямъ. Что будетъ то будетъ, но великое уже совершилось, и мы можемъ со спокойнымъ духомъ и радостнымъ сердцемъ сугубо праздновать нашъ завтрашній, по истинѣ великій историческій праздникъ.

Б.

Лордъ Дарби тоже думаетъ что миръ будетъ подписанъ сегодня. Къ условіямъ мира всѣ болѣе или менѣе уже приготовлены. Въ главномъ они не могутъ очень расходиться съ тѣми которыя за нѣсколько дней тому назадъ были переданы намъ въ лондонскихъ телеграммахъ, и которыя мы сообщаемъ сегодня съ большею подробностью изъ только что пришедшихъ англійскихъ газетъ. Условія эти и удовлетворительны, и умѣренны. Они соответствуютъ главной цѣли, и дай Богъ чтобъ они ни въ чемъ не сократились и чтобъ они были надежно обезпечены. Иначе можно ожидать что всѣ они до единого подвергнутся вопросу на предстоящей конференціи. Это не простое предположеніе съ нашей стороны: въ такомъ смыслѣ высказывается самымъ рѣшительнымъ тономъ почти вся англійская печать по поводу полученныхъ ею изъ Константинополя свѣдѣній объ этихъ условіяхъ. Она отзывается о нихъ съ величайшимъ негодованіемъ, и нагло увѣдомляетъ что ни Англія, ни Австрія не потерпятъ чтобъ они были утверждены. Министерская *Morning Post* громче всѣхъ высказываетъ свой гнѣвъ; объявляя что эти условія равносильны уничтоженію Оттоманской имперіи. „Должна ли Турція сдѣлаться Россіей?“ восклицаетъ зазорная газета: „Должна ли Оттоманская имперія исчезнуть? Если государствамъ угодно дозволить Россіи поступить съ Турціей какъ ей вздумается, смести ее, и сдѣлать продолженіе ея политическаго существованія невозможнымъ, то нечего и говорить.“ Но Беконсфильдовскій органъ утѣшается что этого быть не можетъ: „Напротивъ, Австрія признаетъ въ созданіи предполагаемаго княжества прямую угрозу собственному существованію, и если Англія откроетъ глаза и пойметъ фактъ что безъ территоріи и безъ доходовъ Оттоманская имперія должна будетъ перестать существовать на европейской сторонѣ Босфора, то мы можемъ понадеяться что инстинктъ самосохраненія, если не болѣе благородное чувство (благородное чувство и *Morning Post*!) заставитъ обѣ эти державы объявить съ твердостью что русскія предложенія не могутъ быть приняты.“

Вслѣдъ за *Morning Post*, и закоренѣлый торійскій органъ *Standard* выражаетъ

увѣренность что „даже теперь рѣшительная осанка Англіи будетъ достаточна чтобы заставить русскую дипломатію быть „осторожною.“ *Standard* полагаетъ что все будетъ рѣшено образомъ дѣйствій Англіи, ибо отъ нея де будетъ зависѣть и твердость какую обнаружитъ Австрія. Въ томъ же тонѣ вторить и *Daily Telegraph*, заявляя что „русская программа столь пагубна для Австріи и столь оскорбительна для Великобританіи что еслибы султанъ и принялъ ее съ отчаянія, то это принятіе вѣроятно принудитъ конференцію, если только она соберется, начать съ того чтобъ отвергнуть почти все что было сдѣлано.“ *Pall Mall Gazette*, въ свою очередь, называетъ русскія условія мира „чудовищными“ и доказываетъ будто они явно обнаруживаютъ „рѣшимость Россіи нанести тяжкій ударъ Англіи посредствомъ разрушенія Турецкой имперіи.“ Наконецъ и *Times* безъ обиняковъ объявляетъ что „никакія уступки сдѣланныя Портой не будутъ имѣть законной силы безъ согласія державъ подписавшихъ Парижскій трактатъ,“ ибо Турція вовсе де не находится въ такомъ же положеніи какъ Франція послѣ ея войны съ Германіей, и великія державы сдѣлали де ее предметомъ трактатовъ вовсе не въ ея интересахъ, а въ своихъ собственныхъ. „Отъ своихъ интересовъ Турція можетъ отказаться, но интересы державъ останутся. По истинѣ, въ сообщаемыхъ условіяхъ едва ли есть одно на сокращеніи коего не могли бы настоять державы, ибо всѣ они болѣе или менѣе касаются будущаго положенія Турціи.“ Поэтому-то органъ Лондонскаго Города и страшается насъ возможностью новой войны, утѣшая впрочемъ что Россія можетъ избѣжать ея „умѣренностью и вниманіемъ къ желаніямъ другихъ державъ.“ Даже либеральный органъ *Daily News*, до сихъ поръ безпристрастнѣе другихъ относившійся къ Россіи, задѣтъ русскими условіями, приходитъ къ иному заключенію чѣмъ его собратья, и загадочно замѣчаетъ: „Отнынѣ для англійскихъ государственныхъ людей должно стать аксіомой что Оттоманская имперія въ Европѣ, по скольку она остается, будетъ существовать только въ качествѣ державы зависимой отъ Россіи и ей союзной. А потому, усиливая ее теперь въ тѣхъ предѣлахъ которые одни только возможны, мы стали бы просто

„усиливать ея завоевателя и протектора.“ Отсюда *Daily News* заключаетъ что Англійскому правительству слѣдуетъ перемѣнить систему и начать съ отозванія Лейрда. Какою же политикой должна быть замѣнена нынѣшняя, этого либеральный органъ не развиваетъ.

Всѣ эти выраженія удивленія, негодованія, наконецъ угрозы,—все это притворство. Сущность русскихъ условій, какъ не разъ было нами указано, была за полгода еще предъ тѣмъ извѣстна въ Англіи изъ меморандума графа Шувалова.

Въ этомъ документѣ ясно сказано о вознагражденіи нашихъ союзниковъ, Румыніи, Сербіи и Черногоріи, и о вознагражденіи Россіи за расходы войны, на которое она имѣетъ полное право, а главное—объ освобожденіи Болгаріи. Этотъ послѣдній пунктъ и есть самый существенный. Какъ ни непріятно Англіи видѣть что значительная христіанская область должна освободиться отъ варварскаго ига, но какъ же быть когда именно это и было цѣлью нашей войны?

№ 49.

Москва, 19-го февраля.

Предъ самымъ выпускомъ нумера получили мы радостное извѣстіе что миръ дѣйствительно подписанъ сегодня, 19 февраля.

Итакъ, ожиданія сбылись. Знаменательное и славное совпаденіе совершилось. День возрожденія Россіи будетъ днемъ возрожденія Востока. Русский праздникъ будетъ праздникомъ за Дунаемъ, за Балканами, во всемъ православномъ и во всемъ славянскомъ мірѣ.

№ 50.

Москва, 20-го февраля.

Съ Европой, или точнѣе съ державами недовольными нашимъ успѣхомъ, наше дѣло еще впереди, но съ Турціей оно окончено. Порта очень хорошо, конечно, понимала что недовольство Англіи и Австріи русскими условіями мира возбуждено во все не любовью къ ней. Турція много потерпѣла въ борьбѣ, но виною тому ея ослѣпленіе, и за понесенныя ею бѣдствія

пусть она взыскиваетъ съ тѣхъ кто ослѣплялъ ее изъ корыстныхъ видовъ. Мы полагаемъ что Порта уже оцѣнила по достоинству своихъ прежнихъ друзей. Они недовольны принятыми ею условіями,—Порта это видитъ,—но она не можетъ не видѣть также и того что ея мнимые друзья заботятся только о себѣ, имѣя въ виду захватить какъ можно больше у нея же, чтобъ уравновѣсить результаты русскихъ побѣдъ. Видъ Австріи и Англіи не тайна ни для кого, не тайна и для Порты.

Условія заключеннаго мира вскорѣ будутъ обнародованы. Но въ главныхъ и существенныхъ чертахъ они не могутъ во многомъ отличаться отъ тѣхъ общихъ очерковъ которые въ послѣдніе дни сообщались иностранными агентствами. Цѣною пролитой крови приводится въ исполненіе та самая программа которую Россія мирно предлагала Портѣ осуществить въ болѣе скромныхъ размѣрахъ и которую она теперь вынуждена принять съ тяжкими за свое упорство потерями. Еслибы Порта искренно слѣдовала русскимъ совѣтамъ, она давно нашла бы единственно возможный для себя способъ существованія на Европейской и христіанской почвѣ. Россія никогда не обольщала ея нелѣпою и безсовѣстною мыслию стать государствомъ въ европейскомъ смыслѣ, ассимилировать оттоманскому элементу христіанскія народности и создавать учрежденія по французскому шаблону; она не вызывала и не поощряла въ ея нѣдрахъ преобразователей и организаторовъ въ родѣ Мидхат-паши. Оттоманская имперія не есть и не можетъ быть національнымъ организмомъ. Это не свойственно ей; это противно ея природѣ, самому принципу ея существованія. Она можетъ длить свое существованіе только при системѣ обособленія частей, то-есть, обезпечивая самостоятельное существованіе и развитіе народовъ нѣкогда завоеванныхъ ею. Какъ ни тяжело для самой Порты на первое время освоиться со своимъ новымъ положеніемъ, но можно надѣяться что собственный интересъ вскорѣ помирить ее съ единственными условіями которыя могутъ дать смыслъ ея существованію и продлить его. Будетъ ли ей данъ срокъ для испытанія этихъ новыхъ условій, это другой вопросъ который теперь менѣе зависитъ отъ Россіи чѣмъ отъ другихъ, именно отъ тѣхъ кто извлекалъ свою выгоду изъ гнуснаго по-

рабощенія христіанскихъ народовъ. Мы видѣли уже какъ при первой вѣсти о ихъ освобожденіи зашевелились и подняли гвалтъ разные „интересы,“ а потому ни для кого не удивительно что извѣстіе о заключеніи мира было принято дурно англійскою печатью, и что она съ тревогой задаетъ теперь себѣ вопросъ: что же будетъ предпринято для огражденія британскихъ интересовъ?

Но намъ не даютъ отдохнуть, уже сегодня напоминаютъ что намъ придется еще сводить счеты съ Европой. Война кончена, и мы входимъ въ извилины политики. Намъ будутъ пугать призраками чтобы выманивать реальныя уступки. Тутъ мы опасаемся не столько враговъ сколько платоническихъ сочувствій и безкорыстныхъ содѣйствій: эта благодать всегда дорого обходится. Но объ этомъ будетъ еще рѣчь послѣ, а теперь порадуемся возникающему въ нашихъ противникахъ убѣжденію что они слишкомъ рано начали разчитывать на нашу податливость и слишкомъ увлеклись своими попытками запугать насъ; они усматриваютъ что достигли совсѣмъ противоположнаго результата. Въ послѣднемъ номерѣ газеты *Times* мы прочли любопытное письмо ея петербургскаго корреспондента, который, къ своему прискорбію разказывалъ о замѣчательной переѣмѣ въ настроеніи русскаго общества, о крайней непопулярности въ немъ самой мысли о европейской конференціи и о томъ какъ даже люди прежде не одобрявшіе войны теперь рѣшительно возстаютъ противъ всякаго компромисса. Этому корреспонденту, какъ видно хорошо знакомому съ русскими дѣлами, огорчительно видѣть неуваженіе какое стало распространяться въ русскомъ обществѣ къ „дипломатическому искусству.“ А что подъ этимъ искусствомъ онъ понимаетъ, какъ истый Англичанинъ и сотрудникъ *Times*, это можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ, которыя конечно мы не хотимъ принимать за изображеніе нашей дипломатіи: „Дипломаты“ (въ родѣ того напимѣръ о которомъ пишетъ сегодня г. Зиссерманъ) „должно признать: сѣбъ въ пренепріятномъ положеніи. Въ ихъ не ольшаго кружка, хорошія качества „ихъ мало цѣнятся. Ихъ осторожность кажетъя трусостью, а ихъ умѣренность не разуміемъ. Всякая уступка которую они дѣлаютъ политической необходимости осуждается какъ симптомъ преступной слабо-

сти... Здѣсь въ Петербургѣ ихъ дипломатическое искусство еще до нѣкоторой степени цѣнится, но въ Москвѣ о нихъ говорятъ въ выраженіяхъ далеко не лестныхъ. Не разъ я слышалъ какъ ихъ лаконически обзываютъ *ces imbécilles*, и меня часто предостерегали не обращать никакого вниманія на ихъ взгляды и на мѣренія.“ По поводу столь злополучнаго для англійскихъ ожиданій извѣщенія, газета *Times*, обсуждая и критикуя русскія условія мира и находя ихъ чуть не всѣ недопустимыми съ точки зрѣнія то Австріи, то Англіи, заключаетъ свою іереміаду слѣдующимъ характеристическимъ замѣчаніемъ: „Однако, можетъ быть величайшая опасность кроется не въ сумасбродствѣ (*extravagance*) русскихъ условій, а въ настроеніи Русскаго народа. Условія могутъ быть урѣзаны, но Русскій народъ повидимому не въ духѣ для уступокъ. Онъ сердитъ на Европу за то что стараются похитить плоды его побѣдъ, онъ упоенъ неожиданнымъ (для кого?) величіемъ своего военного торжества. Повидимому, война съ нашею страной была бы „положительно встрѣчена съ радостью.“

Не возражаемъ.

№ 51.

Москва, 21-го февраля.

Англійская печать сѣтуетъ на неуступчивое настроеніе Русскаго народа; стало-быть разчеты англійской дипломатіи запугать насъ воинственными демонстраціями не удались. Но есть еще болѣе характеристическое свидѣтельство этой неудачи. Въ засѣданіи палаты лордовъ, 25 февраля, графъ Дарби настоялъ на отклоненіи резолюціи внесенной лордомъ Стретденомъ и требовавшей чтобы правительство ея Британскаго величества приняло всѣ мѣры предосторожности противъ существеннаго нарушенія трактатовъ 1856 и 1871 годовъ. Рѣчь британскаго статсъ-секретаря была передана телеграфомъ весьма неполно, и опущено въ ней именно то мѣсто которое возбудило наиболѣе толковъ. Возражая на упреки за нерѣшительность и колебанія, лордъ Дарби припомнилъ что при самомъ началѣ Русско - Турецкой войны, Англіи предстоялъ выборъ между тремя путями: она могла присоединиться къ Россіи чтобы

предупредить такимъ образомъ ея отдѣльное дѣйствіе, но это совѣтовали лишь весьма немногіе; или же она могла сохранить нейтралитетъ; или, наконецъ, она могла объявить свое рѣшеніе отстаивать трактаты 1856 и 1871 годовъ. „Правительство и большое большинство Англійскаго народа,“ продолжалъ лордъ Дарби, „разсудительно рѣшили что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, не было желательно держаться политики которая привела къ Крымской войнѣ. Когда мы приняли рѣшеніе остаться нейтральными, то всѣ разсуждающіе люди знали къ чему это приведетъ. Мы знали что Россія была болѣе сильнымъ изъ двухъ борцовъ; мы знали что ранѣе или позднѣе, какое бы сопротивление ни оказала Турція, оно будетъ сокрушено, и что это приведетъ къ порядку вещей весьма отличному отъ прежде бывшаго. Я вполне понимаю что многіе кто годъ тому назадъ рѣзко выражались противъ войны теперь иного мнѣнія, потому что тогда они не вполне усматривали результаты политики нейтралитета. Но я скажу что прежде чѣмъ взводить на насъ обвиненія въ колебаніяхъ, нерѣшительности и недостаткѣ твердости, надо знать на какихъ фактахъ, какихъ поступкахъ или упущеніяхъ основаны эти обвиненія. Мы опредѣлили условія нашего нейтралитета въ началѣ войны, мы держались этихъ опредѣленныхъ нами условій, и никто еще не попытался доказать чтобы мы отступили отъ начертаннаго нами тогда пути. Я говорю что несправедливо жаловаться на людей управляющихъ дѣлами страны за то что возникло положеніе дѣлъ которое является естественнымъ, необходимымъ и неизбежнымъ результатомъ той политики которую правительство, при поддержкѣ націй, обдуманно приняло годъ тому назадъ.“

Слова эти возбудили на другой день бурю негодованія въ торійской печати. Было отмѣнено нѣсколько митинговъ предназначенныхъ для заявленія довѣрія правительству. Изъ словъ лорда Дарби тотчасъ же заключили что ни при какихъ обстоятельствахъ Англія не предприметъ ничего кромѣ протеста, но главною причиною досады было то что лордъ Дарби откровенно высказалъ это. Можно предположить что онъ это сдѣлалъ не безъ цѣли и не безъ достаточной причины, а

чтобы нѣсколько умѣрить парламентскій задоръ который становился смѣшнымъ въ виду его недействительности. Но признаніе это было слишкомъ обидно, и сравнивая заявленіе лорда Дарби съ угрожающимъ тономъ многихъ изъ его депешъ, стали искать другаго объясненія будто бы непостижимой и таинственной апатіи которой вдругъ предалось правительство. Иные стали допытываться не произошло ли какой-нибудь внезапной переменъ въ положеніи Австріи, и можно ли еще на нее разчитывать какъ на возможнаго союзника. Другіе же попросту сомнѣвались чтобы графъ Дарби выражалъ мнѣніе кабинета, и снова разнеслись въ Лондонѣ слухи о его предстоящей отставкѣ.

На другой день любопытство лондонской публики было возбуждено новою переменною. Для того ли чтобы успокоить своихъ приверженцевъ, или чтобы умалить значеніе произнесенной наканунѣ рѣчи лорда Дарби и изгладить впечатлѣніе будто правительство отказалось отъ надежды на успѣхъ запугиванья Россіи, только въ главныя лондонскія газеты было разослано изъ военнаго министерства извѣщеніе что вызванный изъ Гибралтара абиссинскій герой лордъ Непиръ of Magdala имѣется въ виду для командованія экспедиціоннымъ отрядомъ буде понадобится таковой снарядить, а что въ начальники штаба ему будетъ приданъ герой другой великой англійской войны, противъ Ашантиевъ, сэръ-Гарнетъ Уользлей (*Wolsley*). Слухи объ отставкѣ лорда Дарби притихли, такъ какъ это извѣщеніе было разослано тотчасъ послѣ совѣта министровъ, на которомъ присутствовалъ и лордъ Дарби; но за то въ этомъ возобновленіи „энергіи“ со стороны правительства стали искать указанія на возможность содѣйствія Австріи, и толковали что „хотя еще не было основанія утверждать что Англія получила прямое обѣщаніе такого содѣйствія, но что почти несомнѣнно есть надежда на ея поддержку.“

Вся эта дѣтская игра запугиванья абиссинскими и ашантийскими героями конечно очень смѣшна, но еще забавнѣе эти быстрые и ничѣмъ необъяснимые повороты надеждъ и сомнѣній относительно Австріи. Эти будущіе *quasi*-союзники все какъ будто присматриваются другъ къ другу, не рѣшаясь выступить на первый планъ одинъ безъ другаго и заботясь каждый о своемъ,

а потому и не увѣрены другъ въ другѣ. Въ Лондонѣ, послѣ рѣчи лорда Дарби, тревога была усилена еще слухомъ объ отсрочкѣ конференціи и предположеніемъ не затѣмъ ли она отлагается чтобы дать Австріи возможность присоединить Боснію и Герцеговину. А вслѣдствіе этого возбудился вопросъ, далеко ли то время когда и Англійскому правительству придется подумать о присоединеніяхъ за свой счетъ. Но всего интереснѣе и откровеннѣе эти отношенія Англіи къ Австріи развиваются въ статьѣ сегодня полученнаго нумера *Times*. Лондонская газета задается разсмотрѣніемъ любопытнаго вопроса: каковы дѣйствительныя намѣренія Австрійскаго правительства въ настоящую критическую минуту, да и имѣетъ ли оно какія либо намѣренія. Австрія не можетъ де быть довольна русскими условіями мира, но что же она намѣрена дѣлать? „Мадьяры,“ отдаетъ имъ справедливость *Times*, „не скрываютъ своей политики. Они хотятъ имѣть „главную власть въ Австріи, и для этой цѣли требуютъ пожертвованія не только „свободой христіанъ въ Турціи, но и правами славянскихъ національностей въ имперіи къ которой они сами принадлежатъ. „Эта политика можетъ-быть не очень возвышенная, но она ясна и понятна. Если-бы Мадьяры были единственною властью въ Австрійской имперіи, мы бы знали „чего ожидать.“ Но Мадьяры не вся Австрія; въ ней есть славянскія провинціи, и славянскія вліянія въ Вѣнѣ убѣждаютъ де что матеріаловъ для будущности Австріи слѣдуетъ искать на Балканскомъ полуостровѣ. Эту политику газета *Times* также находитъ понятною, но спрашиваетъ: „Какой же изъ двухъ голосовъ, мадьярскій или славянскій, есть голосъ самой „Австріи? Голоса настоящей Австріи мы „не различаемъ даже прислушиваясь къ „тому что произносится въ Вѣнѣ. Всѣ заявленія весьма неопредѣленны и ненадежны. Требуемый кредитъ можетъ быть такъ „же легко употребленъ для присоединенія „Босніи и Герцеговины какъ и для отправ- „ки арміи къ русской границѣ. Онъ можетъ также легко быть употребленъ для „дѣйствія по соглашенію съ Россіей какъ „и противъ нея. Какой же путь изберетъ „Австрія?“ Продолженіе до сего времени этой неизвѣстности *Times* можетъ объяснить себѣ только тѣмъ что Австрійскій дворъ самъ не можетъ рѣшиться какой

ему держаться политики. „Пусть же Австрійское правительство,“ заключаетъ органъ Лондонскаго Города, „скажетъ окончательное слово, и Англія, также какъ „и Россія, будетъ знать чего ожидать. „Австрія говоритъ что ея интересы тѣ же „что наши; но прежде чѣмъ мы можемъ „дѣйствовать въ согласіи съ Австріей, мы „должны имѣть точное заявленіе ея взглядовъ и ея намѣреній. Теперешняя же нерѣшительность болѣе опасна для мира „чѣмъ ясное и рѣшительное выраженіе „воинственнаго намѣренія.“

А между тѣмъ эта же самая газета *Times*, всего за нѣсколько дней, страшала насъ что русскія условія мира встрѣтятъ гораздо болѣе серіозныя возраженія со стороны Австріи чѣмъ Англіи...

№ 52.

Москва, 22-го февраля.

Въ то время какъ безчисленные официозные органы австро-венгерской печати еще продолжаютъ сохранять свою воинственную осанку и находятъ что русскія условія мира навязанныя Турціи „неслыханны по своей чрезмѣрности,“ какъ выражается *Fremdenblatt*,—болѣе откровенныя изъ тамошнихъ газетъ, дѣлающія оппозицію графа Андраши, настойчиво утверждаютъ что никто въ вѣнскихъ правительственныхъ сферахъ серіозно о войнѣ не помышляетъ и къ мобилизаціи австрійской арміи не думаетъ приступать, а что 60-ти милліонный кредитъ нуженъ графу Андраши совсѣмъ для иной цѣли, именно для занятія, или, еще проще, для присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австріи. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ что эти органы, принадлежащія преимущественно партіи такъ-называемыхъ „вѣрныхъ конституціи“ и центристовъ, то-есть той которая отнюдь несогласна на программу „толканія на Востокъ,“ предначертанную для Австріи княземъ Бисмаркомъ всячески встаютъ противъ обогащенія Габсбургской монархіи двумя новыми славянскими провинціями, *Neue Freie Presse* старается убѣдить что указанія въ этомъ смыслѣ идутъ изъ Берлина, и что князь Бисмаркъ далъ весьма ясный намекъ когда онъ, въ своей рѣчи о Восточныхъ дѣлахъ, выразился по поводу положенія занимаемаго Россіей на Бал-

канскомъ полуостровѣ: *beati possidentes* (блаженны владѣющіе). Этимъ дано де понять Австріи что и она должна заручиться захватомъ изъ турецкаго наслѣдства. Но *Neue Freie Presse* съ этимъ несогласна: она по своему толкуетъ приведенную княземъ Бисмаркомъ поговорку. „Блаженъ кто довольствуется тѣмъ что имѣетъ,“ такъ де смыслъ поговорки въ отношеніи къ Австріи; ей нечего гоняться за новыми территоріальными приобрѣтеніями, „а въ Славянахъ у нея и безъ того нѣтъ недостатка.“

Вѣрно или нѣтъ предположеніе вѣнскаго газеты будто замышляемое Австріей присоединеніе Босніи и Герцеговины есть послѣдствіе „посреднической“ дѣятельности князя Бисмарка, но нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на то что въ эту сторону направлены усилія дипломатическихъ сферъ кои поставили себѣ задачей „оберегать Австрію отъ чрезмѣрнаго усиленія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.“ Пусть бы другіе объ этомъ заботились. Но куріозно то что это вмѣняется намъ, Русскимъ, въ обязанность. Разсужденія какого-то „дипломата,“ помѣщаемыя иногда въ *Новомъ Времени*, доказываютъ что этими похвальными заботами дѣйствительно задаются и нѣкоторые изъ нашихъ дипломатовъ. *Политическая Корреспонденція*, въ свою очередь, приводитъ письмо изъ Петербурга, отъ 23 февраля, въ коемъ по удостовѣренію редакціи этого листка отражаются взгляды будто бы „господствующіе въ русскихъ кругахъ.“ Письмо это все направлено къ тому чтобъ „умилостивить“ Австрію. „Какую надобность имѣетъ Австрія,“ спрашиваетъ петербургскій корреспондентъ вѣнскаго листка, „вызывать но-
„выя замѣшательства? Австрія которая не
„имѣетъ, подобно Англіи, повода мстить Рос-
„сіи за оскорбленное самолюбіе, но которой
„напротивъ предстоитъ оградить свои *весь-*
„*ма законныя, естественныя и реальныя*
„интересы?“ А такое огражденіе возможно де лучше всего путемъ дружественныхъ переговоровъ и взаимныхъ уступокъ.“

Но спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ путь „уступокъ“ (не знаемъ въ какой мѣрѣ *взаимныхъ*) есть прямой путь къ тому чтобъ предотвратить Австрію отъ присоединенія къ Англіи, и есть ли надобность, въ интересахъ Россіи, страшиться подобнаго союза даже еслибъ онъ состоялся? Есть ли смыслъ въ этихъ заискиваньяхъ

и подобострастномъ признаніи „вполнѣ законныхъ и естественныхъ интересовъ Австріи, нуждающихся въ огражденіи въ виду могущественнаго положенія достигнутаго Россіей?“ „Дипломатъ“ проникшій въ столбцы *Новаго Времени* и петербургскій корреспондентъ вѣнскаго листка такого именно мнѣнія. Имъ кажется что Австрія *имѣетъ право* на то чтобы Россія въ угоду ей всячески сократила и умалила Богомъ дарованный ей успѣхъ. „Вамъ невыгодно что Россія сильна, вопіють эти господа:—сдѣлайте милость не безпокойтесь, это можно поправить; мы постараемся сдѣлать себя такими чтобы вы были довольны; мы сами оборвемъ и обциплемъ себя такъ чтобы стать слабѣе васъ. Вы опасаетесь усиленія нашего вліянія,—извольте, мы сами сдѣлаемъ все чтобъ умалить и подорвать его, такъ что вы не прибѣгая къ жребію оружія, который еще сомнителенъ, навѣрное достигнете того что вамъ нужно путемъ дипломатическимъ.“ Странная точка зрѣнія! И это называется умѣренностью!

Въ Вѣнѣ однако вовсе не торопятся схватить протянутую руку, и эти ласкательныя рѣчи вовсе не разгладили морщинъ на лбу австро-венгерской офиціозной печати. *Политическая Корреспонденція*, передавая заискивающее письмо своего петербургскаго корреспондента, спѣшитъ оговориться что она ничуть „не отождествляетъ себя“ со взглядами въ немъ невыраженными.

Старое правило: хочешь мира, будь готовъ къ войнѣ. При томъ положеніи которое Россія нынѣ занимаетъ на Балканскомъ полуостровѣ, опираясь на многіе милліоны единовѣрныхъ и единоплеменныхъ ей народностей впервые свободно вздохнувшихъ послѣ долгаго гнета окончательно сломленнаго Россіей, она могла бы смѣло ожидать всякой борьбы... Съ другой стороны, исторія послѣднихъ двухъ лѣтъ богата (слишкомъ богата) примѣрами и доказательствами ея миролюбія. Не вѣрится въ нихъ лишь тотъ кому *это не выгодно*, чей разчетъ именно въ томъ заключается чтобы, прикидываясь встревоженнымъ за свои интересы, исторгнуть у Россіи новыя уступки. Но эти уступки не только не „успокаиваютъ“ встревоженныхъ за свою безопасность доброжелателей нашихъ, но часто ведутъ къ противоположному результату и причиняютъ столкновеніе тамъ гдѣ можно было избѣжать его твердостью.

Другое средство къ коему охотно при-

бѣгаютъ наши доброжелатели, заключается въ томъ, чтобы сѣять смуту и недо-
вѣріе къ Россіи среди народностей всѣмъ
ей обязанныхъ. Политическая интрига дав-
но уже обрабатывала Грецію въ этомъ смы-
слѣ. И теперь, не успѣли замолкнуть пуш-
ки какъ та же интрига уже начинать свои
подходы среди другихъ освобожденныхъ
Россіей народностей. Она старается вос-
пользоваться всѣми нашими упущеніями и
ошибками чтобы поссорить насъ съ ними.
Она выманиваетъ у насъ уступки въ осла-
бленіе и ихъ, и наше, достигая тѣмъ двой-
ной цѣли: она хватается въ свою пользу
уступленное, и этимъ самымъ въ то же
время подрываетъ довѣріе къ намъ въ на-
шихъ естественныхъ союзникахъ... Услу-
жливая вѣнская печать уже спѣшитъ по-
вѣдать міру о крайнемъ раздраженіи про-
тивъ Россіи господствующемъ будто бы въ
Бѣлградѣ вслѣдствіе ея нежеланія пред-
оставить Сербіи все то что ею приобрѣте-
но завоеваніемъ.

№ 53.

Москва, 23-го февраля.

Условія мира переданныя *Рейтеровымъ*
агентствомъ изъ Константинополя дошли
до насъ въ трехъ большихъ телеграммахъ:
одна вчера, двѣ остальные, одна за дру-
гою, сегодня. Все это далеко не полно и
быть-можетъ во многомъ не точно, какъ и
предупреждаетъ *Правительственный Вѣ-*
стникъ. Но въ ожиданіи полного и офи-
ціального текста, можно уже и по этимъ
сообщеніямъ составить себѣ общее поня-
тіе о содержаніи заключеннаго между Рос-
сіей и Турціей трактата. Это миръ дѣй-
ствительно достойный славнаго и знаме-
нательнаго дня въ который онъ подписанъ.
Берлинскій органъ *Post* справедливо за-
ключилъ свою вчерашнюю статью словами:
„Какія бы перипетіи не пришлось еще
„пройти Европѣ прежде чѣмъ она достиг-
„нетъ желаннаго мира, вѣрно то что во
„все болѣе чѣмъ вѣковое теченіе Восточ-
„наго вопроса самый великій шагъ къ его
„единственно возможному разрѣшенію со-
„вершилъ Императоръ Александръ II.“
Эти слова берлинская газета заключила же-
ланіемъ счастья Россіи, которая для испол-
ненія своего подвига жертвовала кровью

отъ Царскаго Дома до бѣднѣйшей кре-
стьянской хижины.

Дѣло запечатлѣнное столь великими жерт-
вами не могло остаться безплоднымъ, и
мы можемъ порадоваться желанному миру
не потому только что прекращается брань
и дается заслуженный отдыхъ нашимъ доб-
лестнымъ бойцамъ, но прежде всего по-
тому что это миръ такой какого Россія въ
правѣ была ожидать отъ ихъ подвиговъ.

Заклученный миръ вноситъ большія пе-
ремѣны въ положеніе юго-восточной Евро-
пы, но при всей обширности ихъ въ то
же самое время не возможно не признать
крайней умѣренности коею руководилась
Россія въ своихъ условіяхъ. Этимъ ми-
ромъ она доказала до очевидности что не
искала войны и предприняла ее не изъ
честолюбія. Она ограничилась исполненіемъ
той программы которая давно была про-
возглашена ею предъ цѣлымъ свѣтомъ и
также хорошо была извѣстна и ея про-
тивнику. Побѣжденная Турція прежде всѣхъ
другихъ должна признать это. Она ли-
шается, правда, многого, но если собы-
тія умудрили ее, она должна понять что
Россія даетъ ей единственно возможные
для нея условія существованія, на ко-
торыя всегда и указывала ей русская по-
литика. Порта весьма вскорѣ можетъ убѣ-
диться что новый порядокъ вещей гораздо
полезнѣе для нея чѣмъ иллюзіи которыми
обманивали ее корыстные друзья.

Болгарія, бывшая главною причиною
войны, болѣе всѣхъ потерпѣвшая и та-
кими страшными страданіями купившая пра-
во на освобожденіе, получаетъ совершен-
но самостоятельное управленіе, съ націо-
нальною военною силою для охраненія по-
рядка, сохраняя лишь вассальное отно-
шеніе къ Портѣ.

Слово Русскаго Царя оправдалось въ
полной мѣрѣ, и освобождаемая провинція
получаетъ благопріятныя условія для сво-
его развитія въ дарованныхъ ей грани-
цахъ, простирающихся отъ Чернаго Моря
до Эгейскаго и включающихъ если не всю,
то главную массу Болгарскаго племени.

Освободивъ и призвавъ къ жизни Бол-
гарскій народъ, такъ долго пребывавшій
въ смертной сѣни, Россія не могла бро-
сить его на произволъ случая и свое дѣ-
ло оставить не обезпеченнымъ. Оградивъ
его совнѣ, она съ самаго начала признала
своимъ долгомъ положить основы правиль-
ному гражданскому быту въ возраждаемой

странѣ. Освобождая Болгарію, надо было подумать о ея внутреннемъ устройствѣ, и Царь-Освободитель при самомъ началѣ подумалъ объ этомъ. Дѣло организаціи началось и шло вмѣстѣ съ войной; подъ ея громами создавалось дѣло мира и шло вперёдъ вслѣдъ за движеніемъ нашихъ войскъ. Человѣкъ котораго мы теперь оплакиваемъ, человѣкъ 19 февраля, князь Черкасскій, былъ поставленъ во главѣ этого дѣла, которое было снабжено обильными средствами и къ которому онъ привлёкъ способныхъ дѣятелей. Оно зрѣло на ходу, оно вырабатывалось на мѣстѣ, повѣряя себя указаніями жизни. Князь Черкасскій поставилъ себѣ первою задачей привести въ извѣстность все, что жило подъ спудомъ въ подавленномъ народѣ, всѣ элементы его существованія, все, что въ немъ притаилось отъ давней эпохи его самостоятельности и что потомъ завелось и утвердилось въ его бытѣ. Такимъ образомъ, всестороннее и обширное изученіе даннаго было предпослано предстоявшей организаціи гражданской и социальной. Великія катастрофы войны отвлекали общее вниманіе отъ хода этого дѣла; было не до него, и оно до сихъ поръ остается почти неизвѣстнымъ для публики. Но теперь, послѣ 19 февраля, оно должно выступить на первый планъ и мы надѣемся вскорѣ собрать о немъ свѣдѣнія.

Но не объ одной Болгаріи позаботилась Россія; ея не забыты и другія христіанскія области Турціи. Къ Босніи не найдено было возможнымъ примѣнить автономію столь же широко какъ въ Болгаріи, можетъ быть по причинѣ большей сложности въ ней поземельныхъ отношеній при значительномъ и сильномъ землевладѣльческомъ классѣ мусульманскомъ, но одноплеменномъ съ христіанскимъ населеніемъ, а вѣрнѣе вслѣдствіе затрудненій со стороны Австріи. Но и этой провинціи, гдѣ начались смуты, хотя онѣ и не разыгрались въ ней такими кровавыми оргіями какъ въ Болгаріи, выговорено въ принципѣ широкое административное самоуправленіе, именно тѣ реформы которыя были установлены на предварительномъ засѣданіи Константинопольской конференціи. Впрочемъ, надо дождаться подлиннаго текста для сужденія о подробностяхъ.

Вѣрная своему знамени, Россія не забыла и другихъ христіанскихъ провинцій, не забыла греческихъ Фессаліи и Эпира, хо-

тя онѣ не были въ районѣ не только военныхъ операцій, но и волненій въ послѣдніе годы, и хотя о нихъ не было рѣчи и на Константинопольской конференціи. Между тѣмъ какъ западные друзья Грековъ отвращали ихъ отъ Россіи, будто бы заботящейся только о Славянахъ между тѣмъ какъ они обѣщали Грекамъ доставить имъ выгоды своею дипломатіей, Россія, къ которой они не обращались, сама вспомнила о нихъ. Если вѣрить *Рейтерову агентству*, Фессаліи и Эпиру имѣетъ быть дана организація подобная той которая была дарована Криту въ 1868 году. А что эта организація не есть пустая реформа доказывается тѣмъ что Критине очень дорожили ею, и въ прошедшемъ году жаловались только на ея нарушеніе турецкими властями и посылали къ Портѣ делегатовъ съ требованіемъ точнаго соблюденія ея. Сомнѣніе можетъ быть только въ томъ не будетъ ли Порты также вѣроломна въ исполненіи своихъ обѣщаній въ Фессаліи и Эпирѣ какъ въ Критѣ. Но миръ заключенный ею съ Россіей послужитъ надежною гарантіей исполненія.

Что касается нашихъ вѣрныхъ и храбрыхъ союзниковъ въ войнѣ, то и они получаютъ вознагражденіе за понесенныя ими тягости. Но объ этомъ лучше отложить всякое сужденіе до полученія совершенно точныхъ свѣдѣній.

Рейтеръ, въ своемъ сообщеніи, ничего не упоминаетъ о Батумѣ, который Россія была въ правѣ потребовать себѣ. Случайность ли это или этотъ столь необходимый Россіи портъ въ другой разъ при заключеніи мира ускользнетъ отъ ней?... А пунктъ этотъ чуть ли не важнѣе для Россіи чѣмъ всѣ завоеванныя ею въ Арменіи земли.

№ 54.

Москва, 27-го февраля.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о мирѣ, усиливаются воинственные демонстраціи. Изъ Мальты телеграфируютъ что стоящіе тамъ два линейные полка (какая страсть!) получили приказаніе изготovitъ ся чтобы сѣсть на суда въ случаѣ надобности. Но еще характеристичнѣе что Австрія, по инициативѣ коей долженъ теперь собраться европейскій конгрессъ, лихорадочнѣе прежняго готовится также приняться за воору-

женія. Графъ Андраши настойчивѣе чѣмъ когда-либо убѣждаетъ делегаціи разрѣшить ему требуемый кредитъ. Одна изъ официальныхъ вѣнскихъ газетъ объясняетъ что это необходимо для того чтобъ успѣхъ возраженій противъ русскихъ претензій поддержать не только логикой аргументовъ, но и логикой силы. Не куріозно ли это? Мы очень хорошо знаемъ что Австрія не можетъ желать войны въ настоящую минуту, — это было бы для ней и невыгодно, и опасно, — и намъ кажется что угрожающія гримасы и не къ лицу графа Андраши, и не къ пользѣ для австро-венгерской политики. Онѣ ничему помочь не въ состояніи, а повредить Габсбургскимъ интересамъ могутъ.

Телеграфъ передалъ въ сокращеніи рѣчь австро-венгерскаго канцлера въ делегаціяхъ. Не входя въ анализъ еще подлинно неизвѣстныхъ ему постановленій мира, или, какъ ему угодно было выразиться, „прелиминарій“ мира, онъ нашелъ, однако, нужнымъ заявить что Австрія потребуетъ приведенія результатовъ войны къ такимъ размѣрамъ чтобы не было ушерба ея интересамъ, а также интересамъ Европы (какая заботливость о Европѣ!). Въ другой вѣнской телеграммѣ сообщается будто Австрійскій кабинетъ полагаетъ де что или Россія должна согласиться на значительное сокращеніе условленныхъ ея договоромъ границъ Болгаріи, такъ чтобы „Турція могла не только прозябать, но и жить государственною жизнью; или же Турція должна быть совсѣмъ уничтожена и подвергнуться раздѣлу.“

Измѣнить условія заключеннаго Россіей трактата, — не слишкомъ ли много беретъ на себя графъ Андраши, не слишкомъ ли много полагается онъ на вѣнскую логику своихъ 60 милліоновъ гульденовъ? Австро-венгерскій канцлеръ хорошо знаетъ что Россія не затѣмъ идетъ на конгрессъ чтобы подвергать вопросу заключеннаго ею съ Портой условія мира. Она, мы полагаемъ, и вопроса не допуститъ о томъ что рѣшено, предоставляя обсужденію конгресса лишь что признала подлежащимъ его обсужденію, какъ вопросъ о Проливахъ. Графъ Андраши, если вѣрить телеграммѣ, боится что Турціи, вслѣдствіе заключеннаго ею трактата, придется уже не жить государственною жизнью, а прозябать. Не странно ли это со стороны автора пресловутой ноты 1875 года. Пусть бы что ли-

бо подобное сказалъ лордъ Беконсфильдъ, который еще минувшею осенью находилъ приличнымъ прославлять на публичномъ банкетѣ жизненность Турціи, но графу Андраши это вовсе не пристало: онъ безпощадно осудилъ прежніе турецкіе порядки въ той нотѣ которая была принята всею Европой и самою Портой. Порта сама признала что условія ея „государственной жизни“ были ненормальны издавал свои гати-гумайюны и ираде о реформахъ. Что же сдѣлано Россіей какъ не приведеніе въ дѣйствительное реформъ всѣмъ въ принципѣ признанныхъ? Въ сущности русскія условія мира, по скольку они относятся къ устройству христіанскихъ провинцій Турціи, въ принципѣ не отличаются отъ реформъ которыя требовались въ нотѣ самого графа Андраши. Какъ тѣ, такъ другія одинаково исходили отъ признанія того принципа что Оттоманскій элементъ неспособенъ ни къ ассимиляціи, ни къ организаціи благоустроеннаго управленія въ христіанскихъ областяхъ. Но нота графа Андраши была празднымъ словомъ, а русскія условія мира создаютъ дѣйствительность. Россія дополняетъ только программу ноты графа Андраши гарантіей, а необходимость гарантіи была признана и австро-венгерскимъ канцлеромъ когда онъ подписывалъ Берлинскій меморандумъ.

Но дѣло не въ томъ. Противникамъ нашимъ миръ заключенный нами не нравится не только потому что это миръ достойный Россіи, что онъ возвышаетъ ея значеніе и вліяніе, но и потому что миръ есть миръ. Видя что Турція, не можетъ уже удовлетворять тѣмъ цѣлямъ для коихъ она поддерживалась прежде, ея прежніе друзья, повидимому, помышляютъ уже о томъ чтобы продлить Восточный кризисъ и покончить съ Турціей. Вѣнская телеграмма заключается извѣстіемъ что раздѣлъ Турціи будто бы становится теперь вопросомъ дня, и полагаютъ что на этотъ счетъ между Австріей и Англіей состоялось нѣкоторое соглашеніе. На это намекаетъ во вчерашнемъ письмѣ и нашъ берлинскій корреспондентъ, говоря что Англія повидимому начинаетъ снова спекулировать на Египетъ. А парижскій корреспондентъ *Times* утверждаетъ будто къ занятію Египта побуждаетъ Англію Германія, — развѣ затѣмъ чтобы поссорить ее съ Франціей. Въ Англіи спекулируютъ также на Критъ и Митилену. Что касается

Австріи, то она раздумываетъ какъ бы расширить свою „компенсацію“, а Россію оставить ни при чемъ.

Всѣ эти планы можетъ-быть выступятъ еще ранѣе собранія конгресса. Порта должна теперь понять что предоставленныя ей Россіей условія спасаютъ ея существованіе. Облегчая и примиряя ея отношенія къ христіанскимъ населеніямъ, они отнюдь не отнимаютъ у ней возможности развитія въ иномъ направленіи, среди мусульманскихъ населеній, особенно въ Азіи, гдѣ съ халифомъ встрѣчается императрица Индійская, претендующая тоже быть представительницей Ислама...

№ 55.

Москва, 28-го февраля.

Для исполненія какой задачи соберется въ Берлинъ торжественное дипломатическое соищище, — объ этомъ у всѣхъ неясное понятіе.

Но мы уже теперь видимъ повтореніе той самой игры которой мы были свидѣтелями въ то время когда Порта впервые обратилась къ европейскимъ державамъ съ просьбой о посредничествѣ. Тогда съ угрозами кричали что сепаратный миръ между Россіей и Портой допущенъ быть не можетъ. Теперь, съ удвоенными угрозами твердятъ что заключенный нами миръ есть не болѣе какъ плохая шутка, и что мы должны быть готовы къ передѣлкѣ его сообразно съ желаніями и требованіями каждой изъ державъ.

Австро-Венгерскій канцлеръ, теперь уже считающій себя повѣреннымъ въ дѣлахъ всей Европы, въ секретномъ засѣданіи венгерской делегаціи опредѣляетъ какія перемѣны на Востокѣ, по его сужденію, не могутъ быть допущены Австро-Венгріей, Европой тожъ. Англія, съ своей стороны, требуетъ чтобы весь мирный договоръ заключенный Россіей былъ переданъ на разсмотрѣніе конгресса. Въ отвѣтъ на запросъ въ палатѣ, британскій министръ объявляетъ что было бы глупостью и собираться на конгрессъ если его обсужденію не будутъ подлежать всѣ условія мира. Значитъ мы, только въ перемиріи съ Турціей, а миръ заключить конгрессъ. Переговоры уполномоченныхъ, составленный ими инструментъ мирнаго трактата, его рати-

фикація, все это только невинная забава во время отдыха. Границы Болгаріи, выговоренныя для ней гарантіи, выгоды пріобрѣтенныя нашими союзниками, наше вознагражденіе, все это по мнѣнію Австро-Венгріи и Англіи будетъ пересматриваться, а если пересматриваться, то можетъ и измѣниться...

Британскій министръ находитъ глупымъ собираться на конгрессъ если нельзя обсуждать всѣ условія мира заключеннаго между воевавшими сторонами. Такъ ли? Не наоборотъ ли? Глупостью было бы идти толковать о томъ что уже рѣшено и dokonчено. Конгрессъ, если въ таковомъ есть надобность, можетъ имѣть своимъ предметомъ только тѣ предметы которые трактатомъ не рѣшены, и такіе предметы есть. Россія, въ угоду и успокоеніе другимъ, остановила успѣхи своего побѣдоноснаго оружія; она сдержала свои войска предъ беззащитною столицей непріятеля; она не завладѣла ни Босфоромъ, ни Дарданеллами, что было бы для нея дѣломъ одного шага. Она явила примѣръ неслыханнаго воздержанія. Вся сила Восточнаго вопроса заключается въ Проливахъ, и Россія не захотѣла воспользоваться результатами своихъ жертвъ и побѣдъ; она не взяла того что само давалось ей въ руки, и обошла этотъ вопросъ и въ мирномъ трактатѣ. Она предоставила его регулированію сообща съ другими державами. Проливы и другіе не предрѣшенные договоромъ вопросы, вотъ предметъ занятій конгресса если въ таковомъ оказывается надобность. Вотъ единственное серіозное значеніе какое онъ можетъ имѣть. Объ воевавшія стороны считаютъ свой договоръ до такой степени твердымъ что принимаютъ мѣры къ немедленному исполненію его, что не имѣло бы смысла, еслибы, по мнѣнію ихъ, онъ не могъ бы еще подлежать пересмотру. Какъ могло бы Русское правительство дѣлать распоряженіе о возвращеніи своихъ войскъ изъ Турціи и полоненныхъ турецкихъ армій изъ Россіи, еслибы не считало заключенный миръ твердымъ? Да и какой смыслъ имѣла бы ратификація договора который чрезъ нѣсколько недѣль могъ бы подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ? А если существеннымъ измѣненіямъ подлежать онъ не можетъ, то вопреки сужденію британскихъ министровъ глупо было бы представителямъ державъ собираться для того чтобы вести

праздные разговоры объ условіяхъ уже заключеннаго трактата.

Въ чемъ могло бы состоять истинное вознагражденіе Россіи, кромѣ достигнутой общечеловѣческой цѣли на Балканскомъ полуостровѣ? Непосредственный интересъ Россіи былъ бы по истинѣ удовлетворенъ только въ томъ случаѣ еслибы она могла прочно обезпечить свое Черноморское побережье, и чрезъ это призвать къ жизни и дѣятельности спящія силы своего южнаго края. Но обезпеченіе это неразрывно связано съ вопросомъ о Проливахъ. Пока надъ нашимъ Черноморскимъ побережьемъ виситъ Дамокловъ мечъ, — богатый край этотъ будетъ оставаться въ коснѣніи. Клокъ земли у Константинопольскаго пролива цѣниѣе для насъ тысячи квадратныхъ верстъ турецкой Арменіи. По крайней мѣрѣ надо намъ имѣть сильный флотъ въ Черномъ Морѣ, чтобы быть въ состояніи во всякое время запереть въ него входъ. Пусть бы Турки уступили намъ своихъ броненосцевъ, хотя бы въ зачетъ наложенной на нихъ контрибуціи; эти броненосцы послужили бы основаніемъ нашего будущаго могущества не въ области чуждыхъ намъ интересовъ, а у себя дома. Быстро двинулся бы нашъ коснѣющій югъ, неистощимо богатый и плодородіемъ почвы, и каменнымъ углемъ, и желѣзомъ... Вотъ эта-то перспектива и не нравится нашимъ друзьямъ на Западѣ; вотъ этого-то и опасается Англія, трубящая о завоевательныхъ замыслахъ Россіи.

№ 56.

Москва. 1-го марта.

Благодаря раскрытіямъ *Кельнской Газеты*, отъ 8 марта, сообщившей въ телеграммѣ изъ Перы анализъ мирнаго трактата заключеннаго въ Санъ-Стефано, иностранная печать уже нынѣ занята обсужденіемъ мирныхъ условій и толками о томъ чего можно ожидать отъ предстоящаго конгресса, и какъ та или другая изъ заинтересованныхъ державъ должна отнестись къ этимъ условіямъ. Мы не знаемъ насколько вѣрно сообщеніе *Кельнской Газеты*, и во всякомъ случаѣ полагаемъ что для твердыхъ сужденій было бы удобнѣе выждать еще нѣсколько дней отдѣляющихъ насъ отъ официальнаго обнародованія мир-

наго трактата. Но сужденія теперь высказываемыя иностранною печатью сами по себѣ заслуживаютъ вниманія.

Важнѣйшимъ пунктомъ мирнаго трактата признается будущая Болгарія, ея предѣлы и внутренняя организація, а также вліяніе которое будетъ имѣть на эту организацію Россія чрезъ посредство своей оккупационной арміи и административныхъ органовъ коимъ поручено будетъ введеніе новаго порядка вещей въ Болгаріи. Вотъ какъ характеризуетъ эту будущую Болгарію *Національная Газета*, основываясь на сообщеніи *Кельнской Газеты*: „Васальное государство которое въ теченіе двухъ лѣтъ будетъ устраиваться, съ помощію 50.000 войска, русскими чиновниками, школьными учителями, судьями и вольными политиками, которое будетъ господствовать по побережью Чернаго Моря, а въ Эгейскомъ морѣ будетъ имѣть свою морскую стоянку, которое включить въ себя городъ Салоникки, охватить Константинополь съ Мраморнымъ Моремъ и Проливами на разстояніи лишь немногихъ переходовъ; которое опирается на Балканъ и Дунай и на западѣ приближается къ Адриатическому морю и къ средоточіямъ Сербіи и Босніи также лишь на разстояніе немногихъ дневныхъ переходовъ, а къ югу вдается въ области которыя споконъ-вѣка считались естественнымъ наслѣдіемъ Греческаго племени.“ Вся сущность трактата, по мнѣнію названной газеты, заключается въ этихъ условіяхъ касательно Болгаріи. Опасенія Австріи что Балканскій полуостровъ будетъ подчиненъ неотразимому вліянію Россіи, а новыя государственныя образованія напередъ лишены возможности развиваться до такой самостоятельности чтобы когда-нибудь оказать противодѣйствіе самой Россіи, — эти опасенія становятся де теперь вполне основательными. Далѣе та же газета рассуждаетъ что положеніе созданное мирнымъ трактатомъ представляетъ менѣе шансовъ для Австріи чѣмъ еслибы Россія вздумала выступить прямо завоевательницей на Балканскомъ полуостровѣ, или же подѣлить Турцію съ Австріей, или наконецъ превратить всю Турцію въ мелкія христіанскія государства. *Національная Газета* думаетъ что во всѣхъ этихъ случаяхъ было бы болѣе возможности бороться противъ вліянія Россіи и конкурировать съ нею нежели при томъ порядкѣ ко-

торый устанавливается теперь. Изю всего этого берлинская газета однако отнюдь не выводитъ заключенія, чтобъ Австрія имѣла разумный поводъ силой воспротивиться осуществленію того что; по ея мнѣнію, есть неизбѣжное послѣдствіе совершившихся событій. „Еслибы насъ спросили,“ замѣчаетъ она, „какой иной результатъ былъ „возможенъ и желателенъ, то мы едва ли „нашли бы что отвѣчать. Европа призна- „ла негодность турецкаго владычества; „Россія взяла на себя прекратить это вла- „дичество и освободить райю. Что же иное „могло бы произойти въ противоположность „тому что установлено мирнымъ тракта- „томъ?“

Англія, рассуждаетъ далѣе берлинская газета, обладающая большимъ практическимъ смысломъ, уже стала примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ; тамъ поняли что Турцію воскресить невозможно, и обратились къ вопросу объ участіи въ ея наслѣдіи; занятіе Египта снова выступило на первый планъ. Берлинская газета со- отвѣтствуетъ и Австріи держаться непре- оборимыхъ реальныхъ фактовъ и признать что „турецкое наслѣдство открылось,“ и что по необходимости слѣдуетъ такъ или иначе имъ распорядиться.

Таковы увѣщанія съ коими обращаются къ Австріи изъ Берлина. По тому же адресу идутъ увѣщанія также изъ Петербурга. Тамошній корреспондентъ *Политической Корреспонденции*, чьи письма редакція вѣнскаго листка выдаетъ за „выраженіе мыслей господствующихъ въ руководящихъ сферахъ“ и съ нѣкотораго времени стала сопровождать подстрочными примѣчаніями полемическаго свойства, — этотъ корреспондентъ также усиливается убѣдить Австрію чтобъ она помирилась съ распространеніемъ предѣловъ Болгаріи за Балканы и съ занятіемъ Болгаріи русскими войсками въ теченіе двухъ лѣтъ пока Россія будетъ устривать ее. Корреспондентъ замѣчаетъ что еслибы раздѣлить Болгарію на двѣ части: къ сѣверу и югу отъ Балканъ, — то это все таки повело бы рано или поздно къ воссоединенію обѣихъ частей подобно тому какъ и Молдавія съ Валахіей слились въ одно государство вопреки постановленію Европы. Сверхъ того, продолжаетъ корреспондентъ, Болгарія собранная въ одно государство „возбудитъ къ себѣ зависть въ другихъ народностяхъ того же племени,“ а это вос-

препятствуетъ де и замедлитъ тенденцію Болгарь, — которую корреспондентъ признаетъ не менѣе вредною для Россіи чѣмъ для Австріи, — „расшириться въ великое славянское государство.“ Редакція офиціознаго листка въ подстрочномъ примѣчаніи заноситъ въ протоколъ (*nimmt Act*) признаніе корреспондента, что указанная злобная тенденція будущей Болгаріи будетъ „только замедлена.“

Но еще куріознѣе и, скажемъ прямо, возмутительна вторая *captatio benevolentiae* посредствомъ которой самозванный „посредникъ“ старается умиловить Австрію и расположить ее болѣе благосклонно къ условіямъ мира. Онъ доказываетъ что занятіе Болгаріи русскими войсками и управленіе ея на первыхъ порахъ русскими агентами совершенно необходимо въ виду того что Болгарскому народу, только что освобожденному изъ-подъ турецкаго гнета, нѣтъ никакой возможности предоставить тотчасъ же самоуправленіе, и что нельзя же теперь вернуться къ плану „международной милиціи или бельгійской жандармеріи.“ Но корреспондентъ сознаетъ что Россія поставленной въ столь выгодное для захватовъ положеніе довѣрять нельзя, и потому говоритъ: „что же касается всѣхъ тѣхъ мѣръ которыя имѣли бы „своею цѣлью воспрепятствовать тому что- „бы Россія не уклонилась отъ прямой своей задачи — сохраненія порядка — и что- „бы русское занятіе не превращалось въ „замаскированный захватъ, то въ этомъ „отношеніи, будьте увѣрены, Россія окажется весьма предупредительною.“

Это послѣднее замѣчаніе *Политическая Корреспонденция* не снабдила никакимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ. Какъ мало достоинства во всемъ этомъ и какъ вредятъ Россіи эти якобы „офиціозные“ писатели! Нѣтъ, не такимъ тономъ можно внушить уваженіе къ себѣ, не такими аргументами успокоить противника...

№ 57.

Москва, 2-го марта.

Телеграфъ не умолкаетъ о вооруженіяхъ Австріи. Сегодня передаютъ слухъ о успѣшномъ вооруженіи въ Триестѣ судовъ австрійскаго флота. Съ другой стороны, Англія не только не выводитъ своего фло-

та изъ Мраморнаго Моря, но всѣ англійскія суда стоявшія въ Безикѣ выдвинуты въ подкрѣпленіе эскадры адмирала Коммереля у Галлиполи.

Вотъ какія гарантіи захватили наши будущіе пріятные собесѣдники на конгрессѣ гдѣ они намѣреваются подвергнуть вопросу всѣ условія заключеннаго нами съ Турціей мирнаго договора.

А мы что? Мы, напротивъ, считаемъ миръ заключеннымъ и стало-быть договоръ нашъ съ Турціей твердымъ; вопросу не подлежащимъ. Уже дѣлаются, какъ слышно, распоряженія чтобы вскорѣ приступить къ возвращенію нашихъ войскъ въ Россію и къ освобожденію находящейся у насъ массы турецкихъ плѣнныхъ.

При такой противоположности во взглядахъ, слѣдовало бы яснѣе опредѣлить значеніе предстоящаго конгресса, а то могутъ выйти неожиданныя случайности. Если конгрессъ будетъ заключать миръ нашъ съ Турціей, то это значило бы что мы признаемъ его за высшую инстанцію, куда наше дѣло идетъ по апелляціи или на кассачію, и въ случаѣ разногласія на конгрессѣ, Порта будетъ въ правѣ считать себя освобожденною отъ обязательствъ прелиминарнаго договора. Если, какъ того по видимому требуютъ Англія и Австрія, занятіемъ конгресса долженъ быть пересмотръ всѣхъ условій нашего мирнаго договора, то заключенный миръ не есть еще миръ, и нельзя знать какія новыя замѣшательства могутъ возникнуть. Мы должны быть готовы не къ однимъ только теоретическимъ возраженіямъ, а къ положительнымъ требованіямъ урѣзать или измѣнить тѣ или другія изъ нашихъ условій, и когда Россія, какъ это неизбежно должно быть, дастъ отпоръ назойливымъ притязаніямъ той или другой державы, то и окончательное заключеніе мира, стало-быть, не состоится. Какое же въ такомъ случаѣ значеніе будетъ имѣть нашъ прелиминарный трактатъ? Будетъ ли онъ обязательнымъ для Турціи, и какая гарантія въ томъ что она не уклонится отъ его исполненія? Развѣ не возможно что, при разногласіи на конгрессѣ, Порта объявитъ что хотя она и вынуждена была согласиться на прелиминарныя условія, весьма для нея тяжкія, но такъ какъ они не признаны высшимъ трибуналомъ, то она и не считаетъ своимъ долгомъ признавать ихъ дѣйствительно состоявшимися?

Въ отношеніи къ Турціи было бы слишкомъ легкомысленно полагаться на нравственную увѣренность. Будь даже заключенъ особый тайный договоръ съ султаномъ чтобы миръ считать во всякомъ случаѣ нерушимымъ и отстаивать его противъ всѣхъ и каждого, то и это не дало бы намъ достаточной гарантіи. Развѣ мы не были свидѣтелями съ какою легкостью совершается въ турецкой столицѣ смѣна султановъ, въ особенности при помощи англійскихъ ножицъ. Да и при нынѣшнемъ султанѣ, который, говорятъ, боленъ, и въ виду нашей побѣдоносной арміи, г. Леярдъ смѣнилъ не угоднаго ему Серверъ-пашу и подобралъ для султана подручныхъ себѣ министровъ.

Есть еще одно обстоятельство... Когда войска наши остановились въ виду Константинополя, Россія господствовала надъ положеніемъ. Она могла потребовать рѣшенія Восточнаго вопроса во всемъ его объемѣ, поднять вопросъ обо всѣхъ населеніяхъ живущихъ въ Европейской Турціи. Взоры всѣхъ съ трепетомъ и съ надеждой обратились къ ней. Одного ея манія было бы достаточно поднять весь Востокъ. Ограничивая и стѣсняя себя во всемъ чтобы не сдѣлать чего-нибудь неутоднаго другимъ, Россія ограничила свою задачу, и эта оберъ-умѣренность Россіи конечно никакъ не была оцѣнена, а между тѣмъ ограниченіе русской задачи естественно вызвало разочарованіе и недовольство. Сербь раздражены, Румыны готовы броситься на насъ, Греки тоже...

Итакъ, очевидно что мы должны съ совершенною точностію опредѣлять значеніе конгресса на который обѣщались пойти. Слѣдуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ побить всякое предположеніе передѣлать заключенный нами трактатъ. Что dokonчено, то не должно подлежать никакому вопросу. Но такъ какъ Россія, въ уваженіе къ интересамъ другихъ державъ, не все рѣшила что слѣдовало бы рѣшить, и что могла она рѣшить при томъ неоспоримомъ могуществѣ которое было приобрѣтено ею на Балканскомъ полуостровѣ, то она предоставляет конгрессу дополнить, если то окажется возможнымъ, заключенный ею съ Турціей трактатъ. Россія выговорила лишь minimum уступокъ въ пользу своихъ союзниковъ и христіанскихъ областей Турціи. Она оставила нерѣшеннымъ будущее устройство Босніи,

Герцеговины, Греческих провинцій. Ограничившись устройством Болгаріи, она для других провинцій намѣтила реформы только въ общихъ принципахъ и не установила никакихъ гарантій. Относительно Босніи и Герцеговины Россія воздержалась, какъ всѣмъ извѣстно, въ угоду Австріи, чѣмъ также было обусловлено и недостаточное вознагражденіе для Сербіи. Вотъ благодарный предметъ для занятій конгресса... Россія не только не имѣетъ ничего возразить противъ такого занятія на конгрессѣ, но конечно съ радостію поддержитъ всякое предложеніе которое поведетъ къ лучшему обезпеченію христіанскихъ народностей. Россія намѣтила только *minimum*; конгрессу предоставляется убѣдить или понудить Турцію къ большому. Конгрессъ не есть высшая инстанція которая можетъ передѣлать заключенный нами съ Портой договоръ, но конгрессъ можетъ дополнить его. Вотъ въ чемъ единственно можетъ заключаться значеніе предстоящаго конгресса. Вотъ въ какомъ смыслѣ надо понимать это международное совѣщаніе если оно должно имѣть какой-нибудь смыслъ. И Сербы, и Черногорцы, и Румыны, и Греки могутъ получить больше, но не у кого не можетъ быть отнято ни пяди земли, ни іоты изъ выговоренныхъ нами правъ. Мы оставили еще вопросъ о Проливахъ открытымъ, но признаемся, въ виду настроенія нашей дипломатіи, дѣйствительно лучше ужъ оставить Проливы при *statu quo*...

№ 58.

Москва, 3-го марта.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ сообщаемымъ берлинскими газетами, конгрессъ снова становится дѣломъ сомнительнымъ, и само собою разумѣется что, по примѣру всѣхъ прежнихъ попытокъ европейскаго соглашенія по дѣламъ Востока, препятствіе и на этотъ разъ исходитъ отъ Англіи. Она требуетъ чтобъ еще до собранія конгресса была установлена программа его занятій, — такъ телеграфируетъ вѣнскій корреспондентъ *Национальной Газеты*, отъ 9 марта; а по дальнѣйшимъ извѣстіямъ, „программа“ Англіи заключается въ томъ чтобъ оставить безъ уваженія мирный трактатъ подписанный въ Санъ-Стефано, и чтобъ конгрессъ имѣлъ право

„пересмотрѣть“ и перерѣшить всю совокупность условій по которымъ между Россіей и Турціей состоялось соглашеніе. Вѣнскій корреспондентъ *Национальной Газеты* прибавляетъ что такое требованіе Англіи толкуется въ Вѣнѣ какъ обстоятельство крайне неблагоприятное собранію конгресса, а въ *Политическую Корреспонденцію* телеграфируютъ изъ Лондона, отъ 9 марта, что между Англіей и Россіей возникли весьма серіозныя разногласія, такъ какъ Россія рѣшительно отказывается подвергнуть пересмотру европейскаго ареопага всю совокупность мирныхъ условій заключенныхъ съ Турціей, и что это разногласіе, въ случаѣ если Россія будетъ настаивать на своемъ, „неминуемо“ поведетъ къ войнѣ между Англіей и Россіей. Въ этомъ случаѣ предвидится де перемѣна въ составѣ кабинета лорда Беконсфильда, а именно отставка лорда Дарби и замѣна его лордомъ Ляйонсомъ, теперешнимъ британскимъ посломъ въ Парижѣ.

Впрочемъ, требованіе Англіи теперь уже не слухъ или газетные толки. Мы можемъ считать его официальнымъ. Британскій канцлеръ казначейства, какъ передаетъ сегодня телеграфъ, возвѣстилъ о томъ гласно въ палатѣ. Сэръ-Стаффордъ Норткотъ объявляетъ что Англія не только будетъ настаивать на своихъ взглядахъ, но требуетъ предварительнаго условія чтобы на конгрессѣ каждая статья мирнаго трактата была предложена на обсужденіе. Англійскій министръ заявляетъ что каждая изъ державъ участницъ въ конгрессѣ должна сохранять на немъ свободу дѣйствій и что рѣшеніе большинства не должно связывать меньшинство. Конгрессъ такимъ образомъ будетъ пріятною бесѣдой въ которой каждый воленъ говорить что хочетъ не связывая мнѣнія другихъ. Сама Англія готова остаться при своемъ мнѣніи и протестѣ, хотя бы въ одиночествѣ противъ всѣхъ. Совершенно такая же свобода будетъ и за Россіей: она можетъ не соглашаться на измѣненія которыхъ у ней требуютъ. Чего же казалось бы лучше?

Но въ томъ-то и дѣло что положеніе наше и другихъ державъ не одинаково. Россія явилась бы на конгрессъ съ добытыми фактами, другія же съ пустыми руками, но съ требованіями. Добытое нами будутъ стараться вырвать у насъ. Всѣ другіе будутъ имѣть активную роль, мы только пассивную. Всякому предоставляет-

ся право требовать отъ насъ, что кому угодно, ничѣмъ не рискуя; а намъ предоставляется право только быть предъ всѣми въ отвѣтъ и уступать или не уступать на всякія требованія. Требовать какихъ-либо уступокъ отъ нашихъ собесѣдниковъ намъ будетъ нечего; при самомъ лучшемъ исходѣ мы останемся только при томъ что мы уже имѣемъ. Положеніе невозможное, положеніе не только не равноправное, но совершенно недостойное побѣдоносной державы. Въ сущности, — къ чему скрывать истину? — насъ просто хотятъ посадить на скамью подсудимыхъ.

Каковъ бы ни былъ исходъ конгресса, исходъ будетъ для насъ не одинаковъ съ другимъ. Положимъ что Англія останется въ одиночествѣ. Что жъ за бѣда? Англія съ собою ничего не вноситъ въ конгрессъ, и она ничѣмъ не рискуетъ, она ничего не потеряетъ. Оставаясь при своемъ протестѣ, она не обязывается тотчасъ же дать ему практическое послѣдствіе, и спокойно будетъ выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ такомъ же выгодномъ положеніи будутъ и Австрія и Франція. Только положеніе Россіи будетъ совсѣмъ иное, не только въ виду большинства, но и коалиціи двухъ-трехъ державъ. Россія конечно вольна остаться при заключенномъ ею трактатѣ. Но конгрессъ какого требуетъ Англія собрался бы не для простой регистратуры признанія или непризнанія нашего мирнаго договора (эту формальность державы могли бы исполнить порознь, безъ всякаго конгресса), а съ завѣдомою цѣлью измѣнить его; и притомъ въ противность намъ. А если мы откажемся измѣнить? Теперь мы можемъ еще утѣшать себя что заключили миръ, тогда же явится неизвѣстность, останемся ли мы при мирѣ или должны будемъ готовиться къ войнѣ. Да и въ мирѣ мы не одни; есть другая сторона — Турція. Ей теперь не разчетъ нарушать его, и съ глазу на глазъ съ нами она должна будетъ исполнить его въ точности; но когда явятся судьи, изъ которыхъ одинъ отвергнетъ одно, другой другое, кто знаетъ при какомъ она очутится мнѣніи?

Требованіе Англійскаго правительства просто и ясно: оно требуетъ свободы дѣйствій для себя, но не для Россіи. Англія требуетъ на конгрессѣ сужденія о каждой статьѣ трактата, и хочетъ чтобы каждая держава удерживала свободу дѣйствій на

конгрессѣ. Но англіійскій министръ не сказалъ какъ, при разногласіи, будетъ онъ смотрѣть на значеніе трактата для самихъ воюющихъ: долженъ ли трактатъ быть исполненъ неукоснительно во всѣхъ своихъ пунктахъ, несмотря на разногласіе въ конгрессѣ? Конечно, не такъ смотритъ на этотъ вопросъ Англійское правительство, ибо на дняхъ еще лордъ Дарби выражалъ мнѣніе что конгрессъ долженъ собраться не для академическаго разсужденія.

Замѣчательно еще что во всѣхъ дѣланыхъ до сихъ поръ англіійскими министрами заявленіяхъ объ этомъ предметѣ они ни разу не упоминали о тѣхъ пунктахъ, которые не рѣшены мирнымъ трактатомъ и которыхъ Россія не коснулась именно съ тою цѣлью чтобы предоставить ихъ европейскому обсужденію. О нихъ-то именно и не хотятъ вести рѣчь. Къ чему же, спрашивается, послужила наша уступчивость? Не лучше ли было бы намъ сразу рѣшить нашу задачу во всей ея силѣ, не заботясь о томъ чтобы задобрить враждебныя намъ интересы, чего мы все-таки не достигли? Во всякомъ случаѣ, положеніе наше не стало бы хуже теперешняго, а въ совершившихся фактахъ мы имѣли бы больше гарантій противъ враждебныхъ претензій...

№ 59.

Москва, 4-го марта.

Сегодня телеграфъ повторяетъ ту же пѣсню. Англіійскій канцлеръ казначейства, какъ бы опасаясь что сдѣланное имъ наканунѣ заявленіе о взглядѣ Англіи на цѣль и значеніе конгресса могло быть не точно понято, вчера вечеромъ снова пояснилъ палатѣ что Англія требуетъ чтобы конгрессъ самъ разсудилъ какой параграфъ трактата нуждается въ согласіи державъ. Это поясненіе, которое въ сущности ничѣмъ не отличается отъ словъ министра наканунѣ, есть очевидный отвѣтъ на слухи гласящіе что Россія смотритъ на конгрессъ иначе, и что она сама отдѣляетъ въ своемъ мирѣ съ Турціей тѣ пункты которые касаются исключительно отношеній между обѣими державами, вытекающихъ изъ войны, отъ пунктовъ имѣющихъ европейскій интересъ, и потому Россіей не тронутыхъ съ тѣмъ чтобы предоставить сужденіе о нихъ конгрессу. Англійское пра-

вительство, какъ объясняетъ сэръ-Стаффордъ Норткотъ, этого не допускаетъ.

Англійскій министръ высказался еще разъ боясь что его съ перваго раза не хорошо поняли, но у насъ и вчера не было сомнѣній какъ понимать его слова. Мы можемъ однако поблагодарить Англійское правительство за твердую настойчивость на своемъ взглядѣ. Еслибъ оно стало искать компромисса, то мы пожалуй поспѣшили бы ему на встрѣчу и незамѣтно перебрались бы на его точку зрѣнія.

Конгрессъ невозможенъ на основаніи предъявленнаго Англіей требованія. Споръ идетъ не о какой нибудь пустой формальности. Требованіе Англійи весьма существенно, и его намъ весьма подробно разъясняетъ, очевидно политическимъ перомъ писанная, статья полученнаго сегодня номера *Times*. Въ статьѣ этой притязанія Англійи излагаются съ неподражаемою невозмутимостью. Вотъ вкратцѣ сущность этихъ разсужденій: Великія державы не приглашали Россію вести войну и отнюдь не давали ей порученія замѣнять по своему усмотрѣнію власть Порты. Россія объявила де войну на свой страхъ, но условія мира *должны* подлежать пересмотру Европы (то-есть Англійи), и это положеніе вещей не измѣняется русскими побѣдами. Почему такъ? спрашиваемъ мы въ изумленіи. А потому, объясняетъ *Times*, что вторгнувшись въ страну которая находится подъ покровительствомъ державъ по Парижскому трактату Россія не можетъ подражать примѣру Германіи которая наложила тяжкія условія на Францію, отнявъ двѣ провинціи и взявъ громадную контрибуцію, не спрашивая согласія Европы;—и, увы! Лондонскій органъ присовокупляетъ: „Россія „сама допускаетъ разницу своего положенія съ Германіей тѣмъ простымъ фактомъ что готовится предъявить конгрессу нѣкоторыя изъ мирныхъ условій.“ Въ одинъ голосъ съ министромъ, газета *Times* высокомерно объявляетъ что этого далеко недостаточно, и объясняетъ почему: если какія-либо изъ этихъ условій будутъ устранены, то невозможно будетъ предвидѣть ихъ точныя послѣдствія. *Times* вразумляетъ насъ примѣрами: „Возьмемъ, напри- „мѣръ, условіе которое Россія безъ сомнѣнія считаетъ предметомъ наиболѣе существеннымъ для частной сдѣлки между „ею и Турціей—количество вознагражденія и свойство обезпеченія для уплаты

„денегъ. Будущее положеніе Порты будетъ „значительно зависѣть отъ тяжести ея финансоваго бремени. Порта будетъ болѣе „обременена уплатой сорока чѣмъ двѣнадцати милліоновъ фунтовъ стерлингъ. А „потому, если Россія потребуеъ большую „сумму, то великія державы, въ свою очередь, будутъ въ правѣ потребовать чтобы „ихъ интересы были ограждены въ соотвѣтствующей степени.“ Вотъ обращикъ разсужденій которыя пришлось бы услышать и на конгрессѣ, если таковой состоится. Чтò же на это можно сказать? Мы рекомендовали бы не останавливаться. Двѣнадцать милліоновъ тоже не малая сумма... Въ интересахъ кредиторовъ Порты лучше чтобы Россія взяла на себя часть Оттоманскаго долга.

По этому одному примѣру можно судить объ остальныхъ доводахъ *Times*. Само собою разумѣется что, по словамъ лондонской газеты, „Англія не можетъ равнодушно смотрѣть чтобы уплата контрибуціи совершилась передачей турецкаго флота *при настоящемъ положеніи* континентальныхъ отношеній.“ О границахъ же Болгаріи и административномъ устройствѣ этой провинціи и говорить нечего. „Такъ „какъ правительство Болгаріи должно быть „въ большей мѣрѣ славянскимъ, то границы его могутъ практически подавить *надежды* Грековъ, а Англія въ особенности „должна взять на себя огражденіе греческихъ интересовъ. Съ другой же стороны, Австрія должна будетъ озаботиться „чтобы новая провинція не помѣшала *рас- „тяженію къ югу (a southward expansion)* „Босніи и Герцеговины.“

Но довольно. Къ чему продолжать примѣры приводимые газетой, когда она заключаетъ, точь въ точь тѣми же словами какъ англійскій канцлеръ казначейства (не имъ ли статья эта и написана?), что „каждый пунктъ соглашенія между Россіей и „Турціей есть пригодная тема для пересмотра великими державами.“

Чтò же, однако, останется для правъ Россіи? *Times* утѣшаетъ насъ что „поправки конгресса все-таки оставятъ Россію въ „обладаніи существенными выгодами:“ Болгарь все-таки не возвратятъ подъ турецкое иго...

Вотъ Чтò еще любопытно. Въ заключительныхъ разсужденіяхъ лондонскій органъ говоритъ: „война“ (замѣтимъ война веденная одною Россіей и которая ей од-

ной стоила жертвъ и расходовъ) „разрушила ту слабую власть которую имѣла „Порта для поддержанія порядка, а потомъ приходится искать другаго рода полицію. Отчасти ее можно найти въ международной комиссіи, въ родѣ предложенной на Константинопольской конференціи, а отчасти можно ее достигнуть „австрійскимъ занятіемъ Босніи и Герцеговины.“ И другія англійскія газеты очень благодушно смотрятъ на такой планъ. Итакъ, Россія не въ правѣ ни требовать возмещенія за свои жертвы, ни устроить освобожденнаго народа, а Австрія можетъ просто-на-просто захватить двѣ обширныя области!

№ 61.

Москва, 6-го марта.

А.

Будетъ или не будетъ война?... Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, удастся или не удастся общипать насъ безъ войны. Зачѣмъ война если можно легчайшимъ способомъ достигнуть тѣхъ же результатовъ? На войну рѣшиться не легко и не всегда можно, а нынѣшнее положеніе Европы, точно также какъ и положеніе Россіи вовсе не таково чтобы поощрять къ войнѣ. Серіозная коалиція противъ Россіи невозможна въ эту минуту, и немного требуется политическаго разумѣнія чтобы понять это. Война теперь не соединила бы, а разрознила бы Европу; но всѣ готовы дѣйствовать дружно для того чтобы мирными способами ослабить, умалить и унижить значеніе прибрѣтенное Россіей. Мы можемъ съ полною увѣренностью сказать что Германія не присоединится къ нашимъ противникамъ еслибы кто изъ нихъ вздумалъ воевать съ нами; но мы съ небольшою увѣренностью можемъ ожидать что князь Бисмаркъ готовъ будетъ дружескими способами сдѣлать все возможное чтобы уменьшить цѣну нашихъ успѣховъ на Востокѣ. Зачѣмъ онъ будетъ способствовать имъ? Они не связаны ни съ какими для Германіи выгодами, а мы знаемъ,—и руководитель германской политики самъ всегда съ полною откровенностью это высказывалъ,—мы знаемъ что умная политика этой страны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководится исключительно ея

интересами. Ни одно государство не смотритъ съ удовольствіемъ на усиленіе другаго; всякое, напротивъ, видитъ ущербъ себѣ если съ чужимъ успѣхомъ не соединяется для него соотвѣтственный успѣхъ. Зачѣмъ нужно князю Бисмарку чтобы Россія была сильна и могущественна на Востокѣ если солидарно съ тѣмъ не прибрѣтетъ Германія соотвѣтственнаго усиленія въ сферѣ своихъ интересовъ? Въ своей объяснительной рѣчи надѣлавшей столько шуму въ Европѣ, князь Бисмаркъ былъ, какъ всегда, совершенно откровененъ. Онъ говорилъ и убѣдительно доказывалъ что нѣтъ разумныхъ основаній опасаться войны въ настоящую минуту; онъ говорилъ правду, но,—il connaît son monde,—онъ знаетъ что дипломатовъ фразы ничѣмъ нельзя вѣрнѣе обмануть какъ правдой. Нѣтъ основанія опасаться войны, но положеніе дѣлъ, говорилъ онъ, тѣмъ не менѣе серіозно, и самъ съ дерзкою откровенностью объяснилъ значеніе принятой имъ на себя роли. Онъ взялъ на себя роль „честнаго маклера“ чтобы убѣждать Россію сдѣлать добровольно, и безъ войны, и до конгресса всѣ уступки какихъ могли бы потребовать ея противники. Войны ожидать нельзя; но положеніе серіозное... Въ самомъ дѣлѣ серіозное: Беконсфильдъ выпросилъ себѣ кредитъ въ шесть милліоновъ фунтовъ, а Андраши въ шестьдесятъ милліоновъ гульденовъ. Графъ Андраши довѣренный человекъ у князя Бисмарка который очень доволенъ имъ. Но если князь Бисмаркъ имѣетъ причины дорожить имъ какъ надежнымъ исполнителемъ своихъ плановъ, то лишь подслѣповатая дипломатія можетъ въ мадьярскомъ канцлерѣ Австро-Венгерской монархіи видѣть друга Россіи. И вотъ, чтобы вырвать у насъ еще и еще уступки, насъ пугаютъ изъ Берлина что положеніе графа Андраши шатается, что мы должны спѣшить исполнить всѣ его требованія, если желаемъ сохранить этого единственнаго друга нашего во главѣ дѣлъ Австро-Венгерской монархіи...

Б.

Политическая интрига, руководимая опытнымъ мастеромъ, старается еще до конгресса опутать насъ сѣтью. Берлинскій телеграфъ пугаетъ насъ что воинственное настроеніе начинаетъ брать перевѣсъ въ

Англіи даже въ умѣренныхъ кругахъ, которые до сихъ поръ возставали противъ всякой мысли о войнѣ Берлинская *Post*, претендующая быть однимъ изъ глашатаевъ князя Бисмарка, увѣщеваетъ насъ не настаивать на требованіи чтобъ англійскій флотъ удалился изъ Мраморнаго Моря до конгресса, ибо иначе и конгрессъ не состоится. А какъ бы это было хорошо если бы не состоялся! Въ Россіи только *Journal de St.-Petersbourg* желаетъ конгресса, и считаетъ его патріотическимъ дѣломъ...

Но въ Берлинѣ, гдѣ взялись за роль мпротворца, хорошо понимаютъ что войной съ одною Англіею испугать нельзя. И вотъ телеграфъ рекомендуетъ намъ подумать о возможности коалиціи между Англіею и Австріею.

Сначала намъ передавали что Вѣнскій кабинетъ сообщилъ въ Берлинѣ окончательную мѣру своихъ требованій, изъ которыхъ онъ не уступитъ ни іоты.

Графъ Андраши требуя себѣ кредита произнесъ рѣчей едва ли не болѣе чѣмъ всѣ англійскіе министры вмѣстѣ при требованіи своего кредита. Цѣль и назначеніе кредита, равно какъ и политическая программа графа Андраши, правда остались; несмотря на всѣ рѣчи, покрыты мракомъ, на что не мало негодуютъ граждане двуликой имперіи, долженствующіе принять на свои плечи новые налоги для покрытія кредита. Что же оказывается изъ объясненій мадьярскаго канцлера? Собирается ли Австрія занять или присоединить Боснію и Герцеговину? Отнюдь нѣтъ; этого не было у ней и въ помыслахъ, отвѣчаетъ графъ Андраши. Намѣрена ли она поставить ультиматумъ Россіи по поводу мирнаго трактата и объявятъ Россіи войну въ случаѣ неисполненія ея требованій? Нѣтъ, мы даже и не думаемъ приступать къ мобилизаціи, мы просимъ денегъ только на всякій случай. Слѣдовательно, не занятіе, не война, а серьезное положеніе... Но перевернемъ страницу.

Третьяго дня нашъ берлинскій корреспондентъ прислалъ намъ телеграмму сообщавшую о прибытіи въ Берлинъ германскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, графа Штольберга-Вернигероде, для того будто бы чтобы дать точный отчетъ о восточной политикѣ Австріи и о теперешнемъ положеніи графа Андраши которое считается *покаслбленнымъ*. А сегодня въ берлинской же телеграммѣ одной изъ петербургскихъ

газетъ читаемъ что въ германскихъ дипломатическихъ кругахъ толкуютъ что союзъ между Англіею и Австріею непременно состоится *въ случаѣ паденія графа Андраши*. Графъ Андраши, вотъ единственный государственный человѣкъ Австріи заботящійся о сохраненіи дружбы съ Россіею. Онъ и кредитъ-то потребовалъ для этой цѣли. Ухватитесь за него какъ за якорь спасенія. Поспѣшите удовлетворить его скромныя требованія, иначе произойдетъ перемѣна декораций, пожалуй на сцену явится графъ Бейстъ изъ Лондона, и тогда коалиція, война и прочіе ужасы.

Мистификація слишкомъ грубая, не приличная Берлину, напоминающая фокусы англійскихъ министровъ и членовъ парламента.

Намъ остается теперь, внявъ дружескимъ совѣтамъ изъ Берлина, дать обѣщаніе что мы будемъ занимать Болгарію долѣе шести мѣсяцевъ и вопросъ о границахъ Болгаріи передать на благосклонное разсмотрѣніе европейскаго ареопага... Этимъ, на счастье себѣ, мы быть можетъ удержимъ графа Андраши при дѣлахъ...

В.

Говорятъ, будто Россія согласилась сократить срокъ занятія Болгаріи до шести мѣсяцевъ. Зачѣмъ, по какому поводу, какія вѣскія возраженія могли бы побудить насъ къ этому? Если уже допущено будетъ заводить рѣчь о сокращеніи срока занятія, то мы не видимъ разницы почему не сокращать его до шести недѣль, до шести дней. Шестимѣсячное занятіе къ серьезнымъ результатамъ вести не можетъ, и лучше вовсе отказаться отъ занятія. Значитъ Россія пошла бы на пути уступокъ далѣе того что она считала необходимымъ до войны, до Константинопольской конференціи. Тогда она настаивала на необходимости иностраннаго занятія Болгаріи для водворенія порядка. Послѣ, на конференціи, въ видахъ достигнуть общаго соглашенія, Россія пошла на уступки, соглашалась на совместное занятіе, на бельгійскую или швейцарскую стражу, но все же какого-либо рода занятіе считалось и тогда безусловно нужнымъ. И вдругъ, теперь, послѣ войны, Россія пошла бы назадъ далѣе того чего требовала два года тому назадъ. Этому дѣйствительно трудно вѣрить. Страна разоренная войной, неустроенная.

не можетъ быть брошена на произволъ судьбы. Пока въ ней организуется управление, необходимо водвореніе порядка и охрана безопасности присутствіемъ военной силы. Что же замѣнить тамъ наши войска? Организовать болгарскую военную силу, это потребуетъ не шести мѣсяцевъ времени. Не возвратится ли уже намъ опять къ тому чтобы вмѣсто нашихъ войскъ пригласить англійскаго полковника Бекера съ его запѣтками? Противъ этого графъ Андраши, вѣроятно, возражать не будетъ...

Въ одну изъ петербургскихъ газетъ телеграфируютъ будто Россія соглашается предоставить конгрессу рѣшеніе о границахъ Болгаріи. Еслибъ это было такъ, то значило бы что относительно Болгаріи Россіей еще ничего не рѣшено. Въ такомъ случаѣ проще было бы выговорить только что Болгарія освобождается отъ турецкаго управленія и получить автономное устройство, а что слѣдуетъ разумѣть подъ новою областью оставить не рѣшеннымъ до опредѣленія конгресса.

Даже и вопросъ о военномъ вознагражденіи Россіи, говорятъ, подлежитъ конгрессу. Оказывается что мы были не далеко отъ истины когда на дняхъ по поводу разсужденій газеты *Times* объ этомъ предметѣ, въ шутку замѣтили что отъ Россіи пожалуй потребуютъ контрибуціи для удовлетворенія турецкихъ кредиторовъ. Оказывается, если вѣрить телеграммѣ, уже не въ шутку поговариваютъ что если послѣдуетъ присоединеніе къ Россіи турецкихъ земель, то Русское правительство обязано будетъ принять на свой счетъ и соразмѣрную часть долговъ Турецкой имперіи. Любопытно что въ примѣръ указываютъ намъ образъ дѣйствій Германіи которая, присоединивъ Альзасъ-Лотарингію, приняла на себя и часть сдѣланныхъ Франціей долговъ по устройству этихъ провинцій и возвратила Франціи капиталъ потраченный на сооруженіе лотарингскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но въ суммѣ долговъ Порты вовсе не значится такихъ которые были бы сдѣланы на „устройство“ Арменіи, да и желѣзныхъ дорогъ тамъ вовсе не имѣется. А что касается общаго государственнаго долга Турціи, то какое дѣло до него Россіи? Развѣ Германія, за Альзасъ-Лотарингію, брала на себя какую-либо часть государственнаго долга Франціи? Наконецъ, Россія требуетъ территориальнаго вознагражденія въ зачетъ контрибу-

ціи которой Турція не въ состояніи уплатить. Какъ подивились бы Нѣмцы еслибъ имъ предложили въ 1871 году принять на себя часть французскаго долга за тѣ пять милліардовъ которые они получили съ Франціи!

Въ сегодняшнихъ извѣстіяхъ не обременя и другихъ куріозовъ. Передается, на примѣръ, слухъ что конгрессу будетъ предшествовать предварительный конгрессъ. Это похоже на тѣ предварительныя совѣщанія которыя предшествовали Константинопольской конференціи. Державы, помимо Турціи, условливались чего имъ потребовать отъ нея; теперь онѣ будутъ уговариваться чего потребовать отъ Россіи. Разница будетъ только въ томъ что условленные съѣхавшимися дипломатами требованія были Турціи предъявлены въ ея же столицѣ, такъ что она могла прогнать отъ себя назойливыхъ совѣтниковъ...

№ 62.

Москва, 7-го марта.

Въ то время какъ берлинскіе слухи увѣряютъ насъ что затрудненія для осуществленія конгресса сглаживаются благодаря уступчивости русской дипломатіи, мы видимъ какъ по мѣрѣ уступчивости растутъ притязанія.

Поощряемые ею, англійскіе политики ставятъ дѣло такъ какъ бы Россія находилась подъ опекой Европы и обязана давать отчетъ ей въ своихъ дѣйствіяхъ. „Не уступки просто Англій или Австріи требуются отъ Россіи,“ учитъ *Times*. „а признаніе супрематіи европейскаго статутнаго права.“

Лондонская газета поясняетъ что подчиняться европейскому статутному праву значить со стороны Россіи соблюдать принципъ признанный въ 1871 году. Что же такое гласить это правило, что новаго внесено имъ въ международныя отношенія? Когда, въ 1871 году, Лондонскою конвенціей были отмѣнены черноморскія статьи Парижскаго трактата, то было при этомъ постановлено что ни одна держава не въ правѣ отмѣнять или измѣнять какія-либо условія трактата безъ согласія другихъ сторонъ, въ немъ участвовавшихъ. На статью эту, придуманную Англійей, не обратили тогда вниманія, да она и не заслу-

живала возраженій: въ своемъ общемъ значеніи, это то что по-англійски называется *триумфомъ*. Трактаты, конечно, заключаются для того чтобъ ихъ соблюдали, и нарушение ихъ одною стороною можетъ быть сочтено другою за *casus belli*. Поэтому, пока державы находятся въ мирѣ, трактаты между ними обязательны для участвующихъ сторонъ и безъ обоюднаго согласія измѣнены быть не могутъ. Такъ всегда бывало и до 1871 года.

Новость же притязанія Англіи въ отношеніи къ Россіи состоитъ въ томъ что это ничего не говорящее положеніе примѣняется не только къ миру, но и къ войнѣ. Этого никогда не признавала ни одна держава, всѣхъ менѣе Англія въ отношеніи къ себѣ, и конечно ни одно изъ правительствъ подписавшихъ конвенцію 1871 года не могло имѣть въ мысляхъ подобное толкованіе. Война разрываетъ трактаты между воюющими, она создаетъ новое положеніе. Кто можетъ утверждать что послѣ новой войны Россіи съ Турціей прежній трактатъ остается еще въ силѣ, а новыя условія заключенныя воевавшими не имѣютъ значенія пока на нихъ не дадутъ своего согласія и не измѣнятъ ихъ по своему Англія и Австрія? Англійскіе и австрійскіе политики, впрочемъ, сами сознаютъ слабость своихъ притязаній, и потому спѣшатъ укрыться за Европу; они, видите ли, не для себя требуютъ уступокъ отъ Россіи, они желаютъ чтобы Россія признала надъ собою верховную власть Европы. Вотъ что называется аргументъ *ad hominem*! Европа, въ качествѣ державы надъ державами, это прямо разчитано на дипломатовъ пишущихъ по временамъ въ *Journal de St.-Petersbourg*. Этого конечно никто не посмѣлъ бы сказать европейской державѣ; это можно сказать только той которая тщится быть европейскою...

Трактатъ 1856 года создалъ для Турціи извѣстное положеніе. Но совершились событія которыя вызвали войну. Война до мира, а миръ до войны. Турція не была нейтрализована, и никто не оспаривалъ ни у ней, ни тѣмъ менѣе у Россіи права войны. Если Парижскимъ трактатомъ было создано извѣстное положеніе для Турціи, то оно прекратилось самымъ фактомъ новой войны. Правда, въ Парижскомъ трактатѣ участвовали и другія державы, но еслибъ Европа, то-есть тѣ или другія державы, полагали что ни Турція, ни Россія

не въ правѣ самовольно, безъ согласія другихъ, отступить отъ Парижскаго трактата, то онѣ должны были бы не допустить Турцію до войны и принудить ее къ исполненію того что всѣми было признано за должное. Не сдѣлавъ же этого и оставаясь нейтральными, онѣ тѣмъ самымъ признали упраздненіе Парижскаго трактата. Говорить же что онѣ остались нейтральными только въ убѣжденіи что, не взирая ни на какой результатъ войны, имъ, а не воюющимъ, будетъ принадлежать окончательное рѣшеніе, это грубый обманъ. При такихъ условіяхъ не ведутся войны; ни лордомъ Дарби, ни графомъ Андраши, въ ихъ публичныхъ заявленіяхъ и обнародованныхъ депешахъ, ни предъ войной, ни во время ея, не было заявлено ничего подобнаго, такъ какъ подобное заявленіе было бы шагомъ къ войнѣ...

Но зачѣмъ винить Англію или Австрію? Конгрессъ, это наше изобрѣтеніе. Мы выдумали верховную Европу, мы выдумали и конгрессъ. Отъ того-то съ нами такъ безстыдно и обращаются.

Россія могла, по собственному усмотрѣнію или по необходимости, принять въ соображеніе желанія или интересы той или другой державы; но нѣтъ обязательства которое подвергало бы ея дѣло суду Европы.

Мы все еще питаемъ,—увы, теперь уже слабую надежду!—что насъ выручитъ лордъ Беконсфильдъ. Не разъ уже онъ выручалъ насъ. Когда война была объявлена, мы было молвили что идемъ проливать кровь свою для Европы и по ея верховному порученію. Но Англійскій кабинетъ поспѣшилъ поправить дѣло, и какъ ближайшій наперсникъ Европы сурово объявилъ что она такого порученія не даетъ намъ, что она знать насъ не хочетъ и за насъ не отвѣчаетъ. Благодаря опять кабинету Беконсфильда, мы чуть было не попали въ Константинополь и едва не заняли Галлиполи, и не Беконсфильдъ виноватъ если мы все-таки не заняли и не попали. О, еслибъ ему удалось избавить насъ и отъ конгресса! Россія навсегда сохранила бы о немъ благодарное воспоминаніе...

Что касается статьи 1871 года, то напомнить о ней слѣдуетъ по адресу Англіи, а не Россіи. Присутствіе англійскаго флота въ Мраморномъ Морѣ и Дарданеллахъ есть прямое нарушеніе постановленія Парижскаго трактата о Проливахъ, единствен-

наго не тронутаго до сихъ поръ постановленія,—нарушеніе не вслѣдствіе войны, а во время мира и вопреки протесту султана. И посмотрите, англійскій министръ объявляетъ въ палатѣ что, при данныхъ обстоятельствахъ, Англійское правительство считаетъ себя и теперь *въ правѣ* держать флотъ въ сосѣдствѣ Константинополя! Не грубая ли насмѣшка говорить о неизмѣнности трактатовъ послѣ войны когда Англійское правительство и въ мирѣ не считаетъ себя обязаннымъ соблюдать ихъ?...

№ 63.

Москва, 8 го марта.

Опубликованныя официальные свѣдѣнія о ходѣ нашей вѣшной торговли по Европейской границѣ, въ 1876 и 1877 годахъ, даютъ не мало указаній на тѣ стороны нашего экономического быта которыя находятся въ связи съ заграничнымъ торговомъ. Остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ изъ этихъ указаній.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ крупный фактъ что событія двухъ послѣднихъ лѣтъ, оказавъ очень сильное и неблагоприятное вліяніе на привозную торговлю, лишь въ весьма слабой степени отразились на результатахъ отпускной торговли, представляющей вообще утѣшительную картину.

Казалось бы, война минувшаго года, имѣвшая прямымъ послѣдствіемъ пріостановку всей нашей Черноморской торговли, должна была повести къ большому сокращенію нашего отпуска. Вызванныя военными обстоятельствами затрудненія и задержки въ движеніи товарныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, не всегда аккуратнымъ и въ мирное время, должны были, повидимому, повредить нашей отпускной торговлѣ чуть ли еще не въ большей степени. Дѣйствительно, масса хлѣба и другихъ приготовленныхъ къ отпуску товаровъ оставалась въ прошломъ году въ южныхъ портахъ и ихъ районахъ безъ движенія; еще большія массы хлѣбныхъ и иныхъ грузовъ загромождали желѣзнодорожныя станціи, чуть не безнадежно ожидая очереди отправленія. Но несмотря на все это, отпускъ товаровъ въ минувшемъ году, въ общей сложности, дошелъ до размѣровъ какихъ дай Богъ достигать и въ

мирное время. По нѣкоторымъ статьямъ, отпускъ дошелъ до никогда небывалыхъ цифръ: такъ, хлѣба отпущено болѣе 30½ милліоновъ четвертей, льна свыше 11.200.000 пудовъ, сахару болѣе 3.890.000 пудовъ, мелкаго скота болѣе милліона головъ. Сравнительно съ 1876 годомъ, изъ 38 главныхъ отпускныхъ статей приводимыхъ въ таможенной вѣдомости, по *тридцати* оказалось въ прошломъ году увеличеніе отпуска, и лишь по восьми были нѣкоторые недочеты, да и то большею частію не имѣющіе серіознаго значенія. Такъ напримѣръ, при отпускѣ лѣса на суммы свыше 31 милліона рублей, странно было бы обращать вниманіе на то отпущено ли его на 15 тысячъ рублей болѣе или менѣе. Уменьшеніе на 8.700 пудовъ отпуска юфти и выдѣланныхъ кожъ вознаграждается увеличеніемъ на 73.000 пуд. отпуска кожъ не выдѣланныхъ. Прекращеніе, по военнымъ соображеніямъ, вывоза за границу лошадей не могло имѣть значенія для народнаго хозяйства въ виду усиленнаго спроса на лошадей для арміи. Уменьшеніе на 788.000 пудовъ вывоза желѣза также не существенно, ибо этотъ товаръ, къ сожалѣнію, не играетъ видной роли въ нашемъ отпускѣ. Еще менѣе важно сокращеніе на 120 тысячъ пудовъ выжимокъ изъ сѣмянъ. Затѣмъ серіозное значеніе имѣетъ только сокращеніе отпуска льнянаго, коноплянаго и другихъ масличныхъ сѣмянъ на 527 тысячъ пудовъ,—но что значитъ этотъ недочетъ при одновременномъ увеличеніи вывоза льна на 4.388.000 и пеньки на 718.000 пудъ? Равнымъ образомъ уменьшеніе вывоза одного изъ видовъ хлѣба, пшеницы, на 579.000 четвертей, теряетъ свое значеніе при общемъ увеличеніи отпуска всѣхъ вообще видовъ хлѣба слишкомъ на 5½ милліоновъ четвертей.

Итакъ, годъ войны не только не нанесъ удара нашей отпускной торговлѣ, а напротивъ сопровождался блестящими въ ней успѣхами. Вызванное политическими обстоятельствами и выпусками бумажныхъ денегъ паденіе курса кредитнаго рубля, при всѣхъ своихъ неблагоприятныхъ послѣдствіяхъ во многихъ отношеніяхъ, имѣло и добрый результатъ: оно дало сильный толчокъ нашему заграничному отпуску. При низкомъ вексельномъ курсѣ, наши отпускные товары могли продаваться за границей, на металлическія деньги; де-

шевле обычныхъ цѣнъ, и въ то же время могли покупаться въ Россіи, на бумажныя деньги, дороже обычныхъ цѣнъ. Наши сельскіе хозяева, скотоводы, овцеводы, сахаровары и т. д., ведущіе свои расчеты не на металлическіе, а на кредитные рубли, не остались въ накладѣ отъ такого хода дѣлъ по отпускной торговлѣ, тѣмъ болѣе что подъемъ цѣнъ для отпуска поднялъ цѣны и для внутреннихъ рынковъ, что для производителей еще важнѣе. Не слѣдуетъ ли обратить серіозное вниманіе и изученіе на этотъ несомнѣнно интересный фактъ сложныхъ комбинацій вытекающихъ изъ общаго народнаго признанія кредитнаго рубля за рубль настоящій, несмотря на иную оцѣнку его на заграничныхъ биржахъ? Не съ оцѣпенѣлою доктриной, а съ живымъ изученіемъ надо отнестись къ этому факту.

Иную картину чѣмъ отпускъ представляетъ ходъ нашей привозной торговли. То самое обстоятельство которое дало толчокъ отпуску, — низкій вексельный курсъ, — было тормазомъ для привоза. Другимъ тормазомъ было общее повышеніе привозныхъ пошлинъ, то-есть установленія уплаты пошлинъ золотомъ. Результатомъ этого неизбежно должно было быть общее сокращеніе оборотовъ по привозной торговлѣ, — и опубликованныя офиціальныя свѣдѣнія о ходѣ ея даютъ основанія для сужденія о размѣрахъ этого пониженія.

Не будемъ сравнивать привоза 1877 года съ привозомъ 1876, ибо, во первыхъ, громадная разница между размѣрами привоза въ эти годы главнымъ образомъ кажущаяся, такъ какъ огромная масса товаровъ подлежащая ввозу въ 1877 году была ввезена въ 1876 году единственно ради избѣжанія уплаты пошлинъ золотомъ, а воторыхъ—оба года почти въ равной степени подвергались давленію политическихъ и иныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Сравнимъ оба эти года вмѣстѣ взятые съ предшествовавшимъ развитію нынѣшняго кризиса двухлѣтіемъ 1874—1875 годовъ.

При такомъ сравненіи, не много оказывается иностранныхъ товаровъ, привозъ коихъ въ послѣднее двухлѣтіе возросъ бы противъ предшедшаго. Изъ 35 привозныхъ статей приводимыхъ въ таможенныхъ вѣдомостяхъ, такое возрастаніе оказывается лишь по шести. Именно, увеличился привозъ: каменнаго угля, рельсовъ бессеме-

ровской стали, желѣза броневаго, котельнаго, кубоваго и листоваго, свинца, листоваго табаку и „прочей рыбы“ (кромѣ сельдей). Привозъ всѣхъ остальныхъ товаровъ уменьшился.

Оставляемъ въ сторонѣ иностранный сахаръ, доступъ коему въ Россію, помимо пошлинъ, прегражденъ развитіемъ отечественнаго сахароваренія; но уменьшеніе привоза другихъ колоніальныхъ и вообще жизненныхъ продуктовъ есть прямое послѣдствіе вызваннаго упомянутыми обстоятельствами вздорожанія. Сокращеніе потребленія этихъ продуктовъ довольно значительное. Напримѣръ, привозъ чаю, равнявшійся въ 1874—1875 годахъ въ совокупности 1.517.000 пудовъ, понизился въ 1876—1877 до 1.315.000 пудовъ, то-есть уменьшился на 200.000 пудовъ. Привозъ кофе уменьшился въ то же время на 113.000 пудовъ. Привозъ виноградныхъ винъ въ бочкахъ уменьшился на 146.000 пудовъ, разныхъ винъ иностранной разливки—на 45.000 бутылокъ, шампанскаго—слишкомъ на полмилліона бутылокъ. Привозъ сельдей уменьшился слишкомъ на 2.580.000 пудовъ, причемъ увеличеніе привоза прочей рыбы на 193.000 пудовъ теряетъ всякое значеніе. Уменьшился даже привозъ соли слишкомъ на полмилліона пудовъ.

Наряду съ жизненными продуктами, и въ еще болѣе сильной степени, уменьшился привозъ иностранныхъ фабричныхъ издѣлій. Такъ, привозъ заграничнаго полотна съ цифры 5.285.000 руб. спустился до 3.288.000, то-есть уменьшился почти на два милліона руб. Привозъ шерстяныхъ издѣлій сократился почти на тридцать, а бумажныхъ и шелковыхъ приблизительно на сорокъ процентовъ. Привозъ табачныхъ издѣлій (крошеннаго табаку и сигаръ) равнымъ образомъ сократился на двадцать процентовъ.

Далѣе, таможенныя свѣдѣнія указываютъ также и значительное сокращеніе привоза нужныхъ нашимъ фабрикамъ сырыхъ продуктовъ. Привозъ хлопка въ послѣднее двухлѣтіе былъ менѣе чѣмъ въ 1874—1875 годахъ слишкомъ на 1.200.000 пудовъ; одновременно привозъ бумажной пряжи уменьшился слишкомъ на 200.000 пудовъ. Привозъ шелку уменьшился слишкомъ на двадцать, привозъ шерсти—слишкомъ на тридцать пять процентовъ. Только ввозъ листоваго табаку для табачныхъ фабрикъ увеличился болѣе чѣмъ на 100.000

пудовъ. Помимо сокращенія привоза продуктовъ прямо служащихъ матеріаломъ фабричнаго и заводскаго производства, сократился и привозъ многихъ другихъ товаровъ имѣющихъ близкое съ нимъ соотношеніе, какъ напримѣръ, соды, паровыхъ двигателей и т. п.

Одновременное съ уменьшеніемъ привоза иностранныхъ издѣлій сокращеніе нашего внутренняго фабричнаго производства началось у насъ еще до войны и было вызвано всѣмъ извѣстными обстоятельствами отъ нея независящими. Когда началась война, этотъ фабричный кризисъ былъ уже готовъ, и теперь мы можемъ поздравить себя съ тѣмъ что онъ уже ослабѣваетъ; даже залежалыя издѣлія мы успѣли сбыть во время войны въ Азію, благодаря тому что путь въ Персію черезъ Трапезунтъ и Эрзерумъ (путь, къ сожалѣнію, уступленный нами, хотя онъ и былъ уже въ нашей власти) былъ при военныхъ дѣйствіяхъ закрытъ. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожелать чтобъ и политическія обстоятельства держащія въ застоѣ нашу фабричную промышленность миновали какъ можно скорѣе. Такая радостная для нашей промышленности и связанныхъ съ нею интересовъ минута казалась близкою когда русскія войска подходили къ Босфору и Дарданелламъ; она казалась близкою когда ожидалось подписаніе мира въ Санъ-Стефано; но вѣра въ близость ея разомъ ослабѣла когда оказалось что подписанный миръ еще не миръ, а только прелиминаріи мира, утвержденіе коего отложено въ долгій ящикъ дипломатическихъ переговоровъ... Стали слабѣть окрѣпшіе были фонды, сталъ вновь падать поднявшійся было курсъ. Неизвѣстность будущаго по-прежнему задерживаетъ предпримчивость, вынуждая капиталистовъ воздерживаться отъ долговременныхъ затратъ. Благодаря этому и капиталы пріобрѣтенные избыткомъ отпуска, и капиталы остающіеся безъ движенія вслѣдствіе сокращенія фабричнаго производства, въ значительной долѣ остаются непронзводительными, не получая назначенія требуемаго условіями экономического благосостоянія.

№ 64.

Москва, 9-го марта.

Миръ 19-го февраля теперь обнародованъ. Событіе окончательно совершилось. Договоръ названъ прелиминарнымъ, но потому только что еще не получилъ послѣдней редакціи и еще не облеченъ въ торжественную форму. Но что выражено въ прелиминарномъ договорѣ, то останется; за это ручается подпись Монарха Россіи.

Миръ заключенный въ Санъ-Стефано есть дѣйствительно миръ достойный Россіи, но потому что и дѣло которое имъ увѣнчивается есть поистинѣ великое и славное дѣло, и нашъ миръ не выше, а развѣ ниже нашей войны. Россія обнаружила величайшую умѣренность въ моментъ полнаго торжества надъ поверженнымъ во прахъ непріателемъ. Она ограничилась только крайне необходимымъ и выговорила лишь то безъ чего все предпринятое ею дѣло не имѣло бы смысла. Могла ли она, послѣ своей побѣдоносной войны, дать Болгаріи границы тѣснѣе тѣхъ какія опредѣлены Константинопольскою конференціей, признавшею за Болгаріей всѣ мѣстности съ преобладающимъ болгарскимъ населеніемъ? Или могла ли Россія, послѣ всѣхъ страданій перенесенныхъ этими населеніями, дать имъ менѣе того что еще до войны признавала необходимымъ?

Размѣры Болгаріи, въ обозначенныхъ ея границахъ, довольно обширны, но они еще не обнимаютъ всего разселенія Болгарскаго народа; есть не мало мѣстностей съ преобладающимъ Болгарскимъ населеніемъ которыя остались не включенными въ новое княжество.

Не можемъ не замѣтить что въ условіяхъ касающихся Болгаріи есть одно которое можетъ казаться излишнимъ. Введеніе новаго управленія въ ней и наблюденіе за его установленіемъ будутъ поручены въ теченіе трехъ лѣтъ русскому комиссару. Но прибавлено что по прошествіи перваго года европейскіе кабинеты, если это будетъ признано нужнымъ и буде послѣдуетъ соглашеніе между Россіей и Портой, могутъ и отъ себя присоединить къ русскому комиссару особыхъ уполномоченныхъ. Цѣль этой приписки не ясна. Разумѣется, еслибы Россія современемъ нашла полезнымъ пригласить другіе кабинеты принять участіе въ устройствѣ Болгаріи, то она

могла бы всегда это сдѣлать. Къ чему же оговорка, не имѣющая въ себѣ ничего обязательнаго, но способная породить затрудненія?

Другая статья мирныхъ условій о военномъ вознагражденіи, еще болѣе поражаетъ скромностью. Вознагражденіе за расходы войны есть самое законное требованіе побѣдителя. Но Россія даровала Портѣ громадную льготу: она согласилась покрыть вознагражденіе уступкой территоріи, которая уже по праву войны принадлежит Россіи.

Русскія войска были подъ стѣнами Константинополя и не вступили въ нихъ; имъ ничего не стоило овладѣть укрѣпленіями Босфора и занять Галлиполи; Россія однимъ ударомъ меча могла разрубить узелъ Восточнаго вопроса; но она удержалась и довела свою умѣренность до того что дозволила англійской эскадрѣ войти въ заповѣдныя воды. Россія продолжаетъ и до сей минуты терпѣливо переносить ничѣмъ ею не вызванныя оскорбленія. Въ награду войскамъ за ихъ безпримѣрное мужество рѣшено было что они сядутъ на суда для отплытія къ своимъ берегамъ по крайней мѣрѣ близъ стѣнъ непріятельской столицы, въ Буюкъ-Дере; но англійскій посолъ запрещаетъ и это, подъ угрозой вторженія англійскаго флота въ Босфоръ и Черное Море, и вотъ, какъ сообщаетъ телеграфъ, русскія суда пошли за войсками къ Санъ-Стефано. Между тѣмъ англійская эскадра не только не выходитъ изъ Мраморнаго Моря, но непрерывно новыя англійскія суда вступаютъ въ Дарданеллы, въ то время когда войска наши готовятся къ отплытію, оставляя Англичанъ хозяевами въ Проливахъ... Намъ необходимъ флотъ въ Черномъ Морѣ, и въ счетъ вознагражденія мы было потребовали нѣсколько турецкихъ броненосцевъ построенныхъ единственно намъ въ угрозу; но протестовала Англія, и мы отказались отъ турецкихъ броненосцевъ. Можетъ ли умѣренность простираться далѣе?

Если обратимся къ выговоренному Россіей для своихъ союзниковъ, то и здѣсь во всемъ видны осторожность и сдержанность. Черногорія получаетъ изрядное округленіе своихъ владѣній и доступъ къ морю. Но это не болѣе того что доблестные горцы-герои пріобрѣли своими изумившими міръ подвигами. Не выгонъ тѣ же ихъ было изъ завоеванныхъ ими мѣстъ?

Сербія получила менѣе чѣмъ давали ей на то право принесенныя ею въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году жертвы, но вина въ этомъ падаетъ на Австрію, которая ревниво давить маленькое княжество, запрещая ему движеніе то въ ту, то въ другую сторону. Сербіи открыто было движеніе почти только въ одномъ направленіи—на юго-востокъ, но здѣсь представлялась трудная задача разграниченія сербской народности съ болгарскою.

Относительно Румыніи выговорено признаніе ея независимости, а ея права на вознагражденіе будутъ особо опредѣлены обѣими сторонами. Румыніи, впрочемъ, предоставляется получить значительную, уступленную Портой Россіи, территорію на правомъ берегу Дуная, въ Добруджѣ, въ обмѣнъ за клочокъ Бессарабіи. Мы не знаемъ насколько слѣдуетъ вѣрить протестамъ Румынъ противъ этого обмѣна. Можетъ-быть это не болѣе какъ уловка для возвышенія торга, для надбавки цѣны. Во всякомъ случаѣ выставляемые ими аргументы лишены серіознаго основанія. Они ссылаются на нераздѣльность своей территоріи забывая что клочокъ Бессарабіи былъ частью Русской территоріи и уступленъ Россіей не Румыніи, которой тогда и на свѣтѣ не было, и не Молдавскому господарству, а Портѣ бывшей тогда владѣлицею этихъ земель. Что же касается возгласовъ будто Бессарабія и прежде была частью Молдавіи и у ней отнята Россіей, то Молдавіи въ 1812 году, какъ политической единицы, вовсе не было, а была Турція съ которою Россія вела войну и отъ которой пріобрѣла территорію въ то же время положивъ основаніе льготамъ Придунайскихъ княжествъ. Молдавія и Валахія, изъ коихъ послѣ образовалась нынѣшняя Румынія, была созданиємъ Россіи, ея первымъ шагомъ въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига, и для Румынъ нынѣ эта безкорыстная служба завершается ихъ полнымъ освобожденіемъ. Говоримъ безкорыстная, ибо въ клочкѣ Бессарабіи Россія лишь желаетъ возвратитъ себѣ свое добро, предлагая Румынамъ гораздо болѣе цѣнное вознагражденіе, территорію болѣе обширную, съ морскимъ берегомъ и портомъ, съ желѣзною дорогою.

Одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ передаетъ слухъ будто Порта держится мнѣнія что мирный договоръ нуждается въ утвержденіи конгресса: толкованіе совер-

шенно произвольное. Въ мирномъ договорѣ ни разу не упоминается о конгрессѣ. Договоръ скрѣпленъ подписью обоихъ Государей, его заключившихъ, и всѣ разсужденія объ его дѣйствительности излишни: онъ долженъ быть исполненъ во всей силѣ.

Мы уже сказали въ какомъ смыслѣ онъ есть прелиминарный. Всѣ условія о которыхъ мы до сихъ поръ говорили выражены въ немъ опредѣлительно и окончательно, оставляя будущему лишь техническое исполненіе какъ проведеніе на мѣстѣ границъ и пр. Но помимо этихъ условій есть другія, гдѣ только намѣчены основанія и сказано что они потребуютъ дальнѣйшаго соглашенія и переговоровъ. Таковы постановленія о Босніи и Герцеговинѣ. Точно также требуется разработать и осуществить, съ примѣненіемъ къ мѣстнымъ потребностямъ, реформы въ Критѣ, Фессалии и Эпирѣ, въ турецкой Арменіи. Наконецъ, остается еще вопросъ о Проливахъ. Всѣ эти пункты требуется еще дополнить. Пункты эти могутъ быть предметомъ обсуждения на конгрессѣ, но въ немъ не нуждаются. Будетъ или не будетъ конгрессъ, ихъ должно будетъ установить дальнѣйшими переговорами съ Портой.

№ 65.

Москва, 10-го марта.

„Для объективнаго наблюдателя тепершняго положенія дѣлъ едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ что прелиминарный миръ заключенный въ Санъ-Стефано имѣетъ рѣшающее значеніе для будущаго переустройства Балканскаго полуострова. Дипломаты на Берлинскомъ конгрессѣ могутъ потратить все свое остроуміе, могутъ улыбаться или хмуриться, имъ удастся можетъ-быть измѣнить здѣсь запятую, а тамъ точку съ запятой; но сущности договора разрушить не смогутъ. Русская армія создала фактъ который надо признать. Теперь ужъ поздно выступать противъ Россіи съ мечомъ въ рукахъ; поздно вырывать у ней и мирными способами ея приобрѣтенія.“

Это не мы говоримъ. Это говоритъ бывшій до сихъ поръ злѣйшимъ изъ враждебныхъ Россіи органовъ, вѣнская *Neue Freie Presse*. Такія благоразумныя рѣчи ведетъ эта газета, конечно, не потому чтобъ она

возымѣла къ намъ особенную нѣжность, а чтобы предостеречь свое правительство отъ политики рискованныхъ предпріятій которая требуетъ кредита въ 60 милліоновъ и которую органъ австро-нѣмецкихъ централистовъ признаетъ пагубною. Партія эта видимо напрягаетъ всѣ свои усилія чтобы свергнуть графа Андраши. Этого оппозиціонные вѣнскіе органы и не скрываютъ; но слѣдуетъ ли намъ очень тревожиться за графа Андраши и очень опасаться его паденія. Богъ съ нимъ, пусть бы себѣ падалъ. Онъ выдумалъ 60-милліонный кредитъ, онъ зоветъ Россію къ отвѣту, онъ требуетъ отъ нея уступокъ, онъ позволяетъ себѣ прибѣгать къ системѣ запугиванья, чтобъ испортить нашъ миръ какъ старался прежде, и безуспѣшно, испортить нашу войну. Его противники, кто бы они ни были, намъ друзья. Они мирятся съ результатами совершившихся на Востокѣ событій, не хотятъ допускать и тѣни возможности вооруженнаго столкновенія съ Россіей, не думаютъ и мирными способами выманивать у насъ уступки. Въ Австрійской делегаціи вся фаланга старыхъ централистовъ, Гербстъ, Искра, Куранда, Штурмъ, Гроссъ, Вольфрумъ, говорили и подавали голоса противъ кредита. Стало-быть, почему же должны мы трепетать за графа Андраши и желать ему успѣха надъ его противниками?

Контрастъ между мнѣніемъ какое имѣютъ противники графа Андраши о его замыслахъ и тѣмъ что онъ самъ о себѣ возвѣщаетъ міру чрезъ „услужливый“ телеграфъ раскрываетъ ту игру запугиваньемъ которая ведется противъ Россіи, игру слишкомъ грубую чтобы не быть замѣтною для „объективнаго наблюдателя“, говоря словами *Neue Freie Presse*.

Не должно, впрочемъ, думать чтобы партіи дѣлающія оппозицію графу Андраши дѣйствительно предполагали въ немъ виновные замыслы. Нѣтъ, и онѣ, подобна намъ, сознаютъ что это не болѣе какъ игра, но игра опасная для Австріи. Австро-нѣмецкіе централисты опасаются не только того что игра эта можетъ вовлечь Австрію въ пагубную войну, но и самаго успѣха этой игры. Графъ Андраши есть избранное орудіе той политики которая должна окончательно вытолкнуть Австрію на Востокъ, но противъ этой политики крѣпко упирается старая австро-нѣмецкая партія.

Австро-нѣмецкіе централисты настаиваютъ на томъ чтобы Австрія примирилась съ совершившимися событіями и желаютъ только чтобы „конгрессъ привелъ къ удовлетворенію тѣхъ интересовъ которые не находятся въ связи съ территоріальными измѣненіями.“

Какіе же это интересы, не зависящіе отъ территоріальныхъ измѣненій признаваемыхъ безвозвратными? *Neue Freie Presse* болѣе всего опасается чтобы политическій переворотъ на Балканскомъ полуостровѣ не отозвался вредно на экономическихъ интересахъ Австріи. Она боится потери турецкаго рынка для Австріи и съ ужасомъ предвидитъ что Россія, пользуясь своимъ господствующимъ на Востокѣ положеніемъ, заключитъ таможенный союзъ съ новыми балканскими государствами и что австрійская граница, отъ Бѣлграда до Сучавы и отъ Землины до Желѣзныхъ Воротъ, „будетъ окаймлена русскими шлагбаумами.“ Единственнымъ торговымъ путемъ въ Константинополь остается де кружный морской путь, а Букурештъ сравнится для Австріи въ таможенномъ отношеніи съ Варшавой или Кіевомъ. *Neue Freie Presse* рекомендуетъ графу Андраши направить всѣ усилія въ эту сторону и готова простить ему всѣ прегрѣшенія если онъ сумѣетъ оградить Австрію „и Европу“ противъ распространенія русской запретительной таможенной системы на Балканскій полуостровъ. Для этого предполагается цѣлый рядъ мѣръ которыя сводятся въ сущности къ установленію таможеннаго кордона *противъ* Россіи. *Neue Freie Presse* требуетъ даже чтобы конгрессъ имѣлъ въ виду ширину рельсовой колеи на будущихъ желѣзныхъ дорогахъ Болгаріи, и чтобы торжественнымъ международнымъ актомъ было воспрещено равенство этой колеи съ русскою.

Какъ ни наивны кажутся съ перваго взгляда эти притязанія, но и за ними скрывается все тотъ же маневръ: по возможности схватить хоть что-нибудь изъ добычи, умалить выгоды приобрѣтенныя Россіей и поживиться на ея счетъ. По словамъ вѣнскаго корреспондента *National-Zeitung*, въ тамошнихъ кругахъ дѣйствительно возникъ проектъ какъ бы согласить противоположныя стремленія въ Австріи по отношенію къ Балканскому полуострову; признано де за лучшее отказаться отъ присоединенія Босніи и Герцеговины, но съ тѣмъ чтобы былъ установленъ австро-восточный тамо-

женный союзъ въ который вошли бы всѣ отдѣляемыя отъ Турціи земли, какъ независимыя такъ и вассальныя. и въ томъ числѣ Боснія съ Герцеговиной. Корреспондентъ, впрочемъ, скептически относится къ этому плану, замѣчая что не только Россія, но и Англія, и Франція, и Германія не могутъ согласиться на него.

А въ Англіи вопросъ о „турецкомъ рынкѣ“ поднимается не въ видахъ примиренія съ совершившимися фактами, а напротивъ, какъ одинъ изъ аргументовъ почему Англія не можетъ примириться съ ними. *Pall Mall Gazette*, отъ 9 марта, доказываетъ что преобладаніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ грозитъ закрытіемъ турецкаго рынка для англійскихъ товаровъ. Западно-европейскіе рынки, объ открытіи коихъ такъ много хлопоталъ Кобденъ, мало-по-малу снова де закрылись для англійской промышленности благодаря введенію новыхъ, враждебныхъ ей таможенныхъ тарифовъ, и такимъ образомъ Англія должна де ограничиться сбытомъ своихъ произведеній варварскимъ и полуварварскимъ народамъ. Только Турція изъ всѣхъ европейскихъ державъ „была настолько проста,“ сознается *Pall Mall Gazette*, что вовсе не ограждала себя отъ англійскихъ фабрикантовъ. Отъ Россіи же, „какъ бы высоко ни была ея гуманность,“ нельзя ожидать того же. „Что станетъ,“ восклицаетъ со вздохомъ лондонскій консервативный органъ, „изъ обширнаго турецкаго рынка для англійскихъ произведеній который простирался еще недавно отъ Адриатическаго моря до Тигра!“ Ничего хорошаго нельзя де ожидать, ибо ни одинъ смертный, „за исключеніемъ нѣсколькихъ Англичанъ свихнувшихся влѣдствіе болгарскихъ ужасовъ,“ не сомнѣвается что отдѣльныя страны, на которыя нынѣ распадается Турецкая имперія, станутъ вассалами Россіи, и Англіи останется продавать свои хлопчато-бумажныя издѣлія только Африканцамъ и Китайцамъ.

Вотъ къ чему сводятся, въ минуты откровенности, пресловутые „европейскіе интересы.“

№ 66.

Москва, 11-го марта.

А.

Притчи часто лучше поясняют дѣло чѣмъ прямое изложеніе. Скажемъ сказку: Вела Россія войну съ Англіей и истощивъ свои силы въ борьбѣ возопила о мирѣ. Гордый побѣдитель прежде всего потребовалъ надежныхъ гарантій которыя обезпечили бы за нимъ всѣ выгоды его положенія и отняли бы у насъ, у Россіи возможность возобновить борьбу. Это мы сказку сказываемъ; мы никакого пораженія не потерпѣли; мы напротивъ восторжествовали надъ нашимъ противникомъ; мы повергли его во прахъ, и существованіе его было на острие нашего меча; мы могли нанести ему послѣдній ударъ или даровать ему миръ на всей нашей волѣ. Никакая земная сила не могла предупредить быструю нашихъ войскъ. По неоспоримому праву войны, мы могли овладѣть тѣми важными мѣстами которыя давали бы намъ не преступное положеніе и служили бы вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ результатовъ нашихъ побѣдъ. Въ такихъ условіяхъ находились дѣла при заключеніи нашего перемирія съ побѣжденною Турціей. Но мы добровольно отказались отъ господствующихъ позицій; мы не захотѣли обезпечить себя ни въ Дарданеллахъ, ни въ Босфорѣ. Мы поступили такъ для засвидѣтельствованія нашего миролюбія и для успокоенія нахальнѣйшаго и злѣйшаго изъ нашихъ враговъ, который былъ главнымъ виновникомъ борьбы и чувствовалъ себя пораженнымъ въ лицѣ Турціи. Мы отказались отъ господствующихъ позицій, обладаніе которыми всего вѣрнѣе обезпечило бы нашъ миръ и предотвратило бы новую войну. Но этого мало: чтобъ удивить всѣхъ нашею умѣренностію (всѣмъ пришлось удивиться напротивъ неумѣренности нашихъ въ этомъ смыслѣ стараній) и чтобы предотвратить столкновеніе съ нашимъ злѣйшимъ врагомъ, мы преклонили предъ нимъ наше оружіе и въ виду нашихъ побѣдоносныхъ армій дали ему овладѣть противъ насъ гарантіями какими свойственно владѣть побѣдителю. Политика уступчивости привела насъ къ войнѣ; та же политика теперь колеблетъ нашъ миръ.

Съверо-Германская Газета находитъ что англо-русская война неминуема, ибо какъ свидѣтельствуется органъ князя Бисмарка; для Англіи теперь очень удобно затѣять войну. Конечно, очень удобно. Большой соблазнъ для Англіи! Мы ловко завлекли ее шагъ за шагомъ...

Не тѣ или другія черты нашихъ условій безпокоятъ Англичанъ; нашъ усгѣхъ имъ досаденъ; въ немъ они видятъ ущербъ своему значенію на Востокѣ. Это мы хлопчемъ о конгрессѣ, это насъ занимаетъ какъ будутъ на немъ поставлены вопросы, какъ будутъ разсуждать тамъ. Англичанъ занимаетъ совсѣмъ другое: какъ поправить то что они считаютъ для себя невыгоднымъ, какъ возстановитъ померкшее вслѣдствіе русскихъ побѣдъ значеніе Англіи на Востокѣ, и доказать что русскія побѣды ничего не значатъ, и что все-таки господствуетъ Англія и творится ея воля. Такая задача могла казаться не легкою мѣсяца полтора тому назадъ; но въ этотъ промежутокъ многое измѣнилось. Англія безъ войны пріобрѣла выгоды какихъ мы въ угоду ей лишили себя.

Благодаря нашей уступчивости, Англія заняла позицію которая обязываетъ ее дѣйствовать. Англіійскій флотъ въ составѣ четырехъ судовъ ворвался въ Дарданеллы. Прямымъ отвѣтомъ въ ту минуту было бы немедленное занятіе Галлиполи. Мы могли это сдѣлать легко, и держать этотъ пунктъ до тѣхъ поръ пока англійскій флотъ не выйдетъ изъ Мраморнаго моря. Мы были въ состояніи занять всѣ выгодные пункты которые могли быть нужны намъ для обезпеченія нашего положенія. Но лордъ Дарби съ наивнѣйшимъ нахальствомъ просилъ насъ не занимать Дарданельскихъ укрѣпленій, такъ какъ это могло бы угрожать сообщеніямъ, высланной противъ Россіи англійской эскадры, и дипломатія весьма любезно согласилась на это. Нашимъ генераламъ на будущее время указаніе: при встрѣчѣ съ непріателемъ успѣшно сняться съ позиціи если замѣтятъ что непріатель находитъ ее для себя неудобною. Мы въ угоду Англіи отказались отъ турецкихъ броненосцевъ, а она купила три новые броненосца: два турецкіе строившіеся въ Англіи и не успѣвшіе къ началу войны и бразильскій броненосецъ *Independancia*, только что оконченный постройкой. Чтобъ оцѣнить значеніе этихъ покупокъ должно замѣтить что постройка

такихъ трехъ судовъ потребовала бы по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ. Сегодня извѣщаютъ насъ объ оконченной укладкѣ англійскаго кабеля между Сирой и Безикскою бухтой, а также между Сирой, Кандіей и Александріей. Англичане распоряжаются въ турецкихъ водахъ какъ въ своихъ владѣніяхъ, а мы боялись ступить лишній шагъ по праву побѣды въ непріятельской территоріи. Гарнизоны въ Мальтѣ и Гибралтарѣ переполнены войсками. Чуть не весь панцырный флотъ Англии находится въ Мраморномъ морѣ, въ Дарданеллахъ и въ ихъ сосѣдствѣ...

Неизбѣжный рокъ, путемъ нашего миролюбія, влечетъ насъ изъ войны въ войну... Такъ видно Богу угодно: Стало быть на полупути останавливаться намъ не вѣлѣно, и видно надо идти до конца...

Б.

Morning Post, считающаяся нынѣ офиціознымъ органомъ, замѣчаетъ что положеніе ежедневно становится все серіознѣе: „Не только Англія и Россія находятся въ „прямой оппозиціи, но въ обѣихъ странахъ „общественное мнѣніе опередило правительство. Между тѣмъ какъ дипломатическое положеніе крайне натянуто, обѣ націи находятся въ опасномъ соприкосновеніи, и въ любую минуту искра можетъ пробудить громы артиллеріи которые не умолкнутъ въ одну или двѣ кампаніи.“ (Строки эти удивительно какъ отзываются стилемъ лорда Беконсфильда). „Настоящее положеніе есть положеніе со „примкнутыми штыками и заряженными „пушками, и будетъ удивительно если двигатели перьевъ извлекутъ изъ него миръ. „Между тѣмъ, занятія ихъ, какъ говорятъ, находятся гораздо болѣе въ связи „съ предвидѣніями войны чѣмъ мира; слышно что ведутся переговоры о союзѣ между Англіей и Австріей. Подобное соглашеніе можетъ имѣть въ виду только одну „цѣль—выбросить Россію изъ ея выгоднаго положенія (*her position of vantage*).“ *Morning Post* радуется и находитъ въ высшей степени удовлетворительнымъ что наконецъ то „англійское общественное мнѣніе стало смотрѣть на Восточный вопросъ въ его истинномъ свѣтѣ.“

Вотъ отвѣтъ котораго мы дождались за нашу уступчивость и желаніе ублажить Англію.

Journal de St.-Petersbourg дивится нахальству Англии. Но было бы полезнѣе задать себѣ вопросъ: что виною этому нахальству. Англія обыкновенно ведетъ себя скромно съ тѣми кто внушаетъ ей уваженіе. Дипломатическій органъ съ театральнымъ пафосомъ взываетъ къ Европѣ, прося у ней суда и защиты. Но почему къ Европѣ? Если пошло на миеологію, то почему бы не къ Ѡемидѣ, почему не къ Немезидѣ?

№ 68.

Москва, 13-го марта.

Будетъ или не будетъ у насъ война съ Англіей?

Мѣсяцъ тому назадъ легко было отвѣчать на этотъ вопросъ. Тогда намъ ничего не стоило обезпечить себя отъ этой случайности, и сказать вслѣдъ за княземъ Бисмаркомъ: *beati possidentes*. Ни война съ Англіей, ни коалиція противъ насъ была невозможна. Побѣдоносная русская армія находилась на подачу руки отъ Константинополя. Она могла занять всѣ господствующіе пункты, Дарданеллы, Босфоръ, и обезпечить миръ отъ враждебныхъ покушеній. Будь это сдѣлано вовремя, не пришлось бы теперь тревожиться опасеніями новой войны.

Извѣстно какія притязанія предъявила къ намъ Англія. Она требуетъ чтобы Россія обязалась явиться на ея судъ и покорно выслушать ея приговоръ. Только въ такомъ смыслѣ понимаетъ Англійское правительство придуманный нами для ея ублаженія европейскій конгрессъ. Вся англійская печать въ одинъ голосъ вразумляетъ насъ въ этомъ. Газета *Times*, еще старающаяся соблюдать умѣренность въ тонѣ, говоритъ: „Чѣмъ зрѣлѣе мы обсуждаемъ вопросъ, тѣмъ основательнѣе, тѣмъ „настоятельнѣе представляется требованіе „нашего правительства. Россія смотритъ „на вопросъ какъ воюющая сторона имѣвшая успѣхъ. Англія и Европа“ (какъ тутъ кстати Европа!) „смотрятъ на вопросъ какъ „подписчики трактата который Россія нарушила. Конгрессъ разсудитъ имѣла ли „она на то право и могутъ ли быть признаны перемѣны которыя Россія установила силой... Не во власти Россіи, и даже не въ предѣлахъ компетенціи конгрес-

„са, рѣшать подлежатъ или нѣтъ извѣстныхъ статьи новаго трактата вѣдѣнію державъ подписавшихъ прежній трактатъ.“ Консервативные органы выражаются еще рѣзче. *Morning Post* изрекаетъ что „Россія должна подчиниться рѣшенію другихъ державъ: онѣ рѣшаютъ что можно дозволить въ ея мирномъ трактатѣ и что отвергнуть.“ Такое же мнѣніе выражаетъ и *Standard*, негодуя только что Россія „изъявила рѣшимость удерживать каждый дюймъ территоріи которую подъ различными предлогами ей удалось занять и даже“ (представьте себѣ!) „укрѣпляетъ свою позицію на тѣхъ пунктахъ гдѣ она можетъ вступить въ столкновение съ другими державами.“ Увы, не ошибается ли торійская газета? Укрѣпляетъ ли?... Но послушаемъ далѣе. Намъ слѣдуетъ знать какую силу будетъ имѣть приговоръ предъ коимъ должна преклониться Россія. *Pall Mall Gazette* объясняетъ что это долженъ быть польскій сеймъ съ *liberum veto* для каждой державы, причемъ только Россія должна остаться безгласна. Вотъ какъ эта газета суммируетъ требованіе Англіи: „Россія явится на конгрессъ какъ истецъ, другія державы какъ члены трибунала чтобы судить о ея притязаніи. Россія останется связанною каждымъ изъ существующихъ международных постановленій которыя конгрессъ не соизволитъ отмѣнить. Такое соизволеніе должно быть дано единогласно, и никакая другая держава не будетъ связана приговоромъ на который она не дастъ соизволенія. Ни одна статья трактата не будетъ пропущена безъ просмотра если та или другая держава заявитъ что ея интересы ею затронуты. И всякая статья должна считаться затрогивающею чьи-либо интересы пока конгрессъ не рѣшитъ единогласно противнаго.“ Но и этого мало. Самый ярый изъ враждебныхъ намъ органовъ, *Daily Telegraph*, притомъ считающійся *parexcellence* офиціознымъ органомъ нынѣшняго кабинета, уже заводитъ рѣчь о томъ что британскимъ представителямъ невозможно будетъ занять мѣсто въ конгрессѣ пока Россія остается въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ турецкою столицей и Босфоромъ, и говоритъ: „Подчиненіе Россіи международному праву будетъ обманчиво если ей будетъ дозволено удерживать въ рукахъ ключи великой проблемы во время конгресса. А потому не-

„обходимо чтобы русскія войска были немедленно удалены...“

Но что значитъ наглость этихъ притязаній въ сравненіи съ наглостью совершившихся дѣйствій? На глазахъ у насъ англійскій флотъ форсировалъ Дарданеллы, а сегодня узнали мы слѣдующую любопытную подробность изъ запоздавшего письма константинопольскаго корреспондента *Times*, отъ 7 марта, который разказываетъ объ англійскомъ броненосномъ флотѣ въ Мраморномъ Морѣ. „Адмиралу Коммерелю,“ пишетъ онъ, „даны инструкціи противиться силой всякой попыткѣ Русскихъ занять линію Булаира въ Дарданеллахъ; командующій турецкими войсками получилъ увѣдомленіе отвести своихъ солдатъ, такъ какъ въ случаѣ появленія Русскихъ британскія суда тотчасъ же откроютъ огонь, не обращая вниманія на присутствіе Турокъ.“ Но въ Дарданеллахъ стоитъ только часть англійской эскадры; другая часть ея находится вблизи Босфора, въ Измидскомъ заливѣ, у азіатскаго берега. Знаемъ ли мы что тамъ творится? Быть-можетъ, пока мы занимаемся дипломатіей, по ту сторону Босфора готовится что-нибудь серьезное...

Нашимъ противникамъ выгодно тянуть время. Каждый протекающій день ослабляетъ насъ, а ихъ усиливаетъ. Корреспондентъ *Daily Telegraph*, въ телеграммѣ отъ 18 марта, указывая на опасность возможнаго захвата Русскими Босфора, говоритъ очень основательно: „Если державы, или какая-либо изъ нихъ, намѣрены помочь султану или поддержать его, то открытая вражда теперь была бы рѣшительно неблагоприятна и наилучшею политикой для противниковъ Россіи въ настоящую минуту должна быть Фабіевская. Державы должны искусно вести выжидательную игру и воздерживаться отъ вызова пока не соберутъ достаточныхъ силъ чтобы выгнать Русскихъ разъ навсегда.“

Если есть возможность избѣжать войны, или по крайней мѣрѣ великаго военнаго скандала въ Черномъ Морѣ, то слѣдуетъ заставить замолчать дипломатію и поспѣшить занятіемъ всѣхъ позицій какія обезпечили бы насъ отъ нападенія, занять Босфоръ пока еще онъ не въ рукахъ Англичанъ, занять Галлиполи, если это возможно, хотя бы силой.

Если Англичане вздумаютъ стрѣлять по русскимъ войскамъ, то этимъ они только

обнаружатъ уже принятое ими рѣшеніе и принуждены будутъ сбросить маску ранѣе чѣмъ разчитывали.

№ 69.

Москва, 14-го марта.

Для того чтобы найтись въ образовавшемся нынѣ политическомъ положеніи, нужно привести въ ясность его существенныя очертанія и распознать что и въ какой связи находится между собой.

Дѣла осложнились повидимому вслѣдствіе положенія принятаго Англіей. Очевидно, она не хочетъ признавать нашъ миръ съ Турціей. Конгрессу она не придаетъ серьезнаго значенія, и толками о конгрессѣ она пользуется лишь для того чтобы оскорблять Россію, которая только что вышла изъ кровопролитной и побѣдоносной войны. Она ставитъ условія которыя даже для политиковъ школы *Journal de St.-Petersbourg* кажутся не возможными, — значитъ хуже чѣмъ постыдными. Англійскую политику очень мало интересуется участь Турокъ, Болгаръ или Грековъ. Ее интересуетъ господство на Востокѣ. Если вы уступите Англіи это господство, то ей болѣе ничего и не нужно.

Замышляетъ ли Англія войну противъ насъ? Мы можемъ быть увѣрены въ ея всегдашней готовности причинить намъ всякій вредъ; она всегда готова воспользоваться случаемъ чтобы возбудить противъ насъ войну. Еслибы можно было, она вооружила бы цѣлый міръ противъ насъ. Но обстоятельства не благоприятствуютъ образованію коалиціи, а безъ союзниковъ Англія не могла бы отважиться на большую европейскую войну. Да и зачѣмъ? Война во всякомъ случаѣ есть средство, а не цѣль, и странно думать что какая-либо держава предприняла бы войну для достиженія цѣли которая можетъ быть достигнута и безъ войны. Въ Восточномъ вопросѣ единственною цѣлью Англіи можетъ быть лишь ея господство на Востокѣ, то-есть торжество надъ Россіей, въ которой она видитъ здѣсь свою соперницу. Господство же на Востокѣ связано съ судьбою Пролововъ Дарданелльскаго и Константинопольскаго. Въ чьихъ рукахъ очутятся эти пункты, того и побѣда, тому и владычество на Востокѣ. Англія съ самого начала смутъ на

Востокѣ придвинула свой флотъ въ сосѣдство Дарданеллъ. Вопросъ былъ въ томъ кто скорѣе подойдетъ къ Константинополю, кто скорѣе овладѣетъ входомъ въ Мраморное Море. Русскимъ войскамъ приходилось совершать долгій и тяжкій путь къ этимъ мѣстамъ отъ Дуная. Англія же со своими броненосцами могла очутиться тамъ въ однѣ сутки. Во время перипетій тяжелой борьбы, Англія неоднократно порывалась войти въ заповѣдныя воды, но встрѣчая нѣкоторое сопротивленіе въ Портѣ отлагала рѣшеніе, увѣренная что успѣетъ вовремя исполнить его. Она было встревожилась когда генераль Гурко перелетѣлъ въ первый разъ черезъ Балканы, но не надолго; она вновь успокоилась когда послѣдовали для нашей арміи тяжкіе дни подъ Плевной. Всѣ наши недоброжелатели возымѣли радостную увѣренность что мы не выдержимъ предпринятой борьбы. Въ рѣчахъ англійскихъ министровъ ясно высказывалась эта увѣренность, которая повидимому вполне основательно опиралась на свѣдѣніяхъ получавшихся ими съ театра войны о недостаточности нашихъ силъ, нашего вооруженія, объ ошибочности общаго задуманнаго нами плана кампаніи. Мы помнимъ съ какимъ самодовольствомъ говорилъ графъ Дарби о нашихъ неудачахъ, и съ какимъ презрительнымъ сожалѣніемъ собирався подать намъ руку помощи чтобы „вытащить насъ изъ ямы.“ Но когда мы поправились, то дѣла приняли изумительно быстрый ходъ. Вопреки всѣмъ разчетамъ, наши войска совершили почти невозможный въ зимнюю пору переходъ черезъ Балканы. Всѣ турецкія арміи, одна за другою, съ неимоверною быстротою были полонены или разбиты въ прахъ. Мы шли на Константинополь, мы были на пути къ Галлиполи, мы были уже въ нѣсколькихъ часахъ отъ этихъ завѣтныхъ мѣстъ гдѣ заключена вся сила Восточнаго вопроса. Только овладѣвъ этими мѣстами могли мы продиктовать противнику надежный миръ. Только утвердившись въ этихъ мѣстахъ могли мы быть увѣрены что поставленные нами требованія будутъ всѣми уважены. Отъ насъ бы зависѣло остаться въ обладаніи этими мѣстами, вступивъ въ соглашеніе съ другими, менѣе заинтересованными въ Восточномъ вопросѣ державами, и еслибы пришлось намъ вступить въ борьбу за эти мѣста, то находясь уже въ обладаніи ими мы были бы въ самыхъ вы-

годныхъ для всякой борьбы условіяхъ; мы были бы неприступны, мы были бы неуязвимы, мы обладали бы могуществомъ которое было бы не подъ силу всякой коалиціи. Война съ нами была бы невозможна, еслибы мы въ свое время захватили эти мѣста. Вотъ чего достигали мы благодаря геройскимъ усиліямъ и доблести нашихъ войскъ. Впрочемъ, отъ насъ зависѣло быть великодушными, и только при полномъ торжествѣ могли мы показать въ должномъ свѣтѣ нашу умѣренность. Отъ насъ зависѣло, по устроеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, отказаться отъ исключительнаго обладанія этими мѣстами, и призвать всѣ другія державы къ совмѣстному съ нами регулированію вопроса о Проливахъ.

Къ сожалѣнію, мы предпочли другой способъ дѣйствія. Нашу войну постоянно сопровождала дипломатія: Россія никогда не забудетъ ея услугъ въ это роковое время. Всѣ были увѣрены что наши войска войдутъ въ Константинополь, что они займутъ Галлиполи. Всѣ въ Россіи съ замираніемъ сердца слѣдили за ихъ движеніемъ и ловили смутные, долетавшіе съ разныхъ сторонъ слухи о приближеніи ихъ къ этимъ завѣтнымъ мѣстамъ. Вотъ, вотъ они вошли въ Константинополь... великая радость, великое народное торжество, исполненіе русской исторіи! Вотъ они уже приближаются къ линіямъ Булаира; еще шагъ, еще шагъ, и ключъ Восточнаго вопроса въ ихъ рукахъ. Но восторженные ожиданія были напрасны... Крикнула Англія, и мы вдругъ остановились. Мы предпочли заключить миръ прежде чѣмъ война дошла до своего конца, до своей цѣли, до своего полнаго торжества, до послѣдней все рѣшающей побѣды, которая была уже на концѣ нашихъ штыковъ. Мы остановились на крикъ Англіи, а она заняла мѣсто которое было уже нашимъ по праву войны, наказавъ намъ держаться смирно и не мѣшать ей укрѣпляться. Непримиимый противникъ нашъ безъ боя очутился у цѣли которая должна была увѣнчать нашу тяжкую, столькихъ жертвъ стоившую войну. Онъ занимаетъ командующее положеніе, а мы остались за барьеромъ. Зачѣмъ же Англія будетъ объявлять намъ войну? Она обращается къ намъ и говоритъ: Попробуйте теперь выбить меня. Оставайтесь при вашемъ трактатѣ и разчитывайтесь съ Австріей, которая конечно сумѣетъ воспользоваться

вашимъ трактатомъ для своихъ цѣлей; мы же останемся въ обладаніи ключомъ всего Восточнаго вопроса. Мы уже владѣемъ Дарданеллами; посмѣете ли вы преградить намъ путь въ Босфоръ? Пока вы заняты изощреніемъ вашего краснорѣчія и вашихъ аргументовъ для конгресса, пока вы подбираете клочки разорваннаго Парижскаго трактата, мы успѣемъ укрѣпить наше господствующее на востокѣ положеніе и создадимъ здѣсь новый порядокъ вещей какой намъ требуется. Мы теперь не Турцію отстаиваемъ, пусть она пропадаетъ, мы теперь беремъ свою львиную долю. Пусть на Балканскомъ полуостровѣ прекратится Оттоманское господство, и такъ или иначе распредѣлятся населяющія его христіанскія народности. Лишь бы господство осталось за Англіей, а господство Англіи въ этихъ мѣстахъ значитъ пораженіе Россіи, какого она еще никогда не испытывала.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ что проливы остались бы за Англіей, и что она успѣла бы укрѣпиться въ нихъ. Мы не только потеряли бы всякое значеніе на Востокѣ, мы были бы поражены въ самыхъ жизненныхъ условіяхъ нашего существованія. Еслибы такая чудовищная возможность осуществилась, Россія перестала бы существовать какъ великая держава. Россія очутилась бы въ полной зависимости отъ нашего врага и подъ его опекой. Всякій понимаетъ что на этомъ исторія остановиться не могла бы, и что еслибы нѣчто подобное затѣвалось, то это значило бы что мы находимся наканунѣ страшной борьбы. Кому же такая борьба можетъ быть желательна? Развѣ политикамъ франко-русскаго журнала, которые полагаютъ что Россія должна заботиться не о грубомъ интересѣ своего существованія, а объ интересахъ другихъ державъ и о равновѣсіи Европы.

Чтобы предупредить тяжкія испытанія которымъ можетъ подвергнуться наше отечество, намъ не остается ничего иного какъ поспѣшно захватить, хотя бы съ боя, пока еще не совсѣмъ поздно, тѣ позиціи которыя командуютъ надъ Проливами...

Спѣшить надо. Съ каждымъ днемъ положеніе наше становится все труднѣе. Заключенный нами миръ, вмѣсто того чтобъ обезпечить насъ, можетъ при дальнѣйшихъ осложненіяхъ только ослабить наше положеніе. Теперь уже не такъ легко себе

рется весь христіанскій Востокъ подъ наше знамя. Во всякомъ случаѣ заключенный миръ стѣсняетъ наши движенія по отношенію къ Турціи. Мы не знаемъ какое она приметъ положеніе, — да и можно ли разчитывать въ чемъ нибудь на этотъ разлагающійся трупъ?

Въ угоду Англичанамъ, мы не взяли турецкихъ броненосцевъ въ зачетъ военной контрибуціи, а они, подъ командой Англичанина и подъ предлогомъ усмиренія возстанія въ Тессалии, вышли въ Эгейское море и присоединились къ англійскому флоту, такъ что Порта едва ли уже и можетъ располагать ими по своему изволенію.

Теперь отъ насъ требуется живая чуткость, предусмотрительность, рѣшимость, обдуманность и вмѣстѣ быстрота дѣйствій; прежде всего требуется не дѣйствовать по программѣ нашихъ враговъ въ надеждѣ ублажить ихъ. Во имя Россіи, во имя великодушнаго, преданнаго, готоваго на всѣ жертвы народа, во имя этихъ героевъ которые такъ обильно напоили своею кровью поля недавней брани, должны мы рѣшительно изгнать иностранные взгляды изъ нашей политики...

№ 70.

Москва, 15-го марта.

А.

За нѣсколько дней предъ симъ обратили мы вниманіе на статью *Neue Freie Presse*, органа князей Вѣнской биржи, съ направленіемъ австро-нѣмецкаго централизма. Мы указывали какъ этотъ органъ, не перестававшій клеветать и изрыгать хулу на Россію въ минувшую войну, теперь мирится со всѣми результатами войны и хлопочетъ лишь объ *экономическихъ* выгодахъ Австріи. Что это не было внезапною идеей осѣнившею издателя *Новой Свободной Прессы* въ его кабинетѣ, доказывается извѣстіемъ что и торгово-политическая коммисія Рейхсрата занята нынѣ вопросами о нейтрализаціи Дуная, о преобладаніи австрійскаго вліянія на этой рѣкѣ, о соединеніи австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ дорогами Балканскаго полуострова. Очевидно, австрійскіе Нѣмцы хотятъ связать графа Андраши своею программой, если имъ не удастся согнать его съ мѣста.

Между тѣмъ агитація противъ мадьяризма и доселѣ бывшей политики графа Андраши продолжается. Мадьярскій шовинизмъ на чужой счетъ вызываетъ серьезный отпоръ отъ австро-нѣмецкой партіи. Повидимому, вѣнскіе политики уже очень утомились игрою ими до сихъ поръ ролью.

Въ газетахъ прочли мы выдержки изъ только что появившейся въ Вѣнѣ нѣмецкой брошюры: *Тройственный Союзъ, тѣшеніе Восточнаго вопроса*.

Прежде всего мы узнаемъ изъ этой брошюры какова солидарность въ настоящее время между двумя половинами Австрійской имперіи. „Венгрія, читаемъ, несмотря на всѣ лицемерныя увѣренія въ преданности монарху, фактически находится въ состояніи постояннаго возмущенія противъ Австрійской имперіи. Она пользовалась всякимъ средствомъ чтобъ усилить себя и ослабить имперію. Какъ въ прежніе годы Италія, такъ теперь Венгрія есть смертельный врагъ остальной Австріи, и со времени перваго Наполеона никакая борьба такъ непопулярна во всѣхъ слояхъ австрійскаго и нѣмецкаго и славянскаго населенія какъ борьба съ венгерскимъ мятежемъ.“ Вотъ какъ судятъ теперь австрійскіе Нѣмцы. Брошюра напоминаетъ старые грѣхи Венгрии, грѣхи 1848 и 1866 годовъ, и кается въ заблужденіяхъ нѣмецкой партіи: „Въ 1848 году Венгерская революція имѣла на своей сторонѣ симпатіи нѣмецкихъ друзей прогресса, потому что ее *ошибочно* отождествляли съ германскою культурой и ея требованіями. Но теперь мы убѣдились что слѣпой мадьярскій эгоизмъ не знаетъ границъ, даже такихъ которыя повелительно предписываетъ ему разумъ ради продленія своего существованія.“

Со времени заблужденій 1848 года, да и со времени тайной измѣны Мадьяръ въ 1866 году, прошло однако не мало времени. Пора одуматься. Нѣмецкая партія начинаетъ теперь понимать необходимость помириться и поладить со славянскими элементами имперіи, которые она такъ упорно отталкивала отъ политической жизни и съ графомъ Бейстомъ прижимала къ стѣнѣ. Давно была пора имъ одуматься и не допускать по крайней мѣрѣ въ послѣднее время вести себя съ завязанными глазами. Чтò же сбивало ихъ съ толку?

„Панславизмъ и Венгерская революція, вотъ двѣ карты,“ отвѣчаетъ брошюра, „на

которыхъ игралъ графъ Андраши чтобы помѣшать въ Восточномъ вопросѣ союзу Австріи съ Россіей. Панславизмъ и Венгерская революція, пиковый король и трефовый валетъ, — ихъ слѣдуетъ сразу побить теперь козырнымъ тузомъ патріотизма.“

Авторъ брошюры предлагаетъ радикальное измѣненіе государственной системы Австріи. По его показанію, недовольство австрійскихъ Нѣмцевъ и Славянъ дошло нынѣ до открытой непріязни къ существующему порядку, и только верховная власть всѣми любимого монарха еще съ трудомъ поддерживаетъ дуализмъ. Но что дуализмъ доживаетъ свое время, въ этомъ никто въ Австріи не сомнѣвается, и „мало-по-малу въ окруженіи императора устанавливается сознаніе что дуализмъ есть тормозъ внутренняго развитія и виѣшняго могущества монархіи.“ Австрійскіе Нѣмцы намѣрены возвратиться къ централизму, но не въ томъ видѣ какъ его практиковалъ Шмерлингъ, ибо какъ нѣмецкое, такъ и славянское движеніе въ послѣднія пятнадцать лѣтъ стали умнѣе и зрѣлѣе. Будущій центральный парламентъ въ Австріи, по ихъ предположеніямъ, долженъ основываться не на отвлеченномъ либерализмѣ, но „на интересахъ національностей и общемъ интересѣ государства.“

Въ заключеніе, австрійскіе централисты предлагаютъ *дѣятельный* союзъ съ Россіей. Къ сожалѣнію, въ находящихся предъ нами выпискахъ не находится изложенія тѣхъ доводовъ которые развиваетъ брошюра въ пользу дѣятельнаго Австро-Русскаго союза, и мы должны ограничиться лишь ея общими заключительными словами: „Царьградъ есть лозунгъ Россіи; Австріи надо опредѣлить лишь цѣну за которую она согласна оставить за Русскими Константинополь. Прекращеніе турецкаго господства въ Европѣ и раздѣлъ Европейской Турціи, при рѣшительномъ отпорѣ Англіи, вотъ что должно сдѣлаться новымъ широкимъ основаніемъ Союза Трехъ Императоровъ.“

Нельзя отрицать что нынѣшнее распределение политическихъ партій въ Австріи благоприятствуетъ Россіи. Важность которую мы придаемъ значенію Австріи въ Восточномъ вопросѣ сказывается не только въ тѣхъ значительныхъ оговоркахъ которыя допущены въ мирномъ трактатѣ, но и въ посылкѣ графа Игнатьева въ Вѣну.

Б.

Въ англійскомъ парламентѣ 21-го марта были сдѣланы интересные запросы и еще болѣе интересные при данныхъ обстоятельствахъ отвѣты. Въ верхней палатѣ, лордъ Стретеденъ внесъ свою давно возвѣщенную мощію, которую онъ все откладывалъ по требованію правительства, о мѣрахъ предосторожности которыя Великобританія должна принять прежде чѣмъ согласится на конгрессъ. Считая обязанностью британскаго делегата на конгрессъ, если таковой соберется, смотрѣть чтобы трактаты 1856 года не были измѣнены для русскихъ цѣлей, лордъ Стретеденъ, въ числѣ необходимыхъ мѣръ предосторожности, рекомендовалъ: мобилизацію сухопутныхъ и морскихъ силъ, отправленіе внушительной силы въ Мальту, приготовленіе милиціи къ службѣ за границей и приведеніе британскаго флота въ Мраморномъ Морѣ въ возможность *вступить въ Черное Море*. Краткія пренія которыя были возбуждены рѣчью лорда Стретедена не представляютъ интереса; но любопытно отмѣтить что лордъ Дарби, находившій неудобнымъ обсуждать въ настоящую минуту подобные предметы, возвѣстилъ однако что *большая часть высказанныхъ мѣръ предосторожности уже приняты правительствомъ*.

Въ нижней палатѣ, въ тотъ же день, былъ также интересный разговоръ. Г. Уоткинъ Уильямсъ, не смущаяся репутациею консервативовъ, повторилъ вопросъ на который наканунѣ не добился никакого отвѣта, а именно: какія англійскія суда находятся въ настоящее время въ Дарданеллахъ; вопреки ли протесту Порты прошли они черезъ проливъ; наконецъ, намѣрено ли правительство и теперь, по заключеніи мира, удерживать флотъ въ Мраморномъ Морѣ? Глашатай правительства въ нижней палатѣ, канцлеръ казначейства, повторилъ то же что и лордъ Дарби въ верхней, — именно что такіе вопросы неблагоприятны пока идутъ переговоры. Впрочемъ, что касается первыхъ двухъ вопросовъ, то факты дающіе отвѣтъ на нихъ и безъ того де всѣмъ извѣстны: въ настоящее время четыре броненосца находятся въ Измидскомъ заливѣ, два въ Дарданеллахъ и, кромѣ того, семь меньшихъ судовъ въ Мраморномъ Морѣ и въ *Черномъ Морѣ*. Онъ повторилъ также что Порта протестовала противъ прохода этихъ судовъ. Наконецъ,

на послѣдній вопросъ англійскій министръ заявилъ что правительство не видитъ никакого основанія противъ удержанія флота тамъ гдѣ онъ находится. Г. Уильямсъ не унялся и объявилъ что онъ все-таки намѣренъ спросить правительство какая цѣль его политики требуетъ удержанія флота въ сосѣдствѣ Константинополя.

Жаль что подобные спросы остаются дѣломъ немногихъ эксцентрическихъ членовъ англійскаго парламента, и что англійскіе министры ни откуда еще не слышатъ серьезнаго вопроса о томъ зачѣмъ находятся въ Дарданеллахъ, въ Босфорѣ, въ Черномъ Морѣ, англійскія военныя суда, и какъ скоро намѣрены они уйти изъ воды, куда вступать они не имѣли права и, по сознанію самихъ англійскихъ министровъ, ворвались не взирая на протестъ Порты.

№ 71.

Москва, 16-го марта.

А.

Подлинный текстъ русскаго мирнаго договора теперь уже повсюду извѣстенъ за границей, и въ англійскихъ газетахъ мы находимъ сужденія о немъ. Впрочемъ, можно было предвидѣть каково оно будетъ. Мы могли бы сказать заранѣе что англійская печать не станетъ возражать противъ тѣхъ статей нашего трактата которые оставляютъ многое еще на будущее рѣшеніе, или противъ коихъ она будетъ ожидать возраженія со стороны другихъ, но набросится на все что есть въ трактатѣ существеннаго. Органъ Лондонскаго Города, *Times*, желаетъ показать себя умѣреннымъ и добрымъ; онъ замѣчаетъ что условія договора вовсе не таковы чтобы державамъ на конгрессѣ нельзя было уладить трудный рядъ вопросовъ. Конечно, замѣчаетъ лондонская газета, въ нихъ „многое подлежитъ критикѣ, многое чему надо дать отпоръ, но абсолютно нѣтъ ничего такого что было бы внѣ предѣловъ обсужденія.“ Еще бы не обсуждать если бы мы только согласились, какъ того требуетъ Англійское правительство, чтобы все въ нашемъ трактатѣ, отъ слова до слова, могло подвергнуться намѣненію! Но послушаемъ какъ судить и рядить англійскій критикъ, что онъ одобряетъ и что отвергаетъ.

Разбирая трактатъ по пунктамъ, *Times* замѣчаетъ что условія относительно Черногоріи не интересуютъ Англію. „Возможно что Австрія возразитъ противъ уступки морскаго берега для Черногоріи; но пусть она и улаживаетъ этотъ вопросъ съ Россіей и Черногоріей.“ То же самое и относительно Сербіи. Эти споры пусть де Сербія, Турція, Австрія и Россія улаживаютъ между собою. „Статьи относительно Босніи и Герцеговины,“ говоритъ *Times*, „могутъ быть *полнѣн утверждены*, ибо въ нихъ „предлагается примѣнить къ этимъ провинціямъ предложенія составленныя на Константинопольской конференціи. Австрія, „спеціальный опекунъ этихъ провинцій, можетъ быть расположена предложить дальнѣйшія перемѣны чтобы уравновѣсить сдѣланныя въ Болгаріи. Если она это сдѣлаетъ, то мы скорѣе одобримъ чѣмъ воспротивимся, потому что вообще австрійское вліяніе было бы наилучшею гарантіей порядка въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова.“ Относительно Крита и Греческихъ провинцій лондонская газета находитъ предложенныя реформы недостаточными, и ожидаетъ что онѣ будутъ расширены. Но этимъ и ограничиваются благосклонные отзывы *Times*, то есть она находитъ возможнымъ допустить лишь то что въ трактатѣ намѣчено въ общихъ чертахъ или что можетъ послужить къ усиленію вліянія Австріи. Все же остальное вызываетъ возраженія.

Прежде всего является возраженіе по поводу возвращенія части Бессарабіи въ обмѣнъ на Добруджу. Это, по словамъ *Times*, „не только прямое посягательство на Парижскій трактатъ, но предложеніе дурное само по себѣ; ибо гораздо лучше оставить устье Дуная въ рукахъ небольшого государства какъ Румыніа чѣмъ передать Россіи его охрану.“ Также и объ уступкахъ въ Азіи читаемъ слѣдующее: „По размѣрамъ, уступаемая территорія не обширна; но такъ какъ она включаетъ важный портъ въ Черномъ Морѣ и крѣпость Карсъ, то это можетъ повести къ большому спорамъ.“ Газетѣ не нравится и болѣе долгій срокъ для эвакуаціи русскими войсками турецкой территоріи въ Азіи. Но самыя крупныя возраженія, какъ и можно было ожидать, вызываютъ пункты касающіеся границъ и администраціи Болгаріи. Границы требуется урѣзать якобы въ интересахъ Греческаго племени. А

что касается администраціи, то Россія забираетъ себѣ слишкомъ много власти поручая введеніе новой организаціи русской комиссіи, да еще поддерживаемой въ теченіе двухъ лѣтъ присутствіемъ русскихъ войскъ. Противъ этого, предувѣдомляетъ насъ *Times*, какъ Австрія, такъ и Англія стали бы возражать.

Въ другой статьѣ, та же газета яснѣе и опредѣлительнѣе выражаетъ свою мысль. Сначала она жалуется на опасеніе, повидимому, господствовавшее въ Россіи будто заключенный ею съ Турціей мирный трактатъ встрѣтитъ въ Англіи критику „въ духѣ зависти къ русскимъ успѣхамъ“ или изъ предубѣжденія къ великимъ переменамъ которыя требуются въ интересахъ населенія Балканскаго полуострова. Напротивъ, лондонская газета увѣряетъ насъ что относительно массы менѣе важныхъ подробностей (*minor arrangements*) Англія и не подумаетъ мѣшаться, и что вообще вся остальная Европа будто бы приступила къ разсмотрѣнію нашего мирнаго трактата „въ духѣ чрезвычайно либеральномъ и даже благосклонномъ.“

Закупивъ читателей такимъ предисловіемъ, *Times* тотчасъ же слѣдуетъ оговориться что „эта умѣренность не только „не означаетъ отказа отъ права строго „ислѣдовать полное дѣйствіе трактата, а „есть только прелиминарій къ такому из- „слѣдованію Русскимъ предложеніямъ оказано было благосклонное вниманіе, но „европейскія державы тѣмъ не менѣе обязаны разсмотрѣть согласны ли эти предложенія съ требованіями справедливости.“ Затѣмъ *Times* приглашаетъ взглянуть на карту чтобъ убѣдиться какъ де несправедливы границы Болгаріи, якобы и къ греческому племени, и къ самой Турціи. Такая Болгарія, еслибъ она была *дѣйствительностью*, задавила бы де всѣ другіе интересы. „Словомъ,“ заключаетъ *Times*, „другія державы не могутъ не спросить „къ чему требуется такое жертвоприношеніе интересовъ будущаго (*prospective interests*) отъ другихъ племенъ и даже отъ „Турціи, ради новой Болгаріи. Если къ „этому еще прибавитъ что остальные статьи „трактата отдають въ руки Россіи возникающую организацію новаго княжества, „и принять еще въ соображеніе что оно „при легкомъ доступѣ Россіи къ нему можетъ, „будетъ болѣе подвержено русскому „вліянію чѣмъ всякое другое изъ суще-

„ствующихъ славянскихъ государствъ, то „сила этой заботливости отнюдь не уменьшается.“ Наконецъ, *Times* еще тревожится что это княжество въ такомъ большомъ видѣ, сдѣлаетъ почти номинальнымъ контроль Порты надъ Проливами.

Подобныя затрудненія *Times* усматриваетъ и относительно требуемаго Россіей вознагражденія, ибо „другія державы не „могутъ не взирать съ большимъ неудовольствіемъ на всякое соглашеніе которое такъ обременило бы Порту что не „оставило бы никакихъ шансовъ въ будущемъ.“ И въ довершеніе всего, послѣ такого разбора всего нашего мирнаго трактата, ставится общій вопросъ: „Нельзя не „спросить, какъ въ былые дни, можетъ ли „Европаравнодушно допустить чтобъ участь „христіанъ Востока совсѣмъ перешла въ „русскія руки.“

Такова критика газеты *Times*. Мы остановились на разборѣ нашего мирнаго договора самомъ умѣренномъ и спокойномъ, не говоря о неистовыхъ вопляхъ министерскихъ органовъ какъ, на примѣръ, *Pall Mall Gazette*. Но что же осталось бы отъ нашего мирнаго договора послѣ того какъ онъ былъ бы просѣянъ даже умѣренностью англійскою?

Б.

Journal de St.-Petersbourg опровергаетъ распространившіеся въ Петербургѣ слухи будто наше правительство потребовало рѣшительнымъ образомъ, въ формѣ ультиматума, вывода англійскаго флота изъ Дарданнеллъ. По мнѣнію этой газеты, такое требованіе было бы дѣломъ не деликатнымъ. Она полагаетъ что Россія можетъ позволить себѣ лишь протестъ болѣе тонкаго свойства, именно задерживать въ Турціи свои войска назначавшіеся по окончаніи войны къ возвращенію на родину. Но если это очень деликатно, то и очень дорого. Говорятъ содержаніе нашей арміи на военномъ положеніи въ Турціи обходится въ два милліона ежедневно, даже будто бы болѣе при нынѣшнемъ курсѣ нашего рубля, который конечно не повысится въ такихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ это слишкомъ дорого для протеста. А если грубость англійскихъ министровъ не пойметъ намекъ приглашающаго ихъ убрать свой флотъ, то войскамъ нашимъ такъ все и оставаться въ протестующемъ положеніи?

До котораго же времени? Быть-можетъ лорду Беконсфильду понравится такая форма протеста, и онъ пожелаетъ его продолженія на неопредѣленное время. Во всякомъ случаѣ онъ не будетъ заботиться о русскихъ финансахъ, и огорчаться что масса денегъ которыя будутъ нами такимъ образомъ безплодно истрачены не послужить къ усиленію нашихъ средствъ на случай войны. Не очевидно ли что Англичанамъ выгодно длить неопредѣленное положеніе, а намъ скорѣе положить ему конецъ?

№ 72.

Москва, 17-го марта.

Всѣ нынѣшнія извѣстія говорятъ о близости разрыва съ Англіей. Дѣло должно рѣшиться на дняхъ, быть-можетъ завтра... Удаленіе графа Дарби, который все надѣялся, разчитывая на нашу податливость, мирными способами раздѣлаться съ нами, есть несомнѣнный признакъ что критическій моментъ наступаетъ. Есть что-то роковое въ событіяхъ которыя мы переживаемъ. Роковая сила увлекаетъ Англію... Судъ Божій наступаетъ. Мы не сомнѣваемся въ нашемъ дѣлѣ; но дай Богъ чтобы новое испытаніе не было слишкомъ тяжело! Дай Богъ чтобы мы съ первой же минуты были готовы и не дали бы ни предупредить, ни обмануть себя...

Одна изъ послѣднихъ полученныхъ нами телеграммъ гласитъ что англійское правительство отправило адмиралу, командующему его эскадрой въ Мраморномъ Морѣ, рѣшительныя приказанія на случай если произойдетъ что-либо въ Константинополѣ и его окрестностяхъ. Оно очевидно ожидаетъ что мы успѣшимъ обезпечить себя на Босфорѣ...

Близость столкновенія между Англіей и Россіей снова выдвинула вопросъ о морскихъ правахъ и обычаяхъ въ войнѣ. Въ англійской палатѣ общинъ уже были возбуждены по этому предмету пренія въ засѣданіи 22 марта. Въ прошедшемъ году также шелъ объ этомъ разговоръ. Предложеніе г. Перси Уайндгама отказаться отъ Парижской деклараціи было отклонено, такъ какъ преимущество аргументовъ склонялось къ тому что эта декларація выгодна для Англіи. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и теперь поднять былъ въ

парламентѣ также разговоръ, но уже другаго рода. Одинъ изъ членовъ предложилъ пойти еще далѣе въ этомъ направленіи, и признать неприкосновенность частной собственности на морѣ во время войны.

Резолюція не имѣла успѣха. II правительство, и большинство палаты высказались противъ нея, и она была отклонена безъ подачи голосовъ. Однако многіе ораторы высказывались за нее, и нельзя не замѣтить что мысль эта находитъ съ каждымъ годомъ все болѣе приверженцевъ въ Англіи. Это весьма естественно, и особенно то что она высказалась теперь когда Англія, до сихъ поръ извлекавшая изъ Парижской деклараціи выгоду въ качествѣ нейтральной, можетъ сама очутиться въ положеніи воюющей. Проявившаяся теперь заботливость о частной собственности показываетъ что въ Англіи не слишкомъ-то довѣряютъ отмѣнѣ каперства. Англичане — народъ практическій, и они увѣрены что когда загремятъ пушки, то живые интересы страны возьмутъ и въ Россіи верхъ надъ пустыми фразами и надъ доктринерскими софизмами, и что въ той или другой формѣ, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, но мы принуждены будемъ, не имѣя большаго флота, прибѣгнуть къ помощи частныхъ судовъ чтобы дать и врагу почувствовать тяжесть войны. А въ такомъ случаѣ Англія станетъ очень уязвима. Никто въ свѣтѣ не обладаетъ такою громадною частною собственностью на морѣ какъ Англія. Высчитываютъ что торговое судоходство всего міра простирается до 21 милліона тоннъ, и что изъ этого количества не менѣе 9 милліоновъ, слѣдовательно около половины принадлежитъ Англіи. При этомъ считаются вмѣстѣ и парусныя, и пароходныя суда. Что же касается однихъ послѣднихъ, то ихъ имѣетъ Англія болѣе чѣмъ всѣ другія страны вмѣстѣ, а именно изъ 5.770 морскихъ пароходовъ, общей вмѣстимости 5.700.000 тоннъ, Великобританія принадлежитъ 3.300 пароходовъ, 3.360.000 тоннъ. Понятно какому огромному риску должна вслѣдствіе этого подвергаться Англія, и понятно что у многихъ Англичанъ является мысль отказаться отъ захвата частной собственности чтобы тѣмъ оградить свою, распространивъ на морскія войны обычай давно утвердившійся въ войнахъ сухопутныхъ, которыя уважаютъ частную собственность.

Но военная сила Англіи заключается

главнѣйшимъ образомъ въ ея флотъ, и ея гигантскія морскія силы утратили бы большую часть своего значенія если признать частную собственность. При полной неприкосновенности частной собственности на морѣ, конкуренція могла бы развиваться невозбранно, не опасаясь ничьихъ угрозъ, и морское преобладаніе Англіи было бы подорвано само собою, теченіемъ времени, безо всякихъ войнъ.

Надо отдать справедливость Англичанамъ. Они большіе нахалы, но люди неглупые. Ни одинъ изъ ораторовъ не ссылался на диссертациі международнаго права, а всѣ разсуждали только о томъ что выгодно для Англіи. Одержало верхъ мнѣніе что выгодно держаться захвата, и какъ куріозный образецъ аргумента можно привести слѣдующій высказанный членомъ правительства, генераль-атторнеемъ сэръ-Джономъ Гокеромъ. „Скажутъ что „дѣйствіе на основаніи рекомендуемаго намъ „принципа будетъ рыцарскимъ и гуманнымъ. „Пусть такъ, но когда мы вступаемъ въ „войну, намъ вовсе не до рыцарства, ни „до гуманности.“ Вотъ сущность его доводовъ: „У насъ, Англичанъ, большой флотъ „и небольшая армія, и мы не намѣрены „отказываться отъ нашего преимущества „на морѣ. А вотъ еслибы наши против- „ники согласились дѣйствовать на осно- „ваніи системы взаимности и сократили бы „свои арміи до размѣра нашей, то мы по- „смотримъ.“ И этотъ аргументъ былъ признанъ убѣдительнымъ, хотя рѣчь шла вовсе не объ уменьшеніи англійскаго флота, а только о признаніи частной собственности.

Съ этой точки зрѣнія „системы взаимности“ приходится взглянуть на морскую войну и всякой державѣ не обладающей морскою силою какъ Англія, въ случаѣ столкновенія съ нею. Вопросъ о крейсерствѣ выступаетъ неизбѣжно. Вмѣсто „каперовъ“ объявляется законнымъ употреб- лять „добровольный флотъ“, т.-е. суда на- нятые правительствомъ. Постройка новыхъ судовъ потребуетъ долгаго времени и во всякомъ случаѣ обойдется дорого, но мы можемъ гораздо дешевле и быстрее, немедленно если нужно, нанять за границей, особенно въ Америкѣ, готовые суда, вполне годныя для плаванія по океанамъ, съ экипажемъ, и подчинить ихъ нѣкоторымъ формальностямъ, такъ что они вполне удовлетворяли бы тѣмъ *navires frétés*, на- емнымъ судамъ, какія значились въ указѣ

короля Прусскаго 24 іюля 1870 года объ учрежденіи добровольнаго флота.

Впрочемъ, и каперовъ напрасно смѣ- шиваютъ съ морскими разбойниками. Англіи выгодно чтобы страны не имѣющія большаго флота не употребляли каперовъ. Каперъ выходитъ въ море со свидѣтель- ствомъ отъ правительства; онъ приводитъ свои призы въ портъ, и не можетъ при- своить себѣ ни корабля, ни груза безъ законнаго утвержденія. „Между пиратомъ и каперомъ,“ замѣтилъ одинъ изъ членовъ англійской палаты общинъ, „такое же раз- личіе какъ между браконьеромъ и лѣс- нымъ сторожемъ.“

Во всякомъ случаѣ, сослаться на Па- рижскую декларацію было бы теперь без- смысленно. Парижская декларація могла бы имѣть значеніе либо какъ общее ме- ждународное обязательство, либо какъ *ан- нехе* къ Парижскому трактату. Въ первомъ смыслѣ она не можетъ быть обязательною, именно потому что она не есть всеобщій договоръ. Обычай войны не можетъ быть обязательенъ въ отношеніи къ одному вою- ющему и не обязательенъ въ отношеніи къ другому, а какъ же признавать всеобщую силу за правиломъ котораго знать не хо- тятъ ни Соединенные Штаты, ни Испанія? Но еще забавнѣе было бы сослаться на эту конвенцію какъ на приложение къ Па- рижскому трактату. Намъ ли отстаивать нерушимость этого договора и подобрать его клочки? Да и гдѣ они? Гдѣ цѣлость и неприкосновенность Турціи? Гдѣ поста- новленія о Проливахъ которые форсиро- ваны англійскимъ флотомъ? А когда Па- рижскій трактатъ уже не существуетъ, то съ нимъ вмѣстѣ падаютъ и всѣ приложения къ нему.

Возражая противъ признанія частной собственности на морѣ канцлеръ казначей- ства сказалъ такую притчу: „Еслибы одинъ „изъ двухъ бойцовъ имѣлъ длинную саблю „и небольшое ружье, а другой короткую „саблю и большое ружье, и первый ска- „залъ бы второму: „бросимъ ружья и ста- „немъ драться на сабляхъ,“ то въ этомъ „не было бы равенства. А именно таково „было бы положеніе державы съ большою „морскою и слабою военною силою противъ „державы имѣющей большую военную, „но слабую морскую силу.“ Совершенно вѣрно, но потому-то именно Россія не въ правѣ отказываться отъ орудія которымъ она можетъ вѣрнѣе защитить себя.

№ 73.

Москва, 18-го марта.

Невольно возникает вопросъ въ какихъ отношеніяхъ мы находимся къ Турціи. Въ случаѣ войны съ Англіей, нельзя думать чтобы Порты оставалась нейтральною. Это фактически невозможно. Борьба будетъ происходить вокругъ ея столицы. Какое же положеніе приметъ Турція? На нашей ли будетъ она сторонѣ? Мы не имѣемъ гарантіи что Порты не предпочтетъ примкнуть къ противной сторонѣ. Напротивъ, есть признаки внушающіе опасенія.

Въ то время когда подъ стѣнами Константинополя стоитъ многочисленная побѣдоносная русская армія, казалось бы естественно ожидать что русское вліяніе въ Стамбулѣ будетъ господствовать. Къ удивленію, мы видимъ что въ совѣтахъ Порты господствуетъ вліяніе англійское. Во главѣ турецкаго управленія поставленъ Ахмедъ-Вефикъ-паша, креатура англійскаго посла, а лица расположенныя къ сближенію съ Россіей смѣнены и въ опалѣ. Всѣ велѣнія Англіи исполняются безпрекословно. Что скажетъ англійскій посолъ, то для Турокъ и свято, а съ нами они обращаются такъ что правовѣрнымъ въ самомъ дѣлѣ покажется правдой величественное повѣствованіе арабской газеты *Акбаръ* о побѣдоносной войнѣ султана съ московскими гяурами. Суда англійскія продолжаютъ приходить черезъ Дарданеллы въ Мраморное море уже не только безъ протеста, а прямо съ согласія Порты, и усиливаютъ стоящую тамъ эскадру, а русскимъ войскамъ, по требованію г. Лейрда, отказано Портой занять Буюкдере для отправления оттуда нашей гвардіи. Для обезпеченія свободнаго пути въ Босфоръ Порты организовала морскую полицію которая охраняетъ проливъ отъ торпедированія и другихъ „злоупотребленій.“ Противъ кого эти мѣры? Англійская печать давно говоритъ что Англія, занявъ Дарданеллы; должна обезпечить своему флоту невозбранный входъ въ Черное море, и вотъ турецкая полиція тщательно заботится объ этомъ.

А между тѣмъ, при неопредѣленности положенія и когда заключенный нами миръ еще не можетъ считаться окончательнымъ, Порты вооружается. Она производитъ наборъ въ незанятыхъ русскими войсками областяхъ, и рекруты дѣятельно обучаются

какъ бы для продолженія войны; она заключила съ Уайтхедомъ контрактъ на поставку торпедъ; она стягиваетъ войска, посылая транспорты въ Батумъ за оставшимися тамъ тридцатью тысячами; египетскія войска, несмотря на заключеніе мира, не возвращаются во свояси, а удерживаются въ Варнѣ.

Признаемся, мы не понимаемъ о какомъ размѣнѣ плѣнныхъ могла быть рѣчь при заключеніи мира между нами и Турками. Нашихъ плѣнныхъ у Турокъ насчитывается тысячи полторы или двѣ, а у Турокъ мы взяли въ плѣнъ почти всѣ ихъ арміи. Весьма естественно было бы ожидать что отъ Турокъ, еще до вступленія въ переговоры о мирѣ, потребуется возвращеніе нашихъ воиновъ имѣвшихъ несчастье попасть къ нимъ въ плѣнъ. Это слѣдовало бы казаться поставить первымъ необходимымъ условіемъ прекращенія враждебностей, а Русскіе плѣнные, какъ слышно, только теперь въ размѣнъ выпускаются изъ заключенія въ которомъ они томились. Горсть возвращаемыхъ намъ русскихъ воиновъ конечно не усилитъ нашихъ войскъ, а султанъ получитъ цѣлую армію. Хорошо если Турки останутся въ добрыхъ къ намъ отношеніяхъ, а то выйдетъ такъ что мы подъ видомъ заключенія мира дали имъ отдохнуть и возвращаемъ имъ оружіе для новой съ нами борьбы. При иныхъ обстоятельствахъ подобное раздумье было бы напрасною мнительностью, а теперь она не напрасная.

Есть ли у насъ обезпеченіе что Турки не употребятъ противъ насъ оружія которое мы имъ возвращаемъ? Говорили о тайномъ, будто бы заключенномъ нами, договорѣ съ Портой. Въ Англіи очень опасались этого. Но повидимому такого договора не имѣется, а еслибъ и были заключены какія нибудь условія, то гдѣ гарантія что они будутъ исполнены? Если Англійское вліяніе такъ могущественно даже теперь, то оно будетъ еще дѣйствительнѣе послѣ. Если англійское вліяніе такъ легко смѣнило министровъ султана, то оно пожалуй смѣнитъ и самого султана, какъ уже это и было... Хорошо свѣдушій корреспондентъ газеты *Times*, подтверждая безусловное въ настоящую минуту преобладаніе англійскаго вліянія въ Константинополѣ, замѣчаетъ: „хотя весьма искусно „и, съ англійской точки зрѣнія, вполне „законно воспользовались мы разными об-

„стоятельствами чтобы настроить султана „противъ Русскихъ и дать сильное англійское направленіе турецкой политикѣ, однако султанъ завтра же можетъ подпасть „подъ вліяніе совѣтника менѣе интимнаго „съ англійскимъ посломъ...“ И тогда,—не договариваетъ корреспондентъ,—тогда Абдулъ-Гамидъ можетъ сойти съ ума или наложить на себя руки...

Итакъ, пока мы обращаемся къ Европѣ, Англичане дѣйствуютъ.

Если мы хотѣли показать свою умѣренность и не заняли даже по праву войны тѣхъ позицій которыя обезпечили бы плоды нашихъ побѣдъ, то едва ли должны мы оставаться въ бездѣйствіи въ виду гарантій которыя захвачены противъ насъ Англичанами. Если мы хотѣли показать наше уваженіе къ трактату который уже не существовалъ, то едва ли можемъ мы оставлять безъ отвѣта столь рѣшительное дѣйствіе Англии какъ занятіе Дарданеллъ. Развѣ позволительно, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, не принимать всѣхъ возможныхъ мѣръ предосторожности въ виду столь рѣшительныхъ угрозъ. Безопасность отечества есть верховный законъ!

Ради безопасности Россіи, намъ необходимо обезпечить за собою входъ въ Черное море, мы должны укрѣпиться на Босфорѣ, мы должны занять Буюкдере. Вотъ чѣмъ, по крайней мѣрѣ, должны мы отвѣчать на наглое вторженіе англійскаго флота въ Мраморное море. Положеніе дѣлъ не только даетъ намъ право, но *обязываетъ* насъ сдѣлать это. И если можно чѣмъ-либо предотвратить войну, то конечно не напраснымъ же обращеніемъ къ несуществующей Европѣ, но занятіемъ крѣпкаго пункта на Босфорѣ, то-есть занятіемъ Буюкдере который находится въ получасовомъ разстояніи отъ входа въ Черное море. Всѣ поймутъ тогда что мы не шутимъ, и что съ нами также нельзя шутить. Если Турція на нашей сторонѣ, то она будетъ способствовать намъ въ этомъ; если же нѣтъ, то тѣмъ паче и тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе должны мы занять Буюкдере.

№ 75.

Москва, 20-го марта.

А.

Мы не даромъ обратили вниманіе на интересный вопросъ въ какомъ отношеніи

къ намъ окажется Турція на случай столкновенія между Россіей и Англійей. Изъ полученной сегодня почты мы видимъ что вопросъ этотъ занимаетъ не однихъ насъ. Вѣнскій корреспондентъ газеты *Times* обращаетъ на него также вниманіе, конечно съ своей точки зрѣнія, но говоритъ почти дословно то же что и нами было сказано. Въ виду уменьшающихся шансовъ состояться конгрессу и вооруженнаго мира въ какомъ Россія и Англія стоятъ другъ противъ друга на Востокѣ, возрастаетъ вѣроятность ихъ столкновенія, а потому замѣчаетъ корреспондентъ, „вопросъ жизненной важности для Россіи, не менѣе „какъ и для Англии, какое положеніе можетъ принять Турція въ случаѣ столкновенія.“ Корреспондентъ, какъ и мы, полагаетъ совершенно невѣроятнымъ чтобы Порты могла остаться нейтральною, и вѣрно замѣчаетъ что „если въ виду борьбы происходящей на границахъ нейтральныхъ державамъ не легко бываетъ сохранять равновѣсіе и не подавать повода къ жалобамъ одному или другому изъ воюющихъ, иногда и обоимъ, то тѣмъ болѣе это невозможно въ томъ случаѣ „когда война между двумя иностранными державами будетъ происходить въ самомъ сердцѣ страны которая намѣревалась бы оставаться нейтральною. Рано или поздно, самую силою обстоятельствъ, „она неизбежно втянется въ борьбу.“

Но возникаетъ вопросъ, имѣетъ ли еще Порты, послѣ постигшаго ее погрома, силы для новой войны. Корреспондентъ удостоверяетъ (прибавляя что сообщаемый фактъ хорошо извѣстенъ и Русскимъ) что какъ морскія такъ и военныя силы Турціи далеко еще не такъ сокрушены чтобы не покачнуть вѣсы въ ту сторону куда присоединятся. Все что оставалось отъ турецкихъ войскъ и ея гарнизоны крѣпостей Четырехъугольника придвинуты къ столицѣ и ея окрестностямъ, гдѣ эти бывшія силы соединились съ Константинопольскимъ гарнизономъ и большею частью войскъ собранныхъ для защиты линій Чаталджи. Насчитываютъ что эта боевая сила, расположенная гарнизономъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ, и въ разныхъ пунктахъ на азіатскомъ берегу Босфора и Мраморнаго Моря, простирается, по самой низшей оцѣнкѣ, свыше 60.000 человекъ; кромѣ того, еще 25.000 человекъ сосредоточены у Салоникъ, и отъ 10 до

12.000 около Галлиполи и на линиях Булаира. Итого, вотъ уже до 100.000 солдатъ. Извѣстно что турецкіе солдаты, и при плохой обстановкѣ, способны упорно обороняться, и корреспондентъ замѣчаетъ что они уже имѣли время оправиться. „Хорошо одѣтые, накормленные,“ пишетъ онъ, „и предводимые нѣсколькими хорошими офицерами, эти войска остающіяся еще въ распоряженіи Порты и большею частью сосредоточенныя вокругъ столицы, могутъ, особенно въ началѣ, оказать *рѣшительное вліяніе на ходъ событій* при столкновеніи между Англіей и Россіей; не говоря уже о турецкомъ флотѣ, содѣйствіемъ коего, подѣ управленіемъ способныхъ вождей“ (Англичанинъ Гобартъ), „также нельзя пренебрегать въ борьбѣ за обладаніе Проливами, Константинополемъ и Чернымъ Моремъ.“

Корреспондентъ упускаетъ прибавить къ своему разчету тѣхъ турецкихъ плѣнныхъ отъ 80 до 100.000 которыя она получитъ обратно изъ Россіи вслѣдствіе заключеннаго прелиминарнаго мирнаго трактата, — ту новую армію которую мы имѣемъ великодушнѣе дарить побѣжденному врагу, хотя не имѣемъ еще обезпеченія что миръ съ нимъ будетъ миромъ окончательнымъ. (Замѣчательно что Порта до сихъ поръ не обнародовала прелиминарій, какъ бы не считая ихъ серіознымъ актомъ). Наконецъ, было извѣстіе что изъ Константинополя посланы транспорты за войсками оставшимися въ Батумѣ, (а ихъ тамъ до 30.000). Можно стало быть ожидать что въ скоромъ времени у Константинополя соберется турецкая армія около или пожалуй и свыше 200.000: сила весьма уважительная... Константинопольскій корреспондентъ другой англійской газеты *Daily Telegraph* и теперь уже увѣряетъ, въ телеграммѣ отъ 25 марта, что у Турокъ сосредоточено гораздо болѣе войска у Проливовъ чѣмъ у Русскихъ, а въ другой телеграммѣ отъ того же числа извѣщаетъ: „Я объѣхалъ берега Босфора и нашелъ, что Турки расположены на всѣхъ высотахъ, и ихъ аванпосты хорошо поставлены.“ Этотъ корреспондентъ, особенно отличающійся злобною враждебностью къ Россіи, конечно не сомнѣвается что Турки, въ случаѣ столкновенія между Россіей и Англіей, котораго самъ онъ ждетъ не дожидется, будутъ непремѣнно на сторонѣ послѣдней, и только находитъ нужнымъ

чтобъ Англія не колебалась. „Нѣтъ сомнѣнія,“ говоритъ онъ, „что еслибъ Оттоманы были увѣрены въ поддержкѣ Великобританіи даже теперь, то они стали бы дѣйствовать съ энергіей и рѣшимостью; но они естественно колеблются разорвать соглашеніе только что имъ павязанное не имѣя увѣренности что Англія готова придти къ нимъ на помощь.“ Далѣе, онъ же передаетъ будто бы господствующее въ Константинополѣ мнѣніе что флотъ адмирала Горнби долженъ войти въ Черно море, а его мѣсто въ Измидскомъ заливѣ занять резервная эскадра, такъ чтобы принять необходимую предосторожность противъ русскаго захвата, чего здѣсь серіозно опасаются.“ Если вѣрить корреспонденту *Daily Telegraph*, то Турки зорко охраняютъ форты Босфора: онъ полагаетъ что эта турецкая стража въ сущности все равно что англійская.

Вѣнскій корреспондентъ полученнаго сегодня номера *Times* свидѣтельствуетъ о господствѣ англійскаго вліянія въ Константинополѣ, разсуждая что если Россія и дѣлала попытки чтобъ устроить союзъ съ Турціей, то онѣ конечно не достигли цѣли, ибо „самъ султанъ, великій визирь „Ахмедъ-Вефикъ и Сандъ-паша, бывшій „долго первымъ адъютантомъ султана, а „нынѣ морской министръ, по общему мнѣнію, самые рѣшительные противники сближенія съ Россіей, чѣмъ; по ихъ убѣжденію, была бы уничтожена и тѣнь независимости еще оставшаяся для Турціи послѣ трактата Санъ-Стефано.“

Итакъ, Англія надѣется и теперь, какъ прежде, этими готовыми турецкими войсками отстаивать свои интересы. Будемъ надѣяться что она ошибется въ своихъ разчетахъ. Одинъ рѣшительный шагъ Россіи, занятіе пунктовъ которые обезпечили бы за нами входъ въ Черное Море образумило бы и Англію и Порту. Это была бы самая лучшая гарантія и способъ предотвратить войну.

Б.

Въ вѣнской *Montags-Review*, отъ 25 марта, была напечатана очевидно внушенная корреспонденція изъ Берлина, которая обратила на себя всеобщее вниманіе, и особенно въ Англіи, такъ какъ въ ней думаютъ видѣть вѣрное изложеніе взглядовъ князя Бисмарка. Вѣрно ли или нѣтъ это

предположеніе, но корреспонденція заслуживаетъ чтобы съ нею познакомить русскихъ читателей. Авторъ ея пишетъ:

„Британская политика, къ несчастію, внушается личнымъ озлобленіемъ противъ Россіи. Отъ этого личнаго чувства до рѣшительнаго дѣйствія всей націи конечно еще большой шагъ; но примѣръ 1870 года показываетъ какъ законодательное собраніе, руководясь соображеніями внутренней политики, легко вызывается на опасный путь. Восточная политика Англіи съ Крымской войны состояла изъ ряда ошибокъ; теперь она сдѣлала новую ошибку надѣясь побудить Австрію къ защитѣ британскихъ интересовъ. Она разчитываетъ что Германія повліяетъ въ С.-Петербургѣ въ пользу ея притязаній, которыя Россіей считаются равносильными оскорбленію. Германія не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія удовлетворять Англію раздражая національное чувство сосѣдняго государства, съ которымъ она связана столь многими общими интересами. Если Англія находитъ для себя выгоднымъ воевать съ Россіей, пусть воюетъ. Мы останемся спокойными зрителями; но мы не допустимъ чтобы она воспользовалась Килемъ или инымъ портомъ для операцій противъ Россіи. А что касается Польши, то пусть Англія поостережется играть огнемъ, и пусть не забываетъ что Польскій вопросъ касается не одной Россіи.“

Тотъ же голосъ изъ Берлина горячо нападаетъ на Французское правительство за то что оно, какъ онъ говоритъ, поддалось вліянію лорда Лайонса, и прибавляетъ что „это не будетъ позабыто Россіей.“ Наконецъ, въ заключеніе письма корреспондентъ ставитъ вопросъ: что случится если Англія не приметъ участія въ конгрессѣ? — и отвѣчаетъ что въ такомъ случаѣ Германія одобритъ все на что согласятся двѣ сосѣднія державы. А если де Англія найдетъ тогда необходимымъ взяться за политику *beati possidentes* и задумаетъ о „совершившихся фактахъ“ въ Средиземномъ морѣ, то она можетъ подвергнуть опасности не одни только „общіе интересы“ Европы. Князь Бисмаркъ объявилъ мѣсяць тому назадъ (напоминаетъ корреспондентъ) что свобода морей есть существенно германскій интересъ, и онъ съ тѣхъ поръ не измѣнилъ своего мнѣнія

Статья эта произвела большое впечатлѣніе въ дипломатическихъ кругахъ Вѣны:

№ 76.

Москва, 21-го марта.

Вотъ и декларация Лондонскаго кабинета, — циркулярная депеша лорда Салсбери, которой содержаніе передано намъ по телеграфу! О чемъ же теперь спорить въ вопросѣ о конгрессѣ? Англія требуетъ чтобы мы, признавъ надъ собою компетенцію Европы, предоставили себя въ ея полное распоряженіе, и настаиваетъ чтобы весь трактатъ нашъ подлежалъ пересмотру и утвержденію конгресса. Россія, признавая за каждою изъ державъ-участницъ конгресса право поднимать вопросъ о каждой статьѣ трактата, предоставляетъ себѣ не соглашаться чтобы та или другая статья нуждалась въ санкціи конгресса. Большинство на конгрессѣ не допускается; Англія, какъ и всякая самостоятельная держава, не признаетъ надъ собою власти другихъ державъ, и удерживаетъ за собою свободу своихъ рѣшеній; но какъ же будетъ продолжаться конгрессъ если одна держава скажетъ: „да,“ а другая: „нѣтъ?“ Признаемся, мы не понимаемъ самой идеи конгресса въ данномъ случаѣ. Былъ знаменитый Вѣнскій конгрессъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ, въ которыхъ отъ мала до велика всѣ были замѣшаны, и потому всѣ должны были собраться чтобы привести все снова въ порядокъ, распредѣлиться и разчесться. Мы понимаемъ также конгрессъ Парижскій на которомъ заключался миръ между державами бывшими въ войнѣ между собою. Но не возможно понять какимъ образомъ миръ, заключенный и ратификованный двумя воевавшими государствами, долженъ еще подлежать пересмотру и утвержденію нейтральныхъ подъ видомъ европейскаго конгресса. Миромъ опредѣляется отношеніе которое образовалось между воевавшими, Противники помѣрялись силами и договариваются на реальной основѣ. Не теоретическіе принципы и не праздныя желанія заключаютъ миръ, но вынужденіе желѣза и крови. Не просто „я такъ думаю,“ или „я такъ желаю,“ рѣшаютъ здѣсь дѣло, но тяжелое „могу“ или „не могу.“ Какъ же дѣло суда Божія отдадимъ мы на утвержденіе празднои мысли и вольной воли третьихъ лицъ, въ дѣлѣ не бывшихъ и силъ своихъ въ борьбѣ не мѣрившихъ? Если мы желали уважить интересы кото-

рой-либо изъ дружественныхъ намъ державъ, или укрѣпить себя союзами основанными на взаимныхъ интересахъ, то для этого-то именно и не нужно конгресса...

Но, скажутъ, новымъ договоромъ Россіи съ Турціей упраздняется трактатъ 1856 года, дѣло Парижскаго конгресса, въ которомъ участвовали другія державы. Нѣтъ, это невѣрно. Парижскій трактатъ упраздненъ не трактатомъ, а войной. Война разорвала Парижскій трактатъ. Если державы подписавшія его не хотѣли его упраздненія, то онѣ должны были не допускать и войны, или же принять въ ней участіе если хотѣли участвовать въ заключеніи новаго мира. Предъ начатіемъ войны, Россія до конца исполнила формальныя обязательства Парижскаго трактата, который требуетъ чтобы, въ случаѣ распри одной изъ подписавшихъ трактатъ державъ съ Турціей, не прежде начинать войну какъ прибѣгнувъ къ посредничеству другихъ подписавшихъ державъ. Это было исполнено Россіей со щепетильною точностью. Посредничество не удалось. Турція отвергла всякое соглашеніе и отказалась отъ совѣтовъ Европы. Война началась, и прочія державы объявили себя нейтральными. Новымъ трактатомъ опредѣляется положеніе образовавшееся вслѣдствіе новой войны.

Зачѣмъ же понадобился конгрессъ?

Вотъ какъ объ этомъ судить *Journal de St.-Petersbourg* (№ 55): „Болѣе года,“ говоритъ этотъ почтенный органъ, „мы слышимъ толки объ европейскихъ интересахъ на Востокѣ... Ну такъ вотъ уполномоченные и будутъ высказывать эти интересы и мотивировать ихъ. Придется пледировать предъ Европой, и Европа будетъ оцѣнять. Она рѣшитъ удобно ли ей что бы миръ материка былъ нарушенъ для удовлетворенія такихъ-то притязаній...“

Мы полагали до сихъ поръ что независимыя государства суть независимыя государства, и что надъ ними нѣтъ другой власти кромѣ Божіей. На конгрессѣ, если онъ состоится, вѣроятно будетъ высказано много блистательныхъ мыслей и доказано будетъ много великихъ истинъ; но вотъ и теперь, благодаря лишь идеѣ конгресса, мы узнали поразительный, до сихъ поръ ускользавшій отъ вниманія серьезныхъ людей фактъ, фактъ существованія Европы какъ державы державъ. Оказывается что государства считавшіяся до сихъ поръ не-

зависимыми и подъ Богомъ ходящими суть подданныя великой республики именуемой Европой и подчинены ея верховной власти. Мы въ нашемъ простосердечіи думали что обязаны заботиться только о благѣ Россіи, и что наши войны проливали кровь свою за Царя и отечество. Оказывается что еще высшимъ подданствомъ обязаны мы предъ Европой и ей должны подчинять свои интересы; что мы за нее проливали свою кровь и несли свое достоиніе.

Однако, въ концѣ концовъ, какую же цѣль имѣло бы собраніе конгресса? Уполномоченные державъ имѣютъ собратъся дабы своими дебатами просвѣтить общественное мнѣніе и показать ему кто изъ всѣхъ безкорыстнѣе и добродѣтельнѣе, и кто болѣе радѣетъ о благѣ Европы. Россія, которая „не требуетъ для себя ничего что не была бы она готова уступить другимъ“ (ужь не слишкомъ ли это?), не желающая ничего что не было бы согласно съ общимъ интересомъ, Россія которая заботится единственно о благѣ Европы, по убѣжденію *Journal de St.-Petersbourg*, непременно должна одержать верхъ предъ августѣйшимъ европейскимъ ареопагомъ и „предъ всеобщей верховною властью нашего времени,“ общественнымъ мнѣніемъ Европы. „Послѣ основательныхъ преній предъ этимъ трибуналомъ, наши противники не будутъ уже имѣть смѣлость называть себя повѣренными Европы и защитниками ея интересовъ, ея безопасности, ея мира, ея свободы.“ (sic.)

Почтенный органъ надѣется что всѣ эти титулы будутъ признаны за нами и „верховная сила нашего времени“ общественное мнѣніе, то-есть господа Мазады, Клячко и Вальберы оправдаютъ и прославятъ насъ.

Вотъ доктрины которыхъ держатся нѣкоторые политическіе умы.

Но въ Англіи никто такъ не думаетъ, никто не считаетъ себя въ подданствѣ у Европы, и хотя тамъ тоже очень много говорятъ о Европѣ, о ея интересахъ, о ея свободѣ, о ея благѣ, но, какъ извѣстно, не вѣря въ это, а только *pour duper les bonnes gens*. Англійскіе государственные люди охотно пойдутъ на конгрессъ, но не съ тѣмъ чтобы судили тамъ дѣла Англіи, а чтобы насъ судить и чтобы торжественно разорвать нашъ трактатъ. Англія не признаетъ обязательнымъ для себя никакое рѣшеніе на конгрессѣ кромѣ ея соб-

ственного. На что она согласна, то она и признаетъ. Она не признаетъ конгрессъ компетентнымъ опредѣлять сферу ея требованій; Россія же, напротивъ, должна считать лишь то утвержденнымъ въ своемъ трактатѣ что будетъ одобрено единогласно всѣми. Мы не знаемъ какой приговоръ произнесетъ верховный трибуналъ общественнаго мнѣнія, но мы навѣрное знаемъ что ареопагъ Европы не оставитъ такимъ образомъ вживъ ни одной статьи нашего трактата, такъ дорого нами купленнаго.

Лондонскій кабинетъ уже высказался. Все, начиная отъ границъ и устройства Болгаріи и кончая военною контрибуціей, все въ нашемъ трактатѣ имъ отвергнуто. Что высказано имъ теперь въ циркулярной депешѣ, то конечно предъявилъ бы онъ и на конгрессъ. Чтобъ удовлетворить его, мы должны отказаться отъ всѣхъ результатовъ нашей войны и оставить Востокъ въ полномъ распоряженіи Англіи. Ея интересы вездѣ,—и въ Болгаріи, и въ Эпирѣ съ Фессаліей, и въ Бессарабіи, и въ Батумѣ, и въ деньгахъ которыя Турція обязалась уплатить намъ. Ея интересы не допускаютъ ничего что можетъ заключать въ себѣ какой-либо русскій интересъ. Они протестуютъ даже противъ обезпеченія правъ Восточной церкви, такъ какъ съ нею тоже сопряженъ интересъ Россіи. Лордъ Салсбери, нашъ другъ и собесѣдникъ на Константинопольской конференціи, разорвалъ изъ края въ край нашъ Санъ-Стефанскій договоръ. О чемъ же намъ трактовать съ нимъ или его уполномоченными въ Берлинѣ? Думаемъ ли мы что блескъ нашего остроумія и вѣскость нашихъ доводовъ смягчитъ или смутитъ его и заставитъ его пожертвовать грубыми британскими интересами „aux vues humanitaires et réparatrices de notre époque?“ (*Journal de St.-Petersbourg* № 54).

О, во сколько разъ вѣрнѣе и лучше было бы искать обезпеченій не на конгрессѣ, а на Дарданеллахъ и Босфорѣ!..

№ 77.

Москва, 22-го марта.

Англійское правительство, разстроивъ конгрессъ, на который политическіе мечтатели возлагали надежду сохраненія мира, исполнило, однако, ихъ желанія и разъ-

яснило предъ Европой свои требованія. Лордъ Салсбери съ великолѣпною откровенностью заявляетъ что Англія ничего не имѣла бы противъ улучшенія быта восточныхъ христіанъ, и Болгаръ, и другихъ, еслибы только это могло обратиться во вредъ Россіи. По его предположенію, созданіе Болгарскаго княжества, точно также какъ и прочія перемѣны на Востокѣ, вводимыя Санъ-Стефанскимъ трактатомъ, усилятъ положеніе Россіи на Востокѣ. Послѣ этого не зачѣмъ и спрашивать о значеніи и свойствѣ этихъ перемѣнъ. Пусть прекращается ими ненавистное положеніе вещей. Пусть это будетъ освобожденіе, прогрессъ, цивилизація, дѣло человечества, христіанства,—что хотите,—но это не годится, этого нельзя допустить, потому что это можетъ послужить въ пользу Россіи. Должна остаться въ силѣ „оттоманская юрисдикція“, какъ выражается лордъ Салсбери. Нужды нѣтъ что она является собою всѣми признанное, всѣми осужденное зло,—она выгодна для Англіи, она обезпечиваетъ ея интересы. Чтобы поладить съ Англіей Россія должна отказаться отъ всѣхъ условій своего трактата: она должна разорвать его и признать свою войну съ Турціей *compte non avenue*... Нѣтъ, этого мало, возвратиться къ прежнему нельзя, и бывшее невозможно сдѣлать не бывшимъ. Чтобъ удовлетворить Англію мы должны устроить такъ чтобы выйти изъ дѣла побѣжденными, разбитыми оборванными, униженными, потерявшими всякое значеніе на Востокѣ...

Итакъ, еслибы мы заключили въ Санъ-Стефано миръ во вредъ себѣ, — Англія осталась бы довольна... Нѣтъ, и тутъ не осталась бы довольна; она нашла бы что мы могли бы еще больше повредить себѣ...

Но не правда будто Англія когда-либо сочувствовала дѣлу освобожденія на Востокѣ. Независимо отъ соперничества съ Россіей, Англія какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, всегда была естественнымъ врагомъ туземныхъ населеній. Оттоманская юрисдикція была сама по себѣ драгоценнымъ британскимъ интересомъ: она давала Англіи способъ эксплуатировать эти страны... Англійская политика возражала противъ всѣхъ льготъ которыя постепенно послѣ всѣхъ войнъ выговаривались Россіей для христіанскихъ племенъ Турціи. Герцогъ Веллингтонъ протестовалъ противъ привилегій данныхъ Сербіи, Молда-

віи и Валахіи по Адріанопольскому миру, находя ихъ чрезмѣрными и цинически опасаясь что эти льготы разохотятъ къ освобожденію и другія христіанскія племена. А Греція? Не Англія ли всячески затрудняла ея освобожденіе, и если Греческому королевству была дана неудовлетворительная граница, то не Англіи ли оно этимъ обязано, — не той ли Англіи, которая теперь льститъ Грекамъ и обманываетъ ихъ обѣщаніями своего покровительства, послѣ того какъ угрозами принудила ихъ сидѣть спокойно и не затруднять Порты въ ея борьбѣ съ Россіей?

Итакъ, спрашивается зачѣмъ же конгрессъ когда Англія такъ опредѣленно и ясно поставила свои требованія? Можемъ ли мы столкнуться съ ней? Посредничество другихъ державъ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, можетъ состоять только въ томъ чтобы дружески побудить насъ къ исполненію вражескихъ требованій. Зачѣмъ же посредничество? Если мы расположены удовлетворить эти требованія, то можно сдѣлать это и безъ конгресса. Зачѣмъ же обязываться добрыми услугами другихъ въ томъ что мы и сами легко можемъ сдѣлать? Но если уступать этимъ требованіямъ мы не намѣрены, то лучше поспѣшить принятіемъ мѣръ чтобъ обезпечить себя противъ врага, а это можемъ мы сдѣлать только на Дарданеллахъ и на Босфорѣ, — пожалуй тоже и въ Берлинѣ, но никакъ не на конгрессѣ...

Самыя умѣренныя изъ австрійскихъ газетъ (неумѣренныя прямо требуютъ союза съ Англіей противъ Россіи) высказываютъ желаніе чтобы Восточный вопросъ получилъ такое разрѣшеніе которое князь Бисмаркъ обозначилъ какъ наименѣе желательное, — именно чтобъ этотъ вопросъ „погрязъ въ болотѣ.“ Въ такомъ смыслѣ высказывается вѣнская *Presse*. Она желаетъ чтобъ Австрія ни въ чемъ не связала своей свободы дѣйствія и отрекшись отъ какихъ бы то ни было предложеній въ настоящемъ заботилась бы лишь о томъ чтобы дѣло „загрязло;“ но чтобы сама она, не увлекаясь никакими блуждающими огоньками на „болгарскомъ болотѣ,“ шла на встрѣчу болѣе для нея благопріятному положенію вещей, съ яснымъ сознаніемъ своей цѣли и твердою рѣшимостью достигнуть ея. Будущее, въ томъ вѣнская газета убѣждена, „восреситъ Восточный вопросъ на пользу Австріи.“ Тогда „она должна будетъ вовремя

взять его въ свои руки, начать дѣло серьезно и съ настойчивостью довести его до конца.“

Любопытнымъ комментариемъ къ этимъ не совсемъ яснымъ „предположеніямъ насчетъ будущаго“ служитъ корреспонденція изъ Вѣны, отъ 26 марта, посвященная мисіи генерала Игнатьева, которая появилась въ берлинской *Национальной Газетѣ*. Изъ этой корреспонденціи видно что и Англія добивается того же результата. „Англія,“ сообщаетъ корреспондентъ, „употребляетъ „последнія усилія чтобы вызвать въ здѣшнихъ руководящихъ кругахъ убѣжденіе „что для всѣхъ державъ близко затронутыхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ всего „выгоднѣе чтобы вопросъ этотъ погрязъ.“ Что же именно разумѣется подъ этимъ „летучимъ словомъ“ князя Бисмарка? Понимается именно то на что мы на дняхъ указывали какъ на способъ очень выгодный для Англіи: оставленіе вещей въ томъ положеніи какъ онѣ теперь находятся. Если конгрессъ не состоится, то Англія, по словамъ корреспондента, ничего не имѣетъ противъ того чтобы Русскія войска остались въ Болгаріи даже полные два года. „Оставаясь изолированной въ финансовомъ отношеніи, Россія имѣла бы дѣло въ Болгаріи со врагомъ болѣе опаснымъ чѣмъ „Турки, — съ эпидеміями.“ А англійскій флотъ продолжалъ бы между тѣмъ занимать знаменитые Пролівы.

Планъ не дурной. Но стоить только Россіи энергическимъ дѣйствіемъ обезпечить себя, и весь этотъ замыселъ долженъ разлетѣться; роли сразу переменялись бы, и не Англіи или Австріи, а Россіи было бы выгоднѣе оставаться въ выжидательномъ положеніи. Владычество надъ Босфоромъ, это значитъ свободное и легкое сообщеніе съ арміей расположенною въ Болгаріи, а стало-быть и полная возможность принять всѣ мѣры къ успешной борьбѣ противъ врага. Владычество надъ Босфоромъ, сверхъ того, сразу положило бы конецъ всѣмъ колебаніямъ Турокъ, и лучше всего обезпечило бы насъ отъ возможнаго съ ихъ стороны коварства.

№ 78.

Москва, 23-го марта.

Два дня къ ряду, вчера и сегодня, мы не получаемъ ни одной англійской газеты,

хотя все другія, и французскія, и нѣмецкія, приходятъ исправно. Что это значитъ — не понимаемъ. Уже не задерживаетъ ли лордъ Беконсфильдъ нашу почту въ Лондонѣ чтобъ оставлять русскую публику въ невѣдѣніи о томъ что въ Англіи дѣется и говорятся?

Да и телеграфъ примолкъ. Телеграммы то говорятъ загадками, то не договариваютъ. Со времени депеши передавшей содержаніе циркуляра лорда Салсбери, до насъ не дошло изъ Лондона ни одного извѣстія которое могло бы по значенію соотвѣтствовать важности кризиса. Да и тѣ депеши что получались приходятъ въ такомъ видѣ что съ трудомъ доберешься до смысла. Вотъ напримѣръ, сегодня депеша о приѣмѣ лордами Гранвилемъ и Гартингтономъ либеральной депутаціи была передана намъ въ такомъ видѣ что переводить ее приходилось по догадкѣ. Вотъ какъ въ ней значились слова сказанныя лордомъ Гранвилемъ:

Granville répondant, fait allusion not Salisbury dont approuve prussiens principes mais derreche élargit parti intérêts Anglois et diminue facilités congrés tout en démontrant combien est à désirer que négociations soient conduites congrés,

Сколько мы могли отсюда что-нибудь понять, лордъ Гранвиль, хотя въ душѣ и раздѣляетъ взглядъ лорда Салсбери, досадуетъ на него за то что онъ слишкомъ много разболталъ объ англійскихъ интересахъ и тѣмъ затруднилъ осуществленіе конгресса, гдѣ было бы гораздо выгоднѣе выложить весь этотъ грузъ, что повидимому и входило въ планы лорда. Дарби, который пользовался довѣріемъ оппозиціи. Тотъ остерегался преждевременно возражать на нашъ трактатъ по пунктамъ, а старался держаться на почвѣ общихъ соображеній, заботясь главнымъ образомъ притянуть Россію къ своему суду. Болѣе пылкій преемникъ его сразу зарвался и сжегъ корабли. Въ самомъ дѣлѣ, что же еще могли бымы услышать на конгрессѣ отъ Англіи послѣ того какъ лордъ Салсбери прямо и рѣшительно объявилъ намъ что нѣтъ ни единого пункта въ нашемъ трактатѣ который онъ могъ бы одобрить. Забавны сужденія вѣнской *Presse* о нотѣ лорда Салсбери. Тотъ какъ началъ, такъ продолжалъ и окончилъ англійскими интересами, а вѣнская газета восхваляетъ его именно за то что онъ „выступилъ изъ кру-

га эгоистическихъ интересовъ Англіи“ и начинается *европейскую* политику...

Но посреди тумана господствующаго надъ положеніемъ, намъ все еще подають надежду что дѣло можетъ сладиться. Какимъ образомъ? чѣмъ? Намъ отвѣчаютъ: податливостью Россіи. *Times* дополняетъ что Австрія и Англія согласны не только во взглядахъ на русско-турецкій мирный договоръ, но и на *средства безъ войны* согласить этотъ договоръ со справедливыми требованіями другихъ державъ. Какія же эта средства? Дѣло, прибавляютъ, можетъ уладиться безъ войны, если Россія не воспротивится тѣмъ мѣрамъ которыя Англія приметъ въ обезпеченіе своихъ интересовъ...

Но помимо загадокъ есть и положительныя вѣсти. Къ англійскому флоту въ Измидѣ близъ самаго Босфора постоянно подходятъ подкрѣпленія, и не далѣе какъ 20 марта прибыли туда четыре броненосца и три военные парохода, и еще ждутъ на дняхъ туда же башенный фрегатъ *Devastation*. На бортѣ всѣхъ англійскихъ военныхъ судовъ находятся десантныя войска, а въ Суэзѣ, говорятъ, уже прибылъ транспортъ индійскихъ войскъ. Въ Смирну явились англійскіе военные агенты для устройства провіантирования англійской арміи.

Содержимая правительствомъ берлинская *Провинціальная Корреспонденція*, служащая въ важныхъ случаяхъ оракуломъ для большинства германскихъ газетъ, поучаетъ сегодня о миссіи графа Игнатьева въ Вѣну, и замѣчаетъ что „переговоры привели, повидимому, къ тому что Австрійское правительство опредѣленіе выразило свои взгляды и требованія.“ Такой результатъ миссіи былъ бы дѣйствительно шагомъ впередъ. Судя по разговору графа Игнатьева съ однимъ изъ сотрудниковъ *Presse* и самъ русскій уполномоченный представлялъ главною цѣлью своей поѣздки добиться отъ Австріи чего она хочетъ.

Изъ всѣхъ разсужденій вызванныхъ въ австрійской печати поѣздкой графа Игнатьева нельзя не обратить вниманія на одно, хотя о немъ услужливый телеграфъ и не успѣшилъ разгласить всему миру, именно на характеристику воззрѣній Вѣнскаго кабинета, въ официальном листкѣ *Bohemia* который служитъ органомъ германской политики въ Австріи.

Вѣнскій корреспондентъ этой газеты, какъ и подобаетъ официальному перу, на-

чинаетъ съ картины согласія между Австріей и Россіей, объясняя и причину того: „При всей полнотѣ могущества Россіи, при всей гордости побѣдителя, она все-таки обезпечена отъ всѣхъ случайностей лишь пока Германія прикрываетъ ея флангъ. Эту услугу Германія оказываетъ ей противъ всякой западной державы, не исключая и Австріи, но не противъ Англіи, такъ какъ послѣдняго Германія оказывать не въ состояніи.“ Двусмысленность, полагаетъ корреспондентъ, теперѣ исчезла изъ политики Вѣнскаго кабинета. Съ другой стороны и генералъ Игнатъевъ изъяснилъ де отъ имени Россіи готовность пересмотрѣть Санъ-Стефанскій договоръ вмѣстѣ съ Австріей. Предположивъ такія отношенія, корреспондентъ продолжаетъ: „Если Австрія вступить на этотъ путь, если она будетъ продолжать идти согласно съ Россіей, вмѣсто того чтобы бросаться на сторону Англіи, она этимъ послужитъ лишь своимъ интересамъ. Россію честили ненадежнымъ союзникомъ, но Англія хуже; она теперь еще менѣе сознаетъ свои цѣли чѣмъ въ то время когда провалила Берлинскій меморандумъ. Россія есть *deatus possidens* и потому въ состояніи поймать синицу въ руки, между тѣмъ какъ союзникъ Англіи сталъ бы ловить журавля въ небѣ.“ Корреспондентъ идетъ еще далѣе и доказываетъ что торгово-политическіе интересы Австріи, состоящіе де главнымъ образомъ въ свободѣ Адріатическаго моря и желѣзнодорожнаго пути къ Эгейскому морю, отнюдь не находятся въ такомъ противорѣчій съ интересами Россіи какъ съ интересами Англичанъ; которые постоянно оспаривали эту область у Австріи. „Все дѣло въ томъ чтобы наконецъ имѣть мужество принять рѣшеніе, котораго до сихъ поръ Австрія такъ боязливо избѣгала. Если мы упустимъ и настоящій случай, то придется прибѣгнуть къ новымъ, неизвѣстнымъ средствамъ. Въ этомъ отношеніи миссія Игнатъева можетъ стать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Австріи, и я могу увѣрить что и въ рѣшающемъ мѣстѣ ей придаютъ такое значеніе.“

Все это другими словами означаетъ начало переселенія Австріи на Востокъ, начало исполненія давно задуманнаго плана. Англія предоставляется тѣснить насъ чтобы мы тѣмъ охотнѣе прижались къ Австріи. До сихъ поръ все шло въ этомъ направленіи успешно, начиная съ событій 1875

года возбуждившихъ мало-по-малу Восточный вопросъ... Но такъ ли успѣшно исполнится и вторая часть программы?

№ 79.

Москва, 24-го марта.

Лордъ Дарби хорошо понималъ выгоды которыя представлялъ конгрессъ для Англіи; это понимала также оппозиція. Сегодня мы получили наконецъ запоздавшія англійскія газеты, и въ нихъ прочли весьма интересную рѣчь г. Гладстона. Въ тотъ самый день когда лордъ Дарби объявилъ о своемъ выходѣ въ отставку, утромъ г. Гладстонъ принималъ либеральную ассоціацію города Лидза, подавшую ему адресъ съ выраженіемъ довѣрія къ нему и сожалѣнія о буйствѣ (*rowdyism*) которому онъ подвергся (толпа разбила окна въ его домѣ въ Лондонѣ). Г. Гладстонъ по обыкновенію принялъ депутацію весьма любезно, и откровенно высказалъ свой взглядъ на положеніе восточныхъ дѣлъ. Онъ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ узналъ объ отставкѣ лорда Дарби, а содержаніе циркулярной ноты его преемника, появившейся черезъ четыре дня послѣ, конечно не могъ и подозрѣвать. Тѣмъ не менѣе рѣчь г. Гладстона была какъ бы заранее готовымъ отвѣтомъ на нее, — конечно съ точки зрѣнія Англіи. Г. Гладстонъ, при искреннемъ сочувствіи къ угнетеннымъ народностямъ Востока, мыслить все-таки какъ англійскій государственный человѣкъ, и ставить интересы своей страны выше всякихъ другихъ. Онъ не безусловно осуждалъ все что дѣлало правительство. Онъ только упрекалъ его за то что его слова не согласовались съ дѣйствіями, и что оно постоянно разстроивало выгодное для Англіи совокупное дѣйствіе державъ, и такимъ образомъ постоянно изолировало ее. Уже предвидя неудачу конгресса и слыша воинственный задоръ министерской печати, онъ спрашивалъ: есть ли поводъ къ войнѣ? — и слышалъ въ отвѣтъ только то что Россія забираетъ слишкомъ много силы. „Ставить принципомъ“, говоритъ онъ, „что если вамъ: какая-либо страна кажется слишкомъ могущественною для интересовъ цѣлаго міра, то вы должны, не приглашая цѣлаго міра помочь вамъ, озаботиться въ его интересахъ умаленіемъ этого

„могущества, — это черезчуръ нелѣпо. Это „ослѣпление. Это будетъ почти идиотство „если выставлять это причиной для Англіи „начинать одной войну.“ Г. Гладстонъ старался выяснитъ истинную задачу Англіи, и на эту часть рѣчи г. Гладстона стоить обратить вниманіе чтобъ убѣдиться что его точка зрѣнія, весьма близкая ко взглядамъ лорда Дарби, была бы для насъ опаснѣе заносчивости лорда Беконсфильда и вошедшаго въ его взгляды лорда Салсбери. Вотъ что говоритъ г. Гладстонъ: „Что касается настоящаго положенія, то мы все еще полагаемъ что не „возможно найти поводъ къ войнѣ въ „стоящемъ положеніи дѣлъ. Нѣтъ ни од- „ного британскаго интереса, нѣтъ призра- „ка, нѣтъ тѣни британскаго интереса чтобъ „оправдать что-либо подобное... Со вре- „мени заключенія мира мы имѣли предъ „собою благородную возможность сдѣлать „самимъ себѣ великую честь и совершить „великое благо. *Миръ этотъ непрестанно „требуется пересмотра.* Въ немъ есть пунк- „ты которые поднимаютъ вопросы вели- „кой трудности касательно Востока Евро- „пы. Правительство имѣло предъ собою „благородную задачу — возможность сдѣ- „лась великое благо мирною конференціей „о вопросахъ возбужденныхъ условіями „трактата. Требовалось исправить недо- „статки этого трактата. Про меня гово- „рили будто я недавно сказалъ что пред- „полагаемыя границы Болгаріи непомѣрно „расширены далѣе справедливаго. Я не „помню чтобъ я употребилъ такую фразу. „Но, признаюсь, я думаю что въ одномъ, „даже въ двухъ направленіяхъ, границы „эти идутъ далѣе справедливаго, и что „ихъ лучше бы урѣзать. Я былъ бы такъ „же очень радъ еслибы въ трактатѣ не „было упомянуто о небольшой части Бес- „сарабіи которая была оторвана отъ Рос- „сіи и возвращена Молдавіи въ 1856 году. „Я надѣюсь что по этимъ двумъ пунктамъ „дружескіе совѣты Европы, данные въ ду- „хѣ взаимнаго довѣрія, а не подозритель- „ности, ревности и взаимныхъ пререканій, „могли бы разрѣшить всѣ эти затрудненія. „Намъ говорятъ что конгрессъ не соберет- „ся. Почему? Не потому: чтобы Россія за- „прещала державамъ обсуждать трактатъ, „ибо вы могли замѣтить что трактатъ но- „ситъ весьма замѣчательное названіе, онъ „названъ *прелиминарнымъ трактатомъ.* „Если это только *прелиминарный трак-*

татъ, то вотъ самое широкое и полное, „какого только можно пожелать, призна- „ніе того что трактатъ этотъ подлежитъ „пересмотру державами соединенной Евро- „пы въ томъ въ чемъ, *по ихъ мнѣнію*, онъ „требуется пересмотра. Но мы знаемъ нѣ- „что болѣе. Мы знаемъ что мы обѣщали — „наше правительство обѣщало — Туркамъ „что мы сдѣлаемъ все возможное чтобъ „облегчить для нихъ условія мира; и мы „обѣщали Грекамъ что мы сдѣлаемъ все „что можемъ чтобы поставить ихъ дѣла, „и не только дѣла независимой Греціи, но „и эллинскихъ провинцій, въ добрыя и „удовлетворительныя условія. Вотъ двѣ „весьма сильныя причины чтобъ идти на „конгрессъ, ибо если мы не пойдемъ на „конгрессъ, *мы никакъ не имѣемъ возмож- „ности оказать Туркамъ ни малѣйшаго „пособія* по какому-либо изъ тѣхъ пунк- „товъ въ чемъ пособіе имъ по справедли- „вости можно бы оказать. А также мы „не можемъ оказать никакого пособія „и Греціи въ измѣненіи условій эллин- „скихъ провинцій. Мы знаемъ далѣе что „если мы пойдемъ на конгрессъ, *то мы „направимъ на Россію все давленіе Евро- „пы.* Я не могу сказать чтобы всѣ усло- „вія этого трактата не дѣлали чести Рос- „сіи. Я полагаю что нѣкоторые изъ нихъ „дѣлаютъ ей большую честь. Но я допу- „скаю что въ немъ есть условія гдѣ *слѣ- „дуетъ употребить все возможное давле- „ніе чтобы заставить ее измѣнить ихъ.*“

Кажется къ этому намъ нечего прибав-
лять. Еще г. Гладстонъ, спасибо ему, хотѣлъ бы совокупнымъ давленіемъ евро-
пейскаго обсужденія заставить насъ измѣ-
нить только нѣкоторые статьи нашего трак-
тата. Другіе были бы не такъ снисходи-
тельны, хотя бы тотъ же лордъ Дарби, ко-
торого торійскіе органы упрекали въ
слабости, — въ результатѣ „европейскаго
давленія,“ мы не знаемъ что осталось бы
отъ нашего трактата?

Что же касается положенія Россіи при
неудачѣ конгресса, то оно ни въ какомъ
случаѣ не станетъ хуже. Англіи затруд-
нительнѣе прилично мотивировать свои пре-
тензіи. Это ясно и г. Гладстону, и мы
опять можемъ сослаться на его слова.
„Предположимъ,“ спросилъ онъ, „что не бу-
детъ конгресса, что же выйдетъ изъ это-
го? Это не освободитъ Россію и Турцію
отъ ихъ уговоровъ въ отношеніи другъ
къ другу; но вотъ что будетъ: это за-

№ 80.

Москва, 27-го марта.

„ставить Россію, если ей не будетъ дозволено встрѣтиться съ европейскими державами въ открытомъ конгрессѣ, обратиться съ разспросами къ наиболее дружественнымъ и наиболее податливымъ державамъ, чтобы добиться ихъ согласія на улаженіе которое, смѣю сказать, не будетъ такъ хорошо какъ то ка-кого можно бы достигнуть на конгрессѣ.“ Предполагая даже всѣ условія которыя Англійское правительство ставило для своего участія въ конгрессѣ были бы справедливы, г. Гладстонъ все-таки находитъ неблагоприятнымъ настаивать на нихъ ибо, спрашиваетъ онъ, „какіе шансы имѣли мы „получить отъ Россіи уступать нашимъ „требованіямъ прежде конгресса? Какой „поводъ имѣла Россія оказать намъ такую „почтительность? За какую дружбу приходилось ей благодарить насъ? Какое по-„собіе мы ей оказали? Какой былъ тонъ „нашего посла въ Константинополь? Мы „смотримъ на Россію, то-есть наше правительство смотритъ съ нескрываемымъ „подозрѣніемъ, можно сказать съ отвращеніемъ. Можемъ ли мы ожидать, при „такихъ обстоятельствахъ, что Русское „правительство должно относиться къ нашему правительству въ такомъ высоко-„христіанскомъ духѣ чтобы быть готовымъ, „получивъ ударъ по щекѣ, подставить „другую?“

Г. Гладстонъ, какъ государственный чело-„вѣкъ понимаетъ что когда Россія и Англія остаются лицомъ къ лицу, то уступ-ка съ нашей стороны враждебнымъ претензіямъ Англіи невозможна, и потому онъ сокрушается о неудачѣ конгресса гдѣ все могло бы обойтись благовидно. Нашъ ин-тересъ совсѣмъ другой—отстоять все достигнутое нашими усиліями, русскою кровью и русскими жертвами, и способъ, который предвидитъ г. Гладстонъ, для обезпеченія нашихъ успѣховъ уговоромъ съ дружественными державами остается намъ всегда открытъ; но уговоръ долженъ состоять не въ томъ чтобы пожертвовать частью нашихъ интересовъ, лишь бы простили намъ остальную, а напротивъ обезпечить всѣ наши существенные интересы приведеніемъ ихъ въ связь и солидарность съ интересами дружественной державы.

Мы имѣемъ теперь предъ глазами полный текстъ циркулярной ноты лорда Салсбери. Сущность ея была передана телеграфомъ довольно вѣрно, но въ полномъ текстѣ есть много мелкихъ подробностей которыя живо характеризуютъ этотъ памятникъ англійской дипломатіи. Лордъ Салсбери, это *enfant terrible* Лондонскаго кабинета. Никогда прежде не занимавшись иностранными дѣлами за исключеніемъ импровизованнаго участія въ Константинопольской конференціи, гдѣ впрочемъ все дѣло велъ бывший тогда посломъ у Порты, извѣстный сэръ-Генри Эллиотъ, нынѣ пересаженный въ Вѣну,—и еще не искушившись въ дипломатической фразеологіи, лордъ Салсбери сразу разсѣялъ миражъ именуемый Европой. Что англійская печать и туркофильскіе органы вообще въ восторгѣ отъ инавгуральной ноты новаго статъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, этому удивляться нечего, но органы болѣе безпристрастные пришли въ изумленіе отъ великобританскаго цинизма. Мы видѣли какъ выразилась о немъ берлинская *National-Zeitung*: „Голымъ и безъ прикрасъ выступа-„етъ предъ нами денежный разчетъ Англіи. Присмотритесь ближе. Гдѣ же тутъ интересъ Европы?“

Но это только къ слову. Пора намъ уже оставить фиктивную Европу. Для насъ важнѣе та услуга что лордъ Салсбери доказалъ до очевидности нелѣпость мысли о возможности какого-либо полюбовнаго соглашенія съ Англіей на почвѣ Восточнаго вопроса, и намъ остается сказать ему: *we agree to disagree*, мы согласны разногласить съ нимъ. Онъ вѣрнѣйшимъ образомъ изобразилъ всегдашнюю цѣль и стремленія англійской политики, и мы совершенно съ нимъ согласны что она не можетъ помириться ни съ чѣмъ что можетъ послужить къ выгодѣ или чести Россіи, что она ищетъ только того что можетъ обратиться ей въ ущербъ и безславіе. Остается заключать что при такой непримиримости интересовъ обѣихъ странъ, между ними не можетъ быть ни одной точки соприкосновенія, и соглашеніе невозможно.

Лордъ Салсбери уничтожилъ нашъ мирный трактатъ и по частямъ и въ цѣломъ, и всѣ возраженія его сводятся къ одной,

неотступно преслѣдующей его мысли, которая послѣ каждаго параграфа повторяется какъ сказка о „бѣломъ быкѣ“.

Его возмущаетъ созданіе Болгаріи. Но почему? Объ этомъ злополучномъ племени, которое два года тому назадъ возбудило было на короткое время праздное сочувствіе въ либеральной Англіи—онъ ни слова. Для виду британскій министръ спѣшитъ замолвить слово о немногихъ Грекахъ и мусульманахъ которые проживаютъ среди массы Болгаръ, какъ будто бы имъ грозили какія-то бѣды хуже чѣмъ подъ турецкимъ управленіемъ. Но не то на его умѣ: ему обидно что новое славянское государство будетъ имѣть залогомъ жизненности, что оно будетъ обладать гаванями на Черномъ Морѣ и въ Архипелагѣ, и что все это даруетъ ему Россія, которая вслѣдствіе этого получитъ де „преобладающее вліяніе какъ въ политическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи.“ Естественно что и всѣ постановленія относительно Болгаріи, выборъ ея правителя Россіей, устройство въ ней администраціи русскимъ комиссаромъ и присутствіе русскихъ войскъ до введенія новаго порядка,—все это подвергается великобританской анаемѣ.

Лицемѣріе заботы о греческомъ населеніи обличается замѣчаніемъ касательно упомянутыхъ въ трактатѣ реформъ для Тессаліи и Эпира. Можно было ожидать, при выраженномъ на словахъ сочувствіи къ Грекамъ, что англійскій министръ найдетъ ихъ недостаточными и пожелаетъ болѣе широкаго ихъ развитія. Нѣтъ, онъ остерегается отъ такого намека. Сочувствіе ему пригодно выражать только общими фразами. Но онъ недоволенъ, что новый законъ для обезпеченія реформъ въ Тессаліи и Эпирѣ „будетъ поставленъ подъ контроль Русскаго правительства.“

Для вящей силы своихъ возраженій противъ русскаго мирнаго трактата лордъ Салсбери даже выдумываетъ то чего нѣтъ въ трактатѣ. Онъ указываетъ на какія-то обязательства для огражденія членовъ Русской церкви, которыя возобновляютъ де притязанія Россіи по Кайнарджійскому трактату. Напрасно сталъ бы кто искать такой статьи: ея не имѣется. Мы подивились этому выраженію лорда Салсбери еще при телеграфной передачѣ его ноты и подумали было, нѣтъ ли тутъ ошибки или неясности въ телеграммѣ. Оказывается что телеграфъ передалъ вѣрно.

Разумѣется уже намъ нечего и помыслить чтобы возвращеніе части Бессарабіи и приобрѣтеніе нами Батума могли быть допущены Англіей: вѣдь это усилить положеніе Россіи въ Черномъ Морѣ! Но да же на сухомъ пути мы не можемъ двинуться на вершокъ, не вызывая гвалта англійской политики. Крѣпости Арменіи, Карсъ, Ардаганъ, да возможно ли это? Какъ можно поставить подъ вліяніе Россіи населеніе живущее въ этихъ мѣстахъ? Напрасно мы воображали что можемъ подумать объ уступкахъ въ пользу Россіи хотя бы въ землѣ грабителей Курдовъ. Нѣтъ, тамъ окажутъ вредное вліяніе „запретительныя преграды русской торговой системы!“ Безъ нихъ, конечно, торговля въ Курдистанѣ процвѣтаетъ несравненно лучше.

У Россіи даже отнимается право требовать вознагражденія за военныя издержки. Это то же европейскій интересъ; объ этомъ то же, стало-быть, будетъ рѣчь на конгрессѣ, гдѣ англійскій уполномоченный конечно предложитъ измѣнить этотъ пунктъ трактата въ томъ смыслѣ чтобы не побѣжденная, а побѣдившая сторона уплатила издержки, и это было бы согласно съ общою точкою зрѣнія Лондонскаго кабинета. Англійскій министръ не входитъ въ сущность ни одного изъ вопросовъ возбуждаемыхъ трактатомъ. У него одинъ критерій: что выгодно или честно для Россіи, то и не годится. Чтобъ угодить Англіи намъ нужно было заключить совершенно постыдный для себя миръ, который подорвалъ бы значеніе и силу Россіи. Таковъ смыслъ этого куріознѣйшаго и безпримѣрнаго въ лѣтописи дипломатическихъ сношеній документа. Мысль эта такъ забавно прорывается въ каждой строчкѣ его что развеселила самого автора пока онъ сочинялъ свое писаніе. Лордъ Салсбери подъ конецъ не выдержалъ серіознаго тона, и съ неподражаемымъ юморомъ заговорилъ о нарушенномъ равновѣсіи морскаго могущества!

№ 81.

Москва, 28-го марта.

А.

Телеграфъ передаетъ намъ интересную рѣчь британскаго перваго министра, ко-

торая, послѣ циркулярной ноты маркиза Салсберга, имѣетъ нанести *coup de grâse* бѣдному Санъ-Стефанскому договору.

Новый Юлій Цезарь семидесяти-тысячнымъ англійскимъ резервомъ мнитъ возстановить Оттоманскую имперію, независимость коей ограждена де трактатами, и отъ коей зависитъ не только безопасность Британской имперіи, но и свобода Европы. Эта рѣчь, слѣдующая за циркулярною англійскою депешей, показываетъ какъ бесполезны пререканія и всякая аргументація когда требуются рѣшенія. Какіе возможны еще переговоры когда требуютъ чтобы Россія, окончивъ войну, удалилась и оставила устраивать турецкія дѣла Англіи? Англія грозитъ войной. Но дѣло не въ угрозахъ, которыя отъ насъ зависѣло бы сдѣлать смѣшными. Переговорами мы не отвратимъ войны если ей быть, и усилимъ нахальство угрозъ. Еслибы мы болѣе уважали русскіе интересы и нѣсколько менѣе англійскіе, то угрозы давно бы умолкли. И теперь еще, чѣмъ скорѣе мы примемъ должныя мѣры, не полагаясь на переговоры, тѣмъ вѣрнѣе и безопаснѣе будетъ наше дѣло. Но давая Англіи готовиться и обнадеживая ее словесными уступками, мы можемъ довести дѣло до того что будемъ вынуждены начать войну при самыхъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ.

Рѣчь лорда Беконсфильда тѣмъ поражаетъ что вся она основана на неправдѣ. Онъ требуетъ уваженія къ Парижскому трактату, который будто бы нарушается Санъ-Стефанскимъ. Это первая неточность. Парижскій трактатъ, не говоря о прежнихъ нарушеніяхъ его, разорванъ войной. Если Англія хотѣла стоять за этотъ трактатъ, она должна была бы не допускать Турцію до войны, или же заступиться за Турцію. А допустивъ нашъ поединокъ съ Турціей, оставаясь нейтральною, Англія тѣмъ самымъ допустила и миръ. Война должна же окончиться, и миръ заключаютъ воевавшіе на основаніи результатовъ войны. Лордъ Беконсфильдъ увѣряетъ будто Англійское правительство, при самомъ началѣ войны, предупредило Россію что согласіе державъ будетъ необходимо при всякомъ измѣненіи Парижскаго трактата, что она напомнила о цѣлости и независимости Турція, и только на этомъ условіи могла соблюдать нейтралитетъ. Итъ, это неправда. Англія объявила себя нейтральною подѣ единственнымъ условіемъ что

война не задѣнетъ ея интересовъ, и Россія добровольно обѣщавась уважать ихъ. Интересы эти были специально обозначены въ депешѣ лорда Дарби: это были Египетъ, Суэзскій каналъ, Проливы. Самозабвеніе свое Россія простерла до того для строго уважала нейтралитетъ Египта, посылавшаго противъ насъ войска на помощь султану. Россія была въ двухъ шагахъ отъ Константинополя и не заняла его, была въ двухъ шагахъ отъ Галлиполи, и не заняла его. Она не занимаетъ ни того ни другаго и теперь когда англійскій флотъ стоитъ въ одномъ проливѣ и у входа въ другой, въ нарушение всѣхъ правъ и трактатовъ.

Англійскіе министры ссылаются на данное Россіей увѣреніе что договоръ ея съ Турціей будетъ считаться прелиминарнымъ. Но онъ прелиминарный въ томъ смыслѣ что нѣкоторые вопросы въ немъ вовсе не затронуты, что сдѣлано Россіей именно въ уваженіе чужихъ интересовъ. Ни одного изъ специально поименованныхъ интересовъ Англіи миръ этотъ ни словомъ не касается. Для Англіи важенъ вопросъ о Проливахъ, и хотя онъ еще важнѣе для Россіи, но онъ оставленъ нетронутымъ, и потому можетъ стать вопросомъ европейскаго обсужденія. Точно также Россія, изъ вниманія къ интересамъ Австріи, предоставила ей участіе въ устройствѣ Босніи и Герцеговины. Европа можетъ, наконецъ, если серіозно хочетъ, заняться обсужденіемъ устройства греческихъ провинцій, относительно коихъ въ русскомъ трактатѣ намѣчены лишь общія черты. Но ничто изъ постановленнаго миромъ не можетъ быть измѣнено: ни границы Болгаріи, ни устройство этой провинціи, ни временное пребываніе въ ней русскихъ войскъ, ни военное вознагражденіе Россіи, ничто изъ этого не можетъ быть предметомъ европейскаго обсужденія, и не требуетъ согласія Англіи. Въ этомъ трактатѣ Россія не только не коснулась интересовъ поставленныхъ Англіей въ условіе ея нейтралитета, но Англія еще въ іюлѣ прошлаго года была увѣдомлена меморандумомъ своего военнаго агента при нашей главной квартирѣ что таковы будутъ требованія Россіи. Англія уже въ то время знала что Болгарія будетъ простираться по обѣ стороны Балканъ, что въ ней останутся на время русскія войска до водворенія новаго порядка, что Россія потребуеетъ воз-

награждения въ Азіи и возвращенія Бессарабіи. Россія заявила даже что военныя требованія могутъ заставитьъ ее временно занять Константинополь и Галлиполи, хотя, къ сожалѣнію, она этимъ выговореннымъ правомъ не воспользовалась. Лондонскій кабинетъ продолжалъ соблюдать свой мнимый нейтралитетъ, все еще надѣясь на турецкія арміи, и иронически выражалъ сомнѣніе чтобы Турція согласилась на условія которыя мы имѣли предложить ей. Сомнѣніе лорда Дарби оказалось напраснымъ: Турція согласилась. О чемъ же теперь можетъ быть еще рѣчь?

Б.

Газеты принесли намъ текстъ рѣчей сказанныхъ вождями оппозиціи ея Британскаго величества, лордами Гранвилемъ и Гардингтономъ, при приѣмѣ либеральной депутаціи являвшейся къ нимъ съ протестомъ противъ воинствующей политики правительства. Англія есть конституціонное государство съ правительствомъ партій. За партіей во власти зорко наблюдаетъ другая, находящаяся въ оппозиціи, и въ Англіи, казалось бы, не можетъ повториться примѣръ Наполеона III и Эмеля Оливье, увлекшихъ Францію въ войну противъ ея желанія. Такъ по теоріи и по установившемуся мнѣнію. Но посмотримъ на дѣлѣ. Къ вождямъ оппозиціи явилась депутація съ протестомъ противъ созванія резервовъ какъ перваго шага къ бесполезной и преступной войнѣ. Бывшій во главѣ депутаціи г. Чамберленъ, членъ парламента, между прочимъ возражалъ противъ только что обнародованной депеши лорда Салсбери, находя что въ ней выражалась заботливость о независимости Турціи, чего нельзя достигнуть безъ ограниченія свободы освобождаемыхъ провинцій. „Такая полная передѣлка условій заключеннаго мирнаго трактата,“ сказалъ онъ, „какая называется въ депешѣ лорда Салсбери, не оправдывается никакимъ британскимъ интересомъ, даже еслибъ этого можно было достигнуть, мирными средствами, а еще менѣе еслибъ она потребовала гигантской и продолжительной войны.“ Чѣмъ же могли успокоить своихъ приверженцевъ вожди партій? Они также не желаютъ войны, не ожидаютъ отъ нея никакой выгоды, они сожалеютъ о неудачѣ попытки измѣнить русскій мирный трактатъ при помо-

щи конгресса, гдѣ это имъ представлялось болѣе возможнымъ и удобнымъ; но они присовокупили что ихъ дѣйствія въ парламентѣ будутъ зависеть отъ обстоятельствъ. Лордъ Гранвиль прямо выразилъ убѣжденіе что „правительству всегда возможно, когда она желаетъ, вовлечь страну въ войну почти по всякому поводу. Я не только разумѣю здѣсь техническую власть которую даетъ конституція совѣтникамъ короны объявлять войну или заключать миръ, — я разумѣю власть возбуждать въ странѣ чувства иногда весьма благороднаго, а иногда очень низкаго свойства, которыя на нашихъ глазахъ овладѣваютъ самыми цивилизованными націями, также какъ варварскими.“ Въ подтвержденіе столь опытный государственный мужъ какъ лордъ Гранвиль объявилъ что не знаетъ почти ни одного примѣра когда оппозиція могла помѣшать желаніямъ рѣшительнаго кабинета, за исключеніемъ единственнаго случая когда Фоксъ и нѣкоторые изъ его друзей, при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, не допустили, въ прошедшемъ столѣтіи, тогдашняго консервативнаго правительства вступить въ ненужную войну съ Россіей. Примѣромъ же противнаго онъ привелъ много и между прочимъ Крымскую войну, когда всѣ протесты гг. Брайта и Кобдена потерпѣли неудачу несмотря на все ихъ краснорѣчіе, популярность и несомнѣнную искренность. Лордъ Гранвиль увѣрялъ что и ему ничего бы не стоило, во время Франко-Прусской войны, выступить изъ нейтралитета еслибъ онъ захотѣлъ тогда послѣдовать совѣтамъ г. Дизраэли. Все это онъ хотѣлъ высказать съ благою цѣлью чтобы не вводить никого въ обманъ: „Я полагаю мы обманывали бы самихъ себя, мы обманывали бы Европу, и въ особенности обманывали бы Россію если бы стали утверждать что имѣемъ возможность контролировать правительство коль скоро оно рѣшилось — чего надѣюсь еще нѣтъ — втянуть нашу страну въ войну для которой въ настоящую минуту я не могу найти никакого оправданія.“ Мы очень благодарны доброму лорду Гранвилю за его доброе желаніе не обманывать насъ, но какая злая сатира на конституціонные порядки въ этомъ сознаніи что люди способные руководить общественнымъ мнѣніемъ и патріоты не хуже лорда Беконсфильда, который сравниваетъ себя съ Цезаремъ и

Карломъ Великимъ, безсильны удержать страну отъ того что въ ихъ глазахъ есть безуміе, — отъ войны которой они не видятъ оправданія!

А между тѣмъ, оба либеральные вождя, хотя слабо и робко, подкрѣпляли нѣкоторыми аргументами свои возраженія противъ политики правительства. Мы можемъ теперь поправить то мѣсто въ рѣчи лорда Гранвиля которое было неясно передано въ телеграммѣ. Онъ упрекалъ лорда Салсбери не за то что тотъ слишкомъ распространился объ англійскихъ интересахъ, а за то что онъ слишкомъ распространилъ поверхность этихъ интересовъ, тѣхъ спеціально обозначенныхъ условій на коихъ все время правительство, согласно своимъ заявленіямъ, основывало свой нейтралитетъ. Лордъ Гартингтонъ, съ своей стороны, упрекалъ депешу лорда Салсбери въ томъ что она ограничивается отрицательною критикой русскихъ мирныхъ условій и не указываетъ что же лучше было бы сдѣлать

листокъ съ извѣщеніемъ будто бы отданъ приказъ о мобилизаціи части германской арміи, имѣющей двинуться къ австрійской границѣ. Извѣстіе это, которое по всей вѣроятности прошло бы совершенно незамѣтнымъ, „энергически“ опровергается всѣми офиціозными органами, и въ томъ числѣ телеграфнымъ бюро въ Берлинѣ, и такимъ образомъ ему придается значеніе, котораго оно безъ этихъ опроверженій не могло бы имѣть. Сама *National-Zeitung* предполагаетъ что упомянутое извѣстіе могло быть нарочно „подсунуто изъ Вѣны, причемъ опроверженія которыя оно встрѣтило служатъ указаніемъ на то съ какою рѣшительностью въ Берлинѣ отвергають всякую мысль о давленіи на свободу рѣшеній Австріи.“

Но за то *National-Zeitung* отнюдь не отвергаетъ того что имѣется въ виду „запугать“ Россію и заставить ее „отвести руку отъ груды турецкихъ развалинъ“ и предоставить ихъ Австріи, Англіи, можетъ быть и еще какой-нибудь державѣ. Берлинская газета сожалеетъ что въ политикѣ Австрійскаго кабинета вовсе не видно „австрійской руки“, но слишкомъ замѣтна стала „венгерская рука.“ Всѣ венгерскія партіи на дняхъ еще имѣли случай единодушно высказаться, въ лицѣ своихъ руководителей, на совѣщаніи съ министромъ-президентомъ Тиссой, предъ отъѣздомъ его въ Вѣну, въ томъ смыслѣ что Австрія должна идти рука-объ-руку съ Англіей на конгрессъ если таковой состоится, и еще болѣе если не состоится. Берлинская же газета приводитъ мнѣніе австрійской газеты *Vaterland* доказывающей что еще въ Рейхштадтѣ Австріи было предоставлено все то чего она могла требовать, „если только Австрія не пожелаетъ еще въ добавокъ чтобы изжаренный для нея голубъ былъ разрѣзанъ и въ ротъ ей положенъ.“

Всѣ эти различныя „точки зрѣнія“ не лишены интереса какъ образчики „общественнаго мнѣнія Европы“, предъ коимъ преклоняются публицисты нашего *Journal de St.-Petersbourg* какъ „предъ верховнымъ трибуналомъ.“ Все дѣло, говорятъ, теперь въ томъ какой отвѣтъ будетъ данъ на точно опредѣленные нынѣ воззрѣнія и требованія Австро-Венгрии, изложенныя ею „какъ въ своихъ такъ и въ общевропейскихъ интересахъ.“ По соглашенію состоявшемуся въ Рейхштадтѣ, Австріи дѣй-

№ 82.

Москва, 29-го марта.

Въ то время какъ враждебныя Россіи газеты утверждаютъ что миссія графа Игнатьева въ Вѣну совершенно не удалась, берлинскіе органы настаиваютъ на томъ что поѣздка его привела къ положительному результату, что „Австрійскій кабинетъ точно опредѣлилъ свое мнѣніе и требованія съ точки зрѣнія своихъ и общевропейскихъ интересовъ по отношенію къ мирному трактату.“ Въ этомъ удостовѣряетъ компетентная *Провинціальная Корреспонденція*; между тѣмъ какъ вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung* предостерегаетъ не вѣрить ни какому толкамъ объ англо-австрійскомъ дѣйствіи: его де не будетъ „если Россія, какъ слѣдуетъ ожидать, сдѣлаетъ Австріи тѣ уступки коихъ вынужденными находятся (?) въ Вѣнѣ отъ нея требовать.“ Въ то же самое время *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, довольно непривычнымъ въ этомъ органѣ языкомъ, предваряетъ Россію что Германія не можетъ остаться равнодушною къ возможности войны между ею и другимъ ближайшимъ сосѣдомъ Германіи. А вѣдъ за тѣмъ одна совершенно неизвѣстная берлинская газетка выпускаетъ экстренный

ствительно предоставлялись немаловажные выгоды. Но это было до войны, и Австрия тогда еще предстояла совершенно естественный путь. Она должна была принять участие въ совокупномъ дѣйствіи противъ Турціи, и въ качествѣ союзника Россіи приобрести то что для себя выговорила. Но, вмѣсто союза и совокупнаго дѣйствія, Австрія, руководимая „венгерскою рукою“, приняла во время войны такое положеніе которое менѣе всего было похоже на дружественное содѣйствіе; она стѣсняла свободу военныхъ операцій, и много лишней крови было пролито лишь изъ-за того чтобы пощадить ея „чувствительность.“ А затѣмъ когда, благодаря несокрушимымъ доблестямъ русскаго солдата, были побѣждены все преграды и съ Турціей заключенъ миръ, приходится предоставить Австріи такія вознагражденія которыя немислимы безъ нарушенія мирнаго договора.

Между тѣмъ сколько неудовольствія, тайнаго и явнаго ропота и открытой вражды возбуждено въ средѣ нашихъ дѣйствительныхъ союзниковъ, вслѣдствіе нашихъ особенныхъ отношеній къ Австріи, заставившихъ многое оставить недодѣланнымъ, въ иномъ мѣстѣ урѣзать, въ другомъ недостаточно вознаграждать?

Въ концѣ концовъ все-таки оказывается что притязанія Австріи, даже въ томъ видѣ какъ они признаны, Санъ-Стефанскимъ трактатомъ (нынѣ Австріей отвергнутымъ), далеко не вездѣ отождествляются съ обще-европейскимъ интересомъ. Этимъ трактатомъ крайне недовольны въ Италіи, но не въ томъ смыслѣ недовольны какъ до сихъ поръ возражали другіе недовольные. Мы привели на дняхъ сообщенія римскаго корреспондента *National Zeitung*. Письма этого корреспондента, давно живущаго въ Римѣ, знающаго Италію и общественное настроеніе этой страны, хорошо свѣдущаго въ ея политикѣ, всегда отличаются особеннымъ интересомъ; корреспондентъ много разъ доказалъ живую правду своихъ сообщений, чуждыхъ газетной рутины, вѣрными предсказаніями предстоящихъ событий и внутреннихъ перемѣнъ. И вотъ мы узнаемъ отъ него что въ Италіи Санъ-Стефанскій договоръ нанесъ сильный ударъ сочувствіямъ къ Россіи. Почему? Тамъ думали что Россія „мужественно и не обращалъ вниманія на австрийскую и англійскую чувствительность“ приведетъ Восточный вопросъ къ ради-

кальному рѣшенію,“ покажетъ содѣйствіе торжеству принципа національностей въ Европейской Турціи. Итальянцы скорбятъ что Боснія и Герцеговина, прежде всѣхъ пострадавшая, принесены въ жертву Австріи. Наконецъ Итальянцы взираютъ съ досадою на то что Австрія, благодаря содѣйствію Россіи, можетъ завладѣть всѣмъ восточнымъ побережьемъ Адриатическаго моря къ ущербу Италіи.

Трудно сомнѣваться въ томъ что такковы именно должны быть воззрѣнія политическихъ людей Италіи на предстоящее расширение „сферы могущества“ Австріи. Но изъ этого же видно какая химера—то что выставляется подъ видомъ единаго и нераздѣльнаго интереса Европы, и сколько лучше было бы намъ искать сближенія съ Италіей; чьи интересы и стремленія ни въ чемъ не сталкиваются и во многомъ совпадаютъ съ нашими, нежели торговаться съ двоедушимъ Австрію возведеннымъ въ политическую систему въ ея „дуализмъ.“

№ 83.

Москва, 30-го марта.

Иногда, право, не хочется быть правымъ. Что пользы если мы докажемъ лондонскимъ министрамъ ихъ неправду? Къ чему это послужитъ если они между тѣмъ завладѣютъ Босфоромъ какъ завладѣли Дарданеллами? Не будетъ ли это немножко похоже на басню о Поварѣ и Котѣ? Кажется что для нашего дѣла было бы лучше предупредить нашихъ противниковъ на дѣлѣ чѣмъ раскрыть свое несомнѣнное право заключить миръ послѣ войны.

Но образовавшееся положеніе все-таки требуетъ разсужденія; будемъ же разсуждать.

Англійскіе министры ссылаются прежде всего на Лондонскій протоколъ 1871 года коимъ державы обязываются не измѣнять существующихъ трактатовъ безъ согласія другихъ подписавшихъ оныя державъ. Но что значитъ это обязательство и при какихъ обстоятельствахъ сочтено было за нужное включить его въ договоръ? Россія, въ виду постоянныхъ съ разныхъ сторонъ нарушеній Парижскаго трактата, объявила что она не можетъ считать себя связанною тѣмъ изъ его условій которымъ ограничиваются ея верховныя права на об-

мывающее берега ея Черное Море. Это объявленное Россіей рѣшеніе вызвало протесты, но Россія поспѣшила всѣхъ успокоить изъявленіемъ готовности передать вопросъ на обсужденіе заинтересованныхъ державъ, что и было поводомъ къ Лондонской конференціи 1871 года. Весьма естественно что согласіе договорныхъ державъ необходимо для того чтобы существующій трактатъ мирнымъ способомъ отмѣнить или замѣнить другимъ. Но мирный трактатъ остается въ силѣ пока продолжается миръ. Война создаетъ новое положеніе и ведетъ къ новому миру. Могутъ ли воюющія государства ссылаться на трактаты которыми отношенія ихъ опредѣлялись до войны? Въ нашихъ затрудненіяхъ съ Турціей, мы старались дѣйствовать совокупно съ державами участниками трактата. Отъ нихъ зависѣло вынудить Турцію къ исполненію того малаго чего всѣ онѣ согласно требовали. Но европейскій концертъ оказался комедіей. Противъ Турціи осталась одна Россія; она одна не шутила. Дѣло дошло до войны, и всѣ прочія державы объявили себя нейтральными. Нейтральны во время войны, — какое же право имѣютъ онѣ требовать участія въ заключеніи новаго мира, или считать старый трактатъ пребывающимъ въ силѣ пока не послѣдуетъ ихъ согласіе на отмѣну? Правда, Англія объявила нейтралитетъ условный; она сказала что будетъ соблюдать его пока ея интересы не подвергнутся опасности. Ее спросили въ чемъ состоятъ ея интересы, — она опредѣлила ихъ, и Россія, дѣйствительно до самозабвенія, соблюдала и уважала ихъ. Она соблюдала ихъ больше чѣмъ свои. Развѣ интересы Россіи, самые жизненные, самые кровные, не требовали настоятельно занятія Константинополя или Проливовъ, и развѣ не была она въ силахъ это сдѣлать, и развѣ не имѣла она даже формальнаго, заранѣе выговореннаго ею, права занять эти позиціи временно, что пригодилося бы теперь по крайней мѣрѣ для обезпеченія результатовъ нашихъ побѣдъ? Можно ли требовать большей уступки? Что же вышло?

Припомнимъ: Англія желала оградить Египетъ. Мы уважили это желаніе для интересовъ торговли и признали нейтралитетъ Египта: результатомъ было участіе египетскихъ войскъ въ войнѣ противъ насъ. Англія опасалась за Дарданеллы, и мы не заняли ихъ, а отвѣтомъ было появленіе

тамъ англійскаго флота; мы обѣщались не касаться Константинополя, но англійскій флотъ стоялъ у самаго Константинополя. Мы уважили всѣ англійскіе интересы, и въ отвѣтъ слышимъ только угрозы, потому что англійскіе интересы оказываются не только тамъ гдѣ мы ихъ берегли, а повсюду. Англійская печать, даже умѣренные органы, въ родѣ *Economist*, хвалятъ лорда Салсбери именно за то что онъ выступилъ изъ слишкомъ тѣсной сферы англійскихъ интересовъ установленной лордомъ Дарби.

Въ политическихъ столкновеніяхъ, въ вопросахъ между государствами, всегда бываетъ такъ что пожертвованіе своими интересами въ уступку другимъ, обезсиливая насъ, не умиротворяетъ, а лишь возбуждаетъ и раздражаетъ притязанія противника. Занимая Константинополь, стоя твердою ногой на Геллеспонтѣ, мы не улышались бы, нѣтъ навѣрное не услышали бы, этихъ безсовѣстныхъ рѣчей отъ англійскихъ министровъ, и общественное мнѣніе Европы было бы съ нами. Люди безпристрастные и справедливые, люди сочувствующіе успѣху нашего дѣла, вездѣ ободрились бы въ виду могущества нашего положенія, и голосъ ихъ раздавался бы громко, давая тонъ и направленіе общественному мнѣнію.

Циркулярную ноту маркиза Салсбери англійская печать назвала обвинительнымъ актомъ противъ русскаго мирнаго договора. Мы имѣемъ теперь отвѣтныи на нее циркуляръ русскаго государственнаго канцлера который можно назвать защитительною рѣчью. Невозможно блистательнѣе представить правоту нашего дѣла. Всѣ доводы противника посрамлены, и никакой безпристрастный и справедливый трибуналъ не могъ бы поколебаться въ своемъ приговорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый шагъ и полшагъ нашъ во всемъ этомъ дѣлѣ, и до войны, и во время ея, и при заключеніи мира, запечатлѣнъ строжайшею, какъ говорится, законностію. Мы поступали до мельчайшей подробности какъ мнительные люди въ дѣлахъ отвѣтственныхъ предъ судомъ справляясь во всемъ со Сводомъ Законовъ. Но гдѣ же трибуналъ который насъ разсудитъ и вынудитъ нашего противника уважить наше право? Гдѣ въ международной сферѣ этотъ вооруженный мечомъ законъ, рѣшающій распри между согражданами? На конгрессѣ мы будемъ имѣть

предъ собою только обвинителей, а судьи не будетъ; будетъ развѣ только маклеръ.

Невозможно лучше изобличить неправду лондонскихъ притязаній чѣмъ это сдѣлано въ русской промеморіи. Но очевидность факта и доводы логики едва ли образумятъ и усовестятъ нашихъ противниковъ. Они не заботятся о томъ чтобы быть правѣ насъ, они заботятся только о своихъ интересахъ, и сами откровенно говорятъ это. Напрасно будемъ мы убѣждать ихъ что интересы ихъ не потерпятъ ущерба отъ новаго порядка вещей созданнаго на Востокѣ войною: они, конечно, считаютъ себя лучшими, даже единственными судьями въ своихъ интересахъ.

Справедливость доводовъ русской промеморіи не оспариваема какъ истина. „Еслибъ Англія,“ говоритъ князь Горчаковъ, „хотѣла избавить Турцію отъ естественнаго послѣдствія войны, то ей стоило только присоединиться къ Россіи, какъ объ этомъ ей предлагалось два раза, во время Берлинскаго меморандума и порученія графа Эльстона Сумарокова въ Вѣнѣ, для произведенія на Порту совокупнаго давленія морскими силами, чего было бы вѣроятно достаточно для достиженія результатовъ добытыхъ нынѣ цѣною столь великаго кровопролитія. Отказавшись, Англійское правительство не имѣетъ основанія нынѣ оспаривать у проливавшей свою кровь державы право требовать созданія такого порядка вещей который отнынѣ избавитъ ее отъ подобныхъ жертвъ или сдѣлаетъ ихъ менѣе тяжкими.“ Но англійскіе министры все-таки *оспариваютъ* наше право избавлять себя отъ подобныхъ жертвъ или дѣлать ихъ менѣе тяжкими, потому что вовсе не въ ихъ интересѣ чтобы мы въ чемъ-нибудь себя облегчили, какъ они сами это объявляютъ.

Напрасно также будемъ мы успокаивать нашихъ противниковъ убѣжденіемъ что Россія ничего не приобрѣла въ результатъ своихъ побѣдъ. Правда, Болгарія будетъ столь же мало въ зависимости отъ Россіи какъ и Румынія, также искупленная русскою кровію. Правда, мы удерживаемъ за собою частицу уступленной нами по Парижскому трактату территоріи, но оставляемъ за Румыніей то что въ этой частицѣ есть самаго цѣннаго, дельту Дуная. Изъ вещей нашихъ приобретеній въ Арменіи, только Багумъ какъ морской портъ имѣетъ для насъ важность, — Багумъ который когда-то и

былъ почти нашимъ, и лишь по ошибкѣ остался за Турціей. Было бы дѣйствительно грустно еслибъ эта кровопролитная война такъ мало приобрѣла для Россіи. Нѣтъ, Россія приобрѣла много, и наши противники это знаютъ. Англійскій министръ не даромъ говоритъ что не въ отдѣльныхъ статьяхъ нашего мирнаго трактата заключается приобретенная Россіей выгода, а въ его цѣломъ составѣ. Онъ хочетъ, намъ кажется, сказать этимъ что какъ бы ни было маловажно и сомнительно каждое изъ отдѣльныхъ приобретеній Россіи, она своею кровью стяжала великій авторитетъ на всемъ Востокѣ, — и вотъ что давитъ англійскіе интересы, вотъ съ чѣмъ не могутъ помириться наши лондонскіе противники. Ихъ усилія прежде всего клонятся къ тому чтобы сорвать съ Россіи вѣнецъ побѣды и показать что дѣйствительная сила остается въ рукахъ Англіи. Вотъ почему они стараются превзойти самихъ себя въ нахальствѣ, и такъ безчинствуютъ, и такъ шумятъ. Они и не хотятъ казаться правыми для того чтобы казаться тѣмъ болѣе сильными. Имъ нуженъ конгрессъ отнюдь не для того чтобы разъяснить дѣло и столкнуться; имъ онъ нуженъ для того чтобы призвать Россію къ своему суду и торжественно разорвать ея трактатъ съ Турціей. Вотъ почему они такъ настоятельно требуютъ чтобы мы передали на сужденіе конгресса весь нашъ мирный трактатъ, и тѣмъ признали его въ самомъ основаніи недѣйствительнымъ и ничтожнымъ.

№ 84.

Москва, 31-го марта.

А.

Телеграфъ передаетъ намъ, со словъ лондонскихъ газетъ, содержаніе новаго циркуляра Императорской канцеляріи, въ которомъ, подобно тому какъ она отвѣчала на возраженіе Англіи, дается пунктъ за пунктомъ отвѣтъ на возраженіе Австріи. Сжатое телеграфное изложеніе этого документа темно, но во всякомъ случаѣ новый документъ не можетъ измѣнить сущность взглядовъ изложенныхъ съ большою подробностью въ промеморіи только что обнародованной.

Что касается этого послѣдняго докумен-

та, то сегодняшнія телеграммы, правда передающія лишь мнѣнія газетъ, говорятъ, что надежды на улаженіе Восточнаго кризиса возрасли благодаря умѣренности и примирительности тона русскаго циркуляра. Какъ *Times*, такъ и *Agence Générale Russe* сходятся въ томъ что отъ надежды на мирный исходъ отказываться не слѣдуетъ. Дай Богъ! Кто же не порадовался бы этому? Но, сколько можно понять, эти надежды сводятся къ возможности уладить конгрессъ. Признаемся, мы не видимъ въ этомъ ничего утѣшительнаго. На конгрессъ должно будетъ выступить то же радикальное разногласіе, то же центробѣжное стремленіе интересовъ какое обнаружилось въ обнародованныхъ циркулярахъ обѣихъ правительствъ. Но этого мало: остается еще различіе во взглядахъ на самое значеніе конгресса. Англійское правительство, повидимому, еще не отказалось отъ своей претензіи чтобы Россія предварительно признала что заключенный ею съ Турціей договоръ не имѣетъ силы и есть не болѣе какъ проектъ. Русское же правительство, какъ можно видѣть изъ циркуляра государственнаго канцлера, твердо стоитъ на своемъ послѣднемъ заявленіи, которое заставило Англійскій кабинетъ отказаться отъ участія въ конгрессѣ. Русско-турецкій мирный договоръ извѣстенъ всѣмъ. Само собою разумѣется что каждая держава вольна имѣть о немъ свое мнѣніе. На конгрессъ сойдутся державы полноправныя и независимыя. Каждая можетъ думать, не заботясь о мнѣніи другихъ. Но такое же точно право имѣетъ и Россія. Наше правительство выговариваетъ себѣ такую же свободу „оцѣнки и дѣйствія“ какъ и Англія. Если Англія найдетъ что такой-то пунктъ имѣетъ интересъ общеевропейскій, то Россія можетъ съ такимъ же правомъ быть совсѣмъ иного мнѣнія и не входить въ его обсужденіе.

Возникло предположеніе что для устраненія этого принципиальнаго разногласія самый характеръ занятій конгресса будетъ измѣненъ, и что вмѣсто обсужденія Санъ-Стефанскаго договора, державы на конгрессѣ приступятъ къ пересмотру Парижскаго трактата или лучше къ обсужденію чѣмъ замѣнить его. Тутъ, при обсужденіи новыхъ постановленій европейскаго соглашенія, возникли бы однако тѣ же затрудненія, только въ другой формѣ. Новыя постановленія пришлось бы приводить въ согла-

сіе съ несомнѣннымъ и твердымъ фактомъ существованія Санъ-Стефанскаго трактата.

Впрочемъ, любопытно было бы видѣть какъ конгрессъ приступилъ бы къ совѣщаніямъ на почвѣ Парижскаго трактата. Прежде чѣмъ думать и спорить о замѣнѣ, необходимо будетъ пересмотрѣть, статью за статьей, весь этотъ пресловутый документъ, въ которомъ осуществляется чуть ли не все такъ-называемое европейское право, чтобы убѣдиться какія статьи до сихъ поръ еще сохраняютъ свою силу и какія вслѣдствіе нарушеній утратили всякое значеніе.

Попробуемъ развернуть Парижскій трактатъ и бросимъ взглядъ послѣдовательно на всѣ статьи его, за исключеніемъ только формальныхъ и временныхъ относящихся къ очищенію занятой территоріи, къ возвращенію плѣнныхъ и т. п.

Первая статья постояннаго значенія есть седьмая, въ которой Порта была признана участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ, а остальныя державы обязались уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской. Цѣлость Оттоманской имперіи! Но кто прежде всѣхъ посягнулъ на эту цѣлость какъ не Англія, которая, опасаясь утвержденія французскаго вліянія въ Египтѣ, вслѣдствіе задуманнаго Лессепсомъ предпріятія Суэзскаго канала, захватила островъ Перимъ въ Красномъ морѣ, — кто какъ не та Англія что въ Адентъ, на Арабскомъ берегу, воздвигла новый Гибралтаръ, и чтобы обезпечить себя тамъ, заключила съ мелкими арабскими вождами контракты и договоры такъ что когда Порта лѣтомъ 1875 года захотѣла усмирить непокорныя ей племена на южномъ берегу Аравіи, то Англія протестовала и не допустила посылать туда турецкія войска? Итакъ, эта статья, нарушенная такъ скоро послѣ ея подписанія одною изъ наиболѣе заинтересованныхъ въ Парижскомъ трактатѣ державъ, должна быть признана не имѣющею силы.

Но, вмѣстѣ съ цѣлостью, въ статьѣ утверждалась и независимость, а въ связи съ этимъ, въ статьѣ дсятой, было объявлено что хотя султанъ и сообщилъ державамъ по собственному побужденію изданный имъ фирманъ объ улучшеніи имъ участи его подданныхъ, безъ различія исповѣданій, но что это сообщеніе ни въ какомъ случаѣ не даетъ державамъ права

вмѣшиваться, ни совокупно, ни въ отдѣльности, въ отношенія султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе его имперіи. Однако, несмотря на то, вмѣшательства были постоянныя, и менѣе всѣхъ со стороны Россіи. Было вмѣшательство державъ по поводу бомбардированія Бѣлграда, было вмѣшательство Франціи въ дѣла Сиріи,—вмѣшательство вооруженное, и по ея настояніямъ Ливану дано особое управленіе. Также, по требованію державъ, было дано, послѣ Критскаго возстанія, особое административное управленіе острову Криту. Наконецъ, прошлогодняя Константинопольская конференція была торжественнымъ упраздненіемъ принципа невмѣшательства во внутреннія дѣла Порты когда представители державъ собрались въ турецкой столицѣ, предложили Портѣ съ общаго согласія реформы и, по отказѣ ея, прервали съ нею дипломатическія сношенія и отозвали изъ Константинополя своихъ пословъ. Этимъ поступкомъ Европа торжественно упразднила европейскій концертъ на почвѣ Парижскаго трактата.

Затѣмъ статьей десятою, съ приложеннымъ отдѣльно актомъ касательно Дарданеллъ и Босфора, было подтверждено закрытіе этихъ Проливовъ во время мира для судовъ всѣхъ націй. Это постановленіе обязалась, въ числѣ другихъ, соблюдать и ея величество королева Соединенныхъ Королевствъ Великобританіи и Ирландіи, и несмотря на то ея флотъ нынѣ находится въ Мраморномъ морѣ, пройдя Дарданеллы во время мира и безо всякаго вниманія къ правамъ султана.

Въ такомъ-то видѣ представляется конгрессу главныя постановленія Парижскаго трактата. Почти безъ исключенія и всѣ остальные представляются въ томъ же видѣ.

Статьи 11—14, относившіяся къ нейтрализаціи Чернаго моря, отмѣнены въ 1871 году съ общаго согласія всѣхъ договорныхъ державъ.

Только статьи 15—19, касающіяся судоходства по Дунаю, можно считать не потерявшими значенія и въ настоящее время.

Но напрасно стали бы думать что статьи 20—21, о проведеніи новой пограничной черты въ Бессарабіи, предположено измѣнить впервые только въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Нѣтъ, и эти статьи давно нарушены. Въ нихъ было сказано что пространство земли уступленное Россіей будетъ присоединено къ княжеству Молдав-

скому, подъ верховною властію Порты. А въ слѣдующемъ же году отъ этой территоріи была отдѣлена дельта Дуная и прямо подчинена Портѣ.

Статьи 22—27, относившіяся къ устройству княжествъ Молдавіи и Валахіи, давно нарушены соединеніемъ ихъ въ княжество Румынское.

По статьямъ 28—29 Порты сохраняла право содержанія гарнизоновъ въ Сербіи, которое она давно утратила.

Остальныя статьи трактата были чисто формальныя, касавшіяся утвержденія мира.

Мы какъ-то сказали что Парижскій трактатъ разорванъ войной; нѣтъ, его уже не было и до войны.

Невозможно понять что стали бы державы пересматривать въ этомъ трактатѣ и какъ стали бы онѣ измѣнять, отмѣнять и пополнять то что уже не существуетъ! Парижскій трактатъ и по частямъ, и въ цѣломъ уже отошелъ въ исторію, а съ нимъ и европейское соглашеніе которое въ немъ осуществилось. Соглашеніе это было направлено противъ Россіи, какъ Вѣнскій конгрессъ былъ направленъ противъ Франціи. Но Европа Парижскаго конгресса имѣла гораздо меньшее право на существованіе чѣмъ Европа Вѣнскаго конгресса, и во всякомъ случаѣ она умерла въ свое время вѣрнѣе и несомнѣннѣе. Нужно ли намъ заботиться о возстановленіи европейскаго концерта на почвѣ Восточнаго вопроса? Пусть пока Европа останется безо всякаго концерта. Намъ ли, послѣ нашихъ побѣдъ, на свой счетъ возстановлять его? Наме ли дѣло заботиться о приведеніи Европы къ единству въ недо-вѣріи къ намъ, въ ограниченіи насъ и въ контролѣ надъ нами? Однимъ изъ великихъ стяжаній нашей войны да будетъ наше освобожденіе отъ этого недостойнаго контроля который палъ на насъ въ 1856 году. Это было бы важнѣе для нашей чести чѣмъ возвращеніе отошедшей отъ насъ тогда частицы Бессарабіи.

Б.

Государь Императоръ благоволилъ разрѣшить Наслѣднику Цесаревичу принять званіе почетнаго президента главнаго комитета по сбору пожертвованій на приобрѣтеніе судовъ добровольнаго флота. Это рѣшеніе полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ и

колебаніямъ, и вопросъ о крейсерствѣ изъ области предположеній вступаетъ на почву практическаго дѣла. Намъ нечего высказываться по этому поводу; мы столько разъ указывали на крейсерство, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ на главное оружіе въ борьбѣ съ великимъ морскимъ разбойникомъ не признающимъ никакихъ для себя стѣсненій, что намъ остается только порадоваться торжеству дѣла за которое мы усердно ратовали, и отъ души привѣтствовать милостивое согласіе Наслѣдника Цесаревича стать во главѣ движенія которое станетъ народнымъ.

В.

Въ самый моментъ officialнаго признанія „русскаго крейсерства,“ Москва получить возможность достойно встрѣтить его первыхъ представителей. Завтра, въ субботу, съ курьерскимъ поѣздомъ Курской желѣзной дороги, то-есть въ 6 часовъ 25 минутъ пополудни, если не случится какой-либо задержки въ пути, поѣздомъ въ Петербургъ придутъ въ Москву команда и офицеры яхты *Цесаревна*, послужившіе ядромъ команды крейсера *Росія*. Возвращаясь на сѣверъ подъ предводительствомъ своего доблестнаго начальника, флигель-адъютанта И. Н. Баранова, они въ правѣ ожидать отъ Москвы, среди которой зародилась и первая мысль о добровольномъ флотѣ, пріема соотвѣтствующаго ихъ подвигамъ.

№ 85.

Москва, 1-го апрѣля.

А.

Какая превратность судеб! Это было такъ не давно. Это у всѣхъ еще на свѣжей памяти. Это было въ январѣ. Величайшія трудности были преодолены, мы торжествовали блистательнѣйшія, когда-либо одержанныя, побѣды. Нашъ врагъ лежалъ во прахѣ и молилъ о пощадѣ. Турція была при послѣднемъ издыханіи; султанъ собирался бѣжать въ Бруссу. Уполномоченные Порты безпрекословно и трепетно внимали условіямъ перемирія, и старый Намыкъ, помните ли, обливалъ слезами руку побѣдителя. Все было въ на-

шей власти; все могли мы потребовать, и все могли взять въ обезпеченіе нашихъ требованій. Прошло послѣ того всего только два мѣсяца, и какая переменѣ! Теперь мы какъ будто въ рукахъ у Турокъ, мы какъ будто въ зависимости отъ ихъ милости; мы должны заискивать ихъ добраго расположенія. Мы смотримъ въ глаза не только султану, но и его министрамъ, и ухаживаемъ за этими самыми пашами которыхъ вчера еще били и которые сидѣли у насъ въ плѣну. Генераль Скобелевъ ухаживаетъ за Османомъ, генераль Гурко за Реуфомъ, и такъ далѣе попарно. Въ слѣдъ за англійскимъ и русскимъ циркулярами, Порты выпустила свой, въ которомъ, соблюдая приличіе, обѣщаетъ честное исполненіе условій, оговариваясь однако что не считаетъ ихъ окончательными и ждетъ ихъ измѣненія. Впрочемъ, она немедленно приступаетъ къ исполненію условій трактата, какъ они ни тяжки, и отправляетъ къ Одессѣ суда за своими полоненными арміями. Батумъ еще не очищенъ Турками, и что-то не слышно чтобы Шумла и Варна были очищены; не было также извѣстій и о сдачѣ Сплистріи. За то Порты отпускаетъ пятьсотъ бывшихъ у ней въ плѣну нашихъ чиновъ и спѣшитъ взять у насъ обратно сто тысячъ своихъ: она исполняетъ трактатъ. Мы просимъ, и намъ отказываютъ. Англійскій посолъ въ Константинополѣ приказываетъ, и все по его немедленно дѣлается. Насъ не пускаютъ въ Буюкдере, а Англичане проходятъ чрезъ Дарданеллы и стоятъ у входа въ Босфоръ. Теперь Турки, какъ слышно, заранѣе объявляютъ себя нейтральными на случай войны между Россіей и Англійей. Но въ войнѣ съ Англійей вся сила въ томъ будетъ ли запертъ или отпертъ для англійскаго флота входъ въ Черное море. Турки насъ успокоиваютъ: они сами будутъ охранять Босфоръ. Какое безпристрастіе! Ни мы, ни Англичане не будемъ занимать Босфорскихъ укрѣпленій; будутъ занимать ихъ Турки, и англійскіе броненосцы будутъ также удобно проходить этимъ узкимъ проливомъ какъ прошли чрезъ Дарданеллы охраняемые также турецкими батареями. Какъ должно это насъ успокоить! Не вѣрится подобнымъ телеграммамъ когда онѣ приходятъ, а потомъ однако онѣ подтверждаются и уже начинаешь вѣрить всему, даже возможности подобной, предлагаемой намъ Турками, сдѣлки.

Въ какихъ бы отношеніяхъ ни находились мы къ Туркамъ, намъ кажется мы имѣли бы право потребовать допущенія нашихъ войскъ къ занятію Босфорскихъ укрѣпленій, по крайней мѣрѣ совмѣстно съ турецкими войсками. Если Турки пропустили Англичанъ чрезъ Дарданеллы, и позволяютъ ихъ броненосцамъ держаться у Галлиполи и въ Мраморномъ Морѣ, то они точно также не имѣли бы права воспрепятствовать намъ занять необходимыя для нашей обороны стратегическія позиціи на Босфорѣ. Если же они намъ препятствуютъ, то въ этомъ явный признакъ что они противъ насъ. Это уже начало враждебныхъ дѣйствій, и потому лучше казалось бы теперь довести дѣло до ясности и добиться отъ Турокъ рѣшительнаго отвѣта, хотя бы неблагоприятнаго, нежели дожидаться критической минуты въ нерѣшительномъ положеніи.

Но какъ ни важно, какъ ни тревожно положеніе дѣлъ на берегахъ Босфора, вниманіе наше невольно переносится на берега Цевы. 1-е апрѣля ознаменовано происшедшимъ изъ Петербурга извѣстіемъ которое очень похоже на *poisson d'avril*. Мы увѣрены что многіе въ публикѣ дѣйствительно приняли его за апрѣльскую шутку. Дѣло покушенія на жизнь петербургскаго градоначальника разбиралось вчера въ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Зала была наполнена высшимъ административнымъ персоналомъ и избранною публикой. Присяжные вынесли подсудимой оправдательный приговоръ, встрѣченный рукоплесканіями. Затѣмъ на улицѣ произошла какая-то свалка, раздались выстрѣлы, кто-то убитъ, кто-то раненъ. Нельзя разобрать въ чемъ дѣло, невозможно уловить смыслъ этихъ поразительныхъ подробностей. Открылись ли при судебномъ разбирательствѣ такія обстоятельства которыя оправдывали подсудимую, и избранная публика въ восторгѣ услышала приговоръ освободившій невинно обвиненную въ покушеніи на преступленіе, которое кромѣ уголовнаго значенія имѣетъ еще и политическій характеръ. Но обвинительный актъ не допускаетъ сомнѣнія въ фактѣ преступленія. Какіе бы ни были мотивы,—дѣло на лицо. Было совершено преднамѣренное, издалека подготовлявшееся, покушеніе на убійство. Произведенъ былъ выстрѣлъ въ высшее административное лицо въ возмездіе за распо-

ряженіе сдѣланное имъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Вопросъ не въ томъ какого свойства было это распоряженіе; суду подлежало преднамѣренное покушеніе на убійство, абсолютно возбраняемое всякими законами и человѣческими, и божескими. Но присяжные объявили бывшее не бывшимъ. Судъ конечно спросилъ ихъ: было ли совершено преднамѣренное покушеніе на убійство, и присяжные, какъ надобно думать, отвѣчали: не было, а избранная публика радостно привѣтствовала столь смѣлое отрицаніе факта. Надобно полагать что на судебномъ слѣдствіи раскрылись какія-нибудь глубокіе мотивы, которые въ совѣсти присутствовавшихъ нравственно оправдали виновную, или возбудили въ ихъ сердцахъ непобѣдимую къ ней жалость. Не знаемъ, и ждемъ съ нетерпѣніемъ подробностей судебного слѣдствія. Но гражданское общество не можетъ держаться коль скоро судъ, основанный на законѣ и служащій ему органомъ, будетъ оправдывать преступленіе и возводить его въ апофеозу. Законъ не можетъ миловать; законъ только оправдываетъ. Милующая власть не оправдываетъ, а прощаетъ, но она рѣшаетъ не по закону, а сверхъ его, и суду не принадлежитъ. Нѣтъ сомнѣнія что еслибы дѣйствительно въ фактѣ доказаннаго преступленія обнаружили мотивы заслуживающіе милости и прощенія, то милость была бы оказана, прощеніе было бы даровано, безъ потрясенія основаній гражданского общества.

Впрочемъ, напрасно разсуждать теперь объ этомъ странномъ дѣлѣ: извѣстія такъ смутны и отрывочны. Предоставимъ себѣ льготу блаженнаго непониманія еще на нѣсколько часовъ. Но, къ сожалѣнію, въ ходѣ нашихъ дѣлъ есть сильная аналогія которая невольно захватываетъ вчерашній случай и не позволяетъ сомнѣваться въ его характерѣ при всей отрывочности извѣстій. Основы нашего народнаго быта непоколебимы и здравы, точно также какъ силы нашего народа неистощимы и могущественны. Но есть какая-то искусственно вносимая въ нашъ организмъ немощь, есть какое-то постороннее зло которое ко всему у насъ примѣшивается, парализуя силы и пораждая явленія болѣзненныя. Есть очевидно какое-то роковое несогласіе между нашею интеллигенціей и дѣйствительностью. Гдѣ въ нашей народной жизни выступаютъ ея живыя силы тамъ соверша-

ются чудеса, тамъ чувствуется благодать Божія. (Но какъ только заговорить и начнетъ дѣйствовать наша интеллигенція, мы падаемъ.).

Б.

Сегодня мы встрѣчали первыхъ моряковъ возвращающихся въ Петербургъ съ Чернаго Моря. Моряки эти, служившіе въ мирное время на яхтѣ *Цесаревна*, составляли во время войны ядро экипажа парохода *Россия*. Къ прибытію поѣзда, на платформѣ Курскаго вокзала собралось много народа. Гостей ждалъ городской голова, члены Общества для Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству и другія почетныя лица. Къ сожалѣнію, оказалось что съ ожидавшимся поѣздомъ прибыли не всѣ, а только командиръ парохода *Россия*, флигель-адъютантъ Барановъ, и нѣсколько офицеровъ; остальные же офицеры, съ командою нижнихъ чиновъ изъ 30 человекъ, придутъ только завтра, въ воскресенье. Какъ только приблизился поѣздъ, толпа бросилась впередъ и громкими криками привѣтствовала прибывшихъ. Клики долго не смолкали и повторялись еще въ залахъ станціи, гдѣ городскимъ головою предложенъ былъ тостъ за ихъ здоровье.

Случай хотѣлъ чтобы прибытіе офицеровъ парохода *Россия* совпало съ полученіемъ въ Москвѣ извѣстія что пароходное русское крейсерство поступило подъ особенное покровительство Наслѣдника Цесаревича, что несомнѣнно придастъ морскому дѣлу у насъ народное значеніе.

Еще не извѣстны мѣры къ какимъ прибѣгнетъ *Общество для Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству* для быстраго осуществленія своей задачи; но уже теперь, благодаря Августѣйшему Имени во главѣ столь важнаго дѣла, не можетъ быть сомнѣнія въ сочувственномъ откликѣ всего Русскаго народа.

Для большаго успѣха было бы желательно чтобы жертвователи имѣли нравственно убѣжденіе что собранныя деньги, и въ случаѣ мирнаго разрѣшенія настоящаго кризиса, пойдутъ исключительно на предназначенное дѣло. Будетъ теперь или не будетъ война, флотъ крейсеровъ необходимъ на будущее время и какъ защита нашей торговли, которая не замедлитъ развиться подъ ихъ охраной, и какъ серьезная угроза противнику.

№ 87.

Москва, 3-го апрѣля.

На прошедшей недѣлѣ, какъ извѣстно, происходили въ англійскихъ палатахъ пренія объ отвѣтномъ адресѣ королевѣ на ея манифестъ о созваніи резервовъ. У насъ не успѣла еще изгладиться изъ памяти театральная обстановка этого блистательнаго парламентскаго представленія: эта зала переполненная перами и публикой въ галлерейхъ; эта напыщенная рѣчь британскаго перваго министра, тотчасъ же переданная телеграфомъ во всѣ страны міра съ большою точностью и въ такомъ мастерскомъ изложеніи, почти *en ixtenso*, что ничего существеннаго въ ней не было опущено; эти рукоплесканія и единогласное принятіе адреса; потомъ, ежедневныя сужденія объ этой рѣчи газетъ и телеграммы о впечатлѣніи ею произведенномъ. Лондонскій телеграфъ былъ очень скромнѣе только въ изложеніи остальной части преній: онъ передалъ обычнымъ образомъ лишь вкратцѣ сущность другихъ рѣчей. Въ виду полнаго торжества правительства, впрочемъ, и не было особенной надобности предавать возраженія противъ его политики, не имѣвшія успѣха. Да и всѣмъ уже было свѣдомо что могли возражать г. Гладстонъ и другіе вожди оппозиціи. Но страннымъ казалось что лордъ Дарби ничего не говорилъ въ этомъ засѣданіи, такъ какъ онъ именно по вопросу о созваніи резервовъ и разошелся со своими товарищами. Наконецъ, спустя нѣсколько дней, телеграмма изъ Вѣны извѣстила насъ что какая-то рѣчь лорда Дарби произвела тамъ тяжелое впечатлѣніе. Какая рѣчь, гдѣ и когда произнесенная? Только изъ полученныхъ сегодня лондонскихъ газетъ узнали мы въ чемъ дѣло, узнали что не одни мы, но вся европейская публика оставалась въ невѣдѣніи. Лордъ Дарби говорилъ въ томъ же засѣданіи что и лордъ Беконсфильдъ, и вскорѣ послѣ него; о важности же значенія его рѣчи можно судить по тому что она-то именно и разсердила Вѣну.

Правительство Беконсфильда само распорядилось телеграфомъ. Нужно было произвести въ Европѣ извѣстное настроеніе, а рѣчь бывшаго британскаго министра иностранныхъ дѣлъ была бы не подходящею нотой, и потому было рѣшено ее скрыть, *tout zu schweigen*.

Рѣчь лорда Дарби мы сообщаемъ сегодня вполнѣ, и читатели легко поймутъ почему ее скрыли. Это не есть подборъ обычныхъ возраженій оратора оппозиціи: это говорилъ тотъ самый министръ, который вчера еще управлялъ иностранными дѣлами Англіи, который держалъ въ рукахъ своихъ всѣ нити вопроса. Предвидя къ чему ведетъ политика правительства, лордъ Дарби счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ предостеречь его отъ послѣдствій. Онъ не одобрялъ маневра запугиванья которымъ хотѣли подѣйствовать на Россію и не сожалѣлъ о неудачѣ конгресса, полагая что гораздо легче и удобнѣе было бы правительствамъ дружелюбно, безъ торопливости и не волнуя публики, объясниться между собою, и такимъ способомъ онъ надѣялся многого добиться отъ Россіи. А теперь, послѣ объясненій его преемника, выходитъ что „Англійское правительство „требуется чтобы Санъ-Стефанскій договоръ былъ разорванъ.“ То же самое сказалъ въ томъ же засѣданіи и герцогъ Аргайлъ, и лордъ Карнарвонъ. „Вѣроятно „ли,“ говорилъ послѣдній, чтобы великая „держава, которая съ успѣхомъ вела войну, согласилась на конгрессъ, когда вы „ей говорите что надо разорвать весь ея „трактатъ которымъ она гордится? Когда „германская армія вступала въ Парижъ, „допустила ли бы она хоть на минуту та- „кой взглядъ? А оба случая вовсе не такъ „различны.“

Лордъ Дарби опасается что политика угрозы приведетъ только къ войнѣ, отъ которой онъ не предвидитъ ничего добраго. Онъ имѣетъ мужество объявить своимъ соотечественникамъ что Англія не можетъ причинить серіознаго вреда Россіи. Онъ предвидитъ что война будетъ продолжительна, убыточна, нерѣшительна и безцѣльна. Наконецъ у Англіи нѣтъ въ виду надежнаго союзника. Взоры при этомъ конечно невольно обращаются на Австрію; но что это за союзникъ! восклицаетъ лордъ Дарби: государство раздѣлившееся, съ арміей ненадежною, съ финансами въ полномъ разстройствѣ, ежеминутно готовое посадить союзника на мель вступивъ въ особое соглашеніе съ противникомъ... Таковъ смыслъ словъ лорда Дарби. Понятно почему въ Вѣнѣ на него вознегодовали. Онъ не довѣряетъ Австріи во всѣхъ отношеніяхъ,—а лордъ Дарби лишь за двѣ недѣли предъ симъ велъ переговоры съ гра-

фомъ Андраши. Слова лорда Дарби мы могли бы обратить по адресу въ Берлинъ, откуда насъ все убѣждаютъ ублажать Австрію. Если Англія не можетъ ожидать отъ нея серіозной помощи, то значить и вражда ея не можетъ быть намъ очень страшною.

Рекомендуемъ еще вниманію читателей заключительныя слова лорда Дарби о цѣли которой могла бы достигнуть Англія при наибольшемъ успѣхѣ противъ насъ. Въ сущности это правдивый отвѣтъ на ноту маркиза Солсбери, въ которой главнымъ мотивомъ возраженій противъ всѣхъ пунктовъ Санъ-Стефанскаго договора выставилось то что Россія пріобрѣтетъ слишкомъ большое вліяніе. Князь Горчаковъ старается успокоить эти опасенія, выражая убѣжденіе что освобожденіемъ христіанскихъ племенъ на Востокѣ Россія не возвыситъ своего значенія, и обнадеживая Европу что освобожденные племена со временемъ отшатнутся отъ Россіи. Лордъ Дарби не такого мнѣнія. Онъ говоритъ своимъ бывшимъ товарищамъ: вы никогда не подорвете вліянія Россіи на племена съ которыми она связана историческими сочувствіями, никогда не удастся вамъ русское вліяніе замѣнить англійскимъ. Намъ пріятно согласиться въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ лорда Дарби.

Еще одно замѣчаніе. Лордъ Беконсфильдъ и въ послѣдней рѣчи, и прежде не разъ изобличалъ насъ въ какихъ-то секретныхъ переговорахъ съ Портой. Увы, ничего подобнаго не было. А вотъ Англійскій кабинетъ имѣетъ дѣйствительно какіе-то тайныя планы: это явствуетъ изъ той же рѣчи лорда Дарби. Созваніе резервовъ ошибочно выставлялось причиной его выхода въ отставку; эта мѣра не была единственною и главною причиной его размолвки съ товарищами, но о другихъ онъ пока еще не можетъ объявить.

Мы кажется догадываемся въ чемъ дѣло, но также погодимъ говорить...

№ 88.

Москва, 4-го апрѣля.

А.

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, вчерашняя уличная демонстрація отнюдь не была дѣломъ студентовъ нашего Универси-

тета какъ можно было бы заключать изъ того что прискорбное столкновение произошло близъ его зданій. Толпа молодыхъ людей, обоого пола, въ которой всего меньше было университетскихъ студентовъ, собралась на станціи Курской желѣзной дороги, и оттуда процессіонно послѣдовала за экипажами въ которыхъ сидѣли высланные изъ Кіева студенты тамошняго Университета. Говорятъ, въ этой толпѣ молодыхъ людей, собранныхъ извѣстнаго сорта агитаторами, была нѣкоторая доля воспитанниковъ Комисаровской Школы, студентовъ Техническаго Училища, Петровской Академіи и лишь нѣсколько члѣвъ изъ университетской молодежи. Главнымъ же образомъ толпа, по всему вѣроятію, состояла изъ той неопредѣленной массы которая обычно фигурируетъ во всѣхъ демонстраціяхъ. Какъ освѣдомились эти люди о времени прибытія поѣзда съ интересными путешественниками? кто ихъ собралъ и съ какою цѣлю? По московскія улицы были удивлены необычною процессіей, кричавшею *ура* въ честь арестантовъ, сшибавшею, какъ говорятъ очевидцы, шапки съ проходящихъ и объяснявшею встрѣчнымъ что она чествуетъ „преслѣдуемыхъ правительствомъ и стоявшихъ за правду людей“. Всѣ мы знаемъ настроеніе нашихъ народныхъ массъ. Кто не былъ свидѣтелемъ могущественныхъ проявленій народнаго энтузіазма при встрѣчѣ Государя? Можно ли сомнѣваться въ чувствѣ съ какимъ этотъ народъ долженъ смотрѣть на подобныя среди его попытки? Распространяютъ слухъ будто полиція нагнала народныя толпы на этихъ людей. Но неужели вы думаете что наши народныя массы будутъ равнодушны при демонстраціяхъ подобнаго рода какъ вчерашняя? Попробуйте крикнуть среди народной толпы что-нибудь такое что покажется ей мятежнымъ, и вы убѣдитесь что она не нуждается въ возбужденіяхъ и что полиція понадобится только для того чтобы спасти васъ, какъ это и было во вчерашней свалкѣ, причемъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, пришлось быть-можетъ пострадать и невиннымъ. Не оскорбляйте же народа, не вызывайте его. Мало ли бывало попытокъ возмущать наши народныя массы, а чѣмъ кончались онѣ? Если вы хотите жить въ мирѣ съ Русскимъ народомъ, не издѣвайтесь надъ его вѣрова-ніями, и не будьте безсознательнымъ ору-

діемъ враговъ вашего отечества. Какой могъ быть честный поводъ къ возмутительной исторіи происходившей въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ Казанскимъ соборомъ, въ великую и критическую для Россіи минуту предъ объявленіемъ войны,—исторіи о которой писали во враждебныхъ намъ иностранныхъ органахъ прежде чѣмъ она совершилась? Не были ли ея актеры жалкою игрушкой въ рукахъ враговъ ихъ народа? И теперь, скажите, время ли теперь чинить подобныя демонстраціи, когда народъ нашъ только что вышелъ изъ тяжелой борьбы и готовится быть можетъ къ новой, которая должна рѣшить судьбы его? Для кого теперь нужно выставить Русскій народъ исполненнымъ разлагающихъ элементовъ и разслабленнымъ? Кому въ пользу попытаться смутить и парализовать наше правительство въ его теперешнихъ счетахъ съ нашими противниками?

Б.

Полученныя нами сегодня извѣстія невольно заставляютъ думать что дѣло идетъ все стремительнѣе къ кризису. Правда, *Times*, который обзавелся теперь корреспондентомъ въ Петербургѣ, сообщаетъ что вчера происходилъ дружественный офиціозный обмѣнъ между Лондономъ и Петербургомъ, но въ такую черезъ часъ наступившую дружбу плохо вѣрится, да и изъ самаго извѣстія лондонской газеты оказывается что обѣ стороны не сдѣлали впередъ ни шагу. Нашъ берлинскій корреспондентъ увѣряетъ что германскій канцлеръ продолжаетъ оказывать намъ услуги, соединясь для этого примѣчательнымъ образомъ даже съ Франціей; услуги же эти состоятъ въ томъ что онъ убѣждаетъ Англію сдѣлать практическія предложенія для рѣшенія Восточнаго вопроса. Но англійскій циркуляръ довольно ясно обозначаетъ чего хочетъ Англія. Она прежде всего хочетъ уничтожить всѣ результаты нашихъ побѣдъ; и какъ только Россія, согласно такому желанію, была бы оттѣснена отъ Востока, то желаемый Англіей порядокъ вещей создастся тамъ легко и самъ собою...

Вопросъ попрежнему главнымъ образомъ сосредоточенъ на Босфорѣ. Что касается нашего положенія въ Константинополѣ, то въ послѣднее время сообщалось не мало извѣстій о борьбѣ русскаго вліянія съ ан-

глііскимъ. Декораціи смѣнялись съ быстротою волшебнаго балета. Англійскій циркуляръ привелъ Порту въ такой восторгъ что министр-президентъ Ахмедъ-Вефикъ поручилъ оттоманскому послу въ Лондонъ поздравить новаго британскаго статсъ-секретаря съ его дебютомъ, на что тотъ отвѣчалъ выраженіемъ надежды что Порта *облегчитъ задачу* англійской политики. Наконецъ, говорятъ, и другъ нашъ, непобѣдимый Османъ-паша, начинаетъ склоняться къ „партіи отместки.“

За то *Политическая Корреспонденція* сообщаетъ что Великій Князь Николай Николаевичъ получилъ по телеграфу важныя сообщенія которыя повели къ немедленному созванію военнаго совѣта, состоявшагося 4 апрѣля (23 марта), причемъ всѣми полковыми командирами представлены донесенія о числительной силѣ ихъ полковъ и состояніи здоровья. Пробѣлы причиненные въ рядахъ войскъ быстро пополняются. *Больше чѣмъ достоверно*, свидѣтельствуется всегда такъ хорошо увѣдомляемый вѣнскій листокъ, что двѣ русскія дивизіи расположены такимъ образомъ и въ столь недалекомъ разстояніи на дорогахъ ведущихъ къ Галлиполи и Буланру, что въ состояніи занять эти важныя позиціи ежеминутно ранѣе Англичанъ. То же самое относится и до занятія Буюкдере, будто бы уже рѣшеннаго въ принципъ и которое послѣдуетъ въ тотъ самый моментъ когда это окажется необходимымъ для обезпеченія русскихъ войскъ. *Политическая Корреспонденція* объясняетъ бездѣйствіе Россіи не неподготовленностью, но единственно нежеланіемъ принять на себя отвѣтственность начинанія. Дай Богъ чтобы все это было дѣйствительно такъ...

В.

Порта поблагодарила лорда Салсбери за его циркуляръ, но самъ новый статсъ-секретарь, какъ легко можно представить себѣ, далеко не былъ благодаренъ своему предмѣстнику, лорду Дарби, за его рѣчь. Онъ тутъ же въ засѣданіи объявилъ что никогда ни въ той, ни въ другой палатѣ не слыхивалъ подобной рѣчи, и съ раздраженіемъ упрекалъ своего бывшаго товарища за разглашеніе совѣщаній кабинета.

Такой же строгій выговоръ дастъ лорду Дарби и газета *Times*: „Публика согласится,“ говоритъ она, „съ новымъ харак-

теромъ иностранныхъ дѣлъ и пожалѣетъ „что лордъ Дарби не былъ скромнѣе говоря о своихъ сношеніяхъ со своими товарищами, а болѣе всего относительно „иностранныхъ государствъ, коихъ дѣйствія въ настоящую минуту должны имѣть важное вліяніе на ходъ событий.“ Дружба Германскаго правительства къ Россіи, денежныя затрудненія Австріи и ея вѣроятное отпаденіе отъ англійскаго союза, еслибъ она заключила его, о такихъ предметахъ государственной чести вѣкъ только что разставшійся со своими товарищами не долженъ бы торопиться „высказывать свое мнѣніе.“ Причина гнѣва понятна. Въ досадѣ сквозитъ опасеніе что откровенность лорда Дарби можетъ помѣшать тѣмъ мѣрамъ которыя, какъ видно было изъ его же рѣчи, задуманы правительствомъ, по которыя пока остаются въ тайнѣ. Не даромъ лордъ Салсбери, въ заключеніе своей рѣчи, замѣтилъ: „Я надѣюсь что мнѣ удалось не „удовлетворить любопытства благородныхъ лордовъ оппозиціи.“

№ 89.

Москва, 6-го апрѣля.

А.

Австро-венгерская печать, то-есть ея мадьярскіе и нѣмецкіе органы, ликующими привѣтствіями встрѣтила послѣдняя манифестація Англійскаго правительства циркуляръ маркиза Салсбери и рѣчь графа Беконсфильда 8 апрѣля. Сопоставляя рѣчь премьера съ письменнымъ документомъ за подписью новаго министра иностранныхъ дѣлъ, *Новая Вольная Печать* (*Neue Freie Presse*) узнаетъ *ex ungue leonem*: циркуляръ несомнѣнно де сочиненъ самимъ премьеромъ; романистъ Дизраэли и министр Беконсфильдъ сказались де тутъ оба, и это счастливое совпаденіе искуснаго литератора и „великаго государственнаго мужа“ послужило де къ вѣщему возвеличенію Британіи въ глазахъ всего міра. Органъ австро-нѣмецкихъ централистовъ заранѣе торжествуетъ успѣхъ Англіи не потому чтобы она предавалась какимъ-либо оболъщеніямъ насчетъ мирнаго исхода перешней дипломатической кампаніи. Нѣтъ, *Новая Вольная Печать* преклоняется предъ „мужественною рѣшимостью“ англійскаго

премьера, который, освободившись от нерѣшительнаго товарища и заручившись полнымъ одобреніемъ королевы, сжегъ за собою корабли. Газета не думаетъ чтобы Россія могла уступить требованіямъ Англіи: это даже по ея мнѣнію, было бы равносильно отрѣченію отъ *всѣхъ* результатовъ купленныхъ цѣной ея великихъ успѣховъ. „То чего добивается Англія, признается вѣнская газета, есть ни что иное какъ положеніе вещей какого можно было бы достигнуть лишь послѣ полнаго торжества англійскаго оружія надъ русскимъ.“ А потому осуществленіе англійскихъ замысловъ кажется и вѣнскому органу несбыточнымъ безъ войны. Но требуетъ ли этотъ органъ чтобы Австрія стала на сторону Англіи? Нисколько. Мы знаемъ, напротивъ, что партія представляемая этою газетою всѣми силами возстала противъ „активной“ политики графа Андраши, ознаменованной требованіемъ чрезвычайнаго кредита. И этотъ отказъ въ кредитъ со стороны нѣмецкой партіи, мотивированъ былъ преимущественно тѣмъ соображеніемъ что нельзя отмѣнить совершившихся событій и заставить Россію вполне отрѣчься отъ того что ею достигнуто. Чего же нужно этой партіи? Въ чемъ заключается ея программа? Этотъ вопросъ неоднократно предлагался австрійскимъ Нѣмцамъ изъ Берлина. Берлинскія газеты постоянно упрекаютъ австрійскихъ Нѣмцевъ въ томъ что они сами не знаютъ чего хотятъ. Но въ послѣднее время осторожные берлинскіе органы уже не ограничиваются отрицательною критикою; мы взяли на себя разяснить австро-нѣмецкимъ централистамъ въ чемъ именно *должна* заключаться ихъ программа съ точки зрѣнія интересовъ „общихъ для Австріи и Германіи.“

Этому разясненію посвящена передовая статья; появившаяся въ № 169 берлинской *Національной Газеты*, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей откровенности, не совсѣмъ обычной въ значительныхъ органахъ берлинской печати.

Прошлое, говоритъ *Національная Газета*, не воротись. Возстановить прежнее положеніе на Востокѣ Австрія не была бы въ состояніи даже еслибъ она, въ союзѣ съ Англіей, достигла полнаго военнаго торжества надъ Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, что заступило бы мѣсто турецкаго владычества, нынѣ болѣе немислимаго, еслибъ

Австріи и Англіи удалось вытѣснить Россію изъ положенія ею занятаго на Балканскомъ полуостровѣ? Гдѣ есть народности и территоріи въ Европѣ, тамъ должны быть и государства; политической пустоты быть не можетъ. Вотъ почему Австріи и послѣ удачной войны пришлось бы создать Болгарію, увелічить Сербію и Грецію, или создать новыя государства подъ водительствомъ Австріи. Для этого ей пришлось бы посылать войска и тратить деньги, словомъ, принести такія же жертвы какія принесла Россія дабы въ результатъ добиться возникновенія и укрѣпленія новыхъ *славянскихъ* государствъ, ибо иныхъ государствъ нельзя же создать изъ славянскихъ народностей. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ оказалось бы то же самое противъ чего возстаетъ Австрія теперь. Берлинская газета думаетъ что ошибка австрійскихъ политиковъ заключается именно въ этой слѣпой и открытой враждѣ противъ „славизма“, котораго никакими насильственными мѣрами не искоренить ни на берегахъ Дуная, ни на Балканскомъ полуостровѣ. Еслибъ Австрія замышляла предпринять такую истребительную борьбу противъ славянскихъ племенъ, то это повело бы лишь къ продолжительной и упорной борьбѣ противъ Россіи, а изъ европейскихъ государствъ на ея сторонѣ стояла бы лишь Англія.

Этой опасной борьбѣ на долгіе годы, коей успѣхъ такъ сомнителенъ, берлинская газета противопоставляетъ то что нынѣ предлагается Австріи въ видахъ мирнаго соглашенія, то-есть „разграниченіе сферъ власти на Балканскомъ полуостровѣ“. *Національная Газета* не сомнѣвается что Россія пойдетъ въ этомъ отношеніи на самыя широкія уступки для Австріи и подается ей совѣтъ ухватиться обѣими руками за этотъ компромиссъ, „который поведетъ къ дѣятельному укрѣпленію австрійскаго вліянія на западную часть Балканскаго полуострова.“ „Австрія,“ сказано далѣе, „вынуждена помириться съ существованіемъ политически-самобытныхъ славянскихъ племенъ. Вопросъ заключается въ томъ что для нея выгоднѣе, принять ли на себя политическое руководство одною частью южнаго славянства, или же „выступить открыто противъ Россіи и взвалить на себя все это бремя?“ *Національная Газета* не колеблясь признаетъ что Австрія должна безусловно предпочесть первое.

Въ какія же отношенія станетъ тогда Австрія къ Россіи? Получивъ такія огромныя уступки и такое значительное приращеніе власти даромъ, какъ плодъ *русскихъ* побѣдъ и *русскихъ* жертвъ, и притомъ жертвъ конхъ не потребовалось бы, можетъ-быть, и десятой доли еслибъ Австрія не противодѣйствовала тайно и явно успѣху русскаго оружія, — сочтеть ли она себя хоть на будущее время обязанною признать дѣло Россіи и своимъ дѣломъ, и совокупными усиліями отстаивать его? Нѣтъ, нисколько? Пусть Англія воюетъ съ Россіей, — Австрія будетъ соблюдать нейтралитетъ!

Съ большимъ жаромъ *Національная Газета* обращается противъ притязаній Англіи являться поборницей европейскихъ интересовъ, доказывая что и такъ слишкомъ много крови пролито было въ послѣднія сто лѣтъ изъ-за англійскихъ корыстныхъ видовъ, выдаваемыхъ за интересы Европы. Берлинская газета прямо говоритъ что эти англійскіе возгласы могутъ возбудить лишь „негодование“. Не думайте однако чтобъ Австріи рекомендовалось выступить противъ притязаній Англіи, и хоть этимъ отплатить Россіи за ожидаемыя отъ нея уступки. О нѣтъ! Австріи внушается напротивъ что „она можетъ совершенно хладнокровно предоставить Россіи и Англіи раздѣливаться „между собою“. И если Англія хочетъ начать войну дабы оградить свои интересы, то, по мнѣнію *Національной Газеты*, „никто противъ этого возразить ничего не можетъ.“

Итакъ, Австрія имѣетъ возможность безъ войны, и вѣрнѣе нежели цѣною войны, расширить свое могущество. Что же касается „сферы власти“ выдѣленной для Россіи на восточной половинѣ Балканскаго полуострова, то она, въ угоду Австріи и въ награду за ея стоворчивость, сократитъ до минимума и время занятія этой половины своими войсками, и количество ихъ, и по минованіи срока уйдетъ съ сознаніемъ что ею въ точности исполнены предначертанія Константинопольской конференціи. А если Англія для своихъ видовъ вздумаетъ воевать съ Россіей, то въ этомъ для Австріи нѣтъ никакого худа. Странная маклерская сдѣлка!

Б.

Одна изъ здѣшнихъ газетъ неистово нападаетъ на насъ за то что мы будто бы подзадориваемъ „дикаго звѣря“ на учащуюся молодежь.

Мы находимъ излишнимъ и недостойнымъ объясняться съ обманщиками, но считаемъ не лишнимъ сказать два слова молодымъ людямъ которыхъ обманъ хочетъ уловить въ свои сѣти.

Можемъ ли мы сочувствовать дѣламъ насилія и кровавой расправы, причемъ самыя тяжкіе удары нерѣдко падаютъ на людей ни въ чемъ не повинныхъ? Могутъ ли быть намъ пріятны сцены подобныя происходившей 3-го апрѣля около Охотнаго Ряда? Но чѣмъ возмутительнѣе и прискорбнѣе дѣло, тѣмъ ненавистнѣе его причины. Люди которые льстятъ молодежи и употребляютъ во зло ея великодушныя порывы для своихъ темныхъ цѣлей, они влекутъ ее къ дѣламъ насилія и вызываютъ ихъ: это въ ихъ интересѣ, а не тѣхъ кто усиливается противодѣйствовать имъ. Говорятъ что званіе студента возбуждаетъ подозрѣнія въ народѣ. Но что же могло быть виною тому? Не тѣ ли должны были возбудить недовѣріе къ учащейся молодежи кто сбивалъ ее съ толку и увлекалъ ее на безразсудныя и часто столь гибельныя для ней выходки? Мы всегда надѣялись, и мы увѣрены что въ настоящее время университетская молодежь, въ общей сложности, выше тѣхъ обмановъ которые увлекали ее въ прежніе годы, и выше тѣхъ подозрѣній которыя, къ сожалѣнію, остались ей въ наслѣдіе отъ прежнихъ поколѣній студентовъ. Но мы знаемъ также что именно теперь употребляются особенныя усилія чтобы возбудить смуты въ русской учащейся молодежи. Мы обращаемся къ лучшимъ и наиболѣе зрѣлымъ изъ молодыхъ людей университетскаго образованія: никто болѣе насъ не желаетъ имъ блага; никто болѣе насъ не сочувствуетъ имъ въ ихъ лучшихъ стремленіяхъ; никому такъ не дорогъ разцвѣтъ ихъ юныхъ силъ на пользу нашей родины. Какой могли бы мы имѣть интересъ возбуждать противъ нихъ подозрѣнія и дурныя страсти съ какой бы то ни было стороны? Нѣтъ, не мы можемъ имѣть такія цѣли. Малѣйшій актъ собственнаго соображенія легко убѣдитъ ихъ въ томъ. Мы умоляемъ ихъ держаться крѣпко въ это трудное время. Если есть у нихъ какія-либо вопросы и желанія лучшаго, если чувствуютъ они какое-либо несоответствіе между идеалами которые имъ предносятся и средой которая ихъ окружаетъ, мы убѣждаемъ ихъ воздерживаться теперь и давать рѣшительный и мужественный от-

поръ всякой попыткѣ взволновать ихъ или вызвать на демонстраціи подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Послѣ они вполнѣ отбѣнятъ правду и искренность нашихъ словъ.

№ 90.

Москва, 6-го апрѣля.

Пока шли у насъ толки о дѣлѣ петербургскаго градоначальника Трепова судившагося по обвиненію въ наказаніи арестанта Боголюбова, дѣла въ Европѣ подвинулись на столько что вопросъ о конгрессѣ считается уже окончательно улаженнымъ. Сейчасъ пришла телеграмма изъ Лондона, увѣдомляющая, на основаніи сообщенія газеты *Echo*, что сегодня вечеромъ будутъ разосланы приглашенія на конгрессъ. Несогласіе между Россіей и Англіей касательно значенія и силы конгресса, — несогласіе дѣлавшее повидимому невозможнымъ его осуществленіе, — теперь стало-быть уладилось. На столѣ конгресса будутъ сложены Парижскій договоръ 1856 вмѣстѣ съ Лондонскимъ 1871. Эти трактаты станутъ предметомъ совѣщанія конгресса, съ тѣмъ чтобъ измѣнить ихъ такъ или иначе, принимая въ соображеніе прелиминарный Санъ-Стефанскій трактатъ. Признаемся, мы плохо понимаемъ въ чемъ тутъ будетъ дѣло и въ чемъ оно можетъ облегчить коренное противорѣчіе интересовъ и видовъ между Англіей и Россіей. Недавно мы перебирали всѣ пункты Парижскаго трактата, но не нашли почти ни одного который не былъ-бы нарушенъ. Остается только зачеркнуть этотъ трактатъ, и вмѣсто него написать новый — какой же новый? Конечно, Санъ-Стефанскій, заключенный нами съ Турціей или иной? Пунктъ за пунктомъ придется обсуждать на конгрессѣ весь прелиминарный договоръ нашъ съ Турціей, чего и требовала Англія. Каждый пунктъ Санъ-Стефанскаго договора будетъ такимъ образомъ предложенъ конгрессу на утвержденіе. Едва ли конгрессъ можетъ съ нашей стороны казаться желательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если конгрессъ, какъ есть основаніе опасаться, поведетъ не къ утвержденію мира, а къ новой войнѣ, то онъ скорѣе затруднитъ нежели улучшить наше положеніе.

Какъ можно было ожидать, всѣ доводы промеморіи приложенной къ циркуляру князя Горчакова не убѣдили нашихъ противни-

ковъ въ правотѣ нашего дѣла. Не доводовъ, не убѣжденій ждутъ они отъ Россіи, а безусловной сдачи.

Любопытно что вся техническая сторона русскаго отвѣтнаго циркуляра, гдѣ по пунктамъ разбираются всѣ возраженія маркиза Салсбери противъ договора 19 февраля, весьма мало заинтересовала англійскія газеты. Сравнить соответственные пункты обоихъ циркуляровъ, казалось бы, должно было дѣломъ самымъ естественнымъ, хотя бы для того чтобъ отстоять вѣрность англійской точки зрѣнія. Англичанамъ мало нужды въ томъ кто болѣе правъ. Поэтому, въ критикѣ циркуляра князя Горчакова они главнымъ образомъ остановили свое вниманіе лишь на одной его фразѣ, именно на упрекѣ который онъ дѣлаетъ лорду Салсбери въ томъ что тотъ, ограничиваясь отрицательными возраженіями, не дѣлаетъ, съ своей стороны, никакихъ предложеній для практическаго рѣшенія настоящаго кризиса на Востокѣ. Вызовъ былъ откровенный, и дѣйствительно, еслибъ онъ былъ принятъ, помогъ бы привести Англію въ неловкое положеніе. Общими фразами отдѣлываться гораздо удобнѣе, а потому князю Горчакову и возражаютъ что онъ совсѣмъ напрасно упрекаетъ лорда Салсбери за отсутствіе практическихъ указаній, тогда какъ, напротивъ, весь смыслъ его депеши заключается въ настояніи на единственномъ практическомъ предложеніи Русскому правительству представить весь прелиминарный договоръ, во всѣхъ его пунктахъ, на разсмотрѣніе конгресса державъ подписавшихъ трактатъ 1856 года.

Times замѣчаетъ: „Отрицательная критика можетъ быть исполнена положительныхъ указаній, и лордъ Салсбери заявляетъ съ откровенностью, которой князь Горчаковъ отдаетъ справедливость, что „главный порокъ Санъ-Стефанскаго трактата есть преобладаніе которое онъ даетъ „Россіи. Примѣръ этого преобладанія является именно теперь. Со времени мира, повидимому, Турки стали сооружать укрѣпленія между Санъ-Стефано и Константинополемъ. Но сооруженія эти очень не понравились Русскимъ, и Великій Князь „остановилъ ихъ. Вотъ именно одно изъ „затрудненій предусмотрѣнныхъ лордомъ „Салсбери. Если трактатъ Санъ-Стефанскій останется безъ измѣненія, то Турки „едва ли будутъ въ состояніи пошевелить „рукой или ногой безъ согласія Рос-

„сип.“ Недобросовѣстность этого аргумента, особенно послѣ депеши Салсбери, бросается въ глаза. Говоримъ это не потому чтобы мы сомнѣвались въ вѣрности извѣстія *Times*; напротивъ мы надѣемся и желаемъ чтобы она подтвердилась. Какъ же съ русской стороны не принимать мѣръ къ обезпеченію себя быть-можетъ наканунѣ новой войны!

Что новая борьба предвидится, — это можно уже видѣть изъ приготовленій дѣлаемыхъ обѣими сторонами. Очень кстати во всякомъ случаѣ выдвинуть теперь впередъ весьма важный вопросъ о снаряженіи вольнаго крейсерскаго флота. Въ послѣднемъ № *Моск. Вѣдом.* помѣщенъ протоколъ общаго собранія Общества для Сдѣйствія Русскому Торговому Мореходству. Намъ кажется что въ своихъ предположеніяхъ оно избрало путь вѣрный и полезный. Великимъ счастьемъ для дѣла, сосредоточившаго на себѣ заботы Общества въ настоящее время, было то что съ нимъ теперь связано Августѣйшее имя Наслѣдника Цесаревича. Было бы въ высшей степени желательной чтобы крейсерскій флотъ получилъ не только значительное развитіе въ виду возможнаго столкновенія съ Англіей противъ котораго онъ будетъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, но и утвердился бы у насъ какъ постоянное учрежденіе съ народнымъ характеромъ. Надо чтобы суда, которыя будутъ приобрѣтены или построены на пожертвованія народные, въ виду возможной войны съ великою морскою державой, послужили началомъ обширному коммерческому флоту, который былъ бы всегда готовъ послужить и для цѣлей войны. Для этого желательно чтобы этотъ флотъ получилъ особенную организацію. Находясь въ вѣдѣніи правительства, онъ не долженъ однакоже теряться въ составѣ военнаго флота, потому что въ мирное время онъ долженъ служить для мирныхъ цѣлей, какъ въ засѣданіи Общества основательно было объяснено г. Цвѣтковымъ. Крейсера вольнаго флота сами такимъ образомъ могутъ добывать средства для своего поддержанія и дальнѣйшаго развитія. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ послужитъ и къ тому что въ нашемъ континентальномъ народѣ, главными массами своими живущемъ въ дали отъ морей, онъ разовьетъ интересъ къ мореходству, и въ этомъ отношеніи было бы въ высшей степени важно чтобы сбылись предположенія

Общества, и вольный флотъ имѣлъ бы всегда во главѣ своей Наслѣдника Престола. Дай Богъ чтобы это оказалось возможнымъ и чтобы вольный флотъ былъ какъ казачьи войска постоянною атрибуціей Наслѣдника....

№ 91.

Москва, 7-го апрѣля.

Вотъ уже нѣсколько дней какъ телеграфъ изъ Константинополя не перестаетъ сообщать о различныхъ фазахъ возникшаго тамъ министерскаго кризиса. „Министръ-президентъ“, „Ахмедъ-Вефикъ-паша“, принявшій этотъ „конституціонный“ титулъ вмѣсто званія великаго визиря, два раза подавалъ въ отставку, но безуспѣшно; наконецъ въ третій разъ отставка его принята султаномъ, и мы имѣемъ теперь предъ глазами списокъ вновь организованнаго „кабинета“ Оттоманской конституціонной имперіи. Такъ какъ отставленный премьеръ султана настойчиво выставлялся приверженцемъ Англіи, то нѣтъ сомнѣнія, что паденіе его будетъ съ неменьшею настойчивостью выставляться какъ торжество русскаго вліянія въ Константинополѣ. Но что собственно скрывается за этою показною стороною дѣла, объ этомъ по телеграфнымъ сообщеніямъ судить трудно. Несомнѣнно лишь то что дѣло не въ симпатіяхъ или антипатіяхъ того или другаго изъ совѣтниковъ султана. Симпатіи турецкихъ государственныхъ людей, — еслибы вообще таковыя составляли какую-либо величину въ подлежащей вычисленію задачѣ, — опредѣлить было бы не трудно. „Во глубинѣ души“, замѣчаетъ константинопольскій корреспондентъ *Национальной Газеты*, „сочувствія Турціи обращены не на сторону „вчерашняго врага конечно, а на сторону „Англіи.“ Вотъ почему этотъ корреспондентъ считаетъ совершенно праздными толки о томъ будто Порты намѣрена соблюдать строгій нейтралитетъ въ случаѣ войны между Россіей и Англіей. Онъ полагаетъ что еслибы Турціи дана была возможность свободно избрать тотъ или другой путь, то нѣтъ никакого сомнѣнія что она пристала бы къ Англіи. Весь вопросъ въ томъ удастся ли Россіи *принудить* Турцію къ иному образу дѣйствій; все дѣло въ томъ которая изъ спорящихъ сторонъ,

Россія или Англія, успѣетъ захватить тѣ стратегическіе пункты, владѣніе коими должно имѣть громадное значеніе на случай открытой борьбы. Эти пункты суть: Босфоръ со столицей и Дарданеллы. По свидѣтельству того же интереснаго корреспондента, рѣчь идетъ главнымъ образомъ именно о Дарданеллахъ кои далеко еще не въ рукахъ Англичанъ. Корреспондентъ обращаетъ особенное вниманіе на замѣтку, появившуюся на дняхъ въ турецкой газетѣ *Стамбуль*, имѣющей будто бы особенныя связи и получающей извѣстія изъ такихъ источниковъ которые для другихъ турецкихъ газетъ недоступны. Эта газета сообщила что Великій Князь Главнокомандующій предложилъ Турціи оборонительный и наступательный союзъ съ Россіей, потребовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ передачи въ русскія руки фортовъ командующихъ надъ обоими Проливами. Требования эти стали де особенно настойчивы послѣ поѣздки генерала Игнатъева въ Вѣну. Турецкая газета понимаетъ какъ важно для Россіи, при настоящемъ положеніи дѣлъ, предупредить Англичанъ въ завладѣніи этими позиціями. „Но,“ прибавляетъ она, „усилія Великаго Князя, повидимому, не увѣнчались успѣхомъ.“ Корреспондентъ берлинской газеты, въ свою очередь, добавляетъ что, по его мнѣнію, Россія не можетъ разчитывать на успѣхъ своихъ усилий предотвратить неизбежный союзъ Турціи съ Англіей принудивъ ее примкнуть къ Россіи, по той причинѣ что военныхъ силъ находящихся близъ Константинополя для этого недостаточно. Число Русскихъ войскъ находящихся между Адрианополемъ и обоими Проливами вычисляютъ де въ 60.000, а этого рѣшительно недостаточно чтобы забрать Турцію въ руки. Иное было бы дѣло, думаетъ корреспондентъ, еслибы Россія располагала въ этомъ мѣстѣ силой въ 200.000. Ему кажется что измѣнить это положеніе къ выгодѣ Россіи невозможно, и на этомъ онъ *основываетъ свою надежду что миръ будетъ сохраненъ.*

Мы не знаемъ насколько вѣрно сообщеніе корреспондента о численности войскъ коими мы располагаемъ подъ Константинополемъ, но думаемъ что не можетъ быть неодолимыхъ препятствій къ тому чтобы увеличить количество нашихъ войскъ до размѣровъ необходимыхъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія что разчеты на сохраненіе мира, основанные на

томъ что Россія не въ силахъ будетъ вовремя предупредить захватъ Проливовъ, слишкомъ поспѣшны. Мы напротивъ полагаемъ что миръ былъ бы всего вѣрнѣе обезпеченъ еслибы для Англіи не оставалось сомнѣнія что Россія имѣетъ возможность захватить Проливы. Во всѣхъ приведенныхъ сообщеніяхъ для насъ всего утѣшительнѣе то что на мѣстѣ, въ Константинополѣ, вопросъ объ *обоихъ* Проливахъ, не только о Босфорѣ, но и о Дарданеллахъ, считается открытымъ.

И не только въ Константинополѣ, но и въ Лондонѣ, на вопросъ о Проливахъ смотрятъ какъ на „острый“ вопросъ. И тамъ понимаютъ что времени терять нечего, и что дѣйствительное рѣшеніе будетъ въ рукахъ того въ чьихъ рукахъ будутъ Проливы. 10-го апрѣля тамъ собранъ былъ митингъ Союза для Охраненія Трактатовъ. На этомъ митингѣ ораторствовали самые ярые изъ ненавистниковъ Россіи, лорды Стретеденъ и Кампбелъ. Митингъ провозгласилъ Санъ-Стефанскій миръ „грубымъ нарушеніемъ правъ и интересовъ Европы,“ высказался за войну „въ союзѣ съ Турціей“ противъ Россіи если она не согласится на пересмотръ трактата. Но прежде всего митингъ, устами одного изъ ораторовъ, настойчиво рекомендовалъ немедленное вступленіе англійскаго флота въ Черное Море *какъ единственное средство къ сохраненію мира.*

Однако болѣе „умѣренные,“ судя по послѣднимъ телеграммамъ, нашли еще другой способъ сохраненія мира. Это воскресшій изъ мертвыхъ конгрессъ, съ предварительною къ нему конференціей, конгрессъ на столъ котораго будутъ выложены трактаты 1856 и 1871 года „для сличенія“ съ ними Санъ-Стефанскаго договора. Мысль о конгрессѣ подъ этимъ условіемъ была подана впервые газетою *Times* тотчасъ по обнародованіи промеморіи князя Горчакова сообщенной въ лондонскую газету по телеграфу. Органъ Сити подвергся рѣзкимъ осужденіямъ за то что поторопился напечатать эту промеморію въ экстренномъ прибавленіи и разослать его всѣмъ членамъ парламента въ день преній объ адресѣ королевѣ, въ отвѣтъ на посланіе о призывѣ резервовъ. За это усердіе и за примирительный тонъ въ которомъ органъ Лондонскаго Города обсуждалъ русскій циркуляръ, *Times* обозвали Русскимъ Агентствомъ.

Но если *Times* не заслужила одобренія

въ Лондонѣ, то тѣмъ усерднѣе высказанная ею мысль о конгрессѣ подъ сказаннымъ условіемъ была привѣтствована въ Берлинѣ. Здѣсь находятъ предложеніе *Tites* наиболѣе благоразумнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія. Но и берлинская печать отнюдь не надѣется чтобы конгрессъ привелъ къ какому-либо удовлетворительному и окончательному рѣшенію, и полагаетъ что этимъ путемъ вопросъ „загрязнеть.“ Вопреки мнѣнію высказанному два мѣсяца тому назадъ княземъ Бисмаркомъ, *Versumpfung* считается уже теперь въ Берлинѣ чѣмъ-то желательнымъ...

Въ то же время берлинская печать продолжаетъ усовѣщивать вѣнскихъ крикуновъ, доказывая имъ что Австріи нѣтъ никакой надобности „на стѣну лѣзть,“ имѣя возможность достигнуть, и вѣрнѣе достигнуть, того что ей нужно, не кидаясь въ рискованныя предпріятія, а принявъ то что ей предлагается добровольно; при этомъ, изъ словъ вѣнскаго корреспондента *Национальной Газеты*, мы узнаемъ будто Англія предложила Австріи тридцать милліоновъ ф. ст. на издержки мобилизаціи и затѣмъ ежемѣсячную субсидію въ милліонъ ф. ст. на все время войны между Австріей и Россіей. Но Австрія будто бы отклонила это предложеніе.

Берлинскіе совѣты въ Вѣнѣ повидимому подѣйствовали. Относительно же Англіи берлинская печать продолжаетъ настаивать что роль Берлинскаго кабинета, въ посредничествѣ между ею и Россіей, должна остаться „вполнѣ нейтральною.“

№ 92.

Москва, 8-го апрѣля.

Тягостно становится слѣдить за нашими дѣлами и внутри, и внѣ. Лучше бы не смотрѣть, и не говорить, но органъ печати не можетъ же не слѣдить за событіями, и обязанъ отзываться на нихъ.

Недавно иностранная печать тревожно заговорила о перемѣнахъ въ дипломатическомъ персоналѣ нашемъ, опасаясь какой-либо перемѣны и въ самомъ ходѣ нашей дипломатіи. Но тотчасъ же Европа была успокоена сообщеніями изъ Петербурга что все останется по старому и дѣла пойдутъ тѣмъ же путемъ и тѣмъ же темпомъ. Въ самомъ дѣлѣ, попрежнему безконечные тол-

ки о конгрессѣ, которому должна предшествовать предварительная конференція, а предварительной конференціи предварительные переговоры. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ, все явственнѣе обозначается что конгрессъ есть путь къ войнѣ или къ пораженію безъ войны. Требованія нашихъ противниковъ, или друзей, какъ угодно, высказались уже достаточно. Зачѣмъ же конгрессъ? Чтобы удовлетворить ихъ мы должны разорвать нашъ мирный трактатъ и отказаться отъ всѣхъ существенныхъ результатовъ нашей войны, и уступить все съ одной стороны въ пользу Австріи, съ другой—Англіи. Если такъ, то это можно сдѣлать безо всякихъ хлопотъ не ходя на конгрессъ. А коль скоро мы захотимъ отстаивать свои интересы, то послѣ конгресса это будетъ труднѣе чѣмъ теперь. „Честный маклеръ,“ который поклялся не дѣлать ни малѣйшаго шага безъ интереса для себя, не заинтересованъ и теперь какъ прежде нашими успѣхами на Востокѣ, и потому его посредничество состоитъ лишь въ томъ чтобы склонять нашихъ противниковъ къ принятію уступокъ на которыя онъ насъ уговариваетъ не ручаясь впрочемъ за мирный исходъ даже послѣ нашихъ крайнихъ уступокъ, за которыми у насъ ничего не осталось бы кромѣ горькаго чувства напрасно пролитой крови и потраченныхъ жертвъ.

Однимъ изъ главныхъ предварительныхъ условій для предварительныхъ переговоровъ о предварительной конференціи, долженствующей открыть намъ врата конгресса, полагается удаленіе нашихъ войскъ изъ Константинополя одновременно съ выходомъ Англійскаго флота изъ Мраморнаго моря. Что повидимому справедливѣе этого условія? Конгрессъ есть дѣло мирное, а близость въ какой оставались бы вооруженныя силы двухъ заинтересованныхъ державъ угрожала бы возможностью столкновенія. Спрашивается, однако, представляется ли возможность столкновенія если дѣла на конгрессѣ должны принять мирный оборотъ? А какъ скоро на конгрессѣ, что несомнѣнно, противорѣчіе интересовъ выразится рѣзко и непримиримо, то зачѣмъ же „предварительно“ удалимъ мы наши войска отъ Проливовъ? Неужели затѣмъ чтобы, въ неминувшемъ случаѣ столкновенія, Россія сдалась на все, либо очутилась въ самыхъ тяжкихъ для борьбы условіяхъ? Представьте себѣ что между Россіей и Ан-

№ 94.

Москва, 10-го апрѣля.

глей, которая не хочетъ знать ни о какихъ соглашеніяхъ, дѣйствительно произойдетъ столкновение. Англійскій флотъ изъ Безикской бухты быстро очутится у Константинополя и въ Черномъ Морѣ, если Турки, какъ надобно ожидать, будутъ не на нашей сторонѣ. Въ состояніи ли мы будемъ также скоро возвратить наши войска на ихъ нынѣшнія позиціи которыя уже будутъ заняты турецкими войсками и укрѣплены противъ насъ? Предварительно-предварительнымъ условіемъ поставляется намъ отказаться отъ единственной гарантіи которая могла бы обезпечить насъ отъ войны или поставить насъ въ выгодныя условія еслибы война все-таки прорвалась. Говорятъ будто мы имѣемъ еще возможность не только завладѣть Босфоромъ, но и занять Буланръ и Галлиполи. Еслибы мы дѣйствительно успѣли овладѣть этими позиціями, то съ нами заговорили бы иначе. Но это слишкомъ выгодно для Россіи, а потому мы и должны великодушно отказаться отъ нашего преимущества въ пользу нашего противника...

Мы будемъ оттѣснены отъ Проливовъ; на западѣ мы все уступимъ Австріи, въ Черномъ Морѣ будетъ господствовать непріятель, и положеніе наше въ Малой Азіи станетъ невозможнымъ. А между тѣмъ Турки, которые были обязаны еще при заключеніи перемирія очистить и сдать намъ выговоренныя крѣпости, не только не исполнили условія, но весьма безцеремонно говорятъ теперь что очистить означенныя крѣпости когда признаютъ за благо. Въ самомъ дѣлѣ, они обязались сдать крѣпости при заключеніи перемирія, но исполненіе этого обязательства отъ нихъ потребовано не было; потомъ былъ заключенъ мирный трактатъ, въ трактатѣ же не сказано когда именно Турки должны очистить Батумъ, Шумлу и Варну, а потому Турки теперь и не считаютъ себя обязанными очищать эти крѣпости въ опредѣленный срокъ, тѣмъ болѣе что и самый трактатъ 19 февраля съ каждымъ днемъ теряетъ въ ихъ глазахъ значеніе и силу. Зачѣмъ имъ въ самомъ дѣлѣ очищать крѣпости когда они приобрѣтаютъ увѣренность что онѣ могутъ остаться въ ихъ обладаніи?...

Да поможетъ намъ Богъ и въ домашнихъ дѣлахъ нашихъ и въ иностранныхъ; тѣ и другія, болѣе чѣмъ можетъ казаться для поверхностнаго взгляда, находятся между собою въ круговой поруки.

Берлинскія газеты предаются надеждамъ насчетъ соглашенія между Австріей и Россіей. Основаніе къ такому соглашенію, правда, еще не установлено. „Но“, замѣчаетъ *Національная Газета*, „признаки послѣднихъ дней указываютъ что въ Вѣнѣ убѣдились что стремленія Вѣнскаго и Петербургскаго кабинетовъ не противоположны, такъ что при доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ и при энергическомъ содѣйствіи посредника соглашеніе вполне возможно.“

Предварительная же конференція, мысль о которой, по сужденію тѣхъ же газетъ, принадлежитъ князу Бисмарку, послужитъ де главнымъ образомъ къ тому чтобы сдѣлались возможными „взаимныя“ уступки Англіи и Россіи по предмету будущихъ занятій конгресса. Рѣзкое противорѣчіе между Англіей и Россіей выражается такимъ образомъ: Англія *заявила* что она требуетъ представленія всего Санъ-Стефанскаго договора *конгрессу*; Россія же въ свою очередь *заявила* что она не согласна на представленіе всего трактата *конгрессу*. Съ той и другой стороны почти невозможно взять назадъ столь громогласно произнесенное слово. Но еслибъ Англія заявила теперь что она довольствуется тѣмъ чтобы трактатъ былъ представленъ предварительной конференціи, а Россія на это согласилась бы, тогда, по мнѣнію выше цитованной газеты, найденъ былъ бы средній путь который сдѣлалъ бы по крайней мѣрѣ возможнымъ *переговоры* по поводу трактата. Въ такой комбинаціи усматривается *взаимная (!)* уступка. Но и берлинская газета вовсе не полагаетъ чтобы этимъ путемъ достигнуто было что-нибудь существенное; подобно большинству европейской печати, она подозреваетъ что Англія вовсе не имѣетъ серіознаго желанія привести дѣло къ мирному соглашенію, и что „лордъ Беконсфильдъ дѣйствительно полагаетъ что настала давно предсказанная пора для рѣшительной борьбы между Англіей и Россіей“.

Изъ другихъ же источниковъ сообщаютъ что для осуществленія мысли князя Бисмарка о предварительной конференціи требуется не одна указанная выше теоретическая уступка, а нѣчто еще гораздо

болѣе существенное, — именно удаленіе русскихъ войскъ изъ-подъ стѣнъ Константинополя, причемъ англійскіе броненосцы выйдутъ изъ Мраморнаго Моря. Уступка и тутъ представляется „взаимною.“ Но войти англійскимъ броненосцамъ *обратно* въ Мраморное Море было бы дѣломъ легкимъ при согласіи Турціи, между тѣмъ какъ русскія войска, разъ отступивъ отъ занимаемой ими стратегической позиціи въ виду турецкой столицы, едва ли возвратятся на прежнія мѣста безъ новаго кровопролитія.

Возможно ли принять подобное условіе не заручившись по крайней мѣрѣ увѣренностью что англійскій флотъ не для вида только удалится изъ Мраморнаго Моря, и что Турція сумѣетъ и *пожелаетъ* матеріально воспротивиться возвращенію броненосцевъ чрезъ Дарданеллы?

Относительно этого вопроса имѣется немало указаній въ вѣстяхъ доходящихъ изъ Константинополя. Въ корреспонденціяхъ оттуда печатаемыхъ въ иностранныхъ газетахъ замѣтно *желаніе* представить дѣло такъ что будто бы многіе турецкіе государственные люди искренно склоняются въ пользу Россіи или по крайней мѣрѣ строгаго нейтралитета ея на случай войны между Россіей и Англійей. Такъ корреспондентъ *Политической Корреспонденции* передастъ въ письмѣ отъ 10 апрѣля что одинъ изъ турецкихъ сановниковъ, бесѣдуя въ интимномъ кругу о положеніи дѣлъ, высказалъ что по его мнѣнію Турція рано или поздно должна быть съѣдена, и весь вопросъ лишь въ томъ съ какою приправой, будетъ ли то „эль“ или „икра.“ Остроумный сановникъ высказался за „икру“: онъ принадлежитъ де къ той партіи которая полагаетъ что для Турціи въ настоящее время всего благоразумнѣе держаться спокойно и во всякомъ случаѣ, если ей суждено быть униженною, то все-таки ей лучше продолжать свое мирное существованіе подъ крыломъ Россіи. Султанъ, по увѣренію корреспондента, раздѣляетъ этотъ взглядъ. Но черезъ нѣсколько строкъ тотъ же корреспондентъ, какъ бы забывъ предыдущее, сообщаетъ что г. Леярду удалось поборотъ усилія русской дипломатіи и что „нынѣ англійское вліяніе совершенно господствуетъ въ Константинополѣ.“ „Если-бы даже султанъ и склоненъ былъ принять союзъ Россіи“, пишетъ далѣе корреспондентъ, „то несомнѣнно что огромное

„большинство Турецкаго народа и слышать „объ этомъ не хочетъ и что турецкіе генералы скорѣе сломаютъ свои сабли нежели согласятся сражаться за Россію и „на ея сторонѣ. Османъ-паша съ лихорадочною дѣятельностью работаетъ надъ „переустройствомъ турецкой арміи и „въ кругахъ близкихъ султану со времени энергическаго выступленія Англии громко говорятъ что Санъ-Стефанскій договоръ долженъ быть изрубленъ въ куски.“ Далѣе мы узнаемъ что численность турецкой арміи простирается уже нынѣ до 130.000, что близъ Скутари сооружаются обширные бараки подъ предлогомъ принятія въ нихъ бѣглецовъ (?) изъ Румелии, а въ дѣйствительности они предназначены для войскъ сосредоточиваемыхъ по близости столицы. Около 12.000 человекъ распределены эшелонами въ одиннадцать небольшихъ отрядахъ по укрѣпленнымъ лагерямъ находящимся на линіи отъ Маслака къ Буюкдере, „бдительно охраняя подступы къ послѣднему пункту и къ Босфору.“ Пиргосъ на Черномъ Морѣ назначается центральнымъ пунктомъ новой оборонительной линіи Константинополя, и даже въ Макрикюѣ, расположенномъ въ виду Санъ-Стефано, Турки возвели въ послѣднее время три новые редута, на которые „косо поглядываютъ“ русскіе офицеры.

Въ подтвержденіе и дополненіе къ этому корреспондентъ *Национальной Газеты* пишетъ изъ Константинополя, отъ 11 апрѣля, что военныя приготовленія Турокъ принимаютъ все болѣе и болѣе опредѣленную форму и видимо предназначаются къ тому „чтобы въ случаѣ надобности силой воспротивиться завладѣнію Русскими столицей и европейскимъ берегомъ Босфора.“ Съ этою цѣлью турецкія войска подъ командой Османъ-паши заняли весьма обширную позицію которая опирается лѣвымъ крыломъ на Макрикюю у Чернаго Моря, а оттуда черезъ казармы Даудъ-паши и Рамидъ-Чифликъ къ Буюкдере на Босфоръ составляющій ему правое крыло. Въ послѣднее время уже будто было приступлено къ укрѣпленію этой позиціи; но говорятъ что Русская Главная Квартира противъ этого протестовала. Корреспонденту неизвестно какой отвѣтъ дала на этотъ протестъ Порты.

Пока предварительная конференція будетъ заниматься „подготовленіемъ почвы“

для будущаго конгресса, почва подъ Константинополемъ, освобожденная отъ сосѣдства русскаго лагеря, будетъ въ свою очередь подготовлена какъ нельзя лучше. Англіійскій же флотъ съ неменьшими удобствами чѣмъ въ Измидѣ простоятъ все это время въ Безикѣ, чтобы по первому сигналу снова очутиться у обоихъ Проливовъ...

А между тѣмъ, не угодно ли послушать? Столь извѣстный намъ берлинскій корреспондентъ *Times*, въ письмѣ отъ 13 (1) апрѣля, пускается въ глубокомысленныя соображенія о настоящихъ затрудненіяхъ Россіи, и тономъ безпристрастнаго сожалѣнія разсуждаетъ о неосмотрительности съ какою русскіе государственные люди увлеклись искушеніемъ чтобы напасть на разореннаго Турка. Затѣмъ, разумѣется не безъ умысла, возобновляются прошлогодніе разказы будто война наша съ Турціей была дѣломъ субверсивной партіи въ нашемъ отечествѣ. Съ увѣренностью повторяетъ корреспондентъ что Россію увлекли въ войну „тѣ партіи въ Русскомъ правительствѣ (!) и народѣ которыя между прочимъ разчитывали и на поражение (!!)" какъ на одну изъ возможностей предпріятія.“ Но если прогрессисты ожидали изъ своихъ видовъ что война обнаружитъ административную немощь и испорченность, то соболѣзнующій о Россіи корреспондентъ *Times* тѣмъ болѣе удивляется близорукости руководящихъ лицъ которыя уступили давленію. Ибо что ихъ ожидаетъ? Поскольку вопросъ касается Россіи, возмездіе за совершившееся должно быть тѣмъ или другимъ образомъ понесено, говоритъ онъ. И вотъ онъ намъ предсказываетъ что „внѣшнія замѣшательства возникнутъ неизбежно раньше или позже, а внутреннія волненія приведутъ къ реформамъ для коихъ страна едва ли созрѣла.“ По этому онъ обращается съ увѣщаніемъ: „почему же не умалить вредныхъ послѣдствій скорѣйшимъ заключеніемъ мира?“ Какія бы уступки ни были сдѣланы другимъ державамъ, корреспондентъ обнадеживаетъ что все же правительство наше могло бы обезпечить себѣ достаточныя выгоды „чтобъ удержать внутреннія реформы въ должныхъ предѣлахъ,“ между тѣмъ какъ продолженіе войны, даже при побѣдѣ, можетъ привести къ истощенію и съ тѣмъ вмѣстѣ „къ періоду недовольства и преувеличенныхъ нововведеній.“

Замѣтимъ, когда былъ сдѣланъ этотъ

намекъ. Письмо берлинскаго корреспондента *Times*, писано 1-го апрѣля нашего стиля, слѣдовательно на другой день послѣ исхода дѣла Засуличъ и безобразныхъ сценъ его сопровождавшихъ, и когда телеграфъ уже разнесъ извѣстіе объ этомъ по всей Европѣ. И немедленно мы видимъ какъ наши враги спѣшатъ дисконтировать эти извѣстія въ свою пользу и обратно дѣйствовать ими на насъ же самихъ. Какъ внѣшніе ковы противъ насъ, такъ и всѣ печальныя проявленія направленные къ сѣянію смуты въ нашемъ обществѣ, работаютъ дружно въ одномъ и томъ же направленіи. Близорукость не тамъ гдѣ видятъ ее корреспондентъ *Times*...

№ 95.

Москва, 11-го апрѣля.

А.

Въ одной изъ московскихъ газетъ появилась на дняхъ статья подписанная „студентъ,“ но писанная, мы это хорошо знаемъ, вовсе не студентомъ.

Цѣль ея, какъ и другихъ подобныхъ выходовъ, кончая телеграммой Международнаго Агентства, возвѣстившею о негодованіи петербургскаго общества противъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, состоитъ въ томъ чтобы переложить на насъ отвѣтственность за печальное происшествіе 3 апрѣля.

Что жъ, надо повиниться! Все это сдѣлали наши агенты. Бравые люди! Они провѣдали прежде всѣхъ московскихъ жителей, чуть ли не прежде полиціи, что въ такой-то день и въ такой-то часъ прибѣдетъ поѣздъ со студентами высланными изъ Кіева по университетскому суду. Требовалось не мало хлопотъ чтобы собрать съ разныхъ сторонъ массу молодежи и подъ разными предлогами привлечь ее ко встрѣчѣ поѣзда. Мы не всю такимъ образомъ набранную армію выдвинули на станцію, что могло бы преждевременно слишкомъ встревожить полицію, а эшалоновали ее отрядами по переулкамъ откуда они постепенно дебушировали примыкая къ процессіи. Отдайте справедливость нашей ловкости въ устройствѣ демонстраціи, которая, конечно, не могла же быть внезапнымъ вдохновеніемъ осѣнившимъ въ одно мгновеніе

столько разных и въ разныхъ мѣстахъ живущихъ молодыхъ людей, большею частью и незнакомыхъ между собой. Многие изъ нихъ, повѣрьте, не имѣли никакихъ предосудительныхъ намѣреній и были пойманы на удочку добрыхъ юношескихъ увлеченій. Мы задумали и устроили демонстрацію (зачѣмъ—это наша тайна), которая нарушила общественное спокойствіе, и непременно должна была увѣнчаться какимъ нибудь столкновеніемъ. Разчетъ былъ вѣрный. Какъ долженъ былъ отнестись народъ къ нашей процессіи? Всякій естественно спрашивалъ: „Кого везутъ? Кому кричать *ура*?“ Нельзя же было говорить что везутъ героевъ изъ-подъ Плевны. Что могли сказать люди процессіи? По малой мѣрѣ то что приписано имъ въ официальной телеграммѣ *Правительственной Вѣстника*: „Везутъ людей пострадавшихъ за правду, которыхъ преслѣдуетъ правительство“. Допустимъ что сказано не больше, и повторяемъ вопросъ: какъ долженъ былъ отнестись народъ къ этой необыкновенной въ Москвѣ демонстраціи противъ правительства? Кричать *ура* людямъ которыхъ ему выдавали за противниковъ правительства? Очевидны разказываютъ что процессія сбивала шапки съ головъ у встрѣчныхъ. Вчера, въ одной московской газетѣ, сообщали что въ народъ изъ процессіи бросали деньги. Не ожидалось ли что народъ въ самомъ дѣлѣ присоединится къ процессіи и пожалуй разгонитъ конвойныхъ солдатъ, разобьетъ экипажи и высвободитъ героевъ? Нѣтъ, распорядители подобнаго эффекта не ожидали. Развѣ самые неопытные и самые незрѣлые изъ молодыхъ фигурантовъ процессіи могли на это разчитывать. Распорядители же ни на что другое не могли разчитывать какъ на столкновение молодежи либо съ народомъ, либо съ полиціей, а быть можетъ и съ войсками. Имъ нуженъ былъ уличный скандалъ, во всякомъ случаѣ на счетъ этихъ бѣдныхъ, обманутыхъ ими молодыхъ людей... Никто въ Москвѣ никогда не слыхивалъ чтобы мясники, или зеленщики, или какой бы то ни было классъ народа, питали ненависть къ студентамъ, и нападали на молодыхъ людей проходящихъ съ книгами подъ мышкой по улицамъ. Правда, очень давно, не на памяти нынѣшнихъ студентовъ, былъ случай. Это было въ 1862 году, вскорѣ послѣ отмены крѣпостнаго права и наканунѣ польскаго мятежа.

Польскіе студенты успѣли устроить въ мирной еще тогда средѣ нашей учащейся молодежи демонстрацію, которая привела къ печальному для многихъ молодыхъ людей столкновенію ихъ съ народомъ или, какъ теперь говорится, съ „чернюю.“ (Мы въ эту минуту въ высокомъ аристократическомъ стихѣ, и говоримъ не иначе о простомъ народѣ какъ съ презрѣніемъ) Помнимъ и еще случай, очень недавній, бывшій не въ Москвѣ. Въ началѣ прошлаго года, когда весь Русскій народъ, пламенѣя всѣхъ соединявшимъ одушевленіемъ, поднимался на борьбу, ватага обоюдо людей забралась въ Казанскій соборъ, оскорбила молящихся непристойнымъ поведеніемъ и затѣяла потомъ задорную демонстрацію на площади. Народъ, какъ пзвѣстно, избилъ этихъ господъ и въ томъ числѣ того самого Боголюбова о которомъ было такъ много рѣчи въ процессѣ Засуличъ, такъ что онъ дважды подвергался непріятностямъ тѣлесной расправы и до суда, и послѣ суда. За то, мы помнимъ и другого рода давній случай, когда за студентами восторженно слѣдовали толпы народа. Это было въ Москвѣ въ 1866 году, тотчасъ послѣ покушенія 4 апрѣля. Молодые люди, сопровождаемые народными массами и сливаясь съ ними, ходили по улицамъ и пѣли *Боже, Царя храни*. Старый энтузіастъ, музыкантъ Оле-Буль, бывшій тогда въ Москвѣ, присоединился къ процессіи и дирижировалъ пѣніе молодыхъ людей: старикъ плакалъ отъ умиленія, разказывая объ энтузіазмѣ слывшемъ молодыхъ людей науки съ простымъ народомъ...

Въ побойщѣ 3 апрѣля у Охотнаго ряда, говорятъ, обнаружилось будто бы особое раздраженіе „черни.“ Отчего же это? Не случилось ли около того времени чего нибудь особеннаго? Случилось: За три дня, 31 марта въ Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось знаменитое отнынѣ дѣло Вѣры Засуличъ. 1 апрѣля, телеграмма извѣстила всѣхъ московскихъ жителей объ энтузіазмѣ съ какимъ чествовалось и провозносилось, какъ святой подвигъ, преднамѣренное и не безуспѣшное покушеніе на убійство, и о послѣдовавшихъ затѣмъ уличныхъ спенахъ съ выстрѣлами и кровію. А на другой день прибылъ въ Москву весь сумашедшій домъ Петербургской печати... Какъ же думаете вы должно было отозваться все это въ простыхъ лю-

дахъ, и во всякомъ кто не находился въ секретѣ этихъ возмутительныхъ вакханалій? Въ наше время всѣ читають газеты, и мясники, и извозчики... Вездѣ были объ этомъ толки, всѣ были раздражены и взволнованы криками долетавшими съ Невы. И вотъ, когда въ Москвѣ всѣ классы жителей находились подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ извѣстій о необыкновенномъ происшествіи въ Петербургѣ, вдругъ какъ бы еѣ продолженіемъ явилась эта процессія на улицахъ въ честь преслѣдуемыхъ правительствомъ лицъ, — процессія многолюдная и шумная; неизвѣстно что замышлявшая. Малѣйшій поводъ, — и столкновение между народомъ и такъ безсовѣстно обманутыми молодыми людьми было неизбежно... Вотъ вамъ и отвѣтъ на петербургскій скандалъ.

Вожаки не ограничились этимъ результатомъ; они домогались большаго, имъ хотѣлось воспользоваться случившимся чтобы взволновать университетскую молодежь. Посредствомъ газетъ и другими способами, они принялись увѣрять студентовъ что народъ возбужденъ противъ нихъ просто какъ противъ студентовъ, что въ этомъ виноваты *Московскія Вѣдомости*, и что каждому изъ нихъ угрожаетъ опасность. Распространялись слухи что народъ въ такомъ-то мѣстѣ избилъ до полусмерти какого-то студента, разказывались факты съ подробностями, съ указаніемъ мѣста, съ разными приправами. Но по справкамъ не оказалось ни малѣйшаго случая хотя бы отдаленно похожаго на эти разказы.

На университетскій дворъ набирались толпы постороннихъ людей обоого пола; которые примѣшивались къ студентамъ и возбуждали ихъ къ дѣйствіямъ. Но большинство университетской молодежи блистательно выдержало испытаніе. Несмотря на всѣ возбужденія, и тайныя и явныя, оно не поддавалось обману, и дало ему энергическій отпоръ. Агитаторамъ не удалось вызвать никакихъ демонстрацій. Нынѣшніе университетскіе студенты, по крайней мѣрѣ огромное большинство ихъ, дѣйствительно показали себя выше обмановъ. Поджигатели ошиблись въ нынѣшнихъ студентахъ, судя о нихъ по воспоминанію о своихъ собственныхъ университетскихъ годахъ.

Б.

Петербургскій судебный скандалъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе не въ

одной Москвѣ, но и во всемъ мірѣ. Онъ и произвелъ впечатлѣніе.

Разказывая, на основаніи петербургской печати и цитуя ея безобразныя выходки, вотъ въ какомъ видѣ представилось наше отечество въ Европѣ, съ которою мы сводимъ теперь счеты. „Во Франціи,“ говоритъ берлинская *Национальная Газета*, „бывало въ іюльскую монархію, и также предъ 1789 годомъ, что суды освобождали политическихъ преступниковъ изъ политическаго сочувствія. Такія явленія были обыкновенно предвѣстниками большихъ переворотовъ въ государственной жизни страны. Если все взвѣсить, если сообразить какъ кровавая расправа съ однимъ изъ высшихъ служителей государства, довѣреннымъ лицомъ Царя, какой бы ни подалъ онъ поводъ къ мести, была торжественно оправдана, при единодушномъ одобреніи присяжныхъ, сенаторовъ, женщинъ, государственнаго канцлера и студентовъ, министровъ и черни (такъ петербургскія газеты представили дѣло), то съ изумленіемъ спрашиваешь себя: существуетъ ли вчерашнее государственное зданіе? Весь народъ, говорятъ, взялъ въ свои руки наказаніе высшаго государственнаго сановника, совершилъ эту кару вердиктомъ 12 апрѣля (31 марта), объявилъ громогласно каждому желающему слышать что правительство это есть не возможное, — а государство едва осмѣливается дать предостереженіе нѣкоторымъ газетамъ и остается безсильнымъ предъ голосомъ народа. Рѣшится ли оно вступить въ борьбу...“ Какіе то еще новыя ожидаютъ насъ сюрпризы.“

Вотъ что пишутъ въ *Кельнской Газетѣ*:

„Среди все воздвигающихся затрудненій въ Восточныхъ дѣлахъ, Россія становится театромъ внутренней борьбы, важность которой едва ли уступаетъ событіямъ которыя грозятъ вызвать новую европейскую войну. Всюду, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, велико было изумленіе при вѣсти объ оправданіи 12 апрѣля той женщины которая 5 февраля покусилась умертвить петербургскаго градоначальника, довѣренное лицо Царя. Изумленіе это весьма справедливо, но оно основывается въ Европѣ на соображеніяхъ далеко не обнимающихъ того значенія какое имѣетъ все происшествіе. Этотъ приговоръ суда, отъ 12-апрѣля (31 марта),

имѣть чрезвычайно важное политическое значеніе.“

Разказывается далѣе сущность процесса, указывается на прокуратуру прибѣгающую вмѣсто обвиненія къ извиненіямъ, на реву (Gebrüll) галлерей, и затѣмъ:

„Стоимъ ли мы уже въ развалившемся государствѣ или предъ его паденіемъ? Какое заключеніе приходится разъ за разомъ дѣлать изъ этихъ случаевъ какъ не заключеніе о глубокомъ варварствѣ Россіи и Русскаго народа, на который учрежденія Запада дѣйствуютъ какъ культура на дикихъ. Такою галлереей и ея одобреніемъ руководима теперь масса которая въ теченіе полутора года пережила два открытія возмущенія и три раза предъ лицомъ суда слышала защиту ученія проповѣдующаго что все что составляетъ настоящее государство должно исчезнуть съ лица земли. И все это въ то время когда государство находится наканунѣ борьбы. Вотъ признакъ крайняго упадка. Государство, выходя обезсиленнымъ изъ турецкой войны, находитъ дома общество которое разбѣдено сверху до низу элементомъ отрицанія. Художникъ и дворянинъ, только что выпущенный воспитанникъ высшаго училища и купецъ, почетный гражданинъ и прежде всего самъ государственный чиновникъ, титулярный совѣтникъ, надворный совѣтникъ (составъ присяжныхъ), всѣ они видятъ руку поднявшуюся не только противъ одного лица, но противъ самого государства, и всѣ они режутъ свое: *Не виновна*, вмѣстѣ съ галлереей. И этотъ приговоръ прозвучитъ по всей Россіи. Въ восторгъ услышать его товарищи Вѣры Засуличъ, и тысячи будутъ обращены къ ихъ револьвернымъ замысламъ (Revolverpläne) этимъ приговоромъ. Если Вѣра Засуличъ снова появится на свѣтѣ, она будетъ верховною жрицей нигилизма и революціи; а не появится, такъ будетъ мученицей революціи, жертвой тираніи. Въ исторіи русской революціи Вѣра Засуличъ приобрѣла великое имя.“

Кельнская Газета (приводя между прочимъ цитаты изъ *Русскаго Мира* и *Голоса*) приходитъ къ слѣдующему выводу:

„Мы, конечно, сожалѣемъ и проклинаямъ поступки и дѣйствія (Thun und Treiben) русскихъ нигилистовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, въ особенности когда они доходятъ до того что желаютъ исправить міръ убійствами... Но если Русское пра-

вительство хочетъ господствовать надъ внутреннимъ броженіемъ, то всѣ причины побуждаютъ его заключить миръ. Если оно допустить до войны съ Англіей, то во всякомъ случаѣ предстоятъ новыя страданія, жертвы и лишенія, и никто не можетъ сказать куда можетъ привести внутреннее недовольство.“

Вотъ въ какомъ видѣ вдругъ представилась Россія въ Европѣ. Это ошибка; ничего общаго съ Русскимъ народомъ этотъ возмутительный и нелѣпый случай не имѣетъ, но эта ошибка кому служить въ пользу? Бараны петербургской печати, вчерашніе патріоты, сослужили хорошую службу Россіи въ эти трудныя для нея минуты...

№ 96.

Москва, 12-го апрѣля.

Вѣсти и слухи послѣднихъ дней противорѣчивы и измѣнчивы какъ апрѣльская погода на нашемъ сѣверѣ. Темныя тучи и яркое солнце, снѣгъ и дождь смѣняють другъ друга въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Со словъ *Политической Корреспонденціи*, мы сообщали вчера о дѣятельныхъ приготовленіяхъ въ русскомъ лагерѣ подъ Константинополемъ чтобы насъ не накрыли врасплохъ. „Въ высшихъ военныхъ русскихъ кругахъ,“ сказано въ *Корреспонденціи*, „во все не скрываютъ что готовятся къ дальнѣйшей, предстоящей въ скоромъ времени, войнѣ. Третьяго дня была отправлена (изъ Адрианополя) одна пѣхотная дивизія въ подкрѣпленіе стоящихъ близъ Булаира войскъ. Этихъ войскъ врядъ ли менѣе 35.000 и эту силу считаютъ достаточною для занятія, въ случаѣ надобности, силой Галлиполи. Въ Русской Главной Квартирѣ зорко слѣдятъ чтобъ Англичанамъ не удалось *нечаянно* занять Галлиполи ранѣе Русскихъ. Приняты всѣ мѣры чтобы въ каждый моментъ предупредить Англичанъ.“ Отсюда слѣдуетъ что вопреки извѣстіямъ противоположнаго свойства, занятіе Дарданеллъ съ суши все еще будто бы есть открытый вопросъ. А между тѣмъ вчера же телеграфъ передалъ намъ изъ двухъ источниковъ извѣстія объ усиліяхъ дипломатіи къ противоположной цѣли, именно къ тому чтобы русскія войска лишены были возможности предупредить захватъ Дарданелльскаго пролива съ суши. Вѣнская

Montagsrevue сообщаетъ что Англія *согласилась* удалить, одновременно съ русскими войсками, свой флотъ изъ сосѣдства съ Константинополемъ; но отъ Дарданеллъ Англія не желаетъ де отвести своихъ судовъ. Такъ гласитъ вѣнская офиціозная газета. Агентство же Рейтера сообщаетъ изъ Константинополя что Англія готова отвести свой флотъ даже въ Безикскую бухту, лишь бы русскія войска отступили къ Адрианополю. Такимъ образомъ выходитъ что въ то время какъ съ военной точки зрѣнія признается необходимымъ двигать русскія войска изъ Адрианополя къ Мраморному Морю и Проливамъ, дипломатія направляетъ свои усилія къ тому чтобы дать этому движенію обратное направление. Со словъ петербургскаго корреспондента *Times* (получающаго свои свѣдѣнія изъ нашихъ дипломатическихъ сферъ) мы узнаемъ что переговоры о взаимномъ удаленіи русскихъ и англійскихъ силъ изъ сосѣдства Константинополя, „хотя и не привели еще къ результату,“ но продолжаются въ „дружескомъ духѣ.“ Затрудненія встрѣчаемыя при этихъ переговорахъ представляются „техническими,“ требующими на мѣстѣ совѣтовъ специалистовъ. Но специалисты, — если только нужно быть специалистомъ чтобы понять столь простую задачу, — уже высказались по этому предмету; надо спѣшить овладѣть Проливами прежде Англичанъ; надо спѣшить этимъ по крайней мѣрѣ тамъ гдѣ это возможно. Англичане имѣютъ возможность приблизиться къ Проливамъ съ моря въ нѣсколько часовъ; хотя бы и изъ Безикской бухты. Стало бы и русскія войска не могутъ удалиться отъ нихъ на разстояніе превышающее немного часовъ пути. Тѣмъ не менѣе намъ говорятъ что соглашеніе въ силу коего русскія войска должны будутъ отойти до Адрианополя считается вѣроятнымъ, и что дипломатія придумала средство согласить несогласное; оно заключается въ гарантіи со стороны Порты что она, „въ случаѣ неудачи дальнѣйшихъ переговоровъ, не поставитъ никакого препятствія къ восстановленію *status quo*.“ Въ случаѣ разрыва между Англіей и Россіей, Турки не будутъ де противиться тому чтобы русскія войска снова заняли тѣ позиціи которыя они занимаютъ теперь. Въ этомъ Турція намъ побойится. Но Турки разумѣется отвѣчаютъ только за себя; за то же что предпримутъ Англичане въ то время

какъ русскія войска будутъ „безпрепятственно“ совершать свой обратный путь къ прежнимъ позиціямъ Турки конечно не отвѣчаютъ. А можно ли разчитывать по крайней мѣрѣ на то что Турки, въ случаѣ разрыва между Россіей и Англіей, не пустятъ англійскаго флота обратно въ Проливы и воспротивятся занятію англійскимъ десантомъ фортовъ охраняющихъ Проливы? Нѣтъ, этого не ожидаютъ. Никто не сомнѣвается въ томъ куда склоняется Турція. „Россія,“ замѣчаетъ петербургскій корреспондентъ *Times*, въ той же телеграммѣ отъ 22 апрѣля, „убѣждена что Порты, въ случаѣ взрыва непріятельскихъ дѣйствій, станетъ не на сторону Россіи.“ *Поэтому...* вы ждете конечно что поэтому и самое соглашеніе о „взаимномъ отступленіи“ представляется химерой. Ошибаетесь. Поэтому, если вѣрить все тому же сообщенію петербургскаго корреспондента изъ петербургскихъ дипломатическихъ сферъ, „Россія вѣроятно въ этомъ пунктѣ будетъ *сильно* настаивать,“ то есть въ томъ чтобы Порты дала вышесказанную гарантію. Отказываемся вѣрить этому; однако вопросъ о демаркаціонной линіи красуется въ извѣстіяхъ передаваемыхъ изо всѣхъ источниковъ. Вчера о ней была рѣчь въ телеграммахъ изъ Вѣны, Лондона и Петербурга. О томъ же намъ телеграфируетъ нашъ берлинскій корреспондентъ, а вчера то же извѣстіе еще болѣе положительнымъ образомъ передано изъ Парижа въ телеграммѣ офиціознаго *Агентства Гаваса*, которое сообщаетъ что въ переговорахъ объ этомъ предметѣ и о предварительной конференціи принимали будто бы дѣятельное участіе представители Германіи. Последнее обстоятельство отчасти подтверждается и офиціозною *Agence Générale Russe*, которая съ таинственнымъ видомъ сообщаетъ что переговоры продолжаются де „самымъ конфиденціальнымъ образомъ“ и что „можно надѣяться и ожидать что могущественное вліяніе Германіи не окажется тщетнымъ.“

Въ виду всего этого забавно читать горячія нападки вѣнскихъ непримиримыхъ органовъ на князя Бисмарка за то что онъ будто бы склоняетъ вѣсы своего „честнаго маклерства“ въ пользу... Россіи.

Между тѣмъ вотъ что происходитъ на берегахъ Босфора, по животрепещущимъ извѣстіямъ изъ сейчасъ только полученной

Политической Корреспонденции. Последнее посѣщеніе Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ турецкихъ укрѣплений, на линіи отъ Маслака до Буюкдере, уже имѣло серіозное значеніе, которое стало всѣмъ извѣстно лишь позднѣе. Еще за десять дней предъ тѣмъ Великій Князь предпринималъ рекогносцировку этой линіи, причемъ одинъ высшій офицеръ изъ его свиты воспользовался случаемъ чтобы снять планъ турецкихъ укрѣплений. Хотя они и состояли большею частию изъ рововъ, траншей и редутовъ, но все указывало что расположеніе турецкихъ укрѣплений имѣетъ цѣлью дать сильный отпоръ Русскимъ если они попытаются силою овладѣть берегами Босфора. Всѣ турецкія работы производились по почину г. Леярда который косвенно объявилъ Туркамъ что въ случаѣ русскаго нападенія они поддержали по крайней мѣрѣ пять-шесть дней Русскихъ предъ Константинополемъ, чтобы дать время прибыть англійскому корпусу. Наше военное начальство, повидимому зорко слѣдитъ, за Турками и, будь оно поддержано твердою политикой, вѣрнѣе разрѣшило бы Гордіевъ узелъ настоящаго невыносимаго положенія. „Турецкія укрѣпленія,“ продолжаетъ далѣе письмо *Политической Корреспонденции*, „показались достаточно серіозными русскому генеральному штабу и побудили Великаго Князя предъявить требованіе чтобы работы по укрѣпленіямъ немедленно были прекращены. Это было заявлено въ нотѣ Великаго Князя къ Сафветъ-пашѣ, причемъ указывалось на вызывающій характеръ укрѣплений и угрожало что если работы не будутъ пріостановлены, то Русскіе займутъ Константинополь. Русская нота не преминула произвести свое дѣйствіе. Послѣ совѣщанія султана съ Ахмедъ-Вефикомъ было рѣшено повиноваться волѣ побѣдителя. Мегемедъ-Али-пашѣ подначальствомъ котораго состоятъ войска производящія работы, было султаномъ лично приказано пріостановить ихъ. Великій Князь былъ извѣщенъ объ этомъ, но это не уменьшило его недовѣрія. Онъ снова посѣтилъ Маслакъ съ 50 офицерами въ свитѣ и съ 200 казаковъ, причемъ Мегемедъ-Али во главѣ турецкаго баталіона отдалъ ему честь. Великій Князь осмотрѣлъ всю линію Буюкдере и предъявилъ желаніе, имѣвшее впрочемъ болѣе характеръ приказанія, чтобы работы по укрѣпленіямъ были рѣши-

тельно остановлены; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ Мегемеду-Али что ежедневно будетъ наряжаться русскій офицеръ генеральнаго штаба для надзора за точнымъ исполненіемъ изъявленнаго Великимъ Княземъ желанія.“

Но вотъ изъ Вѣны телеграмма, которая сообщаетъ извѣстіе той же *Политической Корреспонденции*, отъ 22 (10) апрѣля, что Турки старательно принялись снова за работы надъ своими укрѣпленіями, а изъ того же листка узнаемъ что это рѣшеніе принято еще 20 (8) числа. Изъ горькаго опыта Плевны мы знаемъ что значить каждый часъ турецкой работы надъ укрѣпленіями. А между тѣмъ часто повторяемая и остающаяся безъ исполненія угроза можетъ стать предметомъ насмѣшки? Занятіе Константинополя и Босфора было указано державамъ до войны какъ возможная случайность военныхъ дѣйствій. Если Турки въ своемъ упованіи на *европейскій* конгрессъ медлятъ исполненіемъ своихъ обязательствъ и до сихъ поръ не очистили ни Варны, ни Батума, не должны ли мы наконецъ заручиться залогомъ — и занять Константинополь?...

№ 97.

Москва, 13-го апрѣля.

Вотъ новое обстоятельство которое не можетъ не имѣть вліянія на дальнѣйшій ходъ Восточнаго вопроса: Австро-Венгерская монархія переживаетъ теперь серіозный кризисъ. Отношенія между обѣими половинами ея запутываются все болѣе, внутреннія противорѣчія ея существованія все болѣе озлобляются. Венгрія рѣшительно бьетъ на разрывъ съ Австрійскою половиной имперіи. Бисмарковъ планъ продвинуть Австрію на Востокъ терпитъ крушеніе въ ту самую минуту когда обстоятельства благоприятствовали его успѣху. Цислейтанская половина Габсбургской имперіи повидимому уже готова была вступить въ соглашеніе съ Россіей, какъ Венгрія вдругъ собрала всѣ свои силы для противодѣйствія; всѣ мадьярскія партіи слились въ одно рѣшительное и энергическое сопротивление и ополчились противъ германскаго плана. Такъ-называемый тройственный союзъ затѣмъ и былъ сочиненъ руководителемъ германской политики чтобы на русскихъ плечахъ двинуть Австрію на Бал-

канскій полуостровъ. Англійская политика въ свою очередь изъ всѣхъ силъ старается разстроить всякое возможное между Россіей и Австріей соглашеніе, въ чемъ она и находитъ себѣ усердныхъ пособниковъ и союзниковъ. Еслибы Мадыарамъ удалось воспрепятствовать соглашенію Австріи съ Россіей, то австрійскіе интересы, о которыхъ такъ много толкуютъ англійскіе политики, утратили бы для нихъ всякое значеніе. Тогда князю Бисмарку пришлось бы искать другаго пути для достиженія своихъ цѣлей. И намъ кажется что при настоящихъ обстоятельствахъ германская политика могла бы избрать путь болѣе соответствующій ея интересамъ и прямѣе ведущій къ ея цѣлямъ, еслибы она нашла возможнымъ войти въ ближайшее и серьезное соглашеніе съ Россіей, помимо Австріи...

Всѣ партіи въ Пештскомъ парламентѣ сошлись на томъ чтобы требовать разрыва финансовой связи между Венгріей, и Австріей устремить Габсбургскую монархію въ войну. Соединенная оппозиція Венгрии не довольствуется тѣмъ что рекомендуетъ союзъ съ Англіей „но желаетъ также чтобы правительство купило и поддержку Франціи, предоставивъ маршалу Макъ-Магоду *carte blanche* на Рейнѣ,“ пишетъ берлинскій корреспондентъ *Times*, очень встревоженный оборотомъ какой дѣла принимаютъ въ Австро-Венгрии, и предостерегаетъ Мадыаръ: „Легкомысленно замышляя анти-германское предпріятіе, храбрые Мадыары играютъ съ огнемъ.“ Тонъ этого предостереженія производитъ впечатлѣніе угрозы, но мы не желаемъ допытываться какою заботой руководится берлинской корреспондентъ увѣщевая Мадыаръ „не играть съ огнемъ,“ заботой ли объ англійскихъ или австрійскихъ, или же объ интересахъ Германіи. Но вотъ моментъ когда наша политика могла бы поправиться и воротить упущенное. Нельзя вести большія дѣла божь всякаго плана и разчета. Всегда при серьезныхъ обстоятельствахъ очутимся мы изолированными если у насъ не будетъ союзовъ основанныхъ на реальныхъ интересахъ. Предвидится моментъ, когда, говоря словами князя Бисмарка, Германія можетъ стать прямо заинтересованною въ восточныхъ дѣлахъ...

Въ *Pall Mall Gazette* появилось письмо за подписью буквы *K*, очевидно писанное Венгерцемъ, быть-можетъ Кляпкой. Это самое ожесточенное изобличеніе политики

Андраши, сильнѣйшій протестъ противъ всякой сдѣлки съ Россіей, хотя бы самой выгодной, хотя бы цѣною пріобрѣтенія половины Балканскаго полуострова въ Эгейскомъ морѣ. Единственная истинная политика для Австріи, по мнѣнію автора письма, безусловный отпоръ Россіи въ ея союзъ съ Англіей.

Замѣтимъ, между прочимъ, что воинственный задоръ Мадыаръ особенно рѣзко обнаружился послѣ выхода лорда Дарби въ отставку и послѣ того какъ циркуляръ Салсбери и рѣчь Беконсфильда вызвали въ Пештскомъ парламентѣ бурное единодушное *эменз Англии*. Старый Кляпка на дняхъ ѣздилъ изъ Лондона въ Парижъ и оттуда въ Вѣну, какъ говорятъ для передачи графу Андраши слышаннаго имъ отъ лорда Беконсфильда.

По странному совпаденію, одновременно съ появленіемъ въ Пештѣ анти-германской воинственной партіи, въ Вѣнѣ вновь приняты на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ нѣсколько извѣстныхъ ненавистныхъ Пруссіи лицъ. А въ Парижѣ принцъ Наполеонъ (Жеромъ) и герцогъ Граммонъ, бывший министръ Наполеона III, подъ псевдонимомъ *Andreas Memor* печатаютъ интересныя историческія революціи. Оказывается что въ 1870 году союзъ между Франціей, Италіей и Австріей противъ Германіи былъ уже заключенъ и только не подписанъ благодаря императору Наполеону III который никакъ не соглашался уступить Италіи Римъ, но что тѣмъ не менѣе переговоры были близки къ концу и что графъ Вимеркати ѣздилъ въ Мечъ съ проектомъ трактата, когда первыя пораженія Французовъ остановили все дѣло. Хотя все это и случилось девять лѣтъ тому назадъ, но влѣдствіе этихъ раскрытій, нынѣшнія выходки въ Пештѣ возбуждаютъ тѣмъ большую досаду и беспокойство въ Берлинѣ.

Наконецъ, прибавимъ, не малое любопытство было повсюду возбуждено неожиданнымъ появленіемъ въ Вѣнѣ г. Гамбетты, послѣ того какъ поѣздку его тщательно укрывали всѣ французскія газеты, а теперь, когда она огласилась, стараются увѣрить что она не имѣетъ никакого политическаго значенія.

Все свидѣтельствуетъ что бы наканунѣ важнаго поворота въ европейскихъ дѣлахъ. Дай Богъ чтобы съ нашей стороны оказалось достаточно и государственной муд-

рости, и характера, и умѣнья воспользо-
ваться обстоятельствами...

№ 98.

Москва, 19-го апрѣля.

Мы близимся къ развязкѣ. Она неизбежна, и заботы о приисканіи какихъ-то формулъ, забавляющихъ дипломатовъ *de la haute école*, не отвратятъ ея. Наши противники, въ расчетѣ на наше слабодушіе, все насъ запугивали и наконецъ зарвались слишкомъ далеко. Отвратительнымъ фарисействомъ и систематическою ложью вожаки англійской политики дѣйствительно воспламенили мнѣніе массъ въ Англіи, болѣе невѣжественныхъ тамъ чѣмъ гдѣ-либо. Скрывать этотъ фактъ бесполезно. Разгарающійся все сильнѣе задоръ Англичанъ съ каждымъ днемъ очевиденъ. Стоитъ бросить взглядъ въ любую англійскую газету, не въ редакціонный отдѣлъ статей и корреспонденцій гдѣ мы заранѣе можемъ знать что найдемъ, а въ письма къ издателю. Голоса людей правдивыхъ и безпристрастныхъ слышатся все рѣже, а все громче и чаще раздаются голоса фанатиковъ, фарисеевъ и безумныхъ невѣждъ. Въ одной изъ министерскихъ газетъ сегодня мы съ глубокимъ омерзѣніемъ прочли письмо за подписью „либералъ и нонконформистъ“, авторъ коего, именующій себя христіаниномъ, заявляетъ что, въ его глазахъ, „мусульманинъ ближе къ идеалу истиннаго христіанина чѣмъ суевѣрный русскій крестьянинъ чтущій святыхъ...“ Когда страсти распалены до такой степени, поздно думать чтобъ англійскимъ министрамъ возможно было отступленіе.

Мы не ставимъ вопроса: возможно ли оно намъ. Это было бы все равно что разсуждать о возможности раздѣлать дѣла послѣднихъ двухъ лѣтъ. Можемъ ли мы сдѣлать не бывшую войну которую мы вели противъ Турціи и пролитую кровь не пролитую и жертвы принесенныя Россіей не принесенными? Можемъ ли воскресить столькихъ павшихъ братьевъ нашихъ, положившихъ животъ за святое дѣло и честь родины? Можемъ ли сдѣлать чтобы результаты ихъ самопожертвованія были пріятны Англичанамъ.

Мы теперь ближе къ новой войнѣ чѣмъ были въ то время когда наши войска, разгромивъ послѣднія полчища непріятели,

быстро двигались къ турецкой столицѣ. Англія была застигнута врасплохъ блестящихъ нашихъ успѣховъ, и тогда мы могли легко обезпечить себя отъ новой войны. Но мы предпочли путь уступокъ, и вотъ мы накануне новой войны. Чѣмъ далѣе еще захотѣли бы мы идти тѣмъ же путемъ, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе придемъ къ войнѣ, и тѣмъ тяжелѣе она будетъ для насъ.

Два года тому назадъ мы первые заговорили о крейсерствѣ. Тогда мы подняли противъ себя бурю гуманнаго негодованія петербургской работы. Въ печати посыпались на насъ и неофіціальныя, и офіціальныя упреки. Но вотъ близость опасности дала верхъ логикѣ необходимости. Самозащита заставила серьезно подумать о наступательномъ оружьи, и вопросъ о крейсерствѣ теперь à l'ordre du jour. Доказывать наше право пользоваться этимъ орудіемъ непристойно: это не утверждало бы, а только ослабляло бы наше право. Особенно нелѣпо въ этомъ случаѣ справляться съ книжками. Развѣ кто нуждается въ демонстраціи фізіологическихъ процессовъ для доказательства своего права ѣсть или пить? Точно также смѣшно доказывать право государства пользоваться орудіемъ самообороны. Въмѣсто пустыхъ разсужденій, слѣдуетъ позаботиться чтобы русское крейсерство явилось дѣйствительною грозой. Нечего терять время въ раздумьѣ о различіи между словами крейсеръ, каперъ и т. п. Нерѣшительностью и полумѣрами мы отвратимъ отъ себя тѣхъ кто былъ бы не прочь дѣйствовать съ нами заодно и только выставимъ себя на посмѣяніе. Нѣсколько крейсеровъ сооруженныхъ нами за дорогую цѣну вызовутъ только насмѣшливую улыбку у нашихъ противниковъ; но иное почувствуетъ вся Англія когда мы, не заботясь что скажутъ въ газетахъ, вышлемъ въ океаны стаи быстрыхъ пароходовъ.

Вслѣдъ за симъ помѣщаемъ мы замѣчательную статью о крейсерской войнѣ, писанную лицомъ специально знакомымъ какъ съ морскимъ дѣломъ, такъ и со всѣми подробностями трактуемаго имъ вопроса. Въ ней основательно разъясняется какъ именно намъ слѣдуетъ пользоваться крейсерствомъ чтобы привести въ страхъ Англію.

Кстати, сегодня получаемъ мы добрыя телеграммы изъ Нью-Йорка. Прибытіе въ Соединенные Штаты шестисотъ нашихъ моряковъ показываетъ на добрый починъ

въ этомъ дѣлѣ. Мысль объ организаціи крейсера стало-быть уже приводится въ исполненіе. Въ добрый часъ!

№ 99.

Москва, 20-го апрѣля.

Еще осенью 1876 года лордъ Беконс-фильдъ, только что возведенный тогда въ графское достоинство, хотѣлъ запугать насъ похвалой что Англія въ состояніи выдержать двѣ и три кампаніи. А теперь, чѣмъ ближе къ разрыву тѣмъ болѣе въ англійской печати рѣчи о неистощимости ресурсовъ Англіи, которыми она собирается подавить насъ.

Но дѣйствительно ли процвѣтаніе Англіи такъ прочно какъ оно представляется, и не держится ли оно, напротивъ, на весьма шаткомъ фундаментѣ, который поддерживается лишь величайшемъ усиленіемъ. Любопытныя данныя въ этомъ отношеніи раскрываютъ начавшіяся теперь многочисленныя забастовки рабочихъ въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ Ланкаширѣ.

Хлопчатобумажное производство господствуетъ въ Англіи. Ланкаширъ есть именно та область ея гдѣ царствуетъ *the Cotton King*, царь хлопокъ, и откуда этотъ царь простираетъ свое господство и на весь міръ. Никакія охранительныя пошлины не могли гдѣ-либо вполне преградить ему доступъ, а на рынкахъ Азіи, въ ея безмѣрныхъ пространствахъ, отъ Турціи до Китая и Японіи, ланкаширскій властитель не терпѣлъ никакого соперничества. Онъ выдержалъ самое тяжкое испытаніе, — четырехлѣтній голодъ, когда мятежъ въ южно-американскихъ штатахъ лишилъ его пищи, сырья. Онъ пережилъ неожиданное бѣдствіе со славой и вышелъ изъ него еще болѣе гордый, открывъ себѣ новые источники сырья въ Египтѣ и Индіи, и уже не страхался повторенія подобнаго кризиса. Чего же вновь смутился духомъ сей гордый владыка?

Еще предъ Пасхой, которая на западѣ была недѣлей раньше нашей, стали опасаться что въ Ланкаширѣ можетъ наступить прекращеніе работъ почти въ такихъ же размѣрахъ какъ при „хлопчатобумажномъ голодѣ“ въ Американскую войну. Въ послѣднее время въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ Ланкаширѣ, считалось около

шести милліоновъ веретенъ и до 200.000 ткацкихъ станковъ. По разчету, на веретенахъ выдѣлывалось среднимъ числомъ почти пять милліоновъ фунтовъ пряжи въ недѣлю, а станки круглымъ числомъ работали разныхъ тканей стоимостью на 500.000 ф. ст. въ недѣлю, или свыше чѣмъ на 25 милліоновъ ф. ст. въ годъ. Остановка же работъ погнѣдовала отъ того что бѣлая часть фабрикантовъ, по общему между ними условію, въ срокъ предварили рабочихъ о сбавкѣ десяти процентовъ заработной платы. Когда же истекъ срокъ, рабочіе пошли на стачки. Явленія эти довольно обычны въ Англіи при всякихъ колебаніяхъ въ цѣнѣ мануфактуръ, и естественно что общій застой въ торговыхъ дѣлахъ, уже много лѣтъ длящійся въ Европѣ, далъ себя почувствовать и въ Англіи. Обыкновенно такіе споры представляютъ интересъ только какъ фазы борьбы между капиталомъ и трудомъ. Въ настоящемъ же случаѣ есть еще иной элементъ интереса.

Дѣло въ томъ что какъ хозяева, такъ и рабочіе давно признаютъ что дѣла при настоящемъ положеніи идти не могутъ, и что фабрики работаютъ въ чистый убытокъ. Рабочіе сами высчитываютъ что, при настоящихъ цѣнахъ на сырье, стоимости издѣлія и рыночныхъ цѣнахъ товара, небольшая фабрика, въ 500 станковъ, должна нести убытокъ въ 3.000 ф. ст. за годъ. Споръ идетъ только о томъ какъ помочь бѣдѣ. Хозяева хотятъ удешевить производство пониженіемъ заработной платы чтобы продолжая работу попрежнему, хотя бы безъ прибыли или даже съ нѣкоторымъ убыткомъ, перебыть крутое время. Рабочіе же возражаютъ что это не поможетъ, такъ какъ, по раскладкѣ на товаръ, пониженіе заработной платы не дастъ чувствительнаго удешевленія его на рынкѣ. Они согласны взять и на себя долю недовыручки и получать менѣе чѣмъ прежде, только инымъ способомъ. Они находятъ что вся бѣда была въ усиленномъ, превысившемъ потребность производствѣ, и вслѣдствіе того — въ чрезмѣрномъ накопленіи товара, не находящемъ сбыта. Поэтому они предлагаютъ лучше временно сократить производство пока рынки постепенно освободятся отъ заваливаемаго ихъ товара, и соглашаются работать четыре дня въ недѣлю со сбавкой 10%, или пять дней со сбавкой 5%. Хозяева возражаютъ

что такая мѣра не дастъ желаемого сбереженія расходовъ и, слѣдовательно, не устранить убытка, такъ какъ стоимость производства останется та же и при меньшемъ количествѣ онаго, вслѣдствіе потерь отъ бездѣйствія фабрикъ два дня въ недѣлю.

Таковъ споръ. Которая сторона судить вѣрнѣе о способѣ поправить дѣло, объ этомъ большое разногласіе въ печати, хотя большинство газетъ склоняются ко взгляду фабрикантовъ. Для насъ, постороннихъ наблюдателей, весь интересъ дѣла заключается въ томъ что теперь фабрики работаютъ въ убытокъ, а не въ толкахъ о способахъ какъ выйти изъ затрудненій. Ожидаютъ что уступить придется рабочимъ. Многіе хозяева не сѣтуютъ на забастовки и не прочь вовсе пріостановить производство на нѣкоторое время чтобы сбыть залежавшійся товаръ, не неся между тѣмъ новыхъ убытковъ насчетъ капитала. Въ Престонѣ, центрѣ выдѣлки пряжи, рабочіе какъ прядильщики, такъ и ткачи согласились, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, на условія хозяевъ и принялись за работы. На нѣкоторыхъ же фабрикахъ хозяева приняли условія рабочихъ и сократили работу на одинъ или на два дня въ недѣлю. Нѣкоторые фабриканты вовсе не прекращали работъ и продолжаютъ ихъ на прежнихъ условіяхъ и съ прежнею платой рабочимъ. Но въ огромномъ большинствѣ, особенно же въ центральномъ ткацкомъ округѣ Блэкборнѣ, забастовки и закрытія фабрикъ продолжаютъ въ большихъ размѣрахъ и порождаютъ не малое раздраженіе. Приведемъ нѣкоторыя цифры. Въ Блэкборнѣ, къ 22 апрѣля, было 95 закрытыхъ фабрикъ. Въ Бэрнли, къ тому же числу, 42 фабрики стояли безъ дѣла, а къ 24му числу закрылись еще 20, и только 15 фабрикъ продолжали работать. Въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ показываютъ слѣдующее число фабрикъ стоящихъ безъ дѣла: въ Падингамѣ — 16, въ Аккриттонѣ — 19, въ Чорчѣ — 6, въ Клитеро — 8, въ Гарвудѣ — 6, въ Риктонѣ — 4, въ Клетонѣ — 2. Цифры эти, однако, въ настоящую минуту нельзя считать полными, такъ какъ на множествѣ фабрикъ не истекъ срокъ предваренія о пониженіи платы рабочимъ.

Теперь стоить спросить отчего фабрики стали работать въ убытокъ. Дѣйствительно ли единственною причиною было чрез-

мѣрное загроможденіе рынковъ товаромъ отъ усиленнаго производства вызваннаго черезчуръ довѣрчивыми разчетами на барыши при прежнемъ бойкомъ спросѣ? Еслибы только такъ, то равновѣсіе постепенно возстановилось бы. Но иное обстоятельство тревожитъ Англичанъ. Какъ ни тяжело имъ сознаться, но ихъ подрываетъ конкуренція Америки именно въ той отрасли промышленности которую они привыкли считать безспорно своею. Соперничество это не есть временное, а началось уже много лѣтъ тому назадъ, и при первомъ же затрудненіи дало знать себя. Немногія цифры достаточно ясно показываютъ это. Въ 1860 году Англія брала себѣ половину всего хлопка, а въ прошедшемъ году взяла только три седьмыхъ. Въ то же время она почти утратила американскій рынокъ, вывезя туда въ прошедшемъ году только 61 милліонъ ярдовъ, тогда какъ въ 1860 году вывозила туда 227 милліоновъ ярдовъ. Не довольствуясь этимъ, Соединенные Штаты начали сами соперничать съ нею въ другихъ направленіяхъ, и въ прошедшемъ году вывозъ бумажныхъ тканей изъ Америки простирался уже на сумму 3.000.000 ф. ст. И мало того: англійскому производству грозитъ нападеніе на почвѣ которую она считала навсегда завоеванною; именно Индія и Китай грозятъ вскорѣ сами удовлетворять, по крайней мѣрѣ отчасти, своимъ потребностямъ. Факты эти признаются англійскими газетами. Вотъ что читаемъ въ *Economist*:

„Самый важный пунктъ вопроса заключается въ опасности иностраннаго соперничества. Хозяева понимаютъ и знаютъ, а рабочіе нѣтъ, какъ много зависитъ настоящее затрудненіе отъ этой причины. Въ прежнее время Англія была великимъ поставщикомъ для потребителей бумажныхъ тканей и другихъ предметовъ во всемъ мірѣ; она воображала что можетъ всегда имъ остаться; ей придется пробудиться, и она теперь только что начинаетъ медленно пробуждаться отъ этой сладкой и обманчивой мечты. Другія націи усиленно научаются и рѣшились сами работать на себя, даже встрѣчаться съ нами на нейтральныхъ рынкахъ. Но и это не все: *другія націи могутъ производить многія вещи дешевле нашего; многія изъ нихъ работаютъ долѣе въ сутки; иныя ближе къ своему сырому матеріалу; почти всѣ воздержнѣе и живутъ экономнѣе.* До сихъ поръ мы боль-

шею частью хорошо выдерживали конкуренцію; наша долгая практика, наши превосходныя машины, наше прилежаніе и искусство, и можетъ-быть болѣе всего наше обладаніе неограниченными капиталами обезпечивали намъ, хотя не повсюду, высокое положеніе и дѣйствительное господство, которому теперь грозитъ опасность.“

Въ томъ же тонѣ скорбитъ и лондонскій *Examiner*:

„Весь споръ вертится на вопросъ: загружены ли чрезмерно хлопковые рынки? А что они загружены въ Европѣ, въ Азій и Америкѣ, это фактъ внѣ сомнѣнія. Можно принять за вѣрное что многіе если не большая часть фабрикантовъ уже долгое время поддерживали работу на фабрикахъ едва имѣя какой-либо барышъ. Мы знаемъ что совершенно въ такихъ же обстоятельствахъ находятся нѣкоторыя изъ главныхъ отраслей желѣзодѣлательной промышленности. И не англійскіе прядильщики, а также Американцы чувствуютъ тяжесть крутого времени, хотя они пользуются случаемъ какой имъ представляетъ замѣшательство англійскихъ соперниковъ чтобы наводнить своими большими накопившимися запасами, по ненормально низкимъ цѣнамъ, главные рынки міра. Американскіе прядильщики, ловкіе и смѣтливые, попросту зарекомендовываютъ свой товаръ, въ довѣрчивой надеждѣ что хотя такой способъ рекомендаціи и дорого обходится въ началѣ, но въ концѣ концовъ можетъ принести сто на сто, если удастся перехватить англійскихъ потребителей.“

И далѣе, та же газета, рассказывая о спорахъ между хозяевами и рабочими, говоритъ:

„Рабочіе на своихъ сходкахъ обвиняли фабрикантовъ въ томъ что они отвратили своихъ иностранныхъ потребителей систематическою недобросовѣстностью (проклейкой для скрываети рѣдкости ткани, для приданія ей лишняго вѣса, и прочими подобными приѣмами). Обвиненіе это основательно. Всѣмъ вѣдомо что дешевые товары имѣютъ дурную репутацію въ Индіи и Китаѣ, и возмездіе за порчу фабрикаціи предсказывалось давно.“

Такъ откровенно каются въ грѣхахъ и плачутся при встрѣчѣ съ американскою конкуренціей англійскія газеты. Но есть и еще обстоятельства, имѣющія для насъ особый интересъ. Два года тому назадъ и наше хлопчатобумажное производство бы-

ло завалено не находившимъ сбыта запасомъ, вслѣдствіе чрезмерной внутренней конкуренціи производства. Но въ прошедшую зиму накопившійся запасъ былъ сбытъ весь, и сбытъ съ хорошимъ барышомъ въ Азію. Двѣ причины помогли этому счастливому обороту. Одною изъ нихъ были военныя дѣйствія на мало-азійскомъ театръ, препятствовавшія англійской караванной торговлѣ черезъ Трапезунтъ на Эрзерумъ, а также и транзиту черезъ Поті на Тифлисъ, между тѣмъ какъ нашъ путь въ Персію оставался совершенно свободнымъ.

Кромѣ хлопчатобумажной, и слѣдующая затѣмъ по важности желѣзодѣлательная промышленность Англіи также давно находится въ кризисѣ, встрѣчая притомъ все возрастающую конкуренцію въ Германіи. Еще зимой тушили огни одинъ за другимъ многіе заводы; въ Мидльсборо, Стоктонѣ и Дарлингтонѣ въ началѣ апрѣля рабочіе принуждены были согласиться на сбавку заработной платы, а на дняхъ тамъ опять опасались стачки вслѣдствіе новаго недоразумѣнія между заводчиками и рабочими.

Вотъ какъ зыбко пресловутое богатство Англіи. Сегодня небо ясно, и трудовое населеніе имѣетъ кусокъ хлѣба; завтра что-нибудь разстроится въ сложномъ механизмѣ, и сотни тысячъ голоднаго народа будутъ повержены въ ужасающую нищету. Въ одномъ Блэкборнѣ теперь уже 60.000 ткачей продаютъ какіе имѣютъ остатки, и затѣмъ должны ждать общественной благотворительности. Много ли тутъ помогутъ громадныя капиталы? Они пролежатъ праздны или отолютъ въ другія страны. Выходитъ что на основаніи богатства нельзя заключить чтобы война была менѣе страшна для Англіи чѣмъ для Россіи. Приходится скорѣе думать напротивъ. Впервые, при войнѣ, рынки Малой Азіи и Персіи все равно не откроются для англійскихъ товаровъ, да и въ Европейской Турціи будетъ не до торговли. Вотъ уже продолженіе ущерба который и теперь терпитъ Англія. Но что будетъ если русскіе крейсера затруднятъ доставку англійскихъ товаровъ и на другіе рынки? При новомъ большомъ рискѣ удешевленіе станетъ все невозможно, и цѣны товаровъ скорѣе пойдутъ въ гору. Но тогда конкуренція съ Америкой и Германіей, и теперь уже не легкая, можетъ стать для Англіи вовсе невозможною. А если еще притомъ крей-

серамъ удалось затруднить доставку сырья въ Англію? Что тогда стануть дѣлать эти безчисленныя фабрики, что станется съ этимъ голоднымъ многомилліоннымъ пролетаріатомъ, не имѣющимъ ни кола ни двора? Лордъ Беконсфильдъ можетъ слышать голоса предостереженія въ собственной странѣ. Епископъ Манчестерскій, горячоратующій противъ войны, предсѣдая на кооперативномъ конгрессѣ бывшемъ въ Манчестерѣ, въ рѣчи произнесенной 23 апрѣля, между прочимъ сказалъ: „Легко толковать о нашихъ неистощимыхъ ресурсахъ. Я полагаю, что они неистощимы пока мы наслаждаемся благами мира, но я не знаю какъ скоро они могутъ изсякнуть если мы затѣмъ войну.“

№ 100.

Москва, 21-го апрѣля.

А.

Берлинскія газеты весьма горячо приняли къ сердцу увѣщанія съ коими нѣкоторые органы французской печати недавно обратились къ Германіи, доказывая ей что „могущество обязываетъ“, что она можетъ и должна предотвратить европейскую войну, и что если она этого не сдѣлаетъ, то это докажетъ не то чтобы Германія не имѣла къ тому возможности, но что война входитъ въ ея разсчеты. *Journal des Débats*, первый подавшій сигналъ къ этимъ увѣщаніямъ, сдѣлалъ это конечно не изъ дружбы къ Россіи, а напротивъ съ тою слѣпою ненавистью къ ней и враждою къ достигнутымъ ею результатамъ, которыя въ особенности характеризуютъ этотъ органъ съ самаго начала восточныхъ замѣшательствъ. Но дѣло не во французскомъ запросѣ, а въ германскомъ отвѣтѣ. Берлинскія газеты признаютъ, правда, что война есть „великое бѣдствіе“, что въ смыслѣ общаго нарушенія покоя Европы, и Германія, подобно Франціи, заинтересована въ томъ чтобы война по возможности не нарушила обще-европейскаго торговаго оборота. Вотъ почему *Национальная Газета* думаетъ что было бы великимъ успѣхомъ еслибы германской дипломатіи удалось предупредить столкновение между Австріей и Россіей, и еслибы готовящаяся между Англіей и Россіей война

была локализована на азіатской сторонѣ. „Но Германія отнюдь не имѣетъ де интереса простирать свои хлопоты далѣе этого пункта... Вообще, по мнѣнію берлинскихъ газетъ, высказываемому со свойственною имъ осторожностью и сдержанностью, Германія можетъ, скрестивъ руки, спокойно взирать на единоборство „кота со слономъ.“

Въ то же время берлинскія газеты внимательно просматриваютъ и разбираютъ недавно раскрытую страничку изъ исторіи войны 1870 года. Это раскрытіе интересно не просто только въ историческомъ отношеніи; берлинская печать пользуется имъ и для выводовъ касательно теперешняго положенія, выводовъ, которые сводятся къ тому что Германія „должна быть на сторожѣ.“

Интересенъ фактъ раскрытый вслѣдствіе полемики возникшей недавно между двумя дѣятелями Французской второй имперіи неугомоннымъ принцемъ — республиканцемъ, кузеномъ Наполеона III, и герцогомъ Грамономъ, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Принцъ Наполеонъ указалъ на то что покойный императоръ Французовъ, затѣявъ войну съ Пруссіей, сознавалъ всю неподготовленность Франціи къ этой войнѣ и плохое состояніе ея военныхъ силъ. Но онъ тѣмъ не менѣе ринулся въ войну разчитывая на союзъ съ Австріей и Италіей противъ Пруссіи. Объ этомъ велись самыя дѣятельныя переговоры съ графомъ Бейстомъ и королемъ Викторомъ-Эммануиломъ еще начиная съ 1868 года; эти переговоры продолжались и по объявленіи войны. Принцъ Наполеонъ выставляетъ дѣло такъ что коалиція не состоялась единственно потому что императоръ Наполеонъ отказался принять условіе поставленное Италіей объ отмѣнѣ сентябрьской конвенціи 1864 года и объ очищеніи Рима французскими войсками. Онъ приписываетъ это упорство императора клерикальнымъ вліяніямъ, господствовавшимъ при французскомъ дворѣ чрезъ посредство императрицы Евгеніи. Герцогъ Грамонъ представляетъ дѣло въ иномъ свѣтѣ. Но въ этой полемикѣ безспорно установилось то что коалиція противъ Германіи была почти подготовлена. Еще въ двадцатыхъ числахъ іюля и до первыхъ чиселъ августа 1870 года довѣренныя лица Австрійскаго и Италианскаго правительствъ, графъ Фицтумъ и графъ Вимеркати, ѣздили взадъ и впередъ между Парижемъ, Въ-

ной и Флоренціей, причемъ предполагалось коллективно потребовать отъ Пруссіи чтобъ она обязалась сохранить *status quo* Пражскаго трактата, и въ случаѣ уклончиваго отвѣта двинуть противъ нея войска. Въ это время уже произошли битвы при Вёртѣ и Саарбрюкенѣ. Но король Викторъ-Эммануиль повидимому еще тогда готовъ былъ немедленно выступить на союзъ съ Франціей, и требовалъ чтобъ Австрія пропустила италіянскія войска чрезъ Тироль; какъ вдругъ Австрія обнаружила колебанія, стала отступать шагъ за шагомъ, и предполагаемая грозная коалиція противъ Германіи затерялась въ песокъ или, какъ выражается князь Бисмаркъ, «загрязла въ болотъ». Что собственно побудило Австрію такъ внезапно измѣнить свое рѣшеніе? Положеніе принятое Россіей... *Национальная Газета* приводитъ разказъ своего парижскаго корреспондента о разговорѣ который имѣлъ на дняхъ съ герцогомъ Грамономъ одинъ русскій дипломатъ встрѣтившійся съ нимъ, послѣ обнародованія его брошюры, въ домѣ графа Фицтума, проживающаго теперь въ Парижѣ, того самаго Фицтума который принималъ столь дѣятельное участіе въ переговорахъ 1870 года. Русскій дипломатъ обратился къ экс-министру Второй Имперіи со слѣдующими словами: „Вы доказали самымъ убѣдительнымъ образомъ что лишь положеніе принятое Россіей помѣшало Австріи вступить въ союзъ съ Франціей и объявить Пруссіи войну. Мы вамъ чрезвычайно обязаны что вы въ настоящую минуту напомнили объ этомъ.“

Национальная Газета, въ свою очередь, думаетъ что коалиція разстроилась вслѣдствіе рѣшительныхъ побѣдъ одержанныхъ Германіей и затѣмъ спѣшитъ оговориться что эти минувшія событія не могутъ имѣть никакого вліянія на теперешнія добрыя отношенія Германіи къ Италіи и Австріи. Тѣмъ не менѣе берлинская газета признаетъ что „тенденція тогдашняго времени, хотя и укрывшаяся во мракѣ, продолжала дѣйствовать; она-то вызвала въ прошедшее лѣто новый проектъ австро-франко-англійской коалиціи;“ и не трудно было предвидѣть что тенденція эта выступила бы наружу съ новою силой еслибы „вслѣдствіе униженія Россіи, или отчужденія ея отъ Германіи, былъ перемѣщенъ центръ тяжести европейскаго равновѣсія.“

Но берлинская газета, повидимому, не

опасается чтобы равновѣсіе нарушилось вслѣдствіе войны между Англіей и Россіей изъ-за Проливовъ и преобладанія на Эгейскомъ морѣ. Вся ея забота попрежнему сосредоточена на Австріи, которую всячески стараются убѣдить что „другіе“ вынуть для нея каштаны изъ огня, и что въ настоящую минуту не должно быть съ ея стороны никакихъ колебаній, благо для уступчивости Россіи по отношенію къ ней всѣ пути уравниены. „Все что въ этомъ отношеніи еще подлежало вопросу,“ такъ пишетъ вѣнскій корреспондентъ названной газеты, „устранено благодаря все ближе и ближе подвигающейся войнѣ между Россіей и Англіей. Англійскіе саперы и броненосцы уже принесли Австріи свою долю выгоды. Благодаря имъ созрѣли плоды русскихъ уступокъ въ пользу Австріи. Вѣнскому кабинету лишь остается собрать эти плоды.“

Какая заботливость объ Австріи которая такъ недавно еще готова была нанести Германіи ударъ съ тылу, и не нанесла его лишь потому что Германію оградилъ Россія!

Толкуйте послѣ этого что въ политикѣ нѣтъ мѣста безкорыстной дружбѣ и великодушію...

Б.

Энциклика папы Льва XIII, которую мы воспроизводимъ *in extenso*, дѣйствительно отличается болѣе спокойнымъ тономъ чѣмъ манифесты его предшественника. Все что его святѣйшество говоритъ объ отношеніи церкви къ гражданскому обществу, о ея дѣйствіи въ жизни людей, о томъ значеніи какое она имѣетъ и должна имѣть въ развитіи истинной цивилизаціи, можетъ быть одобрено и принято съ сочувствіемъ и въ протестантскихъ, и въ восточныхъ православныхъ странахъ. Но что онъ высказываетъ въ апологію и прославленіе собственно папства, то слабо, шатко, придумано и лишено внутренняго убѣжденія. По его выходитъ что гдѣ владычествуетъ Римскій первосвященникъ тамъ царство небесное, а ушедшіе изъ-подъ его жезла народы провалились въ бездну и лишены всего что даетъ силу и достоинство человѣческому общежитію. Но развѣ такъ на дѣлѣ? Развѣ собственно - католическія страны, со включеніемъ Франціи, Испаніи, Мексики, республикъ Южной Америки, представляютъ собою образецъ общественной

нравственности, государственной прочности и христианской цивилизации. безконечно превышающей и протестантскія и православныя восточныя страны? Римскій первосвященникъ находитъ что православный востокъ бѣдствуетъ именно потому что не находится подъ его управленіемъ; изъ относящихся сюда словъ ея выходитъ что народы Восточнаго православія лишены по тому самому достоинства самостоятельной государственной власти. Но развѣ на православномъ Востокѣ нѣтъ самостоятельной государственной власти? Папа забылъ о Россіи...

№ 101.

Москва, 22-го апрѣля.

А.

Съ одной стороны петербургскій корреспондентъ *Times*, а съ другой наши французскіе офиціозы, *Journal de St.-Petersbourg* и *Agence Générale Russe*, утѣшаютъ міръ что переговоры продолжаются, что „принципъ обмѣна идей“ принятъ и что „полученныя извѣстія сравнительно лучше.“ Въ чемъ лучше? Ужъ не въ томъ ли, какъ передаютъ вѣнскіе слухи, что мы будто бы дѣлаемъ какія-то большія уступки?

Но зачѣмъ же длить переговоры, если дѣло пошло на уступки? Стоитъ только нашимъ войскамъ возвратиться восвою, не требуя исполненія Санъ-Стефанскаго договора, и противники наши, кажется, останутся довольны, и о конгрессѣ спорить не стануть. Кажется, однако, что такихъ уступокъ съ нашей стороны еще не предполагается. А чтобы простыми переговорами мы могли убѣдить Англію, то странно надѣяться на это читая переданныя по телеграфу новыя рѣчи англійскаго министра Кросса, который повторяетъ слово въ слово то что мы читали въ нотѣ Салсбери.

Вообще трудно всѣ эти извѣстія о переговорахъ принимать за серіозныя. Вотъ, напримѣръ, возникли и все тянутся переговоры о взаимномъ отводѣ русскихъ войскъ и англійскаго флота изъ сосѣдства Константинополя. Чего только мы не наслушались по этому поводу! А вѣнскій корреспондентъ въ полученномъ сегодня номерѣ *Times* сообщаетъ о новомъ затруд-

неніи. Помимо вопроса объ уравниніи разстоянія такимъ образомъ чтобы ни одна сторона не оказалась въ невыгодномъ положеніи если переговоры не приведутъ ни къ чему и придется вернуться къ настоящимъ позиціямъ, Англія желаетъ де. привести къ такому же уравнинію и начало отступленія. Флотъ, видите ли, изъ Измидскаго залива въ 20 часовъ можетъ отойти въ Безикскую бухту, а русскія войска въ это время не отойдутъ де и на третью часть пути къ Адрианополю; а. потому и зашла теперь рѣчь кому начать отступленіе... Возможно ли серіозно увѣрять публику въ дѣльности такого рода переговоровъ?

Если въ такомъ видѣ изображаются переговоры о подробностяхъ, то тѣмъ естественнѣе возникаетъ сомнѣніе объ основательности самой мысли обоюднаго отступленія. Чего этимъ хотятъ достигнуть? Говорили что это облегчитъ дальнѣйшіе переговоры, устранивъ возможность случайнаго столкновенія между Русскими и Англичанами. Но надо сперва дать себѣ отчетъ, что привело ихъ въ такое близкое сосѣдство? Тутъ не было случайности, а умыселъ былъ не съ русской стороны. Не появленіе англійскаго флота привело русскія войска на ихъ настоящія позиціи, а право войны, и они не могутъ оставить ихъ при неувѣренности въ исполненіи заключеннаго мирнаго договора. Положеніе англійскаго флота совсѣмъ иное. Онъ вошелъ въ Мраморное Море въ нарушение всякаго права, и стоитъ тамъ какъ угроза противъ Россіи. Какая же можетъ быть взаимность въ самомъ принципѣ отступленія?

О магометанскомъ возстаніи въ Родопскихъ горахъ мы не имѣемъ до сихъ поръ достовѣрныхъ свѣдѣній. Но таинственность облакающая его довольно прозрачна. Константинопольскій корреспондентъ *Times*, въ телеграммѣ отъ 25 апрѣля, замѣчаетъ что „хотя магометанское возстаніе во Фракіи и „открываетъ новую страницу кровопролитія въ кровавыхъ лѣтописяхъ новѣйшей „турецкой исторіи, но его нельзя не считать „благовременнымъ. Рано или поздно оно „было неизбежно, и лучше чтобы оно случилось раньше чѣмъ поздне.“ Почему же? А потому что оно де яснѣе обнаруживаетъ, „прежде осуществленія болгарскихъ границъ и болгарскаго управленія по плану Санъ-Стефанскаго договора, всю

непрактичность этого плана. Окончательнаго рѣшенія въ иномъ какомъ-либо смыслѣ корреспондентъ и не считаетъ возможнымъ, такъ какъ де „едва ли еще созрѣли элементы,“ а потому онъ и полагаетъ что въ настоящее время должно бы удовольствоваться временнымъ рѣшеніемъ которое конечно можетъ взять въ свои руки только Англія, ибо „Англія, какъ „магометанская (sic) держава, не можетъ „отказать въ покровительствѣ магометанамъ.“ „Вѣдь не живетъ ли магометанамъ лучше всего въ Индіи подъ британскимъ управленіемъ? И это сознаніе, „вмѣстѣ съ потребностью въ британскомъ „руководствѣ, усиливается съ каждымъ „днемъ.“ „Замѣтите,“ прибавляетъ корреспондентъ, „что я говорю не о правительствѣ, а о народѣ.“

Читая и слыша такіе намеки, такое ли время, спросимъ мы, чтобы полагаться на переговоры объ отводѣ русскихъ войскъ и англійскаго флота, когда Англичане бытъ-можетъ готовятся взять въ свои руки управление Турціей...

Б.

Иные въ публикѣ спрашиваютъ, можетъ ли крейсерство оправдать возлагаемыя на него надежды. „Все это прекрасно,“ говорятъ, „но не слѣдуетъ упускать изъ виду что Англичане не Турки, что борются съ ними на океанѣ гораздо труднѣе чѣмъ въ столбцахъ газетъ, что обзавестись наскоро достаточнымъ количествомъ крейсеровъ вовсе не такъ легко, что противъ cadaго выпущеннаго нами крейсера Англичане могутъ выставить по малой мѣрѣ десять и задушить предпріятіе въ самомъ его началѣ.“

Всѣ подобныя сужденія внушаются суевѣрнымъ предубѣжденіемъ въ безмѣрномъ морскомъ могуществѣ Англіи. У ней дѣйствительно огромный военный флотъ, но за то пресловутые „британскіе интересы“ разбросались по всему земному шару, и чтобъ охранять ихъ британскій флотъ окажется недостаточнымъ.

Не вдаваясь въ общее разсмотрѣніе вопроса, взглянемъ на положеніе Англіи въ Тихомъ Океанѣ, и чтобы лучше уяснить себѣ это положеніе возобновимъ въ памяти событія 1853—1856 годовъ. Въ то, еще не очень далекое, время, наше положеніе на Тихомъ Океанѣ было крайне неблаго-

пріятно. Вопросъ объ Амурѣ и Уссурийскомъ краѣ не только не былъ разрѣшенъ официально, но и въ *практическомъ* смыслѣ находился еще въ первоначальномъ періодѣ своего развитія. Ничтожная амурская экспедиція, въ составѣ 70 человекъ подъ начальствомъ энергическаго капитана Невельскаго, завладѣла устьями Амура и только что открыла тогда гавани де-Кастри и Св. Николая. Островъ Сахалинъ представлялъ спорное и малонизслѣдованное владѣніе, причемъ еще не существовало окончательнаго убѣжденія что лежащій на западномъ берегу острова заливъ „Анива“ представляетъ единственную безопасную стоянку для судовъ военнаго и торговаго флотовъ. Все вниманіе правительства было устремлено на отдаленный Петропавловскій портъ, лишенный возможности существовать самостоятельно по трудности доставленія самаго необходимаго продовольствія изъ Якутска. Всѣ наши морскія силы на Восточномъ Океанѣ ограничивались тремя парусными фрегатами: полусгнившею, расшатанною *Палладой*, которую пришлось ввести въ Татарскій проливъ для укрытія; *Дианой* и *Авророй*, изъ коихъ первая подъ флагомъ адмирала Путятина находилась въ Японіи, а вторая съ паруснымъ корветомъ *Оливуца* въ Петропавловскѣ; наконецъ винтовая шкуна *Востокъ* поддерживала сообщеніе отдаленной Камчатки съ Аяномъ и Амурскою экспедиціей. Силы, какъ видно, не особенно значительныя, но непріятель зналъ, говоритъ въ своихъ запискахъ адмиралъ Невельской, что у насъ имѣются фрегаты: *Паллада*, *Диана* и *Аврора* и корветъ *Оливуца*, и что при *крейсерствѣ* этихъ судовъ въ океанѣ они могутъ нанести его торговлѣ и колоніямъ не малый ущербъ. Это обстоятельство пораждало страшную панику, ибо ловить въ океанѣ почти невозможно. Въ виду этого-то, боясь за свою торговлю и колоніи, Англо-Французы и собрали здѣсь сильную эскадру, дабы уничтожить наши суда, а главное, не дозволить намъ выходить въ море Такова была главная ихъ цѣль.“

Насколько удалось имъ исполнить свое намѣреніе, видно уже изъ того что нападеніе ихъ на Петропавловскій портъ было блистательно отражено при содѣйствіи фрегата *Аврора* и корвета *Оливуцы*. Обманувъ раннею весной бдительность противника, суда наши вышли изъ Петропавлов-

ска и благополучно прибыли въ заливъ де-Кастри; фрегатъ *Паллада*, какъ видно выше, было укрыть заранѣе, а фрегатъ *Диана*, какъ извѣстно, погибъ въ Японіи при землетрясеніи, причемъ команда съ фрегата отправлена была на компанейскихъ судахъ и выстроенной шкунѣ *Хеда* къ Амурскому лиману. Одинъ транспортъ, подъ начальствомъ Мусина-Пушкина, попалъ въ руки противника, а адмиралъ Путятинъ съ остатками экипажа на шкунѣ *Хеда* благополучно достигъ цѣли, счастливо избѣжавъ, благодаря туману, непріятельскихъ крейсеровъ, блокировавшихъ берега Татарскаго пролива. У одного изъ непріятельскихъ судовъ шкуна *Хеда* въ густой туманъ прошла подъ кормою.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать три года; обстоятельства значительно измѣнились. Россія приобрѣла все побережье Восточнаго Океана до самой Кореи включительно, и благодаря отличнымъ природнымъ гаванямъ прочно здѣсь утвердилась. Въмѣсто Николаевского поста, образовался Николаевскій портъ; вмѣсто заливовъ де-Кастри и Императора Николая, лежащихъ въ тѣсномъ промежуткѣ Татарскаго пролива, центр тяжести нашего могущества перенесенъ южнѣе—во Владивостокъ, на просторъ Корейскаго моря. Связь береговой линіи съ центромъ Сибири и образовавшіяся поселенія въ при-Амурскомъ и при-Уссурийскомъ краѣ ставятъ его внѣ случайностей угрожавшихъ Петропавловску, а залежи каменнаго угля на Сахалинѣ обезпечиваютъ наши эскадры въ топливъ и служатъ гарантіей успѣха будущаго крейсерскаго флота.

Теперь спрашивается, каково въ Тихомъ Океанѣ положеніе нашего противника? Въ послѣдней книжкѣ *Морскаго Сборника* напечатано интересное сообщеніе англійской морской службы капитана Коломба, сдѣланное имъ въ маѣ прошлаго года обществу „United service Institution.“ Изъ сообщенія этого видно что Англичане сами сознаютъ свою слабость на Тихомъ Океанѣ. Вотъ что говоритъ между прочимъ капитанъ Коломбъ: „На западномъ берегу Тихаго Океана, 87% всей торговли съ Китаемъ приходится на долю Британской имперіи; въ томъ числѣ на одинъ Гонъ-Конгъ достается 25%. Весьма большая часть торговли англійской Колумбіи приходится также на долю Великобританіи. Если прибавить къ этому еще торговлю

съ другими государствами, производящуюся посредствомъ англійскихъ кораблей, то безъ преувеличенія можно сказать что наши выгоды въ этихъ странахъ огромны.“ А между тѣмъ, по мнѣнію докладчика, выгоды эти весьма мало обезпечены. „Россія, говоритъ онъ, имѣетъ возможность не только содержать флотъ въ этихъ мѣстахъ, но она можетъ, независимо отъ своихъ европейскихъ портовъ, создать здѣсь цѣлую флотилію маленькихъ пароходовъ и вооружить ихъ. Здѣсь все ея морскія приготовленія производятся внутри страны и скрыты отъ постороннихъ взглядовъ. Между тѣмъ наши (англійскіе) склады и средства для ремонта кораблей, какіе бы они ни были, все находятся такъ-сказать на юру: ни положеніе въ которомъ они находятся, ни обстоятельства обуславливающія это положеніе, не могутъ быть тайною ни для кого. Наши флоты находятся въ зависимости отъ нашихъ европейскихъ портовъ. Я полагаю что выражусь совершенно точно сказавъ что у насъ во всемъ Тихомъ Океанѣ нѣтъ даже ничего похожаго на пороховой заводъ.“ Распространяясь о Гонъ-Конгѣ какъ о существенномъ опорномъ пунктѣ въ Китайскомъ морѣ, гдѣ сосредоточены все средства для ремонта, склады, запасы и весь уголь, докладчикъ заявляетъ что обыкновенный гарнизонъ Гонъ-Конга составляетъ всего тысячу человекъ на 133 тысячъ душъ населенія, причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду что много свободныхъ Китайцевъ-манъ живетъ въ русскихъ владѣніяхъ, и что ничего не будетъ удивительнаго если они пожелаютъ распространить благо свободы на своихъ Гонъ-Конгскихъ соплеменниковъ, что можетъ весьма усилить затрудненія меньшаго гарнизона. Обращаясь затѣмъ къ вопросу откуда англійская эскадра въ китайскихъ водахъ можетъ, за исключеніемъ Гонъ-Конга, получать необходимый для нея уголь, и останавливаясь на Ванкуверѣ, Новомъ-Валлисѣ (Вельсѣ) и Австраліи, капитанъ Коломбъ замѣчаетъ что защита угольныхъ путей составить для Англии наибольшее изъ затрудненій; наконецъ разбирая вопросъ о путяхъ сообщенія и включая въ это число телеграфныя линіи, по которымъ могутъ быть передаваемы приказанія, докладчикъ снова видитъ преимущество на нашей сторонѣ „Владивостокъ, говоритъ онъ, связанъ съ Петербургомъ и Николаевскомъ

№ 103.

Москва, - 24-го апрѣля.

непрерывною телеграфною проволокою; между нимъ и Японіею положенъ подводный кабель. Гонъ-Конгъ соединенъ подводнымъ кабелемъ съ Лондономъ и Японіею, но въ то время какъ русская линія на Владивостокъ защищена отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, телеграфнымъ кабелямъ Гонъ-Конга грозитъ опасность быть перерѣзанными самымъ плохимъ и невооруженнымъ пароходомъ. "Замѣчая что въ мирное время Русскіе обыкновенно крейсерируютъ эскадрами, а Англичане не имѣютъ установившейся системы для покровительства торговлѣ или крейсерства въ мирное время, докладчикъ на основаніи вышесказаннаго приходитъ къ заключенію что Россія можетъ въ нѣсколько мгновеній стянуть свои силы къ берегамъ Тихаго Океана, а Англія будетъ въ состояніи собрать свои суда въ этомъ мѣстѣ лишь по прошествіи многихъ недѣль, а можетъ-быть и мѣсяцевъ. „Пока посыльные суда или другіе корабли будутъ ходить по станціямъ и собирать эскадру къ назначенному рандеву, въ это время обстоятельства вызвавшія назначеніе этого сборнаго пункта могутъ совершенно измѣниться и благоприятное время для рѣшительнаго дѣйствія будетъ упущено, или же подкрѣпленіе къ извѣстному пункту подоспѣетъ слишкомъ поздно.“

Не разъ высказывали мы мнѣніе: о необходимости развитія нашего морскаго дѣла въ самыхъ широкихъ размѣрахъ! на Тихомъ Океанѣ, что значительно облегчило бы современныя замѣшательства и было бы для Англіи самою существенною угрозою; но и теперь опираясь на существующую Амурскую флотилію и эскадру у западныхъ береговъ Америки, мы можемъ энергическими дѣйствіями быстро развити въ тѣхъ мѣстностяхъ крейсерскіе отряды, которые, пользуясь слабыми сторонами противника, могутъ не только причинить серьезный вредъ его китайской торговлѣ, но проникнуть съ одной стороны въ Индійскія воды, съ другой къ Австраліи, и стать на пути сообщеній Англіи съ западнымъ берегомъ ея американскихъ владѣній. Возможность подобнаго образа дѣйствій едва ли подлежитъ сомнѣнію, а потому мы радостно привѣтствуемъ извѣстіе о прибытіи первыхъ русскихъ моряковъ на пароходъ *Cimbria* въ Американскіе Штаты.

Хотимъ ли мы и можемъ ли мы исполнить требованія Англіи? Весь вопросъ только въ этомъ. Если да, то къ чему тянуть переговоры; а если нѣтъ, то развѣ разговорами мы убѣдимъ въ чемъ-либо противниковъ которые хорошо знаютъ свои интересы? Наши французскіе офиціозы, особенно этотъ жалкій листокъ именуемый *Agence Générale Russe*, производятъ комическій эффектъ и едва ли могутъ внушить уваженіе къ нашей дипломатіи. „Переговоры еще не прерваны; извѣстія о прекращеніи германскаго посредничества не вѣрны, ибо Германія считаетъ только оконченную свою задачу прямого посредничества вслѣдствіе принятія принципа обѣими сторонами, а подробности лучше могутъ быть разработаны прямыми переговорами.“ Итакъ, наконецъ, достигнута великая цѣль: принять принципъ! Какой принципъ? Англійской или русской точки зрѣнія? Вовсе нѣтъ. Принять принципъ „взаимнаго обмѣна идей между Лондономъ и Петербургомъ въ дружественномъ духѣ!“ Переговоры шли о принципѣ переговоровъ. Жаль только что они дорого обходятся. Содержаніе нашихъ армій въ Турціи обходится, какъ говорятъ, до двухъ милліоновъ ежедневно. Повторяется точь въ точь та же исторія которая прошедшимъ годомъ привела насъ къ войнѣ. Эти постоянныя, ничего не говорящія извѣстія о продолжающихся переговорахъ повсюду производятъ одинаковое впечатлѣніе. „Новѣйшія телеграммы,“ читаемъ въ берлинской *Национальной Газетѣ*, „тянутъ старую пѣсню что переговоры продолжаются. О чемъ еще въ сущности могутъ идти переговоры, мы не въ состояніи себѣ представить. Спорятъ ли о принципѣ представленія договора 3 марта конгрессу, или же о принципѣ военнаго компромисса? Если такъ, то полезнѣе было бы этимъ принципальнымъ дипломатамъ выбрать те- мой *присущность духа веществу* или другой подобный предметъ трансцендентальной философіи. Эти *принципы* для обѣихъ сторонъ могли бы въ промежутокъ недѣль шести достаточно улетѣться. А если принципъ и теперь, какъ и прежде, „служитъ только прикрытіемъ скудости со-

„держанія, то неприлично постоянно твердить объ этихъ *pour-parlers*.“

Одинъ какой-то нѣмецкій профессоръ (мы прочли это въ *Pall-Mall Gazette*) сжался надъ безпомощностью дипломатіи и придумалъ остроумный планъ. Просто развести русскія войска и англійскій флотъ, учить онъ, будетъ бесполезно; это только поставило бы объ стороны въ смѣшное положеніе, и поселило бы въ нихъ еще больше взаимное недовѣріе. Профессоръ предлагаетъ уладить дѣло къ обоюдному согласію болѣе простымъ способомъ, именно такъ чтобъ англійскій флотъ отвезъ русскую армію въ Одессу и тамъ остался бы дожидаться конца переговоровъ. Если все кончится благополучно, флотъ де уйдетъ домой; если же нѣтъ, то онъ возвратится въ Мраморное Море, и привезетъ обратно въ Санъ-Стефано русскую армію. Право, это забавнѣе пошлостей которыя пишутъ въ *Agence Générale Russe*. Тутъ есть по крайней мѣрѣ нѣкоторое остроуміе и изобрѣтательность. Мы, съ своей стороны, отъ нечего дѣлать предложимъ дополнить этотъ интересный проектъ „военнаго компромисса.“ Мысль прекрасная—отвести русскую армію домой на англійскихъ броненосцахъ. Но вотъ претыканіе: если англійскій флотъ, исполнивъ свою комиссію и высадивъ наши войска въ Одессѣ, не останется у насъ въ залогъ, а возвратится въ Константинополь, или предпочтетъ держать наши порты въ блокадѣ? Поэтому слѣдовало бы добавить чтобъ и команды на англійскихъ броненосцахъ временно были русскія. Когда все кончится благополучно, мы отвели бы англійскій флотъ въ цѣлости къ Мальтѣ, гдѣ и сдали бы его англійскому начальству. Вотъ по крайней мѣрѣ занимательная тема для переговоровъ, если нечего болѣе дѣлать. Что касается конгресса, то профессоръ даетъ мысль прекратить споръ созваніемъ одновременно двухъ конгрессовъ, одного по англійскому плану, другаго по русскому; а рѣшеніе обоихъ, буде понадобится, передать на разсмотрѣніе третьяго конгресса, который могъ бы обратиться въ послѣдствіи когда поуспокоятся страсти.

Пустопорожнія сообщенія нашихъ офиціозныхъ органовъ не только надоѣли всѣмъ, но они положительно вредны, возбуждая духъ противниковъ нашихъ, которые видятъ что наше положеніе, благода-

ря дѣлящимся переговорамъ, становится все хуже. „Военная позиція Русскихъ,“ читаемъ въ *Times*, „въ минуту когда заключался Санъ-Стефанскій договоръ была „освѣщена эффектомъ блестящаго перехода „да черезъ Балканы, и имъ естественно „могло казаться что вся Европейская Турція, включая Константинополь, въ ихъ „власти. Но чѣмъ долѣе остаются русскіе, „тѣмъ тягостнѣе становится ихъ положеніе. Турки представляютъ теперь грозный фронтъ въ самомъ Константинополѣ. Они „медлятъ очищеніемъ Шумлы, Варны и „Батума, и чѣмъ неизвѣстнѣе становится „общее положеніе, тѣмъ болѣе цѣпко держатся они за эти крѣпости. Русскіе при- „нуждены содержать большія силы на всей „линіи своихъ сообщеній, и имъ угрожаютъ народныя возстанія противъ ихъ власти.“ Все это по большей части правда; но къ чему все это говорится? Вотъ къ чему: „Государственные люди въ С.-Петербурѣ,“ читаемъ далѣе, „не могутъ не „заботиться о томъ чтобы положить конецъ, если возможно, всякому риску войны съ Англіей, и для этой цѣли они естественно готовы на уступки.“ Но единственною уступкою которую можетъ принять Англія, вразумляетъ насъ *Times*, должно быть признаніе нерушимости Парижскаго трактата. Вотъ отвѣтъ англійской печати на заискивающій тонъ нашихъ офиціозныхъ органовъ.

Нѣтъ, не переговоры о принципѣ переговоровъ и кисло-сладкій тонъ офиціозныхъ органовъ дипломатіи можетъ предотвратить войну, если это еще не поздно, а мужественная рѣшимость дѣйствовать. Посмотрите: едва только возникла у насъ серіозная рѣчь о крейсерствѣ, какъ уже начались въ Англіи горячіе митинги въ пользу мира, и королевѣ за множествомъ подписей подаются адреса протестующіе противъ войны. Чѣмъ болѣе будетъ увѣренности въ нашей рѣшимости принять борьбу, тѣмъ менѣе будетъ охоты вызывать насъ на борьбу. Если мы желаемъ предотвратить ее, то намъ давно слѣдовало бы дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ; если же война намъ нужна, если мы считаемъ наше дѣло недоконченнымъ и хотимъ попытаться довершить его новымъ ударомъ, то нѣтъ лучшаго способа какъ заманить противника видомъ слабости и растерянности. Слабодушная уступчивость въ политическомъ мірѣ не спаса-

еть отъ ударовъ, а напротивъ неизбежно навлекаетъ ихъ. Это одинаково вѣрно по отношенію и ко внутреннимъ, и къ иностраннымъ дѣламъ государства...

№ 104.

Москва, 25-го апрѣля.

Нескончаемые толки о предстоящемъ занятіи Австріей Босніи и Герцеговины, продолжающіеся чуть ли не полгода, повидимому разрѣшатся на дняхъ дѣйствительнымъ вступленіемъ австрійскихъ войскъ въ эти провинціи. Указаніемъ на это служатъ нѣкоторыя характеристическія перемѣны въ сужденіяхъ австро-венгерской печати и въ вѣнскихъ корреспонденціяхъ идущихъ изъ „надежныхъ“ источниковъ. До сихъ поръ, занятіе турецкихъ провинцій выставлялось какъ одно изъ условій русско-австрійскаго соглашения, и съ этой точки зрѣнія враждебные Россіи органы въ Вѣнѣ и особенно въ Пештѣ, съ пѣной у рта, говорили объ этомъ „ящикѣ Пандоры“, который „коварный сѣверный колоссъ“ подноситъ Австріи на ея пагубу. Теперь же вдругъ послышалось совсѣмъ иное. Противъ занятія никто больше не возражаетъ; всѣ согласны въ томъ что оно послѣдуетъ въ скоромъ времени, и что съ этою именно цѣлью Австро-Венгерское правительство озабочено реализаціей 60-ти-милліоннаго кредита, разрѣшеннаго мѣсяца два тому назадъ делегаціей лишь въ принципѣ. Но при этомъ спѣшатъ оговориться что активное вмѣшательство къ какому наконецъ приступаетъ Австрія отнюдь не есть признакъ положительнаго соглашения съ Россіей. Такъ телеграфируетъ вѣнскій корреспондентъ берлинской *Национальной Газеты*, отъ 2 мая; а въ письмѣ писанномъ наканунѣ онъ замѣчаетъ что если турецкія провинціи будутъ заняты, то это не значитъ чтобы раздѣлъ Балканскаго полуострова былъ дѣломъ рѣшеннымъ, хотя несомнѣнно де что австрійскія войска развступившія въ Мостаръ и Сараево уже не уйдутъ оттуда, и что „оккупация будетъ равносильна присоединенію, хотя бы Австрійское правительство *само этого не желало*.“ Не вѣритъ, съ другой стороны, берлинская газета въ сообщеніе вѣнскаго *Tagessblatt*, отъ 1 мая, переданное намъ по телеграфу, будто австрійскія войска со-

средоточиваются на трансильванской границѣ въ виду того что около Букурешта и близъ той же границы, со стороны Румыніи, стягиваются значительныя русскія силы. Берлинская газета не отрицаетъ самаго факта, но объясняетъ его совсѣмъ иначе. Русскія войска массируемыя въ Румыніи не могутъ де имѣть назначенія оперировать противъ Австріи; это былъ бы самый неудобный путь для вторженія въ ея предѣлы. Назначеніе этихъ войскъ не Австрія, а сама Румынія, которую Россія такъ или иначе должна заставить, на случай войны, остаться открытою для сношеній Россіи съ задунайскимъ краемъ. Но еслибы Россіи пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ противъ Румыніи, тогда весьма де вѣроятно что румынская армія отступитъ на Австрійскую территорию. Въ предвидѣніи этой-то случайности, по мнѣнію берлинской газеты, Австрія должна держать достаточную силу дабы обезоружить румынскія войска вступившія на ея территорию.

Такимъ образомъ, мирное завоеваніе къ какому готовится Австрія представляется въ Берлинѣ какъ неизбежное послѣдствіе... русскихъ побѣдъ надъ Турціей, но безъ малѣйшаго права Россія получить за это отъ Австріи какое-либо соотвѣтственное вознагражденіе или даже обѣщаніе связывающее ея свободу дѣйствій въ будущемъ.

Для Мадьяръ и этотъ комментарий къ готовящемуся предпріятію сочтенъ недостаточнымъ. Пештскихъ патріотовъ уговораютъ другимъ способомъ. Ихъ увѣряютъ что предстоящее занятіе Босніи и Герцеговины послужитъ сигналомъ къ войнѣ Австріи противъ Россіи. Въ пештскомъ правительственномъ органѣ *Ellenör* появилось 29 апрѣля сообщеніе что Боснія и Герцеговина будутъ заняты „правымъ флангомъ“ австрійской арміи выступающей противъ Россіи; центръ ея будетъ де двинутъ на Сербію, а лѣвый флангъ на Румынію. Венгерскій листокъ также указываетъ при этомъ на русскія силы сосредоточиваемыя близъ Трансильваніи, усматривая въ этомъ подтвержденіе излагаемаго имъ стратегическаго плана. Названная выше берлинская газета нисколько не тревожится однако по поводу этой воинственной выходки пештскихъ „офиціозовъ“, объясняя оныя необходимою „позолотить пилюлю“ для Мадьяръ и внезапнымъ движеніемъ австрійскихъ войскъ внутрь Турціи не испортить

дѣла соглашенія между обѣими половинами Имперіи, которое именно теперь близко къ осуществленію. *Національная Газета* думаетъ что „центръ и лѣвое крыло австрійской арміи останутся дома,“ правое же вступить въ Боснію „чтобъ оттуда не возвращаться.“ Словомъ въ Берлинѣ твердо убѣждены что составленная тамъ программа осуществится вполнѣ, и что Австрія, безъ войны, ничѣмъ не рискуя и ни къ чему не обязываясь, приобрететъ то что ей присуждено въ Берлинѣ и удержитъ за собою даровое приобретение хотя бы противъ собственной воли.

Менѣе увѣрены берлинскіе органы національ-либеральной партіи на счетъ осуществления проповѣдуемой ими программы по отношенію къ Англіи. Война между Россіей и Англіей давно уже выставляется ими постоянно какъ нѣчто „неизбѣжное“ въ противность войнѣ между Россіей и Австріей. Они считаютъ эту борьбу внѣ сферы интересовъ Германіи. Но вотъ на дняхъ офиціозная *Съверо-Германская Газета*, приведя извѣстіе о предполагаемой посылкѣ англійскаго флота въ Балтійское море, какъ-то проговорила, что въ этомъ случаѣ могли бы возникнуть осложненія затрогивающія Германію. Замѣчанія эти вызвали бурю въ лагерѣ національ-либераловъ. Всѣ вліятельнѣйшіе органы этой партіи поспѣшили заявить что они не усматриваютъ никакихъ поводовъ къ тревогѣ для Германіи въ томъ, что англійскій флотъ явится въ Балтійскомъ морѣ, и что тревогу напротивъ порождаетъ въ Нѣмецкомъ народѣ подобная замѣтка появившаяся въ органѣ близкомъ къ правительству; ибо она открываетъ перспективу на осложненія какія не соотвѣтствуютъ де ожиданіямъ общественнаго мнѣнія, основаннымъ на заявленіяхъ князя Бисмарка и политикѣ правительства по Восточнымъ дѣламъ. *Національная Газета* сообщаетъ что по поводу замѣтки *Съверо-Германской Газеты* возникла даже мысль о новомъ запросѣ правительству въ рейхстагѣ по поводу его иностранной политики. Но это средство, къ коему въ Германіи прибѣгаютъ лишь въ крайности, оставлено, въ виду убѣжденія, что офиціозный органъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на свою руку и не имѣлъ порученія угрожать Англіи.

Нашъ берлинскій корреспондентъ также старается намъ доказать что нѣтъ причинъ разчитывать на то чтобъ англій-

скій флотъ встрѣтилъ серіозное препятствіе ко вступленію въ Балтійское море. Его аргументація не совѣмъ сходна съ тѣмъ, что мы читаемъ по этому поводу въ берлинскихъ національ-либеральныхъ органахъ, но за то и менѣе убѣдительна. Германія, по его словамъ, и рада бы преградить путь британскому флоту въ Остзейское море, но ея попытки должны де ограничиться лишь дипломатическими представленіями, такъ какъ она не можетъ потребовать чтобы другія двѣ заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ державы, Данія и Швеція, воспротивились проходу флота, „ибо имъ пришлось бы выдержать весь натискъ англійской морской силы;“ Германія же не можетъ имъ предложить своей помощи, *вопервыхъ*, потому что *они и не намѣрены воспротивиться силой*, а *вовторыхъ*, потому что и сама-то она недостаточно сильна на морѣ чтобы выступить на борьбу съ Англіей. Можно было бы спросить: „а русскій Балтійскій флотъ развѣ не долженъ быть принятъ при этомъ въ разчетъ“ и неужели всей этой соединенной силы недостаточно было бы для того чтобы преградить путь чрезъ узкій проливъ ведущій въ Балтійское море?

Но нѣтъ надобности серіозно возражать противъ аргументовъ коихъ несеріозность видна съ перваго взгляда. Берлинская либеральная печать, въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ, была откровеннѣе. Она прямо возстаетъ даже противъ самаго отдаленнаго намека на возможность вмѣшательства Германіи въ англо-русскую борьбу, и устраняетъ всякую мысль о вспоможеніи Россіи хотя бы борьба разгорѣлась уже не на отдаленномъ Востокѣ, но въ ближайшемъ сосѣдствѣ Германіи.

— Не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію этотъ протестъ нѣмецкой печати. Но что касается самаго вопроса подавшаго къ оному поводъ, то еще позволительно усомниться въ самомъ ли дѣлѣ было бы подмогой для Россіи еслибы такъ или иначе англійскому флоту прегражденъ былъ путь въ Балтійское море? Если въ Крымскую войну лорду Непиру пришлось пожать тамъ весьма сомнительныя лавры, то еще менѣе могли бы англійскія суда нанести намъ вредъ въ Балтійскомъ морѣ теперь. Но чтобъ оперировать вообще въ Балтійскомъ морѣ и блокировать нашъ флотъ въ Кронштадтѣ, необходимо было бы отрядить туда очень значительную морскую силу, которая въ

противномъ случаѣ умножила бы собою англійскую силу въ водахъ Средиземнаго Моря.

Но напрасно пугаютъ насъ англійскимъ флотомъ. Мы, слава Богу, рѣшились дѣйствовать сами въ случаѣ войны. На океанахъ всего вѣрнѣе мы обезопасимъ наши берега. Сегодня печатаемъ мы воззваніе отъ Главнаго Комитета для сбора пожертвованій на устройство добровольнаго флота, который заставитъ нашего противника подобрать свои морскія силы для собственной обороны, и дать почувствовать ему невыгоды и опасности войны которыми онъ насъ пугаетъ.

№ 105.

Москва, 26-го апрѣля.

Наша дипломатическая слабость не только портитъ наше положеніе, но и усиливаетъ враждебное намъ британское правительство Беконсфильда въ его борьбѣ съ оппозиціей. Стоить сравнить положеніе этого кабинета въ началѣ нынѣшней сессіи и въ настоящую минуту. Тотчасъ по открытіи сессіи правительство лорда Беконсфильда не отваживалось сразу потребовать чрезвычайнаго кредита, а постепенно подготавлило къ этому палаты и страны, успокаивая всѣхъ притомъ оговорками что для него важно не столько получить деньги сколько изъясненіе довѣрія, а деньги пожалуй де и вовсе не придется тратить. Теперь тотъ же кабинетъ, потерявъ двухъ изъ наиболѣе способныхъ своихъ членовъ, не только не ослабѣлъ вслѣдствіе этого, а по-диктаторски относится къ парламенту, перевоза войска изъ Индіи безъ его разрѣшенія. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ оппозиція почти приведена къ молчанію, и мы, безъ сомнѣнія, много помогли въ этомъ лорду Беконсфильду. Какъ было ему не торжествовать? Англійскій флотъ ворвался въ Мраморное Море, а мы остановили наши войска, уже бывшія невдалекѣ отъ Дарданеллъ, по указанію англійской депеши, дабы не мѣшать безопасности сообщеній этого флота. Мы не рѣшились обезопасить и наши морскія сообщенія, и берега занятіемъ Босфора; мы удержались и отъ занятія Константинополя: все съ цѣлю не потревожить Англію. Мирный трактатъ нашъ съ побѣжденною Портою мы назвали пре-

лиминарнымъ, ручаясь что, кромѣ него, мы ничего себѣ не выговорили такого что оставалось бы неизвѣстнымъ; и спѣшили убѣдить всѣхъ въ нашей готовности идти на конгрессъ для его обсужденія. А когда Англія поставила условіемъ конгресса требованія равносильныя упраздненію трактата, то мы стали оправдываться и доказывать чистоту нашихъ побужденій обмѣномъ идей въ дружественномъ духѣ, что продолжаемъ понынѣ. Какъ же лорду Беконсфильду не торжествовать надъ оппозиціей. Онъ фактами доказываетъ что не даромъ требовалъ безусловнаго довѣрія.

Теперь идетъ рѣчь объ уступкахъ; и петербургскій корреспондентъ газеты *Times*, который служитъ усерднымъ органомъ нашей дипломатической канцеляріи, перечисляетъ наши уступки, говоря что Россія готова на урѣзаніе заключеннаго ею трактата по всѣмъ пунктамъ: измѣнить границы Болгаріи, и раздѣлить ее на двѣ части, и сократить срокъ ея занятія, и численность оккупационныхъ войскъ, и предоставить ея организацію европейской комиссіи, и въ Азіи только взять Карсъ и Батумъ, а отъ остальнаго отказаться, и наконецъ уплату вознагражденія возложить на заботу европейскаго синдиката и предоставить преимущество другимъ кредиторамъ Турціи. Наконецъ, вѣсть эта шлетъ именно въ ту минуту когда казалось переговоры снова пришли въ тупикъ, и Англійскому кабинету, для оправданія принятыхъ имъ мѣръ, по необходимости, предстояло еще обнаружить странъ свои планы.

Для лорда Беконсфильда это какъ нельзя болѣе кстати, ибо, не смотря на все, страна далеко не убѣждена въ необходимости войны съ Россіей и лорду Беконсфильду, при всемъ его могуществѣ, не легко было бы подвинуть ее на войну, еслибы мы стояли твердо на своемъ правѣ. Вотъ факты. Во время трехъ-недѣльной парламентской вакаціи, случились два парламентскіе выборы, въ Нортэмптонширѣ и Тамвортѣ, и на обоихъ кандидаты правительственной партіи были побиты оппозиционными. Представителемъ города Голла (Hull) состоитъ либераль. Норвудъ, но либеральная ассоціація въ этомъ городѣ на дняхъ собралась чтобы безусловно осудить его образъ дѣйствій въ палатѣ по Восточному вопросу и объявить что онъ пересталъ быть вѣрнымъ представителемъ либеральной партіи въ Голлѣ (Hull). Г. Гладстону былъ не-

давно поданъ адресъ, съ протестомъ противъ войны отъ 400 духовныхъ лицъ различныхъ исповѣданій. Но самая значительная изъ протестующихъ демонстрацій была 30 апрѣля въ Манчестерѣ, гдѣ утромъ собрались на конференцію болѣе 1.500 делегатовъ отъ либеральныхъ организацій изъ 129 городовъ и мѣстечекъ сѣвера Англіи, обнимающаго и весь округъ страдающій теперь отъ забастовокъ рабочихъ, и такіе многолюдные центры какъ Ливерпуль, Манчестеръ, Лидзъ, Ньюкаслъ, Шеффилдъ, Голлъ. Вечеромъ же состоялся по приглашенію еще болѣе многолудный митингъ, въ предсѣдательствѣ г. Джона Брайта, для демонстраціи въ пользу мира. Значеніе этихъ демонстрацій возвышается тѣмъ, что онѣ происходили на другой день послѣ того какъ въ Бадфордѣ министръ Гарди держалъ самую воинственную рѣчь, которая телеграфомъ была уже разнесена по всѣмъ концамъ Англіи. Многіе члены парламента не могшіе присутствовать, въ томъ числѣ гг. Гладстонъ, Форстеръ, Стансфельдъ, и другіе, прислали письма съ выраженіемъ полного сочувствія. Любопытно отмѣтить что когда въ рѣчахъ говорившихъ ораторовъ упоминалось имя перваго министра, то оно почти каждый разъ встрѣчалось свистками. Резолюціи же приняты какъ утромъ на конференціи, такъ и вечеромъ на митингѣ выражали безусловное обсужденіе всѣхъ дѣйствій и политики правительства, въ особенности же „опасную и деспотическую мѣру привоза въ Европу индійскихъ войскъ безъ вѣдома и разрѣшенія парламента.“ Резолюціи, далѣе, объявляли что „правительство лорда Беконсфильда есть роковое препятствіе для мира и международной дружбы, для свободы и независимости угнетенныхъ національностей, и постоянная угроза для чести, интереса и свободы Британскаго народа.“

Въ такомъ же тонѣ держали рѣчи и всѣ ораторы говорившіе на утренней конференціи, но событіемъ, можно сказать, была вечерняя рѣчь г. Брайта, которая вызвала общій взрывъ негодованія въ министерской печати, едва ли не болѣе чѣмъ даже извѣстная рѣчь лорда Дарби. Можно бы подивиться такому озлобленію противъ г. Брайта, такъ какъ его мнѣнія слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны. Но дѣло въ томъ что, помимо своихъ мнѣній, онъ наговорилъ слишкомъ много рѣзкихъ истинъ министрамъ, и безпощадно разоблачилъ всю

ложь софизмовъ только-что наканунѣ сказанныхъ министромъ Гарди. Онъ напомнилъ что министерство сначала требовало только довѣрія, „но какъ можетъ оно,“ замѣтилъ ораторъ, ожидать довѣрія отъ „насъ или отъ страны, когда ему не до-“ „вѣряютъ его бывшіе товарищи, лордъ Дарби и лордъ Карнарвонъ, незахотѣвшіе быть „участниками въ великомъ преступленіи.“ Оно все твердитъ что не хочетъ войны, что принимаемыя имъ мѣры суть не военныя, а только предусмотрительныя, и обѣщало даже не тратить разрѣшеннаго военнаго кредита, а болѣе половины онаго, указывалъ Брайтъ, уже истрачено, и, между прочимъ, на эти деньги куплены три новые броненосца, какъ будто у Англіи ихъ мало; и это не военная мѣра? Г. Гарди наканунѣ высокомерно утверждалъ что Англія имѣла безспорное право, ни у кого не спрашиваясь, ввести свой флотъ въ Мраморное Море. Но въ такомъ случаѣ, спрашивалъ г. Брайтъ, зачѣмъ же вы сами просили у султана разрѣшенія? Когда закрывался парламентъ на вакаціи Пасхи, канцлеръ казначейства увѣрялъ что непредвидится ни малѣйшей опасности, что дѣла не хуже чѣмъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ, а на слѣдующій же день, какъ заперлись двери палаты, пришли телеграммы изъ Калькутты и Бомбея что „нѣсколько „тысячъ магометанъ изъ Индіи будутъ „сланы въ Европу чтобы сражаться противъ христіанской Россіи,“ и сэръ-Стаффордъ Порткотъ конечно зналъ объ этомъ когда закрывалъ палату. Англія ведетъ въ настоящее время борьбу въ Африкѣ противъ Кафровъ, а правительство, упрекалъ г. Брайтъ, готовится раздуть пламя войны еще на двухъ материкахъ. Сначала все толковали о „британскихъ интересахъ.“ Вдругъ о нихъ замолкли. „Теперь насъ „приглашаютъ,“ продолжалъ г. Брайтъ, „вступить въ войну на защиту европейскаго права? Но Европа знаетъ не хочеть, Европа отвергаетъ наше европейское право. Ни одна изъ другихъ державъ не возражала противъ участія на „конференціи на условіяхъ предложенныхъ Россіей, а возражало только „одно англійское правительство.“ На извѣстную фразу лорда Беконсфильда что слѣдуетъ озаботиться исправленіемъ нарушеннаго равновѣсія въ Средиземномъ Морѣ, г. Брайтъ имѣлъ мужество спросить: „Да кто же нарушаетъ равновѣсіе въ Сре-

„диземномъ Морѣ? (Смѣхъ) Будь я Французъ, или Испанецъ, или Италіанецъ, или Австріецъ, или Грекъ, или Египтянинъ, или даже Турокъ, я сказалъ бы что главный нарушитель равновѣсія въ Средиземномъ Морѣ есть британское правительство и присутствіе въ немъ англійскаго флота болѣе сильнаго чѣмъ всѣ остальные въ совокупности.“ Да и чѣмъ это равновѣсіе было нарушено? Турція охраняла Проливы, и Англія сама не посмотрѣла на эту опеку. Изъ всѣхъ затрудненій полагавшихся Англійскимъ правительствомъ для созванія конгресса, также какъ изъ депеши Солсбери, г. Брайтъ выводилъ заключеніе что въ сущности „цѣлью правительства было, если возможно переговорами, а если нѣтъ то и войной, возстановить Турцію и поддержать независимость и цѣлость Оттоманской имперіи.“ Это де подтвердилъ наканунѣ и г. Гарди, заявляя что, какъ онъ не сожалѣлъ самъ о болгарскихъ ужасахъ, но что „политика страны не можетъ де быть разрушена случайностью, какъ бы ни была она ужасна или даже бѣдственна.“ Всѣ толки о войнѣ будто бы для поддержанія трактатовъ, доказывалъ г. Брайтъ, сводятся къ одной цѣли—уменьшить свободу Болгарскаго народа и поддержать турецкое владычество въ Европѣ. Г. Брайтъ разказывалъ какъ издатель одной лондонской газеты признавался что „свѣтъ не достаточно великъ для такихъ двухъ имперій какъ Англія и Россія, и необходимо рѣшить разъ навсегда которая изъ нихъ больше и которой принадлежитъ міръ.“ Но вѣдь Россію вы не уничтожите, говорилъ Брайтъ: послѣ Крымской войны она осталась такою же великою, и сопредѣльною съ Турціей, и вліяніе ея осталось то же, а намъ отъ этой войны остались печальныя воспоминанія потерь. Да и достойно ли, прибавилъ онъ, толковать объ опасностяхъ которыя еще *можетъ-быть* только возникнуть (могутъ возникнуть, какъ говорилъ г. Гарди) отъ ослабленія Турціи. „Мое утѣшеніе и моя надежда, заключилъ г. Брайтъ, въ томъ что чувство справедливости, человеколюбія и миролюбія еще не умерли въ сердцахъ Англичанъ.“

Г. Брайтъ, указывалъ между прочимъ на несправедливость сначала потребовать отъ Россіи чтобъ она не приближалась къ Суэзскому каналу, а потомъ пользоваться имъ чтобы перевозить войска изъ Индіи противъ Россіи. Понятно что всѣ эти изобли-

ченія раздражаютъ правительственные органы въ ту минуту какъ Англійское правительство съ угрозами требуетъ чтобы Россія подчинилась его требованіямъ. Но когда мы сами заводимъ рѣчь объ уступкахъ, то напрасно они тревожатся эффектомъ рѣчей г. Брайта и другихъ изъ оппозиціи. Къ чему всѣ ваши разглагольствія, отвѣтятъ имъ англійскіе министры, когда Россія слушается насъ и нашихъ угрозъ?..

№ 106.

Москва, 27-го апрѣля.

Мы не знаемъ кто больше заботится, сами ли мы или наши противники о томъ чтобы русскіе интересы подчинялись чужимъ, чтобы мы признавали надъ собою компетенцію Европы и связывали свои дѣйствія какимъ-то международнымъ правомъ. Наша интеллигенція выбивается изъ силъ показывать себя какъ можно менѣе русскою, полагая что въ этомъ-то и состоитъ европеизмъ. Но европейская интеллигенція такъ не мыслить. Европейскія державы напротивъ только заботятся о своихъ интересахъ и не мало не думаютъ о Европѣ. Въ этомъ-то и полагается все отличіе цивилизованной страны отъ варварской. Европейская держава значитъ умная держава и такая не пожертвуетъ ни однимъ мушкетеромъ, ни однимъ пфенигомъ ради абстракціи именуемой Европой. Никакая истинно-европейская дипломатія не поставитъ себѣ задачей служить проводникомъ чужихъ интересовъ въ дѣлахъ своей страны. Наше варварство заключается не въ необразованности нашихъ народныхъ массъ: массы вездѣ массы, но мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ и съ чувствомъ достоинства признать что нигдѣ въ народѣ нѣтъ столько духа и силы вѣры какъ въ нашемъ, а это уже не варварство... Нѣтъ, наше варварство—въ нашей *иностранный* интеллигенціи. Истинное варварство ходитъ у насъ не въ сѣромъ армякѣ, а больше во фракѣ и даже въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Наши образованные люди, публицисты дипломатическаго пошиба не понимали что Европа, какъ политическій терминъ, есть фикція которая ничѣмъ не отличается отъ бредней социализма и всякаго рода утопій. Стыдно было въ писаніяхъ съ притязаніемъ на серіозное значеніе встрѣчать фра-

зы о европейскомъ ареопагѣ. Эти господа не понимали что Европа есть только удочка для ихъ варварства, и что если наши противники влекли насъ на судъ Европы и заставляли насъ подчинять ей интересы нашего отечества, то этимъ требовалось только чтобы мы съ религіознымъ трепетомъ и благоговѣнно приносили самое дорогое для насъ въ жертву нашимъ врагамъ. Съ нами не церемонятся. Наше варварство эксплуатируютъ, и не скрываютъ того, съ увѣренностью что мы не поймемъ обмана и тогда когда увидимъ его. Тѣ самыя правительства, тѣ самыя люди, тѣ самыя органы, которые твердятъ намъ объ Европѣ и интересахъ европейскихъ, будутъ, несколько не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, смѣяться надъ этимъ вздоромъ. Послушайте до какой доходить это наглости:

Сейчасъ прочли мы въ лондонской газетѣ *Times* очень мѣткую отвѣдь на сѣтованія нѣкоторыхъ французскихъ органовъ что Европа, вслѣдствіе безсилія Франціи, перестала существовать, причемъ французскими публицистами дѣлаются упреки Англіи за то что она не поддержала Франціи въ борьбѣ имѣвшей послѣдствіемъ ея теперешнее немощное положеніе. Органъ Лондонскаго города замѣчаетъ что толковать о Европѣ въ смыслѣ какой-то силы предписывающей законы націямъ есть нелѣпость недостойная людей серіозныхъ. Не ограничиваясь сарказмами, *Times* не церемонится объявить „что общности (*community*) націй для охраненія мира никогда не бывало, развѣ въ дипломатическихъ „фразахъ“, и рядомъ историческихъ примѣровъ, отъ Реформаціи до нашихъ дней, доказываетъ что правительства и націи всегда руководились національнымъ интересомъ. По окончаніи большихъ войнъ улаживались общія соглашенія, которыя въ теченіе времени упразднялись или силою, или развитіемъ обстоятельствъ. Словомъ, то же что говорили мы: трактаты заключаются на мирное время и упраздняются войнами которыя ведутъ къ иному порядку вещей, не имѣющему ничего общаго съ прежними трактатами. *Times* поясняетъ это всѣмъ извѣстною исторіей трактатовъ составленныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, отъ коихъ теперь не осталось ничего уцѣлѣвшаго, хотя для упраздненія ихъ не понадобилось европейскаго разрѣшенія. Не только не понадобилось, но вмѣшательство Европы было бы и невозможно, говоритъ лондон-

скій органъ, ибо ни Франція, ни Пруссія не допустили бы чтобы Европа улаживала дѣла которыя онѣ считаютъ своими. „Дѣло въ томъ“, читаемъ мы, „что всякая попытка соорудить изъ европейской общины „формальный апелляціонный судъ была бы „попросту сигналомъ ко всеобщей войнѣ. „Никакая независимая страна не подчинитъ рѣшенія своихъ вещественныхъ интересовъ суду присяжныхъ изъ заграничныхъ сосѣдей. Нѣтъ, никакая независимая страна не должна допускать чтобы потребности ея существованія становились такимъ образомъ игрой случайности.“ Мысль о европейскомъ международномъ трибуналѣ, учить лондонская газета, порождается ложною аналогіей: „Независимыя государства не даютъ матеріаловъ для такихъ судовъ кои дѣйствуютъ „внутри государства. Было бы невозможно „назначить судей коимъ бы всѣ довѣряли; „а измѣнчивый кодексъ общихъ правилъ „который смутно зовется международнымъ „правомъ или общимъ правомъ былъ бы „безполезенъ при отсутствіи какой-либо „высшей международной власти, постоянно засѣдающей и компетентной не только пересматривать законъ отъ времени „до времени, но и принуждать къ исполненію онаго помощью общей арміи.“

Но та же газета, въ той же самой статьѣ, не перемѣняя тона, объявляетъ что Европа, эта не существующая Европа, эта фикція, эта утопія, эта нелѣпость, которая, въ случаѣ попытки осуществить ее стала бы началомъ всеобщихъ войнъ и потрясеній, — вдругъ становится дѣйствительностію несомнѣнною, безспорною, священною, какъ только рѣчь коснется интересовъ Россіи. Въ Восточномъ вопросѣ, который теперь есть собственно русскій вопросъ, Европа, учить *Times*, имѣетъ право „навязывать свою волю.“ Не разумное, бессмысленное, наконецъ не существующее, вдругъ является силою, которая имѣетъ свою волю! Какое это!

Это напоминаетъ намъ другой, еще болѣе возмутительный примѣръ эксплуатаціи нашего интеллигентнаго варварства.

Недавно, въ аугсбургской *Allgemeine Zeitung* (№ 119, отъ 29 апрѣля) прочли мы статью одного изъ нѣмецкихъ юристовъ вызванную приговоромъ петербургскихъ присяжныхъ по дѣлу Засуличъ. Ничего не можетъ быть основательнѣе излагаемаго въ этой статьѣ взгляда на значеніе суда во-

обще и суда присяжныхъ въ особенности. Послушаемъ:

„Что значитъ быть судьей? Значить: при-
„мѣнять дѣйствующій, положительный за-
„конъ къ субъективному дѣянію человѣка,
„кто бы онъ ни былъ и надъ кѣмъ бы ни
„совершилъ онъ свое дѣяніе; значитъ: всею
„силой своего духа и мысли стараться ра-
„спознать, подходитъ ли составъ даннаго
„дѣянія подъ существующій законъ; на-
„конецъ, быть судьей значитъ со всею до-
„бросовѣстностію и самообладаніемъ, къ
„какимъ только можетъ быть способенъ че-
„ловѣкъ, совершать дѣйствія яснаго, хо-
„лоднаго, трезваго разсудка, причеиъ серд-
„це и чувство должны лишь настолько дѣй-
„ствовать чтобы судья былъ проникнуть до
„глубины души такимъ убѣжденіемъ: я тѣмъ
„вѣрнѣе исполняю мой долгъ и тѣмъ луч-
„ше служу государству и правосудію чѣмъ
„крѣпче сопротивляюсь всякимъ внѣшнимъ
„вліяніямъ и часто столь сильнымъ внут-
„реннимъ возбужденіямъ... Для истиннаго
„судьи какимъ онъ долженъ быть такая
„строгая и возвышенная задача становится
„призваніемъ цѣлой жизни. Независимый
„отъ всѣхъ земныхъ властей, онъ прекло-
„няется лишь предъ единою, предъ вели-
„чіемъ закона. Его недоступность коре-
„нится въ его вѣрности долгу; холодность
„его разсудка, не рѣдко пугающая поверх-
„ностнаго наблюдателя, имѣетъ свой источ-
„никъ въ глубокой и горячей преданности
„дѣлу правосудія, въ вѣрномъ блюденіи ко-
„торого онъ видитъ жизненное условіе для
„процвѣтанія государства. Если же судья
„когда-либо уклонится отъ прямого пути
„предначертаннаго ему закономъ, если онъ
„захочетъ поправлять законодательство и
„не дастъ должнаго примѣненія дѣйствую-
„щей нормѣ потому что она ему покажется
„устарѣвшею и несогласною съ современ-
„ными юридическими воззрѣніями; то никто
„не усомнится признать что такой судья
„измѣнилъ своему долгу и не понялъ до-
„стоинства возложенной на него задачи. Но
„можетъ-быть судьи изъ народа, присяжные,
„поставлены въ другія условія? Если Лин-
„чевъ судъ не допускается на улицахъ, то
„не слѣдуетъ ли допустить утонченный Лин-
„чевъ судъ верховновластнаго народа въ
„судебной залѣ, посредствомъ котораго про-
„извольно устраняются существующіе за-
„коны? Нѣтъ! Если присяжнымъ поставленъ
„вопросъ: виновенъ ли подсудимый А въ
„томъ что выстрѣлилъ въ Б съ намѣреніемъ

„умертвить его, то ненарушимый долгъ
„обязываетъ ихъ добросовѣстнѣйшимъ об-
„разомъ убѣдиться была ли въ данномъ слу-
„чаѣ возможность и воля причинить смерть.
„Слѣдствіе о томъ, не было ли подверг-
„шееся нападенію лицо такого свойства что
„учиненное противъ него посягательство за-
„служиваетъ снисхожденія съ нравственной
„точки зрѣнія, или личность подсудимаго
„не даетъ ли основанія заключать что онъ
„въ своемъ дѣяніи руководился какими-
„нибудь нравственными мотивами,—такое
„слѣдствіе лежитъ внѣ сферы компетенціи
„суда присяжныхъ. Коль скоро они, отсту-
„пая отъ закона, возьмется судить по про-
„извольному усмотрѣнію не внѣшнее дѣя-
„ніе, но душевную глубину, они изгладятъ
„черту которую человѣческая мудрость про-
„вела между правомъ и нравственностію.
„На мѣсто положительнаго общаго крите-
„рія поставятъ они произвольное личное
„чувство; они нарушатъ законъ, котораго
„твердость есть лучшая охрана граждани-
„на; они поколеблютъ общественную нрав-
„ственность, что должно имѣть неисчи-
„слимыя послѣдствія. Правда, бываютъ слу-
„чаи когда законъ оказывается очевидно не-
„достаточнымъ, но тогда на помощь являет-
„ся верховная власть которая всего без-
„пристрастнѣе можетъ рѣшить не сталки-
„вается ли въ какомъ-либо исключитель-
„номъ случаѣ нравственное требованіе съ
„закономъ. Но это находится внѣ сферы
„суда присяжныхъ. Если они вздумаютъ
„поправлять законъ, то въ минуты воз-
„бужденія они создадутъ новый, который
„не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ не-
„зрѣлымъ выраженіемъ минутнаго настрое-
„нія; захотятъ ли они миловать,—это бу-
„детъ не милость; а произволъ...“

Представьте же себѣ: разсуждая такъ
умно и такъ зрѣло, тотъ же самый авторъ,
въ той же самой статьѣ, объявляетъ что
къ Россіи все это не примѣняется, что
тамъ судьи и присяжные не только могутъ,
но должны нарушать свой долгъ, коле-
бать общественную нравственность, вести
къ потрясеніямъ, и что онъ очень радъ
приговору присяжныхъ по дѣлу Засуличъ
(приговору недопустимому въ Германіи или
Австріи); онъ рукоплещетъ этому приго-
вору вмѣстѣ съ избранною публикой Пе-
тербурга. Россіи такъ и надо...

№ 107.

Москва, 28-го апрѣля.

Телеграфныя извѣстія и послѣдніе нумера иностранныхъ газетъ обсуждаютъ поѣздку графа Шувалова въ Петербургъ, выставляя ее событіемъ знаменующимъ новую фазу въ развитіи политическихъ переговоровъ. Фаза эта характеризуется какъ новая, будто бы усиленная противъ прежняго, уступчивость со стороны Россіи, и много пущено въ ходъ разнородныхъ пружинъ дабы еще болѣе „облегчить“ дѣло умиротворенія коего „носителемъ“ выставляется русскій посолъ при Лондонскомъ дворѣ. Одна берлинская газета выражается по этому поводу что графъ Шуваловъ обладаетъ особымъ качествомъ въ глазахъ англійскихъ государственныхъ людей: „они ему еще вѣрятъ.“ Какъ лестно для русскаго посла быть повѣреннымъ Беконсфильда которому никто не вѣритъ!..

Но что же можетъ заставить Россію идти на уступки лишь бы избѣжать войны? Берлинская *Національная Газета* замѣчаетъ что Русское правительство будто бы готово на всякія уступки „въ виду смутъ угрожающихъ внутри.“ Эти внутреннія смуты съ нѣкотораго времени настойчиво выставляются аргументомъ долженствующимъ побудить Россію на всякія сдѣлки съ ея врагами. Но и врагамъ нашимъ хорошо извѣстно что въ Русскомъ народѣ, въ его массахъ, въ его сословіяхъ, нѣтъ ничего похожаго на смуту. Никогда Верховная Власть не могла такъ надежно опираться на Русскій народъ какъ въ настоящее время. Никогда нашъ народный духъ не проявлялъ себя такъ блистательно какъ въ эту войну. Никогда способное правительство не могло бы такъ успешно, могущественно и плодотворно дѣйствовать въ интересахъ русской національной политики, никогда обстоятельства не были такъ благоприятны для Россіи чтобъ обезпечить себя въ Европѣ надежными союзами... И вотъ въ эту-то минуту хотятъ помрачить ея умъ, оборвать и обезславить ее, и дѣйствительно породить въ ней сѣмя внутренннихъ недуговъ, всегдашнее послѣдствіе униженія и упадка народнаго духа. Нѣтъ, Русскій народъ здоровъ и могущественъ; онъ только нуждается въ ясномъ разумѣніи своихъ силъ и своихъ интересовъ. Твердая, умная по-

литика руководимая исключительно интересами страны, не читающая для своего руководства иностранныхъ газетъ и способная отличать обманъ отъ истины, — словомъ, умная политика, и честная, и согласная съ собою въ своихъ дѣйствіяхъ, вотъ все что нужно. Что же касается смутъ, какой-то революціи которая собирается въ нѣдрахъ русскаго народа, то это есть гнусный фарсъ который издавна ведется съ цѣлю пугать правительство и сбивать его съ пути какъ въ его домашнихъ, такъ и въ иностранныхъ дѣлахъ. Надобно быть совсѣмъ слѣпымъ чтобы не видѣть искусственности и поддѣлки нашихъ революціонныхъ демонстрацій, которыя въ данную минуту могутъ радовать только враговъ Русскаго народа, и конечно ими издали готовятся...

Но не одними внутренними смутами угрожаютъ Россіи въ теперешній рѣшительный моментъ, когда, по общему мнѣнію, должно быть произнесено окончательное рѣшеніе. Намъ стараются увѣрить будто неожиданнымъ образомъ гроза противъ Россіи поднимается еще со стороны Австріи. Не болѣе какъ два дня тому назадъ берлинскія газеты глумились надъ мадьярскими и вѣнскими органами непримиримыхъ, толковавшими въ воинственномъ смыслѣ послѣднія рѣшенія принятыя Австро-Венгерскимъ правительствомъ. А теперь берлинскія газеты сами распространяютъ извѣстія „тревожнаго свойства“ по поводу финансовыхъ и военныхъ мѣръ затѣваемыхъ въ Вѣнѣ. Отъ 4 мая телеграфируютъ изъ Вѣны въ *Національную Газету* что всѣ слухи о состоявшемся соглашеніи Австріи съ Россіей ложны; что, напротивъ, въ Вѣнѣ господствуетъ сильное раздраженіе противъ Россіи по поводу военныхъ приготовленій дѣлаемыхъ въ Румыніи, и что это должно повлечь де за собою соотвѣтственныя мѣры со стороны Австріи. „Сепаратное соглашеніе съ Россіей,“ прибавлено въ телеграммѣ, „никогда не имѣло видовъ на осуществленіе, ибо Вѣнскій кабинетъ, въ большей еще степени нежели Англія, настаиваетъ на томъ чтобы, при будущемъ устройствѣ „дѣлъ на Востокъ, за нимъ“ (то-есть за этимъ устройствомъ) „сохраненъ былъ его „европейскій характеръ.“

Берлинская газета, какъ мы неоднократно указывали, обыкновенно относилась крайне скептически ко всѣмъ пущимъ

изъ Вѣны воинственнымъ слухамъ и всегда посмѣивалась надъ тамошними „бряпаніями мечомъ.“ На этотъ же разъ она съ важною покачиваетъ головой и находитъ что вышеприведенныя слова ея корреспондента „звучать очень серіозно.“ Телеграмма эта сняла де завѣсу скрывавшую до сихъ поръ политику Австріи, и неожиданнымъ образомъ указываетъ де на серіозную опасность съ этой стороны. Тутъ же приводятся слова сказанныя будто бы однимъ высокостоящимъ австрійскимъ политикомъ что „Балканскій полуостровъ долженъ быть очищенъ отъ Русскихъ какъ бы дѣйствіемъ воздушнаго давленія.“

Австрія которую берлинская же печать постоянно толкала на Востокъ, которой доказывали что она можетъ и должна воспользоваться плодами побѣдъ Россіи, добровольно ей уступаемыми, и признать совершившіеся факты коихъ передѣлать нѣтъ возможности, эта самая Австрія вдругъ будто бы превращается въ противника еще болѣе непримиримаго нежели Англія, и будто она собирается своимъ мощнымъ ударомъ вышвырнуть Россію съ Балканскаго полуострова!

Видите, какъ стараются всячески запугать насъ въ эту минуту! А вотъ Англичанъ, напротивъ, стараются избавить отъ излишней тревоги. Какъ мы и предвидѣли, вѣсть о томъ что въ Россіи дѣлаются приготовления чтобы въ случаѣ войны съ Англіей пустить въ ходъ каперы породила въ Англіи большое безпокойство которое не сумѣли скрыть и самая воинственная изъ лондонскихъ газетъ. Такъ по полученіи извѣстія о приходѣ въ Америку парохода *Kumaria*—извѣстія которое вообще произвело въ Англіи большую сенсацию—газета *Standard* стала доказывать что правительству слѣдуетъ заранѣе озаботиться охраной англійскихъ купеческихъ судовъ, такъ какъ силы теперь имѣющіяся для этого во всѣхъ моряхъ и океанахъ, за исключеніемъ Атлантическаго, далеко недостаточны. Изъ *Times* мы узнаемъ что слухи о каперахъ уже имѣли другое, также предвидѣнное послѣдствіе, возвысивъ премію на страхование англійскихъ кораблей отправляющихся изъ американскихъ портовъ въ дальнія плаванія.

И что же? Сегодня изъ Вѣны передаютъ чрезъ Международное Телеграфное Агентство слухъ будто графъ Шуваловъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Лондона пред-

упредительно успокаивалъ маркиза Солсбери что Россія останется вѣрна Парижской деклараціи 1856 года, и не будетъ выдавать каперскихъ свидѣтельствъ.

Мы далеки отъ того чтобы придавать вѣру этимъ слухамъ. Но уже и то знаменательно что считаютъ нужнымъ распространять ихъ въ интересахъ „успокоенія.“ Мы не вѣримъ этимъ слухамъ, но они показываютъ къ чему считаютъ насъ способными. Въ самомъ дѣлѣ, на что это походить! Русскій посолъ будто бы успокаиваетъ противника своей страны не въ видахъ мира, а въ видахъ войны! Можно было бы понять смыслъ обѣщанія, хотя бы и малодушнаго, для обезпеченія мира. Но поймите смыслъ ручательства даваемого врагу въ томъ что мы отнюдь не будемъ пользоваться оружіемъ котораго онъ боится болѣе всего. Мы будто бы говоримъ ему: „Не бойся, напирай сильнѣе. Мы не будемъ пользоваться каперами: мы тебѣ гарантируемъ точнѣйшее исполненіе Парижской деклараціи.“ Да зачѣмъ же стали бы мы это говорить? Будемъ заряжать наши пушки горохомъ или углемъ вмѣсто пороха, да зачѣмъ же гарантировать это непріятелю въ виду возможной войны? Невозможно вѣрить подобнымъ слухамъ, но они свидѣлствуютъ о томъ какое презрительное имѣется мнѣніе о нашей интеллигенціи, если считается возможнымъ распространять о ней такіе слухи.

№ 108.

Москва, 29-го апрѣля.

Поѣздкѣ графа Шувалова въ Петербургъ всѣ придаютъ рѣшающее значеніе. Дай Богъ чтобы послѣдствіемъ ея былъ благодатный миръ котораго всѣ желаютъ! Во всякомъ случаѣ требуется выходъ изъ того неопредѣленнаго и тревожнаго состоянія въ которомъ находятся дѣла, и которое хуже войны. Повидимому, кончается періодъ дипломатическаго толченія воды и „переговоровъ о принципѣ переговоровъ.“ Повидимому, между Россіей и Англіей начались переговоры серіозные, которые должны коснуться сущности вопроса и дѣйствительныхъ интересовъ обѣихъ державъ. Лондонскій кабинетъ не слова, не денегу намъ посылаетъ, но мысль свою, переданную нашему послу. Графъ Шуваловъ (и

это имя ручается за серьезность переговоров) не считъ бы нужнымъ ѣхать изъ Лондона въ Петербургъ для передачи того что могло бы быть изложено на бумагахъ и передано чрезъ курьера. Пустословіе кончилось, начинается дѣло, и этому нельзя не порадоваться.

Въ Лондонѣ напутствовали графа Шувалова благожеланіями. Въ *Times* появилась статья которой содержаніе тотчасъ же было сообщено повсюду телеграфомъ статья очевидно писанная политическимъ перомъ, быть-можетъ кѣмъ-нибудь изъ членовъ кабинета. Она обратила на себя общее вниманіе; всѣ поняли ее какъ манифестацію Лондонскаго кабинета. Но она ограничивается лишь общими и притомъ весьма загадочными воззрѣніями. Къ нашему утѣшенію, мы узнаемъ изъ ней что Англійское правительство не стоитъ непремѣнно на томъ чтобы всѣ результаты войны считать *compte non avenue*. Оно готово признать и допустить многіе изъ достигнутыхъ нами результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ какъ утѣшительно для насъ узнать что лордъ Беконфильдъ съ товарищами не вовсе считаетъ нашу войну дѣломъ не бывшимъ! Крови пролитой въ эту войну недостаточно для того чтобы признать ея дѣйствительность; нужно еще признаніе лорда Беконсфильда. Мы узнаемъ что Англійское правительство согласно наконецъ не возстановлять турецкаго управленія (турецкую юрисдикцію, какъ выражается маркизъ Солсбери) въ освобожденных провинціяхъ. Англія допускаетъ новый порядокъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ, однако подъ условіемъ, — подъ тѣмъ условіемъ чтобъ отъ этого не усилилось значеніе Россіи на Востокѣ. Если Англія, поясняятъ намъ, требуетъ предъявленія всего Санъ-Стефанскаго договора, то не потому чтобъ она возражала противъ тѣхъ цѣлей которыя были провозглашены Россіей предъ началомъ войны, то-есть противъ освобожденія христіанъ, а потому что она не можетъ помириться съ преобладающимъ вліяніемъ пріобрѣтеннымъ Россіей, и требуетъ своей доли вліянія въ Турціи.

Но кто же оспаривалъ у Англіи ея долю вліянія на Востокѣ? Объ этомъ ли шла рѣчь? Слова которыми англійскіе политики напутствовали нашего посла можно понять такъ: Мы согласны что возстановить прежній порядокъ на Балканскомъ полуостровѣ нельзя; но затѣмъ просимъ васъ уби-

раться. Вы хотѣли освободить христіанъ, вы это сдѣлали и будетъ съ васъ. Оставьте намъ заботу о томъ что и какъ далѣе сдѣлать. Вы несли жертвы, а честь и вліяніе на Востокѣ должны достаться намъ. Результаты вашей войны, вашъ мирный трактатъ мы готовы будемъ признать лишь въ той мѣрѣ въ какой вы согласитесь измѣнить его въ ущербъ себѣ и къ нашей выгодѣ.

Итъ, мы увѣрены, графъ Шуваловъ везетъ что-нибудь болѣе серьезное если имѣются виды на соглашеніе съ Англіей. Невозможно допустить чтобы мы могли продолжать переговоры на подобныхъ основаніяхъ. Война которую мы вели и миръ который мы заключили должны быть внѣ вопроса. Предпринимая войну, Россія не искала ни корысти себѣ, ни ущерба Англіи. Напротивъ, она избѣгала войны и упрашивала всѣхъ раздѣлить съ нею честь того дѣла которое всѣми признавалось необходимымъ. На Константинопольской конференціи всѣми державами было засвидѣтельствовано зло, и еслибы державы захотѣли, то онѣ могли бы совокупнымъ дѣйствіемъ предотвратить войну. Турція не могла бы сопротивляться общему дѣйствію всѣхъ державъ, войны бы не было, и все дѣло ограничилось бы общою демонстраціей, въ которой честь первенства Россія была готова уступить Англіи. Будь въ свое время принятъ тотъ планъ который предлагала Россія, разговоръ о разграниченіи вліянія на Востокѣ имѣлъ бы смыслъ. Честь и вліяніе распредѣлились бы между всѣми по мѣрѣ участія каждаго. Но Англія не только не допустила общаго дѣйствія державъ на Турцію, но поддерживала ее въ сопротивленіи и помогала ей въ борьбѣ. Нельзя отрицать факта бывшей войны, нельзя отрицать и всѣхъ ея послѣдствій. Англія сама лишила себя чести великаго дѣла, и если ея вліяніе должно потерпѣть ущербъ, то объ этомъ ей слѣдовало подумать ранѣе и постараться предотвратить войну. Англійское правительство теперь видитъ свою ошибку, но можетъ ли оно требовать чтобы мы поправляли ея ошибку въ ущербъ своей чести и своимъ интересамъ, чтобы мы отдали ей результаты нашихъ побѣдъ, чтобы мы передѣляли и измѣнили ихъ къ своей невыгодѣ, и чтобы вслѣдствіе войны которую вела Россія возросло вліяніе не ея, а Англіи, чтобы русская

кровь такъ обильно пролитая въ этой войнѣ была жертвою принесенною для чести не Россіи, а Англіи? Если вліяніе Россіи должно возвыситься на Востокѣ, то это весьма естественно: она одна вела войну, и одна несла всѣ ея тягости. Россія обнажила свой мечъ за освобожденіе Болгаръ, и она освободила ихъ. Въ чемъ же тутъ поводъ для возраженія, гдѣ же тутъ почва для переговоровъ объ уступкахъ? Въ угоду Англіи или Австріи, Россія не можетъ сдѣлать Болгарію меньше чѣмъ она есть. Границы ея проведены соотвѣтственно расселенію Болгарскаго народа, и почти таковы какъ были обозначены Константинопольскою конференціей. Нельзя же ограничить освобождаемую Болгарію Балканами, какъ это хотѣлось бы Англіи, когда Болгарскій народъ сплошь живетъ къ югу отъ горъ. Нельзя же Болгаръ превратить въ Грековъ. Англія живо выступаетъ теперь защитницей Эллинизма, но она оказала ему плохую услугу когда угрозами удерживала Грековъ отъ присоединенія къ Россіи, и не допустила ихъ принять участія въ борьбѣ. Если заботы Англіи о Грекахъ *теперь* не притворны, то пусть ея покровительство доставитъ имъ что можетъ: но подъ этимъ предлогомъ нельзя отнимать у Болгаръ то что принадлежитъ имъ по природѣ и что утверждено за ними русскою кровью.

Санъ-Стефанскій договоръ есть выраженіе результатовъ достигнутыхъ русскою кровью, и на этой почвѣ не можетъ быть переговоровъ объ уступкахъ. Это было бы все равно что торговаться о своей чести или о своей государственной территоріи. Нашъ трактатъ долженъ быть исполненъ весь, во всей его силѣ. Никакихъ переговоровъ на этой почвѣ не можетъ быть допущено безъ ущерба достоинству Россіи. О вліяніи же своемъ Англіи остается заботиться внѣ сферы Санъ-Стефанскаго договора. Восточный вопросъ имъ не исчерпанъ. Если угодно, можно пойти далѣе на пути къ его рѣшенію. Вопросъ о Проливахъ оставленъ Россіей вовсе не тронутымъ, а въ немъ вся сила восточнаго затрудненія. Онъ-то и есть Восточный вопросъ. Вотъ, если хотите, принципъ для переговоровъ, — вотъ достойный предметъ для соглашенія между двумя великими державами. Рѣшеніемъ этого вопроса вы подвините исторію и совершите великое. Вы надолго упрочите миръ до-

стойный и плодотворный. Вотъ сфера гдѣ пожалуй могли бы полюбовно размежеваться интересы Россіи и Англіи ко взаимной выгодѣ обѣихъ и къ обоюдному обезпеченію ихъ интересовъ...

№ 110.

Москва, 1-го мая.

А.

Выступъ въ Берлинѣ 11 мая (29 апрѣля) отозвался во глубинѣ Россіи бытъ-можетъ не менѣе сильно чѣмъ въ самой Германіи. Отъ нашего русскаго чувства благодаримъ мы Бога за спасеніе жизни вѣнценоснаго маститаго героя. Страшно подумать какія послѣдствія повлекла бы за собою внезапная смерть императора Вильгельма въ нынѣшнее столь трудное и смутное время! Въ какой тревожной неизвѣстности, въ какомъ смятеніи очутилась бы Европа! На императорѣ Германскомъ почіють теперь судьбы міра. Въ немъ наше отечество имѣетъ вѣрнаго друга, въ немъ обезпеченіе союза соединяющаго двѣ великія націи. Слѣдую историческимъ преданіямъ своей династіи и повинуваясь внушеніямъ своего честнаго сердца, онъ лучше и прозорливѣе ухищренныхъ политическихъ разчетовъ понимаетъ благо тѣснаго союза своей страны съ сосѣднею Россіей. Достойный преемникъ великихъ государей, успѣвшихъ изъ ничего создать великую державу которую онъ такъ высоко поставилъ, императоръ Вильгельмъ, подобно имъ, представляетъ собою чистое и благороднѣйшее олицетвореніе монархическаго начала, въ противоположность извращенной формулѣ его погубившей Францію. Если кичливый монархъ старой Франціи говорилъ *l'état c'est moi*, — государство все во мнѣ, — то монархъ Пруссіи, императоръ Германіи, можетъ по всей справедливости сказать о себѣ что онъ весь принадлежитъ государству. Ничего для себя, ничего для своей угоды, для своего тщеславія, все на пользу государства: вотъ та великая формула власти которая прославила домъ Гогенцолерновъ, создала Пруссію и объединила Германію.

Простой ли случай былъ ударъ грозившій этой славной жизни, или была цѣль направлявшая его? Зачѣмъ этому порче-

ному мальчишкѣ, начитавшемуся Бебеля и Либкнехта, понадобилась именно въ эту минуту преклонная жизнь императора Вильгельма? Безумныя ученія которыя смутно роились въ его головѣ не могли этого требовать сегодня болѣе чѣмъ вчера, и не могли ничего выиграть при успѣхѣ проклятаго замысла. Съ точки зрѣнія социал-демократической революціи выстрѣлъ Геделя былъ бы такимъ же бессмысленнымъ случаемъ какъ и паденіе камня съ крыши. Но вспомнимъ что выстрѣлъ сдѣланъ въ ту самую минуту когда рѣшается вопросъ о войнѣ и мирѣ, когда императоръ Германскій такъ явно и рѣшительно засвидѣтельствовалъ о неизмѣнности своей дружбы къ Россіи и ея Государю.

Б.

Мысль о созданіи добровольнаго флота, какъ только она получила возможность практическаго осуществленія, нашла отголосокъ во всѣхъ краяхъ Россіи и во всѣхъ слояхъ Русскаго народа. Это горячее сочувствіе къ патріотическому дѣлу и эта готовность къ жертвамъ для него находятъ новое возбужденіе въ воззваніи, напечатанномъ сегодня въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, которое мы имѣемъ возможность сообщить тотчасъ же и нашимъ читателямъ. Здѣсь высказывается что это не простая мѣра предусмотрительности на случай далекой надобности, а дѣло настоятельной необходимости. „Исполненіе мирнаго договора нашего пріостановилось,“ сказано въ воззваніи, и произошло это вслѣдствіе появленія въ Мраморномъ Морѣ военныхъ кораблей сильной морской державы и ея приготовленій къ войнѣ.

Русскій народъ тѣмъ съ болѣе рвѣніемъ откликнется на призывъ къ пожертвованіямъ что разрѣшенное Государемъ Императоромъ устройство добровольнаго флота поставлено подъ высокое покровительство Наслѣдника Цесаревича.

Всегда доказывали мы что Англія уязвима болѣе всего тамъ гдѣ она съ виду такъ могущественна. Морское могущество также зыбко какъ и его стихія. Извѣстенъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ которые, несмотря на щедрыя субсидіи торговому мореходству, не въ состояніи до сихъ поръ возстановить свое судоходство со времени удара нанесеннаго ему немногими крейсерами въ междуусобную войну. А для

Англіи ударъ долженъ быть еще чувствительнѣе, ибо болѣе чѣмъ 83 процента всей ея торговли ведется на ея собственныхъ судахъ. Слѣдовательно, для нея рискъ отъ морскихъ партизановъ долженъ быть громадный, неисчислимый. Справедливо сказано въ воззваніи что „десятки судовъ подъ командой удалыхъ морскихъ офицеровъ, разсыпавшись по морскимъ торговымъ путямъ новаго противника, остановятъ его мировую торговлю, а стоить ей остановиться на одинъ лишь мигъ—груды золота, которыми онъ такъ кичится, начнутъ таять.“

Во всякой борьбѣ всегда стараются вести ее при болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Для насъ, въ морской борьбѣ съ Англіей, главное дѣло въ томъ чтобъ имѣть какъ можно болѣе крейсерскихъ судовъ, чтобы гроза для нашего противника была повсюду, чтобы его морская торговля нигдѣ не могла чувствовать себя безопасно, чтобы вездѣ гдѣ только ни появляется англійскій флагъ онъ рисковалъ бы встрѣтить ловца. Въ такія условія мы можемъ поставить себя когда мы широко разовьемъ морскую партизанскую войну. Не время теперь поднимать вновь теоретическіе споры о словахъ: крейсеръ, каперъ и т. п. Не въ словахъ дѣло. Намъ нужно какъ можно болѣе судовъ, и полезно заинтересовать другихъ въ нашемъ дѣлѣ. Морская торговля міра не остановится изъ-за того только что будетъ терпѣть ущербъ Англія; торговля поспѣшитъ перейти въ другія руки. Чѣмъ рѣшительнѣе обнаружимъ мы готовность дѣйствовать чтобъ отнять у англійской торговли море, тѣмъ вѣрнѣе можетъ-быть предотвратимъ мы войну, образумивъ заносчиваго врага, а если уже это поздно, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе можемъ надѣяться привести ее къ концу.

Мы знаемъ что ужъ и теперь въ Англіи начинаютъ серіозно тревожиться предстоящею опасностью, какъ ни старается англійская печать успокоить публику предостереженіемъ что извѣстія о русскихъ приготовленіяхъ къ снаряженію крейсеровъ не заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ для германскихъ и американскихъ судохозяевъ выгодно де возбуждать такую тревогу чтобъ отманить торговлю отъ англійскаго флага. Но уже самый способъ успокоенія изобличаетъ тревогу. Ее очевидно нельзя уже укрыть когда *Times* нашла нужнымъ за-

говорить объ „англійскомъ торговомъ флотѣ и рискѣ войны.“ Статья эта указываетъ на громадное развитіе торговаго флота Англійи и на ту выгоду которую онъ можетъ доставить странѣ во время войны, облегчая транспортъ войскъ и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ раскрывается и обратная сторона: „Ничто,“ читаемъ мы, „такъ не уязвимо какъ торговый флотъ во время борьбы, и наше преобладающее положеніе „какъ морскихъ торговцевъ дѣлаетъ насъ „въ этомъ отношеніи можетъ-быть самою „уязвимою націей въ мірѣ. Весь нашъ „мощный флотъ, будь онъ и удвоенъ, не „могъ бы спасти насъ отъ большихъ потерь.“ *Times* приравниваетъ эту опасность только къ борьбѣ противъ морской державы способной достигать англійскія суда въ открытомъ морѣ, но признаетъ что не слѣдуетъ таить и тѣ опасности которыя грозятъ Англійи въ случаѣ войны съ Россіей. А опасность, по указанію *Times*, слѣдующая: „Немедленное возвышеніе фрахта можетъ произвести двоякій „результатъ: оно въ извѣстной степени „ограничитъ торговлю, и можетъ также „перетянуть часть нашей транспортной торговли въ другія руки. Самый фактъ что „мы будемъ въ войнѣ можетъ сильно „способить этому результату. Дабы избѣжать „военнаго риска расходовъ, съ нимъ сопряженныхъ, грузоотправители будутъ „стараться грузить товары на суда подъ „нейтральнымъ флагомъ. Такимъ образомъ „англійскія суда могутъ перейти къ иностранцамъ съ тѣмъ чтобъ уже къ намъ „не вернуться; центры торговой дѣятельности могутъ въ извѣстной степени перемѣститься, и въ концѣ войны можетъ „оказаться что наши соперники по торговлѣ повсюду обгоняютъ насъ.“ *Times* свидѣтельствуетъ о тревогѣ уже теперь поднявшейся при извѣстіи о снаряженіи русскихъ крейсеровъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

№ 111.

Москва, 2-го мая.

Перепечатанная нами вчера замѣтка *Journal de St. - Pétersbourg* предостерегаетъ противъ всякихъ поспѣшныхъ выводовъ и слуховъ касательно поѣздки графа Шува-

лова, настаивая на томъ что происходящіе нынѣ переговоры составляютъ строго-хранимую тайну кабинетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, офиціозный органъ подвергаетъ обсужденію положеніе дѣлъ и находитъ что разрѣшеніе теперешнихъ затрудненій возможно двоякое: или сохраненіе Оттоманской имперіи какъ члена европейскаго концерта, или же радикальное измѣненіе порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ, и „открытіе наслѣдства“ Турціи. Французская газета ставитъ при этомъ на видъ что Россія держится болѣе первой нежели второй альтернативы.

Въ общихъ чертахъ нельзя не согласиться съ этими положеніями. Нѣтъ сомнѣнія что Санъ-Стефанскій договоръ никакого радикальнаго рѣшенія Восточнаго вопроса въ себѣ не заключаетъ. Имъ осуществлено на дѣлѣ лишь то чего „соединенная Европа“ добивалась отъ Турціи на бумагѣ. За нею сохранены ея верховныя права надъ освобожденною Болгаріей, и если въ самомъ дѣлѣ „еще не наступилъ день“ окончательной развязки Восточной задачи, то положеніе дѣлъ созданное Санъ-Стефанскимъ договоромъ легко могло бы уложиться въ рамы *status quo ante bellum*, такъ что Турція попрежнему оставалась бы членомъ европейской системы и единственною обладательницей Проливовъ, этого Гордіева узла Восточнаго вопроса.

Но петербургская французская газета указываетъ и на другое рѣшеніе, сопряженное съ полнымъ раздѣломъ турецкаго наслѣдства. Въ какой мѣрѣ миссія графа Шувалова имѣетъ своимъ предметомъ эту вторую комбинацію—пока неизвѣстно. Но ни для кого не тайна что Германія есть именно та держава которая высказывается противъ „среднихъ терминовъ“ въ этомъ дѣлѣ. Князю Бисмарку принадлежитъ мысль о системѣ эквивалентовъ равно цѣнныхъ долей, какъ способъ окончательнаго рѣшенія роковаго вопроса. Было бы однакожелательно болѣе точное опредѣленіе того что разумѣется подъ системой эквивалентовъ.

Если подъ этимъ разумѣть вознагражденіе прочихъ заинтересованныхъ въ Восточныхъ дѣлахъ державъ, дабы этою цѣной купить ихъ согласіе на условія Санъ-Стефанскаго договора, то равенства сдѣлки тутъ не было бы никакого. Санъ-Стефанскій договоръ уже купленъ Россіей, и купленъ весьма дорогою цѣной; сто тысячъ доблестныхъ сыновъ ея пролили за

него свою кровь и миллиарды рублей израсходованы русскою казною за этотъ трактатъ. Не можетъ быть никакого торга о томъ что *уже* приобрѣтено. Да и не за что вознаграждать тѣхъ кто стояли въ сторонѣ, и въ кровавомъ торгѣ не участвовали.

Но нельзя отрицать что дѣло еще не рѣшено окончательно. Вѣрно и то что съ будущимъ кореннымъ переустройствомъ Балканскаго полуострова связаны интересы главныхъ державъ Европы. Полюбовное размежеваніе именно путемъ эквивалентовъ. Такой способъ рѣшенія подвинулъ бы дѣло далѣе Санъ-Стефанскаго договора, открылъ бы новые горизонты, и могла бы быть рѣшена великая историческая задача именуемая Восточнымъ вопросомъ. Если таково значеніе предложенія князя Бисмарка, то это была бы идея достойная его политическаго гения.

Но само собою разумѣется что Россіи принадлежитъ одинаковая со всѣми доля при размежеваніи той области которая лежитъ за предѣлами Санъ-Стефанскаго договора. Допустить иное предположеніе значило бы отречься отъ исторической будущности Россіи; эта будущность — тамъ, за этими предѣлами, ибо тамъ окончательная судьба Балканскаго полуострова. Неужели возможно хотя на минуту допустить что Россія будетъ устранена отъ этого раздѣла, что другіе подѣлятъ между собою дѣйствительное наслѣдіе Турціи, доля же Россіи будетъ сведена къ тому что ею приобрѣтено законнымъ путемъ еще при жизни наслѣдодателя?... Батумъ и Карсъ, облитый русскою кровью, неужели могутъ считаться эквивалентомъ прочимъ долямъ наслѣдства которыя достанутся остальнымъ участникамъ какъ даровое приобрѣтеніе?

Какъ ни нелѣпо кажется это предположеніе, но нельзя отдѣлаться отъ мысли что пожалуй рѣчь идетъ о чемъ-то въ этомъ родѣ, читая изложеніе „австрійской программы“ о которой извѣщаетъ насъ сегодня телеграфъ со словъ „вдохновеннаго“ корреспондента *Съенеро-Германской Всеобщей Газеты*. Австрія не считаетъ де болѣе возможнымъ откладывать свое активное вмѣшательство въ дѣла Востока. И вотъ она собирается выставить ни больше, ни меньше какъ *четыре* арміи и выслать двѣ эскадры. Отъ восточной границы *Галиціи* и Трансильваніи и до береговъ Эгейскаго моря развернетъ она свои знамена. Покончены всѣ сомнѣнія и колебанія; установ-

лена де программа, успѣхъ которой предположено обезпечить столь грандіознымъ развитіемъ военной силы; не на двѣ, а на три стороны обращенъ будетъ „фронтъ“ этой силы, и мы по сему случаю узнаемъ наконецъ что собственно Австріи угодно. Ей нужно де ни болѣе, ни менѣе какъ образованіе новаго объединеннаго, на подобіе Германской имперіи, союза во главѣ коего станетъ нынѣшняя Австро-Венгерская монархія, но въ составъ которой войдутъ Сербія, Черногорія, Румынія и другія уже отдѣлившіяся, или имѣющія отдѣлиться отъ Турціи части кои „соприкасаются съ интересами“ этой монархіи. Это ни больше, ни меньше какъ присоединеніе не только Босніи и Герцеговины, но и Сербіи, и Румыніи, и Черногоріи, и всего что еще признается полезнымъ прихватить — къ Австро-Венгріи. Какъ бы въ подтвержденіе этого выступленія Австріи на рѣшительныя дѣйствія, мы узнаемъ изъ другой телеграммы что графъ Зичи уже заявилъ Портѣ о предстоящемъ вступленіи австрійскихъ войскъ въ Боснію. А въ то же время лондонская телеграмма сообщаетъ въ какомъ видѣ руководящій органъ англійской печати представляетъ себѣ возможность компромисса, коей посредникомъ является графъ Шуваловъ. Англія требуетъ де уступокъ которыя должны „рѣшительно нейтрализовать“ выгоды приобрѣтенныя Россіей по Санъ-Стефанскому трактату. Въ чемъ должны заключаться эти уступки, какихъ „эквивалентовъ“ требуетъ для себя Англія, этого лондонская газета не указываетъ. Но „во всякомъ случаѣ“ лишь значительное сѣуженіе предѣловъ Болгаріи, установленныхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, можетъ де побудить Англію дать свое согласіе на проектированное измѣненіе границъ въ Арменіи...

Итакъ, передѣлка и урѣзаніе Санъ-Стефанскаго договора, вотъ что составляетъ до сихъ поръ предметъ интимныхъ переговоровъ! И если рѣчь идетъ о разныхъ доляхъ, то таковыя требуются въ видѣ вознагражденія за тѣ клочки договора которыя Англія благоволила оставить нетронутыми по ихъ ничтожеству!!

Неужели возможны какіе-либо не только компромиссы, но и какой-нибудь достойный и серіозный разговоръ на *этой* почвѣ?

№ 112.

Москва, 3-го мая.

Возвращаемся къ сообщенному вчера телеграфомъ плану рѣшенія восточныхъ затрудненій, который появился въ *Съверо-Германской Всеобщей Газетѣ*. Отношеніе этой газеты къ германскому канцлеру всѣмъ хорошо извѣстно, и потому нельзя не обратить на изложенный въ ней проектъ серіознаго вниманія, тѣмъ болѣе что сама газета выдаетъ свою вѣнскую корреспонденцію за „внушенную.“

Можно ли однако видѣть въ этомъ планѣ осуществленіе системы эквивалентовъ? „Интересы“ предписываютъ де Австріи занять не просто Боснію и Герцеговину, какъ говорили доселѣ, а всю турецкую территорию между Адриатическимъ и Эгейскимъ морями; ей нужны и Воло, и Салоники, и Орфана, а главное, не только нынѣшнія автономныя владѣнія на Балканскомъ полуостровѣ какъ Сербія, Румынія и Черногорія, но и всѣ прочія могущія въ послѣдствіи отдѣлиться части Турціи составили бы, посредствомъ военныхъ конвенцій, одно цѣлое съ Австро-Венгріей, союзъ государствъ на подобіе Германской имперіи. Это значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ присоединеніе, ибо вся Австро-Венгерская монархія организована именно такимъ образомъ.

Уже ли Австріи предоставляется такое вознагражденіе только за согласіе на Санъ-Стефанскій договоръ? Только за то что Россія освободила Болгаръ? Санъ-Стефанскимъ договоромъ Россія не приобрѣла себѣ ничего въ Европейской Турціи: освобожденная ею Болгарія оставлена подъ верховною властью султана. Когда говорить о системѣ эквивалентовъ, то надо идти далѣе Санъ-Стефанскаго договора. Если идетъ рѣчь объ эквивалентахъ, то отдавая западную половину Балканскаго полуострова Австріи, надо въ такія же по крайней мѣрѣ отношенія поставить къ Россіи восточную его часть, такъ обильно политую русскою кровью. А для установленія между Россіей и Болгаріей такой же связи въ какую Австрія хочетъ поставить себя къ Сербіи, Черногоріи, Румыніи и т. д., пришлось бы не только возвратитъ Россіи отошедшую отъ ней часть Бессарабіи, но и Добруджу оставить за Болгаріей. Въ такомъ видѣ система эквивален-

товъ еще имѣла бы нѣкоторый смыслъ, — но готовы ли на это вѣнскіе политики? Нельзя не понять что когда половина нынѣшней Турецкой имперіи была бы поглощена Австріей, то автономная, едва возродившаяся Болгарія была бы аномаліей рядомъ съ этимъ колоссальнымъ могуществомъ, и ей не оставалось бы инаго выбора какъ примкнуть къ той или другой политической системѣ, къ Россіи или Австріи. Или помышляютъ что со временемъ и эта „могущая отдѣлиться часть Турціи“ должна также войти въ составъ Австрійской имперіи? Гдѣ же, при такихъ видахъ, равноцѣнная доля Россіи?

Но эти вопросы не исчерпываютъ затрудненій. Какъ бы мы ни размежевались съ Австріей, намъ все-таки будутъ предстоять счеты съ Англіей. Мы теперь знаемъ замыслы Австріи; вѣроятно и англійскіе не уступаютъ имъ. Она можетъ потребовать себѣ протектората надъ Греціей и греческими провинціями и островами, надъ остальною частью Турецкой имперіи. Она и теперь уже заявляетъ требованіе чтобы собственно автономная Болгарія была ограничена до Балканъ, а южная часть ея удовлетворялась бы реформами по плану Константинопольской конференціи. Что же тутъ останется въ системѣ эквивалентовъ на долю Россіи, которая одна несла всѣ тягости кровопролитной войны?

Для осуществленія системы эквивалентовъ предстояло бы открыть наслѣдіе Турціи, и приступить къ его раздѣлу. Но выше показанныя затрудненія суть не единственные которыя при этомъ окажутся; возникнутъ многія другія.

Увы, такіе вопросы рѣдко рѣшаются мирными переговорами; они рѣшаются судомъ Божіимъ. Непизбѣжны великія потрясенія. Мы понимаемъ что и Австрія такъ долго не рѣшалась, да и теперь, какъ видно, не совсѣмъ рѣшилась на свое перемѣщеніе. Съ одной стороны, Габсбургская монархія не можетъ не чувствовать что ея стяжанія на Востокъ не обойдутся безъ эквивалента для Германіи; съ другой, Венгрія страшно упирается. Сейчасъ полученная телеграмма изъ Пешта передаетъ сильный протестъ венгерскаго министра-президента противъ системы эквивалентовъ.

Не лучше ли, вмѣсто того чтобы пытаться жребій новыхъ войнъ, не лучше ли признать жребій уже совершившійся? Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ Россія удержалась

въ предѣлахъ строгой умѣренности, не поднимая вопроса о наслѣдіи Турціи. Не правда что у Турціи отнята возможность существованія. Ей напротивъ данъ теперь единственный для ней возможный способъ существованія на европейской и христіанской почвѣ. Надъ Болгаріей сохранена верховная власть султана. Прекращено только рабство христіанъ. Развѣ отъ этого терпитъ ущербъ Австрія или Англія? Развѣ для кого-либо непременно нужно, чтобы христіанинъ въ Турціи оставался собакой и былъ рабомъ cadaго мусульманина? Невозможность этого порядка вещей была признана всѣми; даже самою Портой, которая засвидѣтельствовала это проектомъ новыхъ реформъ, повторяющихъ въ сущности столько прежде ею декретированныхъ. Сдѣланное Россіей ничѣмъ, по содержанию, не отличается отъ этихъ декретовъ; только прибавляется бездѣлица — дѣйствительная гарантія исполненія ихъ при независимомъ внутреннемъ управленіи, данномъ Болгаріи. Можно ли сказать что сюзеренныя отношенія къ христіанскимъ провинціямъ несогласны съ достоинствомъ султана, когда подобныя отношенія находятъ вполне достойными для Австрійскаго императора? Если же упрекаютъ Россію за то что она слишкомъ исключительно позаботилась о Болгарахъ, то не можетъ быть препятствій дать большія гарантіи и болѣе широкое, въ смыслѣ автономіи, устройство и другимъ провинціямъ, Тессаліи, Эпиру, Босніи. Санъ-Стефанскій договоръ, исполненный во всей его цѣлости, вѣрнѣе обезпечиваетъ миръ Европы чѣмъ планъ эквивалентовъ...

Но мы хотимъ быть справедливыми. Есть одно обстоятельство которое можетъ быть причиной безпокойства. Вопросъ о Проливахъ оставленъ Россіей не тронутымъ, но Англія можетъ возразить что перемѣна въ условіяхъ существованія Турціи измѣняетъ положеніе дѣлъ относительно Проливовъ. Она не довѣряетъ охранѣ Проливовъ опасаясь что Порта можетъ подпасть подъ вліяніе Россіи. Еслибъ это былъ единственный пунктъ сомнѣнія, то было бы возможно столковаться. Пусть бы Англія взяла себѣ контроль надъ Дарнеллами, предоставлявъ Россіи контроль надъ Босфоромъ...

№ 113.

Москва, 4-го мая.

А.

За непмѣніемъ извѣстій для удовлетворенія публики, газеты повторяютъ все ту же заунывную пѣсню про миссію графа Шувалова. Надежду на мирное улаженіе спора между Англіей и Россіей основываютъ на такихъ соображеніяхъ: графу Шувалову извѣстно де что Санъ-Стефанскій трактатъ долженъ быть существенно измѣненъ прежде чѣмъ можетъ быть признанъ; онъ также убѣжденъ что англійское условіе касательно конгресса неизмѣнно и потому должно быть принято; слѣдовательно, заключаютъ, графъ Шуваловъ и отправился въ Петербургъ чтобы убѣдить свое правительство къ *уступкѣ*. Ко всему этому присовокупляютъ еще что графъ Шуваловъ болѣе чѣмъ кто-либо способенъ привести къ успѣшному концу переговоры съ Англіей, такъ какъ онъ пользуется лестнымъ довѣріемъ лордовъ Беконсфильда и Солсбери.

Извѣстія эти идутъ не столько изъ Лондона сколько изъ Вѣны. Каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, ясно на что они разчитаны. Все еще не потеряна надежда что нашъ европеизмъ, дасть имъ укрѣпиться, а насъ ослабитъ къ войнѣ, и потому такъ тягостно впечатлѣніе производимое этими постоянными обнадеживаніями изъ сферъ завѣдомо намъ враждебныхъ. Чѣмъ болѣе изощряются въ доказательствахъ нашей податливости, тѣмъ вѣрнѣе приходится заключать что война неотвратима.

Всѣ эти извѣстія о переговорахъ, сопровождаемыя таинственными намеками, какъ нельзя болѣе походятъ на время предъ войной. Одно слово Русскаго Царя, безо всякихъ приготовленій, заставило Турокъ въ 48 часовъ рѣшиться на перемиріе съ Сербіей и остановило кровопролитіе. Затѣмъ послѣдовалъ приказъ о мобилизаціи арміи. Ожидать слѣдовало что Турція уступитъ всѣмъ требованіямъ, убѣдясь что Россія не шутитъ. Но тутъ явился призракъ *Европы*, и началась дипломатическая работа уступокъ безъ конца, которая и имѣла послѣдствіемъ войну, давъ Туркамъ цѣлые полгода приготовиться къ ней, между тѣмъ какъ мы сами остались при прежнихъ приготовленіяхъ, которыя потомъ ока-

зались уже недостаточными. Результатом были лишнія усилія и много напрасныхъ жертвъ.

То же повторилось и въ нынѣшнемъ году. Пока наши военныя дѣйствія, по малочисленности двинутыхъ силъ, встрѣчали замедленія и препятствія, враги наши злорадствовали. Но когда съ прибытіемъ небольшого числа нужныхъ подкрѣпленій дѣла быстро приняли другой оборотъ, блистательные успѣхи въ Малой Азии и безпримѣрный зимній походъ за Балканы застигли ихъ врасплохъ. Сопротивленіе Турціи было сломлено, и никто не могъ придти къ ней на помощь. Въ эту минуту мы были близки къ прочному миру, несравненно ближе чѣмъ теперь. Намъ извѣстна была злоба къ намъ Англіи, ея непримиримая вражда; мы знали какъ она старалась всѣми мѣрами помогать Туркамъ, какъ опутывала насъ условіями своего фальшиваго нейтралитета и какъ ревниво стерегла каждый шагъ нашъ. Но она была не приготовлена, она была безсильна предпринять что-либо. Намъ слѣдовало поступать не такъ какъ ей тогда хотѣлось, а вопреки ей безсильнымъ требованіямъ чтобъ обезпечить дорого купленные нами успѣхи. Укрѣпившись на Дарданеллахъ и на Босфорѣ, мы могли тогда, какъ и теперь, не браться за радикальное рѣшеніе Восточнаго вопроса, но мы обезпечили бы исполненіе того что находили справедливымъ и должнымъ, мы достигли бы прочнаго мира, а теперь—война почти неотвратима.

Мы нашею уступчивостью слишкомъ далеко завлекли нашего противника, и нашу уступчивость будущій историкъ пожалуй сочтетъ коварствомъ... Правительство Англіи такъ зарвалось что, мы боимся, ему трудно будетъ отступить. Демонъ влечетъ Англію къ гибели. Для ней наступаетъ день великаго суда. Могущество ея держится на всемірномъ обманѣ. Ея богатство только наружная позолота. Все въ ней искусственно, и въ случаѣ кризиса паденіе ея совершится неминуемо и быстро. Ея народъ есть народъ пролетарій и нищій, который приходится кормить посредствомъ ненавистной и безнравственной эксплуатаціи столькихъ странъ міра...

Недавно обращали мы вниманіе на громадныя забастовки рабочихъ въ Ланкаширѣ, вслѣдствіе кризиса постигшаго главное производство Англіи, хлопчато-бумажное. Вчера телеграмма извѣстила насъ что

волненія рабочихъ сопровождалось взрывомъ буйнаго насилія, который потребовалъ призыва военной силы. Это зловѣщіе признаки. Можно ли вѣрить въ прочность благосостоянія Англіи, въ неистощимость ея средствъ? Нѣтъ страны болѣе ея уязвимой. Что станетъ дѣлать она со своимъ голоднымъ пролетаріатомъ, подобно римской черни требующимъ отъ государства хлѣба? Справится ли съ нимъ существующее только въ Англіи министерство пролетаріата, прежній *Poor Law Board*, нынѣ болѣе благозвучно именующійся „бюро мѣстнаго управленія“, *Local Government Board*?... А Ирландія? А колоніи? А Индія? Какъ тамъ отзовутся затрудненія Англіи?

Самая рѣшительная въ мирномъ направленіи мѣра принятая у насъ въ послѣднее время есть конечно рѣшеніе снарядить добровольный крейсерскій флотъ. Не жалобная пискотня нашихъ французскихъ офиціозныхъ органовъ, не увѣренія нашихъ космополитовъ что мы не въ силахъ выдержать борьбу съ Англіей и должны подчиниться ея требованіямъ, а воззваніе къ Русскому народу мужественно готовиться къ борьбѣ, вотъ что можетъ остановить нашего противника на его гибельномъ пути, если еще можетъ что-либо остановить овладѣвшее имъ движеніе. Англійская печать молчитъ о начавшихся у насъ народнымъ приготовленіямъ къ морской войнѣ...

Б.

Говорятъ что исторія — наставница народовъ. Къ сожалѣнію, это изреченіе не всегда бываетъ вѣрно. Наша газета уже не разъ приводила различные историческіе документы о нашей политикѣ въ XVIII вѣкѣ. Позволяемъ себѣ сообщить еще одинъ. Въ 1737 году, во время войны нашей съ Турціей, собрался въ Неймровѣ конгрессъ для заключенія мира. Австрія въ то время состояла съ нами въ союзѣ и тоже объявила войну Турціи, почему представители ея тоже участвовали на конгрессѣ. Россія поставила однимъ изъ своихъ условій освобожденіе Молдавіи и Валахіи, устройство изъ нихъ независимыхъ княжествъ подъ покровительствомъ Россіи. Противъ этого требованія протестовали австрійскіе уполномоченные, ссылаясь на то что Австрія намѣрена присоединить эти княжества ко своей имперіи и что требованіе Россіи про-

тивно ея интересамъ. Русскіе уполномоченные донесли объ этомъ императрицѣ Аниѣ Іоанновнѣ и получили въ отвѣтъ отъ нея секретнѣйшій рескриптъ, отъ 26 іюля 1737 года, въ которомъ говорилось: „Оныя княженія до сего времени еще цесаремъ не взяты, и во владѣніи его не находятся, и потому представленное отъ васъ сумнѣніе само собою уничтожается и отпадаетъ; и такое наше о тѣхъ княженіяхъ требованіе тѣмъ меньшее какое основательное подозрѣніе подать можетъ, понеже мы оныя себѣ не требуемъ, но только желаемъ ихъ отъ турецкаго ига освободить и оставить ихъ особливими княженіями, что и цесарскимъ интересамъ не противно, но паче весьма полезно быть имѣетъ. А что мы при семъ о своей протекціи упоминать велѣли, и то чинится не для какой нашей партикулярной прибыли, но токмо по единовѣрію, желая чтобъ обыватели тѣхъ княженій при своемъ законѣ и совершенной свободѣ совѣсти ненарушимо навсегда оставлены были. Притомъ до сего времени съ цесарской стороны нисколько къ намъ не отзывались, чтобъ ихъ намѣреніе къ овладѣнію тѣхъ княженій касалось, которое бѣ овладѣніе натурально могло другимъ державамъ больше подозрѣнія подать нежели наше желаніе къ учиненію ихъ особливими княженіями. Сверхъ того, надлежитъ разсудить, что какъ бы все то ни было, и сколько великихъ авантажовъ и приращеній мы его цесарскому величеству отъ всего нашего сердца ни желаемъ, то однакоже наши кондиціи не могутъ учреждены быть едино по тому, какъ цесарская конвеніенція (выгода) потребуетъ, и съ его видами то сходно, но, какъ то нашей собственной конвеніенціи и пользѣ и безопасности государства принадлежитъ, что единое и главнѣйшее основаніе быть имѣетъ, по которому намъ всѣ свои поступки учредить надлежитъ.“

Въ послѣдующихъ рескриптахъ, отъ 22 и 23 августа того же года, императрица повторяетъ тѣ же доводы, особенно указывая на то что Австрія, сообщая Россіи предъ войной свои виды, ни словомъ не упоминала о Молдавіи и Валахіи, и что надо было заранѣе точно и ясно обозначить всѣ ея интересы и намѣренія если она желала чтобъ они были приняты во вниманіе Россіей.

Наконецъ въ приведенномъ выше ре-

скриптѣ нашимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ разрѣшается сдѣлать нѣкоторыя уступки Портѣ, но предваривъ ее о томъ что онѣ дѣлаются лишь съ тѣмъ чтобы достигнуть немедленнаго замиренія, „но когда бѣ оный миръ нынѣ не состоялся, то и мы себѣ предоставляемъ предъ кондиціи наши прибавить, по соотвѣтствію тѣхъ великихъ убытковъ которые отъ продолженія войны по необходимости вослѣдовать имѣютъ.“

№ 114.

Москва, 5-го мая.

Кризиса наступившаго въ экономическомъ положеніи Англіи нельзя не признать серіознымъ. Беспорядки въ Блэкборнѣ вызвали многочисленные запросы въ Палатѣ Общинъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Кроссъ, заявилъ что приняты мѣры къ ихъ подавленію. Беспорядки эти отнюдь не были случайнымъ взрывомъ. Напротивъ, они знаменуютъ новую фазу раздора между рабочими и хозяевами. Сущность спора была уже подробно изложена въ № 99 Моск. Вѣд. Такъ продолжалось до 8 мая. Множество фабрикъ стояли безъ дѣла; на иныхъ же, особенно въ Престонѣ, рабочіе согласились на условія хозяевъ; на другихъ фабриканты вступили въ сдѣлку съ рабочими; на нѣкоторыхъ же работы все время продолжались на прежнихъ основаніяхъ. По 7 мая собрался въ Манчестерѣ центральный комитетъ ассоціаціи Ланкаширскихъ фабрикантовъ, и на немъ условлено разослать циркуляръ ко всѣмъ фабрикантамъ, приглашающій ихъ дѣйствовать сообща, не вступая въ отдѣльныя сдѣлки съ рабочими, и закрыть всѣ фабрики въ округѣ пока центральный комитетъ не поставитъ окончательнаго рѣшенія для прекращенія забастовокъ. Это общее закрытіе фабрикъ, включая и тѣ гдѣ не было забастовокъ, такъ называемое *lockout*, есть обыкновенная мѣра которою хозяева отвѣчаютъ на обширныя стачки, разчитывая что она скорѣе принудитъ къ покорности рабочихъ, тогда какъ продолженіе работъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ только обнадеживаетъ ихъ и даетъ возможность имѣющимъ заработки помогать своимъ забастовавшимъ товарищамъ. Но за то она-то именно болѣе всего и раздражаетъ рабочихъ, спль-

но повергая въ нищету тѣхъ изъ нихъ которые не хотѣли или не имѣли возможности противиться условіямъ хозяевъ. Прямыхъ послѣдствіемъ этого было дальнѣйшее закрытіе фабрикъ. Это объясняетъ раздраженіе буйной толпы противъ президента ассоціаціи Ланкаширскихъ хозяевъ, г. Джаксона, предсѣдаваго на митингѣ. Его домъ былъ сожженъ до основанія.

Впрочемъ, еще ранѣе чѣмъ въ Блэкборнѣ, были очень серіозные безпорядки въ Дарвенѣ, продолжавшіеся два дня, но о нихъ телеграфъ смолчалъ. Правда, при этомъ не было разрушеній и поджоговъ, но оконъ было побито множество и доходило до схватки съ полиціей, причемъ многіе полицейскіе были тяжело поранены. Еще 7 мая большая толпа рабочихъ сожгла *in effigie* фабриканта Аштона и его жену. Но 9 мая толпа въ 4.000 вздумала вновь позабавиться такимъ же образомъ, и встрѣтивъ сначала сопротивленіе полиціи, начала безчинствовать, перебила много уличныхъ фонарей и окна въ домѣ г. Аштона и нѣкоторыхъ другихъ фабрикантовъ. Полиція была безсильна. Волненія продолжались и на другой день, но къ этому времени уже прибыли до 160 полицейскихъ изъ сосѣднихъ мѣстностей, которые палками наконецъ разогнали толпы, послѣ жаркой схватки, и арестовали около двѣнадцати человѣкъ. Однако безпокойство продолжалось весь день, такъ что почти всѣ лавки были закрыты, и мирные жители считали небезопаснымъ выходить на улицу. Ночью полиціи приходилось еще разгонять безпорядочныя толпы бившія окна. Это было 10 мая. Дальнѣйшихъ извѣстій еще не имѣется въ газетахъ.

Теперь сообщимъ нѣкоторыя цифры. Въ Блэкборнѣ, къ 29-му апрѣля, пустовали 49.561 ткацкихъ станковъ; дальнѣйшихъ свѣдѣній не находимъ въ газетахъ. Въ Престонѣ, послѣ 8 мая, остановлены работы на 13 фабрикахъ, съ 7.534 станками. Изъ другихъ мѣстъ до 10 мая имѣются слѣдующія свѣдѣнія: въ Акрингтонѣ бездѣйствуютъ 8.157 станковъ; въ Чорчѣ и Освальдтвиселѣ — 4.801; въ Падигамѣ — 5.100; въ Клейтонѣ — 1.950; въ Бамбербриджѣ — 2.551; въ Риштонѣ — 2.182; въ Дарвенѣ — 13.748; въ Бѣрили — 22.954. Прекращеніе работъ грозитъ распространиться и на фабрики въ другихъ мѣстахъ, въ Стембриджѣ, Макклѣфильдѣ, Ольдгамѣ, Болтонѣ, Рочделѣ, вслѣдствіе предваренія хозяевами рабочихъ о пониженіи заработ-

ной платы. Бѣдствія рабочихъ и теперь уже весьма велики. Частная благотворительность помогаетъ очень недостаточно, а общественная еще менѣе, такъ какъ приходскія попечительства о бѣдныхъ (*boards of guardians*) не выдаютъ пособія забастовавшимъ рабочимъ. Полагаютъ что рабочіе могутъ продолжать еще борьбу не долѣе мѣсяца. Но какъ бы ни кончилась борьба, возникшая вслѣдствіе того что фабрики стали работать въ убытокъ, она свидѣтельствуется объ упадкѣ въ одной изъ главнѣйшихъ отраслей англійской промышленности.

Въ статьѣ № 99 нашей газеты мы указывали что главною причиною этого затрудненія была все возрастающая иностранная конкуренція англійскимъ товарамъ и сокращеніе рынковъ для нихъ въ Европѣ и Америкѣ. Въ этомъ сознаются англійскія газеты, говоря что только на Востокѣ приходится искать помѣщенія того значительнаго приращенія производства которое развилось въ послѣдніе восемнадцать лѣтъ. Дѣйствительно, указываютъ что между тѣмъ какъ на восточныхъ рынкахъ потребленіе англійскихъ хлопчатобумажныхъ тканей съ 1860 до 1877 года возросло съ 1.048 милліоновъ до 1.840 милліоновъ ярдовъ, или на 80%, — на всѣхъ прочихъ рынкахъ оно съ 1.728 милліоновъ ярдовъ возросло только до 1.996 милліоновъ, или всего на 15%. Но вотъ еще обстоятельство. Весь сѣверный Ланкаширъ главнымъ образомъ занятъ именно производствомъ тканей для Индіи, Китая и Леванта. Оказывается что и восточные рынки въ послѣднее время упали, главнымъ образомъ вслѣдствіе обѣднѣнія населеній въ Индіи, Китаѣ и другихъ странахъ Азіи отъ голода. Затѣмъ, на торговлѣ все еще отзывается общее вліяніе кризиса 1873 г. Наконецъ на нее сильно дѣйствуетъ и настоящее политическое положеніе съ его неизвѣстностью. Теперь война на Востокѣ будетъ сокрушительна для англійской торговли. Представитель Манчестера г. Безли, на либеральной конференціи бывшей въ этомъ городѣ 30 апрѣля, откровенно высказалъ это. „Въ настоящую минуту“, говорилъ онъ, „всякая промышленность угнетена. Ни капиталъ, ни трудъ не находятъ себѣ полного вознагражденія, а въ случаѣ войны намъ грозитъ рѣшительное бѣдствіе.“

Представитель Манчестера бралъ въ расчетъ только общее и неизбежное разстрой-

ство влѣдетъ въ войну. Но во сколько болѣе пострадаетъ англійская промышленность и торговля влѣдствіе остановки морской торговли Англии русскими крейсерами! Лондонская печать старалась какъ можно легче, почти равнодушно, отнестись къ извѣстію о прибытіи русскихъ моряковъ въ Америку, а нѣкоторые министерскіе органы, не преодолевъ досады, разразились бранью и угрозами противъ Россіи. Но провинціальная печать, которую Европа не слышитъ, серьезно обсуждаетъ всю опасность какая ожидаетъ Англию въ войнѣ противъ Россіи. Приводимъ для примѣра извлеченіе изъ статьи Дарингтонской газеты *Northern Echo*.

„Пусть люди полагающіе что Британская имперія облечена въ непроницаемую броню обратятъ вниманіе на смятеніе возбужденное въ министерской партіи извѣстіемъ о появленіи вблизи берега Канады одного парохода съ 600 русскими матросами. *Standard* и *Globe* голоса о немедленномъ дѣйствіи и требуютъ объясненій отъ Россіи такимъ образомъ что еслибъ ихъ послушалось правительство, то это вызвало бы немедленную войну, и все это потому только что одинъ корабль съ русскими моряками прибылъ въ Америку. Легко понять ихъ трепетъ. Несмотря на все ихъ насмѣшки надъ возможностью для Россіи причинить вредъ англійской торговлѣ, они знаютъ что въ этомъ одномъ кораблѣ съ русскими моряками заключается сила способная изгнать англійскія торговые суда изъ Тихаго Океана. Шестисотъ человекъ прибывшихъ на *Кимврин* достаточно для снабженія экипажемъ шести *Алабамъ* въ Санъ-Франсиско, которые возможно безпрепятственно купить и снарядить во время мира, и по объявленіи войны весь нашъ торговый флотъ между Британскою Колумбіей и Малайскимъ полуостровомъ былъ бы въ ихъ власти. У насъ только девять непокрытыхъ броней кораблей въ Тихомъ Океанѣ, и одинъ броненосецъ въ Китайскихъ водахъ. Русскіе корабли были бы регулярно снаряженными военными судами. Они могутъ пользоваться англійскимъ углемъ, а починиваться въ Сибирскихъ портахъ. Одна *Алибама* сгнала съ морей американскій флагъ. Шесть *Алабамъ* разогнали бы сотни англійскихъ судовъ. Каждый захваченный быстроходный англійскій пароходъ могъ бы быть обращенъ въ крейсеръ, и не прошло бы

и трехъ мѣсяцевъ какъ мы очутились бы въ наихудшемъ положеніи чѣмъ когда-либо бывали. Конечно, мы могли бы наконецъ захватить нѣкоторыя изъ этихъ судовъ, но Американцы столь же ловкіе моряки какъ Англичане; Американцы годы ловили *Алабаму*, а подвиги капитана Баранова на Черномъ Морѣ показываютъ что русскіе моряки не уступаютъ въ отвагѣ тѣмъ храбрымъ морскимъ бульдогамъ, которые, во времена Елизаветы опалили бороду Испанскаго короля.

„Рискъ для нашей торговли отъ русскихъ *Алабамъ* громаденъ, но это не одна опасность которой мы подвергаемся даже на стихіи гдѣ мы господствуемъ. Мы желали бы чтобы сторонники войны прочли и обдумали замѣчательную статью сэръ-Гарнета Вулзлея появившуюся въ последнемъ номерѣ *Nineteenth Century*. Никто не упрекнетъ сэръ-Гарнета Вулзлея въ трусости, но онъ говоритъ: „Все мыслящіе люди въ арміи и во флотѣ сознаютъ опасности которымъ мы подвергнемся въ случаѣ войны, и многіе даже храбрѣйшіе между ними, блѣднѣютъ пересчитывая ихъ.“ Одна изъ этихъ опасностей, указываетъ онъ, возникла бы отъ появленія даже незначительной эскадры русскихъ судовъ въ Америкѣ при взрывѣ войны. Онъ говоритъ: „Запасшись углемъ и снарядившись къ выходу въ море, тотчасъ какъ телеграфъ возвѣститъ объ объявленіи войны, эскадра весьма вѣроятно двинулась бы къ Св. Еленѣ, подѣливъ дорогой нѣкоторыхъ изъ нашихъ лучшихъ вестъ-индскихъ и южно-американскихъ пароходовъ. По прибытіи въ Св. Елену, эскадра захватила бы стоящія тамъ небольшія деревянные суда, и взявъ съ Джемстауна какой угодно выкупъ отъ разрушенія, направилась бы въ Симонсъ-Бей, гдѣ повторила бы то же самое. Тамъ у насъ есть небольшая верфь, и всегда стоятъ одинъ или два небольшіе деревянные корабли. Все было бы разрушено, также какъ и угольные запасы въ Каптаунѣ; все торговые суда въ Таблѣбеѣ, а тамъ всегда стоитъ ихъ множество, были бы захвачены и вѣроятно сожжены. То же было бы повторено въ Маврикіи, Аденѣ, Бомбей, Пуантъ-де-Галеѣ, Сингалурѣ и Гонконгѣ, откуда русская эскадра направилась бы въ Петропавловскъ, и тамъ была бы сравнительно въ безопасности отъ нашего флота. Это не

„фантастическая химера; это весьма практический и осуществимый план; и я не сомневаюсь что онъ былъ бы испытанъ еслибы мы объявили войну. Не только мы потеряли бы на миллионы фунтовъ собственности, на разрушеніе запасовъ угля въ этихъ различныхъ портахъ совершенно парализовало бы дѣятельность нашихъ военныхъ судовъ въ этихъ моряхъ и обезпечило бы Русскихъ отъ всякой опасности преслѣдованія. Это оставило бы и нашу торговлю, ибо нынѣ торговля суда почти столько же какъ и военныя зависятъ отъ угля.“ Кто можетъ прочесть этотъ спокойный обзоръ всего чѣмъ мы рискуемъ и не убѣдиться что лордъ Дарби былъ правъ говоря что „миръ есть величайшій изъ британскихъ интересовъ,“ и что лордъ Беконсфильдъ, угрожая войной чтобъ измѣнить Санъ-Стефанскій договоръ, рискуетъ громадными и вѣрными потерями ради весьма проблематической выгоды?“

№ 115.

Москва, 6-го мая.

А.

Газетные вѣстовщики знаютъ не только съ какими требованіями графъ Шуваловъ выѣхалъ изъ Лондона, но и съ какимъ отвѣтомъ онъ туда возвратится. Англійское правительство требуетъ де чтобы въ Европейской Турціи Россія измѣнила границы Болгаріи, отбросила ее отъ Эгейскаго моря и еще многое другое; а въ Азіи требуетъ чтобы Россія отказалась отъ Батума. Что касается требованій Англіи, то мы готовы вѣрить всякимъ слухамъ: Англійская политика, если дать ей волю, не остановится на этомъ пути и потребуетъ не только уничтоженія Санъ-Стефанскаго договора, а даже вознагражденія за безпокойство и убытки причиненные Россіей. Но вѣстовщики не ограничиваются возложеніемъ на графа Шувалова не легковѣснаго груза англійскихъ требованій; они уже заранѣе знаютъ что русскій дипломатъ возвратится изъ Петербурга облегченный отъ своего груза, веселый и довольный тѣмъ что англійскія требованія приняты, что Болгарія будетъ передѣлана, и что отъ Батума Россія откажется. Но

вѣстовщики не сообразили того что для достиженія такой цѣли вовсе не требовалось русскому дипломату ѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій. Чтò же новаго въ этихъ требованіяхъ? Всѣмъ извѣстно что Лондонскій кабинетъ не хочетъ признать результаты нашей войны, и самую войну нашу считаетъ ничѣмъ инымъ какъ бунтомъ противъ Европы (въ чемъ впрочемъ согласны съ нимъ наши офиціозныя дипломатическіе органы). Стоило ли бы ѣхать изъ Лондона чтобы подъ секретомъ предложить своему правительству подобныя требованія? Объ этомъ можно было бы открытое письмо послать по почтѣ.

Кстати о Батумѣ. Еще до поѣздки графа Шувалова рѣшительно утверждалось что Англія не допуститъ чтобы Батумъ перешелъ въ наши руки. Мы не спрашиваемъ какимъ образомъ Батумъ могъ бы попасть подъ опредѣленія такъ называемаго Европейскаго права, которое также мало знаетъ о немъ какъ и объ Аденѣ или о Перимѣ; но нельзя еще разъ не подивиться тому презрительному мнѣнію какое, въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ за границей о нашей интеллигенціи, предполагая возможнымъ что русскій посолъ обрадуется узнавъ что Англія требуетъ отъ насъ такой бездѣлицы какъ Батумъ. Отказаться отъ этого порта значило бы, со стороны Россіи, просто-на-просто отказаться отъ всякаго вознагражденія за понесенныя ею военныя издержки. Рѣдкое въ исторіи великодушіе! Дѣло въ томъ что только этотъ портъ, какого Россія не имѣетъ на всемъ протяженіи своего восточнаго Черноморскаго берега, есть вся выгода собственно для Россіи выговоренная въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Все прочее чтò завоевано ею въ малой Азіи не имѣетъ существеннаго значенія, и окажется быть-можетъ обузой для нея вмѣсто выгоды...

Но распространяться о подобныхъ толкахъ значило бы придавать имъ серіозное значеніе какого они имѣть не могутъ. Если графъ Шуваловъ счелъ нужнымъ предпринять поѣздку для секретныхъ объясненій въ видахъ соглашенія, то безъ сомнѣній были какія-либо очень серіозныя со стороны англійскихъ министровъ предложенія, какія не довѣряются бумагамъ прежде чѣмъ стороны не убѣдятся во взаимномъ расположеніи. Мы будемъ рады—да и кто будетъ не радъ?—если окажется возможность полюбовнаго соглашенія интересовъ рус-

скихъ и англійскихъ. Рѣшимость обнаруженная съ русской стороны въ послѣднее время, крейсерская война которую мы теперь готовимъ, и серьезныя стратегическія движенія генерала Тотлебена производятъ свое дѣйствіе. Намъ пишутъ очень свѣдущіе люди, съ англійской стороны, что лордомъ Беконсфильдомъ, въ послѣднее время, овладѣло спасительное миролюбіе, и что онъ обращается то въ ту, то въ другую сторону съ просьбой о посредничествѣ. Это хорошо, но мы не думаемъ чтобы Беконсфильдовскій кабинетъ заслуживалъ довѣрія. На соглашеніе съ англійскими политиками этой школы, да и вообще, полагаться не слѣдуетъ. Мы уже испытали честность этой политики. По дипломатическимъ настояніямъ изъ Лондона не заняли мы ни Константинополя, ни Галлиполи. Русскому послу, конечно, ругались что и англійскій флотъ въ свою очередь не вступитъ въ Дарданеллы. И вотъ мы не воспользовались великимъ преимуществомъ которое давала намъ побѣдоносная война: мы имѣли бы теперь дѣйствительно прочный и достойный миръ, и Европа всѣми своими голосами восхваляла бы нашу великодушную умѣренность. Война была бы положительно невозможна еслибы Дарданеллы были въ нашей власти, въ то время когда Турція лежала въ изнеможеніи у нашихъ ногъ и была покорна нашей волѣ. Мы нашимъ преимуществомъ не воспользовались; а англійская политика воспользовалась нашимъ добродушіемъ и нашею довѣрчивостью. Англійскій флотъ вступилъ въ заповѣдныя воды, занялъ Дарданеллы и теперь, въ санитарныхъ видахъ, стоитъ у Тузлы подъ самымъ Константинополемъ. Впрочемъ, Россія, въ лицѣ своего посла, можетъ считать себя удовлетворенною: британскій министръ иностранныхъ дѣлъ благородно вышелъ въ отставку. Онъ давалъ обѣщанія которыя не были исполнены, и вотъ повинувся долгу чести графъ Дарби вышелъ въ отставку. Полагаете ли вы что маркизъ Солсбери болѣе своего предмѣстника затруднится исполненіемъ подобнаго долга чести? Англія воспользуется всякою выгодой которую мы ей предложимъ, но она испытаетъ всѣ средства обмана для того чтобы выгода не была взаимною. Мы же очень добрые люди, но мы очень туго мыслимъ въ дѣлахъ государственнаго интереса.

Б.

Извѣстія изъ Константинополя принесенныя намъ сегодня по телеграфу служатъ повидимому предвѣстникомъ рѣшительныхъ дѣйствій коими Русская Главная Квартира имѣетъ въ виду прекратить наконецъ недостойную игру затѣянную и съ успѣхомъ веденную до сихъ поръ нашимъ „союзникомъ“ по Санъ-Стефанскому трактату подъ auspiciis г. Леярда. Линія русскаго лагеря подъ Константинополемъ подвинута на четыре километра ближе къ турецкой столицѣ; болѣе отдаленныя части войскъ также приблизились къ этой позиціи. вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Тотлебенъ далъ Портѣ кратчайшій срокъ на очищеніе Болгарскихъ крѣпостей, грозя въ противномъ случаѣ принудительными мѣрами, а русскій посолъ, по тѣмъ же извѣстіямъ, обратился къ Портѣ съ ультиматумомъ, въ коемъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ телеграммы, выражено требованіе чтобы Порта настояла на удаленіи британской эскадры изъ Мраморнаго моря. Но порта и на этотъ разъ сумѣла уклониться; она пока еще ничего не рѣшила.

Къ сожалѣнію, однако, приводимое извѣстіе значительно теряетъ въ своей достоверности, если принять во вниманіе что еще шесть дней тому назадъ лондонская газета *Standard* сообщала что генералъ Тотлебенъ обратился къ Портѣ съ ультиматумомъ грозя занять Константинополь если въ теченіи шести дней (стало-быть этотъ срокъ уже нынѣ истекъ), не будутъ очищены отъ турецкихъ войскъ Варна, Шумла, Батумъ, Верхній Босфоръ и Галлиполи. Англійская газета думаетъ что еслибы Турки согласились на требованіе относительно Галлиполи въ то время когда англійскій флотъ еще находится въ Мраморномъ морѣ, то англійскія войска „должны были бы немедленно занять этотъ полуостровъ.“ Точно также, по мнѣнію названной министерской газеты, Англія не можетъ допустить чтобы Босфоръ попалъ въ русскія руки. Относительно же крѣпостей, хотя и имѣются постановленія въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ обязывающія Турокъ ихъ очистить, однако „никакого срока для этого не назначено.“ Въ виду этихъ извѣстій, лондонская газета относится очень скептически ко всѣмъ успокоительнымъ слухамъ возбужденнымъ поѣздкой графа Шувалова.

Телеграммы сообщаемыя изъ Петербурга о миссіи графа Шувалова (этимъ телеграммамъ изъ Петербурга въ Берлинѣ всегда придаютъ офиціозное значеніе) успокоиваютъ вѣроятностію мирнаго исхода. Намъ утѣшаютъ что, наконецъ, конгрессъ состоится... Конгрессъ! Да вѣдь это война—теперь или вскорѣ!

11 мая, въ берлинской *Post*, появилась замѣтка обратившая на себя въ Берлинѣ вниманіе, такъ какъ ей придаютъ тамъ офиціозное значеніе. Замѣтка гласитъ что Англія „ни въ какомъ случаѣ“ не отступить отъ своего, ею уже высказаннаго взгляда, и не покинетъ занятаго ею и столь для нея выгоднаго положенія. Она не даетъ никакихъ обязательныхъ обѣщаній касательно отступленія отъ трактата 1856 года. *Post* полагаетъ что Россія въ концѣ-концовъ вынуждена будетъ подчиниться и принять точку зрѣнія въ силу коей лишь конгрессъ можетъ отмѣнить установленный конгрессомъ же Парижскій трактатъ. Берлинская газета продолжаетъ: „Если Санъ-Стефанскій договоръ подвергнется пересмотру на конгрессѣ; то Англія окажетъ, и должна будетъ оказать, настолько вниманія своему уступчивому противнику чтобы по возможности пощадить *внѣшнюю форму трактата*. Но изъ него вынута будетъ душа; будетъ устраненъ духъ его продиктовавшій. Су-мѣютъ устроить такъ что не отмѣняя цѣликомъ постановленій трактата, Болгарія тѣмъ не менѣе не превратится въ русскую провинцію (?) и султанъ не будетъ отданъ въ распоряженіе Россіи чрезъ условія о военномъ вознагражденіи. Болѣе же всего будетъ идти дипломатическая борьба на конгрессѣ изъ-за Батума.“ Словомъ, конгрессъ еще отсрочитъ де существованіе Турціи которое считали уже прекратившимся, и притомъ безъ существенныхъ территориальныхъ потерь

„Россія,“ замѣчаетъ въ заключеніе берлинская газета, „могла бы покончить съ турецкимъ владычествомъ въ Европѣ, еслибъ она рѣшилась довольствоваться „свободнымъ проходомъ для своихъ судовъ черезъ Проливы, безъ господства надъ ними, и согласилась бы искать въ „безпредѣльныхъ пространствахъ Азіи вознагражденія себѣ.“

„Европа“ признала бы совершившійся фактъ и не стала бы долѣе гальванизовать трупъ, еслибы Россія предоставила

Австріи и Англіи раздѣлить между собою наслѣдіе Турціи въ Европѣ и воспользо-ваться плодами русскихъ побѣдъ! А такъ такъ Россія на такую сдѣлку не пошла, то конгрессъ, въ видѣ награды за ея уступчивость, которую она все таки не перестаетъ выказывать, возвратитъ ей Санъ-Стефанскій трактатъ, покорно ему представленный, предварительно вынувъ изъ него душу.

Не прямое ли это издѣвательство надъ Россіей и ея уступчивостью! И это мы читаемъ не въ какомъ-нибудь изъ органовъ отличающихся бѣшеною ненавистью къ Россіи, а въ берлинской газетѣ, да притомъ слывущей за офиціозную!

Другая берлинская газета, *National-Zeitung*, спасибо ей, заступилась за Россію, замѣтивъ что „предсказанія“ *Post* о результатахъ конгресса „превосходятъ всякую мѣру,“ и что нельзя ожидать чтобы Россія подчинилась такому униженію.

№ 117.

Москва, 8-го мая.

А.

Французскій глашатай русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, *Agence Générale Russe*, извѣщая сегодня объ отъѣздѣ графа Шувалова въ обратный путь, призываетъ насъ снова къ терпѣнію; „до приѣзда графа въ Лондонъ,“ говоритъ петербургскій листокъ, „нельзя ожидать какой-либо важной новости.“ Итакъ вооружимся терпѣніемъ. Однако нельзя еще разъ не обратить вниманія на явленія сопровождавшія поѣздку нашего лондонскаго посла въ Петербургъ.

Припомнимъ какъ привѣтствовали миссію графа Шувалова. Пока онъ ѣхалъ отъ береговъ Темзы до береговъ Шпре, вся европейская печать разсуждала на разные лады о возможности мирнаго соглашенія, и въ этомъ единогласномъ хорѣ усердное участіе принимала и австрійская печать безъ различія отгѣнковъ и партій. Изъ Вѣны сообщали что въ тамошнихъ биржевыхъ сферахъ соглашеніе между Россіей и Англіей считается уже почти достигну-тымъ. Черезъ день, изъ Вѣны уже увѣ-рялось что переговоры между Россіей и Австріей почти окончены „къ общему удо-

вольствію,“ и что какой-то единственный пункт разногласія относительно Черногоріи, надѣются, будетъ разрѣшенъ путемъ уступокъ, конечно, тоже къ „общему удовольствію.“ Между тѣмъ едва успѣлъ графъ Шуваловъ выѣхать изъ Берлина, какъ въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* появляется извѣстная австрійская программа рѣшенія Восточнаго вопроса; прибирающая къ рукамъ Австро-Венгріи всю Турцію, не исключая и самостоятельныхъ княжествъ, — программа рѣзко враждебная Россіи, выставлющая цѣлыя арміи на сѣверной, юго-восточной и южной границахъ Австро-Венгріи, посылающая флоты и къ берегамъ Албаніи, и къ берегамъ Македоніи. Такой перунъ изъ яснаго неба можно было бы счесть за мистификацію, но программа появлялась въ органѣ князя Бисмарка, да еще съ рекомендаціей какъ „внушенная.“ Въ другой берлинской газетѣ, тоже вліятельной, сообщалось, тоже изъ Вѣны, что Австрія готовится вытолкнуть насъ съ Балканскаго полуострова силой „воздушнаго давленія.“ Какъ бы въ подтвержденіе что дѣло вообще не шуточное, въ Австріи снова съ большимъ шумомъ поднялись пренія о 60-милліонномъ кредитѣ. Исторія съ этимъ кредитомъ была впервые поднята мѣсяца два тому назадъ когда надо было заставить Россію идти на конгрессъ. Графъ Андраши добился тогда этого кредита отъ делегацій, и положилъ его спокойно въ портфель, гдѣ онъ и пролежалъ безо всякой надобности. Нынѣ австрійскій министръ финансовъ Депретисъ въ коммисіи рейхсрата очень наивно признается: *mea culpa*; это я упустилъ не реализовать кредита (по невозможности?). Но зачѣмъ же, спрашивается, реализовать его въ настоящую минуту? Графъ Андраши молчитъ. Неловко же министру въ парламентѣ показывать свои карты. Это не газетная статья, отъ которой можно отказаться. Но чтобъ успокоить любопытствующихъ депутатовъ, онъ заставляетъ говорить фигуранта, венгерскаго министра Тису, и тотъ рѣшительно отрекается и отъ соглашенія съ Россіей, и отъ политики эквивалентовъ. Но монархъ, объявляетъ онъ, грозитъ опасность отъ Россіи; надо де увеличить войска и сдѣлать распоряженія на сѣверной и юго-восточной, и южной границахъ; это де единственная цѣль кредита. Первоначально проектировавшійся конгрессъ не удался. Про-

буютъ переговоры отъ кабинета къ кабинету, и вотъ въ тотъ самый моментъ когда графъ Шуваловъ съ оливковою вѣтвію подѣзжалъ къ Петербургу началось снова „бряцаніе саблей.“ Требуется внушить Россіи что другаго исхода какъ „уступчивость“ не остается. Когда Россія обращалась къ Австріи, то громы гремѣли въ Лондонѣ и шла рѣчь объ англійскихъ вооруженіяхъ; когда мы пустились въ переговоры съ Англіей, громъ загремѣлъ въ Вѣнѣ.

Россія не хочетъ войны, и это лучше всего знаютъ наши противники; но они идутъ далѣе и заключаютъ что Россія боится войны. Нѣтъ, бояться войны слѣдуетъ не намъ. Могущество Англіи, избытокъ ея денежныхъ силъ, находятся въ совершенной зависимости отъ ея торговыхъ сношеній. Война неминуемо порветъ ихъ, и Англіи придется имѣть дѣло со страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ. Уже теперь, въ виду войны угрожающей перенять морскіе пути ея торговли, тревога распространяется въ ея народѣ. Энергическая рѣшимость Россіи заставитъ Англію искать мостика къ отступленію, какой теперь такъ надменно она устраиваетъ намъ.

Что же касается австрійскаго 60-милліоннаго кредита, то можно ли придавать ему значеніе серіозной военной мѣры? Мы знаемъ что значить война и какихъ она стоитъ жертвъ даже съ Турціей. Но и этотъ жалкій кредитъ еще далеко не въ рукахъ Австрійскаго правительства. Коммисія рейхсрата, въ противорѣчіе съ венгерскою коммисіей, отказалась рекомендовать выбравшему ее парламенту покрытіе кредита, пока графъ Андраши не дастъ новыхъ и положительныхъ объясненій касательно своихъ намѣреній делегаціямъ. Если рейхсратъ согласится съ мнѣніемъ своей коммисіи, — а она состоитъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ его, — то тогда исторія съ австрійскимъ кредитомъ, продолжающаяся уже два мѣсяца, начнется сызнова, и опять кредитъ на 60 милліоновъ гульденовъ пойдетъ кружиться въ делегаціяхъ, задерживаясь ежеминутно зубцами машины...

Б.

Сегодня, 8-го мая, въ 5^{1/2} часовъ пополудни, Москва торжественно встрѣчала

Его Величество Наср-Эддин-Шаха. Это не первое посѣщеніе первопрестольной столицы Россіи нашимъ царственнымъ гостемъ съ Востока. Ровно за пять лѣтъ предъ симъ Москва уже привѣтствовала его, когда онъ впервые выѣхалъ изъ своихъ владѣній чтобы посѣтить Европу. Мы встрѣчали Его Величество какъ друга нашего Государя, и встрѣчаемъ его теперь какъ испытаннаго, вѣрнаго друга. Шахъ былъ видимо тронутъ народнымъ одушевленіемъ пріема.

Много событій совершилось въ эти пять лѣтъ. Только что окончилась побѣдоносная война наша съ Турціей, — война, приближавшаяся ко границамъ Персіи. Нейтралитетъ Шаха былъ поистинѣ дружественный намъ, и въ Русскомъ народѣ останется это навсегда памятнымъ. Мы сказали: война только что кончилась, однако миръ нами заключенный еще подвергается спору, а этотъ миръ не лишенъ значенія и для Персіи. Заключая свой мирный договоръ, Россія не забыла своего добраго сосѣда и союзника. Статья 19 Санъ-Стефанскаго договора требуетъ чтобы Турція регулировала свои границы съ Персіей, о чемъ постоянно были между ними споры, доходившіе почти до разрыва. Россія всею мощью своего народа отстоитъ подпись имени своего Государя подъ мирнымъ трактатомъ. Она желаетъ мира, но не боится войны, и мечъ ея еще не вложенъ въ ножны. Дальнѣйшія событія, военнаго или мирнаго свойства, еще тѣснѣе сблизятъ насъ въ общемъ интересѣ съ сосѣднею Персіей.

№ 118.

Москва, 10-го мая.

Вчера, какъ извѣщаетъ телеграфъ, въ Англійской палатѣ общинъ былъ сдѣланъ правительству запросъ о покупкѣ Россіей судовъ въ Америкѣ, и генераль-атторней далъ успокоительный для своихъ соотечественниковъ отвѣтъ что нѣтъ де извѣстій которыя вели бы къ *предположенію* что купленные *будто бы* суда будутъ въ случаѣ войны употреблены какъ *корсары*, въ *противорѣчіе* съ Парижскою деклараціей. Отвѣтъ подлаженный къ притворно-равнодушному тону, съ какимъ англійская печать тщится относиться къ патріотическому движенію въ Россіи въ пользу соору-

женія добровольнаго флота; но въ то же время отвѣтъ достойный члена Беконсфильдовскаго кабинета! Хочетъ ли не хочетъ Англійское правительство вѣрить *будто* Россія покупаетъ суда въ Америкѣ, это его дѣло; оно, въ этомъ случаѣ, подвергаетъ сомнѣнію правдивость корреспондентовъ англійской печати, которые положительно удостовѣряютъ объ этихъ покупкахъ. Но г. Гокеръ, кромѣ того, въ своемъ отвѣтѣ увлекся до того что позабылъ свое званіе короннаго юриста, которое не должно бы ему позволять грубую фальсификацію. Онъ долженъ былъ бы также припомнить что для него, какъ англійскаго короннаго юриста, обязательны рѣшенія и разъясненія англійскихъ коронныхъ юристовъ. Онъ не имѣлъ права говорить будто употребленіе купленныхъ Россіей судовъ, въ случаѣ войны, было бы противорѣчіемъ Парижской деклараціи.

Мы не признаемъ обязательнаго характера этого документа. Но когда о Парижской деклараціи поднимается рѣчь, то коронный юристъ по крайней мѣрѣ долженъ знать о чемъ онъ говоритъ. Парижская декларація не запрещаетъ покупки судовъ у другихъ хотя бы наканунѣ войны, и Англійскому правительству такъ хорошо это извѣстно что оно весьма недавно, на разрѣшенный ему экстренный кредитъ, купило три военныхъ судна построенныя за счетъ Турціи и Бразиліи. Въ Парижской деклараціи постановлена была отмѣна каперства. Не къ этому ли хотѣлъ примѣнить г. Гокеръ покупку Россіей судовъ, обозвавъ ихъ „корсарами?“ Слово „корсаръ“, однако, только въ романахъ звучитъ страшно и считается равносильнымъ „пирату“, морскому разбойнику; собственно же корсаръ, *corsaire*, значитъ корабль который преслѣдуетъ непріятельскія суда (*fait course*). Парижская декларація запрощаетъ ли это?

Какъ извѣстно, во время Франко-Прусской войны, 24 іюля 1870 года, королемъ Прусскимъ былъ изданъ указъ объ учрежденіи добровольнаго флота. Въ Англіи возникъ объ этомъ вопросъ, и коронные юристы, будучи спрошены, не усмотрѣли въ этомъ распоряженіи Прусскаго правительства ни малѣйшаго нарушенія деклараціи 1856 года, такъ какъ „операциі для коихъ назначались эти суда должны быть сравнены съ операціями вольныхъ отрядовъ или волонтеровъ, вербовка коихъ

„признается и утверждается международным правом.“

Посмотримъ однако ближе, какія это были суда предположеннаго германскаго добровольнаго флота, и въ чемъ было ихъ назначеніе. Въ книгѣ г. Кольво *Le Droit International* исчислены слѣдующіе признаки ихъ:

„1) Корабли были обозначены какъ *navires frétés* (Англичане называютъ ихъ *chartered*), собственность коихъ не передавалась государству; а *оставалась принадлежностью арматоровъ*; 2) они имѣли получать премію за каждое изъ захваченныхъ судовъ; 3) ихъ экипажъ и офицеры должны были доставляться арматорами.“

Изъ словъ англійскаго министра явствуется что у Англіи два вѣса и двѣ мѣры. Что признается законнымъ для Германіи противъ Франціи, то не дозволительно Россіи противъ Англіи. Мы позволимъ себѣ еще напомнить что въ засѣданіи Англійскаго парламента, 1 марта прошлаго года, г. Боркъ, состоящій и понынѣ подсекретаремъ иностранныхъ дѣлъ, между прочимъ сказалъ: „Я напомню палатѣ что хотя Парижская декларация отмѣнила каперство, но она не мѣшаетъ нанять любое число торговыхъ судовъ чтобы вести войну противъ непріятеля и тревожить его торговлю.“

Слѣдовательно, по признанію самого Англійскаго правительства, даже съ точки зрѣнія Парижской деклараціи, нѣтъ обязательствъ которыя препятствовали бы покупать, нанимать или на какихъ-либо условіяхъ брать частныя суда для употребленія ихъ въ войнѣ.

Въ сущности, какъ мы неоднократно указывали, это почти все то же что и выдача каперскихъ свидѣтельствъ; *lettres de marque*. Измѣнена формальность; въ Парижской деклараціи многія государства (но не всѣ) отказались отъ употребленія каперовъ, и вмѣсто нихъ находятъ лучшимъ употреблять суда поступающія на службу правительства подъ именемъ добровольнаго флота. Но вѣдь и каперы точно также находились на службѣ правительствъ, и еще въ XVII вѣкѣ, при Людовикѣ XIV, обязанности каперовъ были опредѣлены особымъ уложеніемъ: каждый арматоръ долженъ былъ вносить обезпеченіе въ 15.000 ливровъ, и до судебнаго приговора не могъ распоряжаться добычей. Позднѣе каперы были повсюду под-

чинены еще болѣе строгому контролю правительствъ. Это были также суда на службѣ правительства. Злоупотребленія же ихъ происходили не столько отъ характера этихъ судовъ сколько отъ самихъ правительствъ и наряджаемыхъ ими призовыхъ судовъ. Ненавистный характеръ былъ каперству приданъ варварствомъ которое въ морскихъ войнахъ держалось гораздо долѣе чѣмъ въ сухопутныхъ, и поддерживалось главнымъ образомъ Англіей.

Въ прошедшемъ вѣкѣ, въ особенности во время войнъ Англіи противъ Директоріи и Наполеона I, воюющіе не признавали правъ нейтральныхъ, и на нейтралитетъ смотрѣли какъ на преступленіе. Тогда премію давало прямое участіе въ войнѣ. Невыносимость такого положенія всегда вызывала протесты со стороны нейтральныхъ, и наконецъ она привела къ знаменитому Вооруженному Нейтралитету 1780 года, провозглашенному Екатериною II. Справедливый характеръ этого важнаго акта явствуется изъ того что соблюденіе его не было стѣснительно для участниковъ и въ то время когда они сами стали воюющею стороною. Они не отказывались отъ права вредить противнику, но не желали втягивать нейтральныхъ въ борьбу и уважали права ихъ. Такъ въ 1787 году, по случаю войны съ Турціей, императрицею Екатериною былъ изданъ уставъ о частныхъ арматорахъ, который предписывалъ каперамъ уважать нейтральный флагъ. Послѣ общаго замиренія 1815 года, принципы Вооруженнаго Нейтралитета все болѣе укоренялись, и Англія сама, еще задолго до Парижской деклараціи, была вынуждена уважать ихъ. Этому же содѣйствовало и сильное развитіе морской торговли благодаря пароходству. Нынѣ уже не участіе въ войнѣ, а напротивъ нейтралитетъ даетъ премію. Каперамъ, также какъ и военнымъ судамъ, невозможно дѣйствовать противъ нейтральныхъ, а слѣдуетъ ограничиваться дѣйствіями противъ воюющихъ: вотъ въ чемъ собственно заключается все отличіе каперства прежнихъ временъ отъ нынѣшнихъ; прежде каперы не уважали нейтральнаго флага, теперь они должны уважать его.

Если Парижская декларация имѣла въ виду только развитіе началъ Вооруженнаго Нейтралитета, то она не возбуждала бы никакихъ сомнѣній и споровъ. Они были бы только подтвержденіемъ давно при-

знанныхъ правъ нейтральныхъ. Но этотъ документъ внесъ смуту въ понятія междунагоднаго права именно тѣмъ что въ немъ многихъ строкахъ спуталъ разнородные принципы. Права нейтральныхъ должны быть уважаемы; они не должны терпѣть ущерба отъ войны въ которой не участвуютъ. Но никакая конвенція, никакая декларация не можетъ отнять у воюющаго права обороны и нападенія, не можетъ дѣлать различія между судами построенными правительствомъ или купленными имъ, или нанятыми, или какимъ бы то ни было способомъ поступившими къ нему на службу. Оттого, черезъ немного лѣтъ послѣ проскрипціи каперства, является добровольный флотъ.

№ 119.

Москва, 11-го мая.

Берлинскія газеты получаютъ по временамъ изъ Петербурга телеграфныя сообщенія которыя имѣютъ признаки „офиціознаго“ происхожденія и за таковыя тамъ принимаются. Такого рода сообщеніе появилось тамъ и на прошедшей недѣлѣ, помѣщенное изъ Петербурга отъ 15 мая. Въ немъ идетъ рѣчь о миссіи графа Шувалова; указывается на то что идущіе чрезъ него переговоры хранятся въ строжайшей тайнѣ, дабы оградить мирныя намѣренія одушевляющія нынѣ Россію и Англію отъ вреднаго вліянія газетной полемики. Несмотря однако на эту тайну о которой свидѣтельствуется петербургскій наперстникъ берлинскихъ газетъ, онъ не воздержался и немножко приподнялъ завѣсу. „Если“, замѣчаетъ онъ, „съ одной стороны твердо ограждается неприкосновенность главной цѣли минувшей войны, независимость „христіанскихъ племенъ Турціи, то, съ другой стороны, проектированная карта Болгаріи вовсе не считается за не тронъ меня; равнымъ образомъ не считаются безспорными отдѣльные пункты вознагражденія выговореннаго для себя Россіей. „Объ обратной уступкѣ Карса, правда, рѣчи нѣтъ, но что касается Батума, то въ этомъ отношеніи принято въ соображеніе что приобрѣтеніе онаго имѣетъ для Россіи и обратную сторону, такъ какъ „потребуется многіе милліоны для проведения дорогъ къ этому пункту и на воз-

„ведение укрѣпленій которыя сдѣлали бы „этотъ пунктъ прочнымъ приобрѣтеніемъ для Россіи.“

Какъ это все остроумно придумано, и какъ убѣдительно!

Другой „надежный“ вѣстовщикъ иностранныхъ газетъ, петербургскій корреспондентъ вѣнской *Политической Корреспонденции*, сообщаетъ почти то же самое объ основаніяхъ подготавлиаемаго чрезъ посредство графа Шувалова соглашенія, прибавляя что если Россія уступитъ въ этихъ пунктахъ, то Англія, по всей вѣроятности, окажется сговорчивѣе по вопросу о возвращеніи Россіи отнятой у нея части Бессарабіи.

Какъ это утѣшительно!

Позволяемъ себѣ усомниться въ вѣрности этихъ „достоверныхъ“ сообщеній, не потому чтобы мы были лучше освѣдомлены, или чтобы эти сообщенія казались намъ по существу своему невѣроятными: чему не повѣришь когда толки идутъ объ измышленіяхъ дипломатіи? Невѣроятнымъ представляется чтобы понадобилось личное присутствіе російскаго посла для передачи, и притомъ подъ покровомъ строжайшаго секрета, такихъ притязаній Англіи которыя безпрестанно и открыто ею высказываются и въ печати, и съ министерской скамьи въ парламентъ, и въ дипломатическихъ нотахъ. Англійская похвальба и угрозы, ея военныя приготовленія, также хорошо извѣстны, и нѣтъ нужды подтверждать ихъ устами російскаго представителя въ Лондонѣ. Остается поэтому предположить что переговоры идутъ не о томъ какъ упразднить Санъ-Стефанскій договоръ способомъ наиболѣе для Англіи удобнымъ, а развѣ о томъ какъ примирить англійскія притязанія въ сферы этого договора и безъ отреченія Россіи отъ того что ею приобрѣтено и достигнуто. *Agence Générale Russe*, отъ 17 мая, помѣстила у себя статью которая, какъ сообщалъ телеграфъ изъ Лондона, была принята тамошнею печатью весьма хорошо и укрѣпила увѣренность въ благопріятномъ исходѣ теперешнихъ переговоровъ. Но эта статья, исполненная жалкой лести и совсѣмъ ненужнаго уничиженія, ведетъ рѣчь не о томъ чтобы смириться предъ британскою гордыней и отказаться для ней отъ того что уже достигнуто Россіей, а напротивъ о томъ чтобы Англія и Россія какъ-то соединили свои силы для совокупнаго дѣйствія на *трехъ* материкахъ.

Но вотъ въ то время какъ Лондонъ и Петербургъ обмѣниваются пріятными рѣчами, отдаленные, но грозные раскаты грома слышались изъ Вѣны, изъ Пешта... Лишь только заговорили о возможности склонить Англію къ системѣ компенсацій и эквивалентовъ, Австро-Венгрія спѣшитъ разсѣять всѣ толки о ея сговорчивости и выступаетъ непреклоннымъ противникомъ какихъ бы то ни было удобныхъ для Россіи перемѣнъ на Балканскомъ полуостровѣ. Грозная манифестація такого рода была сдѣлана венгерскимъ министромъ-президентомъ, г. Тисой, при обсужденіи Пештскою палатою новаго предложенія правительства о „реализаціи“ 60милліоннаго кредита. Рѣчи г. Тиссы произнесенныя въ этотъ и въ послѣдующіе дни признаются прямо воинственными по отношенію къ Россіи. Онъ объявилъ лишенными всякаго основанія слухи о томъ будто Австро-Венгерское правительство готово примириться, путемъ компенсацій на западной половинѣ Балканскаго полуострова, съ тѣми нововведеніями кои установлены Санъ-Стефанскимъ договоромъ для восточной половины. Правительство, заявилъ онъ на вопросъ предложенный ему однимъ изъ членовъ оппозиціи требовавшимъ немедленной войны съ Россіей, нуждается въ кредитѣ не только для обороны, но и для того чтобы, въ случаѣ надобности, силою воспротивиться всякимъ перемѣнамъ въ Турціи несогласнымъ съ интересами Австріи. Въ случаѣ надобности правительство имѣетъ де въ виду потребовать еще новыхъ денежныхъ суммъ. „Еслибы“, прибавилъ г. Тиса, „такой образъ дѣйствій былъ мнѣ возбраненъ, я выйду въ отставку.“ Корреспонденціи изъ Пешта въ нѣмецкія газеты съ удареніемъ указываютъ на то что „воинственная“ рѣчь г. Тиссы была неожиданностью для самой оппозиціи и примирила съ политикой правительства самыхъ ярыхъ приверженцевъ войны. Воинственное настроеніе усилилось де послѣдовавшею 15 мая амнистіей для всѣхъ привлеченныхъ по дѣлу о прошлогодней „вспышкѣ“ Секлеровъ въ Трансильваніи. Амнистія эта сопровождалась офиціозною замѣткой въ газетѣ *Ellenör* въ которой сказано что амнистія имѣетъ именно политическое значеніе. Прошлогодній „набѣгъ“ предпринятый Секлерами на Румынскую территорію хотя и заключается въ себѣ противозаконныя дѣйствія, но былъ внушенъ ненавистью къ Россіи; а такъ

какъ Трансильванія — ворота Австріи, которыя могутъ послужить какъ для наступательныхъ дѣйствій противъ русской арміи, такъ и въ видахъ обороны противъ ея вторженія на Австрійскую территорію; то амнистія является де мѣрою долженствующею успокоить тѣ чувства недовольства противъ правительства которыя господствуютъ въ странѣ съ прошедшаго года, и могли бы мѣшать успѣху готовящихся тамъ военныхъ операцій.

Такимъ-то образомъ чередуется игра въ запугиванье которую ведутъ Австрія и Англія противъ Россіи. „Рычать“ теперь предоставлено Австріи. Всѣ прежнія „успокоенія“ насчетъ этого члена Тройнаго Союза какими такъ усердно угощали насъ до сихъ поръ, всѣ толки о томъ что Австрія сумѣетъ приладиться къ совершившемуся факту лишь бы ей дать соотвѣтствующее вознагражденіе, всѣ слухи о заранѣе уже установленной программѣ размежеванія австро-русскихъ интересовъ — все это оказывается нынѣ пухомъ. Монархія Габсбурговъ, по крайней мѣрѣ венгерская половина ея, и слышать не хочетъ ни о какихъ перемѣнахъ, и готовится воевать со своего врага, сѣверный „панславизмъ“, выразившейся въ мирномъ трактатѣ между Россіей и Турціей.

Фразы о панславизмѣ и пагубномъ для „цивилизаціи Европы“ духѣ обуявшемъ нѣкоторую „партію“ въ Россіи, повторяемая на всѣхъ лады враждебною печатью, нашли отголосокъ и въ Россіи. У насъ есть сферы гдѣ вѣрятъ въ эти фразы, и полагаютъ что общественное настроеніе господствующее въ Россіи по отношенію къ нашимъ дѣламъ на Востокъ есть созданіе „панславистской агитаціи...“

Въ полученномъ сейчасъ листкѣ *Политической Корреспонденціи*, отъ 18 мая, петербургскій корреспондентъ ея говоритъ, по поводу пріѣзда въ Петербургъ графа Шувалова, о *горячей полемикѣ* въ русской печати касательно его миссіи, и говоритъ потому что эта полемика можетъ будто пролить свѣтъ на самую миссію. Между кѣмъ же идетъ эта полемика? Между органами все возрастающей „панславистской демократіи“ жаждущей крови и войны съ одной стороны, и „мирно настроеннымъ“ (*dem friedlich gesinnten*) органомъ съ другой. Какіе же это кровожадные и революціонные органы, являющіеся врагами графа Шувалова, представителя истинно-европейской

№ 120.

Москва, 12-го мая.

части русскаго общества, именно той которая противодѣйствуетъ революціоннымъ стремленіямъ панславизма? *Московскія Вѣдомости*, а ихъ противникъ — *Биржевыя Вѣдомости*. Итакъ, мы, кровожадные социаль-демократы, мы рукоплескавшіе дѣлу Засуличъ, и вмѣстѣ панслависты, мы выдумали Восточный вопросъ!..

Такъ ли это однако.

Недавно, въ № 113 (отъ 5 мая), сообщали мы содержаніе историческаго документа хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Почти полтора столѣтія тому назадъ, Россія находилась точь-въ-точь въ такомъ же политическомъ положеніи какъ теперь. Рѣчь шла о сведеніи счетовъ съ Турціей послѣ побѣдоноснаго похода русскихъ войскъ за христіанскія населенія Востока. Австрія, принимавшая впрочемъ дѣятельное участіе въ тогдашней войнѣ въ союзѣ съ Россіей, также какъ и теперь находила несогласнымъ со своими интересами тѣ перемѣны коихъ добивалась Россія въ пользу томившихся подъ турецкимъ игомъ христіанскихъ племенъ. И тогда, какъ теперь, предполагалось уладить дѣло путемъ конгресса. Австрія не соглашалась на независимость Молдавіи и Валахіи подъ покровительствомъ Россіи, стремясь завладѣть княжествами для себя. Возраженія противниковъ Россіи и тогда основаны были на томъ что Россія освобождая народы подвластные Турціи получаетъ опасное для остальной Европы преобладаніе; словомъ, призракъ „панславизма“, хотя и не названный этимъ именемъ, уже тогда служилъ для европейской дипломатіи аргументомъ противъ историческаго призванія Россіи. Прислушайтесь же къ отвѣту данному императрицей Анной Іоанновной на притязанія Австріи. „Наши кондичіи не могутъ учреждены быть по тому „какъ цесарская конвеніенція потребуеть, „но какъ то нашей собственной конвеніенціи и пользѣ и безопасности государства принадлежить, что единое и наглавнѣйшее основаніе быть имѣеть, по которому намъ всѣ свои поступки учредить „надлежитъ.“

Какою страшною революціей, и демократствомъ, и панславизмомъ дышатъ эти слова императрицы Анны Іоанновны!

Надежды на лады между Англіей и Россіей продолжаютъ господствовать въ заграничной печати. Но никто не знаетъ на чемъ эти надежды основаны. Всѣ газеты въ одинъ голосъ признаютъ что переговоры связанные съ поѣздкой графа Шувалова хранятся въ величайшей тайнѣ, а между тѣмъ сами же и разказываютъ ихъ содержаніе. Въ англійскія газеты такъ и сыплются телеграммы изъ Вѣны, въ родѣ передовыхъ статей, передающія о разныхъ уступкахъ на которыя будто бы соглашается Россія; при этомъ обсуждаются и мотивы почему Россія должна быть очень сговорчива. Англійскія газеты на основаніи этихъ извѣстій входятъ въ затруднительное положеніе Россіи съ такою же заботливостью какъ и наши домашніе Европейцы; онѣ скорбятъ о бѣдствіяхъ намъ грозящихъ не менѣе нѣкоторыхъ „мирнонастроенныхъ“ органовъ петербургской печати. Онѣ сокрушаются о запутанномъ положеніи нашихъ финансовъ, ужасаются при видѣ крайне невыгоднаго стратегическаго положенія нашихъ войскъ въ случаѣ новой войны, и съ лицомъ рнымъ вздохомъ принуждены заключить что еслибы Россія въ самомъ дѣлѣ захотѣла осуществить планы изложенные въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, то взяла бы на себя задачу превыше ея силъ и средствъ. *Times* убѣждаетъ насъ что Англія именно изъ любви къ Россіи и противится исполненію Санъ-Стефанскаго договора. Англія лучше самой Россіи понимаетъ ея интересы и заботится о нихъ гораздо болѣе насъ самихъ. Она и войной намъ грозитъ изъ трогательнаго желанія пользы намъ. Хорошо де если графу Шувалову удалось убѣдить въ этомъ Русское правительство (вотъ, въ самомъ дѣлѣ, было бы хорошо еслибы графъ Шуваловъ за этимъ пріѣзжалъ въ Петербургъ!). Иначе Англіи, къ крайнему сожалѣнію и противъ воли, придется начать войну, причемъ всѣ невыгоды будутъ на сторонѣ Россіи.

Таковы въ сущности разсужденія и заключенія газеты *Times*, отъ 18 мая. Вотъ совершенно новый родъ войны, который готова явить міру Англія! Въ прошедшемъ году во время нашихъ неудачъ подъ Плевной, лордъ Дарби изъ жалости собирался

вытащить насъ изъ ямы. Теперь же наши англійскіе друзья хотѣли бы, тоже изъ любви къ намъ, выманить насъ изъ тѣхъ стратегическихъ позицій которыя мы заняли благодаря генералу Тотлебену...

Но столь заботливая о нашемъ благополучіи англійская печать не расположена брать въ расчетъ во что обойдется такая филантропія,—другими словами, чего будетъ стоить Англии война противъ Россіи. Одна перевозка 7.000 индійскихъ войскъ (страшная цифра!) стоила Англии три четверти милліона фунт. стерл. А это еще смѣта мирнаго времени: до какой же цифры возрастетъ смѣта когда загремятъ выстрѣлы?

Но всего забавнѣе то притворное равнодушіе съ какимъ англійская печать относится къ нашимъ морскимъ приготовленіямъ. Еще вчера лондонскія газеты пренебрежительно утверждали что русскихъ крейсеровъ опасаться нечего. Строгой дисциплинѣ какой подчинены всѣ англійскія газеты въ вопросахъ иностранной политики можно не только подивиться, но не мѣшало бы и подражать; между тѣмъ какъ наши домашніе Европейцы болѣе всего любятъ похвастаться безспіемъ и ничтожествомъ Россіи. Со стороны англійской печати это конечно разчитанный маневръ, и одна изъ еженедѣльныхъ газетъ (*Saturday Review*) самодовольно замѣчаетъ: „въ Россіи можетъ-быть были разочарованы слабымъ впечатлѣніемъ какое произвели въ Англии показныя приготовленія къ высылкѣ вооруженныхъ крейсеровъ изъ американскихъ портовъ.“ И та же газета увѣряетъ Англичанъ что на Россію произвела „сильное впечатлѣніе“ отправка 7.000 индійскихъ войскъ!

Но мы очень хорошо знаемъ что русскими крейсерами въ Англии очень тревожатся, въ особенности судохозяева. На заднихъ страницахъ газетъ пробиваются робкіе голоса указывающіе на опасность. Въ томъ же номерѣ *Times* были напечатаны два письма по этому предмету, и авторъ одного упрекаетъ газету за то что ея статьи не въ состояніи успокоить судохозяевъ, и требуетъ серіозныхъ мѣръ; авторъ же другаго письма спѣшитъ заявить что быстроходныхъ судовъ не такъ-то много, и если Русское правительство ищетъ таковыхъ для покупки, то надо спѣшить предупредить его. Это не мѣшаетъ и намъ принять къ свѣдѣнію, и въ

свою очередь поспѣшить покупкой быстроходныхъ судовъ.

Неужели кто можетъ думать что Англія протестуетъ противъ Санъ-Стефанскаго договора для того чтобы сохранить прежнюю Турцію?

Нынѣшній англійскій посолъ въ Константинополѣ, г. Леярдъ, извѣстный туркофилъ, и пользуется въ Портѣ безграничнымъ вліяніемъ. Но константинопольскій корреспондентъ *Times*, пишущій по внушеніямъ этого посла, давно уже систематически изобличаетъ несправимость и негодность турецкой администраціи. На дняхъ, онъ ясниѣ развилъ мысли своего вдохновителя. Различныя племена населяющія Балканскій полуостровъ, какъ видите, слишкомъ еще не развиты чтобъ имъ можно было довѣрить самостоятельное плаваніе по опаснымъ водамъ политическаго существованія. Поэтому политическое строеніе именуемое Оттоманскою Портой быть-можетъ придется еще поддержать, но никакъ не въ прежнемъ видѣ, ибо всѣ населенія, не исключая и мусульманскихъ, ненавидятъ господствующій классъ. Но прежде всего, для рѣшенія Восточнаго вопроса, должна быть вовсе устранена Россія, а затѣмъ въ управленіе Турціей долженъ де быть введенъ иностранный элементъ. Вся администрація какъ центральная, такъ и провинціальная, должна быть въ рукахъ не турецкихъ, но и не русскихъ, а иностранныхъ, равно какъ и судъ, и финансы, и все прочее. Словомъ, со сцены должны быть устранены какъ Россія, такъ и Турція, и обѣ должны уступить мѣсто Англии, и весь Востокъ долженъ поступить подъ Британскую опеку.

Мы не сомнѣваемся что тогда Англія, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, осталась бы довольна. Но готовы ли мы именно на такую уступку? Меньшимъ же Англія не будетъ довольна. Ей нужно чтобы мы отдали ей Востокъ, и отказавшись отъ жизненнаго условія нашего существованія, отъ смысла всей нашей исторіи, подчинились бы и сами англійской опекѣ, англійскимъ интересамъ. Всѣ уступки которыя мы захотѣли бы сдѣлать чтобъ ублажить Англію были бы только этапами...

Мы не отрицаемъ, однако, возможности безъ войны поладить съ Англіей. Есть для этого способъ; способъ этотъ—force majeure. Надобно чтобъ Англія натолкнулась на сильный и непреодолимый отпоръ, и

она остановится. Переговоры съ ней не могут кончиться добромъ если не заручиться сильною гарантіей, какую мы, кажется, и получимъ благодаря стратегическимъ движеніямъ генерала Тотлебена...

№ 121.

Москва, 13-го мая.

А.

У газеты *Times* есть въ Петербургѣ ловкій корреспондентъ, знающій по-русски, имѣющій знакомства и связи. Говорятъ, онъ днюетъ и ночуетъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ; насмѣшники прибавляютъ что онъ тамъ исправляетъ должность совѣтника, если не болѣе. Но вотъ, въ послѣднее время, этотъ петербургскій корреспондентъ, si bien renseigné, сообщаетъ въ Лондонъ самыя незначашія извѣстія, а о миссіи графа Шувалова совсѣмъ ничего не сообщаетъ; за то въ корреспонденціяхъ изъ Вѣны въ ту же газету сообщаются самыя интимныя объ этомъ подробности. Удивляешься какъ это корреспондентъ живущій въ Вѣнѣ такъ занять петербургскими дѣлами и такъ посвященъ въ ихъ подробности. Въ его сообщеніяхъ вѣнскаго только и есть что помѣтка: *Вѣна*.

Въ послѣдней петербургской депешѣ изъ Вѣны разказывается будто бы графъ Шуваловъ, тотчасъ же по прибытіи въ Петербургъ, „съ рѣдкою откровенностью и смѣлостью“ напалъ на Санъ-Стефанскій трактатъ и его составителей. Онъ будто бы такъ же смѣло какъ лорды Беконсфильдъ и Солсбери объявилъ этотъ трактатъ ошибкой и убѣждалъ отдать его этимъ лордамъ на раздраніе.

Передавая такія странности, корреспондентъ съ явно злою ироніей ставитъ такой образъ дѣйствій въ заслугу русскому дипломату.

И это послѣ депеши Императорской канцеляріи, отвѣчавшей по пунктамъ, такъ основательно и сильно, лорду Солсбери въ защиту этого самаго Санъ-Стефанскаго договора!

Что наши непримиримые противники желаютъ уничтожить трактатъ купленный русскою кровію, это всѣмъ извѣстно; но что русскій дипломатъ будто бы усердно содѣйствуетъ имъ въ этомъ и мыслить съ

ними за одно,—это выходитъ изъ предѣловъ вѣроятія, и обличаетъ въ корреспондентѣ желаніе заранѣе оклеветать завязавшіеся между Англіей и Россіей переговоры.

Русскій дипломатъ будто бы обличаетъ предъ Русскимъ правительствомъ составителей Санъ-Стефанскаго трактата! Но кто же писалъ этотъ трактатъ какъ не Русское правительство? Переговоры велись въ Русской Главной Квартирѣ русскимъ дипломатомъ, специально на то уполномоченнымъ и хорошо знакомымъ со всѣми подробностями вопроса. Онъ былъ снабженъ инструкціями, переговоры тянулись долго, и каждая статья до внесенія въ трактатъ получала конечно санкцію въ Петербургѣ Санъ-Стефанскимъ трактатомъ, при обстоятельствахъ среди коихъ онъ заключенъ, дано лишь доказательство замѣчательной умѣренности, самообладанія, можно почти сказать, самоотреченія Россіи. Наши враги жалуются на слишкомъ будто бы широкія границы отведенныя для освобождаемой Болгаріи; но эти границы тѣ самыя какія были обозначены Константинопольскою конференціей, и не могли же русскіе уполномоченные въ Санъ-Стефано сдѣлать Болгарію меньше чѣмъ предполагала это пресловутая конференція европейскихъ делегатовъ. Россія взяла на себя задачу устройства Болгарскаго княжества: но кому же было предоставить это дѣло какъ не Россіи, которая одна несла трудъ и жертвы войны? Неужели, въ результатѣ побѣдоносной войны, Россія должна была бы отдать устройство дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ въ руки своихъ враговъ? Наконецъ что касается военнаго вознагражденія, то единственная сколько-нибудь цѣнная выгода пріобрѣтаемая Россіей есть Батумъ. Эту умѣренность Россія обнаружила не въ силу гнета, но по доброй волѣ, когда побѣжденный врагъ былъ у ногъ ея, и когда она могла не только предписать ему какія хотѣла условія, но и обезпечить ихъ дѣйствительными гарантіями, которыя были у ней подъ рукой.

Естественно что Англія недовольна русскими успѣхами и силится разорвать Санъ-Стефанскій трактатъ; но возможно ли чтобы русскій же дипломатъ былъ ей въ этомъ помощникомъ? Псевдо-Вѣнская корреспонденція увѣряетъ еще будто графъ Шуваловъ, для вящаго убѣжденія своего правительства въ необходимости уступокъ, указывалъ что иначе Россіи будто бы при-

дется все дѣло начинать сызнова. Почему же сызнова? Не потому ли, что она не позаботилась обезпечить себя гарантіей, занявъ Константинополь и Галлиполи? Но вѣдь извѣстно, что въ этомъ случаѣ Россія послѣдовала внушеніямъ изъ Лондона. Явствуетъ ли отсюда, что и теперь она должна послѣдовать тѣмъ же внушеніямъ? Мы теперь начинаемъ поправляться, мы почти овладѣли тою гарантіей которую вырвали было у насъ эти лондонскія внушенія. Благодаря превосходнымъ мѣрамъ генерала Тотлебена, расположеніе нашихъ войскъ у Константинополя усиливается; и вредъ причиненный лондонскими внушеніями поправляется...

Псевдо-вѣнская корреспонденція Лондонской газеты заговорила наконецъ до того, что увѣряетъ будто графъ Шуваловъ поѣхалъ обратно въ Лондонъ уполномоченный не только сдѣлать уступки согласно съ англійскою точкой зрѣнія, но и предложить Англій болшія уступки, сверхъ ея требованій. Вотъ его *ipsissima verba*: „Count Schouvaloff goes back to London empowered to make concessions in accordance with the British point of view, nay more, as is believed in St.-Petersburg, to offer great concessions.“

Б.

Телеграфъ изъ Лондона спѣшитъ сегодня возвѣстить о благопріятныхъ результатахъ совѣщанія англійскихъ министровъ, обсуждавшихъ вчера и сегодня *отъѣтъ* привезенный графомъ Шуваловымъ. Если придавать значеніе каждому слову, то изъ этого сообщенія слѣдуетъ заключить, что, вопреки противоположнымъ слухамъ, Англія дѣлала какія-то предложенія на которыя и получила отвѣтъ. Органъ графа Беконсфильда, *Standard*, офиціознымъ тономъ усматриваетъ благопріятное миру созвѣздіе сложившееся послѣ министерскаго совѣщанія. Мирныя знаменія кажутся этой газетѣ теперь болѣе надежными нежели когда-либо за послѣднее время. Не сообщая ничего о томъ въ чемъ заключались переданныя черезъ посредство графа Шувалова предложенія Англіи, о коихъ мы узнаемъ теперь въ первый разъ, офиціозная газета намекаетъ въ общихъ чертахъ на то чего успѣли добиться отъ Россіи. Замѣчательно что даже въ эту минуту готовящагося соглашенія министерская газета не считаетъ

нужнымъ, хотя бы изъ приличія, іцадить достоинство Россіи, и съ циническою откровенностью указываетъ на то, что уступки на которыя соглашается Россія суть плодъ произведеннаго на нее „давленія.“ Россія остается де непоколебима лишь по вопросу о Бессарабіи; но границы Болгаріи она готова значительно сѣзуть, равно какъ и сократить болѣе чѣмъ на половину выговоренное отъ Турціи военное вознагражденіе. Но такъ какъ это вознагражденіе переведено съ денегъ на территориальныя уступки въ Азіи, то не трудно понять что имѣется въ виду отреченіе Россіи отъ Батума. Нужно де думать что и это удастся съ помощью нѣкотораго добавочнаго давленія.

Убѣжденіе въ томъ, что по отношенію къ Россіи „давленіе все превозмогаетъ“ возведено теперь въ европейской печати на степень международнаго догмата. Одни открыто хвалятся успѣшнымъ примѣненіемъ онаго, какъ англійская министерская газета; другія, напротивъ, досаждутъ, что дипломатія недостаточно пользуется этими „гидравлическими“ приѣмами. Сѣтованія подобнаго рода, особенно часто приводилось намъ читать въ вѣнской печати. Казалось бы, что вѣнской печати остается только привѣтствовать новую фазу въ которую вступили переговоры. Санъ-Стефанскій договоръ выставлялся ими постоянно, какъ „актъ насилія.“ Россіи надъ „всею цивилизованною Европой,“ и притомъ такой который уничтожить теперь уже поздно. Воевать австрійскіе Нѣмцы, въ противность Мадыарамъ, не хотятъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ недавній отказъ Цислейтанской палаты депутатовъ разрѣшить реализацію 60-ти милліоннаго займа. Но не желая воевать сами, австро-нѣмецкіе патріоты тѣмъ съ болѣшимъ энтузіазмомъ привѣтствовали „мужественную“ рѣшимость Англіи и расточали ей самыя восторженныя похвалы и благожеланія. И вотъ теперь, когда Англія и безъ борьбы добила того, что Санъ-Стефанскій договоръ будто бы сведенъ на нуль (какъ утверждаютъ вѣскія газеты,) вы думаете, можетъ быть, что вѣнская печать смягчила свой гнѣвъ противъ Россіи, отдала справедливость ей, хотя бы и вынужденному раскаянію и смиренію. Отнюдь нѣтъ. Вѣнская печать попрежнему исполнена ядовитой ненависти къ Россіи, попрежнему клевететь и злословить, и повидимому, вовсе не расположена рукоплескать

„мирной побѣдѣ“ Англіи. Совсѣмъ напротивъ. По мѣрѣ того какъ усиливаются признаки мирнаго соглашенія между Россіей и Англіей, австрійская печать, даже офиціозная, принимаетъ все болѣе воинственный тонъ. Тамъ стали толковать о какихъ-то спеціальныхъ австрійскихъ требованіяхъ, которыя по видимому уже не довольствуются тѣмъ чтобы Санъ-Стефанскій договоръ свести на ничто. Для австрійскихъ интересовъ этого уже мало. Кромѣ этого минуса, тамъ требуютъ еще какихъ-то плюсовъ, хотя трудно понять въ чемъ бы эти плюсы могли заключаться, такъ какъ австро-венгерская печать до сихъ поръ отнѣкивалась отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній для Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, и устами г. Тисы на дняхъ еще офиціально заявлено что въ политику компенсацій, рекомендуемую изъ Берлина, Австрія не пойдетъ. Ужъ не хочетъ ли Австрія требовать вознагражденія за причиненное ей „безпокойство“?

Но каковы бы ни были загадочныя требованія Австріи идущей далѣе упраздненія Санъ-Стефанскаго трактата, интересно не столько это, сколько тѣ правоученія которыя извлекаютъ вѣнскія газеты изъ примѣра Англіи. *Neue Freie Presse* замѣчаетъ слѣдующее, по поводу уступчивости Россіи: „Если Россія полагаетъ что она можетъ мѣрить австрійскія требованія иной мѣркой, нежели англійскія, то не мѣшало бы на берегахъ Цевы принять во вниманіе что уступчивостью по отношенію къ Англіи тамъ показали Австріи какой путь она должна избрать чтобы заставить Русскій кабинетъ признать и ея требованія и оказать должное вниманіе къ могуществу Австріи... Примѣръ Англіи доказалъ намъ что нужно только показать энергію, и что нѣтъ надобности для этой цѣли прибѣгать къ войнѣ чтобы смирить противника (den Gegner zu beugen.“)

Примѣръ Англіи! Значитъ нужно только отправить изъ Вѣны русскаго дипломата въ Петербургъ...

Въ Германіи между тѣмъ наступило новое положеніе во внутренней политикѣ, которая и безъ того въ послѣднее время исполнена напряженія и тревоги. Телеграфъ извѣщаетъ что рейхстагъ отклонилъ значительнымъ большинствомъ внесенный правительствомъ законопроектъ объ экстренныхъ мѣрахъ для противодѣйствія соціально-демократической пропагандѣ. О преніяхъ про-

исходившихъ по этому предмету въ четвергъ мы имѣемъ пока лишь краткіе телеграфные рефераты. Но результатъ этотъ легко было предвидѣть, судя по тѣмъ сужденіямъ какими органы либеральныхъ партій встрѣтили законопроектъ. Не слѣдуетъ впрочемъ думать чтобы большинство рейхстага отвергло въ принципѣ необходимость для государства бороться противъ развитія и распространенія пагубныхъ ученій. Національ-либералы думаютъ лишь что новыя мѣры предложенныя правительствомъ имѣютъ характеръ спѣшности которую они не признаютъ необходимою, утверждая что до разработки къ будущей сессіи болѣе зрѣло обдуманыхъ законоположеній государство имѣетъ возможность и при существующихъ законахъ съ успѣхомъ противодѣйствовать революціонной пропагандѣ.

№ 123.

Москва, 15-го мая.

А.

Ближе ли мы къ миру чѣмъ были три мѣсяца назадъ, въ минуту подписанія Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, ближе ли мы къ миру чѣмъ четыре мѣсяца назадъ, когда наши войска были на всемъ ходу?

Дипломатія опаснѣе турецкихъ армій и страшнѣе англійскаго флота. Говорила война, и мы становились тѣмъ сильнѣе чѣмъ менѣе дипломатической примѣси было въ войнѣ. Не мы были изолированы; была изолирована Англія. Всѣ попытки ея въ Европѣ оканчивались неудачей. Но какъ только снова повѣяло дипломатіей, какъ только снова начала она свое дѣло, мы мало-по-малу оказались изолированными, и дѣла наши пошли плохо...

Публика видитъ предъ собою въ перспективѣ, вмѣсто мира, лишь непрерывную, какъ сказка про Бѣлаго Быка, смѣну ежедневно возникающихъ и тотчасъ же исчезающихъ надеждъ на возможность мирнаго дипломатическаго соглашенія, при условіяхъ все большаго ущерба достоинству и прочности мира, уже заключеннаго и подписаннаго... Недавняя поѣздка графа Шувалова въ Петербургъ подогрѣла эти надежды. Но приблизила ли насъ къ миру эта поѣздка?

Если конгрессъ и соберется, то развѣ

конгрессъ непременно значить миръ? Развѣ нѣтъ опасности что кризисъ изъ остраго превратится въ хроническій?

Разчетъ Англіи понятенъ. Труднѣе понять разчеты нашихъ миролюбцевъ усердно старающихся направить русскую политику по колеѣ англійскихъ желаній. Говорятъ ихъ пугаетъ война по громадности сопряженныхъ съ нею издержекъ; они страшатся за русскіе финансы. Но развѣ во всѣ эти мѣсяцы истекшіе со времени перемирія и во всѣ мѣсяцы предстоящихъ дипломатическихъ перипетій, Россія не принуждена нести всѣ тягости военного времени? Развѣ она теперь, не ведя войны, не вынуждена стоять на военной ногѣ, содержать за границей многочисленныя арміи, усиливать свои вооруженія и тратить на все это ежедневно суммы не меньшія тѣхъ какія издерживались во время войны? Развѣ всѣ эти жертвы стали легче для русскихъ финансовъ съ тѣхъ поръ какъ сдѣлались безплодны?

Впрочемъ, нѣтъ, эти принесенныя Россіей со времени перемирія жертвы не остались безплодны... для нашихъ враговъ. Пока русскія войска, остановленныя въ нездоровыхъ мѣстностяхъ, платили обильную дань смерти, а русскія финансовыя средства напрягались для поддержанія военного *statu quo*, — результаты геройски добытые русскою кровью быстро терялись одинъ за другимъ. Между тѣмъ какъ мы ведемъ столь дорогую игру въ миръ и стараемся угодить нашимъ заклятымъ врагамъ, они уже давно ведутъ съ нами настоящую войну. Турція, четыре мѣсяца тому назадъ доведенная до невозможности продолжать войну и молившая о пощадѣ, успѣла передохнуть, усмирить вспыхнувшія въ греческихъ провинціяхъ волненія и собраться съ силами для новой войны. Эта новая война уже и начата ею подъ видомъ такъ-называемаго Родопскаго возстанія, въ которомъ фигурируютъ остатки Сулеймановской арміи, послужившіе ядромъ около котораго группируются турецкіе баши-бузуки и мустегафизы. Этимъ войскамъ, формулируемымъ и уже дѣйствующимъ во флангъ и въ тылу расположенія нашей арміи, не доставало вождей и возможности удобныхъ сношеній съ Портой. Мы доставили имъ то и другое. Руководители препровождены къ нимъ чрезъ Русскую Главную Квартиру подъ видомъ турецкихъ комиссаровъ для усмиренія

возстанія; — а для сношеній съ Портой этимъ комиссарамъ предоставлены по свѣдѣніямъ корреспондента *Новаго Времени* наши же телеграфы съ правомъ посылать шифрованные депеши. Недостаетъ только чтобы мы, въ видахъ миролюбія, отпустили въ Турцію всѣхъ военноплѣнныхъ для укомплектованія собираемыхъ теперь Турками новыхъ армій и для усиленія вновь воздвигнутыхъ и воздвигаемыхъ ими противъ насъ укрѣпленій, и у Босфора, и у Галлиполи, и у Батума.

Пока мы хлопочемъ о конгрессѣ, другіе дѣлаютъ дѣло. Турки уже возобновили войну. Англія, помимо того что поставила свой флотъ у входа въ Босфоръ, уже заняла Булаиръ на Галлипольскомъ перешейкѣ и разбила тамъ свой военный лагерь. Наконецъ и Австрія, какъ извѣщаетъ телеграфъ, заняла Ада-Кале, — важную позицію на Дунаѣ между Румыніей и Сербіей, годную для того чтобы прервать водяной путь сообщенія между Сербіей и Россіей и оказать, въ случаѣ надобности, давленіе на Сербовъ.

Для поддержанія положенія дѣлъ ведущаго къ подобнымъ результатамъ и для несенія всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ военныхъ издержекъ, финансовыя средства Россіи оказываются, по сужденію нашихъ миролюбцевъ во что бы то ни стало, совершенно достаточными. Но тѣ же самыя военныя издержки, по ихъ же сужденію, сразу превысятъ наши финансовыя средства какъ только будутъ употреблены съ видами на результаты достойныя Россіи.

Б.

Извѣстно что въ исходѣ прошлаго столѣтія Англія, побудивъ Турцію къ войнѣ противъ Россіи, точно также какъ нынче, хотя разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ, помогала нашимъ врагамъ; и потомъ во время нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Портой сама противъ насъ вооружилась, пока наконецъ въ парламентѣ партія мира не восторжествовала надъ воинственнымъ настроеніемъ Питта. Послѣдствіемъ этой перемены была командировка въ Петербургъ англійскаго (не русскаго) дипломата Фокнера, который прибылъ къ намъ ровно 88 лѣтъ тому назадъ, 14-го мая 1788 года, *) и, очарованный приѣмомъ Екате-

*) См. *Дневникъ Храповицкаго*.

№ 124.

Москва, 16-го мая.

А.

рины II, оказалъ особенную уступчивость въ переговорахъ. Весьма любопытны взгляды на Англичанъ и войну Россіи съ Англіей, высказанные императрицей по поводу предшествовавшихъ обстоятельствъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ ея писемъ къ Гримму за это время 28 апрѣля 1788 года: „Англичане напрасно страшатъ насъ, потому что они насъ не испугаютъ: ихъ приняли бы приличнымъ образомъ. И что они могутъ намъ сдѣлать? Развѣ возьмутъ свои же корабли и нейтральные! Наши не вознаградятъ ихъ и за издержки вооруженіи. Вотъ тутъ-то можно бы спросить съ Вольтеромъ: *A quels sots tyrans as-tu confié le monde?* „ибо эта угроза новая глупость.“ 2 мая: „Кажется въ эту минуту Англичане перемѣняютъ министерство, а можетъ-быть измѣняютъ и мѣры, по крайнему отвращенію къ войнѣ во всей націи, которая на всѣхъ домахъ пишетъ: *ne waged with Russia*. Но придутъ ли они или нѣтъ, мы запоемъ вмѣстѣ съ вами: *Jean s'en alla comme il était venu, mangeant son fonds avec son revenu?*“ *) 9 мая: „Если англійскія эскадры придутъ въ Балтійское море, Американцамъ будетъ раздолье: имъ стоитъ только набрать свидѣтельствъ русскихъ судовладельцевъ, и тогда они захватили бы сколько бы могли англійскихъ купеческихъ кораблей, и уверили бы ихъ куда угодно, что послужило бы началомъ ихъ обогащенію.“

Тогда между прочимъ шла рѣчь о принятіи въ русскую службу извѣстнаго американскаго моряка Поль-Джонса. По этому поводу Екатерина писала: „Дѣло идетъ о контръ-адмиралѣ Поль-Джонсѣ; посмотришь чего онъ потребуетъ, и каковъ его планъ. Я думаю, всего лучше было бы, какъ я уже и говорила, если Англія осмѣлится объявить намъ войну, намъ съ нашими каперскими свидѣтельствами (*nos lettres de marque*) забирать сколько можно болѣе ихъ кораблей; тогда они какъ разъ прекратили бы войну.“

Въ началѣ сентября того же года императрица писала: „Англія обѣщаетъ оставаться нейтральною, но она уже столько разъ противорѣчила самой себѣ что трудно тому повѣрить.“

Въ силу какого „титула“ Австрія овладѣла турецкою крѣпостью Ада-Кале міру неизвѣстно. Но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Австро-венгерское дѣйствіе началось. Тѣмъ не менѣе и теперь еще никто не знаетъ что именно оно знаменуетъ и противъ кого оно направлено, съ кѣмъ Австрія въ союзѣ и кому она врагъ? Да и какъ это знать когда Австро-Венгерское правительство, не хуже знаменитыхъ лицедѣевъ, хмурится и улыбается въ одно и то же время, и сегодня опровергаетъ офиціозно то что имъ вчера было заявлено офиціально? Венгерскій министръ-президентъ, г. Тиса, на дняхъ заявилъ въ палатѣ что принимаются военныя мѣры на югѣ и на сѣверѣ монархіи, а затѣмъ венгерскія газеты стали съ большою подробностью описывать работы по укрѣпленію всѣхъ горныхъ проходовъ изъ Трансильваніи въ Румынію, называя тѣ части войскъ, преимущественно инженерныя и саперныя команды, кои съ поспѣшностію двинуты въ Старомсекскій комитетъ; нѣсколько тысячъ рабочихъ, по словамъ этихъ газетъ, день и ночь заняты возведеніемъ шанцевыхъ укрѣпленій. Что же касается національной венгерской арміи, гонимой, то они открыто собираются подъ знамена, дѣятельно и поспѣшно готовясь къ походу. Обо всемъ этомъ ежедневно съ большою подробностью сообщаютъ венгерскія газеты. А въ то же время вѣнское бюро печати усерднѣйшимъ образомъ въ свои многочисленные органы разсыластъ офиціозныя замѣтки опровергающія все что сообщается въ Пештѣ. Такъ, напримѣръ, газета *Bohemia* поспѣшила заявить „изъ самаго достовѣрнаго источника“ что указанія г. Тисы (замѣтьте,—это главный министръ Венгерской половины имперіи) о вооруженіяхъ производимыхъ на сѣверѣ лишены всякаго основанія, и что дѣло ограничивается въ Галиціи лишь продолженіемъ работъ по укрѣпленію Кракова начатыхъ еще въ 1872 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ, офиціозная вѣнская печать продолжаетъ толковать о занятіи Босніи и Герцеговины австрійскими войсками „съ согласія Порты и Англіи.“ Мадыры же не хотятъ слышать

*) Изъ эпиграммъ Леофонтена самому себѣ.

о занятіи и подъ такими условіями, настаивая на томъ что Австрія должна стараться предупредить всякое соглашеніе между Россіей и Англіей если она желаетъ чтобы что-нибудь досталось и на ея долю.

Что же именно должно достаться на долю Австріи, сверхъ тѣхъ отрицательныхъ по отношенію къ Санъ-Стефанскому договору уступокъ кои признаются равно желательными какъ для Англіи, такъ и для Австро-Венгріи? Нѣкоторыя, хотя и не совсѣмъ ясныя, указанія на это даетъ вѣнскій корреспондентъ *Национальной Газеты*, служащій часто отголоскомъ тамошнихъ политическихъ сферъ. Австрія требуетъ спеціально въ своихъ интересахъ сокращенія границъ Черногоріи и проведенія желѣзнаго пути отъ границъ Австріи до Салоникъ на Эгейскомъ морѣ. Сверхъ того, она имѣетъ еще какія-то особенныя требованія насчетъ Босніи и Герцеговины которыя точнѣе не опредѣлены. Въ указанныхъ политическихъ сферахъ Вѣны опасаются теперь чтобы Англія не обманула ожиданій Австріи, и думаютъ что Англія не очень-то позаботится объ удовлетвореніи этихъ особенныхъ интересовъ Австріи коль скоро она придетъ къ соглашенію съ Россіей насчетъ своихъ собственныхъ выгодъ, и тогда окажется де что „Австрія утерла себѣ ротъ не бѣвши.“

Что вѣнскіе политики обладаютъ добрымъ аппетитомъ и не прочь что-нибудь „скушать“ изъ турецкой трапезы, это давно извѣстно. Но держава питающая замыслы на какія бы то ни было приобрѣтенія или вообще претендующая на расширеніе сферы своего могущества, должна же хоть на чемъ-нибудь основывать свои домогательства, и если это требованіе силы, то должна же какъ-нибудь показать себя эта сила. Любопытно оглянуться на то что происходитъ теперь въ самой Австріи чтобы получить понятіе о томъ до чего простирается въ наше время политическій *humbly*.

Сложная и запутанная машина Габсбургской монархіи, этой „имперіи на срокъ“, работаетъ теперь усиленно дабы установить новое соглашеніе между своими обѣими половинами. Десятилѣтній срокъ перваго соглашенія миновалъ давно, еще въ прошедшемъ году. Съ тѣхъ поръ эта почтенная великая держава перебивается, подобно спекулятору наканунѣ банкротства, самыми краткосрочными сдѣлками, изъ нихъ же послѣдняя простирается лишь на одинъ

мѣсяць. Это не какое-нибудь денежное обязательство, а соглашеніе насчетъ самыхъ основъ государственнаго быта! И каждый разъ вопросъ ставится ребромъ: идетъ рѣчь о томъ быть или не быть Габсбургской монархіи. Такова и теперь сущность парламентскихъ преній, происходящихъ въ *верхнихъ* и *нижнихъ* палатахъ имперіи. Цислейтанская Палата Господъ, въ засѣданіи 19 мая, основательнымъ образомъ обсудила все *pro* и *contra* дуалистической системы, и по этому поводу одинъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи, бывшій министръ, г. Кайзерфельдъ, произнесъ рѣчь изображающую въ живыхъ чертахъ всю безвыходность положенія Австрійской монархіи. Ораторъ указалъ на то что въ сущности система дуализма находится въ прямомъ противорѣчій съ идеей единого государства. Каждая „половина“ ревниво оберегаетъ лишь свою „независимость“, и то что въ нормальномъ государственномъ организмѣ составляетъ самую могучую двигающую силу — сознаніе принадлежности къ цѣльному политическому организму, народный патріотизмъ, — направлено здѣсь лишь на то чтобы не допустить расширенія области обще-государственныхъ интересовъ. Изъ этого невозможнаго положенія есть лишь одинъ выходъ, если не вернуться къ прежней системѣ государственнаго объединенія — „личное соединеніе“, то-есть полное обособленіе обѣихъ половинъ имперіи подъ скипетромъ одного монарха, но имѣющихъ отдѣльныя арміи и каждая свои особыя иностранныя дѣла. Г. Кайзерфельдъ думаетъ что Венгрія еще можетъ существовать при такихъ условіяхъ если она будетъ находиться подъ охраной болѣе могучаго государства, или же подъ гарантіей Европы. Но что касается остальныхъ австрійскихъ земель, то „представьте себѣ“, замѣтилъ ораторъ, „этотъ полукругъ территорій простирающихся отъ Черновицъ, чрезъ Прагу, до Катарро. Какое право на самобытное существованіе въ видѣ одного государства имѣли бы эти разноплеменные земли? Ни въ экономическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи, онѣ не имѣли бы между собою ничего общаго; военная оборона была бы почти невозможна. Настала бы медленная агонія которой положило бы конецъ иностранное вмѣшательство.“ Какъ отверженецъ партіи централистовъ, г. Кайзерфельдъ видитъ, конечно, одинъ лишь

способъ избавиться отъ этой печальной перспективы—возвращеніе къ системѣ объединенной монархіи. Но знаменательно изреченіе коимъ заключилъ онъ характеристику теперешняго положенія дѣлъ въ Австріи: „Австріецъ, сказалъ онъ, не имѣетъ отечества.“

И эта то „великая держава“, которая никому не есть отечество, въ которой нѣтъ ни патріотизма, ни народнаго идеала, ни народнаго самоотверженія, ни историческаго будущаго, не только толкуетъ о какихъ-то „своихъ“ интересахъ, но будто бы готовится обнажить мечъ на ихъ защиту въ то самое время когда внутри ея идетъ пререканіе между ея „сынами“ о томъ что такое Австрія, существуетъ ли она на самомъ дѣлѣ и въ какой мѣрѣ въ ней нуждаются тѣ кто къ ней принадлежатъ?

Это ли не *humbug*?

Б.

Изъ Салоникъ сообщаютъ, отъ 20 мая, черезъ Аѳины въ вѣнскую *Presse*: „Турки продолжаютъ уводить болгарскихъ дѣвушекъ и мальчиковъ не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны мѣстныхъ властей. Изъ числа уведенныхъ изъ Кюстендильскаго округа находятся нынѣ: въ Велессе-Кѣпрѣлю 34 дѣвушки и 11 мальчиковъ; въ Чичовѣ 7, въ Ускюбѣ 27, въ Истипѣ 23 дѣвушекъ. Въ Кѣпрѣлю у Зейнелъ-бея находятся дѣвушки: Марія, Митра, Джуна, Аница и Бона изъ Периволи, Златка и Аѳанасія изъ Кюстендила. У Мустафы-эфенди—дѣвушка Младенка изъ Периволи и мальчикъ Стойменъ изъ Грашицы; у Момы шерифа—Катинка изъ Грашицы, у Мустафы-Тютюнджи—Стоянка изъ Кюстендила; у Сулеймана—Вена изъ того же города, и у Али-бея—Анка изъ Шушковцевъ.“

Возмутительный, потрясающій душу фактъ! Вѣнская газета спокойно регистрируетъ его, и завтра же, какъ ни въ чемъ не бывало, будетъ разсуждать о русскомъ честолюбіи которымъ нарушено блаженное спокойствіе Востока, объ „австрійскихъ интересахъ“ которые не допускаютъ никакихъ „новообразованій“ на Балканскомъ полуостровѣ, и т. п. И это послѣ столь долговременнаго вниманія цивилизованной и филантропической Европы обращеннаго на Балканскій полуостровъ, послѣ

криковъ о „Болгарскихъ ужасахъ“,—наконецъ, наконецъ, послѣ русской кровопролитной войны которая должна была освободить христіанскія населенія отъ гнуснѣйшаго рабства! Корреспондентъ вѣнской газеты разсказываетъ фактъ съ подробностями: онъ приводитъ цифры, онъ указываетъ мѣстности, называетъ по именамъ и злодѣевъ и ихъ жертвъ... Это ужасно! Наши дипломаты ѣздятъ изъ столицы въ столицу для устроенія конгресса на которомъ будутъ судить насъ, наши войска находятся подъ Константинополемъ, Болгарія очерченная Санъ-Стефанскимъ договоромъ находится въ нашихъ рукахъ, по городамъ сидятъ русскіе губернаторы, а турецкіе эфенди и бей массаами уводятъ въ свои гаремы христіанскихъ дѣтей и дѣвицъ! Это происходитъ въ Македонской части Болгаріи, въ Кюстендильскомъ округѣ. Корреспондентъ замѣчаетъ что мѣстные власти никакихъ препятствій этимъ ужасамъ не дѣлаютъ. Но какія же это власти? Русскія? Болгарскія? Турецкія? Русскія власти, кажется, еще не дерзали, изъ уваженія къ австрійскимъ и англійскимъ интересамъ, проникать въ эту часть Болгаріи, а стало-быть и болгарскія власти тамъ по всему вѣроятію не организованы, и болгарскія населенія въ этихъ мѣстахъ, повидимому, остаются въ прежней безпомощности, и не имѣютъ оружія чтобы защищать свою жизнь, свои семейства...

№ 125.

Москва, 17-го мая.

Самый неблагоприятный признакъ настоящей минуты, это самоувѣренно-успокоительный тонъ какимъ заговорили о конгрессѣ англійскіе и министерскіе органы, *Morning Post, Standard, Daily Telegraph*. Изъ ихъ же разсужденій мы давно знаемъ чего добивается Англія. Ей нечего уступать намъ, потому что она ничего не завоевала. Но ей нужно лишить насъ того что мы приобрѣли, или чего мы достигли. Если эти органы, постоянно развивающіе одно и то же воззрѣніе на Санъ-Стефанскій договоръ, радуются надеждамъ на мирный исходъ, то приходится думать что они разчитываютъ на успѣхъ стараній своего правительства, на успѣхъ легкій, достижимый безъ жертвъ и усилій! какъ же

имъ не радоваться еслибы въ самомъ дѣлѣ такъ вышло?

Сейчасъ мы получили лондонскую телеграмму передающую новыя извѣстія министерской газеты *Daily Telegraph*.

Конгрессъ считается дѣломъ рѣшеннымъ. Англійскій кабинетъ на совѣщаніи составилъ уже инструкціи для своихъ представителей. Предварительные переговоры чрезъ посредство графа Шувалова, какъ объявляютъ, облегчили осуществленіе этой, вообще вовсе не радостной для Россіи, идеи конгресса. Но въ какомъ видѣ изображаются англійскою печатью эти переговоры? До сихъ поръ былъ слухъ что Англія желала бы раздѣлить Болгарію на двѣ провинціи, какъ это предполагалось въ проектѣ Константинопольской конференціи. Зачѣмъ это могло понадобиться и почему это признавалось лучшимъ, — не знаемъ.

Лондонская же министерская газета гласитъ якобы, *вслѣдствіе* соглашенія съ графомъ Шуваловымъ, Болгарія будетъ сокращена болѣе чѣмъ на половину. Слѣдовательно, остальная часть страны уже не будетъ Болгаріей.

Относительно Арменіи мы прежде читали что Англія беспокоилась о караванной торговой дорогѣ изъ Трапезунта, идущей чрезъ Баязидъ пересѣченной новою русскою границей. Мы не знаемъ насколько было бы въ выгодахъ Россіи удовлетворять эту заботливость Англичанъ объ ихъ интересахъ, такъ какъ и у насъ есть свои торговые интересы въ Персіи. Но извѣстія идутъ гораздо далѣе, и глухо говорятъ о какихъ-то „значительныхъ ограниченіяхъ“ въ Арменіи.

Наконецъ, въ довершеніе всего, „имѣется въ виду“, вовсе устранить вопросъ о военномъ вознагражденіи.

Но что же затѣмъ остается отъ Санъ-Стефанскаго договора? Еслибы можно было безусловно повѣрить сообщеніямъ *Daily Telegraph*, то Санъ-Стефанскій трактатъ уже съ сей минуты пришлось бы считать разорваннымъ. Зачѣмъ же еще нуженъ конгрессъ? И къ чему понадобились такіе продолжительные и таинственные переговоры? Это мы давно легко могли сдѣлать, ибо Англія съ самаго начала ничего болѣе не требовала. Но чего же болѣе могла бы она достигнуть послѣ самой неудачной для насъ войны?

Трудно вѣрить сообщеніямъ *Daily Telegraph*. Трудно подуматъ чтобы графъ Шу-

валовъ, если его миссія имѣла въ виду обезпечить миръ, не привезъ въ Лондонъ никакихъ болѣе серіозныхъ предложеній, ибо миръ который возстановитъ принципъ Парижскаго трактата не будетъ миромъ, а оставитъ Россію въ худшемъ положеніи чѣмъ до войны. Въ то время какъ мы будемъ отъ всего отступаться и отказываться, враги наши готовятся вступить въ расчищенные нами для нихъ мѣста. Австрія уже заняла Ада-Кале *съ согласія* Порты и съ нею же переговаривается о занятіи Босніи. Она ожидаетъ отъ конгресса полномочіе и на присоединеніе этой провинціи. Англія, съ своей стороны, заводитъ рѣчь о занятіи пунктовъ въ Эгейскомъ морѣ или Архипелагѣ для обезпеченія своего противъ Индіи. Вѣнскій корреспондентъ *Daily Telegraph*, въ полученномъ сегодня номерѣ этой газеты, упоминаетъ прямо о *временномъ* занятіи Кандіи и даже Батума англійскими войсками. Это не замѣтъ ли военного вознагражденія которое намъ за-прещаютъ?

Но если извѣстія *Daily Telegraph* не серіозны и выражаютъ скорѣе *pia desideria* нашихъ враговъ, то тѣмъ болѣе показываютъ они какъ обманчивы надежды возлагаемыя на конгрессъ. Изъ нихъ мы можемъ видѣть чего слѣдуетъ ожидать на этомъ сонмищѣ, какія претензіи будутъ тамъ предъявлены, и враждебная намъ вѣнская газета *Neue Freie Presse* указываетъ на слѣдующій фактъ, о которомъ, вѣренъ онъ или нѣтъ, умолчалъ намъ телеграфъ. „Если Беконсфильдъ“, говоритъ эта газета, „дѣйствительно подавалъ въ отставку“, и королева отклонила ее съ замѣчаніемъ „что она имѣетъ полное довѣріе къ его политикѣ“, то это есть новый признакъ того что мирныя надежды имѣютъ слабое основаніе, и что предложенія Россіи не „такого рода чтобы принятіе ихъ со стороны Англіи было въ вопроса.“

Вѣнская газета подмѣчаетъ признаки не ослабѣвающего недовѣрія Англіи и въ сообщеніи *Morning Post* будто графъ Шуваловъ увѣрялъ что Русское правительство совершенно „не причастно“ воззванію о сооруженіи крейсераго флота. Разумѣется такого рода сообщенія сами себя изобличаютъ. Могъ ли бы русскій посолъ расточаться предъ англійскими министрами въ подобныхъ увѣреніяхъ, когда дѣло сооруженія добровольнаго флота, съ Высочайшаго соизволенія, принялъ подъ свое

покровительство Наслѣдникъ Цесаревичъ?

Neue Freie Presse кстати проводитъ параллель между чрезмѣрными надеждами какія возлагаются на конгрессъ и пресловутымъ изреченіемъ Наполеона III: „имперія есть миръ,“ — изреченіемъ за которымъ послѣдовали войны Крымская, Италіянская, Мексиканская и Германская. „Когда насъ „сегодня увѣряютъ что конгрессъ есть миръ,“ то это надо понимать въ такомъ же смыслѣ въ какомъ бывший гамскій узникъ упомянулъ свою фразу.“

Наши противники сами говорятъ намъ что конгрессъ не дастъ мира. А между тѣмъ, и вѣнская газета считаетъ дѣло конгресса почти обезпеченнымъ. Не вырвался ли въ этихъ словахъ намекъ на то что конгрессъ нуженъ нашимъ противникамъ только затѣмъ чтобы протянуть время, и не дать намъ воспользоваться выгодами нашего положенія?..

№ 126.

Москва, 18-го мая.

Покажется все еще идутъ толки о конгрессѣ, и насъ все хотятъ увѣрить въ какихъ-то необычайныхъ уступкахъ будто бы уже сдѣланныхъ Россіей, любопытно подмѣтить нѣкоторые факты показывающіе какими грубыми приемами и съ какимъ цинизмомъ ведется интрига...

На прошедшей недѣлѣ, въ англійской палатѣ общинъ, въ теченіе трехъ ночей, продолжались пренія по поводу призыва правительствомъ индійскихъ войскъ въ Европу безъ предварительнаго разрѣшенія парламента. Правительство, благодаря своему крѣпостному большинству, еще разъ одержало полную побѣду, и резолюція вождя оппозиціи, лорда Гартингтона, была отвергнута большинствомъ 121. Но въ преніяхъ на этотъ разъ, по общему признанію, сила аргументовъ осталась за меньшинствомъ. Правда, регулярные вожди оппозиціи и теперь не рѣшались прямо поднять вопросъ о всей политикѣ правительства, но они воспользовались случаемъ перенести споръ на конституціонную почву. Резолюція предложенная либеральнымъ вождемъ гласила такъ: „въ силу конституціи Королевства, никакія войска не могутъ быть набираемы или содержимы короной во время мира, безъ согласія пар-

ламента, ни въ какой части владѣній короны, исключая только тѣхъ кои могутъ находиться на дѣйствительной службѣ въ индійскихъ владѣніяхъ ея величества.“ Правительство отнюдь не оспаривало этого, но; внеся въ то же время дополнительный кредитъ на перевозку и содержаніе индійскихъ войскъ, оно утверждало только что права парламента вслѣдствіе этого не потерпѣли ущерба. Поэтому, вмѣсто прямого отрицанія приведенной резолюціи, министръ колоній, сэръ-Микль Гиксъ-Бичъ, предложилъ замѣнить ее слѣдующею поправкой: „Палата, полагая что конституціонный контроль парламента надъ наборомъ и содержаніемъ военныхъ силъ короны вполне обезпеченъ постановленіями закона и несомнѣнною властью палаты разрѣшать или отказывать кредиты, находить ненужнымъ и неудобнымъ утверждать какую-либо резолюцію могущую ослабить дѣйствія правительства ея величества при настоящемъ положеніи иностранныхъ дѣлъ.“ Оппозиція возражала что она не намѣрена связывать руки правительству, но считаетъ своею обязанностью отстаивать строгое соблюденіе конституціоннаго права и обычая. Такимъ образомъ, споръ былъ перенесенъ на юридическую почву.

Какъ ни сухи могутъ казаться подобныя препирательства для посторонняго зрителя, въ данномъ случаѣ они имѣли практическое значеніе. Въ мартѣ правительство внесло обычнымъ порядкомъ бюджетъ на текущій годъ, со смѣтами военнаго и морскаго вѣдомствъ; но въ немъ не было никакого указанія на призывъ индійскихъ войскъ. Между тѣмъ, мѣра эта тогда уже была рѣшена кабинетомъ, и она какъ оказалось, была одною изъ причинъ выхода лорда Дарби въ отставку. Когда палата закрывалась на Пасху, канцлеръ казначейства не далъ никакого намска на перемѣну въ положеніи дѣлъ, а на другой день пришла телеграмма изъ Индіи о посылкѣ тамъ войскъ для отправленія въ Мальту. Такимъ образомъ, правительство безспорно нарушило права парламента, и вотъ на что напирала оппозиція. Она указывала что отъ парламента не только зависитъ разрѣшеніе расходовъ на содержаніе арміи, но что онъ также опредѣляетъ ежегодно и точную цифру войска, на которую испрашивается кредитъ. Исключеніе составляютъ индійскія войска содержаемыя на средства индійскаго казначей-

ства; но коль скоро они вызываются изъ Индіи для англійскихъ цѣлей и на англійскія средства то этимъ контингентомъ превышаетъ разрѣшенная парламентомъ цифра войскъ. При этомъ ссылались на статуты, приводили примѣры, между прочимъ примѣръ 1775 года, когда для занятія Гибралтара колоніальными войсками нужно было разрѣшеніе парламента. Указывали, наконецъ, на нарушеніе акта 1858 года, опредѣлившаго положеніе индійскихъ войскъ. Оспаривать все это было трудно; и потому сторонники правительства стояли на томъ что мѣра оправдывалась необходимостью, что настоящее время не совсемъ мирное, и что если во время войны правительству позволительно принимать экстренныя мѣры на свою отвѣтственность, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ допустить это для обезпеченія мира, что де гораздо важнѣе.

Попробовалъ было одинъ изъ коронныхъ юристовъ, генераль-атторней сэръ-Джонъ Гокеръ, пуститься въ своеобразное толкованіе статутовъ и доказывать что правительство не отступило отъ строгой законности въ своихъ дѣйствіяхъ, но онъ былъ рѣшительно разбитъ г. Гладстономъ на всѣхъ пунктахъ, и потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Кроссъ, принужденъ былъ противъ воли отречься отъ произвольныхъ теорій своего юриста. Уступивъ конституціонную почву, правительство не имѣло другой защиты кромѣ неотложной необходимости. Оно не могло де ранѣе извѣстить парламентъ потому что нужно было соблюдать тайну, а въ то же время нужно было и дѣйствовать спѣшно въ виду крайности положенія, *emergency*. Въ чемъ заключалась эта *emergency*, и почему требовалась тайна которая, однако, вовсе не соблюдалась, такъ какъ то и дѣло сыпались телеграммы о посадкѣ и отправкѣ индійскихъ войскъ, — это объяснится де въ послѣдствіи.

Въ этомъ-то и *humbug*, какъ говорятъ Американцы. „Мои уста пока замкнуты,“ произнесъ въ верхней палатѣ лордъ Беконсфильдъ, такъ любящій изображать изъ себя сфинкса. Но его превзошелъ въ палатѣ общинъ г. Кроссъ, давшій слѣдующее поясненіе: „Я долженъ сказать отъ имени правительства что самая абсолютная тайна была необходима, ибо велись переговоры величайшей важности, а съ другой стороны мы получили нѣкое увѣ-

домленіе отъ высокаго авторитета, которое послѣ, къ счастью, оказалось невѣрнымъ. Никто не былъ болѣе меня радъ этому, но слухи исходили изъ такого авторитета что мы были обязаны отнестись къ нимъ со вниманіемъ; и было бы вернымъ опрометчивости и безумія еслибы мы пригласили парламентъ приступить къ возбужденнымъ преніямъ по этому предмету.“

Г. Кроссъ весьма театрално принялъ тонъ министра понимающаго свою отвѣтственность. Но къ чему же это сводится? Нарушенъ былъ основной конституціонный принципъ, вслѣдствіе какой-то крайности; отечество было въ опасности; *salus publica* требовала геройской мѣры. Какая же это мѣра? Для поддержанія переговоровъ „величайшей важности“ (другихъ переговоровъ не было какъ только съ графомъ Шуваловымъ) и для устраненія какой-то таинственной опасности, потребовалось вызвать... *семь тысячъ* индійскихъ войскъ!! *Семь тысячъ* азіатскаго сброда подъ палкой англійскихъ офицеровъ имѣлись въ виду для подкрѣпленія переговоровъ, и они должны были доказать Россіи все ничтожество ея силъ и всю слабость ея военнаго положенія подъ стѣнами Константинополя! И англійскія газеты невозмутимо твердятъ будто одна эта мѣра заставила примолкнуть нападки на Англію въ русской печати; и „по всей вѣроятности“ (хорошавѣроятность!) произвела „благоприятное впечатлѣніе“ на Русское правительство.

А полезнѣе было бы англійскимъ газетамъ подумать о впечатлѣніи какое оставитъ эта мѣра въ другихъ странахъ, гдѣ не могутъ быть равнодушны къ появленію въ Европѣ азіатскихъ войскъ. *Opinione*, органъ италіанской умѣренной партіи, замѣчаетъ что призывъ индійскихъ войскъ на службу въ Европу есть нововведеніе требующее серіознаго вниманія континентальныхъ державъ: „Суэзскій каналъ,“ говоритъ италіанская газета, „употребляется теперь лордомъ Беконсфильдомъ для цѣли которой никогда не имѣли въ виду его соорудители и которая не одобрялась членами его партіи какъ лордъ Дарби. Азіатскія болѣзни которыя эти войска могутъ принести съ собой еще наименьшая изъ опасностей...“

№ 127.

Москва, 19-го мая.

Тайна покрывающая содержаніе переговоровъ между С.-Петербургскимъ и Сентъ-Джемскимъ кабинетами до сихъ поръ соблюдается строго. Тѣмъ не менѣе, англійскія газеты уже нѣсколько дней заняты обсужденіемъ программы готовящагося или уже состоявшагося соглашенія. Мы далеки отъ того чтобы принимать эти сообщенія за чистую монету; но не хотѣтъ знать ихъ нельзя уже потому что ими, во всякомъ случаѣ, имѣется въ виду настроить въ извѣстномъ смыслѣ европейскую публику. И этотъ эффектъ достигается; извѣстія лондонскихъ газетъ подхватываются телеграфомъ, и европейская печать придаетъ имъ или, по крайней мѣрѣ, притворяется что придаетъ значеніе быть-можетъ болѣе серьезное чѣмъ они заслуживаютъ. Особенное вниманіе обратило на себя сообщеніе вѣнскаго корреспондента *Times* (все того же всевѣдущаго корреспондента, который, сидя на берегахъ Дуная, знаетъ обо всѣхъ дипломатическихъ сокровенностяхъ на берегахъ Невы и Темзы), сообщеніе появившееся въ этой газетѣ 25 мая. Оно сопровождается передовою статьей, еще болѣе усилившею „достоверность“ сообщенныхъ изъ Вѣны подробностей о содержаніи совершающейся трансакціи. Вотъ въ чемъ заключается, согласно этому сообщенію, программа соглашеній между Россіей и Англіей: восточная половина Балканскаго полуострова (о западной не упомянуто ни словомъ, что само по себѣ весьма любопытно) будетъ раздѣлена между Дунаемъ и Мраморнымъ Моремъ на три пояса; прибрежная территорія между Босфоромъ и Греціей была бы оставлена Портѣ если вообще рѣшено будетъ сохранить турецкое владычество въ Европѣ. *Times* полагаетъ что Россія сама на этомъ настаиваетъ. Къ сѣверу отъ этой территоріи до Балканъ имѣетъ образоваться провинція, которая получитъ самоуправленіе въ такой мѣрѣ какъ оно было проектировано Константинопольскою конференціей для Болгаріи; но Болгаріей эта провинція не будетъ ни по названію, ни по характеру даруемаго ей мѣстнаго самоуправленія. Наконецъ, къ сѣверу отъ Балканъ образуется настоящая Болгарія, въ томъ видѣ и съ тѣми учрежденіями кои установ-

лены Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Здѣсь Россіи предоставляется полная свобода дѣйствій. „Тутъ,“ великодушно признаетъ газета *Times*, „побѣды русскаго оружія установили право для Россіи на преобладающее вліяніе въ дѣлѣ будущаго устройства этой страны.“ Но тѣмъ дѣйствительнѣе должны де быть гарантіи чтобы въ части лежащей къ югу отъ Балканъ славянскій элементъ не получилъ господствующаго значенія. (Хотя весь этотъ край сплошь заселенъ Славянами; значить, ихъ надо передѣлать во что-нибудь другое). Сверхъ того, Россіи, по этимъ извѣстіямъ, предоставляется нѣкоторое вознагражденіе и въ Малой Азіи, насколько таковое возможно безъ ущерба свободѣ торговаго пути между Трапезунтомъ и Персіей. *Times* впрочемъ полагаетъ что Карсъ, Ардаганъ и Батумъ могутъ быть оставлены Россіи безъ нарушенія интересовъ Англіи, но за то отнимаетъ Баязидъ какъ лежащій на томъ пути. Денежное вознагражденіе выговоренное Россіей тоже не можетъ де быть оставлено безъ значительнаго сокращенія, такъ какъ Турція заплатить его не можетъ, и еслибы такое обязательство по отношенію къ Россіи осталось висѣть надъ Турціей, то это отдало бы ее въ руки Россіи. Вотъ почему отъ Россіи потребуются де по крайней мѣрѣ обезпеченіе въ томъ что она не „употребитъ во зло или не замѣнитъ чѣмъ-либо иныхъ своихъ денежныхъ требованій.“ Наконецъ, Англія должна де получить отъ Турціи, въ награду за все оказанныя ей любовныя услуги, „какой-либо пунктъ въ турецкихъ или по крайней мѣрѣ греческихъ водахъ.“

Повторяемъ: мы отнюдь не придаемъ этимъ сообщеніямъ характера полной достоверности, хотя судя по сегодняшней телеграммѣ изъ Лондона газета *Globe* подтверждаетъ и даже усиливаетъ извѣстія *Times*: Россія будто бы должна принять на себя обязательство на будущее время не расширять своихъ владѣній въ Малой Азіи. Но любопытно слѣдить за впечатлѣніями которыя производятъ эти извѣстія на тѣ органы иностранной печати которые въ игрѣ не участвуютъ и держатся въ сторонѣ. Берлинская *Національная Газета* замѣчаетъ что если такія условія считаются возможными (слово это подчеркнуто нѣмецкою газетой), то миръ пожалуй будетъ купленъ не слишкомъ дорогою цѣной. „Это было бы,“ замѣчаетъ далѣе цитруемая га-

зета, „прекраснѣйшая *Versumpfung*, какую только можно придумать.“ Къ сѣверу отъ Балканъ хозяйничала бы Россія; а въ *Константинополѣ* и у Эгейскаго берега Англія; средняя же полоса осталась бы открытою для взаимной борьбы, позднѣйшее потомство было бы такимъ образомъ обезпечено въ томъ что и на его долю достанется Восточный вопросъ. Этотъ тонъ берлинской газеты достаточно изобличаетъ ея мнѣніе о соглашеніи. Иронія эта весьма естественна со стороны тѣхъ кто съ самаго начала объявилъ себя постороннимъ зрителемъ не имѣющимъ въ этомъ дѣлѣ собственныхъ интересовъ. Но еще важнѣе то какъ понимаетъ берлинская газета значеніе участія выговореннаго для себя Англіей въ будущемъ раздѣлѣ. *Національная Газета* толкуетъ приведенную программу въ томъ смыслѣ что Англія будетъ полнымъ хозяиномъ не только въ той части забалканской территоріи которая составляетъ побережье Эгейскаго моря и которую предположено возвратить Турціи, но и въ *Константинополѣ*.

Такъ судятъ посторонніе. Если забалканская Болгарія осуждена на небытіе и та часть которая примыкаетъ къ морю должна быть возвращена подъ владычество Турціи, если вліяніе Россіи ограничено территоріей къ сѣверу отъ Балканъ,—то само собою разумѣется что Англія будетъ полнымъ хозяиномъ не только въ упраздненной части Болгаріи, но и въ *Константинополѣ*. Если и будетъ сохранено турецкое владычество въ Европѣ; и во всякомъ случаѣ это будетъ владычество фиктивное, и какъ только Россія будетъ устранена отъ всякаго вмѣшательства за Балканами, англійское господство укрѣпится тамъ вполне и окончательно, даже независимо отъ того получитъ ли она или нѣтъ тотъ пунктъ въ турецкихъ или греческихъ водахъ коего она домогается въ вознагражденіе за свои „безкорыстныя“ хлопоты въ пользу Турціи. Такой исходъ дѣла поставилъ бы Россію въ худшее положеніе чѣмъ даже послѣ Крымской кампаніи. Тогда Востокъ оставался открытымъ вопросомъ, и Россія успѣла въ скоромъ времени возвратитъ себѣ значительную долю принадлежащаго ей вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Теперь, въ смыслѣ англійскихъ требованій, Турція будетъ лишь фикціей для прикрытія англійскаго владычества надъ обоими Пропливами.

Что же касается Болгаріи, то именно та часть ея, которой страданія потрясли ужасомъ весь міръ, изъ-за которой и возникли все затрудненія приведшія, наконецъ, къ Русско-Турецкой войнѣ, въ свою очередь вновь обогрившей ее новыми потоками крови, именно эта часть Болгаріи осталась бы въ прежнемъ положеніи и была бы оставлена на прежній произволъ турецкихъ правителей, или что еще хуже, подверглась бы систематической переработкѣ помощью управленія „на подобіе англійскихъ колоніальныхъ управленій.“

Но судить объ англо-русскомъ соглашеніи на основаніи сообщеній англійскихъ газетъ не слѣдуетъ. Надо дожидаться точныхъ свѣдѣній. Сколько намъ извѣстно, шла рѣчь о томъ чтобы Болгарія, въ предѣлахъ обозначеннымъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, была раздѣлена на двѣ части; но если Россія сочла нужнымъ согласиться на эту уступку, то это можетъ имѣть тотъ смыслъ что вмѣсто одной Болгаріи, съ однимъ княземъ и однимъ національнымъ правительствомъ, будутъ устроены двѣ одинаково независимыя болгарскія области, на подобіе Молдавіи и Валахіи до ихъ соединенія.

№ 128.

Москва, 20-го мая.

По свѣдѣніямъ газеты *Times*, Англійское правительство будто бы не удовлетворено всеми тѣми уступками о которыхъ сообщалось съ такою подробностью въ англійскихъ газетахъ, и что будто бы оно прервало переговоры, требуя прежде всего чтобы Россія рѣшилась уступить ея главному требованію и подвергнуть весь Санъ-Стефанскій трактатъ на разсмотрѣніе конгресса.

Легко понять основанія почему Россія съ самаго начала не могла допустить требованія чтобы трактатъ подписанный и ратификованный обѣими сторонами признать не имѣющимъ никакой силы. Война должна была окончиться миромъ; и войну вела Россія, а не Европа, потому она и не могла отдать себя на судъ другимъ. Если же трактатъ Санъ-Стефанскій названъ prelimинарнымъ, то потому что для облегченія его въ окончательную форму оставалось дополнить его въ нѣкоторыхъ пунк-

тахъ, и въ этомъ только могла заключаться задача конгресса.

Эта умѣренность и готовность Россіи уважать чужіе интересы были дурно поняты ея противниками, и они составили планъ добиться бѣльшаго. Они стали требовать чтобы Санъ-Стефанскій договоръ былъ признанъ не имѣющимъ силы до утвержденія на конгрессѣ. Тутъ вопросъ не въ одномъ только этикетѣ дипломатическомъ. Изъ толкованій англійской печати становится теперь для всѣхъ ясно въ чемъ дѣло. Предъявленіе Санъ-Стефанскаго трактата, разсуждаетъ лондонскій политикъ въ *Times*, вообще нужно для того чтобы замѣнить его другимъ, „болѣе удовлетворительнымъ“ улаженіемъ, и затѣмъ, когда результаты русскихъ побѣдъ будутъ урѣзаны согласно видамъ Англій и Австріи, предполагается подчинить Россіи чужеземному контролю. Для прочнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса, по словамъ газеты *Times*, прежде всего необходимо ограничить движеніе Россіи въ строго обозначенныхъ предѣлахъ, и не только въ Европѣ, но *главнымъ образомъ въ Азій!*

Интереснѣе же всего откровенность съ какою объясняется почему это нужно. Россія, которой конгрессъ можетъ-быть оставить лишь нѣкоторые клочки изъ достигнутаго ею, должна не только навсегда этимъ удовольствоваться, но и поступить подъ опеку Европы, и не только въ самой этой части свѣта, но и въ Азій, между тѣмъ какъ Англія сохранить полную свободу дѣйствій. Не о томъ уже идетъ рѣчь чтобы, въ благодарность за услугу по измѣненію Санъ-Стефанскаго договора, получить отъ Турціи какой-либо выгодный пунктъ (*point of vantage*). Это разумѣется само собой; но, по сужденію лондонскаго органа, Англій слѣдуетъ прибрать къ рукамъ и всю администрацію въ остающейся части Турецкой имперіи. Порта доказала неспособность къ хорошему управленію и потому должна быть подчинена чужому вліянію. „Но ни чье вліяніе не „можетъ обезпечить хорошую администрацію въ Турціи какъ вліяніе державы чей „авторитетъ всѣми признанъ на Востокъ. „Одна Англія въ такомъ положеніи чтобы „пользоваться регулирующимъ авторитетомъ надъ турецкимъ управленіемъ и препятствовать недозволительному русскому „увеліченію. Мы должны быть готовы помочь Портѣ въ улучшеніи администра-

„ціи ея остающихся территорій. Если это „должно быть сдѣлано, то мы можемъ „требовать гарантіи что Россія впредь будетъ строго ограничена въ предѣлахъ которые конгрессъ предпишетъ ей въ Азій „не менѣе чѣмъ въ Европѣ. Мы же ничего себѣ не желаемъ какъ только по- „зиціи которая лучше дастъ намъ возможность пользоваться авторитетомъ на который мы указывали.“

Лондонскій публицистъ, въ созерцаніи этихъ замысловъ, называетъ ихъ громадными и трудными (*momentous and difficult*.) Величественные они, это такъ, но почему же трудны? Вѣдь для осуществленія ихъ стоитъ только пригрозить Россіи. Англія располагаетъ *семью тысячами* индійскихъ войскъ, уже гостящихъ въ Мальтѣ. Чего нельзя достигнуть съ такими силами!

Кстати. Объ этихъ индійскихъ войскахъ начинаютъ раскрываться нѣкоторые интересные обстоятельства. Эти войска—туземныя, но состоятъ на службѣ Англій и Индійскаго правительства и подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Но есть въ Индіи и другія туземныя войска содержимыя полунезависимыми или вассальными владѣльцами, при дворѣ коихъ состоятъ англійскіе резиденты, строго наблюдающіе за всѣмъ управленіемъ. Эти-то войска конечно не перевозятся, а напротивъ внушаютъ безпокойство англійскимъ правителямъ. Изъ калькутской телеграммы *Times* узнаемъ что Индійскимъ правительствомъ разослана по всѣмъ подчиненнымъ правительствамъ (то-есть къ вассальнымъ владѣтелямъ) и политическимъ чиновникамъ весьма важная депеша по поводу этихъ войскъ. Впервыхъ, требуется чтобы вассальныя арміи впредь были ограничены цифрами достаточными для огражденія внутренняго спокойствія, такъ какъ „употребленіе вассальныхъ войскъ для имперской защиты найдено непрактичнымъ.“ Далѣе, требуется соблюдать величайшую осторожность въ дозволении обучать вассальныя войска при помощи европейскихъ офицеровъ. Затѣмъ правительство строго наказываетъ „не доставлять“ этимъ войскамъ скорострѣльнаго оружія, и желаетъ имѣть полныя свѣдѣнія о числѣ, организаціи и дисциплинѣ этихъ войскъ. Наконецъ, предписываются періодическія инспекціи не только вассальныхъ войскъ, но и различныхъ арсеналовъ

Значеніе этихъ распоряженій очевидно,

и сама *Times* принуждена признать ихъ мѣрой предосторожности которою Индійское правительство должно было принять въ виду „опасности“ отъ вызова части индійской арміи, которая между прочимъ, „нужна для уравнивѣсія“ военныхъ силъ коими располагають полунезависимыя туземныя владѣнія. Вотъ оборотная сторона вызова *семи тысячъ* изъ Індіи!

А оборотныхъ сторонъ не одна, а нѣсколько. Та же газета указываетъ еще что самое серьезное возраженіе противъ употребленія индійскихъ войскъ на европейской службѣ есть ихъ страшная дороговизна. Затѣмъ еще встрѣчаемъ такую фразу: „Мы не поднимаемъ вопроса о *качествѣ* доставленнаго матеріала, хотя онъ *едва ли* можетъ быть также хорошъ для *цѣли* какъ матеріалъ какой мы можемъ добыть ближе, у себя дома.“ Это не даромъ проскользнуло; значить, возникли сомнѣнія въ качествѣ индійскихъ войскъ, хотя *Times* и напираетъ главнымъ образомъ на дороговизну, замѣчая въ заключеніе: „Правительство вѣроятно удовольствуется *демонстраціей*, и не будетъ стараться продолжать ее далѣе. Доводъ крайней надобности (*emergency*) хорошо послужилъ на одинъ разъ, но онъ едва ли пригодится впредь, когда секретъ обнаружился.“

Теперь, какъ видно, не находятъ надобности притворяться и прямо сознаются что призывъ индійскаго контингента въ Европу былъ не болѣе какъ демонстраціей. Не слишкомъ ли только рано разчитываютъ въ Лондонѣ что система обмана, именуемая англійскою политикой, достигла полнаго успѣха?

№ 130.

Москва, 22-го мая.

А.

Новое покушеніе на жизнь императора Германіи! Вторичное въ столь краткій промежутокъ времени! Еще не успѣли умолкнуть выраженія живѣйшей симпатіи которыя неслись къ царственному герою Германіи со всѣхъ концовъ міра послѣ покушенія Гёделя, какъ является новое и болѣе удавшееся покушеніе на эту дорогую не для одной Германіи жизнь. На этотъ

разъ, къ прискорбію, маститый монархъ не совсѣмъ избѣгъ опасности. Убійца былъ опытенъ и рука его была вооружена иначе. Въмѣсто пули употреблена была дробь. До тридцати дробинъ попали въ лицо, голову, въ обѣ руки и спину. Непосредственной опасности, какъ свидѣлствуютъ врачи, слава Богу, нѣтъ; но преклонные годы императора, большая потеря крови, жестокія страданія причиняемыя ранами, не могутъ не возбуждать опасеній. Впрочемъ, бюллетень врачей довольно успокоителенъ; императоръ провелъ ночь спокойно, страданія нѣсколько уменьшились, и вообще положеніе удовлетворительно.

Виновникъ злодѣйства уже не одичалый мальчишка изъ рабочаго люда, какъ прежде. Это человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, съ ученою степенью доктора, сельскій хозяинъ, повидимому обезпеченный въ способахъ жизни. Что касается его образа мыслей, то онъ причисляетъ себя къ социаль-демократамъ, и заявляетъ что ему почему-то понадобилось, „для блага государства“ устранить главу государства. Какихъ цѣлей могла достигнуть социалистская пропаганда злодѣйскимъ умерщвленіемъ престарѣлаго монарха, почему именно теперь социалисты считаютъ необходимымъ въ своихъ видахъ „устраненіе“ главы государства? Откуда вдругъ въ Германіи такое возбужденіе социалистской партіи? Что въ эти дни вызываетъ ее на эти неистовыя выходки?

На несомнѣнно усиленное возбужденіе нѣмецкихъ социалистовъ указываетъ еще другое происшествіе, подробности коего до сихъ поръ были скрыты телеграфомъ. На прошедшей недѣлѣ опровергался слухъ о какомъ-то покушеніи противъ Германскаго наслѣднаго принца въ Лондонѣ. Теперь изъ газетъ мы узнаемъ, хотя все-таки смутно, о скандалѣ который далъ поводъ къ этому слуху. Вотъ что было: послѣ покушенія Гёделя, проживающіе въ Лондонѣ нѣмецкіе рабочіе вознамѣрились собрать сходку для обсужденія адреса который они хотѣли подать наслѣдному принцу. Но проживающіе въ Лондонѣ нѣмецкіе социалисты, вмѣстѣ со своими единомышленниками другихъ національностей, забрались въ залу сходки ранѣе самихъ устроителей митинга, и расположились въ ней, занявъ „стратегическіе командующіе“ пункты. Ихъ усилія гвалтомъ помѣшать составленію адреса,

однако, не имѣли успѣха; они встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны рабочихъ. Борьба тянулась до трехъ часовъ ночи и наконецъ полиція очистила залу. Когда затѣмъ, въ воскресенье, 26 мая, депутація рабочихъ отправилась въ германское посольство чтобы поднести адресъ наслѣдному принцу, то послѣдовавшая за нею толпа социалистовъ бросилась ко входу въ домъ, и около 20 или 30 человекъ успѣли было ворваться въ сѣни откуда были вытолканы полиціей.

Замѣчательно что вторичное покушеніе на жизнь императора Вильгельма произошло тотчасъ вслѣдъ затѣмъ какъ рейхстагъ отвергъ временныя мѣры какія правительство предполагало принять противъ социалистовъ. Такъ-называемые „умѣренные либералы“ составляющіе большинство Германскаго имперскаго сейма, находя неудобнымъ принятіе исключительныхъ мѣръ, предоставили правительству вести борьбу съ революціонною партіей въ предѣлахъ обезпеченныхъ конституціей. Но доктринеры конституціи упустили изъ виду что врагъ съ которымъ правительство должно бороться, не стѣсняется въ своихъ дѣйствіяхъ никакими законами. Они не сообразили что подземное правительство революціи не ограничивается никакою конституціей и распоряжается самымъ абсолютнымъ образомъ. Итакъ, съ одной стороны, законное правительство связанное по рукамъ и по ногамъ ограниченіями, съ другой, тайная организація не признающая надъ собою никакого закона;—какъ же бороться? Какія вѣроятія успѣха борьбы при такой неравномѣрности условій? Господа умѣренные либералы должны рѣшиться выйти изъ своего нейтралитета и избрать одно изъ двухъ: существующее государство или революцію которая подъ него подкапывается. Платоническія чувствованія негодованія противъ неистовствъ социаль-демократовъ, и столь же платоническія изъявленія преданности императору, ни къ чему не ведутъ когда требуется дѣйствіе.

Имѣецкіе либералы въ рейхстагѣ указывали что правительство само въ прежнее время поощряло социаль-демократовъ пользуясь ими противъ другихъ партій дѣлавшихъ ему оппозицію; что оно смотрѣло косо только на митинги другихъ партій и не препятствовало въ 1869 году толпамъ социалистскаго сброда вторгаться въ

сходки либеральной партіи. „Только въ послѣднее время,“ замѣчаетъ г. Рихтеръ, „полиція измѣнила свой взглядъ, а до этой счастливой перемѣны социалисты были единственною политическою партіей которая практически могла пользоваться правомъ сходокъ въ германской столицѣ.“

Все это быть-можетъ справедливо. Но вопросъ не въ ошибкахъ прежняго времени, а въ средствахъ противъ настоящаго зла какія бы ни были причины его развитія.

Берлинскій корреспондентъ *Times* восхваляетъ ревность обнаруженную Германскимъ парламентомъ въ отказѣ дать исключительныя полномочія исполнительной власти самую благородною чертой во всемъ этомъ дѣлѣ. Какъ Англичанинъ, корреспондентъ долженъ бы знать что въ Англіи иначе рѣшаютъ вопросъ когда онъ касается ихъ самихъ. Въ нынѣшнемъ году, послѣ аграрнаго убійства лорда Лейт-рима, помѣщика очень жестокаго и притѣснительнаго, сгонявшего со своихъ земель десятки фермеровъ, цѣлый округъ въ Ирландіи былъ объявленъ въ исключительномъ положеніи, дающемъ полиціи обширныя права конхъ она не имѣетъ въ другихъ мѣстахъ, какъ-то: запрещать сходки, дѣлать обыски и пр., и это сдѣлано простою прокламаціей лорда-намѣстника Ирландіи, въ силу акта утвержденнаго парламентомъ въ 1870 году, при либеральномъ министерствѣ, и не отмѣненнаго до сихъ поръ, хотя онъ и былъ внесенъ какъ временная мѣра.

Б.

Какъ ни скудны англійскія газеты на извѣстія изобличающія ихъ тревогу въ виду опасности которая можетъ грозить ихъ торговлѣ отъ русскихъ крейсеровъ, и какъ ни стараются онѣ успокоить ее своими разсужденіями, признаки ея не подлежатъ сомнѣнію. Даже въ такой шовинистской газетѣ какъ *Daily Telegraph* появилось письмо г. Уилльама Метланда, который, соглашаясь съ успокоительными увѣреніями этой газеты что англійскій флотъ вскорѣ былъ бы въ состояніи очистить моря отъ враждебныхъ крейсеровъ, проситъ, однако, издателя обратить вниманіе на то „какой ущербъ нѣсколько быстрыхъ по ходу *Алабамъ* въ состояніи нанести громадной англійской торговлѣ *прежде чѣмъ* онъ бу-

дутъ перехвачены или заперты. "Замѣчаніе это авторъ письма находитъ тѣмъ болѣе кстати что сама же газета указывала что „иностранная торговля стала для Англіи теперь гораздо болѣе необходимою чѣмъ во времена нашихъ предковъ," и что теперь гораздо менѣе возможно „допустить въ ней какую-либо пріостановку."

Что же касается замѣчаній которыя были легкомысленно сдѣланы въ *Daily Telegraph* о томъ будто у Россіи нѣтъ ни одной гавани ни въ Атлантическомъ, ни въ Тихомъ Океанѣ, то г. Метландъ указываетъ издателю что онъ позабылъ о русской территоріи простирающейся къ сѣверу отъ Китая, о всей Восточной Сибири съ ея морскимъ побережьемъ въ сѣверной части Тихаго Океана, съ ея поселеніями на Амурѣ, съ ея фортами въ Петропавловскѣ, Владивостокѣ и другихъ мѣстахъ, и съ флотомъ который завѣдомо тамъ находится. Г. Метландъ говоритъ что, бывъ во время Крымской войны въ Китаѣ и потомъ въ Калькуттѣ, онъ хорошо помнитъ какъ страшились тамъ русскихъ крейсеровъ и какія тревоги распространялись повсюду до Мельборна и Сиднея въ Австраліи.

№ 131.

Москва, 23-го мая.

Мы живемъ въ любопытное время. Давно уже на королевскую власть въ Англіи привыкли смотрѣть какъ на факторъ не имѣющій большаго, по крайней мѣрѣ рѣшающаго вліянія на ходъ политики. Теперь же болѣе чѣмъ когда-либо всеобщее вниманіе устремлено на королеву Викторію, и съ любопытствомъ слѣдитъ за ея дѣйствіями какъ бы они ни казались незначительны. Еслибы предубѣжденіе или пристрастіе могло только выражаться изъясненіями благосклонности къ тому или другому лицу, какъ напримѣръ прошлогоднее посѣщеніе королевой лорда Беконсфильда въ его помѣсть, — каковой милости во все ея сорокалѣтнее царствованіе удостоились только два премьера, лордъ Мельборнъ и сэръ-Робертъ Пиль, — то на этомъ не стоило бы долго останавливаться. Болѣе серіознымъ поводомъ къ интересу служить возникшій снова вопросъ о значеніи королевскаго вліянія въ Англіи. Появившійся въ прошедшемъ году третій томъ

„Жизни принца-супруга" раскрылъ удивленной публикѣ мало кому извѣстныя обстоятельства. Оказывается что королева Викторія давнымъ давно, почти постоянно, принимала весьма дѣятельное участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, преимущественно въ иностранной политикѣ, въ коей сама руководилась ничѣмъ инымъ какъ идеями своего супруга. Принцъ Альбертъ по всѣмъ дѣламъ составлялъ записки, которыя волей-неволей должны были приниматься въ соображеніе на совѣщаніяхъ кабинета, а королева письменно дѣлала выговоры министрамъ за рѣчи произнесенныя ими въ парламентъ и приказывала имъ принять тѣ или другія мѣры. Помимо этихъ фактовъ, вся книга явно проникнута мыслию о необходимости всячески усилить прерогативы короны. Говорятъ что лордъ Беконсфильдъ потому и пользуется расположеніемъ королевы что входитъ въ ея идеи и ревностно имъ помогаетъ. Его послѣдняя мѣра спѣшнаго призыва индійскихъ войскъ, безъ увѣдомленія о томъ и безъ разрѣшенія парламента, нарушившая, какъ неопровержимо доказалъ г. Гладстонъ, всѣ конституціонные прецеденты и обычаи, согласуется съ такимъ предположеніемъ. Недавно въ одной вѣнской газетѣ проскользнулъ слухъ что, вслѣдствіе новыхъ разногласій въ министерствѣ, лордъ Беконсфильдъ подавалъ было въ отставку, но королева не приняла ее замѣтивъ что имѣетъ полное довѣріе къ его политикѣ.

Поэтому-то всѣхъ удивило что королева, принимающая столь живое участіе въ дѣлахъ государства, вдругъ удалась въ Балмораль, въ Шотландію, нѣсколько ранѣе своей обычной лѣтней туда поѣздки. Это не могло не удивить не только по тому что въ то время шли весьма важные переговоры между Англіей и Россіей, но еще болѣе по тому что это случилось тотчасъ по прибытіи въ Лондонъ наслѣднаго принца и принцессы Германскихъ, зятя и старшей дочери королевы Викторіи. Встрѣтивъ дочь съ зятемъ и пригласивъ ихъ на парадный обѣдъ въ Боккингамскомъ дворцѣ 9 мая, на слѣдующій же день, 10 мая, королева возвратилась въ Виндзоръ и затѣмъ переселилась, какъ сказано, въ Балмораль, оставивъ гостей на попеченіе принца и принцессы Вельсскихъ. Изъ придворныхъ бюллетеней ежедневно публикуемыхъ въ газетахъ видно что принцъ и принцесса

Германскіе пробыли три недѣли въ Лондонѣ какъ бы въ качествѣ высокихъ туристовъ путешествующихъ инкогнито. Они, правда, остановились въ Боккингамскомъ дворцѣ, и съ ними почти ежедневно обмѣнивались визитами принцъ и принцесса Вельскіе, но этимъ и ограничивалось официальное гостепріимство, а затѣмъ они одни, въ сопровожденіи лишь состоящихъ при нихъ лицъ, посѣщали театры, музеи, галереи и пр., принимали также приглашенія отъ нѣкоторыхъ лицъ англійской аристократіи.

За то двоюродный братъ королевы, принцъ Кембриджскій, главнокомандующій, угостилъ путешественниковъ по своей специальности, пригласивъ принца Фридриха-Вильгельма на смотръ войскъ въ Алдершотскій лагерь, гдѣ всѣ стоящіе тамъ части, въ количествѣ 12.000, произвели двухсторонніе маневры. Зрѣлище продолжалось три часа, съ церемониальнымъ маршемъ включительно, и, по отзывамъ газетъ, съ военной точки зрѣнія было весьма удовлетворительно. Конечно, видъ этихъ почтенныхъ войскъ раздѣленныхъ на двѣ арміи для маневровъ примѣрной битвы долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на героя Кёниггреца и Вёрта. Онъ знаетъ по опыту во что обходятся побѣды, а ему показано было миниатюрное войско, при помощи коего Англія будто бы, какъ хвастаются англійскіе правительственные органы, безъ боя достигла не меньшихъ успѣховъ чѣмъ Германія кровопролитными войнами! Правда, съ самаго начала легко было видѣть что весь воинственный азартъ Англіи былъ не болѣе какъ демонстраціей, но еще забавнѣе что ею преждевременно начинается хвастаться, какъ бы опасаясь что иначе никто этому не повѣритъ, *Daily Telegraph*, съ увѣренностію утверждая что Болгарія должна ограничиться Балканами, что въ Азіи Россія допуститъ также значительныя ограниченія, а вопросъ о военномъ вознагражденіи вовсе будетъ исключенъ, въ опьяненіи восторга восклицаетъ: „Такимъ образомъ, не нанеся ни одного удара, и не потратившись болѣе какъ на *умѣренную*, но достаточную демонстрацію, министерство лорда Беконсфильда одержало европейскую побѣду которую только невѣжды могутъ не оцѣнить. Англія, которую четыре года тому назадъ континентальные политики не принимали въ расчетъ, и которую одинъ изъ нихъ

„недавно обозвалъ *больною старухой*, отстояла международное право одною де-„пешей и скромнымъ отрядомъ изъ своего азіятскаго резерва упразднила все „что было недопустимаго въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ.“

Вдобавокъ, и демонстрація-то была гнилая, не то что умѣренная и скромная. Объ этомъ проявляются любопытныя признанія. До сихъ поръ не только министерскія, но и радикальныя газеты молчали. Но теперь, когда успѣхъ повидимому считается достигнутымъ, языкъ у всѣхъ понемногу развязывается, и рядомъ съ хвастливымъ признаніемъ *Daily Telegraph* о „скромномъ“ характерѣ демонстраціи, слышимъ разказы другаго рода: *Daily News* замѣчаетъ что въ промежутокъ остающійся до конгресса можно съ пользою подумать объ опасностяхъ коихъ всѣ желаютъ избѣжать, и, — благодарить иронически благодарить министерство, которое въ полномочіи своей безотвѣтственной власти могло вовлечь націю въ войну, за то что Англія еще находится въ мирѣ. „Какъ министры стали „бы вести войну,“ говоритъ *Daily News*, „этого мы не знаемъ, но мы знаемъ какъ „они вели воинственную демонстрацію, и „результъ непоощрительнъ.“ Первая мѣра—созваніе резервовъ, по словамъ газеты, показала міру что Англія не можетъ сдѣлать шага для приготовленія къ войнѣ безъ большаго общественнаго потрясенія (*Cocial disturbance*), какое другія страны могутъ испытывать только подъ давленіемъ дѣйствительной войны, не говоря уже о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ этой мѣры, нищенствѣ семействъ женатыхъ солдатъ, и пр. Далѣе узнаемъ что на другой же день по возвращеніи о призывѣ резервовъ, нѣсколько лучшихъ офицеровъ британской арміи собрались на совѣщаніе и, сообразивъ силы находящіяся въ распоряженіи правительства, пришли къ убѣжденію въ невозможности имѣть армію достаточную для веденія большой войны не прибѣгнувъ къ конскрипціи, то есть къ принудительному набору. Правда, англійскіе министры не рѣшились предложить конскрипцію, а у главы кабинета была же мысль выслать на службу въ Европѣ туземныя войска изъ Индіи, что и было сдѣлано, съ нарушеніемъ закона и въ презрѣніе всѣхъ конституціонныхъ преданій. Только теперь оказывается, замѣчаетъ *Daily News*, что одна перевозка этихъ войскъ въ Мальту сто-

ить столько же какъ набрать, экипировать и обучить одинаковое число англійскихъ солдатъ. *Daily News* показываетъ что это за войска, заимствуя описаніе ихъ изъ одной консервативной газеты, къ сожалѣнію не называя оной, гдѣ они съ восторгомъ изображаются какъ „полу-цивилизованные варвары съ налитыми кровью волчьими глазами, выглядывающими изъ-под лобья, съ крадущеюся, спѣшною походкой пантеры.“ „Вотъ молодцы,“ восклицаетъ *Daily News*, „воинской доблести коихъ первый министръ ввѣряетъ не только поддержаніе имперіи, но ея расширеніе!“ И ихъ имѣется вѣдь цѣлыхъ семь тысячъ! Да еще вдобавокъ, вслѣдъ за вызывомъ ихъ, понадобилось отправить въ Индію инструкціи о сокращеніи армій вассальныхъ владѣльцевъ. *Daily News* строго порицаетъ эти мѣры. „Вотъ образецъ ошибки который надѣлало правительство, и онѣ внушаютъ намъ благодарность за меньшую вѣроятность чѣмъ прежде чтобы новинки этихъ ошибокъ вновь предприняли войну.“ На ошибку вызова индійскихъ войскъ указано впрочемъ было правительству и въ парламентѣ. При преніяхъ о дополнительномъ кредитѣ на этотъ предметъ, помимо сдѣланныхъ разными ораторами конституціонныхъ возраженій, г. Яковъ Брайтъ, между прочимъ, сказалъ: „Посылая индійскія войска въ Мальту, вы ставляете народы Индіи полагать что наши военныя средства крайне незначительны. Обращаясь къ войскамъ, предъ ихъ отправленіемъ, вице-король сказалъ имъ что они посылаются на подкрѣпленіе британскихъ силъ въ Средиземномъ Морѣ, и прибавилъ: *Честь имперіи поручается вамъ.* Я не думаю чтобы было благо-разумно довѣрять честь имперіи наемнымъ войскамъ...“

И насъ хотятъ увѣрить что такими-то средствами могли доставить Беконсфильдовской политикѣ величайшее торжество и исторгнуть у Россіи существенные плоды ея побѣдъ.

Daily News, критикуя ошибки правительства, утѣшаетъ себя силой флота. Но почти весь этотъ флотъ собранъ въ Средиземномъ Морѣ, а мы знаемъ уже какъ въ Англіи тревожатся русскими крейсерами. Сегодня же вновь *Manchester Guardian* бьетъ тревогу уже не за Тихій, а за Атлантическій Океанъ, вслѣдствіе извѣстія о выходѣ изъ Балтійскаго моря русскихъ

кораблей *Князь Пожарскій*, *Петропавловскъ*, *Севастополь*, *Святлана*, и еще двухъ корветовъ, тогда какъ Англія имѣетъ теперь въ Атлантическомъ Океанѣ только два броненосца *Bellerophon* и *Scorpion*, изъ коихъ притомъ только первый къ чему-либо годенъ...

№ 132.

Москва, 24-го мая.

А.

Помѣщенный нами въ №№ 129 и 130 обширный отчетъ о разбирательствѣ дѣла Вѣры Засуличъ въ Уголовномъ Кассационномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената будетъ прочтенъ съ интересомъ не одними юристами. Судя по статьямъ закона приведеннымъ въ краткой резолюціи, Сенатъ вполне принялъ соображенія которыя съ такою подробностью развиты въ заключеніи оберъ-прокурора, Н. Н. Шрейбера. Въ этомъ заключеніи мастерски разработаны тѣ вопросы которые подлежали разрѣшенію Кассационнаго Суда; но помимо техническихъ достоинствъ этой чисто юридической работы, рѣчь г. Шрейбера имѣетъ и общественное значеніе; она должна въ значительной мѣрѣ смягчать тѣ толки о недостаткахъ нашего уголовного процесса кои естественнымъ образомъ порождены были въ мыслящихъ сферахъ нашего общества всѣмъ ходомъ процедуры по этому дѣлу въ Окружномъ Судѣ и его развязкой. Оставаясь вполне на высотѣ безстрастнаго стража закона какимъ долженъ во всѣхъ случаяхъ быть Верховный Кассационный Судъ, оберъ-прокуроръ убѣдительнымъ образомъ доказалъ что всѣ печальныя неправильности этого процесса были послѣдствіемъ искаженія истиннаго смысла закона. Г. Шрейберъ такъ охарактеризовалъ нашъ кодексъ уголовного процесса: Уставъ Уголовнаго Судопроизводства 20 ноября 1864 года „представляетъ „стройное, гармоническое цѣлое, отдѣльныя части коего находятся между собою „во взаимной неразрывной связи, такъ что „неправильное исполненіе одной изъ отдѣльныхъ его частей, нарушая гармонию „цѣлаго, нерѣдко имѣетъ своимъ послѣдствіемъ невозможность исполненія другихъ „содержащихся въ немъ постановленій.“

И нельзя не признать что всѣ дальнѣйшіе выводы служили блестящимъ развитіемъ этого положенія, и дѣйствительно подтвердили что, при точномъ соблюденіи предписаній закона, не могли бы имѣть мѣсто тѣ печальныя явленія коими сопровождалось судебное разбирательство по дѣлу Засуличъ. Въ этомъ дѣлѣ болѣе всего поразило всѣхъ то что судебное изслѣдованіе покушенія Вѣры Засуличъ на жизнь генераль-адъютанта Трепова превратилось въ судъ надъ самимъ генераломъ Треповымъ по поводу его распоряженія по должности. Казалось непонятнымъ какимъ образомъ показаніе Боголюбова, при коемъ Засуличъ не присутствовала, о которомъ она и разказовъ никакихъ не слышала непосредственно отъ очевидцевъ, могло выступить на первый планъ при обсужденіи поступка подсудимой. *Логически* между событіемъ въ С.-Петербургской тюрьмѣ предварительнаго заключенія и поступкомъ подсудимой не было связи. Связь эта существовала лишь между *разказомъ* объ этомъ событіи и рѣшимостью подсудимой; стало-быть для объясненія *мотива* преступленія, изслѣдованію подлежало лишь то въ какомъ видѣ представилось дѣло для Засуличъ изъ разказовъ. Если защита стремилась смягчить ея вину раскрытіемъ побудительной къ тому причины, то она должна была стараться разяснить предъ присяжными именно эту сторону дѣла. Разказъ подѣ влияніемъ котораго Засуличъ задумала свое преступленіе могъ быть и вовсе вымышленный; но если она повѣрила ему, то для цѣли защиты онъ все-таки имѣлъ бы болѣе значеніе нежели согласное съ истинною воспроизведеніе на судѣ факта при коемъ обвиняемая не присутствовала, а потому не могла въ немъ *самою* почерпнуть свою рѣшимость. Вотъ почему домогаясь изслѣдованія самого факта во всей его подробности, защита очевидно не о томъ старалась чтобы выяснитъ мотивъ преступленія, а о томъ чтобы, выставивъ дѣйствія жертвы преступленія въ возможно невыгодномъ свѣтѣ, тѣмъ самымъ какъ бы оправдать преступное дѣйствіе на нее направленное. Таковъ и былъ характеръ разбирательства преимущественно потому что допущенъ былъ допросъ цѣлаго ряда свидѣтелей которые были очевидцами событія въ тюрьмѣ, но которыхъ Засуличъ никогда въ глаза не видала. Оберъ-прокуроръ доказалъ непре-

ложно, основываясь на смыслѣ закона и на массѣ прежде бывшихъ рѣшеній Кассационнаго Суда, что вся эта бросающаяся въ глаза неправильность процедуры была послѣдствіемъ неправильно истолкованной судомъ прерогативы предоставленной обвиняемому ст. 576 Уст. Угол. Суд., и допущенія къ спросу въ качествѣ *свидѣтелей* по дѣлу о преступленіи Засуличъ такихъ лицъ которыя не могли быть свидѣтелями ни самого факта преступленія, ни обстоятельствъ породившихъ преступный умыселъ.

Оберъ-прокуроръ доказалъ также что по смыслу закона и по разясненіямъ Кассационнаго Суда не могутъ, въ интересахъ правосудія, быть оставлены безъ должнаго противодѣйствія попытки со стороны постороннихъ лицъ присутствующихъ на судѣ вліять на совѣсть присяжныхъ какими-либо демонстративными заявленіями одобренія или неодобренія того что происходитъ на судѣ.

Рѣшеніе Сената возстановило въ своихъ правахъ требованія правосудія, по этому казусному дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказало что правильный судебный порядокъ заключаетъ самъ въ себѣ достаточныя гарантіи своей устойчивости и равновѣсія.

Во вчерашнемъ же номерѣ нашей газеты обнародованы два новыя дополненія и измѣненія дѣйствующихъ правилъ о судопроизводствѣ по уголовнымъ дѣламъ имѣющимъ политическій характеръ. Законы эти имѣютъ между собою тѣсную связь. Вторымъ изъ нихъ значительно расширяется, впрочемъ, лишь временно, какъ сказано въ законѣ — область специальной подсудности такъ-называемыхъ государственныхъ преступленій. До сихъ поръ къ разряду этихъ преступленій отнесены были лишь тѣ кои предусматрѣны раздѣломъ третьимъ Уложенія о Наказаніяхъ, а именно о преступленіяхъ противъ Священной Особы Государя Императора и членовъ Императорскаго Дома, о бунтѣ противъ Власти Верховной, о государственной изменѣ и о преступленіяхъ противъ народнаго права. Сверхъ того, по закону 4-го іюня 1874 года, къ этому же разряду отнесены тайныя общества и запрещенныя сходбища (ст. 318 въ новой редакціи замѣнившей прежнюю главу VI раздѣла четвертаго Улож. о Нак.). Теперь къ тому разряду особенной подсудности отнесены еще слѣдующія дѣла: 1) о преступленіяхъ

предусмотрѣнныхъ въ главахъ первой, второй и пятой раздѣла четвертаго Улож. о Наказ., а именно: о сопротивленіи распоряженіямъ правительства и неповиновеніи установленнымъ отъ онаго властямъ (глава I, раздѣлъ IV); объ оскорбленіи и явномъ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности (глава II, раздѣлъ IV) и о взломѣ тюремъ, уходѣ и побѣгѣ находящихся подъ стражей и надзоромъ (глава V, раздѣлъ IV); 2) объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, нанесеніи имъ ранъ или увѣчій и другихъ насильственныхъ противъ нихъ дѣйствій, а также объ угрозахъ имъ когда преступленія эти совершены при исполненіи должностными лицами служебныхъ обязанностей, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей. Перечисленные разряды преступленій изъяты изъ обыкновеннаго порядка подсудности лишь въ томъ случаѣ если они влекутъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ, то-есть тѣ которыя судились съ участіемъ присяжныхъ. Менѣе же важныя изъ перечисленныхъ преступленій, которыя не влекутъ за собою лишенія правъ и стало-быть судились и до сихъ поръ окружными судами безъ присяжныхъ, оставлены въ прежней подсудности. Къ этому же порядку исключительной подсудности отнесены преступленія предусмотрѣнныя ст. 395 Улож. о Нак., а именно оскорбленіе дѣйствіемъ начальника своимъ подчиненнымъ. Это послѣднее преступленіе и до сихъ поръ судилось особымъ порядкомъ какъ преступленіе по должности. Преступленія по должности судятся у насъ съ участіемъ присяжныхъ (если оны влекутъ за собою лишеніе правъ), но для нихъ установленъ особый порядокъ *преданія суду* и смотря по классу должности занимаемой обвиняемыми изъ должностныхъ лицъ, они судятся или въ Окружномъ Судѣ, или въ Судебной Палатѣ, или въ Сенатѣ по Уголовному Кассационному Департаменту (но тоже съ присяжными). Дѣла объ оскорбленіи дѣйствіемъ начальника подчиненнымъ будутъ теперь вѣдаться судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей; а если обвиняемый по классу занимаемой имъ должности (не ниже IV) подсуденъ Сенату, то онъ будетъ попрежнему судиться въ Уголовномъ Кассационномъ Департаментѣ, но безъ присяжныхъ.

Но для всѣхъ этихъ дѣлъ какъ вновь отнесенныхъ къ разряду политическихъ преступленій, такъ и тѣхъ которыя до сихъ поръ считались таковыми, *вновь установленъ* порядокъ суда опредѣленный для государственныхъ преступленій судебными уставами 20 ноября, а именно *мѣстный* трибуналь судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. По закону 7-го іюня 1872 года, государственныя преступленія сопряженныя съ лишеніемъ правъ изъяты были изъ подсудности этихъ особыхъ трибуналовъ (кои тѣмъ самымъ и были упразднены) и сосредоточены во вновь установленномъ этимъ закономъ особомъ присутствіи Сената съ участіемъ сословныхъ представителей. Особое присутствіе стало такимъ образомъ единственнымъ ординарнымъ политическимъ трибуналомъ. Кромѣ его, оставался лишь Верховный Уголовный Судъ установленный для чрезвычайныхъ случаевъ. Верховный Уголовный Судъ, оставленный до сихъ поръ въ первоначальномъ видѣ, собирался всего одинъ разъ для сужденія Каракозова и его сообщниковъ.

По новому закону, особое присутствіе Сената, хотя и сохранено, но оно будетъ призываться къ дѣйствию лишь по Высочайшему повелѣнію. Въ тѣхъ же случаяхъ когда особаго повелѣнія не послѣдуетъ, дѣла о государственныхъ преступленіяхъ будутъ разсматриваться судебными палатами въ усиленномъ составѣ. Этотъ „усиленный составъ“ совершенно сходенъ съ прежнимъ порядкомъ по отношенію къ сословнымъ представителямъ, коихъ четыре: губернской и уѣздный предводители дворянства, одинъ изъ городскихъ головъ и одинъ волостной старшина. Но теперь точнѣе опредѣленъ составъ коронныхъ судей, а именно: старшій предсѣдатель палаты и четыре члена уголовного департамента палаты. Такимъ образомъ число коронныхъ судей всегда будетъ превышать число сословныхъ представителей; тогда какъ прежде „присутствіе палаты,“ къ коему по ст. 1032 Уст. Угол. Суд. (изд. 1864 г.) присоединялись сословные представители, могло состоять и изъ трехъ членовъ палаты.

Отступленіе отъ прежняго порядка, въ общихъ чертахъ нынѣ возстановленнаго, заключается и въ томъ что по Уставу Угол. Суд., изд. 1864 г., закрытіе дверей допускалось лишь по преступленіямъ объ оскорбленіи Величества. По новому же за-

кону сохранено правило установленное въ 1872 году для особаго присутствія Сена-та, а именно что публичность или непубличность засѣданія по всѣмъ политическимъ дѣламъ предоставлена усмотрѣнію суда.

Б.

Объясненія данныя графомъ Андраши въ делегаціяхъ представляютъ въ своихъ подробностяхъ кое-что не лишенное интереса. Прежде всего мы узнаемъ изъ нихъ что сущность послѣднихъ переговоровъ между Россіей и Англіей хранилась въ такой тайнѣ что не была довѣрена даже телеграфу, несмотря на шифры обыкновенно гарантирующіе этотъ способъ передачи. Графъ Андраши, искренно или нѣтъ, признается что ему ничего неизвѣстно о результатѣ англо-русскихъ переговоровъ, и намекаетъ что и берлинскіе „посредники“ не совсѣмъ посвящены въ ихъ подробности. Принимая во вниманіе опроверженіе маркизомъ Солсбери въ Англійскомъ парламентѣ десяти пунктовъ, торжественно провозглашенныхъ англійскою газетою *Globe*, слѣдуетъ пока оставить подъ спудомъ всѣ соображенія объ англо-русскомъ соглашеніи. Остается еще „впечатлѣніе“ графа Андраши что какова бы ни была сдѣлка между Россіей и Англіей, австро-венгерскимъ интересамъ не будетъ нанесено ущерба. Достойно примѣчанія и то обстоятельство что австро-венгерскія возраженія на Санъ-Стефанскій договоръ, привезенныя въ Петербургъ графомъ Игнатьевымъ изъ Вѣны, пять дней тому назадъ, оставались безъ должнаго, по мнѣнію графа Андраши, отвѣта. Отвѣты де и были, но все не такого рода чтобы свести расходящіеся взгляды подъ одну крышку (*die divergirenden Ansichten unter einen Hut nicht gebracht hätten*). Впрочемъ, зачинщику конгресса, упрямо отвергавшему всякое соглашеніе отъ кабинета къ кабинету, на это жаловаться нечего.

Далѣе, австро-венгерскій дипломатическихъ дѣлъ мастеръ рѣшился наконецъ сказать во всеуслышаніе что, по его мнѣнію, въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ противорѣчитъ придуманнымъ имъ австро-венгерскимъ интересамъ. Если отбросить всѣ риторическія прикрасы и завѣдомую неправду, оказывается что графъ Андраши задумалъ прибрать къ рукамъ, въ „непосредственномъ своемъ сосѣдствѣ“, все что

останется послѣ англійскихъ требованій, и соотвѣтственно этому перекроить клочки Санъ-Стефанскаго договора. Его интересы непосредственно солидарны съ таковыми же лорда Беконсфилда только въ одномъ пунктѣ, именно въ вопросѣ объ умаленіи Болгаріи, но здѣсь является куріозное противорѣчіе, конечно больше на словахъ чѣмъ на дѣлѣ, между двумя столь согласными партнерами. Въ то время какъ лордъ Беконсфилдъ, говорятъ намъ, собирается устраивать отрываемую отъ Болгаріи половину по образцу „англійскихъ колоній“, графъ Андраши располагаетъ укрѣпить ея устойчивость владѣній *оставленныхъ* по мирному договору за Турціей. Есть и другая поучительная для насъ подробность, именно въ объясненіяхъ на которыя былъ вызванъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ однимъ изъ бесѣдовавшихъ съ нимъ делегатовъ. Онъ пожелалъ знать, правда ли что Россія 10 іюня прошлаго года (это было слѣдовательно въ самомъ началѣ кампаніи) проектировала ограничить Болгарію Балканами (то-есть тѣмъ до чего допускаютъ насъ теперь), но уже черезъ нѣсколько дней отказалась отъ этого плана и потребовала распространенія Болгаріи на югъ за Балканы, извѣщая Лондонскій кабинетъ что въ Берлинѣ и Вѣнѣ *уже знаютъ* о такой перемѣнѣ во взглядахъ Россіи. Любопытствующій делегатъ почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ англійской *Синей Книги* и желалъ освѣдомиться что отвѣчала Австрія на такую перемѣну во взглядахъ Россіи, весьма резонно разсуждая что о размѣрахъ Болгаріи въ родѣ тѣхъ какіе постановляетъ Санъ-Стефанскій договоръ была рѣчь еще годъ тому назадъ, по крайней мѣрѣ между имперіями Тройнаго Союза, такъ что теперь Австріи нечего приходить въ удивленіе и бить тревогу по поводу границъ Болгарскаго княжества. Оказывается что „союзная“ Австрія молча выслушала дружескія признанія о намѣреніяхъ Россіи и ни единымъ словомъ не выдала себя. Молчаніе, говорятъ, знакъ согласія, но у графа Андраши былъ свой разчетъ... Судьба сводитъ насъ и теперь какъ въ 1853 году на путь рѣшенія Восточнаго вопроса въ „дружественныхъ“ отношеніяхъ съ Австріей...

Австрія возражаетъ далѣе противъ размѣровъ территоріальнаго увеличенія Сербіи и Черногоріи, то-есть, какъ мы замѣтили уже выше, противъ тѣхъ остальныхъ

пунктовъ Санъ-Стефанскаго договора которые вѣроятно остались не тронутыми со стороны Англіи. Это не ново, но для насъ новость убѣжденіе графа Андраши что онъ содѣйствуетъ прочному и твердому миру, тогда какъ Санъ-Стефанскій миръ носитъ де въ себѣ зародышъ новыхъ столкновений. Многие полагали что Санъ-Стефанскій миръ тѣмъ и не удовлетворилъ нашихъ союзниковъ въ войнѣ что мы, въ угоду Австріи, ограничили ихъ желанія. Оказывается, наоборотъ, что эти желанія слѣдуетъ оставить не исполненными, и тогда Сербія и Черногорія будутъ *усмирены*: въ этомъ смыслѣ очевидно графъ Андраши и понимаетъ свои слова о *прочномъ мирѣ*. Иначе, онъ, какъ канцлеръ Австрійской имперіи, долженъ былъ бы припомнить еще не очень давнее прошлое своей страны. Единство Италіи создано при непрерывной борьбѣ ея съ Австріей, и всѣ австрійскія усилія поддержать хаотическое состояніе въ сосѣдней странѣ повлекли только къ ряду войнъ которыя не принесли Австріи ничего кромѣ бесполезно потраченной крови и денегъ. Кончилось тѣмъ что ее выгнали изъ Италіи, какъ выгнали и изъ Германіи...

№ 133.

Москва, 26-го мая

Не лишенъ интереса тонъ лондонской министерской печати въ настоящую минуту. Соглашеніе состоявшееся между Англіей и Россіей и давшее возможность къ созванію конгресса, каково бы оно ни было, хранится до сихъ поръ, по общему отзыву, въ глубокой тайнѣ, такъ что не слѣдуетъ довѣрять ни одному извѣстію о пунктахъ соглашенія между Россіей и Англіей. Но тонъ принимаемый теперь министерскими газетами не предвѣщаетъ успѣшнаго дѣйствія панацеи отъ коей ожидаютъ немедленнаго уврачеванія всѣхъ бѣдствій порождаемыхъ роковымъ Восточнымъ вопросомъ.

Въ особенности старается изобразить настоящее дипломатическое положеніе въ самомъ неблагопріятномъ для Россіи видѣ *Daily Telegraph*, газета давно стяжавшая титулъ офиціознаго органа лорда Беконсфильда. Она почти ежедневно позволяетъ себѣ самыя непозволительныя выходки про-

тивъ Русскаго правительства. Въ предпоследнемъ номерѣ, на примѣръ, она сообщала полученное ею извѣстіе будто какая-то „Игнатъевская партія (?),“ къ которой принадлежатъ де самыя высшія лица, будучи сильно смущена ходомъ событій, способна приготовить не одинъ сюрпризъ Европѣ, и презрительно замѣчаетъ: „Однако война оказалась слишкомъ дорогою и слишкомъ безславною (*sic*) чтобъ эти высшія лица могли имѣть много приверженцевъ. Они вѣроятно спустили послѣднюю стрѣлу изъ своего колчана въ мертворожденномъ Санъ-Стефанскомъ трактатѣ, который, будучи *ратификованъ* въ С.-Петербургѣ будетъ *пересмотрѣнъ и исправленъ* въ Берлинѣ.“

Въ слѣдующемъ затѣмъ номерѣ *Daily Telegraph* первый возвѣстилъ что лордъ Беконсфильдъ самъ будетъ присутствовать на Берлинскомъ конгрессѣ въ качествѣ главнаго представителя Великобританіи, ибо никто де не можетъ лучше воспользоваться „золотымъ случаемъ.“ Превозносилъ „твердую и терпѣливую политику“ премьера, офиціозный органъ, на насмѣшки оппозиціонныхъ что Англія въ сущности возвращается къ тому же что она отвергла во время Берлинскаго меморандума, отвѣчаетъ что теперь дѣло совсѣмъ иное, такъ какъ „громадныя событія открыли новыя и обширныя возможности для государственной мудрости.“ Теперь уже не считается чѣмъ-либо непрактичнымъ подумать о „смѣлыхъ и широкихъ“ мѣрахъ на Востокѣ, ибо центральнымъ фактомъ положенія является де „доказанное безсиліе“ Россіи. Въ чемъ же это безсиліе выразилось? А въ томъ что, хотя Россія и нанесла ударъ Турціи, но остановилась не доходя Константинополя, и тамъ, на мѣстѣ своей остановки, подчинилась де юрисдикціи Европы!! Итакъ, вотъ какъ толкуютъ нашу сговорчивость! Вотъ какъ благодарятъ нашу дипломатію за ея уступки! Наша дипломатія сдѣлала угодное Англіи; она не дозволила нашимъ войскамъ занять позиціи которыя увѣнчали бы торжествомъ ихъ побѣды, и за это надъ нами издѣваются уже теперь, еще до конгресса... И на этомъ основывается все разсужденіе министерской газеты, въ этомъ онъ видитъ „золотой случай“ для премьера чтобы поставить преграду русскому честолюбію и обезпечить періодъ спокойствія „для мирныхъ реформъ и для воз-

становленія Оттоманской имперіи.“ Мало того что за будущее переустройство всей Турціи, въ Европѣ и особенно въ Азіи, должна взятъ исключительно Англія, ибо „минувшая война и наступающій конгрессъ должны оставить Англію, почти одну изъ всѣхъ державъ, лицомъ къ лицу съ будущею исторіей Восточнаго вопроса,“ но и этотъ результатъ долженъ быть поставленъ намъ въ счетъ. „Россія должна заплатить за миръ который для ней необходимъ, *обязавшись* сохранять его, и такъ „какъ доказано что существованіе Оттоманской имперіи какъ великой націи необходимо, то это существованіе должно „быть вновь обставлено и гарантировано“ Главною поэтому заботой англійскихъ делегатовъ на конгрессѣ, по словамъ *Daily Telegraph*, будетъ присмотрѣть чтобы Россія не извлекла какихъ-нибудь *выгодъ* изъ своей покорности Европѣ, и непременно вытребовать отъ ней самыя строгія гарантіи противъ всякаго возобновленія „крестовыхъ походовъ.“

Изъ другой англійской газеты *Daily News*, мы узнаемъ нѣкоторыя любопытныя подробности о томъ какъ начались послѣдніе таинственные переговоры о соглашеніи между Россіей и Англіей черезъ посредство графа Шувалова. Около времени выхода въ отставку лорда Дарби, положеніе русскаго посла въ Лондонѣ, вслѣдствіе непріязненнаго отношенія Англійскаго двора и правительства къ Россіи, было такъ затруднительно что онъ пересталъ посѣщать выходы королевы и ея приемы. Но вотъ спустя нѣкоторое время министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Солсбери, который былъ въ холодныхъ отношеніяхъ къ графу Шувалову, вступилъ съ нимъ однажды въ радушныя объясненія и замѣтилъ что отсутствіе его при дворѣ обратило на себя большое вниманіе, что „королева очень сожалѣетъ объ этомъ, и что она была бы весьма рада вновь видѣть его на своихъ приемахъ.“ Тогда графъ Шуваловъ, снесся предварительно со своимъ правительствомъ и на основаніи полученныхъ приказаній, исполнилъ желанія королевы и ея министровъ, которыя были сообщены ему въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ. Съ этого-то времени и начались де, какъ увѣряютъ, тѣ болѣе конфиденціальныя и дружескіе разговоры которые привели потомъ къ такъ-называемой миссіи графа Шувалова и ея настоящимъ результатамъ.

Характеристическій, дѣйствительно интересный разказъ! Нѣчто подобное уже читали мы въ сообщеніяхъ корреспондентовъ континентальной печати. Что же означаютъ эти подробности? Наша дипломатія своею уступчивостью превзошла самыя смѣлыя ожиданія: что же было послѣдствіемъ? Мы видѣли выше какъ глумятся надъ Россіей англійскіе министерскіе органы за уступчивость ея дипломатіи, а изъ приведеннаго разказа видимъ что нашъ посолъ былъ долженъ почти прервать сношенія съ дворомъ къ которому былъ аккредитованъ. Но вотъ вдругъ дружески заговариваетъ съ нимъ министръ иностранныхъ дѣлъ, и приглашаетъ его посѣщать королеву, наконецъ заводитъ съ нимъ конфиденціальныя объясненія. Отчего вдругъ это? Что въ это послѣднее время случилось? Ничего болѣе какъ раздалось мужественное воззваніе къ Русскому народу готовиться къ новой борьбѣ, ничего болѣе какъ побѣда одержанная здравымъ русскимъ смысломъ надъ дипломатическимъ доктринерствомъ которое не допускало и рѣчи о сопротивленіи англійскому морскому разбою какимъ только и сильна эта морская держава; ничего болѣе какъ живое и энергическое движеніе какимъ Русскій народъ отозвался на призывъ создать морское ополченіе...

Переговоры и результаты ихъ соблюдаются въ строгой тайнѣ, а потому неизвѣстно въ какой мѣрѣ дипломатія, къ которой дѣло снова поступило въ руки, была теперь уступчива или тверда...

№ 134.

Москва, 27-го мая.

Взоры всего міра обращены теперь на Берлинъ. Тамъ, маститый, увѣнчанный славой, всѣми чтимый монархъ постигнутъ вторичнымъ злодѣйскимъ покушеніемъ, и подъ впечатлѣніемъ этого потрясающаго событія всѣ помыслы снова сосредоточились на способахъ борьбы противъ той темной силы которая подкапывается подъ основы общества и во имя „всеобщаго блага“ вооружаетъ фанатиковъ на гнуснѣйшія злодѣянія. Тамъ же соберется на дняхъ „европейскій ареопагъ“, говоря высокимъ слогомъ петербургскихъ французскихъ листковъ, для „подведенія итоговъ“ кровавымъ

событіямъ послѣднихъ двухъ лѣтъ и съ цѣлю даровать „миръ и спокойствіе“ цивилизованному міру. Невольное сближеніе событій въ Берлинѣ съ задачей имѣющаго тамъ собраться конгресса пораждастъ слухи что конгрессъ займется и вопросомъ о мѣрахъ противъ международной революціонной организаціи. Но делегаты державъ отправляются на конгрессъ съ опредѣленными инструкціями въ коихъ, какъ видно изъ вчерашняго заявленія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, содержатся оговорки чтобы конгрессъ ограничился строго предѣлами своей программы и не выходилъ изъ нея.

Въ чемъ же заключается эта программа? Много было объ этомъ слуховъ; иные, какъ на примѣръ переданныя въ газетѣ *Globe*, казалось имѣли признаки достовѣрности и имъ повѣрили даже въ дипломатическихъ сферахъ. Но оказывается что всѣ свѣдѣнія касательно содержанія англо-русскаго соглашенія были невѣрны, и это все что теперь извѣстно объ упомянутомъ соглашеніи. Сообщенія англійскихъ газетъ были не только невѣрны, но намѣренно искажены, съ цѣлю придать дѣлу окраску какая имъ желательна. Такъ газета *Globe* изложила самую существенную статью „пунктированного“ ею соглашенія въ томъ смыслѣ будто Болгарія сокращена въ своихъ границахъ до сѣвернаго склона Балканъ, всѣ же забалканскіе области ея вовсе лишаются болгарской національности и оставляются подъ турецкимъ владычествомъ съ какимъ-то безличнымъ устройствомъ на подобіе англійскихъ колоній. Все это оказывается тенденціозною выдумкой. Россія, какъ есть основаніе думать, уступила лишь въ томъ отношеніи что согласилась на раздвоеніе Болгаріи, такъ что Балканскій хребетъ составляетъ раздѣльную грань двухъ болгарскихъ областей, но съ тѣмъ, что обѣ половины получаютъ одинаковую автономію и въ обѣихъ въ равной мѣрѣ признается болгарская національность. Отъ этого требованія Россія, сколько намъ извѣстно, пока не отступила. Когда, благодаря усиліямъ Россіи, отторгнута была отъ Турціи теперешняя Румынія, слишкомъ скоро, увы, забывшая кому она обязана тѣмъ „святымъ правомъ національной самобытности“ коимъ такъ кичатся ея теперешніе политики, — она была раздѣлена Россіей также на два княжества. Молдавію и Валахію,

какъ теперь предполагается раздѣлить Болгарію.

Если таково содержаніе программы будущаго устройства Болгаріи, то нельзя не признать что для Россіи не было повода отказаться отъ попытки уладить дѣло путемъ мирнаго соглашенія. Важно то чтобы болгарскій народъ былъ освобожденъ отъ варварскаго ига и призванъ къ самобытному существованію; раздѣленіе же Болгаріи на двѣ части, устраняя возраженіе противъ „слишкомъ обширнаго славянскаго государства“ предположеннаго въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, оставляетъ открытыми всѣ возможности для Болгарскаго народа.

Но если Россія не имѣла достаточнаго побужденія воевать изъ-за предполагаемаго раздвоенія Болгаріи, то, съ другой стороны, еще менѣе, казалось бы, есть интересъ для Англіи затѣять войну изъ-за того только чтобы Болгаріи было двѣ, а не одна. И вотъ невольно рождаются сомнѣнія, въ самомъ ли дѣлѣ Англія, добившись уступки со стороны Россіи, прониклась вдругъ духомъ миролюбія о коемъ нынѣ толкуютъ англійскія газеты? Не кроется ли тутъ какая-нибудь задняя мысль! То что лордъ Беконсфильдъ рѣшился оставить свой постъ и принять личное участіе въ конгрессѣ не служитъ ли указаніемъ на то что онъ не вполне довѣряетъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу Солсбери, какъ не довѣрялъ и графу Дарби? А если онъ и теперь, послѣ состоявшагося въ главныхъ пунктахъ соглашенія, все еще боится выпустить дѣло изъ собственныхъ рукъ, то не слѣдуетъ ли заключить что не все еще приведено въ ясность, и что руководитель англійской политики еще не разыгралъ всѣхъ своихъ козырей, и можетъ-быть приберегаетъ главный изъ нихъ къ торжественному собранію готовящемуся въ Берлинѣ?

Мы не радуемся конгрессу по Восточному вопросу, не ждемъ отъ него добра для Европейскаго міра, и въ душѣ не признаемъ компетенціи его суда надъ Россіей. Но конгрессъ умѣстенъ и конгрессъ кстати для обсужденія и соглашенія въ виду общаго зла которое даетъ себя чувствовать въ Европѣ. Въмѣсто того чтобы судить Россію, лучше было бы, въ самомъ дѣлѣ, заняться на конгрессѣ вопросомъ о социализмѣ который организовался въ политическихъ промежуткахъ Европы и слу-

жить готовымъ орудіемъ чтобы колебать основы государствъ и вносить разстройство и смуту въ нѣдра общества. Нельзя не пожелать чтобы формальныя затрудненія къ поднятію этого вопроса на конгрессѣ были устранены, и чтобы стало возможно международное соглашеніе для борьбы противъ язвы имѣющей несомнѣнно общеевропейскій характеръ. Вполнѣ успѣшная борьба тутъ только и возможна если *всѣ* правительства цивилизованнаго міра согласятся соединить свои усилія. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду что въ Европѣ имѣются привилегированные притоны соціальной пропаганды, гдѣ дается ей пріютъ и гарантія безнаказанности, подъ предлогомъ „свободы“ господствующей въ тѣхъ странахъ. Но между свободой *личности*, составляющею политическій догматъ нашего времени и *властію* революціонной организаціи надъ своими членами нѣтъ ничего общаго. Государство и международный союзъ государствъ не могутъ взирать сложа руки на расширеніе организаціи которая завѣдомо и *всѣми средствами* стремится подорвать основы государства. Революціонная организація, какъ общественная сила, часто служитъ слѣпымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, и особенно на англійской почвѣ революціонеры всѣхъ странъ всегда находили себѣ убѣжище.

Не пора ли убѣдиться что политическая свобода не можетъ и не должна служить прикрытіемъ для „политическаго разбоя“, и что позорно потворствовать ему и пользоваться имъ для какихъ бы то ни было цѣлей.

№ 136.

Москва, 29-го мая.

Наконецъ, почти наканунѣ конгресса, мы узнаемъ о немъ кое-что болѣе положительное чѣмъ всѣ носившіеся въ послѣднее время слухи, но и это кое-что не много подвигаетъ насъ впередъ. Мы по крайней мѣрѣ знаемъ теперь чего стоили всѣ тѣ извѣстія, въ конхъ по пунктамъ перечислялись условія соглашенія будто бы состоявшагося между Англіей и Россіей. Маркизь Солсбери, въ отвѣтъ на запросъ лорда Грея, объявилъ что извѣстія газеты *Globe*, также какъ и другія газетныя извѣстія, „отнюдь не подлинныя и не заслуживаютъ довѣрія.“

Что же касается положительныхъ свѣдѣній, то мы имѣемъ теперь формулу приглашенія на конгрессъ разосланнаго Германіей. *Австрійская Всеобщая Корреспонденція* обнародовала ноту врученную германскимъ посломъ графу Андраши, а маркизь Солсбери прочелъ въ палатѣ лордовъ совершенно тождественное приглашеніе полученное въ тотъ же самый день, 3 іюня, и Англіей. За неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, газеты ограничиваются обсужденіемъ этой формулы, и на основаніи одной строятъ столь же затѣйливыя предположенія какъ недавно по поводу увѣреній *Globe* и *Daily Telegraph*. Но въ сущности мы все-таки не знаемъ потому ли только состоялся конгрессъ что наконецъ найдена удовлетворительная для всѣхъ формула приглашенія, или же формулу потому легко было найти что предварительно состоялся, сохраняемый пока въ тайнѣ, уговоръ по существеннымъ пунктамъ спорнаго вопроса. При первомъ предположеніи, то-есть если всѣ переговоры и соглашеніе касались только формулы, то страннымъ кажется какъ это простое дѣло могло встрѣтить такія затрудненія и едва не привести къ разрыву. Второму же предположенію нѣсколько противорѣчитъ торжественная обстановка конгресса. Если все существенное уже сложено между правительствами, и остается только облечь соглашеніе въ дипломатическую форму и разработать подробности, то такое дѣло могло бы быть легко поручено специальнымъ уполномоченнымъ снабженнымъ должными инструкціями, и для этого не за чѣмъ бы связываться главнымъ министрамъ.

Но оставимъ предположенія и остановимъ вниманіе на формулѣ приглашенія. Какъ извѣстно, только Англія дѣлала въ этомъ затрудненія. Измѣнено ли приглашеніе только въ способѣ выраженія или же въ принципѣ, это трудно видѣть изъ придуманной формулы. Она гласитъ что „въслѣдствіе инициативы принятой Австро-Венгерскимъ кабинетомъ, правительство его величества императора Германскаго имѣетъ честь пригласить державы подписавшія трактаты 1856 и 1871 годовъ собраться на конгрессъ въ Берлинѣ для обсужденія постановленій прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго трактата заключеннаго между Россіей и Турціей.“ Далѣе сказано что Германское правительство „предполагаетъ что правительство“ (къ которому обращено

приглашеніе), принявъ оное, соглашается допустить свободное обсужденіе всего заключающагося въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ и готово принять участіе въ этомъ обсужденіи.“ Кромѣ того, маркизъ Солсбери прочелъ въ палатѣ и текстъ согласія даннаго Англіей на это приглашеніе, причемъ въ его депешѣ оговорено что онъ принимаетъ къ свѣдѣнію словесное сообщеніе германскаго посла что приглашеніе разослано „въ одинаковыхъ выраженіяхъ“ и къ другимъ державамъ подписавшимъ трактаты 1856 и 1871 годовъ, и въ предположеніи что и эти державы, принявъ приглашенія, приняли и условія выраженныя въ германской нотѣ.

Это-то формулу англійская печать спѣшитъ изобразить какъ главный успѣхъ достигнутый Англіей. Она толкуетъ ее какъ компромиссъ придуманный для сохраненія достоинства Россіи которая уступила де Англіи въ существенномъ пунктѣ. Россія была де избавлена отъ прямаго согласія на англійское требованіе тѣмъ что приглашеніе сдѣлано отъ имени Германіи, которая такъ сказать ручается за свободное обсужденіе всѣхъ постановленій Санъ-Стефанскаго трактата. „Рѣдко когда-либо“, восклицаетъ *Times*, „дипломатія или, вѣрнѣе, государственное искусство какой-либо страны достигало болѣе почетнаго триумфа чѣмъ тотъ который, какъ значитъ въ приглашеніяхъ на конгрессъ, окончательно достигнутъ Англіей.“

Въ чемъ же дѣло? Въ томъ что Россія, принявъ германское приглашеніе тѣмъ самымъ косвенно изъявила готовность не только допустить свободное обсужденіе всѣхъ статей Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, но и принять участіе въ обсужденіи *всѣхъ* его статей; другими словами, въ томъ что Россія согласилась представить *весь* трактатъ на разсмотрѣніе „европейскаго ареопага“, какъ съ чувствомъ торжества и счастья именуютъ конгрессъ французскіе офиціозные отъ Россіи публицисты. Вмѣстѣ съ этими публицистами торжествуетъ и англійская печать, находя, что „великій принципъ“, на которомъ стояла Англія, снова получилъ европейское утвержденіе. А „великій принципъ“ этотъ состоитъ въ томъ что Россія, хотя она и самостоятельно вела войну съ Турціей, не можетъ сама заключить миръ съ нею, и что Санъ-Стефанскій договоръ все равно что есть что нѣтъ его.

Англійская печать торжествуетъ, въ увѣренности что успѣхъ перваго требованія Англіи „дастъ презумпцію въ ея пользу въ случаѣ и другаго какого-либо пункта на которомъ она найдетъ нужнымъ настаивать.“

Другимъ предметомъ толковъ служить рѣшеніе англійскаго премьера принять вмѣстѣ съ маркизомъ Солсбери участіе въ работахъ конгресса. Предметъ этотъ былъ также затронутъ въ англійскихъ палатахъ, и вождями оппозиціи было указано на важное неудобство отсутствія изъ кабинета, который теоретически рѣшаетъ всѣ дѣла и отвѣчаетъ передъ парламентомъ въ полномъ своемъ составѣ, двухъ изъ его главнѣйшихъ членовъ. Лордъ Дарби въ февралѣ, когда былъ еще министромъ, находилъ неудобнымъ назначеніе министра иностранныхъ дѣлъ представителемъ Англіи на конгрессъ, такъ какъ ему пришлось бы руководствоваться, въ теченіе совѣщаній, инструкціями кабинета при обсужденіи коихъ онъ по неволѣ не могъ бы принимать участія. Поэтому онъ предпочиталъ назначеніе спеціальнаго делегата. Тѣмъ болѣе неудобство должно выступить когда кабинетъ долженъ будетъ руководить своими инструкціями двухъ главнѣйшихъ своихъ членовъ. Впрочемъ этого никто и предполагать не можетъ. Въ сущности, хотя это прямо не высказывается, отъѣздъ лорда Беконсфильда и лорда Солсбери будетъ означать что они вдвоемъ присвоиваютъ себѣ весь авторитетъ кабинета, который и долженъ будетъ принять отвѣтственность за всѣ ихъ дѣйствія и рѣшенія каковы бы они ни были.

Для насъ, впрочемъ, не такъ интересны соображенія и сомнѣнія англійской конституціонной практики какъ впечатлѣніе произведенное рѣшеніемъ англійскаго премьера отправиться на конгрессъ. Послѣ перваго удивленія, большая часть лондонскихъ газетъ принялись восхвалять его: онѣ ожидаютъ отъ этого важныхъ результатовъ. Но въ оппозиціонной печати слышатся и голоса сомнѣнія. „Какъ указаніе новыхъ формъ и новыхъ методовъ введенныхъ нынѣшнею администраціей“, замѣчаетъ *Daily News*, „достойно замѣчанія что мы почти ничего не знаемъ о томъ какую политику наше правительство приметъ на конгрессъ. Эта неизвѣстность дѣлаетъ назначеніе лорда Беконсфильда и лорда Солсбери тѣмъ

„болѣе знаменательнымъ. Мы можемъ конечно ошибаться, но намъ кажется оно указываетъ что какія-либо поразительныя предложенія могутъ быть сдѣланы со всею силою національнаго утвержденія какое можно предположить при подобномъ представительствѣ Англіи... Мы должны совершенно довѣриться имъ; не зная напередъ что они предложатъ и не имѣя никакой возможности вліять на ихъ дѣйствія пока они будутъ въ Берлинѣ.“

№ 137.

Москва, 30-го мая.

Среди полной неизвѣстности о томъ въ чемъ заключается опредѣленная задача конгресса имѣющаго открыться послѣзавтра, и слыша вокругъ только разныя загадочныя предположенія враждебной намъ печати, мы встрѣчаемъ одно простое, но дѣльное замѣчаніе въ *Daily News*. Наперекоръ самохвальству англійскихъ правительственныхъ органовъ, а также и скромному поддакиванію нашихъ французскихъ офицеровъ; органъ либеральной оппозиціи радуется конгрессу вовсе не потому чтобъ усматривалъ въ немъ признаніе „великаго принципа“ или торжество политики лорда Беконсфильда, а заключая что „правительство его вѣроятно убѣдилось что война будетъ пагубна и обратилось къ мирному улаженію разногласій съ Россіей.“ Конгрессъ; однако, замѣчаетъ *Daily News*, есть только средство, а не цѣль, задача же заключается въ цѣли къ которой должно вести это средство. Замѣчаніе это тѣмъ болѣе кстати что весьма многіе по видимому расположены думать что однимъ фактомъ созванія конгресса устраняются всѣ опасности столкновений, и всѣ дѣла должны быть приведены къ наилучшему разрѣшенію. *Daily News* заявляетъ что британская публика находится въ абсолютномъ невѣдѣніи о намѣреніяхъ своего правительства. Въ засѣданіи 6 іюня палаты общинъ, правительство было спрошено сообщить ли оно парламенту документы и не скажетъ ли какой политикъ будетъ слѣдовать на конгрессъ; канцлеръ казначейства отвѣчалъ что это было бы непрактично и неудобно, да и нѣтъ никакого повода сообщать о политикѣ правительства сверхъ того что уже содержится

въ обнародованныхъ документахъ, въ особенности въ циркулярѣ лорда Солсбери и въ рѣчахъ въ разное время произнесенныхъ министрами.

Но это указаніе не соответствуетъ тому чего хотѣла бы ожидать отъ конгресса *Daily News*, если онъ долженъ привести къ миру. При отсутствіи всякихъ парламентскихъ указаній на намѣренія лорда Беконсфильда, названная газета обращается къ сообщенію своего петербургскаго корреспондента, который увѣряетъ будто въ Россіи извѣстіе о намѣреніи лорда Беконсфильда явиться на конгрессъ усилило надежду на окончательное улаженіе. Лондонская газета, можетъ-быть вѣрнѣе понимающая характеръ лорда Беконсфильда, замѣчаетъ что если эта догадка о намѣреніяхъ Англійскаго правительства вѣрна, то имѣется только одинъ способъ коимъ эти намѣренія могутъ осуществиться: „Лордъ Солсбери не долженъ критиковать Санъ-Стефанскій трактатъ въ Берлинѣ такимъ образомъ какъ онъ это сдѣлалъ въ своемъ циркулярѣ, и не долженъ обнаруживать наклонность, какъ въ томъ же циркулярѣ, отказывать Россіи въ справедливомъ возмѣщеніи за жертвы принесенныя ею въ войнѣ.“

Газета *Daily News* говоритъ такимъ образомъ разумѣется не изъ желанія заступиться за Россію. Она постоянно рекомендовала своему правительству самую широкую политику на Востокѣ именно въ тѣхъ видахъ чтобъ успѣшнѣе противодѣйствовать русскому вліянію и привлечь сочувствіе христіанскихъ восточныхъ населеній на сторону Англіи. Очевидная выгода Англіи побуждаетъ де ее выступить защитницей интересовъ Греческаго племени въ Турціи, и такъ какъ лордомъ Дарби была подана мысль о приглашеніи Греціи на конгрессъ, то послѣдствіемъ возбужденныхъ тѣмъ надеждъ должно быть присоединеніе Θεσσαλίας, Эпира и Крита ко Греческому королевству. Что же касается плановъ о сокращеніи размѣровъ Болгаріи, то *Daily News* напоминаетъ что прежнія княжества Молдавія и Валахія нарочно удерживались въ раздвоеніи и слабости чтобы служить барьеромъ между Россіей и Турціей, а вмѣсто того они именно стали полемъ битвы, между тѣмъ какъ соединившись въ полунезависимую Румынію, страна эта обнаружила живое сознаніе національности и независимости. Въ этомъ

примѣръ. *Daily News* усматриваетъ весьма наглядный аргументъ въ пользу единой Болгаріи. Она указываетъ на необходимость позаботиться о Босніи и Герцеговинѣ, и настаиваетъ чтобы здѣсь, до нѣкоторой степени, были приняты во вниманіе желанія населеній. Черногорія должна имѣть независимость которую она заслужила и тотъ выходъ въ море въ которомъ она нуждается. Наконецъ, тотъ же принципъ автономіи который даетъ обезпеченіе Европѣ могъ бы также, по мнѣнію *Daily News*, быть примѣненъ и къ азіатскимъ владѣніямъ Порты; въ особенности Арменія должна быть освобождена отъ владычества пашей. Къ таинственнымъ намекамъ объ англійскомъ протекторатѣ надъ этими провинціями и надъ самимъ Турецкимъ управленіемъ, либеральная газета относится съ величайшимъ недовѣріемъ. Въмѣсто этого, она рекомендуетъ взять въ образецъ для азіатскихъ провинцій устройство Ливана, введенное тамъ Франціей и Англіей.

Все это однако, конечно, не болѣе какъ *prima desideria* либеральнаго органа, который постоянно находилъ возможность соединять доброжелательство ко всѣмъ восточнымъ населеніямъ съ заботой объ интересахъ Англіи. Мы не только до сихъ поръ не видѣли признаковъ чтобы Англійское правительство склонялось къ подобному взгляду на мирное рѣшеніе Восточной задачи, но, напротивъ, все что пишется въ другихъ англійскихъ газетахъ, склоняется къ противоположному направленію. Напримѣръ, вѣнскій корреспондентъ *Times* толкуетъ объ англійскомъ желаніи раздѣлить Болгарію на двѣ части съ разнымъ устройствомъ, и притомъ такъ чтобы въ южной части главная забота состояла въ сохраненіи авторитета Порты, ибо иначе можетъ де пожалуй современемъ повториться примѣръ Молдавіи и Валахіи, и обѣ части сольются въ одно княжество. Сама же газета занята успокоеніемъ опасеній возникшихъ въ Австріи остаться изолированной на конгрессѣ вслѣдствіе соглашенія Россіи съ Англіей. „Невозможное дѣло,“ успокоиваетъ лондонскій оракулъ, „чтобы Англія торговалась съ Россіей въ ущербъ Австріи.“ Интересы обѣихъ державъ, поясняется при этомъ, столь же различаются какъ и существенно связаны между собой. Австрія болѣе де беспокоится о европейскихъ владѣніяхъ Турціи, Англія же объ азіатскихъ. Поэтому, возмож-

но бы предположить что онѣ будутъ поддерживать взаимныя требованія и дѣйствовать дружно. Но препятствіе къ тому до сихъ поръ было де не со стороны Англіи, а въ колебаніяхъ самой Австріи, въ особенности ея придворной партіи. Теперь партія эта потерпѣла де пораженіе, и *Times* надѣется что взгляды Австріи на конгрессъ будутъ опредѣленны и тверды.

Замѣчательно какъ та же газета относится къ претензіямъ Грековъ; которымъ Англія обѣщала свое высокое покровительство. Она не желала бы оттолкнуть Грековъ которые ищутъ теперь милости у Англіи, но въ ожиданіи что греческій делегатъ, если будетъ допущенъ на конгрессъ, почти навѣрное потребуетъ присоединенія Фессаліи и Эпира къ Эллинскому королевству, *Times* замѣчаетъ что греческое племя одарено слишкомъ пылкимъ воображеніемъ и потому находитъ кстати напомнить имъ что „Англія обязалась только обезпечить жизнь и собственность эллинскихъ подданныхъ Порты и не допустить чтобы они были поглощены въ славянской національности.“ Греки хорошо сдѣлаютъ „припомнивъ что Британскому правительству придется подумать о многихъ интересахъ кромѣ интересовъ ихъ племени, и что дипломатическія улаженія, если они не простое признаніе результатовъ достигнутыхъ войной,“ бываютъ обыкновенно „компромиссами.“

Большинство остальной англійской печати еще рѣзче увѣряютъ что вся задача конгресса будетъ состоять въ урѣзкѣ и измѣненіи Санъ-Стефанскаго договора.

Вотъ сужденія по которымъ пока остается судить о намѣреніяхъ Англійскаго правительства наканунѣ собранія конгресса выставляемаго какъ торжество англійской политики.

Между тѣмъ, изъ Берлина намъ сообщаютъ по телеграфу интересныя свѣдѣнія о помѣщеніи устроенномъ для занятій конгресса. Зала засѣданій устроена со вкусомъ; есть отдѣльныя комнаты для уединенныхъ бесѣдъ делегатовъ чтобы имъ удобнѣе было сговариваться порознь; есть буфетъ и садъ для прогулокъ. Всѣ условія для успѣшныхъ занятій соединены какъ нельзя лучше.

№ 138.

Москва, 31-го мая.

Вмѣстѣ съ описаніями внѣшней обстановки конгресса и цвѣта обоевъ и мебели той залы гдѣ будетъ засѣдать „европейскій ареопагъ“, нѣтъ недостатка и въ громкихъ словахъ коими привѣтствуется это „небывалое со временъ Вѣнскаго конгресса“ собраніе именитѣйшихъ государственныхъ людей Европы. Такимъ языкомъ въ особенности отличаются берлинскія газеты, которыя, несмотря на тяжелое испытаніе постигшее Германію и на возбужденіе господствующее въ Берлинѣ послѣ втораго покушенія, искренно стараются исполнить долгъ гостепріимства и достойнымъ образомъ встрѣтить представителей державъ съѣзжающихъ въ столицу Германской имперіи. Но въ этихъ фразахъ ничего инаго кромѣ долга вѣжливости искать не слѣдуетъ. „Дѣловыя“ же сообщенія тѣхъ же газетъ по поводу конгресса доказываютъ что никто не обольщаетъ себя насчетъ его результатовъ, и никому не приходитъ въ голову что съ собраніемъ конгресса кризисъ устраненъ и остается лишь облечь торжественнымъ документомъ возобладавшій въ Европѣ духъ мира и единенія.

Особенное вниманіе обращаютъ берлинскія газеты на рѣчь произнесенную во Французской Палатѣ Депутатовъ 7 іюня министромъ иностранныхъ дѣлъ г. Ваддингтономъ, въ отвѣтъ на спросъ депутата Реньйо о политикѣ правительства по восточнымъ дѣламъ. Французское правительство нѣсколько вышло въ этомъ случаѣ изъ своей обычной сдержанности по вопросамъ иностранной политики, и въ первый разъ публично высказало свой взглядъ на задачи предстоящаго конгресса. Берлинскія газеты придаютъ рѣчи г. Ваддингтона тѣмъ большее значеніе что усматриваютъ въ ней указаніе на предварительное соглашеніе съ Англіей. Французскій министръ заявилъ что Франція согласилась на конгрессъ съ оговоркой что вопросы о Египтѣ, Ливанѣ и Святыхъ Мѣстахъ будутъ исключены изъ обсужденій конгресса. Англія, по мнѣнію *Національной Газеты*, не имѣетъ повода возразить что-либо противъ такого ограниченія программы, въ виду того что она себя достаточно обезпечила со стороны Египта и не боится тамъ конкуренціи Франціи. Другое же мѣсто въ заявленіи

г. Ваддингтона, гдѣ онъ говоритъ что „вѣроятно не забудутъ что на Балканскомъ полуостровѣ есть и другіе хрістіане кромѣ Болгаръ“, ясно де указываетъ на то что Франція будетъ дѣйствовать на конгрессѣ заодно съ Англіей въ отношеніи къ „греческому вопросу“, такъ какъ англійскіе министры уже высказались въ парламентѣ о намѣреніи Англіи настаивать предъ конгрессомъ чтобъ интересы греческой національности были приняты во вниманіе. Изъ этого совпаденія официальныхъ заявленій французскаго и англійскаго министровъ названная берлинская газета дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ, а именно что соглашеніе между Франціей и Англіей направлено не къ сохраненію турецкаго владычества, а напротивъ къ дѣлежу турецкаго наслѣдства. Этимъ и объясняются де возмѣщаемые изъ Константинополя постоянные перевороты въ личномъ составѣ Турецкаго правительства, смѣняющіе одинъ другой съ конвульсивною быстротой. Турки чувствуютъ что для нихъ пробилъ послѣдній часъ, и нѣтъ де сомнѣнія что представители ихъ на конгрессѣ будутъ всячески клонить дѣло къ тому чтобы довести его до европейской войны.

Какъ мало искренности во всѣхъ этихъ комбинаціяхъ! Подумаешь что Россія была о томъ что на Балканскомъ полуостровѣ есть и другіе хрістіане кромѣ Болгаръ, что для этого нужно было напоминаніе г. Ваддингтона, и что лишь путемъ какого-то тайнаго соглашенія между имъ и графомъ Беконсфилдомъ будетъ возможно удовлетворить законныя притязанія населенія тѣхъ частей Турціи коихъ не коснулся Санъ-Стефанскій договоръ. Не вѣрнѣе ли будетъ сказать что англійская дипломатія намѣренно выставляетъ дѣло въ такомъ свѣтѣ будто бы Грекамъ только и осталось что „броситься въ объятія“ западныхъ державъ дабы тѣмъ вѣрнѣе найти опору на самомъ Балканскомъ полуостровѣ для противодѣйствія освободительному призыву Россіи, которое въ одинаковой мѣрѣ распространяется на всѣхъ Восточныхъ хрістіанъ. Увы! нельзя отрицать того что многіе изъ Грековъ поддаются, по искреннему ли заблужденію или изъ иныхъ видовъ, этимъ англійскимъ обольщеніямъ. Они не умѣютъ или не хотятъ сообразить того что Англія отнюдь не можетъ благопріятствовать именно греческимъ національнымъ стремленіямъ Греки, до-

стигнувъ преобладанія въ восточной части Средиземнаго Моря, были бы слишкомъ опасными конкуррентами Англіи въ торговомъ и морскомъ дѣлѣ... Англичане будутъ потворствовать Грекамъ на сколько это можетъ обратиться во вредъ Болгарамъ, но никакъ не въ пользу Грекамъ. Какъ бы и мы не показали нашей заботливости о Грекахъ, уступками въ ущербъ Болгарамъ населяющимъ Македонію, за которыхъ Русскій народъ такъ обильно проливалъ свою кровь...

Но въ то время какъ Англія и Франція, по свидѣтельству министра Ваддингтона, „почти не сомнѣваются“ въ благопріятномъ исходѣ конгресса, въ Австріи, напротивъ, какъ бы не на шутку готовятся обнажить мечъ. Вѣнскіе порицатели графа Андраши, проповѣдывавшіе что теперь уже не время выступить активно въ защиту австрійскихъ интересовъ, умолкли совсѣмъ. Венгерскіе же политики опять на первомъ планѣ и даютъ тонъ идущимъ изъ монархіи Габсбурговъ манифестаціямъ. Графъ Андраши заявилъ въ засѣданіи пештской палаты депутатовъ 2 іюня что Союзъ Трехъ Императоровъ (какой это союзъ!) болѣе не существуетъ. Такъ по крайней мѣрѣ толкуютъ не только въ Пештѣ, но и въ Вѣнѣ отвѣтъ данный имъ по заявленію графа Аппоньи, который съ особенною настойчивостью утверждалъ что упомянутый союзъ „разорванъ“ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, и что нынѣ руки Австро-Венгрии совершенно развязаны. Графъ Андраши воздалъ хвалу заслугамъ союза въ прошедшемъ, „когда вся забота была сосредоточена на сохраненіи мира.“ „Теперь же,“ продолжалъ австрійскій канцлеръ, „соглашеніе различныхъ интересовъ есть задача конгресса,“ изъ чего де слѣдуетъ что задача союза кончилась.

Сознаніе того что въ Турціи дѣло близится къ окончательной катастрофѣ, и что не можетъ быть рѣчи о возстановленіи позорнаго турецкаго владычества, господствуетъ теперь и въ австрійскихъ политическихъ сферахъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ „хорошо свѣдущія“ корреспонденціи изъ Вѣны и Пешта. Но между тѣмъ какъ Англія, подъ вліяніемъ этого сознанія, идетъ, или показываетъ что идетъ, на мирное соглашеніе и будто бы имѣетъ въ виду доставить и остальнымъ христіанамъ Балканскаго полуострова ихъ законную долю въ турецкомъ наслѣдіи,

Австрія, если вѣрить тѣмъ же корреспонденціямъ, почерпаетъ въ этомъ положеніи вещи лишь рѣшимость, которой ей прежде не доставало, взять въ свои руки дѣло переустройства Балканскаго полуострова, то есть присоединить, помимо соглашенія съ Россіей, то что она считаетъ нужнымъ пріобрѣсти для себя, а съ другой стороны не дозволить Сербамъ и Черногорцамъ осуществитъ выговоренныя для нихъ приращенія. Въ этомъ смыслѣ толкуется уже совершившееся занятіе австрійскими войсками турецкой крѣпости Ада-Кале. Сверхъ того, въ одну берлинскую газету телеграфируютъ изъ Вѣны что графъ Андраши имѣетъ въ виду приготовить другой совершившійся „фактъ“ для конгресса чрезъ занятіе крѣпости Антивари. Если Черногорцы не пожелаютъ добровольно пустить туда австрійскихъ войскъ, то Австрія не остановится де и предъ бомбардированіемъ.

Конгрессъ соберется завтра. Однако до сихъ поръ не слышно чтобы возвыщенный „фактъ“ дѣйствительно совершился. Не такую ли цѣну имѣютъ и прочія австро-мадьярскія родомонтады?

№ 139.

Москва, 1-го іюня.

Сегодня наконецъ открылись засѣданія „европейскаго ареопага.“ Представители Европы (мы полагаемъ что кромѣ великихъ интересовъ Европы не будетъ еще никакихъ мелочныхъ, terre-à-terre интересовъ отдѣльныхъ державъ) сѣли за подковообразный столъ, въ изукрашенной залѣ канцлерскаго дворца въ Берлинѣ. Что-то будетъ? Миръ или войну даруетъ намъ это верховное судилище царей и царствъ? Мы собирались было радоваться; но вотъ намъ попался на глаза французскій офиціозный листокъ г. Поггенполя, именуемый *Agence Générale Russe*. Правда, онъ не находитъ словъ чтобы выразить величіе событія; „давно уже,“ восклицаетъ онъ, „Европа не находилась въ моментѣ столь торжественномъ какъ настоящий: первые министры всѣхъ великихъ державъ съ двумя канцлерами Россіи и Германіи во главѣ, также какъ шефы кабинетовъ Великобританіи, Австро-Венгрии и Италіи соберутся не только затѣмъ чтобы дать европейское освященіе окончательному

„мирному трактату между Россіей и Турціей, но еще и главнымъ образомъ за-тѣмъ, чтобъ установить условія новаго „порядка вещей на Востокѣ...“ Знаменитое собраніе состоящее, съ одной стороны, изъ первыхъ министровъ всѣхъ великихъ державъ съ двумя канцлерами во главѣ, а съ другой изъ шефовъ кабинетовъ Великобританіи, Австро-Венгрии и Италіи (мы не знали что г. Каироли тоже находится въ Берлинѣ)! Все это очень величественно; но бѣдный офиціозный листокъ вскорѣ падаетъ съ высоты своего полета. Онъ затрудняется рѣшить чѣмъ наконецъ будетъ Берлинскій конгрессъ, — будетъ ли онъ „самымъ важнымъ, самымъ полезнымъ, самымъ спасительнымъ дѣломъ нашего времени, или смѣшною и „безполезною замазкой.“ По мнѣнію листка, не Россія будетъ виновна если онъ окончится смѣшнымъ и безполезнымъ результатомъ, ибо „она сдѣлала все, все, „абсолютно все, своими совѣтами, своею „кровью, своими деньгами, своими переговорами, чтобъ обезпечить результаты „практическіе, серіозные и прочные.“ Услужливый писатель не замѣчаетъ что слова его дерутся между собою. Героизмъ русской арміи, жертвы принесенныя Россіей, кровь ею пролитая, и переговоры которые увѣнчиваются теперь конгрессомъ, — увы, это не одно и то же; это разнится между собою немного болѣе чѣмъ первые министры великихъ державъ и главы ихъ кабинетовъ. Итъ, не для Европы и *ses grands intérêts*, какъ самоотверженно проливалъ свою кровь Русскій народъ, а за русское святое дѣло, за освобожденіе братьевъ на Востокѣ, которые благодаря „великимъ европейскимъ интересамъ“ находились въ состояніи гнуснѣйшаго порабожденія... А переговоры, по свидѣтельству самихъ же нашихъ офиціозныхъ органовъ, имѣли въ виду удовлетворить именно эти „великіе интересы Европы,“ главнымъ образомъ представляемые шефами кабинетовъ, Беконсфильдомъ и Андраши.

Но вопросъ занимающій всѣхъ состоитъ не въ томъ, важный или смѣшной результатъ произойдетъ изъ конгресса; всѣхъ занимаетъ вопросъ, войною ли онъ кончится или миромъ. Вотъ уже нѣсколько недѣль только и рѣчи было о томъ что между Англіей и Россіей состоялось какое-то соглашеніе, хранимое въ строгой тайнѣ. Стало-быть, надо полагать, эти двѣ

стороны на конгрессѣ уже не скажутъ другъ другу ничего новаго. Надо полагать что между англійскими и русскими уполномоченными, если не все рѣшено, то обо всемъ переговорено и все должнымъ образомъ взвѣшено. Съ нѣкоторыхъ поръ, дѣйствительно, притихло бряцаніе оружіемъ за Ламаншскимъ каналомъ, и телеграфъ пересталъ пугать насъ извѣстіями объ индійскихъ войскахъ и о резервахъ Соединеннаго Королевства. Самое собраніе конгресса было достигнуто посредствомъ частнаго улаженія съ Англіей, которое потребовало хлопотливыхъ поѣздокъ нашего лондонскаго посла. За то можно ожидать на конгрессѣ „неожиданностей“ со стороны Австро-Венгрии. Съ нею, сколько извѣстно, нѣтъ у насъ теперь никакого уговора. Тройной Союзъ, который былъ только дипломатическою фикціей; теперь и въ этомъ смыслѣ уже не существуетъ, чему конечно нельзя не порадоваться, ибо воображаемая величина не дѣлаетъ насъ ни богаче ни сильнѣе, а только портитъ наши счета. Вотъ съ этой стороны на горизонтѣ конгресса виднѣется теперь черная точка...

Сегодняшнія телеграммы изъ константинопольскихъ источниковъ намекаютъ довольно положительно о приготовленіяхъ русской арміи отодвинуться къ Адрианополю. Если такимъ образомъ является возможность оставить Санъ-Стефано и берега Босфора, несмотря на присутствіе англійскаго флота въ Мраморномъ Морѣ и ежедневно возрастающія укрѣпленія Турокъ, то единственный выводъ который можно сдѣлать отсюда будетъ тотъ что съ Англіей мы на чемъ-то, хорошо ли дурно ли, поладили.

Между тѣмъ и Порты, говорятъ, уже соглашается очиснить Шумлу, такъ какъ Англія повидимому уже окончательно согласилась на существованіе до-Балканской Болгаріи. Въ то же время часть нашей арміи, стоящая въ Румыніи, подвигается къ сѣверу на Питешти, то-есть къ границамъ Трансильваніи, какъ сообщала вчера *Политическая Корреспонденція*. Съ другой стороны, изъ Вѣны идутъ настойчивые слухи о мобилизаціи австрійской арміи и сосредоточеніи войскъ также въ Трансильваніи. Слухи эти, лишь весьма неувѣренно опровергаемые нѣкоторыми вѣнскими офиціозными органами, согласуются съ весьма недвусмысленными заявленіями графа Андраши въ делегаціяхъ.

Впрочемъ, войнѣ ли быть, или миру, или „косненію въ болотѣ“, это будетъ зависѣть отъ того что въ настоящую минуту понадобится политикѣ предсѣдателя конгресса...

Что касается нашего соглашенія съ Англіей, то если въ немъ осталось хотя что-нибудь не совсѣмъ невыгодное для Россіи, то можно имѣть увѣренность что Англія не замедлитъ воспользоваться всякимъ случаемъ чтобы стать противъ Россіи. Союзникомъ нашимъ на Востокѣ Англія не будетъ...

№ 140.

Москва, 2-го іюня.

Конгрессъ открылся, но результаты его совѣщаній будутъ вѣроятно до конца храниться въ тайнѣ; да и о самомъ направленіи принятомъ его занятіями нельзя тотчасъ же ожидать свѣдѣній. Первое засѣданіе было посвящено формальностямъ, а первое дѣловое засѣданіе будетъ не ранее понедѣльника. Большой промежутокъ объясняется тѣмъ что имѣется въ виду „подготовить“ успѣшный ходъ занятій конгресса посредствомъ предварительныхъ объясненій между уполномоченными. Такие закулисные переговоры уже и начались: графъ Андраши совѣщался до поздняго часа ночи съ графомъ Шуваловымъ, а на другой день въ теченіе утра графъ Андраши имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ лордомъ Беконсфилдомъ, который толкуетъ о чемъ-то съ своимъ товарищемъ лордомъ Солсбери у себя на квартирѣ; потомъ графъ Шуваловъ имѣлъ еще продолжительное совѣщаніе съ лордомъ Солсбери и еще съ кѣмъ-то.

Такого рода извѣстія конечно не могутъ представлять интереса. Они только подтверждаютъ что если эти отдѣльные переговоры оказались такъ необходимыми, то значить предварительныя соглашенія между главными заинтересованными державами, которыя должны были такъ облегчить собраніе конгресса, были не многоплодны.

Тѣмъ съ большою осторожностью слѣдуетъ относиться къ тѣмъ извѣстіямъ которыми и теперь хотятъ готовить публику къ характеру работъ конгресса. То разказываетъ что лордъ Беконсфилдъ на будущей же недѣлѣ уѣдетъ въ Лондонъ,

что вмѣстѣ съ нимъ предполагаетъ уѣхать изъ Берлина и князь Бисмаркъ, такъ какъ къ тому времени ожидается разрѣшеніе самыхъ существенныхъ затрудненій.

Указываютъ вновь на извѣстныя уже намъ претензіи Австріи. Чтобы положить разъ навсегда конецъ невыносимому порядку вещей вслѣдствіе существованія на ея границахъ Сербіи и Черногоріи (какъ это напоминаетъ басню о волкѣ и ягненкѣ!), Австро-Венгрія намѣрена потребовать чтобы оба княжества были признаны подлежащими ея власти, и такую программу будто бы ставить она условіемъ *sine qua non*. Наконецъ, всего страннѣе извѣстіе будто одною изъ первыхъ задачъ къ рѣшенію коихъ приступить конгрессъ будетъ выработка военного компромисса и установленіе нейтральнаго пояса вокругъ Константинополя; что очевидно не можетъ входить въ компетенцію конгресса; и если это не могло до сихъ поръ состояться между заинтересованными сторонами, то всего менѣе могутъ онѣ поручить столь щекотливое дѣло постороннимъ, и притомъ прежде чѣмъ будетъ приступлено къ рѣшенію затрудненій давшихъ поводъ къ конгрессу. Такой приступъ скорѣе всего свидѣтельствовалъ бы о недовѣріи къ мирному результату совѣщаній на конгрессѣ.

Мѣра эта была бы крайне опасна въ виду положенія дѣлъ въ Константинополѣ. Въ самихъ же англійскихъ газетахъ то и дѣло сообщаются намеки и указанія что въ Константинополѣ положеніе весьма ненадежно. Правда, толки эти довольно подозрительны. Мотивы неудачнаго покушенія Али-Суави до сихъ поръ не совсѣмъ разъяснены. Такъ какъ оно усилило подозрительность султана и повело къ новымъ перемѣнамъ въ высшихъ сферахъ турецкой администраціи, то именно это обстоятельство и возбудило неудовольствіе англійской печати, и она съ тѣхъ поръ гремятъ о своеволии и причудахъ султана Абдуль-Гамида, о *недовольствѣ* его правленіемъ, — словомъ повторяется то самое что твердилось предъ насильственнымъ низложеніемъ злополучнаго Абдуль-Азиса.

Досаду лондонской печати возбудила въ особенности попытка Порты арестовать англійскаго подданнаго, издателя газеты *Levant-Herald*, запрещенной за помѣщеніе письма въ которомъ нынѣшній султанъ былъ названъ похитителемъ престола. Арестъ англійскаго подданнаго для преда-

нія его военному суду, какъ требовала Порта, конечно не былъ допущенъ. Но *Daily News* весьма основательно замѣчаетъ, что самый этотъ случай есть лишь одинъ изъ злополучныхъ результатовъ дурной политики которой долгое время слѣдовала Англія, какъ подъ либеральными такъ и подъ консервативными правительствами. Основнымъ принципомъ этой политики было то что Оттоманская имперія въ Европѣ необходима для интересовъ Англіи, а потому и надо ее поддерживать. Вотъ одинъ изъ тѣхъ *grands intérêts de l'Europe*, за которые съ такимъ увлеченіемъ ратуютъ наши франко-русские публицисты, повторяя чужія слова. Но поддерживая турецкое управленіе надъ подданными султана, Англія конечно не считала возможнымъ подчинить тому же управленію Англичанъ живущихъ въ Турціи, и отсюда возникла система огражденія ихъ особыми капитуляціями, что было сдѣлано и другими правительствами относительно ихъ подданныхъ. Попытка привлечь издателя *Levant-Herald*, англійскаго подданнаго, къ турецкому военному суду была конечно нарушеніемъ этихъ капитуляцій, но, по замѣчанію *Daily News*, это не представляетъ ничего особенно удивительнаго, такъ какъ „вся система англійской политики въ отношеніи къ Турціи какъ бы специально придумана затѣмъ чтобы пораждать смѣшеніе юрисдикціи и власти.“

Пока мы знаемъ положительнаго о первомъ засѣданіи конгресса только то что оно началось выраженіемъ благожеланія императору Германскому чтобъ онъ благополучно оправился отъ послѣдствій ранъ нанесенныхъ ему злодѣйскою рукой. На парадномъ обѣдѣ въ залѣ Королевскаго дворца, данномъ для уполномоченныхъ конгресса, наслѣднй принцъ, заступающій временно мѣсто своего августѣйшаго отца, отблагодарилъ представителей европейскихъ кабинетовъ за этотъ знакъ ихъ сочувствія.

Ничего не могло быть болѣе естественнымъ какъ эти заявленія сочувствія въ виду опасности постигшей маститаго императора. Они были лишь отголоскомъ всеобщаго негодованія на злодѣйское покушеніе. Однако, любопытно какъ относится англійская печать къ послѣдствіямъ этого покушенія во внутренней политикѣ Германской имперіи, и въ особенности къ распущенію Рейхстага? Сначала почти всѣ

англійскія газеты не хотѣли почему-то вѣрить чтобы новое покушеніе было дѣломъ социалиста. Онѣ и теперь еще сомнѣваются чтобы покушеніе Нобилинга было дѣломъ заговора, и рѣшительно издѣваются надъ строгими мѣрами которыя Германское правительство намѣрено принять противъ социалистовъ. Англійская печать стоитъ на томъ что хотя социалистская агитація сопряжена съ серьезными опасностями, но строгія мѣры противъ нея не помогутъ, ибо онѣ не касаются причинъ движенія, а главнѣйшая де изъ нихъ есть германская военная система, то-есть всеобщая воинская повинность, нынѣ принятая всѣми странами за исключеніемъ Англіи, будто бы повергающая массу народа въ крайнюю бѣдность. Британскій камешекъ въ чужой огородъ изобличающій давнее недовольство Англичанъ на систему при которой ихъ наемныя войска утратили всякое значеніе! Въ Пруссіи эта система существуетъ полвѣка, и не породила въ ней бѣдности болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ. А въ Англіи, безъ всеобщей воинской повинности, развѣ народныя массы обладаютъ богатствами?...

№ 141.

Москва, 3-го Іюня.

Интересно слѣдить за тѣмъ что происходитъ нынѣ въ Германіи. Когда прошло первое впечатлѣніе ужаса и оцѣпенѣнія причиненное выстрѣлами Нобилинга, для всѣхъ стало ясно что предстоитъ дѣйствовать. Всѣ увидѣли что дѣло идетъ не о потерянныхъ и доведенныхъ фальшивыми ученіями до безумія отдѣльных личностяхъ, а о замыслѣ широко развѣтвленномъ, имѣющемъ множество сообщниковъ и составляющемъ лишь прямое и логическое послѣдствіе пропаганды которая въ послѣднія двадцать лѣтъ велась открыто на глазахъ государственной власти. Прикрываясь фальшиво-понятою доктриной либерализма, эта пропаганда не только воевала безнаказанно противъ государства, но и пользовалась для своихъ цѣлей тѣми усовершенствованными способами общенія коими современное государство снабжаетъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Свобода, сходокъ и публичнаго слова *de jure* ограждалась органами власти для социаль-демо-

кратовъ; полиція наблюдала за порядкомъ на ихъ сходкахъ, желѣзныя дороги служили имъ удобнымъ средствомъ для сосредоточенія въ данномъ мѣстѣ многихъ тысячъ единомышленниковъ; почты были къ ихъ услугамъ для распространенія безчисленныхъ газетныхъ листковъ и брошюръ; а телеграфъ для быстрой передачи приказовъ и распоряженій главныхъ квартиръ социализма. Было время (лѣтъ 15 тому назадъ) когда самъ Бисмаркъ и тогдашніе его союзники, прусскіе феодалы, „любезничали“ съ вожаками социализма и давали имъ поводъ разчитывать на прямую поддержку со стороны государства ихъ „экономическимъ“ стремленіямъ. И вотъ теперь оказались плоды этого всеобщаго ослѣпленія. Покушенія Гёделя и Нобилинга заставили встрепетнуть усипленное общество. Каждый день нѣмецкія газеты приносятъ извѣстія изъ всѣхъ странъ Германіи до послѣднихъ ея закоулковъ, свидѣтельствующія о томъ что преступленіе царевубійства было сопровождено не одними изъявленіями негодованія: то тамъ, то здѣсь находились личности которыя въ это возбужденное время имѣли дерзость открыто высказывать сочувствіе царевубійцамъ, а тамъ гдѣ нѣмецкіе социаль-демократы сознавали свою безнаказанность, въ Лондонѣ, ими устроена была многолюдная демонстрація изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ которые шумными возгласами и уличнымъ побоищемъ заявили наслѣднику Германскаго престола что „Гёдель не одинъ“, какъ думалъ императоръ Вильгельмъ послѣ перваго покушенія. Докторство Нобилинга доказало затѣмъ что не одни невѣжественныя массы фабричнаго пролетаріата проникнуты ядомъ разрушительной пропаганды. Оказывается что и въ Германіи преступное ученіе стараются проникнуть даже въ среду учащихся. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *National - Zeitung* мы нашли сопоставленными извѣстія изъ четырехъ мѣстъ, изъ Потсдама, Бреславля, Франкфурта-на-Майнѣ и Познани, въ коихъ сообщается о гимназистахъ выражавшихъ сочувствіе покушенію. Важно однако то что ученики эти были выданы начальству ихъ собственными товарищами и исключены; только въ познанской гимназіи революціонная пропаганда оказалась пустившею болѣе глубокіе корни. Когда директоръ заведенія обратился къ ученикамъ съ рѣ-

чью въ которой высказалъ негодованіе по поводу покушенія Нобилинга и въ заключеніе пригласилъ учениковъ подняться съ мѣстъ и прокричать *hoch* императору, нѣкоторые изъ нихъ продолжали сидѣть. Когда ихъ спросили о причинѣ такого поведенія, они отвѣчали что „ихъ“ социалистическія убѣжденія не позволяютъ имъ принять участіе въ оваціи.“

Германское правительство рѣшилось теперь дѣйствовать энергически. Первымъ дѣйствіемъ князя Бисмарка по возвращеніи въ Берлинъ было предложеніе Союзному Совѣту о распусненіи Рейхстага. Поводомъ къ тому выставлено то что Рейхстагъ отвергъ, въ своемъ голосованіи отъ 24-го мая, законопроектъ о социалистахъ внесенный правительствомъ послѣ покушенія Гёделя и, какъ сказано въ предложеніи, правительство не думаетъ чтобы Рейхстагъ въ теперешнемъ его составѣ далъ и теперь необходимыя для борьбы средства. Этому предложенію придаетъ вѣсь пояснительная статья въ *Провинциальной Корреспонденціи*, откуда мы выписываемъ слѣдующую характеристику социаль-демократическаго ученія:

„Слѣдствіе уже до сихъ поръ выяснило что нравственная атмосфера которою дышалъ преступникъ“ (Нобилингъ), „въ которой созрѣлъ его замыселъ, было социаль-демократическое ученіе. Въ чемъ состоитъ это ученіе? Въ томъ что человѣкъ, будучи продуктомъ исключительно материальныхъ силъ, долженъ служить только материальнымъ цѣлямъ; что все назначеніе человѣчества заключается въ разныхъ для всѣхъ чувственныхъ наслажденійхъ, что тысячелѣтніе плоды умственного труда суть не что иное какъ обманъ направленный къ тому чтобъ обуздать большинство человѣчества и оторвать его отъ чувственного наслажденія жизнью; что для доставленія однимъ вѣдомъ нуждающейся части человѣчества всѣхъ благъ жизни ничего болѣе не нужно кромѣ насилія. Ученіе это отнюдь не есть плодъ тяжкихъ страданій выпадающихъ по временамъ на долю рабочихъ классовъ вслѣдствіе колебаній въ народномъ производствѣ; нѣтъ, оно внесено въ среду рабочихъ и распространялось между ними въ теченіе многихъ лѣтъ агитаціей пришедшею извнѣ, агитаціей внушенною не *сочувствіемъ* ко страдающимъ, а *ненавистью* къ имущимъ и къ

„исторически сложившемуся государству. Оно получило неограниченное распространение среди невежественной массы, ибо оно льстит дикимъ инстинктамъ грубой силы и обманчивымъ измышлениямъ умственного убожества. Къ нему пристають всѣ озлобленные и испорченные элементы населенія, ибо оно указываетъ имъ на возможность добиться когда-либо осуществленія ихъ разрушительныхъ стремленій.“

„Напрасно утверждаютъ что социальная демократія не имѣетъ надобности прибѣгать къ царубійству, такъ какъ оно не ведетъ къ цѣли влѣдствіе замѣны убійтаго его преемникомъ. Отговорка эта напрасна по двумъ причинамъ: во-первыхъ, ненависть разжигаемая до крайности дѣйствуетъ уже не для обдуманныхъ цѣлей, а по необузданнымъ инстинктамъ. Во-вторыхъ, безцѣльное съ виду покушеніе можетъ имѣть ужасающія послѣдствія, которыя если и скрыты отъ самихъ преступниковъ, то предусматриваются тѣми кто ими руководить и ихъ готовятъ. Цѣль ихъ заключается въ томъ чтобы внести смуту и потрясеніе въ общество, поколебать его въ самыхъ основахъ и довести его до состоянія беззащитности разрушеніемъ внутренняго огражденія въ совѣсти и внѣшняго въ законѣ.“

Новые выборы въ Рейхстагъ имѣютъ быть назначены не позже шестидесяти дней послѣ распущенія (уже принятаго Союзнымъ Совѣтомъ). Князь Бисмаркъ, повидимому, не боится того политическаго броженія и усиленной агитаціи которыми всегда сопровождаются выборы, особенно при системѣ всеобщей подачи голосовъ принятой, по его же мысли, для Германской имперіи. А между тѣмъ, до сихъ поръ выборы въ имперскій парламентъ были самымъ благопріятнымъ моментомъ для социальной пропаганды, что доказывается постоянно возрастающимъ числомъ депутатовъ изъ этой партіи. Въ прошедшемъ году, когда былъ избранъ нынѣ распущенный парламентъ, партія эта показала особенную силу и успѣла отрядить не менѣе пятнадцати представителей въ законодательное собраніе имперіи, причемъ столица ея, Берлинъ, избрала пятерыхъ социалистовъ.

Національ-либералы въ особенности чувствуютъ себя обиженными энергическою мѣрой князя Бисмарка. Они отказываются

понимать ее, такъ какъ послѣ покушенія Нобилинга не было недостатка въ заявленіяхъ съ ихъ стороны не только чрезъ газеты, но и чрезъ подписанныя нѣкоторыми изъ нихъ и обнародованныя декларации о томъ что „завѣса спала съ глазъ большинства Рейхстага,“ и что еслибы правительство обратилось теперь къ нему за чрезвычайными полномочіями, то таковыми были бы даны въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нѣкоторые органы этой партіи высказывались прямо за немедленное объявленіе осаднаго положенія, то есть за приостановленіе дѣйствія конституціи.

Каковы бы ни были виды князя Бисмарка, который не обратилъ вниманія на эти „авансы“ національ-либераловъ, нужно отдать послѣднимъ справедливость что они дѣйствительно отбросили свою рутинную доктрину и можетъ-быть впервые въ Европѣ посмотрѣли опасности прямо въ глаза. *Національная Газета* проповѣдуетъ теперь солидарное дѣйствіе всѣхъ политическихъ партій противъ „секты разрушителей,“ не имѣющей отечества, а потому лишенной правъ партій въ государственномъ смыслѣ. Въ *Кельнской Газетѣ* печатается рядъ статей подъ заглавіемъ *Война объявлена*, въ которыхъ доказывается что мнѣніе о томъ будто бы противъ всякаго ученія, какъ бы зловредно оно ни было, возможно бороться лишь духовными средствами, есть ошибочное и вредное мнѣніе по отношенію къ пропагандѣ, могущество которой коренится не въ убѣдительности ея теоретическихъ доводовъ, а въ тѣхъ внѣшнихъ средствахъ организаціи и пропаганды коими сумѣла воспользоваться эта секта благодаря бездѣйствію и потворству со стороны государства. *Кельнская Газета* напоминаетъ что въ былыя времена, и уже послѣ 1848 года, правительствамъ удавалось побороть пропаганду иныхъ, менѣе вредныхъ, но имъ непріязненныхъ ученій, а нынѣ правительство тѣмъ болѣе можетъ прибѣгнуть къ такого же рода репрессивнымъ мѣрамъ противъ социально-демократическихъ ученій что въ этомъ случаѣ оно можетъ разчитывать на полное сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ благомыслящихъ людей.

№ 143.

Москва, 6-го июня.

Англійская печать смѣется надъ мѣрами которыя Германское правительство готовится принять противъ социалистскихъ агитацій, и предсказываетъ что эти мѣры не будутъ имѣть успѣха, а что касается слуха о предположеніи чтобы всѣмъ правительствамъ сообща принять мѣры противъ революціонной пропаганды, то англійскія газеты рѣшительно объявляютъ что Англія никогда и ни за что не приметъ въ томъ участія. Неудача же репрессивныхъ мѣръ предсказывается на томъ основаніи что онѣ не касаются причинъ зла и не въ состояніи измѣнить экономическія условія порождающія социализмъ.

Но любопытно знать, развѣ экономическія условія рабочихъ въ Германіи болѣе ненормальны чѣмъ въ Англіи? Въ Ланкаширѣ по сю пору еще продолжается громадная забастовка рабочихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, благодаря которой до 300.000 человекъ, считая съ семействами, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, остаются безъ средствъ къ существованію, сначала проживая свои сбереженія, а потомъ пользуясь скудною и тяжелою общественною (приходскою) и частною благотворительностью. Высчитываютъ что въ теченіе этого времени рабочіе лишились въ совокупности болѣе полумилліона фунтовъ стерлинговъ которые могли бы заработать. При началѣ забастовки говорили что она не продлится долѣе мѣсяца, потомъ отложили прекращеніе ея до Троицына дня, потомъ миновалъ и этотъ праздникъ, и забастовка еще продолжается, хотя теперь предсказываютъ что она не протянется еще болѣе недѣли; такъ какъ среди рабочихъ обнаруживается все болѣе ужасающій пауперизмъ, и между ними самими начинаютъ все сильнѣе раздаваться голоса за возобновленіе работъ. Къ этому убѣждаютъ теперь рабочихъ и друзья ихъ. Епископъ Манчестерскій, котораго нельзя упрекнуть въ недостаткѣ сочувствія къ рабочимъ, — такъ какъ онъ изыскивалъ компромиссы чтобы помирить рабочихъ съ хозяевами, компромиссы на который рабочіе изъявляли согласіе, но хозяева отвергли, — теперь самъ, въ письмѣ обнародованномъ въ газетахъ, рекомендуетъ рабочимъ уступить и согласиться на безусловное пони-

женіе на 10% заработной платы. Разумѣется, окончаніе забастовки которое вскорѣ ожидается должно будетъ привести къ возобновленію работъ не иначе какъ на условіяхъ съ самаго начала поставленныхъ хозяевами. Не далѣе какъ 11 июня делегаты ткачей въ Блэкборнѣ увѣдомляли г. Ролинсона, секретаря ассоціаціи хозяевъ, что рабочіе согласны будутъ возвратиться къ работамъ съ пониженіемъ $7\frac{1}{2}\%$ съ заработной платы, но и это предложеніе было рѣшительно отклонено.

Помимо обширныхъ размѣровъ забастовки и громадныхъ потерь ею причиненныхъ одной изъ главнѣйшихъ отраслей англійской промышленности, сущность раздора между рабочими и хозяевами все-таки остается довольно темною. Газеты охотно открывали свои столбцы полемическимъ корреспонденціямъ и изложеніямъ взглядовъ обѣихъ сторонъ, но сами весьма мало своими сужденіями содѣйствовали разъясненію предмета. Еслибы рабочіе противились пониженію платы при бойкомъ ходѣ дѣлъ; или, напротивъ, требовали повышенія платы при застоѣ торговли, разобрать кто правъ было бы легче: для этого стоило бы только удостовѣриться въ фактахъ. Но, какъ мы уже замѣчали, споръ начался не изъ-за этого. Существованія торговаго зстоя никто не отрицалъ; а спорили только какъ съ нимъ справиться. Рабочіе предлагали уменьшить число рабочихъ часовъ, то-есть работать только четыре дня въ недѣлю, даже съ пониженіемъ платы, для того чтобы временно сократить производство превышающее требованія и не находящее сбыта на иностранныхъ рынкахъ. Они и защитники ихъ взглядовъ утверждаютъ что такъ какъ одною изъ главныхъ причинъ уменьшившагося сбыта было обѣднѣніе громадныхъ массъ населенія въ Азіи вслѣдствіе войнъ и нѣсколькихъ лѣтъ голода въ Китаѣ и Индіи, то бесполезно ожидать чтобы удешевленіемъ продуктовъ можно было заставить обнищавшихъ людей покупать болѣе чѣмъ сколько они въ состояніи, и что усиленное производство, при такихъ условіяхъ, будетъ только поддерживать низкія цѣны. Эту теорію въ особенности развивалъ г. Фильденъ въ письмахъ въ *Manchester Guardian*; въ подтвержденіе своего взгляда онъ указываетъ что и другія отрасли промышленности принуждены были прибѣгнуть къ сокращенію производства, какъ-

то ютовая, пеньковая и полотняная. Фабриканты, съ своей стороны, не оспариваютъ значительнаго уменьшенія спроса на восточныхъ рынкахъ, но указываютъ что Англія не единственный производитель въ мірѣ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, и что уменьшеніе производства, безъ удешевленія товара, приведетъ только къ тому что англійскіе товары будутъ вытѣснены иностранною конкуренціей. Въ подтвержденіе этого, они указываютъ, на примѣръ, какъ подобнымъ отказомъ рабочихъ удешевить производство и громадными стачками противъ пониженія заработной платы была въ недавнее время совершенно уничтожена желѣзнодорожная и каменноугольная промышленность въ Южномъ Уэльсѣ (Валлисѣ). Г. Дель, въ статьѣ помѣщенной въ *Nineteenth Century*, свидѣтельствуеъ что англійскому производству даже у себя дома грозитъ иностранная конкуренція, и что въ Бэрмингемѣ начинаютъ привозить изъ Соединенныхъ Штатовъ топоры, вилы, земледѣльческія орудія почти всякаго рода, не смотря на то что фрахтъ и другіе расходы прибавляютъ 18% къ стоимости этихъ товаровъ, и что въ американской розничной продажѣ даже хлопчатобумажныя ткани обозначаются дешевле чѣмъ товары того же качества могутъ быть продаваемы въ Ливерпульѣ и Лондонѣ. Подобныя указанія и твердая рѣшимость ассоціаціи фабрикантовъ нейти ни на какую сдѣлку, не соглашаясь даже на посредничество, перетягиваетъ на ихъ сторону и тѣхъ кто стоялъ за рабочихъ. Епископъ Манчестерскій, въ вышеупомянутомъ письмѣ, увѣщаетъ рабочихъ, ради собственной выгоды, прекратить забастовку чтобъ одна изъ важнѣйшихъ промышленности Англіи не была убита иностранною конкуренціей.

Но этотъ страхъ иностранной конкуренціи для Англіи не то что для другихъ странъ. Англія не только не можетъ допустить ее, она не можетъ жить рядомъ съ нею. Г. Самюэль Морлей, весьма просвѣщенный и заботливый о рабочихъ фабрикантъ, писалъ: „Англійскія издѣлія не могутъ быть потребляемы въ одной Англіи, и признаюся я трепещу за будущее множества англійскихъ рабочихъ если не произойдутъ какія-либо перемѣны.“ Г. Леоне Леви, въ письмѣ посланномъ имъ въ нѣсколько газетъ, также писалъ: „Наши фабриканты естественно всего болѣе желаютъ дешевиз-

ной вынудить (*to force*) расширеніе рынка для своихъ товаровъ, и я не могу не согласиться что они правы дѣйствуя такимъ образомъ.“ Признанія эти характеристичны. Они показываютъ всю искусственность системы англійскаго богатства. Конкуренція она страшится не просто для развитія своихъ мануфактуръ: ей нужно подавлять производство другихъ странъ чтобы давать пищу своему голодающему люду!...

Но не замѣчательно ли что, при такой массѣ рабочаго пролетаріата какъ въ Англіи, тамъ не замѣтно социалистскихъ движеній? Громадная борьба идетъ тамъ между рабочими и капиталистами; но на почвѣ чисто экономической, и не принимаетъ революціоннаго направленія. Между тѣмъ нигдѣ весь государственный и общественный строй не противорѣчитъ болѣе идеаламъ социализма какъ въ Англіи. Нигдѣ принципы отвергаемые социалистами не развились въ болѣе рѣзкой формѣ. А между тѣмъ Англія служитъ притономъ для самыхъ крайнихъ революціонныхъ элементовъ всякаго рода. Въ нее стекаются демагоги и заговорщики всѣхъ странъ и народовъ: Бакунины, Рошфоры, Марксы, коммунисты, нигилисты. Почему же они ничего не предпринимаютъ въ самой Англіи для осуществленія своихъ ученій? Если ужъ вожаки социализма такъ проникнуты своими убѣжденіями что отваживаются на самыя отчаянныя предпріятія въ другихъ странахъ, то почему они не затѣваютъ ничего въ Англіи, которая должна быть имъ особенно ненавистна формами своего экономического быта? Это съ одной стороны изобличаетъ вожаковъ социализма, а съ другой политику Англіи. Подъ пышнымъ титуломъ „священнаго права убѣжища“, англійская политика даетъ у себя почву и средства для организаци всѣхъ элементовъ разложенія и смуты съ тѣмъ только чтобъ они дѣйствовали повсюду кромѣ самой Англіи. Въ Англіи ихъ держатъ на привязи, и господа революціонеры очень хорошо знаютъ: затѣй они тамъ дѣйствовать, ихъ тотчасъ же выпроводятъ и они лишатся почвы. Англійскіе политическіе люди находятся въ секретѣ всѣхъ европейскихъ революцій. Всѣ сношенія революціонныхъ вожаковъ, всѣ шаги ихъ, свѣдомы Англійскому правительству; даже переписка ихъ читается тамъ въ „черномъ кабинетѣ“, какъ о томъ не разъ проговаривались въ парламентѣ. Англія доро-

жить этимъ „священнымъ правомъ убѣжища“ не по какому-либо рыцарскому чувству, а въ интересахъ своей политики...

№ 144.

Москва, 7-го Іюня.

Нельзя не принять къ свѣдѣнію предостереженія *Северо-Германской Всеобщей Газеты*, отъ вчерашняго числа, которая совѣтуетъ относиться съ большою осторожностью къ газетнымъ извѣстіямъ о ходѣ переговоровъ на конгрессѣ въ виду того что члены конгресса обязались хранить тайну совѣщаній, нѣтъ сомнѣнія что масса подробныхъ извѣстій о содержаніи совѣщаній передаваемая теперь телеграфомъ, со словъ различныхъ газетъ и агентствъ, должна быть объясняема усердіемъ газетныхъ вѣстовщиковъ спѣшившихъ во что бы ни стало удовлетворить неразборчивое любопытство публики жаждущей политическихъ новостей, нежели нескромностью лицъ посвященныхъ въ тайны совѣщаній. Тѣмъ не менѣе, нельзя и отвергать всего что сообщается и оставлять безъ вниманія то что въ этихъ извѣстіяхъ подкрѣплено доказательствами. Такъ на примѣръ не подлежитъ теперь сомнѣнію что опубликованный въ пятницу лондонскою газетою *Globe* письменный актъ соглашенія состоявшагося между Россіей и Англіей есть подлинный документъ. Объ этомъ заявилъ вчера въ палатѣ лордовъ членъ кабинета герцога Ричмондъ, хотя и съ оговоркой что документъ обнародованъ въ несовсѣмъ точномъ видѣ. Это доказываетъ что трудно предохранить и „конфиденціальныя документы“ отъ нескромныхъ взоровъ; тѣмъ менѣе возможно хранить въ строгой тайнѣ словесныя объясненія происходящія во многочисленномъ собраніи. Документъ обнародованный газетою *Globe* уже самъ по себѣ дѣлаетъ невозможною абсолютную тайну совѣщаній конгресса, ибо имъ разоблачаются самыя основанія этихъ совѣщаній по крайней мѣрѣ насколько въ нихъ заинтересована Англія.

Другое обстоятельство проливающее свѣтъ, и притомъ своеобразный, на совѣщанія конгресса, это мобилизація части австрійскихъ войскъ какъ разъ совпавшая съ началомъ конгресса. Объ этой мобилизаціи шести дивизій расположенныхъ

въ Трансильваніи, Славоніи, Кроатіи и Далматіи сообщала первоначально *Neue Freie Presse*. Извѣстіе это было вначалѣ офиціозно опровергнуто. Но вслѣдъ за тѣмъ другіе, тоже офиціозныя австрійскія органы, имя же имъ легионъ, стали подтверждать извѣстіе о мобилизаціи, стараясь лишь „смягчить“ значеніе этой мѣры въ томъ смыслѣ что это не есть враждебный противъ Россіи актъ, и что онъ предпринятъ вотъ для чего „австро-венгерское правительство, говоритъ *Fremdenblatt*, „желало чрезъ мобилизацію части арміи „заявить предъ Европой о своей твердой рѣшимости взять энергически въ свои „руки исполненіе рѣшеній конгресса, насколько они будутъ касаться специальныхъ интересовъ монархіи.“ Прежде чѣмъ состоялось какое-либо рѣшеніе, прежде чѣмъ укрѣпилась увѣренность что конгрессъ вообще придетъ къ какимъ-либо рѣшеніямъ. Австрія уже принимаетъ мѣры къ энергическому исполненію ихъ. Не значитъ ли это дѣлать шкуру медвѣдя прежде чѣмъ онъ убитъ?

Какъ бы то ни было, но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Газета *Presse* перечисляетъ въ подробности тѣ части дѣйствующей арміи и ландвера на коихъ распространяется мобилизація, а вѣнскій, весьма свѣдущій корреспондентъ *Национальной Газеты* слѣдующимъ образомъ объясняетъ побудительныя причины вызвавшія эту мѣру: Занятію Босніи и Герцеговины, хотя оно представляется неизбежнымъ, нынѣ уже не входитъ въ программу австрійскаго „дѣйствія“, и еслибы дѣло шло только о вступленіи въ эти провинціи, то едва ли была бы надобность въ мобилизаціи. Но имѣется де въ виду произвести давленіе на Сербію. Въ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ стали съ особенною настойчивостью поговаривать о торгово-политическихъ интересахъ на Балканскомъ полуостровѣ. Для того чтобы Австрія могла вознаградить ущербъ нанесенный ея торговлѣ существующими турецкими желѣзными дорогами построенными исключительно для выгоды морскихъ державъ поддерживающихъ дѣятельныя сношенія съ морскимъ побережьемъ Турціи, она должна проложить сама дорогу черезъ Сербію къ Эгейскому морю; а это возможно де лишь въ томъ случаѣ если „при каждомъ желѣзно-дорожномъ рабочемъ Австрія поставитъ солдата съ заряженнымъ

ружьемъ.“ Изъ другаго источника въ ту же газету сообщаютъ что до сихъ поръ не формулованныя окончательно притязанія съ коими Австрія явилась на конгрессъ заключаются въ томъ „чтобы Сербія и Черногорія были включены въ сферу власти Австріи.“ Установить и закрѣпить эту сферу власти Австрія предоставляетъ себѣ, посредствомъ таможенныхъ и военныхъ конвенцій съ сосѣдними княжествами, признавъ въ то же время независимость Сербіи и Черногоріи. Съ этою де цѣлью предпринята мобилизація части австрійской арміи.

Не беремъ на себя сужденіе о сообщаемомъ фактѣ. Мы не знаемъ хорошо ли это, или дурно. Но если сообщаемое вѣрно, то необходимо устранить недомолвки и назвать ихъ собственнымъ именемъ. Если Австрія имѣетъ въ виду расширить сферу своей власти на сосѣднія княжества посредствомъ военныхъ и иныхъ конвенцій, то это именно есть не что иное какъ присоединеніе. „Конвенція,“ то-есть договоръ, есть актъ свободнаго и обоюднаго соглашенія. Въ данномъ случаѣ роль идетъ не о свободномъ соглашеніи, а о рѣшеніи которое имѣетъ быть постановлено безъ участія одной изъ сторонъ, и для исполненія котораго въ случаѣ надобности силою оружія, уже теперь дѣлаются приготовленія. Военныя „конвенціи“ замышляемыя Австріей будутъ ничѣмъ инымъ какъ подчиненіемъ военныхъ силъ Сербіи и Черногоріи австрійской командѣ, а таможенное единство и желѣзныя дороги продолженныя черезъ эти страны, но остающіяся въ рукахъ Австріи доставятъ послѣдней всю полноту власти необходимой для политическаго объединенія. Германская имперія также состоитъ изъ множества государствъ, въ томъ числѣ четырехъ королевствъ, управляемыхъ своими династіями и имѣющихъ всѣ атрибуты самостоятельности, не исключая и собственного дипломатическаго представительства при иностранныхъ державахъ; тѣмъ не менѣе, Германская имперія есть единое политическое тѣло, „сфера могущества“ котораго простирается на всѣ эти государства. Кстати будетъ припомнить что мѣсяца два тому назадъ одна берлинская офиціозная газета, сообщая о планахъ Австріи насчетъ западной части Балканскаго полуострова, сравнила будущее отношеніе оной къ Австріи именно съ политическимъ устройствомъ Германской имперіи.

Австрія присоединить къ себѣ значительнѣйшую часть Балканскаго полуострова. Англія въ свою очередь приобрѣтетъ въ той или другой формѣ усиленное вліяніе на другую половину. Все это будетъ послѣдствіемъ войны которая вела Россія, великихъ побѣдъ ею одержанныхъ и тяжкихъ жертвъ ею принесенныхъ. Сама же она не получитъ и того удовлетворенія которое должно было бы дать сознаніе совершеннаго дѣла, уничтоженія навсегда турецкаго владычества. Владычество это дѣйствительно уничтожено; но мѣсто онаго займутъ два злѣйшіе противника Россіи, они станутъ гораздо сильнѣе.

Возможно ли вѣрить чтобы конгрессу удалось установить прочный миръ на такихъ условіяхъ?

№ 145.

Москва, 8-го іюня.

Хотя переговоры на самомъ конгрессѣ и хранятся въ тайнѣ, но взгляды нѣкоторыхъ державъ уже давно извѣстны, а что касается предварительныхъ переговоровъ и соглашеній, то всеобщую сенсацию произвелъ опубликованный въ *Globe* документъ подписанный лордомъ Солсбери и графомъ Шуваловымъ. Въ подлинности его нельзя уже сомнѣваться послѣ заявленія герцога Ричмонда въ палатѣ, хотя онъ и оговорилъ что въ напечатанномъ есть нѣкоторыя неточности. Мы желали бы воспользоваться этою оговоркой чтобы считать неполными или неточными всѣ тѣ пункты которые явно невыгодны или обидны для Россіи.

Документъ названъ „проектомъ меморандума опредѣляющаго пункты по коимъ установилось соглашеніе между правительствами Россіи и Великобританіи, и которое послужитъ взаимнымъ обязательствомъ для русскихъ и англійскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ.“ Итакъ, это не болѣе какъ проектъ, но проектъ этотъ подписанъ тѣми самыми уполномоченными которые придумали для себя эти взаимныя обязательства. Взаимности тутъ, кромѣ этого слова, ни въ чемъ не видно. Англія выговариваетъ себѣ то и другое, а Россія будто бы, взявъ того, подчиняется новымъ ограниченіямъ.

Въ первомъ пунктѣ значитъ что „Ан-

„глія отвергаетъ продольное дѣленіе Болгаріи, но представитель Россіи удерживаетъ за собой право доказывать выгоды онаго на конгрессѣ, обѣщая, впрочемъ, не настаивать на ономъ противъ окончательнаго мнѣнія Англіи.“ Мы не понимаемъ о чемъ тутъ идетъ споръ, чему Англія противится, чего требуетъ и на что изъявляетъ согласіе. Прямо, *ex abrupto*, начинается рѣчь о способѣ дѣленія Болгаріи, и заявляется что Англія противится продольному, а желаетъ какого-то другаго. Но въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ нѣтъ никакого дѣленія Болгаріи на двѣ части. Тамъ есть одна цѣльная Болгарія, которая должна быть навсегда освобождена отъ турецкаго владычества, хотя и оставаясь подъ верховною властью султана.

Главное, однако, не въ раздѣленіи, а въ томъ устройствѣ какое будетъ дано одной или двумъ Болгаріямъ. Если, по какимъ-либо соображеніямъ, находятъ нужнымъ раздѣлить Болгарію на двѣ части, то надо чтобъ обѣ были поставлены въ одинаковыя условія. Въ такомъ случаѣ, дѣленіе пересѣкающее Балканы на восточную и западную было бы пожалуй лучше, такъ какъ болѣе бы способствовало ихъ единенію и будущему сліянію. Но если, какъ толкуютъ англійскія газеты, раздѣленіе предположено затѣмъ только чтобъ одну изъ частей, именно восточную, оставить подъ прямымъ турецкимъ управленіемъ, а нѣкоторую независимость дать наиболѣе удаленному отъ Россіи, гористому и бѣдному клочку, который будетъ кругомъ стиснутъ турецкою границей; то это самая жестокая насмѣшка. Это было бы полнымъ отрицаніемъ, это было бы уничтоженіемъ не только всѣхъ результатовъ заключеннаго нами мира, но даже той ничтожной автономіи которая предполагалась для болгарскихъ областей Константинопольскою конференціей.

При различномъ устройствѣ Болгаріи никакое дѣленіе не можетъ быть удовлетворительнымъ. Южную часть несправедливо оставлять подъ владычествомъ Турокъ еще болѣе чѣмъ восточную. А объ этомъ, очевидно, вся забота Англіи. Въ пятомъ пунктѣ „проекта меморандума“ сказано что Россія приписываетъ особенное значеніе удаленію турецкихъ войскъ изъ южной Болгаріи. Англійское же правительство согласно допустить это, но только съ тѣмъ чтобы Россія не возражала противъ устано-

вленія конгрессомъ „способа и случаевъ въ коихъ турецкимъ войскамъ можно будетъ вступать въ южную провинцію для подавленія возстанія или противъ вторженія, дѣйствительно совершившихся или только угрожающихъ.“ Не вѣришь глазамъ своимъ! Тутъ непременно должна быть одна изъ тѣхъ неточностей которыя оговорилъ герцогъ Ричмондъ въ парламентѣ. Но съ чего же и началась война какъ не подавленіемъ *угрожающаго* (двумя деревянными пушками) возстанія въ Болгаріи? Въ чемъ же и состояли такъ-называемые болгарскіе ужасы? Да еще требуется чтобъ и офицеровъ туземной милиціи въ этой южной части назначала Порта. Христіанскій губернаторъ ея же назначаемый, хотя и на опредѣленный срокъ, будетъ ничѣмъ другимъ какъ преданнымъ ей чиновникомъ. Вотъ виды Англіи, вотъ что она предоставила себѣ требовать на конгрессѣ. Такое дѣленіе Болгаріи было бы не освобожденіемъ, а новымъ закрѣпленіемъ подъ властью Турокъ самой цвѣтущей и наиболѣе пострадавшей части Болгаріи.

Не въ лучшемъ свѣтѣ, относительно взаимности, являются и тѣ пункты меморандума кои относятся къ Азіи. Выговоривъ возвращеніе Туркамъ Баязида, Англія „допускаетъ“ приобрѣтеніе Батума и Карса Россіей, но подъ условіемъ обязательства чтобы русскія границы впредь не расширялись на счетъ Азіатской Турціи. Такое условіе было бы оскорбленіемъ и для побѣжденнаго государства; такого обязательства не требовалось отъ Россіи и послѣ Крымской войны. Въ самомъ дѣлѣ, требовать чтобы Россія обязалась на будущее время не расширять своихъ предѣловъ въ Азіи—развѣ это имѣетъ смыслъ? Развѣ можетъ это имѣть иной смыслъ кромѣ оскорбленія? А далѣе, *взаимнѣ* за такое обязательство Россіи, Англія присвоиваетъ себѣ задачу *спеціальнымъ образомъ* ограждать Азіатскую Турцію отъ будущихъ опасностей.“ Этотъ темный пунктъ, какъ видно изъ газетъ, возбуждаетъ наибольшее любопытство, и всѣ понимаютъ какъ осторожно выраженное рѣшеніе Англіи прибрать къ рукамъ всю Азіатскую Турцію. Куда же далѣе можетъ еще простираться взаимность?

О другихъ пунктахъ нѣтъ надобности разсуждать. Вопросъ о военномъ вознагражденіи отдаляется въ туманную перспективу. Сказано что „военное вознагра-

ждение не должно причинять ущербъ Англійскому правительству въ качествѣ кредитора Порты. Мы не знали что Англійское правительство состоитъ или состояло когда-либо кредиторомъ Порты. Сколько было извѣстно до сихъ поръ, Порту ссужали не правительства, а частныя лица. Если большинство кредиторовъ были Англичане, то они не заслуживаютъ большей жалости чѣмъ другіе Англичане потерявшіе свои деньги на неоплатныхъ займахъ разныхъ южно-американскихъ республикъ. Во всякомъ случаѣ, имъ ли дать преимущество предъ военнымъ вознагражденіемъ которое Порта должна Россіи?

Кстати, еще два слова о впечатлѣніи произведенномъ этимъ документомъ въ Англии. Замѣчательно что тамъ никто не сомнѣвался въ подлинности текста обнародованнаго въ *Globe*, несмотря на фальшивое со стороны маркиза Солсбери провозглашеніе его фальшивымъ. Не менѣе любопытно что министерская печать сплошь прикидывается недовольною, находя „соглашеніе“ черезчуръ выгоднымъ для Россіи. Поэтому она не хочетъ вѣрить чтобъ это соглашеніе было единственнымъ, и съ увѣренностью ожидаетъ услышать что „существуютъ и другія формальныя соглашенія“, изъ коихъ однимъ, по крайней мѣрѣ, Россія обязывается „допустить“ Англію занять въ Азіатской Турціи позицію достаточно сильную чтобъ охранять эту имперію отъ дальнѣйшихъ русскихъ посягательствъ, и поддерживать это на конгрессѣ. То-есть, она ожидаетъ что Россія обяжется способствовать Англіи въ ея дѣйствіяхъ противъ Россіи.

№ 146.

Москва, 9-го іюня.

Въ свѣтъ обнародованнаго теперь проекта взаимно-обязательнаго соглашенія между Англіей и Россіей получаетъ особый интересъ возбужденный г. Райлендзомъ въ англійской палатѣ общинъ, 13 іюня, разговоръ о трактатахъ, о которомъ насъ уже извѣстилъ телеграфъ. Г. Райлендзъ поднималъ этотъ вопросъ не изъ желанія подвергнуть новой критикѣ образъ дѣйствій правительства при настоящихъ замѣшательствахъ, а для указанія что весьма часто заключаются трактаты которые или оста-

ются мертвою буквой, или же вовлекаютъ страну въ войны. А между тѣмъ страна не имѣетъ случая объяснить, желаетъ ли она принимать на себя подобныя тягости и исполнить ихъ. Поэтому онъ предложилъ резолюцію чтобы „всѣ будущіе трактаты коими Англія обязывается, одна или вмѣстѣ съ какою другою державой, вступать „ся силой оружія, или вооруженною демонстраціей, или содѣйствіемъ военнаго контингента, или денежной субсидіи, для нападенія или для защиты какого-либо правительства или націи въ отношеніи къ ея „внутреннимъ дѣламъ или внѣшнимъ сношеніямъ, или по какому бы то ни было „случаю, сообщались, прежде ихъ ратификаціи, обѣимъ палатамъ, дабы дать имъ возможность выразить свое мнѣніе о „постановленіяхъ подобныхъ трактатовъ.“

Г. Райлендзъ не въ первый разъ обращается къ парламенту съ такимъ предложеніемъ. Онъ вносилъ его еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время министерства Гладстона, и тогда, какъ и теперь, предложеніе было отвергнуто безъ голосованія. Дѣйствительно, въ Англіи нѣтъ ни малѣйшей склонности принять американскій обычай и перенести центръ правительственной тяжести съ исполнительной власти на парламентъ. И теперь главнымъ противникомъ г. Райлендза выступилъ гораздо болѣе г. Гладстонъ чѣмъ говорившій за правительство канцлеръ казначейства. Г. Гладстонъ утверждалъ что подобное „нововведеніе только стѣснить и уронить правительство въ глазахъ Европы, лишивъ его той степени независимости какая абсолютно необходима для поддержанія его достоинства и вліянія.“ Понятно почему г. Гладстонъ говоритъ такимъ образомъ. Онъ самъ былъ главой кабинета, онъ самъ заключалъ трактаты съ обязательствами такого рода которые не нравятся г. Райлендзу. Ему, поэтому, приличнѣе чѣмъ кому другому приходилось защищать эти трактаты и утверждать что г. Райлендзу совершенно не удалось доказать чтобы практически произошли какія-либо неудобства отъ ратификаціи трактатовъ 1856 года и другихъ имъ подобныхъ прежде чѣмъ они были внесены на обсужденіе парламента. Разговоръ о резолюціи г. Райлендза только нагляднѣе показалъ какъ ошибочно судятъ тѣ кто воображаетъ что въ Англіи правительство пользуется на дѣлѣ меньшею властью чѣмъ въ другихъ странахъ, и будто тамъ

все зависит от парламента. Въ важнѣйшихъ вопросахъ иностранной политики правительство Англіи самодержавно.

Но помимо практической стороны для Англіи, вопросъ о трактатахъ съ обязательствами и гарантіями, затронутый г. Райлендзомъ, имѣетъ общій интересъ. Правительствамъ слѣдуетъ вообще быть осторожнѣе и не включать во взаимные уговоры такихъ условій которыя не имѣютъ смысла или къ коимъ они, при самомъ подписаніи ихъ, относятся недобросовѣстно не имѣя намѣренія исполнять ихъ, или можетъ-быть легкомысленно разчитывая что едва ли и встрѣтится надобность въ ихъ исполненіи. Вспомнить объ этомъ было бы кстати именно въ настоящее время когда представители великихъ державъ, собравшись на совѣщаніе въ Берлинѣ, готовятся издать новый международный трактатъ, долженствующій надолго упрочить миръ и устранить поводы къ столкновеніямъ. Они скорѣе достигнутъ цѣли если постараются остережись какъ бы самимъ не создать новыхъ поводовъ къ столкновеніямъ. Трактатами оканчиваются распри, но нерѣдко трактаты же и ведутъ прямо къ новымъ войнамъ и потрясеніямъ.

Примѣры прошлаго поучительны, и въ самомъ дѣлѣ не мѣшало бы съѣхавшимся въ Берлинѣ дипломатамъ обратить вниманіе на нѣкоторые общеизвѣстные примѣры несостоятельности трактатовъ, указанные г. Райлендзомъ. „Не было ни одного трактата,“ говорилъ онъ „заключеннаго въ настоящемъ столѣтіи, который не былъ бы „нарушенъ или обойденъ тѣми или другими изъ подписавшихъ его державъ.“ О Вѣнскомъ трактатѣ стоившемъ Англіи тысячу милліоновъ фунтовъ, какъ говорилъ г. Райлендзъ, теперь и не вспоминаютъ, и къ-мъ-то было сдѣлано замѣчаніе что настоящее устройство Европы представляетъ практическую сатиру на этотъ трактатъ. Но и другіе трактаты были вовсе не лучше. Въ 1831 году былъ заключенъ трактатъ гарантировавшій независимость Бельгіи; но „не успѣли высохнуть чернила коими былъ онъ написанъ какъ уже французскій и прусскій послы вступили въ переговоры какъ обойти его.“ Мы можемъ, съ своей стороны, припомнить еще что эта самая гарантія Бельгіи трактатомъ 1831 г. до такой степени считалась малонадежною самимъ Англійскимъ правительствомъ что въ 1870 году, когда вспыхнула война ме-

жду Франціей и Пруссіей, оно поспѣшило, до начала военныхъ дѣйствій, заключить съ обѣими воюющими сторонами новыя конвенціи коими каждая изъ нихъ обязывалась не касаться бельгійской территоріи. Затѣмъ былъ Лондонскій трактатъ 1852 г. о датскомъ престолонаслѣдіи и о соединеніи Шлезвигскаго и Голштинскаго герцогствъ съ Даніей. Этотъ трактатъ, въ числѣ великихъ державъ, былъ подписанъ Австріей и Пруссіей, и онѣ же сами нарушили его въ 1864 году. Далѣе, есть пресловутый Парижскій трактатъ 1856 года, и, какъ указалъ г. Райлендзъ, въ дипломатической корреспонденціи есть депеша сэръ-Генри Эллиота, гдѣ сообщалось что черезъ три года послѣ подписанія этого трактата Италия, Австрія, Пруссія и Франція, всѣ поощряли Россію освободиться отъ его обязательствъ. Въ 1871 году Россія отвергла Черноморскія статьи этого трактата, что возбудило въ то время большую сенсацію въ дипломатическомъ мірѣ, — но развѣ Англія, спрашиваетъ г. Райлендзъ, стала бы долго соблюдать подобное унижительное условіе? Впрочемъ, лучшую иллюстрацію несостоятельности Парижскаго договора показали нынѣшнія событія... „Можно предположить, говорилъ г. Райлендзъ, что Парижскіе трактаты будутъ теперь отмѣнены; но чѣмъ они будутъ замѣнены? Правительство отказывается открыть свои цѣли, объяснить свою политику. Оно указывало на депешу лорда Солсбери: Это дѣйствительно образцовое произведеніе придинокъ къ Санъ-Стефанскому трактату, но что же она предлагаетъ замѣнить? Нѣкоторыя изъ худшихъ чертъ трактата 1856 года могутъ появиться въ новомъ трактатѣ; могутъ быть сдѣланы новыя попытки подпереть Турцію подъ гарантіей Европы...“

Дѣйствительно, это было бы замѣчательною близорукостью современныхъ дипломатовъ...

Подождемъ, посмотримъ...

№ 147.

Москва, 10-го іюня.

До сихъ поръ не всѣмъ понятное рѣшеніе князя Бисмарка распустить избранный въ прошедшемъ году Германскій Рейхстагъ уже возымѣло свое дѣйствіе, и политическое броженіе неизбѣжно сопровож-

дающее такъ-называемый избирательный періодъ уже теперь сказывается по всей Германіи. Предложеніе Пруссіи о распусценіи Рейхстага было внесено въ Союзный Совѣтъ 6-го іюня; оно мотивировано тѣмъ что Рейхстагъ отклонилъ своимъ голосованіемъ отъ 24-го мая законопроектъ объ усиленіи мѣръ для предупрежденія и подавленія соціально-демократической агитаціи, вызванный покушеніемъ Гёделя. „Второе покушеніе,“ сказано далѣе въ предложеніи „потрясающимъ образомъ доказало какъ далеко распространены злобный образъ мыслей, и какъ легко переходить онъ въ злодѣйскіе поступки.“ Правительство находитъ де что законодательныя мѣры къ огражденію общества и государства, предположенныя въ отвергнутомъ законопроектѣ, должны быть приняты въ самомъ непродолжительномъ времени; но оно не думаетъ чтобы можно было разчитывать на лучший успѣхъ подобнаго первому законопроекта предъ теперешнимъ большинствомъ Рейхстага. Вотъ почему распусценіе считается необходимымъ. Последнее офиціально высказанное предположеніе тѣмъ удивительнѣе что „большинство“ Рейхстага, то-есть національно-либеральная партія, въ лицѣ своихъ вліятельнѣйшихъ членовъ, а также чрезъ печать, заявило тотчасъ послѣ втораго покушенія что оно пойдетъ на всякое предложеніе направленное къ энергическому подавленію революціонной пропаганды, не исключая объявленія осаднаго положенія и пріостановки дѣйствія конституціи.

Какъ бы то ни было, но Союзный Совѣтъ принялъ единогласно предложеніе Пруссіи, и 11-го іюня появился декретъ (подписанный кронпринцемъ отъ имени императора) о распусценіи Рейхстага, и другой, назначающій выборы на 30-е іюля сего года. Со дня назначенія выборовъ право политическихъ сборищъ допускается, согласно конституціи, въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Этимъ не замедлили конечно воспользоваться и соціаль-демократы, назначивъ въ разныхъ мѣстахъ сходки съ цѣлью избирательной агитаціи. Замѣчательно однако что до сихъ поръ ни одно подобное собраніе соціаль-демократовъ не состоялось; каждый разъ какъ гдѣ-нибудь начинаютъ собираться члены этой партіи, полиція или вовсе не допускаетъ сходки, или объявляетъ ее закрытою послѣ нѣсколькихъ словъ произнесенныхъ

тѣмъ или другимъ изъ вожаковъ. Полиція въ этомъ случаѣ находитъ поддержку со стороны населенія, и по этой причинѣ дѣло до сихъ поръ всегда обходилось безъ нарушенія порядка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилось на дѣлѣ то что было высказано въ Рейхстагѣ при обсужденіи законопроекта о соціалистахъ, а именно что въ сущности правительство не лишено было и до сихъ поръ средствъ къ борьбѣ, и что многочисленныя и шумныя сборища соціаль-демократовъ, коими много разъ была скандализована благомыслящая часть населенія, во многихъ мѣстахъ, особливо въ Берлинѣ, могли имѣть мѣсто лишь благодаря бездѣйствію власти, а не потому чтобъ она лишена была законныхъ поводовъ къ предупрежденію такихъ сборищъ. Словомъ, и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, подтверждается что пропаганда сильна не столько сама по себѣ сколько благодаря потворству или прямому поощренію со стороны болѣе реальныхъ политическихъ силъ, на первый взглядъ не имѣющихъ съ этою агитаціей ничего общаго, а между тѣмъ, связанныхъ съ нею какими-то таинственными нитями.

А вотъ кстати весьма куріозное обстоятельство: Въ *Daily News*, на дняхъ, напечатано было письмо извѣстнаго главы „соціально-демократической школы“ и вмѣстѣ вожака интернаціоналки, Карла Маркса, въ которомъ онъ протестуетъ противъ связи устанавливаемой между покушеніемъ Нобилинга и нѣмецкими соціалистами, и вмѣстѣ замѣчаетъ что если справедливо будто хотятъ предложить конгрессу международное соглашеніе насчетъ совокупной борьбы противъ соціальной пропаганды, то въ средѣ самого конгресса находится лицо которое можетъ съ полнымъ авторитетомъ человѣка посвященнаго разъяснить „что нѣмецкое соціальное ученіе столь же причастно покушеніямъ Гёделя и Нобилинга какъ и гибели *Великаго Курфюрста*.“ Это архиваріусъ и секретарь конгресса по назначенію Германскаго правительства, г. Лотаръ Бухеръ. Карлъ Марксъ сообщаетъ слѣдующее объ антецедентахъ г. Бухера. Послѣ 1849 года онъ долгое время жилъ изгнанникомъ въ Лондонѣ, гдѣ принадлежалъ къ числу самыхъ восторженныхъ поклонниковъ Уркварта, одного изъ самыхъ ярыхъ революціонеровъ того времени. Изъ Лондона г. Бухеръ посылалъ тогда еженедѣльные письма въ *Національ-*

ную Газету, въ коихъ проповѣдывалъ непримиримую ненависть къ Россіи. Возвратившись затѣмъ въ Берлинъ, онъ сдѣлался столь ревностнымъ поклонникомъ Лассалю, что тотъ назначилъ его своимъ душеприкащикомъ и завѣщалъ ему право литературной собственности на свои сочиненія. Вскорѣ послѣ смерти Лассалю, г. Бухеръ поступилъ на службу въ прусское министерство иностранныхъ дѣлъ, получилъ чинъ совѣтника посольства (Legationsrath), и если вѣрить г. Марксу, сталъ довѣреннымъ лицомъ князя Бисмарка „по всему.“ Въ то время онъ, съ разрѣшенія своего начальника, обратился къ Марксу съ предложеніемъ принять редакторство биржеваго отдѣла въ прусскомъ Государственномъ Указателѣ, причемъ Марксу предоставлялось вести этотъ отдѣлъ согласно его собственнымъ „научнымъ убѣжденіямъ.“ Марксъ отклонилъ это предложеніе. „Но и послѣ того,“ говоритъ онъ, „мнѣ было забавно встрѣчать имя Лотаря Бухера въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ издаваемого въ Женевѣ социалистскаго журнала *der Vorbote* (Предвѣстникъ) который служитъ органомъ Интернаціоналки...“

Вообще распушеніе Рейхстага нѣсколько разсѣяло сосредоточенное на одномъ предметѣ политическое настроеніе Германіи. Борьба партій выступила на первый планъ, и вмѣсто единодушнаго дѣйствія всѣхъ преданныхъ государству и существующему порядку элементовъ пошли взаимныя попреки и обвиненія съ цѣлью уронить противниковъ въ глазахъ избирателей и привлечь ихъ на свою сторону. Спокойнѣе всѣхъ оказался избирательный манифестъ національно-либеральной партіи обнародованный 17-го іюня. Въ немъ снова повторено что большинство Рейхстага было бы на сторонѣ правительства еслибъ оно, не прибѣгая къ распушенію, внесло теперь же свои предложенія насчетъ социалистовъ. „Національ-либералы,“ сказано далѣе, „сочтутъ своимъ первымъ долгомъ поддержать правительство и въ будущемъ Рейхстагѣ во всемъ что будетъ клониться къ огражденію общественныхъ основъ и представить ему безъ ограниченія всѣ тѣ полномочія кои окажутся для того необходимы.“ Прогрессисты, въ свою очередь, извѣщаютъ готовность содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ къ подавленію зловредной пропаганды, противъ которой они, прогрессисты, всегда враждовали. Тѣмъ не менѣе партія

прусскихъ консерваторовъ, органомъ коей служить *Крестовая Газета*, а также имперская партія (Reichspartei) продолжаютъ свои нападки на обѣ либеральныя фракціи и сваливаютъ на нихъ вину въ усиленіи соціальной пропаганды. Католики, то есть партія центра, воздерживаются пока отъ всякихъ рѣшительныхъ заявленій, очевидно выжидая и разчитывая на то что правительство отступится отъ политики „культурной борьбы“ и протянетъ имъ руку примиренія.

Въ виду всего этого, предстоящія выборы въ Германію обѣщаютъ быть очень интересными.

№ 149.

Москва, 12-го іюня.

Обнародованное въ *Globe* англо-русское соглашеніе продолжаетъ служить главнымъ предметомъ толковъ, и занимаетъ всѣхъ чуть ли не болѣе чѣмъ извѣстія о конгрессѣ. Оно еще болѣе заинтриговало всѣхъ вслѣдствіе сдержаннаго и таинственнаго тона англійскихъ министровъ. Герцогъ Ричмондъ въ Верхней Палатѣ и сэръ-Стаффордъ Норткотъ въ Нижней, очевидно по сговору, дали совершенно тождественный отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „Обнародованное изложеніе было очевидно доставлено лицомъ имѣвшимъ доступъ къ конфиденціальнымъ документамъ; и „обнародованіе онаго, по скольку это касается правительства ея величества, не только не было разрѣшено, но произошло тайкомъ (*was not only unauthorized but surreptitious*).“ „Какъ объясненіе политики правительства ея величества,“ прибавили они, „это изложеніе не полно, и слѣдовательно не точно.“ Затѣмъ на всѣ дальнѣйшіе разспросы министры отказались дать еще какія-либо объясненія, и только обѣщали что въ должную минуту правительство готово будетъ дать парламенту самыя полныя свѣдѣнія.

Болѣе точнаго признанія подлинности документа нѣтъ надобности требовать. Но какимъ образомъ появился онъ въ свѣтъ? Англійскіе министры намекаютъ на похищеніе, и въ англійскихъ газетахъ пущенъ таинственный разказъ о какомъ-то „джентльменѣ изъ Петербурга,“ который обивалъ будто бы пороги многихъ редакцій лон-

донскихъ газетъ пока, наконецъ, достигъ цѣли. Но лучше держаться фактовъ. Документъ обнародованъ въ Лондонѣ, въ газетѣ завѣдомо преданной министерству, и пущенъ въ публику тотчасъ послѣ второго засѣданія конгресса, когда только что было приступлено къ обсужденію Болгарскаго вопроса. Тайкомъ или какимъ-либо окольнымъ путемъ появился онъ въ свѣтъ, но обнародованіе его было явно не безъ цѣли. Въ глаза бросаются еще два факта. Во-первыхъ, содержаніе документа было не совсѣмъ новостью. Сущность его, хотя не въ подлинномъ текстѣ, была еще ранѣе разглашена въ той же *Globe*. Правда, лордъ Солсбери отрекся отъ него, но теперь по внимательномъ разсмотрѣніи его словъ, оказывается что его отреченіе было двусмысленно и вовсе не такъ безусловно. Онъ не сказалъ прямо что документъ не подлинный (*not authentic*), а выразился такъ: „указанное изложеніе и всѣ другія которыя я видѣлъ не удостовѣрены (*not authenticated*) и слѣдовательно не заслуживаютъ довѣрія палаты.“ Есть и другое обстоятельство. Первое краткое изложеніе *Globe* появилось 31 мая, но передовая статья въ *Times* 2 мая обличала еще за четыре дня знакомство съ надѣлавшимъ нынѣ шумъ документомъ, насколько Британскому правительству было выгодно приподнять завѣсу для англійской публики, такъ какъ въ статьѣ этой тогда уже рѣшительнымъ тономъ утверждалось что Англія исторгла у Россіи протекторатъ надъ Азіатскою Турціей.

Далѣе, крайне странное зрѣлище представляетъ двойственное впечатлѣніе произведенное документомъ и куріозная полемика изъ-за него возгорѣвшаяся. Протесты противъ соглашенія были заявлены въ Верхней Палатѣ лордомъ Греемъ и лордомъ Гаутономъ, изъ коихъ послѣдній изъ отвѣта герцога Ричмонда выводилъ что Англія отправилась на конгрессъ заключать контракты, въ коемъ отказалась бы отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, настоять на коихъ, какъ полагалъ я и другіе члены палаты, было обязанностью нашей страны.“ Этимъ протестамъ все громче вторять многіе изъ самыхъ преданныхъ министерству органовъ, плачась будто англо-русское соглашеніе уронило Англію въ глазахъ континентальныхъ державъ и повредило тому авторитету какой пріобрѣла было ей твердость

Беконсфильдовской политики. Это хорошо слаженный оркестръ разыгрывающій спетованную піесу.

Въ піесѣ много голосовъ, и не менѣе чѣмъ жалобныя ноты интересны успокоительные голоса. Главный запѣвало на этотъ тонъ есть газета *Times*, которая теперь каждый день все твердитъ что тревожиться нечего, потому что обнародованное соглашеніе не болѣе какъ одинъ элементъ „въ весьма сложномъ рядѣ сдѣлокъ“, и что Англійское правительство пока временно является въ невыгодномъ положеніи только потому что документъ обнародованъ безъ другихъ заявленій которыя должны сопровождать его. Кромѣ того, *Times*, анализируя обнародованный меморандумъ, разъясняетъ что Англія въ немъ не сдѣлала никакихъ уступокъ Россіи: она де только обѣщавалась не противиться силой оружія возвращенію Бессарабіи и пріобрѣтенію Батума, но это де не значить чтобъ Англія обязалась не поддерживать возраженій какія могутъ быть заявлены противъ этихъ, какъ и противъ всѣхъ другихъ пунктовъ Санъ-Стефанскаго договора на конгрессѣ.

Въ „проектѣ“ соглашенія мы видимъ со стороны Англіи по каждому пункту такъ много оговорокъ которыя она предоставляет себѣ предъявить на конгрессѣ что она можетъ возражать противъ всего на чемъ продолжала бы настаивать Россія. Полное отсутствіе взаимности во взаимно обязательномъ меморандумѣ мы уже указывали.

Какая же теперь могла быть цѣль обнародовать документъ который долженъ былъ возбудить такое будто бы негодованіе въ самой Англіи на правительство за сдѣлку съ Россіей, и что значать эти крики? Не желая казаться придирчивыми, не станемъ говорить отъ себя. Предоставимъ слово берлинскому корреспонденту *Times*, который, по поводу этой самой сдѣлки, пишетъ: „По всему что я слышу и вопреки обнародованнымъ документамъ, я крѣпко держусь убѣжденія что Россія *придется пойти гораздо далѣе минимума уступчивости обозначеннаго въ этихъ документахъ*, и что Англія конечно не расположена дѣлать уступокъ въ будущемъ разграниченіи между Болгаріей и Румеліей, и въ границахъ, организаціи и управленіи послѣдней. Разумѣется что Румелія будетъ имѣть побережье только по

„Черному Морю; что Турція сохранить надъ этою позиціей верховную власть; что она будетъ назначать христіанскаго губернатора; что *русскій элементъ не будетъ фигурировать* ни въ администраціи, ни въ правительствѣ, и наконецъ, — это важнѣе всего, — что *на всѣхъ границахъ Румелии, на сѣверѣ, на западѣ и на востоцѣ, также какъ по берегу Чернаго Моря Турціи будетъ дана возможность укрѣпить и оградить себя занявъ гарнизоны всѣхъ укрѣпленныя позиціи на ея новыхъ границахъ. Вотъ какимъ образомъ будетъ нейтрализовано разрушеніе Оттоманской имперіи, которое было цѣлью Санъ-Стефанскаго трактата.*“

Вотъ разгадка того темнаго пункта въ англо-русскомъ меморандумѣ гдѣ значится что Англія предоставляетъ себѣ отстаивать право Порты располагать войска на границахъ южной и болгарскихъ провинцій. И если вѣрить телеграфнымъ извѣстіямъ о совѣщаніяхъ конгресса, то именно о расквартированіи турецкихъ гарнизоновъ по Балканамъ и шла рѣчь на конгрессѣ. Хороша будетъ автономія этой южной провинціи въ тискахъ турецкихъ войскъ, которыя обогрили ее потоками крови и прославились звѣрствами...

Характеръ и толкованія англо-русскаго соглашенія напоминаютъ намъ исторію Лондонскаго протокола прошедшаго года, которымъ хотѣли въ послѣднюю минуту предотвратить войну нашу съ Турціей...

№ 150.

Москва, 13-го Іюня.

Конгрессу; если вѣрить телеграммамъ, занять вопросомъ объ организаціи Болгаріи и такъ-называемой „южной провинціи“, для которой въ послѣдствіи будетъ измышлено особое имя, чтобы только не быть ей Болгаріей.

„Занявъ твердое положеніе“ и не дѣлая никакихъ уступокъ, лордъ Беконсфильдъ вынуждаетъ у Россіи уступку той самой части Болгаріи которая такъ ужасно пострадала и за которую собственно и была предпринята война. Это та самая часть Болгаріи которая была театромъ „болгарскихъ ужасовъ“, это Филиппополь, это Эски-Загра, Эни-Загра, Казанлыкъ, Долина Розъ, Шипка, столь памятная намъ

Шипка, всѣ тѣ мѣста гдѣ вновь, послѣ на-шего налета, происходили неистовства надъ несчастнымъ населеніемъ которое приходили мы спасать и освобождать... Эту-то часть Болгаріи должны возвратить мы послѣ мгновенной, увы, обманчивой радости освобожденія, возвратить въ прежнее положеніе, подъ турецкую милость. Самая національность этихъ населеній, несомнѣнно болгарская, приносится въ жертву „эллинской идеѣ“, которую англійская политика поддерживаетъ лишь на сколько нужно чтобы повредить болгарскому народу. У этой за-Балканской Болгаріи отнимаютъ даже право называться Болгаріей, и это все предполагается послѣ побѣдоносной войны за освобожденія этихъ населеній, и когда еще русскія войска занимаютъ эту не имѣющую имени провинцію.

Россія не возражала противъ установленія способа и случаевъ когда турецкимъ войскамъ будетъ дозволено вступать въ южную провинцію чтобы противодействовать возстанію или вторженію. Но Англіи было мало этой радикальной уступки: ей еще нужно, во первыхъ, давленіе на это молодое, вассальное княжество; нужна непосредственная близость турецкой военной силы къ столицѣ этого княжества, Тырнову; нужно средство лишить организуемую въ южной провинціи, хотя и подъ властію назначаемыхъ Портою начальниковъ милиціей всякаго значенія, доставивъ турецкой власти полную возможность обозоружить и разогнать ее. Для достиженія этой цѣли самымъ надежнымъ средствомъ будетъ укрѣпленіе линіи Балканъ, назначенной границею между обѣими половинами Болгаріи и занятіе этихъ укрѣпленій турецкими войсками. Сила укрѣпленій, которыя предоставляется Туркамъ возвести въ „Балканскихъ проходахъ“, численность ихъ гарнизоновъ, все это вѣроятно будетъ предоставлено усмотрѣнію Порты.

Еслибы рѣчь шла объ укрѣпленіи путей ведущихъ съ линіи Шумла-Варна къ Адрианополю и далѣе, это можно бы еще истолковать какъ мѣру предосторожности противъ нападенія сильнаго сосѣдняго государства которое уже пользовалось этими путями; но занятіе всѣхъ проходовъ въ Балканахъ могло бы только ослабить турецкую армію, почти безъ нужды растягивая на нѣсколько сотъ верстъ ея оборонительную линію.

Россія, сказано въ соглашеніи подпи-

санномъ лордомъ Солсбери и графомъ Шуваловымъ, „придаетъ особенную важность, выходу турецкихъ войскъ изъ южной Болгаріи;“ она „не имѣла бы ни увѣренности, ни ручательства за будущность болгарскаго населенія, еслибы турецкія войска остались въ этой провинціи.“ Лордъ Солсбери, сказано далѣе, *соглашается* на выходъ турецкихъ войскъ. На конгрессѣ, судя по дошедшимъ свѣдѣніямъ, русскій уполномоченный повторилъ это условіе; но вотъ оказывается что *de facto* Турки остаются въ странѣ, подъ видомъ занятія проходовъ въ Балканахъ. Эти турецкія гнѣзда построенныя на неприступныхъ вершинахъ Балканскаго хребта будутъ господствовать надъ страной. Турецкіе гарнизоны тѣхъ нѣсколькихъ пунктовъ которые еще не въ далекомъ прошломъ Турки занимали въ Сербіи, были источникомъ множества затрудненій для сербскихъ властей; эти пункты были притонами всякаго насилія и разбоя. Не безъ причины Сербское правительство такъ настаивало на удаленіи турецкихъ войскъ изъ предѣловъ Сербіи. Нѣтъ никакой причины ожидать что въ южной Болгаріи, такъ тяжко пострадавшей, дѣла пойдутъ иначе. Сербія была вассальнымъ княжествомъ и пользовалась гораздо болѣе широкими правами нежели какая-то жалкая административная автономія подъ турецкими властями; даруемая южной провинціи. Сербское княжество имѣло наконецъ милицію подъ командою сербскихъ начальниковъ, милицію которая была въ состояніи поддержать авторитетъ сербскихъ властей, тогда какъ южно-болгарская милиція подъ рукой турецкаго начальства и командуемая на половину греческими офицерами, едва ли послужитъ серіозною гарантіей безопасности населенія.

Грозныя укрѣпленія съ сильными гарнизонами отъ Елены до Шипкинскаго перевала, всего въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ столицы, не будутъ ли постояннымъ гнетомъ и на правительство княжества? Не назначаются ли они, между прочимъ, также для того чтобы парализовать вліянія Россіи въ первые годы жизни этого княжества, когда оно будетъ еще занято русскою силой?

Полученная сегодня берлинская депеша *Международнаго Агентства* утверждаетъ будто предоставленіе Туркамъ права занять своими войсками южныя скалы Балканъ внесено въ „условія предложенныя на

„конгрессѣ Россіей по Балканскому вопросу“ одновременно съ предложеніемъ присоединить Софійскій санджакъ къ княжеству Болгаріи, а не къ южной провинціи, къ которой онъ долженъ былъ бы отойти по первоначальнымъ свѣдѣніямъ.

Трудно вѣрить всему этому. Съ присоединеніемъ Софійскаго санджака къ Болгарскому княжеству, занятіе Балканскихъ проходовъ, какъ мѣра противъ вторженія, теряетъ всякій смыслъ. Нельзя думать объ оборонѣ переваловъ у Шипки и Елены въ то время когда западные перевалы находятся во власти противника расположеннаго у Софіи, то-есть въ тылу и во флангѣ; думать же что, несмотря на присоединеніе Софіи къ Болгаріи, сообщенія этого санджака съ княжествомъ будутъ находиться во власти турецкихъ войскъ рѣшительно нелѣпо.

Въ § 5 англо-русскаго соглашенія Россія выговорила себѣ „полную свободу обсуждать предложенія Солсбери о предложеніи султану права располагать его войска на границахъ южной Болгаріи.“ Теперь оказывается будто предложеніе это идетъ со стороны Россіи. Что-нибудь одно: или послѣднее извѣстіе не вѣрно, или, обсуждая вопросъ съ „полною свободой“, русскіе уполномоченные отступились отъ своего первоначальнаго требованія, — ужь не въ виду ли затруднительнаго положенія Солсбери, которому будто бы грозила отставка за то что онъ слишкомъ мало выговаривалъ у Россіи уступокъ...

№ 151.

Москва, 14-го іюня.

Нескромность газеты *Globe*, посреди официальной тайнственности конгресса, — скандалъ на скандалѣ. Всѣ стараются раскрыть виновниковъ этого куріознаго происшествія. Разнообразные толки и намеки которые пускаются въ ходъ то противъ одной, то противъ другой стороны, даютъ основаніе лишь къ одному несомнѣнному выводу: что вся эта исторія не есть что-либо случайное и что подобныя нарушенія государственныхъ тайнъ (всегда повторяющіяся въ эпохи крайняго политическаго напряженія) никакъ нельзя приписывать только „пронырству“ печати. Кому-нибудь нужна была эта неожидан-

ность, а кому именно, объ этомъ не трудно догадаться, судя по усилямъ органовъ враждебныхъ Россіи свалить вину съ больной головы на здоровую. По истинѣ изумительно съ какою наглостью высказываются по этому поводу величайшія несообразности, въ разчетѣ на легковѣріе публики. Въ этомъ отношеніи отличилась въ особенности вѣнская *Neue Freie Presse*. Ея берлинскій корреспондентъ, специально пишущій о конгрессѣ, упоминаетъ о слухѣ будто графъ Беконсфильдъ *самъ впервые узналъ* о содержаніи англо-русской сдѣлки лишь по разглашеніи ея газетой *Globe*. Этотъ слухъ корреспондентъ считаетъ нужнымъ серьезно опровергнуть и поправляетъ его „по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ,“ въ томъ смыслѣ будто графъ Беконсфильдъ узналъ о соглашеніи *тогда-то по заключеніи онаго*. Англійскій премьеръ отвергъ это соглашеніе „какъ нарушение интересовъ остальной Европы, какъ рѣшеніе одностороннее и не исчерпывающее предмета.“ Проектъ остался де проектомъ; но послѣдствіемъ онаго было де то что графъ Беконсфильдъ проникся глубокимъ недовѣріемъ къ маркизу Солсбери и рѣшился самъ поѣхать на конгрессъ, дабы маркизу Солсбери не удалось за плечами его снова осуществить отвергнутое соглашеніе съ графомъ Шуваловымъ. Тогда-то въ газетѣ *Globe* произошло скандальное оглашеніе документа, которое вѣнская газета не обинуясь приписываетъ интригамъ Россіи, будто бы желавшей этимъ путемъ „возбудить недовѣріе Европы къ Англій!“

Нужно ли доказывать, что намѣренная ложь сквозитъ въ каждомъ словѣ этого сообщенія? Стоить только припомнить что даже англійскія правительственныя газеты, тоже прикинувшіяся недовольными „неожиданно“ оглашеннымъ документомъ, не рѣшались утверждать такую несообразность, будто бы статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ дѣйствовалъ безъ вѣдома главы кабинета. Но и англійскія газеты усиливались подвергнуть сомнѣнію обязательную силу соглашенія подъ тѣмъ куріознымъ предлогомъ будто маркизъ Солсбери подписалъ его неполнымъ своимъ именемъ, а лишь начальными буквами, причемъ въ объясненіе „нескромности“ газеты *Globe* также пущены были въ ходъ какія-то совсѣмъ непонятныя инсинуаціи противъ Россіи.

Подумаешь что пресловутымъ соглаше-

ніемъ ознаменовано какое-то дипломатическое торжество Россіи! Но вся эта игра становится понятна если принять въ соображеніе что и эти злостные намеки противъ Россіи, и это мороченіе публики мнимыми для нея выгодами достигли своего апогея къ концу прошедшей недѣли, то-есть наканунѣ четвертаго засѣданія конгресса которое происходило въ субботу и въ которомъ имѣлъ быть въ принципѣ рѣшенъ вопросъ о Болгаріи. Телеграфъ сообщалъ уже намъ, на основаніи самыхъ разнообразныхъ источниковъ (на этотъ разъ вполне между собою согласныхъ), въ чемъ именно заключается принятое въ принципѣ рѣшеніе. Если вѣрить ему, то въ сравненіи съ нимъ лондонское соглашеніе дѣйствительно покажется дипломатическою побѣдой Россіи. О Болгаріи раздѣленной на двѣ половины, хотя бы съ различными степенями автономіи, нѣтъ болѣе рѣчи, и теперь уже съ полною безцеремонностью говорятъ что границей Болгаріи будутъ Балканы. Затѣмъ мы узнаемъ истинный смыслъ оговорки заключающейся въ лондонскомъ меморандумѣ, по которой „Англія предоставляет себѣ отстаивать право Порты располагать войска на границахъ южной болгарской провинціи.“ Южной Болгаріи не будетъ вовсе, но за то Туркамъ предоставлено будетъ „охранять ея границы,“ то-есть имѣть на всѣхъ пунктахъ, въ томъ числѣ и въ Балканскихъ проходахъ, готовую военную силу дабы предотвратить навсегда возможность всякой попытки со стороны за-Балканскихъ Болгаръ соединиться со своими соплеменниками по сю сторону хребта. Для возможныхъ въ будущемъ войнъ между Россіей и Турціей горные проходы въ Балканахъ потеряли свое стратегическое значеніе, ибо для похода въ Турцію болѣе удобнымъ путемъ можетъ служить черноморское побережье предоставляемое сѣверной Болгаріи. Стало-быть турецкіе гарнизоны въ Балканскихъ проходахъ предназначаются именно противъ Болгаръ южной провинціи. Властью и авторитетомъ конгресса, призваннаго „умиротворить“ Европу и избавить ее отъ потрясеній вызванныхъ главнымъ образомъ Тамерлановскою рѣзней на равнинахъ Филиппополя въ 1876 году, Туркамъ будетъ обезпечена возможность повторить при первомъ удобномъ случаѣ всѣ свои гнусности... Гдѣ же ты „святое дѣло,“ о которомъ такъ

много было говорено? Дорогая русская кровь, за что же ты была пролита так обильно?

Наканунъ субботняго засѣданія конгресса, въ которомъ, если вѣрить послѣднимъ сообщеніямъ, вопросъ о Болгаріи будто бы разрѣшенъ въ указанномъ смыслѣ, въ Берлинѣ ожидали „рѣшительнаго нѣтъ“ со стороны Россіи. По этому поводу тамошняя *Національная Газета*, устами одного изъ своихъ посвященныхъ въ тайны конгресса, меланхолически обсуждала общее положеніе работъ конгресса и высказывала опасеніе чтобы дѣло не „погрязло.“ Но эти мрачныя предчувствія мотивировались не однимъ предвидѣніемъ сопротивленія Россіи, а указывалось и на возможность противодѣйствія со стороны Турціи; противодѣйствія касающагося уже не „южной только провинціи,“ но и сѣверной Болгаріи, Турки до сихъ поръ не очистили Шумлы и Варны. Что будетъ, такъ возражаетъ *Національная Газета*, если Турки станутъ упорствовать даже когда Россія согласится на предложеніе относительно южной Болгаріи? На кого будетъ возложена „эзекуція“ постановленій конгресса если Турки не захотятъ подчиниться имъ, и если придется силой удалить ихъ изъ крѣпостей?

Вообще иностранныя газеты съ особенною настойчивостью указываютъ на то будто Турки проявляютъ небывалую до сихъ поръ самоувѣренность. Толкуютъ о недовольствѣ ихъ противъ Англіи вслѣдствіе обнародованія англо-русскаго соглашенія, и не на шутку повидному готовятъ публику къ новому акту „мусульманскаго упрямства,“ уже два раза разстроившему европейскій „концертъ,“ на Константинопольской конференціи и послѣ Лондонскаго протокола 1877 года.

Но неужели думаютъ что обманъ удастся и на этотъ разъ, и что кто-нибудь повѣритъ въ серіозность этой омерзительной комедіи?

Въ этой комедіи лишь одно серіозно: это то что ее опять ставятъ на сцену.

№ 152.

Москва, 15-го іюня.

На дняхъ газета *Times* отозвалась очень высоко о задачѣ Берлинскаго конгресса.

Ей угодно было видѣть въ немъ первый примѣръ международнаго парламента великихъ націй, и затѣмъ она изрекла слѣдующее сужденіе о его занятіяхъ: „Уполномоченные могутъ хранить въ извѣстной мѣрѣ тайну своихъ совѣщаній пока они „продолжаются; но содержаніе и ходъ преній рано или поздно обнаружатся не мѣнѣе какъ и результатъ, и авторитетъ ихъ рѣшеній будетъ много зависѣть отъ полноты съ какою обсуждались спорные вопросы и отъ принциповъ кои одержали верхъ. Они дебатируютъ предъ цѣлымъ міромъ, они устанавливаютъ прецеденты и „создаютъ исторію болѣе явнымъ образомъ чѣмъ это было возможно для всякаго другаго подобнаго собранія.“

Было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо еслибы члены конгресса поняли свою работу какъ историческую задачу. Они почтили бы историческій фактъ. Они признали бы что Оттоманское владычество въ Европѣ сокрушено безвозвратно; они не стали бы задаваться измышленіями фантастическихъ и искусственныхъ плановъ коимъ не можетъ быть суждена будущность, и оцѣнили бы не только умѣренность, но и справедливость общихъ начертаній Санъ-Стефанскаго договора. Они стали бы не урѣзывать и портить его, а постарались бы развить начала положенныя ему въ основаніе.

На другой день, въ той же газетѣ, читаемъ что главное затрудненіе для конгресса заключается де въ томъ что Болгаріи какъ національности до сихъ поръ вовсе не было, а что она была вызвана Россіей къ существованію во время послѣдней войны и посредствомъ этой войны. И въ доказательство тому приводится обиліе плановъ для созданія и устройства Болгаріи. Такихъ плановъ, по замѣчанію *Times*, предъ конгрессомъ было по крайней мѣрѣ три. Одинъ изъ нихъ есть планъ Санъ-Стефанскаго договора создающій изъ Болгаріи одно большое государство; другой, предложенный Англіей, ограничиваетъ независимость Болгаріи Балканами, а провинцію къ югу отъ нихъ удовлетворяетъ лишь автономіей, а что такое автономія, — „это,“ говоритъ *Times*, „такого рода вещь которой значеніе никто не можетъ опредѣлить и которая можетъ быть расширена или сокращена смотря по цѣли.“ Наконецъ есть де еще третій планъ, которому Турки отдаютъ предпочтеніе и ко-

торый удержалъ бы подъ ихъ властью всю часть Болгаріи прилежащую къ Черному Морю, линіей проведенною черезъ Шумлу и Балканы до Родопскихъ горъ. Изъ существованія подобныхъ плановъ дѣлается выводъ что хотя война и разрушила оттоманскую власть въ Болгаріи, но нѣтъ де еще ничего что бы можно было поставить на ея мѣсто. А затѣмъ, восхваливъ успѣхъ англійской дипломатіи въ ея стараніяхъ сократить Болгарію Санъ-Стефанскаго договора, *Times* о задачѣ конгресса отзывается слѣдующимъ образомъ: „Движеніе Россіи „преграждено, и если конгрессъ воспользуется даннымъ случаемъ, какъ слѣдуетъ, „преграждено навсегда.“

Конгрессъ, и не только конгрессъ, а вся сила Англіи, совокупно съ силой Австріи, безсильна уничтожить совершившееся. Дѣло ополчившее Россію, „святое дѣло,“ какъ было оно названо и какъ всѣми въ Россіи было почувствовано, есть фактъ который нельзя вырвать изъ исторіи.

Могутъ ли противники Россіи и ея дѣла, въ осуществленіи своихъ враждебныхъ ей плановъ, опереться на прочное основаніе?

Изъ чего Англія такъ хлопочетъ чтобы надъ южною, забалканскою частью Болгаріи поддержать турецкую власть? Можетъ ли Турція стать снова могущественною? Нѣтъ, этому не вѣрятъ Англичане, и они вовсе не заботятся объ усиленіи власти султана. У нихъ на умѣ совсѣмъ другое. Во всѣхъ константинопольскихъ корреспонденціяхъ разказывается о полной дезорганизаціи въ управленіи Порты. Особенно же достается въ послѣднее время самому султану за то что онъ устранилъ отъ себя и ото всѣхъ важныхъ должностей лицъ преданныхъ Англіи. „Правда, султанъ,“ пишетъ корреспондентъ *Times*, „при всей „его абсолютной власти, не всемогущъ. „Англія все еще можетъ разчитывать на „поддержку народнаго мнѣнія, и ненависть „къ Россіи между Турками сильнѣе чѣмъ „страхъ предъ ея силами. Но народъ въ „Турціи лишень интереса и инициативы; по- „корность султану есть закоренѣлый обы- „чай массъ, а войско готово слѣдовать за „своими вождями. Изъ нихъ же многіе боят- „ся Россіи болѣе чѣмъ любятъ Англію, а „иные не вѣрятъ обѣщаніямъ Англійскаго „правительства и досадуютъ на его полупод- „держку греческихъ надеждъ и претензій.“

Мораль же басни такова: „никакое чело- „вѣческое измышленіе не можетъ спасти

Турка отъ самоубійства,“ и „только уп- „равляя правительствомъ Турціи Англія мо- „жетъ спасти Турцію.“ Способъ же осуществленія этого указывается вкратцѣ слѣдующій: „Даже еслибы призракъ падишаха „на престолѣ и считался необходимымъ, „то было бы полезно поставить его въ по- „ложеніе индійскаго медиатизованнаго прин- „ца. Нуженъ не посолъ для дачи совѣта, „а лордъ верховный комиссаръ чтобы за- „ставлять Турцію идти указаннымъ пу- „темъ.“

Ну, не на пескѣ ли строятся подобные планы? А на нихъ очевидно разчитана политика Англіи. Развѣ легче ихъ осуществить чѣмъ привести въ исполненіе Санъ-Стефанскій трактатъ который предоставляетъ освобожденную Болгарію никому другому какъ Болгарамъ? Понятно что Англія желаетъ чтобы медиатизованная, по примѣру Индіи, Турція была пошире, но Англичане забываютъ что они не завоевали еще Турціи подобно Индіи, и что ея христіанскіе народы сами, по всему вѣроятію, не желаютъ раздѣлить долю Индусовъ.

№ 153.

Москва, 16-го іюня.

Телеграфируютъ изъ Берлина что наслѣд- ный принцъ Прусскій или Германскій, на парадномъ обѣдѣ, сказалъ: „Я увѣренъ теперь въ сохраненіи всеобщаго мира.“ Откуда же теперь такая радостная увѣренность? Что произошло на этихъ дняхъ въ августѣйшемъ ареопагѣ рѣшающемъ судьбы міра въ Берлинѣ? Рѣшенъ, говорятъ, вопросъ который своими недавними пароксизмами потрясалъ цѣлый міръ, вопросъ объ этихъ несчастныхъ христіанскихъ населеніяхъ преданныхъ самому гнусному поруганію во имя такъ-называемой европейской цивилизаціи,—улажено то „свя- „тое дѣло“ которое подняло изъ конца въ конецъ всю Русскую землю и за которое было пролито столько русской крови. Какъ же рѣшенъ этотъ вопросъ, какъ же улажено это дѣло? Лондонская печать (*Times* отъ 25 іюня) сегодня отвѣчаетъ намъ радостнымъ крикомъ торжества:

„Наши извѣстія сегодня о ходѣ пере- „говоровъ въ Берлинѣ рѣшительны и удо- „влетворительны. Самый трудный спорный „пунктъ между Англійскимъ и Русскимъ

„правительствомъ улаженъ тамъ какъ мы настаивали. Пограничная линія Сѣверной „Болгаріи проведена по Балканамъ, и горные проходы должны остаться за Портой, которая будетъ занимать ихъ своими гарнизонами.“

Чему же тутъ радоваться, и почему наслѣдний принцъ Прусскій могъ, въ виду такого рѣшенія вопроса, возымѣть благодушную увѣренность въ сохраненіи мира? Развѣ такое рѣшеніе можетъ быть названо миромъ, — развѣ на такомъ рѣшеніи можетъ успокоиться честная мысль и христіанская совѣсть? Развѣ можно радоваться такому вопіющему торжеству зла въ самомъ очевидномъ, въ самомъ возмутительномъ его выраженіи?

Какъ древніе авгуры, члены конгресса, сами, конечно, смѣются глядя другъ на друга при словѣ автономія для этихъ злополучныхъ населеній, которыхъ язвы обнажились такъ страшно предъ міромъ. Еще такъ недавно эти бѣдные люди ликовали и радовались что Богъ спасъ ихъ оружіемъ и доблестью великой, православной и родной имъ Россіи, и встрѣчали наши войска съ образами, съ хлѣбомъ и солью. Жители Румеліи, это лучшая часть Болгарскаго народа; страна эта есть благодатнѣйшій край Балканскаго полуострова. Эти населенія уже считали себя свободными; имъ блеснула заря человѣческаго существованія; для нихъ взошло было солнце 19 февраля. Въ виду этихъ побѣдоносныхъ войскъ, преодолевшихъ неслыханныя преграды, они впервые почувствовали себя вполне обезпеченными въ своемъ достоинствѣ, въ своей жизни, въ своей чести. И вотъ, теперь изъ Берлина, изъ европейскаго ареопага, котораго такъ пламенно добивалась наша дипломатическая интеллигенція, долетаетъ къ нимъ и разносится между ними страшная вѣсть, что блеснувшая имъ свобода исчезла какъ призракъ, что мудрость Европы снова отдаетъ ихъ на съѣдъ варварамъ, что они снова останутся наединѣ съ турецкою властію. Они поймутъ, они не могутъ не понять, что участь которая имъ готовится будетъ еще горше прежней... Сколько новой вражды, новой злобы скопилось противъ нихъ въ мусульманскихъ населеніяхъ, которыя снова почувствуютъ себя во власти и силѣ! Да и какъ не чувствовать имъ себя въ силѣ когда вся эта страна будетъ охвачена желѣзнымъ кольцомъ оттоманскихъ

войскъ которыя будутъ занимать всѣ пограничныя укрѣпленныя мѣста! У Болгаръ за Балканами отнимаютъ даже ихъ народное имя. Съ утонченностію, достойною современной европейской цивилизаціи, конгрессъ не хочетъ оставить за „южною провинціей“ имя Болгаріи и предлагаетъ называть ее Восточною Румеліей. Но въ этой Восточной Румеліи не будетъ, говорятъ, ни одного „турецкаго солдата.“ Какая насмѣшка! Какъ же не будетъ, когда всѣ укрѣпленныя мѣста въ Балканахъ, то-есть въ командующихъ надъ страной позиціяхъ, будутъ заняты турецкими гарнизонами? Да, наконецъ, не будутъ же эти гарнизоны перелетать къ своимъ позиціямъ на воздушныхъ шарахъ и получать тѣмъ же путемъ продовольствіе? Стало-быть предоставляя Балканскіе проходы турецкимъ солдатамъ нельзя будетъ не предоставить имъ и путей и этапныхъ пунктовъ по Румеліи преисполненной автономіи. Кроме того, въ случаѣ мятежей, Высокой Портѣ, само собою разумѣется, предоставлено право разсылать свои войска во всѣхъ направленіяхъ. А какъ подавляютъ оттоманскія войска мятежи, это уже теперь всѣмъ извѣстно. Извѣстно также какъ легко могутъ подготавливаться и устраиваться мятежи, и какъ искусны въ этомъ Турки. Въ Румеліи будетъ своя милиція, но ею будутъ командовать офицеры назначенные султаномъ, и она будетъ состоять изъ разнородныхъ элементовъ, между которыми конечно не Болгары будутъ господствовать. За то, говорятъ, Европа будетъ надзирать надъ этою знаменитою автономіей. Европа! Не жестоко ли говорить о Европѣ въ данномъ случаѣ? Европа есть только терминъ дипломатической интриги и никакого реального значенія для христіанскихъ населеній Востока не имѣла и имѣть не можетъ. Болгарскія населенія вѣдаютъ по опыту что такое Европа; и что значатъ гарантіи европейскаго контроля. Спасали ихъ Европа отъ тѣхъ ужасныхъ испытаній которымъ они подвергались на глазахъ этой ожирѣвшей Европы, которая присутствовала при зрѣлищѣ „болгарскихъ ужасовъ“ какъ языческій Римъ въ циркѣ при терзаніи христіанъ дикими звѣрями.

Гдѣ же тотъ миръ который считается обезпеченнымъ, и чему такъ обрадовались въ Берлинѣ?

Война была вызвана страшными злодѣ-

яніями Турокъ въ южной Болгаріи, именно въ Филиппопольскомъ санджакѣ,—злѣдѣніями отъ которыхъ пришелъ въ содроганіе весь христіанскій міръ. Болгарская рѣзня вызвала рядъ дипломатическихъ попытокъ направленныхъ (по крайней мѣрѣ официально) къ тому чтобы предотвратить возможность повторенія подобныхъ ужасовъ... Усилія дипломатіи не привели ни къ чему; Россія взялась за оружіе. Русскій народъ доблестно совершилъ свое „святое дѣло.“ Теперь оказывается что именно та часть Болгаріи которая была поводомъ къ войнѣ возвращается подъ прежнее иго, но при условіяхъ еще болѣе тяжелыхъ для несчастной страны, ибо непримиримая фанатическая ненависть сказавшаяся въ избіеніяхъ массахъ, при неистовствахъ самаго гнуснаго свойства, какихъ дикіе звѣри не дѣлаютъ,—эта ненависть и озлобленіе нынѣ усугубились. Мусульманская вооруженная сила, а стало-быть и башки-бузуки, будутъ и впредь властвовать въ странѣ и получать возможность, по выходѣ оттуда русскихъ войскъ, показывать на беззащитномъ населеніи всю силу своего фанатическаго озлобленія и накопившагося чувства мести.

Чему же радовался наслѣдный принцъ Пруссій на банкетѣ въ Берлинѣ?

№ 154.

Москва, 17-го іюня.

А.

Англійскія газеты легендарными сказаніями прославляютъ успѣхъ одержанный англійскою политикой на конгрессѣ по самому существенному пункту,—по вопросу о Болгаріи которая не должна быть Болгаріей! Какими крупными штрихами и въ какомъ славномъ ореолѣ рисуютъ они образъ англійскаго министра, котораго на нашей памяти всѣ бывало осмѣивали. Дѣло идетъ о засѣданіи бывшемъ въ пятницу на прошедшей недѣлѣ, 9 (21) іюня. Вотъ что читаемъ: „Лордъ Беконсфильдъ рѣшительно поставилъ продолженіе конгресса въ зависимость отъ принятія британскихъ требованій русскими уполномоченными... Когда будутъ обнародованы протоколы конгресса, что не можетъ долго замедлить, то лѣтопись послѣднихъ немногихъ дней представить повѣсть бла-

городной рѣшимости и славнаго успѣха. Въ началѣ этой недѣли лордъ Беконсфильдъ извѣстилъ русскихъ уполномоченныхъ что если условія Санъ-Стефанскаго трактата не будутъ выброшены и не будетъ принята программа которая оставитъ Турціи позицію для охраненія своихъ границъ и для поддержанія своего существованія въ будущую войну (видите войну!) то британскіе уполномоченные найдутъ „безполезнымъ продолжать пренія.“ Главный пунктъ британской программы есть сдача Балканъ Туркамъ и закрытіе горныхъ проходовъ фортами. „Русскіе уполномоченные не соглашались было на требуемыя уступки, но лордъ Беконсфильдъ, наконецъ, далъ понять что если нынѣшнее засѣданіе не приведетъ къ результату, то онъ сочтетъ должнымъ удалиться. Это подѣйствовало. Россія уступила.“ Въ разказѣ другаго корреспондента эпизодъ передается съ меньшимъ пафосомъ: „Всѣ эти вопросы были улажены столь почетнымъ, могу сказать столь славнымъ для Англіи образомъ вслѣдствіе твердости англійскихъ уполномоченныхъ. Въ прошедшую пятницу Европа, не подозревая того, пережила серіозный кризисъ. Въ теченіе этого дня Австрія приняла мѣры чтобы узнать готова ли Англія прервать переговоры по какому-либо изъ пунктовъ ею выставленныхъ. Лордъ Беконсфильдъ, съ необычайною энергіей, внушаемою строгимъ сознаніемъ долга, не поколебался увѣрить самого князя Бисмарка (какова энергія!!) что по вопросу о линіи Балканъ и занятіи ихъ турецкими гарнизонами Англія не задумается ни на минуту, и что онъ, лордъ Беконсфильдъ, въ понедѣльникъ уѣдетъ изъ Берлина если къ тому времени не будетъ дано удовлетвореніе требованіямъ Великобританіи. Англійскіе уполномоченные полагаютъ что въ этихъ пунктахъ заключается дѣйствительное уничтоженіе Санъ-Стефанскаго трактата.“ Бисмаркъ будто бы что-то было замѣтилъ, но Беконсфильдъ будто бы крикнулъ: „я прибылъ сюда не затѣмъ чтобы уступать.“ Въ результатѣ объявляется что „одержанная побѣда тѣмъ значительнѣе что ее выиграли характеръ и умъ, не обнажая меча и не проливъ крови.“ Бисмаркъ пригласилъ де Беконсфильда на семейный обѣдъ къ себѣ, и корреспонденты съ гордостью прибавляютъ: „другихъ гостей не было.“

Итакъ англійская политика торжествуетъ побѣду... Надъ Россіей ли только? Русское дѣло на Востокѣ было дѣломъ человечества, и Берлинскій конгрессъ одержитъ двойную побѣду. Но въ Англіи есть люди не совсѣмъ нечувствительные къ пораженнымъ на конгрессѣ интересамъ. Они скорбятъ о побѣдѣ одержанной Беконсфильдомъ, не потому конечно, что поражены интересы Россіи, но что поражены неразрывно съ ними связанныя на Востокѣ интересы человечества. *Daily News*, тотъ Лондонскій органъ, который, благодаря своимъ честнымъ и даровитымъ корреспондентамъ, такъ много способствовалъ раскрытію ужасовъ турецкой расправы въ Болгаріи, отзываясь такъ по поводу Берлинскихъ извѣстій о ходѣ конгресса:

„Ясно что готовятся сладить компромиссъ, но ясно также что компромиссъ, „этотъ не можетъ быть прочнымъ дѣломъ. „Онъ придуманъ въ видахъ поддержать „или усилить Турцію: обманчивая мысль! „Болгарія разрѣзана на двое и ослаблена; Турки будутъ держать гарнизоны въ „Балканахъ; южная граница Румелии будетъ отодвинута такъ чтобы оставить „Портѣ значительную полосу вокругъ Константиноля. Все это затѣмъ чтобы, какъ „говорятъ, сохранить настоящую и вѣчную Турцію въ Европѣ. Даже политики „наиболѣе убѣжденные въ могущество дипломатіи устраивать сдѣлки наперекоръ „природѣ едва ли могутъ думать чтобы „намѣченное улаженіе могло имѣть прочность. Стоитъ взглянуть на карту обозначающую распределеніе племенъ чтобы „видѣть всю фальшь этой сдѣлки. Нѣтъ, „новый срокъ жизни въ качествѣ независимой европейской державы который „были для Порты англійскіе и австрійскіе представители не можетъ быть проченъ!“

Далѣе читаемъ: „Всѣ племена выступающія просителями на конгрессѣ должны получить не менѣе чѣмъ просятъ и чѣмъ заслуживаютъ, для того только „чтобы Турція осталась въ обладаніи достаточною силой для защиты своего положенія въ Европѣ. Было бы удовлетворительнѣе видѣть англійскихъ, французскихъ и австрійскихъ уполномоченныхъ „заботящимися скорѣе усилить чѣмъ сократить право юныхъ народностей на Востокѣ. Южная Болгарія, лишенная Бургаса, своего естественнаго порта и съ

„турецкими гарнизонами, плохое начало, „для государства.“

Хотите ли поближе узнать кому прежде всего въ пользу послужитъ русская уступка? Нынѣшняя сессія англійскаго парламента повидимому послѣдняя и кабинетъ готовится къ общимъ выборамъ. Одинъ изъ членовъ министерства (лордъ Джонъ Маннерсъ) ужь объявилъ своимъ избирателямъ 22 іюня что когда результаты конгресса станутъ извѣстны и страна найдетъ ихъ неудовлетворительными, то она можетъ выразить порицаніе министрамъ, но если, какъ онъ надѣется, произойдетъ иной результатъ, то „на будущихъ выборахъ сочувствіе народа вновь поддержитъ министровъ...“

Б.

Уладивъ дѣла восточной половины Балканскаго полуострова, конгрессъ перейдетъ къ западной и вступитъ въ сферу австрійскихъ интересовъ. Дѣла пойдутъ быстрѣе. Уже теперь русскіе уполномоченные „посоветовали представителямъ „Сербіи и Черногоріи войти въ соглашеніе съ Австріей, которая по всей вѣроятности скоро займетъ Боснію и Герцеговину и получить въ свое вѣдѣніе торговый путь въ западной части Балканскаго полуострова, ведущій къ Салоникамъ.“ Съ этою послѣднею цѣлью, между границами Черногоріи и Сербіи будетъ оставлена полоса земли шириной въ двадцать верстъ.

Предстоящему занятію Босніи и Герцеговины австрійскими войсками срокъ не назначается, подобно тому какъ онъ назначенъ для побѣдоносной русской арміи.

Турки однако не уступаютъ. За то, если вѣрить берлинскимъ газетамъ, „выгодное „рѣшеніе вопроса о Софійскомъ санджакѣ „послужило къ сближенію между Австріей „и Россіей, вслѣдствіе чего послѣдняя и „рекомендовала Черногоріи и Сербіи столковаться съ Австріей.“

Австрійская программа возрожденія народовъ западной половины Балканскаго полуострова давно извѣстна. О ней твердятъ австрійскія газеты болѣе полутора года. Требованія Австріи — торговая и военная конвенція съ государствами Балканскаго полуострова при занятіи Босніи и Герцеговины. Къ исполненію этой программы Австрія готовится серіозно: войска кон

должны будутъ вступить въ Боснію и Герцеговину мобилизованы; проектъ желѣзной дороги которая связала бы Салонико-Митровицкій путь съ австрійскою вѣтвью выработанъ. Теперь „въ интересахъ Европы“ идетъ рѣчь о томъ чтобы Салоники были непосредственно связаны „и съ австрійскими линіями, черезъ Нови, и съ Венгерскими черезъ Бродъ.“

Предусмотрительная Австрія озабочена открыть себѣ и другой путь, — къ Константинополю, — который отдалъ бы въ ея руки торговлю юной Болгаріи и несчастной Восточной Румеліи. Присоединение Софіи къ Болгаріи было допущено конечно не намъ въ угоду, а въ интересахъ Австріи. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* говоритъ что русское требованіе о присоединеніи Софіи къ Болгаріи было мотивировано необходимостью „дать выходъ торговлѣ этой страны,“ которая можетъ существовать не иначе какъ только владѣя Варной и Софіей. „Софія,“ прибавляетъ органъ князя Бисмарка, „весьма легко можетъ быть соединена рельсовымъ путемъ съ одной стороны съ Константинополемъ, а съ другой, черезъ Нишъ съ Бѣлградомъ, и слѣдовательно можетъ войти въ связь съ Пештомою и Вѣной. Наконецъ, не представится особыхъ затрудненій связать Софію „особою вѣтвью съ Салонико-Митровицкою желѣзною дорогой.“

Такимъ образомъ; Балканскій полуостровъ покрылся бы сѣтью желѣзныхъ дорогъ на коихъ господствовала бы Австрія. Въ виду австрійскихъ интересовъ, турецкіе конечно должны отступить на задній планъ... Занятіе турецкими гарнизонами всей линіи Балканъ мотивировалось необходимостью огражденія Восточной Румеліи, то-есть Турціи, отъ попытокъ со стороны Болгаріи и Россіи. Австрія была сторонницею, и если вѣрить германскимъ газетамъ; самую рьяною защитницей этого требованія. Утверждаютъ даже что Англія будто бы уже готовилась уступить Россіи по этому пункту, но на поддержку ей явилась Австрія, и Турки получили право занять Балканы; но когда Россія заговорила о Софійскомъ санджакѣ, то-есть сдѣлала предложеніе выгодами котораго могла воспользоваться — Австрія, конгрессъ уступилъ, жеманно прикрываясь желаніемъ сдѣлать что-нибудь пріятное для русской дипломатіи.

Болгарія, эта узкая, длинная полоса зем-

ли, сжатая Балканами съ сѣвера, Дунаемъ съ юга, и на западѣ примыкающая къ самой неудобной границѣ Сербіи, получала одинъ только выходъ для своего торгового движенія чрезъ Варну, въ Черное море. Торговля ея становилась подъ вліяніе Россіи; требовалось сжать эту страну, лишить ее „жизненности и даже возможности существованія.“ Но вотъ открывается возможность связать Болгарію торговыми путями съ Австріей и положеніе дѣлъ мѣняется. О военномъ значеніи Балканскихъ укрѣпленій нѣтъ уже и рѣчи. Болгаріи позволяютъ „стать,“ какъ выражается офиціозная берлинская газета, „твердою ногой по ту сторону Балканъ, пріобрѣсти важную стратегическую позицію, лишаящую турецкія укрѣпленія въ Балканахъ всякаго военнаго значенія, такъ какъ и въ будущемъ, подобно настоящей войнѣ, ихъ невозможно удерживать въ виду арміи наступающей отъ Софіи.“ Теперь все поставлено на свое мѣсто: Восточная Румелія стиснута турецкими укрѣпленіями и наполнена турецкими солдатами, подъ видомъ занятія эталныхъ путей и пунктовъ; а болгарская торговля тѣсно связана съ Австрійскою. Опасное вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ парализовано.

Австрія буквально становится хозяиномъ западной половины Балканскаго полуострова, и вопросъ о военной конвенціи съ Сербіей и Черногоріей, а можетъ-быть съ Румыніей, и даже, можетъ случиться все, съ Болгаріей, есть только вопросъ времени.

Восточный вопросъ „не увязъ въ болото,“ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и большой, но только въ смыслѣ той политики которая выпихнула Австрію за порогъ Германіи, указавъ ей мѣсто на Востокѣ.

Въ засѣданіи конгресса, 13 іюня, князь Бисмаркъ, отъ имени всѣхъ державъ, заявилъ что Россія „принесла большую жертву обще-европейскимъ интересамъ отказавшись отъ позицій которыя завоевала своею кровью...“ Но это еще не все. Отъ насъ уже требуютъ новыхъ жертвъ на Дунаѣ, по вопросу о Бессарабіи. Дунайская торговля весьма важна для Австріи, которая весьма заинтересована чтобы устье этой „нѣмецкой рѣки“ не попало въ руки Россіи. Изъ Дунайскихъ гирлъ Сулинское самое важное и оно-то должно будетъ остаться за Румыніей, а Россія ограничится лѣвымъ берегомъ Килійскаго ру-

кава, отдавая такимъ образомъ за ничтожный клочокъ Бессарабіи всю Добруджу, навсегда закрывъ себѣ сухопутную связь съ Болгаріей, а слѣдовательно и съ Балканскимъ полуостровомъ; если только будетъ нейтрализована территория Румыніи, о чемъ хлопочетъ Румынское правительство въ своемъ меморандумѣ представленномъ конгрессу. Нейтрализація эта весьма важна для Австріи, а потому что же удивительнаго если она состоится?.. Мы докажемъ этимъ что Россія „не преслѣдуетъ эгоистической или своекорыстной цѣли,“ и что она высоко цѣнитъ хвалы изумленного нашею уступчивостью лорда Беконсфильда.

№ 156.

Москва, 19-го Іюня.

Вопросъ дня—положеніе принятое Турками по вопросу объ австрійскомъ занятіи Босніи и Герцеговины. Конгрессъ единогласно призналъ это занятіе желательнымъ. Турція отвѣчаетъ прямымъ и положительнымъ отказомъ какъ и во время Константинопольской конференціи. Точно также собранъ верховный совѣтъ, гдѣ сошлись высшіе сановники, министры и улемы; точно также дана инструкція представителямъ Порты отказать въ ея согласіи, точно также Европа предполагаетъ что все дѣло уладится путемъ дипломатическаго давленія на Порту. Но въ чемъ можетъ заключаться дипломатическое давленіе, и можно ли въ этомъ направленіи сдѣлать что-либо сильнѣе чѣмъ отозваніе пословъ? Между тѣмъ Порты нисколько не смущалась этою мѣрой; она лишь выражала живѣйшее желаніе чтобъ европейскіе дипломаты поскорѣе убрались во свояси.

Утверждаютъ будто всѣ державы, а въ томъ числѣ и Англія — и на этотъ разъ искренно — будутъ совѣтовать Портѣ уступить; Австрія же, какъ даютъ понять берлинскія депеши, опираясь на рѣшеніе конгресса, безо всякихъ околичностей введетъ свои войска въ Боснію и Герцеговину, чему Турція не осмѣлится де открыто сопротивляться, и помирится съ совершившимся фактомъ, конечно тѣмъ скорѣе что изъ Константинополя ясно виденъ и дымъ англійскихъ броненосцевъ, и палатки русской арміи на высотахъ у Санъ-Стефано.

Но вопросъ не въ томъ только войдутъ ли Австрійцы въ Боснію и Герцеговину безъ выстрѣла, или имъ придется завоевывать свои позиціи; дѣло идетъ о политикѣ Турціи относительно рѣшеній конгресса вообще, случайно лишь раскрытой казусомъ австрійскаго занятія.

Почти въ самомъ началѣ занятій конгресса дипломаты „европейскаго ареопага“ замѣтили что турецкіе уполномоченные приняли сдержанное, какъ бы выжидательное положеніе; уже давно, если вѣрить телеграммамъ, среди членовъ конгресса возникла мысль о необходимости выяснить положеніе Турціи, отъ которой можно де ожидать всякихъ затрудненій, и конгрессъ потребовалъ теперь отъ турецкихъ делегатовъ прямого отвѣта какъ ихъ правительство относится не къ одному только вопросу о занятіи Босніи и Герцеговины, но и ко всѣмъ прочимъ рѣшеніямъ конгресса.

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало; онъ какъ видно даже и не былъ предложенъ чрезвычайному совѣту, обсуждавшему вопросъ о занятіи, какъ преждевременный. Турціи удобнѣе отвѣчать когда конгрессъ будетъ оканчивать свои работы; съ другой стороны, и члены конгресса едва ли нуждаются теперь въ отвѣтѣ, такъ какъ большинство не сомнѣвается что отвѣтъ этотъ будетъ отрицательный, ибо только при этомъ предположеніи могъ возникнуть въ средѣ дипломатовъ конгресса разговоръ о томъ какъ и кому понудить Турцію подчиниться рѣшеніямъ „европейскаго ареопага,“ въ томъ случаѣ если она откажется исполнить ихъ добровольно.

Вопросъ этотъ представляется тѣмъ болѣе существеннымъ что въ немъ заинтересованы наиболѣе вліятельные члены конгресса, тѣ самые, что прибыли въ Берлинъ съ цѣлью перекроить Санъ-Стефанскій договоръ.

Еще до открытія конгресса ходили слухи, что турецкимъ уполномоченнымъ дана инструкція не соглашаться ни на одно рѣшеніе, которое было бы несовмѣстно съ верховною властью султана, а въ крайнихъ случаяхъ протестовать противъ нихъ. Программа эта, какъ оказалось, въ точности исполнена турецкими делегатами. Они молчали пока конгрессъ только переначивалъ и лишалъ значенія то что вырвано у Турокъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ; они энергически протестовали когда рѣчь зашла о томъ чего не предусматри-

валъ Санъ-Стефанскій договоръ. Первое серьёзное возраженіе со стороны Турціи послѣдовало на предложеніе лорда Беконсфильда допустить на конгрессъ представителя Греціи въ качествѣ оратора за интересы греческаго населенія, ссылаясь на то что Россія выступила защитницей будто бы только интересовъ Славянскаго племени. „Единственный представитель интересовъ племенъ населяющихъ Балканскій полуостровъ, то-есть и Болгаръ, и другихъ Славянъ, и Грековъ, есть его величество султанъ, нашъ повелитель,“ отвѣчали турецкіе делегаты. Протестъ противъ хозяйничанья Австріи въ Босніи и Герцеговинѣ есть только дальнѣйшее подтвержденіе и развитіе этихъ словъ, не болѣе какъ иллюстрація къ нимъ. Такихъ же иллюстрацій ожидаютъ по вопросамъ объ Эпирѣ, Фессаліи и присоединеніи Крита къ Греціи, на чемъ, по слухамъ, намѣрена настаивать Англія. Турція будетъ вѣроятно протестовать и въ томъ случаѣ если конгрессъ, конечно въ видахъ Австріи, прирѣжетъ къ Сербіи на югѣ больше нежели выговорено ей въ Санъ-Стефано. Турецкіе уполномоченные молчали при обсужденіи вопроса объ устройствѣ измышленной конгрессомъ Восточной Румеліи, объ этапныхъ путяхъ, о порядкѣ передвиженія по нимъ и размѣщеніи на ночлегъ во время марша турецкихъ войскъ къ Балкамамъ. „Единственный представитель интересовъ Болгаръ“ не изъявилъ еще прямого согласія на тѣ милости кои конгрессъ соизволилъ имъ даровать и гарантировать назначеніемъ особой европейской комиссіи... Султанъ, конечно, считаетъ себя имѣющимъ пока полное право лучше вникнуть въ нужды Болгаръ и распорядиться въ Восточной Румеліи по своему усмотрѣнію лишь только уберутся оттуда русскія войска, а за ними потомъ и европейская комиссія. Таковъ былъ смыслъ молчанія Турокъ при обсужденіи Болгарскаго вопроса, явно высказанный турецкими уполномоченными когда рѣчь зашла о Грекахъ.

Не напомнилъ ли представитель Турціи въ своемъ возраженіи англійскому примѣру только то что англійская дипломатія старалась постоянно внушать въ Константинополѣ? Въ средѣ высшей турецкой администраціи обнаруживается сильное раздраженіе противъ Англіи, сказано въ телеграммѣ посланной *Times* въ тотъ самый

день когда въ Константинополѣ собрался верховный совѣтъ по вопросу объ австрійскомъ занятіи Босніи и Герцеговины.

Говорятъ что при обсужденіи Болгарскаго вопроса лордъ Беконсфильдъ заявилъ что онъ „прибылъ въ Берлинъ, не съ тѣмъ чтобы разрушать Турцію, а чтобы сохранить ее.“ Въ Константинополѣ видно поняли это серьёзнѣе чѣмъ въ Берлинѣ...

№ 157.

Москва, 20-го іюня.

А.

„Я прибылъ сюда не затѣмъ чтобы уступить,“ воскликнулъ графъ Беконсфильдъ въ засѣданіи конгресса когда рѣчь шла о предоставленіи Портѣ права занимать своими войсками Балканскіе дефилеи. Празднуя торжество Англіи, коимъ ознаменовалось это засѣданіе конгресса, *Times*, отъ 25 іюня, находитъ нужнымъ „выяснить“ руководящіе принципы англійской политики, то-есть договорить то что осталось недосказаннымъ въ знаменитомъ циркулярѣ лорда Солсбери, а также въ англо-русскомъ соглашеніи 30 мая. Картина выходитъ дѣйствительно гораздо полнѣе. „Положеніе *всѣми* нынѣ признанное,“ такъ выражаетъ руководящій англійскій органъ новѣйшую программу Англіи, „заключается въ томъ что Турція должна быть сохранена. Принципъ этотъ не отвергаетъ и Россія, но ея планъ изложенный въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ не имѣетъ жизненности и долженъ рано или поздно повести къ уничтоженію Турціи.“ Но, „продолжаетъ далѣе *Times* съ наглостью которой трудно подыскать параллель даже въ наше время всяческой лжи и безстыдной игры словами, „турецкое государство должно „быть сохранено не ради Порты, а ради „народностей“ изъ коихъ оно состоитъ (!), „ради *цивилизации* (!!)“ коей интересы требуютъ сохраненія независимаго (читай: зависимаго отъ Англіи) „государства между Средиземнымъ Моремъ и Индіей.“ Съ этою-то цѣлію слѣдуетъ де организовать Турцію такимъ образомъ чтобы она послужила крѣпкою оградой противъ какихъ бы то ни было будущихъ нападеній со стороны ея сѣвернаго сосѣда. Россіи долженъ де быть окончательно прегражденъ путь къ

Константинополю. А это возможно лишь при установлении гарантий болѣе прочныхъ нежели формальныя ручательства и бумажныя обѣщанія. Турція должна де имѣть настоящую границу, границу которую она могла бы собственными силами отстаивать. Этими-то принципами, руководились представители Англіи на конгрессѣ заявивъ рѣшительно и съ энергіей свои требованія насчетъ границы Болгаріи и турецкихъ гарнизоновъ въ Балканахъ.

Сколько же нужно лицемѣрія чтобъ еще говорить о „взаимной“ уступчивости и „духѣ всесторонней умѣренности!“ А между тѣмъ берлинскія газеты именно въ этомъ тонѣ привѣтствуютъ состоявшіяся въ среду постановленія конгресса. Мало этого. Въ одной изъ упомянутыхъ газетъ дѣло представляется такъ какъ будто Россіи слишкомъ много уступлено, и что съ нея еще требуютъ сдачи! Санджакъ Софіи, видите ли, присоединенъ къ сѣверной или лучше единственной Болгаріи. Въ Вѣнѣ тотчасъ нашлись военные специалисты которые доказали что при такихъ условіяхъ становится фиктивною оборона балканскихъ проходовъ предоставленная Туркамъ, въ доказательство чего ссылаются на зимній походъ генерала Гурко за Балканы по Софійской долины, результатомъ котораго было совершенное уничтоженіе арміи Сулеймана оберегавшей балканскіе дефилеи.

Мы и сами думаемъ что турецкіе гарнизоны въ Балканахъ отнюдь не послужатъ для Турціи такою охраной которая навсегда лишила бы Россію доступа къ нимъ. Дунай былъ болѣе дѣйствительною преградой. Тѣмъ не менѣе русскія войска ее преодолѣли; а генераль Гурко очутился въ декабрѣ за Балканами не въ первый разъ: первый походъ его былъ предпринятъ не въ обходъ Балканскаго хребта, а прямо на Шипку, и турецкія войска не сумѣли преградить ему дорогу. Если же тѣмъ не менѣе вѣнскіе стратеги прикидываются озабоченными будущею безопасностью турецкихъ гарнизоновъ въ виду того что Софійскій санджакъ будетъ присоединенъ къ Болгаріи, то объясненіе этому даетъ вѣнскій корреспондентъ *Национальной Газеты*, который говоритъ что взаменъ этой „значительной“ уступки“ Австрія имѣетъ право на вознагражденіе которое заключается де въ томъ что Россія укажетъ Сербіи и Черногоріи что онѣ должны обратиться исключительно къ Австріи за удов-

летвореніемъ своихъ притязаній, а также въ томъ чтобы западная часть Балканскаго полуострова была введена въ „сферу власти“ Австріи. Корреспондентъ увѣренъ что Австрія сумѣетъ „раціональнымъ образомъ“ исполнить предоставленную ей Россіей *carte blanche*. Сверхъ того, мы узнаемъ изъ той же корреспонденціи что и Англія „сумѣетъ себя вознаградить“ за то что „она согласилась на учрежденіе автономной провинціи Румелии.“

Мѣсяцъ тому назадъ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ публицистовъ Германіи, профессоръ Блунчи, обсуждая положеніе Востока созданное Русско-Турецкою войной, высказывалъ между прочимъ слѣдующее: „Главное, — освобожденіе христіанскихъ племенъ отъ турецкаго ига, — нынѣ достигнуто, и этотъ великій результатъ не можетъ уже быть отмѣненъ никакою новою войной между европейскими и христіанскими народами... Нельзя также отрицать того что это всемірно-историческое событіе совершилось главнымъ образомъ цѣною русскихъ жертвъ и русской крови. „Вполнѣ правдиво указалъ Великій Князь Николай Николаевичъ въ своей телеграммѣ о заключеніи мира что исторія поставитъ рядомъ два великія дѣянія Императора Александра: освобожденіе крѣпостныхъ въ Россіи и освобожденіе турецкихъ христіанъ. Никакой иной европейскій монархъ и никакой другой народъ не могутъ претендовать на такую славу.“

Почтенный профессоръ полагалъ тогда что въ виду столь величественнаго результата всѣ существующія по поводу Восточныхъ дѣлъ разногласія имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Добродушный теоретикъ, онъ высказывалъ увѣренность что конгрессъ это признаетъ и утвердить своею санкціей. Что то скажетъ онъ *теперь*, услыхавъ изъ устъ „практическихъ политиковъ“ что признано нужнымъ не закрѣпить совершенное русскою кровью дѣло освобожденія турецкихъ христіанъ, а напротивъ, обезпечить турецкое владычество, что де необходимо въ интересахъ цивилизаціи.

Б.

Въ вѣнской *Политической Корреспонденціи*, изданіи основательномъ и солидномъ, появилось однако странное толкованіе сдѣлки установленной конгрессомъ относительно Болгаріи, въ сообщеніи оза-

главленномъ „Изъ русскихъ сферъ Берлинскаго конгресса.“

Трудно понять какъ авторъ или авторы этого сообщенія могли ожидать чтобы на читателей подѣйствовали фактически невѣрные соображенія въ немъ изложенныя. Если бы дѣйствительно сообщеніе исходило изъ „русскихъ сферъ,“ то оно обнаруживаетъ удивительное незнаніе фактовъ извѣстныхъ всей читающей публикѣ.

Корреспондентъ хочетъ увѣрить что „проектъ Болгаріи до Балканъ былъ дѣломъ рѣшеннымъ между Россіей, Англіей и Германіей еще въ началѣ войны.“ Будто бы еще до начала военныхъ дѣйствій Петербургскій кабинетъ былъ поставленъ въ полную ясность на счетъ того какъ „думаетъ Европа“ объ этомъ, и что будто „ему было очень хорошо извѣстно что какіе успѣхи ни одержало бы русское оружіе, Россіи все-таки пришлось бы отстаивать противъ Европы большую Болгарію, хотя бы она и была завоевана у Турціи. Поэтому будто бы чрезъ графа Шувалова и былъ заранѣе обезпеченъ нейтралитетъ Англіи и Австріи сдѣлкой которою заранѣе было выговорено освобожденіе Болгаріи *лишь до Балканъ*. Объ этой сдѣлкѣ зналъ де и Берлинскій кабинетъ, а потому „возвращеніе“ *bona fide* къ этому первоначальному соглашенію и не представляетъ де ничего новаго, и въ маѣ нынѣшняго года между графомъ Шуваловымъ и лордомъ Солсбери лишь вторично де было подтверждено условленное прежде.

Еслибы въ этомъ разказѣ была правда, то какъ же могъ быть заключенъ Санъ-Стефанскій трактатъ, условія коего теперь измѣняются будто бы лишь для того чтобы *bona fide* возвратиться къ прежней сдѣлкѣ? Еслибы Санъ-Стефанскій договоръ былъ такимъ безцеремоннымъ нарушеніемъ прежняго соглашенія, притомъ несоставлявшаго тайны, а сообщеннаго многимъ дворамъ, то развѣ наши недоброжелатели не поспѣшили бы давно обнародовать сдѣлку для изобличенія Россіи? Между тѣмъ, въ самой злобной критикѣ Санъ-Стефанскаго трактата, въ циркулярѣ Солсбери, нѣтъ ни малѣйшаго намека на что-либо подобное.

Но помимо внутренней несообразности этого толкованія мы можемъ опереться на факты говорящіе совершенно противоположное. Нейтралитетъ Англіи вовсе не былъ обезпеченъ такого рода сдѣлкой. Условія этого нейтралитета были обозначены въ

извѣстной депешѣ лорда Дарби: то были неприкосновенность Египта, Суэзскаго канала, и затѣмъ Проливовъ: Константинопольскаго и Дарданелльскаго. Мы знаемъ что Россія приняла и обѣщала уважать эти условія, хотя и относительно ихъ оговорила что „временное“ занятіе Дарданелль можетъ быть вынуждено стратегическими движеніями Турокъ. Но ни о какой линіи Балканъ въ условіяхъ этого нейтралитета вовсе не упоминалось.

Затѣмъ извѣстно что не до начала военныхъ дѣйствій, а во время самой войны, дѣйствительно шла рѣчь о возможныхъ условіяхъ между Россіей и Турціей, и они были сообщены графомъ Шуваловымъ лорду Дарби еще въ іюлѣ прошлаго года, когда наши войска были задержаны подъ Плевной. Это мы знаемъ изъ обнародованнаго въ началѣ февраля Англійскимъ правительствомъ меморандума полковника Уэллзлея, бывшаго при нашей Главной Квартирѣ. Отсюда же мы знаемъ и о цѣли предварительнаго извѣщенія объ условіяхъ мира. Она не имѣла никакой связи съ обезпеченіемъ нейтралитета Англіи, но англійскій военный агентъ писалъ:

„Императоръ Всероссійскій опасается „что настоящая политика Англіи клонится только къ поощренію Турціи и слѣдовательно къ продолженію войны, и полагаютъ что еслибъ англійское вліяніе подействовало на Порту, то султанъ легко согласился бы вступить въ переговоры, и такимъ образомъ война была бы приведена къ скорому концу.“

Эти условія, какъ о нихъ сообщалось въ меморандумѣ англійскаго агента, въ основныхъ чертахъ совпадали съ тѣмъ что было потомъ начертано въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Въ нихъ, конечно, говорилось объ освобожденіи Болгаріи, и полковникъ Уэллзлей писалъ что хотя сначала развѣ и была упомянута Болгарія до Балканъ, но на слѣдующій же день князь Горчаковъ увѣдомилъ его что, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, найдено неудобнымъ раздѣлить Болгарію. Замѣтимъ что это было сказано задолго до паденія Плевны, и тогда уже намѣренія Россіи относительно Болгаріи были извѣстны Англійскому правительству. Какъ же понять что это обстоятельство, давно обнародованное и всѣмъ извѣстное, осталось неизвѣстно „русскимъ сферамъ“ посылающимъ сообщенія въ австрійскую газету?

Еще страннѣе что эти сферы обнаруживаютъ странное незнаніе условій и Санъ-Стефанскаго трактата. Сообщение *Политической Корреспонденции* толкуетъ что и оставленіе балканскихъ проходовъ Туркамъ ничего не значить, такъ какъ де самый Санъ-Стефанскій трактатъ уже оставляетъ Румелию Турціи. Гдѣ же это въ трактатѣ сказано? Въ немъ вовсе и не упоминается о Румелии, а говорится объ одной Болгаріи по обѣ стороны Балканъ, которая, правда, оставлялась въ даннической зависимости отъ султана, но совершенно освобождалась отъ всякаго турецкаго контроля надъ ея управленіемъ.

Наконецъ, третья невѣрность сообщенія *Политической Корреспонденции* въ томъ будто бы границы забалканской Болгаріи и въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ не были распространены до Эгейскаго Моря. А на какомъ же морѣ лежитъ портъ Кавала который этимъ договоромъ былъ оставленъ за Болгаріей? И какимъ образомъ лордъ Солсбери въ своемъ циркулярѣ возражалъ именно противъ распространенія Болгаріи до Эгейскаго моря?

Непостижимо какимъ образомъ могутъ выдаваться за сообщенія изъ „русскихъ сферъ“ такія бросающіяся въ глаза невѣрности.

№ 158.

Москва, 21-го Іюня.

Два мѣсяца тому назадъ запугивали насъ военными приготовленіями Англіи и Австріи, недовольныхъ постановленіями Санъ-Стефанскаго трактата.

Съ тѣхъ поръ наши противники дѣйствительно имѣли время подготовиться. Австрія мобилизовала часть своей арміи; Англія приступила къ мобилизаціи двухъ корпусовъ и создала резервы. Въ обѣихъ странахъ истрачены на это не малыя суммы денегъ. Но теперь гремѣтъ оружіемъ нѣтъ уже надобности. Англичане могутъ теперь говорить откровенно о своихъ вооруженіяхъ. Объ англійской мобилизаціи мы узнаемъ прекуріозныя подробности.

Важность хорошей системы и, еще болѣе, хорошаго исполненія мобилизаціи понимаетъ всякій. Въ Германіи и во Франціи, по замѣчанію *Daily News*, это доведено до высокой степени совершенства; арміи въ половинномъ составѣ противъ воен-

наго времени всегда готовы двинуться къ границѣ черезъ двѣ недѣли послѣ приказа о мобилизаціи. Тѣмъ болѣе такая готовность имѣетъ существенную важность для Англіи съ ея ничтожною арміей. Что же оказалось на дѣлѣ? Вотъ факты на которые указываетъ *Daily News*, по истеченіи десяти недѣль послѣ изданія приказа о мобилизаціи въ Англіи. Первый армейскій корпусъ, около 37.000 человекъ, номинально готовъ къ отправкѣ; но и эта „теоретическая“ готовность достигнута не далѣе двухъ недѣль тому назадъ, ибо *только тогда* нѣкоторые изъ полковъ получили всѣ необходимыя принадлежности и обмундировку. *Daily News*, однако, утверждаетъ что и *теперь* еще едва ли есть полкъ въ которомъ не было бы въ чемъ-либо недостатка. Хотя, напримѣръ, всѣ солдаты уже вооружены, но въ иныхъ случаяхъ замѣчается еще отсутствіе штыковъ за неимѣніемъ напштычниковъ. Резервы въ теченіе шести недѣль послѣ того какъ явились къ своимъ частямъ не получали сапогъ. Полковой обозъ этого перваго корпуса организованъ, но лошадей имѣются не только кадры, а хомуты и упряжь такъ стары что негодны для кампаніи. Вообще, по увѣренію *Daily News*, даже первый корпусъ не могъ бы быть быстро отправленъ безъ большихъ замѣшательствъ; не далѣе какъ за недѣлю предъ симъ многіе резервисты не имѣли перемѣны бѣлья на случай когда бы промокли на маневрахъ. Что касается втораго корпуса, то его организація была еще гораздо болѣе недостаточною. Кавалерія въ немъ была далеко не въ полномъ составѣ; въ одномъ полку составъ людей былъ усиленъ, а составъ лошадей остался на мирномъ положеніи, этому полку также выданы новые карабины Мартини-Генри, но нѣтъ чушекъ для нихъ, такъ что когда полкъ отправляется въ походъ, то карабины отправляются съ обозомъ. Полковой же обозъ втораго корпуса еще гораздо менѣе числомъ чѣмъ перваго.

Личный составъ мобилизованныхъ войскъ также далеко не удовлетворителенъ. Полки перваго корпуса были пополнены до военного состава армейскими резервистами перваго класса, а еще болѣе волонтерами изъ другихъ полковъ, не назначенныхъ на службу за границей, которые прельщались къ переходу въ мобилизуемыя части приманкой награды въ одинъ ф. ст. Вслѣд-

ствіе этого, каждый полкъ перваго корпуса представляет собою сбродъ людей изъ 40 или 50 различныхъ полковъ, причемъ большинство новыхъ солдатъ молодежь, плохо обученная, и въ отрядахъ такого разнокалибернаго состава замѣтенъ недостатокъ твердости. Многіе изъ армейскихъ резервистовъ и волонтеровъ, по возрасту и по другимъ причинамъ, совершенно неспособны къ перенесенію тягостей и утомленія кампаніи. Второй же корпусъ, передавъ часть своихъ солдатъ волонтерами въ первый, былъ только отчасти пополненъ армейскими резервистами, а главнымъ образомъ резервами милиціи, очень плохо обученными, особенно въ обращеніи съ оружіемъ, и при недостаткѣ выдержки; обладаютъ такими привычками, которыя необходимо искоренить. Что касается третьяго корпуса, который также предполагалось мобилизовать, то онъ едва ли существуетъ и на бумагѣ.

„По правдѣ сказать,“ заключаетъ *Daily News*, „наша мобилизація отнюдь не была блестящимъ успѣхомъ.“ Лондонская газета теперь указываетъ на недостатки, конечно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы они были исправлены. Но если и теперь, истративъ шесть милліоновъ ф. ст., Англичане не совсѣмъ еще сладили своихъ 37.000 солдатъ для возможной кампаніи, то это какъ нельзя болѣе подтверждаетъ что два мѣсяца тому назадъ Англія была не готова выставить и тысячи солдатъ для дальнейшей кампаніи. Ея величественный задоръ намъ всегда казался обманомъ; однако благодаря ему она добилась конгресса, а конгрессъ самая дешевая и блестящая для Англіи кампанія...

Относительно австрійской арміи сообщаются любопытныя свѣдѣнія другаго рода. Австрія во всякомъ случаѣ есть военная держава, и въ ней едва ли возможна такая неполнота военной организаціи какъ въ Англіи, до сихъ поръ пробавляющей себя наемными войсками. Но за то всѣмъ памяты слова лорда Дарби о ненадежности патриотизма австрійской арміи въ случаѣ войны когда бы Австрія выступила противникомъ Славянъ. Мы помнимъ какъ Австрійское правительство страшно обидѣлось его заявленіемъ, и по просьбѣ графа Бейста, лордъ Солсбери выдалъ похвальный патентъ австрійской арміи, объявилъ въ палатѣ что лордъ Дарби отозвался о ней неодобительно такъ, сдуру, но что

въ министерствѣ нѣтъ подобныхъ свѣдѣній.

На дняхъ, однако, мы прочли въ *Manchester Guardian* письмо по этому самому поводу весьма свѣдущаго рагузскаго корреспондента этой газеты. Въ письмѣ отъ 13 іюня, корреспондентъ этотъ извѣщаетъ что ему довелось недавно побывать въ трехъ столицахъ юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгерской монархіи, и что онъ имѣлъ случай освѣдомиться объ этомъ предметѣ. Корреспондентъ признается что первоначально онъ и самъ не совсѣмъ довѣрялъ словамъ лорда Дарби, полагая что сословный духъ существующій во всякой арміи и личная преданность солдатъ къ Габсбургскому дому дѣлаютъ невѣроятнымъ чтобы славянское недовольство могло помѣшать успѣху военныхъ операцій. Однако, взвѣсивъ все что ему довелось разузнать въ послѣднее время на мѣстахъ, онъ находитъ должнымъ сознаться что „факты на сторонѣ лорда Дарби.“ Отъ друзей въ различныхъ частяхъ южной Австріи которые, по своему положенію, славянской національности и своимъ взглядамъ, пользуются довѣріемъ солдатъ, и въ особенности унтеръ-офицеровъ, онъ слышалъ лишь одно мнѣніе: что „въ случаѣ войны противъ Россіи вспыхнетъ нѣчно въ родѣ мятежа между австрійскими войсками. Это можетъ де выразиться бездѣйствіемъ въ виду непріятеля, или же въ болѣе дѣятельной формѣ противъ мадьярскихъ офицеровъ, но результатъ во всякомъ случаѣ былъ бы одинаковъ.“ Апріорная невѣроятность такого оборота сильно уменьшилась въ глазахъ корреспондента, когда онъ узналъ объ одномъ эпизодѣ Италіанской войны 1859 года. Въ то время между славянскими войсками Военной Границы распространялись тайно циркуляры въ которыхъ война объявлялась не справедливою, и предпринятою въ видахъ угнетенія. Циркуляры эти и тогда де не остались совершенно безъ дѣйствія. А въ войнѣ для огражденія ненавистныхъ интересовъ Мадьяръ и для ограниченія южно-славянской свободы, подобное настроеніе, по словамъ корреспондента, имѣло бы въ десять разъ большую силу. Поэтому онъ полагаетъ что лордъ Дарби заслуживаетъ глубокой благодарности своихъ соотечественниковъ за обнародованіе факта который долженъ бы удержать ихъ отъ мадьярскаго союза. „Мы были удивлены,“ говорилъ корреспонденту

членъ одного австрійскаго провинціального сейма, „вѣрностью свѣдѣній лорда Дарби объ австрійской арміи. Я зналъ отъ унтеръ-офицеровъ, людей образованныхъ, славянскихъ патріотовъ и имѣющихъ гораздо болѣе вліянія между солдатами чѣмъ офицеры, что мятежъ въ арміи будетъ результатомъ войны въ настоящее время противъ Россіи. Вѣнское правительство знаетъ это также хорошо какъ лордъ Дарби, а иначе, то-есть еслибы оно не знало этого, мы были бы въ войнѣ уже годъ тому назадъ.“ „Еслибы,“ говорилъ корреспонденту свѣдущій пріятель изъ другой провинціи, „слова лорда Дарби были сказаны имъ до Австро-Прусской войны, они не были бы вѣрны. Но двойственное управление Нѣмцевъ и Мадьяръ надѣлало чудесъ съ того времени, и лордъ Дарби высказалъ святую истину.“

Англійскій корреспондентъ, конечно, не имѣлъ бы никакого интереса передавать буквально такіе разговоры еслибы не вынесъ самъ убѣжденія въ ихъ искренности... Но такъ было послѣ войны: удержится ли такое сочувствіе къ Россіи послѣ конгресса?

№ 159.

Москва, 22-го іюля.

А.

Въ 19 статьѣ Санъ-Стефанскаго договора Россія выговорила уступку Добруджи съ тѣмъ чтобъ обмѣнять эту провинцію на ту часть Бессарабіи „которая была у нея отторгнута Парижскимъ трактатомъ 1856 года, и которая ограничивается съ юга Килійскимъ рукавомъ Дуная.“

Румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ настрочилъ по этому поводу кучу циркуляровъ и меморандумовъ, побывалъ лично въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, но „миссія его,“ какъ говорили тогда, „не увѣнчалась успѣхомъ“ и „Румынія не встрѣтила поддержки своимъ притязаніямъ со стороны европейскихъ кабинетовъ,“ такъ что въ извѣстномъ соглашеніи подписанномъ маркизомъ Солсбери и графомъ Шуваловымъ, Англія нашла возможнымъ прямо сказать: „достаточно выяснено что державы участвовавшія въ Парижскомъ трактатѣ не склонны поддерживать оружіемъ границы Румыніи обозначенныя сказан-

„нымъ трактатомъ.“ Правда, Британское правительство оговаривалось что оно „сочтетъ необходимымъ выразить сожалѣніе если Россія будетъ рѣшительно настаивать на переуступкѣ Бессарабіи,“ но не имѣя въ этомъ вопросѣ интереса, „обязуется не оспаривать рѣшенія въ сказанномъ смыслѣ.“

Взглядъ Англіи былъ, конечно, извѣстенъ Румынскому правительству, а благодаря услужливости газеты *Globe* ей сталъ извѣстенъ и самый текстъ обязательства принятаго Англійскимъ правительствомъ.

Несмотря на все это, въ меморандумѣ представленномъ конгрессу, Румынія высказываетъ настойчивое желаніе удержать за собою сказанную часть Бессарабіи. Этого мало; Румынія заявляетъ что ей, существующей со вчерашняго дня, будто бы по какому то столѣтнему праву, уже принадлежитъ вся дельта Дуная и Змѣиный островъ уступленныя Турціей и предлагаемая теперь Россіей въ обмѣнъ на часть Бессарабіи.

Въ средѣ уполномоченныхъ конгресса румынскія притязанія, по всѣмъ извѣстіямъ, не встрѣчали сочувствія, и дѣло ихъ казалось проиграннымъ; только въ вѣнскихъ офиціозныхъ органахъ постоянно и настойчиво высказывались мысли о крайней затруднительности такого обмѣна и дѣлались намеки что „отторженіе Бессарабіи можетъ де повлечь за собою новыя военныя замѣшательства,“ такъ какъ Румынское правительство съ оружіемъ въ рукахъ намѣрено воспротивиться даже рѣшенію конгресса, твердо рѣшась лучше пасть нежели уступить и пожертвовать своею честью.“

Румынское правительство, въ свою очередь, старалось возбудить и поддержать такіе толки тѣми передвиженіями которыя совершали румынскія войска, охраняя себя отъ небывалаго намѣренія Россіи „обезоружить румынскую армію.“

Всѣ эти маневры, точно также какъ и притязанія выставленныя въ Румынскомъ меморандумѣ, имѣли одну, слишкомъ очевидную, цѣль выторговать у Россіи въ обмѣнъ на Бессарабію какъ можно болѣшую уступку, чему конечно не могла не сочувствовать Англія, выражавшая „свое сожалѣніе“ о переуступкѣ Бессарабіи, а также Австрія, никогда не скрывавшая своего желанія отдалить Россію отъ береговъ „нѣмецкой рѣки“ Дуная.

На конгрессѣ румынскіе делегаты, допущенные въ залу засѣданія „съ согласія на то Россіи,“ высказали свои доводы въ защиту требованій выраженныхъ въ меморандумѣ, и удалились изъ залы засѣданія оставивъ уполномоченныхъ „великихъ державъ“ вести пренія по предрѣшенному уже вопросу, „молотить пустую солому и популяризовать“ какъ выразился будто бы представитель одной нейтральной державы.

Это однако не совсѣмъ вѣрно относительно представителей Австріи и Англіи, которыя „популяричали“ въ пользу Румыніи и молотили, какъ оказывается, вовсе не пустую солому. Обѣ эти державы, соглашаясь на переуступку Бессарабіи, предложили оставить за Румыніей, какъ было сказано во всѣхъ телеграммахъ изъ Берлина, „только клочекъ (Stück) Бессарабіи къ сѣверу отъ Килійскаго рукава Дуная,“ что лишало смысла весь вопросъ о переуступкѣ и уничтожало цѣлькомъ все выговоренное Россіей по этому предмету въ статьѣ 19 Санъ-Стефанскаго договора. Россія желаетъ присоединенія Бессарабіи съ цѣлью возстановить свою границу и примкнуть къ Дунаю, а ей предлагаютъ оставить Дунай за Румыніей и провести новую границу, хотя всѣ знаютъ что безъ Дуная возвращаемый клочокъ Бессарабіи не имѣетъ никакой цѣны. Трудно допустить чтобы дипломаты конгресса допускали мысль будто Россія согласится на такое предложеніе; не поднимали ли они требованій единственно съ тою мыслью чтобы добиться отъ Россіи уступки большой полосы земли принадлежащей Болгаріи? Если такова была ихъ цѣль, то они достигли ея, если вѣрить извѣстію будто Россія сдѣлала контръ-предложеніе вознаграждать Румынію за уступку специально Килійскаго рукава „сѣверо-восточнымъ кускомъ Болгаріи отъ Мангалідо Силистріи.“

Игра была такъ ясна что уполномоченный одной нейтральной державы, если вѣрить берлинской телеграммѣ *Новаго Времени*, сказалъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ: „Удивляюсь какъ авгуры ни разу „не разсмѣялись другъ другу въ лицо?“

Б.

„За болгарскою драмой послѣдовала высокая боснійско-герцеговинская комедія.“ Такъ выражается берлинскій корреспондентъ *Times* о рѣшеніи конгресса припод-

нести двѣ турецкія провинціи на закуску Австріи. Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ, однако, игривый разказъ корреспондента объ этомъ засѣданіи конгресса, приводимый ниже. Дѣйствительно, это было заключеніемъ комедіи начатой три года тому назадъ. Притворство теперь излишне когда главные актеры сами сбросили маску, и „настоячивое кокетничанье графа Андраши восторжествовало надъ временемъ и затрудненіями.“ „Всѣ знаютъ,“ говоритъ корреспондентъ, „что съ самаго начала возстанія въ Турціи Австрія бросала жадные взоры на эту провинцію.“ Всѣ знаютъ кое-что и болѣе; знаютъ что самое возстаніе въ Герцеговинѣ, откуда загорѣлся весь сырѣ-боръ, началось не безъ участія Австріи. Возстаніе вспыхнуло, какъ всѣмъ памятно, вскорѣ послѣ пресловутой далматской поѣздки императора Франца-Иосифа. При началѣ возстанія австрійскіе чиновники по всей далматской границѣ имѣли *mot d'ordre* соблюдать доброжелательный къ возстанію нейтралитетъ. Военная контрабанда доставлялась инсургентамъ комитетами учрежденными въ австрійскихъ городахъ и это дѣлалось не тайкомъ, а явно, на глазахъ чиновниковъ. Послѣ уже, когда возстаніе и звѣрство Турокъ вызвали въ дѣйствіе Сербію, а позднѣе Россію, политика Австріи рѣзко измѣнилась и стала преслѣдовать инсургентовъ для удовлетворенія Мадьяръ. Объ этихъ обстоятельствахъ, отодвинутыхъ на задній планъ позднѣйшими событіями, весьма кстати недавно припомнилъ рагузскій корреспондентъ *Manchester Guardian*, пытаясь найти объясненіе австрійской политики: „Предвидя неизбежность славянской революціи въ Турціи, Австрія благоразумно рѣшилась тогда предупредить Россію которая не была приготовлена къ великому столкновенію. Еслибъ этотъ планъ удался, голосъ Австріи имѣлъ бы гораздо большее значеніе при будущемъ улаженіи чѣмъ какое онъ можетъ имѣть теперь. Къ несчастію онъ не удался.“

Это, впрочемъ, было писано до конгресса. Теперь мы видимъ что на неудачу плана Австріи нечего пожаловаться. Заключительная сцена комедіи, начатой за три года предъ симъ, была разыграна въ совершенствѣ. Но Боже, развѣ это комедія? Неужели для присоединенія къ Австріи двухъ провинцій нужно было столько горя и слезъ, столько смертей и крови, и въ добавокъ

столько омерзительнаго лицемѣрія, лжи, самой утонченной жестокости, къ которой неспособны и варвары. Вотъ вамъ и цивилизація! вотъ и защищайте ее отъ подземныхъ силъ которыя, — заслуженно, да, заслуженно! — угрожаютъ ей...

Нѣтъ, это не комедія. Тотъ же корреспондентъ манчестерской газеты, въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъ Градишки, въ Славоніи, отъ 18 іюня, сообщаетъ неопостижимыя подробности объ австрійскихъ интригахъ. Трудно было бы вѣрить если бы корреспондентъ не ручался что онъ имѣетъ эти свѣдѣнія отъ лицъ авторитетныхъ коихъ онъ не смѣетъ только назвать чтобы не подвергнуть ихъ непріятностямъ, присовокупляя что все дѣло будетъ обнаружено и полныя доказательства представлены когда въ Хорватіи наступятъ обстоятельства болѣе благопріятныя.

Однимъ изъ мотивовъ для занятія Босніи и Герцеговины Австрія выставила необходимость водворенія на родину массы отягощающихъ ее боснійскихъ выходцевъ. Она даже требуетъ вознагражденія отъ Турціи за прокормленіе этихъ несчастныхъ. Но кто повѣритъ что ничтожная помощь какую имъ оказывало Австрійское правительство была самымъ коварнымъ политическимъ орудіемъ и средствомъ эксплуатаціи? Корреспондентъ манчестерской газеты подробно повѣствуетъ объ этомъ. Хорватскіе чиновники, слѣбныя орудія Пештскаго правительства; они доступны всякому подкупу, приманкамъ и устрашенію. Этимъ мадьярскимъ агентамъ Вѣнское правительство, лишь бы достигнуть своей главной цѣли, дало полную свободу излить злобу на несчастныя жертвы изгнанія. Но не въ нихъ еще главное зло. Съ самаго начала боснійской эмиграціи католическая хорватская администрація не переставала обнаруживать грубое равнодушіе къ просителямъ православнаго, или „сербскаго,“ исповѣданія. Выдаваемая имъ помощь была недостаточна для поддержанія жизни, и они усѣяли Хорватію своими трупами. Есть деревни гдѣ всѣ боснійскія дѣти погибли, а о смертности въ настоящее время, по словамъ корреспондента, можно судить по тому что въ теченіе мая число Босняковъ получающихъ пособіе уменьшилось въ официальномъ спискѣ на 12.000! А какъ никто изъ нихъ не возвратился на родину, то это уменьшеніе только мажетъ быть объяснено громадною смертною. Да и въ офи-

ціальной газетѣ *Обзоръ*, число всѣхъ смертныхъ случаевъ между боснійскими выходцами показано во 100.000 человекъ!

„Что удивительнаго,“ восклицаетъ корреспондентъ, „что сами Босняки видятъ въ этомъ жестокомъ пренебреженіи умышленный планъ уменьшить сербское или православное большинство провинціи и облегчить католицизму господствующее положеніе, какъ и въ Хорватіи, въ случаѣ присоединенія? Что удивительнаго если въ нѣкоторыхъ округахъ католическіе священники такъ ложно поняли ключъ данный администраціей что ускорили истребительный процессъ болѣе быстрымъ способомъ?“ Въ одномъ округѣ, переполненномъ выходцами, католическій священникъ вздумалъ ускорить медленный процессъ смерти отъ голоданія помощью яда. Для этого въ выдаваемый хлѣбъ примѣшивался мышьякъ, и только когда умерло 137 человекъ возникли подозрѣнія, дѣло дошло до властей; но „политическія соображенія и сильное церковное покровительство заглушили его.“ Корреспондентъ пишетъ, впрочемъ, что одинъ его пріятель анализировалъ хлѣбъ, и онъ не удивляется заглушенію дѣла тѣми самыми властями которыя закрыли школы для православныхъ боснійскихъ дѣтей, основанныя энергіей миссъ Эрби на англійскія пожертвованія!

Хорошъ также разказъ корреспондента объ эксплуатаціи австрійскими чиновниками скудной помощи опредѣленной для выходцевъ. Имъ назначено по пяти крейцеровъ въ день на человека, на хлѣбъ, но вмѣсто этихъ денегъ имъ стали выдавать весной, когда холода давно кончились, залежавшійся хламъ одежды въ военныхъ складахъ, зачитывая по 120 крейцеровъ за штуку, хотя многіе вовсе не имѣли нужды въ одеждѣ, получивъ ее изъ фонда миссъ Эрби, и всѣ просили не одежды, а хлѣба. Несмотря ни на что имъ была, однако, вмѣсто разрѣшенной денежной помощи, навязана негодная одежда по официальнымъ цѣнамъ. Вотъ австрійская благотворительность которою графъ Андраши осмѣлился похвастаться на конгрессѣ!

Этого мало. На боснійскихъ выходцевъ возведено было недавно обвиненіе что они стали разбойничать и грабить. По разказу же корреспондента, дѣло было такъ. Одинъ выходецъ, Митаръ Иванетанинъ, отправился повидаться съ друзьями за турецкою границей, и потомъ вернулся въ де-

ревню въ Славоніи. Блюститель власти въ Градишкѣ, узнавъ объ этомъ, послалъ отрядъ жандармовъ, которые и задержали семерыхъ несчастныхъ бродягъ, въ томъ числѣ и Митара, объявивъ имъ что ихъ выдадутъ Туркамъ. Босняки, ожидая жестокой смерти, успѣли бѣжать. Митара разыскалъ жандармъ и застрѣлилъ его, а остальные укрылись въ лѣса, гдѣ и скитаются, получая пищу отъ своихъ родичей тайкомъ отъ жандармовъ. „Они никого не ограбили,“ пишетъ корреспондентъ, „и извѣстіе будто Славонія переполнена шайками разбойниковъ изъ боснійскихъ выходцевъ есть чистѣйшая и безстыдная выдумка.“ Но власти приняли „строгія мѣры.“ Онѣ арестовали человѣкъ 20 невинныхъ лицъ и бросили ихъ въ тюрьму. Босняки были арестованы, Босняки бѣжали въ лѣса, присланы были войска какъ будто грозила революція, у голодающихъ выходцевъ отобрано и послѣднее оружіе у кого какое было, и вся Славонія кстати объявлена на военномъ положеніи.

Вотъ права Австріи на занятіе Босніи! Кровавая игра затѣянная Австріей привела таки ее къ успѣху. Долгая трагедія была превращена въ Берлинѣ въ жалкій фарсъ въ одномъ дѣйствіи. Всѣ представители цивилизаціи наперерывъ спѣшили убѣждать Австрію взять двѣ турецкія провинціи. Англичане, ревнители цѣлости Турціи, горячѣе всѣхъ настаивали на этомъ отторженіи турецкой территоріи, а возражавшую Турцію они же корили, говоря что нельзя оставлять за нею провинціи гдѣ она не могла подавить возстанія. Вотъ Болгарію, гдѣ она показала свое искусство, можно одѣлать вновь турецкими войсками. У ней даже отняли имя Болгаріи. „Честный маклеръ“ даже прикрикнулъ на турецкихъ делегатовъ за то что они не дѣлать благодарній и смѣютъ стоять за Боснію когда конгрессомъ подарена имъ другая, лучшая провинція, уступленная ими по Санъ-Стефанскому трактату!

№ 160.

Москва, 23-го іюня.

„Берлинскій трактатъ“ долженъ скоро родиться на свѣтъ... Родится ли? живымъ или мертвымъ родится?..

На будущей недѣлѣ конгрессъ предпо-

лагаетъ окончить свои работы подписаніемъ новаго дипломатическаго *инструмента* и разойтись, предоставивъ дальнѣйшую разработку подробностей разнымъ отдѣльнымъ коммиссіямъ и конференціи пословъ въ Константинополь. Здѣсь и тамъ еще слышатся, правда, отдѣльные голоса скептиковъ которые до сихъ поръ не вѣрятъ чтобы все сошло такъ гладко. Въ Константинополь, по словамъ одного корреспондента, сомнѣваются даже въ миролюбіи Россіи, причемъ ссылаются на таинственное изреченіе генерала Тотлебена сказавшаго будто бы что „въ концѣ этого мѣсяца Европу ожидаетъ большой сюрпризъ.“ Сюрпризъ уже случился. Не будетъ ли сюрприза въ другомъ смыслѣ? Въ сферахъ конгресса считается, однако, дѣло его обезпеченнымъ. Но любопытно какъ, по мѣрѣ уступчивости Россіи, измѣняются тѣ соображенія которыя въ началѣ составлялись какъ основной принципъ и исходный пунктъ конгресса. Въ началѣ утверждали что необходимо сохранить существованіе Турецкаго государства. Указывали на то что и Россія согласна въ принципѣ съ этимъ положеніемъ. Газета *Times*, какъ мы уже имѣли случай указать, доходила въ своемъ усердіи до того что стала доказывать необходимость сохраненія Турціи въ интересахъ христіанскихъ народностей и *цивилизаций*. Этимъ аргументомъ подкрѣплено было главнымъ образомъ требованіе о возвращеніи Туркамъ за-Балканской Болгаріи! Но вотъ цѣль достигнута; многострадальныя южныя области отняты у Болгаръ и массы болгарскаго населенія обречены на политическое закланіе подъ охранительною сѣнью турецкихъ гарнизоновъ и „этапныхъ командъ“ изъ башки-бузуковъ, — и декорация тотчасъ же мѣняется. Австрія получила отъ конгресса единогласное (за исключеніемъ Турокъ) полномочіе на занятіе Босніи и Герцеговины. И вотъ берлинскія газеты, давно и настойчиво толкавшія Австрію на этотъ шагъ, не скрывая своего удовольствія по этому поводу, говорятъ уже не то что прежде о „конечныхъ видахъ“ конгресса. Нѣтъ болѣе рѣчи о самостоятельности Турціи; умолкли толки и о томъ что Австріи слѣдовало бы размежеваться съ Россіей, и предоставивъ ея вліянію восточную половину Балканскаго полуострова, подчинить себѣ его западную половину. Теперь мы читаемъ

что Австрія отнюдь не была обойдена Англией при заключеніи англо-русской конвенціи. Конвенція эта была сообщена графу Андраши во всѣхъ пунктахъ, и подписана Англией по одобреніи Австріей. Это соглашеніе подготовило почву для конгресса, а сдѣланное конгрессомъ наводитъ теперь *Национальную Газету* на слѣдующія мысли: „Повидимому европейская политика по отношенію къ Турціи вступаетъ въ новую фазу, рѣзко отличную отъ прежней. Австрія и Англія, какъ кажется, ведутъ дѣло къ тому чтобы подготовить окончательный дѣлежъ Турціи. Когда удастся совершенно *вытѣснить Россію съ Балканскаго полуострова*, заботливость о сохраненіи Турціи, по всей вѣроятности, прекратится. Для притязаній на политическое наслѣдіе придуманъ теперь новый терминъ: *сфера власти*, и Австрія по всѣмъ признакамъ уже призвала себя новую сферу подобнаго рода.“

Берлинская газета нѣсколько разъ возвращалась въ послѣдніе дни къ этой темѣ, и очень одобряетъ рѣшимость Австріи „дѣйствовать наконецъ“, совѣтуя ей государственными людямъ не обращать вниманія на неодобрительное ворчанье Мадьяръ, которые одни остаются собой вѣрны и продолжаютъ порицать готовящійся шагъ. Въ Берлинѣ радуются этому шагу. Австрія продвигается на Балканскій полуостровъ, и какъ разсуждаетъ *Национальная Газета*, „Австрія, лучше Турціи сумѣетъ положить предѣлъ поползновеніямъ Сербіи и Черногоріи не только на увеличеніе, но и на взаимное сближеніе и соединеніе.“ Далѣе рисуется блестящая перспектива матеріальной выгоды пріобрѣтенія отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ и открытія новыхъ путей для австрійской торговли.

Англія, конечно, уже намѣтила свою долю добычи. Въ Константинополѣ все остается пока попрежнему, и г. Леярдъ будетъ лишь подъ рукой распоряжаться въ „Восточной Румелии“. Тутъ Англія будетъ душить болгарскій народъ турецкими руками. За то въ Малой Азіи она домогается протектората надъ турецкими провинціями. Еще нѣсколько дней тому назадъ мы читали въ лондонской министерской газетѣ *Morning Post* изложеніе существующихъ относительно Малой Азіи предположеній, которое во многомъ совпадаетъ съ сообщеніями *Фоссової Газеты*,

которыхъ сущность передаетъ корреспондентъ Международнаго Телеграфнаго Агентства. „Мы слышали изъ надежнаго источника“, сказано было въ Беконсфильдовской газетѣ, „что предлагается раздѣлить всю Азіатскую Турцію на 15 провинцій куда будутъ назначаться губернаторы на неопредѣленное число лѣтъ, а при каждомъ изъ нихъ будетъ находиться англійскій консулъ резидентъ. Нечего говорить какъ этимъ способомъ будетъ обезпечено благодѣтельное управленіе и насколько этимъ данъ будетъ новый толчокъ торговлѣ и промышленности, между тѣмъ какъ англійскіе капиталы обратятся на постройку желѣзныхъ дорогъ и другія предпріятія, дабы оплодотворить богатые ресурсы Малой Азіи, Сиріи и Палестины.“

Это эквивалентъ, который Россія обязана предоставить Англіи. Сверхъ того, Россія, тоже въ видѣ вознагражденія за уступки сдѣланныя ей Англией, должна формально обязаться на будущее время не раздвигать своихъ границъ въ Малой Азіи.

№ 161.

Москва, 24-го іюня.

Германія въ 1871 году получила съ Франціи за нѣсколько мѣсяцевъ войны 5 милліардовъ франковъ и двѣ богатѣйшія провинціи. Россія за годъ слишкомъ, считая со дня мобилизаціи, потребовала съ небольшимъ 5½ милліардовъ франковъ, и болѣе ничего. Но, „принимая во вниманіе финансовыя затрудненія Турціи“ и въ то же время „сообразуясь съ желаніемъ султана“, Россія согласилась почти всю эту сумму замѣнить территоріальными уступками, большею частью въ Азіатской Турціи, гдѣ статья 19 Санъ-Стефанскаго договора предоставляетъ намъ Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баязидъ и территорію до Саганлуга.

Какъ только условія Санъ-Стефанскаго договора были обнародованы, со стороны Англіи послѣдовали протестаціи. Она находила что Турціи, дѣлая такія уступки, покушается на самоубійство, между тѣмъ какъ еще сорокъ лѣтъ тому назадъ было сказано что „Порта не можетъ покушаться на самоубійство, что державы не допустятъ, чтобы Порта приняла мѣру которая на-

„ходила бы въ противорѣчїи съ ея интересами.“

Маркизь Солсбери, въ извѣстной циркулярной депешѣ, обвиняетъ Россію въ желаніи „сдѣлать свою волю господствующею въ Константинополѣ и вообще окрестъ всего Чернаго Моря и подчинить своему произволу всю обширную европейскую торговлю чрезъ Трапезунтъ съ Персіей, наконецъ поставить „населеніе всей Арменіи „подъ свое непосредственное вліяніе.“

Съ англійской точки зрѣнія Россія должна была бы отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній въ Азіи, выговоренныхъ въ Санъ-Стефано.

Императорская канцелярія отвѣчала на это наглое заявленіе. Въ своемъ отвѣтѣ она доказывала крайнюю умѣренность требованій Санъ-Стефанскаго договора какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. „Поземельныя уступки,“ сказано въ русскомъ отвѣтѣ, „составляютъ естественное послѣдствіе войны,“ и еслибъ Англія хотѣла избавить Турцію отъ войны, то ей стоило бы только въ свое время присоединиться къ требованіямъ Россіи. Отказавшись отъ такого шага, Англійское правительство „не имѣетъ основанія оспаривать у проливавшей кровь державы право „на созданіе такого порядка вещей который можетъ ее избавить отъ подобныхъ „жертвъ или сдѣлать ихъ менѣе тяжкими,“ такъ какъ пріобрѣтенія въ Арменіи имѣютъ значеніе только оборонительное и ни въ какомъ случаѣ не могутъ вредить торговымъ сношеніямъ съ Персіей чрезъ Трапезунтъ, что признавалось де прежде и самимъ Англійскимъ правительствомъ. Что касается собственно Батума, то это, сказано въ русскомъ циркулярѣ, есть „единственная положительная выгода извлекаемая Россіей изъ войны,“ такъ дорого стоящей, и при томъ уступка Батума, правда „единственнаго хорошаго порта въ этихъ „водахъ, далеко не равноцѣнна денежному вознагражденію.“

Какъ ни ясно доказывались въ русской циркулярной депешѣ справедливость и умѣренность требованій Россіи, тѣмъ не менѣе найдено на конгрессѣ нужнымъ отступить отъ справедливости и опуститься ниже умѣренности, для того чтобы согласить русскія требованія съ англійскими прещеніями и имѣть честь пройти подъ Каудинскими фурулами именуемыми конгрессомъ. Англія потребовала ряда усту-

покъ, кои и были сдѣланы въ извѣстномъ документѣ подписанномъ маркизомъ Солсбери и графомъ Шуваловымъ. Статьей 10 этого соглашенія Россія отказалась отъ Алашкертской долины и города Баязида, прославленнаго безпримѣрнымъ подвигомъ горсти русскихъ, на томъ основаніи что долина эта есть „большой торговый путь въ Персію,“ и „въ глазахъ Турціи имѣетъ чрезвычайную важность.“ Въ замѣнъ этой тоже „чрезвычайной“ уступки, Англія „заявила готовность не оспаривать желанія Россіи пріобрѣсти Батумъ и сохранить за собою завоеванія въ Арменіи.“

Въ такомъ видѣ представлялось дѣло о Батумѣ конгрессу.

Обнаружилось что соглашеніе подписанное лордомъ Солсбери и графомъ Шуваловымъ Англія считаетъ только для Россіи обязательнымъ, а сама отнюдь не намѣрена соблюдать его. Она предложила удержать Батумъ за Турціей, въ виду должно-быть тоже его „чрезвычайной важности.“

Говорятъ будто притязаніе Англіи на новую уступку со стороны Россіи, связанное съ явнымъ нарушеніемъ уговора, встрѣчено большинствомъ уполномоченныхъ недружелюбно, причемъ будто бы „честный маклеръ,“ въ разговорѣ съ корреспондентомъ *Times*, пугнулъ Англію „страшною „войною съ Россіей если Беконсфильдъ не „оставитъ притязаній на Батумъ.“

Испугается или не испугается Беконсфильдъ этой угрозы — дѣло пока темное, но конгрессъ выискиваетъ способъ опять примирить Англію съ Россіей путемъ новаго компромисса, невыгоды котораго должны пасть на Россію. Компромиссовъ придумано нѣсколько: одинъ предлагаетъ оставить Батумъ за Турціей объявивъ его порто-франко, или, иначе говоря, превративъ его въ англійскій торговый пунктъ въ Черномъ Морѣ рядомъ съ Русскою границей, почти на Русской территоріи; другой хочетъ сдѣлать Батумъ вольнымъ и нейтральнымъ городомъ; третій благоволитъ отдать Батумъ Россіи, но съ тѣмъ чтобъ укрѣпленія его были скрыты и никогда бы не возобновлялись.

Послѣднее предложеніе, какъ кажется, принято или имѣетъ быть принято конгрессомъ. Итакъ, вотъ высокая милость которая наконецъ оказана этимъ верховнымъ трибуналомъ Россіи! Батумъ ей уступается, но съ тѣмъ чтобъ она не смѣла укрѣплять

эту гавань... Нѣтъ, снисхожденіе конгресса хуже, обидѣе и оскорбительнѣе для національной чести Россіи чѣмъ отказъ. Въ подвластныхъ Русскому Царю владѣніяхъ нѣтъ ни одного пункта который былъ бы обложенъ сервитутомъ, какимъ-нибудь международнымъ обязательствомъ. Черное Море, омывающее наши берега, было нейтрализовано Парижскимъ трактатомъ, который запрещалъ намъ имѣть въ немъ морскія вооруженія сверхъ опредѣленнаго малаго числа малыхъ судовъ. Это было обидой для Россіи, это было нестерпимымъ оскорбленіемъ ея достоинства; это было навязано ей несчастною войной, и Россія поспѣшила при первой возможности сбросить съ себя это тягостное и ее позорившее обязательство. Какъ же могла бы она принять теперь прибрѣтенное ея побѣдами владѣніе на условіи унижительномъ и стѣсняющемъ ея верховныя права...

Да и что такое Батумъ, что всѣ другія маленькія прирѣзки къ нашей территоріи? Богъ бы съ ними, лишь бы мы достигли главной цѣли нашей войны. Мы воевали за „святое дѣло.“ Такъ было сказано, такъ всѣми чувствовалось, а Батумъ или клочекъ Бессарабіи нельзя же называть „святымъ дѣломъ.“ Не ради прибрѣтенія Ардагана, или Батума, или Килійской лужи, несъ даже нищій свою лепту; не за это съ такимъ святымъ самоотверженіемъ умирали русскіе люди, — а за „святое дѣло“ освобожденія христіанскихъ населеній и именно этихъ злополучныхъ истерзанныхъ, поруганныхъ братьевъ нашихъ за Балканами...

№ 163.

Москва, 26-го іюня.

А.

Сегодня телеграфъ дѣлаетъ намъ новый сюрпризъ. Къ концу засѣданій конгресса, когда главные уступки относительно Европейской Турціи уже исторгнуты ради интересовъ Европы и остается только уладить вопросъ о Батумѣ, англійскіе министры приберегли эффектный *coup de théâtre*. По извѣстію рабѣлѣннаго органа лорда Беконсфильда, *Daily Telegraph*, которому можно повѣрить въ этомъ случаѣ, сегодня конгрессъ удостоился получить отъ Беконсфильда извѣщеніе что ея Бри-

танское величество заключила съ султаномъ оборонительный союзъ на основаніи строгаго охраненія Англійей на будущее время цѣлости Турецкой имперіи въ Азіи, взаменъ чего султанъ уступаетъ Англии право занять Кипръ, каковое занятіе вѣроятно незамедлительно и совершится индійскими войсками находящимися на Мальтѣ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ другая телеграмма отъ нашего берлинскаго корреспондента извѣщаетъ что Англія заявила что она тогда только останется при *statu quo* относительно Проливовъ если Батумъ будетъ сдѣланъ вольною гаванью; въ противномъ же случаѣ она требуетъ права для своихъ военныхъ судовъ проходить во всякое время черезъ Дарданеллы и Босфоръ!..

Послѣ того какъ конгрессомъ утверждены всѣ уступки сдѣланныя Россіей и рѣчь дошла до другихъ вопросовъ, Англія беретъ назадъ свое слово, выманившее насъ на конгрессъ, и предъявляетъ новыя требованія о Батумѣ и Проливахъ, а вдобавокъ объявляетъ что заключила сепаратное соглашеніе съ Турціей! Вотъ вамъ и европейскіе интересы!

Поздравляемъ лорда Беконсфильда съ успѣхомъ. Онъ приступилъ къ уничтоженію всего до сихъ поръ сдѣланнаго на конгрессѣ, и когда ему это вполнѣ удастся, мы право не посѣтуемъ на него.

Б.

Сегодня перепечатаваемъ изъ *Туркестанскихъ Вѣдомостей* знаменательный приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа, предваряющій ихъ о дальнемъ походѣ и распредѣляющій предназначенныя „на первое время“ къ походу части войскъ по отрядамъ. Такихъ отрядовъ будетъ три: *Главный*, въ составѣ 52 ротъ, 20 сотенъ казаковъ, 48 орудій и 1 ракетной батареи; *Ферганскій* изъ 6 ротъ, 2 сотенъ казаковъ, 6 горныхъ орудій и ракетной батареи, и наконецъ *Аму-Дарьинскій* изъ 6 ротъ, двухъ сотенъ и 4 орудій. Отряды эти должны формироваться, первый въ Самаркандѣ, откуда онъ направится къ городу Джамъ, на сѣверо-восточной границѣ бухарскихъ владѣній; другой, именно Аму-Дарьинскій, по сформированіи въ Петро-Александровскѣ близъ Хивы, пойдетъ вверхъ по Аму-Дарѣ, до Чарджуя, города на одной широтѣ съ Джамомъ.

Ферганскій отрядъ, составъ коего даетъ поводъ предполагать дѣйствія въ труднопроходимыхъ горахъ, долженъ формироваться въ Маргеланѣ и двинуться на югъ черезъ Вуадиль въ долину Кизылъ-су.

О времени формирования этихъ отрядовъ, сказано въ приказѣ, а также о формированіи и выступленіи послѣдующихъ отрядовъ войскъ, когда потребность въ нихъ опредѣлится, будетъ объявлено особо. Изъ полученныхъ нами частныхъ извѣстій видно что отряды эти сформированы и выступили по назначенію; а 16 июня, Высочайшимъ приказомъ въ дѣйствующія войска Туркестанскаго края назначенъ главный казначей, бывший прежде помощникомъ главнаго полевого казначея Дунайской арміи.

Походъ, слѣдовательно, не отмѣненъ. Остается неизвѣстнымъ куда пойдутъ названные войска: приказъ генералъ-адъютанта Кауфмана выражается объ этомъ коротко: съ послѣднихъ названныхъ въ приказѣ пунктовъ отряды должны двинуться „согласно даннымъ имъ указаніямъ.“

Войска пойдутъ далеко. Это ясно изъ цѣлаго ряда приказовъ предписывающихъ, во всей подробности и съ полною предусмотрительностью; всѣ санитарныя и хозяйственныя мѣры кои должны быть приняты въ походѣ. Нижніе чины должны быть дважды тщательно освидѣтельствованы, и всѣ слабосильные удалены; должна быть внимательно осмотрѣна обувь чтобы не было ни слишкомъ тѣсныхъ, ни слишкомъ просторныхъ сапогъ, коихъ войска берутъ въ запасъ по двѣ пары, должна быть хорошо пригнана шапка, чтобы не жала головы, что особенно важно на походѣ подъ палящими лучами солнца.

Войскамъ въ походѣ назначается хорошее продовольствіе, изъ полутора фунта мяса, вполне достаточное для возстановленія силъ людей при самыхъ тяжелыхъ трудахъ. Командующій заботится подготовить людей къ походу, назначая за двѣ недѣли еще на мѣстѣ, до выступленія, усиленное довольствіе: какъ на обѣдъ, такъ равно и на ужинъ они должны получать по полуфунту мяса. При такихъ мѣрахъ въ походъ выступать только здоровые люди, со свѣжими силами, вполне способные къ перенесенію тяжестей и лишеній похода въ дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ.

Не на военную прогулку двигаются войска, не для устрашенія близкаго средне-

азіятскаго сосѣда назначена вся эта сила: командующій предвидитъ „дѣйствія противъ непріятеля,“ предвидитъ, говоря относительно, значительное число раненыхъ, для успокоенія коихъ еще до сформирования отрядовъ сформированы лазареты; командующій предусматриваетъ такіе дни когда „ходъ военныхъ дѣйствій“ и „близость непріятеля“ лишатъ возможности варить пищу. Наконецъ, нельзя забыть что одинъ изъ приказовъ предписываетъ немедленное сформированіе артиллерійскаго резерва; а это заставляетъ предполагать противника не въ азіятскихъ ордахъ, противъ коихъ артиллерія входящая въ составъ отрядовъ была бы даже слишкомъ велика.

Главныя силы отряда направлены на Джумъ и къ Чарджую во владѣнія Бухарскаго эмира, дружественныя отношенія котораго къ Россіи давно опредѣлились и испытаны во время Хивинскаго похода, но дирекціональную частію очевидно служить отрядъ выступающій изъ Маргелана на югъ къ Кизылъ-су и далѣе „куда велятъ.“

Походъ обѣщаетъ быть серіознымъ: идутъ тѣ самыя Туркестанскія войска, что совершили безпримѣрный Хивинскій походъ.

И теперь, какъ тогда, командующій все заранѣе предусматриваетъ, тщательно обезпечивая успѣхъ труднаго, быть-можетъ, опаснаго предпріятія.

Силы отряда назначеннаго для дѣйствій „на первое время“ не велики, но высоки военный духъ и опытность людей его составляющихъ. Войска, которыя прошли Хивинскую степь въ зной, это такія же русскія войска какъ и тѣ что смогли перейти Балканы зимой въ трескучіе морозы, при горномъ вѣтрѣ, пройти почти безъ дорогъ, таща на себѣ артиллерію, — для такихъ войскъ нѣтъ неодолимыхъ преградъ. Пусть только не останавливаютъ ихъ въ ту минуту когда они подходятъ къ завѣтной цѣли, когда они воочию видятъ тотъ пунктъ для достиженія котораго перенесли столько трудовъ и лишеній. Такая остановка подрываетъ довѣріе солдата къ самому себѣ, къ своей силѣ, раздражаетъ его, деморализуетъ войска болѣе нежели самая неудача, болѣе нежели пораженіе. Для арміи всякое „нельзя“ обращается въ роковое сознаніе слабости, безсилія или недовольства. „Не смѣютъ что ли командиры чужіе мундиры изорвать,“ вотъ что привыкъ говорить русскій сол-

дать, остановленный въ такомъ разстояніи отъ врага что „видитъ око да зубъ неиметь.“

№ 164.

Москва, 27-го Іюня,

А.

Когда дипломаты съѣзжались въ Берлинъ на конгрессъ по Восточному вопросу, этотъ великій вопросъ, наполняющій всю исторію Россіи, уже былъ разрѣшенъ. Цѣль конгресса состояла только въ томъ чтобы разорвать Санъ-Стефанскій договоръ, но порядокъ вещей въ замѣну его уже былъ готовъ. Подписавъ предварительное соглашеніе съ графомъ Шуваловымъ, — соглашеніе коимъ Россіи дозволялось сохранить на память о войнѣ клочки заключеннаго ею договора, — лордъ Солсбери вскорѣ затѣмъ подписаль депешу своему послу въ Константинополь съ приказаніемъ заключить съ Турціей другаго рода договоръ. Въ соглашеніи съ графомъ Шуваловымъ было сказано что Англія на конгрессѣ не будетъ протестовать противъ Малоазійскихъ пріобрѣтеній Россіи, но не было сказано что Англія соглашается оставить намъ эти столь дорого купленные нами пріобрѣтенія не иначе какъ подъ условіемъ что вся Турція поступитъ въ полное распоряженіе Англіи. Пусть Россія удержитъ за собою Ардаганъ, Карсъ, даже Батумъ (не иначе впрочемъ какъ отказавшись отъ своихъ верховныхъ правъ относительно этой гавани и срывъ въ ней укрѣпленія), Англія за то беретъ на свои руки всю Турецкую имперію. Восточный вопросъ рѣшенъ; вопросъ о Проливахъ рѣшенъ. Отнынѣ „самостоятельной и независимой“ Турціи не существуетъ, не существуетъ и Турція въ смыслѣ гарантированнаго Европой государства. Теперь на мѣсто Турецкой имперіи является вассальное владѣніе Британской имперіи. Подвергнуть ли англійскіе уполномоченные свой договоръ сужденію конгресса чтобы дать поводъ его членамъ удивить міръ новымъ блистательнѣйшимъ доказательствомъ своей уступчивости, или они обойдутся безъ этой церемоніи и ограничатся только простымъ заявленіемъ, которое уже и сдѣлано членами Англійскаго правительства въ парламентѣ?...

Б.

Берлинскій конгрессъ не успѣлъ еще окончить свое дѣло, а уже началось подведеніе итоговъ и обозрѣніе пройденнаго пути. Ранѣе всѣхъ спѣшатъ высказаться офиціозные защитники политики графа Андраши. Въ *Аугсбургской Всеобщей Газетѣ*, отъ 4 Іюля, помѣщена такого рода „обозрительная“ статья, объ офиціозномъ происхожденіи которой свидѣлствуетъ сама редакція газеты, оговариваясь что она, редакція, отнюдь не раздѣляетъ всѣхъ высказанныхъ въ ней взглядовъ, но печатаетъ ее въ интересахъ „всесторонняго разъясненія.“ Статья эта направлена отчасти противъ взглядовъ редакціи названной газеты, которая, какъ извѣстно, съ самаго начала восточныхъ замѣшательствъ приняла на себя роль заступницы Турціи и вмѣстѣ съ вѣнскою *Neue Freie Presse* не переставала нападать на австрійскаго канцлера за его нерѣшительность и повторство Россіи. И вотъ авторъ анонимной статьи беретъ на себя доказать, на основаніи результатовъ конгресса, что графъ Андраши достигъ полного успѣха, — то-есть что ему удалось подорвать всѣ замыслы Россіи и пріобрѣсти огромныя преимущества для Австріи безо всякихъ жертвъ и расходовъ.

Австрія, такъ доказывается въ статьѣ, съ самаго начала не вѣрила чтобы было возможно достигнуть какихъ-либо дѣйствительныхъ улучшеній съ помощьюъ тѣхъ мѣръ какія практиковались въ началѣ восточныхъ замѣшательствъ. Знаменитая нота самого графа Андраши и Константинопольская конференція предлагали де такія средства коихъ бесплодность была понимаема какъ нельзя лучше авторами этихъ предложений. Знаменитая „автономія“ для христіанскихъ провинцій Турціи была ничѣмъ инымъ какъ химерой придуманною съ тою цѣлью чтобы не былъ поставленъ на очередь Восточный вопросъ во всей его цѣлости, что Австрія считала для себя въ то время крайне невыгоднымъ и опаснымъ. Но послѣдовавшая затѣмъ болгарская рѣзня выдвинула этотъ вопросъ противъ воли Австріи. Россія обнаруживала въ то время твердую рѣшимость принять дѣло въ свои руки и дѣйствовать энергически. Предупредить ея вмѣшательство возможно было бы лишь въ случаѣ союза съ Англіей. Но тогдашнія агитаціи англійскихъ виговъ

не давали надежды на то чтобы такой союз могъ состояться. И насчетъ самой Турціи Австрія не могла быть совершенно увѣрена; въ Константинополѣ существовала еще тогда довольно сильная партія склонявшаяся въ пользу Россіи...

Авторъ указываетъ на то что и теперь Русскій народъ отнюдь не чувствуетъ себя утомленнымъ борьбой и вовсе не побуждаетъ правительство къ уступкамъ, и что тѣ изъ русскихъ газетъ имѣютъ наибольшій успѣхъ и читаются болѣе другихъ которыя настаиваютъ на томъ чтобы Россія не поступилась ничѣмъ изъ прибрѣтенныхъ ею успѣховъ и отстаивала бы ихъ, въ случаѣ надобности, и противъ коалиціи. Поэтому не можетъ же быть рѣчи о томъ чтобы была возможность въ началѣ прошедшаго года нагнать страхъ на Россію и тѣмъ удержать ее отъ войны противъ Турціи.

Такъ какъ предупредить войны Австрія не имѣла возможности, то авторъ статьи переходитъ затѣмъ къ другой сторонѣ вопроса, а именно къ тому насколько Австрія имѣетъ поводъ быть недовольною ея результатами. Это разсужденіе имѣетъ особенный интересъ, ибо изъ него мы узнаемъ какъ недруги Россіи, не прикрываясь на этотъ разъ никакою логикой, учитываютъ въ свою пользу все что добыто съ помощью Берлинскаго конгресса, причемъ припоминается что и самый конгрессъ есть не что иное какъ австрійская идея, принятая сначала крайне недовѣрчиво, а теперь блистательно оправдавшая дальновидную политику графа Андраши.

Одна изъ важнѣйшихъ перемѣнъ допущенныхъ конгрессомъ—признаніе независимости вассальныхъ государствъ—не только не противорѣчитъ де интересамъ Австріи, но, напротивъ, прямо ей выгодна. Если предположить что Австрія вступила бы въ войну съ Россіей и вышла бы изъ нея побѣдительницей, то и тогда она должна была бы сама добиться того же. Это по той же причинѣ что вассальныя Турціи государства могутъ, прикрываясь трактатами, съ болѣею безнаказанностью служить очагомъ разныхъ недоброжелательныхъ и прямо враждебныхъ агитацій и предпріятій противъ Австріи (читай: Венгріи) нежели съ той минуты какъ имъ будетъ дана полная независимость, а стало быть для нихъ возникаетъ и обязанность вполне отвѣчать за себя. Австрія побѣ-

дительница не могла бы также не даровать Болгаріи приблизительно такой же автономіи. Сверхъ того, Англія будучи въ союзѣ съ нею противъ Россіи непременно привлекла бы на свою сторону Грецію, подобно тому какъ Наполеонъ III привлекъ въ 1854 году Сардинію. Такимъ образомъ пришлось бы вознаградить и Грековъ предоставленіемъ имъ греческихъ провинцій Турціи. Наконецъ, само собою разумѣется что Австрія не могла бы не занять Босніи и Герцеговины.

Защитникъ политики графа Андраши предвидитъ еще одно возраженіе, а именно что австрійское обаяніе на Востокѣ укрѣпилось бы надолго, а русское напротивъ было бы окончательно подорвано еслибы всѣ указанные результаты были добыты руками Австріи. Но и это возраженіе его не смущаетъ: „Все это досталось намъ и теперь,“ отвѣчаетъ онъ, „и притомъ гораздо дешевле или, лучше, совсѣмъ даромъ... Что же касается вопроса объ обаяніи, то по нашему мнѣнію гораздо болѣе чести для Европы въ томъ что она предписала свой законъ побѣдоносной Россіи нежели въ томъ случаѣ еслибы ей пришлось налагать свою волю на побѣжденную.“

Балансъ, какъ видите, подведенъ съ большимъ искусствомъ и нельзя сказать чтобы вѣнскій бухгалтеръ дозволилъ себѣ какія-либо фальшивыя цифры. Фальшь не въ этихъ вычисленіяхъ а въ томъ *духѣ* неправды въ коемъ нынѣ такъ открыто сознаются, предполагая что этимъ путемъ дѣйствительно можно перевершить великія судьбы исторіи и надолго задержать ея развитіе.

Мы присутствуемъ при неслыханномъ въ исторіи обманѣ громадныхъ размѣровъ. Чему болѣе удивляться, грубости ли средствъ употребленныхъ въ дѣло (начиная съ нашего нигилизма), или разчетамъ главныхъ виновниковъ обмана на его окончательный успѣхъ? Сколько бы ни пришлось намъ испытать горькихъ оскорбленій, обманъ падетъ окончательно все-таки на голову своихъ виновниковъ...

№ 165.

Москва, 28-го іюня.

Раздѣлъ Турціи начать, и начать Англіей съ согласія султана, подписавшаго

4-го іюня конвенцію, въ силу коей Англія получаетъ въ пользованіе островъ Кипръ, съ обязательствомъ защищать мало-азіятскія владѣнія султана въ случаѣ новой войны съ Россіей. Мысль объ этой конвенціи возникла у Англійскаго правительства недавно и приведена въ исполненіе быстро и ловко. Еще въ началѣ марта Англійское правительство очень заботилось и опасалось не существуетъ ли между Турціей и Россіей какого-либо секретнаго договора кромѣ мирныхъ условій подписанныхъ въ Санъ-Стефано. Лордъ Дарби просилъ по этому поводу объясненій у графа Шувалова, который и увѣдомилъ его 19-го марта что „мирный трактатъ заключенный въ Санъ-Стефано есть единственный, и что нѣтъ никакого тайнаго „соглашенія.“

Только это и нужно было знать Англіи. Затѣмъ рѣшенъ вопросъ о вызовѣ въ Европу индійскихъ войскъ, какъ теперь оказалось, предназначенныхъ для занятія острова Кипра, а 28-го марта лордъ Дарби заявилъ въ парламентѣ о своей отставкѣ по причинамъ кои ему неудобно было объяснить съ полною откровенностью. Далѣе, 1-го апрѣля Солсбери подписалъ всеѣмъ извѣстную циркулярную депешу въ которой все дѣло сводится лишь къ тому чтобы какъ можно рѣзче выставить мысль будто Россія стремится „сдѣлать волю свою „господствующею окрестъ всего Чернаго „Моря, и подчинить политику Турціи политикѣ Россіи,“ и даже лишить Константинопольское правительство „политической независимости.“

Выступивъ защитникомъ интересовъ Турціи и введя свой флотъ въ Мраморное Море, Англія начала 30-го мая формальные переговоры, убѣждалъ Турцію что Батумъ, Ардаганъ, Карсъ и другіе уступаемые Россіи пункты Малой Азіи станутъ „пунктами послышки эмиссаровъ для интригъ за „коими послѣдуютъ русскія арміи, и что „Россія владѣя этими крѣпостями будетъ „пользоваться могучимъ вліяніемъ для раздробленія Азіатской Турціи.“ Г. Леярду было предписано внушить въ Константинополь что „единственнымъ средствомъ „обезпечить прочность Оттоманскаго „господства въ Азіи“ есть сдѣлка съ Англіей, которая за извѣстное вознагражденіе готова де охранять Турцію противъ Россіи оружіемъ, и что конечно всего удобнѣе это можно сдѣлать если Англія будетъ

постоянно содержать военную силу на островѣ Кипрѣ.

Утверждаютъ будто еще при Англо-Русскомъ соглашеніи, предшествовавшемъ созванію конгресса, былъ сдѣланъ намекъ что Англія принимаетъ на себя защиту мало-азіятскихъ владѣній Порты, и что именно „тайною статьею соглашения 18-го „мая между графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Солсбери былъ предусмотрѣнъ „случай уступки Кипра Англичанамъ.“ Французскому правительству также, говорятъ, было извѣстно, еще до отъѣзда Ваддингтона въ Берлинъ, что островъ Кипръ „при извѣстномъ условіи“ отойдетъ къ Англіи. Франція будто бы даже согласилась на это, поставивъ нѣкоторыя условія относительно Сиріи, Святыхъ Мѣстъ, Египта и Туниса.

Слухи о Франціи едвали однако справедливы, ибо въ дипломатическихъ сферахъ хорошо понимаютъ что „протекторатъ Англіи надъ Турціей устранить не „одну Россію, но и всѣ европейскія державы подписавшія Парижскій трактатъ „отъ Малой Азіи, отъ Проливовъ и даже „отъ европейскихъ владѣній Турціи, на- „стоящимъ хозяиномъ коихъ становится „Англія.“ Дѣйствительно, Россіи было бы бесполезно уговариваться о Проливахъ если Англія, въ качествѣ постояннаго союзника и опекуна, получаетъ право и возможность ввести свой флотъ въ Черное Море въ случаѣ малѣйшаго разногласія между Россіей и Турціей. Не безъ причины Англійское правительство ровно мѣсяцъ молчало о конвенціи 4-го іюня, прибегая къ заявленію о ней къ концу конгресса, т.-е. къ тому времени когда будутъ покончены пренія о дѣлахъ Европейской Турціи.

Такъ или иначе, но конгрессъ съ своими попытками о разграниченіи „сферъ вліянія“ обратился въ пустую забаву, и нѣтъ ничего невѣроятнаго что Франція и Италія уже „предъявляютъ требованія на „части Оттоманской имперіи, что Франція „желаетъ приобрѣсти Триполи, Италія Тунисъ,“ и что въ Берлинѣ открыто, безъ всякихъ „дипломатическихъ прикрасъ, ведутся переговоры о раздѣлѣ Турціи.“ Иначе какъ бы могла рѣшиться Англія предложить конгрессу проектъ реорганизации турецкаго управленія въ Малой Азіи „съ цѣлью наиболѣе обезпечить тамъ вліяніе Англіи.“

Такимъ образомъ сдѣлка съ Турціей оканчивается весьма благополучно для Англіи; хотя нельзя же ожидать чтобъ Англія ограничилась однимъ Кипромъ, такъ какъ „защитить Турцію представляется „трудною задачей,“ исполненіе которой обойдется дорого. Вотъ почему во Франціи уже предполагаютъ что вслѣдъ за Кипромъ Англія вѣроятно займетъ и Египетъ.

Самыя непріятныя объясненія которыя могутъ быть потребованы Англійскому правительству придется повидимому дать развѣ только у себя дома, такъ какъ національная ассоціація всѣхъ либеральныхъ союзовъ обнародовала уже воззваніе приглашающее страну энергически протестовать противъ присоединенія Кипра и „таинственного способа коимъ правительство заключило союзъ съ Турціей.“

Напротивъ, всего легче удалось лорду Беконсфилду успокоить Россію, если только вѣрить берлинскимъ извѣстіямъ. Англійскій премьеръ выставилъ князю Горчакову что „занятіе Кипра и конвенція имѣютъ въ сущности только оборонительный характеръ,“ слѣдовательно совершенно равносильна азійскимъ пріобрѣтеніямъ Россіи кои сдѣланы были тоже въ видахъ оборонительныхъ.

Въ отвѣтъ на это князь Горчаковъ отвѣтилъ будто бы что „Россія будетъ удовлетворена пріобрѣтеніемъ Батума, обладаніе коимъ необходимо для торговли „Кавказа,“ достаточно огражденнаго отъ „случайныхъ нападеній Турокъ.“

Нельзя однако слишкомъ много довѣрять этимъ извѣстіямъ, тѣмъ болѣе, какъ справедливо замѣчаетъ *Diritto*, „что вопросъ о Кипрѣ есть совершенно новый, „возникшій лишь вчера и затрогиваетъ интересы державъ Средиземнаго Моря, которыми, безъ сомнѣнія, дадутъ время со- „браться съ мыслями прежде чѣмъ онѣ „выскажутся объ англо-турецкой конвенціи 4-го іюня.“

№ 166.

Москва, 30-го іюня.

Берлинскій конгрессъ бытіемъ своимъ обязанъ былъ доктринѣ что Россія не имѣла права сама распорядиться судьбами Турціи, что это есть дѣло „Европы,“ и что Турція, самостоятельное существо-

ваніе которой необходимо въ интересахъ той же Европы, не могла бы оставаться самобытною державой: еслибы получилъ силу Санъ-Стефанскій договоръ. Исходя изъ этихъ „принциповъ,“ конгрессъ занялся урѣзываніемъ Санъ - Стефанскаго трактата, и возвратилъ Турціи ту область тяжкія испытанія которой были ближайшимъ поводомъ къ Русско-Турецкой войнѣ. Совершивъ благополучно это дѣло, конгрессъ занялся прочими сторонами вопроса и со всѣми нынѣ покончилъ, какъ извѣщаетъ телеграфъ изъ Берлина. Берлинскій трактатъ будетъ завтра подписанъ. Но уже въ прошедшую субботу берлинскія газеты привѣтствовали полное и успѣшное окончаніе конгресса, и въ торжественныхъ выраженіяхъ подвели итогъ. Тогда еще публикѣ не былъ извѣстенъ англійскій сюрпризъ, хотя нельзя сказать чтобы берлинскія газеты не „предчувствовали“ этого заключительнаго эффекта. Во всякомъ случаѣ, англо-турецкій оборонительный союзъ и уступка острова Кипра ни въ чемъ не измѣняютъ выкладокъ берлинскихъ публицистовъ. Итогъ заранее ими подведенный остается вѣренъ и теперь, чѣмъ косвенно подтверждается заявленіе *Съверо-Германской Всеобщей Газеты*, о коемъ вчера сообщилъ телеграфъ, что Германское правительство было предувѣдомлено объ этой сдѣлкѣ.

Но что же однако оказывается если сравнить дѣйствительный результатъ съ принципомъ? Прежде всего спрашивается, дѣйствительно ли „Европа,“ коей интересы противопологались интересамъ Россіи, заступила ея мѣсто и замѣнила своими требованіями, — требованіями „общечеловѣческой культуры,“ — то что выставилось одностороннею выгодой Россіи, будто бы противорѣчащею этой культурѣ? Оказывается что Италия и Франція, въ лицѣ своихъ вліятельнѣйшихъ органовъ, уже успѣшили протестовать противъ того что выдается за обще-европейское дѣло. Газета *Diritto* свидѣтельствуетъ что общественное мнѣніе въ Италиі крайне недовольно. Вліятельнѣйшій нынѣ органъ французской печати, *République Française*, высказывается еще рѣзче по поводу заявленной конгрессу, какъ *fait accompli*, англо-турецкой конвенціи 4-го іюня. Газета эта полагаетъ что французскимъ уполномоченнымъ слѣдовало бы протестовать въ болѣе рѣзкой формѣ и отказаться отъ под-

писи акта коимъ освящается эта сдѣлка. Французскимъ уполномоченнымъ не будетъ предоставленъ случай заявить подобнаго рода протестъ. Офиціальный органъ Германскаго правительства, *Провинціальная Корреспонденція*, разъясняетъ что *отдѣльное* соглашеніе Англіи съ Турціей вовсе не касается конгресса; „такъ какъ послѣднему подлежали лишь условія Санъ-Стефанскаго договора“ (какъ будто бы послѣдній не былъ также *отдѣльнымъ* соглашеніемъ между Россіей и Турціей!). Изъ этого заявленія видно что Берлинскій трактатъ вовсе не коснется конвенціи 4-го іюня. Англія сообщила о немъ конгрессу лишь „къ свѣдѣнію;“ но въ санкціи европейскаго ареопага, призваннаго устроить судьбу Оттоманской имперіи, Англія не нуждается. Эту имперію она прибрала къ рукамъ; и вотъ офиціально заявленная *цѣль* конгресса оказывается и для слѣпыхъ ничѣмъ инымъ какъ обманомъ. Но ему не придется впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою; и французскіе уполномоченные будутъ избавлены отъ необходимости протеста противъ акта нарушающаго оговорки, заранѣе ими сдѣланныя. Единодушіе „Европы“ будетъ облечено въ торжественный актъ; Англія обойдется безъ такой торжественной санкціи: она уже занимаетъ островъ Кипръ, а это, по ея мнѣнію, стоитъ больше нежели бумажный трактатъ.

Не думайте, впрочемъ, чтобы французская печать только теперь, послѣ оглашенія англо-турецкой конвенціи нарушила хоръ „обще-европейскаго согласія.“ Французская печать еще гораздо ранѣе исполнилась ненависти и духа строптивости относительно конгресса, и газеты всѣхъ партій уже съ нѣкотораго времени наполнялись самыми рѣзкими нападками на конгрессъ и высказывали свое сожалѣніе о томъ что французскіе уполномоченные въ немъ участвуютъ. До оглашенія англо-турецкой конвенціи эти нападки на конгрессъ мотивировались главнымъ образомъ тѣмъ что конгрессъ будто бы дѣлаетъ слишкомъ много поблажекъ Россіи; теперь же вся ярость французской печати обратилась на Англію. Явленіе это само по себѣ довольно характеристично; оно показываетъ до какой степени Франція потеряла всякое живое политическое чутіе и сама не знаетъ въ какую сторону обратиться свои симпатіи.

Берлинскіе публицисты, которые—нуж-

но имъ отдать справедливость—никогда не играли въ „Европу,“ открыто отвергаютъ теперь и другой „принципъ,“ коимъ мотивировалась прежде необходимость конгресса;—принципъ неприкосновенности Турецкаго государства въ Европѣ. Важнѣйшимъ результатомъ конгресса они выставляютъ теперь „первый раздѣлъ Турціи.“ Очень интересны разсужденія на эту тему которыя мы прочли въ берлинской *Национальной Газетѣ* отъ воскресенья 7-го іюля. Она считаетъ бывшее наканунѣ засѣданіе конгресса самымъ важнымъ и рѣшительнымъ; этотъ день, въ который завершено было, при содѣйствіи Германіи, дѣло мира, останется де навсегда памятнымъ въ исторіи. Отдавая справедливость „великимъ заслугамъ“ дипломатинъ, берлинская газета, не обинуясь, высказываетъ что все что совершено конгрессомъ есть послѣдствіе роковаго рѣшенія Россіи, которая остановилась, „по причинѣ до сихъ поръ невыясненной,“ у воротъ Константинополя, и „еще разъ торжественно отказалась“ отъ исполненія своей исторической миссіи. Но это не спасло де Турцію отъ участи которой она вполне заслужила; первый раздѣлъ ея совершился, и дальнѣйшее совершеніе ея судьбы есть только вопросъ времени.

„Оттоманская имперія,“ такъ разсуждаетъ *Национальная Газета*, „по имени еще осталась въ Европѣ. Еще муэззинъ призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ съ высоты храма Юстиніана. Дворецъ султана еще красуется у Прѣсныхъ Водъ Босфора, и дачи турецкихъ сановниковъ разбросаны у морскаго берега. Но все это не болѣе какъ фантомъ безъ тѣла. Вопреки Балканскимъ проходамъ, вопреки обладанію морскимъ берегомъ, Высокая Порта есть только химера. Душа же и тѣло принадлежатъ Англіи. Она сумѣетъ удержать свои права покровительства и свой *инетъ* надъ Турціей хотя бы и не существовало письменнаго договора насчетъ Малой Азіи, о которомъ говорятъ (но теперь извѣстно что онъ существуетъ). Султанъ, можетъ-быть, не совсѣмъ превратится въ вассальнаго раджу, но независимымъ монархомъ онъ также болѣе не будетъ. Турція снизошла, подобно Польшѣ послѣ перваго раздѣла, на степень государства третьяго разряда. Полное ея разложеніе есть лишь вопросъ времени.“

Всѣмъ этимъ берлинская газета довольна, приписывая главную заслугу такого результата великому государственному мужу руководившему конгрессомъ. Сверхъ того, она довольна и тѣмъ что балканскіе Славяне освобождены отъ турецкаго ига (?) и что вассальныя славянскія государства приобрѣли полную независимость. *Этимъ* она довольна потому что въ то же время Австрія стала между ними твердою ногой, а потому устранена де на будущее время всякая возможность къ новымъ неурядицамъ и къ „русскимъ интригамъ.“ Панславистскимъ стремленіямъ положенъ де прочный предѣлъ.

Объ одномъ только забываютъ торжествующіе публицисты: о томъ что весь этотъ результатъ все таки добытъ руками Россіи, ея потомъ и кровью, и что если совершился великій шагъ исторіи, то всѣ искусственныя преграды не задержатъ ея дальнѣйшаго движенія впередъ.

Погодите радоваться...

№ 167.

Москва, 1-го іюля.

А.

Конгрессъ, слава Богу, кончился. Сегодня будутъ подписаны пергаментные листы трактата. *Провинціальная Корреспонденція*, полуофіціальнй органъ прусскаго министерства, видитъ въ этомъ издѣліи „конецъ войнъ и опасеній“ и „зарю новой эры мирнаго преуспѣянія народовъ Европы.“ Но сами творцы этого „инструмента“, по видимому, далеки отъ такой надежды которая находится въ очевидномъ противорѣчій съ событіями. Исполненіе трактата ничѣмъ не гарантировано; волненія въ Турціи не прекратились, и мѣстами начинается новое броженіе. Наконецъ, держава, не допуская никакой перемѣны на Востокъ безъ конгресса, совершаетъ на Востокъ радикальную перемѣну не спрашиваясь Европы, и создаетъ положеніе дѣлъ которымъ лишается всякой силы работа Берлинскаго конгресса. Англо-турецкая конвенція совершенно уничтожаетъ юридическое значеніе Берлинскаго трактата. Остаются по прежнему въ силѣ только фактическія отношенія образовавшіяся вслѣдствіе событій. Что отсюда послѣдуетъ, о томъ нѣтъ по-

мина въ Берлинскомъ трактатѣ который умеръ прежде чѣмъ родился. Кошемаръ подъ гнетомъ котораго мы находились во время засѣданій конгресса, оказался въ самомъ дѣлѣ только сонною грезой.

Между тѣмъ, дѣла между Портой и Греціей не только не улажены, но не начаты даже переговоры. Критіе отказываются отъ автономіи гарантируемой Англичанами, въ Месопотаміи поднимается волненіе, также въ Македоніи, странѣ населенной преимущественно Болгарами. „Масса мусульманскихъ бѣглецовъ и Черкесовъ наводнившихъ несчастную провинцію,“ говоритъ корреспондентъ *Новаго Времени*; г. Молчановъ — „вымѣщая на Болгарахъ „за турецкій погромъ, гонятъ ихъ въ свободную Болгарію,“ откуда обратно на помощь гонимымъ спѣшатъ ратники болгарскаго ополченія отпускаемые въ резервъ. „Баши-бузуки, оттолкнутые отъ Родоповъ „внутрь страны русскою силою, лишенные „крова и хлѣба, съ запасомъ оружія за „поясомъ, какъ саранча накинудись на болгарскія пограничныя села: пожаръ, грабежъ, истязаніе длились нѣсколько дней... „Кто изъ христіанъ остался живъ, бѣжалъ въ горы. Образовалась правильная, хотя „и мелкая война.“ Было даже нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ стычекъ. Македонія грозитъ сдѣлаться театромъ новыхъ ужасовъ; въ ней могутъ повториться тѣ же гнусныя звѣрства турецкой администраціи какія послужили поводомъ къ только что оконченной войнѣ.

Съ другой стороны, отношенія Франціи и Италіи къ Англіи, со дня извѣстія объ англо-турецкой конвенціи становятся все болѣе натянутыми.

Президентъ конгресса, въ качествѣ маклера, заботясь о завершеніи сдѣлки, съ очевиднымъ усердіемъ хлопоталъ объ устраненіи англо-турецкой конвенціи отъ обсужденія на конгрессѣ. Эта забота оставила слѣдъ въ Германской печати. По полученіи изъ Лондона перваго извѣстія о новомъ англійскомъ захватѣ, органъ князя Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, очевидно еще не успѣвъ оріентироваться, отозвалась довольно рѣзко о политическомъ шагѣ лорда Беконсфильда, усматривая въ Англіи „не покровителя Турціи,“ какъ говорятъ изъ вѣжливости, а „наслѣдника“ Порты въ Малой Азіи.

Б.

Въ № 145 *Русскаго Инвалида* сообщены числовые данныя о расходѣ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ въ дѣлахъ на Балканскомъ полуостровѣ. Цифры эти даютъ возможность проверить въ какой мѣрѣ вообще справедливо было мнѣніе иностранцевъ высказанное во время войны что Русская армія держалась преимущественно тактики штыка, пренебрегала огнемъ, имѣла слишкомъ густыя колонны и мало пользовалась услугами артиллеріи въ дѣлѣ подготовки атаки, то-есть что Русскіе въ большинствѣ случаевъ шли въ штыки и на штурмъ ранѣе нежели противникъ былъ достаточно разстроенъ. Этимъ обыкновенно объясняли неудачу нашихъ первыхъ атакъ на Плевну и излишнія потери въ людяхъ при штурмѣ турецкихъ укрѣпленій.

Въ статьяхъ нашихъ очевидцевъ и особенно въ статьѣ г. Куропаткина „Съ полей сраженій“ *) мы можемъ найти довольно фактовъ поддерживающихъ вышеприведенное мнѣніе иностранцевъ. Мы дѣйствительно были мало подготовлены къ стрѣлковому бою; выводы войны 1870—1871 годовъ у насъ еще не были примѣнены, и война застала насъ въ этомъ отношеніи врасплохъ.

Цифры весьма краснорѣчиво поясняютъ сказанное. Во всю войну на Балканскомъ полуостровѣ выпущено нашею пѣхотой только $8\frac{3}{4}$ милліоновъ патроновъ, то-есть немного болѣе того что выпущено Прусаками въ войну 1866 года съ Австрійцами, которые были вооружены, какъ извѣстно, не казнозарядными, а дулозарядными ружьями.

Сравнивая нашъ расходъ патроновъ съ расходомъ германской арміи въ войну 1870—71 годовъ, нельзя не видѣть что мы стрѣляли слишкомъ мало. Въ сраженіи, напримѣръ, при Гравелоттѣ, германская армія выпустила около 6 милліоновъ патроновъ. Саксонскій корпусъ одинъ разстрѣлялъ ихъ свыше милліона, то-есть около 50 патроновъ на человѣка, между тѣмъ какъ у насъ за всю кампанію выпущено только по 45 патроновъ на ружье Бердана и по 26 выстрѣловъ на ружье Крынка которымъ была вооружена главная масса нашей пѣхоты. И это противъ Турокъ осыпавшихъ, по отзыву всѣхъ очевидцевъ, наши войска градомъ пуль и

расходовавшихъ громадную массу патроновъ!

Нельзя оставить безъ вниманія и разницу въ расходѣ патроновъ ружей Бердана и Крынка: она явно показываетъ что расходъ патроновъ пропорціоналенъ принятымъ для того и другаго ружья дальностямъ стрѣльбы. Въ самомъ дѣлѣ, на винтовкѣ Крынка для линейной пѣхоты прицѣлъ съ дѣленіями до 600 шаговъ, а изъ винтовки Бердана стрѣляютъ на 1.500 шаговъ и слѣдовательно могутъ выпустить вдвое болѣе пуль: такъ оно и есть. Къ подтвержденію этого вывода служитъ и расходъ патроновъ изъ кавалерійскихъ винтовокъ, доходящій до 1 м. 200 т. слишкомъ, что дало по 33 выстрѣла на винтовку. По дальностямъ стрѣльбы, кавалерійская винтовка занимаетъ середину между пѣхотною и ружьемъ Крынка.

Благодаря устройству прицѣла на винтовкахъ Крынка съ короткимъ щиткомъ, наша линейная пѣхота должна была болѣеую часть дѣла оставаться безъ выстрѣла, предоставляя только пятой части своихъ людей вести стрѣлковый бой, кои изъ такихъ же ружей Крынка, но съ инымъ прицѣломъ, могли открывать огонь съ болѣе дальнихъ разстояній. А потому справедливо замѣчали что наша пѣхота двигалась массами имѣя слабую стрѣлковую цѣпи. Линейныя части могли у насъ начинать огонь только когда противникъ принимался стрѣлять изъ своихъ дальнобойныхъ ружей такъ-называемымъ скорымъ огнемъ (Schnellfeuer) или почти залпами.

Расходъ снарядовъ нашей полевой артиллеріи также весьма ограниченъ: она выпустила лишь 158 тысячъ снарядовъ. Цифра сама по себѣ большая, но незначительность ея станетъ очевидна если мы припомнимъ что въ сраженіяхъ при Марсъ-ла-Турѣ и Гравелоттѣ германская артиллерія выпустила 55 тысячъ выстрѣловъ, а австрійская при Кениггрецѣ 45.000 снарядовъ. Наши 4 фунтовые орудія выпустили только по 88 выстрѣловъ каждое, то-есть во всю войну ровно сколько выпущено германскою артиллеріей въ одномъ сраженіи при Марсъ-ла-Турѣ. Между тѣмъ противникъ нашъ былъ болѣею частью прикрытъ хорошо возведенными укрѣпленіями, и слѣдовательно атака его требовала хорошей артиллерійской подготовки; этимъ отчасти и объясняется значительно болѣеій расходъ снарядовъ болѣе солидными 9-фунтовыми пушками.

*) *Военн. Сб.* 1877 года, № 12-й. Г. Куропаткинъ былъ начальникомъ штаба 16-й дивизіи генерала Скобелева.

Обратимъ теперь вниманіе на расходъ разныхъ снарядовъ которыми стрѣляла наша артиллерія. Три четверти ея выстрѣловъ сдѣланы *простою*, одна четверть такъ-называемою *картечною гранатой*, то-есть гранатой начиненною пулями. Въ этомъ отношеніи стрѣльба нашей артиллеріи рѣзко отличается отъ стрѣльбы нѣмецкой въ войну 1870 — 71 годовъ. Нѣмецкая артиллерія стрѣляла почти *исключительно* простою гранатой, причемъ было замѣчено что граната совершенно безсильна противъ стрѣлковъ хорошо прикрытыхъ канавами или небольшими стрѣлковыми ложементами.

По этой причинѣ, сейчасъ послѣ войны 1870 года, во всѣхъ артиллеріяхъ, и особенно у насъ, было обращено вниманіе на картечную гранату, а также на увеличеніе числа кусковъ на кои рвется граната обыкновенная.

Въ настоящую войну, мы видимъ что наша артиллерія выпустила сравнительно съ прежними войнами большее число картечныхъ гранатъ, и были бы готовы думать, что снарядъ этотъ употреблялся противъ непріятельскихъ густыхъ стрѣлковыхъ цѣпей расположенныхъ закрыто; между тѣмъ *Русскій Инвалидъ* объясняетъ что нашею артиллеріей выпущено простыхъ гранатъ втрое болѣе нежели картечныхъ именно потому что ей приходилось стрѣлять по противнику, прикрытому земляными укрѣпленіями!

Обратимъ вниманіе, что наша осадная артиллерія, дѣйствуя на Дунаѣ противъ мониторовъ, по Рушукъ, Никополю и подъ Плевной, израсходовала всего на все около 46 тысячъ снарядовъ, изъ коихъ 18 тысячъ приходится на мортиры и 23 тысячи на нашу 24-фунтовую осадную пушку. Вообще расходъ снарядовъ осадной артиллеріи очень не великъ, если взять въ соображеніе дѣйствія противъ такихъ двухъ пунктовъ какъ Рушукъ и Плевна.

Въ заключеніе укажемъ что приведенныя въ *Инвалидѣ* цифры даютъ возможность вычислить число *стволовъ* и *жестяг* принимавшихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. У насъ было:

| | |
|--|---------|
| Пѣхоты съ ружьемъ Бердана | 65.500 |
| Пѣхоты съ ружьемъ Крынка около | 215.000 |
| Орудій 9-фунтовыхъ | 632 |
| Орудій 4-фунтовыхъ | 632 |

Такимъ образомъ оказывается что мы имѣли на Балканскомъ полуостровѣ армію изъ 270—280 т. пѣхоты и 1.260 ору-

дій съ кавалеріей почти въ 38.000—40.000. Считая людей артиллеріи, обозъ, лазареты и т. под. наши силы не превосходили 400.000 человѣкъ съ 350.000 комбатантовъ. Очевидно что въ этомъ недостаткѣ силъ заключается одна изъ важнѣйшихъ причинъ тѣхъ затрудненій которыя обнаружались въ первый періодъ войны; и тѣмъ сильнѣе что и эта ограниченная сила была собрана не разомъ.

№ 169.

Москва, 3-го іюля.

Конгрессъ отошелъ въ область прошедшаго. Его протоколы вѣроятно современемъ будутъ обнародованы, но они будутъ имѣть интересъ только для историка.

Великіе міра рѣшавшіе участь народовъ и кроившіе живые организмы „въ духѣ взаимной уступчивости“ разошлись со взаимными поздравленіями, но едва ли съ облегченнымъ сердцемъ. Радость ихъ не можетъ быть искреннею когда они видятъ что въ самый моментъ окончанія ихъ трудовъ, общій интересъ къ ихъ результатамъ сразу утратился вслѣдствіе новаго неожиданнаго обстоятельства, выступившаго на первый планъ. Всѣ умы, еще до подписанія пергаменнаго свитка съ рѣшеніями конгресса, какъ бы забыли о немъ и заняты исключительно англо-турецкою конвенціей объ оборонительномъ союзѣ съ присвоеніемъ Англіи исключительнаго протектората надъ Турціей и съ мирнымъ приобрѣтеніемъ такого превосходнаго пункта въ Средиземномъ Морѣ какъ Кипръ.

Теперь никто болѣе не можетъ утѣшаться несбыточными надеждами что конгрессъ распуталъ или, по крайней мѣрѣ, затормозилъ Восточный вопросъ. Для всѣхъ очевидно, напротивъ, что вопросъ этотъ вступилъ лишь въ совершенно новую фазу. Общественное мнѣніе повсюду поражено, смущено. Не скоро уляжется это впечатлѣніе неожиданности, не скоро выяснятся всѣ сложныя послѣдствія мастерскаго захвата Англіи, не скоро опредѣлятся будущія международныя отношенія которыя онъ неизбежно вызоветъ. И никто не скажетъ чтобы благодаря ему дѣло стало проще чѣмъ оно было до Санъ-Стефанскаго трактата.

Прежде всего остановимся на обнародо-

ванныхъ документахъ. Они даютъ ключъ къ уразумѣнію многого что казалось таинственнымъ. Теперь мы имѣемъ разгадку истинной причины выхода въ отставку лорда Дарби, которая, какъ онъ говорилъ, заключалась не въ вызовѣ индійскихъ войскъ, а въ другихъ рѣшеніяхъ правительства, о коихъ онъ не могъ разказывать преждевременно; мы находимъ тутъ также разгадку и тѣхъ темныхъ доводовъ объ ослабленіи Санъ-Стефанскимъ договоромъ „мусульманской юрисдикціи“, въ коихъ была сущность пресловутой циркулярной депеши маркиза Солсбери по поводу нашего мирнаго трактата съ Турціей. Англо-турецкая конвенція есть явно исполненіе давно задуманнаго плана. Депеша лорда Солсбери къ Леярду, предписывающая заключить эту конвенцію съ султаномъ, похожа на рѣчь адвоката который, такъ или иначе, обязанъ защищать дѣло за которое взялся, хотя и знаетъ, что дѣло это уже безповоротно рѣшенное. Доводы изложенные въ депешѣ въ логической послѣдовательности суть слѣдующіе. Въ Азіатской Турціи живетъ много племенъ различныхъ по происхожденію и исповѣданію, не способныхъ къ самоуправленію и вовсе не думающихъ де о независимости, но привыкшихъ пользоваться спокойствіемъ и политическимъ благосостояніемъ единственно подъ отеческимъ правленіемъ султана. Къ несчастію, пораженія понесенныя турецкимъ оружіемъ способны породить убѣжденіе въ упадкѣ турецкаго господства и ожиданіе скорыхъ переменъ. Убѣжденные недавними событіями что Порта не въ состояніи поддержать свое существованіе собственными силами, эти населенія стануть де обращаться взоры къ ея наслѣднику.

Итакъ, все дѣло въ томъ, кто будетъ наслѣдникомъ Порты въ Азіатской Турціи; Англія желаетъ и разчитываетъ сама быть этимъ наслѣдникомъ, и снѣшить вступить въ права наслѣдства. Предлогъ къ конвенціи, конечно, выставленъ иной. Видимою цѣлью ея объявлена защита Англіей азіатскихъ территорій султана отъ всякихъ будущихъ посягательствъ Россіи. Но здѣсь, въ нити аргументовъ, встрѣчается замѣчательная обмолвка. Англія, пишетъ лордъ Солсбери, не предполагаетъ пытаться силой оружія возвратить Портѣ завоєванныя Россіей области. „Подобное предпріятіе было бы трудно, обошлось бы

дорого и не достигло бы цѣли.“ Вотъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательное признаніе! Но что изъ этого слѣдуетъ? Если Англія теперь не въ силахъ оружіемъ вырвать у Россіи ея азіатскія пріобрѣтенія, то точно также она и въ послѣдствіи не въ состояніи была бы выступить съ оружіемъ противъ Россіи на окраинахъ Арменіи. Ясно, слѣдовательно, что защита Турціи есть только предлогъ, а сущность дѣла заключается въ подготовкѣ присвоенія всей Азіатской Турціи до того пункта гдѣ оставилась Россія. Съ этою цѣлью и на Россію налагается *veto* не раздвигать далѣе своихъ владѣній въ Азіи на счетъ Турціи.

Теперь объ условіяхъ налагаемыхъ конвенціей на Порту. Одно изъ нихъ—захватъ Кипра, восточнаго ключа Средиземнаго Моря; другое—обѣщаніе Турецкаго правительства ввести реформы въ управленіе своими подданными какъ христіанскими, такъ и другими, а какія реформы—объ этомъ будетъ условлено въ послѣдствіи. Чтеніе этого мѣста конвенціи возбудило насмѣшливыя восклицанія въ Палатѣ Общинъ. Британскіе *patres conscripti*, конечно, поняли что или это условіе равно ничего не значить подобно всѣмъ прежнимъ обѣщаніямъ Порты, или можетъ означать нѣчто совсѣмъ иное чѣмъ простое выраженіе ся благихъ намѣреній. На это, впрочемъ, есть намекъ въ самой депешѣ лорда Солсбери. Онъ не указываетъ на „реформы“ какія могутъ быть нужны, но намекаетъ, что законодательныя мѣры не столь де важны какъ „старательный выборъ и добросовѣстная поддержка чиновниковъ коимъ будетъ поручена власть“, а далѣе говорить что „близость британскихъ офицеровъ и, если понадобится, британскихъ войскъ на островѣ Кипрѣ будетъ наилучшимъ обезпеченіемъ, что всѣ цѣли этого соглашенія будутъ достигнуты.“

Замѣтимъ еще особенность протектората присвоиваемаго Англіей надъ Турціей. Пренія вмѣшательства другихъ державъ въ дѣла Турціи, противъ коихъ постоянно протестовала Англія, вызывались почти всегда участіемъ къ торькой судьбѣ ихъ единовѣрцевъ и желаніемъ облегчить ее своимъ заступничествомъ. Такъ Россія заступалась за всѣхъ христіанъ православнаго исповѣданія; такъ Франція и Австрія, съ другой стороны, считали своимъ правомъ ограждать интересы католиковъ. Но всѣ такого рода вмѣшательства, основан-

ныя на капитуляціяхъ и спеціальныхъ договорахъ, никогда не касались общаго характера турецкаго управленія, и потому верховная власть султана оставалась вполне неприкосновенною. Теперь же Англія присвоиваетъ себѣ *исключительный* протекторатъ надъ управленіемъ *всеми* подданными султана какъ христіанскими, такъ и другими. Если это серьезно, то, значитъ, англійскіе консулы или другіе спеціально назначенные чиновники будутъ въ правѣ принимать всякія жалобы, вмѣшиваться во всякаго рода дѣла. Слѣдовательно, съ сей минуты толковать о независимости Турецкаго правительства, о верховной власти султана — не имѣетъ болѣе смысла. Любопытно въ какое положеніе будутъ поставлены этимъ другія державы, которыя могутъ имѣть дѣла съ Турецкимъ правительствомъ? Къ кому имъ придется обращаться со своими законными претензіями: къ султану или къ мистеру Леярду?

Вотъ что явствуетъ прямо изъ документовъ объ англо-турецкомъ соглашеніи.

Есть еще весьма важное указаніе, что англо-турецкая конвенція была исполненіемъ давно задуманнаго плана. Депеша Солсбери къ Леярду съ предписаніемъ заключить конвенцію помѣчена 30 мая. Въ этотъ самый день только что былъ подписанъ лордомъ Солсбери и графомъ Шуваловымъ пресловутый меморандумъ вслѣдствіе коего могъ состояться конгрессъ, собравшійся 13 іюня. Но Леярдъ уже 5 іюня извѣстилъ что желаніе Англіи исполнено, и наканунѣ, 4 іюня, подписана конвенція въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ какъ предписано. Очевидно, Порта была приготовлена къ требованію Англіи и не смѣла прекословить ему. Ратификація Англіей конвенціи была отправлена въ Константинополь со спеціальнымъ посломъ, и 8-го іюня Леярдъ донесъ, что все уже улажено, и что состоящій при посольствѣ Берингъ выѣхалъ изъ Константинополя въ Кипръ съ султанскимъ фирманомъ. Такимъ образомъ, Англія участвовала въ конгрессѣ имѣя въ карманѣ не только конвенцію съ Портой, но и султанскій фирманъ объ уступкѣ ей Кипра. А другія державы и не подозрѣвали этой ловкой шутки. По крайней мѣрѣ 9 іюля, когда конвенція была уже обнародована, англійскіе министры, на запросы оппозиціи въ обѣихъ палатахъ, отвѣчали что они не имѣютъ свѣдѣній чтобы конвенція была фор-

мально или официально сообщена другимъ державамъ, а на вопросъ, не было ли о ней сдѣлано по крайней мѣрѣ неофициальнаго сообщенія, министры отказались отвѣчать.

Вотъ какъ ведутъ дѣла англійскіе министры!

№ 170.

Москва, 4-го іюля.

Сужденія и комментаріи въ англійской печати по поводу англо-турецкой конвенціи еще болѣе поясняютъ и развиваютъ все то, что и безъ того уже явствуетъ изъ самого текста этого акта и изъ депеши лорда Солсбери.

Рабочій Беконсфильдовскій органъ, *Daily Telegraph*, находитъ весьма обиднымъ что близорукіе критики вздумали изображать заключеніе этой конвенціи въ качествѣ *coup de théâtre*, внезапно найденнаго плана, блестящей импровизаціи, и т. д. „Напротивъ“, восклицаетъ *Daily Telegraph*: „Англо-турецкая конвенція была давно задумана, тщательно и заботливо соображена тѣми кто имѣетъ на своемъ попеченіи охрану безопасности имперіи. Планъ этотъ самъ собою представлялся бы вѣрнымъ и опытнымъ бюсти-телямъ британскаго могущества въ былые дни.“ Охотно вѣримъ что англійская политика всегда хотѣла прибрать Востокъ къ своимъ рукамъ... Но интереснѣе послушать какихъ ожидаютъ Англичане послѣдствій отъ этой сдѣлки! Въ письмѣ напечатанномъ въ *Times* подалъ голосъ извѣстный индійскій администраторъ, нынѣ членъ парламента, сэръ — Джорджъ Кампбеллъ, долгое время бывший вице-губернаторомъ Бенгаліи. Онъ приходитъ къ такому заключенію: „Соглашеніе Англіи съ Турціей ставитъ эту страну буквально въ такое же положеніе какъ вассальныя индійскія государства втораго разряда. Нѣкоторыя изъ туземныхъ индійскихъ государствъ пріобрѣли военное покровительство Англіи безъ формальнаго условія что бы мы руководили ими въ ихъ внутреннѣхъ дѣлахъ. Турція, съ другой стороны, ставитъ себя въ положеніе тождественное съ тѣмъ въ какомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, находился Аудъ, самое большое изъ мусульманскихъ государствъ Индіи, когда навабъ-визирь,

„въ послѣдствіи наименованный королемъ, „во вниманіе къ нашей военной защитѣ и „покровительству, обязался ввести реформы въ своей администраціи и слѣдовать „нашему совѣту.“ Итакъ, Турція поставлена даже не въ разрядъ наименѣе, а въ разрядъ наиболѣе зависимыхъ вассальныхъ индійскихъ владѣній императрицы Индійской. Можетъ ли при этомъ быть еще рѣчь о независимости султана? Въ правѣ ли онъ будетъ по своей волѣ заключать трактаты съ другими державами, хотя бы торгового свойства? Въ правѣ ли онъ будетъ распоряжаться своими военными силами и доходами? Или, по примѣру индійскихъ раджей, онъ будетъ и въ этомъ обязанъ подчиняться совѣтамъ и указаніямъ Англійскаго правительства? А наконецъ, что же, въ виду всего этого, можетъ значить Берлинскій трактатъ?

Сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, какъ чело-вѣкъ практическій, смотритъ на дальнѣйшія послѣдствія и спѣшитъ дать практическія указанія. Индійская опытность подсказываетъ ему обыкновенный исходъ такого рода протектората съ гарантіей. „Подобныя соглашенія,“ говоритъ онъ, „почти „всегда кончаются тѣмъ что мы бываемъ „принуждены идти гораздо далѣе чѣмъ первоначально уговаривались. По старому „способу,“ мы побуждали туземнаго владѣтеля къ реформамъ на основаніи туземныхъ же образцовъ, при содѣйствіи „британскаго резидента; но тотъ обыкновенно къ реформамъ не приступалъ и, „какъ это было съ Аудомъ, дѣла шли все „хуже и хуже, а наконецъ мы просто-на- „просто брали въ свои руки управленіе „страной.“ По новѣйшей же системѣ, владѣтельныхъ князей заставляютъ де слѣдовать британскимъ образцамъ въ управленіи, но и тутъ, при малѣйшемъ напряженіи, система не выдерживаетъ, и въ концѣ концовъ „остается только призвать британскія войска и взяться за дѣло какое первоначально не имѣлось въ виду.“

Сэръ-Джорджъ нѣсколько страшится подобнаго предпріятія въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Онъ хотѣлъ бы остановиться на полумѣрѣ и дать лишь временную помощь Турціи въ администраціи, въ надеждѣ что со временемъ установится западно-азіатская конфедерація, которая потомъ была бы достаточно сильна чтобы жить самостоятельно. Надежду эту онъ почерпаетъ въ увѣренности что Турки болѣе способ-

ны къ самоуправленію чѣмъ индійскіе правящіе классы. Каковы же его взгляды на турецкое самоуправленіе и къ чему оно должно служить, это явствуетъ изъ слѣдующаго: „неизбѣжно,“ говоритъ онъ, „что „въ общемъ управленіи христіане будутъ „въ меньшинствѣ; вѣроятно также и въ „каждой большой провинціи.“

Взглядъ сэръ - Джорджа Кампбелла на способъ примѣненія конвенціи не нашелъ, впрочемъ, сочувствія въ самой газетѣ гдѣ было помѣщено его письмо. И *Times*, и всѣ другія газеты предпочитаютъ болѣе прямой способъ дѣйствія на турецкое управленіе, но сужденія всѣхъ сводятся къ тому что Англія отнынѣ становится отвѣтственной за управленіе Турціей. *Times* смѣлѣе сэръ - Джорджа Кампбелла. Такъ какъ, по депешѣ лорда Солсбери, „старательный выборъ чиновниковъ и добросовѣстная поддержка ихъ важнѣе даже чѣмъ „законодательныя перемѣны,“ то нѣтъ во все надобности чтобы эти чиновники были подданные султана. „Напротивъ,“ по мнѣнію газеты, „еслибы Турція была столь „счастлива чтобы получить помощь нѣ- „сколькихъ способныхъ англо-индійскихъ „чиновниковъ, то она сдѣлала бы важный „шагъ на пути реформъ и преуспѣянія.“ Другія газеты еще откровеннѣе разсуждаютъ о протекторатѣ надъ Турціей какъ бы на самомъ дѣлѣ о совершившемся расширеніи Британской имперіи. *Daily Telegraph*, предупреждая ожидаемую оппозицію со стороны либераловъ противъ политики Беконсфильда, восклицаетъ: „Какъ было бы „хорошо еслибъ Англія гарантировала лучшее управленіе на Востокѣ, и еслибы „духъ искусной администраціи былъ вызванъ ко благу этихъ прекрасныхъ странъ! „Имперія не могутъ стоять неподвижно, — „онѣ должны расти или падать, быть смѣлыми и безопасными, или слабыми и угрожаемыми. Съ заключеніемъ этого Берлинскаго мира ясно наступила пора для окончательнаго выбора Англіей между великою и мелкою политикой. Лордъ Беконсфильдъ, по вѣрному вдохновенію, избралъ великій образъ дѣйствій, и общественное мнѣніе радостно становится на „его сторону. Страна бодро привѣтствуетъ „расширеніе имперскихъ обязанностей, укрѣпленіе барьеровъ имперіи и дружеское „покровительство отнынѣ обезпеченное Оттоманскому народу, который при своихъ „столь многихъ удивительныхъ качествахъ

„образуетъ нашъ авангардъ въ Азіи. Эти страны которыми мы беремся управлять „суть въ то же время самыя способныя, и онѣ нуждаются только въ искусствахъ „коими обладаетъ Англія чтобы достигнуть „благоденствія. Если задача окажется „должительною и трудною, что она тѣмъ „согласнѣе съ исторіей нашего могущества „которое было построено не слабыми „руками и не изъ легкаго матеріала.“

Точно также и другія министерскія газеты высказываютъ что „отнынѣ Англія обязана защищать турецкую территорію въ Азіи совершенно также какъ еслибъ она принадлежала Англійской королевѣ,“ а эта обязанность даетъ ей самыя широкія права и авторитетъ.

Одно только, кажется, забываютъ: англійскіе политики въ порывѣ своего упоенія, они забываютъ что тѣ страны о коихъ идетъ рѣчь лежатъ не въ далекой Индіи, что эти страны омываются Средиземнымъ Моремъ и тѣсно связаны съ Европой; что не одна Англія, но и другія европейскія державы имѣютъ тамъ многоразличные интересы; наконецъ, что множество племенъ ихъ населяющихъ, въ особенности христіанскихъ, имѣли всѣ свою исторію; что они весьма можетъ-быть мечтаютъ кой о чемъ, лучше участи индійскихъ населеній, и что вообще они едва ли такъ лишены стремленія къ независимости какъ полагаетъ лордъ Солсбери.

Все это должно бы внушить англійскимъ политикамъ мысль что не такъ-то легко будетъ имъ осуществить въ этомъ краѣ свои идеи всемірнаго владычества. Предпріятіе заложить основаніе для новой Индіи на мѣстѣ разваливающейся Турціи можетъ повести къ громадному фіаско, отъ котораго могутъ остаться трещины и въ старомъ зданіи Англіи...

№ 171.

Москва, 5-го Іюля.

Полученныя нами сегодня берлинскія газеты, отъ воскресенья наполнены, какъ и слѣдовало ожидать, толками и сужденіями по поводу совершившагося наканунѣ заключенія Берлинскаго трактата. Тонъ этихъ сужденій торжественный и вторитъ рѣчи наслѣднаго принца которою онъ привѣтствовалъ „дѣло мира“ на парадномъ бан-

кетѣ данномъ въ субботу въ честь участниковъ конгресса. Но, странное дѣло, и въ этихъ обзорѣніяхъ „великихъ результатовъ достигнутыхъ конгрессомъ“ первое мѣсто дано не Берлинскому трактату, а англо-турецкой конвенціи 4 Іюня. Этою конвенціей, заключенною внѣ конгресса и безъ вѣдома его, характеризуется созданное теперь общее положеніе; она, а не рѣшеніе конгресса, признается началомъ новой исторической эпохи въ которую вступаетъ Европа вмѣстѣ съ Азіей; всѣ выкладки насчетъ будущаго берутъ ее за исходную точку. А эти выкладки сами по себѣ отнюдь не преисполнены розовыхъ надеждъ; вмѣсто мира, и въ Берлинѣ сулятъ неизбежную войну. Начавъ за здравіе, кончаютъ за упокой. Только офиціозная *Провинціальная Корреспонденція*, какъ сообщаетъ сегодня телеграфъ, увѣряетъ что англо-турецкая конвенція послужитъ наилучшимъ залогомъ сохраненія мира. Это, конечно, берлинская иронія...

Но прислушаемся ближе къ берлинскимъ толкамъ. Они дополняютъ то что намъ уже извѣстно объ англійскихъ сужденіяхъ по поводу того же „великаго торжества лорда Беконсфильда“.

„Конвенція заключенная между Турціей и Англіей будетъ имѣть для первой несравненно болѣе роковое значеніе нежели Санъ-Стефанскій договоръ,“ говоритъ *Національная Газета*. По формѣ и сущности своей конвенція эта, по мнѣнію названной газеты, представляетъ нѣчто совершенно выходящее изъ ряда вонъ, почти чудовищное. Обширное и все еще могущественное по своимъ размѣрамъ государство открыто отказывается отъ своей самостоятельности и вводитъ въ самое сердце своихъ владѣній другое, несравненно болѣе могучее государство. А Англія, „расточавшая на конгрессѣ направо и налѣво миролюбивыя рукопожатія, объявляетъ себя внезапно, предъ цѣлымъ міромъ, *непримиримымъ врагомъ Россіи*.“

Берлинская газета однако не смущается неизбежнымъ, по ея мнѣнію, поединкомъ между Россіей и Англіей, и это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, *Національная Газета* уносится далеко въ своихъ мечтаніяхъ о новой жизни къ которой Англія сумѣетъ „призвать нѣкогда цвѣтушія страны Малой и Передней Азіи, гдѣ подъ мертвящимъ владычествомъ Ислама (кто же и поддерживаетъ его какъ не Англія?)

заглохли не только лира Гомера, но и пѣснопѣнія Фирдузи и Гафиза." Нынѣ осуществляется де одна изъ грезъ романиста Дизраэли: возобновляется прерванное дѣло Крестовыхъ Походовъ — смѣшеніе европейской культуры съ восточною — и то что должно было тогда рушиться вслѣдствіе тогдашняго превосходства въ политическомъ отношеніи Сарацинъ надъ разрозненными и неустроенными силами Европы, то нынѣ имѣетъ всѣ залого успѣха и процвѣтанія.

Высказавъ весь этотъ вздоръ объ Англіи довершающей дѣло Крестовыхъ Походовъ, берлинская газета утѣшается тѣмъ что столкновение между Россіей и Англіей должно совершиться не въ Европѣ, а въ Азіи. Восточный вопросъ сталъ нынѣ въ полномъ смыслѣ слова „восточнымъ.“ Тамъ обѣ державы стали лицомъ къ лицу, причемъ Англія занимаетъ де столь выгодное положеніе что „Россія поневолѣ должна будетъ мало-по-малу вовсе устраниться отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ,“ ибо каждый разъ когда бы она вздумала обратить свои силы въ сторону Европы, она рисковала бы подвергнуться нападению своего главнаго врага, укрупнишагося на самой границѣ ея, въ Азіи.

Берлинскія газеты, впрочемъ, и прежде никогда не скрывали своего мнѣнія что „единоборство“ между Россіей и Англіей не представляется имъ бѣдствіемъ которое требовалось бы предотвратить въ интересахъ „остальной“ Европы. Эта мысль нынѣ только обрисовалась яснѣе. Съ точки зрѣнія Германіи представляется выгоднымъ чтобы Россія на всякій случай могла быть отвлечена отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ европейскія дѣла. Въ концѣ-концовъ *Національная Газета* подводитъ „во славу лорда Беконсфильда“ слѣдующій итогъ: не обнажая меча онъ принудилъ Россію отказаться отъ самыхъ существенныхъ ея притязаній въ Европѣ и, уступивъ ей безплодный, малонаселенный уголокъ въ Азіи, съ гаванью удаленною отъ великихъ морскихъ путей, онъ доставилъ своей странѣ гегемонію надъ всею Переднею Азіей и твердую позицію для неизбѣжной борьбы.

Недовольство и возраженія со стороны Италіи и Франціи не представляются берлинской газетѣ сколько-нибудь опасными для англійской затѣи, ибо „міръ, какъ онъ есть, все еще принадлежитъ тому кто живетъ и дерзаетъ.“ *Sapienti sat.*

Въ радостномъ настроеніи, навѣянномъ всѣми этими „свѣтлыми“ разсужденіями, берлинская газета подчууетъ и Россію комплиментами. „Никто однако не станетъ отрицать,“ — такъ оканчивается эта интересная статья, „что благодаря крови и усиліямъ Россіи миллионы безправной раи станутъ гражданами своей земли, и что русской храбрости міръ обязанъ неизмѣримымъ шагомъ впередъ который сдѣлала цивилизація Европы разрѣшеніемъ восточной проблемы висѣвшей надъ міромъ какъ темныя тучи, и что русской воздержности и государственной мудрости мы обязаны главнымъ образомъ сохраненіемъ *европейскаго* мира.“ А сейчасъ только было съ убѣжденіемъ сказано что война есть дѣло неизбѣжное! Что же въ Берлинѣ разумѣютъ подъ сохраненіемъ европейскаго мира?

Въ Австріи офиціозные органы съ таинственнымъ видомъ намекаютъ на то что Австрія можетъ получить такой же протекторатъ надъ европейскими владѣніями Турціи какъ Англія надъ азіатскими. Но если справедливо что Турція стала вассаломъ Англіи и что въ этомъ истинный смыслъ конвенціи 4 іюня, то какъ же Оттоманская Порта станетъ слугою двухъ господъ?

Австрійская печать утѣшается, впрочемъ, и другимъ, болѣе практическимъ соображеніемъ: вниманіе Италіи обращено де теперь въ другую сторону, такъ что Австріи нечего опасаться какого-либо рѣшительнаго противодѣйствія тѣмъ территоріальнымъ приобрѣтеніямъ ея которыя „навязаны“ Австріи Берлинскимъ конгрессомъ.

№ 172.

Москва, 6-го іюля.

Пастало время утвердить русское вліяніе на всѣ средне-азіатскія населенія, а это тѣмъ удобнѣе что владѣтель Афганистана не въ ладахъ съ Англичанами, нашими противниками въ Средней Азіи. Усиленіе нашего вліянія на границахъ владѣній Индійской императрицы было бы естественнымъ отвѣтомъ на англійскій захватъ Кипра и всей передней Азіи. Такова можетъ быть самая скромная, даже мирная цѣль тѣхъ военныхъ движеній кои совершаются теперь войсками Туркестанскаго

военного округа. Въ Азіи, какъ справедливо замѣтилъ на дняхъ нашъ берлинскій корреспондентъ, „стоятъ одна противъ другой двѣ политическія силы, которыя неизбежно должны придти въ столкновение.“ Англія хочетъ быть ближайшимъ сосѣдомъ Россіи со стороны Малой Азіи; естественно ей, въ свою очередь, пожелать подойти поближе къ англійскимъ границамъ въ Индіи.

Виды Англичанъ на Малую Азію и захватъ Кипра, если вѣрить всѣмъ извѣстіямъ шедшимъ въ послѣднее время изъ Берлина, были конечно не безызвѣстны Русскому кабинету и, конечно, въ апрѣлѣ могли вызвать распоряженіе о приготовленіяхъ къ тому походу который начать туркестанскими войсками 30 мая и общааетъ принять серіозные размѣры если вѣрить документамъ и свѣдѣніямъ сообщаемымъ офиціальною газетою Туркестанскаго края. Для дѣйствующихъ отрядовъ, кои будутъ состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ командующаго войсками Туркестанскаго округа, сформированъ обширный штабъ, а въ половинѣ іюня обнародованы правила о порядкѣ почтовыхъ сношеній съ дѣйствующимъ отрядомъ „за границей.“ Изъ приказовъ отданныхъ въ маѣ командующимъ войсками видно было только что войска наши направляются въ предѣлы Бухары, къ Чарджую и Джаму съ одной и на югъ отъ Маргелана за границу Ферганской области съ другой стороны. Далѣе, было сказано въ приказѣ, каждый отрядъ пойдетъ „согласно даннымъ ему указаніямъ.“ Теперь становится извѣстнымъ и дальнѣйшее направленіе отрядовъ къ верховьямъ Аму-Дарьи. Эмиръ Бухарскій, еще въ маѣ, приглашенъ содѣйствовать этому движенію и „способствовать удовольствію нашихъ отрядовъ путемъ добровольной продажи имъ жителями ханства хлѣба, муки и всякаго другаго провіанта.“ Эмиръ Сеидъ Музафаръ отвѣчалъ посланному генераль-губернатору что онъ „съ совершенною готовностью исполнить желанія генераль-губернатора и по мѣрѣ силъ постарается быть полезнымъ для нашихъ войскъ, надѣясь еще болѣе упрочить добрыя дружескія отношенія между Бухарой и Россіей.“ При этомъ какъ передаютъ *Туркестанскія Вѣдомости*, отъ 13 іюня, ссылаясь на письма нашего посланца, г. Вейнберга, эмиръ интересовался знанъ „какимъ образомъ мы думаемъ

„устроить наши дѣла съ Кабуломъ;“ г. Вейнбергъ отвѣчалъ что особое посольство выяснитъ эти отношенія „въ томъ или другомъ смыслѣ, т.-е. въ дружескомъ или враждебномъ, что все будетъ зависеть отъ „прямодушія и благоразумія эмира Кабульскаго,“ но что у насъ нѣтъ никакой вражды и замысловъ противъ него.

Сосредоточеніе нашихъ войскъ въ верховьяхъ Аму-Дарьи и необходимость для достиженія поставленной войскамъ задачи выяснитъ наши отношенія къ Кабулу показываютъ что цѣль предпринятой экспедиціи серіознѣе чѣмъ укрощеніе Туркменъ и движеніе на Мервъ какъ центръ ихъ сопротивленія. На Мервъ идетъ прямой путь отъ Чарджуя, который однако не указанъ въ маршрутѣ средней, самой сильной колонны дѣйствующихъ войскъ. Можно думать что движеніе этихъ войскъ не будетъ изолированнымъ, и что, напротивъ, его поддержать войска Закаспійскаго отдѣла, подобно тому какъ они должны были поддерживать движеніе въ Хиву. По слухамъ, приготовленія къ походнымъ движеніямъ дѣлались и тамъ уже въ апрѣлѣ.

Самаркандъ лежитъ всего въ восьми стахъ верстахъ отъ Пешавера въ Пенджабѣ и отъ знаменитаго Хайберскаго прохода въ Индію со стороны Афганистана. Съ верховій Аму-Дарьи до англійскихъ владѣній остается не болѣе четырехъ сотъ верстъ, или всего двадцать дней марша.

На сѣверо-западныхъ границахъ Индіи живутъ воинственные племена, которыя, по словамъ Англичанъ, „составляютъ такъ сказать авангардъ тѣхъ самыхъ средне-азіатскихъ народовъ кои съ незапамятныхъ временъ насылали цѣлый рядъ завоевателей на равнины Индіи и которые даже теперь,“ какъ замѣчаетъ г. Темплъ, „продолжаетъ смотрѣть на эти равнины какъ на садокъ или паркъ, а на жителей какъ на дичь. Они не разъ затѣвали интриги съ недовольными англійскимъ управленіемъ и подбивали англійскихъ подданныхъ къ бунту.“

Англія всегда была ревнива къ нашимъ успѣхамъ въ Средней Азіи, Англичане понимали что каждый новый шагъ нашъ, каждый нашъ военный или дипломатическій успѣхъ въ Средней Азіи, приближаетъ тотъ моментъ когда Россія получитъ возможность задумать и утвердить свое вліяніе въ пограничныхъ съ англійскими владѣніями странахъ Настоящая минута оказы-

вается самою удобною для достиженія этой цѣли, и Англійское правительство не безъ основанія можетъ-быть заботится ослабить военныя силы подчиненныхъ ей владѣтелей въ Индіи. Англичане понимаютъ что 60.000 британскихъ солдатъ и 127.000 набранныхъ изъ туземцевъ далеко недостаточно для подавленія волненій среди 240-милліоннаго населенія.

№ 173.

Москва, 7-го Іюля.

А.

Лондонская и берлинская печать не утерпѣла, и поспѣшила обнародовать текстъ трактата до его ратификаціи. Онъ воспроизведенъ въ послѣднемъ № нашей газеты. Мы не считаемъ нужнымъ разбирать его. Зачѣмъ бередить больное мѣсто? Никто не вѣритъ въ прочность этого мира...

Наши противники торжествуютъ великую побѣду. Англійскіе министры возвращаются съ конгресса триумфаторами, и въ упоеніи своего торжества забыли всякое приличіе. Рѣчь Дизраэли въ парламентѣ, переданная намъ сегодня телеграфомъ, странно вяжется съ рѣчами наслѣднаго принца и канцлера Германской имперіи, отпускавшими по домамъ делегатовъ конгресса. И тотъ и другой велѣли намъ радоваться, а лондонскій триумфаторъ объявляетъ чему радоваться. Англія крикнула Россіи: „стой!“ и спасла независимость Европы захвативъ Кипръ и турецкаго султана въ свои руки, на пользу другихъ державъ по Средиземному Морю, особенно Франціи... Удивительный цинизмъ! И такъ, мы должны ликовать побѣду которую торжествуютъ надъ нашимъ отечествомъ его непримиримые и злѣйшіе враги! Мы должны успокоиться на томъ и удовольствоваться тѣмъ въ чемъ враждебные намъ интересы видятъ свое великое, свое полное торжество!... Сказать ли однако? мы въ самомъ дѣлѣ думаемъ что имѣемъ причину въ тайнѣ радоваться ходу событій, несмотря на оскорбленія которымъ такъ беспощадно подвергалось наше народное чувство. Мы убѣждены что дѣло еще далеко не кончено, и что торжество нашихъ противниковъ преждевременно; мы даже думаемъ что изъ всѣхъ

дипломатовъ лорду Беконсфильду Россія будетъ дѣйствительно обязана нѣкоторою благодарностію...

Б.

Процессъ Гёделя, почти совпавшій съ окончаніемъ конгресса, а также приготовленія къ выборамъ въ рейхстагъ назначеннымъ на 30 іюля, уже теперь отвлекли общественное вниманіе въ Германіи отъ „великаго результата“ Берлинскаго конгресса и вообще отъ виѣшной политики къ вопросамъ внутреннимъ. Тяжелое и мрачное настроеніе вызванное злодѣйскими выстрѣлами 11 мая и 2 іюня отнюдь не миновало, а еще усилилось. Этому не мало способствовали послѣдніе бюллетени о состояніи здоровья императора Вильгельма. Врачи пользующіе его величество сочли нужнымъ обнародовать 11 іюля обзоръ результатовъ лѣченія и общаго состоянія здоровья императора; этотъ отчетъ врачей значительно видоизмѣняетъ мнѣнія составившіяся въ публикѣ на основаніи отрывочныхъ бюллетеней. Большая потеря крови, многочисленныя раны и причиненныя ими тяжкія страданія не могли не замедлить выздоровленія преклоннаго организма. Силы императора далеко еще не возстановлены; ноги двигаются съ большимъ трудомъ, а руки и до сихъ поръ не дѣйствуютъ, такъ что и пищу императоръ можетъ принимать только съ постороннею помощію. Лишь по прошествіи долгаго времени врачи надѣются возвратить его къ нормальной жизни.

Грустно подумать о маститомъ вѣиценосцѣ, осужденномъ на склонъ дней своихъ, послѣ столь славной и столь дѣятельной жизни, къ совершенной неподвижности и безмолвнымъ страданіямъ, физическимъ и нравственнымъ...

И въ то время какъ врачи развернули предъ публикой эту печальную картину состоянія императора, предсталъ предъ судьями Гёдель. Поведеніе преступника на судѣ, прошедшее и настоящее этого типическаго представителя нѣмецкихъ социаль-демократовъ, живо напомнили нѣмецкому обществу о глубокихъ язвахъ таящихся въ его нѣдрахъ и о необходимости борьбы противъ нихъ. Печать съ рѣдкимъ единодушіемъ требуетъ рѣшительныхъ и непреклонныхъ мѣръ противъ этого зла. Нѣтъ никакимъ малодушнымъ ого-

ворокъ и пустозвонныхъ фразъ либеральнаго свойства. Совсѣмъ напротивъ; самыя горячими врагами социаль-демократовъ въ Германіи являются теперь именно представители либеральныхъ партій.

Каковы бы ни были мѣры противъ социаль-демократовъ, которыя имѣютъ быть предложены будущему законодательному собранію Германской имперіи, несомнѣнно что въ этомъ отношеніи правительство встрѣтитъ самую ревностную поддержку со стороны всѣхъ политическихъ партій безъ исключенія, какъ либеральныхъ, то-есть національ-либераловъ и прогрессивныхъ, такъ и консервативныхъ, то-есть феодаловъ, свободныхъ консервативовъ, такъ-называемой нѣмецкой партіи и ультрамонтановъ. Тѣмъ поразительнѣе одно явленіе которое до сихъ поръ остается загадкой въ самой Германіи: это ожесточенная война какую объявили органы правительства противъ національ-либеральной партіи, на которую въ послѣднее время правительство опиралось и съ которою особенно старался дружить имперскій канцлеръ. Вражда усиливается съ каждымъ днемъ; а перчатка брошена княземъ Бисмаркомъ. Националь-либералы первоначально усиливались замять борьбу, они не только не принимали вызова, но всячески старались выдѣлать правительство, доказывая что газеты слышущія за органы князя Бисмарка, какъ на примѣръ *Свергерманская Всеобщая Газета*, дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ на свою руку. Они указывали на то что единственнымъ поводомъ къ распущенію рейкстага выставлена необходимость изданія новыхъ законовъ противъ социальной агитаціи; а такъ какъ національ-либералы тотчасъ же успѣли обнародовать свою избирательную программу, въ которой правительству обѣщано полное и безусловное содѣйствіе въ этомъ отношеніи, то и нѣтъ де ни малѣйшей причины чтобы князь Бисмаркъ продолжалъ „дуться“ на національ-либераловъ, которые были ему главною поддержкой съ тѣхъ поръ какъ имъ положено начало возсозданію Германской имперіи. Но всѣ эти изъявленія готовности служить и впредь „вѣрой и правдой“ ни къ чему не повели. Внезапная вражда князя Бисмарка къ своимъ недавнимъ союзникамъ съ каждымъ днемъ обнаруживается все болѣе недвусмысленнымъ образомъ. Послѣ офиціозной *Свергерманской Все-*

общей Газеты, въ яростной полемикѣ противъ нихъ приняла участіе и *Провинціальная Корреспонденція*, признанный органъ правительства. Сверхъ того, отовсюду изъ провинцій получаются свѣдѣнія изъ коихъ видно что правительство предписало всѣмъ мѣстнымъ чиновникамъ всячески противодѣйствовать избранію кандидатовъ либеральной партіи, даже въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ противниками ея являются люди прямо враждебнаго государству и имперіи направленія. Такъ на примѣръ въ Познани представитель правительства высказался открыто по поводу предстоящихъ выборовъ что онъ „предпочтетъ даже Поляка національ-либеральному кандидату.“

Все это чрезвычайно смущаетъ общественное мнѣніе въ Германіи, смущаетъ главнымъ образомъ потому что смыслъ этого рѣзкаго поворота во внутренней политикѣ князя Бисмарка никому не понятенъ и не оправдывается никакими видимыми признаками, всего менѣе общепризнанною необходимостью энергической борьбы противъ социаль-демократовъ.

Приходится обратить взоры отъ внутренней ко внѣшней политикѣ... Нельзя не припомнить что и до 1866 года князь Бисмаркъ упорно враждовалъ противъ либеральныхъ партій именно потому что эти партіи, подъ видомъ контроля надъ дѣйствіями правительства внутри, добивались разоблаченія его плановъ внѣшнихъ, и слишкомъ вмѣшивались въ нихъ...

№ 174.

Москва, 8-го іюля.

А.

Лондонская публика узнала содержаніе Берлинскаго трактата ранѣе другихъ. Еще въ субботу, когда конгрессъ держалъ послѣднее формальное засѣданіе, во второмъ изданіи газеты *Times* былъ напечатанъ текстъ этого трактата, лишь съ немногими пропусками, телеграфированный изъ Брюсселя берлинскимъ корреспондентомъ этой газеты, специально для этого отправившимся въ бельгійскую столицу, такъ какъ онъ вѣроятно зналъ что германскому телеграфному вѣдомству не дозволено было бы совершить такую нескромность. Весьма вѣроятно что и появленіе офиці-

ального текста въ *Post* было ускорено этимъ преждевременнымъ обнародованіемъ его въ Лондонѣ. Лорду Беконсфильду, безъ сомнѣнія, очень желалось, чтобъ обнародованіе трактата предшествовало его триумфальному возвращенію въ Лондонъ.

Англійская печать радуется безмѣрно, что заключенный конгрессомъ трактатъ устраняетъ опасность для мира. Эта общая непритворная радость плохо ладитъ съ недавнимъ, столь яростнымъ задоромъ почти всей англійской печати. Но кому бы выдумали обязана Европа сохраненіемъ мира? Россіи, — вслѣдствіе ея уступчивости и снисходительности къ желаніямъ и интересамъ другихъ? О нѣтъ! Первая благодарность подносится князю Бисмарку, затѣмъ французскимъ уполномоченнымъ потомъ графу Андраши за то что „принявъ на свое попеченіе Боснію и Герцеговину онъ помогъ общему дѣлу умиротворенія Восточной Европы;“ наконецъ, всѣхъ болѣе самому лорду Беконсфильду. А Россію не благодарятъ даже ради приличія. Нашихъ миролюбцевъ только предъ конгрессомъ и во время онаго превозносили въ лондонскихъ газетахъ какъ людей мудрыхъ и „истинно русскихъ патріотовъ.“ Теперь же, по минованіи надобности, о нихъ забыли, и не отдають имъ никакой чести. *Times*, какъ одинъ изъ результатовъ конгресса, ставитъ „сознаніе что „ростъ Россіи есть опасность не только для Англии, но для самой цивилизаціи; „онъ подобенъ движенію громаднаго ледника, медленнаго, неотразимаго и безпощадно подавляющаго всякую жизнь тамъ гдѣ онъ подвигается.“ Какъ эффектна эта фраза въ устахъ защитниковъ турецкаго управленія съ баши-бузуками и Черкесами, продавцовъ опиума и благодѣтелей Индіи!

Если обратимся къ сужденіямъ о трактатѣ по существу, то здѣсь также не встрѣчаемъ отчетливой ясности въ мысляхъ. *Daily Telegraph*, напримѣръ, приглашаетъ сличить Берлинскій инструментъ съ ключами разорваннаго Санъ-Стефанскаго трактата чтобы признать „громадное улучшение совершенное въ дѣлѣ оказанія справедливости Турціи... Конечъ этотъ лучше, гораздо лучше чѣмъ можно было надѣяться.“ Газета *Times*, съ другой стороны, говоритъ что уполномоченныхъ нельзя де упрекнуть что они, въ „виду столь „отчаяннаго состоянія разложенія какое

„имъ“ представилось, проводили ампутаціонный ножъ робкою рукой,“ а въ другой статьѣ та же газета говоритъ что, въ результатъ Берлинскаго трактата, „Турція оживаетъ и вступаетъ въ новую и болѣе надежную жизнь.“ Вотъ цивилизація, которую Англія отстаиваетъ противъ Россіи!

Что касается отдѣльныхъ статей, то здѣсь, какъ можно было ожидать, англійская печать встрѣчаетъ съ особеннымъ сочувствіемъ всѣ тѣ статьи трактата кои юныя христіанскія общины, взаимно признавая ихъ независимости, ограничиваются въ своей полноправности и правоспособности, и подвергаются всяческимъ стѣсненіямъ ихъ свободнаго развитія. На нихъ возлагается часть долга обанкротившейся Оттоманской имперіи, которая не издержала ни одного піастра всѣхъ своихъ займовъ на благо провинцій, а тратила ихъ на дворцы и на вооруженія для угнетенія своихъ христіанскихъ населеній; имъ не дается право пользоваться транзитными пошлинами; для нихъ сдѣланы обязательными всѣ трактаты, соглашенія, обязательства, капитуляціи Порты съ другими державами. Словомъ, всѣ тѣ крайне искусственныя отношенія которыя не возможны ни въ какомъ независимомъ государствѣ, какъ бы мало оно ни было, но которыя были необходимы въ сношеніяхъ съ государствомъ варварскимъ, какъ Турція, навязаны возраждающимся христіанскимъ странамъ; — и этому радуются! Мудрая Европа величественно хотѣла показать этимъ свое презрительное и придиричивое недовѣріе къ этимъ *parvenus*, которыхъ она противъ воли должна была принять въ свою среду, — и этому радуются! Наконецъ, радостно одобряють и такую вопіющую несправедливость какъ запрещеніе Черногоріи быть полнымъ хозяиномъ въ портѣ который не Европой данъ ей; а приобрѣтенъ геройскою удачею ея сыновъ.

Верхъ умиленія, впрочемъ, возбуждаетъ та вивисекція посредствомъ коей конгрессъ выкроилъ часть Болгаріи въ „Восточную Румелію“, и въ особенности тѣ мѣры какими обусловлена даруемая ей „административная автономія“, именно предоставленное султану право назначать офицеровъ туземной жандармеріи и мѣстной милиціи и право генераль-губернатора этой провинціи, который хотя долженъ быть

христианинъ, но будетъ назначаемъ Портой,—призывать турецкія войска въ случаѣ внутренней или внѣшней опасности. Словомъ, англійской печати всего болѣе нравятся тѣ постановленія конгресса которыми Портъ оставлены еще средства подавлять Болгаръ. И эта фарисейская печать имѣетъ еще духъ провозглашать что „конгрессъ совершилъ перемены которыя преобразуютъ имперію, устранилъ давнишнія причины раздора, умиротворилъ провинціи которыя были раздираемы смутами и дурнымъ управленіемъ!“ Нѣтъ, всѣ благія перемены имѣющія будущность совершены были уже прежде Россіей, а то что сдѣлано конгрессомъ наперекоръ ей не имѣетъ будущности, и эти послѣднія рѣшенія его, еслибы привести ихъ въ исполненіе, положить сѣмена новыхъ ужаснѣйшихъ смутъ.

Что касается немногихъ неблагопріятныхъ сужденій въ англійскихъ газетахъ о Берлинскомъ трактатѣ, то они двоякаго рода. Одни недовольны что еще слишкомъ мало сдѣлано противъ Россіи. Такъ, на примѣръ, всѣ осуждаютъ возвращеніе ей клочка Бессарабіи. Но всѣ въ одинъ голосъ одобряютъ безусловное предоставленіе Австріи двухъ турецкихъ провинцій, Босніи и Герцеговины. Эти провинціи отданы Австріи подъ благовиднымъ предложомъ водворенія въ нихъ порядка; но за что, спрашивается, Австрія пріобрѣтаетъ портъ Спиццу, который присоединяется къ Далматіи безо всякаго указанія мотивовъ, тогда какъ хоръ фарисейскаго негодованія поднимается противъ Россіи которая, послѣ успѣшной и славной войны, только возвращаетъ себѣ въ Европѣ свое прежнее состояніе?

Другіе недовольны еще тѣмъ что въ Берлинскомъ трактатѣ не выражено никакого обязательства со стороны Россіи не раздвигать далѣе своихъ предѣловъ въ Азіи, и позволяютъ себѣ выражать надежду что это еще можетъ-быть появиться въ формѣ англо-русскаго соглашенія! Какая наглость!

Единственное исключеніе въ общемъ хорѣ лондонской печати представляетъ газета *Daily News*. Какъ доселѣ ратовала она за интересы населеній Балканскаго полуострова, такъ и теперь остается вѣрна своему знамени. Она не видитъ прочности въ Берлинскомъ трактатѣ, а смотритъ на него какъ на временное затишье бури гря-

нувшей надъ Восточною Европой. „Цѣлью „англійскихъ представителей“,“ говоритъ она, „было спасти сколько возможно болѣе шую часть Оттоманской имперіи отъ разрушенія, но есть ли вѣроятность чтобъ явно несообразныя сдѣлки для этой цѣли могли продлиться?“ Въ особенности шаткимъ кажется ей устройство Восточной Румелии, гдѣ „хотятъ со-здать куріозную мозаику изъ отрывочныхъ принциповъ европейской цивилизаціи и враждебныхъ ей элементовъ мусульманской политики. Эта искусственная композиція, какъ бы хитро она ни была слажена, не можетъ выдержать потрясеній.“

Вообще же относительно Берлинскаго трактата, *Daily News* приходитъ къ такому заключенію: „Великія державы озабочились о своихъ интересахъ. Слабые „не имѣвшіе представителей и друзей, были „прижаты къ стѣнѣ.“

Б.

Австрійское занятіе славянскихъ земель наткнулось на какое-то препятствіе. Предсказывалось не мало сроковъ когда „храбрыя“ (непремѣнный эпитетъ) австрійскія войска начнутъ благодѣтельствовать дикарей за Савой, но предсказанія эти оказались ошибочными. Послѣднія телеграммы изъ Вѣны все еще твердятъ что „время вступленія австрійскихъ войскъ не определено.“

Заблаговременное согласіе Порты на союзъ съ Англіей объясняется весьма естественно. Сосѣдство британскаго флота было аргументомъ довольно внушительнымъ, въ особенности при убѣжденіи что островъ Кипръ, можетъ-быть и другія мѣста, и безъ того будутъ захвачены Англичанами, какъ то явствуетъ изъ вчерашнихъ утверждений лорда Дарби въ палатѣ лордовъ. Съ другой стороны, могущественнымъ рычагомъ въ этой сдѣлкѣ было англійское золото, лившееся въ карманы пашей и представлявшееся въ заманчивомъ видѣ немедленнаго четырехмиліоннаго займа. Совсѣмъ иное дѣло Австрія сама стоящая наканунѣ банкротства. Что можетъ она предложить Портѣ, не говоря уже о непріятномъ для всякаго Турка „полномочіи“ Европы, котораго такъ упрямо добивался графъ Андраши? Гарантировать европейскія владѣнія Портѣ? Но за уступкой Бос-

ній и Герцеговины, за сдѣлкой съ Греціей, что остается у Порты изъ этихъ европейскихъ владѣній? Да и въ состояніи ли ихъ гарантировать Австрія? У константинопольскихъ пашей есть, по всему вѣроятію, злорадное мнѣніе что при новомъ столкновеніи на Востокъ будетъ поднять вопросъ уже не турецкій, а австрійскій. Остаются 50.000 войска, которыя будутъ свободны у Порты вслѣдствіе занятія Австріяцами Босніи, какъ о томъ возвѣщалъ вчера лордъ Беконсфильдъ. Съ ними, конечно, Порта легче могла бы приступить къ отвоеванію Болгаріи, но стоятъ ли они двухъ провинцій? Въ виду этого ряда вопросовъ, не удивительно если графъ Андраши, несмотря на всѣ „давленія“, дѣйствуетъ въ переговорахъ съ Портой менѣе успѣшно чѣмъ англійскій премьеръ. По нѣкоторымъ намекамъ, требованія Порты въ переговорахъ простираются до слѣдующихъ пунктовъ: 1) чтобы Австрія официально признала верховенство султана надъ Босніей и управляла этою страной отъ его имени; 2) чтобы заявленіе это было сдѣлано Австріей вдвойнѣ: съ одной стороны въ циркулярѣ къ великимъ державамъ, съ другой — въ прокламациі къ Боснійскому населенію; 3) чтобы турецкія войска остались во владѣніи столицей и значительными городами страны, а турецкіе чиновники продолжали въ нихъ свои функціи; 4) чтобы Австрія послала не болѣе 40.000 войска, которыя возстановили бы и затѣмъ поддерживали бы порядокъ сообщаясь съ турецкими войсками; 5) чтобы занятіе Босніи, подобно занятію Болгаріи, продолжалось не долѣе девяти мѣсяцевъ; и чтобы затѣмъ Австрія очистила страну и предоставили бы дальнѣйшія заботы о ней Портѣ. Такъ или иначе сторгуются съ собой два новые союзника, но различіе ихъ взглядовъ достаточно сказалось и въ той оговоркѣ которую каждый изъ нихъ сдѣлалъ въ статьѣ 25-й Берлинскаго трактата. Одна оговорка гласитъ: „Турція предоставляет себѣ право согласиться съ Австро-Венгерскимъ правительствомъ о занятіи и управленіи Босніей и Герцеговиной.“ Другая же: „Австрійское правительство предоставляет себѣ придти къ согласію *о подробностяхъ* этой мѣры.“ Различіе бросается въ глаза.

Промедленіе въ австрійскомъ занятіи зависить отъ неуспѣшности мобилизаціи, которую Австрія пробуетъ въ первый разъ

послѣ военной реформы. Спеціальный корреспондентъ *Пештскаго Ллойда*, поспѣшившій на границу въ Бродъ и Сиссекъ чтобы во очію убѣдиться въ готовности „храбраго“ войска, пишетъ отъ 7 іюля (слѣдовательно около мѣсяца спустя послѣ приказа о мобилизаціи) что онъ уже „слишкомъ поспѣшилъ“ и что ему дѣлать нечего, такъ какъ „приготовленія далеко еще не пришли къ концу и продовольственные склады для оккупационнаго корпуса и для 150.000 выходцевъ съ ихъ семействами только что учреждаются.“ Комическое положеніе корреспондента, конечно, служить лучшею иллюстраціей увѣреніямъ графа Андраши при требованіи 60 милліоннаго кредита что австрійская армія „всегда готова.“ Другимъ интереснымъ фактомъ является составъ оккупационной арміи. Мобилизація главнымъ образомъ постигла Венгрію. Артиллерія почти вся венгерская, кавалерія большею частію венгерская, изъ пѣхотныхъ полковъ на 5 не-венгерскихъ 8 венгерскихъ. Отъ „цивилизованнаго дѣла“ устраняются всѣ сѣверные славянскіе элементы, и оно возлагается главнымъ образомъ на Мадьяръ. Каково же настроеніе послѣднихъ, это явствуетъ изъ факта, сообщаемого одною венгерскою газетою, что когда одинъ венгерскій полкъ, резервисты коего состоятъ преимущественно изъ пештской „интеллигенціи“, принималъ обычную въ Австріи предъ походомъ присягу, то все шло гладко до словъ: „Вы обязаны сражаться со *всякимъ* врагомъ.“ Здѣсь, говоритъ газета, произошло „смущеніе.“ При мобилизаціи былъ случай когда резервисты, поддерживаемые родственниками, вступили въ бой съ жандармами долженствовавшими ихъ эскортировать, и бой окончился смертоубійствомъ. Вообще же мобилизація, а затѣмъ походъ наступаютъ въ горячее время полевыхъ работъ и отвлекаютъ значительное количество рукъ (такъ были случаи что крестьянинъ отправлялся съ *семью* своими работниками, бросивъ все свое хозяйство на произволъ судьбы); для городского же населенія она является совершеннымъ разстройствомъ, чему доказательствомъ служить постоянное причитанье австрійскихъ газетъ о необходимости „патріотическихъ жертвъ“, о сборахъ и подпискахъ для содержанія семействъ уходящихъ резервистовъ. Всѣ эти будничные *интересы* получаютъ, конечно, особенную

силу когда страна сама не знает для чего она вооружается. Население Австро-Венгрии теперь на опытъ убѣждается насколько правды было въ словахъ графа Андраши когда онъ возглашалъ что стоитъ за сохраніе „европейскаго мира.“ Берлинскій мирный трактатъ австрійскому бюргеру приносить не разоруженіе, а вооруженіе...

№ 176.

Москва, 10-го іюля.

Возвращеніе англійскихъ уполномоченныхъ въ Лондонъ, дѣйствительно, было какъ о томъ извѣщалъ телеграфъ, триумфальнымъ шествіемъ. Такъ возвращались въ древній Римъ полководцы послѣ славныхъ и трудныхъ войнъ.

Но Англія не вела войны. Причиной этой буйной радости было чувство облегченія что Англіи довелось одержать побѣду безъ войны, одними обманами. Это въ отвѣтъ на поздравленія высказали, въ первыхъ же словахъ, оба министра-триумфатора. Эту радость не скрываетъ, по поводу оцѣнокъ лорду Беконсфильду, и общій хоръ англійской печати. „Громадные толпы собравшіяся встрѣтить нашихъ уполномоченныхъ“, замѣчаетъ *Morning Post*, „были двинуты сильнымъ убѣжденіемъ признать вѣтствованіе лорда Беконсфильда и лорда Солсбери какъ людей принесшихъ съ собою миръ и, главное, миръ почетный.“ „Какъ часто бываетъ съ людьми избѣжавшими большой опасности“, продолжаетъ на ту же тему *Times*, „мы въ первую минуту бываемъ неспособны постигнуть все величіе нашего избавленія.“ Министерская *Standard* тянетъ въ тотъ же голосъ: „Оберегъ ли лордъ Беконсфильдъ вполне и прочнымъ образомъ интересы націи, объ этомъ еще можетъ-быть рано высказываться съ абсолютною увѣренностью; но онъ спасъ насъ отъ войны.“

Та ли это зазорная, кичливая Англія, которая недавно хвалилась своею способностью выдержать двѣ и три кампаніи, и которая вдругъ обуревается такимъ неопианнымъ восторгомъ что ей не пришлось вести и одной? И кто же вызывалъ ее, кто толкалъ ее на войну, которой она избѣгла, какъ не тотъ же министръ, ставшій народнымъ идоломъ, котораго молва уже привѣтствуетъ „герцогомъ?“ Видя какъ

превозносятъ его за „миръ“, мы желали бы знать, вызвалъ ли бы онъ такіе же бурные восторги еслибы въ самомъ дѣлѣ ему удалось втянуть Англію въ войну?

Невольно припоминаются слова лорда Дарби, когда онъ говорилъ что „величайшій интересъ Англіи есть миръ.“ Миръ и для всѣхъ есть великое благо, а для Англіи съ ея искусственнымъ величіемъ, которое держится лишь интригой, съ ея торговой эксплуатаціей другихъ странъ, съ ея раскинутыми повсюду владѣніями, съ ничтожною арміей, — миръ есть положительная, насущная необходимость, и Англія не посмѣла бы воевать за Болгарію...

Есть ли для Англичанъ поводъ, помимо мира, радоваться чему-нибудь другому, объ этомъ рѣчь и судъ наступятъ позднѣе, когда правительство дастъ полный отчетъ о своей политикѣ и отвѣтъ на критику оппозиціи, которая давно выжидала этого момента. Не замѣчательное ли дѣло что въ строго-конституціонной Англіи это будетъ первымъ полнымъ объясненіемъ политики министровъ, если только ей есть рациональное объясненіе? Въ теченіе трехъ лѣтъ объясненіе это все откладывалось, то по причинѣ критическихъ обстоятельствъ, то въ виду переговоровъ, а регулярные вожди оппозиціи не торопили правительства, робѣя взять на себя отвѣтственность среди важнаго кризиса. И вотъ объясненіе оттянуто было до послѣднихъ дней настоящей сессіи, когда парламентъ уже утомленъ, и когда всѣ ожидаютъ новыхъ общихъ выборовъ.

Правительство сознаетъ что ему не легко будетъ выдержать всѣ ожидаемыя нападки противниковъ и отчетливо объяснитъ свои намѣренія, и оно дѣятельно готовится къ защитѣ. Прежде еще чѣмъ возвратившіеся изъ Берлина министры показались въ парламентъ, публикѣ поднесена была депеша маркиза Солсбери, написанная имъ, — какъ видно, въ самый день подписанія Берлинскаго трактата.

Когда былъ обнародованъ текстъ слаженного конгрессомъ Берлинскаго трактата, мы не сочли нужнымъ разбирать его. Но самую рѣзкую съ русской точки зрѣнія критику этого акта предпринялъ одинъ изъ творцовъ трактата, конгрессный побѣдитель и триумфаторъ, лордъ Солсбери. Приводимъ ниже изъ англійскихъ газетъ его объяснительную депешу къ Берлинскому трактату. Съ англійской точки зрѣ-

нія онъ писалъ апологію, а съ русской это выходитъ сильная критика

„Всѣ наши возраженія противъ Санъ-Стефанскаго трактата были уважены трактатомъ Берлинскимъ“ высокоумно объявляетъ британскій министръ „Двѣ трети Болгаріи возвращены подъ прямую политическую и военную власть султана“ „Болгарія отброшена далеко отъ Эгейскаго моря...“ „На Черномъ Морѣ она сохраняетъ менѣе чѣмъ половину первоначально присвоеннаго ей морскаго побережья.“ Словомъ, новое Славянское государство „не будетъ сильнымъ“ и „не дастъ Россіи никакого преобладающаго вліянія.“ Да и въ этомъ маленькомъ княжествѣ, освобожденномъ Россіей, не Россія будетъ заботиться о введеніи новыхъ учреждений. Нѣтъ, съ гордостью продолжаетъ лордъ Солсбери „его администрація будетъ выработана другими, кромѣ русскаго комиссара.“ Даже временное дѣйствіе этого комиссара подчинено конференціи пословъ въ Константинополѣ и консульской комиссіи, и ея новая администрація начнетъ дѣйствовать не ранѣе какъ „по удаленіи русскихъ войскъ.“

Чтобы нагляднѣе и разительнѣе выставить параллель между Санъ-Стефанскимъ и Берлинскимъ трактатами, лордъ Солсбери припоминаетъ свой пресловутый апрѣльскій циркуляръ и, потрясая имъ, указываетъ что отъ Санъ-Стефанскаго договора почти ничего не осталось: „Всякое вліяніе Россіи далеко отодвинуто.“ „Политическіе аванпосты русской власти отброшены.“ „Подъ власть султана возвращены богатая и обширная провинція.“ „Владѣнія султана ограждены укрѣпленною границей.“ Даже отдача Австріи двухъ турецкихъ провинцій сдѣлана только затѣмъ, чтобъ оградить султана отъ новаго задора Сербіи и Черногоріи. Въ довершеніе всего, и главное, обезпечена „независимость“ (замѣтите: *независимость*) дѣйствія Константинопольскаго правительства, подъ политическую и военную власть коего возвращена лучшая часть Болгаріи. Значитъ все, де въ Турціи останется по старому. Правда, въ Азіи она лишилась трехъ крѣпостей; но за то все остальное Англія прибрала къ рукамъ посредствомъ „соглашеній“ въ конгресса.

Наконецъ, лордъ Солсбери потѣшается и надъ нашимъ военнымъ вознагражденіемъ. Въ силу спеціальныхъ англійскихъ

деклараций, занесенныхъ въ протоколъ, Портъ де вовсе нечего беспокоиться объ уплатѣ контрибуціи. По этому поводу, благородный лордъ впадаетъ въ тонъ иригой ироніи, говоря о „безконечно отдаленномъ періодѣ“ въ теченіе коего Россіи придется ожидать уплаты этого вознагражденія. Приличнѣе, однако, было бы ему поберечь свою иронию для той „независимости“ Порты, будто бы утвержденной Берлинскимъ трактатомъ и которую онъ такъ прославляетъ, послѣ того какъ самъ же заставилъ Турцію заключить конвенцію, превратившую преемника халифовъ въ вассала Англіи. И неужели онъ не улыбнулся когда перо его писало „надежду“ что Порта сумѣетъ обезпечить „преданность“ вновь возвращенныхъ ей провинцій?

№ 177.

Москва, 11-го іюля.

Въ своей апологіи Берлинскаго трактата, сочиненной въ Берлинѣ въ самый день подписанія оного, маркизь Солсбери, какъ мы видѣли, болѣе всего похваляется тѣмъ, что Болгарія проектированная Санъ-Стефанскимъ договоромъ урѣзана на двѣ трети. Важнѣйшимъ успѣхомъ своей страны англійскій министръ выставляетъ то, что „новое славянское государство уже не будетъ сильнымъ“, и не доставитъ Россіи преобладающаго вліянія на Востокъ. Маркизь Солсбери съ сожалѣніемъ сознается, что и послѣ этой ампутаціи совершенной надъ Болгаріей, все таки „событія минувшей войны должны на долгіе годы обезпечить Россіи большой авторитетъ въ этомъ государствѣ.“ Но онъ утѣшается тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что и въ этомъ отношеніи все сдѣлано для того, чтобъ ослабить естественныя и законныя выгоды Россіи.

Но англійскій министръ, такъ усердствовавшій въ защиту Берлинскаго трактата съ англійской точки зрѣнія, навѣрное не ожидалъ, что ему на подмогу явится „союзникъ“ изъ Петербурга, союзникъ который, пожалуй, сочтенъ будетъ непрощенымъ. Было бы, однако, большимъ ослѣпленіемъ со стороны маркиза Солсбери, еслибъ онъ пренебрегъ этимъ неожиданнымъ аргументомъ въ свою пользу. Въ *Agence Générale Russe* отъ 9 іюля, мы читаемъ затѣтку заключающую въ себѣ

любопытное дополненіе „съ точки зрѣнія интересовъ Россіи“ къ тому что изложено маркизомъ Солсбери въ его берлинской депешѣ. Французскій листокъ, слывущій офиціознымъ, очень высоко цѣнитъ результаты добытые русскою дипломатіей чрезъ Берлинскій трактатъ. Въ одномъ лишь предположеніи Россіи не оправдались: это созданіе большаго Болгарскаго государства отъ Дуная до Эгейскаго моря. Но теперь ни для кого де не тайна что этого достигнуть было возможно не иначе какъ цѣною войны противъ соединенныхъ силъ Англіи и Австріи. Названный листокъ полагаетъ что для безпристрастнаго и здраваго цѣнителя не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ что изъ-за этого „сомнительнаго въ интересахъ самой Россіи“ пункта она не могла рисковать всѣми остальными добытыми ею благопріятными результатами конгресса. А многіе „отличные патріоты“ позволяютъ де себѣ усомниться въ томъ чтобы большое Славянское государство простирающееся отъ Дуная до Эгейскаго моря соответствовало строго-русскимъ интересамъ. *Agence Générale Russe* заявляетъ что она причисляетъ себя къ этимъ „отличнымъ патріотамъ“, въ чемъ мы ей вѣримъ на слово. Такимъ образомъ оказывается что урѣзаніе Болгаріи, которымъ такъ кичится англійскій представитель на Берлинскомъ конгрессѣ, въ то же время удовлетворило и русскихъ „безпристрастныхъ“ цѣнителей, патріотически отвергающихъ въ интересахъ своего отечества слишкомъ большія Славянскія государства на Балканскомъ полуостровѣ и предпочитающихъ имъ возстановленіе турецкаго владычества. Напрасно, стало-быть, въ Англіи торжествуютъ мирную побѣду надъ Россіей. Побѣда одержана не надъ нею, а надъ составителями Санъ-Стефанскаго договора; они выдумали Великую Болгарію; они и понесли неудачу, потому что они—не „отличные патріоты.“

Однако русскіе „отличные патріоты“ опасаящіеся чтобы Россія не забрала слишкомъ много силы на Востокъ, должны бы знать что вопросъ состоялъ не въ томъ чтобы создать Великую Болгарію. Еслибы вмѣсто одной появились двѣ автономныя Болгаріи, главная цѣль Русской войны была бы достигнута. Но англійскій министръ торжествуетъ что двѣ трети Болгаріи отняты у Болгаръ и возвращены подъ отеческую „политическую и военную власть“

султана, и возвращены именно подвергшіяся ужасающимъ испытаніямъ части, за которыя собственно и была предпринята Русская война. Не созданіе какого-нибудь княжества, а именно освобожденіе отъ Турокъ тѣхъ христіанскихъ населеній которыя такъ ужасно пострадали, вотъ то святое дѣло за которое обильно пролита была русская кровь. Составители Санъ-Стефанскаго договора, то-есть Русское правительство, знало что дѣлало когда поступало свободно и по собственному побужденію, и мы полагаемъ что оно не нуждается въ аттестатѣ патріотизма отъ г. Поггенполя или его сотрудниковъ.

Странно однако что въ самомъ Берлинѣ, за исключеніемъ правительственныхъ органовъ, никто не вѣритъ въ прочность установленнаго мира, и вовсе не восхищаются великими результатами конгресса.

Теперь внушаетъ опасенія предстоящее занятіе Австріей двухъ турецкихъ провинцій, на которое она получила полномочіе конгресса. Полномочіе это дано въ столь неопредѣленныхъ выраженіяхъ что и до сихъ поръ никому въ точности не извѣстно подъ какимъ „титоломъ“ оно должно совершиться, будетъ ли то окончательное присоединеніе къ монархіи Габсбурговъ, или же временное занятіе для цѣлей умиротворенія и съ сохраненіемъ верховной власти султана. Турція во всякомъ случаѣ толкуетъ постановленіе конгресса въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, и переговоры которые ведутся по этому предмету въ Вѣнѣ уполномоченными Порты, встрѣтили, судя по всѣмъ извѣстіямъ оттуда сообщаемымъ въ берлинскія газеты, весьма серьезныя затрудненія. Уже поговариваютъ объ ультиматумѣ посланномъ Австріей Турціи, изъ чего во всякомъ случаѣ слѣдуетъ заключить что Австрія вовсе не склонна принять турецкую точку зрѣнія на свойство даннаго ей полномочія, и готовится силой взять то что такъ долго ей какъ бы навязывалось противъ воли. Замѣчательно что эта двойственная игра, столь соответствующая, впрочемъ, государственному строю Габсбургской имперіи, не прекратилась и до сихъ поръ. Въ то время какъ генераль Филипповичъ, командиръ оккупационнаго корпуса предназначеннаго ко вступленію въ турецкія провинціи, издаетъ воинственные приказы, венгерскіе министры продолжаютъ „чураться“ увеличенія Австрійской территоріи насчетъ

Турціи. Министръ-президентъ Тиса, въ рѣчи произнесенной 14 іюля въ Дебречинѣ, оправдывалъ предстоящее занятіе исключительно желаніемъ противодѣйствовать панславизму, и настойчиво указывалъ на то, что занятіе совершится не иначе какъ съ согласія Турціи. Гичи, вожакъ венгерской либеральной партіи, въ свою очередь пояснилъ въ публичной рѣчи что Австрія отнюдь не имѣетъ намѣренія приобрѣсти турецкія провинціи себѣ въ собственность, и что верховная власть надъ ними султана будетъ сохранена.

Въ Берлинѣ не придаютъ однако никакого значенія всѣмъ этимъ венгерскимъ фразамъ, и увѣрены что Австрія займетъ провинціи не съ тѣмъ чтобы сберечь ихъ для власти султана. А такъ какъ дѣло соглашенія по этому предмету съ Турціей не ладится, то и предвидится возможность столкновенія.

Была, какъ извѣстно, рѣчь о томъ что согласіе Турціи на полную уступку Босніи и Герцеговины будетъ дано на основаніи особой конвенціи, по которой Австрія приняла бы на себя гарантію неприкосновенности европейскихъ владѣній Турціи, подобно тому какъ Англія взяла на себя гарантію ея азіатскихъ владѣній. Но свѣдущіе вѣнскіе корреспонденты берлинскихъ газетъ считаютъ такой планъ совершенно непримѣнимымъ, доказывая что задача Австріи по отношенію къ Турціи діаметрально-противоположна той которую Англія присвоиваетъ себѣ относительно ея азіатскихъ владѣній. Австрія понимаетъ де что ей не удержать совершающагося разложенія турецкаго владычества въ Европѣ, и вся ея забота должна быть направлена къ тому чтобъ она, а не Россія, образовала то ядро вокругъ котораго должны кристаллизироваться будущія новообразованія на Балканскомъ полуостровѣ.

А между тѣмъ возрастающія волненія въ Италіи по поводу той же австрійской оккупации указываютъ на возможность такого рода осложнений. И все это какъ непосредственное послѣдствіе Берлинскаго инструмента *мира*...

№ 178

Москва, 12-го іюля.

Вслѣдъ за лордомъ Солсбери явился другой еще болѣе сильный критикъ Берлин-

скаго трактата „съ русской точки зрѣнія.“

Рѣчь лорда Беконсфильда въ парламентѣ есть лишь развитіе аргументовъ его товарища, но онъ краснорѣчивѣе его умѣетъ подчеркнуть все что въ Берлинскомъ документѣ и въ успѣхахъ англійскихъ стараній отозвалось враждебно для Россіи и направлено ей въ ущербъ. Съ сіяющею радостью возвѣстилъ онъ что дѣло конгресса, Берлинскій трактатъ, было торжествомъ англійской политики, а цѣлью ея было возстановленіе „дѣйствительнымъ и существеннымъ образомъ“ авторитета султана. Какимъ образомъ эта великая и полезная для цивилизаціи и для „независимости Европы“ цѣль достигнута Берлинскимъ трактатомъ, британскій премьеръ поясняетъ еще нагляднѣе чѣмъ маркизь Солсбери въ своей депешѣ. Турціи возвращено свыше 30.000 географическихъ миль и 2½ миллионное населеніе, самая богатая область Балканскаго полуострова и населеніе самое способное и преданное (!!) изъ всѣхъ ея подданныхъ. Должно-быть оно питаетъ особенную *преданность* за тѣ „излишества“, сценой коихъ была эта самая область, какъ теперь снисходительно допускаетъ лордъ Беконсфильдъ. Онъ не ограничивается простымъ утвержденіемъ что двѣ трети Болгаринъ возвращены подъ „военную и политическую власть“ султана, а толкуетъ какъ именно это сдѣлано. Въ военномъ отношеніи султанъ не подчиненъ „никакимъ ограниченіямъ.“ Онъ въ правѣ защищать свои территоріи повсюду, „на всѣхъ горныхъ проходахъ и во всѣхъ портахъ“, всѣми своими силами, и никто не можетъ де ему предписывать какое количество войска гдѣ онъ долженъ держать. Что касается политической власти, то правда что въ Восточной Румелии нашли нужнымъ примѣнить нѣкоторыя изъ предположеній Константинопольской конференціи, но, впрочемъ, „весь предметъ администраціи этой провинціи порученъ имперской комиссіи, которая представитъ докладъ султану, а онъ уже издастъ фирманъ.“

Изобразивъ въ яркихъ чертахъ всѣ выгоды доставленныя Турціи Берлинскимъ конгрессомъ, который собирався именно затѣмъ чтобъ „укрѣпить и сосредоточить авторитетъ Порты“ въ тѣхъ мѣстахъ за освобожденіе которыхъ лилась русская кровь, лордъ Беконсфильдъ скромно про-

ситъ не судить слишкомъ строго если не сдѣлано болѣе. „Еслибъ эти результаты были послѣдствіемъ продолжительной войны, я не думаю чтобъ и въ такомъ случаѣ они могли считаться несущественными или неудовлетворительными. Но я надѣюсь страна не забудетъ что они достигнуты безъ пролитія капли крови, а что до сдѣланныхъ расходовъ, то они менѣе чѣмъ сколько бы потребовалось на одинъ мѣсяць войны.“ И въ самомъ дѣлѣ: чего же болѣе могла бы Англія достигнуть въ войнѣ которая потребовала бы напряженія всѣхъ ея силъ?

Также точно толкуетъ лордъ Беконсфильдъ и дѣло объ азіатскихъ владѣніяхъ Турціи. Досадуютъ де на то что за Россіей все-таки остались Батумъ и Карсъ; „но что же было дѣлать?“—спрашиваетъ ораторъ: „Воевать? Но это крайне убыточно, да пожалуй и не отвоевали бы. А мы лучше приняли мѣры чтобы впредь Россія болѣе не воевала съ Турціей, заключивъ съ султаномъ оборонительную конвенцію. Уступивъ Россіи (какая милость!), мы крикнули ей: „До сихъ поръ, и ни шагу далѣе.“

О другихъ прелестяхъ Беконсфильдовскаго краснорѣчія, о томъ какъ онъ восторгается „людьми создавшими и укрѣпившими Плевну,“ о томъ какъ онъ ставитъ въ величіе султану что „онъ не утратилъ въ войнѣ своей столицы, которая не была занята вражескими войсками,“ о томъ какъ онъ трактуетъ „мятежныя“ княжества Сербію и Румынію, какъ презрительно трактуетъ взятыхъ имъ подъ свое покровительство Грековъ, рекомендуя имъ *терпѣніе*, и съ какою ироніей отзывается о сентиментальныхъ интересахъ Франціи,—отсылаемъ читателей къ приводимой ниже въ извлеченіи самой рѣчи британскаго премьера.

Расточался въ объясненіяхъ всего что достигнуто англійскою политикой противъ и въ ущербъ Россіи, лордъ Беконсфильдъ въ одномъ только разочаровалъ общее любопытство, не давъ никакого указанія плановъ коими онъ предполагаетъ осуществить протекторатъ надъ Азіатскою Турціей, присвоенный Англіи конвенціей 4 іюня. Объ этой конвенціи, впрочемъ, мы узнаемъ нѣкоторыя любопытныя подробности. Лордъ Дарби, напримѣръ, въ этомъ же засѣданіи въ первый разъ объяснилъ истинную причину своего выхода въ от-

ставку. Онъ разказалъ что еще „въ послѣднихъ числахъ марта“ на совѣщаніи кабинета „было найдено необходимымъ пріобрѣсти морскую станцію въ восточной части Средиземнаго Моря, и для этой цѣли захватить и занять островъ Кипръ, а также пунктъ на берегу Сиріи, посредствомъ экспедиціи снаряженной изъ Индіи, съ согласіемъ или безъ согласія султана.“ Уже изъ одного этого видно что англо-турецкая конвенція вовсе не могла быть результатомъ англо-русскаго меморандума подписаннаго графомъ Шуваловымъ и лордомъ Солсбери предъ собраніемъ конгресса, а что идея оной возникла и была рѣшена одновременно съ извѣстіемъ о Санъ-Стефанскомъ договорѣ, или еще ранѣе того.

Не менѣе любопытныя свѣдѣнія о тайнственности какою облечено было все это дѣло передаетъ парижскій корреспондентъ *Times*, въ разказѣ имѣющемъ цѣлью утишить раздраженіе Французовъ. Тайна, говоритъ онъ, была необходима для того чтобы не разстроить конгресса. Онъ положительно ручается что о конвенціи 4 іюня рѣшительно никто не зналъ, и что хотя англійскіе министры имѣли ее у себя въ карманѣ, но они не рѣшились показать ее пока не былъ рѣшенъ вопросъ о Батумѣ. Не желая показывать конвенцію, они твердо рѣшились не уступать и Батума безъ уступокъ со стороны Россіи. Когда же она согласилась сдѣлать его вольнымъ портомъ и вопросъ былъ рѣшенъ, тогда, 8 іюля, явилась уже возможность обнародовать конвенцію. Видите какъ, все дѣло конгресса было основано на обманѣ. Россія, по словамъ корреспондента, имѣла общее свѣдѣніе о переговорахъ между Англіей и Портой, но онъ ручается что Россія совершенно ничего не знала объ „истинномъ характерѣ трактата“ къ которому эти переговоры привели, и даже не подозрѣвала привели ли они къ чему-нибудь. Она не имѣла де и „понятія о явственномъ, двустороннемъ, обязательномъ трактатѣ, который поставилъ Англію вооруженнымъ часовымъ на ея азіатской границѣ.“ Россія ожидала де только какой-либо платонической формулы со стороны Англіи, въ родѣ тѣхъ какими прикрываются неудачи, и „еслибъ она подозрѣвала что-либо иное, она не сдѣлала бы никакихъ уступокъ, не отдала бы Австріи Боснію и Туркамъ Балканы, или, по крайней мѣрѣ, потребовала бы Батума безусловно.“

Не это ли опасеніе чтобъ и теперь вырванные у Россіи уступки не пропали даромъ воздержало лорда Беконсфильда отъ откровенности насчетъ плановъ осуществленія англійскаго протектората. По крайней мѣрѣ въ заключеніе своей рѣчи онъ выронилъ слѣдующую загадочную фразу: „Должно помнить что Берлинскій трактатъ еще не ратификованъ, и что есть многія вещи которыя даже не могутъ быть начаты пока ратификація не совершится.“

Что это значитъ? Опасеніе ли что дѣло слаженное въ Берлинѣ можетъ вновь подвергнуться вопросу, или намекъ что мы можемъ готовиться къ новому Беконсфильдовскому сюрпризу?

№ 179.

Москва, 13-го Іюля.

Читая послѣднія разсужденія иностранныхъ, преимущественно берлинскихъ, газетъ объ общемъ политическомъ положеніи, не вѣришь что всего семь дней прошло съ того времени какъ эти самыя газеты перевозносили Берлинскій конгрессъ въ самыхъ выпренихъ выраженіяхъ, какъ прочную ограду долженствующую надолго сбережъ міръ отъ грозившихъ ему ужасовъ и потрясеній войны. *Katzenjammer* наступилъ такъ скоро, что трудно не видѣть и въ этомъ руководящихъ внушеній. Кому-нибудь, какъ видно, нужно чтобъ общественное мнѣніе не приняло за чистую монету диопрамбовъ прошедшей недѣли. И вотъ, по мановенію таинственнаго режиссера, блестящія декораціи коими обставленъ былъ „апофеозъ“ конгресса убраны и припрятаны, и зрителямъ слѣдуетъ заявить что это были *только* декораціи. Мало того: теперь не только перестали говорить о затрудненіяхъ будто бы устраненныхъ Берлинскимъ конгрессомъ, но, напротивъ, перечисляютъ ряды новыхъ затрудненій возникшихъ лишь теперь, благодаря мирному трактату и сопровождавшей его англо-турецкой конвенціи.

Національная Газета, говоря объ опасеніяхъ внушаемыхъ новымъ политическимъ положеніемъ, высказываетъ между прочимъ слѣдующее: „Это положеніе представляется намъ тревожнымъ особенно потому что прежнія отношенія державъ исчезли и наступаетъ новая группировка

„европейскихъ интересовъ по отношенію къ восточнымъ дѣламъ. Италія и Франція во все время послѣдняго Восточнаго кризиса почти неизмѣнно стояли на той сторонѣ гдѣ была Англія. Какъ вдругъ, подобно бомбѣ, разразилась надъ этою идилліей англо-турецкая конвенція 4 Іюня. Въ обѣихъ этихъ странахъ чувствуютъ себя обманутыми Англіей; разомъ исчезло сочувствіе Италійцевъ къ *свободной и цивилизующей* Англіи, а англо-французская дружба, продолжавшаяся двадцать лѣтъ, жестоко пошатнулась. Правда, правительства этихъ странъ хотя еще не дали себя увлечь потокомъ общественного мнѣнія; Французское, можетъ быть, успокоено даже различными обещаніями которыя даетъ ему Англія. Тѣмъ не менѣе, Италія и Франція стоятъ теперь нахмуренныя въ сторонѣ. Разочарованіе постигшее эти страны опасно не только вслѣдствіе наклонности ихъ народовъ къ страстнымъ увлеченіямъ, но и потому что позиція теперь занимаемая Англіей на Средиземномъ Морѣ дѣйствительно подвергается величайшему риску не только политическіе, но и торговые интересы Италіи и Франціи. Всякій безпристрастный наблюдатель долженъ согласиться что Англія можетъ лишь на время успокоить это броженіе. Ни Франція, ни Италія не могутъ безъ борьбы подчиниться тому чтобы Средиземное Морѣ стало англійскимъ моремъ.“

Тревога испытанная берлинскою газетою по поводу недовольства вызваннаго во Франціи и Италіи англійскими захватами, усугубляется еще тѣмъ что Берлинскій конгрессъ какъ бы нарочно создалъ готовый *casus belli*, оставивъ совершенно открытымъ Греческій вопросъ. Судя по всѣмъ извѣстіямъ, Порта еще разъ почерпнула значительный запасъ наглой самоувѣренности и слѣпаго упрямства въ своемъ соглашеніи съ Англіей; она, повидимому, не на шутку готовится предупредить нападеніе со стороны Грековъ, и отнюдь не обнаруживаетъ желанія послѣдовать совѣту конгресса войти съ Греціей въ мирное соглашеніе на счетъ „поправки взаимныхъ границъ.“ Съ другой стороны, и Греки, сознавъ, хотя и поздно, свою великую ошибку, благодаря которой они, полагаясь на обещанія Англіи, упустили благоприятное время и устранились отъ участія въ турецкомъ погромѣ, повидимо-

му, твердо рѣшились приняться теперь за исполненіе своей задачи, разсудивъ что въ будущемъ, когда Англія окончательно укрѣпится въ занятой ею теперь позиціи, имъ будетъ несравненно труднѣе достигнуть своихъ національныхъ цѣлей, коихъ сильнѣйшимъ врагомъ будетъ отнынѣ Англія. Словомъ, по мнѣнію берлинской газеты, мы находимся наканунѣ греко-турецкой войны. И Греція не будетъ де одна въ этой войнѣ, ибо столь же вѣроятно что и между Австріей и Турціей дѣло дойдетъ до открытаго столкновенія. Самонадѣянность Порты одинаково сказывается и противъ Австріи, какъ противъ Греціи. Турецкіе уполномоченные въ Вѣнѣ упорно стоятъ на своемъ, и не только не желаютъ дополнить неопредѣленные постановленія конгресса по предмету австрійскаго занятія Босніи и Герцеговины болѣе яснымъ соглашеніемъ, но, напротивъ, толкуютъ по-своему Берлинскій трактатъ, утверждая что даже тѣ неопредѣленные выраженія которыя включены въ трактатъ, не были утверждены согласіемъ Порты, которая осталась при своемъ что занятіе должно совершиться не прежде какъ по установленіи условій, по коимъ Австрія, признавая верховныя права султана надъ этими провинціями, обязалась бы очистить ихъ по истеченіи извѣстнаго срока. „Турецкіе уполномоченные,“ сообщаютъ изъ Вѣны, „не только настаиваютъ на принятіи такихъ условій, но прямо грозятъ войной въ случаѣ ихъ непринятія.“

Берлинскія газеты съ неудовольствіемъ замѣчаютъ колебанія отъ коихъ Австро-Венгерское правительство не сумѣло освободиться и до сихъ поръ. Вѣрныя своей программѣ, онѣ продолжаютъ толкать Австрію на участіе въ дѣлѣ Балканскаго полуострова; онѣ убѣждаютъ графа Андраши чтобъ онъ убѣдился наконецъ „что чрезмѣрная забота о соблюденіи международной законности“ крайне невыгодная вещь, и что слѣдуетъ дѣйствовать, а не пытаться прійти къ соглашенію съ Турками, хотя бы дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія.

Нужно сознаться, въ виду всего этого, что *миротворство* „честнаго маклера,“ увѣнчанное Берлинскимъ трактатомъ, является въ нѣсколько своеобразномъ свѣтѣ. Въ концѣ-концовъ оказывается что все осложнилось и перепуталось, и въ мирное разрѣшеніе никто не

вѣрять. Всего менѣе вѣрятъ въ него въ Берлинѣ.

Трудно сказать что собственно имѣется въ виду этими тревожными выкладками, коими берлинская печать внезапно замѣнила свои недавнія мирныя ликованія. Но нѣтъ сомнѣнія что эти разсужденія гораздо болѣе соотвѣтствуютъ истинному положенію вещей.

Каково же, спрашивается, положеніе Россіи въ виду этихъ вновь слагающихся обстоятельствъ? Если справедливо что Берлинскій трактатъ ничего не разрѣшилъ и что, напротивъ, возникли новыя осложненія, то задачи политики Россіи даны сами собою. Ея дѣло не кончено, вслѣдствіе противодѣйствія „Европы,“ представительницей интересовъ которой выставляла себя Англія. Какъ ни обманчивы были и прежде эти миражи обще-европейскихъ интересовъ, но многіе дались въ этотъ обманъ, и Россія, до конгресса, казалась изолированной. Берлинское соглашеніе въ значительной мѣрѣ обязано своимъ бытіемъ этому миру общихъ интересовъ Европы въ противоположность Россіи. Англія вышла съ великимъ торжествомъ, и это торжество еще усугубилось захватомъ который она совершила помимо европейскаго концерта. Лордъ Беконсфильдъ вернулся въ Лондонъ триумфаторомъ. Но и тамъ отрезвленіе не заставило себя долго ждать. Вотъ какъ одинъ изъ самыхъ враждебныхъ Россіи органовъ торійской печати, *Pall Mall Gazette*, характеризуетъ настоящее положеніе: „Англія стоитъ теперь лицомъ къ лицу съ Россіей въ положеніи страшно невыгодномъ. Европа свободна на будущее время ото всѣхъ своихъ обязательствъ по отношенію къ Востоку. Она все предоставила тремъ восточнымъ державамъ. „А положеніе этихъ трехъ державъ въ день подписанія Берлинскаго трактата было слѣдующее: Турція фактически уничтожена; Россія усилилась; Англія ослаблена и изолирована.“

Изолированность Англіи, вотъ пока единственный фактъ, въ реальности котораго никто не сомнѣвается.

№ 180.

Москва, 14-го Іюля.

Представимъ себѣ что положеніе созданное на Востокѣ Берлинскимъ конгрессомъ и англо-турецкою конвенціей 4 Іюня можетъ осуществиться и упрочиться: что послѣдуетъ? То ли чѣмъ обольщаютъ себя, или, вѣрнѣе, другихъ, „отличные патріоты“ и миролюбцы?

Допустивъ Англичанъ хозяйничать въ Малой Азіи и въ Черномъ Морѣ, мы силой обстоятельствъ были бы вынуждены, вмѣсто „мирнаго преуспѣянія,“ развить можетъ-быть до небывалыхъ размѣровъ наши военныя средства на Кавказѣ и за Кавказомъ. Въ циркулярной депешѣ Солсбери высказывалось что положеніе принятое Россіею въ Закавказьи и ея новыя пріобрѣтенія въ Арменіи могутъ послужить пунктами откуда будетъ де исходить интрига могущая волновать населенія Малой Азіи. Присутствіе Англичанъ въ этой странѣ и на Кипрѣ не подастъ ли гораздо болѣе повода къ волненіямъ на Кавказѣ, и не будемъ ли мы вынуждены усилить тамъ наши войска? Если ничтожная по своимъ размѢрамъ и средствамъ высадка турецкихъ войскъ въ нашихъ владѣніяхъ на берегахъ Чернаго Моря могла причинить намъ много вреда и военныхъ затрудненій, то подобныя высадки поддержанныя англійскими броненосцами имѣли бы гораздо болѣе опасныя послѣдствія еслибы мы не увеличили соразмѣрно и средства противодѣйствія. Военныя дѣйствія въ Арменіи заставили насъ въ настоящую войну стянуть туда массы войскъ далеко превосходившія средства коими располагала Кавказская армія: войска перевозились туда изъ внутренней Россіи, съ Волги, изъ Москвы. И это потребовалось въ то время когда противъ насъ стояли Турки лишь втихомолку поддерживаемые англійскимъ пособіемъ. Конвенція 4 Іюня измѣняетъ положеніе дѣлъ. Англичане потому заняли Кипръ что „бли-“, „зость англійскихъ офицеровъ, а если нужно то и войскъ,“ какъ сказано въ депешѣ британскаго министра, можетъ усилить военныя средства Турокъ. Турецкая армія будетъ, конечно, тщательно реорганизована, получитъ англійскихъ офицеровъ, и будетъ турецкою только по національности солдатъ. Справляться съ такою арміей будетъ конечно труднѣе и потребуетъ болѣ-

шихъ силъ нежели въ минувшую кампанию. Независимо отъ этого, Англичане уже теперь озабочены подготовленіемъ способовъ сосредоточивать на русской границѣ въ Азіи возможно-болѣшія массы войскъ въ кратчайшій срокъ. Въ Малой Азіи проектируются два пути: связать Эрзерумъ съ одной стороны съ Константинополемъ, а съ другой съ Кипромъ чрезъ Мерсину и Діарбекиръ.

Обладая Батумомъ и Севастополемъ, мы могли бы въ извѣстной мѣрѣ парализовать усилія Англіи, для чего потребовалось бы созданіе въ Черномъ Морѣ сильнаго флота; но Батумъ, въ силу Берлинскаго договора, долженъ быть портомъ преимущественно торговымъ. Къ тому же, какъ утѣшаетъ насъ лордъ Беконсфильдъ, Батумскій портъ есть лишь небольшая бухта гдѣ могутъ помѣститься много-много три броненосца. (Зачѣмъ же было столько шума изъ-за такого ничтожнаго порта за который Англія, однако, захватила себѣ Кипръ?) Самая попытка развить въ значительныхъ размѢрахъ Черноморскій флотъ могла бы послужить поводомъ къ новой борьбѣ: флотъ былъ бы уничтоженъ въ самомъ зародышѣ англійскими броненосцами имѣющими свободный доступъ въ Черное Море въ качествѣ союзниковъ Турціи и, если нужно, подъ турецкимъ флагомъ. Своею декларацией, внесенною въ протоколъ конгресса, Англія de facto отмѣнила выгоды выговоренныя нами въ Лондонскомъ договорѣ 1871 года, оставивъ за Турціей все выгоды отмѣны соответствующей статьи договора Парижскаго. Побережья нашего Чернаго Моря были бы болѣе открыты нежели предъ войной, и мы были бы вынуждены на югѣ держать болѣе сильныя массы войскъ нежели до сихъ поръ.

Все это вмѣстѣ взятое не можетъ, конечно, не отозваться и на черноморской нашей торговлѣ. Нашъ торговый флотъ не можетъ развиваться въ Черномъ Морѣ пока берега его будутъ въ опасности и пока не возникнетъ тамъ сильный военный флотъ, способный покровительствовать торговому флагу. Это не голословное мнѣніе; за это говоритъ опытъ. Несмотря на все неудобства Азовскаго моря, торговля на его берегахъ процвѣтаетъ, тамъ возникаютъ и растутъ торговые города, а Севастополь лежитъ и до сихъ поръ въ развалинахъ: его не подняла и желѣзная дорога, между тѣмъ какъ это лучший портъ на всемъ на-

шемъ Черноморскомъ побережьи. Да и не одинъ Севастополь. На Черноморскомъ побережьи, за исключеніемъ искусственно созданной Одессы, вовсе нѣтъ такихъ торговыхъ пунктовъ какъ Таганрогъ, Ростовъ, Бердянскъ. Дѣло въ томъ что Азовское море закрыто и безопасно.

Въ малой Азіи и примыкающей къ ней Западной Персіи сосредоточена вся будущность нашей промышленности. Последняя война до очевидности доказала это. Никогда наши мануфактурные торговцы не имѣли такого сбыта какъ во время послѣдней войны, и это отъ того что порты Чернаго Моря и великій транзитный путь изъ Трапезунта черезъ Эрзерумъ и Баязидъ въ Персію были закрыты для англійскихъ товаровъ. Для насъ Малая Азія и Западная Персія — самый естественный и важный въ будущемъ рынокъ. Мы могли бы распространить свое торговое вліяніе на Сирію и Месопотамію. Нѣкоторые шерстяные и скобяные товары и теперь съ успѣхомъ могутъ выдержать конкуренцію съ англійскими и нѣмецкими, особенно же низшіе сорта ихъ. Наша отдѣлка, нѣсколько грубая, улучшится съ развитіемъ фабричнаго дѣла и увеличеніемъ сбыта. Притомъ наши произведенія могутъ отличаться большею солидностію вслѣдствіе относительной дешевизны сырья, которое отъ насъ же вывозится въ Европу и намъ всегда можетъ стоить дешевле.

И вотъ вмѣсто развитія торговыхъ и промышленныхъ центровъ на югѣ, пришлось бы развивать центры военные; вмѣсто складовъ товара, устранивать склады военныхъ припасовъ.

Когда кончилась пятидесятилѣтняя борьба на Кавказѣ, мы ласкали себя надеждой сократить расходы которыхъ требовало содержаніе Кавказской арміи. Теперь намъ приходится ихъ увеличить, не говоря уже о тѣхъ затратахъ которыя потребуетъ приведеніе въ оборонительное состояніе и вооруженіе заново Карса, Ардагана, да вѣроятно и другихъ пунктовъ, на примѣръ Эривани, потому что мы по доброй волѣ отдали назадъ уже выговоренный Баязидъ и всю Алашкертскую долину по которой пролегаетъ караванный путь въ Западную Персію. Отказавшись отъ торговыхъ выгодъ этого пути, мы еще дали Англичанамъ возможность и съ этой стороны стать на флангъ и въ тылу нашихъ позицій у Карса и Ардагана, на

прямомъ и лучшемъ пути изъ Россіи къ Эрзеруму.

„Эра мира,“ еслибы въ самомъ дѣлѣ такой миръ могъ упрочиться, повела бы къ развитію вооруженій и увеличенію военныхъ расходовъ, не обѣщая въ возмездіе за это никакихъ выгодъ ни промышленности, ни торговлѣ.

№ 181.

Москва, 15-го Іюля.

Въ засѣданіи палаты лордовъ, которое было такимъ триумфомъ для графа Беконсфильда, послѣдовали, какъ водится, пренія въ которыхъ оппозиція должна была сказать свое слово.

Главнымъ образомъ критика была направлена противъ азіатской части правительственной политики, и въ этомъ отношеніи надо думать искренняя. Конвенціей съ Турціей Англія, дѣйствительно, создаетъ для себя совершенно новое положеніе, которое грозитъ ей серіозными послѣдствіями, хотя и на Россію налагаетъ большія тягости.

Но это дѣло осталось внѣ конгресса. Что же касается Берлинскаго трактата, то англійскимъ политикамъ оставалось бы только благодарить министерство за достигнутое. Однако требовалось, хотя бы для приличія, указать и на слабыя стороны.

Въ числѣ главныхъ оппонентовъ выступилъ лордъ Дарби, недавно еще вѣрный клеветъ премьера. Ихъ связь была такъ тѣсна и политика тождественна что нынѣшнее Британское правительство называлось кабинетомъ Беконсфильда-Дарби, до самаго выхода послѣдняго въ отставку. Объ этой отставкѣ лордъ Дарби третій разъ сообщаетъ все разныя причины. То онъ удалялся изъ-за посылки флота въ Дарданеллы; то ему не понравился вызовъ индійскихъ войскъ; теперь оказывается что совѣсть претила ему одобрить занятіе Кипра, которое рѣшено де было еще въ мартѣ. По этому поводу между имъ и лордомъ Солсбери возникло даже пререканіе, дошедшее до обвиненій во лжи. Ссора эта, впрочемъ, истинная или притворная, ни для кого не интересна.

Во всякомъ случаѣ, по какой бы причинѣ лордъ Дарби ни вышелъ въ отставку, но въ бытность его министромъ поли-

тика его ничѣмъ не отличалась отъ взглядовъ его начальника. Туркофильство лорда Дарби сказывалось во всѣхъ его поступкахъ и депешахъ. Не тотъ ли это былъ лордъ Дарби который, еще во время Критскаго возстанія, запретилъ англійскимъ кораблямъ перевозить въ Грецію дѣтей и женщинъ бѣжавшихъ съ острова отъ турецкихъ звѣрствъ? Не онъ ли сдѣлалъ Сербскую войну неизбѣжною отвергнувъ съ шумомъ Берлинскій меморандумъ, и отклонивъ всякое совокупное представленіе Портъ, предпочитая *some fighting*, маленькое кровопусканіе? Не по его ли инструкціямъ дѣйствовали англійскіе представители на Константинопольской конференціи, гдѣ они довели до ничтожества гарантіи для обезпеченія христіанъ? Не вслѣдствіе ли этихъ поощреній Порты отвергла и эту призрачную уступку? Не онъ ли потомъ рекомендовалъ дать Портъ срокъ исправиться, и своею оговоркой къ Лондонскому протоколу еще сильнѣе раздулъ ея высокомеріе, хотя и не могъ не предвидѣть что за этимъ послѣдуетъ война? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ стало потомъ ясно когда добрый лордъ Дарби собирался „вытаскивать насъ изъ ямы“ во время Плевинской задержки. Вѣдь онъ тогда же отказался и ознакомить Порту съ нашими условіями мира, выразивъ мнѣніе что Порты ни за что не согласится на автономію Болгаріи. При его же управленіи англійская политика всячески стѣсняла наши военныя дѣйствія своими предирками и условнымъ нейтралитетомъ, который такъ хорошо соблюдали англійскіе офицеры въ турецкихъ войскахъ и флотѣ.

Вотъ зады лорда Дарби, его сочувствія и сообразныя съ ними дѣйствія когда онъ былъ министромъ. Въ чемъ же могъ онъ упрекнуть своихъ бывшихъ товарищей, которые неуклонно шли тѣмъ же путемъ и пришли неожиданно къ столь блестящимъ результатамъ? Въ извѣстной степени онъ готовъ де одобрить достигнутое соглашеніе какъ „временное,“ потому что имъ все-таки устраивается опасность войны. Миръ, при какомъ бы то ни было результатѣ, онъ предпочитаетъ. Но не есть ли это фарисейство? Никто не толкалъ Англию въ войну, и мы знаемъ что она серьезно о войнѣ и помышлять не могла. Помимо сохраненія мира, лордъ Дарби не находитъ повода особенно радоваться,—и знаете ли почему? Потому что онъ пред-

почелъ бы видѣть Болгарію устроенною на основаніи Санъ-Стефанскаго трактата. Это говоритъ лордъ Дарби! Любопытно знать почему? Ограниченіе Болгаріи долиной Дунай и созданіе „Восточной Румелии“ оставляютъ де большой просторъ русскому вліянію и новымъ русскимъ интригамъ. Онъ—лордъ Дарби!—предпочелъ бы большую Болгарію, простирающуюся до Эгейскаго моря, такъ какъ она при болѣе смѣшанномъ населеніи, была бы независимѣе отъ русскаго вліянія и черезъ Эгейское море была бы болѣе доступна вліянію англійскому. Можно ли грубѣе насмѣхаться надъ Россіей? Какъ? Двѣ трети Болгарскаго народа оторваны отъ своихъ сродичей и лучшая часть Болгаріи лишена даже права называться своимъ именемъ и возвращена подъ прямую „политическую и военную власть султана,“ и это для Россіи, для ея дѣла, лучше Санъ-Стефанскаго трактата! У кого же теперь въ рукахъ Эгейское и Черноморское побережье всей этой несчастной Восточной Румелии какъ не у Турокъ? Да и вся эта страна предана безусловно ихъ власти, и они могутъ укрѣпиться въ ней сильнѣе чѣмъ когда-либо...

Точно также, еще прежде лорда Дарби, и вождь либеральной партіи, лордъ Гранвилъ, осуждалъ Берлинскій трактатъ за то что онъ далъ Россіи „все чего она требовала или ожидала получить.“ Вотъ какими грубыми приемами морочить европейскую публику англійская оппозиція! А о самихъ Болгарахъ, во всемъ многочисленномъ сонмѣ собравшейся въ засѣданіе англійской аристократіи, ни у кого не нашлось ни одного добраго слова...

Впрочемъ, лордъ Солсбери признается что онъ и Россіи оказалъ услугу. Онъ сдѣлалъ открытіе, разузнавъ о существованіи у насъ какой-то „государственной партіи,“ которая страшится присоединеній, боится замѣшательствъ (молодые люди шумѣвшіе на улицахъ, это къ вамъ относится, и тутъ ваша доля заслуги) и войнъ, и трепещетъ опасностей. Эту „партію“ онъ нашелъ полезнымъ поддержать и усилить, припугивая ее опасностями гнѣва Англіи и убѣдивъ ее въ твердости намѣреній англійской политики. Въ этомъ лордъ Солсбери сознается что оказалъ „неопытную услугу“ Россіи, услугу которая должна вознаградить ее за утрату плодовъ ея побѣдъ и всего ея значенія на Востокѣ.

„Мы,“ говоритъ онъ „хотѣли усилить эту партію“ (какова заботливость о бла- гѣ Россіи въ британскомъ министрѣ!) „ищушую избѣжать затрудненій и войнъ „показавъ ей опасности грозящія Россіи „такъ чтобы нельзя было ошибиться въ „намѣреніяхъ нашей политики и мы по- лагаемъ что этимъ оказали неоцѣнимую „услугу мудрымъ, осторожнымъ и прони- „цательнымъ государственнымъ людямъ „Россіи...“ Итакъ, Англія беретъ себѣ Во- стокъ, а насъ вознаграждаетъ усиленіемъ какой-то благодѣтельной партіи.

№ 183.

Москва, 17-го Іюля.

Повсемѣстныя демонстраціи въ Италіи и митинги въ пользу *Italia irridenta* (не- освободенная Италія) мало-по-малу при- няли размѣры „жгучаго“ вопроса, на ко- торый обращено вниманіе всей Европы, такъ что онъ сталъ постоянною рубрикой въ международныхъ телеграфныхъ сообще- ніяхъ. Эта агитация въ Италіи уже подала поводъ къ раздражительной полемикѣ въ австрійской печати. Теперь къ этому хору стали присоединяться и офиціозные голоса. Телеграфъ недавно извѣщалъ насъ о гнѣв- ной статьѣ противъ Италіи появившейся въ *Пештскомъ Ллойдѣ*. Австро-Венгерское правительство рѣшило де принять „силь- ные мѣры“ если начавшееся въ Италіи движеніе разрастется. Но оно уже разрас- лось очень значительно, несмотря на то что теперешній кабинетъ находится въ боль- шомъ затрудненіи и видимо колеблется, не зная какой ему принять тонъ вслѣдствіе неопредѣленности общаго политическаго положенія и пошатнушагося европейскаго концерта, что пока можно назвать един- ственнымъ „прочнымъ“ результатомъ Бер- линскаго конгресса. Но именно по этой причинѣ движеніе это и представляетъ большой интересъ. Въ немъ сказывается протестъ живыхъ народныхъ силъ; оно яв- ляетъ собою первые симптомы тѣхъ есте- ственныхъ сочетаній и отталкиваній кото- рые и въ исторіи, какъ въ химіи, слѣ- дуютъ за сильнымъ сотрясеніемъ и пере- мѣщеніемъ связующихъ элементовъ.

Италіанскій народъ весьма недавно вы- шелъ изъ періода постоянныхъ политиче- скихъ броженій, и то движеніе коему онъ

обязанъ своимъ объединеніемъ еще не за- глохло, такъ какъ значительныя области населенныя почти исключительно Италіан- скимъ народомъ остаются и теперь подъ чужеземною властью. Подъ словомъ *Italia irridenta*, которое служитъ лозунгомъ мно- гочисленныхъ патріотическихъ сообществъ организованныхъ во всѣхъ частяхъ ко- ролевства, тамъ понимаютъ слѣдующія „принадлежности“ италіанскаго отечества: Мальту, Корсику, Тессинскій кантонъ, Тріентъ, Истрію съ Тріестомъ. Болѣе умѣ- ренные и не слишкомъ далеко увлекающіе- ся патріоты Италіи разумѣютъ подъ этимъ лозунгомъ ту часть Италіи которая „про- должаетъ томиться подъ игомъ Австріи,“ то-есть южный Тироль и Истрію. Италіанцы убѣждены что эти страны не могутъ не быть возвращены Италіи ея исконнымъ врагомъ и вѣковымъ притѣснителемъ, къ которому ненависть отнюдь не уменьшилась со времени Лиссы и Кустоццы. Подобно тому какъ князь Бисмаркъ сумѣлъ уста- новить „близкія“ отношенія между Австріей и Россіей и заставилъ весь міръ вѣровать въ существованіе Тройнаго Союза, оказав- шагося химерой, точно также и Италія чрезъ посредство Германіи „сблизилась“ съ Австріей, и въ теченіе послѣднихъ вось- ми лѣтъ какъ бы примирилась съ положе- ніемъ созданнымъ для нея послѣ войны 1866 года. Но Берлинскій трактатъ измѣ- нилъ все это; онъ расплавилъ кажущіяся твердыни прежнихъ международныхъ груп- пировокъ и сочетаній, и теперь снова все подлежитъ вопросу.

Италія не могла не вострепнуться при вѣсти о томъ что Австріи предоставлено завладѣть двумя прекрасными провинціями на Балканскомъ полуостровѣ, округляю- щими ту узкую полосу которою она вла- дѣетъ на восточномъ берегу Адріатики. Присоединеніе Спизцы и своеобразныя пре- имущества выговоренныя для Австріи от- носительно гавани Антивари дали почув- ствовать Италіанцамъ что они были слиш- комъ усыплены миролюбивыми увѣщаніями „честнаго маклера,“ а то что Австрія со- вершаетъ захватъ не столько изъ своихъ видовъ, а во исполненіе программы настой- чиво навязанной ей изъ Берлина, должно было еще глубже взволновать обществен- ное мнѣніе въ Италіи и поднять дремавшія во глубинѣ его вѣковыя антипатіи.

Въ то же время на Италію обрушился другой, еще болѣе ошеломляющій ударъ.

Вѣсть объ англо-турецкой конвенціи 4 іюня заставила очнуться самыхъ довѣрчивыхъ изъ италіянскихъ политиковъ. Англія безъ церемоніи захватила себѣ островъ Кипръ, это древнее достояніе королей Сардиніи, наслѣдовавшихъ со временъ Крестовыхъ походовъ титулъ „короля Іерусалимскаго и Кипрскаго.“ Вытѣсняемая съ Адриатическаго моря и окруженная желѣзнымъ кольцомъ англійскихъ морскихъ станцій въ Средиземномъ Морѣ, Италія не можетъ не взирать съ великимъ отчаяніемъ на свое историческое будущее. Вотъ почему нельзя не признать что движеніе теперь въ ней происходящее не есть что-либо искусственное, вызванное лишь внутреннею борьбой партій. Нѣтъ, въ немъ слышится крикъ народнаго чувства. Мрачное настроеніе овладѣвшее Италіянами возрастаетъ въ виду неподготовленности Италіи предпринять немедленно что-либо дабы предотвратить грозящую опасность. Сверженіе теперешняго кабинета мало помогло бы горю. Всякому понятно что не Каироли и не Корти виновны во всемъ этомъ, что они лишь случайно обречены были вынести на себѣ обрушившійся ударъ, и что г. Мингетти не сумѣетъ въ чемъ-либо облегчить положеніе въ которомъ очутилась Италія. Если-бы живъ былъ Кавуръ, онъ можетъ-быть сумѣлъ бы направить политику Италіи на новые пути. Но Италія (и одна ли Италія!) не можетъ теперь похвалиться государственными людьми; достойнаго преемника Кавуру не предвидится...

Замѣчательно какъ отнеслась французская печать къ италіянскому движенію. На первыхъ порахъ, во Франціи были поражены англійскимъ захватомъ не менѣе чѣмъ въ Италіи. Но теперь уже замѣчается въ этомъ отношеніи значительный поворотъ. Лордъ Беконсфильдъ счелъ нужнымъ въ своей рѣчи, произнесенной въ палатѣ лордовъ въ защиту Берлинскаго трактата, успокоить тревогу порожденную во Франціи. То что онъ сказалъ было весьма неопредѣленно и отнюдь недостаточно чтобы дѣйствительно успокоить французскія опасенія насчетъ будущей судьбы Средиземнаго Моря. Тѣмъ не менѣе, руководящіе органы французской печати, *Journal des Débats* и *République Française*, уже пзмѣнили тонъ и спѣшатъ расшаркаться предъ англійскимъ премьеромъ. Италіи же эти газеты совѣтуютъ нынѣ „успокоиться,“

и оставить „мечтанія о тѣснѣйшемъ союзѣ съ Германіей и Россіей.“

Съ этимъ послѣднимъ совѣтомъ гармонируетъ мнѣніе высказанное г. Гамбеттой корреспонденту *Times*: эксъ-диктаторъ, управляющій нынѣ господствующею партіей во Франціи, глубокомысленно одобряетъ Берлинскій трактатъ на томъ основаніи что считаетъ его „направленнымъ къ тому чтобы расторгнуть Союзъ Трехъ Императоровъ, сдѣлать интересы Франціи тождественными съ интересами Англіи, и франко-русскую политику *больше* (?) невозможною.“

Что за безмыслица! И этотъ-то пустой болтунъ теперь оракуломъ для Французовъ!

№ 184.

Москва, 18-го іюля.

Австрійцы въ Босніи. На правомъ берегу славянской Савы рѣшетъ черножелтое австрійское знамя, торжественно водруженное эрцгерцогомъ при крикахъ ура командою имъ бригады. Эрцгерцогъ счелъ нужнымъ объ этой „торжественной сценѣ“ сообщить по телеграфу императору въ Вѣну, гдѣ повидимому вовсе не ждали что переправа черезъ Саву совершится столь благополучно, а, напротивъ, думали встрѣтить сопротивленіе со стороны населенія, далеко не расположеннаго встрѣтить грядущую во имя якобы „цивилизациі и гуманности“ австрійскую „побѣдоносную армию,“ заранѣе угрожающую разстрѣляніемъ всякому Сербу который осмѣлится оказать ей противодѣйствіе.

Не осмѣлились противодѣйствовать Турки, даже ихъ регулярныя войска, спокойно отступающія предъ австрійскимъ авангардомъ. По обычаю, Турки не упустили протестовать, хотя ихъ попытка, нѣсколько комичная, и не удалась. Предъ самымъ началомъ переправы авангарда, къ австрійскому военачальнику явился турецкій майоръ, прося принять какую-то бумагу. Послѣдовалъ отказъ. Турокъ положилъ-было бумагу на землю, но Австрійцы и этому воспротивились, и турецкій майоръ удался подобравъ принесенный имъ документъ. Затѣмъ послѣдовала переправа совершившаяся „въ полномъ порядкѣ“ и „безпрепятственно.“ „До сихъ поръ сопротивленія нѣтъ,“ говоритъ вѣнская телеграм-

ма, обнаруживая ясно что Австрійцы серьёзно ждуть сопротивленія той грозной девяностотысячной австрійской силѣ которая, „во имя цивилизаціи и гуманности,“ пришла, вопреки желаніямъ населенія, занять Боснію и Герцеговину. Ни Турки, ни Босняки, ни Герцеговинцы не вѣрятъ австрійскимъ обѣщаніямъ, также какъ не вѣрятъ имъ Сербія и Черногорія. Если австрійскія войска до сихъ поръ не встрѣтили еще сопротивленія, то это не доказываетъ еще что они не встрѣтятъ противодѣйствія. Въ Вѣнѣ хорошо ознакомлены съ положеніемъ дѣлъ и уже съ самаго начала принимаютъ всѣ мѣры чтобы въ зародышѣ подавить всякое новое волненіе, прочно занять и удержать занятое. Именно поэтому для мирнаго занятія двухъ сравнительно небольшихъ и слабо населенныхъ областей, изнуренныхъ трехлѣтними волненіями и выселеніемъ, назначены пять сильныхъ дивизій съ надлежащимъ числомъ кавалеріи и почти двумястами орудій. Но и этого не находятъ достаточнымъ въ Вѣнѣ. Еще на дняхъ, такъ сказать наканунѣ переправы, принята „исключительная“ мѣра: конные стрѣлки Далматскаго ландвера, кои по основнымъ законамъ могутъ быть употреблены лишь на службѣ внутри имперіи, „въ виду нужды оккупациі“ включены въ составъ оккупационнаго корпуса и подчинены непосредственно фельдцейхмейстеру Филипповичу. Весьма замѣчательно что Австрійцы вступили только въ Боснію, перешли Саву, тогда какъ отрядъ Іовановича назначенный занять Герцеговину со стороны Далматіи еще не переступилъ границу, хотя силы собранныя подъ командой Іовановича и весьма значительны и простираются до 20 тысячъ слишкомъ, если вѣрить австрійскому счету.

Не сознаютъ ли Австрійцы что Герцеговина не Боснія, что въ ея горахъ живетъ населеніе родственное Черногорцамъ, имъ преданное и разчитывающее на дѣятельную помощь Черногорскаго князя въ случаѣ нужды, тѣмъ скорѣе что Черногорцы не хотятъ помприться съ тою участью которую очевидно готовитъ имъ Австрія захвативъ Спиду, — пунктъ откуда всего легче можно ворваться въ эту неприступную страну. Герцеговинскіе главари недаромъ должно-быть около мѣсяца проживаютъ въ Цетинѣ. „Что вы думаете о вступленіи австрійскихъ войскъ въ Герцеговину?“ спросилъ ихъ, какъ говорятъ, князь

Николай. „Мы боролись за васъ и за нашу свободу,“ — единодушно отвѣчали главари, — „по первому вашему знаку мы и теперь готовы возобновить борьбу,“ чтобы завоевать себѣ ту свободу въ которой отказалъ имъ Берлинскій конгрессъ, не удостоившій даже выслушать желаній населенія Босніи и Герцеговины выраженныхъ въ особомъ меморандумѣ, которому со многими другими такими же документами рѣшено погибнуть въ „архивахъ“ Берлинскаго конгресса, или, точнѣе, въ архивѣ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

По правиламъ установленнымъ конгрессомъ, до свѣдѣнія его могли доходить лишь тѣ документы кои пожелаетъ положить на подковообразный столъ кто-либо изъ представителей державъ участвовавшихъ въ конгрессѣ. Боснійскаго меморандума представить было некому, хотя лордъ Беконсфильдъ при обсужденіи вопроса о допущеніи на конгрессъ уполномоченнаго Греціи и говорилъ что Славяне имѣютъ естественнаго представителя въ лицѣ русскихъ уполномоченныхъ. Но Россія высказалась въ пользу австрійской оккупациі.

Наученные опытомъ, Австрійцы дѣйствуютъ съ величайшею осторожностью. На почву Босніи вступилъ пока только ихъ авангардъ за которымъ лишь черезъ сутки двинется изъ Брода главная масса австрійскихъ войскъ, давъ пограничному населенію нѣсколько свыкнуться съ мыслью объ оккупациі и приглядѣться къ австрійскимъ мундирамъ. Авангардъ же долженъ распространить и ту знаменитую прокламацію которая возвѣщаетъ „народамъ Босніи и Герцеговины“ что австрійскія войска вступаютъ въ страну въ качествѣ „друзей,“ съ согласія Европы и самого султана. Можетъ-быть въ Вѣнѣ опасаются противодѣйствія и не съ фронта только, но съ тыла, со стороны, напрямѣръ, Триеста. Народное движеніе въ Италіи очевидно не на шутку беспокоитъ Австрійское правительство если императоръ рѣшился сказать что, „прежде нежели онъ уступитъ хоть одну пядь земли своей имперіи, онъ предпочтетъ гибель своей династіи.“

№ 185.

Москва, 19-го Іюля.

Вчера начались въ Германіи выборы въ имперскій Рейстагъ. Европейская публика ожидаетъ результата этихъ выборовъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Извѣстно что предыдущій Рейхстагъ, выбранный лишь въ прошедшемъ году, имѣлъ всего одну сессию и былъ распущенъ послѣ втораго покушенія на жизнь императора Вильгельма, причемъ официальнымъ поводомъ къ распущенію было выставлено то что большинство Рейхстага отвергло постановленіемъ отъ 30 мая законопроектъ о мѣрахъ противоудѣйствія социалистской пропагандѣ, внесенный правительствомъ тотчасъ послѣ перваго покушенія 11 мая.

Предлогъ былъ только предлогомъ, ибо большинство Рейхстага, то-есть національ-либералы, отвергли первый законопроектъ не вслѣдствіе существеннаго разногласія по этому предмету съ правительствомъ, а лишь потому что предложенная мѣра казалась имъ недостаточно выработанною и слишкомъ поспѣшною. Глава этой партіи, г. Бенигсенъ, уже тогда оговорился что національ-либералы готовы оказать всякое соудѣйствіе правительству если оно возьметъ назадъ свой законопроектъ и, сдѣлавъ въ немъ необходимыя дополненія редакціоннаго свойства, созоветъ потомъ Рейхстагъ въ чрезвычайную сессию. Послѣ же втораго покушенія національ-либералы изъявили сами горячее сочувствіе всѣмъ мѣрамъ, какія правительство сочло бы нужнымъ принять противъ зловерной пропаганды. Тѣмъ не менѣе распущеніе состоялось, и въ начавшейся вслѣдъ за тѣмъ избирательной агитаціи не замедлило обнаружиться что князь Бисмаркъ рѣшился порвать всякія связи со своими преданными союзниками, національ-либералами, и круто повернулъ въ сторону своихъ старыхъ друзей, феодаловъ и прусскихъ консервативовъ, которые въ послѣднее время не принадлежали къ числу его сторонниковъ и нерѣдко, при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики, доходили до открытой вражды противъ него.

Столь рѣзкая перемѣна тѣмъ поразительнѣе что еще очень недавно, въ концѣ прошедшаго года, національ-либералы были, какъ казалось, особенно близки къ

осуществленію своихъ давнихъ стремленій, такъ какъ рѣчь шла серьезно о томъ чтобы сформировать новое министерство преимущественно изъ среды этой партіи, и г. Бенигсенъ, долгое время гостившій у князя Бисмарка въ Фарцинѣ, заранѣе былъ провозглашенъ вице-канцлеромъ. Разногласіе между имъ и имперскимъ канцлеромъ возникло преимущественно по вопросамъ экономическимъ, имѣющимъ мало общаго съ политикой. Обѣ стороны однако настаивали на своемъ, и національ-либералы не мало кичились своею самостоятельностью по вопросу о „табачной монополіи“, на которой настаивалъ князь Бисмаркъ; они тѣмъ опровергали упреки въ заискиваньи у всемогущаго канцлера ради достиженія власти. Князь Бисмаркъ еще зимой сформировалъ новый кабинетъ изъ лицъ принадлежащихъ къ феодальной партіи. Но это еще не указывало на поворотъ въ его программѣ, такъ какъ онъ вообще противникъ парламентарной системы, при которой кабинетъ непременно представляетъ собою парламентское большинство. Националь-либералы могли надѣяться что они попрежнему будутъ главною опорой правительства въ его важнѣйшихъ начинаніяхъ, и что за ними останется значеніе партіи наиболѣе вліятельной и дающей тонъ законодательной работѣ по „довершенію зданія имперіи.“

Националь-либералы отвергнуты канцлеромъ по причинамъ конхъ они повидимому сами хорошенько не понимаютъ. Они сами уныло предсказывали что новые выборы значительно раздѣлятъ ихъ фалангу хотя не оставались въ бездѣйствіи и изготовились къ бою. Между прочимъ они вступили въ соглашеніе съ партіей прогрессистовъ для обоюдной поддержки кандидатовъ въ тѣхъ округахъ гдѣ либераламъ будетъ грозить серьезная опасность со стороны корсевативовъ. Результаты выборовъ, сообщаемые телеграфомъ, до сихъ поръ благоприятны для національ-либераловъ, и еще возможно что на выборахъ побить будетъ Бисмаркъ объявившій имъ войну. Предположивъ однако что либеральныя фракціи окажутся въ значительномъ меньшинствѣ, — что послѣдуетъ? Такъ какъ и консервативная партія распадается на двѣ большія группы, — прусскихъ феодаловъ, имѣющихъ своимъ органомъ *Крестовую Газету*, и такъ-называемыхъ „вольныхъ консервативовъ,“ — то очень вѣроятно что наиболѣе

лѣе компактною партіей въ новомъ Рейхстагѣ будетъ партія центра, то-есть ультрамонтаны, и что князю Бисмарку поневолѣ придется считаться съ ними и привлекать ихъ на свою сторону. А такъ какъ клерикалы и виду не показываютъ чтобъ они готовились смягчить свою строптивость и прекратить свое „пассивное противодѣйствіе“ майскимъ законамъ, то пожалуй можно ожидать что князь Бисмаркъ, вопреки своему горделивому отреченію, „пойдетъ въ Каноссу...“

Эта перемѣна во внутренней политикѣ князя Бисмарка еще замѣчательнѣе въ виду совпавшей съ нею общей перетасовки политическихъ отношеній и группировокъ въ международной политикѣ Европы благодаря Берлинскому трактату, который въ значительной мѣрѣ можетъ быть названъ дѣтищемъ того же князя Бисмарка. Берлинская печать, остающаяся ему преданною по вопросамъ иностранной политики, сама указываетъ на множество „черныхъ точекъ“ усеѣвшихъ горизонтъ вслѣдствіе этого инструмента мира. И вотъ въ это-то время руководитель германской политики какъ бы осложняетъ для себя задачу искусственно создавая внутреннюю распрю правительства съ сильною партіей. Но не кстати ли будетъ припомнить, и не послужить ли это припоминаніе комментариемъ къ загадкѣ, что и наканунѣ тѣхъ потрясающихъ событій коими князь Бисмаркъ подготовилъ единство и могущество Германіи, онъ точно также находился въ ожесточенной борьбѣ съ тою же партіей и какъ бы намѣренно раздражалъ эту борьбу и тѣмъ отвлекалъ всеобщее вниманіе отъ своихъ замысловъ?

Берлинскія газеты уже неоднократно, послѣ конгресса, говорили что Россія нынѣ преимущественно азіатская держава, что таковою она стала послѣ Берлинскаго трактата и неразрывно-связанной съ нимъ англо-турецкой конвенціи 4 іюня. Англія, по мнѣнію тѣхъ же газетъ, также стала азіатскою державой. Обѣ азіатскія державы рано или поздно должны де столкнуться между собою и заранѣе подготавливаться къ этому неизбѣжному столкновенію. А въ виду этого, правительства обѣихъ странъ будутъ де отнынѣ „преимущественно обращать вниманіе на организцію своихъ азіатскихъ интересовъ.“ Такъ предсказываетъ берлинская *Національная Газета*, добавляя къ этому еще слѣдую-

щее довольно знаменательное и характеристическое замѣчаніе: „въ Европѣ Россія „всегда встрѣтитъ противъ себя коалицію; она можетъ найти тамъ друга (?), „но никогда союзника въ борьбѣ за свои „интересы.“ А давно ли та же самая газета, купно съ прочими органами берлинской печати, превозносила на всѣ лады Тройной Союзъ, признавая его вершителемъ судебъ *Европы*?

Мы отнюдь не раздѣляемъ мнѣнія будто вся Европа питаетъ къ намъ какую-то совокупную вражду, которая превозмогаетъ всѣ частныя распри между державами. Но мы всегда будемъ изолированы если не будемъ имѣть прочныхъ союзовъ, основанныхъ на реальныхъ интересахъ. Мы не имѣемъ ни одного такого союза, и наши дружественныя отношенія къ Германіи, которой мы оказывали столько безкорыстныхъ услугъ, обнаруживаются во всей своей тщетѣ не имѣя реальной основы какую могла бы съ нашей стороны создать только чуткая національная политика. Единственною виной нашихъ нынѣшнихъ дипломатическихъ неудачъ были, безо всякаго сомнѣнія, эти наши платоническія отношенія къ Германіи. За наши услуги Германія платила намъ дружескими словами, но не находила никакого для себя интереса въ нашемъ успѣхѣ, и въ этомъ прежде всего были виноваты мы сами: мы не имѣли опредѣленной политической программы. Не Беконсфильдъ, не Андраши были виновниками нашихъ неудачъ; нашими уступками руководила политика германскаго канцлера...

№ 186.

Москва, 20-го Іюля.

А.

Дѣянія Берлинскаго конгресса продолжаютъ занимать европейскую публику. Англійскіе уполномоченные уже достаточно сами прославили себя, были воспрѣты хоромъ преданныхъ имъ органовъ и встрѣчены великими оваціями при триумфальномъ возвращеніи въ свою страну. Заслуги русскихъ дипломатовъ менѣе на виду, но имъ горячо отдають справедливость англійскіе министры. Только дипломаты австрійскіе были какъ будто забыты въ хорѣ ликова-

ній, а между тѣмъ Австрія уже торопится пожать плоды ихъ работы. Но вотъ парижскій корреспондентъ *Times*, бывшій во время конгресса въ Берлинѣ личнымъ свидѣтелемъ перипетій тамъ происходившихъ, посвящаетъ два столбца телеграфной корреспонденціи чтобы восхвалить дѣянія графа Андраши.

Цѣлью австрійской политики, какъ хорошо извѣстно, было присвоеніе Босніи и Герцеговины; но трудность заключалась въ способахъ какъ этого достигнуть къ общему удовольствію, и такъ еще чтобы заставить умолкнуть оппозицію у себя дома. Для этого австрійскіе уполномоченные мастерски воспользовались вопросомъ о Болгаріи.

Корреспондентъ доказываетъ что единственный по важности вопросъ, отъ коего зависѣло все остальное соглашеніе, былъ именно вопросъ о Болгаріи. Это правда. Россія могла бы безъ ущерба своему достоинству и интересамъ отказаться отъ всѣхъ прочихъ своихъ приобрѣтеній если бы въ этомъ вопросѣ она вполнѣ достигла предполагаемой цѣли. Россія имѣетъ въ немъ интересъ, предъ которымъ ничтожны всѣ оставшіяся за нею приобрѣтенія. Не для нихъ и начала Россія войну, а за „святое дѣло“ съ которымъ отождествлялась традиціонная цѣль русской политики, за освобожденіе родственнаго и единовѣрнаго ей племени. Это отлично понималъ и главный врагъ нашъ, Англія, предвидя какъ достиженіемъ этой цѣли должно было возвыситься значеніе Россіи. На уничтоженіе именно этого результата нашей войны и были направлены всѣ ея усилія. Мы видѣли что съ нашими приобрѣтеніями Англія легко помирилась, а изъ-за оставленія забалканской Болгаріи подъ властью султана она будто бы готова была на войну. Простой расчетъ убѣдить всякаго что если бы въ самомъ дѣлѣ Англія была готова къ войнѣ, то она попыталась бы тѣмъ же способомъ устрашенія заставить насъ отказаться и отъ Батума. А если намъ легко было отстоять на конгрессѣ занятый нами еще Батумъ, то тѣмъ сильнѣе было наше положеніе въ Европейской части Турціи, гдѣ наши войска стоятъ и теперь подъ стѣнами Константинополя. Торгуясь съ нами по всѣмъ пунктамъ, Англія болѣе всего заботилась уничтожить главную цѣль бывшей войны и закрѣпить лучшую часть Болгаріи болѣе чѣмъ прежде

подъ турецкимъ владычествомъ. Посмотримъ какую пользу сумѣла извлечь изъ этого Австрія.

Корреспондентъ *Times* повѣтствуетъ что какъ скоро выяснилась существенная важность Болгарскаго вопроса, между прочимъ уже потому что предсѣдатель поставилъ его на первой очереди, то прежде чѣмъ начались закулисные переговоры о Болгаріи, одинъ изъ австрійскихъ делегатовъ, баронъ Гаймерле, обратился 15 іюня къ одному англійскому конгрессному джентльмену, имя коего не называется, но который могъ дать отвѣтъ на вопросъ: есть ли хотя одинъ такой пунктъ по которому Англія готова сорвать конгрессъ? На это безъ колебанія былъ данъ отвѣтъ что по вопросу о разграниченіи Болгаріи Англія готова на войну. Свѣдѣніе это сказанный джентльменъ подтвердилъ и на слѣдующій день, „справившись у компетентныхъ лицъ.“ Узнавъ объ этомъ, графъ Андраши несказанно обрадовался увидя здѣсь вѣрное средство для достиженія своей цѣли. Объясняетъ это корреспондентъ слѣдующимъ образомъ: не имѣя увѣренности что Англія по какому-либо пункту готова сорвать конгрессъ, Австрія должна была бы совершенно переменить политику, ибо сама она не могла бы рѣшиться на такой же шагъ и рисковать войной съ Россіей „въ виду положенія части своего населенія и вліянія Германіи.“ Этотъ аргументъ особенно хорошъ. Мы знаемъ что Англія одна, сама по себѣ, ничего не могла бы сдѣлать безъ помощи Австріи, а между тѣмъ выходитъ что Австрія до самаго конгресса была неувѣрена въ Англіи. Итакъ, оба наши главные противника все ожидали рѣшительности другъ отъ друга. Какъ бы то ни было, сдѣлка состоялась. Графъ Андраши сразу (*at a glance*) увидѣлъ что его планы на Боснію и Герцеговину могутъ осуществиться на счетъ Болгаріи. Австрія рѣшительно стала поддерживать англійское требованіе ограничить Болгарію Балканами, а взамѣнъ того Англія не только согласилась водворить Австрію въ Босніи, но взялась сама предложить на конгрессѣ занятіе этой провинціи и такимъ образомъ доставить графу Андраши неотразимый доводъ для защиты своей политики отъ нападокъ въ австрійскихъ парламентахъ. Надо притомъ взять въ расчетъ что все это дѣлалось за дверями, что печатаемые протоколы конгресса

знакомить насъ съ представленіемъ комедіи сложенной заранѣе.

По верхъ ловкости графа Андраши заключался де еще не въ томъ. Чтобы получить Боснію и Герцеговину, ему нужно было общее согласіе. Поэтому де онъ и втерся въ частные переговоры между Англіей и Россіей о Болгаріи въ качествѣ „заинтересованнаго посредника,“ и когда Англія выторговала все для себя существенное, тогда обязательный графъ Андраши помогъ Россіи отстоять за Болгаріей по крайней мѣрѣ Софію, причемъ этотъ пунктъ былъ, конечно, лишенъ всякаго стратегическаго значенія оставленіемъ за Турціей Ихтиманскаго прохода, по указанію Мегемедъ-Али. Послѣ этой услуги, и Россія изъ признательности не могла де ничего возразить противъ занятія Австріей Босніи.

Дѣйствительно, хорошо разыграно, только все ли здѣсь разказано? Игра была еще сложнѣе. Впрочемъ и корреспондентъ умѣлъ оцѣнить проницательность князя Бисмарка, который поставилъ Болгарію первымъ очереднымъ вопросомъ. Что въ его рукахъ была вся игра и онъ могъ дать ей тотъ или другой оборотъ, это теперь общее впечатлѣніе по обнародованіи протоколовъ конгресса.

Б.

Движеніе въ пользу *Italia irredenta* („Италіи не освобожденной, Италіи еще не искупленной“) начинаетъ понемногу слабѣть въ Италіи, къ несказанной радости англійской печати и поющихъ съ ея голоса французскихъ газетъ, какъ *Journal des Débats*, приходящихъ къ заключенію что сказавшееся въ этомъ движеніи недовольство Италіи рѣшеніями Берлинскаго конгресса вовсе не раздѣляется массой Италіянскаго народа. Но никто, конечно, и не думалъ чтобы всѣ эти рѣчи и резолюціи митинговъ въ пользу *Italia irredenta* могли на самомъ дѣлѣ повести къ объявленію войны. Этого не было въ мысли и у самихъ устроителей митинговъ. Напротивъ, извѣстно что когда общее народное возбужденіе вызвало мысль о вербовкѣ волонтеровъ, то Менотти Гарибальди, въ предсѣдательствѣ коего собирався митингъ въ Римѣ, не одобрилъ этого плана, объявивъ что призывъ волонтеровъ вовсе не имѣется въ виду.

Точно также не совсѣмъ справедливо старались въ англійской печати набросить

тѣнь на это движеніе утверждая что въ немъ исключительно принимали участіе одни республиканцы, и что въ сущности оно было направлено противъ нынѣшняго Италіянскаго правительства и самой монархіи еще болѣе чѣмъ противъ Австріи. На митингахъ дѣйствительно ораторствовали многіе изъ крайнихъ. Это отчасти естественно на шумныхъ народныхъ сборищахъ, въ особенности въ Италіи. Но сколько можно было видѣть изъ газетныхъ извѣстій, при этомъ вовсе не было протестовъ противъ монархической формы правленія, да и нападки на министерство вовсе не были безусловны, и ограничивались только осужденіемъ италіянскаго представителя на конгрессѣ, графа Корти, за то что онъ не протестовалъ противъ захвата Босніи и не напомнилъ объ остающихся еще во власти Австріи италіянскихъ земляхъ. Всѣ эти митинги происходили въ полномъ порядкѣ, и правительствомъ не было принято противъ нихъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ; значитъ, оно не видѣло въ этомъ движеніи повода къ опасеніямъ.

Какое же значеніе имѣло все это движеніе? Слѣдуетъ ли смотрѣть на него какъ на случайную вспышку безъ послѣдствій? Нѣтъ, такой самопроизвольный, дружный и единодушный протестъ не могъ произойти безъ достаточной причины. Что-нибудь должно было сильно задѣть италіянское чувство чтобы разомъ во множествѣ городовъ поднялись эти одушевленные митинги съ выраженіемъ негодующаго протеста. Италіянцы самый демонстративный народъ въ свѣтѣ; у нихъ всегда вырывается наружу то что другіе умѣютъ таить въ душѣ. Мы видѣли что и во Франціи, какъ ни утратила ея печать политической смыслъ, прорвались было нѣсколько нотъ досады на хитро разчитанные и обморочившіе публику ходы Англіи и Австріи; но Французы, приниженные несчастіемъ и безсиіемъ, постарались поскорѣе затаить огорченіе. Въ Италіи же оно вылилось свободно. Когда Италіянцы увидѣли безцеремонное присвоеніе Австріей двухъ турецкихъ провинцій и порта Спиды, имъ естественно было вспомнить объ италіянскихъ земляхъ остающихся подъ властью Австріи. Не могутъ они радоваться и усиленію Англіи въ Средиземномъ Морѣ. На митингахъ въ пользу *Italia irredenta* раздавались крики и за Мальту. Мы видѣли также съ какою ѣдкой злобой изобличали Англію за за-

хватъ Кипра органы вовсе некрайніе, а напимѣръ и *Diritto*, газета имѣющая офиціозное значеніе.

Отсюда слѣдуетъ что въ этомъ движеніи несомнѣнно сказалось живое чувство Италіянскаго народа, и что его придется имѣть въ виду при будущихъ осложненіяхъ европейскихъ дѣлъ. Какія бы замѣшательства не возникли теперь на Востоцѣ, сочувствіе Италіи не будетъ на сторонѣ ни Австріи, ни Англіи. Можно, напротивъ, ожидать что она пожелаетъ воспользоваться ихъ затрудненіями.

Что это понимаетъ и англійская печать, явствуетъ изъ сарказмовъ, плохо скрывающихъ досаду, коими они осыпаютъ Италіянцевъ за ихъ повадку къ легкимъ приобѣтѣніямъ. Какъ къ лицу Англичанамъ обращаться къ другимъ съ такими укорами!

№ 187.

Москва, 21-го іюля.

А.

Англійскимъ министрамъ почти ежедневно приходится отвѣчать на разные запросы; но они никакъ не могутъ рѣшиться дать точное объясненіе своей политики, и все еще окружаютъ себя таинственнымъ сумракомъ. Въ палатѣ лордовъ 26 іюля, запросы сдѣланные правительству лордомъ Розбери повели къ преніямъ, которыя конечно остались безъ результата, но представляютъ интересъ по характеру объясненій данныхъ правительствомъ.

Лордъ Розбери требовалъ officialнаго сообщенія текста англо-русскаго меморандума: хотя никто не сомнѣвался въ подлинности текста обнародованнаго въ газетѣ *Globe*, но министры объявляли его „неполнымъ и слѣдовательно неточнымъ“, обѣщавъ дать при первой возможности полныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Онъ обратилъ вниманіе на обнародованную корреспонденцію 8 іюня, когда не только англо-русское соглашеніе состоялось, но и была уже подписана оставшаяся для всѣхъ тайной англо-турецкая конвенція. Маркизъ Солсбери писалъ въ инструкціи къ лорду Одо-Росселю, который назначенъ былъ третьимъ представителемъ Англіи на конгрессъ:

„Нѣтъ основанія полагать что Россія

охотно уступить въ вопросѣ о Батумѣ, Карсѣ или Ардаганѣ; и возможно что аргументы Англіи на конгрессѣ встрѣтятъ мало содѣйствія со стороны другихъ державъ и не въ состояніи будутъ поколебать рѣшимости Россіи въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, вы не должны вслѣдствіе этого воздерживаться отъ серьезныхъ настояній предъ другими державами и предъ Россіей на справедливости для нея воздержаться отъ присоединеній которыя не имѣютъ связи съ заявленными цѣлями войны и возбуждаютъ глубокое неудовольствіе населеній.“

Лордъ Розбери спрашивалъ зналъ ли лордъ Одо-Россель, получивъ эту инструкцію, о состоявшемся уже соглашеніи между Англіей и Россіей.

Наконецъ, оппонетъ указывалъ на несоотвѣтствіе заявленій и дѣйствій британскаго правительства. Оно требовало чтобы Санъ-Стефанскій трактатъ, какъ затрогивающій и измѣняющій трактаты 1856 года, былъ переданъ на разсмотрѣніе конгресса, объявляя что заключенный между Россіей и Турціей договоръ не можетъ имѣть силы безъ утвержденія и пересмотра другихъ державъ; а въ то же время оно само заключило съ Турціей договоръ чрезвычайной важности, который широко вторгается въ область трактатовъ 1856 года, „а не слышно было чтобъ Англія повергла эту конвенцію на одобреніе конгресса.“

Лордъ Солсбери отнесся съ высоты величія къ молодому лорду, отважившемуся потревожить его своимъ любопытствомъ. Онъ презрительно обличалъ его въ полномъ незнаніи дипломатическихъ обычаевъ, такъ какъ онъ воображаетъ де что можно обнародовать все что ему желательно знать, и не подозреваетъ что въ министерствѣ есть ящакъ съ документами „конфиденціальными“, которые не могутъ быть обнародованы безъ согласія другихъ державъ.

Но, такъ или иначе, надо было однако дать отвѣтъ.

Что касается англо-русскаго меморандума, — правительство, объяснялъ лордъ Солсбери, и въ верхней, и въ нижней палатѣ, на многократныя требованія, наотрѣзъ отказало officialно сообщить его. Въ то же время министръ продолжалъ настаивать что онъ совершенно вѣрно обозначилъ обнародованный въ газетахъ текстъ неточнымъ, такъ какъ этотъ меморандумъ

„не есть изолированный документъ,“ а былъ напротивъ, только „частью значительнаго обмѣна идей.“ Безъ сообщенія другихъ, поясняющихъ его, документовъ, нельзя де судить о немъ вполне точно; правительство спрашивало согласія другихъ державъ для сообщенія этихъ документовъ, но въ этомъ согласіи, по крайней мѣрѣ со стороны одной державы, было отказано. Лордъ Солсбери, какъ видно, очень скоро наметался въ дипломатическомъ искусствѣ морочить публику. Онъ хочетъ дать понять что, кромѣ англо-русскаго соглашенія, которое предполагалось хранить въ секретѣ, было еще какое-то секретнѣйшее соглашеніе, неизвѣстно съ кѣмъ, которымъ измѣнялось предыдущее. Благородный лордъ въ горячности не замѣтилъ какъ хорошо рекомендуетъ онъ англійскую манеру вести переговоры.

Помимо этого, онъ благоволилъ дать новое поясненіе переговоровъ которые происходили между Англіей и Россіей. Главное де несогласіе было въ вопросѣ о военной власти султана къ югу отъ Балканъ: Россія соглашалась сохранить верховную власть султана, Англія же соглашалась (!) на учрежденія которыя обезпечили бы населеніе отъ дурнаго управленія; но по сказанному пункту онѣ не могли уговориться, а потому, въ соглашеніи съ Русскимъ правительствомъ этотъ пунктъ и былъ „старательно и заботливо резервированъ для обсужденія;“ наконецъ, продолжаетъ лордъ Солсбери, „мы настояли на своемъ; обезпечили верховную власть султана надъ провинціей къ югу отъ Балканъ. Это было замкомъ свода, существенною частью нашей политики.“ Въ этомъ мы не сомнѣваемся; но представьте себѣ: у державы мнящей представлять собою интересы цивилизаціи нужно выторговывать согласіе на обезпеченіе населеній отъ дурнаго управленія, отъ расправы баши-бузуковъ! И что же! Англія настояла на своемъ, настояла на обезпеченіи власти султана къ югу отъ Балканъ, а христіане этой провинціи остались на дѣлѣ ничѣмъ не обезпеченными и отданы Туркамъ обратно...

Что же касается инструкцій лорду Одоросселю, то лордъ Солсбери объявилъ что англійскому послу въ Берлинѣ было уже въ то время вполне извѣстно англо-русское соглашеніе. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ предписывалось ему въ инструкціи возражать противъ русскихъ приобрѣтеній

въ Азіи? Лордъ Солсбери далъ своеобразное объясненіе цѣлей съ какими Англія отправилась на конгрессъ. Англія полагала де бесполезнымъ немедленное собраніе конгресса, ибо, при рѣшительномъ разногласіи, онъ привелъ бы только къ войнѣ. Для мирнаго же исхода Англійское правительство находило нужнымъ предварительно достигнуть соглашенія въ общихъ чертахъ. Но соглашеніе относилось де не къ тому какъ дѣйствовать на конгрессѣ, а лишь къ намѣреніямъ еслибы конгрессъ не уладилъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ пунктовъ. Отсюда слѣдуетъ что хотя Англія не намѣрена воевать изъ-за извѣстныхъ пунктовъ, но это не значило чтобъ Англія отказывалась всѣми мѣрами добиться отъ Россіи измѣненія ея мнѣній. „Смѣшно говорить,“ замѣтилъ онъ въ заключеніе, „будто мы предварительнымъ соглашеніемъ связали себѣ руки, когда доказано фактами что въ концѣ концовъ Россія сдалась на наши аргументы.“

Какъ это назидательно для Россіи!..

Б.

Ничто такъ не характеризуетъ двусмысленности и недоконченности рѣшеній постановленныхъ на Берлинскомъ конгрессѣ какъ завершающееся нынѣ съ его „высокаго разрѣшенія,“ австрійское занятіе Босніи и Герцеговины. Уже австрійскія знамена развѣваются по ту сторону Савы, и изъ Вѣны телеграфируютъ о каждомъ дальнѣйшемъ шагѣ по турецкой территоріи „доблестныхъ“ войскъ: словно рѣчь идетъ о великомъ военномъ успѣхѣ! А между тѣмъ и до сихъ поръ официально умалчивается подъ какимъ титуломъ совершается это занятіе. Прокламація съ которою командующій оккупационнымъ корпусомъ обратился къ жителямъ обѣихъ провинцій столь же двусмысленна какъ и постановленіе конгресса. Она начинается указаніемъ на смуты и бѣдствія коихъ страна была жертвой въ послѣдніе годы. Императоръ Австрійскій, сказано далѣе, не могъ равнодушно взирать на эти бѣдствія, кои „ваше правительство“ не было въ состояніи предотвратить. Императоръ обратилъ взоры державъ на это положеніе вещей, и „въ совѣтѣ народовъ“ было единогласно постановлено чтобъ „Австро-Венгрія возвратила вамъ спокойствіе и благосостояніе коихъ вы такъ

„долго были лишены. Его величество султанъ, одушевленный желаніемъ вашего „блага, согласился *въпритъ* васъ могучей „защитѣ своего друга императора и короля.“ Последнее увѣреніе не совсѣмъ согласно съ тѣмъ что мы читаемъ въ протоколахъ Берлинскаго конгресса. Изъ нихъ мы, напротивъ, узнаемъ, что представители „его величества султана“ всячески старались отдѣлаться отъ этого дружескаго содѣйствія Австріи для возстановленія спокойствія и благосостоянія въ двухъ турецкихъ провинціяхъ, и что князю Бисмарку пришлось по этому поводу прочесть турецкимъ уполномоченнымъ нотацію не совсѣмъ обычную въ дипломатическихъ со-вѣщаніяхъ независимыхъ державъ. Какъ бы то ни было, но приведенная выше фраза прокламаціи какъ бы указываетъ что Австро-Венгрія и теперь еще не рѣшила вопроса оставленнаго на конгрессѣ открытымъ, и какъ бы продолжаетъ признавать верховную власть султана надъ занятыми ею провинціями. Можно бы пожалуй предположить что переговоры которые вела Австрія съ Турціей по предмету занятія провинцій уже послѣ конгресса увѣнчались успѣхомъ, и что Австрія уступила настояніямъ Порты, требовавшей чтобъ оккупация совершилась *à titre de pacification*, съ сохраненіемъ ея верховныхъ правъ. Но вѣнскіе корреспонденты берлинскихъ газетъ спѣшатъ разсѣять это заблужденіе и увѣряютъ (а имъ вѣрить можно) что никакого соглашенія не состоялось, и что „конечная цѣль австрійской оккупации есть присоединеніе Босніи и Герцеговины къ монархіи Габсбурговъ.“ Къ чему же, спрашивается, эта комедія, и неужели графу Андраши такъ понравилась роль стыдливой дѣвицы нехотя принимающей „даръ любви“ что онъ и до сихъ поръ продолжаетъ ее разыгрывать? Зачѣмъ всѣ эти хитрости для того чтобы завладѣть соседними провинціями, когда можно было это сдѣлать просто? Австрія могла двинуть туда свои войска еще въ то время, когда Россія приступила къ военной демонстраціи противъ Турціи. Болѣе чѣмъ вѣроятно что такой шагъ со стороны Австріи предупредилъ бы самую войну, ибо Турція уже тогда убѣдилась бы въ томъ что не можетъ разчитывать на содѣйствіе Австріи къ сохраненію ея территоріальной неприкосновенности. А если бы Турція заупрямилась, то во всякомъ случаѣ парал-

лельное дѣйствіе Австріи и Россіи быстрое подвинуло бы дѣло къ развязкѣ и много крови было бы сбережено. Австрія приобрѣла бы провинціи на совершенно законномъ правѣ войны. Между тѣмъ какъ теперь никакія увѣренія ея мадьярскаго канцлера не могутъ загладить безправія теперешняго захвата части Турціи со стороны державы которая не только не воевала противъ нея, но адвокатствовала все время за нее во имя „международнаго права и трактатовъ.“ Хорошо бы еслибъ эта фальшь ограничивалась словами и недомолвками; но вотъ телеграфъ уже приноситъ намъ зловѣщія описанія новыхъ кровопролитій совершающихся въ Босніи и Герцеговинѣ...

Вѣнская печать между тѣмъ уже приступила къ рѣшенію вопроса о томъ къ какой половинѣ имперіи должны быть присоединены обѣ провинціи. Очень любопытны разсужденія по этому предмету *Новой Свободной Печати*. Органъ цислейтанскихъ централистовъ доказываетъ что Боснія и Герцеговина должны быть присоединены къ венгерской половинѣ монархіи, а не къ Цислейтаніи. И это вотъ по какимъ соображеніямъ: „Какой политической идеѣ,“ спрашиваетъ названная газета, „обязаны мы вообще приобрѣтеніемъ Босніи и Герцеговины? Если австрійской „политикѣ предназначено, согласно знаменитому изреченію Бисмарка, *перемѣститъ* „свой центръ тяжести на Востокъ, то „точкой опоры для этого должна послужить Венгрія, это стародавнее восточное „государство монархіи Габсбурговъ. Австрійскія земли монархіи имѣютъ исключительно европейскую фizioномію и „находятся вполнѣ въ сферѣ вліянія Запада, „къ коему онѣ принадлежатъ по исторіи, „преданіямъ, культурѣ, словомъ, по всему что составляетъ содержаніе народной „жизни; между ними и Востокомъ простирается долина Дуная, которая одна можетъ послужить исходною сферой восточной политики монархіи. *Перемѣститъ* „центръ тяжести на Востокъ значитъ „установитъ владычество Венгерской короны на юго-востокъ.“ Вѣнская газета не сомнѣвается что Мадьяры будутъ въ концѣ концовъ очень довольны этимъ приобрѣтеніемъ. „Развѣ Мадьяры не суть племя притязательное и властолюбивое?“ спрашиваетъ названная газета, и приходитъ къ тому заключенію что весь вопросъ за-

ключается лишь въ томъ какъ согласовать съ этимъ приращеніемъ земель Венгерской короны не давно состоявшееся соглашеніе обѣихъ половинъ имперіи по предмету взаимнаго сожителства и распредѣленія общихъ расходовъ. Имперія Габсбурговъ есть монархія существующая по контракту. Контрактъ недавно возобновленъ на цѣлыя десять лѣтъ. И вотъ не успѣли цѣною большихъ трудовъ возобновить контрактъ, а уже приходится передѣлывать его. Венгрія должна де принять на себя большую долю общихъ расходовъ сообразно съ приобретаемымъ ею барышемъ. Можно однако предвидѣть что взаимный барышъ отъ дѣлежа добычи будетъ уравниваться къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ, и что контрактъ будетъ благополучно передѣланъ. Но позволительно спросить что скажетъ о немъ сама добыча, то-есть населеніе Босніи и Герцеговины, „вѣренное, ради его собственнаго благополучія, его величествомъ султаномъ его величеству императору Австрійскому?“ Въмѣсто Турокъ ими будутъ управлять ихъ двоюродные братья, Мадыяры, и то что эти населенія сумѣли отстоять изъ своего національнаго достоинства вслѣдствіе политической неумѣлости сыновъ Ислама, имъ трудно будетъ спастись въ борьбѣ съ мадыарскою жадностью и ненасытнымъ политическимъ властолюбіемъ. Но одно несомнѣнно: доблестные бойцы Босніи и Герцеговины, столь упорно отстаивавшіе свои права на человеческое существованіе противъ турецкихъ башибузуковъ, не такъ-то легко подчинятся подготавливаемой для нихъ мадыарской ферулѣ.

И много еще воды утечетъ, а пожалуй и крови, прежде чѣмъ Австрія исполнитъ миссію „единодушно возложенную на нее цивилизованою Европой и успокоить“ эту злополучную землю...

№ 188.

Москва, 24-го іюля.

За преніями въ верхней палатѣ англійскаго парламента о результатахъ политики правительства на Востокъ послѣдовали пренія въ палатѣ общинъ. Но при настоящемъ взаимномъ положеніи партій, пренія эти не могли имѣть такого значенія какъ бывало въ старину. Критика оппозиціи

была не только безсильна, но и лишена той живости какою отличаются схватки бойцовъ равной силы и искусства. Въ настоящее время силы партій распредѣлены неравномѣрно; главные дѣятели правительства засѣдаютъ на скамьяхъ перовъ, а лучшія силы оппозиціи находятся въ палатѣ общинъ, гдѣ изъ министерской партіи некому вести споръ съ г. Гладстономъ. Съ другой стороны, это превосходство оппозиціи въ искусствѣ преній не ведетъ ни къ чему, разбиваясь о непоколебимую стѣну плотнаго большинства. Резолюція лорда Гартингтона, какъ извѣстилъ телеграфъ, была отвергнута большинствомъ 134 голосовъ. Эта цифра превышаетъ число консервативовъ; разчитывалось только на большинство 120. Такое большинство могло составить только потому что многіе изъ оппозиціи подали голоса съ правительствомъ и главнымъ образомъ ирландскіе члены, съ которыми министерство въ послѣднее время замѣтно кокетничало.

Тѣмъ не менѣе пренія были не лишены интереса, такъ какъ въ этой массѣ многословія встрѣчаются указанія къ разъясненію многого что остается еще темнымъ въ исторіи какъ Берлинскаго договора, такъ и англо-турецкой конвенціи. Прежде всего должно отмѣтить что въ тѣхъ пунктахъ гдѣ оппозиція нападала слабѣе тамъ и правительство защищалось успѣшнѣе. Результатами Берлинскаго конгресса оппозиція вообще была расположена удовольствоваться. Упрекали министерство, съ одной стороны, въ томъ что оно мало сдѣлало для Греціи, а съ другой, въ томъ что оно, по предварительному соглашенію съ Россіей, будто бы слишкомъ много уступило ей. По обоимъ этимъ пунктамъ, правительство съ торжествомъ приглашало сравнить Берлинскій трактатъ съ Санъ-Стефанскимъ. Но главныя нападки были направлены на секретно слаженную сдѣлку съ Турціей. Тутъ никакіе вызовы и запросы, никакія улики въ противорѣчіи, никакое раскрытіе опасностей не могли вызвать министровъ на опредѣленное объясненіе своихъ плановъ; они лишь повторяли избитыя общія мѣста, изъ чего слѣдуетъ заключить что либо сами они еще не уяснили себѣ дальнѣйшихъ послѣдствій своей политики, либо нѣчто еще остается затаеннымъ и не можетъ быть теперь раскрыто.

Впрочемъ, какъ ни увѣрено было пра-

вительство въ своемъ большинствѣ, оно не совсѣмъ спокойно ожидало преній. Это сказалося въ рѣчи премьера произнесенной наканунѣ ихъ открытія, на банкетѣ который въ честь его былъ устроенъ консервативною партіей. Рѣчь эта была какъ бы подготовленіемъ къ бою въ нижней палатѣ въ которомъ самъ лордъ Беконсфильдъ не могъ участвовать. Но несмотря на оваціи коихъ онъ былъ предметомъ, онъ обнаружилъ вовсе необычную ему нервность. Обыкновенно онъ обращаетъ мало вниманія на личныя нападки или рѣзкія выраженія противниковъ. На этотъ же разъ его вывело изъ себя употребленное за нѣсколько дней выраженіе г. Гладстона что „англо-турецкая сдѣлка была сумашедшею политикой“ (*insane policy*), и онъ за это обозвалъ своего противника „софистомъ-риторомъ, который, въ опьяненіи своего неистощимаго словоизверженія и одаренный эгоистическимъ воображеніемъ, способенъ во всякое время сыпать безконечныя и непослѣдовательныя аргументы чтобы злословить противника и для собственнаго прославленія.“ Поэтому поводу г. Гладстонъ обратился съ письмомъ къ премьеру въ которомъ просилъ его указать въ точности, при какихъ именно случаяхъ и какимъ образомъ онъ провинился въ чемъ тотъ его упрекаетъ.

Въ этой рѣчи лорда Беконсфильда были и другія интересныя черты. Въ ней нѣтъ недостатка свойственныхъ ему цвѣтистыхъ преувеличеній, въ родѣ того, напримѣръ, какъ онъ умилялся предъ кротостію и иными доблестями султана, который, по его словамъ, „не тиранъ, не развратникъ, не ханжа и не подкупенъ;“ или какъ онъ увѣрялъ что вынесъ изъ конгресса убѣжденіе что еслибъ и прежде Англія умѣла во время сказать рѣшительное слово, то не было бы ни Крымской, ни послѣдней войны. Онъ даже сожалѣлъ о насъ; онъ находилъ что Россія въ правѣ жаловаться на то что два раза была введена въ заблужденіе, и смиренно каялся въ своей винѣ предъ нею. Что же касается конвенціи съ Турціей,—„предположите,“ говорилъ онъ, „что мы вернулись бы съ „однимъ Берлинскимъ трактатомъ. Развѣ „насъ не спросили бы: какія же вы дали „гарантіи для европейскаго мира? Развѣ „намъ не сказали бы что все чего мы „достигли Берлинскимъ трактатомъ есть „миръ на короткое время, а затѣмъ по-

вторится то же что было теперь?“ *Ergo*, необходимо было дополненіе. Вотъ самая сильная критика Берлинскаго трактата: самъ авторъ его не вѣритъ въ его прочность. Но онъ не то что дополнилъ Берлинскій трактатъ, а предварилъ его, отпавившись на конгрессъ съ турецкою конвенціей въ карманѣ.

Что касается преній въ палатѣ общинъ, то весь интересъ ихъ исключительно сосредоточивается на рѣчи г. Гладстона. Онъ сильнѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ высказалъ доводы оппозиціи. Въ-стѣ съ другими либералами, онъ не особенно недоволенъ Берлинскимъ трактатомъ; но иронически поздравлялъ правительство съ тѣмъ что оно все-таки, какъ ни отвѣчивается, начало раздѣлъ Турціи. Но онъ одинъ поднималъ голосъ за несчастныя населенія возвращаемыя подъ власть Турокъ. „Что означаетъ,“ спрашивалъ онъ, „мѣстная автономія въ Восточной Румелии? Въ „этихъ словахъ есть растяжимость которая можетъ допустить возвратъ всѣхъ „прежнихъ злоупотребленій. Все это должно зависѣть отъ международной коммиссіи. Я не знаю кѣмъ эта коммиссія имѣетъ быть назначена. Я не знаю подъ чьимъ вліяніемъ она будетъ дѣйствовать, „и глубоко скорблю о неизвѣстности которая тяготѣетъ надъ этою и другими „частями заключеннаго соглашенія.“ Точно также и о предоставленіи Босніи въ пользу Австріи онъ отозвался: „Мы знаемъ изъ „исторіи что Австрія была противъ освобожденія Греціи, противъ единства Италіи противъ единства Германіи. Разъ въ своей „жизни Турокъ повидимому сдѣлалъ болѣе „щедрое предложеніе чѣмъ Австрія относительно Черногоріи; но британскіе уполномоченные поддерживали австрійское предложеніе противъ турецкаго.“ Вообще, какъ показалъ г. Гладстонъ на основаніи протоколовъ конгресса, британскіе уполномоченные постоянно стояли за ограниченіе и умаленіе свободы балканскихъ населеній.

Относительно англо-турецкой конвенціи самые сильные аргументы были также высказаны г. Гладстономъ. Онъ доказывалъ что этою секретною сдѣлкой Англія сама и притомъ вопіющимъ образомъ нарушила Парижскій трактатъ, ея же возведенный въ общее право. „Если вы можете это дѣлать,“ спрашивалъ онъ, „то можетъ ли „или не можетъ дѣлать то же Россія? Если „Порта въ правѣ отдать вамъ Кипръ, то

„въ правѣ ли она отдать Митилену Россіи? Если она въ правѣ сдѣлать одно и не въ правѣ сдѣлать другое, то покажите мнѣ на какомъ международномъ или юридическомъ основаніи полагаете вы разницу?“

Говорившій послѣ него министръ Кроссъ въ сущности только подтвердилъ его аргументъ, замѣтивъ что это вопросъ спорный и „можетъ-быть“ Порты могла бы и продать Кипръ еслибы захотѣла, вовсе не нарушая тѣмъ Парижскаго трактата. „Такъ какъ это должно быть примѣнимо одинаково ко всѣмъ, то слѣдуетъ что и Россія въ правѣ заключать съ Портой всякія сдѣлки и дѣлать у ней пріобрѣтенія.“

Другой членъ правительства, подсекретарь Боркъ, также проговорился, оправдывая секретное заключеніе сдѣлки. Какъ было не секретничать? „Вѣдь первымъ дѣломъ какъ только бы узнали что подписывается еще трактатъ въ Константинополѣ постарались бы отговорить султана. Весь вопросъ о подписаніи его зависѣлъ отъ немногихъ лицъ въ Константинополѣ, которыя легко могли убѣдить султана не утверждать трактата.“

№ 189.

Москва, 25-го іюля.

Выборы въ Германскій имперскій парламентъ дали результатъ повидимому соответствующій ожиданію князя Бисмарка. О результатѣ выборовъ прошедшаго вторника отзываются какъ о его побѣдѣ не только преданныя ему газеты, но и органы либеральной партіи. Изъ послѣднихъ, нѣкоторые идутъ даже далѣе въ меланхолическомъ обзорѣннѣи выборныхъ списковъ, и говорятъ что результаты выборовъ *превзошли* ожиданія правительства. И дѣйствительно, перетасовка партій и перемѣщеніе политическихъ силъ въ будущемъ Рейхстагѣ, на основаніи переданныхъ намъ вчера по телеграфу окончательныхъ результатовъ баллотировки, представляются столь значительными что имперское правительство можетъ признать себя вполне торжествующимъ надъ своими вчерашними друзьями, а теперешними противниками, національ-либералами. Князь Бисмаркъ стало-быть не даромъ утверждалъ много разъ въ Рейхстагѣ что либеральная пар-

тія сильна была не столько собственнымъ вліяніемъ сколько благодаря авторитету его имени. Это въ особенности подтверждается сравненіемъ цифръ послѣднихъ выборовъ съ предыдущими. Въ 1874 году; выборы были особенно благопріятны для либеральной партіи; она тогда получила насчетъ консервативовъ до 30 мѣстъ. Въ то время союзъ съ княземъ Бисмаркомъ былъ особенно крѣпокъ; она была его главною опорой въ „культурной борьбѣ“, ознаменованной знаменитыми майскими законами, то-есть мѣрами противъ ультрамонтанъ, утвержденными Рейхстагомъ въ маѣ 1873 и въ маѣ 1874 годовъ. Партія прусскихъ феодаловъ, или, какъ они себя теперь называютъ, нѣмецкихъ консервативовъ, была тогда въ открытой оппозиціи съ княземъ Бисмаркомъ. Въ 1874 году органъ этой партіи, *Крестовая Газета* обнародовала надѣлавшій много шума рядъ статей направленныхъ лично противъ князя Бисмарка, въ коихъ указывалось на его связи съ берлинскимъ банкиромъ Блейхрöderомъ, причемъ князь Бисмаркъ открыто обвинялся чуть не въ казнокрадствѣ.

Послѣдующее затѣмъ трехлѣтіе Рейхстага уже не отличалось столь полнымъ единодушіемъ между княземъ Бисмаркомъ и его союзниками изъ національ-либераловъ. Имперскій канцлеръ лишь изрѣдка появлялся въ Рейхстагѣ, проводя большую часть времени въ своихъ помѣстьяхъ, въ „хроническомъ отпуску“, который однако не мѣшалъ ему руководить изъ Фарцина всѣми важнѣйшими дѣлами внутренней и внѣшней политики. Тучки пробѣжавшія въ это время между княземъ Бисмаркомъ и его политическими союзниками уже за этотъ періодъ времени, сказались на выборахъ прошедшаго года. Особенно пострадала лѣвая фракція либеральной партіи, т.-е. прогрессистовъ; они потеряли около 20 мѣстъ и получили всего около 40. Но національ-либералы все еще располагали въ послѣднемъ Рейхстагѣ почтенною цифрой 127 голосовъ. Съ прогрессистами національ-либералы были въ открытой враждѣ на прошлогоднихъ выборахъ, такъ какъ прогрессисты упрекали ихъ за уступки сдѣланныя правительству по принятымъ въ концѣ 1876 года законамъ о судебной реформѣ. Князь Бисмаркъ неоднократно упрекалъ національ-либераловъ въ томъ что они недостаточно безпрекословно повинуются ему. Разрывъ между національ-

либералами и прогрессистами повидимому расположилъ князя Бисмарка въ пользу первыхъ, и онъ возымѣлъ мысль окончательно закрѣпить ихъ за собою предоставивъ имъ нѣсколько мѣстъ въ самомъ кабинетѣ. Но переговоры по этому поводу веденные въ концѣ прошедшаго года между княземъ Бисмаркомъ и вожакомъ національ-либераловъ не только не повели къ ожидаемому еще большому сближенію, а напротивъ сопровождалась разрывомъ который выступилъ съ особенною силой наружу послѣ покушеній на жизнь императора Вильгельма. Эти покушенія послужили предлогомъ къ распущенію Рейхстага и къ новымъ выборамъ.

И вотъ мы теперь видимъ что національ-либераловъ выбрано всего 81. Изъ 66 перевыборовъ, предстоящихъ черезъ три недѣли послѣ первой баллотировки, національ-либералы могутъ разчитывать, по мнѣнію ихъ собственныхъ органовъ, лишь на десятокъ мѣстъ, такъ что они потеряютъ около 30 голосовъ. Прогрессисты, съ коими національ-либералы вступили вновь въ „условный союзъ,“ пострадали сравнительно еще болѣе. По разчету либеральныхъ газетъ, они будутъ имѣть въ новомъ Рейхстагѣ не болѣе 25 мѣстъ. Перемѣна произшедшая вслѣдствіе этого такъ значительна что обѣ либеральныя фракціи вмѣстѣ съ вольными консервативами (партіей наиболѣе преданною правительству) уже не составятъ абсолютнаго большинства, тогда какъ прежде для этого достаточно было однихъ національ-либераловъ съ вольными консервативами.

Но, съ другой стороны, консервативы въ соединеніи съ феодалами, несмотря на свое теперешнее усиленіе, также не дадутъ большинства, и въ дѣйствительности наиболѣе выгодное положеніе заняла партія центра которая вышла изъ послѣднихъ выборовъ если не усилившеюся, то и не ослабѣвшею. Ультрамонтаны попрежнему будутъ располагать почти сотней голосовъ. Чтобы получить надежное большинство противъ либеральной партіи и мелкихъ оппозиціонныхъ фракцій (Поляковъ, Альзасъ-Лотарингцевъ и проч.), правительству по необходимости придется прибѣгать къ поддержкѣ центра, и стало-быть прекратить свою ожесточенную „культурную борьбу“ и установить какой-либо *modus vivendi* съ католическою іерархіей. Объ этомъ давно хлопочутъ приверженцы

Крестовой Газеты и приближенные придворныя сферы всегда тайно враждовавшія противъ „радикализма“ князя Бисмарка. Имперскій канцлеръ повидимому самъ находитъ теперь болѣе удобнымъ уступить въ этомъ отношеніи, и онъ уже вошелъ въ неофіціальныя пока переговоры съ папскою куріей чрезъ посредство нунція въ Баваріи, который, какъ извѣстилъ насъ телеграфъ, ѣздилъ съ этою цѣлью къ князю Бисмарку въ Киссингенъ.

Для социаль-демократовъ результатъ германскихъ выборовъ представляется на первый взглядъ весьма плачевнымъ. Изъ ихъ среды выбраны всего двое, и перебаллотировка едва ли доставитъ имъ хотя бы одно мѣсто, ибо тамъ гдѣ состязаніе будетъ предстоять между социаль-демократомъ и членомъ другой партіи, всѣ голоса остальныхъ партій будутъ отданы другому подлежащему перебаллотировкѣ кандидату.

Было бы, однако, слишкомъ поспѣшнымъ заключить изъ этого что социаль-демократы въ Германіи дѣйствительно ослабѣли отъ невзгодъ, ихъ постигшихъ, и отъ общественнаго негодованія возбужденнаго злодѣйскими покушеніями ихъ адептовъ. Если судить по Берлину, то число социалистовъ не только не уменьшилось, но значительно увеличилось. Социаль-демократы получившіе въ прошедшемъ году три мѣста въ Рейхстагѣ отъ избирателей Берлина, который посылаетъ ихъ шесть, въ этомъ году побиты въ двухъ берлинскихъ округахъ, а въ одномъ округѣ ихъ кандидату предстоитъ перевыборъ съ кандидатомъ прогрессистовъ. Но въ каждомъ округѣ число голосовъ поданныхъ за социаль-демократовъ весьма значительно и простирается на многія тысячи тамъ гдѣ генераль-фельдмаршалъ графъ Мольтке, выступившій кандидатомъ во 2 округѣ Берлина, получилъ лишь 142 голоса.

Въ берлинской *Post*, отъ 1 августа, находимъ слѣдующія статистическія цифры о численности социаль-демократовъ въ Берлинѣ обнаружившейся на выборахъ прошедшей недѣли: всѣхъ участвовавшихъ въ выборахъ было 157 154, и изъ нихъ на долю социаль-демократовъ приходится 55.241, между тѣмъ какъ въ 1877 году голоса социаль-демократовъ въ Берлинѣ простирались лишь до 31.494. И это несмотря на то что въ этомъ году избирательная агитація социалистовъ подверглась весьма чувствительнымъ стѣсненіямъ. Они

приумножили число избирательныхъ голосовъ за одинъ годъ на 24 тысячи! Цифры эти зловѣщи для политическаго настроенія столицы Германіи, такъ что надъ ними нельзя не призадуматься. *Post* замѣчаетъ что на основаніи приведенныхъ цифръ выходитъ что изъ каждаго четырехъ взрослыхъ мужчинъ въ Берлинѣ одинъ есть социаль-демократъ...

Если социаль-демократы, несмотря на такое по истинѣ ужасающее возрастаніе приверженцевъ своей пропаганды, все-таки не одержали верхъ на выборахъ въ Берлинѣ подобно прошедшему году, то это лишь благодаря тому что берлинское населеніе приняло участіе въ выборахъ въ небывалыхъ до того размѣрахъ. Всѣ имѣвшіе право голоса спѣшили къ избирательнымъ урнамъ. Процентъ равнодушныхъ воздержавшихся отъ подачи голоса, обыкновенно простирающійся до 50—60%, на этотъ разъ не превышалъ 30—40.

№ 190.

Москва, 26-го Іюля.

11 іюля 1877 года, близъ Кюстенджи, приспособленный къ военно-морской службѣ, желѣзный коммерческій пароходъ *Веста*, подъ командой капитанъ-лейтенанта Баранова, встрѣтился съ турецкимъ быстроходнымъ броненосцемъ *Фетхи-Булендъ*. Завязался бой длившійся пять часовъ и выказавшій въ полномъ блескѣ мужество нашихъ моряковъ. Давъ залпъ изъ носовыхъ орудій, *Веста* повернула противнику корму, гдѣ стояли страшныя для всякаго броненосца мортиры, и маневрируя повела *Фетхи-Булендъ* за собою, разчитывая „командовать ходомъ надъ противникомъ“. Турецкое судно оказалось однако лучшимъ нежели *Веста* ходкомъ, и стало нагонять русскій пароходъ. Турки уже близко, часть орудій *Весты* подбита, приходится думать объ абордажѣ, о минныхъ шестахъ, о миноносныхъ катерахъ. Въ это время раздается выстрѣлъ русской шести дюймовой мортиры, направленной въ Турокъ лейтенантомъ Рождественскимъ. Бомба попала удачно, „изъ палубы повалилъ густой дымъ или паръ“, броненосецъ началъ отставать и наконецъ поворотилъ назадъ, въ Сулину. Что было причиной тому, порча ли машины, „полный ли упадокъ духа экипажа къ кон-

„цу боя“, или наконецъ то и другое вмѣстѣ, это совершенно безразлично; важно было только что плохой ходокъ, едва приспособленный къ бою, безъ брони, могъ выдержать съ честью пятчасовой бой съ сильнымъ броненосцемъ, который не только не смогъ истребить жалкой посудины, но былъ вынужденъ къ отступленію. Было доказано что неброненосное судно, при выгодныхъ условіяхъ, искусномъ маневрированіи и высокомъ духѣ команды, можетъ долгое время спорить съ броненосцемъ и даже взять надъ нимъ верхъ. Когда кончился бой, командиръ *Весты*, собравъ офицеровъ, въ числѣ коихъ находился и лейтенантъ Рождественскій, продиктовалъ въ этомъ смыслѣ донесеніе высшему морскому начальству, пригласивъ своихъ подчиненныхъ принять участіе въ изложеніи и дѣлать замѣчанія объ обстоятельствахъ боя.

Съ этимъ донесеніемъ къ командиру Черноморскаго флота съ *Весты* былъ отправленъ лейтенантъ Рождественскій, а генераль-адъютантъ Аркасъ отправилъ его далѣе въ Петербургъ, гдѣ имъ были разказаны всѣ подробности дѣла, причемъ имъ же написана брошюра, которою, какъ и рапортомъ командира *Весты*, печать въ то время и воспользовалась.

Въ Черномъ Морѣ въ минувшую кампанію ходила не одна *Веста*: въ военно-морское вѣдомство было принято отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли еще нѣсколько оказавшихся годными судовъ. Суда эти исполняли въ точности всѣ возложенныя на нихъ порученія, достойно служили, какъ та же *Веста*, въ Сухумскую экспедицію сухопутному вѣдомству принесла ему большую пользу, безпокоили турецкія гавани и рейды у Сулина, у Батума, *Константинъ* взорвалъ въ Батумскомъ рейдѣ сторожевое судно, *Россія* взяла пароходъ *Мерсину* на коемъ находился слѣдовавшій изъ Азіи въ Европу цѣлый баталіонъ Турокъ. Присутствіе турецкихъ броненосцевъ въ морѣ не останавливало нашихъ крейсеровъ: они, напротивъ, сами искали броненосцевъ, которымъ приходилось принимать предосторожности что бы не быть взорванными миноноснымъ катеромъ спущеннымъ съ борта крейсера. Правда, эти нѣсколько взятыхъ у коммерческаго флота посудинъ не могли выгнать изъ Чернаго Моря турецкій броненосный флотъ или уничтожить его; не

могли онѣ прорваться и въ Мраморное Море, какъ пожалуй хотѣлось бы нѣкоторымъ. Никто и не думалъ чтобы можно было крейсерами замѣнить совершенно броненосцевъ или создать *весь* флотъ изъ однихъ только крейсеровъ. Каждый рангъ и типъ судовъ имѣетъ свое специальное назначеніе. Флотъ, какъ и сухопутная армія, составляется изъ различныхъ родовъ оружія.

Въ Черномъ Морѣ у насъ не было флота. Проливы были заперты турецкими пушками, и мы не могли воспрепятствовать появленію англійскихъ судовъ въ Мраморномъ Морѣ, не могли бы воспрепятствовать имъ проникнуть и въ Черное еслибъ они того пожелали; но вѣдь точно также мы не могли бы прогнать Англичанъ изъ Балтійскаго моря еслибъ они вздумали туда пожаловать. Морскую силу Англии, создавшуюся вѣками, не могла бы остановить та эскадра броненосцевъ которая плаваетъ въ нашемъ Финскомъ заливѣ.

Было бы, однако, совсѣмъ другое если бы на широкомъ раздольѣ океановъ у насъ имѣлся внушительный крейсерскій флотъ, способный угрожать англійской морской торговлѣ, въ которой заключается вся сила Англии. Она едва ли рѣшилась бы войти въ Проливы, опасаясь что этотъ дерзкій шагъ былъ бы принятъ за *casus belli*, и что въ отвѣтъ на то послѣдовалъ бы ударъ англійской торговлѣ, то-есть ущербъ тѣмъ интересамъ Англии въ огражденіе коихъ она ввела свой флотъ въ Мраморное Море, захватила Кипръ, уничтожила въ 1856 году нашъ Черноморскій флотъ. Въ то время когда борьба съ Англійей казалась неизбежною, возникла мысль о созданіи партизанскаго флота, и одни приготовленія къ тому заставили Англичанъ озаботиться укрѣпленіемъ своихъ береговъ.

Нашъ флотъ былъ и долго, конечно, будетъ слабѣе англійскаго. Какъ слабѣйшій онъ долженъ избѣгать большихъ морскихъ сраженій и держаться партизанской войны. Но нашу морскую силу можетъ и должна составлять флотилія крейсеровъ.

Есть однако противное мнѣніе. Оно господствовало предъ войной, оно притихло во время войны, такъ наглядно доказавшей крайнюю слабость нашихъ морскихъ силъ, и совсѣмъ смолкло когда потребовалось, въ виду явной необходимости, во что бы то ни стало создать крейсеровъ. Но теперь, когда подписанъ Берлинскій трактатъ, сторонники этого мнѣнія вновь

подняли голову. „Намъ нужны броненосцы, а потомъ уже крейсера,“ замѣчаетъ тотъ же г. Рождественскій, „слава флота... не въ однихъ набѣгахъ, результаты коихъ никогда не достигнуть рѣшающаго значенія историческихъ фактовъ.“ Только броненосная сила можетъ доставить намъ значеніе и „вліяніе на ближнемъ Востокѣ и утвердить распатанное Англійей значеніе на дальнемъ Востокѣ — въ Кипрѣ, въ Японіи... Не будетъ этой силы — насъ не только будутъ продолжать эксплуатировать на европейскихъ рынкахъ, но предъ нами закроются торговые пути на Востокъ.“

Сказано это очень громко, — но вѣрно ли? Еслибы въ морской войнѣ все дѣло рѣшалось только борьбой между военными судами, то намъ пришлось бы сооружать броненосный флотъ равносильный англійскому, а это легко сказать, но трудно исполнить. Но пока мы можемъ наносить вредъ морской торговлѣ противника не рискуя въ той же мѣрѣ сами, мы должны обладать флотомъ устроеннымъ не для линейныхъ битвъ, а для партизанскихъ дѣйствій, для крейсерства, — флотомъ который, будучи болѣе намъ по средствамъ, способенъ поддержать почтительное къ намъ отношеніе нашего противника. Это совершенно ясно; это такая же аксіома какъ и та что врага надо бить въ чувствительное мѣсто. „Чувствительное мѣсто“ морскихъ торгашей есть купеческій флотъ, и для того чтобы держать его въ страхѣ нѣтъ надобности строить броненосцы, тѣмъ болѣе что наши черноморскіе пароходики доказали что броненосцы не въ силахъ запереть ихъ неподвижно въ гаваняхъ или уничтожить при первомъ выстрѣлѣ.

Этотъ-то послѣдній фактъ, такъ много говорящій въ пользу пригодности и возможности устройства *легкаго* крейсерскаго флота, хотятъ лишить доказательности, и для этого потребовалось умалить значеніе подвиговъ *Весты* и другихъ черноморскихъ нашихъ крейсеровъ, сказать что *Веста* только „уходила предъ грозною силой“ броненосца и спаслась лишь благодаря случаю, что наши крейсера только „плотнѣе прижались къ береговымъ укрѣпленіямъ“ въ виду броненосца который какъ будто „издѣвался“ надъ ними.

Къ сожалѣнію все это мы прочли въ статьяхъ г. Рождественскаго, того самаго

который направилъ такъ удачно бомбу въ *Фетхи-Булендъ*, рѣшившую бой *Весты*. Г. Рождественскій говоритъ впрочемъ какъ бы мимоходомъ о боѣ *Весты*, опуская подробности въ которыхъ вся сила, и предпочитаетъ обвинять всю русскую печать въ сочиненіи рекламъ и въ извращеніи фактовъ. Печать судила на основаніи официальныхъ документовъ и его собственнаго свидѣтельства, изложеннаго имъ въ вышеупомянутой брошюрѣ. Мы и теперь болѣе вѣримъ г. Рождественскому писавшему тотчасъ послѣ боя, со свѣжею памятью о подробностяхъ этого дѣла, нежели тому же г. Рождественскому который пишетъ теперь желая доказать что намъ нужно бросить крейсера и возвратиться къ броненосцамъ, быть-можетъ къ поповкамъ.

Итакъ, пока факты удостовѣренные и засвидѣтельствованные не опровергнуты, подвига *Весты* нельзя умалить.

Иронія и реторика не могутъ поколебать фактовъ, изворотливая діалектика не въ силахъ замѣнить вывода основаннаго на фактахъ: въ теченіе всей послѣдней войны единственными судами служившими службу, и службу серіозною, были не броненосцы, не поповки, а крейсера заимствованные изъ коммерческаго флота.

№ 191.

Москва, 28-го іюля.

Принимая на себя, по порученію „Европы“, миссію цивилизовать Боснію и Герцеговину, которыя прежде всего желаютъ быть свободными и самостоятельными, Австрійское правительство позаботилось чтобы ни одинъ рѣзкій звукъ не нарушалъ гармоніи которою официальная печать сопровождаетъ занятія этихъ провинцій. Австрія какъ будто находится въ серіозной войнѣ: разрѣшены лишь официальные телеграммы, и не только иностраннымъ, но и корреспондентамъ австрійскихъ газетъ, какъ жалуются *Fremdenblatt* и *Wiener-Tagblatt*, не позволено сообщать извѣстій даже разрѣшенныхъ военною цензурою если они не совпадаютъ съ видами графа Андраши. Нѣтъ ничего удивительнаго если въ вѣнскихъ и берлинскихъ депешахъ мы постоянно читаемъ что боснійское населеніе всюду встрѣчаетъ австрійскія войска какъ спасителей и докладываетъ о своихъ

„вѣрнопопданнѣйшихъ“ чувствахъ къ Австрійскому императору. Вопіющихъ фактовъ, однако, не измѣнишь; поэтому и австрійскому официальному телеграфу пришлось сообщить кое-что показывающіе что занятіе идетъ не совсѣмъ гладко. Австрійскія войска не только страдаютъ отъ непривычной для нихъ тяжести похода въ странѣ совершенно разоренной тремя годами возстанія и анархіи, но и встрѣчаютъ вооруженное сопротивленіе. Телеграфъ на дняхъ извѣщалъ что посланный на рекогносцировку гусарскій эскадронъ лишился половины своихъ людей въ стычкѣ съ непріателемъ. О томъ кто этотъ непріатель, вѣнскій телеграфъ выражается очень смутно. Онъ называетъ его то Туркамъ, то „инсургентами.“ Сегодняшняя телеграмма сообщаетъ уже не о стычкѣ, а о дѣлѣ цѣлой дивизіи, дѣлѣ кровопролитномъ, продолжавшемся девять часовъ. Массы собранныя инсургентами и встрѣтившія Австрійцевъ были не сотни людей, а десятки тысячъ, если вѣрно что инсургенты числомъ превосходили 7-ю австрійскую дивизію, состоящую изъ тринадцати баталіоновъ.

Съ одной стороны, благоразуміе предписываетъ Австрійцамъ дѣйствовать медленно. Вѣнскія газеты указываютъ на то что болѣзненность русскихъ войскъ въ Болгаріи зависѣла не отъ климата и трудовъ похода, а преимущественно отъ недостатковъ питанія и вообще дурнаго устройства интендантской и транспортной части, и выводятъ отсюда заключеніе что и Австрійцамъ, которымъ приходится везти все съ собою, слѣдуетъ дѣйствовать осмотрительно. Но, съ другой стороны, австрійскія войска должны торопиться чтобы въ главныхъ центрахъ занимаемой земли не успѣло созрѣть и организоваться вооруженное сопротивленіе. Въ столицу Герцеговины, Мостаръ, несмотря на бывшее тамъ движеніе, причемъ турецкія войска братались съ народомъ, Австрійцы, повидимому, поспѣли вовремя. Телеграммы сообщаютъ что австрійскія войска вступили въ Мостаръ безъ сопротивленія и были даже „радостно привѣтствованы.“ Но въ столицѣ Босніи, Сараевѣ, куда Австрійцамъ не придти ранѣе двухъ недѣль, сопротивленіе, повидимому, успѣетъ организоваться. Телеграммы говорятъ что Австрійцы здѣсь встрѣчаются съ „инсургентами“ на „позиціяхъ“, и въ довольно зна-

чительныхъ количествахъ. Такъ при Краснѣ число ихъ опредѣляется въ 1.500 чело-
вѣкъ. Въ самомъ Сараевѣ населеніе взвол-
новано и имѣетъ энергическаго предводи-
теля въ лицѣ Хаджи-Лойя. Власти изъ
Сараева бѣжали, и примѣру ихъ долженъ
былъ послѣдовать австрійскій генераль-
ный консулъ, несмотря на то что онъ предъ
тѣмъ раздавалъ пригоршнями *крейцеры*
городскому населенію,—мечтая этимъ под-
купить его. При слухѣ о приближеніи ав-
стрійскихъ войскъ, „населеніе города,“
доноситъ великому визирю вождь инсур-
гентовъ Хаджи Лойя, „пришло въ край-
„нее волненіе и всею массою направилось
„къ конаку губернатора требуя оружія,
„пушекъ и снарядовъ и выражая намѣре-
„ніе силою воспротивиться вторженію чуже-
„земцевъ. Когда губернаторъ отказался
„исполнить волю народа, все населеніе го-
„рода объявило его низложеннымъ и изгнан-
„нымъ изъ предѣловъ имперіи. Султан-
„скія войска, расположенныя въ Сараевѣ
„и окрестностяхъ, побратались съ наро-
„домъ и тутъ же, единогласно, по при-
„говору народа и войска, я былъ избранъ
„генераль-губернаторомъ со всѣми права-
„ми военной и гражданской власти и не-
„медленно вступилъ въ отправленіе сво-
„ихъ обязанностей. Первымъ распоряже-
„ніемъ моимъ былъ приказъ о выдачѣ на-
„роду всего оружія которымъ я распола-
„галъ. Такимъ образомъ, вооруженные на-
„сколько возможно, мы выступаемъ на-
„встрѣчу австрійскому войску вторгшему-
„ся въ предѣлы имперіи.“ Хаджи-Лойя,
очевидно, увѣренъ что поступокъ его бу-
детъ одобренъ въ Константинополѣ.

Всего этого нельзя было не ожидать.
Но австрійскія газеты, наторѣвшія во лжи,
прибѣгаютъ ко лжи и стараются распро-
странить мнѣніе что сараевскіе происше-
ствія суть дѣло сербскихъ и панславист-
скихъ интригъ, поощряемыхъ въ этомъ
случаѣ Портой. Вѣдная Москва вѣроят-
но и не подозреваетъ что она и здѣсь
оказывается виноватою. Изъ Москвы, ви-
дите ли, былъ данъ *mot d'ordre*, и серб-
скій генераль Алимичъ нарочно де ѣздилъ
въ Сараево, разыскалъ „разбойника“ Хад-
жи-Лойю и заключилъ съ нимъ союзъ на
жизнь и смерть. Чтобы дойти до Герку-
лесовыхъ столповъ нелѣпости, австрійская
офиціозная печать затянула еще и другую
ноту. Люди состоятельные въ тѣхъ мѣ-
стахъ куда пришли австрійскія войска всю-

ду де-встрѣчали ихъ съ радостію, а отсю-
да логическій выводъ—что возстаніе въ
Сараевѣ имѣетъ *коммунистическій* харак-
теръ. Это де бунтующая голодная чернь,
и ея волненія еще болѣе оправдываютъ
австрійское занятіе. А дѣло-то только въ
томъ что Австрійцы являются сюда не-
прошенныя, а потому ихъ и принимаютъ
какъ непрошенныхъ гостей. Государствен-
ные мужи въ Берлинѣ могли распорядить-
ся по своему изволенію, но сила вещей
сильнѣе ихъ распоряженій.

Въ телеграммѣ изъ Берлина читаемъ
что „вслѣдствіе новыхъ замѣшательствъ
угрожающихъ спокойствію на востокѣ Ев-
ропы, Германскій императоръ скоро вер-
нется изъ Теплица въ свою столицу.“ Вотъ
миръ созданный въ Берлинѣ искусствомъ
„честнаго маклера....“

№ 192.

Москва, 29-го іюля.

А.

Телеграфныя извѣстія о томъ что отно-
шенія между Портой и Австро-Венгріей
становятся все болѣе и болѣе натянуты-
ми находятъ себѣ подтвержденіе и объ-
ясненіе въ вѣнскихъ корреспонденціяхъ
берлинскихъ газетъ. Эти корреспонденціи
идутъ обыкновенно изъ весьма свѣдущихъ
источниковъ, и по ихъ тону и содержанію
всегда можно судить о томъ что готовится
въ нѣдрахъ Австро-Венгерскаго прави-
тельства, что впрочемъ не мѣшаетъ этимъ
сообщеніямъ изъ Вѣны въ Берлинъ оста-
ваться всегда вѣрными берлинскому ка-
мертону

Вѣнскій корреспондентъ *Національной Газеты*, въ письмѣ своемъ отъ 1 августа,
уже очень мало вѣритъ въ то чтобы за-
мѣшательства сопровождающія „мирное“
вступленіе австро-венгерскихъ войскъ въ
Боснію и Герцеговину обошлись безъ от-
крытаго разрыва съ Портой. Онъ обли-
чаетъ Порту въ томъ что она „играетъ
въ фальшивую и опасную игру съ Ав-
стріей.“ Въ Вѣнѣ убѣдились де теперь,
съ полною достовѣрностью, что Оттоман-
ское правительство для того только и за-
тѣяло препирательство по поводу толко-
ванія истиннаго смысла постановленій Бер-
линскаго трактата относящихся до Босніи

и Герцеговины, дабы выиграть время и подготовить ту агитацию которая нынѣ выступила въ занятыхъ провинціяхъ подъ видомъ мусульманскаго движенія, направленнаго будто бы противъ самого Константинопольскаго правительства. Никто де не сомнѣвается что во всемъ этомъ дѣятельно участвуетъ сама Порта. Она потеряла всякую надежду на то что Европа поможетъ ей выпутаться изъ жалкаго положенія. И вотъ она прибѣгаетъ де къ своему любимому приему и надѣется утомить Вѣнскій кабинетъ безконечными переговорами съ одной стороны, и мѣстными смутами съ другой, а тѣмъ временемъ выторговать для себя что-нибудь относительно возможности сохранить, хотя бы только въ теоріи и для отдаленнаго будущаго, свои верховныя права надъ занимаемыми Австріей провинціями. Но вся эта игра, вполне нынѣ раскрытая, можетъ, по словамъ корреспондента, повести лишь къ тому что настанетъ радикальная перемѣна въ существовавшихъ до сихъ поръ отношеніяхъ между Вѣной и Константинополемъ. Турція всячески старается подъ рукою разжечь возстаніе противъ устанавливаемой въ Босніи и Герцеговинѣ власти Австріи, опасаясь официальной войны съ послѣднею. Порта тѣмъ усерднѣе ведетъ де противъ нея войну офиціозную, и руководитъ искусственно вызваннымъ „народнымъ“ движеніемъ. Но Австрійское правительство, которое, конечно, сумѣетъ, съ помощью пушекъ Ухаціуса, обуздать это движеніе, должно де обратить вниманіе на истиннаго виновника этихъ смутъ. Австрія не можетъ де быть довольна побѣдой надъ офиціознымъ противникомъ и легко можетъ быть что она рѣшится вызвать Турцію на открытый бой.

И такъ, мы находимся, быть-можетъ, наканунѣ войны между Турціей и Австро-Венгріей, тою самою Австро-Венгріей которая такъ отстаивала „оттоманскую неприкосновенность и независимость“, и которая самый подарокъ поднесенный ей Европой насчетъ Турціи приняла лишь въ видахъ упроченія безопасности турецкаго владычества отъ посягательствъ панславизма! Это было бы великою ироніей исторической судьбы, но ироніей вполне заслуженною.

Въ Берлинѣ, повидимому, отнюдь не смущаются такою неожиданною развязкой. Вѣрная разъ принятой программѣ „толканія Австріи на Востокъ“, тамошняя пе-

чать всячески подзадориваетъ вѣнскихъ политиковъ, и доказывая имъ что Австрія должна позаботиться о сохраненіи своего достоинства великой державы, уговариваетъ ихъ настойчиво идти по разъ выбранному пути и не останавливаться предъ „мелочными и недостойными великой державы“ соображеніями о чрезмѣрныхъ денежныхъ затратахъ. Австріи необходимо де дѣйствовать энергически и разъ навсегда устранить всякія сомнѣнія насчетъ истиннаго смысла сдѣланнаго ею на Балканскомъ полуостровѣ приобрѣтенія. А въ чемъ именно заключается этотъ „истинный смыслъ?“ На это *Національная Газета* отвѣчаетъ съ откровенностью которую мы не привыкли встрѣчать въ берлинской печати. Вся будущность Австріи характеризуется де приближающею борьбой ея съ универсальнымъ наслѣдникомъ Востока, Россіей, а приобрѣтеніе Босніи и Герцеговины знаменуетъ де собою заранѣе одержанную надъ Россіей побѣду, такъ какъ Австрія завладѣла выгодною позиціей для этой грядущей борьбы. Поэтому-то никакія усилія, никакія денежные и иные жертвы, не могутъ быть слишкомъ дороги, и Австрія должна какою бы то ни было цѣной довершить начатое дѣло.

Съ особеннымъ удовольствіемъ берлинская печать отмѣчаетъ перемѣну происшедшую въ положеніи венгерской печати относительно занятія турецкихъ провинцій австрійскими войсками. Давно ли вліятельнѣйшіе органы этой печати обвиняли графа Андраши въ измѣнѣ своему венгерскому отечеству за то что онъ былъ главнымъ виновникомъ приумноженія славянскаго элемента въ монархіи Габсбурговъ? Теперь *Пештскій Ллойдъ* проповѣдуетъ совсѣмъ иное. Газета эта утверждаетъ что „ничто такъ не противно истинѣ какъ мысль будто Австріи всего опаснѣе усиливать славянскій элементъ внутри имперіи присоединеніемъ новыхъ славянскихъ земель.“ Мадыарскій органъ, напротивъ, того мнѣнія что ничто такъ не можетъ способствовать искорененію панславистской идеи какъ подчиненіе Австріи вѣкъ ея находящихся славянскихъ племенъ, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ чтобы сохранена была въ полной неприкосновенности система дуализма. Берлинская газета, повидимому, вполне согласна съ этою точкой зрѣнія. И она полагаетъ что Австрія, т.-е. элементы мадыарскій и нѣмецкій, которые од-

ни пользуются въ ней политической полноправностью, можетъ безъ риска допустить у себя новое приращеніе славянскаго племени, лишь бы только не была оставлена система изобрѣтенная для того чтобы „прижать славянъ къ стѣнѣ.“ На этомъ основаніи берлинская газета сомнительно покачиваетъ головой по поводу двухъ фактовъ: генераль Филипповичъ командующій австрійскою оккупационною арміею общалъ депутаціи изъ Босняковъ что въ скоромъ времени въ Сараевѣ будетъ созвано Боснійское представительное собраніе. Этого, по мнѣнію названной газеты, совсѣмъ не нужно, и генераль Филипповичъ въ этомъ случаѣ увлекся своими славянскими симпатіями. Не нравится затѣмъ берлинской газетѣ что послѣдній принцъ Рудольфъ, посѣтившій на дняхъ Прагу, произнесъ тамъ рѣчь на чешскомъ языкѣ, которая отличалась большою любезностью къ Чехамъ. Это внушаетъ опасенія насчетъ прочности системы дуализма...

Б.

Теперь уже можно составить себѣ довольно ясное представленіе о планѣ движенія австрійскихъ войскъ въ Боснію, о тѣхъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ которымъ встрѣтились.

29 іюля, утромъ, авангарды австрійскихъ войскъ вступили въ двухъ пунктахъ на почву Босніи. У Брода переправился авангардъ 13-го корпуса, *) у Градишка авангардъ 7-й дивизіи герцога Виртембергскаго. За авангардами на другой день послѣдовали главные силы. Тринадцатый корпусъ направленъ долиною Босны, причемъ 6-я дивизія генерала Тегетгофа пущена на Дервентъ, а 20-я, генерала Шапари, переправясь 31 іюля черезъ Саву близъ впаденія Босны, пошла непосредственно долиной этой послѣдней. Ни при переправѣ, ни въ первое время послѣ оной, Австрійцы не встрѣтили сопротивленія и, повидному, были расположены думать что движеніе ихъ совершится благополучнѣе нежели первоначально ожидали. Только этимъ объясняется то обстоятельство что *одинъ* гусарскій эскадронъ былъ отправленъ на рекогносцировку далеко впередъ и двигался безъ осо-

быхъ предосторожностей. 1 августа, когда гусары заплатились у Жепче и Маглая за свою оплошность и довѣріе къ „дружелюбію“ жителей, главные силы были впереди Дервента, авангардъ стоялъ еще далеко отъ Маглая. Такимъ образомъ оказывается что рекогносцировочный эскадронъ ушелъ на 50 верстъ впередъ, не осматривъ даже хорошенько тѣхъ селеній черезъ кои проходилъ, и гдѣ скрывались, какъ въ Маглаѣ, вооруженные инсургенты. Случай заставилъ австрійское начальство быть осторожнѣе, и мы видимъ что къ 5 августа 13-й корпусъ дошелъ только до Маглая, гдѣ все это время держались отряды инсургентовъ, съ которыми вновь пришлось имѣть дѣло австрійскимъ войскамъ, громя своего противника артиллеріей. Отъ Маглая до Брода около 60 верстъ; слѣдовательно главные силы (13-й корпусъ) дѣлали ежедневно не болѣе 10 верстъ.

Причиной медленности марша была въ значительной мѣрѣ необходимость собрать свѣдѣнія объ инсургентахъ и о дорогахъ въ краѣ, но сверхъ того погода въ эти дни особенно не благопріятствовала движенію. Дивизія Тегетгофа (6-я) на пути къ Дервенту, по словамъ спеціальнаго корреспондента *Presse*, вынесла неимоверныя лишенія: она шла цѣлый день по нестерпимой жарѣ, безъ воды. Люди падали на дорогѣ массами. Вечеромъ, въ 6 часовъ, войска стали наконецъ бивакомъ и собирались уже готовить пищу, какъ вдругъ страшный ливень залилъ всѣ огни. „Послѣдствія этого ливня громадны: всѣ мостики на дорогѣ снесены водою,“ что особенно непріятно, такъ какъ Австрійцы ведутъ за собою чрезвычайно большой обозъ, не имѣя возможности разчитывать на средства разореннаго края.

Положеніе 7-й дивизіи принца Виртембергскаго, дѣйствующей отдѣльно, повидному, не многимъ лучше, такъ какъ къ 7 августа (въ восемь дней) она прошла около 100 верстъ до Яйце, около котораго и выдержала кровопролитный девятичасовой бой съ превосходными силами инсургентовъ.

Наименьшія препятствія встрѣтила отдѣльная колонна Іовановича (18-я дивизія), направленная отъ Имоцки и Вергорца на Любушку въ Мостаръ. Она начала маршъ 1 августа, 2-го прибыла въ Любушку, а 5-го заняла Мостаръ указанный

*) Состоятъ изъ дивизій: 20-й, 28-й и 6-й, силой около 45.000 человекъ.

ей дѣлю, но и тутъ Австрійцы подвигались не быстрѣе 10—15 верстъ въ день, такъ какъ отъ Имоцки до Мостара не болѣе 60 верстъ.

Нѣтъ сомнѣнія что „побѣдоносная“ австрійская армія справится съ инсургентами въ открытомъ полѣ и разобьетъ ихъ силы какъ бы онѣ ни были значительны, но этимъ еще не оканчиваются затрудненія. Они только начнутся когда Австрійцы достигнутъ Сараева, центра страны. Разчитывать на мѣстные средства для снабженія войскъ всеѣмъ необходимымъ нельзя: припасы, снаряды и вообще все, какъ говорится, тяжести придется подвозить изъ Австріи по труднымъ для тяжелыхъ повозокъ дорогамъ и конвоировать эти транспорты, которые, какъ можно ожидать, не будутъ оставлены въ покоѣ инсургентами. Впереди Австрійцевъ ожидается рядъ стычекъ съ мелкими партіями инсургентовъ, уничтожить кои, благодаря мѣстнымъ условіямъ, горамъ и лѣсамъ, будетъ очень не легко, какъ это оказалось не легко и для турецкихъ войскъ, которыя не могли справиться съ возстаніемъ. Австрійцамъ предстоитъ еще не одно такое дѣло, жертвою котораго сдѣлались болѣе полуэскадрона гусаръ, обманутыхъ жителями Маглая и атакованныхъ затѣмъ въ трудномъ и длинномъ ущельѣ.

№ 194.

Москва, 31-го іюля.

Послѣ того какъ въ Босніи и Герцеговинѣ спектакль „народнаго“ сопротивленія иностранному нашествію пущенъ былъ въ полный ходъ, телеграфъ кружнымъ путемъ, *черезъ Лондонъ*, спѣшитъ подготовить публику къ другому, однородному съ первымъ, зрѣлищу на другомъ концѣ Оттоманской имперіи. „Вооруженное населеніе Батума,“ извѣщаетъ изъ Константинополя корреспондентъ одной англійской газеты, „приготавливается къ сопротивленію русскому занятію. Мѣстные вожди имѣли въ среду совѣщаніе и рѣшили сразаться. 2.000 горцевъ стоятъ на границѣ по Чорлу. Турецкая армія держится нейтрально; сильное возбужденіе.“ Турецкое правительство, безъ сомнѣнія, умоетъ руки въ случаѣ новаго кровопролитія; оно сошлется на „свое безсиліе“ удержать движеніе и на господ-

ствующую въ Турецкомъ управленіи неурядицу. Турецкая неурядица составляетъ нынѣ одинъ изъ важнѣйшихъ ресурсовъ неистощимой въ своихъ изворотахъ Оттоманской Порты. И нужно признать что въ этой „неурядицѣ“ замѣтны черты весьма обдуманной системы. Всего же любопытнѣе то что, по многимъ указаніямъ идущимъ изъ разныхъ источниковъ, но совпадающимъ между собою, замѣчаемая система задумана не въ нѣдрахъ самой Порты, а въ Лондонѣ. Отсюда поданъ Портѣ совѣтъ прибѣгнуть къ новому способу уклоненія отъ исполненія официально принятыхъ обязательствъ не только противъ Россіи, но и противъ Австріи. Все то что совершается нынѣ въ Босніи и Герцеговинѣ есть не что иное какъ результатъ новой фазы англо-турецкой политики, въ которую она вступила послѣ Берлинскаго трактата. Англія, какъ утверждаютъ многіе вѣнскіе и берлинскіе органы, не желаетъ чтобъ Австрія приобрѣла турецкія провинціи не гарантируя за султаномъ остальныхъ его владѣній въ Европѣ. И вотъ, послѣ того какъ европейскій мандатъ на приобрѣтеніе Босніи и Герцеговины торжественно данъ былъ Австріи съ голоса самой Англіи, которая первая внесла предложеніе объ этомъ на конгрессъ, англійская дипломатія въ Константинополѣ куется ковы противъ той же Австріи. Требования которыя предъявила Турція во время переговоровъ съ Австро-Венгріей не только не отличались уступчивостью, но съ каждымъ днемъ возрастали. Она не только настаивала на томъ чтобъ Австрія формальнымъ образомъ опредѣлила время занятія, но еще выставила слѣдующіе пункты: 1) чтобы въ тѣхъ округахъ гдѣ преобладаетъ мусульманское населеніе сохранена была турецкая администрація и на время занятія; 2) чтобъ Австрія обязалась возратить Турціи избытокъ доходовъ надъ расходами въ занятыхъ провинціяхъ, и 3) чтобъ Австрія обязалась оказывать Турціи если не матеріальную, то по крайней мѣрѣ нравственную поддержку во всехъ будущихъ несогласіяхъ ея съ другими державами. Параллель между этими условіями, особливо двумя послѣдними, и конвенціей 4 іюня очевидна, и ужъ это одно доказываетъ что г. Леярдъ принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ Порты коихъ послѣдствіемъ были эти требованія. Изъ Константинополя сообщаютъ во мно-

гія иностранныя газеты что британскій посоль особенно часто посѣщаль въ послѣднее время Звѣздный Кіоскъ и подолгу бесѣдоваль съ султаномъ, послѣдствіемъ чего и было письмо султана великому визирю въ коемъ съ настойчивостью указано было на политику сопротивленія. А между тѣмъ организовано было въ самой Босніи и Герцеговинѣ возстаніе направленное будто бы и противъ турецкихъ властей, хотя всѣ сообщенія съ мѣста дѣйствія вполнѣ согласны что оно есть не что иное какъ плохо-замаскированное сопротивленіе самого Турецкаго правительства. Такъ по крайней мѣрѣ смотритъ на дѣло Австро-Венгрія. Въ Вѣнѣ, какъ слышно, готовятъ послать Портъ ультиматумъ дабы привести въ ясность взаимное положеніе, причемъ Турціи будетъ грозить война и въ томъ случаѣ если она не измѣнитъ своего будто бы вынужденнаго пассивнаго положенія относительно мусульманскаго возстанія.

Сколько же нужно было лицемѣрія чтобы въ виду столь натянутого положенія, грозящаго новою войной между Турціей и однимъ изъ ея ревностнѣйшихъ „покровителей“, въ виду новыхъ потоковъ крови уже обогрившихъ несчастныя провинціи, утверждать публично что благодаря постановленіямъ Берлинскаго конгресса „все обстоитъ благополучно?“ Такъ именно говорилъ англійскій премьеръ на обѣдѣ данномъ въ честь его 3 августа лондонскимъ лордомъ-меромъ. Въ числѣ прочихъ благодарнѣй конгресса онъ указалъ и на занятіе Австро-Венгріей Босніи и Герцеговины, и какъ будто бы все уже совершилось тамъ по программѣ предначертанной конгрессомъ, онъ выразился между прочимъ такъ: „Австрія занимаетъ нынѣ господствующее положеніе въ сказанной части Балканскаго полуострова. Ея власть послужить тамъ оградой противъ панславизма, и ея владычество станетъ залогомъ *мира, спокойствія и порядка* въ такихъ странахъ которыя до сихъ поръ никогда не процвѣтали, а напротивъ всегда была источникомъ всякихъ смутъ и постоянною угрозой миру Европы.“

Въ той же рѣчи своей лордъ Беконсфильдъ засвидѣтельствовалъ также о томъ что отношенія между Англійей и прочими державами, въ томъ числѣ и Россіей, „самыя сердечныя.“

Эти сердечныя отношенія, однако, насколько не побуждаютъ Англійскаго пра-

вительства торопиться отозваніемъ своего флота изъ Мраморнаго Моря и Дарданеллъ. Объ этомъ флотѣ всѣ какъ будто забыли. О немъ не упомянуто и въ Берлинскомъ трактатѣ, несмотря на то что для сухопутныхъ войскъ Россіи и княжествъ воевавшихъ съ Турціей установленъ самый краткій срокъ обратнаго выступленія. Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать чтобы на основаніи Берлинскаго трактата былъ легализованъ произвольный шагъ Англійи ворвавшейся въ Мраморное Море вопреки всѣмъ существовавшимъ постановленіямъ международного права. Эти постановленія относительно Проливовъ вновь подтверждены послѣднимъ трактатомъ. Трактатъ этотъ нынѣ уже ратификованъ, а англійскіе броненосцы и не думаютъ покидать своихъ стоянокъ у Привкипо...

Полагаемъ что Россія не можетъ оставить безъ вниманія этого обстоятельства.

Полагаемъ также что готовящіяся смуты въ Батумѣ несравненно легче будетъ „предупредить“ если британскіе броненосцы будутъ находиться подальше отъ входа въ Черное Море.

№ 195.

Москва, 1-го августа.

Сопротивленіе встрѣченное австрійскими войсками въ Босніи и Герцеговинѣ гораздо значительнѣе чѣмъ они ожидали. Возстаніе организовалось и „грозитъ сдѣлаться всеобщимъ.“ Подъ начальствомъ Хаджи Кулиновича состоятъ тридцать тысячъ инсургентовъ, „между коими есть и православные Босняки.“ Хаджи-Лойя укрѣпляетъ Сараево и готовится къ отчаянной оборонѣ: изъ Сараева удалены женщины и дѣти, въ Сараево изъ Митровицы везутъ снаряды и патроны. Въ Герцеговинѣ, „округа Невесинье и Гачко, по скольку „они не заняты черногорскими войсками, „представляютъ сплошной военный лагерь“, гдѣ расположились 8.000 инсургентовъ. „Нечего тѣшить себя розовыми иллюзіями“, замѣчаетъ вѣнская *Tagblatt*, „факты говорятъ что мы имѣемъ дѣло не съ „безголовыми попытками коммунистовъ“, а съ правильно организованными силами. „Герцеговинскіе инсургенты вооружены „отлично: въ ихъ рукахъ ружья Генри-„Мартини, при нихъ состоитъ цѣлая ба-

„тарей артиллеріи.“ Въ дѣлѣ у Жепче, въ долинѣ Босны, фельдцейхмейстеръ Филипповичъ „неоднократно вѣзжалъ подъ „пушечный огонь инсургентовъ.“ У Яйца Австрійцы завладѣли тремя орудіями.

Какъ ни скрывали въ Вѣнѣ положеніе дѣлѣ въ Босніи, истина обнаружилась: вмѣсто волненія въ странѣ сказывается широко раскинувшееся возстаніе; вмѣсто разрозненныхъ, дѣйствующихъ безъ всякой связи маленькихъ отрядовъ возстанцевъ, организовался цѣлый корпусъ войскъ, отлично предводимыхъ и прекрасно вооруженныхъ. Вмѣсто борьбы съ мелкими шайками, приходится вести правильную войну. Въ Вѣнѣ пришли къ убѣжденію что пяти дивизій двинутыхъ въ Боснію и Герцеговину мало; туда двинуты, по словамъ военной газеты *Wehr-Zeitung*, еще двѣ дивизіи: 1-я изъ Вѣны направляется въ Герцеговину и 36-я къ главнымъ силамъ въ Босніи. Нѣсколько ранѣе въ составъ оккупационныхъ войскъ назначенъ далматинскій конный ландверъ, а 6 августа императоръ далъ приказъ подчинить фельдцейхмейстеру Филипповичу и пѣшіе баталіоны далматинскаго ландвера. Съ этими подкрѣпленіями силы австрійцевъ въ Босніи и Герцеговинѣ дойдутъ до полутора-ста тысячъ войскъ.

Дѣйствія инсургентовъ показываютъ что предосторожность эта далеко не излишняя. Въ нѣсколько дней въ Босніи выросъ цѣлый корпусъ инсургентовъ; въ слѣдующіе дни при подкрѣпленіяхъ извѣстнаго возстаніе будетъ располагать у Сараева внушительными силами. Вожди инсургентовъ видимо сознаютъ это и употребляютъ всѣ усилія чтобы задержать австрійскія колонны на маршѣ и выиграть время: теперь Австрійцамъ приходится брать съ боя позицію за позиціей, располагать свои биваки на поляхъ сраженій, останавливаться „по многу часовъ“ у испорченной переправы, какъ это на примѣръ, по officialнымъ австрійскимъ донесеніямъ, было вблизи Добоя на Усорѣ впадающей слѣва въ Босну. Ни одна австрійская колонна не оставлена въ покоѣ: средняя колонна, главная, вела серьезное дѣло 5 августа у Косны впереди Маглая, 7 августа цѣлый день дралась впереди Жепче и только къ вечеру успѣла отбѣснить инсургентовъ и занять городъ. Лѣвая колонна, 20-я дивизія генерала Шапари, слѣдующая правымъ берегомъ Босны, къ 5 августа по

официальному донесенію выдержала четыре стычки; правая колонна, 7-я дивизія, принца Виртембергскаго, 5 августа дралась у Варцарева-Вакуфа, а 7 августа вела девятичасовой кровопролитный бой съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ и лишь поздно вечеромъ заняла Яйце. Теперь она дошла до Травника, около котораго вѣроятно соединится съ 13. корпусомъ чтобъ общими силами сломить турецкую оборону переправы у Бусовца на главномъ пути къ Сараеву.

Въ тактическомъ отношеніи дѣйствія инсургентовъ рѣшительно поражаютъ австрійскихъ генераловъ: „Съ инстинктомъ „дикихъ“ выбрали инсургенты выгодную позицію на высотахъ впереди Косны“ восклицаетъ командиръ 13 корпуса въ officialномъ донесеніи. Позиція дѣйствительно была хороша: чтобы выбить полторы тысячи инсургентовъ, ее занявшихъ, Австрійцамъ пришлось ввести въ дѣло три полка и, по указанію проводниковъ, предпринять трудный и сложный обходъ съ лѣваго фланга, по едва проходимымъ лѣснымъ высотамъ. Чтобъ управлять дѣйствіями потребовалась помощь даже новаго оптического телеграфа, „Нужно удивляться, замѣчаетъ *Tagblatt*, что инсургенты сумѣли два дня удерживать за собою такой маленькій клочокъ мѣстности какъ треугольникъ между Грачаницей (гдѣ дралась дивизія Шапари), Косной и Добоемъ.“

Дѣло у Жепче 7 августа еще замѣчательнѣе: шесть тысячъ инсургентовъ съ 4 орудіями занимаютъ отличную позицію на сѣверномъ склонѣ Вельей Планины. Двѣ австрійскіе бригады, т.-е. около 12 тысячъ войскъ, съ 24 орудіями употребили три съ половиною часа только на то чтобы вынудить ихъ отойти немного назадъ, на другую „чрезвычайно крѣпкую позицію.“ Потребовался опять обходъ фланга, и только тогда, къ 7 часамъ вечера, т.-е. послѣ восьми часовъ боя, удалось занять городъ Жепче. Тотъ же характеръ имѣетъ дѣло 7 дивизіи у Яйце. Инсургенты вездѣ „упорно сопротивляются“, Австрійцы вездѣ развертываютъ значительныя силы, но нигдѣ не могутъ раздавить противника: видимо инсургенты, достигнувъ своей цѣли, задержавъ противника, отступаютъ хотя и „поспѣшно“, какъ говорятъ Австрійцы, но все-таки въ порядкѣ. Дождливая погода очень благопріят-

ствуешь инсургентамъ: горные ручьи чуть не на каждомъ шагу пересѣкающіе дорогу, бурлятъ, рвутъ гати и обращаются въ стремительные потоки, переправа черезъ которые требуетъ времени и утомляетъ войска. А на пути къ Сараеву отъ Жепче, Австрійцевъ ожидаютъ восемнадцать переправъ, и на каждой придется вѣроятно какъ и на Усорѣ употребить „много часовъ“ для исправленія или наведенія мостовъ.

Въ Вѣнѣ раздражены сопротивленіемъ инсургантовъ и полагаютъ что Порта относится къ возстанію далеко не пассивно, снабжая инсургентовъ подъ рукой всѣмъ необходимымъ, что не мѣшаетъ однако турецкимъ занятіямъ въ Босніи служить „хорошими проводниками“ австрійскимъ колоннамъ, которые при другомъ условіи пожалуй были бы принуждены брать штурмомъ неприступную съ фронта позицію инсургентовъ у Косны. Австрійцы предполагаютъ что и Черногорія не остается праздною зрительницей борьбы: *Tagblatt*, напримѣръ, высказываетъ что ружья которыми снабжены герцеговинскіе инсургенты доставлены изъ Черногоріи.

На сколько это справедливо, покажутъ дальнѣйшія событія, но уже теперь видно что инсургенты обладаютъ большими военными ресурсами и могутъ долго сопротивляться непрошенымъ гостямъ пожаловавшимъ „во имя цивилизаціи и гуманности“, но вопреки желанію населенія.

№ 196.

Москва, 2-го августа.

Осуществленіе плановъ и соглашеній изложенныхъ въ Берлинскомъ трактатѣ, какъ извѣстно, предоставлено массѣ послѣдовательныхъ работъ, которыя должны или быть исполнены по взаимному условію тѣхъ и другихъ сторонъ, или поручены множеству международныхъ комиссій. Какимъ способомъ будутъ назначены эти разнородныя комиссіи, когда онѣ будутъ сформированы, какимъ образомъ онѣ будутъ дѣйствовать, а главное, какимъ онѣ будутъ обладать авторитетомъ, и что произойдетъ если въ ихъ средѣ возникнетъ непримиримое разногласіе, объ этомъ во все нѣтъ свѣдѣній, да и мало кто интересуется теперь этими вопросами *будущаго*,

пока на очереди первое непосредственное исполненіе условленнаго *мира*—сдача крѣпостей, занятіе территорій, и когда тутъ на каждомъ шагу встрѣчаются неожиданныя затрудненія.

Но прежде чѣмъ можно даже предвидѣть будущее начало организаціонной задачи, мы теперь уже имѣемъ опытъ какъ началось исполненіе нѣкоторыхъ берлинскихъ постановленій, и можемъ судить какіе сюрпризы встрѣтитъ гораздо болѣе сложное дѣло устройства, лишь второпяхъ намѣченное конгрессомъ и взваленное на обязанность еще не существующихъ комиссій.

Первый блинъ комомъ выпалъ на долю Австріи. Конгрессъ безъ околичностей постановилъ поручить ей „занятіе и администрацію Босніи и Герцеговины.“ Въ постановленіи не значитъ, однако, чтобъ эти двѣ турецкія провинціи были навсегда изъяты изъ-подъ верховной власти султана, а о дальнѣйшемъ предоставлено уговориться обѣимъ сторонамъ. Результатомъ этой двусмысленности было то что обѣ стороны никакъ не хотятъ условиться между собой: Порта ищетъ оговорить свои права, Австрія же ссылается на постановленіе конгресса, не связавшее ея никакими условіями. А между тѣмъ, уже была пролита кровь, и мирная миссія порядка и цивилизаціи началась выстрѣлами, смертью, разгаромъ фанатизма, казнями. И надо всѣмъ этимъ новымъ эпизодомъ завѣса таинственности, сквозь которую съ трудомъ пробиваются скудные извѣстія.

Другое постановленіе конгресса, относительно Греціи, грозитъ загрязнить въ болотѣ или вызвать такія же трагическія послѣдствія какъ вступленіе Австрійцевъ въ Боснію. Англійское правительство отвѣчаетъ въ палатѣ что оно не имѣетъ свѣдѣній будто Порта намѣрена отказать Греціи въ исправленіи границъ. Но ни изъ этого отвѣта, ни изъ какихъ другихъ извѣстій нѣтъ свѣдѣній и о согласіи Порты исполнить это рѣшеніе конгресса. Она тѣмъ болѣе не торопится что въ этомъ отношеніи конгрессъ поступилъ также суммарно, и не сдѣлавъ самъ точнаго постановленія о границѣ, рѣшилъ только рекомендовать Портѣ извѣстную линію.

Есть еще одно рѣшеніе конгресса, хотя и находящееся внѣ Берлинскаго трактата, которое, судя по газетнымъ извѣстіямъ, потерпѣло уже полное крушеніе. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій рѣшено было

отправить европейских комиссаров для разслѣдованія о прискорбныхъ безпорядкахъ въ Родопскихъ округахъ. Рѣшеніе это было принято на основаніи какихъ-то телеграммъ, предъявленныхъ лордомъ Солсбери, о томъ что населеніе слишкомъ во сто тысячъ находится въ состояніи полнѣйшей анархіи. Предъ этимъ, какъ видно изъ протокола 18-го засѣданія, русскими уполномоченными было оговорено что мѣстности о коихъ шла рѣчь находятся внѣ дѣйствія главнокомандующаго русскою арміей, и что въ нихъ нѣтъ русскихъ войскъ. Такимъ образомъ эта Родопская коммиссія была, изъ множества другихъ ей подобныхъ, *первою* которой пришлось показать себя на дѣлѣ. Между тѣмъ, какъ извѣстно изъ газетъ, и это подтверждалъ и константинопольскій корреспондентъ *Times*, русскій комиссаръ уже удалился изъ этой коммиссіи, отказавшись въ ней участвовать, такъ какъ нѣкоторые изъ его товарищей полагали что они имѣютъ задачей не только озаботиться способами водворенія бѣжавшихъ жителей на мѣстахъ, но также „разслѣдовать о заявленныхъ случаяхъ насилій и жестокости;“ русскій же комиссаръ утверждалъ что коммиссія имѣетъ исполнить лишь первую обязанность, и въ этомъ взглядѣ его поддерживалъ русскій посолъ, который находилъ что „всякое подобное разслѣдованіе *внутри* русскихъ линій не поведетъ ни къ какимъ результатамъ и будетъ оскорбленіемъ для русской арміи.“

Разумѣется, объ этомъ рѣчи быть не можетъ. Какой-то наѣзжій судъ явился бы разбирать поведеніе русскихъ войскъ! Да развѣ *армія* допустила бы его къ себѣ? Непостижимо только какъ *могла* возникнуть такая претензія въ коммиссіи. Если это произошло по неосмотрительности конгресса, то онъ ничѣмъ не могъ разительнѣе обнаружить свою спѣшность и верхоглядство.

Къ сожалѣнію, протоколъ 18-го засѣданія, гдѣ объ этомъ зашла рѣчь, проливаетъ весьма мало свѣта на это дѣло. Въ немъ упомянуто только о „телеграммахъ“ полученныхъ лордомъ Солсбери, въ коихъ де говорится что въ Родопскихъ округахъ „были выжжены селенія, совершены убійства, насилія и самыя страшныя преступленія,“ но подлиннаго текста телеграммъ не приведено, и не названы даже мѣстности; однако, графъ Шуваловъ, соглашаясь

на мысль лорда Солсбери о посылкѣ коммиссіи, удостовѣрялъ что въ этихъ мѣстахъ русскихъ войскъ нѣтъ. Непонятно, поэтому, какимъ образомъ въ средѣ коммиссіи, когда она составила, явилась мысль о разслѣдованіи „заявленныхъ случаевъ насилія и жестокости,“ да еще *внутри* русскихъ линій!

Какіе это „заявленные случаи?“ Ужъ не тѣ ли которые на дняхъ англійское правительство обнародовало въ послѣдней *Оуней Книгѣ* и которые, какъ притворно выразила сожалѣніе *Times* (*weregret to say*), будто бы „подтверждаютъ“ сообщеннымъ свѣдѣніямъ „о прискорбныхъ насиліяхъ надъ магометанскими жителями въ *тѣхъ частяхъ Турецкой имперіи* которыя находятся въ сферѣ военнаго занятія Россіи.“ Этотъ сборникъ изъ 110 страницъ донесеній собранныхъ Леярдомъ съ 4-го марта по 11-е іюля (замѣтите: 11-го іюля и было восемнадцатое засѣданіе конгресса, гдѣ зашла рѣчь объ однихъ Родопскихъ округахъ) Англійское правительство обнародовало, въ самомъ разгарѣ преній въ нижней палатѣ, конечно не безъ разчета повліять на нихъ, и вотъ лордъ Элько не преминулъ укорить оппозицію за то что она слишкомъ де благодушна къ русскимъ злодѣйствамъ, хотя и негодовала на турецкія звѣрства въ Болгаріи. Дѣйствительно, сборникъ этотъ возмутителенъ,—возмутителенъ по наглости и дерзости какія Англійское правительство дозволяетъ себѣ относительно Россіи. Авторы этихъ донесеній все тѣ же заклеянные общественнымъ мнѣніемъ англійскіе консулы, которые были слѣпы, глухи и нѣмы къ страданіямъ христіанъ, которые поднимали на смѣхъ показанія другихъ Англичанъ, даже офиціально удостовѣренные, о звѣрствѣ баши-бузуковъ: это извѣстные всѣмъ баши-бузуки Кальвертъ, Фосеттъ, Блѣнгъ, изъ коихъ послѣдній, живя давно въ Турціи, ручался что Турки никогда никого не сажали на колъ, и что двое Англичанъ, видѣвшихъ эту процедуру своими глазами, вѣроятно приняли вывѣшенные для сушки бобы за человѣка посаженнаго на колъ. Теперь у этихъ господъ развязался языкъ, а самъ главный редакторъ ихъ извѣстій, увѣряя что они „изъ достовѣрныхъ источниковъ,“ замѣчаетъ по поводу „насилій учиненныхъ послѣ подписанія мира и по водвореніи Русскими гражданской и военной администраціи,“ что эти насилія „пре-

восходятъ ужасомъ и массой совокупныя злодѣянія четырехъ столѣтій турецкаго дурнаго управленія.“

Подобрали же эти господа длинный рядъ всевозможныхъ преступленій въ которыхъ они обличаютъ какъ Болгаръ такъ и Русскихъ. „Даже войска Русской гвардіи,“ пишетъ одинъ изъ нихъ, „участвовали въ грабежѣ.“ Да что грабежъ! Насилія направлены къ тому, чтобы стереть Турокъ съ лица земли, и въ этомъ Болгаръ поощряютъ де русскія власти, а кстати угнетенія и гнусныя насилія, направлены также на Грековъ и Евреевъ, даже Армянъ какіе попадаютъ. Эти вездѣсущіе консулы десятками перечисляютъ по именамъ деревни которыя были сплошь выжжены, прибавляя что тамъ-то и тамъ-то столько де людей было убито, и по большей части также прибавляя: „всѣ женщины и дѣвицы были изнасилованы,“ а иногда варируя что „много женщинъ было изнасиловано.“ „Одинъ старикъ былъ распятъ на крестѣ (какая возмутительная выдумка: христіане распинаютъ на крестѣ) и сожженъ заживо.“ Это все узналъ консулъ Фосеттъ отъ какого-то г. Келлена. Другой консулъ также разказываетъ о подобныхъ же случаяхъ, и въ особенности недоволенъ болгарскими полицейскими, говоря что „всѣ они, безъ преувеличенія, воры и негодяи, и занимаются тѣмъ: что хватаютъ женщинъ для русскихъ офицеровъ.“ Также какой-то джентльменъ (не поименованный) разказывалъ Леярду будто самъ слышалъ „какъ русскіе офицеры хвалились съ какою ловкостью Болгары добывали для нихъ турецкихъ дѣвушекъ.“

Вообще объ изнасилованіи женщинъ Болгарами, русскими солдатами и казаками повѣствуется на каждой почти строчкѣ. Одинъ разказъ особенно характеристиченъ по наивности: „Отрядъ около 400 турецкихъ бѣглецовъ, съ 60-ю повозками, конвоировался въ Адріанополь эскортой казаковъ. По прибытіи въ Хавсу (Havsa), въ четырехъ часахъ пути отъ Адріанополя, комендантъ удержалъ казаковъ и передалъ бѣглецовъ на попеченіе шести туземныхъ христіанскихъ жандармовъ. Отойдя немного миль, эти хранители начали грабить отрядъ, бить мушкетъ и насиловать женщинъ и дѣвушекъ. Когда объ этомъ узнали по ихъ прибытіи, жандармовъ арестовали (не заковали въ цѣпи—*not put in chains*), но спустя десять дней, послѣ при-

творнаго слѣдствія, ихъ освободили и вернули къ ихъ должностямъ.“ Это дословное донесеніе консула Кальверта. Шестъ человекъ издѣвались надъ четырьмя стами!

И газета *Times*, откуда мы познакомились съ извлеченіями изъ этихъ замѣчательныхъ донесеній (изъ коихъ мы съ обращеніемъ привели немногіе образцы), говоритъ еще что „многія другія подробности неудобны для печати.“

Но вотъ что серьезнѣе. Оканчивая свои извлеченія изъ этого сборника, лондонская газета прибавляетъ: „Берлинскій конгрессъ, тронутый этими донесеніями, рѣшилъ 11-го іюля рекомендовать чтобы послы въ Константинополѣ вошли въ соглашеніе съ Портой отправить немедленно европейскую комиссію для повѣрки фактовъ и изысканія средствъ противъ нихъ, какія будетъ возможно.“ Здѣсь двойная ложь. Конгрессъ не могъ постановлять о соглашеніи съ Портой для повѣрки о томъ что дѣлается тамъ гдѣ власть русская, а не турецкая. Конгрессъ не могъ быть тронутъ этими донесеніями, такъ какъ все это доносилось изъ Филиппополя и Адріанополя, а въ протоколѣ упомянуто только о телеграммахъ полученныхъ лордомъ Солсбери о положеніи Родопскихъ округовъ. Не было ли такой же передержки и подтасовки въ инструкціяхъ нѣкоторымъ комиссарамъ если вѣрно, что комиссія съ самаго начала разошлась? А комиссія этой слѣдовало бы отправиться моремъ въ Родопскіе округа чтобы дознаться о тѣхъ Англичанахъ которые тѣмъ же путемъ отправлялись туда съ деньгами и оружіемъ чтобъ организовать тамъ возстаніе.

№ 197.

Москва, 3-го августа.

Берлинскій конгрессъ былъ только роздыхомъ, сказано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. И онъ былъ роздыхомъ не для насъ однихъ. Всѣ пользуются этою передышкой чтобъ осмотрѣться.

Особенное вниманіе въ послѣднее время обратили на себя общіе выборы въ Германіи, можетъ-быть отчасти потому что въ избирательной борьбѣ затѣянной княземъ Бисмаркомъ предчувствуютъ скрытую связь съ будущею развязкой тѣхъ замѣшательствъ для коихъ нынѣ данъ этотъ

кратковременный роздыхъ. Интересно послушать какъ судить объ этомъ внутреннемъ германскомъ дѣлѣ англійская печать и къ какимъ она приходитъ выводамъ.

Вообще англійская печать, безъ различія оттѣнковъ, съ самаго начала, отнеслась неодобрительно къ избирательной кампаніи предпринятой княземъ Бисмаркомъ. Въ заявленной необходимости принять рѣшительныя мѣры для успѣшной борьбы противъ сильно распространившейся социалистской пропаганды, англійская печать видѣла только предлогъ—сломить оппозицію національ-либераловъ, бывшихъ въ прежнемъ Рейхстагѣ самою сильною партіей, на которую имперскій канцлеръ прежде опирался и которая не принимаетъ его экономическихъ плановъ, необходимыхъ правительству для того чтобъ удержать нынѣшнюю военную систему, требующую все болѣешихъ расходовъ вслѣдствіе возвышенія цѣнъ. Многіе изъ этихъ экономическихъ проектовъ находились въ связи съ возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ: весьма естественно что англійскіе политики имъ не сочувствуютъ; и что они очень охотно предсказывали князю Бисмарку полную неудачу въ предпринятой имъ борьбѣ съ національ-либералами.

Результаты не совсѣмъ оправдали эти предсказанія. Если расчеты князя Бисмарка получить компактное консервативное большинство и не сбылись, то нельзя сказать чтобъ онъ потерпѣлъ поражение. Напротивъ, національ-либералы потеряли много мѣстъ, и въ новомъ имперскомъ сеймѣ они явятся въ гораздо меньшихъ силахъ чѣмъ прежде. Вѣрно однако то что эта партія все-таки составляетъ, по численности, и въ новомъ Рейхстагѣ значительную плотную оппозицію съ которою успѣшная борьба возможна будетъ развѣ только при коалиціи другихъ партій, на примѣръ консервативовъ съ партіей центра. Поэтому англійскіе публицисты, рассуждая объ этомъ, полагаютъ что рано или поздно князь Бисмаркъ все-таки принужденъ будетъ обратиться къ національ-либераламъ и войти съ ними въ сдѣлку. Насколько эти предположенія основательны, мы увидимъ въ послѣдствіи. Но интересны нѣкоторыя сужденія англійской печати по этому поводу. Она учитъ Германское правительство что репрессивными мѣрами злу не помочь. Покушенія Геделя и Побилинга конечно де произвели нѣко-

торую реакцію въ германскомъ обществѣ, и пораженіе социалистскихъ кандидатовъ объясняется де крайними усиліями среднихъ классовъ, желавшими доказать свою преданность императору. Но число голосовъ поданныхъ за социалистовъ показываетъ де какъ широко въ массахъ распространена социалистская пропаганда. Партія эта станетъ де еще опаснѣе вслѣдствіе неудачъ направленныхъ противъ нея мѣръ которыя она считаетъ притѣсненіемъ. Нужно де разслѣдовать причины зла, а причины эти кроются де въ крайне неудовлетворительномъ экономическомъ бытѣ бѣдныхъ классовъ, порожденномъ непомерными тягостями военной системы.

Подумаешь, право, читая эти скорбные вздохи о чужомъ горѣ, будто въ Англіи бѣдные классы благоденствуютъ! А между тѣмъ изъ публикуемыхъ отчетовъ о числѣ получающихъ приходское пособіе извѣстно какъ сильно возросъ пауперизмъ въ Англіи въ нынѣшнемъ году, несмотря на отсутствіе всесословной воинской повинности.

Сужденія англійскихъ критиковъ о положеніи Германіи такъ мрачны что они почти не видятъ и выхода изъ ея бѣдственныхъ затрудненій. Положимъ, рассуждаютъ они, національ-либераламъ и ихъ союзникамъ и удалось бы помѣшать увеличенію военныхъ тягостей или даже нѣсколько облегчить ихъ; но вѣдь они не могутъ измѣнить существующую систему: окруженной сильными сосѣдями Германіи поневолѣ приходится быть постоянно наготовѣ, и такимъ образомъ поддерживать „недугъ“ сѣдующій ея жизненные силы. И при этомъ не безъ злорадства замѣчается: „Великолѣпно было побить Австрію и унижить Францію; не такъ-то пріятно расплачиваться за это.“

Мораль не новая, и мы ее слышимъ не въ первый разъ. Вотъ уже сколько лѣтъ, въ особенности же со времени Франко-Германской войны, по всякому поводу и безъ повода, Англія настойчиво проповѣдуетъ что все зло заключается въ милитаризмъ, въ тѣхъ громадныхъ арміяхъ, сѣдующихъ бюджеты, которыми, по примѣру Пруссіи, обзавелись всѣ континентальныя державы. Но вотъ что странно: Англія сама тратитъ на вооруженія болѣе трети своего бюджета (а другую треть сѣдаетъ ея долгъ). Правда, на эти деньги она держитъ микроскопическую армію наемниковъ и громадный флотъ, нужный

ей для первенства на моряхъ и для защиты ея повсемѣстныхъ захватовъ, хотя и безсильный для рѣшающаго значенія въ случаѣ европейскаго столкновенія. Но чего же, однако, она такъ копошилась въ послѣднее время, такъ топорщилась показать что и у ней есть военныя силы, коими нельзя пренебрегать. Шутка ли! — 7.000 Индусовъ и 40.000 резервовъ, или даже меньше! Какъ понять самодовольство съ какимъ толковали объ этомъ грозномъ могуществѣ англійскіе политики? Не заразились ли ужъ и они милитаризмомъ? Г. Ло, во время преній въ палатѣ общинъ, осмѣливая фанфаронады Беконсфильдовскаго кабинета, осмѣлился замѣтить что Англичане никогда не были военною націей. „Мы нація моряковъ, купцовъ, промышленниковъ и рабочихъ“, сказалъ онъ. Слова эти не понравились, и газета *Times*, въ отвѣтъ на нихъ, поспѣшила укорить либеральную партію и поставить ей на видъ что она за то де и лишилась популярности что не сумѣла пріобрѣсти для Англіи „уваженія обыкновенно основаннаго на страхахъ.“ „Англичанинъ“, толкуетъ органъ лондонскихъ купцовъ, „въ душѣ былъ всегда весьма воинственное животное. Военная горячка довольно легко охватываетъ его, можетъ-быть даже слишкомъ легко когда есть подходящій стимулъ. Въ послѣдніе годы Англичане много слышали о великихъ битвахъ почти у своихъ дверей, но въ нихъ не участвовали. Войны слѣдовали одна за другой съ результатами которые они не всегда одобряли, и съ такими происшествіями которые не могли не возбудить въ нихъ живѣйшаго желанія сдѣлать самимъ что-либо подобное. Не доставало только законнаго врага въ котораго бы можно было вонзить наши нововозобрѣтенныя орудія, и на чей счетъ можно было бы поправить нашу національную честь. Съ самой Крымской войны Россія была для современной Англіи тѣмъ самымъ чѣмъ Франція для Англичанъ сто или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.“ Вотъ чѣмъ и объясняетъ лондонская газета то что, вслѣдъ за опубликованіемъ Санъ-Стефанскаго трактата, чуть не вся Англія „ринулась къ оружію и потребовала вниманія къ своему голосу.“

Оставляя безъ отвѣта это грубое благовѣрство и не желая теперь разбирать причины почему англійская интрига имѣла успѣхъ, — это завлекло бы насъ слишкомъ

далеко, — нельзя не замѣтить какъ плохо ладить это желаніе Англичанъ играть первенствующую военную роль съ ихъ сѣтованіями о развитіи милитаризма на материкѣ. Подкладку ихъ морали мы давно хорошо понимаемъ. Торгашамъ, привыкшимъ дѣйствовать интригой и золотомъ, претитъ общепринятая вездѣ, кромѣ Англіи, военная система, потому что она оставляетъ въ совершенномъ ничтожествѣ военную силу Англіи. Какъ они ни отуманены своими успѣхами, но и они понимаютъ что теперь наступилъ лишь временный роздыхъ, а въ ожидаемой будущей развязкѣ драмы Англія чувствуетъ себя изолированной. Наемныя сипайскія войска, которыя, между прочимъ, предполагается поскорѣе отправить восвояси, не вынесутъ ея на своихъ плечахъ и не обезпечать ей величія между тѣми націями гдѣ каждый гражданинъ лично призывается къ защитѣ чести и интересовъ своей страны. Г. Форстеръ уже два раза предостерегалъ Англичанъ что имъ придется прибѣгнуть къ конскрипціи если они захотятъ на самомъ дѣлѣ осуществить фантастическіе планы разыгравшіеся въ ихъ воображеніи за послѣднее время. Можно съ увѣренностью сказать что разжирѣвшіе торгаша на это не пойдутъ...

№ 198.

Москва, 4-го августа.

Австрійцы уже начинаютъ испытывать въ какой мѣрѣ трудно дѣйствительное занятіе Босніи. 20-я дивизія генерала Шапари, двинутая фельдцейхмейстеромъ Филипповичемъ отъ границы вверхъ по рѣкѣ Спречѣ и далѣе на Тузлу къ Зворнику на Сербской границѣ, оказалась не въ силахъ исполнить данное ей назначеніе. Съ неимовернымъ трудомъ достигла она къ 10 августу Тузлы, выдержавъ на пути рядъ дѣлъ съ инсургентами, и должна была вернуться къ Грачаницѣ, такъ какъ обозъ ея вслѣдствіе полнаго изнуренія животныхъ разстроился, отчего въ дѣлѣ продовольствія войскъ явились непреодолимые затрудненія. Весьма замѣчательно что разстройство обоза обнаружилось такъ скоро, послѣ столь незначительнаго марша: отъ Грачаницы до Тузлы всего только около 50 верстъ; въ общемъ же дивизія Шапа-

ри отъ австрійской границы до Тузлы шла только одиннадцать дней и сдѣлала менѣе полутораста верстъ. Это даетъ ясное понятіе о трудностяхъ похода кои ожидаютъ австрійскія войска какъ только они свернутъ съ главныхъ путей внутрь страны, безъ чего занятіе было бы чисто фиктивнымъ и цѣль его, водвореніе въ странѣ спокойствія и порядка, осталась бы недостигнутою. Официальная австрійская реляція говоритъ что генераль Шапари *не былъ вынужденъ* къ отступленію противникомъ, а отошелъ вслѣдствіе необходимости „обезпечить свои сообщенія.“ Значитъ генераль Шапари опасался за свои сообщенія; и дѣйствительно, появленіе противника на путяхъ сообщенія отряда, въ то время когда продовольственная часть его разстроена и обозъ отказывается служить, могла бы поставить дивизію въ положеніе критическое. Опасенія генерала Шапари были тѣмъ основательнѣе что инсургенты 13 августа вновь напали на дивизію у Грачаницы и заставили ее еще разъ отойти назадъ къ Добою на Боснѣ, по недостатку уже не продовольствія, а снарядовъ.

Между тѣмъ, 7-я дивизія и главные силы подвигались впередъ, хотя и медленно, но съ успѣхомъ. Занявъ 11 августа Травникъ, 7-я дивизія въ большой мѣрѣ облегчила наступленіе главной колонны, то есть 13-го корпуса. Только благодаря занятію Травника 7-ю дивизіей, главные силы не встрѣтили сопротивленія у Врандука, дефиле котораго особенно удобно для обороны, и такимъ образомъ соединеніе обѣихъ колоннъ у Витеза стало возможно уже 13 августа.

Появленіе Австрійцевъ у Травника и возможность соединенія ихъ главныхъ колоннъ у Витеза внушило инсургентамъ мысль вступить въ переговоры съ наступающимъ. Сараевскій инсуррекціонный комитетъ предложилъ избранному жителями губернатору Гафизъ-пашѣ, отправиться въ австрійскій лагерь для переговоровъ. Въ силу этого полномочія, Гафизъ-паша попросилъ на австрійскихъ аванпостахъ позволенія начать переговоры, на что австрійское военное начальство дало свое согласіе. Результатомъ этихъ переговоровъ австрійцы заинтересованы не менѣе Сараевского населенія. Въ случаѣ благоприятнаго исхода, австрійскія войска безпрепятственно дойдутъ до Сараева и займутъ безъ боя этотъ

столь важный по вліянію на умы населенія городъ, служащій въ то же время важнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ инсургентовъ. Въ Константинополѣ, однако, не вполне увѣрены въ такомъ оборотѣ дѣла и все „считаютъ возможнымъ что инсургенты будутъ продолжать вооруженное сопротивленіе“, уже сослужившее службу Турецкому правительству доставивъ ему столь желанное соглашеніе съ Австріей. Теперь въ Босніи рядомъ съ австрійскимъ будетъ развѣваться и турецкое знамя, а Турецкое правительство, съ своей стороны, посылаетъ особаго комиссара для „умиротворенія“ края, все болѣе и болѣе охватываемаго возстаніемъ.

Не успѣли еще Австрійцы справиться съ инсургентами въ одномъ мѣстѣ, какъ получено извѣстіе о волненіяхъ въ Ливнѣ, близъ Далматской границы, причемъ турецкія регулярныя войска пристали къ инсургентамъ, силы которыхъ отошли къ Скопле, слѣдовательно угрожаютъ сообщеніямъ соединенныхъ австрійскихъ силъ при дальнѣйшемъ ихъ движеніи къ Сараеву. Впрочемъ, въ Вѣнѣ повидимому ожидали этого, и вѣроятно подчиненіе даламатинскаго коннаго и пѣшаго ландвера фельдцейхмейстеру Филипповичу имѣло цѣлю предоставить командиру оккупационной арміи средства на случай волненій въ западной, пограничной съ Далматіей части Босніи. Если появленіе инсургентовъ у Скопле не могло не озаботить фельдцейхмейстера Филипповича, то еще большія опасенія должны были внушить ему, съ одной стороны, открытое нападеніе на Баньялку, важнѣйшій пунктъ на сообщеніяхъ 7-й дивизіи, съ другой — критическое положеніе дивизіи Шапари оставшейся и безъ обоза, и безъ снарядовъ прикрывать одинъ изъ пунктовъ на пути отступленія главной колонны. Никто не можетъ поручиться что 20-я дивизія не будетъ вынуждена отступать далѣе вверхъ по Боснѣ въ предѣлы Австріи, давъ инсургентамъ возможность въ значительныхъ силахъ утвердиться на важнѣйшемъ стратегическомъ пути изъ Австріи въ Боснію.

Все эти событія не могли остаться безъ вліянія на рѣшенія Австрійскаго правительства, крайне озабоченнаго и повидимому даже опасющагося за исходъ дѣла, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ осложненій. Если вѣрить *National-Zeitung*, въ Вѣнѣ еще ранѣе возникала даже мысль о за-

мѣнѣ фельдцейхмейстера Филипповича генераломъ Родичемъ, какъ лицомъ болѣе знакомымъ съ театромъ дѣйствій, и „пользующимся де такимъ уваженіемъ въ славянскихъ земляхъ какъ никто другой.“ Выборъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ что генераль Родичъ извѣстенъ какъ фанатикъ идеи образованія Хорватско-Далматско-Боснійскаго королевства, что отчасти и послужило причиной назначенія командиромъ оккупационныхъ войскъ не его, а Филипповича.

Насколько вообще въ Вѣнѣ опасаются осложненій Боснійскаго вопроса можно видѣть изъ только что послѣдовавшаго распоряженія не допускать *провоза* оружія въ Черногорію, Сербію, Боснію и Герцеговину иначе какъ по особому на то дозволенію. Въ Вѣнѣ очевидно не довѣряютъ ни Черногоріи, ни Сербіи. Несмотря на то что Сербія дала успокоительныя объясненія и выставила на Дринѣ наблюдательные отряды, въ Вѣнѣ очевидно опасаются тайнаго содѣйствія Сербовъ Боснійскому возстанію; едва ли именно не съ цѣлью противодѣйствовать этому была направлена къ границамъ Сербіи 20-я дивизія генерала Шапари, какъ это можно заключать изъ словъ загребскаго корреспондента *Nord-deutsche Allgemeine Zeitung*: „было бы не дурно еслибы сильный отрядъ былъ эшелонированъ вдоль границы Сербіи, откуда инсургенты получаютъ поддержку.“

Если дѣйствительно движеніе дивизіи Шапари было вызвано такими соображеніями, то полная неудача ея должна быть особенно неприятна въ Вѣнѣ и конечно не осталась безъ вліянія на окончательное улаженіе отношеній между Турціей и Австріей, которая еще на дняхъ съ гордостью высказывала что конвенція, заключенія которой требуетъ Порты, нужна де только Туркамъ.

№ 199.

Москва, 5-го августа.

А.

Извѣстія о вооруженномъ сопротивленіи встрѣченномъ австрійскими войсками въ Босніи отразились потрясающимъ образомъ въ Вѣнѣ. Дѣйствительно, Австро-Венгерское правительство слишкомъ хитрило и

слишкомъ успокоивало свою публику легкостью занятія турецкихъ провинцій, такъ что теперь ему приходится каяться въ своемъ излишнемъ усердіи. Для этихъ успокоеній оно пользовалось не только печатью, но и само выходило на сцену. Припомнимъ Дебречинскую рѣчь г. Коломана Тисы, въ которой онъ утверждалъ что занятіе Босніи есть шагъ противъ Россіи. „Не вѣдаютъ что говорятъ“, ораторствовалъ венгерскій министръ объ органахъ венгерской оппозиціи. „Возможно ли чтобы венгерскія войска пошли противъ Турокъ? Скажите на милость, если наши солдаты идутъ туда куда сами Турки приглашаютъ ихъ, какъ можетъ быть рѣчь что они идутъ сражаться съ Турками? Этого мой слабый разумъ понять не можетъ.“ Оказывается однако что венгерскій министръ-президентъ дѣйствительно имѣлъ „слабый разумъ“ произнося эти слова. А когда командующій оккупационнымъ корпусомъ, баронъ Филипповичъ, на банкетѣ данномъ въ его честь при отъѣздѣ въ армію, намекнулъ на возможность вооруженнаго сопротивленія, то на слова его посыпались градомъ офиціозныя возраженія. И вотъ вдругъ такое разочарованіе!

„Мы можемъ засвидѣтельствовать что „Маглайская кровавая баня“ (то-есть западня устроенная гусарамъ) „произвела крайнее смущеніе въ вѣнскихъ кругахъ“, пишетъ *Wiener-Tagblatt*. Затѣмъ послѣдовали новыя событія представившія въ истинномъ свѣтѣ боснійскую оккупацию. „Настроеніе здѣсь чрезвычайно мрачное“, сообщаетъ вѣнскій корреспондентъ газеты *Politik*. „Новыя мобилизованныя мѣры, выступленіе Вѣнскаго гарнизона къ боснійской границѣ, все это раскрыло населенію глаза на серіозность положенія, вызвало на биржѣ сильный упадокъ курса, во всѣхъ дѣлахъ боязнь новаго застоя. „Скудость извѣстій съ театра войны въ Босніи еще усиливаетъ удрученное настроеніе населенія, которое съ напряженіемъ ожидаетъ извѣстій въ день военныхъ извѣстій.“ Само собою разумѣется что австрійская печать не можетъ не отражать въ себѣ этого настроенія публики. „Противъ организованнаго войска, противъ регулярной неприятельской „арміи“, разсуждаетъ *Wiener-Tagblatt*, есть правила наступленія, по возможности предотвращающія всякую неожиданность. Пораженіе неприятеля въ этомъ случаѣ освобож-

„даеть територію въ обширныхъ размѣрахъ. Въ борьбѣ же съ возстаніемъ, обширная область можетъ изъяснить покорность, войска могутъ считать успѣхъ обезпеченнымъ, и вдругъ мирныя знаменія исчезаютъ, и война вновь грозитъ со всѣхъ сторонъ. Каждый домъ становится крѣпостью, дороги запираются, съ горь катится смерть, и геній главнокомандующаго становится недѣйствителенъ тамъ гдѣ борьба развѣтвляется въ отдѣльные случаи рукопашнаго боя, гдѣ она длится пока есть бойды, гдѣ невозможно заключеніе мира, такъ какъ противникъ не признаетъ международнаго права. Солдатъ не можетъ тамъ ѣсть хлѣба, боясь его отравы; онъ долженъ спать подъ открытымъ небомъ изъ опасенія тайнаго убійства, и чѣмъ дружественнѣе встрѣчаетъ его населеніе города, тѣмъ болѣе слѣдуетъ опасаться измѣны.“ Въ другой статьѣ та же газета выражаетъ свою досаду уже на самый конгрессъ и на его главнаго виновника, графа Андраши. „Все о чемъ конгрессъ не говорилъ, то утверждается; все что было затронуто и рѣшено конгрессомъ, подвергается сомнѣнію и опасности. Англія не предъявляла своихъ притязаній конгрессу, и она въ выгоду; государства же вѣрившія конгрессу не достигли этимъ ничего. Порученіе конгресса не избавило насъ отъ вооруженій, нашихъ солдатъ отъ трудовъ и борьбы. Наши войска вступили въ Маглай и нашли, какъ сообщаетъ бюллетень, *„городъ пустымъ“*. Пустой городъ въ странѣ которой мы желали принести миръ, блага цивилизаціи, преимущества справедливаго управленія!“ Такое же неудовольствіе высказывается и другими независимыми отъ правительства органами, какъ напримѣръ *Neue Freie Presse, Deutsche Zeitung*. Последняя утверждаетъ даже что положеніе графа Андраши очень потрясено, такъ какъ „въ руководящихъ кругахъ дѣлаютъ его отвѣтственнымъ за *позднее*, стоящее денегъ и крови занятіе Босніи.“

Правительство, посредствомъ офиціозной печати (что уже и теперь замѣтно по *Presse* и *Пейтскому Ллойд*), постарается и изъ настоящаго неутѣшительнаго положенія извлечь аргументъ въ свою пользу. Привнесенныя „жертвы“ представляютъ отличный доводъ въ пользу полнаго присоединенія славянскихъ провинцій, а извѣстно что именно къ этому и стремилось Ав-

стрійское правительство, несмотря на всѣ отрицанія. Но, съ другой стороны, принужденное считаться со внутреннимъ положеніемъ своимъ, оно можетъ повернуть и въ другую сторону. Вчера лондонскій телеграфъ сообщалъ что австро-турецкая конвенція, считавшаяся въ Австріи, за нѣсколько дней предъ симъ, ненужною и невозможною, теперь состоялась. Австрія сдѣлала де *возможныя уступки* въ виду встрѣченнаго въ Босніи сопротивленія. Итакъ, Турція добилась своего, а это вызываетъ насъ на другія соображенія. Еще при самомъ началѣ австро-турецкихъ переговоровъ послѣ конгресса настойчиво утверждалось что Турція соглашается на занятіе и будетъ ему способствовать при главномъ условіи что Австрія гарантируетъ ей остатки ея европейскихъ владѣній, подобно тому какъ Англія гарантировала азіатскія. Въ такомъ требованіи имѣлся дѣйствительно смыслъ, и Порта хотя и дорогою цѣной заранѣе обезпечивала себѣ обязательныхъ союзниковъ на случай новаго столкновенія. Не этою ли цѣною куплено теперь „соглашеніе“ съ Австріей? На всѣ упреки что Австрійское правительство допустило разрушеніе Турціи, оно отвѣчало что оно не могло вступать въ войну за Турцію, ибо не имѣло союзниковъ. Но возможность такой войны въ будущемъ ясно давалась чувствовать правительственными органами, и занятіе Босніи и Герцеговины опиралось именно на аргументъ что этимъ Австрія пріобрѣтаетъ недорогою цѣной „выгодныя позиціи“ для будущей борьбы. Въ газетныхъ статьяхъ, при избирательной агитаціи, Австрійское правительство допускаетъ совершенно неприличную травлю на Россію, а въ Венгріи и само участвуетъ въ ней. „Шансы войны съ Россіей“ составляютъ съ нѣкоторыхъ поръ постоянную рубрику въ военной австрійской газетѣ. Сопоставьте всѣ эти признаки съ затруднительнымъ положеніемъ приготовленнымъ Портой Австріи въ Босніи, и мысль объ „обязательствѣ“, несмотря на то что первоначально была принята въ Вѣнѣ съ кажушимся ужасомъ, становится серіознымъ вопросомъ. Нельзя не обратить вниманія и на вѣянія изъ Берлина. Нашъ корреспондентъ оттуда сообщаетъ что тамъ злорадно слѣдятъ за затрудненіямъ Австріи. Это злорадство весьма понятно. Каждый новый шагъ которымъ Австрія затягивается въ трясину восточныхъ

дѣлъ предасть ее все болѣе во власть Германіи, и давно задуманная мысль (Кошутъ, въ письмѣ обнародованномъ по случаю выборовъ, утверждаетъ даже что этой мысли Бисмарка обязанъ графъ Андраши и своимъ министерскимъ положеніемъ) все болѣе близится къ осуществленію. Въ послѣднее время, откровенность берлинскихъ совѣтовъ дошла до того что *National-Zeitung* вынуждена была напечатать, очевидно внушенную, вѣнскую корреспонденцію, гдѣ, вмѣстѣ съ благодарностью за сочувствіе германской печати къ Австріи, выражается убѣдительная просьба „нѣсколько менѣе настойчиво выдвигать мысль что насталъ моментъ когда Австро-Венгрія должна совсѣмъ перенести свой центръ тяжести на Востокъ... Хотя Австро-Венгрія и будетъ увеличена Босніей, но все-таки ни одинъ изъ многихъ народовъ Австро-Венгріи не хочетъ знать что ради этого монархія должна будетъ отдать кому-либо другому свои древнія части.“ Пражская же *Politik*, несмотря на долгъ гостепріимства къ германскому императору находящемуся на богемской почвѣ, поднимаетъ рѣчь объ агитаціяхъ германско-имперской партіи въ Богеміи, что особенно знаменательно въ настоящій моментъ.

Б.

Ужасный случай! Днемъ, на городской площади, въ самомъ центрѣ столицы, одно изъ главныхъ правительственныхъ лицъ падаетъ подъ ударами тайнаго убійцы! Мы вѣримъ нашему корреспонденту что население Петербурга пришло въ крайнее негодованіе. Иначе и быть не можетъ, — но только какія части населенія? Впрочемъ, при всякомъ подобномъ случаѣ наиприличнѣйшее слово есть негодованіе. Я негодую, ты негодуешь, мы негодуемъ, они негодуютъ. Но что толку въ празднои игрѣ душевныхъ ощущеній какого бы то ни было свойства? Что пользы въ безсильныхъ и напрасныхъ изъявленіяхъ негодованія?... Убійцы скрылись въ свое подполье, они остаются во мракѣ неизвѣстности, — а еслибъ ихъ поймали, еслибы задержали ихъ на мѣстѣ преступленія, что было бы? Конечно, послѣдовалъ бы допросъ, послѣдовалъ бы судъ. Ихъ осторожно спросили бы, благоугодно ли имъ признать себя виновными въ преступномъ дѣяніи предусмотрѣнномъ такою-то статьей Улож. о Наказ.

Они увидѣли бы себя на возвышеніи, предъ „избранною публикой,“ восторженно и подобоострастно устремившею взоры на этихъ интересныхъ молодыхъ людей съ черными усами, какъ ихъ описываетъ *Правительственный Вѣстникъ*; началось бы слѣдствіе надъ покойнымъ генералъ-адъютантомъ Мезенцовымъ; были бы вызваны свидѣтели, быть-можетъ изъ жандармской команды; для дачи показаній въ оправданіе, очищеніе и прославленіе мотивовъ вооружившихъ противъ него карательную руку; тихонько прокралось бы блѣдное, себѣ не вѣрящее слово обвиненія; раздался бы трескуцій диэирамбъ защиты; рукоплесканія, всеобщее волненіе, затаенное дыханіе публики, оправдательный приговоръ присяжныхъ, наконецъ апоѳеозъ съ фейерверкомъ... Торжественная минута! На какое дѣло не рѣшится иной фанатикъ чтобъ извѣдать сладость подобной минуты торжества и побѣды, — побѣды надъ общественною совѣстію, надъ здравымъ смысломъ, надъ правосудіемъ, надъ властью?... Мы не сказку сказываемъ: это было. Развѣ все это не происходило въ томъ же самомъ Петербургѣ. Развѣ вы забыли судъ надъ генералъ-адъютантомъ Треповымъ и апоѳеозу г-жи Засуличъ? Если вы забыли этотъ невѣроятный скандалъ, то эти молодые люди не забыли. Они оживотворены его духомъ. Не вся ли петербургская печать, вторя настроенію чиновной интеллигенціи, вопіяла въ вакхическомъ неистовствѣ о новой эрѣ наступившей для Россіи? Скандалъ, обнаружившій истинное зло которымъ мы страдаемъ, сталъ дѣйствительно эрой; онъ сотворилъ нѣчто изъ ничего, и это нѣчто идетъ въ гору...

Убійство генералъ-адъютанта Мезенцова — прискорбное событіе; но послѣ дѣла Вѣры Засуличъ удивляться ему нечего, точно также какъ нечего было удивляться убійству въ Кіевѣ жандармскаго офицера, или вооруженному сопротивленію полицейской власти въ Одессѣ, или тамъ же, наконецъ, стрѣлянню въ войска... Разыгрался всѣ революціонныя сцены. Даже Гёдель въ Германіи былъ вдохновленъ петербургскою апоѳеозой политическаго убійства...

№ 201.

Москва, 7-го августа.

А.

Завѣса тайнственности покрываетъ не только дѣйствія Австрійцевъ въ Босніи, но и всѣ новые порядки на Востокъ возникающіе послѣ Берлинскаго конгресса. Исторія занятія Кипра Англичанами, тоже дѣло очень странное. Тамъ, правда, нѣтъ рѣзни, не было пролито крови, но, какъ ни спокойно совершилось занятіе, оно съ каждымъ днемъ вызываетъ все новыя недоумѣнія которыя остаются безъ разъясненія.

Это, конечно, не значитъ чтобы въ англійскихъ газетахъ ничего не писалось о Кипрѣ. Напротивъ, спеціальныя корреспонденты не лѣнились посылать въ газеты довольно длинныя описанія; но описанія эти были наполнены лишь краснорѣчивыми разказами о церемоніи принятія острова высокимъ комиссаромъ (*high commissioner*) сэръ-Гарнетомъ Вулзлеемъ въ свое завѣдываніе, затѣмъ разказами о высадкѣ войскъ; о дѣятельности герцога Единбургскаго по устройству причаловъ для выгрузки; затѣмъ корреспондентъ *Times* далъ еще длинный перечень инструкцій которыя предполагается дать начальникамъ округовъ на которые будетъ раздѣленъ островъ, — инструкцій требующихъ только собиранія всевозможныхъ свѣдѣній, между прочимъ даже о дичи какая водится на островѣ, и имѣются ли тамъ какіе законы объ охотѣ. Но во всѣхъ этихъ корреспонденціяхъ нѣтъ ничего относящагося къ предметамъ болѣе интереснымъ. Запросы въ парламентъ вырвали у правительства не болѣе свѣдѣній.

Прежде всего Англійское правительство было въ раздумьи какому министерству поручить завѣдываніе островомъ. На первое время онъ подчиненъ военному министру, отъ котораго зависятъ и посланныя туда войска. Но это было, какъ объяснено канцлеромъ казначейства, лишь временное распоряженіе. Всѣго натуральнѣе было бы отнести вѣдѣніе Кипромъ къ министерству колоній, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ островъ не можетъ еще считаться британскимъ владѣніемъ въ собственномъ смыслѣ. Онъ не есть „британская территорія“, такъ какъ

онъ занятъ Англіей совершенно особеннымъ образомъ, въ силу конвенціи, которою выговорено сохраненіе верховенства Порты. Поэтому предположено передать современемъ Кипръ въ вѣдѣніе министерства иностранныхъ дѣлъ, хотя это министерство вовсе не есть административный департаментъ.

Этотъ куріозъ что ея британское величество и императрица Индіи стала вассаломъ халифа правовѣрныхъ оставляетъ открытыми и другіе важныя практическіе вопросы. Неизвѣстно и не рѣшено еще какой законъ будетъ руководить администраціей. Канцлеръ казначейства объявилъ что на подобные вопросы и невозможно отвѣчать сразу, такъ какъ прежде потребуются переговоры съ Портой. „Мы не можемъ“, говорилъ онъ, „распоряжаться островомъ какъ еслибъ онъ былъ нами завоеванъ или уступленъ намъ. Необходимо въ нашихъ распоряженіяхъ имѣть вниманіе ко взглядамъ и желаніямъ Порты.“ Финансовая сторона управленія также не приведена въ ясность. Помимо расходовъ спеціально англійскаго характера, которые естественно должны лежать на англійской казнѣ и зависѣть отъ парламента, собственно административныя расходы, какъ пока рѣшено, не будутъ подвѣдомы парламенту, а будутъ де покрываться изъ мѣстныхъ доходовъ острова. Но по конвенціи Британское правительство обязалось платить Портѣ опредѣленную сумму, которая имѣетъ быть вычислена по среднему избытку доходовъ надъ расходами за послѣднія пять лѣтъ. Предметъ этотъ вовсе еще не приведенъ въ извѣстность. Если же потомъ окажется что доходовъ будетъ недостаточно для покрытія расходовъ англійской администраціи, то, какъ объяснилъ канцлеръ казначейства, „можетъ быть для сей цѣли сдѣланъ авансъ изъ британскаго казначейства.“ На такого рода авансы, съ тѣмъ чтобы послѣ, когда деньги истрачены, просить на нихъ разрѣшенія парламента, всегда бывало падко торійское министерство, и благодаря имъ, въ нынѣшнемъ году оно подарило страну четырехмилліоннымъ дефицитомъ.

Конечно, современемъ всѣ эти вопросы финансовъ и администраціи Кипра разберутся, и еще вѣроятнѣе что Англія постарается пріобрѣсти отъ Порты островъ въ полное владѣніе, и такимъ образомъ

королева Викторія освободится отъ неудобной вассальной зависимости отъ султана. Но пока все это представляетъ не малую путаницу.

Въ самомъ занятіи и размѣщеніи войскъ также много непонятнаго. На Кипръ отправлены всѣ индійскія войска предъ тѣмъ привезенныя на Мальту и небольшое число европейскихъ, всего до 8.000 человекъ. Для принятія острова въ такихъ силахъ не было надобности. Занятіе совершилось мирно, въ силу турецкаго фирмана привезеннаго комиссаромъ Порты; да сопротивленія и не предвидѣлось. „По счастью для насъ,“ замѣтилъ *Manchester Guardian*, „на Кипрѣ нѣтъ беговъ.“ Но какъ ни расписывали корреспонденты всеобщую радость жителей при появленіи Англичанъ, изъ ихъ же описаній видно что мусульманскіе жители не совсѣмъ-то раздѣляли демонстративныя привѣтствія Грековъ и „съ мрачнымъ неодобреніемъ“ смотрѣли какъ спускался оттоманскій флагъ и на мѣсто его взвивался англійскій; тѣмъ не менѣе, нечего было опасаться открытаго сопротивленія подобнаго тому какое встрѣтили Австрійцы въ Босніи. Хотя военный министръ, полковникъ Станлей, и говорилъ что войска были отправлены въ такомъ количествѣ на всякій случай, такъ какъ не имѣлось абсолютной увѣренности чтобы въ населеніи не было вовсе элементовъ смуты, но изъ его же словъ оказывалось что въ наихудшемъ случаѣ могъ бы развѣ быть какой-нибудь ничтожный мѣстный бунтъ. Вообще, какъ кажется Англійское правительство само хорошенько не знало что ему дѣлать съ привезенными изъ Индіи войсками. Военный министръ, на вопросъ зачѣмъ они были посланы съ Мальты на Кипръ, который не на пути въ Индію куда ихъ предположено скорѣе возвратить, возразилъ что такъ какъ не было болѣе дѣли держать ихъ на Мальтѣ, то почему жъ бы имъ не находиться на Кипрѣ? Канцлеръ же казначейства, въ томъ же засѣданіи, далъ противорѣчащее объясненіе, сказавъ что на Мальтѣ оказалось неудобнымъ держать столько войска. Онъ, впрочемъ, также подтвердилъ что уже рѣшено отправить ихъ восвояси. Только сдѣлать это затруднительно ранѣе какъ черезъ нѣсколько недѣль. Поэтому они временно и отправлены на Кипръ. Въ послѣдствіи же, постоянного гарнизона на Кипрѣ предпола-

гается держать не болѣе двухъ баталіоновъ съ одною батареей, такъ какъ правительство не смотритъ на этотъ островъ какъ на крѣпость въ родѣ Мальты или Гибралтара. Все это крайне куріозно. Припомнимъ что занятіе Кипра было лишь частью уговора Англіи съ Портой, которымъ она обязалась охранять ея азіатскія владѣнія отъ всякихъ посягательствъ Россіи, и объяснялось что необходимо было занять пунктъ откуда было бы ближе и удобнѣе во всякое время исполнить обязательство. И вдругъ для этой охраны достаточно двухъ баталіоновъ и одной батареи. Что же могла бы сдѣлать эта горсть даже на первое время, до прибытія подкрѣпленій? Право, не знаешь кого тутъ морочатъ англійскіе министры: чужеземную ли публику или Панургово стадо торійскаго большинства?

Вообще изъ отвѣтовъ англійскихъ министровъ на разные любопытные запросы видно что они сами столь же мало знаютъ о прибрѣтенномъ островѣ какъ и весь остальной свѣтъ. Военнаго значенія, какъ видно, островъ имѣть не можетъ. Гавани въ немъ, удобной для военнаго флота, также не оказывается. Для развитія торговли Кипръ, съ его полусотней тысячъ жителей, слишкомъ не важенъ, и къ тому же разоренъ турецкимъ управленіемъ. Послѣдній турецкій губернаторъ, въ полгода своего управленія, какъ писалъ корреспондентъ *Daily Telegraph*, нажилъ себѣ 10.000 турецкихъ ливровъ, а еслибъ его управленіе продлилось лѣтъ шесть, то, по словамъ жителей, онъ съѣлъ бы весь островъ. Островъ богатъ естественными произведеніями, но нужно много лѣтъ чтобы возвратить его въ цвѣтущее положеніе конемъ онъ славился въ древности, да и капиталовъ потребуется убить не мало. Вообще Англичане, для перваго начала, заняты еще только разслѣдованіемъ прибрѣтенія которое пока едва ли сулитъ прямыя выгоды.

Что мудренаго что занятіе Кипра Англичанами все еще представляется въ какомъ-то таинственномъ видѣ, и что слухи о новыхъ намѣреніяхъ и планахъ Англійскаго правительства роятся не только въ публикѣ, но и между офицерами и солдатами посланными на Кипръ, какъ объ этомъ писалъ корреспондентъ *Daily Telegraph*. „Всякій одноглазый дуракъ могъ бы видѣть, что Кипръ не довольно пригоденъ,“ такъ высказался корреспонденту одинъ сол-

дать. И все ждутъ чего-то новаго, неизвѣстнаго.

Б.

Переговоры фельдцейхмейстера Филипповича съ Гафизъ-пашой не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Очевидно, австрійскій командиръ не согласился на требуемую Гафизъ-пашой остановку наступательнаго движенія, а инсургенты-губернаторъ не рѣшился на какую-нибудь дальнѣйшую уступку, тѣмъ болѣе что главная цѣль инсургентовъ была уже достигнута: имъ удалось задержать на нѣсколько дней австрійскую главную колонну и укрѣпить избранную позицію у Хана-Бѣлоловца верстахъ въ пятнадцати отъ Витеза. Чтобы овладѣть этою позиціей, Австрійцамъ попрежнему пришлось развернуть значительныя силы и прибѣгнуть къ охвату лѣваго фланга инсургентовъ. Маневръ этотъ, по словамъ австрійской реляціи, имѣлъ полный успѣхъ, „атака превратилась въ рѣшительную побѣду.“ Инсургенты отступили въ безпорядкѣ, „бѣжали,“ какъ сказано въ реляціи, причемъ въ руки австрійской обходной колонны попала часть обоза инсургентовъ. „Къ сожалѣнію,“ прибавляетъ австрійскій корпусный командиръ, „инсургенты заранѣе свезли съ позиціи свою артиллерию.“

Это замѣчаніе, вмѣстѣ съ указаніемъ на пункты куда отошли инсургенты, даетъ довольно опредѣленное представленіе о ходѣ этого боя. Инсургенты, какъ и въ предшествовавшихъ дѣлахъ, держались на позиціи лишь до тѣхъ поръ пока не начала развертываться австрійская обходная колонна, угрожавшая ихъ флангу и тылу. Съ появленіемъ этой колонны, орудія инсургентовъ были отправлены назадъ, а за ними начали поспѣшно сниматься съ позиціи и остальные силы инсургентовъ; отступление скоро приняло видъ безпорядочнаго бѣгства, причемъ повозки обоза весьма легко могли попасть въ руки наступающаго. Только при такомъ ходѣ дѣлъ могло быть что Австрійцы понесли „незначительныя“ потери, а инсургенты имѣли возможность отойти не только къ Высоко, въ сторону отъ пути на Сераево, но и къ Киселяку на самой дорогѣ.

Инсургенты потерпѣли пораженіе, но это весьма немного облегчаетъ задачу оккупационнаго отряда. Занять Сераево, до котораго остается не болѣе 20—25 верстъ,

имъ конечно уже не особенно трудно; инсургенты очевидно уже не могутъ задерживать австрійскую колонну съ фронта, но сосредоточивъ свои силы у Высоко, они могутъ бросить ихъ на путь сообщенія австрійскихъ войскъ, которому и безъ того угрожаютъ массы дѣйствующія противъ 20-й дивизіи, удерживающей Добой. Правда, попытка инсургентовъ сбить Австрійцевъ съ позиціи у Добоя, предпринятая 16 августа, не удалась, но инсургенты, какъ видно, не упали духомъ и продолжаютъ спокойно держаться въ виду войскъ генерала Шапари.

Независимо отъ этого, путемъ сообщенія главныхъ австрійскихъ силъ грозитъ еще отрядъ инсургентовъ со стороны Ливна, силы котораго превосходятъ три тысячи человѣкъ съ 8 орудіями. Съ цѣлью удержать этотъ отрядъ отъ предпріятій противъ Травника, которому, какъ сознаются Австрійцы, онъ „угрожаетъ“, произведена была 15 августа небольшая демонстрація, въ которой участвовалъ баталіонъ Далматинскаго резерва, выказавшій де при этомъ „прекрасныя боевыя качества.“ Инсургенты отошли спокойно къ Ливну, но, конечно, не отказались попытаться при случаѣ овладѣть Травникомъ, какъ на дняхъ другая ихъ партія овладѣла было Баньялукой.

№ 202.

Москва, 8-го августа.

А.

Англійскій парламентъ закрытъ; но и въ послѣдніе дни любопытнымъ членамъ не удалось вызвать у правительства никакихъ сообщеній или даже намековъ о томъ какъ оно намѣрено употребить англо-турецкую конвенцію, въ которой условіемъ обезпеченія за Портой ея азіатскихъ владѣній было поставлено исполненіе султаномъ реформъ. Эта конвенція покрыта еще болѣею таинственностью чѣмъ цѣли для коихъ приобрѣтены Англичанами Кипръ.

Конвенція эта успѣла уже вызвать двоякаго рода критику. Одни, какъ г. Фосеттъ и другіе радикальные члены оппозиціи, не скрывали своего нежеланія чтобы страна принимала на себя новыя хлопоты и тягости, опасаясь что этотъ протекторатъ надъ Азіатскою Турціей, если въ немъ ви-

дѣтъ что-либо дѣйствительное, повлечетъ новые расходы. Другіе, изъ наиболѣе рьяныхъ приверженцевъ правительства, по крайней мѣрѣ въ печати если не въ парламентѣ, начинаютъ сомнѣваться въ его собственной рѣшимости и желали бы увѣриться что конвенція не останется пуфомъ. Уклончивыя объясненія министровъ всего менѣе удовлетворяли эту послѣднюю категорію недовольныхъ критиковъ. Единственный отвѣтъ данный канцлеромъ казначейства на настойчивые запросы г. Фосетта заключался въ томъ что реформы потребуютъ большихъ заботъ, что правительство уже вступило въ сношенія съ Портой касательно реформъ какія оно считаетъ желательными и надѣется добиться согласія Порты и „заключить съ нею трактатъ“ для исполненія такихъ реформъ какія окажутся возможными. „Безполезно и нелѣпо ожидать,“ говорилъ при этомъ сэръ Стаффордъ Норткотъ, „чтобы реформы могли быть сразу исполнены въ Турецкой имперіи, такъ чтобы поставить ее наравнѣ съ такими странами какъ Франція или Германія; можно надѣяться только улучшить администрацію турецкихъ провинцій въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.“ Правительство намѣрено де достигнуть исполненія специальныхъ реформъ, если возможно, но эти реформы должны быть предметомъ соглашеній, которыя не могутъ состояться безъ сношеній и корреспонденцій, а это требуетъ времени.

Изъ этого отвѣта, конечно можно вывести какое угодно заключеніе: или что Англійское правительство имѣетъ какіе-то новые планы и тайнѣ ведетъ переговоры съ Портой, находя неудобнымъ разглашать ихъ прежде времени, или же что оно, заключая конвенцію, не имѣло никакихъ плановъ и само еще хорошенько не знаетъ что дѣлать чтобы хотя для приличія можно было указать на приступъ къ нѣкоторымъ реформамъ по его указаніямъ.

Разные въ Англіи спекуляторы уже направились въ Константинополь въ надеждѣ выхлопотать выгодныя концессіи на желѣзныя дороги и съ вѣроятнымъ расчетомъ что протекторатъ Англіи дастъ случай выгодно помѣстить акціи. Телеграммы объ этихъ проектахъ озаглавливались въ англійскихъ газетахъ громкими словами: „Начало улучшенія.“ Но будутъ ли построены эти дороги, еще вопросъ. Во всякомъ случаѣ, сомнительно чтобы публика,

уже разъ обманутая на турецкихъ фондахъ, дала деньги на эти грандіозныя предпріятія прежде чѣмъ будетъ рѣшенъ вопросъ объ управленіи въ Азіатской Турціи. Канцлеръ казначейства сказалъ что реформы которыя имѣетъ въ виду Британское правительство касаются системы доходовъ, судебного персонала и полиціи, но отказался сообщить какія-либо подробности. Одинъ неизвѣстный „купецъ“ изъ Константинополя указывалъ на необходимость этихъ же самыхъ реформъ, но присовокупилъ слѣдующее: хорошая полиція невозможна если начальниками не будутъ компетентные Европейцы съ хорошимъ жалованьемъ; всѣ настоящіе судьи должны быть уволены и суды преобразованы также подъ руководствомъ Европейцевъ, а сборъ налоговъ долженъ быть порученъ исключительно Европейцамъ. Но на все это, конечно, потребовались бы громадныя суммы.

Ошибочность аналогіи между Малою Азіей и Индіей была уже замѣчена въ англійской печати. Индія страна завоеванная и большею частью подчиненная прямому англійскому управленію. Вассальныя владѣнія туземныхъ государей, сохраняющихъ тѣнь власти подъ надзоромъ англійскихъ резидентовъ, составляютъ лишь небольшую часть ея. Это придатки къ Индійской имперіи, уцѣлѣвшіе обломки прежней политической системы. Это владѣнія слабыя, разбросанныя, окруженныя отовсюду владѣніями англійскими, и туземные владѣтели совсѣмъ не то что султанъ, который не имѣетъ себѣ соперниковъ въ своихъ владѣніяхъ и притомъ считается духовнымъ главой мусульманскаго міра. Англійскіе резиденты въ Малой Азіи далеко не могутъ имѣть такого авторитета какъ въ Индіи. Изъ примѣра Индіи извѣстно что первымъ шагомъ къ улучшенію и реформамъ было пониженіе налоговъ и увеличеніе окладовъ служащимъ, что конечно должно быть покрыто изъ средствъ самой страны. Возможно ли это въ Турціи, разоренной и обремененной громаднымъ долгомъ? Для этого надо заставить султана отказаться на много лѣтъ отъ всякихъ доходовъ съ большей части его владѣній, и заставить также всѣхъ кредиторовъ Порты (большею частью самихъ же Англичанъ) надолго отложить всякую надежду на полученіе процентовъ.

Есть и другія несходства. Напримѣръ, въ

Индійскія неукротимыя племена горскихъ разбойниковъ живутъ лишь на окраинахъ; а въ Малой Азіи, въ самой срединѣ. Въ Индіи Англія не знаетъ вмѣшательства другихъ; въ Малой же Азіи ей придется столкнуться съ интересами другихъ державъ.

Ко всему этому, можно указать еще одну черту несходства, о которой умалчиваютъ англійскія газеты. Въ Индіи Англія держитъ армію, которая поглощаетъ почти половину индійскаго бюджета. Достаточно ли средствъ Малой Азіи если для водворенія въ ней благосостоянія требуется такой же расходъ?

Неудивительно, что въ Англіи начинаютъ серьезнѣе помышлять о значеніи этого протектората.

Къ тому же, примѣръ Индіи вовсе не такъ поощрителенъ. Англичане любятъ твердить что они владѣютъ Индіей для ея же блага и своимъ управленіемъ развили въ ней благосостояніе. Но отчего же они всегда такъ мало интересуются индійскимъ бюджетомъ, который номинально утверждается англійскимъ парламентомъ, хотя англійское казначейство не участвуетъ въ немъ: ни однимъ пенни, и который вносится обыкновенно въ послѣдніе дни сессіи? Въ нынѣшнемъ году собралось слушать его не болѣе 25 человекъ, и только подъ конецъ засѣданія оказалось 79 членовъ для подачи голосовъ. А въ немъ было много интереснаго. Какъ ни прикрашивалъ изложеніе подсекретарь Индіи, г. Стенгопъ, онъ принужденъ былъ показать что въ 1876—77 году былъ дефицитъ въ 2.182.778 фунт. стерл.; въ 1877—78 — дефицитъ въ 3.383.331 фунт. ст., а въ 1878—79 онъ ожидаетъ излишекъ въ 2.156.000 ф. ст. Но эти цифры фиктивные, такъ какъ при нихъ не берутся въ расчетъ такъ-называемые „расходы на производительныя работы“, отчисляемые отдѣльно, но потомъ обыкновенно переходящія въ долгъ. Съ ними же вмѣстѣ дефицитъ 1876—77 годовъ достигаетъ 5.000.000, въ 1877—78 свыше 8.000.000; а излишекъ 1878—79 годовъ обращается въ дефицитъ на 2.500.000. Итакъ, въ три года въ Индіи оказался дефицитъ въ 15½ милліоновъ. Это не отрадное положеніе для страны уже обремененной 130.000.000 ф. ст. долга, главнымъ образомъ заключеннаго въ послѣднія двадцать лѣтъ, со времени перехода Индіи подъ прямое управленіе короны. Въ это время проценты дол-

га, съ 2.400.000 ф. ст. въ 1857 году, возрасли до 5.400.000 въ 1877 году. Возрасли и доходы, но главнымъ образомъ отъ увеличенія налоговъ, и на примѣръ налогъ на соль теперь въ 2½ раза больше чѣмъ въ былое время. Остъ-Индской компаніи. На дефициты, безъ сомнѣнія, сильно вліялъ повторившійся въ послѣдніе годы поочередно въ разныхъ провинціяхъ страшный голодъ. Г. Стенгопъ сообщилъ утѣшительное извѣстіе что слухи о гибели шести милліоновъ людей отъ голода въ Мадрасѣ и Бомбей были преувеличены, и что погибло не болѣе 1.400.000 человекъ (не болѣе!). Но онъ же сообщилъ что Индійское правительство, признавъ періодичность этихъ бѣдствій, нашло нужнымъ впредь ежегодно отлагать 1.500.000 на покрытіе неизбѣжныхъ расходовъ въ случаѣ голода, не прибѣгая къ долгу. А чтобы добыть эту сумму, такъ какъ сократить расходы невозможно, пришлось прибѣгнуть къ увеличенію доходовъ на всю эту сумму. И въ то же время, при такой бѣдности Индійскаго казначейства для удовлетворенія нуждъ управленія, отмѣняется небольшая ввозная пошлина на бумажныя издѣлія, чтобы прекратить гвалтъ который изъ-за нея поднимали манчестерскіе фабриканты. Противъ упомянутаго увеличенія налоговъ сильно ратовалъ профессоръ Фосеттъ, всегдашній безстрашный заступникъ за Индію, указывавшій что долгъ Индіи ежегодно регулярно увеличивается на 4.000.000, и что два прежніе вице-короля, лордъ Мео и лордъ Нортбрукъ, выражали мнѣніе о политической опасности возвышенія налоговъ. Онъ поэтому предлагаетъ изыскать возможность для сокращенія расходовъ, въ особенности военныхъ, и предложилъ резолюцію въ этомъ смыслѣ; но конечно она была отвергнута.

Изъ цифръ этихъ видно что благополучіе англійскаго управленія не дешево обходится жителямъ Индіи.

Б.

Австрійскій императоръ благодаритъ свои войска „за самопожертвованіе и храбрость“ обнаруженные ими въ дѣлахъ съ инсургентами въ Босніи, выражаетъ „сердечную признательность“ за побѣду одержанную 16 августа у Ханъ-Бѣловца, вѣсть о которой такъ кетати получена была въ

Вѣнѣ ко дню рожденія императора (18 августа). Къ этому же дню получены де изъ разныхъ мѣстъ Босніи и Герцеговины изъявленія покорности и вѣрноподданныхихъ чувствъ, поздравленія... Не этого однако ждали въ Вѣнѣ. Заранѣе уже говорили что 18 августа Сараево должно быть въ рукахъ войскъ. Но палящее солнце разстроило всѣ расчеты австрійскихъ придворныхъ стратеговъ: Сараево взято только 19 августа, послѣ упорнаго боя. Но съ паденіемъ Сараева борьба съ возстаніемъ еще не кончена: дѣло не въ занятіи того или другаго пункта; волненіе охватываетъ всю Боснію... 16 августа совершилось три недѣли какъ австрійскія войска вступили на почву Босніи и Герцеговины. На переправѣ встрѣтило ихъ де ликующее населеніе, на первыхъ переходахъ внутри страны дожди, затѣмъ послѣдовала „кровавая баня“ гусарь у Маглая, за нею рядъ нерѣшительныхъ побѣдъ, „несчастія“ съ 20-ю дивизіей въ двухдневномъ бою предъ Тузлой, затѣмъ у Грачаницы, наконецъ затруднительное положеніе ея у Добоя въ виду значительныхъ массъ инсургентовъ, съ дерзостью „дикихъ“ рѣшающихся открыто атаковать бравыя, но отступающія войска. Этого мало, по частнымъ письмамъ отрывки которыхъ встрѣчаются въ германскихъ газетахъ, въ войскахъ проявляются признаки „сомнительнаго настроенія“, обнаруженнаго напри- мѣръ 61 полкомъ 20-й дивизіи.

Ко дню рожденія императора, къ 18 августа, австрійскія войска были конечно далеко внутри страны. Они владѣли главными путями ея, нѣкоторыми важными пунктами: Баньялукой, Мостаромъ, Травникомъ. Но за предѣлами городовъ и этапныхъ пунктовъ, слабо занятыхъ Австрійцами, во всей силѣ господствовало возстаніе. Изъ Мостара императоръ получилъ изъявленіе покорности и поздравленіе, а еще наканунѣ, 17 августа, въ двадцати пяти верстахъ отъ Мостара, у Стольца войска 18-й дивизіи вели горячее дѣло со значительными силами инсургентовъ, расположившихся въ укрѣпленной позиціи. Получены поздравленія изъ Баньялуки и Бербира, а къ западу отъ этихъ городовъ на самой почти границѣ Австріи организуются отряды инсургентовъ, „угрожающихъ“ австрійскимъ сообщеніямъ, слѣдовательно, подвозу снарядовъ и продовольствія, на трудность чего и

безъ того жалуются австрійскія военныя власти.

Трехнедѣльный походъ въ Боснію и Герцеговину показалъ Австрійцамъ что они хозяева лишь тѣхъ пунктовъ кои прочно заняты ими, что нужно вводить въ страну все новыя и новыя силы чтобъ обезпечить тылъ дѣйствующихъ отрядовъ и водворить дѣйствительное спокойствіе въ краѣ. Теперь мобилизуется еще новая дивизія, четвертая, такъ что съ ея прибытіемъ австрійская армія будетъ состоять уже изъ 8 пѣхотныхъ дивизій, вмѣсто предположенныхъ первоначально пяти, а это составитъ около 128 тысячъ пѣхоты!.

Чѣмъ больше войскъ, тѣмъ болѣе расходовъ, тѣмъ менѣе выгоды которыя думали Австрійцы немедленно извлечь изъ занятія Босніи и Герцеговины. Ожидалось что позади шествующей церемоніальнымъ маршемъ арміи, въ Боснію хлынетъ армія торгашей и предпринимателей; на дѣлѣ оказалось иное.

Конечно, замѣчаетъ *Кельнская Газета*, „Австрійцы въ концѣ-концовъ достигнутъ своей цѣли; но если имъ такъ трудно справиться со скопищами инсургентовъ, если эти инсургенты могутъ даже имѣть успѣхъ, то это бросаетъ неблагопріятный свѣтъ на австрійскую армію“ и вообще на всю австрійскую систему. Короче: событія въ Босніи только подтвердили отзывъ бывшаго англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Дарби, что австрійская армія весьма мало надежна, и что Австрія не въ силахъ выдержать серьезную войну.

№ 203.

Москва, 9-го августа.

На дняхъ, въ виду закрытія парламентской сессіи, газета *Times* представила интересный обзоръ завершившагося эпизода Восточнаго вопроса. Подобно нашему *Правительственному Вѣстнику*, лондонская газета не считаетъ этого вопроса оконченымъ, только не въ томъ смыслѣ что правильному рѣшенію его помѣшала *force majeure*, а съ философской точки зрѣнія: „Восточный вопросъ не улаженъ окончательно, ибо ничто не можетъ быть улажено въ мірѣ, законъ коего есть вѣчное движеніе и ростъ, причемъ новыя вліянія

„непрестанно вступаютъ въ жизнь и старья возраждаются.“ Однако въ политикѣ слишкомъ много философствовать не допускается, и лондонскій публицистъ тотчасъ же спускается съ этой выпренной высоты чтобы заняться болѣе практическимъ обзоромъ недавняго минувшаго и вывести изъ него уроки для будущаго. Такъ какъ Восточный вопросъ, по общему признанію, не конченъ и намъ придется снова имѣть съ нимъ дѣло, и такъ какъ мы опять неизбежно встрѣтимся въ немъ съ Англіей, то практическая точка зрѣнія и намъ полезна.

Было время, повѣствуетъ лондонскій публицистъ, когда единственнымъ для всѣхъ вопросомъ было хроническое возмущеніе въ Босніи и Герцеговинѣ. О немъ вскорѣ забыли при войнѣ вспыхнувшей между Сербіей и Турціей, и войну эту заставили забыть болгарскіе ужасы. „Эта страшная исторія изгладила всѣ и другія впечатлѣнія, и на время казалось всѣ думали, что на Востокѣ не было другаго вопроса для рѣшенія какъ освобожденіе христіанскихъ населеній Европейской Турціи отъ утравленія Порты.“ *Times* вспоминаетъ объ этомъ довольно скромно, но масса Англичанъ теперь глубоко стыдится этой непростительной сентиментальности по поводу страданій христіанъ въ Турціи. Одна торійская газета рѣзче и сильнѣе выразила что все зло (съ англійской точки зрѣнія) заключалось въ ошибочномъ сужденіи о впечатлѣніи произведенномъ въ Англіи болгарскими ужасами. „По поводу этой агитации,“ толкуетъ *Pall Mall Gazette*, „являлся вопросъ, было ли вызвано варварскимъ подавленіемъ несомнѣнно опаснаго бунта впечатлѣніе столь сильное и продолжительное чтобы навсегда изгладить всѣ прежнія сужденія Британскаго народа о Русскихъ и Туркахъ. По нашему мнѣнію, всякій разсудительный человѣкъ могъ видѣть что возбужденныя чувства были совершенно театральныя.“ (Мы съ своей стороны не сомнѣвались въ этомъ и это постоянно высказывали). Успѣхъ описаній „спеціальнаго корреспондента“ былъ подобенъ успѣху мелодраматическаго актера. „Зрители плакали, шикали и свистали негодяю піесы; но должно наступить время когда они отправятся домой; на кровать, чтобы выспаться весь свой гнѣвъ и энтузіазмъ, и потомъ крайне досадовать на всякаго кто напомнитъ имъ о мокромъ

„носовомъ платкѣ. Англія вскорѣ вспомнила что Турки хорошо были извѣстны и до Филиппопольскихъ избіеній; что причины для поддержанія Турецкой имперіи оставались тѣ же что и всегда были; что Крымская война ведена затѣмъ чтобы отдалить Русскихъ отъ Константинополя и Босфора, и что всякая квадратная миля ими выигранная потеряна для свободы личности, свободы печати, свободы торговли и свободы правительства.“ Сколько свободъ! и даже свободъ правительства! Такъ, значить, всѣми этими свободами (мы не говоримъ о свободѣ ихъ правительства) пользовались Болгары которыхъ рѣзали Турки въ Филиппопольскомъ округѣ...

Но возвращаемся къ газетѣ *Times*. Обзоръ ея впадаетъ далѣе именно въ такой же тонъ. Россія готовилась снова выступить защитницей христіанъ и отстоять ихъ интересы силой оружія. Чтобы „устранить опасность“ начались переговоры, но опять ошибка: „казалось будто не было другаго спорнаго вопроса какъ улучшеніе участи христіанскихъ племенъ Турціи.“ Переговоры не удались и началась война, за которою всѣ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ, ожидая рѣшительной битвы, и когда она наступила, тогда де только всѣ очнулись увидя Турцію поверженною во прахъ и русскія войска у воротъ Константинополя. Лондонскій публицистъ находитъ *должнымъ* допустить что Санъ-Стефанскій трактатъ былъ весьма умѣреннымъ документомъ поскольку онъ касался только Турціи и Россіи, но будучи выраженіемъ совершившихся фактовъ, онъ въ то же время показалъ де Европѣ „дѣйствительную опасность.“ Тогда де всѣ поняли что Турцію нельзя оставлять наединѣ съ Россіей, что слѣдуетъ стать между ними. „Англія выступила впереди. Она готовилась отстоять свои интересы силой если понадобится; Россія была слишкомъ *благоразумна* чтобы вызвать столь страшную борьбу, и наконецъ Берлинскій трактатъ утвердилъ права другихъ; кромѣ Россіи, державъ въ земляхъ султана.“

Комментарія кажется не требуется. Лучше не могли бы мы высказать какая бездна раздѣляетъ Россію и Англію на Востокѣ. Для насъ освобожденіе христіанъ имѣетъ цѣль и смыслъ; для Англіи это припадокъ фальшивой сентиментальности. Ей, напротивъ, нужна Турція, и выгодно подавленіе христіанскихъ народовъ...

Еще разительнѣе этотъ непримиримый антагонизмъ Англіи и Россіи выступаетъ въ выводахъ которые дѣлаетъ газета: *Times* изъ прошедшаго и въ „великомъ урокъ“ на будущее время который она преподаетъ своей публикѣ. „Не должно ни „когда забывать,“ учить лондонскій публицистъ, „что позади всякаго турецкаго „вопроса, въ силу вещей, лежитъ вопросъ „русскій. Совершенно бесполезно для дѣла „допытываться о нравственности дѣйствій „Россіи. Еслибъ она была державой совершенно безкорыстною, дѣйствующею чрезъ „безупречныхъ агентовъ, она и тогда не „могла бы избѣжать увлеченія.“ А выводъ отсюда тотъ что „осторожные государственные люди не могутъ допустить чтобы какіа-либо смуты въ Европейской или Азіатской Турціи касались только извѣстныхъ племенъ или провинцій. Онѣ угрожаютъ равновѣсію порядка и силъ на „Востокѣ и Западѣ. Если Турція снова „будетъ оставлена наединѣ съ Россіей, „она снова вызоветъ ея нападеніе, снова „будетъ сокрушена, и намъ снова придется видѣть Россію господствующею надъ „Отоманскою имперіей.“

Будемъ прежде всего безпристрастны. Съ англійской точки зрѣнія нельзя не признать что сужденія и заключенія лондонской газеты весьма послѣдовательны. Мы можемъ возмущаться ихъ цинизмомъ, мы можемъ негодовать на нихъ, — но что пользы? Какъ бесполезно словесное негодование противъ нашихъ внутреннихъ безобразій, такъ мало въ немъ толку и для борьбы со внѣшними врагами. Нужно ясное сознаніе дѣла и твердая рѣшимость.

Если освобожденіе и возрожденіе христіанскаго Востока есть наша историческая задача, если съ нею связаны наши интересы, *наше* развитіе и могущество, то почему и намъ не сказать откровенно что это *наши* цѣль, *наши* интересы? Зачѣмъ искать солидарности съ абстракціей именуемою Европой, которой дѣла нѣтъ до нашей цѣли и нашихъ интересовъ? Англія не смущается же стоять за мусульманскій Востокъ и за порабощеніе ему христіанства. Она тоже толкуетъ о Европѣ, но не съ тѣмъ чтобы жертвовать идолу своими интересами, а напротивъ чтобы прикрыть его благомъ свою контрабанду. Ея министры хвалятся что отстаивали „независимость“ Европы тѣмъ что позаботились помѣшать освобожденію христіанъ отъ му-

сульманскаго ига. Вотъ что на ихъ языкѣ значить Европа!

№ 204.

Москва, 10-го августа.

Извѣстія о движеніи русскихъ отрядовъ въ Средней Азіи съ неизвѣстнымъ назначеніемъ обратили на себя вниманіе Англичанъ, какъ этого и можно было ожидать. Одновременно встревожило ихъ также извѣстіе о прибытіи въ Кабуль Русской миссіи, которая, какъ прибавлялось, была принята съ большимъ почетомъ Афганскимъ эмиромъ. Узнать объ этомъ было имъ тѣмъ досаднѣе что въ послѣднее время отношенія Англіи къ эмиру Ширъ-Али стали далеко не удовлетворительны, хотя Англія прежде очень протезировала ему, давала ему субсидіи, снабжала его оружіемъ, и наконецъ даже уговаривалась съ Россіей о неприкосновенности его границъ. Несмотря на всѣ эти милости и любезности, дружескія сношенія Англо-Индійскаго правительства съ эмиромъ прекратились еще въ началѣ прошлаго года; предъ тѣмъ велись какіе-то переговоры между англійскимъ комиссаромъ сэръ-Луисомъ Пелли и посланникомъ эмира, но посланникъ этотъ умеръ не приведя ихъ къ концу, и съ тѣхъ поръ они прервались. О чемъ велись эти переговоры, въ точности неизвѣстно, но кажется что Англичанамъ желалось завязать правильныя сношенія съ Афганистаномъ, чего имъ до сихъ поръ не удавалось, такъ какъ эмиръ не допускалъ въ свои владѣнія ни резидента, ни купцовъ англійскихъ, а соглашался только изъ туземцевъ допустить англійскаго агента. Канцлеръ казначейства объяснял въ палатѣ что переговоры прерваны эмиромъ, а не съ англійской стороны, и что причина побудившая эмира прервать переговоры не была достаточно объяснена имъ. Однако причина эта довольно хорошо извѣстна; она заключалась въ подозрительности эмира Ширъ-Али, возбужденной новымъ захватомъ Англичанъ на его границѣ: именно какъ разъ предъ тѣмъ они заняли своимъ гарнизономъ Кветту въ Белуджистанѣ и совершенно подчинили себѣ хана Келатскаго, помѣстивъ при немъ англійскаго резидента, обязаннаго наблюдать за точнымъ исполненіемъ навязаннаго ха-

ну договора. Теперь, узнавъ что Русская миссія уже прибыла въ Кабуль, Англичане, уже не дожидаясь согласія эмира и безъ его приглашенія, сами поспѣшили отправить къ нему отъ себя посланца изъ Индіи, сэръ-Невиля Чамберлена, со многочисленнымъ штабомъ и подъ эскортой цѣлаго полка кавалеріи.

Естественно, что эти событія вызвали запросы въ парламентъ. Но предъ закрытіемъ сессіи министры не имѣли охоты быть сообщительными. Что касается движенія Русскихъ въ Средней Азіи, то под-секретарь иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ что онъ не можетъ съ увѣренностью сказать, перешли ли Русскіе Оксъ (Амударью); самъ онъ не думаетъ чтобы они уже перешли эту рѣку, но не можетъ сказать въ точности гдѣ они находятся. Относительно же Кабула извѣстно де что русскій посланникъ прибылъ туда, но правительство не получало никакихъ свѣдѣній о переговорахъ между нимъ и эмиромъ. Объявляя же миссію въ Кабуль г. Боркъ сказалъ и того менѣе, объявивъ только что въ виду свѣдѣній полученныхъ правительствомъ изъ Индіи, оно безъ сомнѣнія готово принять на себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Канцлеръ казначейства къ этому прибавилъ что, такъ какъ правительство получило свѣдѣніе объ отправленіи Русской миссіи въ Кабуль, то было очевидно что и Англія должна также отправить туда миссію „соотвѣтствующаго вѣса и достоинства.“ Ко всему этому англійскіе министры присовокупили еще увѣренія что правительство ни на минуту не можетъ оставаться равнодушнымъ къ происходящему въ Средней Азіи. Вотъ всѣ свѣдѣнія какія даны англійскими министрами на любопытные разспросы. Но миссія сэръ-Невиля Чамберлена изъ Индіи въ Кабуль достаточно изобличила безпокойство правительства какъ въ Индіи, такъ и въ самой Англіи.

Безпокойство не преминуло обнаружиться и въ печати весьма характеристически, причемъ недавніе дипломатическіе успѣхи до того отуманили Англичанъ что заносчивость ихъ уже не знаетъ предѣловъ. Они припоминаютъ соглашеніе съ Россіей объ Афганистанѣ въ 1873 году, и толкуютъ объ этомъ ханствѣ какъ будто составляющемъ одно нераздѣльное съ Индіей, забывая что это пресловутое соглашеніе было тогда же растолковано въ парламен-

тѣ самимъ Англійскимъ правительствомъ какъ не имѣющее никакой обязательной силы для Англіи, а слѣдовательно и для Россіи, и упуская изъ виду что въ то время Англія дѣйствительно имѣла нѣкоторое вліяніе, такъ какъ эмиръ получалъ отъ нея субсидіи, въ послѣднее же время ея собственныя отношенія къ эмиру стали болѣе чѣмъ сомнительны. Но теперь вдругъ Афганистанъ сталъ для Англичанъ дороже чѣмъ когда-либо, и печать ихъ высказываетъ готовность на самыя отчаянныя средства. „Мирными ли средствами или силой, но Афганистанъ долженъ быть на сторонѣ Англіи,“ восклицаетъ съ азартомъ торійская *Standard*. Газета *Times* хотѣла было показать презрѣніе къ русскимъ интригамъ въ Средней Азіи, замѣтивъ что „наступательный задоръ столько же доказываетъ силу Россіи какъ барахтанье челоуѣка увязшаго въ болотѣ доказываетъ его энергію;“ но не выдержала притворно-равнодушнаго тона и тотчасъ затѣмъ объяснила что „держава владѣющая Индіей не можетъ вовсе оставлять безъ вниманія извѣстій о намѣреніи великой военной державы приблизить свою границу къ Британской Индіи.“ А далѣе органъ Лондонскаго Города уже грозитъ: „Мы желаемъ чтобы приняты были мѣры не допускать Ширъ-Али дать Россіи *locus standi* при своемъ дворѣ, откуда она незамѣтно и нечувствительно могла бы дѣйствовать своимъ вліяніемъ.“ „Во всякомъ случаѣ и добровольный союзъ его съ Россіей, даже еслибы за нимъ не послѣдовали никакія дѣйствія, означалъ бы войну съ Англіей, и Россія пойметъ, если не пойметъ Ширъ-Али, какихъ жертвъ это должно стоить.“ Вотъ какъ! за одно намѣреніе имѣть сношенія съ Афганистаномъ, хотя бы самыя безобидныя, насъ уже пугаютъ войной. Беконсфильдовскіе лавры на Берлинскомъ конгрессѣ разохотили Англичанъ отбросить въ отношеніи къ Россіи уже всякія церемоніи. Нашлась, впрочемъ, одна торійская газета которая разсуждая совершенно такъ же какъ *Times*, и съ увѣренностью предсказывая что если русскія войска завладѣютъ Мервомъ или Балхомъ, и если русскій резидентъ утвердится въ Кабулѣ, то „потребуется нѣчто болѣе чѣмъ дипломатическое представленіе,“ выразила, однако, въ то же время надежду что еще „можетъ быть С.-Петербургскій кабинетъ при этомъ, какъ при многихъ прежнихъ ту-

чаяхъ, найдеть удобнымъ отречься отъ дѣйствій своихъ военачальниковъ въ Средней Азій.

Какъ нарочно, вѣдѣтъ затѣмъ, *Agence Générale Russe*, петербургскій листокъ, такъ хорошо рекомендующій насъ за границей, ретиво поспѣшилъ въ коротенькой замѣткѣ опровергнуть разнесшіеся слухи касательно русской экспедиціи въ Средней Азій. Онъ объявилъ что все это относится къ событіямъ прежняго времени, когда Англія готовилась къ Войнѣ съ Россіей; но что это положеніе прекратилось вмѣстѣ съ причинами его создавшими, и что всѣ мѣры бывшія съ этимъ въ связи были съ тѣхъ поръ отмѣнены.

Не слишкомъ ли поторопился нашъ черзчуръ ревностный *officiosus*? Мы пока еще не читали официальной отмѣны объявленныхъ движеній, и о самой дѣли ихъ вовсе ничего не знаемъ. У насъ много дѣла въ Средней Азій. Намъ нужно утвердить тамъ свое положеніе, нравится ли это или не нравится Англіи. И въ виду того что мы стали близкими сосѣдями эмира Афганскаго, нѣтъ ничего дурнаго если мы сумѣемъ завязать съ нимъ дружескія отношенія.

Во всякомъ случаѣ эта тревога Англичанъ, эта прорывающаяся злоба ихъ на всякій шагъ Россіи, должны убѣдить насъ въ выгодѣ стоять твердою ногой въ Средней Азій. Одна возможность диверсіи къ индійской границѣ, вмѣстѣ съ угрозой крейсерства—вотъ наши лучшія дипломатическія орудія при всякомъ спорѣ съ Англіей.

Кстати о крейсерахъ.

У насъ повадка за все хвататься горячо и потомъ скоро охладѣвать. Теперь явилось много охотниковъ осмѣливать самую идѣю крейсерства и доказывать что крейсера не могутъ принести никакой пользы. Но эти господа не измѣняютъ дѣйствительныхъ условій въ коихъ намъ пришлось бы очутиться при столкновеніи съ Англіей.

Надняхъ королева Викторія пожелала произвести въ Спитгедѣ смотръ резервной эскадрѣ, которая въ послѣднее время была сформирована на мѣсто судовъ отправленныхъ изъ Ламанша въ Средиземное море, прежде чѣмъ этотъ резервъ, по минованіи въ немъ надобности, будетъ распущенъ. Это была эскадра изъ броненосцевъ всѣхъ типовъ, отъ вышедшихъ уже изъ употребленія до новѣйшихъ и до послѣдняго изобрѣтенія торпедныхъ судовъ. Но этотъ резервъ, какъ замѣтила газета

Times по поводу смотра и какъ объяснял морской министръ въ палатѣ, далеко не выражалъ собой всѣхъ приготовленій сдѣланныхъ на случай адмиралтействомъ. Были приняты, какъ мы узнаемъ, мѣры для полного снаряженія въ три недѣли *тридцати быстроходныхъ и сильныхъ торговыхъ судовъ для службы въ качествѣ крейсеровъ*. Всѣ припасы и вооруженіе были готовы для нагрузки, такъ чтобы въ самый короткій срокъ „выслать въ море флотъ крейсеровъ, вооруженныхъ каждый шестью дальнобойными 64 фунтовыми орудіями и способными расчислить море отъ всякихъ судовъ *ихъ класса*, коихъ они могли бы повстрѣчать.“ Газета *Times*, воздавая хвалу адмиралтейству за эти распоряженія, хотя въ нихъ и не встрѣтилось надобности, замѣчаетъ: „Очевидно что нашему флоту въ военное время придется исполнять другія обязанности кромѣ тѣхъ которыя могутъ быть исполнены чудовищными броненосцами и громоздкими таранами. Намъ придется еще обезпечивать и поддерживать наше господство на моряхъ и охранять нашу торговлю. Поле будетъ за быстрымъ, также какъ и за сильнымъ, и побѣда достанется тѣмъ кто наискорѣе признаетъ этотъ фактъ и будетъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.“

Итакъ, въ Англіи надъ идеей о крейсерахъ не смѣются.

№ 205.

Москва, 11-го августа.

Турецкое правительство не осариваетъ нашего права на Батумъ; оно только затрудняется исполнить свои обязательства, заявляя что султанъ безсиленъ заставить населеніе Батума и его окрестностей подчиниться рѣшеніямъ Берлинскаго конгресса.

По вопросу о Батумѣ готовится, стало быть, то же что Турки дѣлали въ Босніи и Герцеговинѣ; съ тою только разницей что Австріи эти провинціи достаются даромъ, а Батумъ мы уже купили дорогою цѣною крови; да еще съ тою разницей что для овладѣнія Батумомъ, для занятія его окрестностей и подчиненія Лазовъ, потребуются съ нашей стороны жертвы не десятковъ солдатъ, какъ у Австрійцевъ, а тысячъ. Полюются опять потоки дорогой

русской крови для того чтобы получить то что принадлежит намъ въ силу условій мирнаго договора.

У насъ есть, къ сожалѣнію, политики съ гордостью говорящіе что для нихъ русская кровь ничего не значитъ, что Россія не торгуется де о томъ много или мало прольется крови ея сыновъ. Эти господа говорятъ и пишутъ не иначе какъ по-французски, и тѣшатся изо всѣхъ силъ быть Европейцами. Настоящая Европа думаетъ однако иначе, и вотъ князь Бисмаркъ, на примѣръ, даромъ не пожертвуетъ „здоровыми костями ни одного померанскаго мушкетера.“ Если для передачи Батума Россіи, для исполненія Берлинскаго трактата вступившаго въ силу, нужна кровь, то не намъ проливать ее. Турція обязана отдать намъ Батумъ. Если султана не слушаются его войска и подвластные ему населенія, то ему и справляться съ ними. А если онъ затрудняется въ этомъ, если онъ не въ силахъ преодолѣть сопротивленіе, то намъ лучше оставить за нимъ Батумъ. Мы занимаемъ еще Эрзерумъ, Баязидъ, Алашкертскую долину, по которой проходить транзитный путь въ Персію, „обладанію которымъ Турція,“ по словамъ англійскаго министра, „придаетъ особое значеніе.“ Все это можетъ служить достаточнымъ эквивалентомъ Батуму. Если Порты затрудняется передать намъ тотъ пунктъ который по условію принадлежитъ намъ, то Россія въ правѣ затрудниться возвращеніемъ Эрзерума. Если мы не можемъ воспользоваться тѣмъ что принадлежитъ намъ по праву мира, то мы можемъ вознаградить себя тѣмъ что наше по праву войны. Батумъ, конечно, имѣетъ для насъ значеніе; намъ, дѣйствительно, нуженъ хорошій портъ на Черномъ Морѣ, но вовсе не въ такой мѣрѣ чтобы потерю его можно было считать невознаградимою и проливать за пріобрѣтеніе его новые потоки крови. Владѣть Батумомъ было бы не худо; но условная уступка этого порта мало льститъ нашему народному чувству. Батумъ былъ бы единственнымъ пунктомъ во владѣніяхъ Русскаго Царя на который права Россіи ограничены международными условіями. Каждая поставленная въ Батумъ или въ его окрестностяхъ пушка можетъ служить поводомъ къ оскорбительнымъ для достоинства Россіи придирамъ, къ дипломатическимъ запросамъ, на которые мы вынуждены будемъ давать объ-

ясненія.... Пусть Батумомъ владѣетъ Турція съ обязательствомъ обратить его въ порто-франко, какъ обѣщано нами въ Берлинѣ. Ни честь, ни достоинство Россіи не будутъ затронуты если мы откажемся отъ обладанія Батумомъ удержавъ за собою Эрзерумъ и Алашкертскую долину, а напротивъ: Россія еще разъ докажетъ свое миролюбіе и въ то же время докажетъ что можетъ и умѣетъ оградить свои интересы, не заботясь что скажутъ объ этомъ другіе.

Удержавъ вмѣсто Батума Эрзерумъ, мы обезпечимъ будущность христіанскаго населенія которое уже во время войны искало защиты русской силы и бѣжало за русскими войсками.

Намъ нѣтъ причины лить кровь за пріобрѣтеніе пункта или округа населеніе котораго смотритъ на насъ какъ на враговъ. Если Турція придаетъ большую цѣну Эрзеруму нежели Батуму, она сумѣетъ и отдать его намъ, а намъ нѣтъ надобности брать силой то что уже уступлено намъ и на что права наши не оспариваются. Всякая угроза должна быть дѣйствительною. Не странно ли грозить тѣмъ что противникъ сочтетъ за услугу? Для Турціи будетъ тѣмъ пріятнѣе чѣмъ дороже обойдется Россіи пріобрѣтенія долженствующія служить вознагражденіемъ за ея военныя издержки. Не странно ли прибѣгать къ такой угрозѣ когда въ нашей власти есть другое, болѣе существенное, средство настоять на исполненіи нашихъ требованій удерживая за собою то чѣмъ особенно дорожить Турція. Такая политика была бы достойна великой державы и внушала бы Туркамъ болѣе уваженія къ нашимъ требованіямъ нежели угроза проливать свою кровь изъ-за того что султанъ, подписывая Берлинскій трактатъ, не думалъ о томъ въ силахъ ли онъ исполнить его, а теперь высокомерно говоритъ: „приди и возьми.“

№ 206.

Москва, 12-го августа.

Телеграмма возвѣстившая о взятіи Сараева оканчивалась словами: „подробности послѣ.“ Подробностей этихъ и до сихъ поръ нѣтъ. Какъ совершилось занятіе главнаго города Босніи, куда направились оборонявшія его силы инсургентовъ, все

это покрыто, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности. Въ послѣдніе дни получались извѣстія только о дѣлахъ въ тылу австрійскихъ войскъ и о новыхъ атакахъ произведенныхъ инсургентами на австрійскія войска, расположенныя у Добою.

Какъ извѣстно, еще въ то время когда генераль графъ Сапари стоялъ у Грачаницы, поддерживая связь съ главными силами и выставивъ особый отрядъ къ Градачицу, къ 20-й дивизіи были направлены значительныя подкрѣпленія состоявшія изъ войскъ 36-дивизіи. Въ настоящее время большая часть этихъ подкрѣпленій, вмѣстѣ съ начальникомъ 36-й дивизіи, генераломъ Шмигоцъ, уже прибыли къ Добою и участвовали въ дѣлахъ; въ одномъ изъ нихъ генераль Шмигоцъ даже раненъ. Прибытіе подкрѣпленій казалось давало бы возможность генералу Сапари перейти въ наступленіе, опрокинуть и разсѣять выставленныя противъ него силы инсурентовъ. Если это не было предпринято, если напротивъ австрійскій генераль ограничивается лишь пассивною обороной занимаемой имъ позиціи, то это невольно заставляетъ думать что выставленная противъ него масса инсурентовъ весьма значительна, и что собственныя войска его такъ разстроены прежними дѣлами что онъ не можетъ предпринять наступательныхъ дѣйствій. Предположенія эти отчасти подтверждаются свѣдѣніями сообщенными въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* изъ Брода. По словамъ корреспондента этой газеты, потери 20-й дивизіи громадны (enorm), и дивизія эта какъ цѣлая часть перестала существовать (gesprengt). Къ тому же заключенію приводитъ упорное молчаніе официальныхъ бюллетеней о потеряхъ 20-й дивизіи и случайно проскользнувшее извѣстіе о недостаткѣ снарядовъ и патроновъ въ отрядѣ генерала Сапари, вынудившемъ де его отступить отъ Грачаницы къ Добою. Австрійскій солдатъ носить на себѣ около сотни патроновъ; если въ нихъ ощущался недостатокъ, то слѣдовательно они гдѣ-нибудь были разстрѣляны, значить дѣла концъ имѣла дивизія была серьезны, упорны и кровопролитны. Утверждаютъ между прочимъ что на маршѣ къ Тузлѣ, въ двухдневномъ бою который вела дивизія, она встрѣтила упорное сопротивленіе почти невидимаго противника, поражавшаго Австрійцевъ изъ-за каждаго камня, изъ-за каждаго куста, п

потому была вынуждена отступать, потерявъ лошадей своего обоза не отъ трудовъ похода, а отъ выстрѣловъ противника во время марша, что тѣмъ вѣроятнѣе что лошади подъ повозки обоза оккупационнаго корпуса были пріобрѣтены въ Босніи, слѣдовательно привычныя къ тамошнимъ дорогамъ и къ трудностямъ похода въ горахъ. Невѣроятно чтобы при такихъ условіяхъ австрійскій обозъ не могъ вынести одиннадцатидневнаго марша даже при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ.

Впрочемъ, настоящее оборонительное положеніе втораго австрійскаго отряда у Добою можетъ быть обусловлено еще и другою причиною. Весь сѣверъ и западъ Босніи охвачены возстаніемъ, отряды инсурентовъ появляются и формируются почти на самыхъ границахъ Австро-Венгріи. Такъ еще на дняхъ, близъ Шамца на Савѣ, появился трехтысячный отрядъ инсурентовъ, который пытался преградить путь отступавшему туда изъ Градачица австрійскому баталіону. На рѣкѣ Коранѣ, у Съчена-Камня, организовался инсургентскій отрядъ, въ составъ коего вошли такъ же и регулярные турецкіе баталіоны. Инсургенты около Ливна спокойно продолжаютъ оставаться въ окрестностяхъ этого города, ежеминутно угрожая Травнику. При такихъ условіяхъ, одного занятія Сараева далеко не достаточно для умиротворенія страны, то-есть для достиженія цѣли ради которой конгрессомъ допущено австрійское занятіе Босніи. Только теперь стало австрійскому правительству совершенно ясно что принятая имъ на себя миссія затруднительна, что она потребуетъ обширныхъ военныхъ средствъ, финансовыхъ затратъ и вызоветъ много новыхъ затрудненій. Водвореніе бѣглецовъ на родину и вознагражденіе за содержаніе этихъ бѣглецовъ откладываются сами собою на неопредѣленное время.

Не осуществляется и мечта которую лелѣяли въ Австріи, о заключеніи таможеннаго и военнаго союзовъ съ Сербіей и Черногоріей. О военной конвенціи съ княжествами, если вѣрить *Mantags-Revue*, шла рѣчь еще въ Берлинѣ. Забыто было только то что ни Сербія, ни Черногорія не имѣютъ съ Австріей тѣхъ общихъ интересовъ которые только и могли бы дать смыслъ военной конвенціи, долженствовавшей поставить Австрію въ господству-

ющее на Балканскомъ полуостровѣ положеніе. Только этими разочарованіями можетъ быть объяснена та неистовая брань которою австро-венгерская печать осипаетъ теперь Сербію и Черногорію, подозреваемыя въ содѣйствіи Боснійскому и Герцеговинскому возстанію на томъ только основаніи, что самое энергическое сопротивление въ Босніи и Герцеговинѣ оказывается въ мѣстахъ прилегающихъ къ княжествамъ. Выставленіе Сербіей обсервационнаго корпуса на Дринѣ и пассивное, выжидательное положеніе православныхъ инсургентскихъ четъ Пеко Павловича берутся при этомъ также въ разчетъ. Самымъ неистовымъ языкомъ, конечно, отличаются венгерскіе органы, а въ Вѣнѣ *Neue Freie Presse*. Вотъ какія привѣтствія посылаются Сербіи и Черногоріи изъ Австріи, мечтавшей снискать союзъ южныхъ Славянъ ко дню объявленія независимости Сербіи: „Если мы говорили съ Сербіей энергическимъ языкомъ съ того самаго момента когда сербскіе милиціонеры стрѣляли по нашимъ судамъ, когда случилось несчастіе на мониторѣ *Морозъ*, когда, наконецъ, недавно наши посты у Панчова были приняты съ сербскаго берега положительно перекрестнымъ огнемъ, еслибы мы говорили языкомъ который въ Бѣлградѣ, рядомъ со звономъ рублей, только и понимаютъ, тогда мы не пережили бы того что наши знамена отступаютъ отъ сербскихъ и боснійскихъ шаекъ инсургентовъ. Неудачу при Тузлѣ слѣдуетъ приписать нашей дипломатіи, забившей себѣ въ голову; вмѣсто того чтобы хлыстомъ держать въ уздѣ ломающихся негодяевъ (*ungeberdige Schlingel*), воспитываютъ ихъ на конфетахъ.“ *Пейтсскій Ллойдъ* въ свою очередь, возвращаясь неоднократно къ той же темѣ и выражаясь не менѣе энергическимъ языкомъ, даетъ совѣтъ „вступить въ соглашеніе съ Турціей, и обрушиться на Сербію.“

По уходѣ большей части русскихъ войскъ, Порта поладивъ съ Австріей, весьма вѣроятно пожелаетъ принять то же положеніе относительно Сербіи и Черногоріи въ какомъ держится относительно Греціи. Албанская лига и элементы которые вернутся ей на помощь изъ Босніи могутъ послужить удобнымъ предлогомъ и средствомъ. Вчерашняя телеграмма изъ австрійскаго источника уже сообщаетъ что между Черногоріей и Турціей возобновились непрі-

ятельскія дѣйствія, и у Подгорицы кипятъ бои...

Сейчасъ мы получили телеграмму о новомъ подвигѣ австрійскихъ войскъ въ дѣлѣ 21 августа. Главнымъ силамъ инсургентовъ нанесенъ дерзшительный ударъ. „Остатки разсѣяны,“ говоритъ депеша, однако „большая часть ихъ ушла въ горы,“ вѣроятно затѣмъ чтобы собравшись съ силами еще не разъ противостать Австрійцамъ, разчитывая и въ другихъ городахъ встрѣтить такую же помощь какъ въ Стольцѣ, обложенномъ теперь контрибуціей.

№ 208.

Москва, 14-го августа.

А.

Батумъ продолжаетъ быть предметомъ толковъ заграничной печати. Свѣдѣнія по этому предмету, передаваемые газетами, мѣняются съ замѣчательною быстротой. То увѣряютъ будто Дервашъ-паша объявилъ населенію Батума что русскія войска 27 августа вступятъ въ городъ, и что населенію предоставляется право выселяться на турецкихъ корабляхъ, кои съ этою цѣлью будутъ посланы къ Батуму. То, наоборотъ, разказываютъ что султанъ, не оспаривая права Русскихъ занять городъ, объявилъ что онъ не въ состояніи преодолѣть сопротивление жителей и предоставляет русскимъ властямъ взять на себя этотъ трудъ; то наконецъ, появляется извѣстіе что Турки просятъ отсрочить сдачу города по 12 сентября съ тѣмъ чтобы Порта имѣла время успокоить Лазовъ. Утверждаютъ также будто Леярдь рекомендовалъ Портѣ исполнить требованіе Россіи, возлагая въ противномъ случаѣ всю отвѣтственность на султанское правительство. Этотъ совѣтъ англійскаго посла въ Константинополь принятъ какъ косвенный отвѣтъ на петицію поданную ему Лазами; искавшими содѣйствія Англичанъ своимъ вооруженіямъ и будто бы даже обращающимися къ англійскому консулу въ Трапезунтѣ за разрѣшеніемъ въ случаѣ столкновенія съ русскими войсками поднять англійское знамя, на что также послѣдовалъ де полный отказъ, и Лазы рѣшили, какъ замѣчаетъ *Politische Correspondenz*, довольствоваться зеленымъ знаменемъ Пророка.

Вооруженія Лазовъ заслуживаютъ однако вниманія: они достигаютъ весьма серьезныхъ размѣровъ, если вѣрить тифлисскому корреспонденту *Политической Корреспонденции*, всегда хорошо освѣдомленной о положеніи дѣлъ въ Турціи. Вотъ что разсказываетъ корреспондентъ въ письмѣ еще отъ 8 августа: „По свѣдѣніямъ вполнѣ „достовернымъ полученнымъ изъ Артвина „и Ардагана, вооруженія Лазовъ, подстре- „каемыхъ съ разныхъ сторонъ и между „прочимъ самимъ Дервишъ-пашой, комен- „дантомъ Батума, принимаютъ такіе раз- „мѣры, что ихъ нельзя оставить безъ вни- „манія.“ Еще 26 іюля на совѣтѣ старшинъ было рѣшено энергически сопротивляться русскимъ войскамъ, и избранъ предводи- телемъ нѣкій авантюристъ-ренегатъ Абду- лахъ-бей. „Войско Лазовъ состоитъ теперь „изъ 24.000 человекъ, вооруженныхъ от- „нюдь не хуже регулярныхъ солдатъ. Вся „эта сила раздѣлена на баталіоны (табо- „ры), подъ командою опытныхъ офицеровъ „частью перешедшихъ изъ корпуса Дер- „вишъ-паши. Какой-то доброжелатель Ла- „зовъ доставилъ имъ изъ Константинополя „же 18 горныхъ и 8 полевыхъ пушекъ и „приличное количество снарядовъ и патро- „новъ. Изъ Трапезунта другой милости- „вецъ доставляетъ деньги и провіантъ.“

Едва ли можно сомнѣваться, что къ Ла- замъ въ послѣднюю минуту присоединятся и турецкіе регулярные баталіоны, будто бы отказавшіеся повиноваться своимъ вла- стямъ, какъ это было въ Босніи. Вмѣстѣ съ этими баталіонами перейдутъ въ руки Лазовъ всѣ военные, продовольственные и артиллерійскіе склады Батума, какъ из- вѣстно, весьма значительные.

Еще во время войны русскія войска встрѣтили упоръ населенія при движеніи къ Батуму. Пришлось кровью платить за каждый шагъ впередъ, а Батумъ такъ и остался не занятымъ до конца войны. Но тогда нашимъ войскамъ приходилось имѣть дѣло съ плохо вооруженными отрядами на- селеній, занимавшими правда весьма крѣп- кія, но все еще не вполнѣ подготовленныя къ оборонѣ позиціи. Но, со дня заключе- нія перемирія, Турки не переставали воз- водить на всѣхъ путяхъ ведущихъ къ Батуму сильныя укрѣпленія и обширныя стрѣлковыя ложементы, оборонять кото- рые будутъ теперь силы уже вполнѣ ор- ганизованныя. Занятіе доступовъ къ Ба- туму обойдется при этомъ конечно весьма

дорого. Но этимъ не кончается дѣло; при- дется брать штурмомъ укрѣпленія самаго Батума, а затѣмъ, какъ Австрійцамъ въ Сараевѣ, вести уличный бой, брать при- ступомъ каждый домъ подъ перекрестнымъ огнемъ изъ оконъ и всякихъ щелей въ стѣ- нахъ. Придется дѣйствовать въ узкихъ улицахъ азійскаго города, суматохѣ не- избѣжнаго при уличномъ боѣ пожара.

Повѣримъ еще разъ тифлисскому пись- му *Политической Корреспонденции*: „Къ „Батуму будутъ направлены,“ говоритъ оно, „сильныя колонны русскихъ войскъ. „Данъ приказъ двинуть туда, въ случаѣ „нужды, 64 баталіона, 18 эскадроновъ и „40 орудій, по пути на Артвинъ,“ слѣдо- вательно на Чурукъ-су. „Изъ Карса бу- „дутъ посланы туда же 20 осадныхъ ору- „дій.“ Если эти цифры даже преувеличены, онѣ все-таки дають довольно наглядное представление о тѣхъ силахъ, кои потре- буются для достиженія этой цѣли и о раз- мѣрахъ жертвъ, какихъ потребуетъ заня- тіе Батума открытою силой.

Борьба за обладаніе Батумомъ приметъ большіе размѣры, и случайныя колебанія ея могутъ отозваться крайне неблагопріят- нымъ для насъ образомъ среди мусульман- скаго населенія занятой нашими войсками территоріи и прилегающихъ къ ней обла- стей. Въ Эрзерумѣ, въ окрестностяхъ его, между Курдами и въ другихъ мѣстахъ Ма- лой Азіи можетъ вспыхнуть волненіе, съ которымъ справиться будетъ не легко, осо- бенно при томъ условіи, что значительная часть войскъ будетъ занята дѣйствіями противъ Батума. Не слѣдуетъ забывать, что мусульмане настроены враждебно, что съ самаго момента Санъ-Стефанскаго до- говора не прекращаются толки о неблаго- пріятномъ для насъ броженіи умовъ даже въ занятомъ нашими войсками Эрзерумѣ и его окрестностяхъ, куда теперь посланъ опытный и энергическій командиръ.

Послѣдуемъ мудрому слову честнаго маклера: „блаженны владѣющіе.“ Мы вла- дѣемъ Эрзерумомъ и Алашкертскою доли- ной: удовольствуемся этимъ, и объявимъ султану, что оставляемъ за нимъ не сдан- ный намъ Батумъ...

Б.

Съ четверга, 17 августа, открывается подписка на трехсотмилліонный пятипро- центный внутренній заемъ для доставленія

казнѣ средствъ къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ минушею войной.

Условія новаго займа, занесеннаго въ государственную долговую книгу подъ названіемъ „Второго Восточнаго займа“ извѣстны изъ сдѣланныхъ публикацій. Небезынтересно сравнить ихъ съ условіями перваго Восточнаго займа, заключеннаго въ прошломъ году.

Первый, 200-милліонный, Восточный заемъ былъ выпущенъ по цѣнѣ 90 за 100. Второй, 300-милліонный, заемъ выпускается по 93 за сто.

Для разбора облигацій двухсотмилліоннаго займа публикѣ былъ данъ продолжительный срокъ дѣлаго мѣсяца, съ 15 іюня до 15 іюля. Облигаціи трехсотмилліоннаго займа должны быть разобраны въ три дня, 17, 18 и 19 августа.

Подписка на первый Восточный заемъ принималась, кромѣ конторъ и отдѣленій Государственнаго Банка, въ губернскихъ и областныхъ казначействахъ тѣхъ городовъ гдѣ таковыхъ конторъ и отдѣленій не имѣется. Подписка на Второй Восточный заемъ принимается только въ Государственномъ Банкѣ и его конторахъ и отдѣленіяхъ.

При первомъ Восточномъ займѣ, кромѣ облигацій въ 100 и въ 1.000 руб., принималась подписка и на 50-рублевая облигаціи. При Второмъ займѣ выпускаются облигаціи только двухъ родовъ, во 100 и въ 1.000 рублей.

Продолжительность времени предназначеннаго для полной реализаціи обоихъ займовъ почти одинакова: при первомъ займѣ она простиралась на 8 мѣсяцевъ (съ 15 іюня 1877 по 15 февраля 1878), при Второмъ опредѣлена тоже слишкомъ въ $7\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ (съ 17 августа 1878 по 5 апрѣля 1879). Но въ разсрочкахъ и размѣрахъ взносовъ по тому и другому займу замѣчается большая разница. 90 рублей за 100-рублевую облигацію перваго Восточнаго займа предстояло уплатить въ *пять* сроковъ съ двухмѣсячными промежутками, а именно:

| | |
|--------------------------------------|-------|
| При подпискѣ (15 іюня—15 іюля) . . . | 16 р. |
| 15 августа | 16 „ |
| 15 октября | 16 „ |
| 15 декабря | 16 „ |
| 15 февраля | 26 „ |
| | 90 „ |

93 руб. за 100-рублевую облигацію выпускаемаго нынѣ Второго Восточнаго займа

должны быть уплачены въ *десять* ежемѣсячныхъ сроковъ, а именно:

| | |
|--------------------------------------|-------|
| При подпискѣ 17—19 августа | 12 р. |
| 1—5 сентября | 11 „ |
| 1—5 октября | 10 „ |
| 1—5 ноября | 10 „ |
| 1—5 декабря | 10 „ |
| 1—5 января | 10 „ |
| 1—5 февраля | 10 „ |
| 1—5 марта | 10 „ |
| 1—5 апрѣля | 10 „ |
| | 93 р. |

Такимъ образомъ, наиболѣе крупный взносъ при первомъ займѣ откладывался до самаго конца его реализаціи, а при нынѣшнемъ займѣ, наоборотъ, относительно болѣе крупные взносы отнесены къ началу его реализаціи. Это обстоятельство не лишено значенія, между прочимъ, по отношенію къ досрочной оплатѣ займовыхъ облигацій (при которой приобрѣтатель оныхъ пользуется пятипроцентнымъ учетомъ), возвышая выпускную цѣну облигацій Второго займа противъ таковой же цѣны перваго. Именню, при полной оплатѣ облигацій перваго займа при самой подпискѣ, учетъ въ пользу приобрѣтателя простирался отъ 1 р. 66 к. до 1 р. 35 к. съ каждой 100-рублевой облигаціи (смотря по тому оплачивалась ли она 15 іюня или 15 іюля). При полной оплатѣ облигацій новаго займа, въ первыхъ числахъ сентября, учетъ въ пользу приобрѣтателя дастъ только 1 р. 16 к. съ каждой 100-рублевой облигаціи. Такимъ образомъ выпускная цѣна облигацій Второго Восточнаго займа, при единовременной оплатѣ (91 р. 84 к.), оказывается на 3 р. 15 к. — 3 р. 50 к. выше выпускной цѣны перваго Восточнаго займа (88 р. 65 к. — 88 р. 34 к.); — разница мало измѣняемая тѣмъ обстоятельствомъ что по новому займу теченіе процентовъ начинается со 2 іюля, то-есть съ момента на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца предшествующаго подпискѣ, тогда какъ при первомъ займѣ теченіе процентовъ начиналось съ 1 іюня, то-есть съ момента на $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ мѣсяца предшествовавшаго подпискѣ.

При этомъ должно еще замѣтить что относительно досрочныхъ оплатъ въ условія подписки на новый заемъ внесено то ограниченіе что таковыя оплаты допускаются *только въ сроки* назначенные для взносовъ. Въ условіяхъ подписки на первый Восточный заемъ такого ограниченія не было.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще одну

немаловажную разницу относительно залога облигацій этихъ займовъ и временныхъ свидѣтельствъ на оныя въ Государственномъ Банкѣ. Правомъ получать ссуды подъ оныя въ размѣрѣ 90% съ суммы произведенныхъ уплатъ, изъ процента не болѣе 5% годовыхъ, при первомъ займѣ предоставлялось пользоваться въ теченіе цѣлаго года со дня открытія займа. Условія подписки на новый заемъ предоставляютъ публикѣ эту льготу не на годъ, а лишь на *восемь мѣсяцевъ* со дня открытія займа.

Въ общемъ выводѣ, приведеннаго сравненія, показывается такимъ образомъ, что заемъ въ триста милліоновъ выпускается по гораздо болѣе высокому курсу и со значительно меньшими льготами противъ тѣхъ, какія считались необходимыми для успѣха двухсотмилліоннаго займа. Но и сравнительно большія выгоды, предоставленныя публикѣ при подпискѣ на первый Восточный заемъ, какъ извѣстно, не могли вполне гарантировать успѣхъ займа: онъ не былъ сполна реализованъ въ назначенный для того срокъ; значительная масса займовыхъ облигацій осталась на рукахъ у Государственного Банка и лишь медленнымъ путемъ сбывалась имъ затѣмъ по различнымъ курсамъ.

На какихъ же соображеніяхъ, послѣ этого, можетъ быть основанъ расчетъ на успѣхъ новаго займа, болѣе крупнаго чѣмъ прежній и выпускаемаго на гораздо менѣе выгодныхъ для публики условіяхъ?

Соображенія эти, безъ сомнѣнія, основываются на сильно измѣнившихся за послѣдній годъ обстоятельствахъ нашего денежнаго рынка. Происшедшія тутъ перемѣны, дѣйствительно, такъ велики, что позволяютъ надѣяться на удовлетворительный исходъ предпринятой нынѣ финансовой операціи, несмотря на всю ея кажущуюся рискованность.

Во время предшествовавшее подпискѣ на первый Восточный заемъ, вызванный военными надобностями чрезвычайный выпускъ кредитныхъ билетовъ доходилъ только до 102 милл.; а вмѣстѣ съ обычно находящимся въ обращеніи количествомъ ихъ (около 735 милл.), всего обращалось ихъ 836½ милл., изъ которыхъ и должно было поступить въ казну по займу 180 милліоновъ. Въ настоящее время чрезвычайный выпускъ кредитныхъ билетовъ перешелъ за 456 милліоновъ, и общая масса ихъ въ обращеніи превышаетъ 1.180 милліоновъ

рублей — масса, изъ которой легче заимствовать 280 милл. рублей чѣмъ 180 изъ 836. Притомъ значительная часть выпущенныхъ въ военное время 456 милліоновъ рублей кредитными билетами не успѣла еще распространиться равномерно по всѣмъ артеріямъ денежнаго обращенія. Во многихъ рукахъ образовались изъ нихъ денежные капиталы еще выжидающіе прочнаго помѣщенія. Между тѣмъ политическій горизонтъ еще не прояснился настолько, чтобы быть благопріятнымъ для возникновенія предпріятій, которыя представляли бы выгодное помѣщеніе для накопившихся денежныхъ капиталовъ, — обстоятельство могущее побудить многихъ помѣстить эти капиталы въ новый заемъ. Этотъ расчетъ, какъ извѣстно, уже оправдался блестящимъ образомъ при выпускахъ срочныхъ 4½% обязательствъ государственнаго казначейства 1 марта и 4 апрѣля текущаго года.

Но это не все. Сверхъ огромной массы обращающихся нынѣ кредитныхъ билетовъ, обращаются у насъ упомянутыя срочныя 4½% обязательства государственнаго казначейства, всего на сумму 100 милліоновъ рублей. Эти срочныя облигаціи принимаются при оплатѣ облигацій новаго займа наравнѣ съ наличными деньгами. Если всѣ эти срочныя обязательства будутъ обмѣнены на займовыя облигаціи, размѣръ займа обращаемаго къ собственно денежнымъ средствамъ сократится до 180 милліоновъ — сумма которая безъ особаго напряженія можетъ быть покрыта изъ 450-милліоннаго избытка надъ обычнымъ размѣромъ нашего денежнаго обращенія.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще одно обстоятельство могущее благопріятно повліять на ходъ предстоящей подписки на заемъ. Это — ежемѣсячность взносовъ, и притомъ взносовъ почти равномерныхъ. Всѣмъ живущимъ своимъ трудомъ и получающимъ помѣсячное жалованье, на частной ли или на государственной службѣ, представляется удобство помѣщать въ облигаціи займа свои ежемѣсячныя сбереженія. Каждый кто можетъ дѣлать ежемѣсячно изъ своего жалованья экономію 10 р., 20 р., 30 р. и т. д., можетъ удобно сдѣлаться черезъ восемь мѣсяцевъ владѣльцемъ одной, двухъ, трехъ и болѣе облигацій; тогда, какъ скопить въ тотъ же срокъ капиталъ достаточный на покупку ихъ въ конторѣ для лицъ этого класса несравненно

трудяе, при представляющихся ежечасно соблазнахъ сдѣлать тѣ или другія не-необходимыя издержки и при маломъ развитіи какое имѣютъ у насъ до сихъ поръ сберегательныя кассы.

№ 209.

Москва, 16-го августа.

На дняхъ за занятіемъ Сараева австрійскими войсками, послѣдовало преобразование оккупационнаго корпуса въ цѣлую армію въ составѣ четырехъ корпусовъ, главнокомандующимъ коей назначается фельдцейхмейстеръ Филипповичъ. Въ составъ этой арміи не входятъ однако войска двинутыя въ Герцеговину, кои должны составить пятый по счету, отдѣльно дѣйствующій, корпусъ. Въ такомъ составѣ, доходящемъ до 160.000 какъ полагаютъ, австрійскія войска будутъ въ состояніи умиротворить не только ту часть Босніи которую предполагалось занять первоначально, согласно статьѣ 25-й Берлинскаго трактата, но и пройти далѣе въ Ново-Базарскій санджакъ, занятіе коего обуславливается теперь чисто военными соображеніями.

Удвоеніе силъ дѣйствующихъ въ Босніи признаютъ за побѣду военной партіи. Утверждаютъ что фельдцейхмейстеръ Филипповичъ еще въ перехода за Саву доказывалъ необходимость довести силы назначенныя занять Боснію и Герцеговину именно до той цифры, какая теперь вынуждается военными обстоятельствами.

Противникомъ фельдцейхмейстера Филипповича выступилъ въ то время, какъ всѣмъ извѣстно, графъ Андраши, утверждавшій что Австрія не можетъ встрѣтить серьезнаго противодѣйствія со стороны населенія. Австро-венгерскій канцлеръ будто бы даже сказалъ что для занятія Босніи достаточно выслать только знамена съ барабанщиками. Вѣроятно въ силу этихъ же соображеній, основываясь на оказавшихся теперь несостоятельными донесеніяхъ дипломатическихъ агентовъ, графъ Андраши гордо отказывался заключить съ Портою конвенцію на условіяхъ ею предъявленныхъ, то-есть чтобы въ Босніи и Герцеговинѣ были признаны верховныя права султана и чтобы былъ точно условленъ срокъ занятія. „Такая конвенція“, говорили тогда въ Вѣнѣ, „нужна развѣ только

Турціи.“ Обстоятельства заставили взглянуть на дѣло иначе. Сопротивленіе оказываемое населеніемъ Босніи и Герцеговины приняло обширныя размѣры и превзошло все ожиданія. Сдѣйствіе Порты инсургентамъ явно обнаружилось, силы двинутыя въ Боснію оказались недостаточными. При такихъ условіяхъ оставалось или прямо отказаться отъ заключенія конвенціи и стать въ открытую вражду съ Турціей, или заключить конвенцію удовлетворивъ желанія султанскаго правительства. Графъ Андраши избралъ, повидимому, послѣднее, и переговоры съ Турціей, не прекращавшіеся, впрочемъ, со времени Берлинскаго конгресса, приняли болѣе оживленный характеръ. Въ Константинополѣ были вполнѣ увѣрены въ благопріятномъ исходѣ переговоровъ и даже назначали заранѣе день подписанія этого договора, именно 16 августа. Но дѣло неожиданно затянулось: Турки, въ виду успѣха инсургентовъ, ни за что не хотѣли отступить отъ назначенія тѣмъ или другимъ порядкомъ срока оккупации, а графъ Андраши не могъ согласиться на это требованіе Порты. Переговоры затянулись снова. Тѣмъ временемъ военныя событія въ Босніи и Герцеговинѣ усложнились, и заключеніе конвенціи представило большія затрудненія.

Какъ извѣстно, 25 статья Берлинскаго договора опредѣляетъ только „что Боснія и Герцеговина будутъ заняты и управляемы Австріею.“ Всѣ полагали что это занятіе, которое какъ ожидали обойдется дешево, можетъ продолжаться неопредѣленное время и представить возможность извлечь изъ обладанія названными провинціями такую пользу которая могла бы вполнѣ вознаградить Австрію за расходы сопряженные съ занятіемъ края. Такое рѣшеніе вопроса временно удовлетворяло обѣ враждебныя партіи изъ коихъ одна, имперская, требовала окончательнаго присоединенія Босніи къ Австріи, другая, венгерская, и слышать объ этомъ не хотѣла.

Затруднительный ходъ дѣлъ въ Босніи былъ на руку венгерской партіи, побѣда казалась за нею, и заключеніе конвенціи какъ средство сломить возстаніе безъ излишнихъ жертвоуказаній становилось возможнымъ. Австро-венгерскія войска заняли Сараево, но сопротивленіе инсургентовъ не было сломлено, желанное умиротвореніе не было достигнуто; понадобились новыя затраты; новое развитіе военныхъ силъ,

и требованія имперской партіи поднялись. Посыпались нападки на политику графа Андраши; вновь выставлено что вознагражденіемъ за всѣ жертвы принесенныя Австріею должно быть не занятіе, а присоединеніе названныхъ провинцій, и что слѣдовательно конвенція торжественно признающая верховенство султана и объявляющая что пребываніе австрійскихъ войскъ въ Босніи и Герцеговинѣ есть только временное, идетъ въ разрѣзъ съ интересами монархіи и даже династіи. „Какъ,“ спрашивали сторонники этой партіи, „нести столько жертвъ деньгами и кровью для того только чтобы возвратить султану „благоустроенную провинцію!“ „Допустить „признаніе верховныхъ правъ султана, торжественно заявить объ этомъ, значитъ „признать Габсбурга вассаломъ Турціи...“ Заключить конвенцію, значитъ признать что австрійскія войска водворяютъ спокойствіе и порядокъ въ краѣ не отъ имени Австрійскаго императора, получившаго на то полномочіе Европы, а отъ имени султана. Уступить этой партіи графъ Андраши не могъ, оглядываясь на Венгрію. Онъ ожидалъ что Венгерцы, въ виду жертвъ понесенныхъ ими, въ виду пролитой ихъ войсками крови (дивизія Сапари состоитъ вся изъ Венгровъ), отступятся отъ своихъ требованій, что ихъ симпатіи къ Туркамъ остынутъ. Разчетъ и тутъ оказался невѣрнымъ, и графу Андраши приходилось, какъ выражается вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung*, „открыто стать или на сторону имперской или на сторону чисто „венгерской политики.“ Графъ Андраши, настаивая на заключеніи конвенціи, отдалъ очевидное предпочтеніе венгерскимъ интересамъ, и положеніе его, какъ утверждаютъ, „пошатнулось.“ Чтобы предотвратить немедленный министерскій кризисъ потребовалось опять, какъ всегда, усиленное вмѣшательство князя Бисмарка, который, какъ передаетъ намъ весьма свѣдущій корреспондентъ, „обнаруживаетъ въ Гастейнѣ „большую дѣятельность чтобы поддержать „Андраши,“ всегда такъ послушно исполнявшаго политическія предначертанія „честнаго маклера.“ Потребовалось прежде всего удовлетворить военную партію: ей брошена новая приманка, сочиненъ „цѣлый проектъ поручить Австріи экзекуцію „во всей западной половинѣ Балканскаго „полуострова.“ Проектъ этотъ обсуждается де теперь въ дипломатическихъ сферахъ.

Этотъ проектъ въ то же время соотвѣтствуетъ цѣлямъ той политики которая стремится продвинуть Австрію на Востокъ.

№ 210.

Москва, 17-го августа.

Телеграмма Рейтерова Агентства изъ Константинополя извѣщаетъ сегодня будто вслѣдствіе представленій трапезунтскаго губернатора, патріарха и англійскаго консула, Лазы рѣшили не сопротивляться занятію Батума Русскими. Телеграмма подписала довольно кстати, такъ какъ, по прежнимъ извѣстіямъ; Порты обѣщалась еще къ 15 (27) августа сдать Батумъ, но сдача эта до сихъ поръ не послѣдовала. Успокоительнѣе было бы получить извѣстіе о рѣшеніи самой Порты принять мѣры для передачи съ рукъ на руки Русскимъ порта который дважды уступленъ султаномъ трактатами имъ подписанными: Санъ-Стефанскимъ и Берлинскимъ. А пока краткая телеграмма Агентства Рейтера о „рѣшеніи“ будто бы принятомъ Лазами по совѣту англійскаго консула не можетъ устранить сомнѣній въ добросовѣстности Порты.

Напротивъ, они находятъ новое достовѣрное подтвержденіе въ письмѣ изъ самаго Батума, отъ 7-го августа; корреспондента *Daily News*, пробравшагося туда не безъ большихъ затрудненій. Когда еще онъ выѣзжалъ изъ Константинополя, то и тамъ онъ ни отъ кого не могъ добиться въ чьихъ рукахъ найдетъ онъ Батумъ: въ русскихъ или турецкихъ; этого не могли сказать ему ни въ сераскиратѣ, ни у русскаго генеральнаго консула. Изъ предосторожности, впрочемъ, онъ запасся русскою визой на своемъ паспортѣ, что потомъ, когда онъ прибылъ въ Батумъ, причинило ему не мало хлопотъ, такъ какъ турецкія власти въ этомъ обстоятельствѣ, по мнѣнію корреспондента, нашли поводъ къ подозрѣніямъ. На пути въ Трапезунтъ, онъ встрѣтилъ товарища по профессіи, одного нѣмецкаго корреспондента, только что высланнаго изъ Батума Дервишъ-пашой. Предостереженіе это не устратило англійскаго корреспондента, и онъ рѣшился добратъ до своей цѣли. По прибытіи въ Батумъ, для него разрѣшилась по крайней мѣрѣ одна тайна: онъ нашелъ Батумъ въ турецкихъ рукахъ.

Чтобъ удостовѣриться только въ этомъ, конечно, не стоило бы ѣздить, но корреспондентъ могъ лично убѣдиться, что въ Батумѣ вовсе и не думали о сдачѣ его Русскимъ. Тамъ во всемъ чувствовалась какая-то таинственность. Приняты всѣ мѣры чтобы не допускать въ Европу достовѣрныхъ свѣдѣній изъ этого города. Только турецкіе пароходы, и то съ долгими промежутками, ходятъ между Батумомъ и Трапезунтомъ, ближайшимъ пунктомъ откуда можно надѣяться доставить въ Европу письмо. Телеграфомъ же пользоваться вовсе нельзя, такъ какъ онъ въ турецкихъ рукахъ и подъ контролемъ турецкихъ властей, не допускающихъ никакихъ депешъ кромѣ правительственныхъ.

Корреспондентъ счелъ первымъ долгомъ повидаться съ Дервишъ-пашой и представиться ему, но турецкій комендантъ при этомъ свиданіи почти все время молчалъ. Другія турецкія власти отнеслись къ корреспонденту подозрительно по причинѣ русской визы на его паспортъ. Сначала представили къ нему стражу не выпускавшую его изъ вида; но найдя бумаги его въ порядкѣ, позволили ему дѣлать что угодно, а затѣмъ секретарь муттесарифа объявилъ ему что онъ долженъ уѣхать на слѣдующемъ пароходѣ.

Между тѣмъ извѣстіе о прибытіи Англичанина причинило корреспонденту и другія хлопоты. Къ нему тотчасъ же отправилась депутація мѣстныхъ беевъ и вождей чтобы заявить ему какъ „представителю Англіи“ намѣренія страны. Они жаловались что покинуты Турціей, но объявляли что несмотря на то рѣшились сопротивляться русскому присоединенію до послѣдней крайности. Горныя племена, по ихъ словамъ, уже выставили значительныя силы, и вскорѣ де будетъ до 20.000 вооруженныхъ бойцовъ. Они де не соглашались ни на какую сдѣлку, и ихъ представители будто бы телеграфировали въ Лондонъ просьбу о британскомъ занятіи страны. Они извѣщали что черезъ два дня назначено собраніе мѣстныхъ магнатовъ въ Чолукъ-су для совѣщанія и рѣшенія касательно плана кампаніи. Послѣ того какъ это совѣщаніе состоялось, вожди Лазовъ и другихъ горныхъ племенъ передали корреспонденту *черезъ посредство муттесарифа*, оттоманскаго гражданскаго губернатора, петицію подписанную 104 вождями. Въ этомъ любопытномъ документѣ, при-

ложенномъ въ переводѣ къ письму корреспондента, вожди обращаются къ „справедливости англійской королевы“, выражаютъ надежду что „цивилизованное англійское правительство не покинетъ ихъ“, и въ заключеніе просятъ увѣдомить англійскій народъ о нуждѣ въ новѣйшихъ ружьяхъ и другихъ пособіяхъ для возможности успешнаго сопротивленія русскому вторженію.

Вообще во все время своего пребыванія въ Батумѣ корреспондентъ вынесъ убѣжденіе что турецкія власти тамъ не имѣютъ желанія чтобы занятіе провинці русскими войсками могло совершиться мирнымъ образомъ. Самое доставленіе корреспонденту упомянутой петиціи *черезъ посредство муттесарифа* доказываетъ это, и онъ вполне убѣжденъ что хотя бы оттоманскія власти и показывали видъ будто хотятъ вѣрно исполнить берлинскія постановленія, но что онѣ умышленно готовятся подъ рукою помогать всѣми силами и безъ того уже хорошо подготовленному сопротивленію горныхъ племенъ. Для насъ интересны еще слѣдующія замѣчанія корреспондента. „Русскіе“, пишетъ онъ, „въ любую минуту могутъ занять портъ и городъ Батумъ; они могутъ даже на сухомъ пути провести кордонъ вокругъ враждебныхъ округовъ; но черезъ Трапезунтъ, а оттуда сухимъ путемъ неопѣнимая помощь можетъ быть подаваема инсургентамъ, и 15.000 ихъ уже стоятъ подъ ружьемъ на границахъ. Какъ у жителей страны, продовольствіе у нихъ естественно подъ рукою, и въ каждой хижинѣ есть полный запасъ зарядовъ. Все повидимому предвѣщаетъ борьбу продолжительную и на смерть, подобную борьбѣ съ Черкесами, борьбу которая можетъ продлиться долѣе нынѣшняго европейскаго мира.“

Въ вѣрности этихъ сообщеній безпристрастнаго корреспондента нѣтъ никакого повода сомнѣваться. А если такъ, то это ли пріобрѣтеніе которое можетъ вознаградить насъ за всѣ великія жертвы и потери войны? Ужели также за всю нашу снисходительность и уступчивость на конгрессѣ мы только пріобрѣли право вести новую борьбу продолжительную, борьбу на смерть съ дикими горцами, которые турецкими и англійскими подстрекательствами возбуждены до крайности и снабжены всѣми средствами для отчаяннаго сопротивленія? На турецкую добросовѣстность полагаться нечего. Батумъ безъ сомнѣнія

портъ хорошій и представляющій большія удобства, но когда турецкое правительство не хочет или объявляетъ что не можетъ исполнить дважды принятое обязательство, то намъ не вторично же воевать съ нимъ, когда у насъ въ рукахъ мирное средство иначе вознаградить себя. Повторяемъ, мы вмѣсто Батума можемъ удовольствоваться весьма небезвыгоднымъ эквивалентомъ. Не забудемъ что Батумъ приобрѣтенъ нами какъ возмѣщеніе за часть военной контрибуціи слѣдующей намъ съ Порты. Но Батумъ нами не занятъ, а вмѣсто того у насъ въ рукахъ заняты нами Эрзерумъ и долина Алашкерта. Такой обмѣнъ былъ бы и вдвойнѣ гуманнѣе. Онъ не стоилъ бы, съ одной стороны, ни капли русской крови, а съ другой, мы избавили бы армянское населеніе отъ турецкихъ реформъ по благодѣтельнымъ указаніямъ г. Леярда съ его аравой консуловъ.

№ 211.

Москва, 18-го августа.

Одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ извѣщаетъ что представленіе Родопскою комиссіей общаго доклада потерпѣло неудачу вслѣдствіе отказа делегатовъ Германіи, Австріи и Италіи подписать его, и что делегаты Англіи и Франціи представили отдѣльные донесенія. Русскій комиссаръ, какъ извѣстно, еще ранѣе удалился изъ этой комиссіи. Вотъ первый результатъ того пресловутаго европейскаго согласія которое было достигнуто въ Берлинѣ. Онъ намъ показываетъ чего можемъ мы ожидать отъ другихъ, гораздо болѣе важныхъ европейскихъ комиссій, имѣющихъ въ послѣдствіи заняться разнообразными организаціонными работами.

Объ этой Родопской комиссіи мы уже имѣли случай говорить нѣсколько времени тому назадъ. Берлинскій конгрессъ разсудилъ назначить ее по поводу извѣстій о бѣдственномъ положеніи населенія въ Родопскихъ округахъ. Но Англійское правительство желало дать этому дѣлу характеръ разслѣдованія о жестокостяхъ, претерпѣваемыхъ мусульманами со стороны Русскихъ и Болгаръ, якобы удостовѣренныхъ донесеніями англійскихъ консуловъ, которые немедленно затѣмъ и были обнародованы. Послѣ того Англійскимъ правитель-

ствомъ обнародованы были дополнительные донесенія въ томъ же родѣ, и болѣе 40 страницъ наполнены жалобами живущихъ въ Болгаріи мусульманъ на обиды якобы нанесенныя имъ со времени заключенія Санъ-Стефанскаго трактата. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обнародованныхъ документахъ сообщаются также нѣсколько подробностей о дѣйствіяхъ Родопской комиссіи, но весьма скудныхъ и одностороннихъ. Онѣ заключаются единственно въ немногихъ донесеніяхъ сэръ-Остина Леярда. Такъ, въ депешѣ отъ 18 іюня, извѣщая о возраженіи русскаго посла въ Константинополь, князя Лобанова-Ростовскаго, противъ распространенія дѣятельности комиссіи „внутри русскихъ линій“, англійскій посолъ присовокупляетъ что англійскій и другіе комиссары засвидѣтельствовали де что иначе разслѣдованіе не приведетъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ, „такъ какъ большая часть селеній которыя были разрушены и жители коихъ были перенесены или изгнаны находятся внутри русскихъ линій.“ По его же словамъ, было де окончательно условлено чтобы комиссія, вмѣсто того чтобы начать свой путь отъ Эгейскаго моря, какъ было предложено, отправилась сначала въ Филиппополь и начала свои разслѣдованія съ этого города, чтобы пройти потомъ мѣстность между нимъ и Родопскими горами, „откуда было изгнано мусульманское населеніе и гдѣ оно повидимому наиболѣе пострадало.“ Это сообщеніе, какъ мы сейчасъ покажемъ, невѣрно, и такъ какъ депеша помѣчена 18 іюля, то оно могло относиться не къ окончательному, а къ первоначальному предположенію, отъ котораго повидимому пришлось потомъ отказаться. Далѣе, въ документахъ относящихся въ Родопской комиссіи значится куріозная телеграмма г. Леярда къ лорду Солсбери, отъ 30 іюля, извѣщающая что онъ, а также и его австрійскій, французскій и италіанскій товарищи отправили де тождественныя инструкціи международнымъ комиссарамъ съ заявленіемъ чтобы они, „несмотря на оппозицію и даже удаленіе русскаго комиссара, продолжали свои разслѣдованія о страданіяхъ которыя, какъ заявлено, потерпѣло мусульманское населеніе въ округахъ занятыхъ Русскими и Болгарами со времени подписанія Санъ-Стефанскаго трактата.“ И лордъ Солсбери поспѣшилъ увѣдомить англійскаго посла

что его распоряженіе въ этомъ дѣлѣ одобряется правительствомъ ея величества. Лордъ Солсбери, конечно, могъ давать какія угодно порученія своему послу и одобрять его дѣйствія, но ему должно же было быть извѣстно что ничего подобнаго Берлинскій конгрессъ не могъ поручить Родопской комиссіи, и что русскими делегатами на конгрессѣ никогда не было дано на это согласія. Послѣ этого неудивительно что комиссія не могла представить общаго доклада.

Вотъ, впрочемъ, и всѣ извѣстія какія мы имѣемъ касательно дѣятельности Родопской комиссіи, такъ какъ нельзя придавать никакого серіознаго значенія сенсационнымъ константинопольскимъ извѣстіямъ въ *Daily Telegraph* о томъ что комиссія посѣтила большую часть городовъ и селеній въ Румелии и Родопскомъ округѣ и произвела де „строгое и безпристрастное разслѣдованіе о поведеніи какъ Русскихъ, такъ и Болгаръ.“ Но мы имѣемъ вмѣстѣ съ тѣмъ другія показанія не лишеныя интереса. Родопская комиссія отказала въ дозволеніи корреспондентамъ сопровождать ее, но она не могла запретить имъ слѣдовать за собой, и предприимчивый корреспондентъ *Daily News* рѣшился на это и проѣхалъ по Родопскому округу. Изъ его длинныхъ корреспонденцій въ свою газету узнаемъ что онъ слѣдовалъ по пятамъ комиссіи. Онъ пишетъ что первоначально предполагалось слѣдовать дѣйствительно по тому пути какой указанъ въ депешѣ Леярда, но встрѣтились разныя препятствія, и потому рѣшено было вернуться черезъ Адрианополь въ Дедеагачъ, и потомъ на англійской яхтѣ отправиться моремъ въ Лагосъ. При этомъ корреспондентъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ что онъ самъ видѣлъ въ Родопскомъ округѣ. Вопервыхъ, онъ видѣлъ множество скота, откормленнаго и тучнаго, а также стада гусей. Затѣмъ онъ проѣзжалъ по полямъ пшеницы, кукурузы и ячменя, на которыхъ уже происходила молотьба хлѣба, и корреспондентъ видя обиліе жалѣлъ только что нѣтъ здѣсь молотилокъ Рансома и Симса. Въ Гумульджинѣ, центрѣ округа, онъ нашелъ много нищеты, но между выходцами, по его словамъ, весьма много и такихъ у кого слишкомъ достаточно хлѣба. При этомъ вотъ что сообщаетъ онъ: „Слѣдуетъ припомнить что при отступленіи изъ Филиппополя, Су-

лейманъ — паша прошелъ черезъ Гумульджину. Его солдаты бунтовали здѣсь и совершали всякаго рода безчинства, врывались въ дома, грабили и унесли съ собой много добычи. До сего дня правительство не вознаградило жителей за понесенныя ими потери. Совсѣмъ иное положеніе дѣлъ было при русскомъ занятіи. Городъ былъ занятъ всего въ теченіе двухъ сутокъ Казанскими драгунами и 250 казаками. Конечно они брали реквизиціи провизіей, фуражомъ и пр., но предъ выходомъ начальникъ отряда отправился въ конакъ и заплатилъ турецкому губернатору 250 полуимперіаловъ за ущербъ понесенный жителями.“ „Я опасаюсь,“ продолжаетъ корреспондентъ, „что весьма мало надежды чтобы комиссіи удалось побудить инсургентовъ положить оружіе пока Русскіе остаются въ странѣ, и тотъ фактъ что ихъ ряды постоянно увеличиваются возвращающимися выходцами, которыхъ сюда присылаетъ изъ Константинополя правительство, повидимому внушаетъ имъ все болѣе увѣренности. Въ то же время инсургенты несомнѣнно питаютъ ошибочную надежду что Англія не замедлитъ подать имъ вскорѣ помощь. Они имѣютъ нѣкоторое основаніе для этого, такъ какъ одинъ изъ ихъ вождей Англичанинъ, и въ ихъ рядахъ есть по крайней мѣрѣ еще одинъ Англичанинъ. Первый есть капитанъ Циммерманъ, родомъ Полякъ, но давно натурализованный Англичанинъ и съ тѣхъ поръ носящій имя Синклера. а другой г. Паджетъ, сынъ лорда Паджета.“

Полагать можно что всѣ эти факты, которые при бѣгломъ проѣздѣ могъ подмѣтить корреспондентъ, не должны были бы ускользнуть отъ наблюденія европейскихъ комиссаровъ. Зачѣмъ же Англійское правительство хотѣло извратить назначеніе комиссіи и обратить ее въ розыскъ о дѣйствіяхъ Русскихъ въ Румелии? Цѣль эту откровенно объясняетъ самъ г. Леярдъ, въ депешѣ 3 августа, которою сопровождаетъ новыя омерзительныя донесенія своихъ консуловъ, такъ дружно жившихъ съ башни-бузуками: „Тѣ кто изобличали болгарскіе ужасы и возбудили, во имя гуманности, одну изъ самыхъ жестокихъ и неправедныхъ войнъ, нынѣ молчатъ. Но развѣ нѣтъ надежды чтобы вслѣдствіе обнародованія такихъ донесеній каковы донесенія г. Калверта и другихъ общественное мнѣніе Европы не могло оказать давления на Россію?“

Эти не прекращающіяся махинаціи Англійскаго правительства возбудили нѣкоторое раздраженіе даже въ нашей благодушной французско-русской офиціозной *Agence Générale Russe*, и на дняхъ этотъ листокъ помѣстилъ предлинную іереміаду по этому поводу. Слезно плачется онъ на новую дипломатическую кампанію начинаемую Англіей, упрекаетъ Британское правительство за то что оно, послѣ всей примирительности и умѣренности обнаруженной Россіей на конгрессѣ, не хочетъ отвѣчать тѣмъ же (какъ будто этого можно было серьезно ожидать!) и дѣйствовать рука въ руку (*hand by hand*) съ Россіей, указываетъ что ему лучше слѣдовало бы отозвать Леярда, напоминаетъ что лица облеченныя довѣріемъ Русскаго Государя въ Константинополь и Болгаріи, князь Лобановъ-Ростовскій и князь Дондуковъ-Корсаковъ, суть вполнѣ „джентльмены“, и въ заключеніе даже грозитъ — да грозитъ! — говоря что, такъ какъ организація Болгаріи въ теченіе года поручена исключительно русскому занятію, то дипломатическая кампанія Англіи встрѣтитъ де „твердость съ какою Русское правительство и нація имѣютъ обыкновеніе охранять свои права и свое достоинство.“

Къ чему теперь эти запоздалыя угрозы, и умѣстны ли они по такому поводу, который былъ естественнымъ послѣдствіемъ Берлинскаго конгресса.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, приучено Англійское правительство къ такому нахальному съ нами обращенію какъ не нашею же податливостію и готовностію оправдываться и извиняться чуть не въ собственномъ существованіи. Стоить лишь отнестись съ презрѣніемъ ко всѣмъ подобнымъ обращеніямъ англійской дипломатіи, и вы увидите какъ скоро она прикуситъ языкъ. Вѣдь сама же *Agence* удивляется что вотъ, на примѣръ, Австрію никто не упрекаетъ за строгость съ какою Австрійцы подавляютъ инсurreкцію въ Босніи...

№ 212.

Москва, 19-го августа.

Берлинскій трактатъ уже давно ратификованъ, а со стороны Турціи не принято никакихъ мѣръ ни для исполненія условій договора, ни для разоруженія своей арміи.

Напротивъ, Турки вооружаются. Они дѣлаютъ заграничныя заказы оружія, комплектуютъ войска, развиваютъ свои силы именно тамъ гдѣ слѣдовало бы сокращать ихъ. Мало этого, Константинопольскій кабинетъ подъ рукой употребляетъ всѣ усилія чтобы возбудить воинственный пылъ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ онъ не обнаруживался даже во время войны, какъ, на примѣръ, въ Албаніи. Родопскіе инсургенты не только не усмирены, но, какъ утверждаютъ, получили значительное пособіе со стороны Порты. Международная Родопская коммиссія потерпѣла совершенное фiasco, и явно обнаружила враждебную интригу Англіи. Границы юнаго Болгарскаго княжества охватываются волнуемымъ враждебнымъ населеніемъ. Въ Румелию, при нашемъ усердномъ сочувствіи, возвращаются озлобленные мусульманскія массы, выгнанныя оттуда войною. Дѣла на греческой границѣ не улаживаются. Порта наотрѣзъ отказалась улучшить свои отношенія къ Греціи, и всѣ требованія послѣдней, основанныя на рѣшеніи конгресса, считаютъ лишь неосновательными притязаніями. Въ этихъ видахъ, Порта обратилась къ державамъ участвовавшимъ въ Берлинскомъ договорѣ съ циркулярною депешей, въ которой, пунктъ за пунктомъ разбирая меморандумъ Деліани подданный конгрессу, старается убѣдить державы что рѣшеніе конгресса несправедливо, а потому и исполненію не подлежитъ. Вмѣстѣ съ этимъ Порта усиливаетъ свои войска на границахъ Греціи.

Неуступчивою оказалась Порта и по отношенію къ Австріи. Здѣсь, правда, Турецкое правительство не рѣшается выступить съ открытымъ протестомъ, за то ежеминутно дѣлаетъ какія-либо новыя затрудненія къ подписанію конвенціи которая могла бы установить отношенія между ею и Австріей. Турки тянутъ переговоры и дѣлаютъ уступки когда Австрія не соглашается на ихъ требованія; но коль скоро со стороны Вѣнскаго кабинета послѣдуетъ согласіе приступить къ окончанію дѣла, Порта предъявляетъ новыя требованія, и дѣло останавливается, начинается новый торгъ. Въ Константинополь какъ будто ждуть чего-то, явно стараясь выгадать время.

Отношенія Порты къ Черногоріи и Сербіи еще рѣзче: съ Сербами Турки столкнулись изъ-за Враньи, Черногорцамъ не очищаютъ территоріи которую обязаны сдать

въ силу Берлинскаго трактата. Дѣло доходить почти до войны.

По отношенію къ Россіи, Турецкое правительство держитъ себя осторожнѣе: изъясняетъ готовность сдать все что намъ принадлежитъ въ силу договора, но извиняется что не въ состояніи исполнить этого, такъ какъ жители и войска не слушаются правительства, которое поэтому нуждается въ отсрочкахъ чтобъ имѣть время однихъ уговорить, другихъ заставить подчиниться обязательствамъ кои подписаны султаномъ.

Въ виду угрозы прибѣгнуть къ силѣ, Турецкое правительство дѣлаетъ видъ что приступаетъ къ исполненію договора: учреждается коммиссія для сдачи Батума, высотъ Цихидири и другихъ мѣстъ отходящихъ по договору къ Россіи, и вдругъ опять извиненія что въ назначенный день оказалось невозможнымъ сдать, напримѣръ, позицію у Цихидири „по недостатку транспортныхъ судовъ для перевозки войскъ и переселенцевъ.“ Между тѣмъ вдоль всей демаркаціонной линіи турецкія войска не только не уменьшаются въ составѣ, но усиливаются присылкой новыхъ, хорошо организованныхъ частей. Такъ еще на дняхъ, если вѣрить нѣмецкимъ свѣдѣніямъ, въ Батумъ отправлены два баталіона въ полномъ составѣ. У Эрзиньяна, у Байбурта, у Муша и въ окрестностяхъ Батума собраны большія силы войскъ, вполнѣ уже приведенныхъ въ порядокъ, одѣтыхъ заново и снабженныхъ большимъ количествомъ военныхъ запасовъ. Теперь турецкимъ главнокомандующимъ дѣлаются смотры этихъ войскъ.

На позиціяхъ подъ Константинополемъ Турки продолжаютъ держать тѣ же силы какія были собраны тамъ ко дню открытія конгресса, усиливъ ихъ гарнизонами Шумлы и отчасти Варны.

Приемъ употребляемый турецкою дипломатіей всюду, одинъ и тотъ же, что даетъ право предполагать что она дѣйствуетъ по обдуманному плану. Вездѣ дѣло доходитъ до крайняго напряженія, раздаются или грозятъ раздаться выстрѣлы, а затѣмъ приѣзжаютъ турецкіе уполномоченные и начинаются сызнова переговоры о томъ что всѣми кромѣ Турокъ считалось рѣшеннымъ.

Русская сила подъ стѣнами турецкой столицы есть единственная гарантія исполненія Портой принятыхъ ею на себя обязательствъ. Когда большая часть этой си-

лы уйдетъ, въ Константинополѣ, по всему вѣроятію, заговорятъ тономъ выше, ссылаясь на фанатизмъ мусульманъ отказывающихся повиноваться волѣ падишаха.

№ 214.

Москва, 21-го августа.

Корреспондентъ *Daily News*, который, несмотря на то что Родопская коммиссія не допустила никого изъ газетныхъ корреспондентовъ присутствовать при своихъ разслѣдованіяхъ, имѣлъ предпримчивость вслѣдъ за нею произвести свое разслѣдованіе на тѣхъ же мѣстахъ, продолжаетъ сообщать въ свою газету свѣдѣнія, весьма впрочемъ запоздалыя, такъ какъ послѣднее его письмо помѣчено отъ 8-го августа н. ст., что впрочемъ объясняется изолированностью мѣстности откуда онъ пишетъ.

Послѣднія два письма этого корреспондента помѣщенные оба въ *Daily News*, отъ 26 августа, никто не можетъ изобличить въ пристрастіи къ Русскимъ или Болгарамъ и въ предубѣжденіи противъ Турокъ. Онъ, напримѣръ, весьма пространно разказываетъ все что слышалъ въ Дедагачѣ о пресловутомъ, наводящемъ ужасъ на все окрестное населеніе, болгарскомъ разбойникѣ, нѣкоемъ Петко, и обвиняетъ русскія власти въ томъ что онѣ оставляютъ этого Петко свободно разгуливать. Корреспондентъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ что Петко сумѣлъ оказаться чрезвычайно полезнымъ для Русскихъ своимъ знаніемъ всѣхъ горныхъ тропинокъ между Дедагачемъ и Демотикой. Отъ русскаго коменданта, графа Стенбока, корреспондентъ слышалъ и другое объясненіе, а именно что хотя противъ этого Петко русскимъ властямъ и было заявлено много жалобъ, но что ни въ одномъ случаѣ онъ не могъ быть уличенъ.

Вотъ единственный сколько-нибудь серьезный упрекъ русскимъ властямъ въ Румелии. Но и этотъ гораздо менѣе говорить противъ Русскихъ или Болгаръ чѣмъ противъ самихъ Турокъ и турецкаго управленія. Кто этотъ страшилище, имя котораго такъ извѣстно что имъ даже пугаютъ дѣтей? Явился ли онъ вслѣдствіе новаго порядка вещей, послѣ Санъ-Стефанскаго мира? Нѣтъ, онъ началъ свои

подвиги уже давно, за четыре или пять лѣтъ тому назадъ, во время полнаго владычества Турокъ, когда онъ набралъ себѣ шайку около 400 человекъ и совершалъ безнаказанно грабежи и убійства безразлично между Турками и христіанами во всей казѣ, а иногда отваживался являться и въ самомъ Дедеагачѣ; между тѣмъ турецкіе чиновники, несмотря на постоянныя жалобы, не дѣлали никакихъ попытокъ поймать его или прекратить его безчинства, и корреспонденту были доставлены доказательства что эта апатія со стороны турецкихъ властей объяснялась извѣстными приношеніями которыя онъ регулярнымъ образомъ получали отъ разбойника. Любопытенъ также разказъ корреспондента что нѣсколько недѣль тому назадъ этотъ Петко поссорился со своимъ прежнимъ товарищемъ, Грекомъ Аргеле, изъ-за дѣлежа добычи, и весь отрядъ раздѣлился на двѣ враждебныя шайки, изъ коихъ одна не щадитъ Грековъ, а другая—Болгаръ. И хотя корреспондентъ упрекаетъ Русскихъ за ихъ снисхожденіе къ Петко, но онъ же разказываетъ что греческій консулъ въ Дедеагачѣ имѣетъ тайныя сношенія съ лицами изъ шайки Аргеле.

Къ чести своей корреспондентъ, передавая съ большою подробностью все что слышалъ объ этомъ Петко, предостерегаетъ читателей что самъ онъ отнюдь не поддерживаетъ взглядовъ господствующихъ въ нѣкоторыхъ сферахъ, будто Турокъ повсюду угнетаютъ Русскіе и Болгары и будто Родопское возстаніе было вызвано основательными причинами. Вотъ что онъ пишетъ далѣе: „Въ Дедеагачѣ всѣ Греки поголовно—а это греческій городъ—говорятъ что они довольны русской администраціей. Они съ большими похвалами отзываются о комендантѣ графѣ Стенбокѣ, и не имѣютъ ни въ чемъ пожаловаться на него развѣ въ томъ что онъ не очень торопится перехватать разбойниковъ. Но они будутъ очень огорчены если Русскіе оставятъ городъ чтобы передать его снова Туркамъ. Я не порицаю ихъ. Русскіе можетъ-быть не сдѣлали всего возможнаго чтобы перехватать грабительскій отрядъ Петко, но они много сдѣлали въ самомъ городѣ, гдѣ господствуетъ полный порядокъ, и русскіе солдаты братаются съ Греками, Турками и Армянами, дѣлясь дынями и мѣ-

нясь папиросами, какъ будто бы были завзятыми друзьями.“

Дальнѣйшія подробности корреспондентъ предупредилъ уже телеграммой въ *Daily News*, отъ 27 августа, изъ которой стоитъ привести слѣдующее: „Я разспросилъ болшую часть свидѣтелей которые были вызваны комиссіей. Они всегда говорили что „заявленные жестокости не были совершены въ ихъ собственныхъ селеніяхъ, но были де совершены въ близъ лежащихъ селеніяхъ... Но деревни не были сожжены безъ причины. Вскорѣ послѣ взрыва возстанія на Родопѣ, около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ, два баталіона Русскихъ были окружены инсургентами не далеко отъ Станимаки и перебиты въ то время какъ спали въ палаткахъ. Для того чтобы дать имъ суровый урокъ Русскіе и сожгли селенія гдѣ инсургенты имѣли пріютъ.“

Весьма естественно что большинство комиссаровъ отказались подписать докладъ который англійскому комиссару хотѣлось представить какъ результатъ занятій комиссіи, и остается только страннымъ почему представитель Франціи нашелъ нужнымъ поддержать своего англійскаго товарища. Телеграмма корреспондента *Daily News* подоспѣла какъ нельзя болѣе кстати въ то время какъ туркофильскіе корреспонденты другихъ газетъ, *Times* и *Daily Telegraph*, изъ Константинополя подготавливали публику къ потрясающему докладу Родопской комиссіи. Особенно хороши были телеграммы послѣдней газеты, на примѣръ одна изъ нихъ: „Докладъ консула Фосетта сэръ-Остину Леярдю представленъ конгрессу (?) вполнѣ подтверждается. Комиссія приглашаетъ Европу установить подобную комиссію постоянного и международнаго характера въ Восточной Румелии (?) на мѣсто Русскихъ чиновниковъ, которые страшно злоупотребляютъ положеніемъ.“ Любопытно что этотъ же консулъ Фосеттъ былъ и представителемъ Англій въ Родопской комиссіи. А вотъ и другая телеграмма на слѣдующій день: „Докладъ комиссіи приводится къ указанію что если изгнать московскій элементъ изъ страны, то примиреніе между Турками и Болгарами возможно. Онъ возлагаетъ отвѣтственность за совершенныя насилія вполнѣ на русскую армію и рекомендуетъ наискорѣйшее возвращеніе турецкихъ выходцевъ и учрежде-

ніе земледѣльческаго банка для пособія имъ.“

Очевидно что вся эта комедія Родопской комиссіи была выдумана Англіей къ тому чтобы приготовить умаленіе до ничтожества такъ-называемой мѣстной автономіи предоставленной конгрессомъ Южной Болгаріи, и постепенное возстановленіе въ ней полнаго турецкаго владычества.

№ 215.

Москва, 22-го августа.

Въ августовской книжкѣ *Морскаго Вѣстника* напечатаны интересныя извлеченія изъ сочиненія капитана англійской службы Коломба о морскихъ средствахъ Англіи для крейсерской войны. Сочиненіе это, какъ сообщаетъ авторъ статьи въ *Морскомъ Сборникѣ*, г. Мертваго, удостоенъ *Общественномъ соединенныхъ службъ* первой конкурсной преміи за 1877 годъ.

Капитанъ Коломбъ доказываетъ что морское могущество Англіи заключается не столько въ массѣ затратъ морскаго министерства и количествѣ ея военныхъ судовъ, сколько въ неуклонномъ развитіи опредѣленной системы.

„Еслибы,“ съ гордостью восклицаетъ капитанъ Коломбъ, „Англія пришлось вступить въ борьбу на морѣ хотя бы со всѣмъ міромъ, то враждебныя дѣйствія начались бы все-таки при одномъ, безспорномъ и практическомъ преимуществѣ въ ея пользу. Въ чудномъ созвѣздіи морскихъ станцій, которыми Англія усыпала океаны, она владѣетъ безусловною монополіей средствъ. Она вступить въ борьбу имѣя цѣлый рядъ связанныхъ между собою, опорныхъ точекъ съ подавляющимъ значеніемъ, и съ этою организаціей не въ силахъ соперничать даже цѣлый міръ связанный союзомъ (?!).“ Выразивъ такое самонадѣянное убѣжденіе, главнымъ образомъ основанное на томъ, что Англія вездѣ можетъ находить запасы топлива въ собственныхъ владѣніяхъ, авторъ невольно сознается что, рядомъ съ этою громадною силой, Англія страдаетъ слабостью, „которая заключается въ томъ что одновременно со ввозомъ сыраго хлопка стоимостью въ одинъ фунтъ, для передѣлки его на фабрикахъ, на такую же сумму необходимо ввозить въ Англію и сыраго зерна или муки для пропитанія

ея жителей.“ „Кромѣ того,“ говоритъ авторъ,

„случилась и другая перемѣна. Въ морской войнѣ при старыхъ условіяхъ захватъ какой-либо колоніи не могъ причинить большаго вреда Англіи, теперь же уничтоженіе угольныхъ складовъ на британской почвѣ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Лишенные угольныхъ запасовъ, безусловно необходимыхъ для нихъ какъ для боевыхъ судовъ, британскіе военные корабли вынуждены будутъ или бѣжать отъ меньшихъ силъ, или же сдаваться, а торговля должна будетъ прекратить свое движеніе.“

„Съ морской точки зрѣнія, Британскую имперію можно сравнить съ громадно разросшеюся нервною системою съ артеріями и венами; легкія и мозги этой системы находятся на британскихъ островахъ; питательные органы въ большихъ индійскихъ, австралійскихъ и сѣверо-американскихъ владѣніяхъ, а нервные узлы—на коронныхъ колоніяхъ. Главныя артеріи и соотвѣтствующія вены распространяются: на востокъ черезъ Средиземное и Красное моря до Индіи, Китая и Австраліи; на западъ до Америки и Вестъ-Индіи; на югъ до Австраліи и Южной Америки и въ Тихій океанъ. Мельчайшіе волосные сосуды на окраинахъ цивилизациі собираютъ сырыя произведенія народовъ, передаютъ собранное въ болѣе крупныя каналы, которые въ свою очередь препровождаютъ ихъ къ сердцу. Этотъ могущественный органъ, извлекая все необходимое для своего собственнаго существованія, прогоняетъ переданныя ему произведенія, но уже въ обработанномъ видѣ, главнѣйшими путями снова къ окраинамъ. Жизнь государства такого высшаго образованія можетъ держаться на ниткѣ. Это есть живой организмъ, составныя части котораго взаимно зависимы и въ высшей степени чувствительны въ своихъ сношеніяхъ. Ударъ въ сердце можетъ убить жизнь организма внезапно, но точно также смерть его несомнѣнна, если перерѣзать и отдаленную артерію или поранить нервный узелъ.“

Начертивъ этотъ образъ организма „высшаго образованія“, который вѣдается во всѣ страны и народы и питается ихъ соками, капитанъ Коломбъ разбираетъ тѣ случайности которымъ Англія можетъ подвергнуться во время войны и приходитъ къ заключенію что опасности не предви-

дится. Чтобы доказать свое положеніе авторъ разсматриваетъ каждый изъ пяти главныхъ ввозныхъ и вывозныхъ торговыхъ путей, а именно: 1) идущій на востокъ чрезъ Средиземное море, въ Индію, Китай, Японію и Австралію; 2) южный—въ Африку и Южную Америку, а также вокругъ мыса Доброй Надежды, Магеллановымъ проливомъ и вокругъ мыса Горна; 3) юго-западный путь—въ Вестъ-Индію и къ Панамскому перешейку; 4) западный, соединяющій Англію съ Сѣверо-Американскими Штатами и Канадой; и 5) сѣверо-восточный, ведущій въ Балтику. По мнѣнію автора, каждый изъ названныхъ путей хорошо обезпеченъ, за исключеніемъ незначительныхъ пробѣловъ, которые легко исправить захватами немногихъ пунктовъ у второстепенныхъ державъ. Дѣйствительно, изъ приложенной къ статьѣ карты видно что только въ рѣдкихъ случаяхъ морскія станціи англійскихъ колоній находятся другъ отъ друга на разстояніи 3.500 миль, то-есть пространства допускающаго возможность запасти топливо для предстоящаго рейса.

Англійскій морякъ-политикъ говоритъ просто-напросто о необходимости для Англіи, въ случаѣ войны, воспользоваться владѣніемъ какой-нибудь слабой державы, которая должна такимъ образомъ подчиниться могуществу Англіи. Въ другомъ мѣстѣ, онъ предусматриваетъ шансы союзовъ съ державами имѣющими колоніи по сосѣдству съ англійскими. Наконецъ, обращая вниманіе на нѣкоторыя невыгоды пути на дальнемъ Востокѣ, говоритъ: „Было бы чрезвычайно желательно отхватить отъ Японіи, Кореи или Китая *кусочекъ* территории; чтобы превратить его въ военноморской складъ.“ Тутъ же заявляя что совершенно подходящими для этого пунктами были бы: портъ Гамильтонъ на южной окраинѣ Кореи и островъ Теу-Сима, принадлежащій Японіи. Вотъ что называется *faire de la bonne politique!* Одно только пространство на всемъ земномъ шарѣ немножко тревожитъ самодовольнаго Англичанина: это громадный треугольникъ Тихаго Океана, между Фалкландскими островами, островами Фиджи и Ванкуверомъ, гдѣ разстояніе между конечными пунктами достигаетъ 6.700 и даже 7.900 миль. Но и этому горю капитанъ Коломбъ совѣтуетъ помочь захватомъ Гваделупы. Такимъ образомъ Англія можетъ быть совершенно

спокойна отъ всякихъ посягательствъ, развивая систему захватовъ до крайняго предѣла и глумясь надъ населеніемъ всего земнаго шара.

Но если отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ мечтамъ Британца и вспомнить его же выраженіе что „жизнь такого государства высшаго образованія держится на ниткѣ“, то интересно ознакомиться съ размѣрами привозной англійской торговли необходимой для пропитанія ея жителей, а также со сравнительнымъ значеніемъ путей по которымъ двигается эта торговля. Въ только что вышедшей *Сравнительной статистикѣ Россіи и западно-европейскихъ государствъ*, Ю. Э. Янсона, находимъ что по свѣдѣніямъ за 1875 годъ цѣнность привозной торговли Англіи, выраженная въ милліонахъ нѣмецкихъ марокъ, равнялась 7.479, а вывозной торговли 5.632. По отзывамъ же Вильяма Ратбона, члена парламента отъ города Ливерпуля, перевѣсъ привозной торговли надъ вывозною въ теченіи пятнадцати лѣтъ, съ 1860 по 1874 годъ включительно, колебался между 40 и 72 милліонами фунтовъ стерлингъ, достигнувъ въ 1875 году 92 милліоновъ, въ 1876—118 милліоновъ, а въ 1877 году громадной цифры 196 милліоновъ фунтовъ стерлингъ.

Цифры эти, не имѣющія себѣ ничего подобнаго въ торговыхъ балансахъ другихъ государствъ Европы, распределяются по англійскимъ торговымъ путямъ неравномѣрно. Такъ на основаніи свѣдѣній *State-man's Year Book*, приводимыхъ тѣмъ же капитаномъ Коломбомъ за 1877 годъ, видно что по своей цѣнности восточный путь будетъ однимъ изъ первыхъ, потому что ежегодно, принимая въ разчетъ торговлю Англіи только со странами за Египтомъ, цѣнность ея оказывается во 100.000.000 фунтовъ стерлингъ. Цѣнность торговли южныхъ дорогъ вокругъ мысовъ Доброй Надежды и Горна простирается до 62 милліоновъ фунтовъ. По юго-западному пути проходитъ товаровъ на сумму до 20 милліоновъ фунтовъ. По западному пути, въ одни Соединенные Штаты и обратно, идетъ товаровъ на 91 милліонъ фунтовъ, а вмѣстѣ съ Канадой на 110 милліоновъ. Наконецъ, сѣверо-восточный путь цѣнится въ 80 милліоновъ. Такимъ образомъ, говоритъ Коломбъ, *восточный* путь, по своей важности, можно поставить первымъ, *западный*—вторымъ, *южный*—третьимъ, *сп-*

веро-восточный—четвертымъ и юго-западный—пятымъ.

Изъ приведенныхъ цифръ ясно какъ для Англіи важна свобода передвиженія повсѣмъ упомянутымъ путямъ ея торговаго флота, состоящаго изъ 25.461 судовъ (Янсонъ *Сравн. Ст.*). Безъ привозной торговли не могло бы кормиться ея населеніе.

Изучивъ въ подробностяхъ условія англійской морской торговли, разумно руководимое государство можетъ съ своей стороны развить соотвѣтственную систему активной обороны. Кто мѣшаетъ Россіи, на примѣръ, признавъ всѣ выгоды крейсерства, заранѣе поставить его въ наиболѣе дѣйствительныя условія? Недостаточно за пасться быстроходными судами; надо обезпечить имъ еще возможность дѣйствія. Обозрѣвая послѣдовательно каждый изъ пяти путей англійской торговли, легко сообразимъ что Россія могла бы явиться опаснымъ ей противникомъ преимущественно на крайнемъ востокѣ *восточнаго пути*, на *западномъ пути* и на *сѣверовосточномъ*. Послѣдній путь, столь важный для Англіи по доставкѣ сырья и зерноваго хлѣба изъ нашихъ же портовъ Балтійскаго побережья, въ случаѣ войны съ Англіей, пресѣкается самъ собою. Но побивая насъ въ этомъ случаѣ собственными боками, Англія неминуемо будетъ поставлена въ положеніе крайней опасности встрѣтившись съ правильно организованнымъ крейсерствомъ на пути *западномъ*. Затрудненіе подвоза зерноваго хлѣба и хлопка изъ Сѣверной Америки можетъ повлечь за собою послѣдствія, объемъ которыхъ трудно предвидѣть. Наконецъ, опираясь на базисъ береговой линіи Восточнаго океана, мы несомнѣнно можемъ явиться для Англіи грозными противниками въ томъ громадномъ треугольникѣ на который, съ нескрываемымъ опасеніемъ, озирается капитанъ Колумбъ. Развитие военнаго флота въ При-Усурійскомъ краѣ становится вопросомъ первоклассной, государственной важности. Тутъ нѣтъ даже времени для размышленія: каждый лишній годъ бездѣйствія въ этомъ направленіи грозитъ неознаградимыми потерями. Пусть продолжается споръ о дальнѣйшемъ типѣ нашего флота, но ничто не мѣшаетъ намъ, до окончательнаго разрѣшенія его, держать въ Восточномъ океанѣ представителей разнообразныхъ типовъ. Если крейсерскихъ судовъ недостаточно для дѣйствій самостоятельныхъ, пусть рядомъ съ ними

на раздольѣ Восточнаго океана плаваютъ и броненосцы, и едва ли можетъ подлежать сомнѣнію что подобное передвиженіе было бы встрѣчено сочувственно людьми противоположныхъ мнѣній. На Восточномъ океанѣ мы должны быть хозяевами. Въ мирное время слѣдуетъ предусматривать: случайности войны, готовиться къ ней, заключать и подготавливать союзы. Попомнимъ также мудрое правило капитана Колумба: „каждое строящееся судно прежде всего должно удовлетворять нуждамъ мирнаго времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно судно не должно строиться безъ опредѣленнаго для него мѣста въ общемъ планѣ войны.“

№ 216.

Москва, 23-го августа.

Прошло болѣе двухъ недѣль со времени занятія Австрійцами Сараева, а новыхъ вѣстей о „подвигахъ“ австрійскихъ войскъ что-то не слышно. Телеграфъ сохраняетъ упорное молчаніе, и можетъ-быть этому обстоятельству слѣдуетъ приписать возникновеніе преувеличенныхъ слуховъ о несчастной судьбѣ постигшей будто бы 20-ю дивизію графа Сапари окопавшуюся у Добоя. Слухи эти поручено было опровергнуть вѣнскому телеграфному агентству (*Correspondenz-Bureau*), которое и сдѣлало это сообщивъ что графъ Сапари стоитъ съ *опредѣленною цѣлью*, твердо какъ скала, и занимаетъ такую неприступную позицію что послѣ многочисленныхъ, кроваво отбитыхъ атакъ инсургенты уже не рѣшались атаковать ея. Надо сознаться что въ такомъ опроверженіи мало успокоительнаго. Стоять „твердо какъ скала“, подвергаясь каждую ночь тревогамъ и отъ трехъ до четырехъ разъ на недѣль атакамъ, — которыя длятся, какъ, на примѣръ, 23 августа, по девяти съ половиной часовъ сряду, положеніе незавидное.

Главныя силы Австрійцевъ, по согласнымъ газетнымъ извѣстіямъ, остановились въ Сараевѣ. Онѣ очевидно заботены двумя задачами, требующими времени: съ одной стороны, выждать прибытія значительныхъ подкрѣплений, къ нимъ высланныхъ; съ другой, обезпечить свои сообщенія. Линіи этихъ сообщеній отъ австрійской границы до Сараева очень длинны и подвергаются безпрестанному перерыву, такъ

что даже полевой почтъ приходится по цѣлой недѣлѣ не посылать ни одного транспорта въ главную квартиру. На эту задачу указываетъ и офиціозная газета Австрійскаго правительства *Wiener-Abend-post*, объясняя публикѣ временное затишье военныхъ операцій.

Она говоритъ что затишье это есть только кажущееся. „Фактически австрійскія войска на обоихъ театрахъ оккупациі находятся въ полнѣйшей дѣятельности, ибо теперь слѣдуетъ прежде всего обезпечить приобрѣтенное и создать непрерывный базисъ въ самой Герцеговинѣ и Босніи. Въ горной войнѣ защита соединительныхъ линій принадлежитъ къ самымъ труднымъ задачамъ, требующимъ полнаго вниманія генераловъ и неослабной дѣятельности войскъ. Это въ особенности имѣетъ значеніе въ то время когда защитникъ страны извлекаетъ свои силы изъ самихъ жителей... Разбитые и разсѣянные нашими войсками непріятельскіе отряды бросаются на наши фланги и наши тыловыя линіи. Они могутъ тамъ угрожать нашимъ продовольственнымъ колоннамъ, беспокоить подходы нашихъ резервовъ, еслибы мы стали удлинять наши операціонныя линіи прежде чѣмъ будутъ созданы достаточныя ручательства противъ такого рода случайностей.“ Къ этой задачѣ австрійское военное начальство приступаетъ даже съ такою „осмотрительностью“ что первую заботой барона Флипповича по взятіи Сараева было возстановленіе укрѣпленій Сараевской цитадели и заложеніе временныхъ верховъ на высотахъ окружающихъ боснійскую столицу. Преслѣдованіе же и разысканіе разбитаго непріятеля пока, сколько можно судить, не входитъ въ особенныя цѣли австрійскаго главнокомандующаго, и въ Сараевѣ имѣются по этому предмету весьма неопредѣленные свѣдѣнія.

На ходъ военныхъ дѣлъ не могутъ не дѣйствовать финансовыя и другія затрудненія испытываемыя Австро-Венгерскимъ правительствомъ. Приступая къ занятію Босніи съ ошибочными идеями объ этомъ дѣлѣ, правительство невѣрно опредѣлило и цифру военнаго кредита. Припомнимъ что, требуя 60 милліоновъ гульденовъ отъ парламентовъ, австро-венгерскіе министры весьма пространно указывали на цѣли кредита. Кромѣ войскъ предназначаемыхъ въ Боснію и Герцеговину, тутъ были и сосре-

пленія въ сторону Россіи. Дѣйствительность самымъ проницательнымъ образомъ насмѣялась надъ этими рѣчами. По свѣдѣніямъ вѣнскаго корреспондента *National-Zeitung*, имперскій министръ финансовъ баронъ Гофманъ долженъ былъ признаться въ комитетѣ основанномъ для вспоможенія семействамъ резервистовъ что мобилизація уже перешла за двѣсти тысячъ человекъ. А при такихъ размѣрахъ напряженія военныхъ силъ весьма естественны финансовыя затрудненія. Тотъ же корреспондентъ утверждаетъ какъ положительный фактъ что издержки превышаютъ уже нынѣ 100 милліоновъ гульденовъ, то-есть что разрѣшенный кредитъ передержанъ на 40 милліоновъ, и что кромѣ того всѣ имѣвшіеся остатки въ казначействахъ употреблены въ дѣло. Нѣтъ сомнѣній что въ этомъ отношеніи мы будемъ свидѣтелями очень бурныхъ преній въ предстоящихъ къ созыву осенью делегаціяхъ. Одною изъ мѣръ вызванныхъ экономическими соображеніями стѣсненнаго въ матеріальныхъ средствахъ Австро-Венгерскаго правительства былъ, напримѣръ, реквизиціонный способъ къ которому оно прибѣгло для составленія обоза. Очевидно что правильное устройство этого важнѣйшаго фактора при всякихъ военныхъ дѣйствіяхъ есть совершенная необходимость. А между тѣмъ, при исполненіи этой мѣры, оно натолкнулось на серіозное сопротивленіе въ Венгріи, какъ будто бы дѣло шло о реквизиціяхъ въ непріятельской странѣ. Цѣлыя комитаты, и во главѣ ихъ Пештскій, отказываются поставлять лошадей и повозки для арміи. Въ военное дѣло вмѣшиваются политическія страсти. Приходится смѣщать строптивыхъ вице-губернаторовъ, приходится выслушивать протесты и требованія „немедленно вернуть войска изъ-за границы, куда они посланы противъ народной воли.“ И все это въ то время когда солдаты, напримѣръ, 7-й дивизіи герцога Виртембергскаго, на походѣ въ Травникъ, кормятся по семи дней только хлѣбомъ и по три дня жалкими реквизиціями. Жалобы на австрійское интендантство повторяются, впрочемъ, все чаще и чаще, не хуже чѣмъ у насъ, на наше интендантство.

№ 217.

Москва, 24-го августа.

Съ корреспондентомъ *Daily News*, который отправился въ Батумъ быть свидѣтелемъ передачи этого города Русскимъ (на дняхъ мы заимствовали у него весьма интересныя свѣдѣнія) случилось неприятое происшествіе. Какъ читатели могутъ припомнить, онъ еще на пути, въ Трапезунтъ, встрѣтилъ одного нѣмецкаго корреспондента высланнаго изъ Батума Дервишъ-пашой, но это предостереженіе не устрасило его. Также не обратилъ онъ вниманія ни на холодный приѣмъ Дервишъ-паши, ни на придирку турецкихъ властей по поводу русской визы на его англійскомъ паспортѣ, ни наконецъ на предувѣдомленіе что онъ долженъ оставить Батумъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Полагаясь на законность своего пребыванія и на свое званіе англійскаго подданнаго, онъ ничѣмъ не тревожился, но его увѣренность не оправдалась. Несмотря ни на какіе протесты, онъ, вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ-корреспондентомъ, съ которымъ жилъ вмѣстѣ, былъ силой посаженъ на пароходъ и отвезенъ въ Трапезунтъ, и вотъ въ письмѣ оттуда, отъ 17 августа, онъ и описываетъ все происшествіе. Изъ этого же письма мы узнаемъ что и первое письмо было отправлено изъ Батума не по почтѣ, а съ надежнымъ человѣкомъ ѣхавшимъ въ Трапезунтъ.

Сцена изгнанія корреспондентовъ была прекомическая. Сила была употреблена, конечно, только потому что корреспондентъ самъ пожелалъ этого. Наканунѣ отбытія парохода онъ былъ увѣдомленъ что долженъ готовиться въ путь. Когда онъ спросилъ: по чьему приказанію, ему отвѣчали что приказъ отданъ Дервишъ-пашой. Освѣдомившись о причинѣ, корреспондентъ узналъ что „его превосходительство считаетъ присутствіе всякихъ корреспондентовъ излишнимъ.“ Корреспондентъ протестовалъ, указывая что онъ не сдѣлалъ ничего противозаконнаго, что его бумаги въ порядкѣ, и т. п., и рѣшительно отказывался оставить Батумъ, развѣ прибѣгнуть къ силѣ. Отвѣтомъ было строгое повтореніе приказа. Тогда корреспондентъ рѣшился на пассивное сопротивленіе, заперъ и загородилъ двери и окна своей комнаты, и когда наступилъ вечеръ, раздѣлся и легъ

въ постель. Вскорѣ, однако, явились человѣкъ двадцать полицейскихъ, съ извѣщеніемъ что пароходъ ожидаетъ только корреспондентовъ. Послѣ новыхъ съ ихъ стороны протестовъ и напоминаній о самой турецкой конституціи, ограждавшей неприкосновенность личности, были разломаны двери, и обоихъ корреспондентовъ схватили въ одномъ бѣльѣ какъ они были и снесли въ лодку, которая и доставила ихъ на пароходъ уже совсѣмъ готовый къ отплытію. Англійскаго корреспондента при этомъ очень забавляли растерянные лица турецкихъ полицейскихъ, которые, ворвавшись въ комнату, ожидали повидимому отчаянной борьбы. Вмѣстѣ съ корреспондентами были доставлены и наскоро собранные всѣ пожитки ихъ.

По прибытіи въ Трапезунтъ, оба изгнанные корреспондента немедленно подали письменный протестъ британскому консулу для препровожденія въ посольство въ Константинополь. Но дѣло, навѣрное, не будетъ имѣть послѣдствій. Вѣдь это не то что изобличать Русскихъ, по разказамъ Турокъ, въ фантастическихъ преступленіяхъ. Несчастливая участь корреспондента *Times*, г. Огла, въ Θεσσαλίи должна бы кажется убѣдить корреспондента почтенной лондонской газеты, что еслибъ онъ при его насильственномъ выпровожденіи изъ Батума былъ даже подстрѣленъ турецкимъ заплѣмъ, то это не тронуло бы ни англійскихъ консуловъ или посла, ни самага Англійскаго правительства: дѣло въ томъ что его газета не стоитъ всеми неправдами за Турокъ и не слѣдуетъ политики лорда Беконсфильда. Г. Оглъ, какъ извѣстно, во время кратковременнаго возстанія въ Θεσσαλίи въ минувшемъ мартѣ, въ письмахъ своихъ сильно изобличалъ тамошнія турецкія власти, и послѣ одной схватки турецкихъ войскъ съ инсургентами изуродованное тѣло его было найдено при обстоятельствахъ возбуждавшихъ сильное подозрѣніе что онъ былъ убитъ не во время боя, а на другой или на третій день послѣ. Назначено было разслѣдованіе, и его производилъ тотъ же консулъ Фосеттъ который потомъ, предсѣдая въ Родопской комиссіи, хотѣлъ свернуть ея задачу на подписаніе всѣхъ его, Фосетта, прежнихъ донесеній Леярду о „звѣрствахъ“ Русскихъ и Болгаръ. Слѣдствіе о смерти своего соотечественника, чье тѣло было найдено изуродованнымъ, онъ производилъ своеобразно, въ сообще-

ствѣ съ тѣми самыми турецкими властями коихъ ненависть возбудилъ противъ себя г. Оглъ своими раскрытіями, и допрашивая въ ихъ присутствіи свидѣтелей, знавшихъ какой мести они могутъ подвергнуться за свои показанія, онъ пришелъ къ заключенію что г. Оглъ былъ де по всему вѣроятію убитъ во время сраженія, причемъ въ докладѣ постарался еще очернить характеръ убитаго. Другихъ показаній не было по той простой причинѣ что какъ отъ этого г. Фоссетта, такъ и отъ находившагося въ то время у береговъ Тессалии Гобартъ-паши, привлеченныя къ слѣдствію лица требовали чтобъ имъ была дана отъ имени Англійскаго правительства гарантія безопасности для предъявленія свидѣтелей которые видѣли въ живыхъ г. Огла на другой и третій день послѣ битвы при Макриницѣ. Г. Фосеттъ, однако заключилъ что еслибы де были такіе свидѣтели, то они не преминули бы къ нему явиться, а дать требуемую гарантію онъ не былъ де уполномоченъ своимъ правительствомъ. Все дѣло имѣло такой видъ недобросовѣстности что по опубликованіи документовъ, членъ парламента, г. Самьюэльсонъ, за день до закрытія сессіи, заговорилъ о немъ въ палатѣ и потребовалъ назначить новое разслѣдованіе, ручаясь что онъ имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія о существованіи по крайней мѣрѣ десяти свидѣтелей могущихъ доказать что г. Оглъ не въ бою лишился жизни. На такой прямой вызовъ министры вынуждены были дать обѣщаніе назначить новое разслѣдованіе „когда состояніе страны будетъ таково чтобы дать возможность греческимъ свидѣтелямъ явиться для показаній безъ опасеній и безъ обременительной британской гарантіи.“ Едва ли друзья покойнаго г. Огла скоро дождутся исполненія этого обѣщанія. Замѣчательно также безмолвіе съ какимъ англійская печать отнеслась въ этомъ случаѣ къ убійству Англичанина. Г. Самьюэльсонъ объяснилъ это „полученіемъ газетами *mot d'ordre* изъ вліятельной среды.“

Все это, впрочемъ, исторія прошедшаго, которая рисуетъ только отношенія Англійскаго правительства и его агентовъ къ турецкимъ порядкамъ. Къ счастью, корреспондентъ *Daily News* не подвергся въ Батумѣ печальной участи г. Огла, а испыталъ только непріятность. Его личный опытъ лучше всего подтвердилъ замѣчаніе его перваго письма что Турки всѣми средства-

ми стараются укрыть все что ими дѣлается и готовится въ Батумѣ. Во время своего кратковременнаго пребыванія тамъ онъ успѣлъ, однако, завязать тамъ знакомства и сношенія чтобы быть *au courant* дальнѣйшихъ новостей. Онъ безусловно подтверждаетъ все что писалъ прежде о рѣшимости Лазовъ сопротивляться и о ихъ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ борьбѣ. Самый городъ Батумъ, по его словамъ, Лазы вовсе не намѣрены отстаивать, такъ какъ онъ легко можетъ быть занятъ съ моря. „Но тотчасъ за городомъ,“ присовокупляетъ онъ, „поднимаются ярусы надъ „ярусомъ“ утесистыя покрытыя лѣсомъ горы, которыя, при хорошей защитѣ могутъ на цѣлыя годы задерживать всякую попытку прочно утвердиться внутри страны. Намъ вѣроятно придется видѣть прискорбную и утомительную борьбу въ родѣ той какая велась Черкесами на Кавказѣ или карлистами въ Пиренеяхъ, борьбу которая будетъ томительно длиться пока горы или покорятся, или, подобно своимъ братьямъ Черкесамъ, выселятся массою на турецкую территорію. Несмотря на печальную перспективу, Лазы уже выступили на борьбу; и меня извѣщаютъ изъ весьма надежнаго источника что отправлены эмиссары къ нѣкоторымъ магометанскимъ племенамъ внѣ Оттоманской имперіи съ просьбой о помощи.“

Стоитъ прислушаться къ такимъ предостереженіямъ; мы слышимъ ихъ не въ первый разъ. Кажется не слѣдуетъ намъ торопиться очищеніемъ Эрзерума и не должно слишкомъ полагаться на успокоительныя извѣстія о возрастающей будто бы увѣренности въ „искренности“ намѣренія Турокъ сдать намъ Батумъ. Занятіе одного порта, хотя бы оно и легко могло совершиться съ моря, не будетъ имѣть никакого значенія пока мы не утвердимся прочно внутри страны и не откроемъ прочнаго и удобнаго сообщенія порта съ нашею территоріей на Кавказѣ. А если исполненіе этой задачи потребуетъ неопредѣленнаго срока и сопряжено съ продолжительною горною войной и новыми тяжкими жертвами, помимо тѣхъ коими уже куплено нами это пріобрѣтеніе, то выгоды его пожалуй долгое время будутъ лишь отрицательныя. Не печально ли въ самомъ дѣлѣ видѣть что за купленный русскою кровью портъ намъ предвидится новая горная война, и что въ то же самое время христіан-

ское населеніе мѣстностей (которыя мы готовимся оставить) рвется послѣдовать за русскими войсками и выселиться въ предѣлы Россіи? Не лучше ли намъ, еще разъ повторяемъ, серьезно предложить Портъ оставить за собой Батумъ, гдѣ Лазы такъ привязаны къ ея власти, а намъ удержать Эрзерумъ, гдѣ жители со страхомъ ожидаютъ ухода русскихъ войскъ?

№ 218.

Москва, 25-го августа.

Коммиссія для пересмотра системы податей и сборовъ напечатала недавно вторую часть XVI тома своихъ трудовъ, заключающую въ себѣ *Проектъ положенія о разрядномъ налогѣ*. Проектъ разосланъ по редакціямъ (къ сожалѣнію, мы получили его очень поздно), препровожденъ въ присутственныя мѣста (предполагается налогъ на служащихъ) и, по слухамъ, поступить на обсужденіе земства. Не знаемъ вѣренъ ли этотъ слухъ, но желаемъ чтобы онъ оправдался. Дѣло въ томъ что проектъ положенія о разрядномъ налогѣ набросанъ въ самыхъ общихъ чертахъ и по видимому крайне поспѣшно.

Преобразование вносимое проектомъ въ систему податей и сборовъ состоитъ въ томъ что система остается нетронутою во всѣхъ своихъ подробностяхъ, но дѣлается новая къ ней пристройка — поразрядный подоходный налогъ.

Коммиссія предлагаетъ этотъ налогъ какъ мѣру для выхода изъ теперешнихъ затрудненій. Наше финансовое положеніе, дѣйствительно, весьма серьезно, и мы въ правѣ были надѣяться найти въ объяснительной къ проекту запискѣ внимательное обсужденіе этого положенія, изъ котораго разрядный налогъ долженъ служить выходомъ.

Въ объяснительной запискѣ „общія соображенія“ занимаютъ менѣе двухъ страницъ, и набросаны они съ чрезвычайною легкостью.

На этихъ двухъ страницахъ мы читаемъ:

„Въ виду экстраординарныхъ расходовъ, вызванныхъ войною, заключены государственные займы, требующіе уплаты по нимъ интересовъ и погашенія. Кромѣ того, война вызоветъ чрезвычайно значительные расходы, которые будутъ продолжаться и по-

слѣ ея окончанія. Посему представляется необходимымъ озаботиться изысканіемъ средствъ къ усиленію ежегодныхъ государственныхъ доходовъ. Средства эти должны быть естественнымъ образомъ извлечены прежде всего изъ тѣхъ слоевъ общества и изъ тѣхъ источниковъ дохода, которые доселѣ или вовсе не платили казенныхъ налоговъ, или же сравнительно менѣе обременены податною тягостію.

„А потому надлежитъ нынѣ же привлечь къ большому участию во взносѣ въ государственную казну такъ-называемыя неподатныя сословія государства, которыя въ настоящее время по владѣнію недвижимою собственностью весьма мало обложены въ пользу казны, а по владѣнію движимыми капиталами изъяты отъ всякаго обложенія.

„Установленіе умѣренного и соответственнаго съ имущественными ихъ средствами личнаго подоходнаго или разряднаго налога со всѣхъ сословій, кромѣ крестьянскаго, представлялось бы тѣмъ болѣе справедливымъ и своевременнымъ что общественное мнѣніе въ средѣ самихъ сихъ сословій вполне сознало неизбежность экстра-ординарныхъ расходовъ на войну и неоднократно заявляло о всеобщей готовности жертвовать своимъ состояніемъ въ пользу отечества.“

Затѣмъ указывается что въ 1870 году, при обсужденіи проекта объ отмѣнѣ подушныхъ податей, многія земства высказались за „обложеніе всѣхъ подданныхъ государства налогомъ пропорціональнымъ ихъ силамъ“ (что, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго съ проектируемою пристройкой новаго налога). Этимъ и кончаются всѣ „общія соображенія“ коммиссіи.

Серіозность нашего финансоваго положенія, по видимому, должна была бы обратить вниманіе коммиссіи на самыя основанія нашей податной системы, на провѣрку той финансовой политики которой мы до сихъ поръ слѣдовали. Всѣ потребности правильной финансовой системы приносились въ жертву для соблюденія равновѣсія въ бюджетѣ, а оно исчезло при первомъ испытаніи: дефицитъ появился снова. Оставаясь даже при прежней чисто бюджетной точкѣ зрѣнія, слѣдовало по крайней мѣрѣ пересмотрѣть существующіе налоги чтобы судить въ какой мѣрѣ еще сохраняютъ они эластичность, а также шансы и тѣхъ многихъ новыхъ налоговъ какіе могутъ быть введены у насъ. Но коммиссія

для пересмотра системы податей и сборовъ не задавалась и мыслью о такомъ изслѣдованіи. Она прямо схватила разрядный налогъ припомнивъ лишь что „общественное мнѣніе“ привилегированныхъ сословій „вполнѣ сознавало неизбѣжность экстраординарныхъ расходовъ на войну и неоднократно заявляло о всеобщей готовности жертвовать своимъ достояніемъ въ пользу отечества.“

Странныя слова! Въ смыслѣ финансовыхъ соображеній они не имѣютъ никакого значенія. Какъ напоминаніе, они совершенно излишни. Русскій народъ въ лицѣ всѣхъ своихъ сословій всегда былъ готовъ приносить жертвы необходимыя для государства. Но дѣло идетъ не о жертвахъ, а о *системѣ* податей и сборовъ.

Во всемъ остальномъ, довольно объемистомъ, томѣ трудовъ комиссіи уже не встрѣчается никакихъ соображеній, касающихся общаго положенія нашихъ финансовъ, кромѣ слѣдующаго мѣста въ отдѣлѣ подѣ заглавіемъ *Сословія на которыхъ долженъ распространяться новый налогъ*:

„Всѣ соображенія и предположенія высказанныя земскими собраніями по предмету введенія подоходнаго или разряднаго налога основывались на мысли о необходимости *одновременной* со введеніемъ новыхъ налоговъ отмѣны системы подушныхъ сборовъ. Между тѣмъ, непосредственно слѣдующіе за войною годы отсутствія равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ наименѣе благопріятны для такой, столь желательной во всѣхъ отношеніяхъ, реформы подушныхъ сборовъ. Замѣна въ подобное время государственной подушной подати, доставляющей свыше 54 милл. руб., болѣе правильными и менѣе обременительными налогами не могла бы обезпечить казны необходимаго ей именно въ это время усиленія текущихъ ея средствъ и даже, по всей вѣроятности, только усилила бы въ первый годъ затруднительное ея положеніе. Посему осуществленіе предположеній о преобразованіи подушныхъ сборовъ должно, по необходимости, быть отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.“

Вотъ и все! Но соображенія приведенныя комиссіей не подкрѣпляютъ ея поспѣшнаго вывода. Поразрядный налогъ, по разчету комиссіи, долженъ дать около 16 милл. р. чистаго дохода казнѣ; вмѣстѣ съ подушною податю, это составитъ 70 милліоновъ. Комиссія опасается что при

реформѣ подушныхъ не будетъ поступать этихъ 70 милл.; что „усиленія средствъ“ казны не окажется, и что въ первый годъ пожалуй не получится и 54 милл. р. Положимъ даже что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ налоги замѣняющіе подушную подать вмѣстѣ съ разряднымъ не дадутъ болѣе 50 милл.; такимъ образомъ казна потеряетъ въ пять лѣтъ всего 100 милл. р. Бѣда не чрезмѣрная. За то были бы отмѣнены подушныя; милліоны людей были бы освобождены отъ закрѣпощенія податной общинѣ, которое парализуетъ ихъ и убиваетъ личную предприимчивость, вся податная система преобразуется. Въ виду этого стоить ли останавливаться на расходѣ или на займѣ во 100, даже въ 200 милл. р.? Вѣдь и 16 милл. не много помогутъ дѣлу: дефицитъ все же будетъ, а съ нимъ и займы. Наконецъ, потеря отъ отмѣны подушныхъ вскорѣ съ избыткомъ будетъ искуплена подъемомъ благосостоянія страны. Оставалось бы сказать: „съ Богомъ, отмѣняйте подушныя!“

Полагаемъ, однако, что вопросъ такой важности нельзя рѣшать столь поспѣшно, какъ это сдѣлала комиссія.

Подушная подать есть главное зло нашей податной системы, сохранившейся неприкосновенною отъ временъ крѣпостнаго права, съ которымъ она составляетъ одну систему. Коренное улучшеніе нашего бюджета невозможно безъ пересмотра *системы* податей и прежде всего безъ отмѣны подушныхъ. Страна не станетъ богаче если не оживятся ея производительныя силы.

Затруднительныя финансовыя обстоятельства; вообще говоря, не могутъ быть предложомъ къ оставленію фальшивыхъ основаній податной системы. Скорѣе напротивъ,—и это признаетъ сама комиссія, когда ей пришлось обозрѣвать исторію подоходнаго налога въ другихъ государствахъ. Комиссія повѣствуетъ намъ объ Англіи:

„Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ положеніе государственной казны сдѣлалось весьма затруднительнымъ; войны въ Китаѣ и въ Индіи потребовали чрезвычайныхъ издержекъ, между тѣмъ какъ торговый и промышленный кризисы сопровождались огромнымъ уменьшеніемъ налоговъ на потребление. Обнаружившійся вслѣдствіе такихъ причинъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, ежегодный дефицитъ около 2½ милл. фунтовъ дѣлалъ положеніе правительства критическимъ:

„Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ вступилъ въ министерство Робертъ Пиль.

„Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ убѣдился что только облегченіе торговли и промышленности, а также улучшеніе условій жизни рабочаго класса уменьшеніемъ налоговъ на потребление, то-есть только коренная финансовая реформа могла вывести государство изъ затруднительнаго положенія. Для такой реформы подходящий налогъ долженъ былъ доставить ему необходимыя средства.“

И Англія, какъ извѣстно, преобразовала свои налоги. Зло же нашей системы состоитъ главнѣйшимъ образомъ не въ налогахъ на потребление (кромя питейнаго и солянаго), а въ подушныхъ...

№ 219.

Москва, 28-го августа.

А.

До сихъ поръ имѣлось въ публикѣ мало положительныхъ свѣдѣній о томъ откуда взялось такое серіозное сопротивленіе въ Босніи. Въ этомъ отношеніи интересенъ опубликованный въ *Wiener-Zeitung* рядъ донесеній графу Андраши отъ австрійскаго генеральнаго консула въ Сараевѣ, г. Васича. Эти донесенія, въ количествѣ пятнадцати, обнимаютъ собою періодъ отъ 10 мая до послѣднихъ дней іюля, то-есть тѣ три мѣсяца когда созрѣло и организовалось „боснійское возстаніе.“ Судя по этимъ донесеніямъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ революціоннымъ движеніемъ первоначально противъ власти Порты, но затѣмъ нашедшимъ себѣ исходъ въ сопротивленіи австрійскимъ войскамъ. Движеніе это обнаруживаетъ первые признаки въ маѣ мѣсяцѣ, когда еще собраніе Берлинскаго конгресса не было вполне обезпечено и о занятіи шла неопредѣленная рѣчь. Отъ 30 мая г. Васичъ сообщаетъ что среди магометанъ въ Сараевѣ около недѣли ходилъ какой-то адресъ, къ которому собирались тайно подписи и содержаніе котораго также хранилось въ строгой тайнѣ. Движеніемъ руководили извѣстные своимъ фанатизмомъ имамы Каукджія и Ямакъ. Г. Васичъ спѣшилъ освѣдомиться у вали о содержаніи адреса, и получаетъ въ отвѣтъ что адресъ заключаетъ въ себѣ два

пункта: соединеніе всѣхъ Босняковъ и Герцеговинцевъ для защиты отъ Черногоріи, Сербіи и Австро-Венгріи, и введеніе автономнаго управленія. Въ жалобахъ Босняковъ, между прочимъ, заявляется: „Боснія; вслѣдствіе дурной администраціи, испытываетъ величайшія бѣдствія. Ежедневно приносятся тысячи жалобъ не находя никакого удовлетворенія. Поэтому слѣдуетъ назначить *народный комитетъ*, который принималъ бы жалобы, разсматривалъ бы ихъ и вмѣстѣ съ властями пріискивалъ бы удовлетвореніе. Не хорошо держать подъ ружьемъ солдатъ, которые, за неимѣніемъ одежды, пищи и жалованья, вынуждены дезертировать. Не справедливо наказывать пойманныхъ дезертировъ, если государство не исполнило въ отношеніи къ нимъ своихъ обязанностей; еще несправедливѣе призывать новыхъ солдатъ и отнимать у семействъ кормильцевъ когда нечѣмъ продовольствовать солдатъ уже имѣющихся на лицо. Чиновники при каждомъ поводѣ угнетаютъ народъ и съ другими испорченными лицами тратятъ десятину, налоги и таможенные пошлины, такъ что у провинціи почти нѣтъ финансовъ, и она экономически падаетъ со дня на день.“

Въ этихъ жалобахъ Босняковъ, приводимыхъ въ донесеніяхъ австрійскаго консула, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то мѣсто гдѣ упоминается о военныхъ дезертирахъ. Г. Васичъ опредѣлялъ число ихъ еще въ маѣ мѣсяцѣ въ 3.000 человѣкъ на 25.000 войска имѣвшася тогда у Порты въ Босніи. „Двѣ трети ихъ или просто живутъ дома, или получаютъ изъ дому въ свои тайныя убѣжища средства для существованія. Остальная треть не имѣетъ ни убѣжищъ, ни средствъ. По три, по четыре человѣка, они бродятъ въ странѣ, являются нежеланными гостями, преимущественно у христіанскихъ сельскихъ жителей, заставляютъ кормить себя по нѣсколькимъ дней и затѣмъ отправляются далѣе... Низшій классъ магометанъ, въ особенности пострадавшій отъ конскрипціи, считаетъ дезертировъ мучениками и при каждомъ случаѣ беретъ ихъ подъ свое покровительство, находя совершенно справедливымъ что дезертиры, какъ жертвы возстанія, содержатъ себя на счетъ христіанъ. Вообще все магометанское населеніе сочувствуетъ имъ и тѣмъ ослабляетъ власть

правительства. Последняя низошла до нуля, и органы правительства извиняются и терпят то чему они не в состоянии воспротивиться, скрывая свое бессилие в строгой тайне. Появление такой массы вооруженных дезертиров объясняется не перестававшими в течение последних трех лет усилиями Порты собрать как можно больше войска, не имея между тем никаких средств содержать их. Вашибузки и спаги, выслужившие свой срок солдаты (мустегафизы), ополчение третьего призыва, рекруты 1878 года, все это призывалось к службе, снабжалось оружием чтобы затем или частью быть снова распушенным, или присоединенным к регулярным войскам, низаму и редифу. В последствии, когда пришлось обуздывать революционное движение в Боснии, не было почти ни одного батальона на который могли бы положиться власти, и войска, состоявшие исключительно из самих же Босняков, переходили повсюду на сторону инсургентов. А между тем в вооружении не было недостатка. Г. Васичъ, отъ 21 июня, доноситъ: „Оружие находится у турецких войск в хорошем состоянии и достаточно для существующих войск... Многя тысячи ящиковъ съ военнымъ матеріаломъ перевезены изъ восточной Боснии въ западную.“ Онъ принужденъ сознаться далѣе что въ случаѣ „хотя бы небольшихъ успѣховъ достигнутыхъ въ началѣ оккупации боснійскими магометанами, они вездѣ возьмутся за оружие и будутъ биться не взирая на то что этимъ готовятъ гибель себѣ и своимъ.“

Между темъ оппозиціонное движеніе все разрасталось. Слѣдить за его ходомъ, какъ онъ подробно излагается въ донесеніяхъ г. Васича, будетъ излишне. Достаточно замѣтить что начавшись образованіемъ 8 июня *народнаго комитета*, состоящаго изъ представителей всѣхъ исповѣданій въ Боснии, оно прошло затѣмъ обычныя стадіи революціи, уличныя демонстраціи и сборища, трусливые переговоры съ бунтовщиками и безсильныя мѣры властей, заключеніе въ тюрьму, а отчасти и убійство начальствующихъ лицъ, и наконецъ заключилось полнымъ переходомъ власти въ руки мятежниковъ, и однимъ изъ вожаковъ ихъ является Хаджи-Лойя, безцеремонно выпрашивающій у австрійскаго консула лошадь чтобы выѣхать на ней про-

тивъ Австрійцевъ же и нѣсколько золотыхъ на свое содержаніе.

Въ виду донесеній г. Васича, нечего удивляться полученной вчера телеграммѣ объ умерщвленіи Мегмедъ-Али въ Ипекѣ. Какъ извѣстно, этотъ бывший главнокомандующій Порты и одинъ изъ ея уполномоченныхъ на Берлинскомъ конгрессѣ былъ посланъ въ Призренъ, въ сосѣдство Боснии, чтобы поддержать здѣсь расшатанную власть Порты. Оказывается, однако, что онъ дѣлается самъ жертвою мятежа. Происшествіе это, въ связи съ событіями въ Боснии, достаточно показываетъ до чего упалъ авторитетъ Турецкаго правительства. Теперь чуть ли вся власть его не ограничивается только одною столицей, да и то благодаря присутствію русскихъ войскъ въ ея сосѣдствѣ.

Обнародованіе Австрійскимъ правительствомъ донесеній одного изъ его агентовъ имѣетъ цѣлью доказать какъ необходимо было водворить порядокъ въ сосѣднихъ провинціяхъ гдѣ господствовало полное безначаліе; но какъ же Австрія могла настаивать на удержаніи Восточной Румелии (южной Болгаріи) подъ управленіемъ султана?

Б.

Политическія событія нынѣшняго года какъ-то особенно скоро отвлекли общественное вниманіе отъ прискорбнаго происшествія въ одномъ изъ нашихъ солиднѣйшихъ финансовыхъ учрежденій. Фактъ кражи громадной суммы изъ кассы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита явился новымъ, разительнымъ примѣромъ нарушенія общественнаго довѣрія. Общество это образовалось на самыхъ широкихъ основаніяхъ, при огромной казенной субсидіи (отнятой, мимоходомъ сказать, отъ дѣла особенной государственной важности), и управляется людьми стоящими столь высоко что никакое подозрѣніе не могло имѣть мѣста. При сравнительно льготныхъ условіяхъ, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита съ самаго начала своей дѣятельности обезпечило себѣ успѣхъ, выразившійся къ концу четырнадцатилѣтняго періода его существованія крупною суммой 126.342.350 руб. ссудъ, выданныхъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Дѣйствуя съ разумною осторожностью при оцѣнкѣ предлагаемыхъ къ залогу имѣній, Общество заручилось прочнымъ довѣріемъ

не только отечественных, но и иностранных капиталов, ни разу не получивъ отказа въ своихъ требованіяхъ, а напротивъ прибѣгая даже къ разверсткѣ періодически выпускаемыхъ имъ закладныхъ листовъ на сумму 10.000.000 рублей. Заемщики, связанные взаимною порукой, съ полнымъ спокойствіемъ взирали на дѣйствія правленія, оцѣнивая ихъ преимущественно по крупнымъ выдачамъ дивиденда, значительно облегчавшимъ срочные платежи. Строгость въ выборѣ имѣній принимаемыхъ въ залогъ, соответствующая имъ выдача ссудъ, наконецъ невозможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ, повели къ открытію многихъ новыхъ земельныхъ банковъ, но дѣла Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита стояли такъ высоко что въ то время когда на заемщиковъ другихъ банковъ нерѣдко смотрѣли какъ на людей разоряющихся, всѣ въ его заемщикахъ видѣли солидныхъ землевладѣльцевъ.

Для громаднаго большинства заемщиковъ вопросъ о томъ что и какъ творится въ петербургскомъ правленіи Общества не представлялъ особаго интереса. Утвердившись въ сознаніи солидности дѣла, находя ручательство въ звучности именъ лицъ стоящихъ во главѣ его, зная какъ щедро оплачивается трудъ членовъ правленія, заемщики были исполнены довѣрія. Слухи о ненужной роскоши правленія, о приобрѣтеніи имъ въ собственность цѣннаго дома и о желаніи прибрѣсть новый, еще болѣе цѣнный, умолкали предъ краснорѣчіемъ отчетовъ и предъ цифрой дивиденда, правда постепенно уменьшавшейся, но все еще довольно соблазнительной. Такъ шли дѣла до послѣднихъ политическихъ затрудненій, отозвавшихся на нашемъ денежномъ рынкѣ, а слѣдовательно и на размѣрѣ платежей производящихся, согласно уставу, по курсу. Пришлось по расчету значительно поднять процентъ. Принимая круглыя пифры, заемщики вмѣсто 6% годовыхъ принуждены платить 8% и даже болѣе, что уже ложится крайнею тяжестью на землевладѣніе. Эти обстоятельства заставили многихъ призадуматься и внимательно прислушаться къ голосамъ упрекавшимъ правленіе въ излишней расточительности въ такую неудобную минуту. Конецъ прошлаго года и начало нынѣшняго ознаменовались бурными сценами въ общихъ собраніяхъ, но эти бури не

очистили атмосферы, ибо требованіе ревизіи со стороны меньшинства сокрушилось о невозмутимое самодовольство большинства партизановъ правленія, большинства, въ числѣ котораго фигурировали и члены владѣющіе закладными листами, ничѣмъ не заинтересованные въ правильности расходовъ общественныхъ денегъ принадлежащихъ членамъ-заемщикамъ. Въ эту-то критическую минуту громомъ раскатилось имя Юханцева. Какъ ни притерпѣлась публика въ послѣднее время къ извѣстіямъ о кражахъ всевозможнаго рода, но фактъ похищенія 2.023.295 руб. общественныхъ денегъ произвелъ впечатлѣніе. Воровство во Взаимномъ Поземельномъ Кредитѣ, въ этомъ образцовомъ учрежденіи, управляемомъ лучшими людьми, казалось событіемъ невозможнымъ. Кто же былъ этотъ Юханцевъ? Только что выбранный кассиръ разомъ укравшій громадный кушъ и бѣжавшій за границу? Нѣтъ, г. Юханцевъ уже много лѣтъ состоялъ кассиромъ Общества, жилъ на виду всего Петербурга, былъ задолго до катастрофы представляемъ правленію какъ человѣкъ неблагонадежный, и все же съ несвойственною русскому человѣку постепенностью, настойчивостью, систематичностью, продолжалъ свое залѣзаніе въ запечатанные пакеты, а правленіе между тѣмъ производило официальные ревизіи и успокоивалось цѣлостью печатей.

Какъ ни невѣроятно подобное происшествіе, однако дѣло происходило именно такъ, и оставалось лишь безотлагательно принять мѣры къ предупрежденію на будущее время подобныхъ случаевъ и къ возвращенію похищенной суммы. Но вотъ прошло около полугода, а дѣло не двинулось. Фактъ кражи остается, а ни одно изъ ожидаемыхъ послѣдствій этого факта не выяснилось. Самъ Юханцевъ проживаетъ въ ожиданіи приговора общественной совѣсти; заправители и руководители ограбленнаго Общества остаются въ покоѣ, словно они тутъ ни при чемъ, и какъ будто пропажу столь громадной суммы слѣдовало приписать какой-либо „несчастной случайности“; наконецъ, несчастные заемщики остаются въ томительномъ невѣдѣніи объ окончательномъ способѣ возмѣщенія похищенныхъ денегъ.

Всѣ эти вопросы разрѣшены будутъ конечно путемъ общихъ собраній, но такъ какъ еще въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года

особая комиссія, назначенная по Юханцевскому дѣлу, обратилась къ заемщикамъ съ просьбой чтобъ они, по вопросамъ изложеннымъ въ постановленіи общаго собранія 10 мая, сообщили комиссіи свои заключенія не позже 15 августа, и такъ какъ заключенія эти имѣютъ значеніе для дальнѣйшаго хода дѣла, то не безынтересно ознакомиться со взглядами нѣкоторыхъ заемщиковъ. Мы имѣемъ въ рукахъ особое мнѣніе только что поданное въ правленіе полковникомъ А. А. Моллеромъ. Начиная съ перваго вопроса, то-есть со способа возмѣщенія похищенной суммы, г. Моллеръ говоритъ между прочимъ:

„Правленіе Общества, въ докладѣ своемъ чрезвычайному общему собранію 9 мая 1878 года, предложило „чтобы съ тѣхъ заемщиковъ, которые въ настоящее время „пожелаютъ уплатить свои ссуды *цѣлою* „или *частями*, была удержана соотвѣтствующая уплачиваемой ссудѣ доля похищенныхъ суммъ.“

„Съ перваго взгляда, благодаря неясности редакціи этого предложенія, можно было бы подумать что эти удержки на возмѣщеніе похищенныхъ суммъ будутъ производиться только съ тѣхъ заемщиковъ кои пожелаютъ разчитаться съ Обществомъ и выплатить ему свой долгъ. Но такъ какъ *частями* всякій заемщикъ, желаетъ онъ того или не желаетъ, *обязанъ* выплачивать самый капиталъ своего долга вмѣстѣ со срочными уплатами интересовъ, то выходитъ что удержка эта должна будетъ производиться со всѣхъ безъ исключенія заемщиковъ, соразмѣрно съ должными ими суммами. Дѣйствительно, тотчасъ по изложеніи приведеннаго выше предложенія, докладъ присовокупляетъ: „По разчету на „всю сумму выданныхъ по 1 апрѣля 1878 „года ссудъ, на сумму 126.392.350 р. биржевая стоимость похищенныхъ бумагъ, „2.123.295 руб.; а за исключеніемъ оставшихся 100.000 руб., въ 2.023.295 р., „составитъ одинъ рубль 60 коп. на каждую сотню ссуды. Поэтому слѣдовало бы „изъ остатковъ прибылей или изъ складочнаго капитала, подлежащихъ возврату „заемщикамъ, при уплатѣ ими ссудъ, удерживать по одному рублю 60 копѣекъ на „каждую сотню уплачиваемой ссуды.“

„Итакъ, говоритъ г. Моллеръ, несмотря на чрезвычайно запутанную редакцію этого предложенія, изъ него вполне явствуетъ только что гг. члены правленія предлага-

ютъ возложить на заемщиковъ всю ответственность за похищенную кассиромъ Общества сумму.“

Не соглашаясь съ предложеніемъ такого рода, какъ совершенно несправедливымъ, и разбирая его съ юридической точки зрѣнія, г. Моллеръ замѣчаетъ:

„Отвѣтственность можетъ и должна пасть только на тѣхъ кому предоставлялась возможность и на кого была возложена обязанность предотвратить подобные случаи, другими словами, на тѣхъ кому принадлежитъ право и на комъ лежитъ обязанность: 1) выбора кассира и 2) повѣрки кассы.

„Дѣйствительно, только эти лица, пользуясь своими правами, *могли и должны были* не допустить такого расхищенія общественныхъ суммъ *продолжавшагося нѣсколько лѣтъ сряду*. За что же, какъ не за охраненіе интересовъ Общества получаютъ они отъ него вознагражденіе? На кого, какъ не на нихъ должна пасть и отвѣтственность если бездѣйствіемъ своей власти они допустили возможность кражи?“

„Но этимъ,“ говоритъ г. Моллеръ, — „не исчерпывается вопросъ объ отвѣтственности лицъ, допустившихъ похищеніе ввѣренныхъ ихъ надзору и контролю суммъ. Слѣдуетъ опредѣлить не только степень, но и родъ ихъ отвѣтственности; слѣдуетъ, наконецъ, принять установленныя закономъ мѣры для обезпеченія ихъ имущественной отвѣтственности и скорого и исправнаго возмѣщенія похищенныхъ по ихъ винѣ суммъ. Это уже выходитъ изъ предѣловъ правъ частнаго общества. Оно къ тому не призвано и не имѣетъ на это не только права, но и средствъ. Это право принадлежитъ одной судебной власти. Если Юханцевъ преданъ суду за похищеніе суммъ, то той же участи должны подвергнуться и всѣ члены правленія, добровольно принявшіе на себя отвѣтственность за выборъ его въ казначей, за надзоръ за его благонадежностью, за повѣрку ввѣренныхъ ему суммъ; получавшіе за это огромное жалованье и располагавшіе всѣми средствами для того чтобы не допустить никакого воровства и чтобы пресѣчь его въ самомъ началѣ и ограничить его ничтожною суммой. Они не исполнили этой обязанности и *тѣмъ самымъ* дали возможность Юханцеву совершить свое преступленіе.“

№ 220.

Москва, 31-го августа.

Наше финансовое положеніе во многомъ сходно съ тѣмъ что было послѣ Крымской войны.

Тогда, какъ и теперь, предъ финансовымъ управленіемъ стали три задачи: 1) возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ; 2) регулировать цѣнность кредитнаго рубля, и 3) перестроить систему податей и сборовъ.

Многіе изъ насъ еще помнятъ конецъ Севастопольской войны и тогдашнее настроеніе правительства и общества. Настроеніе это не было угнетенное; напротивъ, всѣ бодро смотрѣли впередъ. Мы вышли изъ борьбы съ тяжелымъ урономъ, но сохранили вѣру въ живыя силы Россіи. Причина неудачи была у всѣхъ на виду. Рѣшено было упразднить крѣпостное право, основу прежнихъ порядковъ, и сообразно съ тѣмъ перестроить всѣ отрасли управленія.

Финансовое управленіе до войны 1853—56 гг. было приурочено къ крѣпостному праву. Всевозможные виды подушной подати принадлежать къ системѣ крѣпостнаго права, прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ и связывая ихъ круговою порукой. Массы народа были парализованы этимъ двойнымъ ярмомъ; земледѣліе, промышленность, торговля, замерли въ неподвижныхъ формахъ. Откупъ, имѣвшій прямою задачей спаивать народъ, лишалъ его послѣднихъ остатковъ производительной энергіи.

Весьма естественно что вопросъ о реформѣ податной системы былъ тогда поднятъ вмѣстѣ съ вопросомъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Параллельно съ коммиссіями работавшими надъ проектомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости была образована коммиссія для пересмотра системы податей и сборовъ. Такимъ образомъ, мысль законодателя обратилась тотчасъ же къ основаніямъ податной системы, не ограничиваясь заботами о покрытіи дефицита. Но этотъ планъ не осуществился.

Правда, откупъ былъ упраздненъ, кабацкихъ генераловъ прогнали, но кабакъ устоялъ, чуть ли не въ прежней силѣ. Питейный доходъ попрежнему составлялъ главную опору бюджета, и занялъ въ немъ даже еще болѣе видное мѣсто. Для покрытія дефицита набавляли одну за дру-

гою лишнія копѣйки на акцизъ, что и шло съ удивительною легкостью пока прибавочная копѣйка не потеряла силы. Можно ли было думать о серьезныхъ мѣрахъ противъ пьянства при подобномъ ходѣ дѣлъ? Освобожденный народъ остался какимъ былъ при крѣпостномъ правѣ.

Главнѣйшее зло нашей податной системы, подушныя съ ихъ круговою порукой, не только не ослабѣло, но еще усилилось. Выкупъ крестьянскихъ земель прибавилъ еще новую и большую подушную подать—выкупные платежи. Затѣмъ, ради равновѣсія въ бюджетѣ и текущихъ потребностей, размѣръ подушной подати былъ нѣсколько разъ увеличенъ и доведенъ наконецъ мѣстами съ 95 к. до 2 р. 13 съ души. Вообще всѣ подушныя сборы дошли до такой высоты что возрастаніе поступленій отъ нихъ почти прекратилось.

Задачи податной коммиссіи были отбснены на задній планъ заботами о покрытіи дефицита, въ то время когда государственные расходы росли чрезвычайно быстро, отчасти вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ и благодаря усиленному покровительству разнымъ кредитнымъ, промышленнымъ и инымъ, преимущественно крупнымъ предпріятіямъ. Нѣкоторыя мѣры къ улучшенію денежнаго обращенія еще иногда принимались, но податная реформа была вовсе забыта. Податная коммиссія представила, правда, проекты отмѣны подушной подати сперва въ 1862, потомъ въ 1869; однако не пришлось увидѣть не только осуществленія этихъ проектовъ, но и принятія какихъ-либо приготовительныхъ къ реформѣ мѣръ, напримѣръ собранія статистическихъ данныхъ.

Финансовое управленіе, слѣдуя принятымъ путемъ, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ наконецъ одолѣло дефицитъ и даже добилося нѣкоторыхъ остатковъ по бюджету. Но, увы! столь невѣрно поставленное дѣло не могло оказаться прочнымъ. Достигнутый успѣхъ не пережилъ перваго военнаго времени.

Мы не вдаемся здѣсь въ обсужденіе дѣйствій финансовыхъ управленій слѣдовавшихъ за Севастопольскою войной. Не разбираемъ вопросовъ: не слишкомъ ли дорогою цѣной достались намъ столь необходимыя желѣзныя дороги и кредитныя предпріятія? не легче ли было достигнуть тѣхъ же результатовъ при энергическомъ веденіи податной реформы? Приводимъ

лишь факты свидѣтельствующіе что пожертвовавъ реформой ради текущихъ требованій бюджета, мы и бюджета прочнымъ образомъ не поправили.

Неужели повторится сдѣланная ошибка? Неужели снова послушаемъ тѣхъ кто совѣтуетъ озаботиться только бюджетными цифрами и отодвинуть на второй планъ податную реформу, отложить улучшение нашей финансовой системы?

Существенное улучшение финансовъ достижимо лишь при развитіи всякаго рода производительной дѣятельности. Страна будетъ богаче когда земледѣліе, промыслы, торговля ощутятъ въ себѣ жизнь и способность развитія. Безъ подъема же благосостоянія страны можно достигнуть лишь временныхъ финансовыхъ результатовъ и при томъ весьма незначительныхъ. Но чтобъ оживить производительную дѣятельность Россіи необходимо освободить ее отъ подушныхъ шести или семи наименованій съ ихъ круговою порукой, прикрѣпленіемъ къ землѣ, тяжкою кабалой лица въ податной общинѣ. Мы разумѣемъ не одну свободу передвиженія, но вообще снятіе гнета податной общины, парализующаго личную предпріимчивость. Необходимо также положить конецъ царству кабака на русской землѣ.

Иностранцы называли когда-то Россію колоссомъ на глиняныхъ ногахъ; разумѣя при этомъ наши финансы. Это злое слово несправедливо: Россія, слава Богу, стоитъ твердо, но у колосса ноги въ путахъ. Снять эти путы, вотъ великое дѣло.

Въ наши дни рѣшеніе этого вопроса требуется еще настоятельнѣе чѣмъ послѣ Севастопольской войны. Тогда еще имѣлись въ виду налоги способные къ возростанію, а главное можно было разчитывать на подъемъ производительной силы народа послѣ предстоявшей отмѣны крѣпостнаго права. Теперь шансовъ нѣтъ.

Все это такъ, скажутъ намъ, но заботы дня мѣшаютъ приступить теперь къ какому-либо кореннымъ мѣрамъ; теперь де нужны жертвы. Заботамъ дня свой чередъ, и никто не думаетъ, чтобы столь важная реформа могла осуществиться сразу, однимъ дуновеніемъ. Что же касается жертвъ, то Русскій народъ всегда готовъ приносить ихъ когда онѣ потребуются. Но вопросъ не въ жертвахъ, а въ томъ чтобы финансовыя мѣры принимались по тщательно выработанному общему плану и не теряли

изъ виду главныхъ задачъ реформы. Наименьшее чего во всякомъ случаѣ должно требовать даже отъ спѣшныхъ мѣръ, это то чтобъ онѣ не усиливали существующаго зла, съ которымъ рано или поздно придется бороться.

Податная реформа и вообще преобразование финансовъ представляютъ большія трудности, но всякое великое дѣло сопряжено съ затрудненіями. Какъ бы ни были велики затрудненія реформы, она не становится оттого менѣе необходимою. Какихъ бы усилій ни потребовало финансовое преобразование, въ немъ теперь важнѣйшая государственная потребность Россіи. Дѣло это требуетъ не только высокаго государственнаго ума, но и живой вѣры въ здоровыя и мощныя силы Русскаго народа. Другое необходимое условіе успѣха есть дружное содѣйствіе финансовому управленію со стороны всѣхъ другихъ вѣдомствъ. Это необходимо не только для сокращенія расходовъ чрезъ улучшение казеннаго хозяйства, но и для успѣха всякой иной мѣры. Недостатокъ взаимнаго содѣйствія и антагонизмъ разныхъ вѣдомствъ приводятъ къ печальнымъ послѣдствіямъ...

№ 221.

Москва, 1-го сентября.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ иностранныхъ газетахъ, преимущественно англійскихъ и австрійскихъ, непрерывно появляются свѣдѣнія о такъ-называемомъ Родопскомъ возстаніи, о жестокостяхъ чинимыхъ христіанами надъ мусульманами въ Болгаріи занятой нашими войсками, и о томъ что эти жестокости совершаются безнаказанно на виду у русско-болгарскихъ властей.

Впрочемъ не только газеты, но даже официальные лица публично заявляютъ объ этихъ жестокостяхъ. Лордъ Солсбери, защитникъ Турокъ и обвинитель христіанъ, на пресловутомъ Берлинскомъ конгрессѣ, со смѣлостью и безстыдствомъ адвоката получившаго добрую плату отъ своего кліента, утверждалъ (протоколъ 11-го іюня 1878 года, № 18) что въ Родопскихъ горахъ и окрестностяхъ христіане жгутъ, рѣжутъ и убиваютъ мусульманъ, и требовалъ слѣдствія, намекая что эти жестокости совершаются христіанами при содѣйствіи, или по крайней мѣрѣ tacito con-

sensu, русскихъ войскъ. Русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ пришлось оправдываться. Въ Родопскихъ горахъ, говорили они, нѣтъ русскихъ войскъ; производить слѣдствіе надъ русскими войсками было бы обидно для Россіи, а лучше де просто удостовѣриться въ положеніи родопскихъ инсургентовъ и изыскать средства къ улучшенію ихъ участи. При этомъ наши дипломаты объявляли что они признаютъ „souffrances actuelles des populations du Rodope et des contrées voisines,“ и что „слѣдуетъ послать комиссію, chargée de vérifier sur les lieux la gravité des faits et de chercher à y apporter remède dans la mesure du possible.“ Какъ извѣстно, конгрессъ рѣшилъ снарядить европейскую комиссію изъ консуловъ. — впрочемъ, не для производства слѣдствія надъ русскими войсками (только этого не доставало!), а для ознакомленія съ дѣйствительнымъ положеніемъ родопскихъ инсургентовъ.

Зная также хорошо какъ и маркизь Солсбери что кромѣ нѣсколькихъ вооруженныхъ стычекъ нашихъ войскъ съ башибузуками хотѣвшими проникнуть за наши аванпосты (причемъ, конечно, ихъ по головкѣ не гладили) никакихъ дѣлъ у нашихъ войскъ съ инсургентами не было, — мы въ правѣ были ожидать что европейская комиссія, удостовѣрившись въ дѣйствительномъ положеніи, пресѣчетъ на будущее время сообщеніе *ложивыхъ свѣдѣній* о мнимыхъ жестокостяхъ.

Да, этого можно было бы ожидать еслибъ обвиненія, хотя бы и ошибочныя, дѣлались добросовѣстно; но авторы разыгранной комедіи совѣстью не стѣсняются. Газеты извѣстили уже что комиссія не пришла къ единогласному мнѣнію, что консулы нѣкоторыхъ державъ отказались подписать протоколъ; найдя что слѣдствіе производилось пристрастно. Проектированная конгрессомъ комиссія не привела такимъ образомъ ни къ чему, и вновь явилась возможность инсинуаций, намековъ и клеветъ. Дѣло дошло до того что, какъ недавно сообщалось въ нашей печати, султанъ, по совѣту Англійской королевы, обратился по телеграфу къ Государю Императору, прося посредничества въ родопскихъ дѣлахъ и повторяя жалобы на притѣсненія мусульманъ въ Болгаріи и Румеліи).

Комедія этихъ жалобъ на русскія и болгарскія жестокости разыгрывается съ плутовскою ловкостью, что и не удивитель-

но, такъ какъ и авторы, и исполнители ей принадлежатъ къ первокласснымъ политическимъ плутамъ. Вся эта комедія есть развитіе одной несложной идеи: надо доказать что русскія власти не въ состояніи поддерживать порядокъ въ занятыхъ ихъ войсками областяхъ; надо доказать что водворить порядокъ въ Румеліи и Болгаріи могутъ не Русскіе, а Англичане и Австрійцы. И дѣйствительно, если судить по газетнымъ извѣстіямъ, дипломатическимъ нотамъ и жалобнымъ телеграммамъ, можно подумать что Русскіе, Болгаре и Греки творятъ на Балканскомъ полуостровѣ надъ мирнымъ и покойнымъ мусульманскимъ населеніемъ то же самое что дѣлали до войны мусульманскіе жители и турецкіе администраторы надъ христіанами...

Исторія изречетъ свой приговоръ надъ государственными людьми которые, забывъ о Богѣ, употребляли всѣ усилія на то чтобы удержаты за дикими звѣрями возможность терзать христіанскія населенія на этомъ злополучномъ полуостровѣ. Но въ ожиданіи приговора исторіи нельзя же и намъ молчать о томъ что творится предъ глазами и давать дурачить себя...

Мы имѣемъ совершенно вѣрныя свѣдѣнія о родопскихъ дѣлахъ, также какъ и о дѣлахъ въ сѣверной и южной Болгаріи. Ни въ газетныхъ извѣстіяхъ, ни въ дипломатическихъ заявленіяхъ нѣтъ ничего похожаго на дѣйствительность. Никакого Родопскаго возстанія нѣтъ и не было; никакихъ жестокостей христіанъ надъ мусульманами въ Болгаріи не совершается и не совершалось; наоборотъ, имѣются вполне достовѣрныя свѣдѣнія лишь о нападеніяхъ турецкихъ шаекъ, прокрадывающихся за наши аванпосты; на мирное населеніе, и не только на христіанъ, но и на мусульманъ, — нападеніяхъ продолжающихся и до сего дня.

Родопская исторія коротка: когда Сулейманъ-паша со своими шестидесятью таборами поспѣшно отступалъ по долинѣ Марицы къ Адрианополю, угрожаемый съ фронта войсками генерала Гурко, а съ фланга и тыла генераломъ Радецкимъ, то вмѣстѣ съ нимъ бѣжало почти все мѣстное мусульманское населеніе, среди котораго находились бѣжавшіе мусульманскіе жители сѣверной Болгаріи. Преслѣдуемый, отрѣзанный отъ Адрианополя, нѣсколько разъ разбитый на голову, Сулейманъ бросилъ наконецъ всю свою ар-

тиллерію и ушелъ съ остатками своихъ войскъ въ Родопскія горы. Самъ онъ, какъ извѣстно, черезъ Кавалу переправился въ Константинополь, а войско его, разбитое, деморализованное, осталось въ горахъ съ Черкесами, баши-бузуками и бѣжавшимъ мусульманскимъ населеніемъ. Никакія русскія войска не двигались за ними въ горы; никакой русской администраціи не было установлено въ той мѣстности. Дѣло ограничилось содержаніемъ аванпостовъ и высылкой разъѣздовъ въ ту сторону. Очень скоро горское населеніе почувствовало прибытіе деморализованныхъ войскъ и прочей сволочи. Черкесы, баши-бузуки и присоединившіеся къ нимъ худшіе элементы изъ войска и населенія принялись грабить, жечь и убивать христіанъ, которые поэтому и бѣжали за наши аванпосты. Очень скоро для этого сброда оказался недостатокъ въ пропитаніи; и вотъ они, прокрадываясь за наши аванпосты летучими колоннами, принялись нападать на селенія, рѣзали, грабили, и опять скрывались. Положеніе нашихъ войскъ сдѣлалось труднѣе. Съ назначеніемъ императорскаго комиссара князя Дондукова-Корсакова, въ его распоряженіе, по его ходатайству, были даны Ингуши и Осетины, которые со своимъ командиромъ Панкратьевымъ много сдѣлали для спокойствія ближайшихъ къ аванпостамъ селеній. Отважные, предпримчивые, привыкшіе къ горной войнѣ, они въ разсыпную гонялись за появлявшимися баши-бузуками, настигали ихъ, смѣло бросались въ рукопашную и навели страхъ на разбойниковъ. Родопскіе разбойники стали рѣже показываться въ сосѣдствѣ съ Осетинами и Ингушами, и окрестное населеніе вздохнуло свободнѣе. Эта бдительная стража лишила родопскихъ жителей возможности кормиться на счетъ населенія оберегаемаго нашими войсками; они стали голодать и болѣть, но не изъявляли намъ желанія переселиться на прежнія мѣста. Иностранцы, находившіеся между ними, снабжали ихъ пищей и одеждой, дали имъ военную организацію, привлекли къ своимъ цѣлямъ вліятельныхъ среди нихъ людей и не позволяли переселяться обратно. Никакой правильной власти между ними не было; они не признавали агентовъ самой Порты, посланныхъ въ апрѣлѣ, по соглашенію съ нашимъ главнокомандующимъ, для переговоровъ съ ними. Иногда они затѣвали перестрѣлку съ нашими вой-

сками; иногда присылали парламентаровъ, подсылали шпионовъ и т. д. Противъ кого же они возставали? кто же ихъ грабилъ и убивалъ?

Но что нашла европейская консульская коммиссія, что гласятъ ея протоколы?

Началось съ того что нѣкоторые изъ ея членовъ выразили желаніе допрашивать нашихъ офицеровъ и наши власти по обвиненію ихъ инсургентами, и хотѣли производить слѣдствіе не въ чертѣ расположенія родопскихъ инсургентовъ, а въ мѣстностяхъ гдѣ установлены нами правильныя гражданскія власти. Императорскій комиссаръ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, не могъ, конечно, допустить этого, — и вотъ началась комедія. На встрѣчу коммиссіи, по приближеніи ея къ мѣстности не занятой нашими войсками, выѣхалъ какой-то мусульманинъ, назвалъ себя депутатомъ отъ эмигрантовъ, и объяснилъ что Русскіе совершаютъ злодѣйства, и что поэтому уполномочившіе его не желаютъ возвратиться туда гдѣ дѣйствуютъ русскія власти. Затѣмъ на извѣстные пункты являлись такіе же бѣглецы съ такими же жалобами. Не успѣвалъ одинъ изъ нихъ кончить свой разказъ, какъ другой подтверждалъ его показанія въ качествѣ свидѣтеля, и тотчасъ начиналъ подобный же разказъ о другомъ дѣлѣ. Эти являвшіеся въ коммиссію эмигранты увѣряли что они жили съ Болгарами дружно; что Болгары ихъ не боятся, утверждали что любятъ Болгаръ, а о Русскихъ отзывались съ негодованіемъ; на предложеніе о переселеніи они отвѣчали отказомъ. „Не хотимъ, говорили они, возвращаться пока не уйдутъ Русскіе.“ На предложеніе снабдить ихъ хлѣбомъ, они кричали: „Дайте лучше яду! Лучше умереть чѣмъ влачить такую жизнь! А переселяться въ свои жилища, пока тамъ Русскіе, не хотимъ.“ Такія показанія, однородность выраженій и очевидная ложь не могли не произвести впечатлѣнія, и нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи потребовали чтобы слѣдствіе производилось не спросомъ у первыхъ встрѣчныхъ лицъ, а объѣздомъ по деревнямъ; на выборъ. Но при такомъ способѣ слѣдствія, затѣянная комедія потерпѣла бы полное фіаско, — и вотъ другіе члены коммиссіи протестовали противъ этого предложенія, говоря о дальности разстоянія, о потерѣ времени, о неудобствѣ путей сообщенія и т. д.

Такъ дѣло и кончилось одними протестами.

стами. Заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія заявленіе сдѣланное при этомъ *турецкимъ* комиссаромъ, ѣздившимъ съ комиссіей. Вотъ какъ онъ выразился: „Ничего не выйдетъ изъ этой поѣздки, потому что мы имѣемъ дѣло съ шайкой, со сбродомъ людей руководимыхъ иностранцами: инсургенты не признаютъ никакой власти, начиная съ султанской; бѣдствія ихъ велики, но какъ имъ помочь когда желающіе уйти изъ горъ и переселиться обратно насильно удерживаются (*sont retenus de force*) въ горахъ организованною шайкой чтобъ увеличивать ея численность.“

Что иностранцы тамъ есть, въ этомъ никто не сомнѣвается, и этому вотъ доказательство: когда европейская комиссія, прибывъ въ Филиппополь въ полномъ составѣ для переговоровъ съ Императорскимъ комиссаромъ, выѣхала на мѣсто ея назначенія, то на другой день былъ представленъ къ комиссару задержанный нашими аванпостами какой-то Англичанинъ безъ всякихъ документовъ. Оказалось что онъ *братъ англійскаго консула Фосетта, члена комиссіи*, и что онъ ѣхалъ изъ Родопскихъ горъ на встрѣчу комиссіи; при немъ оказались между прочимъ телеграммы его брата, въ которыхъ ему сообщалось что комиссія ѣдетъ, и будетъ такого-то числа тамъ-то...

Князь Дондуковъ-Корсаковъ обошелся съ прибывшимъ изъ Родопскихъ горъ братомъ консула Фосетта чрезвычайно вѣжливо, давъ ему пропускъ черезъ наши аванпосты для слѣдованія къ комиссіи, и даже приказалъ начальнику аванпостовъ, полковнику Панкратьеву, оказывать ему, Фосетту, возможную помощь и содѣйствіе, снабдивъ его конвоемъ до крайнихъ предѣловъ нашихъ разъѣздовъ. Всѣ подивятся этому, но такъ было и мы не будемъ объяснять по какимъ побужденіямъ князь Дондуковъ-Корсаковъ даже столь явнаго врага Россіи, какъ Фосеттъ, принялъ ласково, освободилъ отъ задержанія и даже способствовалъ къ соединенію его съ комиссіей, хотя и было извѣстно что онъ жилъ въ Родопскихъ горахъ и живя тамъ сносился съ братомъ, руководителемъ европейской комиссіи, которая дѣйствовала какъ выше изложено, то-есть спрашивала подставленныхъ и наученныхъ эмигрантовъ...

№ 222.

Москва, 2-го сентября

Возвращаемся къ предмету котораго мы вчера коснулись.

Намъ нечего таить ни въ Болгаріи, ни въ Румеліи даже отъ самаго непріязненнаго врага. Доказательствомъ тому можетъ служить фактъ которымъ мы заключили нашу статью въ послѣднемъ номерѣ. Императорскій комиссаръ, конечно, не пропустилъ бы брата Фосетта присоединиться къ Родопской комиссіи еслибы было основаніе опасаться что комиссія найдетъ нѣчто дѣйствительно компрометирующее русскую власть. Ужь это одно громко свидѣтельствуешь объ открытомъ, честномъ образѣ дѣйствій русской администраціи въ тѣхъ мѣстахъ. Но князь Дондуковъ-Корсаковъ, пропуская этого проходимца, конечно имѣлъ также въ виду тщательно слѣдить за нимъ чтобы раскрыть интригу въ самомъ зародышѣ, что и удалось, такъ какъ Родопская комиссія окончилась полнымъ фіаско.

Мы имѣемъ точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи мусульманъ бѣжавшихъ изъ Болгаріи по наущенію турецкихъ военачальниковъ и администраторовъ съ приближеніемъ русскихъ войскъ. Извѣстно что Великій Князь главнокомандующій, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, благосклонно принявъ ходатайство Порты о возвращеніи выходцевъ, приказалъ образовать русско-турецкую комиссію специально для регулированія переселенія. Комиссія эта продолжаетъ до сихъ поръ дѣйствовать; и со стороны русскихъ членовъ оной не было дѣлаемо никакихъ препятствій къ переселенію. Въ точности повинуюсь инструкціи данной главнокомандующимъ, а въ послѣдствіи княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, они поставили лишь три непремѣнныя условія: 1) чтобы между переселенцами не было больныхъ одержимыхъ заразительными болѣзнями, какъ-то тифомъ, оспой и т. п.; 2) чтобы переселенцы не брали съ собой оружія, и 3) чтобы не прокармливать ихъ на счетъ Болгаріи.

Тѣмъ не менѣе, обратное переселеніе выходцевъ, собравшихся въ Константинополь и вообще внѣ предѣловъ занятыхъ русскими войсками, замедлилось мѣсяца на два или на три. Замедлилось оно потому что отправка переселенцевъ изъ Констан-

тинополя по желѣзной дорогѣ не могла состояться вслѣдствіе спора Порты съ обществомъ желѣзной дороги: общество требовало уплаты денегъ за перевозъ впередъ, а Турецкое правительство настаивало на перевозкѣ въ долгъ. Не забота о судьбѣ переселенцевъ подвинула наконецъ Порту къ энергическимъ мѣрамъ чтобы водворить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, а политическая необходимость удалить изъ Константинополя безпокойную, болѣную, голодную толпу въ виду вспышки въ пользу Мурада. Тогда нашлись и деньги чтобы уплатить за перевозъ по желѣзной дорогѣ. И вотъ, въ то самое время когда родопскіе выходцы такъ театрално показывали предъ комиссіей что они не пойдутъ туда гдѣ Русскіе, что лучше смерть и ядъ чѣмъ хлѣбъ и жизнь въ однихъ мѣстахъ съ ними, — именно въ это время, въ теченіе одной недѣли, въ Адрианополь прибыло 45.000 мусульманскихъ выходцевъ!

Русскія власти, не предупѣдомленные объ этомъ, съ ужасомъ смотрѣли на эту голодную и изнуренную толпу, которая все росла. Не было заготовлено ни жилищъ, ни хлѣба. Понадобились чрезвычайныя мѣры и экстренные расходы чтобы не дать неожиданно нахлынувшимъ переселенцамъ умереть съ голоду, до котораго довело ихъ Константинопольское правительство.

Что же касается мусульманъ бѣжавшихъ изъ мѣстъ своего жительства, но оставшихся въ предѣлахъ нашего управленія, то всѣ они были скоро водворены на прежнихъ мѣстахъ; при этомъ ихъ снабжали подводами, кормовыми деньгами и конвоемъ; покинутыя ими имущества безусловно возвращены имъ; приказано давать имъ хлѣбъ на постройку зданій почему-либо разрушенныхъ и т. д.

Этого, казалось бы, вполне достаточно. Но въ послѣднее время Императорскій комиссаръ возбудилъ вопросъ объ отпускѣ Портой теперь же двухъ милліоновъ рублей, для раздачи переселяющимся и пострадавшимъ отъ войны; изъ числа десяти милліоновъ которые Порта обязалась выдать на вознагражденіе пострадавшихъ отъ войны. При этомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ предоставлялъ раздачу денегъ въ Румелии турецкому комиссару, а въ северной Болгаріи — установившемуся тамъ правительству. Пострадавшимъ выдаютъ хлѣбъ, придумываютъ для нихъ работу, платятъ за нее ежедневно и аккуратно

и т. д. Въ одномъ Филиппополѣ было до 15.000 бѣглецовъ; около 10.000 водворены, а остальныхъ пока призрѣваютъ. Въ Адрианополѣ, мусульманскіе переселенцы подали въ іюлѣ мѣсяцѣ адресъ благодарія въ немъ губернатора за попеченіе и заботу о нихъ

Но и этого мало. Къ сожалѣнію и къ стыду нашему, со времени заключенія Санъ-Стефанскаго предварительнаго договора мы относились къ мусульманамъ съ большою предупредительностью и вниманіемъ чѣмъ къ Болгарамъ. Мы какъ будто желали кому-то доказать что мы очень безпристрастны и удивительно великодушны, и для этого считали своимъ долгомъ усиливать суровость и строгость относительно Болгаръ, а Туркамъ дѣлать всевозможныя послабленія. Мы, на примѣръ, въ городѣ Туртукаѣ освободили не только отъ повѣшенія, но даже отъ всякой отвѣтственности турецкаго заптія, который, въ промежутокъ времени между оставленіемъ города Турками и занятіемъ его Русскими, застрѣлилъ Болгарина. Затѣмъ, во имя того же безпристрастія, мы въ іюнѣ мѣсяцѣ повѣсили въ Филиппополѣ двухъ Болгаръ, признанныхъ военнымъ судомъ виновными въ томъ что они будто бы зарѣзали Турка въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ, т.-е. въ то время когда мусульмане и христіане оставались безъ всякихъ властей, и когда шайки башки-бузуковъ и разбойниковъ дѣлали что хотѣли. И въ то же время мы не рѣшаемся предать суду извѣстнаго злодѣя Хаджи-Арифъ-пашу! Подвиги его стоить припомнить для оцѣнки нашей снисходительности къ Туркамъ при строгости относительно Болгаръ. Нѣтъ не выгодно быть съ нами въ родствѣ и союзѣ! Мы съ тѣми только и церемонимся кто отъ насъ подалѣе и кто врагъ нашему дѣлу.

„Хаджи-Арифъ-паша,“ пишутъ намъ на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, „былъ главнымъ руководителемъ фанатическихъ мусульманъ совершавшихъ убійства и неистовства въ Филиппопольскомъ санджакѣ; онъ организовалъ шайки подъ начальствомъ своего сына и внука, и клялся что вырѣжетъ всѣхъ христіанъ въ санджакѣ, и дѣйствительно его шайка дала себя знать. Вотъ нѣкоторые изъ дѣяній его и его шайки: 1) Они сожгли и разорили до тла село Калоферъ (1.200 христіанскихъ домовъ), Карлово, грабили и вѣшали мужчинъ и насиловали женщинъ въ

„деревняхъ Сопотѣ, Адмарѣ, Рахманлы, „Суйнока; 2) 41 Болгарь и 5 дѣвушекъ, „бѣжавшихъ отъ этихъ неистовствъ изъ „деревни Перушицы, схватили и всѣхъ „истязали, а женщинъ, изнасиловавъ, зарѣзали въ разстояніи получаса ходьбы „отъ Филиппополя; 3) стараго болгарскаго „священника изъ села Сенжерли повѣсили „на мосту черезъ рѣку Марицу въ городѣ „Филиппополѣ; 4) выкололи глаза и отрѣзали уши у Дмитрія Янкова и повѣсили „его, ограбили Янко Николаева, зарыли „въ снѣгъ его четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей, и т. д. Всѣ эти обвиненія подтверждены, не только свидѣтельствами христіанъ, Болгарь и Грековъ, но и показаніями Армянъ, иностранцевъ и даже мусульманъ на которыхъ сослался самъ „Арифъ.“

Съ приближеніемъ нашихъ войскъ къ Филиппополю, этотъ злодѣй, разумѣется, бѣжалъ. Каково же было изумленіе и гнѣвъ христіанъ когда этотъ самый Хаджи-Арифъ-паша, лѣтомъ нынѣшняго года, появился въ Филиппополѣ и поселился въ своемъ домѣ! Весь городъ пришелъ въ волненіе, послали депутатовъ къ губернатору и потребовали преданія Арифа суду. Но тутъ не замедлили представиться затрудненія. Хаджи-Арифъ-паша мусульманинъ, чело-вѣкъ вліятельный, именитый, богатый. Тотчасъ по его арестѣ русскими властями, Высокая Порта выступила съ ходатайствомъ за него; обратились къ нашему послу, кинулись къ главнокомандующему, генералу Тотлебену, и т. д. Результатъ этихъ ходатайствъ неизвѣстенъ, но христіане, помня какъ недавно повѣсили въ городѣ двухъ Болгарь, и видя какъ хлопочутъ русскія же власти о Хаджи-Арифѣ, спрашиваютъ: „Неужели мусульмане пользуются у Русскихъ бѣльшимъ покровительствомъ чѣмъ они, христіане?..“

„Со введеніемъ гражданскаго управленія въ селахъ и городахъ Болгаріи,“ пишутъ намъ, „прекратились всякія, даже „вполнѣ естественныя, выходки христіанъ „противъ ихъ недавнихъ притѣснителей и „мучителей. Наши офицеры тверды въ дисциплинѣ. Принявъ должности окружныхъ „начальниковъ, они болѣе всего заботятся „о водвореніи порядка, и быть-можетъ нѣтъ „въ мірѣ народовъ которыми было бы такъ „легко управлять какъ Турки и Болгары. „Турки, безъ подстрекаательства или безъ „согласія властей, никогда не пойдутъ про-

тивъ распоряженій правительства. Болгары же во всемъ непрекословно слушаются Русскихъ и отличаются самымъ мирнымъ и спокойнымъ характеромъ. Ни „о какихъ разбояхъ, грабежахъ и насиліяхъ „христіанъ надъ мусульманами со введеніемъ гражданскаго управленія не слышно, да наши военные окружные начальники и не потерпѣли бы этого. Напротивъ, вся граница Болгаріи, сосѣдняя съ „еще неукротеннымъ мусульманскимъ населеніемъ и до сихъ поръ постоянно подвергается нападеніямъ баша-бузуковъ и разбойниковъ вторгающихся изъ-за демаркаціонной линіи. Пограничныя селенія „Рущукскаго, Тырновскаго, Сливненскаго, „Филиппопольскаго и Софійскаго санджаковъ до сихъ поръ не обезопасены отъ „нападеній.“ Ниже читатели найдутъ свѣдѣнія объ этихъ неистовствахъ. Изъ нихъ видно что съ заключенія договора до послѣдняго времени, вся Болгарія пограничная съ мусульманскимъ населеніемъ подвергается нападеніямъ и разбоямъ мусульманъ.

Весьма естественно что Болгары смотрятъ не очень пріязненно на своихъ сосѣдей мусульманъ, что они не забыли всего понесеннаго ими зла. Весьма вѣроятно что было нѣсколько случаевъ отнятія имущества христіанами у оставшихся мусульманъ; въ возмѣщеніе за то что мусульмане отняли у христіанъ при бѣгствѣ изъ края. Но мы утверждаемъ, основываясь на самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ, что не было никакихъ злодѣйствъ и жестокостей христіанъ надъ мусульманами тамъ гдѣ введено гражданское управленіе и гдѣ дѣйствуютъ установленныя Русскими власти. Откуда же эти патетическіе возгласы лорда Солсбери на конгрессѣ? Откуда извѣстія печати о притѣсненіяхъ мусульманъ? Откуда эти фразы: „лучше ядъ чѣмъ жизнь подъ Русскою властью?“

Оттуда же откуда начали раздаваться голоса: „Вы видите, Русскіе не могутъ водворить порядокъ, надо замѣнить ихъ. Кѣмъ? Увидимъ послѣ.“

Игра ведется безстыдно и съ разчетомъ на разные личные элементы и настроенія. Почти въ то же самое время когда лордъ Солсбери на Берлинскомъ конгрессѣ заговорилъ о притѣсненіяхъ мусульманъ Русско-Болгарскими властями, наши высшіе сановники стали получать жалобы мусульманъ изъ всѣхъ мѣстностей Болгаріи на

притѣсненія; жалобы на то что ихъ домашній очагъ (гаремъ) будто бы не уважается, что ихъ имѣнія, сады, постройки будто бы уничтожаются, что Болгарская полиція притѣсняетъ ихъ и т. д. Мусульманскіе жители городовъ Виддина, Ломъ-Паланки, Силистріи, а въ послѣднее время и жители Шумлинскаго округа, Сливенцы, Филиппопольцы и Софійцы, — всѣ предъявляли подобныя жалобы. Порты бомбардируетъ такими жалобами и нашего посла въ Константинополь, и нашего главнокомандующаго въ Санъ-Стефано. Проходитъ мѣсяцъ, другой; жалобы, протесты, телеграммы скопляются у комиссара Болгаріи. По нимъ производятся формальныя слѣдствія, даже посредствомъ комиссій. Посылаются телеграммы, командируются слѣдователи; — и оказывается что все или вымышлено, или раздуто, или совершенно еще во время Плевнинскаго сидѣнья Румынами и т. д. Все это пишется, подписывается и отсылается по принадлежности. Время прошло, факты опровергнуты, но впечатлѣніе произведено, общественное мнѣніе введено въ заблужденіе и подготовлено. Пишутъ, кричатъ разомъ громко, тономъ увѣренности, какъ о фактѣ положительномъ, не подлежащемъ вопросу; а повѣрка между тѣмъ производится тихо, по частямъ, и результаты ея публикѣ неизвѣстны. Словомъ, политическіе плуты дѣлаютъ свое дѣло, руководясь правиломъ: *Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose.*

Кѣмъ направляются эти одновременныя и однородныя жалобы мусульманъ на Русско-Болгарскія власти? Дальнихъ мы знаемъ, но не трудно отыскать и ближайшихъ. Развѣ англійскіе и австрійскіе консула, ихъ агенты и сторонники — мусульмане и Греки — не видятся другъ съ другомъ? Развѣ ихъ нѣтъ въ Виддинѣ, Рушукѣ, Филиппополѣ? Развѣ неизвѣстно что честь и слава для этихъ людей состоитъ въ умѣньѣ достигать, во что бы то ни стало, своей цѣли? Развѣ мы не знаемъ что ложь, клевета, наглость и насиліе составляютъ существенныя свойства англійской политики? Развѣ неизвѣстно что лордъ Беконсфильдъ завѣдомо отвергалъ истину предъ выборными своего народа, въ парламентѣ? Развѣ не уличены во лжи официальные свѣдѣнія англійскихъ и турецкихъ консуловъ? Развѣ г. Фосеттъ, съ помощью своего брата, не морочилъ европейскую комиссію

допрашивая подставныхъ лицъ и выслушивая заданный урокъ? Мы знаемъ также что въ Филиппополѣ заведена цѣлая лабораторія для обработки разныхъ извѣстій печатаемыхъ затѣмъ въ газетахъ, для подготовки общественнаго мнѣнія, съ тѣмъ чтобы въ данное время воспользоваться всѣмъ этимъ для извѣстныхъ цѣлей. И какіе люди исполняютъ все это для достиженія цѣлей поставляемыхъ высшими лицами! Въ числѣ этихъ людей фигурируютъ г. Кальвертъ, англійскій консулъ въ Филиппополѣ, сынъ бывшаго англійскаго консула въ Галлиполи, осужденнаго въ каторжныя работы на понтоны по приговору англійскаго суда; греческій консулъ Матали, торговецъ лѣсомъ, продавшій въ свою пользу имущество Турокъ отданное ему на храненіе бѣжавшими мусульманами, и руководящій донесеніями своего драгомана Сосіади, корреспондирующаго въ греческую газету *Неологосъ*, и т. д. Можно представить много примѣровъ чудовищной лжи фабрикуемой всѣми этими господами въ ихъ извѣстіяхъ и корреспонденціяхъ. Приведемъ для образца одинъ случай. Въ газетахъ между прочимъ извѣщалось что около Дермендере было горячее дѣло. Родопискіе инсургенты напали де на русскія войска, бой былъ ожесточенный, было де 500 раненыхъ, потеряно де 12 орудій и т. д. Что же, однако, было на самомъ дѣлѣ? Вотъ что: Козловскій полкъ, командуемый барономъ Дризеномъ, давалъ въ Дермендере праздникъ, на который пригласили мѣстныхъ обывателей Болгаръ, Грековъ и т. д. Въ числѣ музыкальныхъ піесъ исполненныхъ на праздникъ былъ разыгранъ Плевнинскій маршъ, съ военными картинами и фейерверкомъ. „Быль, пишутъ намъ, на этомъ праздникѣ и князь Дондуковъ-Корсаковъ, который тогда же съ улыбкой предсказалъ что въ газетахъ будетъ напечатано о *сегодняшнемъ дѣлѣ.*“ Такъ и вышло.

И вотъ на основаніи подобныхъ-то корреспонденцій, извѣстій и донесеній составляетъ себѣ публика понятіе о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ! На основаніи такихъ-то свѣдѣній, представители державъ возбуждаютъ вопросы, требуютъ объясненій, позорятъ русскую администрацію! Императорскій комиссаръ, получающій указанія лишь отъ верховной власти Государя Императора, долженъ давать объясненія, дѣлать распоряженія по доносамъ такихъ лицъ какъ Кальвертъ,

Сосіади, и все это на глазах Болгаръ, въ ущербъ значенію и достоинству русской власти! Трудное положеніе даже для такого опытнаго администратора каковъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

№ 224.

Москва, 4-го сентября.

Тронная рѣчь которою открытъ былъ Германскій рейхстагъ въ прошедшій понедѣльникъ послужила указаніемъ на ближайшія намѣренія правительства не столько потому что въ ней содержится, сколько потому что въ рѣчи обойдено молчаніемъ. Въмѣсто обычнаго общаго очерка внѣшняго и внутренняго положенія страны, въ тронной рѣчи говорится *только* о законопроектѣ противъ социалистовъ. Даже о Берлинскомъ конгрессѣ нѣтъ ни слова. Изъ этого заключаютъ, — и правительственные органы вполне подтверждаютъ такое заключеніе, — что князь Бисмаркъ далеко не увѣренъ что добьется согласія вновь избраннаго рейхстага на предложенный законопроектъ, и въ случаѣ если онъ будетъ отвергнутъ, князь Бисмаркъ напередъ рѣшилъ распустить немедленно и этотъ рейхстагъ и снова обратиться къ народу. *Національная Газета* сравниваетъ теперешнюю сессію рейхстага съ великимъ политическимъ процессомъ. Обвиняемымъ въ этомъ процессѣ является не отдѣльное лицо, а многочисленная партія. „Она обвиняется,“ замѣчаетъ названная газета, „въ величайшемъ и тягчайшемъ изъ преступленій: въ систематическомъ подрывѣ самаго „существованія государства, въ покушеніи „разрушить основы общежитія и въ нарушеніи общественнаго мира возведенномъ „въ принципъ. Публичнымъ обвинителемъ „выступаетъ въ тронной рѣчи правительство, предъявляя какъ важнѣйшее доказательство два послѣдовательныя покушенія на жизнь императора. Судьями и „присяжными въ этомъ процессѣ представители націи. И это обвиненіе, равно какъ „и строгость требуемаго приговора, безпризмѣрны въ нашей парламентской исторіи.“

Каковъ будетъ исходъ „процесса“, объ этомъ трудно сказать что-либо напередъ. Но приговоръ требуемый обвинителемъ, то-есть внесенный имъ законопроектъ, конечно не отличается мягкостью. Онъ го-

раздо строже того законопроекта который былъ внесенъ тотчасъ послѣ покушенія Геделя и отвергнутъ рейхстагомъ постановленіемъ 30 мая. Но если однимъ изъ главныхъ возраженій противъ перваго законопроекта было то что онъ былъ составленъ съ излишнею поспѣшностью, то второй этого не заслуживаетъ. Второй выработанъ съ большою тщательностью и сопровождается обширными мотивами; въ немъ изложены весьма любопытные матеріалы заключающіе въ себѣ, въ общихъ чертахъ, исторію и статистику социалистской пропаганды въ Германіи за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Матеріалы эти интересны не для одной Германіи, и мы къ нимъ возвратимся. Теперь же ограничимся изложеніемъ содержанія законопроекта. Онъ состоитъ изъ 22 параграфовъ. Первый изъ нихъ, служащій фундаментомъ для всего закона, гласитъ такъ: „Сообщества служащія для социально-демократическихъ, социалистическихъ и коммунистическихъ стремленій, направленныхъ къ подрыву существующаго государственнаго и общественнаго порядка, *должны быть* запрещены.“ Этотъ безусловный запретъ, категорически высказанный въ первомъ и во всѣхъ послѣдующихъ параграфахъ, является отлѣчаетъ новый проектъ отъ того который внесенъ былъ весной. Тамъ власти лишь предоставлялось *право* запрещать социалистическія сообщества. Другое отлѣченіе заключается въ слѣдующемъ: по первому законопроекту запрещеніе могло исходить отъ особаго трибунала съ судебнымъ характеромъ; а во второмъ участіе суда, даже въ порядкѣ административной юстиціи, устранено вовсе, и обязанность искорененія пропаганды возложена прямо на полицію. Полиція, въ лицѣ ея мѣстныхъ органовъ и центрального вѣдомства, оной по каждому союзному государству, принимаетъ предписанныя въ законѣ мѣры репрессіи по собственному усмотрѣнію и приводитъ ихъ въ исполненіе совершенно самостоятельно. Постановленія полицейской власти о запрещеніи сообществъ, вспомогательныхъ кассъ и періодическихъ изданій имѣющихъ социалистскій характеръ, публикуются въ *Имперскомъ Указателѣ* и имѣютъ обязательную силу на всемъ пространствѣ имперіи. Постановленія эти могутъ быть обжалованы (въ теченіе недѣли) въ союзный совѣтъ, въ средѣ коего образуется особая комиссія изъ

семи членовъ для сужденія о дѣлахъ этого рода. Но принесеніе жалобы не останавливаетъ исполненія принятой мѣры. Кромѣ запрещеній налагаемыхъ на сообщества съ постояннымъ характеромъ и на періодическія изданія, полиція предоставляетъ обширная власть въ предупрежденіи пропаганды. Полиція дано право закрывать всякаго рода собранія и непосредственно конфисковать собираемые для цѣлей пропаганды деньги, а также задерживать всякаго рода печатныя произведенія. За всякое дѣйствіе заключающее въ себѣ нарушеніе указанныхъ распоряженій полиція положены наказанія, именно денежные штрафы за маловажныя нарушенія, а въ большинствѣ случаевъ тюремное заключеніе отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Лицу подвергшемуся два раза осужденію за нарушенія подобнаго рода можетъ быть воспрещено, по распоряженію полиціи, пребываніе въ извѣстныхъ городахъ и мѣстностяхъ, а иностранцамъ виновнымъ въ томъ же можетъ быть воспрещено пребываніе во всей территоріи Германской имперіи. Полиція можетъ также закрывать библіотеки, типографіи, гостиницы и питейныя заведенія, если содержатели оныхъ изобличены въ пропагандѣ, и воспрещать извѣстнымъ личностямъ заниматься публичною продажей отдѣльныхъ номеровъ газетъ и журналовъ.

Сверхъ того, законопроектъ предусматриваетъ необходимость временнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ на случай, если бы въ извѣстной мѣстности социальная агитация приняла особенно опасные размѣры. Въ этихъ случаяхъ могутъ быть, съ разрѣшенія союзнаго совѣта, установлены не болѣе какъ на годъ слѣдующія чрезвычайныя правила: 1) что всякаго рода политическія собранія не могутъ имѣть мѣсто безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи; 2) что воспрещается уличная продажа всякаго рода печатныхъ произведеній; 3) что извѣстнымъ лицамъ, коихъ публичная дѣятельность представляетъ опасность для общественнаго спокойствія, можетъ быть воспрещено пребываніе въ опредѣленномъ мѣстѣ или округѣ; 4) что воспрещается ношеніе, продажа и ввозъ оружія.

Таковъ въ общихъ чертахъ новый законопроектъ. Нѣтъ сомнѣній что въ немъ заключаются такія черты которыя рѣзко противорѣчатъ либеральной программѣ, и германскимъ доктринерамъ либерализма

нужно будетъ сдѣлать большое надъ собою усиліе чтобы принять законъ такого рода, несмотря на то что они какъ бы напередъ обязались согласиться на всѣ мѣры направленные къ искорененію зловредной пропаганды. Но успѣхъ законопроекта не столько зависитъ отъ степени готовности либеральной партіи принять его, сколько отъ иныхъ причинъ. Еслибы князь Бисмаркъ не порвалъ своего союза съ національ-либералами и если бы послѣдніе находились теперь въ тѣхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ правительству въ какихъ они были до распушенія рейхстага, то законопроектъ прошелъ бы безъ затрудненій. Но либералы не знаютъ еще въ какой мѣрѣ князь Бисмаркъ предполагаетъ продолжать начатую войну противъ нихъ. Имъ извѣстно что правительство можетъ рѣшиться на окончательный разрывъ съ ними лишь въ томъ случаѣ если ему будетъ возможно разчитывать на поддержку партіи центра. Но судя по всему, попытки установить *modus vivendi* съ папскою куріей не увѣнчались успѣхомъ, и тайнственные переговоры которые велись въ Киссингенѣ между княземъ Бисмаркомъ и папскимъ нунціемъ не привели ни къ чему. А потому весьма вѣроятно что наиболѣе рѣзкую оппозицію противъ законопроекта о социалистахъ окажутъ ультрамонтаны, эти ревностные и фанатическіе глашатаи принциповъ *Силлабуса*, которые на этотъ разъ превратятся въ ультра-либераловъ. Въ этомъ случаѣ содѣйствіе національ-либераловъ будетъ необходимо для составленія большинства въ пользу законопроекта. Нѣтъ сомнѣній что національ-либералы въ этомъ случаѣ не поколеблются утвердить новый законъ, не особенно заботясь о „принципахъ“ и предоставятъ вожаку партіи центра г. Виндгорсту ораторствовать за поправленіе конституціонной свободы.

Сейчасъ полученною берлинскою телеграммой подтверждается это заключеніе.

№ 225.

Москва, 5-го сентября.

Полученныя нами обстоятельныя свѣдѣнія изъ Болгаріи дали намъ возможность на дняхъ представить въ истинномъ свѣтѣ махинаціи такъ-называемой Родопской комиссіи. Наши свѣдѣнія находятъ себѣ

подтвержденіе въ письмахъ того корреспондента лондонской газеты, *Daily News*, который, несмотря на отказъ комиссіи допускать въ свое присутствіе корреспондентовъ, съ неутомимою энергіей слѣдовалъ по ея пятамъ, и не только объѣздилъ всѣ мѣста гдѣ побывала комиссія, но проникъ и въ самое гнѣздо Родопскаго возстанія и видѣлся съ его главнымъ двигателемъ. О нѣкоторыхъ сообщеніяхъ этого безпристрастнаго корреспондента мы уже имѣли случай говорить прежде. Послѣ того мы прочли цѣлый рядъ новыхъ писемъ его, изъ разныхъ мѣстъ Родопскаго округа, съ 10 по 19 августа, и считаемъ не лишнимъ присоединить ко всему нами сказанному еще нѣсколько ссылокъ на сообщенія англійскаго корреспондента.

Будемъ держаться порядка его писемъ. Уже въ письмѣ отъ 10 августа, изъ Гюмюрджинны, онъ привелъ факты свидѣтельствующіе о крайней недобросовѣстности комиссіи. Въ этомъ городѣ комиссія пробыла пять дней, но еще до ея прибытія были получены инструкціи чтобы вытребовать, изъ различныхъ селеній казны, вліятельныхъ Турокъ для допроса о положеніи дѣлъ въ ихъ мѣстностяхъ. Разказы этихъ Турокъ, говоритъ корреспондентъ, были всѣ на одинъ ладъ, и онъ слышалъ „намеки отъ христіанъ, которые не отрицались и Турками; что многіе изъ этихъ свидѣтелей были подучены заранее что говорить на вопросы комиссіи.“ При томъ же его крайне удивляло почему комиссія не хотѣла взглянуть на обѣ стороны вопроса. Ни одинъ христіанинъ не былъ допрошенъ ею, тогда какъ были отобраны показанія по крайней мѣрѣ сорока Турокъ. Когда комиссія прибыла въ Гюмюрджину, никто хорошенько не зналъ зачѣмъ она явилась, но подъ тѣмъ впечатлѣніемъ что задачей ея было улучшить положеніе жителей, какъ Турокъ такъ и христіанъ, вліятельные представители послѣднихъ, большею частью Греки, нѣсколько разъ являлись на квартиру французскаго и англійскаго комиссаровъ, но ни разу не были приняты. Наконецъ, они какъ-то добились свиданія съ комиссарами когда тѣ были всѣ въ сборѣ. Ихъ приняли вѣжливо, но комиссары и рѣчи не заводили о положеніи христіанъ въ Гюмюрджинѣ, а когда одинъ изъ депутатовъ косвенно упомянулъ что положеніе ихъ далеко не таково какъ было бы желатель-

но, то комиссары поспѣшили переменить разговоръ и завели рѣчь о совершенно другомъ предметѣ. „Христіанскимъ депутатамъ,“ прибавляетъ корреспондентъ, „оставалось только раскланяться и уйти.“ Въ томъ же письмѣ находимъ еще слѣдующій замѣчательный разказъ: „Я познакомился вчера,“ пишетъ корреспондентъ, „съ однимъ турецкимъ беємъ, принадлежащимъ къ числу наиболѣе свѣдущихъ жителей Гюмюрджинны, и хотя онъ до мозга костей Турокъ, но откровенно призналъ что никакого добра не будетъ для жителей округа отъ визита международной комиссіи. Въ отвѣтъ на мой вопросъ о причинѣ такого его мнѣнія, онъ отвѣчалъ что комиссія была слишкомъ одностороння. Она слушала де только что имѣли сказать Турки, а чтобы помочь положенію выходцевъ она не имѣла никакихъ средствъ.“ „Дѣло въ томъ,“ писалъ онъ далѣе, „что комиссія, судя по ея дѣйствіямъ, принялась за работу въ видахъ выставить сильную улику противъ Болгаръ, а слѣдовательно и противъ Русскихъ.“ И онъ тогда уже пришелъ къ заключенію что эта международная комиссія была ошибкой съ начала до конца, и что, по ея возвращеніи въ столицу, положеніе дѣлъ въ Родопскихъ округахъ станетъ хуже чѣмъ было прежде.

По его словамъ, она уже имѣла одинъ дурной результатъ, внушивъ Туркамъ уверенность что Европа вообще расположена принять ихъ сторону, и потому они еще болѣе стали самоуправствовать въ Гюмюрджинѣ съ тѣхъ поръ какъ тамъ побывала комиссія. Это сложившееся въ умѣ корреспондента мнѣніе онъ не измѣнилъ до конца, и въ послѣднемъ письмѣ своемъ отъ 19 августа, изъ главной квартиры инсургентовъ въ Кара-Тарлѣ, вновь писалъ: „Общее мнѣніе таково что Англія и Турція, въ союзѣ между собою, готовы поддерживать Родопское возстаніе людьми и средствами если необходимо.“

Но обращаемся по порядку къ другимъ фактамъ о которыхъ еще повѣствуетъ корреспондентъ. Въ письмѣ отъ 11 августа онъ пишетъ: „Турецкіе жители Гюмюрджинны проникнуты впечатлѣніемъ что международная комиссія прибыла сюда совершенно въ турецкихъ интересахъ, и отказъ членовъ оной разспросить христіанскихъ свидѣтелей много содѣйствовалъ укрѣпленію этого впечатлѣнія. Пока бы-

ла здѣсь комиссія, Турки держали себя много тише чѣмъ прежде; но какъ только комиссія уѣхала, они принялись за прежнія злоупотребленія. Мнѣ рассказывали о нѣсколькихъ случаяхъ какъ въ послѣдніе три дня Турки среди бѣлаго дня отнимали у христіанъ собственность, обыкновенно скотъ или лошадей. Здѣсь для христіанина одинъ законъ, а для Турка—другой. Христіане громко жалуются на здѣшнюю администрацію и довольно естественно опасаются что теперь дѣла станутъ еще хуже когда международная комиссія дала Туркамъ основательный поводъ полагать что ея сочувствія были скорѣе на сторонѣ Турокъ чѣмъ не-мусульманъ... Здѣшніе Греки очень досадуютъ на присылку этой комиссіи... Греческій митрополитъ говорилъ мнѣ сегодня что, за нѣсколько дней до прибытія комиссіи, полковникъ Фосеттъ, братъ англійскаго комиссара, консула Фосетта, проѣхалъ черезъ Гюмюрджину въ главную квартиру инсургентовъ...

Помимо слѣдованія за комиссіей и передопроса допрошенныхъ ею свидѣтелей, корреспондентъ собралъ много цѣнныхъ свѣдѣній и о самомъ этомъ Родопскомъ возстаніи, сочиненномъ интригой... Еще въ Гюмюрджинѣ онъ нашелъ большую нищету и лишенія среди выходцевъ, но чѣмъ далѣе онъ подвигался картина перемѣнялась. Въ щедро надѣленной природой мѣстности было изобиліе кукурузы, пшеницы, овса, дынь, винограда. Во всѣхъ дальнѣйшихъ селеніяхъ за Гюмюрджиной корреспондентъ находилъ выходцевъ въ гораздо лучшемъ положеніи чѣмъ ожидалъ. Въ селеніи Кирджали, напримѣръ, они регулярно получаютъ пособіе отъ инсургентовъ въ видѣ хлѣба и бараньяго бульйона, и несмотря на постоянно прибывающее число ихъ, немедленно выдаются имъ раціоны. Фактъ этотъ, а также и прежде слышанныя корреспондентомъ заявленія многихъ выходцевъ о намѣреніи обратиться къ инсургентамъ, вселили въ него подозрѣніе что Турецкое правительство умышленно оставляетъ выходцевъ въ Гюмюрджинѣ въ нуждѣ чтобъ они тѣмъ охотнѣе перебирались посѣвернѣе, гдѣ ихъ собратья не нуждаются, и присоединялись бы къ инсургентамъ. Откуда инсургенты берутъ оружіе и аммуницію? Корреспондентъ указываетъ что для нихъ остаются открытыми всѣ небольшіе порты на Эгей-

скомъ морѣ; но откуда берутся деньги для пріобрѣтенія запасовъ, это оставалось для корреспондента совершенною загадкою, которую онъ надѣялся разрѣшить по свиданіи съ руководителемъ возстанія „Инглизъ-пашой“, то-есть полковникомъ Сентъ-Клеромъ.

По прибытіи въ Кирджали, комиссія стала обращаться къ названному Сентъ-Клеру прямо какъ къ „его превосходительству, главнокомандующему мусульманскою національною арміей“. Самого корреспондента, еще ранѣе, въ селеніи Мастанило, турецкій каймакамъ спросилъ чуть не съ первыхъ словъ, много ли еще Англичанъ ѣдутъ присоединиться къ инсургентамъ. Объ упомянутомъ Сентъ-Клерѣ, бывшемъ прежде капитанъ въ 21. фузелерскомъ англійскомъ полку, корреспондентъ говоритъ какъ о человѣкѣ весьма способномъ и энергичномъ. Онъ явился къ инсургентамъ мѣсяцевъ пять тому назадъ и выбранный ими начальникомъ согласился руководить ими съ тѣмъ чтобъ ему была присвоена неограниченная власть жизни и смерти. Адъютантомъ у него корреспондентъ встрѣтилъ одного стараго знакомаго по карлистской кампаніи. Съ этимъ Сентъ-Клеромъ, во время проѣзда комиссіи, англійскій консулъ Фосеттъ забавнымъ образомъ обмѣнялся любезностями. Онъ подарилъ „генералу національной мусульманской арміи“ штаны, въ коихъ тотъ имѣлъ недостатокъ, но за то взялъ у него поваренка съ собою въ Константинополь и зачислилъ его на службу ея Британскаго величества въ качествѣ каваса. Корреспондентъ побывалъ въ лагерѣ инсургентовъ, и рассказывая о строгихъ порядкахъ введенныхъ Сентъ-Клеромъ, проситъ не забывать что „въ ихъ рядахъ много дезертировъ изъ арміи Сулеймана, а также людей бывшихъ виновными въ самыхъ ужасныхъ злодѣйствахъ.“

А жестокости Русскихъ? Корреспондентъ *Daily News* повторяетъ что онъ не встрѣтилъ „ни одного серіознаго обвиненія противъ русскихъ войскъ“, и пишетъ что выходцы боятся возвращаться восвою только потому что начальствующіи лица стараются убѣдить ихъ что „Русскіе настоящіе варвары!...“

Кажется, все дѣло до очевидности ясно. Мусульманскіе выходцы несомнѣнно терпятъ во многихъ мѣстахъ лишенія, но виновато въ этомъ прежде всего Турецкое

правительство Сулейманъ-паша устрашениями и принужденіемъ погналъ ихъ предъ собой. Когда они стеклись въ столицѣ, Порты, не имѣя средствъ прокормить голодный людъ, стала переправлять ихъ въ Родоппъ, гдѣ уже собрались дезертиры, и вотъ явилось „возстаніе.“ Но русскія и болгарскія жестокости выдуманы были не для одного прикрытія этого дѣла и его оправданія, а чтобы повернуть все дѣло организациі Румелии на иной ладъ. Порты и Англія удерживаютъ мусульманскихъ выходцевъ отъ возвращенія и указываютъ на притѣсненія ихъ Болгарами и Русскими въ томъ намѣреніи чтобы потомъ водворить ихъ опять хозяевами. А когда Родопская комиссія окончилась ничѣмъ, пущены были въ ходъ другія средства. По совѣту королевы Викторіи султанъ обратился съ трогательною телеграммой къ Государю Императору...

Извѣстно также что Порты очень хлопотала чтобы въ занятыхъ Русскими мѣстахъ мусульмане не обезоруживались... Какова наглость! Мы воевали чтобъ обезоружить мусульманъ, а отъ насъ требуютъ чтобы мы вооружили ихъ!

№ 226.

Москва, 6-го сентября.

Англія не на шутку замышляетъ какой-то грандіозный подвигъ въ Афганистанѣ. Дѣйствительно ли встревожила ее миссія генерала Абрамова въ Кабулъ, или наконецъ просто дешевые лавры на Берлинскомъ конгрессѣ разохотили кабинетъ Беконсфильда къ продолженію его бойкой политики, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ еще уладившіяся европейскія замѣшательства вскорѣ могутъ усложниться событіями которыя готовятся въ Средней Азіи. Уже нѣсколько времени тому назадъ объявлялось о предстоящемъ отправленіи Индійскимъ правительствомъ къ эмиру Ширъ-Али посольства, съ генераломъ Чемберленомъ во главѣ и съ эскортой цѣлаго полка кавалеріи. До сихъ поръ посольство это еще не двинулось въ путь, но оно дѣятельно организуется въ Симлѣ (Симлахѣ), а газета *Times* получила отъ своего калкуттскаго корреспондента телеграмму, очевидно внушенную, въ которой излагается планъ новой политики имѣющей смѣнить

прежнюю политику *of masterly inactivity* въ отношеніи къ Афганистану и другимъ за-Гималайскимъ владѣніямъ, которой Индійское правительство держалось при трехъ прежнихъ вице-короляхъ. *) При этомъ корреспондентъ счелъ нужнымъ предпослать своему изложенію общіе мотивы перемѣны „Всѣ знакомые съ исторіей индійской политики,“ начинаетъ онъ, „согласны въ томъ что слѣдуетъ немедленно принять дѣятельныя мѣры противъ русскаго движенія въ Афганистанѣ. Въ началѣ прошедшаго столѣтія, русскіе передовые форты были въ разстояніи 2.500 миль отъ англійскихъ. Въ концѣ того столѣтія разстояніе уменьшилось на 2.000 миль, а въ началѣ настоящаго столѣтія оно сократилось до 1.500. Со времени окончанія Крымской войны оно сократилось до 400 миль. Слѣдовательно, судя по прошедшему, есть полное основаніе заключать что въ недалекомъ времени разстояніе это совершенно уничтожится, и что британская и русская границы соприкоснутся.“ Въ виду этой вѣроятности, Индійское правительство и спѣшитъ само найти линію соприкосновенія.

Но аргументъ этотъ съ большею точностію можно было бы изложить такъ: въ началѣ прошедшаго столѣтія Англичане владѣли всего нѣсколькими факторіями въ Индіи, и тогда неизвѣстно еще было кому достанется вся Индія, имъ или Французамъ; Англія не господствовала еще тогда въ Средиземномъ Морѣ, не владѣла Гибралтаромъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, Англія не владѣла еще Мальтой, а въ Индіи еще стояла имперія Великаго Могола. Въ нынѣшнемъ же столѣтіи, особенно послѣ Крымской войны, Англія совершенно завладѣла Средиземнымъ Моремъ, утвердившись въ Египтѣ, захвативъ и Суэзскій каналъ, и островъ Перимъ, и островъ Кипръ, а въ Индіи завоевала Пенджабъ, береговую часть Бирманіи, упразднила одно за другимъ независимыя владѣнія, подчинила своему контролю даже такія отдаленныя окраины какъ Кашмиръ и Непаль и вообще раздвинула свою границу до самой подошвы Гималаевъ. Съ такимъ изложеніемъ болѣе согласно будетъ и заклю-

*) При лордѣ Лоренсѣ (1863—1868), лордѣ Мео (1869—71) и лордѣ Нортбрукѣ (1872—1877). Нынешній вице-король, лордъ Литтонъ, еще въ прошломъ году отступилъ отъ этой политики, занявъ Кветту въ Белуджистанѣ, за Болаемъ проходъ.

ченіе о намѣреніи Англіи уничтожить послѣднее разстояніе отдѣляющее ее отъ Россіи въ Азіи, перешагнувъ черезъ исполинскій хребетъ и поставивъ себѣ границей Гиндукушъ.

Въ сущности, вотъ цѣль которую поставило себѣ Англійское правительство, и посольство къ эмиру Афганскому должно „дружескимъ убѣжденіемъ“ привлечь его къ этому плану. Важность его развивается далѣе слѣдующимъ образомъ: Индійское правительство не желаетъ затѣвывать ссору съ Россіей, но ему нельзя де не предвидѣть вѣроятности столкновенія рано или поздно. Съ этой-то точки зрѣнія Англичанамъ неизбѣжно де имѣть въ рукахъ командующее положеніе въ треугольникѣ образуемомъ городами Кабуломъ, Гузни и Желлабадомъ, и вмѣстѣ господствовать надъ Гиндукушемъ. „Это,“ поясняетъ корреспондентъ, „дастъ господство надъ центральными путями доступа къ Индіи, косвенно прикроетъ восточную и западную дороги и въ то же время откроетъ намъ возможность угрожать, если нужно, всей линіи русской границы: Сильнѣйшая пограничная линія шла бы вдоль Гиндукуша, отъ Памира до Баміана, оттуда на югъ черезъ Гельмундъ, Гиришкъ и Кандагаръ къ Аравійскому морю. Достигнуть этого можно или *прямымъ дипломатическимъ соглашеніемъ съ Россіей*, или заключивъ съ Афганистаномъ союзъ гарантіи и покровительства.“

Подчеркнутыя нами мѣста неподражаемо характеризуютъ смѣлость претензій англійскихъ политиковъ. Такъ привыкли они разчитывать на наше простодушіе что разчитываютъ на возможность, дипломатическимъ соглашеніемъ съ нами, обезпечить себѣ позицію въ Азіи которая дала бы ей возможность *угрожать намъ по всей линіи нашей границы!*

Впрочемъ, корреспондентъ болѣе говорить о планѣ дѣйствій въ Афганистанѣ. Съ особеннымъ настояніемъ должны де быть предъявлены эмиру слѣдующіе пункты: водвореніе англійскихъ агентовъ въ Балхъ, Гератъ и другихъ пограничныхъ городахъ; обязательство со стороны эмира не вступать въ дипломатическія сношенія ни съ какою другою державою безъ согласія Индійскаго правительства, свободный доступъ британскимъ миссіямъ въ Кабулъ когда понадобится, наконецъ удаленіе русской миссіи и исключеніе русскихъ

агентовъ на будущее время. Послѣдній пунктъ ставится безусловно, съ замѣчаніемъ что онъ не допускаетъ никакого компромисса. „Война была бы зломъ безконечно меньшей важности чѣмъ допущеніе русскаго вліянія въ Кабулъ.“ Всего этого надѣются достигнуть сперва посредствомъ дружескихъ увѣщаній, съ обѣщаніемъ возобновить эмиру прекращенныя субсидіи. Если же онъ окажется несговорчивымъ, то немедленно будутъ де приняты мѣры чтобъ его образумить.

Въ предыдущей, болѣе краткой, телеграммѣ тотъ же корреспондентъ увѣдомлялъ что „настоящая мѣра отправки миссіи въ Кабулъ есть лишь только одинъ шагъ обширнаго плана для огражденія Индіи, который есть исполненіе давно замысленной и тщательно разработанной системы оборонительной политики,“ и замѣчалъ притомъ что „теперь представляется весьма благопріятный случай для установленія на прочномъ основаніи нашихъ политическихъ отношеній къ Афганистану, а также чтобы достигнуть въ то же время окончательнаго соглашенія съ Россіей о предѣлахъ ея завоеваній въ Средней Азіи.“ А въ томъ же номерѣ лондонской газеты, въ особой статьѣ о сѣверозападной границѣ Индіи, было сказано что для подкрѣпленія посольства къ Ширъ-Али, въ октябрѣ будетъ уже собранъ въ Гассанъ-Абдулъ, въ сосѣдствѣ Пешавера, отрядъ изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій и трехъ бригадъ кавалеріи, всего до 15.000 человекъ. При этомъ обсуждалась и вѣроятная стратегія предстоящей кампаніи если она будетъ вынуждена упорствомъ Ширъ-Али; рекомендовалось дѣйствіе нѣсколькими небольшими колоннами, и указывались пункты этаповъ для поддержанія сообщеній. Ко всему этому можно еще прибавить что и султанъ, какъ слышно, отправляетъ посольство въ Кабулъ, и *Times* замѣчаетъ что „если это извѣстіе окажется вѣрнымъ, то мы можемъ понять его въ томъ смыслѣ что убѣжденіе главной магометанской державы присоединится къ нашему, и что распространенію русскаго вліянія въ Афганистанѣ будутъ противопоставлены совѣты Турціи также какъ и совѣты Англіи.“ Но должно-быть на эти совѣты не слишкомъ полагаются, если на границѣ Индіи собираютъ войска..

Повидимому, вице-король Индіи, лордъ Литтонъ, во всемъ этомъ руководится инструкціями изъ Лондона. Бывало прежде

алармистскіе взгляды шли изъ Индіи, а теперь многія изъ англо-индійскихъ газетъ, какъ *Friend of India* и *Indian Daily News*, отзываются съ большими сомнѣніями о вмѣшательствѣ въ афганскія дѣла. Лондонская же печать относится болѣею частію одобрительно къ предположенію подчинить Афганистанъ англійскому контролю. На Россію сыплется упреки. Напоминаютъ что она добровольно приняла обязательства предъ Англіей относительно Афганистана, признавъ что онъ внѣ сферы ея вліянія, а теперь начала дѣ тамъ свои интриги, отправивъ въ Кабулъ генерала Абрамова. „Намъ нѣтъ надобности,“ замѣчаетъ *Times*, „предполагать со стороны Россіи замыслы завоевать Индію; но она имѣетъ возможность причинить намъ много хлопотъ. Пока индійскіе проходы въ рукахъ недружелюбныхъ къ намъ сосѣдей, Россія можетъ, безъ большихъ хлопотъ и расходовъ, организовать въ Афганистанѣ набѣги на англійскія владѣнія. Какъ ни мало основанія имѣемъ мы именно въ настоящую минуту ожидать войны съ Россіей, намъ не желательно видѣть чтобы столь большія средства причинять намъ безпокойство перешли спокойно въ ея руки.“

Что же изъ этого слѣдуетъ? По здравой логикѣ то что не должно отказываться отъ столь выгоднаго и удобнаго средства которое можетъ сдерживать Англію, а еще менѣе допустить чтобы она могла грозить намъ по всей средне-азіатской границѣ, какъ объ этомъ мечтаетъ калькутскій корреспондентъ *Times*.

Англійскіе политики не предполагаютъ со стороны Россіи завоевательныхъ видовъ на Индію — слава Богу! Но они опасаются что мы можемъ причинить тамъ Англіи безпокойство. Что это значитъ? Это значитъ что Англія болѣе всего страшится диверсии къ Индіи въ случаѣ столкновения съ Россіей въ Европѣ.

№ 227.

Москва, 7-го сентября.

Германскій рейхстагъ, какъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ, постановилъ передать правительственный законопроектъ о социалистахъ на предварительное обсужденіе парламентской комиссіи изъ 21 члена. Это показываетъ что дѣло идетъ не

совсѣмъ гладко; и что правительству придется выдержать тяжкую борьбу прежде чѣмъ оно добьется своего отъ теперешнихъ представителей въ ихъ пестрой и неопредѣленной группировкѣ. Это впрочемъ видно и изъ того что князь Бисмаркъ прибылъ въ Берлинъ чтобы лично защищать законопроектъ, хотя первоначально онъ этого не имѣлъ въ виду; по крайней мѣрѣ берлинскія газеты не предувѣдомляли, по обыкновенію, объ его скоромъ прибытіи, и пренія начались въ его отсутствіи. Краткія и отрывочныя телеграфныя извѣстія не могутъ дать яснаго понятія о ходѣ преній; но изъ того что извѣстно по телеграфу всего замѣчательнѣе обвиненіе кинутое правительству социаль-демократомъ Бебелемъ въ томъ что оно само, еще въ недавнее время, входило въ какія-то интимныя сношенія съ социаль-демократами. Князь Бисмаркъ, повидимому, задѣтъ былъ за живое этимъ упрекомъ и разоблаченіями Бебеля, коихъ подробности мы можемъ узнать лишь по прочтеніи полнаго отчета о преніяхъ. Не довольствуясь возраженіями которыя представилъ противъ рѣчи Бебеля прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ и явившись въ рейхстагъ на другой лишь день, князь Бисмаркъ счелъ нужнымъ возвратиться къ этому щекотливому вопросу. Признавая свое знакомство и свои свиданія съ Лассалемъ, умершимъ въ 1864 году, онъ тѣмъ настойчивѣе отрицалъ какія бы то ни было сношенія свои съ позднѣйшими вожаками социалистовъ. Куріозенъ „аргументъ“ употребленный при этомъ германскимъ имперскимъ канцлеромъ: „Если повѣрить,“ сказалъ онъ, „сопоставленію справедливаго съ ложнымъ въ словахъ Бебеля, то тогда придется пожалуй повѣрить и недавнимъ разоблаченіямъ корреспондента *Times*.“ Какъ будто князь Бисмаркъ не знаетъ что этимъ разоблаченіямъ г. Бловица (парижскаго корреспондента *Times*) о политическихъ бесѣдахъ которыя велъ съ нимъ князь Бисмаркъ во время Берлинскаго конгресса всѣ очень повѣрили! Не только французскія, но и весьма осторожныя берлинскія газеты воспроизвели съ полною вѣрой обнародованное на дняхъ „дополненіе“ г. Бловица къ прежнимъ его разоблаченіямъ, весьма резонно рассуждая что корреспондентъ такой газеты какъ *Times* не могъ бы публично приписывать такому лицу какъ князь Бисмаркъ вещей

какихъ тотъ не говорилъ. Особеннымъ комментариемъ подвергался и вопросъ о томъ почему часть бесѣды происходившей два съ половиной мѣсяца тому назадъ обнародована лишь теперь? При этомъ высказывалось то соображеніе что и тогдашнее умолчаніе г. Бловица, и то что нынѣ онъ не считаетъ болѣе нужнымъ хранить втайнѣ слышанное имъ отъ германскаго канцлера о князѣ Горчаковѣ, — что все это не могло совершиться безъ вѣдома и спеціальныхъ указаній самого князя Бисмарка. И вдругъ онъ публично отрекается отъ корреспондента *Times*! Но онъ не удостоиваетъ своего бывшаго собесѣдника прямого опроверженія, а говоритъ объ этомъ мимоходомъ, какъ будто само собою разумѣется что всѣ сообщенія г. Бловица суть его собственныя выдумки. Не знаемъ что скажетъ на это корреспондентъ *Times*, но едва ли этотъ „аргументъ“ князя Бисмарка, выставленный противъ утвержденій одного изъ вожаковъ нѣмецкихъ социаль-демократовъ, произведетъ должное впечатлѣніе; едва ли слушатели князя Бисмарка въ рейхстагѣ убѣдились на этомъ основаніи что г. Бебель говорилъ неправду.

Есть впрочемъ и другое, фактическое указаніе на то что князь Бисмаркъ не всегда относился къ социаль-демократамъ такъ враждебно какъ въ настоящее время. Князь Бисмаркъ не могъ отрицать того что онъ былъ въ личныхъ сношеніяхъ съ Лассалемъ, и хотя онъ старался доказать что Лассаль не то что нынѣшніе социалисты, однако всѣмъ извѣстно что Лассаль есть основатель социаль-демократической партіи въ Германіи, приверженцы которой до сихъ поръ именуютъ себя „лассалианцами.“ Мотивы къ законопроекту о социалистахъ начинаютъ историческій обзоръ социальной пропаганды въ Германіи съ того же Лассалья. Въ 1865 году, какъ разъ около того времени когда князь Бисмаркъ, незадолго предъ тѣмъ поставленный во главѣ Прусскаго правительства, имѣлъ нѣсколько свиданій съ Лассалемъ, послѣдній основалъ свой „Всеобщій нѣмецкій рабочій союзъ“, „изъ коего въ послѣдствіи образовалась „социалистская рабочая партія въ Германіи,“ программа которой, по словамъ тѣхъ же мотивовъ подкрѣпленныхъ подлинными цитатами изъ протоколовъ и манифестовъ социалистскихъ конгрессовъ, во всемъ сходна съ тенденціями основаннаго въ 1864 году Международнаго Союза Ра-

бочихъ (Интернаціоналки). Въ статутахъ этой основанной Лассалемъ ассоціаціи читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Подъ именемъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза образуется сообщество которое, исходя изъ того убѣжденія что лишь путемъ всеобщаго и прямого избирательнаго права могутъ получить достаточное представительство интересы рабочаго сословія и могутъ быть дѣйствительно устранены сословныя привилегіи, будетъ стремиться къ тому чтобы мирнымъ и законнымъ путемъ, особливо чрезъ склоненіе на свою сторону общественнаго мнѣнія, содѣйствовать установленію всеобщаго, для всѣхъ равнаго и непосредственнаго избирательнаго права.“

Если припомнимъ что въ 1866 году, при основаніи Сѣверо-Германскаго Союза, идея Лассалья, положенная въ основаніе указаннаго сообщества, была вполне осуществлена исключительно благодаря инициативѣ князя Бисмарка, настоявшаго на томъ чтобы въ Германіи введена была французская система всеобщей подачи голосовъ, то теперешнее его сознаніе въ томъ что онъ былъ въ сношеніяхъ съ Лассалемъ получаетъ особенное значеніе. Не даромъ князя Бисмарка сравниваютъ съ Наполеономъ III и находятъ между ними черты сходства именно по склонности того и другаго къ заигрыванью съ вожаками радикальных партій. Не знаемъ въ какой мѣрѣ князь Бисмаркъ сохранилъ до сихъ поръ эту склонность; но упреки депутата Бебеля были не совсѣмъ лишены основанія, чего и самъ канцлеръ не могъ отвергнуть вполне, сознаваясь что тутъ „смѣшано справедливое съ ложнымъ.“ Да и возможно ли отрицать что наиболѣе могущественнымъ средствомъ къ распространенію социальной пропаганды въ Германіи была именно всеобщая подача голосовъ которую Лассаль такъ вѣрно призналъ „наилучшимъ способомъ“ къ достиженію социалистическихъ стремленій? Въ программѣ Лассалья, правда, говорится о „мирномъ и легальномъ пути,“ между тѣмъ какъ нынѣ „обновители человечества“ стали прибѣгать къ убійствамъ изъ-за угла. Но вѣдь и теперь официальные представители и публичные ораторы нѣмецкаго социализма не перестаютъ протестовать противъ приписываемаго имъ сообщничества съ Гёделемъ и Нобилингомъ. Нѣмецкіе социаль-демократическіе органы продолжаютъ доказывать что партія

эта не стремится къ насильственнымъ переворотамъ, а домогается осуществленія своихъ идеаловъ путемъ мирныхъ реформъ.

Убійствами хвастаютъ покамѣстъ одни лишь наши доморощенные революціонеры въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ.

№ 228.

Москва, 9-го сентября.

Не странное ли дѣло? Еще такъ недавно англійская печать предавалась необузданнымъ ликованіямъ, находя что Великобританія однимъ словомъ и пустыми угрозами смирила Россію, и вотъ оказывается что Великобританія трепещетъ какъ никогда прежде за безопасность своего драгоценнаго владѣнія въ Индіи, потому только что между Россіей и Афганистаномъ могутъ установиться добрыя отношенія... Афганистанъ долженъ быть или враждебенъ Россіи, или совершенно подвластенъ Англіи. Англія такъ напугана что готова сама идти на встрѣчу опасности и навязать себѣ новыя хлопоты въ Афганистанѣ.

Калькуттскій корреспондентъ *Times* вновь сообщаетъ, въ телеграммѣ отъ 15 сентября, что въ Индіи правительство только и занято что этимъ предметомъ. Въ Пешаверѣ со всевозможною энергіей шли приготовленія къ отправленію посольства въ Кабуль. По послѣднимъ извѣстіямъ, число лицъ входящихъ въ его составъ будетъ простирается до 1.000 человекъ, включая лагерныхъ прислужниковъ. Менѣе взять людей никакъ де нельзя, такъ какъ необходимо везти съ собою запасы на дорогу. Эскорта будетъ усилена отрядомъ пѣхоты и можетъ быть взводомъ гусаръ. Заключены также условія съ жителями Хайберскаго прохода для безопаснаго пути, и у нихъ взяты заложники. Вообще же правительство въ Индіи такъ озабочено этимъ дѣломъ, что все остальное, по словамъ корреспондента, „утратило совершенно всякое значеніе, въ виду первой важности приписываемой знаменательному отступленію отъ давно установленныхъ принциповъ иностранной политики Индіи.“ Прежняя политика воздержанія отъ вмѣшательства въ средне-азіатскія дѣла была де пожалуй благоразумна въ свое время, но она была задумана при отсутствіи всякой мысли о томъ

чтобы русское вліяніе въ Кабуль могло утвердиться иначе какъ завоеваніемъ, а въ такомъ случаѣ были увѣрены что эмиръ на преминетъ обратиться къ помощи Англіи, которая и дала бы ее на своихъ условіяхъ, не связанная никакими договорными обязательствами. Теперь, однако, дѣло выходитъ иначе. „Эмиръ Афганскій такой невѣжда,“ выразилась одна англійская газета, „что не хочетъ понимать своихъ собственныхъ интересовъ:“ онъ вздумалъ дружить съ Россіей и принимать отъ нея посольства! Этому долженъ быть положенъ конецъ, и если онъ не переменитъ принятаго имъ положенія, то Англія, „ради самообороны,“ должна будетъ взяться за болѣе дѣятельную политику.

Все это изобличаетъ большую тревогу. Мы говорили на дняхъ что англійская печать въ началѣ отнеслась вообще довольно одобрительно къ афганскому предпріятію своего правительства. Но теперь уже начинаютъ проглядывать и сомнѣнія. Въ Лондонѣ уже находятъ что о безопасности Индіи слѣдуетъ позаботиться болѣе внутри ея чѣмъ внѣ. Англія держитъ въ Индіи 200.000 войска, туземнаго и европейскаго, а въ то же время позволяетъ разнымъ туземнымъ владѣтелямъ содержать до 300.000 солдатъ не подчиненныхъ англійскому начальству. Кромѣ того, владѣтели эти завели у себя отливку орудій, слѣдятъ за всѣми усовершенствованіями военнаго дѣла въ Европѣ, а одинъ изъ нихъ, Синдія, ввелъ у себя прусскую систему.

Двухсоттысячной арміи могло бы быть достаточно чтобы держать въ покоѣ Индію, но если отъ нея будутъ отряжаться экспедиціи, въ родѣ недавней посылки 7.000 сипаевъ въ Средиземное море, или для предстоящей экспедиціи въ Афганистанъ, то придется или эту силу значительно увеличить, или подумать о томъ чтобы въ самой Индіи было менѣе въ ней надобности. Любопытно съ какимъ фарисейскимъ благодушіемъ и либерализмомъ газета *Times* ратуетъ противъ независимыхъ индійскихъ войскъ: „Туземные правители всего болѣе желаютъ поощрять между своими подданными чувство національности; и дѣйствующая армія есть одно изъ средствъ къ этой цѣли. Чувство это мы уважаемъ. Намъ нечего хмуриться на попытки къ возбужденію инстинкта политическаго единства въ туземныхъ государствахъ. Но какъ ни хороша эта идея сама по себѣ, едва ли

можно допустить ея безконечное развитіе коль скоро идетъ рѣчь объ увеличеніи мѣстныхъ войскъ и вооруженіи населенія. А потому *Times* и совѣтуетъ сразу пресѣчь эту военную энергію индійскихъ вассаловъ Англіи. Имъ должно де быть поставлено на выборъ: или вовсе не держать арміи, или включить свои войска въ имперскую армію, то-есть они должны де быть поставлены подъ начальство англійскихъ офицеровъ.

Другая лондонская газета *Daily News* еще тревожнѣе смотритъ на возможные послѣдствія новой афганской политики. Она согласна съ тѣмъ что слѣдуетъ принять мѣры противъ „русскихъ интригъ“ въ Афганистанѣ, но опасается что средства придуманныя къ тому правительствомъ скорѣе повредятъ предположенной цѣли: они возбудятъ въ сосѣдяхъ Индіи новыя опасенія и недовѣріе къ Англіи. „Мы дѣлаемъ все возможное,“ прибавляетъ лондонская газета, „чтобы бросить этихъ сосѣдей въ объятія Россіи, и не ихъ однихъ только. Первый шагъ въ Афганистанѣ сдѣланный Англичанами будетъ сочтенъ за движеніе на Персію, которая въ участи своего сосѣда увидитъ предвѣстіе своей собственной. И мысль которая навѣрное возникнетъ въ умѣ шаха уже сидитъ въ умѣ султана.“

Въ самомъ дѣлѣ, константинопольскій корреспондентъ *Times* (каковымъ въ настоящее время состоитъ не кто иной какъ нашъ старый знакомый г. Маккензи Уоллесъ, такъ долго жившій въ Россіи и написавшій о ней цѣлую книгу) сообщаетъ любопытныя вещи о малоазійской конвенціи между Англіей и Турціей. Ожидали чудесъ отъ этой конвенціи, но теперь оказывается что политика Англійскаго правительства должна „строго уважать верховную власть султана и рекомендовать лишь *minimum* реформъ имѣющихъ обезпечить жителямъ сносную безопасность жизни и собственности, и оградить ихъ отъ вымогательства безжалостныхъ сборщиковъ податей. И этотъ *minimum* имѣетъ быть достигнутъ добровольнымъ дѣйствіемъ султана и его правительства, а болѣе энергическихъ средствъ сверхъ нравственнаго понужденія употребляемо не будетъ.“ Султанъ де благонамѣренъ и самъ видитъ необходимость реформъ, но онъ, какъ вообще турецкіе государи, недовѣрчивъ даже къ своимъ министрамъ, а тѣмъ болѣе къ

иностраннымъ представителямъ. „Не одинъ разъ въ послѣднее время,“ сообщаетъ корреспондентъ, „султанъ въ разговорѣ съ многими счастливыми допущенными въ его присутствіе, дѣлалъ многозначительныя замѣчанія о полунезависимыхъ индійскихъ принципахъ. Очевидно онъ опасается что Англія стремится поставить Малую Азію въ положеніе владѣнія подобнаго Индіи, а потому результатъ переговоровъ будетъ много зависѣть отъ того успѣетъ ли британскій посолъ разсѣять эти опасенія. Къ несчастію, опасенія поддерживаются многими лицами и въ Портѣ, и во дворцѣ великаго визиря.“

Не куріозный ли, въ самомъ дѣлѣ, результатъ что Англія, которая заявила себя рьяною защитницей интересовъ Ислама, которая, по пресловутому выраженію ея великаго визиря Беконсфильда, сама есть „великая мусульманская держава“, сумѣла всеми ухищреніями своей политики дойти до того что возбуждаетъ противъ себя же недовѣріе и подозрѣнія во всемъ мусульманскомъ мірѣ?!

№ 230.

Москва, 11-го сентября.

Послѣ паузы въ австрійской оккупациі, продолжавшейся около двухъ недѣль со времени взятія Сараева и употребленной для того чтобы стянуть на театръ войны весьма значительныя подкрѣпленія, военныя дѣйствія возобновились въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ и обдуманнѣе чѣмъ въ первый разъ. Тогда у барона Филипповича главная цѣль была дойти какъ можно быстрѣе до Сараева, гдѣ онъ думалъ раздавить возстаніе. Послѣ ряда битвъ это было исполнено довольно успѣшно, хотя и не сбылось дѣтское желаніе овладѣть боснійскою столицей именно ко дню рожденія Австрійскаго императора. На обезпеченіе линіи сообщенія тогда не было обращено должнаго вниманія, и даже австрійская граница образуемая рѣкою Савой всюду осталась почти открытою. Послѣдствія этой „гусарской штуки,“ какъ въ послѣдствіи при неудачахъ Сапари стали называть въ самой Австріи маршъ на Сараево, не замедлили оказать. Разсѣяніе сараевскихъ инсургентовъ нисколько не помѣшало сильной органи-

зація возстанія въ другихъ мѣстахъ страны. Корпусъ генерала Сапари, двинутый въ сѣверо-восточную Боснію, такъ называемую Поссавину, встрѣтилъ такое жестокое сопротивленіе инсургентовъ что долженъ былъ поспѣшно отступать къ исходному пункту военныхъ дѣйствій, Добою, и здѣсь, продолжая нести значительныя потери, долженъ былъ окопаться и выдерживать безпрестанныя атаки инсургентовъ. Плаваніе по рѣкѣ Савѣ было безпрестанно нарушаемо, такъ какъ пароходы и лодки подвергались обстрѣливанію съ турецкаго берега. Въ западной Босніи, или такъ-называемой Крайнѣ, также организовано было сопротивленіе.

„Вторичное“ занятіе съ свѣжими силами начинается съ исправленія прежнихъ ошибокъ. Нѣсколько дней назадъ officialный телеграфъ въ Вѣнѣ довольно таинственно возвѣстилъ объ открытіи операцій на рѣкѣ Савѣ, о новомъ переходѣ австрійскихъ войскъ черезъ эту рѣку, и присовокуплялъ что дальнѣйшія свѣдѣнія объ этихъ операціяхъ будутъ сообщаться лишь когда это дозволитъ тайна которую необходимо соблюдать о движеніи войскъ. Предупрежденіе это звучитъ нѣсколько комически. Какъ будто австрійское военное начальство имѣетъ дѣло съ европейски организованною арміею, а не съ простыми Босняками которые, конечно, не въ газетахъ вѣнскихъ станутъ искать свѣдѣній о движеніяхъ своего противника. Какъ бы то ни было, но свѣдѣнія объ этихъ операціяхъ получаютъ уже изъ частныхъ источниковъ. Для дѣйствія въ Поссавинѣ Австрійцы сосредоточили на Савѣ войска въ количествѣ цѣлаго корпуса генерала Винерта. *Wiener-Tagblatt* сообщаетъ что 13 и 14 сентября правое крыло этого корпуса перешло Саву у города Шамца. Переправа совершилась подъ прикрытіемъ нарочно устроенныхъ бергсовыхъ батарей и одного монитора. Инсургенты оказали лишь довольно слабое сопротивленіе. Съ монитора и батарей сдѣлано было по 16—20 выстрѣловъ; затѣмъ въ Шамцѣ былъ поднятъ бѣлый флагъ, и къ переправившимся черезъ рѣку Австрійцамъ явился парламентаръ увѣряя что городъ сдается, и Австрійцы могутъ безпрепятственно войти въ него. Корреспондентъ *Wiener-Tagblatt*, передающій эти подробности, сообщаетъ далѣе что при входѣ Австрійцевъ въ городъ, они все-таки были встрѣчены

„нѣсколькими выстрѣлами,“ и тогда послѣдовало бомбардированіе обратившее городъ ни болѣе, ни менѣе какъ въ „кучу развалинъ.“ Послѣ такого радикальнаго способа умиротворенія, средняя колонна корпуса Винерта перешла Саву у другого турецкаго города Бречки, гдѣ, во время переправы правой колонны, была произведена только демонстрація. Надо думать наконецъ, что третья, лѣвая, колонна предприметъ дѣйствія противъ крѣпости Бѣлины, лежащей въ самомъ сѣверо-восточномъ углу Босніи у сербской границы, при сліяніи Дрины съ Савой. Коль скоро этотъ операціонный базисъ будетъ обезпеченъ Австрійцамъ, можно будетъ двинуться съ сѣвера внутрь страны и, въ связи съ арміею графа Сапари наступающею съ востока отъ долины Босны, кольцомъ охватить инсургентовъ Поссавины. Если это наступленіе увѣнчается успѣхомъ, тогда и корпусъ герцога Виртембергскаго, находящійся теперь въ бездѣйствіи въ Сараевѣ, можетъ начать наступленіе съ юга. Отъ Савы внутрь восточной Босніи ведутъ три пути. Первый, по которому въ свое время наступалъ и Сапари, ведетъ отъ Шамца чрезъ Градочацъ на Грачаницу; другой отъ Бречки на Дольную Тузлу, и третій отъ Бѣлины по самой сербской границѣ къ крѣпости Зворнику (цѣли австрійскихъ операцій въ этомъ краю Босніи), куда окончательно сходятся и другіе два пути. По этимъ направленіямъ, вѣроятно, и послѣдуетъ наступленіе соединенныхъ силъ Винерта и Сапари.

Точно такое же наступленіе съ двухъ сторонъ предпринято нынѣ Австрійцами и противъ западной половины Босніи или Крайны. Здѣсь, въ дни 6, 7 и 8 сентября, генераль Шамецъ, двинувшійся съ 1½ бригадами изъ Баньялуки, то-есть съ востока, имѣлъ довольно сильные бои съ инсургентами у города Ключа. Окончательно онъ удержалъ верхъ надъ ними и приступилъ къ обезоруженію жителей въ долину рѣки Саны, текущей параллельно съ Босной къ сѣверу и надъ которою господствуетъ городъ Ключъ. Неизвѣстно возможно ли приписывать положительный результатъ этому успѣху, такъ какъ выраженіе officialной телеграммы „разсѣявшіеся“ инсургенты даетъ поводъ полагать что они могутъ снова „собраться,“ какъ тому уже и были примѣры. Но и

полное обезоружение и очищение долины Саны и Козарацких горъ не значить умиротворения западной Боснии, такъ какъ инсургентные центры въ этой сторонѣ суть Бигачь и Ливно, оба на Далматинской границѣ, одинъ въ самомъ углу на сѣверо-западѣ Боснии, другой на югѣ въ сторону Герцеговины. Противъ этихъ центровъ Австрійцами направлены были силы съ западной стороны изъ Далматин; но оба наступления повели къ весьма неприятнымъ сюрпризамъ. Противъ Ливна долженъ былъ дѣйствовать генералъ Чикось съ одною бригадою, но въ виду „перевѣса въ силахъ непріятеля“ ему пришлось отступить обратно на далматинскую территорию. Первая атака генерала Заха на Бигачь также окончилась полною неудачей. Онъ понесъ большія потери и долженъ былъ отступить въ Завалье. Одною изъ главныхъ причинъ его неудачи былъ недостатокъ въ артиллеріи (при бригадѣ было всего четыре горныя орудія). Эта причина была повидимому затѣмъ устранена; и если нѣтъ никакого недоразумѣнія со стороны телеграфа, *) то Бигачь уже достался третьяго дня Австрійцамъ.

Новый планъ операцій австрійскихъ войскъ потребовалъ, какъ извѣстно, и перенесенія главной квартиры изъ Сараева опять въ Бродъ, на самую австрійскую границу. Извѣстіе объ этомъ вызвало большое впечатлѣніе въ Австріи, тѣмъ болѣе что официально это было мотивировано такимъ пустымъ предлогомъ какъ большее удобство сношеній изъ Брода съ Вѣной (какъ будто ранѣе этого не было извѣстно). Вѣришь объясняется оно, какъ мы уже замѣтили, расширеніемъ района военныхъ дѣйствій и нѣкоторыми другими соображеніями. Будучи въ Сараевѣ, главная квартира, соединенная военнымъ телеграфомъ только съ Бродомъ, не могла бы своевременно знать что творится чуть не на семи пунктахъ гдѣ предприняты военныя дѣйствія; распоряженіе продовольствіемъ войскъ, уже теперь весьма хромающее, стало бы еще затруднительнѣе; наконецъ и сообщеніе главной квартиры съ Австріей теперь прерывается часто по долгу худымъ путемъ и инсургентами. Важ-

ною причиной для оставленія главной квартиры въ Сараевѣ было бы еслибъ Австрійцы продолжали, какъ первоначально думали наступленіе на Новый Базаръ. Но сопротивление встрѣченное ими въ Боснии и еще грознѣе готовящееся въ Албаніи, повидимому, заставило ихъ отказаться на нынѣшній годъ отъ этой мысли. Безсиліе Австріи выказалось здѣсь полное, и это то является главною причиною огорченія. Такъ напримѣръ въ *Wiener-Tagblatt* читаемъ по этому поводу: „Общественное мнѣніе все еще находится подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ о перенесеніи части главной квартиры изъ Сараева въ Бродъ. Пессимистское сомнѣніе, въ состояніи ли вообще Австрія, удручаемая внутренними и внѣшними затрудненіями, исполнить европейское порученіе котораго она добилась въ Берлинѣ, овладѣло самыми обширными кругами населенія. Совершенно справедлива забота о значеніи Австріи какъ великой и военной державы. Мы должны быть готовы выслушать самыя жесткія сужденія по этому поводу въ иностранной печати. Если вторая, можетъ быть самая трудная, половина оккупационнаго дѣла должна быть отложена до будущей весны, то эта перспектива кажется тѣмъ мрачнѣе что, по совѣту Гарибальди, агитаторы *Italia irredenta* слышно именно весной собираются будто бы къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ насъ, а Россія теперь уже въ качествѣ платящаго и охраняющаго патрона принялась за свои старыя занятія въ Бѣлградѣ и Цетинѣ.“

Положеніе, дѣйствительно, незавидное и довольно комическое, но кто же поставилъ въ него Австрію какъ не политика ея правительства?

№ 231.

Москва, 12-го сентября.

Предъ нами подробный стенографическій отчетъ о преніяхъ происходившихъ въ понедѣльникъ и вторникъ прошедшей недѣли въ Германскомъ рейхстагѣ. Рѣчь князя Бисмарка представляетъ, по обыкновенію, наиболѣе интересную часть этого отчета. Но помимо главнаго предмета, о которомъ такъ пространно говорилъ германскій имперскій канцлеръ, намъ любопытно было провѣрить переданное намъ по телеграфу

*) Телеграмма вѣнскаго *Correspondenz-Bureau* была, по обыкновенію, передана въ весьма извращенномъ видѣ. Крѣпость доставшаяся Австрійцамъ была названа буквально *bis Ak-hat*. По догадкѣ мы перевели Бигачь.

своеобразное опроверженіе разоблаченій корреспондента *Times*, которое князь Бисмаркъ счелъ будто бы нужнымъ мимоходомъ вставить въ свою рѣчь. И что же! Оказывается что князь Бисмаркъ вовсе не говорилъ того что телеграфное *Агентство Вольфа* вложило ему въ уста. Въ телеграммѣ было сообщено будто князь Бисмаркъ, возражая на раскрытіе сдѣланное накануне социалистомъ Бебелемъ по предмету его сношеній съ различными коноводами социаль-демократовъ, выразился такъ: „Если повѣрить сопоставленію справедливаго съ ложнымъ въ словахъ Бебеля, то тогда придется, пожалуй, повѣрить и недавнимъ якобы разоблаченіямъ корреспондента *Times*.“ Въ дѣйствительности же князь Бисмаркъ, опровергая фактическія утвержденія Бебеля и желая соблюсти правила парламентской вѣжливости, оговорился что онъ не думаетъ чтобы Бебель самъ сочинилъ все то что повѣствуетъ, и при этомъ прибавилъ: „Еслибъ онъ (Бебель) самъ сочинилъ ту смѣсь справедливаго съ ложнымъ которую я вычиталъ въ отчетѣ о вчерашней его рѣчи; то этимъ онъ доказалъ бы свою способность быть корреспондентомъ *Times* или иной большой газеты, а я могъ бы въ этомъ случаѣ рекомендовать ему это занятіе какъ очень прибыльное.“ Разница между этими двумя версіями слишкомъ очевидна: по первой, князь Бисмаркъ, хотя и мимоходомъ, но все-таки указалъ на „недавнія разоблаченія“ корреспондента *Times*, какъ бы не допуская и мысли чтобы возможно было придавать имъ вѣру. Во второй же онъ лишь намекнулъ на свойственную корреспондентамъ газетъ привычку смѣшивать въ своихъ сообщеніяхъ достовѣрное съ невѣрнымъ. При этомъ нужно замѣтить что парламентскія рѣчи князя Бисмарка обыкновенно воспроизводятся *Съверо-Германскою Всеобщею Газетой* въ провѣренной редакціи, и мы привели указанную выписку изъ текста напечатаннаго въ названной офиціозной газетѣ, который впрочемъ въ этомъ пунктѣ ни въ чемъ не разнится отъ стенограммы напечатанной въ остальныхъ берлинскихъ газетахъ. Но извѣстно что и *Вольфово Агентство* имѣетъ характеръ офиціозный, и если оно сочло нужнымъ выдѣлить изъ рѣчи канцлера это мѣсто и передать оное въ *Россію* въ указанномъ измѣненномъ видѣ, то этимъ несомнѣнно имѣлось въ

виду произвести извѣстное впечатлѣніе. Всѣ эти косвенные пути избираемые въ Берлинѣ, вмѣсто прямого и открытаго указанія на то что вѣрно и что невѣрно въ сообщеніи г. Бловица, приводитъ лишь къ тому заключенію что категорическое отреченіе отъ того что сообщено корреспондентомъ *Times* признается не удобнымъ.

Но этого мало. Прошла цѣлая недѣля и вотъ, несмотря на недугъ, заставившій князя Бисмарка провести нѣсколько дней въ постели, онъ продиктовалъ по тому же предмету статью въ *Съверо-Германскую Газету*, тотчасъ же и переданную сюда тѣмъ же *Телеграфнымъ Агентствомъ Вольфа*.

О сообщеніяхъ г. Бловица германскій канцлеръ или его газета говорить что „справедливое въ нихъ не ново, а новое несправедливо“

Но ново то что князь Бисмаркъ, во время конгресса, нашелъ нужнымъ пуститься въ откровенность о томъ что было въ 1875 году и жаловаться на плохую услугу которая тогда де Россія оказала Германіи. Разговоръ происходилъ въ іюлѣ, а корреспондентъ нашелъ нужнымъ пустить его въ свѣтъ не ранѣе сентября. Въ выборѣ момента для обнародованія можетъ быть и была англійская тенденція, но интереснѣе для насъ сущность дѣла. Во всякомъ случаѣ г. Бловицъ, задѣтый за живое ироническими замѣчаніями берлинской *Post*, еще прежде появленія поправокъ въ *Съверо-Германской Газетѣ*, въ телеграммѣ изъ Парижа, отъ 16-го сентября, объявилъ что еслибы князь Бисмаркъ выразилъ малѣйшее желаніе не видѣть сказаннаго имъ въ печати, то публика никогда не узнала бы о томъ: „но онъ не выразилъ этого желанія; онъ зналъ что слова его принадлежатъ публикѣ, и не мнѣ, — продолжаетъ г. Бловицъ, — допытываться зачѣмъ онъ сказалъ ихъ; люди ему подобные ничего не говорятъ чего бы они напередъ хорошо не взвѣсили.“

Въ разоблаченіяхъ Бловица есть разказъ и нравоученіе; органъ же германскаго канцлера подтверждаетъ фактъ, но мораль отрицаетъ. По разказу корреспондента, князь Бисмаркъ, припоминая 1875 годъ, хотѣлъ оправдать себя въ намѣреніи ослабить Францію. Онъ увѣрялъ г. Бловица что никогда такого намѣренія не было, а что вся эта исторія была не болѣе какъ заговоръ придуманный французскимъ

посломъ въ Берлинъ, г. Бирономъ, и княземъ Горчаковымъ, которому „хотѣлось присвоить себѣ роль спасителя когда нечего было спасать.“ Корреспондентъ слышалъ отъ князя Бисмарка такія слова: „Я говорилъ Горчакову: „Если вамъ такъ хотѣлось французской апопееозы, то мы довольно еще пользуемся кредитомъ въ Парижѣ чтобъ имѣть возможность представить васъ на какомъ-нибудь театрѣ, съ крылушками на плечахъ и въ миеологическомъ костюмѣ, окруженнаго бенгальскими огнями. Вамъ нечего поздравлять себя съ тѣмъ что вы сдѣлали рискуя нашею дружбой ради пустаго удовольствія. Откровенно скажу вамъ что я добрый другъ съ друзьями и добрый врагъ съ врагами.“ Въ такихъ словахъ сказывается слишкомъ сильная досада, и они никакъ не могли относиться къ пустому поводу. Сентиментальность не есть слабость князя Бисмарка. Несомнѣнно что онъ былъ раздосадованъ на миротворное вмѣшательство русской политики въ 1875 году: онъ самъ говоритъ это, и видно что онъ не забылъ о томъ до сихъ поръ. Но раздѣлялъ ли онъ самъ тогда замыслы военной партіи въ Германіи противъ Франціи или нѣтъ, во всякомъ случаѣ всѣ знаютъ что исторія о нихъ не могла быть сочинена въ Петербургѣ. Среди безоблачнаго неба, весной 1875 года, она громомъ ударила въ Лондонъ, въ парижской корреспонденціи лондонской *Times*, и вся англійская печать забила въ набатъ. Отсюда началось и дипломатическое дѣйствіе. Франція обратилась съ мольбами и въ Лондонъ, и въ Петербургъ. Извѣстно что „переполохъ“ былъ предметомъ бесѣды между лордомъ Дарби и русскимъ посломъ въ Лондонъ; декларация графа Дарби предшествовала циркуляру князя Горчакова. Съ нашей стороны, конечно, было бы лучше предоставить дѣйствовать Англии, тѣмъ болѣе что мы знали какъ ей не правилась наша дружба съ Германіей. Но англійскіе министры ловко выдвинули насъ на первый планъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, а сами благоразумно предпочли только „поддержатъ“ наши представленія. Мы склонны къ сентиментальности въ политикѣ. Можетъ-быть мы были бы поосторожнѣе еслибы могли предвидѣть что скоро велѣдъ затѣмъ начнутся восточныя замѣшательства.

Надо сдѣлать еще одну оговорку. Под-

тверждая сказанное англійскимъ корреспондентомъ объ образѣ дѣйствій князя Горчакова, *Сѣверо-Германская Газета* замѣчаетъ что вслѣдствіе этого Германія не могла дѣ питать „слѣпнаго и безусловнаго довѣрія къ будущему“, и ссылается также на настроеніе русской печати. Мы не помнимъ чтобы въ то время русская печать была враждебна къ Германіи; кажется, напротивъ...

Г. Бловицъ, въ заключеніе, приписалъ князю Бисмарку такія слова: „Не будь дѣла 1875 года, князь Горчаковъ не былъ бы въ томъ положеніи въ какомъ теперь и не подвергся бы только что испытанному имъ дипломатическому пораженію.“

Берлинскій офиціозный органъ тщится опровергнуть намекъ что исходъ Русско-Турецкой войны на Берлинскомъ конгрессѣ былъ намъ отместкой за 1875 годъ. Но аргументація берлинской газеты не отличается послѣдовательностью. Она доказываетъ что „о пораженіи Россіи могутъ говорить лишь тѣ кто считали Санъ-Стефанскій миръ самымъ справедливымъ выраженіемъ положенія дѣлъ.“ „Не будь этого договора, всѣ въ Россіи, по мнѣнію князя Бисмарка, увидѣли бы въ результатахъ Берлинскихъ совѣщаній блестящій успѣхъ русской политики и вмѣстѣ съ признательностью къ храбрости русскаго войска были бы признательны (вмѣстѣ съ лордомъ Беконсфильдомъ) и дипломатической ловкости графа Шувалова.“ *Лучшее есть врагъ хорошаго*, гласитъ пословица. Можетъ-быть по этой именно причинѣ въ Россіи не отдали должной справедливости „блестящимъ“ результатамъ Берлинскаго конгресса. Но не думасмъ чтобъ и газета князя Бисмарка (который берется быть руководителемъ русскаго мнѣнія и воздавать должное заслугамъ русскимъ дипломатамъ) стала спорить противъ того что съ точки зрѣнія интересовъ Россіи Санъ-Стефанскій договоръ былъ *лучше* Берлинскаго трактата. Стало-быть и несудивительно что замѣна одного другимъ не признается въ Россіи (да и въ одной ли Россіи!) „блестящимъ успѣхомъ.“ И вотъ теперь, чрезъ посредство англійскаго публициста, удостоившагося интимности князя Бисмарка, открыто повѣствуется міру что не таковъ былъ бы результатъ еслибы Россія не подала, три года тому назадъ, повода руководителю германской политики затантъ во глубинѣ своей души раздраженіе противъ нея.

Сказалъ ли что-либо подобное князь Бисмаркъ г. Бловицу, или не сказалъ? Вотъ вопросъ, прямой отвѣтъ на который со стороны *Съверо-Германской Всеобщей Газеты* мы предпочли бы сравнительнымъ изысканіямъ этого почтеннаго органа о достоинствахъ Санъ-Стефанскаго и Берлинскаго трактатовъ.

№ 232.

Москва, 13-го сентября.

Не успѣли мы нѣсколько дней тому назадъ указать на новыя хлопоты которыя Англія, въ своемъ страхѣ за Индію, готова навязать себѣ въ Афганистанѣ, какъ эти хлопоты уже начались. Вчерашнія телеграммы извѣстили объ оскорбленіи полученномъ отъ Афганскаго эмира которое Англія теперь, послѣ всѣхъ торжественныхъ возвѣщеній о своихъ намѣреніяхъ, не захочетъ оставить безнаказаннымъ. Еслибъ эмиръ просто отказалъ принять готовившееся уже двинуться въ путь къ нему англійское посольство, то можетъ-быть еще продолжались бы нѣкоторое время переговоры сопровождаемые угрозами, и такъ пожалуй дѣло затянулось бы до болѣе благопріятнаго момента. Но вмѣстѣ съ отказомъ въ принятіи посольства, офицеръ Кабульскаго эмира пригрозилъ воспрепятствовать силой дальнѣйшему движенію посольства, и принялъ къ тому мѣры занявъ войсками высоты господствующія надъ ущельемъ гдѣ пролегаетъ дорога. Посольство возвратилось въ Пешаверъ по телеграфному приказанію вице-короля и считается отозваннымъ. Послѣ громкихъ приготовленій, Индійское правительство не можетъ потерпѣть такое фіаско въ глазахъ своихъ двухсотъ милліоновъ подданныхъ, коихъ оно держитъ въ повиновеніи лишь страхомъ.

Вчерашнія телеграммы отчасти удивили всѣхъ неожиданностью, потому что всего за недѣлю извѣщалось что эмиръ Ширъ-Али принялъ англійскаго посланца съ почетомъ. Но прежняя телеграмма была передана неполно, и въ полученныхъ англійскихъ газетахъ мы находимъ объясненіе. Посланецъ принятый эмиромъ былъ лишь туземный агентъ Голамъ-Гуссейнъ-ханъ (состоявшій до перерыва сношеній туземнымъ агентомъ Англіи въ Кабулѣ, такъ

какъ эмиръ никогда не допускалъ къ себѣ англійскихъ агентовъ), отправленный впередъ курьеромъ извѣстить Ширъ-Али о предстоящемъ посольствѣ и вручилъ ему письма отъ вице-короля Индіи. Извѣстіе о его прибытіи въ Кабулѣ и о приѣмѣ его эмиромъ въ частной аудіенціи было принято за предвѣстіе успѣха и въ остальномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалось что въ Али-Масджидѣ ожидали прибытія Миръ-Ахора съ депешами отъ эмира касательно посольству, которое тѣмъ временемъ, въ ожиданіи этихъ сообщеній, оставалось въ Пешаверѣ. Должно быть этотъ самый Миръ-Ахоръ и былъ тотъ кабульскій офицеръ который силой воспрепятствовалъ посольство ѣхать далѣе, когда оно уже было двинулось въ путь на Али-Масджидъ.

Немедленно по полученіи этихъ извѣстій, газета *Times* воскликнула что дѣйствіе эмира есть оскорбленіе для Англіи, влекущее за собою самыя серьезныя послѣдствія, что теперь вопросъ перестаетъ де быть мѣстнымъ, индійскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупила что теперь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что Ширъ-Али вступилъ въ союзъ съ Россіей. Пока не получимъ самаго нумера газеты, не можемъ видѣть, по этимъ отрывочнымъ фразамъ телеграммы, какими аргументами лондонская газета приходитъ къ своему заключенію. Но мы очень хорошо знаемъ что, и помимо всякаго отношенія къ Россіи, Ширъ-Али давно имѣлъ поводы не довѣрять Англіи. Извѣстно что этому самому Ширъ-Али, хотя и младшему сыну, отецъ его Достъ-Магометъ, котораго такъ хорошо помнятъ Англичане, желалъ оставить свой престолъ, и Англичане уговорились признать престолонаслѣдіе и уважать это. Несмотря на то, когда по смерти Достъ-Магомета, возникли смуты въ Кабулѣ, и старшіе братья стали оспаривать у Ширъ-Али его права, Англичане признавали одного за другимъ эмировъ, эфемерно утверждавшихся въ Кабулѣ, и очень ихъ поддерживали. Въ то время Ширъ-Али былъ въ бѣгахъ, скрывался въ Персіи и уже тогда слылъ у Англичанъ за русскаго приверженца: всѣ попытки его возвратити себѣ престолъ выставлялись непремѣнно за русскія интриги. Наконецъ ему удалось собрать армію и утвердиться въ Гератѣ. По смерти Афзулъ-Хана, онъ разбилъ другаго своего брата, Азимъ-хана, лишившагося при этомъ жизни, и племянника Аб-

дуррахмана, бѣжавшаго въ Бухару и потомъ въ Россію, и съ торжествомъ вступилъ въ Кабуль. Это было, если не ошибаемся, уже въ 1868 году. Тогда признали его законнымъ эмиромъ и Англичане, и даже поспѣшили завязать съ нимъ сношенія, которыя Ширъ-Али, съ своей стороны, принялъ съ большою предупредительностью. Лордъ Мео, въ 1869 году, пригласилъ его на свиданіе и принялъ съ большимъ торжествомъ на *дурбаръ* въ Умбалтъ. Результатомъ свиданія было то что эмиръ уѣхалъ домой получивъ отъ Индійскаго правительства изрядную субсидію деньгами и оружіемъ. Субсидіи эти продолжались и послѣ. Англія оказывала ему и другого рода покровительство. Въ 1873 году она вела съ Россіей дипломатическіе переговоры объ опредѣленіи границъ его владѣній, о результатѣ коихъ эмиръ и былъ увѣдомленъ. Если вѣрить индійскимъ газетамъ, въ этомъ самомъ году эмиръ Ширъ-Али самъ посылалъ къ лорду Нортбруку въ Симлу посла съ предложеніемъ заключить оборонительный союзъ, но получилъ вѣжливый отказъ. Объ этомъ мы узнаемъ только теперь, и хотя въ извѣстіяхъ изъ Индіи пишутъ что предложеніе Ширъ-Али было отклонено будто бы вслѣдствіе излишней довѣрчивости къ общаціямъ князя Горчакова, но конечно тутъ были другія причины. Англіи не было разчета вести переговоры съ Афганскимъ эмиромъ какъ съ равнымъ и принимать на себя обязательства предъ нимъ; она добивалась чтобъ онъ призналъ себя въ вассальныхъ къ ней отношеніяхъ, какъ показываютъ всѣ дальнѣйшія ея дѣйствія. Какъ бы то ни было, прежнія отношенія между ними ослабли, а потомъ и вовсе прекратились. Субсидіи были прекращены, и хотя въ прошедшемъ году возобновились было переговоры въ Пешаверѣ между англійскимъ комиссаромъ сэръ-Луисомъ Пелли и посланцемъ эмира, но они кончились ничѣмъ. Англія требовала чтобъ эмиръ допустилъ постоянныхъ англійскихъ резидентовъ въ разные пункты своихъ владѣній. Эмиръ наотрѣзъ отказывалъ въ этомъ. Онъ не только зналъ, по участи индійскихъ владѣтелей, къ чему ведетъ пріемъ этихъ резидентовъ, но видѣлъ примѣръ болѣе близкаго сосѣда, хана Келатскаго въ Белучистанѣ, который давно по трактату находился въ извѣстныхъ обязательствахъ предъ Англіей. Въ прошедшемъ же

году, Англія рѣшила перешагнуть черезъ Гималай, съ одной стороны, и выйдя изъ Болатскаго прохода заставила хана Келатскаго допустить занятіе Кветты англійскимъ гарнизономъ. Уже одно это обстоятельство должно было встревожить эмира и возбудить его недовѣрчивость, такъ какъ изъ Кветты Англичанамъ открывался удобный путь въ его собственные владѣнія на Кандагаръ, въ обходъ болѣе труднаго и обитаемаго воинственными горцами Хайберскаго прохода, лежащаго тотчасъ за Пешаверомъ. Наконецъ, нынѣшняя не удавшаяся миссія генерала сэръ-Невиля Чамберлена обнаружила уже рѣшительныя намѣренія Англичанъ порѣшить съ Афганистаномъ и привести его въ вассальное положеніе. Никто не знаетъ какого рода письма вице-короля лорда Литтона были привезены въ Кабуль Голамъ-Гуссейнъ-ханомъ, но англійскія газеты ясно говорили что имѣется въ виду вытѣснить русское вліяніе изъ Афганистана, запретить эмиру всякія сношенія съ Русскими и всякаго рода переговоры съ кѣмъ-либо помимо Англіи; наконецъ допустить англійскихъ резидентовъ, а по нѣкоторымъ намекамъ можно думать и англійскіе гарнизоны, въ разные пункты, по всему вѣроятію въ Кандагаръ, Гиришкъ, Гератъ, и пр.

Политика основанная на *престижѣ* поневолѣ становится страстною. Наполеонъ III думалъ что его *prestige* не допускаетъ объединенія Германіи, и жестоко поплатился за это. У насъ иногда переводятъ это слово „обаяніемъ“, но собственно ни на одномъ языкѣ нѣтъ равнозначащаго этому французскому выраженію дутой славы и призрачной силы и сами Англичане, теперь болѣе чѣмъ когда-либо толкующіе о своемъ *престижѣ*, должны употреблять французское слово. Но оно не въ первый разъ обольщаетъ ихъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ какіе-то темные слухи о появленіи двухъ русскихъ офицеровъ въ Гератъ, который былъ тогда предметомъ раздора между Афганистаномъ и Персіей, возбудили такой трепетъ за *престижъ* что тогда же была сдѣлана первая смѣлая попытка противъ Афганистана. Извѣстно чѣмъ она кончилась. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ тогда лордъ Пальмерстонъ, а вице-консуломъ Индіи лордъ Окландъ. Послѣ войны съ Достъ-Магомедомъ, британскія войска проникли въ Ка-

буль, низложили Достъ-Магомета и посадили другого эмира, но затѣмъ вспыхнуло возстаніе, и изъ арміи въ 4.500 человекъ съ 20.000 лагерныхъ прислужниковъ, въ 1842 году, вернулся въ Индію только одинъ человекъ чтобы повѣдать о печальной участи прочихъ. Разумѣется, Англичане потомъ отомстили за это и загладили позоръ нанесенный чести британскаго оружія. Но урокъ тогда не пропалъ даромъ. Съ тѣхъ поръ до сей поры они избѣгали всякаго прямого участія въ дѣлахъ Афганистана, держась такъ-называемой политики бездѣйствія, *masterly inactivity*. Что политика эта тѣмъ не менѣе далеко не была бездѣйственною, это показываютъ уже тѣ субсидіи какія Англія платила сперва Достъ-Магомету, потомъ его преемникамъ. Находились люди которые постоянно ворчали на такое малодушіе. Генераль Джакобъ то и дѣло твердилъ что для безопасности Индіи слѣдуетъ занять Кветту, Кандагаръ и Герать. Теперь духъ его можетъ успокоиться, такъ какъ начало его плана исполнено вице-королемъ лордомъ Литтономъ, и Кветта уже съ годъ какъ занята. Но нынѣшніе совѣтники вице-короля идутъ далѣе. Они требуютъ протянуть длинную оборонительную линію отъ Кандагара и Гиришка вдоль рѣки Гельмунда и цѣпи Гиндукуша, занявъ и укрѣпивъ ее должнымъ образомъ. То-есть, другими словами, предвидится полное подчиненіе Афганистана. Странно только что Англичане, послѣ своего урока 1842 года, разчитывали достигнуть этого мирными средствами при помощи посольства.

Безъ сомнѣнія, противъ возможности повторенія бѣдствій первой Афганской экспедиціи теперь будутъ приняты всѣ мѣры. Тѣмъ не менѣе любопытно будетъ видѣть во что обойдется Англичанамъ эта новая игра въ *престижъ*. Афганистанъ—страна бѣдная, но населенная воинственными горцами. Для держанія ихъ въ покорности потребуются собрать тамъ большія силы, а всѣ запасы получаютъ изъ Индіи по двумъ крайне труднымъ горнымъ проходамъ. Какимъ тяжкимъ бременемъ ляжетъ эта новая затѣя на бюджетъ Индіи, опирающійся главнымъ образомъ на ненадежный доходъ съ опія и страдающій хроническимъ дефицитомъ. А что если *престижъ* потребуетъ еще значительнаго усиленія англійскаго войска въ Индіи, ослабленнаго экс-

педиціей въ Афганистанъ! Мы уже говорили какъ на этотъ предметъ обращаютъ серьезное вниманіе въ самой Англіи. Одна изъ лондонскихъ газетъ, *Daily Telegraph*, хотѣла успокоить эти опасенія доказывая что прежде Англія держала страхомъ Индію, а нынѣ ея владычество покоится на „привязанности подданныхъ,“ ибо „нынѣшняя Индія, въ первый разъ въ своей исторіи вѣрноподданная одному монарху, привязана тысячею узами интереса, просвѣщенія и признательности къ британской власти.“ Все это очень хорошо, но было бы лучше еслибы все это говорилось въ самой Индіи. А мы знаемъ что въ нынѣшнемъ году тамъ приняты строгія мѣры противъ туземной печати, волновавшей де умы своими мятежными статьями; идетъ также рѣчь о томъ чтобъ отнять у туземныхъ владѣтелей право содержать свои войска...

№ 233.

Москва, 15-го сентября.

Въ австрійскихъ военныхъ операціяхъ, за послѣдніе дни, слѣдуетъ отмѣтить рядъ успѣховъ, послѣдствія которыхъ не замедлили оказаться. Обратимъ съ начала вниманіе на соединенныя дѣйствія 3-го (генераль Сапари) и 4-го (генераль Винерть) корпусовъ, которые въ сложности составляютъ болѣе 60.000 человекъ. Послѣ перехода 14 сентября черезъ Саву у города Шамца, войска генерала Винерта нѣсколькими колоннами были двинуты въ двухъ направленіяхъ. Главныя силы были направлены вглубь страны на Градачацъ, а 25 и 26 бригады, принадлежащія къ 13-й дивизіи, шли параллельно рѣкѣ Савѣ, поставляя себѣ цѣлью города Бречку и Бѣлину, для обезпеченія операціоннаго базиса. Предпріятіе это, какъ извѣстно, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, хотя надо полагать не безъ значительныхъ потерь. Относительно взятія Бречки мы имѣемъ довольно подробный офиціальныя бюллетень, изъ котораго явствуетъ что наступленіе 13 дивизіи весь день 16 сентября замедлялось перестрѣлкой авангарда съ инсургентами, отступавшими въ полномъ порядкѣ; на слѣдующій день бой длился съ разсвѣта до восьми часовъ вечера и первоначально безъ рѣшительнаго успѣха, такъ какъ главное преимущество Австрій-

цевъ, артиллерія, не могла быть введена въ дѣло за неимѣніемъ удобныхъ позицій. Австрійцы добрались до нихъ лишь послѣ полудня, и такимъ образомъ къ вечеру могли взять штурмомъ два непріятельскія укрѣпленія предъ городомъ и занять самый городъ. Инсургенты отступили подъ покровомъ темноты, не преслѣдуемые, оставивъ городъ еще ранѣе, 14 числа, разрушенный бомбардированіемъ съ другаго берега Савы. Офіціальная депеша прибавляетъ что сопротивление инсургентовъ „цѣлый день было крайне упорное,“ что даетъ поводъ заключать о довольно значительныхъ потеряхъ, не опредѣляемыхъ въ офіціальному бюллетенѣ. О Бѣлинѣ мы знаемъ только что она взята 26 бригадой 20 сентября. Встрѣтили ли тамъ сопротивление Австрійцы или нѣтъ, неизвѣстно. Но судя потому что инсургенты изъ Бречки отступили въ направленіи къ Бѣлинѣ, и по самому положенію этого города, укрѣпленнаго еще во время первой сербо-турецкой войны, надо полагать скорѣе первое. Послѣдующія телеграммы изъ Вѣны передавали уже что 13 дивизія, обезпечивъ операціонный базисъ и двинувшись къ югу на Тузлу, должна была выдержать горячій бой на Майевицкой Планинѣ, горномъ хребтѣ тянущемся въ юго-восточномъ направленіи къ Зворнику и до сихъ поръ представлявшемъ главное убѣжище для возстанія въ Поссавинѣ. Австрійская пѣхота должна была взбираться подъ „непрерывнымъ огнемъ“ на гребень горы составлявшей позицію непріятеля. Между тѣмъ главные силы 4-го корпуса (Винерта) двигались, какъ мы уже сказали, на соединеніе съ 3-мъ корпусомъ (Сапари) наступавшимъ долиною рѣкъ Сиречи и Ялы, и это комбинированное движеніе двухъ корпусовъ окончилось тѣмъ что „передовые отряды ихъ заняли Долиною Тузлу и водрузили на цитадели императорскій флагъ.“ Успѣхъ этотъ былъ рѣшительный. Доляная Тузла есть главный городъ (около 8.000 жителей) Зворникскаго санджака, мѣстопробываніе мутешерифа и каймакама, а также и православнаго епископа. До сихъ поръ инсургенты Поссавины опирались именно на этотъ пунктъ и, какъ надо думать, отсюда черпали средства для борьбы. Потеря этого пункта, и притомъ безъ боя, уже указывала на наступленіе полной дезорганизаціи возстанія вслѣдствіе обрушившихся на него

нѣсколькихъ, одинъ за другимъ, ударовъ. Вчерашнею телеграммой изъ Вѣны подтверждается это предположеніе. Послѣдній въ этомъ краю опорный пунктъ для инсургентовъ, крѣпость Зворникъ, должна была уже оставить мысль о сопротивленіи и выслать депутацію съ изъявленіемъ полной покорности.

Одновременно съ наступленіемъ съ сѣвера и запада 4-го и 3-го корпусовъ, первая австрійская дивизія была двинута изъ Сараева въ юго-восточномъ направленіи. 21 сентября она „одержала побѣду“ въ бою продолжавшемся съ 7 часовъ утра до часу дня надъ 6.000—7.000 инсургентовъ у Сенковича *). Послѣ этого боя первая дивизія заняла Рогатицу, а инсургенты, какъ гласитъ телеграмма, „въ паническомъ страхѣ разсѣялись въ направленіи къ Вышеграду и Гараздѣ,“ то есть далѣе къ югу. Движеніе первой дивизіи, помимо пораженія инсургентовъ сосредоточенныхъ здѣсь и вѣроятно состоявшихся отчасти изъ тѣхъ что отступили отъ Сараева, имѣетъ еще то важное значеніе что отрѣзываетъ пути Боснійскихъ инсургентовъ въ Албанію. Эти пути изъ восточной Босніи всѣ сходятся въ Вышеградъ, который, конечно, не замедлитъ занять Австрійцы. Магометанскимъ участникамъ Боснійскаго возстанія, чтобъ избѣжать австрійскаго возмездія, остается одинъ исходъ — бѣжать черезъ Дрину, и они уже начинаютъ наполнять западные округи Босніи.

Тожественное явленіе мы видимъ и въ западной половинѣ Босніи, Крайинѣ. Здѣсь Австрійцы могутъ радоваться паденію Бигача, стоявшаго имъ едва ли не болѣе жертвъ чѣмъ какой-либо другой изъ укрѣпленныхъ пунктовъ Босніи. Два раза они направляли на него безуспѣшно атаку (второй разъ въ составѣ двухъ бригадъ: Заха и Рейнлендера), и только послѣ третьей атаки эта крѣпость капитулировала. До этого третьяго раза, состоявшаго, повидимому, главнымъ образомъ въ дѣйствіи артиллеріи, инсургенты сами переходили неоднократно въ наступленіе и даже переносили борьбу на австрійскую территорію. Паденіе Бигача вызвало также появленіе депутаціи изъ Петровца,

*) Сенковичъ на пути изъ Сараева въ Рогатицу и далѣе въ Ново-Базарскій санджакъ, приблизительно въ двухъ третяхъ разстоянія отъ Сараева до Рогатицы.

Нова-Села и Билая съ изъявленіемъ покорности. Въ восточной Босніи остается затѣмъ еще одно гнѣздо инсurreкціи, городъ Ливно, противъ котораго дѣйствуетъ бригада Чикоса. Овладѣніе имъ есть даже вопросъ не времени, а болѣе или менѣе значительныхъ жертвъ. Въ Вѣнѣ уже ходятъ слухи что и Ливно пало.

Умиротвореніе Герцеговины, конечно съ военной точки зрѣнія, генераль Іовановичъ считалъ оконченнымъ еще 20 сентября, какъ то явствуетъ изъ его подробной депеши. 11 числа, съ болѣею частью своей дивизіи, онъ предпринялъ походъ въ наиболѣе важные пункты страны. Въ пять дней тяжелаго пути онъ дошелъ до Билека, узла дорогъ, стратегически важнаго въ особенности по отношенію къ Черногоріи, гдѣ не встрѣтилъ сопротивленія; отсюда онъ отрядилъ одну колону въ Гачко (Метокію), еще ранѣе изъясвившее покорность, самъ же пришелъ въ Требинье, гдѣ 18 сентября соединился съ бригадой Надя (Nagy), вмѣстѣ съ которою намѣревался предпринять еще экспедицію въ Каренице и Клобукъ, чтобы сломить и тамъ сопротивленіе.

Дѣлая выводы изъ успѣховъ достигнутыхъ Австрійцами, прежде всего должно замѣтить что они обязаны ими численности своихъ войскъ стянутыхъ на театръ войны въ послѣднее время. Австрійцы ввели въ Боснію для борьбы съ шайками инсургентовъ болѣе войскъ чѣмъ мы переправили черезъ Дунай для борьбы со всѣми силами Турецкой имперіи. Инсургенты оказывавшіе такое стойкое сопротивленіе были въ сущности все-таки лишь отдѣльныя шайки. Всѣ розказни о различныхъ „корпусахъ“ инсургентовъ, равно какъ и объ участіи турецкихъ *регулярныхъ* войскъ въ борьбѣ, были преувеличены. Примѣромъ можетъ служить тотъ же Бигачъ, гдѣ послѣ капитуляціи оказался изъ регулярныхъ войскъ „одинъ офицеръ и орудійная прислуга.“ Нѣтъ сомнѣнія что у инсургентовъ не было недостатка въ ружьяхъ и порохѣ. Англійскія ружья дѣлали свое дѣло, и въ ружейной перестрѣлкѣ верхъ оставался не разъ за привычными къ ней Босняками, но за то съ дѣйствіемъ австрійской артиллеріи они соперничать не могли, и о немъ распространены въ ихъ средѣ, какъ гдѣ-либо среди дикихъ, легендарныя сказанія. „Она извергаетъ огонь какъ адъ; снаряды ея косятъ людей какъ

серпъ; одна штука разлетается на тысячи и смѣшиваетъ людей съ землей.“ въ такихъ выраженіяхъ описываетъ, по словамъ письма въ *Политическую Корреспонденцію* съ далматинской границы, бегъ Филипповичъ своимъ землякамъ въ Ливнѣ дѣйствіе австрійской артиллеріи. Имѣютъ ли дѣйствительное значеніе, въ смыслѣ умиротворенія, тактическіе успѣхи достигнутые австрійскими войсками? Относительно этого кажется они сами не допускаютъ сомнѣнія въ противномъ. „Задачей императорскихъ войскъ,“ говоритъ въ своей депешѣ объ умиротвореніи Герцеговины генераль Іовановичъ, „еще долгое время, конечно, будетъ охранять населеніе отъ опасности со стороны бродящихъ въ странѣ шайкъ, подавлять новыя всплывши возстанія, поддерживать авторитетъ вновь установленныхъ властей.“ Въ той же депешѣ онъ упоминаетъ о существенномъ облегченіи своей задачи „образомъ дѣйствій Черногорцевъ.“ Эти три послѣднія слова въ рапортѣ австрійскаго генерала имѣютъ большой смыслъ, и Австрія должна быть много благодарна Черногоріи. Безъ ея содѣйствія занятіе Герцеговины имѣло бы совсѣмъ иной характеръ. Не одни Французы и Турки знакомы съ черногорскими ханджарами и пулями. Ихъ должны помнить и Австрійцы изъ опыта бывшаго девять лѣтъ назадъ во время возстанія въ Боккѣ Которской. Что относительно Черногоріи и Герцеговины, то можно сказать и о Сербіи съ Босніей. Разница только въ томъ что австрійское занятіе выброситъ въ Сербію тысячи боснійскихъ выходцевъ, и этимъ еще болѣе затруднить княжество, и безъ того страдающее отъ направленной во вредъ ему политики Австріи.

№ 234.

Москва, 16-го сентября.

Рѣчи князя Бисмарка въ парламентѣ обыкновенно становятся событіемъ дня независимымъ отъ предмета къ которому онъ относится. Эта привилегія выпала на долю и послѣдней его рѣчи по вопросу о социалистахъ, сказанной въ засѣданіи 17-го сентября. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Князь Бисмаркъ вовсе не блестящій ораторъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Онъ часто говоритъ сбив-

чиво и нескладно; нѣтъ у него ни увлекательнаго жара, ни красоты фразы, ни той убѣдительной діалектики которая отличаетъ мастеровъ устной рѣчи. Онъ импонируетъ не искусствомъ говорить, а своею личностью. О чемъ бы ни шла рѣчь, слушателямъ князя Бисмарка не столько важно знать его мнѣніе, тѣ теоретическіе аргументы какіе онъ можетъ привести *pro* или *contra*, сколько его образъ дѣйствій и его намѣренія по отношенію къ данному предмету. Прѣчи князя Бисмарка потому выслушиваются съ такимъ вниманіемъ что онъ всегда умѣетъ удовлетворить своихъ слушателей съ этой стороны. Онъ много говоритъ о себѣ съ тою откровенностью которая свойственна людямъ сознающимъ свою силу.

Послѣдняя рѣчь князя Бисмарка въ особенности отличалась сказанными свойствами. Онъ и не имѣлъ въ виду, какъ самъ заявилъ, принимать участіе въ преніяхъ дабы отстаивать внесенный по его инициативѣ законопроектъ о социалистахъ. Онъ не сомнѣвается въ успѣхѣ. Его побудили выступить на трибуну не аргументы направленные противъ содержанія предлагаемой мѣры, которой онъ почти и не коснулся въ своей рѣчи, а „разоблаченія“ депутата изъ социалистовъ, г. Бебеля, касавшіяся его лично и его отношеній къ вожакамъ социаль-демократической партіи. Многіе факты князь Бисмаркъ энергически отрицалъ; но кое-что онъ подтвердилъ, и то что онъ подтвердилъ имѣетъ интересъ какъ для характеристики князя Бисмарка, такъ и для исторіи развитія социаль-демократической партіи въ Германіи. Любопытно все было разказъ князя Бисмарка объ его сношеніяхъ съ Лассалемъ. Похвалы которыя онъ воздалъ личности этого страстнаго агитатора и демагога дѣлаютъ, конечно, честь безпристрастію князя Бисмарка; но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердили предположеніе что князь Бисмаркъ не чуждъ упрека въ томъ что онъ самъ содѣйствовалъ развитію того движенія съ которымъ теперь ему приходится бороться. Какія бы похвалы ни расточалъ князь Бисмаркъ личнымъ достоинствамъ Лассалья и какъ бы ни старался онъ провести черту между имъ и послѣдующими агитаторами въ Германіи, несомнѣнно то что Лассаль былъ родоначальникомъ всего движенія. Идеи которыя онъ съ такою страстностью и съ такимъ талантомъ раз-

вивалъ въ своихъ памфлетахъ и публичныхъ рѣчахъ остаются и до сихъ поръ руководящими началами нѣмецкихъ социалистовъ. Всеобщая подача голосовъ, провозглашенная Лассалемъ и осуществленная затѣмъ княземъ Бисмаркомъ, и нынѣ составляетъ одинъ изъ основныхъ догматовъ этого ученія, и нѣмецкіе социалисты имѣютъ теперь ясныя доказательства неопровержимости, съ ихъ точки зрѣнія, этого принципа который Лассаль могъ защищать лишь теоретическими аргументами: они *на практикѣ* убѣдились что ничто такъ не способствуетъ успѣху ихъ пропаганды какъ политическое устройство основанное на поголовномъ избирательномъ правѣ. „Лассаль былъ монархистомъ,“ успокоительно замѣчаетъ князь Бисмаркъ. Но развѣ ему неизвѣстно что и теперешніе проповѣдники социальныхъ теорій относятся совершенно безразлично къ той или другой формѣ политическаго устройства, и вовсе не поборники парламентаризма и даже республики? Лассаль склонялся въ пользу монархическаго объединенія Германіи (подъ династіей Гогенцоллерновъ или Лассалей какъ сказалъ князь Бисмаркъ) не потому чтобъ ему дорога была національная идея сама по себѣ, а лишь потому что онъ въ своемъ ученіи возлагалъ многое на государство. Оно обязано, по ученію Лассалья, взять въ свои руки экономическое производство. Лассаль требовалъ чтобы власть регулировала и направляла распредѣленіе богатства. Въ этой теоріи вся суть социальнаго ученія и въ ней заключается зародышъ всего того что есть въ этомъ ученіи революціоннаго. Исходя отъ такого воззрѣнія на задачи государства, приверженцы социальныхъ ученій логически и послѣдовательно пришли къ отрицанію всего теперешняго общественнаго и государственнаго строя, будетъ ли то монархія или республика. Князь Бисмаркъ этого не понималъ во время своихъ интимныхъ бесѣдъ съ Лассалемъ, находя въ немъ „точки соприкосновенія“ съ самимъ собою. Этого мало. Онъ очевидно и теперь не отдалъ себѣ яснаго отчета въ конечныхъ выводахъ той теоріи которую проповѣдывалъ ему Лассаль. Ему и до сихъ поръ улыбается идея о производительныхъ товариществахъ, основанныхъ на счетъ государства. Какое смутное понятіе имѣетъ объ этомъ предметѣ имперскій канцлеръ видно изъ того что

онъ ссылается на примѣръ Англіи, повидимому полагая что тамошнія *trades' unions* имѣютъ нѣчто общее съ тѣми рабочими товариществами для преуспѣянія коихъ Лассаль требовалъ стомилліонной субсидіи отъ казны.

Князь Бисмаркъ сознается что онъ былъ отвлеченъ политическими событіями отъ дальнѣйшаго осуществленія идей внушенныхъ ему Лассалемъ. Шлезвигъ-Гольштинская война и дальнѣйшія событія не дозволили де ему долѣе заниматься этимъ дѣломъ, которое „выходитъ за предѣлы его департамента.“ Затѣмъ ему открылись глаза на пагубность соціальной пропаганды когда ему пришлось выслушать въ рейхстагѣ панегирики Парижской коммуны изъ устъ нѣмецкихъ вожаковъ социализма. Но хотя князь Бисмаркъ теперь ближе ознакомился съ соціальными тенденціями, ему повидимому и до сихъ поръ чужда та истина что всякое субверсивное ученіе становится дѣйствительно опаснымъ не само по себѣ, а лишь въ той мѣрѣ въ какой оно, прямо или косвенно, находитъ поддержку со стороны власти. Не свобода опасна, а власть въ своихъ уклоненіяхъ. „Интернаціоналка,“ съ которою теперь приводятъ въ связь нѣмецкихъ социаль-демократовъ и которой прямымъ дѣтищемъ была Парижская коммуна, выросла и окрѣпла главнымъ образомъ благодаря Наполеону III который думалъ воспользоваться осадками прежнихъ революцій на французской почвѣ для своихъ цѣлей, и подобно князю Бисмарку склоненъ былъ „благодѣтельствовать“ въ извѣстномъ смыслѣ. Со стороны личностей имѣвшихъ такое огромное вліяніе на судьбы своей страны какъ покойный Французскій императоръ и германскій имперскій канцлеръ, подобныя поползновенія не удивительны.

Одно замѣчаніе, мимоходомъ сдѣланное княземъ Бисмаркомъ, заслуживаетъ быть особенно отмѣченнымъ. Оно касалось той области которая составляетъ его „собственный департаментъ,“ и тутъ мы опять узнаемъ того трезваго политика какимъ всегда являлся князь Бисмаркъ во внѣшнихъ дѣлахъ своей страны. Говоря о Лассалѣ и доказывая что его сношенія съ нимъ не могли имѣть характера переговоровъ которые ведутъ между собою двѣ равносильныя стороны, князь Бисмаркъ высказалъ слѣдующее руководящее политическое правило: „При переговорахъ по-

литическихъ, *do ut des* всегда подразумевается, хотя бы изъ вѣжливости разговоръ объ этомъ до поры до времени не начинался.“ *Avis* для нашей дипломатіи.

№ 236.

Москва, 18-го сентября.

Коммиссія Германскаго рейхстага въ которую переданъ былъ законопроектъ о социалистахъ для предварительнаго обсужденія окончила, какъ извѣстилъ насъ телеграфъ, первое чтеніе. Повидимому нельзя сомнѣваться что законъ состоится и дѣло не дойдетъ до исполненія угрозы распустить и этотъ рейхстагъ, — угрозы съ помощью которой, по словамъ нашего берлинскаго корреспондента князь Бисмаркъ обратилъ „на путь истинный“ національ-либераловъ и напередъ отнял у нихъ всякую охоту къ оппозиціи противъ задуманной правительствомъ мѣры. Мы не совсѣмъ раздѣляемъ мнѣніе нашего корреспондента, будто либеральная партія *должна была* воспротивиться этой мѣрѣ еслибъ оставалась вѣрна своимъ принципамъ. Никакая политическая доктрина, какъ бы либеральна она ни была, не отрицаетъ необходимости рѣшительной борьбы противъ опасности угрожающей самимъ основамъ государства, противъ „бандитовъ,“ какъ выразился князь Бисмаркъ въ рейхстагѣ. Германскіе либеральные органы отнюдь не повинны въ потворствѣ субверсивнымъ стремленіямъ социаль-демократовъ не только послѣ покушеній этого года и въ послѣдніе годы послѣ Парижской коммуны, но и гораздо раньше, даже въ то время когда князю Бисмарку еще не были открыты глаза на эту общественную опасность и онъ еще находилъ „точки соприкосновенія“ между своими видами и тенденціями одного изъ родоначальниковъ теперешняго социализма въ Германіи.

Около недѣли продолжались работы коммиссіи. Засѣданія парламентскихъ коммиссій, по регламенту, не бываютъ публичны. Тѣмъ не менѣе печать имѣла возможность слѣдить за совѣщаніями и общала ежедневно пространные отчеты о ходѣ преній. Телеграфъ не менѣе усердно сообщалъ извлеченія изъ этихъ рефератовъ, даже, можно сказать, съ излиш-

нимъ рвеніемъ, вообще отличающимъ берлинскій телеграфъ - когда рѣчь идетъ о дѣлахъ касающихся Германіи; ибо не было никакой возможности составить себѣ ясное понятіе о ходѣ дѣла на основаніи этихъ телеграфныхъ сообщеній прежде чѣмъ мы получили возможность ознакомиться съ текстомъ многочисленныхъ и чрезвычайно мелкихъ поправокъ кои вносились къ законопроекту разными членами комиссіи. Теперь мы имѣемъ предъ глазами почти всѣ отчеты о преніяхъ комиссіи и считаемъ не лишнимъ представить общее обзорѣніе оныхъ и важнѣйшихъ перемѣнъ внесенныхъ въ правительственный законопроектъ, содержаніе котораго уже извѣстно нашимъ читателямъ.

Изъ всѣхъ партій которыя имѣли своихъ представителей въ комиссіи, возраженія *въ принципъ* представилъ лишь депутатъ изъ прогрессистовъ, г. Генель, который внесъ контръ-предложеніе о томъ чтобы вмѣсто чрезвычайнаго и временнаго закона были дополнены соответственные статьи уголовного кодекса строгими карательными постановленіями о социальной пропагандѣ и о попыткахъ возбужденія взаимной вражды между различными классами населенія. По существу своему, эти карательныя постановленія проектированны прогрессистами отнюдь не менѣе строги нежели предложеніе правительства, такъ что и крайнихъ либераловъ Германіи нельзя упрекнуть въ потворствѣ социализму. Но противъ этого предложенія какъ со стороны правительства, такъ и со стороны прочихъ фракцій (за исключеніемъ представителей центра, поддерживавшихъ предложенія Генеля), было справедливо указано что идетъ рѣчь о мѣрахъ *предупрежденія* должествующихъ имѣть общій характеръ, а не о судебной карѣ которая можетъ быть направлена лишь противъ отдѣльныхъ дѣйствій и притомъ *послѣ* совершенія оныхъ. Предложеніе Генеля было отвергнуто.

Дальнѣйшія пренія оставались вполнѣ на почвѣ законопроекта, принципы коего уже не подвергались никакимъ возраженіямъ. Рѣчь шла лишь о подробностяхъ и о болѣе точной редакціи закона, равно какъ объ установленіи лучшихъ гарантій противъ возможности полицейскихъ злоупотребленій. Комиссія была особенно озабочена болѣе точною редакціей перваго параграфа составляющаго краеугольный

камень всего закона, такъ какъ въ немъ указаны признаки пропаганды подлежащей искорененію. Этотъ параграфъ принять согласно поправкѣ г. Ласкера, одного изъ вожаковъ національ-либераловъ. Г. Ласкеръ, юристъ по профессіи, большой мастеръ въ редижированіи юридическихъ формулъ и всегда игралъ выдающуюся роль при установленіи окончательной редакціи важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ Германской Имперіи. Эта честь выпала и теперь на его долю; большинство поправокъ принятыхъ комиссіей принадлежитъ ему. Первый параграфъ, въ томъ видѣ какъ онъ принятъ комиссіей, гласитъ такъ:

Сообщества имѣющія цѣлью ниспровергнуть существующій общественный и государственный порядокъ путемъ социально-демократическихъ, социалистическихъ или коммунистическихъ стремленій, или въ которыхъ проявляются, опаснымъ для общественнаго мира и согласія различныхъ классовъ населенія образомъ, социально-демократическія, социалистическія или коммунистическія стремленія, подлежатъ запрещенію.

Кромѣ сообществъ и собраній, законопроектъ направленъ главнымъ образомъ противъ пропаганды путемъ печати. Въ этомъ отношеніи задача представляла еще большія трудности. Правомъ административной власти прекращать періодическія изданія, безусловно проектированное законопроектомъ, вызывалось желаніе обставить оное нѣкоторыми гарантіями, тѣмъ болѣе необходимыми что контроль независимой судебной власти исключенъ изъ проектируемой мѣры. Въ этомъ отношеніи возникли значительныя разногласія; но они были наконецъ улажены: § 6, относящійся до печати, принять на основаніи двухъ поправокъ, одной Ласкера, а другой Штауфенберга. Первая касалась болѣе точнаго опредѣленія признаковъ по которымъ произведеніе печати должно быть признано служащимъ цѣлямъ социалистической пропаганды. Вторая вводитъ нѣчто въ родѣ системы предостереженій для періодическихъ изданій, обнаруживающихъ социалистскія тенденціи. По законопроекту, административная власть имѣла право прямо запрещать дальнѣйшее изданіе признаннаго вреднымъ періодическаго изданія. Поправка же Штауфенберга предоставляетъ это право окончательнаго запрещенія лишь противъ тѣхъ изданій ко-

ихъ отдѣльный выпускъ уже одинъ разъ подвергся задержанію. Первая конфискація служить стало-быть первымъ и единственнымъ предостереженіемъ.

Но самыя большія разпорѣчія возникли въ комиссіи по вопросу о томъ какъ организовать высшую инстанцію для обжалованія распоряженій административной власти по предмету соціальной пропаганды. Подробности преній по этому предмету еще не всѣ извѣстны намъ изъ полученныхъ до сихъ поръ газетъ. Телеграфъ извѣстилъ что комиссія согласилась оставить функціи ревизіонной инстанціи за делегаціей Союзнаго Совѣта, но съ присоединеніемъ къ составу оной пяти членовъ взятыхъ изъ судебного сословія и притомъ такъ чтобы члены-судьи составляли большинство въ составѣ трибунала.

Это компромиссъ между двумя стремленіями проявившимися въ комиссіи, изъ коихъ одно желало предоставить высшій контроль особому трибуналу съ судебнымъ характеромъ, а другое отстаивало сохраненіе этой власти за Союзнымъ Совѣтомъ.

№ 237.

Москва, 19-го сентября.

Лордъ Карнарвонъ, бывший членъ Англійскаго кабинета, разставшійся съ своими товарищами въ началѣ нынѣшняго года по несогласію во взглядахъ, держалъ 22 сентября рѣчь въ собраніи своихъ фермеровъ. Обозрѣвая восточную политику правительства, въ которой онъ не захотѣлъ принимать участіе, и отрицательные результаты ею достигнутые, онъ замѣтилъ: „Всему есть предѣлы, и во всемъ долженъ быть разсудокъ. Фейерверки хорошее дѣло, но ихъ слѣдуетъ пускать изрѣдка; если же фейерверки пускаются ежедневно въ теченіе года, то есть опасность что домъ взлетитъ на воздухъ.“

Эти слова относились къ новому театальному эффекту задуманному Беконсфильдовскою фантазіей, именно къ снаряженію вооруженнаго посольства въ 1.000 человекъ къ Афганскому эмиру съ неизвѣстною цѣлью, о которой не было никакихъ прямыхъ извѣстій, и о которой только въ передовыхъ статьяхъ министерскихъ органовъ, съ *Times* въ томъ числѣ, появились таинственные предсказанія. Къ за-

тѣмъ этой лордъ Карнарвонъ отнесся въ своей рѣчи съ большимъ недовѣріемъ, и его опасенія оправдались очень скоро. Въ тотъ же день была получена громовая телеграмма калькуттскаго корреспондента *Times* о томъ что офицеръ эмира угрозами насилія выпроводилъ длинувшееся въ путь посольство, когда оно уже готовилось вступить на Афганскую территорию.

Не въ первый уже разъ сравниваютъ, по нѣкоторымъ чертамъ въ политикѣ, лорда Беконсфильда съ Наполеономъ III. Сравненіе это пришло на умъ и лорду Карнарвону. Онъ припомнилъ отзывъ короля Бельгійскаго Леопольда о покойномъ императорѣ Французовъ, когда тотъ былъ еще на верху счастія и могущества: „Ничто повидимому не можетъ повредить ему если только самъ онъ останется въ покоѣ.“ „По несчастію,“ прибавилъ лордъ Карнарвонъ, „императоръ Наполеонъ считалъ себя вынужденнымъ переходить отъ одного сюрприза къ другому и отъ одного заключенія къ другому, и результатами, какъ всѣ мы знаемъ, были утрата его короны и временный упадокъ его страны.“ Одна общая черта всегда характеризуетъ политику авантюристовъ, это торопливая необдуманность послѣдствій при глубокихъ повидимому замыслахъ. Дѣйствительно, какъ будто нарочно заранѣе были приняты мѣры чтобы не удалось это посольство, о которомъ протрубили на весь міръ. Въ свиту англійскаго генерала, коему поручена была миссія, были зачислены два индійскіе вассальные принца, которые и были такимъ образомъ очевидцами афронта полученнаго Англійскимъ правительствомъ. Это обстоятельство особенно озлобляетъ англійскую печать.

О впечатлѣніи произведенномъ въ Индіи мы едва ли скоро узнаемъ. Англичане постараются всячески укрыть его, но въ Европѣ фейерверкъ далъ громкій залпъ. Въ Лондонѣ ожидали немедленнаго созванія кабинета для обсужденія этого случая. Черезъ день разнесся слухъ что лордъ Кранбрукъ, секретарь Индіи, состоящій теперь при королевѣ въ Балморалѣ, вызванъ оттуда, а лордъ Солсбери изъ Діеппа, чтобы свидѣться съ лордомъ Беконсфильдомъ въ Лондонѣ и рѣшить дозволить ли Индійскому правительству отправить къ Ширъ-Али ультиматумъ. „Первый министр,“ присовокупляли извѣстія, „весь день 24 сентября провелъ въ городѣ за-

нятый дѣятельною корреспонденціей “Затѣмъ телеграммы сообщали что въ Парижѣ „серіозныя вѣсти полученныя изъ Индіи произвели сильное впечатлѣніе;“ въ Вѣнѣ „величайшая тревога возбуждена была вѣроятностью столкновенія между Великобританіей и Афганистаномъ.“ Вѣнская *Presse*, въ статьѣ объ англо-афганскомъ затрудненіи, приписывая его разумѣется, въ одинъ голосъ съ англійскими газетами, проискать Россіи, увѣщала насъ „не уступать минутному побужденію и избѣгать во что бы ни стало столкновенія съ Англіей.“ Какая нѣжная заботливость о насъ у вѣнскихъ политиковъ! Но по чему въ Вѣнѣ и Парижѣ такъ встревожились этою вѣстью изъ Индіи? Кому въ Европѣ надобность до хлопотъ Англіи въ Афганистанѣ? Не потому ли это что недавно поговаривали о почти состоявшемся союзѣ Англіи съ Австріей и Франціей для общихъ политическихъ дѣйствій на Востокѣ? По крайней мѣрѣ, извѣстно что лордъ Солсбери въ послѣднее время о чемъ-то дѣятельно хлопоталъ въ Парижѣ, и ходили слухи о вѣроятномъ пріѣздѣ туда и самого премьера. Англія вела и другіе какіе-то темные прописки. Англо-турецкій адмиралъ Гобартъ-паша, отдыхавшій въ Лондонѣ и вызванный по телеграфу въ Константинополь, проѣхалъ черезъ Берлинъ и Вѣну, и берлинскій корреспондентъ *Morning Post* сообщалъ что онъ имѣлъ порученіе развѣдать у Германскаго правительства о томъ что можетъ произойти въ случаѣ блокады греческихъ береговъ еслибы случилось столкновение между Греціей и Портою, но, за отсутствіемъ Германскаго наслѣднаго принца изъ Берлина, турецкій адмиралъ не могъ де вручить его императорскому высочеству рекомендательнаго письма отъ принца Вельскаго. Если всѣ эти признаки имѣютъ какое-либо значеніе, то они показываютъ только что афганскія замѣшательства могутъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ турецкимъ дѣламъ въ Европѣ.

Англійская печать злобствуетъ столько же противъ Россіи какъ и противъ эмира Афганскаго. „Нравственное доказательство виновности Россіи несомнѣнно,“ воскликнула *Morning Post*. „Нашъ истинный врагъ,“ откликнулся *Daily Telegraph*, „не въ Кабулѣ, а въ Петербургѣ, должны быть приняты мѣры чтобы положить рѣшительный конецъ махинаціямъ, на которыя можно отваживаться относительно Турціи, но ко-

торыхъ нельзя пробовать надъ Великобританіей.“ Все это до крайности смѣшно... *Standard*, раздосадованная утратой мечты что изъ Афганистана можно сдѣлать „азиатскую Бельгію,“ убѣждаетъ правительство не терять ни дня времени чтобы наказать дерзкаго эмира, котораго должна де постигнуть участь Абиссинскаго Теодора или короля Ашантиевъ; результатомъ кризиса должны де быть высылка русскаго посла изъ Кабула и пріемъ англійскаго резидента, и это необходимо, потому что „колебанія неизмѣримо усилить престижъ Россіи въ Средней Азіи, Афганистанѣ и Индіи, и нашу репутацію на всемъ Востокѣ.“ Только газета *Times*, которая сначала была также горячо задѣта за живое какъ и другія, и въ сущности настаивающая на томъ же самомъ, потомъ стала стараться нѣсколько успокоить волненіе, и совѣтуетъ не торопиться. „Намъ нечего еще заключать что мы принуждены будемъ прибѣгнуть къ силѣ прежде чѣмъ установятся удовлетворительныя отношенія съ Афганистаномъ. Еще остается возможность объясненія случившагося. Потребуется время прежде чѣмъ наши приготовленія могутъ быть окончены. Ничего вѣроятно нельзя будетъ сдѣлать до будущей весны. Въ теченіи зимы горные проходы будутъ завалены снѣгами, а зима начинается рано въ ущельяхъ. Намъ нечего торопиться. Мы можемъ выжидать свое время, и намъ во всѣхъ отношеніяхъ подобаетъ дать нашему невѣжливому сосѣду возможность одуматься.“ Разгадку этихъ словъ мы нашли въ замѣткѣ другаго нумера *Times*, сдѣланной въ заключеніи длиннаго обзора военной географіи Афганистана. Тамъ рекомендовалось двинуть въ Афганистанъ два большіе отряда войскъ; одинъ въ 25.000, другой въ 15.000, но прибавлялось: „Обнажить Индію отъ 40.000 войска есть мѣра которую мы не смѣемъ предложить. Уже теперь наша армія опасно слаба, арміи же вассальныхъ принцевъ опасно велики. Оставить подобный элементъ безъ наблюденія было бы самоубійственною политикой, и если рѣшено укротить эмира, то мы должны немедленно усилить нашу армію въ Индіи.“

Естественно что при такихъ условіяхъ, несмотря на воинственный задоръ газетныхъ статей, выжидать удобнѣе, а тѣмъ временемъ приняты за уловку диплома-

тического налегания на Россію. Уже было сообщено по телеграфу будто Англія потребовала отъ насъ какихъ-то объясненій по поводу русской миссіи къ Афганскому эмиру. Къ сожалѣнію въ Рейтерово агентство, какъ видимъ изъ англійскихъ газетъ, была къмъ-то отправлена телеграмма изъ Петербурга будто бы „въ наиболѣе свѣдущихъ сферахъ является чистымъ вымысломъ предположеніе о соглашеніи между Россіей и Афганистаномъ.“ Мы надѣемся что это телеграмма англійскаго издѣлія, и что мы отстанемъ отъ вредной и унижительной привычки вѣчно оправдываться предъ Англіей какъ школьники предъ строгимъ гувернеромъ. Тѣмъ лучше что мы *живемъ* дружно съ Афганистаномъ, между тѣмъ какъ Англіи это не удастся. Мы не обязаны пещись о вѣрности ея индійскихъ подданныхъ и вассаловъ, и помогать ей поправлять свой *престижъ* и свою репутацію на всемъ Востокѣ, поколебленные ея собственными кознями.

№ 238.

Москва, 20-го сентября.

Эмиръ Афганскій рѣшительно сталъ львомъ въ Англіи. Всѣ находятъ нужнымъ нанести ему ударъ немедленный, ибо каждый день протекающій до полученія Англіей полного удовлетворенія ослабляетъ де ея власть надъ Индіей. Разногласіе теперь идетъ только о томъ остается ли еще время до наступленія зимняго времени чтобы если не совершить весь походъ, то по крайнеймѣрѣ занять нѣкоторые важнѣйшіе пункты и произвести внушительную демонстрацію которая поддержала бы дипломатическое дѣйствіе, или же ограничиться только приготовлениями и отложить все дѣло до весны, выжидая между тѣмъ не одумается ли Ширъ-Али. Вопросъ этотъ, по всей вѣроятности, будетъ рѣшенъ въ Индіи смотря по степени готовности; но, судя по тому что пишутъ въ газетахъ, вѣроятнѣе что будетъ избрано первое.

Однако, что бы ни писали въ англійскихъ газетахъ, невозможно не признать что Англичане сами, какъ бы умышленно, напросились на ссору съ эмиромъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ они были довольны своими отношеніями къ Афганистану, какъ вдругъ, будто укушенные оводомъ, броси-

лись на Ширъ-Али съ грознымъ требованіемъ чтобы онъ допустилъ постоянного англійскаго резидента въ Кабулъ.

Немногіе критики, возвышающіе въ самой Англіи голосъ противъ сенсационной политики нынѣшняго кабинета, еще ранѣе полученія роковой вѣсти, были встревожены афганскими затѣями, какъ это видно изъ рѣчи лорда Карнарвона. Членъ парламента, г. Бакстеръ, служившій въ правительствѣ г. Гладстона, тотъ самый что лѣтомъ 1875 года, за мѣсяць до начала Герцеговинскаго возстанія, заговорилъ въ парламентѣ объ упадкѣ Турціи и предсказывалъ ей близкую катастрофу, недавно, 20 сентября, также обратилъ вниманіе на происходящее въ Индіи. „Мы снаряжаемъ въ Афганистанъ,“ говорилъ онъ на митингѣ своихъ избирателей, „то что номинально названо посольствомъ, но что въ сущности есть небольшая армія въ нѣсколько тысячъ человекъ, чтобы принудить эмира принять нашу сторону противъ Россіи.“ На это указывалъ и лордъ Карнарвонъ въ своей рѣчи, упомянувъ о носившихся въ послѣднее время слухахъ о какой-то новой дѣятельности на Востокѣ, развиваемой Англійскимъ правительствомъ. И дѣйствительно, никто не знаетъ хорошо въ чемъ дѣло, но въ газетахъ то и дѣло твердили что отправленіе посольства, съ вооруженною многочисленною эскортой въ Кабулъ, есть лишь часть широкаго общаго плана, давно задуманнаго и старательно выработаннаго Индійскимъ правительствомъ. По нѣкоторымъ признакамъ, можно нѣсколько приподнять покровъ таинственности облекающей этотъ пресловутый планъ.

Такъ, между прочимъ, объявлялось будто предложенія которыя везъ Афганскому эмиру сэръ-Невилъ Чамберленъ были тѣ самыя которыя въ прошедшемъ году были сдѣланы сэръ-Луисомъ Пелли при неудавшихся переговорахъ. Но почему тѣ переговоры были прерваны? Какъ ни мало извѣстно объ этомъ дѣлѣ, но мы знаемъ слѣдующее: Эмиръ не былъ противъ возобновленія сношеній съ вице-королемъ Индіи, но онъ желалъ чтобы прежде были выслушаны его жалобы, его поводы къ неудовольствію на Англичанъ, въ числѣ коихъ однимъ изъ главнѣйшихъ было занятіе Кветты Англичанами, откуда они могутъ угрожать Афганистану. Англійскій же комиссаръ имѣлъ порученіе настаивать на принятіи англійскихъ предложеній прежде обсужденія жа-

лобъ эмира. Еще въ концѣ сессіи 1877 года, правительству сдѣланъ былъ въ палатѣ общинъ запросъ касательно миссіи сэръ-Луиса Пелли, но оно положительно уклонилось сообщить о ея цѣли. Лордъ Гамильтонъ, бывшій тогда подсекретаремъ Индіи, могъ сказать только что „кабинетъ рѣшилъ трактовать пограничныя индійскія сношенія какъ нераздѣльныя части одного имперскаго вопроса, рѣшеніе коего главнымъ образомъ зависитъ отъ иностранной политики правительства ея величества.“ Тогда трудно было понять что могли означать эти слова, но въ связи съ договоромъ которымъ предъ этимъ Англичане принудили хана Келатскаго допустить занятіе Кветты англійскимъ гарнизономъ, съ нынѣшнею вооруженною миссіей генерала Чамберлена, и еще болѣе съ нынѣшними требованіями англійской печати поскорѣе приструнить Афганскаго эмира, намѣренія Англіи обнаруживаются. Это дѣйствительно давно задуманный планъ, похожій на англо-турецкую конвенцію и также вырабатывавшійся въ глубочайшей тайнѣ чтобы потомъ вдругъ поразить міръ успѣхомъ и преподолнить всѣхъ удивленіемъ предъ смѣлою прозорливостью лорда Беконсфильда. Припомнимъ: въ 1873 году эмиръ Ширъ-Али самъ предлагалъ Англіи заключить съ нимъ союзъ, но безуспѣшно, а въ 1877 году онъ уже не пожелалъ принять отъ сэръ-Луиса Пелли союза на англійскихъ условіяхъ. Прогодній отказъ не имѣлъ характера оскорбленія какъ нынѣшній, потому что тогда переговоры велись на индійской границѣ не съ самимъ эмиромъ, а съ его посланцемъ. Но случай могъ бы послужить предостереженіемъ что эмиръ не захочетъ легко отказаться отъ своей независимости. А къ этому, какъ видно, въ сущности и сводилось дѣло, такъ какъ, взамѣнъ выгодъ оборонительнаго „противъ Россіи“ союза, эмиръ долженъ былъ отказаться отъ нѣкоторыхъ привилегій независимаго владѣтеля, и дозволить Англичанамъ занять нѣкоторые посты въ его территоріи чтобы удобнѣе было защищать ихъ и наблюдать за ними. Словомъ, мы видимъ здѣсь полную аналогію съ англо-турецкою конвенціей. Это все нити одной обширной англійской интриги, направленной къ тому чтобы отовсюду опутать Россію.

Въ Малой Азіи, Англія становится, въ силу конвенціи съ султаномъ, на самой нашей границѣ чтобы наблюдать за нами

и интриговать противъ насъ. Она стремилась и стремится къ тому же въ Афганистанѣ. Намъ даже случалось читать нѣсколько времени тому назадъ въ англійской печати доводы что Англія должна постараться прежде Россіи утвердиться въ Афганистанѣ для того чтобы имѣть возможность оттуда волновать нашихъ мусульманскихъ подданныхъ въ Средней Азіи. А недавно, по поводу слуховъ что Китайцы, возстановивъ свое владычество въ Кашгарѣ, настойчиво требуютъ отъ Россіи возвращенія Кульджи, одна англійская газета указывала на важность этого извѣстія, и радовалась что между Россіей и Китаемъ возникаютъ замѣшательства которыя пожалуй легко де могутъ развиться и въ открытую войну. Въ виду этого, она совѣтовала своему правительству обратить вниманіе на важность усилить въ Китаѣ англійское вліяніе во вредъ и въ ущербъ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, Англія и съ Китаемъ охотно заключила бы конвенцію противъ насъ еслибы представилась возможность.

Можемъ ли мы оставаться равнодушными къ такой систематически злобной противъ насъ интригѣ, и не принимать никакихъ соотвѣствующихъ мѣръ? Такое безпримѣрное благодушіе было бы тѣмъ болѣе непростительно что орудіе для противодѣйствія англійскимъ махинаціямъ само собою дается намъ въ руки. По счастью, планъ преградить развитіе русскаго могущества фантастическою лингою мусульманскихъ государствъ, подъ насильно навязанною имъ гегемоніей Англіи, „первой мусульманской державы въ мірѣ,“ по выраженію лорда Беконсфильда, такъ нелѣпъ что интрига рушится на голову самихъ авторовъ ея, и намъ не трудно ей противодѣйствовать. Раздраженіе Англичанъ на неудачу въ Афганистанѣ потому еще такъ велико что именно въ эту минуту, какъ замѣчаютъ англійскія газеты, Англія начинаетъ быстро терять вліяніе какое она имѣла на Порту. Изъ письма корреспондента *Times* мы видѣли какое сильное недовѣріе возбуждаетъ въ Портѣ Леярдъ своими притязаніями. „Я вовсе не хочу стать индійскимъ раджей,“ сказалъ, по слухамъ, султанъ одному изъ своихъ министровъ. Правитель Афганистана, лучше и ближе изучившій Англичанъ, тотъ вовсе не хочетъ принимать ихъ покровительство. Англія хотѣла вооружить му-

сулманскія страны противъ Россіи, и вооружила ихъ противъ себя. Намъ остается только пользоваться этимъ обстоятельствомъ, и намъ тѣмъ легче привлечь эти страны къ себѣ что онѣ сами желаютъ и ищутъ этого. Мы не обязаны признавать самозванный протекторатъ который присвоиваетъ себѣ Англія надъ мусульманскимъ міромъ. Въ особенности же храни насъ Богъ отъ всякихъ переговоровъ и соглашеній съ самою Англіей по этому поводу...

№ 239.

Москва, 21-го сентября.

Одновременно съ „побѣдными“ извѣстіями объ австрійской арміи въ Босніи, телеграфъ приноситъ намъ другаго рода извѣстія изъ политическихъ центровъ Габсбургской монархіи, имѣющія тѣсную связь съ великими военными триумфами, но проливающія особый свѣтъ на внутреннія дѣла этой державы. Венгерскій министръ финансовъ, а за нимъ и весь Венгерскій кабинетъ подали прошеніе объ отставкѣ. Поводомъ къ этому послужило то что Венгерскому кабинету предложено было изыскать съ своей стороны способы на покрытие военныхъ расходовъ причиненныхъ Боснійскою кампаніей. Венгерскій министръ финансовъ заявилъ что онъ не можетъ предложить никакой финансовой мѣры для достиженія указанной цѣли, такъ какъ „онъ считаетъ невозможнымъ взыскать на Венгрію новые военные расходы кромѣ уже произведенныхъ и разрѣшенныхъ парламентомъ.“ Министръ Шель просилъ уволить его если императоръ не раздѣляетъ его мнѣнія, и прочіе министры присоединились къ этому заявленію. Было предложено составить кабинетъ политическимъ коноводамъ изъ консервативной партіи и изъ деакистовъ; но и тѣ отказались отъ переговоровъ по этому предмету на томъ основаніи что и они того же мнѣнія и полагаютъ что военныя дѣйствія въ Турціи должны быть прекращены. Замѣтьте что рѣчь идетъ не о чемъ-либо предполагаемомъ, не о чемъ-либо въ будущемъ, что можетъ еще подлежать вопросу и относительно чего конституціонные факторы могутъ подать свой голосъ за или противъ. Нѣтъ! Требуется покрыть такъ или иначе передержки противъ первоначальной ас-

сигновки уже сдѣланныя. Горькая нужда заставила имперское правительство выйти далеко за предѣлы разрѣшенной делегацией суммы въ 60 милліоновъ, подобно тому какъ настоящее военное предпріятіе и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ оказалось совсѣмъ не такимъ легкимъ какъ предполагалъ графъ Андраши, горделиво заявлявшій что для занятія Босніи и Герцеговины ему достаточно двухъ полковъ со знаменемъ и соотвѣтствующимъ числомъ музыкантовъ. Но какъ бы то ни было дѣло уже сдѣлано; кровь „вѣрныхъ сыновъ Австріи“ пролита рѣками; честь страны затронута, и отступленіе назадъ немыслимо безъ умаленія достоинства великой державы. И въ такую-то минуту Мадыры заявляютъ, въ лицѣ главнѣйшихъ своихъ государственныхъ дѣятелей всѣхъ партій, что они ничего знать не хотятъ и не дадутъ денегъ ни на продолженіе операцій, ни на покрытие расходовъ уже сдѣланныхъ, и что вообще они требуютъ чтобы все дѣло было прекращено немедленно. Не куріозно ли это? И что нужно думать, какія должно допустить предположенія о ближайшей исторической судьбѣ „державы“ въ которой подобныя явленія возможны? Въ Австріи не только нѣтъ того общенароднаго чувства любви и преданности къ „австрійскому отечеству“ которое и немыслимо при отсутствіи узъ національнаго объединенія, въ ней нѣтъ и того связующаго начала которое поддерживаетъ бытіе болѣе сложныхъ политическихъ тѣлъ, въ родѣ союзныхъ государствъ или даже федерацій. Въ ней все стремится врознь, и отдѣльныя народности проникнуты взаимною враждой какая обыкновенно бываетъ источникомъ вѣковыхъ истребительныхъ войнъ.

Министерство Тисы, еще недавно пользовавшееся огромною популярностью, недолго могло удержать въ предѣлахъ политическаго приличія массу Мадырскаго народа кипѣвшаго злобой и негодованіемъ противъ боснійскаго похода. Оно вынуждено было подчиниться этому движенію и окончательно отступить отъ всякой солидарности со своимъ соплеменникомъ графомъ Андраши, виновникомъ этого похода, взявшимъ на себя невозможную задачу—согласованія интересовъ своего мадырскаго отечества съ общеимперскими интересами Габсбургской монархіи. Прелюдіей и комментариемъ къ послѣднему ша-

гу Венгерскаго министерства служить грандіозная демонстрація бывшая на дняхъ въ Пештѣ. Тамъ организованъ былъ народный митингъ по поводу занятія Босніи и Герцеговины. Въ немъ приняли участіе всѣ политическія партіи. Кромѣ резолюціи требующей немедленнаго отозванія австрійскихъ войскъ изъ Босніи и Герцеговины, принята еще другая—подать петицію въ палату депутатовъ о преданіи министерства Тисы суду. Одинъ изъ ораторовъ поддерживавшій эту резолюцію обозвалъ министровъ „измѣнниками своему отечеству“ за ихъ „сообщничество насиліямъ и убійствамъ среди мирнаго населенія,“ и высказалъ что эти „вѣроломные совѣтники монарха заслуживаютъ того чтобъ ихъ головы были положены къ ногамъ Венгерскаго народа.“

„Воззваніе къ Венгерскому народу,“ изданное учредителями митинга, точнѣе указываетъ истинный мотивъ этого неукротимаго озлобленія Мадырь. „Съ уничтоженіемъ Турецкаго государства,“ сказано въ воззваніи, „движеніе славянскихъ народностей всею своею силой обрушится на насъ. Допуская, съ одной стороны, истребленіе турецкаго племени посредствомъ венгерскаго оружія, наша преступная политика возбуждаетъ, съ другой стороны, ненависть противъ насъ славянскихъ народностей. Они расточаютъ нашу кровь и наше добро за чужія племена, и ненависть этихъ племенъ служитъ намъ за то наградой. Проснитесь, сограждане, дабы мы отъ имени націи заявили протестъ противъ этой безумной политики.“

Протестъ подѣйствовалъ, и Венгерское министерство во всемъ составѣ послѣдовало указаніямъ разъяренныхъ согражданъ. Очень любопытно чѣмъ разрѣшится этотъ министерскій кризисъ. Вопросъ о системѣ австро-венгерскаго дуализма поставленъ нынѣ ребромъ. Австрія зашла такъ далеко въ своемъ военномъ предпріятіи что ей невозможно подчиниться самонадѣянному требованію Мадырь. А тѣ элементы которые могли бы въ данномъ случаѣ служить надежнѣйшею опорой имперскому правительству, именно славянскія народности Австріи, безмолвствуютъ...

Впрочемъ, Чехи повидимому рѣшили не упускать благоприятнаго момента и намѣрены воспользоваться имъ для новой попытки переменить внутренній строй Ав-

стріи. Послѣ десяти лѣтъ „пассивнаго сопротивленія,“ старо-чешская партія съ г. Ригромъ во главѣ въ первый разъ снова приняла участіе въ Пражскомъ ландтагѣ, собравшемся на прошлой недѣлѣ, и, какъ слышно, они намѣрены послать своихъ депутатовъ и въ рейхсратъ. Цислейтанскіе нѣмецкіе органы съ радостью привѣтствуютъ этотъ неожиданный шагъ со стороны Чеховъ, разумѣется не изъ дружелюбія къ Славянамъ, а потому что и нѣмецкимъ централистамъ слишкомъ чувствителенъ становится гнетъ дуализма и мадырской самонадѣянности, и они надѣются на союзъ съ ними Славянъ по крайней мѣрѣ для дружнаго противодѣйствія общему врагу.

Но отъ этихъ попытокъ до дѣйствительнаго удовлетворенія законныхъ требованій австрійскихъ Славянъ еще очень далеко. Пока графъ Андраши все еще стоитъ во главѣ общеперскихъ дѣлъ и какъ бы ни кляли его мадырскіе соплеменники, Славяне не могутъ отъ него ждать ничего для себя хорошаго.

№ 240.

Москва, 22-го сентября.

Прошла недѣля, а въ англійской печати все еще продолжается смута въ понятіяхъ по поводу Афганскихъ дѣлъ. Телеграммы изъ Симлы постоянно извѣщали о сборѣ войскъ и разныхъ дѣятельныхъ приготовленіяхъ, между прочимъ о томъ что Индійское правительство, вмѣсто возвращенія въ Калькутту, переселяется въ Лагоръ; но несмотря на всѣ эти возбудительныя извѣстія, въ Лондонѣ нѣтъ увѣренности чтобы можно было въ скорости приступить къ дѣятельнымъ операціямъ противъ эмира. Напротивъ, въ *Standard* телеграфируютъ изъ Бомбея что не предвидится немедленнаго движенія отряда въ 15.000 человекъ собирающагося близъ Талла (*Thall* или *Thull*, какъ безразлично пишутъ въ англійскихъ газетахъ) подъ начальствомъ генерала Крофорда Чамберлена. Причина же тому слѣдующая: „Настоятельно необходимо дать время для переговоровъ съ горными племенами, которыя независимы отъ Кабула, но которыя всею тяжестью обрушатся на насъ если мы попытаемся двинуться не обезпечивъ

соглашеніемъ ихъ нейтралитета. Никакія подобныя соображенія не препятствуютъ движенію изъ Кветты на Кандагаръ. Большіе запасы продовольствія уже собраны въ Кветтѣ, и мы можемъ ожидать движенія въ этомъ направленіи какъ только тамъ будутъ собраны достаточныя войска. Проходы между Кандагаромъ и Кветтой, однако, весьма грозны, и самый Кандагаръ весьма крѣпокъ. Поэтому движеніе должно быть предпринято въ значителіныхъ силахъ." Есть серіозные люди которые не только желали бы отдалить начало непріязненныхъ дѣйствій, но и вовсе уклониться отъ нихъ. Бывшій вице-король Индіи, лордъ Лоренсъ, напечаталъ въ *Times* письмо доказывающее что война съ Афганистаномъ была бы слишкомъ обременительна для финансовъ Индіи, и что никакого не было бы для Англіи позора еслибъ она попыталась уладить дѣло съ эмиромъ любовно.

Несомнѣнно что для немедленныхъ дѣйствій, хотя бы для занятія покаместъ нѣкоторыхъ пунктовъ, встрѣчаются большія затрудненія и требуются немалыя приготовленія. Это раздражаетъ англійскихъ шовинистовъ. Даже осторожный *Economist* признаетъ что выжидательная политика представляетъ троякаго рода неудобство: „Она даетъ время оскорбленію понесенному правительствомъ глубоко запасть въ умы туземцевъ. Вовторыхъ Россія будетъ имѣть время обдумать свою политику, и рѣшить убѣждать ли эмира къ принятію англійской миссіи (?), или же поощрить его къ сопротивленію обѣщаніями косвенной поддержки. Въ томъ и другомъ случаѣ результатъ будетъ зловредный. Если эмиръ уступить, это дастъ Россіи поводъ утверждать что только черезъ ея посредничество Англія могла добиться чего ей было нужно. Если же эмиръ вызоветъ насъ, то слухъ что ему помогаетъ Россія усилитъ сопротивленіе намъ и возбудитъ надежды между нашими индійскими подданными, которые сочувствуютъ этому сопротивленію. Втретьихъ, мы не можемъ быть увѣрены въ ходѣ ближайшихъ къ намъ событій. Мы далѣе чѣмъ когда-либо отъ дѣйствительнаго исполненія англо-турецкой конвенціи, и все что извѣстно о нашемъ положеніи въ Константинополѣ даже внушаетъ мысль что наше вліяніе тамъ падаетъ, между тѣмъ какъ вліяніе Россіи соотвѣтственно возрастаетъ.“

Вотъ въ какую дилемму поставило Англію Афганское затрудненіе, которое она такъ неосторожно создала для себя опрометчивою поспѣшностью Беконсфильдовской политики, и разсужденія *Экономиста* подтверждаютъ то что мы говорили о связи этого затрудненія съ европейскими планами англійской политики.

При такихъ обстоятельствахъ, и въ виду того что неудача встрѣченная въ Афганистанѣ станетъ для Англійской политики досадною помѣхой въ исполненіи плановъ болѣе близкихъ къ намъ и направленныхъ противъ Россіи, не странно ли что Англія отъ Россіи же и ожидаетъ содѣйствія чтобы выйти изъ своего затрудненія? Изъ Лондона сообщено въ агентство Гаваса будто англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ передалъ Русскому правительству ноту, въ которой Англійскій кабинетъ спрашиваетъ какъ Русское правительство можетъ согласить миссію Столѣтова въ Кабулъ съ прежними обязательствами своими, въ силу коихъ оно де отказалось отъ всякаго политическаго вліянія въ Афганистанѣ. А на это Русское правительство будто бы отвѣчало что оно всегда расположено въ точности соблюдать принятія имъ на себя обязательства; что миссія Столѣтова была де рѣшена при обстоятельствахъ которыя нынѣ уже не существуютъ, и вообще имѣла цѣлью только исполнить долгъ вѣжливости относительно эмира. Англійское правительство, послѣ своихъ дѣйствій въ послѣднее время, имѣетъ еще духъ напоминать намъ о какихъ-то нашихъ обязательствахъ въ Средней Азіи и мы будто бы признаемъ ихъ!

Итакъ, Англичане надѣются что Россія понудитъ эмира Афганскаго покориться Англіи. Что къ этому уже направлены дипломатическія усилія, явствуетъ изъ нѣкоторыхъ разсужденій *Times*. Эта газета, выражая увѣренность что дерзость эмира была результатомъ происковъ русскихъ агентовъ, готова великодушно простить намъ эту вину. „У насъ ссора,“ говоритъ она, „съ эмиромъ, и только съ нимъ однимъ. Мы не предполагаемъ чтобы Россія вступилась спасти его отъ наказанія которое она навлекла на него (Каково это для чести Россіи!). Мы будемъ вполне удовлетворены вытѣснивъ русское вліяніе изъ Афганистана, и не станемъ разслѣдовать вопросъ далѣе, не будемъ считать Россію отвѣтственною за поведеніе которое ко-

нечно не было дружескимъ, но и не было прямо враждебнымъ. Страніе Россіи придвинуться въ Афганистанъ было нарушеніемъ добросовѣстности (*good faith*), но оно будетъ достаточно наказано своею неудачей."

Для вящаго убѣжденія что Россія обязана прекратить козни въ Афганистанѣ, англійская печать на разные лады развиваетъ что афганскія интриги были затѣяны Россіей съ тою цѣлью чтобы, запутавъ Англію въ Индіи, отвлечь вниманіе ея отъ неисполненія нѣкоторыхъ постановленій Берлинскаго трактата и вѣроятныхъ новыхъ замѣшательствъ. *Morning Post, Daily Telegraph*, и другія газеты увѣрены въ этомъ. Письмо какого-то „нѣмецкаго“ корреспондента изъ Дрездена въ *Times* пространно разсуждаетъ на ту же тему, хотя сама эта газета прикидывается что не совсемъ тому вѣрить? Впрочемъ, почему и не вѣрить? Это было бы весьма естественно и со стороны русской дипломатіи справедливо и благоразумно. Дѣйствительно, афганская неудача особенно досадна Англичанамъ тѣмъ что мѣшаетъ исполненію ихъ плановъ въ Турціи которые и безъ того требуютъ большихъ хлопотъ.

Приведемъ свидѣтельство что нынѣшнія дѣйствія Англіи въ Афганистанѣ, покажутся такъ неудачно для нея разыгравшіяся, были исполненіемъ давно задуманнаго плана. Мы припоминаемъ что въ 1875 году извѣстный руссофобъ сэръ-Генри Роулинсонъ издалъ книгу объ „Англіи и Россіи на Востокѣ“, гдѣ внушается многое что уже теперь случилось и указывается на то чего пожалуй намъ еще придется быть свидѣтелями. Г. Роулинсонъ и тогда уже совѣтовалъ установить quasi-протекторатъ надъ Кабуломъ, предоставляя Индійскому правительству выборъ времени и способа исполненія. Кромѣ того, авторъ настаивалъ чтобъ Англія заняла сильную позицію и въ Персіи, чтобъ англійскіе офицеры были отправлены для обученія персидскихъ войскъ, чтобъ Англія снабдила Персію усовершенствованнымъ оружіемъ и артиллеріей, чтобъ она помогла шаху создать и держать морскую силу въ Персидскомъ заливѣ, чтобы миссія въ Тегеранѣ была обильно снабжена деньгами для раздачи подарковъ, чтобы поощрялось отправленіе дѣтей персидскихъ вельможъ на воспитаніе въ Лондонъ и поощрялось также помѣщеніе англійскихъ капиталовъ

въ Персіи; словомъ, выходило что и Персія должна быть подчинена quasi-протекторату Англіи. Но еще интереснѣе то что всѣ эти идеи сэръ-Генри Роулинсона насчетъ Афганистана и Персіи еще ранѣе, въ 1868 году, были имъ изложены въ памятной запискѣ представленной имъ правительству и чрезъ статсъ-секретаря Индіи переданномъ въ Калькутту англійскимъ властямъ для руководства. Кабинетъ Беконсфильда, нынѣ стоящій во главѣ дѣлъ какъ и въ 1868 году, когда была подана эта записка, какъ видно усвоилъ себѣ ея идеи и, пользуясь обстоятельствами, осуществилъ ихъ если не въ Персіи, то въ мало-азіатской конвенціи съ султаномъ, а теперь намѣренъ привести ихъ въ дѣйствіе и въ Афганистанѣ.

Вмѣсто того чтобы выводить Англію изъ затрудненій въ Афганистанѣ, намъ лучше осмотрѣться можемъ ли мы оставаться равнодушными къ появленію тамъ Англичанъ. Они все толкуютъ что заботятся о безопасности Индіи; мы также должны озаботиться обезпеченіемъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній и спокойствіемъ ихъ. Можетъ-быть, въ отвѣтъ на появленіе англійскихъ войскъ въ Кабулѣ, намъ придется занять Балхъ, Мервъ и другіе пункты, важность коихъ вѣрнѣе могутъ опредѣлить русскія военныя власти на мѣстѣ...

№ 241.

Москва, 23-го сентября.

Вступленіе вновь чешскихъ депутатовъ въ Пражскій ландтагъ есть въ Австріи событіе о которомъ не перестаетъ толковать на всѣ лады тамошняя печать. Во всякомъ случаѣ прекращеніе „пассивнаго противодѣйствія“ существующему въ Австріи порядку вещей со стороны самаго многочисленнаго и политически зрѣлаго изъ славянскихъ племенъ Габсбургской монархіи понимается всѣми какъ важный политическій актъ. Вступивъ вновь въ ландтагъ въ числѣ 81, чешскіе депутаты заявили что они поддерживаютъ въ полной силѣ всѣ свои прежніе протесты противъ господствующей системы, объявляемой ими незаконною. О томъ чтобъ они имѣли намѣреніе явиться и въ центральное собраніе, то-есть въ Цислейтанскій рейхсратъ, Чехи умалчиваютъ. Но органы нѣмецкой

централистской партіи берутъ на себя предсказать неизбѣжность этого дальнѣйшаго шага. Вообще австрійскіе централисты стараются показать что они вполне одобряютъ рѣшимость Чеховъ „вступить на почву конституціонной борьбы“ и какъ бы намѣренно умалчиваютъ о тѣхъ побужденіяхъ коими руководились Чехи, и которые очевидно не имѣютъ ничего общаго съ возвращеніемъ „блуднаго сына“ въ лоно Андраши-Бейстовской конституціи, разчитанной на то чтобы „припереть Славянъ къ стѣнѣ.“

Припоминамъ вкратцѣ событія внутренней австрійской политики за послѣдніе десять лѣтъ. Въ 1867 году провозглашена была система даулизма, по которой такъ-называемыя Венгерскія земли монархіи получили самобытное политическое устройство съ особымъ центральнымъ представительствомъ въ Пештѣ и съ установленіемъ связи этихъ земель съ „общимъ отечествомъ“ лишь чрезъ делегацію. Западная же часть монархіи съ Галиціей вошла въ составъ Цислейтаніи, причемъ ландтаги отдѣльныхъ земель и національностей, входящихъ въ ея составъ должны были политически объединиться въ Вѣнскомъ рейхсратѣ, посылая туда депутатовъ по избранію изъ своей среды. Чехи не замедлили протестовать самымъ энергическимъ образомъ противъ этой системы, которая дала Мадьярамъ полное удовлетвореніе, между тѣмъ какъ древнее Богемское королевство, коего историческія права на самобытность были по крайней мѣрѣ равносильны мадьярскимъ притязаніямъ, поправлены новою конституціей. Чешскіе депутаты въ числѣ 81, съ Ригромъ и Сладковскимъ во главѣ, вышли изъ Чешскаго ландтага и издали „декларацію“, отъ 23 августа 1868, въ которой было заявлено что богемская конституція и порядокъ выборовъ должны быть установлены путемъ обоюднаго соглашенія между династіей и представителями народа; общая же связь съ прочими частями монархіи не можетъ быть иною какъ чрезъ посредство делегаціи по примѣру Венгріи. Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ трехъ лѣтъ политическая борьба, исходною точкой которой была упомянутая „декларація“, шла все усиливаясь; къ старо- и младо-Чехамъ присоединились въ 1871 году и богемскіе магнаты, составлявшіе особую политическую фракцію. Они обратились къ импе-

ратору съ адресомъ, въ коемъ изложены „основныя статьи“ желательнаго для всей Австрійской монархіи политическаго устройства. Это была знаменитая федеративная программа, въ пользу которой, хотя и не по всѣмъ пунктамъ, склонялось и тогдашнее министерство Гоэнварта-Потоцкаго. Но затѣмъ послѣдовало паденіе кабинета Гоэнварта и выступленіе на сцену Андраши и цислейтанскаго министерства князя Ауэрсперга. Послѣднему удалось провести въ рейхсратѣ законъ отъ 2 апрѣля 1873 года устанавливавшій *прямые* выборы въ рейхсратъ чтобы доставить правительству желанное „вѣрноконституціонное“ большинство. Но избранные затѣмъ чрезъ прямые выборы чешскіе депутаты рейхсрата точно также отказались отъ участія въ ономъ. Въ этомъ заключалось „пассивное противодѣйствіе“ Чеховъ.

Нынѣ Чехи появились въ новомъ ландтагѣ избранномъ по истеченіи шестилѣтняго періода установленнаго для ландтаговъ, и въ одномъ изъ первыхъ засѣданій г. Ригръ внесъ проектъ адреса императору. Въ этомъ адресѣ нѣтъ болѣе рѣчи о коренномъ измѣненіи цислейтанской конституціи. Вообще, адресъ по тону своему отличается большою умѣренностью. Требованія въ немъ изложенныя касаются исключительно измѣненія порядка выборовъ въ ландтагъ. Адресъ указываетъ на то что сословіе крупныхъ землевладѣльцевъ пользуется особымъ порядкомъ, что оно подаетъ свои голоса не по отдѣльнымъ избирательнымъ округамъ, а разомъ за весь списокъ кандидатовъ подлежащихъ выбору чрезъ эту коллегію. Вслѣдствіе этого, смотря по большинству преобладающему въ данномъ случаѣ въ коллегіи крупныхъ землевладѣльцевъ, всѣ депутаты ими избираемые принадлежатъ лишь къ одной національности, съ полнымъ исключеніемъ другой. Адресъ ходатайствуетъ чтобы и для коллегіи крупныхъ землевладѣльцевъ въ Богеміи и Моравіи была введена система выборовъ по отдѣльнымъ округамъ. Взывая къ посредничеству короны для устраненія указанной неправильности, адресъ выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежду что императоръ призоветъ къ себѣ „другихъ совѣтниковъ“ которые будутъ стараться не столько о томъ чтобы сломить оппозицію, сколько о томъ чтобы установить прочный миръ между обѣими національностями Богеміи.“ Этотъ намекъ на необхо-

димость измѣнить составъ министерства представляется вѣнской печати единственнымъ подозрительнымъ пунктомъ, указывающимъ де что Чехи все-таки стремятся вліять на общую политику государства внѣ единственно-компетентнаго для того собранія рейхсрата. Вообще же, какъ сказано, вѣнскія нѣмецкія газеты „привѣтствуютъ“ возвращеніе Чеховъ на почву законности и слегка торжествуютъ побѣду надъ ними, такъ какъ Чехи силою вещей вынуждены де были примириться съ существующимъ порядкомъ.

Не такъ однако смотритъ на дѣло берлинская печать, зорко слѣдящая за всѣмъ что происходитъ въ Австріи. *Национальная Газета* прямо высказываетъ предположеніе что Чехи измѣнили свою политику въ виду новѣйшихъ событій. Они убѣдились де что имъ нельзя оставаться пассивными зрителями усилій Венгерцевъ подавить славянскій элементъ „всѣми законными и незаконными средствами.“ Съ другой стороны, они не могутъ не обратить вниманія на противоположное стремленіе исходящее изъ такъ называемой военной партіи въ Вѣнѣ, которая всѣми силами старалась объ окончательномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи. Чехи не могутъ не принять въ разчетъ предстоящаго усиленія славянскаго элемента въ Австріи, и весьма де естественно что въ виду такой перемѣны имъ кажется благовременнымъ прекратить свое бездѣйствіе и воспользоваться готовящимся приращеніемъ славянскихъ силъ Австріи для дѣятельной борьбы.

Само собою разумѣется что берлинская газета, оглядывая съ этой точки зрѣнія недавній политическій шагъ Чеховъ, не раздѣляетъ сочувственныхъ о немъ отзывовъ вѣнской печати, а напротивъ предостерегаетъ австрійскихъ Нѣмцевъ противъ готовящихся новыхъ затрудненій въ ихъ борьбѣ со Славянами.

№ 243.

Москва, 25-го сентября.

Въ афганскихъ дѣлахъ которыя навязала себѣ Англія до сихъ поръ есть много неяснаго, несмотря на то что имъ ежедневно посвящаются по нѣскольку столбцовъ въ англійскихъ газетахъ. Трудно

удостовериться даже въ томъ рѣшено ли немедленно приступить къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ эмира или выжидать. Этого не разъясняютъ и послѣднія телеграммы, хотя и передаютъ слухи указывающіе на возможность столкновенія. Британскія войска, говорятъ, подвигаются изъ Пешавера чтобъ атаковать Али-Мэзджидъ, — ту самую крѣпость при входѣ въ Хайберскій проходъ откуда комендантомъ оной такъ безцеремонно былъ выпровоженъ, съ угрозой разстрѣліянія если не послушается, британскій посланникъ вѣхавшій къ эмиру. Въ сегодняшнихъ телеграммахъ передается уже извѣстіе индійскихъ газетъ о занятіи этой крѣпости, съ оговоркой, впрочемъ, что оно весьма нуждается въ подтвержденіи. Съ другой стороны, извѣщали что и Ширъ-Али готовится встрѣтить вторженіе сосредоточивая свои войска въ Али-Мэзджидъ и Кандагаръ и угрожая Кветтѣ, еще въ прошедшемъ году занятой англійскимъ гарнизономъ. Говорятъ также что афганскія войска съ артиллеріей занимаютъ нѣкоторые мелкіе горные проходы. При такихъ обстоятельствахъ выстрѣлы могутъ раздаться ранѣе ожиданія, тѣмъ болѣе что телеграммы глухо говорятъ о волненіи между горными племенами Хайберскаго прохода, хотя и стараются выказать будто ихъ непріязнь направлена противъ Афганистана.

Въ самой англійской печати можно прослѣдить три различныя мнѣнія о дѣйствіяхъ противъ Афганистана. Совѣтъ обнародованный въ газетѣ *Times* лордомъ Лоренсомъ ни въ комъ не нашелъ сочувствія. Бывшій генераль-губернаторъ Индіи совѣтовалъ помириться съ эмиромъ, не находя въ этомъ никакого для Англіи позора. Но объ этомъ и слышать не хотятъ. Одни, — и въ этомъ мнѣніи сходятся такіе противоположные органы какъ *Daily News* и *Standard*, — требуютъ немедленнаго дѣйствія и находятъ всякую отсрочку дѣломъ опаснымъ. Первая, между прочимъ, дѣлаетъ это по причинѣ своего крайняго недовѣрія ко всѣмъ замысламъ лорда Беконсфилда; она требуетъ немедленнаго наказанія эмира чтобы скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, опасаясь что промедленіе и слишкомъ большія и дорого стоящія военныя приготовленія приведутъ къ тому что мѣры наказанія превратятся въ мѣры занятія страны и присоединенія. Кромѣ того, она указываетъ

что отерочка дастъ время и эмиру организовать сопротивленіе, пожалуй получить и помощь изъ Россіи, а въ то же время вѣсть о щелчкѣ полученномъ Англіей будетъ разноситься по всѣмъ базарамъ Индіи, поощряя и усиливая недовольство. Торійская же *Standard* къ этимъ послѣднимъ соображеніямъ присоединяетъ еще и впечатлѣніе на всю Европу.

Другіе, и это повидимому большинство, не желая ничего подвергать риску и признавая важность большихъ приготовленій, которыя потребуютъ времени, вслѣдствіе чего не будетъ возможности окончить весь походъ до наступленія зимняго времени, полагаютъ, однако, возможнымъ и полезнымъ теперь же произвести внушительныя демонстраціи, а именно выйти изъ проходовъ и занять важныя позиціи. Это можетъ де образумить эмира, а если нѣтъ, то во всякомъ случаѣ облегчить дальнѣйшія противъ него дѣйствія будущаю весной.

Наконецъ, третьи, какъ газета *Times*, совѣтуютъ не торопиться, а ограничиться теперь заботливыми приготовленіями, чтобы устранить всякую возможность неудачи, надѣясь что въ послѣднюю минуту эмиръ Афганскій, уже въ виду однихъ этихъ приготовленій, одумается, попроситъ извиненія въ своей дерзости и добровольно подчинится всѣмъ желаніямъ Англіи.

Что касается извѣстій изъ Индіи, то они можетъ быть не безъ намѣренія въ послѣднее время весьма неопредѣленны. Индійское правительство, какъ писали, готовилось поддержать миссію генерала Чамберлена военною силою, еслибъ его посольство не имѣло у эмира успѣха; слѣдовательно, войска должны были быть въ сборѣ вблизи границы. Съ недѣлю уже было извѣщено гдѣ какіе отряды сосредоточиваются, назначены и начальники ихъ, но когда они двинутся остается неизвѣстнымъ, и общій начальникъ всѣхъ операцій не назначенъ. Корреспонденты англійскихъ газетъ телеграфируютъ объ энтузіазмѣ войскъ въ ожиданіи дѣйствій и ихъ полной готовности къ выступленію. Но корреспондентъ *Daily News*, говоря что къ 1 ноября войска соберутся въ Дери-Гази, присовокупляетъ что обозъ еще не готовъ, а это повидимому указываетъ что къ зимнему походу едва ли успѣютъ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія.

Но всего страннѣе образъ дѣйствій самаго Англійскаго правительства, которое

не подаетъ никакихъ признаковъ жизни. Въ то время какъ вопросъ такой важности для Индіи волнуетъ печать и поглощаетъ все ея вниманіе, ни одинъ изъ членовъ правительства не показывался ни на какихъ митингахъ чтобы дать какое-либо объясненіе случившемуся или намекъ на намѣренія кабинета. Правда, теперь такое время когда въ Англіи по обычаю всѣ отдыхаютъ отъ политики, но въ данномъ случаѣ равнодушіе доходитъ до аффектаціи. Прошло десять дней съ полученія перваго извѣстія объ отказѣ эмира принять миссію, и до сихъ поръ кабинетъ ни разу еще не собирался на совѣщаніе. Министры обрѣтаются невѣдомо гдѣ. Вѣроятно въ объясненіе такого страннаго случая, извѣщали что кабинетъ рѣшилъ не вмѣшиваться и предоставилъ Индійскому правительству полную свободу дѣйствій. Относительно военныхъ операцій это пожалуй понятно. Но, кромѣ того, весьма важенъ вопросъ финансовый. Какъ будетъ распределена стоимость Афганской экспедиціи между Индіей и самою Англіей? Профессоръ Фосеттъ, единственный неизмѣнный и горячій заступникъ интересовъ Индіи, письмомъ въ *Daily News* протестуетъ противъ несправедливости возлагать на населеніе Индіи тяжелое бремя расходовъ, предпринимаемыхъ въ интересъ Англіи. Къ тому же финансы Индіи и не въ состояніи вынести этотъ новый расходъ. Это было указано и лордомъ Лоренсомъ въ его письмѣ. Онъ и его преемникъ въ должности вице-короля, лордъ Портбрукъ, давно высказывали что Индія не въ силахъ выносить увеличеніе налоговъ, а между тѣмъ въ нынѣшнемъ году налоги были увеличены лордомъ Литтономъ для покрытія обыкновенныхъ расходовъ. И это послѣ нѣсколькихъ лѣтъ голода. Можно ли, при постоянныхъ дефицитахъ, еще увеличивать долгъ Индіи? Несомнѣнно что если не всѣ экстраординарные расходы по Афганской экспедиціи, то извѣстную часть ихъ Англіи придется взять на себя, для чего потребуются испросить разрѣшеніе парламента.

Молчаніе и видимое бездѣйствіе кабинета въ виду важныхъ вопросовъ возбуждаемыхъ Афганскимъ затрудненіемъ снова вызвало толки о разногласіяхъ будто бы въ средѣ министровъ. Но можно подозревать что есть и другая причина почему кабинетъ не желаетъ сдѣлать дѣйствіемъ.

У всѣхъ еще свѣжи въ памяти панегирики какими сами себя превозносили министры тотчасъ послѣ Берлинскаго конгресса, и съ какимъ самодовольнымъ торжествомъ давали они отчетъ въ своихъ подвигахъ. Англія безъ войны, одиѣми угрозами своего превосходнаго могущества, возвратила де себѣ должное вліяніе, она вершила дѣла Европы какъ желала, она остановила побѣдоносную Россію, и это благодаря министрамъ которые избѣгли войны, но достигли почетнаго мира. Популярность ихъ достигла высшей степени, а противники ихъ были совѣмъ уничтожены. Значитъ теперь самая благоприятная пора чтобы нынѣшнею же осенью произвести общіе выборы, въ расчетъ что благодарные соотечественники не преминутъ возобновить довѣріе къ лорду Беконсфилду и дадутъ ему снова большинство въ парламентѣ. Убѣжденіе это такъ сильно что во множествѣ избирательныхъ округовъ обѣ партіи давно уже подыскиваютъ кандидатовъ. Поэтому, министерство можетъ-быть не безъ разчета избѣгаетъ всего что можетъ придать слишкомъ большую важность Афганскимъ дѣламъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ всѣхъ недавнихъ ликованій, признать что Англіи грозятъ большія затрудненія, предварить плательщиковъ налоговъ что, вмѣстѣ съ почетнымъ миромъ, ихъ ожидаютъ и новыя тягости, сказать это въ то время когда и смѣтные доходы, какъ видно изъ публикуемыхъ отчетовъ, уменьшаются и заставляютъ ожидать дефицита, — это было бы неловкимъ избирательнымъ маневромъ. Неизбѣжность нести новыя тягости, пожалуй, показала бы въ новомъ свѣтѣ результаты Беконсфилдовской политики, и заставила бы думать что она слишкомъ дорого обходится. Можетъ-быть поэтому кабинетъ и находитъ болѣе удобнымъ не говорить до поры до времени объ этихъ предметахъ, откладывая рѣшительныя дѣйствія и обнадеживать что Афганское затрудненіе разрѣшится дешево благодаря какому-нибудь новому фокусу лорда Беконсфилда...

№ 244.

Москва, 27-го сентября.

Послѣ двухнедѣльнаго перерыва, посвященнаго обсужденію законопроекта о

соціалистахъ въ комиссіи, Германскій рейхстагъ сегодня, въ среду, возобновилъ свои засѣданія. Вопреки ожиданіямъ, пренія при второмъ чтеніи этого законопроекта обѣщаютъ быть очень оживленными и горячими, такъ какъ комиссія не приняла тѣхъ замѣчаній которыя представило правительство на внесенныя ею измѣненія въ законопроектъ, и въ окончательной редакціи своихъ подготовительныхъ работъ осталась при своихъ первоначальныхъ рѣшеніяхъ. Вслѣдствіе этого, рѣшительная борьба переносится изъ нѣдръ комиссіи на болѣе шумную арену общаго присутствія рейхстага и здѣсь имперскому канцлеру предстоитъ развить всѣ свои силы. Это будетъ генеральное сраженіе которое онъ дастъ національ-либераламъ въ первый разъ послѣ своего разрыва съ этою партіей. Исходъ битвы не можетъ быть заранѣе предсказанъ съ достовѣрностью при тѣхъ измѣненіяхъ въ группировкѣ партій которыя произошли послѣ послѣднихъ выборовъ. Но повидимому князь Бисмаркъ не особенно боится этого исхода. Объ этомъ можно судить по тому что онъ самъ предпочелъ перенести пренія изъ спокойной и тѣсной среды комиссіи въ рейхстагъ. Первоначально онъ намѣренъ былъ принять участіе въ преніяхъ комиссіи прежде чѣмъ ся рѣшенія были окончательно приняты и законопроектъ еще не былъ подвергнутъ ею второму чтенію. Съ этою цѣлью онъ еще въ прошедшее воскресенье вернулся въ Берлинъ изъ своего помѣстья Фарцина куда онъ уѣхалъ отдохнуть на нѣсколько дней послѣ первой своей рѣчи въ рейхстагъ. Уже было официально возвѣщено объ его появленіи въ комиссіи. Но вмѣсто его явился прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ, и изложилъ существенныя возраженія правительства противъ измѣненій внесенныхъ комиссіей въ законопроектъ. Мы уже имѣли случай ознакомить нашихъ читателей съ общими чертами этихъ измѣненій. Возраженія правительства также извѣстны частью изъ берлинскихъ телеграммъ, частью изъ послѣдняго письма нашего берлинскаго корреспондента. Но нашъ корреспондентъ, писавшій наканунѣ окончательнаго рѣшенія комиссіи, высказываетъ мнѣніе что по всей вѣроятности большинство комиссіи, и національ-либералы въ томъ числѣ, не рѣшатся настаивать на своемъ по тѣмъ пунктамъ которые прави-

тельство объявило неприемлемыми, и уступать. А между тем комиссия уступок никаких почти не сделала, и составила свой доклад рейхстагу согласно своим первым постановлением.

В виду того что прения в рейхстаге, ныне начавшиеся, будут главным образом вращаться около этих пунктов разногласия между правительством и комиссией, не лишним будет напомнить здесь в чем это разногласие заключается.

Правительство возражает главным образом по следующим предметам: Оно несогласно на изменение по предложению г. Ласкера редакцию первого параграфа, в коем изложена характеристика социальной пропаганды и агитации. В законопроекте существенным признаком этой пропаганды указано стремление „подкопать“ существующий порядок, а по редакции комиссии преследованию подлежат социалистские стремления направленные к тому чтобы „ниспровергнуть“ существующий порядок. Несмотря на то что тут спор собственно из-за слов и что не может иметь никакого практического значения замена одного другим (ибо кто *подкапывается*, тот *дѣлает* это не иначе как с *цѣлью ниспроверженія*), комиссия не уступила.

Второй пункт разногласия касается вопроса об организации ревизионной инстанции учреждаемой специально для *дѣлъ* о социалистской пропагандѣ. По проекту, этот трибунал образуется из семи членов избираемых Союзным Советом из своей среды. Комиссия существенно изменила этот параграф (19), придав трибуналу характер судебный, чего правительство с намерением не желало допустить, дабы сохранить за всею предполагаемой *мѣрой* свойство *мѣры* политической по преимуществу и чрезвычайной. Правительство доказывало что судьи, как члены подобной ревизионной инстанции, не сумѣют настолько отрѣшиться от привычных им приемов юридической казуистики и от требований „осязательных“ признаков преступности, тогда как в *дѣлѣ* зловерной пропаганды главный вред заключается именно в неумовности оной для обычной судебной процедуры и в отсутствии наружных признаков преступности. Комиссия, однако, не подчинилась этому аргументу. Она предположила составить указанный трибунал из четырех

членов Союзного Совета и пяти судей избираемых Союзным Советом из числа членов высших судебных *мѣстъ*, причем для законного состава требуется присутствие пяти членов и из них по крайней *мѣрѣ* трех судей. Правительство соглашалось на это изменение с тем чтобы члены-судьи могли быть избираемы не только из лиц принадлежащих к высшим судебным *мѣстам*, но и из членов высших судебно-административных трибуналов (причем нужно замѣтить что в члены административных трибуналов, по крайней *мѣрѣ* в Пруссии, могут поступить лишь юристы вполне обладающие квалификацией необходимою для судей). Однако комиссия не пошла на эту *сдѣлку* и редижировала § 19 согласно с первоначальным своим *рѣшением*. Она отвергла и другую поправку правительства к этому параграфу, которая заключалась в том чтобы президент трибунала мог быть назначаем императором по свободному его избранію. По проекту комиссии, президент назначается императором из числа девяти членов трибунала избранных Союзным Советом.

Наконецъ важнѣйшій пункт разногласия касается послѣдняго 22 параграфа. Комиссия изложила его такъ: „законъ этотъ вступаетъ немедленно в силу и будетъ имѣть *дѣйствіе* до 31 марта 1881 г.“ Правительство прямо заявило что на такой короткій срокъ (2½ года) оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать своего согласия, такъ какъ это напередъ парализовало бы предполагаемую *цѣль* закона независимо отъ какой бы то ни было строгости его отдѣльных постановлений, ибо какъ только коноводы социалистовъ будутъ знать что по прошествіи столь короткаго времени всѣ гоненія на нихъ должны по закону прекратиться, они сумѣютъ притаться, дабы затѣмъ со свѣжими силами приняться за старое. Какъ ни вразумительно это возраженіе, оно, однако, не могло побороть сопротивленіе либераловъ, которые считаютъ невозможнымъ поступиться на неопредѣленное время или даже на болѣе продолжительный срокъ правомъ контроля рейхстага надъ *дѣйствіями* правительства. Съ этой точки зрѣнія отвергнуто было и предложеніе г. Гнейста установить пятилѣтній срокъ для *дѣйствія* закона.

Нельзя предсказать удастся ли правительству и личному влиянію князя Бисмарка, который готовится дѣйствовать энергически въ рейхстагѣ, добиться болѣе благопріятнаго рѣшенія отъ общаго собранія. По несомнѣнно то что въ случаѣ если большинство рейхстага утвердитъ постановленія коммисіи, особливо послѣднее о срокѣ дѣйствія закона, то рейхстагъ будетъ распущенъ, и правительство сдѣлаетъ новое воззваніе къ націи.

Очень можетъ быть что между тѣмъ состоится окончательное соглашеніе между Германіей и палскимъ престоломъ насчетъ церковнаго вопроса, и тогда князь Бисмаркъ получитъ новую поддержку противъ либераловъ въ лицѣ партіи центра. Но во всякомъ случаѣ ближайшая цѣль — борьба противъ революціонной пропаганды — потерпитъ большую помѣху отъ значительной отсрочки сопряженной съ перемѣной народнаго представительства путемъ общихъ выборовъ.

№ 245.

Москва, 28-го сентября.

Наконецъ, какъ мы узнаемъ изъ англійскихъ газетъ, въ субботу, 5-го октября, былъ созванъ кабинетъ для совѣщанія объ Афганскихъ дѣлахъ, и министры поспѣшили съѣхаться въ Лондонъ изъ разныхъ мѣстъ Великобританіи, а лордъ Солсбери прибылъ даже изъ Франціи. О результатѣ этого перваго совѣщанія неизвѣстно; но, судя по телеграммамъ изъ Индіи, едва ли были рѣшены какія-либо немедленные энергическія дѣйствія. Телеграмма о взятіи Англичанами Али-Мэсджида, афганскаго форта при самомъ входѣ въ Хайберскій проходъ, не подтвердилась. Напротивъ, комендантъ ближайшаго англійскаго форта получилъ приказаніе ожидать дальнѣйшихъ подкрѣпленій во избѣжаніе всякаго риска. Военныя приготовленія продолжаются, но немедленнаго столкновенія не предвидится.

Такъ какъ не видно чтобъ Англійское правительство отказалось, какъ то совѣтовалъ лордъ Лоренсъ, требовать удовлетворенія отъ эмира, то этими извѣстіями подтверждается что избранъ средній терминъ, то-есть рѣшено произвести демонстрацію занявъ нѣкоторые пункты Афганской территоріи, а послѣдующія операціи

отложить до весны выжидая тѣмъ временемъ не покорится ли эмиръ. Этотъ планъ дѣйствій обстоятельно развивали, въ самый день собранія кабинета, двѣ наиболѣе свѣдущія о намѣреніяхъ правительства газеты, *Times* и *Daily Telegraph*, давно ставшія въ положеніе офиціозныхъ органовъ, и какъ бы подготавливали къ нему публику. Съ нимъ согласуются и новѣйшія извѣстія изъ Индіи въ англійскихъ газетахъ. Напримѣръ, специальный корреспондентъ *Daily Telegraph* телеграфировалъ изъ Симлы, отъ 4-го октября: „Сосредоточеніе войскъ на границѣ продолжается. Свѣдущія лица полагаютъ что время года слишкомъ запоздало для прямого движенія на Кабулъ. Занятіе Курамской долины и Кандагара, исполнимое немедленно, вѣроятно принудитъ эмира покориться или поведетъ къ низложенію его собственными подданными. Дальнѣйшія операціи противъ Кабула, если окажется необходимымъ, могутъ легко быть совершены весной.“ Разчетъ на возможность низложенія эмира его подданными показываетъ что Англія не прочь прибѣгнуть здѣсь къ своему любимому орудію — интригѣ.

Сравнивая рекомендуемые теперь осторожные и выжидательные планы съ первыми громкими извѣстіями изъ Индіи, невольно подумаешь что произошла нѣкоторая существенная перемѣна въ положеніи дѣлъ. Не могъ же вице-король Индіи затѣять все это дѣло затѣмъ только чтобъ, испытавъ фіаско на первомъ же шагу, откладывать поправленіе неудачи на полгода. Впервые, теперь оказалось самымъ лживымъ притворствомъ негодованіе англійской печати будто въ Англіи съ удивленіемъ узнали о появленіи русской миссіи въ Кабулъ въ іюль, послѣ Берлинскаго конгресса, когда отношенія между Россіей и Англіей только что уладились, чѣмъ и похвалялся лордъ Беконсфильдъ въ парламентѣ, и что вслѣдствіе этого пришлось спѣшно принимать соответствующія мѣры. На дѣлѣ же оказывается что Индійское правительство еще 7-го іюня, до конгресса, знало о русской миссіи и ежедневно имѣло о ней свѣдѣнія. Слѣдовательно, объ этомъ знало и министерство въ Лондонѣ. А отсюда выходитъ что ему, напротивъ, было неудобно начинать Афганскую затѣю пока не была до конца сыграна дипломатическая интермедія въ Берлинѣ. Но вскорѣ затѣмъ дѣло это было начато съ тре-

скомъ, явно въ увѣренности что оно можетъ быть сразу окончено. Миссія снаряжалась открыто, съ парадомъ, и не просто миссія, а цѣлый вооруженный отрядъ въ 1.000 человекъ, причемъ возвѣщалось что если она при дворѣ эмира не достигнетъ успѣха, то немедленно начнутся военные дѣйствія. Значить, и войска были уже въ готовности. Дѣйствительно, тотчасъ послѣ того какъ миссія не была пущена въ Афганистанъ, къ границамъ были придвинуты войска, въ одномъ мѣстѣ 3.000, въ другомъ 5.000 человекъ. Назначены были начальники, формировался резервъ въ подкрѣпленіе выдвинутыхъ отрядовъ. Въ телеграфныхъ же корреспонденціяхъ пространно доказывалось что это есть дѣло „имперское,“ а не мѣстное индійское. Очевидно, вице-король лордъ Литтонъ ждалъ только знака изъ Лондона чтобъ обширнѣе развить свою дѣятельность и двинуть собранныя, хотя еще немногочисленные, силы.

Одна изъ главныхъ причинъ задержки, какъ мы уже говорили, есть по всему вѣроятію финансовая. Разглагольствія объ „имперскомъ“ значеніи Афганскаго столкновенія, очевидно, имѣли цѣлью доказать что бремя расходовъ должна принять на себя Англія. Финансы Индіи не оставляютъ вице-королю въ распоряженіе средствъ для большихъ затратъ какихъ потребовала бы экспедиція. Наложить же на Индію новый долгъ или произвести расходы за счетъ Англіи онъ могъ бы только по разрѣшеніи изъ Лондона. Судя по всему, онъ не получилъ финансоваго полномочія. Напротивъ, повидимому, этотъ первый вопросъ о распредѣленіи бремени между Англіей и Индіей вовсе не рѣшенъ. Хотя многія газеты энергически настаиваютъ чтобъ Англія весь этотъ расходъ приняла на себя, такъ какъ Индія не въ силахъ поднять эту новую тягость, и ссылаются при этомъ на актъ 1858 года о принятіи управленія Индіей въ вѣдѣніе короны, въ которомъ специально предусмотрѣны случаи подобные настоящему; но газета *Times* уже повернула въ другую сторону и доказываетъ что обезпеченіе спокойствія Индіи прежде всего важно для ней самой, а потому она по справедливости и должна де нести расходъ, и что только въ виду состоянія индійскихъ финансовъ, и то развѣ „изъ великодушія,“ правительство можетъ рекомендовать парламенту принять на себя нѣ-

которую долю расходовъ на военные операціи которыя могутъ оказаться необходимыми въ Афганистанѣ. Въ концѣ концовъ мы полагаемъ вѣроятнѣе что Англіи все-таки придется принять эти расходы на себя; но если экспедиція будетъ отложена до весны, то вопросъ не зачѣмъ поднимать немедленно и тревожить имъ плательщиковъ налоговъ, особенно если министерство дѣйствительно имѣетъ намѣреніе произвести нынѣшнею осенью новые выборы.

Весьма возможно что къ этому соображенію присоединяются и многія другія. Дѣла Англіи съ султаномъ по поводу малоазійской конвенціи несомнѣнно не ладятся. Какъ видно, въ этой сдѣлкѣ каждый имѣлъ свой разчетъ. Порты, разставшись съ Кипромъ, все надѣялась что Англія поможетъ ей за то заключить новый заемъ, но вовсе не разчитывала разставаться съ властью въ Малой Азіи. Леярдъ же все пристаетъ съ реформами которыя должны въ сущности передать все управленіе въ руки Англичанъ. Ожидаютъ что онъ поѣдетъ въ Лондонъ для совѣщанія съ правительствомъ по этому дѣлу, которое никакъ не подвигается къ желанному концу.

Далѣе, какъ можно думать изъ тона англійскихъ газетъ, Англія повидимому получила на свои дипломатическія представленія въ Петербургѣ не совсѣмъ такого рода отвѣты какіе ей были желательны. Первое время англійскія газеты твердили что эмиръ въ своемъ ослѣпленіи опирается на „сломавшуюся палку“ и затѣмъ съ увѣренностью ожидали что Россія „отречетсѣ“ отъ него. Подъ этимъ вѣроятно разумѣлось что она поспѣшитъ отозвать свою миссію...

Но что англійскія домогательства повидимому не имѣли полного успѣха въ Россіи, это позволяетъ думать отсутствіе обычныхъ угрозъ какими англійская печать поддерживаетъ всегда такія требованія. Намъ продолжаютъ злословить и изобличать, но тонъ совсѣмъ другой. *Daily Telegraph* и *Times* даже высокомѣрно на дняхъ стали доказывать что Россія, — если въ самомъ дѣлѣ подстрекала эмира противъ Англіи, — оказала этимъ послѣдней услугу, такъ какъ возбудила случай привести, наконецъ, дѣла съ Афганистаномъ въ удовлетворительное положеніе. А такъ какъ клиентъ ея эмиръ, послушавшій ея внушеній, непременно поплатится, то русская

интрига понесетъ де достаточное наказаніе утратой вліянія которая послѣдуетъ за такимъ результатомъ. Разсужденіе не лишено остроумія, но отчего же *Times* до сихъ поръ каждый день все повторяетъ что эмиру все еще остается возможность заглядить свою вину, и что „если онъ это сдѣлаетъ, то еще можетъ избѣжать наказанія.“ Очевидно „услуга“ которую намъ приписываютъ не такъ радостна если такъ стараются ею не воспользоваться...

№ 246.

Москва, 29-го сентября.

Одновременно съ подтвержденіемъ извѣстія о томъ что австро-турецкая конвенція не состоялась, officialный телеграфъ изъ Константинополя нѣсколько разъ настойчиво повторялъ въ послѣдніе дни что Турція тѣмъ не менѣе желаетъ сохранить дружественныя отношенія къ Австріи. Такія увѣренія всегда плохой знакъ, и въ данномъ случаѣ имѣется въ виду успокоить тревогу, естественно порождаемую чрезчуръ запутанными отношеніями. По достовѣрнымъ извѣстіямъ сообщаемымъ въ вѣнскія и берлинскія газеты, число турецкихъ войскъ сосредоточиваемыхъ въ Косовскомъ вилаетѣ возрастаетъ съ каждымъ днемъ и простирается нынѣ до 50.000. 5 октября собирався въ Константинополь большой министерскій совѣтъ, въ которомъ имѣли быть приняты важныя рѣшенія. И вотъ сегодня телеграфъ передаетъ слухи сообщенные газетою *Стамбуль* о результатахъ этого совѣщанія, слухи отчасти подтверждаемые другою (officialною) телеграммой изъ Константинополя: Порта отвергаетъ заключеніе конвенціи съ Австріей, развѣ подъ условіемъ признанія верховныхъ правъ султана надъ Босніей. Если вѣрить названной газетѣ, Порта рѣшилась, послѣ послѣдняго совѣщанія министровъ, отправить Австрійскому правительству *угрожающую* ноту, возлагая на него отвѣтственность за мятежъ въ Албаніи и требуя пріостановки движенія австрійскихъ войскъ на Новый Базаръ, какъ противорѣчащаго духу и буквѣ Берлинскаго трактата. Съ тѣмъ вмѣстѣ Порта отправляетъ циркулярную ноту къ великимъ державамъ, съ указаніемъ на то что продолженіе военныхъ дѣйствій Австріи угрожа-

етъ самому существованію Оттоманской имперіи. Все это очень мало похоже на „стремленіе оставаться въ дружбѣ съ Австріей“, и ужь никакъ не можетъ способствовать сокращенію численности войскъ выставленныхъ Австріей въ занятыхъ ею турецкихъ провинціяхъ и уменьшенію расходовъ сопряженныхъ для нея съ этимъ предпріятіемъ.

А между тѣмъ обѣ „половины“ Габсбургской монархіи находятся теперь въ полномъ разгарѣ министерскихъ кризисовъ. Венгерское министерство подало въ отставку, протестуя противъ занятія турецкихъ провинцій. Императоръ, какъ извѣстно, принялъ эту отставку, но вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ кабинету Тисы продолжать управленіе впредь до образованія новаго кабинета. Распоряженіе это было послѣдствіемъ совѣтовъ поданныхъ императору двумя изъ политическихъ вожаковъ, гг. Слави и Сеніей, къ коимъ императоръ поочередно обращался съ предложеніемъ составить новый кабинетъ. Они рѣшительно отказались, и увѣрили императора что ни одинъ изъ политическихъ дѣятелей Венгріи не можетъ въ настоящее время принять на себя такое порученіе, и что если въ парламентѣ большинство выскажется въ пользу теперешняго министра-президента, то образованіе новаго кабинета должно быть поручено тому же г. Тисѣ.

Во второй половинѣ октября соберется и цислейтанскій рейхсратъ, а также и австро-венгерская делегація предъ которою графъ Андраши (единственный нынѣ министръ остающійся на своемъ посту не какъ временно исправляющій должность) желаетъ дать подробныя объясненія своей политики. Отъ рѣшеній которыя примутъ всѣ эти разнообразныя парламентскія собранія будетъ зависѣть тотъ или иной пеходъ начавшихся теперь кризисовъ и вѣроятно дальнѣйшее оставленіе въ должности самого графа Андраши.

Само собою разумѣется что, при такомъ положеніи внутренней политики, Австро-Венгрія не способна къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ отвѣтъ на вызовъ бросаемый ей Портой, которая повидимому оттого и приняла свой „угрожающій“ тонъ что ей нечего опасаться энергическаго отпора со стороны Австріи.

Для сторонняго наблюдателя вся эта путаница отношеній въ которую, какъ въ сѣть, попала монархія Габсбурговъ представляетъ двоякій интересъ:

Вопервыхъ, она показываетъ сколько фальши было въ образъ дѣйствій этой державы, когда она во все продолженіе минувшей войны выступала защитницей неприкосновенности Османской имперіи, и своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ не только парализовала во многихъ отношеніяхъ успѣхъ военныхъ дѣйствій Россіи и тѣмъ причинила потерю лишней крови, но и сама приготовила для себя теперешнія затрудненія какихъ не могло бы быть еслибъ Австрія признала съ самаго начала что нельзя въ одно и то же время „ограждать неприкосновенность“ Турціи и забирать у нея часть ея достоянія въ свою пользу.

Вовторыхъ, эта басня имѣетъ мораль и для будущаго, ибо теперь воочию видно что такое Австрія и какова ея сила какъ „великой державы.“ Мы уже имѣли случай указать, съ этой точки зрѣнія, на значеніе событій нынѣ совершающихся въ Австріи. Но замѣчательно что и берлинская печать, обыкновенно очень сдержанная въ своихъ сужденіяхъ когда рѣчь идетъ объ Австріи, высказывается теперь въ томъ же смыслѣ. Въ Берлинѣ находятъ что кризисъ теперь переживаемый Австріей ставить на карту все ея значеніе какъ великой державы.

№ 247.

Москва, 30-го сентября.

Раздосадованные непріятнымъ оборотомъ Афганскаго дѣла, которое вмѣсто легкаго торжества грозитъ большими затрудненіями, наши добрые друзья Англичане съ радостію усматриваютъ что и для Россіи можетъ возникнуть затрудненіе въ Средней Азіи—такъ-называемый Кульджинскій вопросъ. Они создаютъ этотъ „вопросъ“ въ своемъ воображеніи изъ того обстоятельства что Пекинскимъ дворомъ снаряжено посольство двухъ высокихъ сановниковъ, Чунгъ-Хау и Си-Луна, въ Петербургъ, съ цѣлью будто бы потребовать возвращенія Кульджи. При этомъ указывается что первый изъ нихъ извѣстенъ по своей ненависти ко всему европейскому и подозрѣвался въ соучастіи съ виновниками Тянь-Цзинской рѣзни французскихъ миссіонеровъ, а второй носить номинальный титулъ военнаго губернатора спорной провинціи. Такимъ образомъ самый выборъ

пословъ указываетъ де на настойчивость Китайцевъ въ стремленіи къ своей цѣли. Англичанамъ уже мерещится что уже собрана китайская армія чтобы съ нами помѣряться, и они съ важностью разсуждаютъ что отъ результатовъ дипломатіи Чунгъ-Хоу будетъ зависѣть вопросъ о господствѣ Россіи въ Средней Азіи. Просвѣщенные этимъ важнымъ открытіемъ, Англичане начинаютъ упрекать себя что въ дѣлахъ Азіи они упускали изъ виду столь важный элементъ какъ Китай. *Daily Telegraph*, между прочимъ, замѣчаетъ что „какъ будущій противникъ московскихъ „интригъ на Востокъ“, Буддистская имперія выступаетъ теперь на первый планъ, „и Дунганскій вопросъ, бывший до сихъ поръ предметомъ чисто русскимъ, пріобрѣтаетъ значеніе въ его новомъ отношеніи къ существенному азіатскому вопросу—спокойствію Индіи.“

Что Англичане готовы надѣлать намъ всякаго рода хлопотъ, воспользоваться для этого всякимъ подходящимъ орудіемъ и взять себя въ союзники кого угодно чтобы вредить намъ, въ этомъ мы отнюдь не сомнѣваемся. Но въ данномъ случаѣ трудъ ихъ будетъ совершенно напрасенъ, такъ какъ никакого Кульджинскаго вопроса нѣтъ и быть не можетъ, если только мы сами не захотимъ создать его. Участъ Кульджи рѣшена была нами не по отношенію къ возможнымъ затрудненіямъ со стороны Китая, а во вниманіи къ интересамъ Россіи. И въ настоящее время еще болѣе важныя соображенія побуждаютъ насъ дорожить удержаніемъ Кульджи чѣмъ тѣ которыя заставили насъ занять ее. Англичане конечно на это и разчитываютъ, ожидая столкновенія между нами и Китаемъ, которое заняло бы наши руки въ Средней Азіи. Но они въ глубокомъ заблужденіи. Напротивъ, Пекинское правительство имѣетъ весь интересъ избѣгать столкновенія съ нами.

Почему Англичане такъ смущены и раздражены задоромъ Афганскаго эмира, и почему мы, напротивъ, можемъ быть совершенно спокойны относительно Китая? Отвѣтъ простъ: потому что Англичане трепещутъ за Индію, а намъ не трепетать же за Россію. Англичане стоятъ на волکانѣ въ Индіи и знаютъ что съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе ихъ становится слабѣе и опаснѣе, потому что они оставляютъ за собою все болѣе и болѣе не-

довольныхъ элементовъ. Афганцы ничтожный врагъ для могущественной Британіи, но это племя горцевъ воинственное, страстно любящее независимость и уже разъ испытывавшее на себѣ вмѣшательство Англичанъ. Эмиръ Афганскій знаетъ что онъ рискуетъ можетъ-быть потерять престолъ, но онъ знаетъ также что въ Индіи милліоны ждутъ всякой неудачи Англичанъ чтобы заволноваться, и этотъ расчетъ побуждаетъ его на рискъ, тѣмъ болѣе что его страна и безъ борьбы была бы захвачена Англичанами, которые давно точатъ на нее зубы.

Есть ли что-либо подобное въ нашемъ положеніи относительно Китая? На какіе элементы Китай можетъ опереться для борьбы съ нами? Въ какихъ населеніяхъ намъ подвластныхъ или сосѣднихъ съ нами онъ можетъ найти себѣ сочувствіе и возбудить опасныя для насъ волненія? Аналогія здѣсь обратная.

Мы не чуждые пришельцы издалека въ Азіи какъ Англичане въ Индіи. Мы тамъ также у себя дома какъ и въ Москвѣ. Подвигаясь впередъ мы имѣемъ непосредственно за собою всю силу нашего государства и ведемъ за собою колонизацію. Размѣщаясь между инородческими населеніями, эти русскіе поселки втягиваютъ ихъ въ сферу нашей жизни, мирятъ ихъ съ русскою властью, и вскорѣ даютъ имъ оцѣнить всѣ выгоды находиться подъ сѣнью русскаго могущества. Англичанинъ въ Индіи и во всѣхъ завоеванныхъ имъ земляхъ всегда остается чуждъ и ненавистенъ туземцамъ; Русскій, напротивъ, притягиваетъ къ себѣ инородческіе элементы и легко сживается съ ними. Прошло не много болѣе десяти лѣтъ какъ мы утвердились въ Туркестанѣ, и уже мы тамъ какъ дома. Въ то время какъ мы воевали съ султаномъ, преемникомъ халифовъ, во всемъ средне-азіатскомъ краѣ не было ни малѣйшаго признака безпокойства, и по исходѣ этой войны тамошнія населенія еще съ бѣльшимъ довѣріемъ обращаютъ взоры къ Россіи. Въ Россіи, именно въ ней, мусульманскія населенія Средней Азіи видятъ свое спасеніе отъ китайскаго истребительнаго варварства...

Кульджа, о которой теперь вновь хотятъ завести рѣчь, была покорена Китайцами не прежде какъ въ 1756 году, когда они истребили тамъ до послѣдняго всѣхъ Цзюнгаръ, бывшихъ прежде грозой Китая.

Этотъ историческій эпизодъ былъ подробно разказанъ въ статьѣ В. П. Васильева „Двѣ китайскія записки о паденіи Кульджи и о занятіи ся Русскими,“ помѣщенной въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1872 годъ. „Прежде въ Цзюнгари,“ читаемъ въ этой статьѣ, „считалось 24 улуса съ населеніемъ въ 600.000 душъ, теперь не осталось ни одного Цзюнгара. Такъ ознаменовался въ исторіи человечества 1756 годъ.“ Мы должны были занять Кульджу чтобы избавить сопредѣльную съ нами область отъ анархіи когда, столѣтіе спустя, Китайцевъ выгнало оттуда новое возмущеніе, и когда отъ Китая отпадали одна за другою области вслѣдствіе мусульманскихъ возстаній. Люди не вникающіе въ значеніе событій желали считать это занятіе временнымъ, но упомянутый ученый авторъ тогда же, горячо и съ знаніемъ дѣла, протестовалъ противъ возвращенія Китайцамъ края добытаго русскою кровью.

Авторъ цитуемой статьи разительно рисуетъ варварство Китайцевъ и между прочимъ, какъ одинъ изъ аргументовъ противъ всякихъ уступокъ имъ, указываетъ что это варварство можетъ стать для насъ еще опаснѣе если Китай со временемъ сдѣлается мусульманскимъ. Событія послѣднихъ шести лѣтъ разъяснили этотъ вопросъ. Китай не только не сдѣлался ближе къ обращенію въ мусульманство, но страшнымъ образомъ подавилъ мусульманское движеніе въ своихъ нѣдрахъ и на своихъ окраинахъ Юннанъ, въ юго-западномъ Китаѣ, поселенія Дунганъ въ Турбагатайскомъ и Буркульскомъ округахъ, въ верхней Монголіи, и наконецъ Кашгаръ, всѣ испытали его истребительное мщеніе: города обращены въ развалины, жители поголовно перебиты, и цвѣтущія страны обращены въ пустыню. Такого радикальнаго способа подавлять возстанія не знаютъ и Турки.

Англія стоитъ за мусульманское владѣтельство надъ христіанами, за порабощеніе христіанскихъ населеній. Мы же призваны оказать мусульманскимъ населеніямъ въ Азіи болѣе справедливую и человѣческую услугу, спасая ихъ отъ безпощаднаго истребленія въ борьбѣ съ языческимъ варварствомъ.

Этими соображеніями полагаемъ вполне рѣшается „вопросъ“ о Кульджѣ. Впервые, мы не можемъ отдать этотъ край

по его географическому положенію, такъ какъ это весьма важный опорный пунктъ для насъ въ Средней Азіи. Мы не можемъ отдать его какъ добытый русскою кровью край. Наконецъ, мы не можемъ по чувству человеколюбія и справедливости отдать на мѣсть Китайцамъ мусульманъ, отъ насъ ожидающихъ огражденія и покровительства.

Ясно что не Китай въ состояніи грозить намъ или создавать намъ затрудненія. Напротивъ, мы однимъ словомъ могли бы воздвигнуть ему опасныхъ враговъ, которые съ пламеннымъ энтузіазмомъ поспѣшили бы подъ наше знамя для борьбы съ Китаемъ.

№ 249.

Москва, 2-го октября.

А.

Второе чтеніе законопроекта о социалистахъ въ Германскомъ рейхстагѣ затянулось долѣе нежели можно было ожидать. Изъ которыхъ берлинскія газеты высказывали предположеніе что второе чтеніе окончится въ три дня. А между тѣмъ прошло четыре дня преній, отъ среды до субботы, и за это время, какъ извѣщаетъ телеграфъ, приняты лишь первые пять параграфовъ (изъ 22 составляющихъ весь проектъ). Цѣлые два дня были заняты преніями о первомъ параграфѣ, противъ котораго въ редакціи приданной ему комиссіей правительство возражало. Остальные изъ принятыхъ параграфовъ (2, 3, 4 и 5) относятся до сообществъ и собраній социальна-демократическаго характера и заключаютъ въ себѣ, по редакціи комиссіи, гораздо болѣе подробную и тщательную нежели въ правительственномъ законопроектѣ регламентацію порядка воспрещенія такихъ сообществъ и собраній съ удержаніемъ, впрочемъ, основнаго принципа всей мѣры, отдающаго ее въ руки администраціи, а не суда. Какъ первый параграфъ, такъ и послѣдующіе четыре приняты почти безъ всякихъ видоизмѣненій согласно редакціи предложенной комиссіей.

Но изъ того что большинство рейхстага удерживаетъ измѣненія внесенныя въ законопроектъ комиссіей, равно какъ изъ того что пренія противъ ожиданія зятя-

гиваются, было бы ошибочно заключить что законъ не пройдетъ. Такое предположеніе возникло главнымъ образомъ послѣ заявленій сдѣланныхъ графомъ Эйленбургомъ отъ имени союзныхъ правительствъ въ комиссіи, заявленій подававшихъ мало надежды на то чтобы правительство пошло на соглашеніе по тѣмъ тремъ пунктамъ разногласія на которые мы уже имѣли случай указать. Угроза распустить вновь рейхстагъ въ случаѣ еслибъ общее собраніе онаго не отмѣнило рѣшеній принятыхъ по этимъ пунктамъ комиссіей настойчиво повторялась офиціозною печатью по окончаніи работъ комиссіи.

Но первый же день преній радикально измѣнилъ общее положеніе дѣла, и эта перемѣна произошла вслѣдствіе рѣчи произнесенной въ первомъ же засѣданіи княземъ Бисмаркомъ. Въмѣсто грозной филиппики противъ національ-либераловъ къ которой всѣ были подготовлены и не менѣе всѣхъ сама эта партія, князь Бисмаркъ заговорилъ примирительнымъ языкомъ и протянулъ національ-либераламъ руку въ то самое время когда они ожидали рѣшительнаго вызова. Что такое совершилось въ короткій промежутокъ времени между окончаніемъ работъ комиссіи и этимъ засѣданіемъ рейхстага чтобы вызвать такую перемѣну фронта со стороны имперскаго канцлера, остается пока тайной его частныхъ переговоровъ съ вожаками этой партіи. Достоверно лишь то что переговоры происходили между княземъ Бисмаркомъ и г. Беннигсенемъ, и что перемѣна наступила и произвела эффектъ неожиданный. Князь Бисмаркъ уже не упомянулъ о томъ что рѣшенія комиссіи „непріемлемы“; онъ, напротивъ, выразилъ желаніе чтобы три фракціи (національ-либералы, консервативы) пришли между собою къ полному соглашенію, и тогда правительство въ свою очередь согласится съ ихъ совокупнымъ рѣшеніемъ. Затѣмъ онъ указалъ вообще на то что ему желательно имѣть въ этихъ трехъ партіяхъ, не отдавая предпочтенія ни которой, постоянную опору, и намекнулъ что въ случаѣ еслибъ ему не удалось заручиться ихъ постояннымъ содѣйствіемъ на будущее время, то онъ выйдетъ въ отставку. О распущеніи же рейхстага какъ о третьей возможности, князь Бисмаркъ на этотъ разъ не упомянулъ ни малѣйшимъ намекомъ. Вожакъ національ-либераловъ, г. Беннигсенъ, отвѣтилъ на

другой день пространною рѣчью въ которой выразилъ отъ имени своей партіи полнѣйшую готовность служить попрежнему поддержкой имперскому канцлеру во всѣхъ его начинаніяхъ, и восхвалялъ князя Бисмарка за его заявленіе о томъ что онъ далекъ отъ мысли начать политику реакціи.

Такимъ образомъ миръ и согласіе воцарились тамъ гдѣ еще недавно готовилась ожесточенная борьба. Рейхстагъ, по всей вѣроятности, и въ дальнѣйшихъ своихъ рѣшеніяхъ по обсуждаемому закону останется главнымъ образомъ на почвѣ постановленій комиссіи и едва ли согласится даже на продолженіе срока опредѣленнаго комиссіей для дѣйствія закона. Но повидимому князь Бисмаркъ не станетъ противиться и въ этомъ пунктѣ вопреки категорическому заявленію сдѣланному прежде отъ имени союзныхъ правительствъ.

Есть нѣкоторыя указанія позволяющія догадываться о причинѣ такого разногласія между княземъ Бисмаркомъ и союзными правительствами, а вмѣстѣ и о поводахъ къ сближенію между нимъ и національ-либералами. Дѣло въ томъ что весь законопроектъ, въ томъ видѣ какъ внесенъ былъ въ рейхстагъ, уже послѣ на себѣ отпечатокъ той глухой борьбы „партикуляризма“ отдѣльныхъ государствъ съ имперскимъ правительствомъ въ лицѣ князя Бисмарка, которую ему приходится постоянно выдерживать въ нѣдрахъ Союзнаго Совѣта. Первоначальный проектъ, внесенный въ Союзный Совѣтъ Пруссіей, предполагалъ учредить для общаго надзора и „контроля надъ примѣненіемъ новаго закона особый имперскій трибуналъ“ (Reichsbehörde). Такой трибуналъ, составленный по назначенію имперскаго правительства, сосредоточилъ бы все дѣло въ его рукахъ. Но большинство представителей союзныхъ государствъ возстали на этотъ разъ противъ достигаемаго такимъ образомъ, хотя и косвеннымъ путемъ, расширения компетенціи имперской власти, и вмѣсто проектированнаго Пруссіей трибунала, была поставлена въ законопроектѣ та делегация Союзнаго Совѣта которая затѣмъ подверглась столь существеннымъ измѣненіямъ въ рѣшеніяхъ комиссіи. По этому пункту отъ имени Союзнаго Совѣта предъявлено энергическое возраженіе. Но едва-ли князь Бисмаркъ склоненъ отстаивать въ этомъ отношеніи притязанія Союзнаго Совѣта и можетъ быть въ душѣ

доволенъ тѣмъ что комиссія не захотѣла отдать все дѣло безконтрольно въ руки Союзнаго Совѣта, хотя бы это было сопряжено съ нѣкоторымъ ущербомъ основной мысли законопроекта тщательно устранившаго судейскій элементъ, между тѣмъ какъ комиссія предполагаетъ организовать ревизионную инстанцію по образцу судебного мѣста.

Самыя пренія, возникшія при второмъ чтеніи, по существу своему весьма интересны и во многихъ отношеніяхъ разъясняютъ происхожденіе и характеръ социалистской пропаганды. Мы не замедлимъ познакомить нашихъ читателей съ ихъ содержаніемъ.

Б.

Сегодня въ 12 часу пополудни, по Рязанской желѣзной дорогѣ, прибылъ въ Москву Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Его Высочество уже былъ въ Москвѣ, послѣ кампаніи, но мимоѣздомъ, на пути въ сельское уединеніе, призывавшее Его для отдыха послѣ тяжкихъ боевыхъ трудовъ и волненій. Теперь возвращаясь оттуда, Августѣйшій фельдмаршалъ пробудетъ нѣсколько дней въ первопрестольной столицѣ, которая жаждала видѣть и привѣтствовать вождя блистательнѣйшей въ военныхъ лѣтписяхъ кампаніи.

Ко времени прибытія поѣзда былъ выстроенъ на станціи почетный караулъ отъ лейбъ-Екатеринославскаго полка. На станціи Его Высочество былъ встрѣченъ московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ В. А. Долгоруковымъ, командующимъ войсками Московскаго Военнаго Округа генералъ-адъютантомъ А. П. Гильденштруббе, военными и гражданскими чинами.

Вѣсть объ ожидаемомъ прибытіи Его Высочества съ удивительною быстротою облетѣла городъ, и около станціи уже собрались массы народа, встрѣтившія Великаго Князя восторженнымъ *ура*. Его Высочество въ сопровожденіи князя Долгорукова, направился прежде всего къ часовнѣ Иверской Божіей Матери, и затѣмъ въ домъ генералъ-губернатора гдѣ и изволилъ остановиться. На всемъ пути немолкаемо гремѣло народное *ура* во слѣдъ полководцу, котораго имя соединилось неразрывно съ однимъ изъ величайшихъ въ жизни Русскаго народа событій, съ однимъ изъ самыхъ мощныхъ проявленій его духа.

Мы видимъ какого напряженія силъ стоитъ теперь Австріи *мирное* занятіе двухъ смежныхъ областей, гдѣ ея войскамъ приходится бороться лишь съ разрозненными шайками всякаго сброда. Нашъ Главнокомандующій имѣлъ въ своемъ распоряженіи не большое число войскъ, съ которыми онъ такъ блистательно совершилъ грозившую столькими опасностями переправу черезъ Дунай. Онъ едва имѣлъ полтора ста тысячъ штыковъ для наступательной борьбы съ сильнымъ военнымъ государствомъ, которое собрало все свои силы для отчаяннаго сопротивления и успѣло въ теченіе слишкомъ шести мѣсяцевъ организовать и превосходно вооружить многочисленныя арміи. Все что можно было сдѣлано. Мы вышли съ торжествомъ изъ тяжкихъ испытаній. Они дорого обошлись намъ, но они раскрыли предъ изумленнымъ міромъ сокровища нашего народнаго духа. Чудеса были совершены въ борьбѣ съ величайшими трудностями. Малыми, по необходимости разрозненными силами, были сдержаны многочисленныя арміи, пока нашъ Главнокомандующій не получилъ необходимыхъ подкрѣпленій для того чтобы перейти въ рѣшительное наступленіе, которое ознаменовалось рядомъ величайшихъ побѣдъ... Честь и слава Русскому воинству! Честь и слава ея Царственному вождю, котораго нынѣ привѣтствуетъ Москва!

№ 250.

Москва, 3-го октября.

Дѣла идутъ не совсѣмъ ладно въ Турціи, несмотря на хваленую изобрѣтательность авторовъ Берлинскаго трактата. Англійская печать сама съ прискорбіемъ признаетъ это. Въ виду хаоса и разложенія въ Турціи, коимъ ежедневно являются новыя доказательства, трудно продолжать морочить публику что все идетъ будто бы къ лучшему въ наилучшее, по берлинскимъ планамъ, устроенной Турціи. Свѣдущій корреспондентъ газеты *Times*, въ интересномъ письмѣ изъ Константинополя, отъ 28 сентября, о „революціонныхъ движеніяхъ въ Турціи“, разказывая о возстаніи въ Критѣ, въ Аданѣ, въ Малой Азіи, о радикальныхъ требованіяхъ Албанской Лиги, которая хочетъ гораздо большей самостоятельности чѣмъ та какую конгрессъ присудилъ было

несчастной Восточной Румелии; наконецъ о протестахъ Болгаръ этой провинціи противъ возвращенія подъ ненавистное иго Турецкаго правительства, и излагая все это съ большимъ безпристрастіемъ, сопровождаетъ свой разказъ моралью, которая всему даетъ тонъ. Онъ совѣтуетъ перечестъ на досугъ протоколы конгресса и замѣтить „насколько осуществляются желанія и намѣренія уполномоченныхъ.“ Основнымъ принципомъ Берлинскаго трактата было де убѣжденіе что Турція пріобрѣтетъ новую жизненность вслѣдствіе ампутаціи провинцій ставшихъ для ней источникомъ слабости, а потому и ожидали что все вопросы между Портой и державами немедленно разрѣшатся. „Еслибы мы могли имѣть все корреспонденціи и все официальные документы относящіеся къ англо-турецкой конвенціи,“ присовокупляетъ корреспондентъ, „то вѣроятно увидѣли бы что такія же ожиданія господствовали и при рожденіи этого важнаго документа.“ Но Турки такъ глупы что хотятъ понимать свои интересы по своему и не соображаются съ выгодами своихъ покровителей. Турки, по своей простотѣ, воображали что друзья ихъ на конгрессѣ ратовали за нихъ, и теперь упрямятся отдать себя въ руки Австрійцамъ и Англичанамъ. „Британскій кабинетъ,“ читаемъ далѣе, „естественно предполагалъ что Турки сами признаютъ свою неспособность совершить необходимыя реформы, и съ радостью воспользуются постороннею помощью. Теперь нѣтъ болѣе сомнѣнія что Турки не такъ поступаютъ какъ ожидали конгрессъ и Британскій кабинетъ. Вниманіе ихъ такъ поглощено стараніями сохранить какъ можно болѣе своихъ владѣній что имъ нѣтъ времени подумать о средствахъ остановить процессъ разложенія угрожающій ихъ политическому существованію. Говоря метафорически, они ссорятся и разглагольствуютъ о границахъ своего сада, между тѣмъ какъ ихъ домъ со всею ихъ цѣнною собственностью въ огнѣ.“

Порта осыпается упреками за то что она не только не помогла Австріи въ мирномъ занятіи Босніи, но еще придирается къ ней со своею необдуманною циркулярною нотой, въ которой обвиняетъ жестокую суровость австрійскихъ военныхъ властей. Не довольствуясь извиненіемъ нѣкоторой суровости со стороны арміи „встрѣчающей при занятіи сопротивленіе,“ органъ Лондонскаго Города поучаетъ что „если пер-

вый шагъ къ возстановленію порядка въ Босніи и сопровождался прискорбною суровостью, то европейскія державы многое простятъ ради мира.“ Онѣ не будутъ де слишкомъ придирчивы къ способу какимъ Австрія исполнила порученіе Европы, и вѣроятно, въ виду неожиданныхъ расходовъ въ которые она была вовлечена, не станутъ порицать ее и за то если она превратить данное ей полномочіе.

Въ другой статьѣ тѣ же разсужденія излагаются въ виду отказа Порты принять реформы которыя ей рекомендуетъ англійскій посолъ. *Times*, перечисляя всѣ разлагающіе элементы на которые указывалъ ея корреспондентъ, снова прибѣгаетъ къ метафорѣ, и говоритъ: „Турція находится въ быстринѣ, и она должна или потонуть въ ней, или переплыть. Плыть она не можетъ безъ помощи, а помощь она ни отъ кого не расположена принять иначе какъ на условіяхъ.“ Это обстоятельство и тревожитъ де ея друзей. „Портѣ нечего болѣе дѣлать какъ слѣдовать совѣтамъ одной державы которую подозрѣвать она не имѣетъ основанія; но ей слѣдуетъ помнить что она не въ такомъ положеніи чтобы торговаться...“

Нашихъ противниковъ раздражаютъ препятствія; они предвидятъ что все хрупкое зданіе Берлинскаго договора и англо-турецкой конвенціи рухнетъ и исчезнетъ въ своихъ обломкахъ. Они досадуютъ на то что она избираетъ не тотъ родъ смерти какой они ей рекомендуютъ. Они торопились вырвать у умирающаго духовное завѣщаніе въ свою пользу.

Въ разсужденіяхъ газеты *Times* есть одна фраза которая не вяжется съ остальными. Указывая, съ цѣлью образумить Порту, на возстанія ея подданныхъ, *Times*, между прочимъ, упоминаетъ о „націоналистскихъ (*nationalistic*) притязаніяхъ румелійскихъ недовольныхъ“ (какъ призрачно говорить о Болгарахъ лондонская газета), но тотчасъ же прибавляетъ что „эти претензіи были заранѣе отвергнуты Берлинскимъ соглашеніемъ, такъ что поднимать ихъ теперь не къ чему, и дѣло комиссіи будетъ сдѣлано на переکورъ имъ (Болгарамъ).“ Почему же такъ? Вѣдь національныя требованія Болгаръ требуютъ уваженія по крайней мѣрѣ столько же какъ и права Албанцевъ, Критянъ и другихъ подданныхъ Порты. Какъ! Въ то время какъ толкуютъ о разложеніи Порты, о возможности близкой

катастрофы, которая, однако, еще не наступила, о повсемѣстныхъ возстаніяхъ между подданными султана, о неповиновеніи ему войскъ которыя умерщвляютъ его генераловъ, въ это самое время торопятъ возвращеніемъ подъ турецкую власть провинціи уже бывшей театромъ страшнаго погрома! Нѣтъ, это невозможно. Европейская комиссія не имѣетъ права присвоивать себѣ полномочіе ей не данное. Она можетъ разсуждать объ устройствѣ провинціи, но не можетъ брать въ свои руки управленіе пока продолжается тамъ русское занятіе. Англійскій комиссаръ, пишутъ, уже заявлялъ претензію чтобы всѣ доходы провинціи немедленно поступали въ Оттоманскій банкъ. Но какимъ же образомъ, въ такомъ случаѣ, могло бы вестись управленіе Восточною Румеліей во время русскаго занятія, которое, по условію, должно продолжаться годъ? Это значило бы что съ сего же дня русскія власти тамъ поступили бы въ зависимость отъ благоусмотрѣнія сэръ-Генри-Друммонда Вольфа и сэръ-Остина Лейрда.

Но мы не знаемъ еще сыграла ли Англія свою послѣднюю карту. Недавно, въ константинопольской корреспонденціи *Pall Mall Gazette*, было прямо высказано что если султанъ будетъ несговорчивъ въ принятіи совѣтовъ Лейрда, то „намъ остается только одинъ шансъ, — поставить новаго султана и управлять имперіей за него.“ Это, кажется не было предусмотрѣно въ Берлинскомъ трактатѣ...

№ 251.

Москва, 4-го октября.

Ненадежность положенія въ Турціи и опасенія новыхъ въ ней замѣшательствъ есть несомнѣнно одна изъ главныхъ причинъ побуждающихъ Англичанъ стать осторожнѣе въ ихъ Афганскихъ затѣяхъ и предпочесть выжидательный образъ дѣйствій. Но есть и другія причины, мѣстнаго свойства, побуждающія ихъ къ тому же рѣшенію.

Въ *Times* появилась слѣдующая замѣтка: „Небезынтересно инымъ будетъ узнать что вся сила нашихъ войскъ на границѣ, отъ моря до Абботабада, включая Каррачи, Гайдерабадъ, Джанобабадъ, Раджапуръ, Дера-Гази-ханъ, Дера-Измаилъ-ханъ,

Банну, Когатъ, Пешаверь, Хоти-Марданъ, Нушера, Аттокъ, Абботабадъ, вмѣстѣ съ резервами въ Раваль-Пинди, Силкотъ, Джелумъ, Лагоръ, Умритсуръ, Ферозпуръ, Мултанъ, Джалландаръ, и вмѣстѣ съ передовымъ постомъ въ Кветтъ, простирается до 800 человекъ британской и 7.000 туземной кавалеріи, и 12.000 британской и 21.000 туземной пѣхоты.“ Это численность лишь одного европейскаго корпуса; это не много, особенно если взять въ соображеніе растянутость границы простирающейся слишкомъ на тысячу миль. А къ этому *Times* очень наивно присовокупляетъ замѣчаніе что „многія изъ этихъ станцій очевидно невозможно обнажить отъ британскихъ войскъ, а именно: Умратсуръ, главный центръ религіи Сейковъ; Лагоръ, съ его фортомъ и многочисленнымъ фанатическимъ населеніемъ; Ферозпуръ, съ его арсеналомъ; Аттокъ, съ его плашкоутнымъ мостомъ черезъ Индъ; затѣмъ прекращеніе рельсоваго пути у Джелума будетъ помѣхой всѣмъ быстрымъ движеніямъ вверхъ страны.“ Изъ намековъ другихъ газетъ можно догадываться о кое-чемъ поболѣе. Самый Пешаверь не безопасно оставлять безъ сильнаго британскаго отряда, такъ какъ половина населенія въ немъ Афганцы, которые пожалуй готовы будутъ попытаться захватить этотъ фортъ, нѣкогда принадлежавшій Афганистану. Затѣмъ, и относительно дисциплины туземныхъ войскъ, по видимому, имѣются нѣкоторыя сомнѣнія. Изъ всего видно что Афганская затѣя дѣло не легкое, которое такъ неблагоприятно навязалъ Англія ея расхоронившійся премьеръ для поддержанія *престижа*.

Однако не видно еще чтобъ этотъ слишкомъ предприимчивый лордъ Беконсфильдъ былъ готовъ отказаться отъ начатаго дѣла и оставить въ покоѣ эмира, какъ совѣтовалъ бывший вице-король Индіи, лордъ Лоренсъ. Англійская печать все еще продолжаетъ говорить свысока о необходимости наказать эмира. „Положеніе въ которомъ мы уже находимся,“ говоритъ *Times*, „таково что отступать нельзя. Намъ было нанесено открытое оскорбленіе. Мы обратили на это вниманіе всего свѣта. Мы выразили нашу досаду на это. Мы возвѣстили о нашемъ намѣреніи наказать за это. Мы придвинули наши войска къ самымъ воротамъ Афганистана. И теперь намъ говорятъ что надо отвести войска назадъ, сложить оружіе и признаться что мы во

всемъ этомъ дѣлѣ были неправы. Можетъ-быть это и здравый совѣтъ, но трудно принять его.“ Этотъ негодующій возгласъ является отвѣтомъ на помѣщенное въ томъ же номерѣ газеты письмо лорда Грея, который, вполне раздѣляя мнѣніе лорда Лоренса, весьма обстоятельно доказываетъ что война противъ Афганскаго эмира была бы не только неблагоприятна, но и несправедлива. Это интересное письмо мы помѣщаемъ ниже, и наши читатели могутъ сами судить о силѣ аргументовъ приводимыхъ лордомъ Греемъ. Мнѣніе его раздѣляетъ и членъ парламента г. Тревелианъ, также напечатавшій въ *Times* письмо противъ Афганской войны.

Мы уже имѣли случай разъяснять что намѣренія Англичанъ относительно Афганистана не могли быть вызваны только появленіемъ русскаго посольства при дворѣ эмира, а связаны съ давно задуманнымъ планомъ, къ исполненію коего уже два года назадъ была сдѣлана попытка при неудавшихся тогда переговорахъ съ эмиромъ. Планъ этотъ явно враждебенъ намъ, явно направленъ противъ насъ. Утвержденіе Англичанъ въ Афганистанѣ не можетъ не отзываться зломъ на нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ, благодаря смутамъ которыя по своей непримиримой злобѣ къ намъ Англія будетъ тамъ сѣять своими интригами. Мы знаемъ что она еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда мы не вступали въ степи Средней Азіи, засылала своихъ агентовъ Стоддарта и Конноли въ Бухару и Абботта въ Хиву съ завѣдомо враждебными намъ цѣлями. Но населенія Средней Азіи гораздо менѣе довѣряютъ Англичанамъ чѣмъ намъ. Англійскіе агенты въ Бухарѣ были умерщвлены, а Абботъ изъ Хивы спасся отъ той же участи бѣгствомъ въ предѣлы Россіи. И въ Афганистанѣ въ то время Англичане потерпѣли бѣдственное фіаско. Теперь ихъ новый замыселъ въ томъ же направленіи, какъ по всему видно, встрѣчаетъ также разныя неожиданныя затрудненія. Но они не легко отъ своего замысла откажутся, и, что всего удивительнѣе, по видимому разчитываютъ на нашу помощь. Первый задоръ англійской печати противъ Россіи по поводу русскаго посольства въ Кабулъ уже прошелъ. Угрозы расточать неумѣстно когда самимъ приходится трудно. Не лучше ли попробовать взять насъ въ руки и побудить дѣйствовать въ пользу Англіи и противъ себя?

По поводу толковъ и замѣчаній русской печати объ Афганскихъ дѣлахъ и о томъ что Россія не можетъ оставаться равнодушною къ захвату Афганистана Англіей и должна будетъ принять свои мѣры, газета *Times* нашла нужнымъ преподать Россіи полезный совѣтъ.

„Совершенно вѣрно,“ разсуждаетъ она, „что мы не имѣемъ никакого повода къ ссорѣ съ Россіей, и намъ было бы недостойно жаловаться на то что ей удалось привлечь къ себѣ вниманіе невѣжественнаго азіятскаго государя. Но точно также и она не будетъ имѣть основанія жаловаться ни на какія послѣдствія отъ безразсудства эмира. Его русскіе друзья не могутъ оказать ему лучше услуги какъ дать ему понять что его участь въ его собственныхъ рукахъ.“ Далѣе *Times* хочетъ насъ убѣдить что это послужитъ и къ нашей выгодѣ. Англія вовсе не стремится придвинуть свои границы къ русскимъ, и если это случится, то будетъ де вовсе не къ выгодѣ Россіи, которая, будучи удалена громадными разстояніями отъ своей базы, „не въ состояніи справиться съ врагомъ болѣе грознымъ чѣмъ злосчастныя слабыя ханства, которыя валяются какъ карточные домики подъ напоромъ немногихъ дисциплинованныхъ полковъ... А потому можетъ-быть эти соображенія со временемъ и побудятъ Россію дать добрый совѣтъ эмиру, который въ настоящее время долженъ стать жертвой дурнаго совѣта.“

О томъ что выгодно и что невыгодно для Россіи, полагаемъ, мы можемъ разсудить сами, безъ дружескаго участія лондонской газеты. Впрочемъ, и изъ ея же словъ видно какъ не кстати намъ было бы слѣдовать ея внушеніямъ. Если намъ въ самомъ дѣлѣ невыгодно приближеніе Англичанъ къ нашимъ границамъ, то зачѣмъ же намъ хлопотать о томъ чтобъ Англія утвердилась въ Афганистанѣ? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, всячески желать чтобъ именно это не совершилось? Всякое затрудненіе Англіи въ этомъ направленіи, напротивъ, должно быть намъ на руку...

Развѣ Англія добрымъ совѣтомъ воздержала султана, ставшаго жертвой ея дурныхъ совѣтовъ? Не она ли, напротивъ, поощряла Порту къ сопротивленію нашимъ требованіямъ, которыхъ справедливость признана была всѣми, и сдѣлала неизбѣжною войну, которой мы вовсе не желали? Не она ли какъ предъ этою войною,

такъ и во время ея, и послѣ, при заключеніи мира, съ неистощимою злобой старалась вредить намъ? Не заключила ли она конвенцію съ султаномъ чтобы сторожить насъ въ Малой Азіи? Не взводили ли ея консулы отвратительныхъ и безсмысленныхъ клеветъ на русскую армію? Да и не затѣмъ ли она рвется въ Афганистанъ чтобъ и тутъ всячески вредить намъ?

Англія въ Турціи противится всякому освобожденію христіанъ отъ мусульманскаго владычества подъ возмутительнымъ предлогомъ что это вредитъ ея интересамъ. Но въ Средней Азіи она стремится покорить независимое мусульманское государство подъ предлогомъ возмездія за оскорбленіе которое она сама же умышленно вызвала.

Мы потому не могли не обратить вниманія на замѣчанія *Times* что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ статьи этой газеты предваряютъ или сопровождаютъ дипломатическое дѣйствіе Англіи. Мы знаемъ что Англія уже обращалась къ нашему правительству по поводу отправления русской миссии въ Кабулъ. Какого рода было это представленіе и какой на него послѣдовалъ отвѣтъ, неизвѣстно. Но мы по опыту знаемъ какъ по мѣрѣ нашей уступчивости растетъ назойливость англійской дипломатіи, и очень не мудрено что льстивые доводы, излагаемые въ *Times*, нашли себѣ мѣсто и въ дипломатическихъ депешахъ. О, какъ было бы хорошо, и полезно, и достойно, разомъ прекратить эту докучную и оскорбительную надъ нашими дѣйствіями опеку, отклонивъ всякаго рода объясненія съ Англіей по дѣламъ Средней Азіи объявивъ ей что мы желаемъ сохранять полную свободу дѣйствій!

№ 252.

Москва, 5-го октября.

А.

Исторія появленія послѣдней турецкой ноты остается до сихъ поръ нѣсколько туманною. Въ Австріи, гдѣ графъ Андраши такъ долго ублакивалъ публику заключеніемъ австро-турецкой конвенціи и изошрялся въ дипломатическихъ тонкостяхъ съ Каратеодори-пашой, нота Порты была повидимому сюрпризомъ, и въ существо-

ваніе ея первоначально не хотѣли вѣрить, хотя оказывается что она была разослана за нѣсколько часовъ до прощальнаго визита Каратеодори къ графу Андраши, и заключаетъ въ себѣ тѣ же самые мотивы которыми турецкій уполномоченный объяснялъ перерывъ переговоровъ о конвенціи. Австрійская офиціозная печать, именно *Политическая Корреспонденція*, поспѣшила дать съ своей стороны объясненіе новому шагу Порты. По ея мнѣнію, онъ находится въ прямой связи съ послѣдними происшествіями въ Венгріи, и будто бы турецкая нота имѣла своею спеціальною цѣлью дать венгерской оппозиціи новую опору въ ея агитаціи противъ занятія Босніи.

Въ настоящую минуту мы только и читаемъ что о „негодованіи“ возбужденномъ турецкою нотой. Негодуютъ державы (замѣтьте, не исключая даже Англіи!), негодуютъ газеты, и все потому что „человѣколюбивую“ австрійскую армію осмѣлились заподозрить въ жестокостяхъ и насиліи. Но Porta часто прибѣгала къ завѣдомо ложнымъ обвиненіямъ подобнаго рода, хотя бы по отношенію къ русской арміи. Тогда такіе фокусы ея имѣли успѣхъ и поощрялись не въ одной Англіи, но и въ Австріи. Porta пользуется теперь уже испытаннымъ средствомъ. Но преувеличенное негодованіе подозрительно въ другомъ смыслѣ. Конечно австрійскіе солдаты не совершали злодѣйствъ какія описывать не поднимается рука, какъ то утверждаетъ турецкая нота. Во всякомъ случаѣ нѣтъ объ этомъ никакихъ свидѣтельствъ, такъ какъ все совершавшееся въ Босніи во время занятія было укрыто недопущеніемъ постороннихъ свидѣтелей, и корреспонденты не только противнаго, но и своего лагеря, были заботливо устранены. Но есть другаго рода факты, которыхъ и не скрывало Австрійское правительство. Босняки вздумавшіе воспротивиться австрійскимъ войскамъ были заранѣе объявлены мятежниками какъ будто они были подданные императора Австрійскаго, соотвѣтственно чему они очутились виѣ международного права и, надо сознаться, безъ пощады разстрѣливались Австрійцами. Беремъ одинъ изъ весьма благоприятныхъ для Австрійцевъ отзывовъ въ этомъ отношеніи: газета *Times* принуждена сознаться что „австрійскіе генералы забывали иногда долгъ рыцарства прису-

щій современному способу веденія войны.“ А между тѣмъ, въ глазахъ Босняковъ такіа разстрѣливанья, хотя бы и въ присутствіи австрійскихъ воиновъ юристовъ, не могли казаться ничѣмъ другимъ какъ „злодѣйствами“. Именно на это возбужденіе мусульманъ и указывалъ Каратеодори, объясняя почему Porta не можетъ теперь заключить конвенцію съ Австріей.

Передаваемый намъ сегодня по телеграфу отвѣтъ графа Андраши на турецкую ноту посвященъ преимущественно оправданіямъ Австрійской арміи въ жестокостяхъ; но страннымъ образомъ онъ обходитъ молчаніемъ суть турецкой депеши, именно обращеніе къ державамъ чтобъ онѣ подѣйствовали на Австрійскій кабинетъ для „запрещенія дальнѣйшаго движенія австрійскихъ войскъ,“ какъ выражается Porta.

Заведя рѣчь о послѣдней дипломатической дуэли между Австріей и Портой, кста-ти упомянуть куріозъ, который сочинили австро-венгерскія газеты. По ихъ мнѣнію, во всей этой исторіи оказываются виноватыми ни Австрія, ни Porta, а все та же Россія. Это она де подучила Турцію устроить для Австріи новое затрудненіе. Такую остроумную догадку ставить себѣ въ особенную заслугу *Пештскій Ллойдъ* и съ гордостью возглашаетъ: „съ тѣхъ поръ (то-есть когда *Пештскій Ллойдъ* открылъ эту Америку) почти всѣ вѣнскія газеты подтвердили нашу догадку, а послѣдняя лондонская телеграмма показываетъ что и *Times*, понимающій кое-что въ такихъ вещахъ и не дурно информированный, приписываетъ отклоненіе конвенціи съ Турціей русскому вліянію.“ Въ Россіи, конечно, посмѣются надъ такими глубокомысленными соображеніями, но намъ не было смѣшно читать въ *Пештскомъ Ллойдѣ* такіе совѣты: „мы по истинѣ не понимаемъ что думаетъ дѣлать графъ Андраши съ этою сволочью (Боснійскими выходцами въ Австріи), и почему при вступленіи въ Боснію онъ не заставилъ идти сотни по двѣ этихъ бѣглецовъ во главѣ каждого отряда. Это заставило бы, можетъ-быть, гг. Босняковъ не стрѣлять, и занятіе страны совершилось бы мирно, если же нѣтъ, то и то не великъ былъ бы убытокъ, во всякомъ случаѣ боснійскія пули положили бы меньше нашихъ солдатъ, теперь же мы по прежнему должны кормить 200,000 воровъ.“ Эти строки

близкаго къ графу Андрани органа бросаютъ яркій свѣтъ на австрійскую оккупацию, и въ особенностъ характерны въ сопоставленіи съ собственными его словами что онъ „поднять знамя не для освобожденія христіанъ.“

Б.

Въ то время когда силою обстоятельствъ распространялось наше владычество въ Средней Азій, то-есть въ концѣ шестидесятихъ и началѣ семидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія, на западной границѣ Китайской имперіи возникли серіозныя замѣшательства среди ея мусульманскихъ подданныхъ. Замѣшательства эти приобрѣли особое значеніе благодаря энергій Якубъ-Бека, который основалъ новое государство изъ отлагавшихся областей и тѣмъ поддержалъ мусульманское броженіе по всей Китайской границѣ. Къ сѣверу отъ Камгара возникло потомъ еще другое независимое владѣніе подъ верховенствомъ султана Абиля-Огла и союзъ дунганскихъ городовъ въ Дзюнгаріи. Подобныя смуты въ областяхъ смежныхъ съ только что завоеваннымъ краемъ грозили и намъ серіозными затрудненіями; поэтому съ нашей стороны было предложено, въ помощь Китайскому правительству, временно занять Кульджу съ цѣлью прекращенія возникшихъ безпорядковъ, которые къ тому же сопровождались безчеловѣчнымъ взаимнымъ истребленіемъ. Но Китайское правительство уклонилось отъ нашего предложенія, и мы уже на свой страхъ должны были привести въ исполненіе мѣру необходимую для собственной безопасности. Въ 1871 году русскія войска, подъ начальствомъ генерала Колпаковского, заняли Кульджу и районъ верхняго теченія Или. Съ тѣхъ поръ Китайское правительство вело безостановочную войну съ отложившимися областями, и только въ прошломъ году оно окончательно достигло цѣли разрушивъ государство Якубъ-Бека и вновь подчинивъ себѣ своихъ бывшихъ подданныхъ. Разъ отказавшись отъ русской помощи, казалось бы Китайское правительство тѣмъ самымъ отrekлось и отъ выгодъ которыя могли бы для него послѣдовать отъ предложеннаго союза. Что же оказывается? Забывая что занятіе Кульджи произошло уже не мирнымъ путемъ, а посредствомъ завоеванія,

забывая что въ теченіе восьми лѣтъ обладаніе Кульджей обошлось Россіи не дешево, Китайцы съ восточною наивностью прикидываются не понимающими смысла совершившихся событій и просятъ или требуютъ возвратить имъ Кульджу. Объяснить это трудно не допустивъ вліянія Англичанъ, заинтересованныхъ въ Кульджинскомъ вопросѣ. Извѣстно что въ послѣдніе годы развитіе англійской торговли въ Китаѣ достигло размѣровъ громаднѣхъ, составляя около 75 и 80 процентовъ всѣхъ ея оборотовъ. Такое положеніе Англичанъ на Китайскомъ торговомъ рынкѣ вредно отозвалось на нашей отпускной торговлѣ, и транзитный путь на Кяхту, въ виду многихъ географическихъ и другихъ причинъ, почти заглохъ. Обладаніе Кульджей, болѣе выдвинутой къ центральнымъ областямъ Китайской имперіи, подаетъ основательную надежду, хотя бы со временемъ, возвратить утраченный нами рынокъ, а это конечно не мало тревожитъ предусмотрительныхъ торговцевъ опія.

Недавно, выборные Кульджинскаго населенія подали генералъ-губернатору адресъ вызванный слухами объ уступкѣ Кульджи Китаю, и вотъ что сказано между прочимъ въ этомъ адресѣ: „Среди населенія, удостоившаго насъ своимъ избраніемъ, разнесся тревожный слухъ о томъ что край нашъ въ скоромъ времени будто бы будетъ уступленъ Китайцамъ. Слухъ этотъ растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ, и все населеніе поголовно какъ одинъ человѣкъ проникнуто тупымъ ужасомъ и возбужденіемъ...“

Кстати: Въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* помѣщенъ разказъ извѣстнаго инока Пароснія, бросающій свѣтъ на этотъ мало извѣстный вопросъ. Занесенный судьбою въ Томскъ, отецъ Паросній познакомился съ однимъ русскимъ торговцемъ не разъ прошедшимъ Киргизскую степь и проникавшимъ въ самую Кульджу, гдѣ ему совершенно неожиданно пришлось встрѣтиться со значительнымъ населеніемъ *Русскихъ*, потомковъ казаковъ захваченныхъ Китайцами при покореніи Албазина въ 1647 году. Эти Русскіе несмотря на двухсотлѣтнее пребываніе среди Китайцевъ, лишеныя всякаго общенія съ родиною, сохранили однако свои преданія и умѣли доказать свое происхожденіе чтеніемъ православныхъ молитвъ и крестнымъ знаменіемъ. Появленіе Русскаго произве-

ло на нихъ сильное впечатлѣніе; цѣлою колоніею выходили они къ нему на встрѣчу и умоляли довести до свѣдѣнія Русскаго правительства о ихъ горестной участи. Когда со словъ торговца, отецъ Пароеній сообщилъ объ этомъ неожиданномъ обстоятельстве покойному митрополиту Филарету, а послѣдній въ 1862 году донесъ о слышанномъ Правительствующему Синоду, то по повелѣнію Императора Николая отряды Оренбургскаго казачьяго войска были высланы къ Китайской границѣ. Появленіе русскаго войска возбудило всеобщую радость и облегчило занятіе Кульджи, но когда правительство, продолжаетъ отецъ Пароеній, —

„нашло невыгоднымъ держать эту страну въ своемъ владѣніи и дало знать кульджинскому губернатору чтобъ онъ извѣстилъ тамошнихъ жителей что если кто желаетъ изъ нихъ въ Россію, то чтобы теперь же выѣзжали со всеѣмъ имуществомъ потому что Кульджа поступить со всею страной къ Китаю, то весь народъ пришелъ въ страшное движеніе. Не говоря объ Албазинцахъ, Китайцы, Киргизы, Кашгарцы, Индійцы, все стали собираться большими партіями со скотомъ и со всеѣмъ имуществомъ, все устремились въ Россію, въ Семирѣченскую область, тамъ водворялись особыми выселками, принимая крещеніе, русскій языкъ, русскую одежду, и поступали въ казаки.“

Опасаться войны съ Китайцами за Кульджу было бы странно, хотя найдутся голоса готовые пугать насъ даже и такими призраками. Вспомнимъ долгій періодъ опасеній графа Нессельроде по поводу присоединеній при-Амурскаго и при-Уссурийскаго края, страхъ его предъ смѣлою выходкою капитана Невельскаго водрузившаго русскій флагъ у устья Амура, требованіе предать его суду за самовольный поступокъ и рѣшеніе покойнаго императора Николая, сказавшаго: „разъ поднятый русскій флагъ уже не спускается.“

№ 253.

Москва, 6-го октября.

Второе чтеніе законопроекта о социалистахъ въ Германскомъ рейхстагѣ окончено въ среду, 16 октября, и сегодня, въ пятницу, назначено третье и послѣднее

чтеніе. Обыкновенно, по парламентскимъ обычаямъ и практикѣ, третье чтеніе бываетъ чистою формальностью: второе чтеніе рѣшаетъ судьбу законопроекта, причемъ исчерпываются все существенныя пререканія. Въ данномъ случаѣ, однако, дѣло уклонилось отъ обычнаго хода. Несмотря на примирительный духъ неожиданно внесенный княземъ Бисмаркомъ въ обсужденіе этого важнаго закона, несмотря на то что правительство не настаиваетъ на пунктахъ разногласія, законъ еще далеко не вышелъ готовымъ изъ втораго чтенія. Тѣ три пункта о которыхъ была рѣчь до начала втораго чтенія разрѣшены въ смыслѣ постановленій коммисіи. Но возникъ новый споръ, и этотъ споръ предстоитъ разрѣшить въ третьемъ чтеніи.

Для оцѣнки всего хода дѣла, о коемъ мы еще не имѣемъ пока всеѣхъ подробныхъ отчетовъ, а также для разумѣнія дальнѣйшихъ свѣдѣній которыя будетъ приносить телеграфъ о преніяхъ имѣющихъ начаться сегодня, мы считаемъ не лишнимъ ориентировать нашихъ читателей и представить имъ общій очеркъ результатовъ добытыхъ вторымъ чтеніемъ.

Пренія о первомъ параграфѣ закона, содержаніе коихъ уже сообщены нами *in extenso*, привели къ тому что эта основная статья всего закона, опредѣляющая признаки пропаганды подлежащей преслѣдованію, принята въ редакціи коммисіи, и признакомъ поставлено направленіе къ „ниспроверженію“ порядка, а не къ „подкопу“ подъ оный, какъ желало правительство. Сверхъ того, къ первому параграфу сдѣлано добавленіе коимъ выгораживаются изъ дѣйствій закона рабочія ассоціаціи основанныя по системѣ Шульце-Делича. Добавленіе это имѣетъ тотъ смыслъ что ассоціація этого рода, даже въ томъ случаѣ еслибы члены ея поддались вліянію социалистской пропаганды, не можетъ быть закрыта или взята подъ надзоръ административною властью. Закрытіе въ этомъ случаѣ можетъ послѣдовать лишь ординарнымъ путемъ, по приговору суда. Добавленіе это принято вслѣдствіе рѣчи самого престарѣлаго Шульце-Делича, который выступилъ защитникомъ созданныхъ имъ рабочихъ ассоціацій. Замѣчательно что предложеніе Шульце-Делича (причисляющаго себя къ партіи прогрессистовъ) было энергически поддержано г. Дельбрюкомъ, бывшимъ председателемъ имперскаго канцлер-

ства и Союзнаго Совѣта, который при этомъ случаѣ въ первый разъ выступилъ въ рейхстагѣ въ качествѣ простаго депутата. Мотивъ указаннаго изъятія заключался въ томъ что рабочія ассоціаціи по системѣ Шульде-Делича составляютъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ противодѣйствій противъ соціальной пропаганды, и потому съ ними должно обходиться бережно.

Затѣмъ приняты (тоже въ редакціи комиссіи) параграфы 2, 3, 4 и 5, въ коихъ рѣчь идетъ о порядкѣ закрытія противозаконныхъ сообществъ, а также о народныхъ собраніяхъ и способѣ ихъ распушенія когда они уже открыты, или запрещенія когда они только возвѣщены. Партія прогрессистовъ, въ лицѣ гг. Брюля и Генеля, пыталась установить изъятіе въ пользу избирательныхъ собраній въ періодъ выборовъ въ ландтаги и въ рейхстагъ, мотивируя это предложеніе необходимостью оградить отъ произвола власти свободу избранія народныхъ представителей. Но поправка эта была отвергнута, несмотря на то что правительство подтвердило что оно намѣрено пользоваться новымъ закономъ и не допускать повторенія той усиленной пропаганды которую производятъ соціалъ-демократы подъ предлогомъ избирательной агитаціи въ пользу своихъ кандидатовъ.

Пререканіе не пришедшее пока ни къ какому соглашенію возникло по поводу § 6, трактующаго о произведеніяхъ печати. Комиссія, какъ мы уже сообщали, внесла въ этотъ параграфъ то существенное измѣненіе что періодическія изданія, въ коихъ обнаружены соціалистскія тенденціи, не могутъ быть сразу прекращаемы распоряженіемъ административной власти, а что запрещенію можетъ быть подвергнуто лишь такое изданіе коего отдѣльный выпускъ уже былъ одинъ разъ задержанъ. Это своего рода система предостереженій. Она мотивирована тѣмъ что большинство комиссіи не желало предоставить исполнительной власти возможность сразу прекратить всѣ нынѣ выходящіе въ Германіи соціалистскіе органы. Графъ Эйленбургъ подтвердилъ въ рейхстагѣ что таково именно намѣреніе правительства, ибо оно вовсе не надѣется чтобы журнальные агитаторы измѣнили характеръ своей дѣятельности, а система предостереженій приведетъ лишь къ тому что публицисты этой партіи научатся говорить обиняками съ прозрачными наме-

ками, которые дѣйствуютъ не менѣе если не болѣе вредно чѣмъ открытая рѣчь, ибо привычные читатели очень скоро научаются читать между строками. Со стороны консервативовъ (которые и въ комиссіи высказались противъ системы предостереженій) внесена была поправка устраняющая эту систему и восстанавливающая первоначальную редакцію пятого параграфа. Но большинство рейхстага, образовавшееся на этотъ разъ изъ всѣхъ оппозиціонныхъ партій съ присоединеніемъ къ нимъ національ-либераловъ, отвергло поправку консервативовъ. Тогда послѣдніе, въ свою очередь, присоединились къ оппозиціоннымъ партіямъ (прогрессистамъ и центру) и отвергли шестой параграфъ въ редакціи комиссіи. Такимъ образомъ, вопросъ о способахъ противодѣйствія соціалистской пропагандѣ путемъ печати остался открытымъ и долженъ быть разрѣшенъ лишь при третьемъ чтеніи. Изъ преній исключены какъ этотъ, такъ и слѣдующіе за нимъ §§ 7, 8, 9 и 10, служащіе дальнѣйшимъ развитіемъ мѣръ предположенныхъ противъ печати. Трудно ожидать чтобы національ-либералы отступились отъ своего взгляда и при третьемъ чтеніи. Если консервативы будутъ настаивать на своемъ, національ-либераламъ придется вступить въ какое-либо соглашеніе съ прогрессистами и побудить ихъ отступить въ этомъ случаѣ отъ общей оппозиціи противъ закона и подать голосъ за эту часть сго въ томъ видѣ какъ она формулована комиссіей. Въ противномъ случаѣ опасность грозитъ всему законопроекту, если только правительство въ свою очередь не побудитъ консервативовъ подать голосъ за тотъ порядокъ который проектировала комиссія. Третье чтеніе такимъ образомъ обѣщаетъ быть интереснымъ.

Остальные параграфы (отъ 11 до 22) приняты съ тѣми измѣненіями которыя внесла комиссія. Изъ нихъ особенно важны 19, объ организаціи ревизіонной инстанціи изъ четырехъ членовъ Союзнаго Совѣта и пяти судей, причемъ для законнаго состава большинство должно всегда состоять изъ судей, и послѣдній, 22-й, опредѣляющій срокомъ дѣйствія закона 31 марта 1881 года.

По этимъ двумъ пунктамъ правительство хранило молчаніе во время преній.

№ 254.

Москва, 7-го октября.

Большую важность имѣетъ извѣстіе сообщаемое начальникомъ Закаспійскаго военного отдѣла, генераль-майоромъ Ломакинымъ; о прорывѣ Аму-Дарьи въ старое русло близъ бывшаго укрѣпленія Бендъ. Сама судьба возвращаетъ насъ къ покинутой зачатъ изслѣдовать въ точности первоначальное теченіе Аму-Дарьи. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ когда принялись изучать юго-западную часть средне азіатскихъ степей, самое предположеніе о существованіи древняго русла подвергалось большому сомнѣнію. Первые ученые экспедиціи направленные изъ Каспійскаго района принесли къ результатамъ почти что отрицательнымъ, и потребовалось не мало усилій и настойчивыхъ трудовъ для разъясненія вопроса.

Дѣйствительно, если по настоящее время еще не опредѣлена окончательно причина уклонившая Аму-Дарью отъ Каспія къ Аральскому озеру, то съ достаточною подробностью изучено прежнее ложе великой рѣки, и теперь на всѣхъ географическихъ картахъ непремѣнно обозначается направленіе Узбою.

Мало того: рядъ ученыхъ экспедицій подробно прослѣдилъ особенности прежняго русла по частямъ. Если подыматься вверхъ по прекратившемуся теченію рѣки, отъ Красноводскаго залива къ Хивинскому оазису, то прежде всего встрѣчается вполне изслѣдованное пространство съ сохранившимся русломъ до колодцевъ Игды, на протяженіи 281 версты, при паденіи въ сторону Каспійскаго моря въ 191 футъ. Отъ колодцевъ Игды до колодцевъ Чарышлы, на протяженіи около 100 верстъ, находятся тѣ же ясные слѣды существовавшего русла. Далѣе отъ Чарышлы до Сара-Камышскихъ озеръ, на протяженіи около 50 верстъ, мѣстность не изслѣдована съ достаточною подробностью, хотя дознано что здѣсь слѣды русла занесеннаго пескомъ мѣстами исчезаютъ. Далѣе, отъ Сара-Камыша до настоящаго теченія Аму-Дарьи дѣло вполне ясно: здѣсь время отъ времени рѣка пробиваетъ искусственныя преграды и врывается въ старое ложе. Нынѣ повторилось это явленіе, которое открываетъ возможность изъ области предположеній перейти въ дѣйствительность.

Изъ краткой телеграммы генерала Ломакина видно что и на этотъ разъ Аму-Дарья, прорвавъ плотину у крѣпости Бендъ, чрезъ высохшій каналъ Лауданъ и Кошъ-бергъ, не только прошла по Узбою до Саракамышскихъ озеръ, а также смежныхъ солончаковъ Казъ-Пуляръ, но что *движеніе воды по Узбою происходитъ съ немаловажною силой, сломившею плотины Ушакъ и Салыкъ Бендовъ, и продолжается безпрепятственно.*

Такимъ образомъ, на этотъ разъ по крайней мѣрѣ представляется полная возможность разыскать причины имѣвшія своимъ послѣдствіемъ перенесеніе центра тяжести среднеазіатской осѣдлости и цивилизации изъ предѣловъ близкихъ къ нашимъ владѣніямъ въ край разобщенный съ нами голодною степью.

Прорывъ Аму-Дарьи къ Саракамышу не есть что-либо небывалое. Въ наше столѣтіе онъ уже повторялся нѣсколько разъ, но благодаря энергическимъ усиліямъ Хивинцевъ, мастеровъ въ дѣлѣ запруды, никогда не могъ достигнуть полного развитія. Вновь сдавленная преградами у верховьевъ Лаудана, Аму-Дарья послушно принимала направленіе искусственно данное ей Хивинскими усиліями, а скопившаяся по Узбою вода, высохшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, образовала тѣ солончаки которые снова теперь наполнились живою водою. Развалины значительныхъ городовъ къ западу отъ теченія Аму-Дарьи свидѣтельствуютъ что еще въ сравнительно недавнемъ прошломъ дѣло было иначе. Въ 1873 году, во время пребыванія нашихъ войскъ въ Хивѣ, подполковникъ Скобелевъ 2-й, нынѣ генераль-адъютантъ, производя рекогносцировку отъ Хивы чрезъ Кара-Кумъ къ Ортакую, третьимъ изъ Европейцевъ посѣтилъ развалины Шахъ-Сенема лежація около двухсотъ верстъ къ юго-западу отъ Мангыта, въ безводной степи, гдѣ невозможно человѣческое существованіе. Излагая свои наблюденія и открытія подполковникъ Скобелевъ, между прочимъ, говорилъ: „Шахъ-Сенемъ нѣсколько болѣе Змукшира и расположенъ посреди глинистой равнины; отъ крѣпости верстахъ въ 5—6 уцѣлѣли зданія довольно изящной восточной архитектуры. Многочисленные водопроводные каналы по всѣмъ направленіямъ изрѣзываютъ окрестности Шахъ-Сенема на значительное разстояніе и напоминаютъ путники что въ этой

грустной пустыни когда-то кипѣла жизнь. Самый большой водопроводный каналъ тянется по направленію на юго-западъ, параллельно и влѣво отъ дороги, и т. д.“ Стало-быть, причина уклонившая теченіе рѣки явилась сравнительно недавно, и если она не была въ зависимости отъ силъ природы, а представляетъ лишь торжество человѣческаго терпѣнія, то нѣтъ никакой причины чтобы современная техника не овладѣла въ свою очередь Аму-Дарьей уже привыкшею къ повиновенію. Но если направленіе жизненной артеріи средне-азіатскихъ степей измѣнилось вслѣдствіе какого-либо переворота, то теперь всего удобнѣе изучить въ подробностяхъ возникшую преграду. Ученая экспедиція направленная немедленно къ Сара-Камышскимъ озерамъ можетъ безошибочно отвѣтить на вопросъ имѣющій значеніе всемірное. Богъ вѣсть, быть можетъ та преграда о которой идетъ рѣчь уступить могущественной технике нашего времени, и нѣсколькихъ зарядовъ динамита окажется достаточнымъ чтобы измѣнить политическое положеніе въ двухъ частяхъ свѣта. Послѣднія десятилѣтія представляютъ разительные примѣры торжества человѣческаго генія; въ настоящемъ же случаѣ на основаніи существующихъ данныхъ, нѣтъ причинъ предполагать что-либо выходящее изъ предѣловъ достижимаго...

№ 256.

Москва, 9-го октября.

Вакаціи англійскихъ министровъ приближаются къ концу, и одинъ изъ нихъ, канцлеръ казначейства, уже произнесъ вчера рѣчь въ Бэрмингемѣ на многочисленномъ митингѣ. Въ этомъ первомъ министерскомъ заявленіи со времени закрытія парламента, когда всеобщимъ тономъ было ликование по поводу результатовъ достигнутыхъ Берлинскимъ конгрессомъ, естественно было ожидать отголосокъ разнообразныхъ затрудненій усложнившихъ положеніе дѣлъ въ этотъ недолгій промежутокъ времени. Ни для кого не тайна что дѣла въ Турціи, наперекоръ берлинскимъ планамъ, идутъ далеко не гладко, и мы читали сътованія на это въ самихъ же англійскихъ газетахъ. Но сэръ-Стафордъ Норткотъ не хочетъ знать затрудненій. Онъ увѣрялъ

своихъ слушателей что постановленія Берлинскаго трактата всѣ исполнены удовлетворительно, за исключеніемъ лишь относящихся къ Черногоріи. Интересно сравнить столь положительное заявленіе съ прочтенною въ тотъ же самый день тронною рѣчью императора-короля Франца-Иосифа при открытіи Венгерскаго сейма, въ которой выражено сожалѣніе что принятое Австріей порученіе относительно Боснии и Герцеговины не могло быть исполнено мирнымъ образомъ. Чья бы то ни была вина что обѣ стороны не уговорились, какъ слѣдовало по плану Берлинскаго конгресса, произошло ли это отъ излишней торопливости Австріи или отъ медлительности Порты, но только конвенція между ними, о скоромъ заключеніи коей такъ часто возвѣщалось, еще далека отъ осуществленія. Не возможно отрицать что нынѣшнія отношенія между Австріей и Портой создаютъ совершенно новыя обстоятельства, не предусмотрѣнныя конгрессомъ, которыя должны еще болѣе усложниться когда Австрія, приостановившая развитіе своихъ операцій, захочетъ захватить и Новый Базаръ. Англійскій министръ еще равнодушнѣе смотритъ на неисполненіе постановленій конгресса объ исправленіи границъ Греціи, можетъ-быть потому что онъ вовсе и не считаетъ ихъ обязательными. Но Греція, какъ извѣстно, смотритъ совсемъ иначе на дѣло, и считаетъ себя въ правѣ требовать того что, по ея мнѣнію, присуждено ей общимъ рѣшеніемъ державъ. Вотъ, слѣдовательно, въ добавокъ къ неисполненнымъ условіямъ относительно Черногоріи, два немаловажныхъ обстоятельства. А потому не слишкомъ ли рано говорить такъ самоувѣренно объ удовлетворительномъ дѣйствіи постановленій Берлинскаго трактата?

Но все вниманіе Англійскаго правительства направлено въ другую сторону, и вотъ почему надо ему показать, наперекоръ очевидности, что все остальное идетъ какъ нельзя глаже. „Важнымъ моментомъ,“ говоритъ канцлеръ казначейства, „будетъ май 1879 года, когда должно быть довершено очищеніе Русскими Болгаріи.“ Въ словахъ этихъ неволью сказалось опасеніе что пожалуй встрѣтятся обстоятельства которыя замедлятъ это очищеніе. И вотъ, намъ нанередъ уже изрекаютъ угрозу что „европейскія державы не допустятъ устранить это постановленіе трактата,“ и

что „Англія сохранить твердый, осторожный и умѣренный образъ дѣйствій.“

Мы знаемъ что русскія войска на Балканскомъ полуостровѣ какъ бѣльмо на глазу Англичанъ, потому что они мѣшаютъ скорому исполненію ихъ замысловъ. Сэръ-Стафордъ Норткотъ самъ, однако, поучаетъ Россію соблюдать твердость и осторожность и зорко наблюдать за происками Англіи. Въ объясненіе своего безпокойства о своевременномъ прекращеніи русской оккупации, онъ повторяетъ избитую фразу: „великій принципъ Англійскаго правительства есть поддержаніе Турціи.“ Но значеніе этой фразы давно измѣнилось. Прежде Англія поддерживала неприкосновенность Турціи для того чтобы подавлять развитіе христіанскихъ народностей сочувствующихъ Россіи. Что касается этихъ народностей, то она и теперь готова всячески ограничивать и умалять ихъ самостоятельность, но съ отпаденіемъ отъ власти Порты уже столь многихъ областей Англичане понимаютъ что турецкое могущество пало безвозвратно, и сохраненіе Турціи нужно имъ только на время, чтобъ оттереть Россію и обезпечить себѣ наслѣдство. Теперь англійскій министръ даже на словахъ отказывается защищать турецкое зло, но указываетъ что невозможно поставить „никакой другой націи“ на мѣсто Турціи. Указаніе на несостоятельность идеи воспользоваться для этой цѣли Греціей весьма характеристично. Идея эта, помимо мечтаній самихъ Грековъ, была англійскою, и безъ сомнѣнія было бы несправедливо предоставить столь незначительному меньшинству на Балканскомъ полуостровѣ какъ Греки,—Турецкое наслѣдство *in toto*, когда и другія племена, подобно Туркамъ, имѣютъ право на независимое существованіе. Но если Англія рѣшительно устраняетъ даже Грековъ отъ наслѣдства, — Грековъ, которыхъ она готова была немножко поощрять ради ихъ антагонизма съ Славянами, то конечно она еще менѣе расположена дать этимъ послѣднимъ долю участія въ наслѣдствѣ. Нѣтъ, Англія мѣтитъ прибрать это наслѣдство къ своимъ рукамъ, и подѣлиться готова только съ Австріей.

Планы раздѣла обнаруживаются очевидно. Такъ возобновились снова толки о возможности соглашенія Австріи съ Портой, о заключеніи, наконецъ, конвенціи между ними. Но рѣчь идетъ уже не о Босніи и

Герцеговинѣ. Съ ними дѣло покончено, и на нихъ смотрятъ какъ на области завоеванные. Не занятіе и управленіе, а полное присоединеніе ихъ ожидается какъ только покончатся въ самой Австріи внутренніе раздоры по поводу этихъ несчастныхъ провинцій. Англійская печать находила естественнымъ что Австрія превыситъ данное ей полномочіе. Но этого мало; нужно проложить путь далѣе, и потому соглашеніемъ или конвенціей, о копѣхъ идетъ рѣчь, имѣется въ виду обезпечить занятіе Новаго Базара и Митровицы чтобъ и здѣсь не повторилась такая же исторія какъ въ Босніи. Поучительно какъ льстиво для Турокъ разсуждаетъ объ этомъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, человекъ весьма свѣдущій въ австрійской политикѣ. Турція должна де помнить что только благодаря оппозиціи Австріи осталась за нею эта мѣстность, клиномъ вдающаяся между Сербіей и Черногоріей. Но если Австрія добивается права держать тамъ гарнизоны, то вовсе „не изъ безумнаго желанія расширить свои владѣнія до Салоникъ или даже Новаго Базара и Митровицы, а по другой причинѣ.“ Берлинскій трактатъ возвратилъ де Турціи эту узкую полосу земли, но не могъ дать ей силы удержать ее при случайностяхъ которыя могутъ явиться со стороны Болгарин и Восточной Румеліи, а также и со стороны увеличенныхъ Сербин и Черногорин. Никто не можетъ сказать „какія замѣшательства могутъ возникнуть будущей весной,“ а потому Турціи выгоднѣе де уладить это право содержанія Австріей гарнизоновъ, которымъ послѣдняя быть можетъ и не воспользуется если не будетъ надобности, ибо для Австріи нужно только пріобрѣсти увѣренность что распоряженіе Берлинскаго трактата не останется мертвою буквой, но дѣйствительно послужитъ для цѣли къ коей назначалось.“

А на что далѣе мѣтитъ Англія въ турецкомъ наслѣдствѣ? „Порта, говоритъ англійскій министръ, приняла предложенныя Англіей реформы. Правительство надѣется провести важныя улучшенія въ управленіи Малою Азіей и тѣмъ способствовать интересамъ Англіи. Занятіе Кипра требовалось военными причинами, кромѣ того, Англія можетъ оттуда контролировать исполненіе реформъ.“ А какого рода эти реформы? Требованія Англіи на которыя согласилась Порта заключались, говорятъ, въ слѣдующемъ: организація жандармеріи

въ Малой Азіи подь руководствомъ англійскихъ офицеровъ; организація смѣшанныхъ судовъ въ которыхъ будутъ засѣдать и европейскіе судьи, и взиманіе податей смѣшанными комиссіями, большинство въ которыхъ будутъ составлять Англичане. То-есть, другими словами, Англія беретъ прямо въ свои руки все управленіе въ Азіатской Турціи: финансовое, судебное и полицейское; власть же султана, и то подь вліяніемъ Леярда, останется только въ Европѣ, гдѣ Англія заботится снова закрѣпить ей Болгарь. Но и въ Европѣ, вся западная часть до Салоникъ, какъ видимъ, должна отойти подь контроль.

Вотъ этими планами на раздѣлъ наслѣдства и объясняются опасенія событій, могущихъ случиться весной...

Замѣчательно что о затрудненіи въ Афганистанѣ англійскій министръ говорилъ почти въ апологетическомъ тонѣ, и присовокупляетъ что „найдутся люди желающіе отвлечь вниманіе Англіи отъ главной цѣли: справедливаго и полного исполненія Берлинскаго трактата.“ Онъ хочетъ этимъ показать что Афганское затрудненіе было какъ будто диверсіей противъ Англіи, и что диверсія эта не будетъ имѣть успѣха. Но его краткое объясненіе намѣреній Англіи относительно Афганистана несогласно съ тѣмъ что мы знаемъ о нихъ...

№ 257.

Москва, 10-го октября.

А.

„Есть трактаты которые никогда не нарушаются: это тѣ трактаты которые остаются неисполненными.“ Такъ говорилъ одинъ циническій писатель задолго до Берлинскаго конгресса, припоминаетъ англійская газета *Daily News*, и въ подкрѣпленіе этого парадоксальнаго афоризма присовокупляетъ нѣсколько весьма характеристичныхъ замѣчаній о Берлинскомъ трактатѣ: „Трактату этому повидимому угрожаетъ опасность что половина его постановленій будетъ нарушена, а другая забыта. Большая часть державъ занимавшихся его составленіемъ въ настоящее время кажется заняты напоминаніемъ другъ другу что то или другое постановленіе, считавшееся чрезвычайно

„важнымъ, остается мертвою буквой или умышленно обходится. Дипломатическій горизонтъ омраченъ циркулярами, угрозами, упреками и протестами... Съ Берлинскимъ трактатомъ кажется почти повсюду явились хлопоты... Повидимому, ни одно государство принимавшее какое-либо участіе въ обязательствахъ придуманныхъ конгрессомъ не должно остаться безъ наказанія.“

Но тѣмъ страннѣе видѣть въ англійской печати горькія сѣтованія на то что Россія медлитъ исполненіемъ относящихся къ ней частей Берлинскаго договора. „Князь Дундуковъ“ восклицаетъ *Morning Post*, „дѣлаетъ затрудненія европейской комиссіи назначенной для управленія Восточною Румеліей. Генераль Тотлебенъ отводитъ назадъ свои войска на линіи Чекмедже. Чтобы понудить Россію къ исполненію Берлинскаго трактата, видно придется прибѣгнуть къ способу принятому лордомъ Пальмерстономъ для обезпеченія исполненія Парижскаго трактата.“ Способъ принятый Пальмерстономъ? Какой же это? Если *Morning Post* хочетъ сказать что Англія вела войну противъ Россіи, то война была ведена не для обезпеченія Парижскаго трактата, а напротивъ, трактатъ былъ результатомъ войны. Вести же войну для вящаго закрѣпленія трактата только что заключеннаго, это дѣло не бывалое. Да и увѣрена ли отважная газета что трактатъ который послѣдовалъ бы за такою войною оставить неизмѣненными берлинскія условія, выгоды коихъ для Англіи были такъ превознесены ея министрами по возвращеніи съ конгресса?

Но прежде еще чѣмъ уличать Россію въ неисполненіи Берлинскаго трактата надо было бы указать что другія исполнили его. Не въ англійскихъ ли газетахъ читаемъ мы объ анархіи господствующей повсемѣстно въ Турціи? И развѣ между Австріей и Портой, между Греціей и Портой, между Портой и княжествами Сербіей и Черногоріей, не продолжаются до сихъ поръ пререканія объ исполненіи этого пресловутаго трактата?

Обратное движеніе русскихъ войскъ къ только что оставленнымъ ими позиціямъ объясняется бѣгствомъ вслѣдъ за ними христіанскаго населенія отъ обрушившейся на него злобы Турокъ. Русская власть въ Румеліи держится въ силу вооруженнаго занятія страны, и это есть единственный

дѣйствительный авторитетъ въ краѣ. Авторитетъ же европейской комиссіи есть фикція; она не имѣетъ исполнительныхъ органовъ. И возможно ли чтобы русскія какъ военныя, такъ и гражданскія власти, назначаемыя Высочайшею властью, могли быть подчинены велѣніямъ какой-то международной комиссіи состоящей изъ иностранцевъ? Подобнаго подчиненія не было и не могло быть постановлено въ Берлинѣ, и претензія Румелийской комиссіи, главнымъ образомъ ея англійскаго члена, сэръ-Генри Вольфа, взять въ свои руки управление этою провинціей не имѣетъ никакого основанія. Комиссія эта можетъ на досугъ, сколько ей угодно, заниматься планами организаціи: вотъ ея назначеніе, причемъ она сама подчинена контролю по слову въ Константинополѣ.

Теперь Россіи слѣдуетъ быть особенно ревнивою въ поддержаніи своего авторитета въ южной Болгаріи. Мы видимъ что отношенія между Портой и Австріей натянуты; были даже опасенія что дѣло можетъ дойти до войны между ними. Съ Греціей также дѣла у Порты неладны. При этихъ случайностяхъ много ли останется отъ фальшивыхъ предначертаній Берлинскаго трактата? Зачѣмъ же намъ преждевременно, въ угоду враждебнымъ намъ стремленіямъ; ослаблять нашъ авторитетъ на Балканскомъ полуостровѣ, пріобрѣтенный столь дорогою цѣной? Мы знаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло, и самая торопливость съ какою заботятся объ ослабленіи русской силы должна быть подозрительна. Вотъ англійскій флотъ не торопится: въ нарушение всѣхъ трактатовъ и верховныхъ правъ Порты, онъ продолжаетъ себѣ, никого не спрашиваясь, разгуливать въ Мраморномъ Морѣ. Для виду послѣ отступленія русской арміи изъ Санъ-Стефано, англійскій флотъ отошелъ отъ Принцевыхъ острововъ въ заливъ Артаки; но онъ завтра же, если ему разсудится, можетъ опять очутиться у тѣхъ же Принцевыхъ острововъ или въ Измидскомъ заливѣ.

Газета *Times*, болѣе дипломатическая, не прибѣгаетъ къ угрозамъ. Понимая всю неумѣстность угрозъ въ настоящее трудное для Англіи время, она принимаетъ тонъ спокойной увѣренности, и говоритъ такъ: „Обязанность Англіи и другихъ европейскихъ державъ серьезно взяться за возникшее затрудненіе. Удаленіе русскихъ войскъ должно быть достигнуто какими бы

то ни было средствами.“ Обративъ затѣмъ вниманіе на большую стоимость содержанія ихъ для самой Россіи, органъ Лондонскаго Города выражаетъ надежду что „Россія не обнаружитъ нерасположенія уступить давленію какое будетъ сдѣлано на нее другими державами.“ Ясно чего желаетъ англійская дипломатія. Изъ словъ *Times* видно что ей и здѣсь, подобно тому какъ въ Афганистанѣ, хотѣлось бы чтобы Россія сама облегчила исполненіе враждебныхъ ей замысловъ.

Та же газета, впрочемъ, потрудились представить намъ аргументъ въ пользу противнаго мнѣнія. Доказывая почему Берлинскій трактатъ долженъ быть исполненъ въ точности и совѣтуя не унывать въ виду встрѣчающихся затрудненій, она поясняетъ что „соглашеніе достигнутое въ Берлинѣ было лишь намѣчено общими чертами которыя восполнить предоставлялось послѣ,“ и что „задача которою нынѣ занята Европа есть довершеніе несовершенной работы.“ Но если такъ, то почему же намъ заботиться о довершеніи этой работы согласно съ планами и желаніями Англіи?

Б.

Тайна которою сопровождалось формированіе отрядовъ изъ войскъ Туркестанскаго округа для движенія къ границамъ Бухары и далѣе по назначенію скрывала до сихъ поръ подробности этого интереснаго похода. Русскими войсками дѣйствовавшими на далекой окраинѣ вновь обнаруженъ неистощимый запасъ энергіи и терпѣнія которыми было ознаменовано славное движеніе на Хиву.

Корреспонденціи съ мѣста разказываютъ о трудахъ и лишеніяхъ понесенныхъ двигавшимися отрядами и вмѣстѣ объ удивительно бодромъ настроеніи войскъ.

Войска Туркестанскаго отряда нетерпѣливо ожидали своей очереди, мечтали о походѣ на Индію, возможности котораго, какъ пишетъ нашъ корреспондентъ, въ Туркестанѣ никто не оспариваетъ. Наконецъ, въ маѣ получены были приказы о сформированіи отрядовъ, и 1 іюня, главный изъ нихъ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, въ составѣ 52 ротъ; 20 сотенъ казаковъ, 48 орудій и 1 ракетной батареи, двинулся на Ченазъ и далѣе по направленію къ Самарканду и пограничному съ Бухарскими вла-

дѣніями городу Джаму. Помѣщаемыя въ сегодняшнемъ № извлеченія изъ корреспонденціи *Современныхъ Извѣстій* разказываютъ о трудностяхъ трехсотверстнаго перехода, въ которомъ повторились ужасныя условія похода 1873 года, въ безводныхъ пространствахъ, при жарѣ достигавшей 49 градусовъ по Реомюру.

Берлинскій трактатъ остановилъ начатое предпріятіе, которое могло бы нанести сильный ударъ нашему злѣйшему противнику на Востокъ. Поверхностнаго знакомства съ топографіей мѣстности достаточно чтобы видѣть что русскими войсками сразу пройдено было трудное пространство составляющее часть голодной степи. Девятнадцатидневный переходъ однако не надломилъ энергіи отряда, и онъ въ состояніи былъ вынести трехнедѣльную стоянку въ окрестностяхъ Джамы, въ томительномъ бездѣйствіи, на палящемъ зноѣ. Трехнедѣльнаго движенія впередъ было бы конечно достаточно чтобы далѣе черезъ населенныя мѣстности добраться до одного изъ главныхъ путей ведущихъ къ Афганистану, а энергія отряда естественно возрастала бы при поступательномъ движеніи.

Разбирая положеніе отряда по скуднымъ свѣдѣніямъ имѣющимся по настоящее время, можно придти къ заключенію что онъ сдѣлалъ бы свое дѣло еслибы обстоятельства не остановили его на пути. Не многія подробности проникшія въ печать о посольствѣ генерала Столѣтова даютъ основаніе полагать что движеніе по Афганистану не представило бы особыхъ трудностей. Девять горныхъ переваловъ и степныя разстоянія отъ 50 и до 60 верстъ, это уже неважныя затрудненія въ сравненіи съ движеніями по громаднымъ безводнымъ пространствамъ.

№ 258.

Москва, 11-го октября.

Предстоящая сессія австро-венгерскихъ парламентовъ будетъ представлять особый интересъ. Двумъ правительству Австро-Венгріи, находящемуся въ періодѣ кризиса, придется изъ первыхъ же засѣданій парламентовъ вынести одобреніе или порицаніе и, соотвѣтственно тому, либо укрѣпиться на мѣстахъ, либо передать

власть другимъ. Графъ Андраши долженъ будетъ, наконецъ, разъяснить цѣли своей политики при занятіи Босніи и оправдать себя въ сдѣланныхъ ошибкахъ. Вопросъ о средствахъ довершить начатое будетъ уже второстепеннымъ дѣломъ. Окажутся объясненія удовлетворительными, и скрипучая машина дуалистической имперіи опять пойдетъ своимъ путемъ — къ добру или худу.

Пока мы имѣемъ лишь тронную рѣчь произнесенную при открытіи Венгерскаго сейма, да и то въ скудной телеграфной передачѣ. Изъ ней явствуетъ что Австрія считаетъ свою задачу неоконченною и собирается довершать ее; при этомъ публика отсылается къ объясненіямъ которыя дастъ графъ Андраши въ делегаціяхъ. Въ этихъ словахъ венгерской тронной рѣчи замѣтно очевидное желаніе императора Франца-Иосифа поддержать своихъ министровъ, которые желали бы дать свои объясненія лишь въ делегаціяхъ когда парламенты уже вотируютъ министрамъ передержку сверхсмытнаго кредита на Боснійскую оккупацию, передержку опредѣляемую пока еще довольно скромною цифрой 25 милліоновъ гульденовъ. Со стороны парламентовъ, какъ Австрійскаго такъ и Венгерскаго, замѣтно, наоборотъ, на этотъ разъ рѣшительное стремленіе не довольствоваться тѣми свѣдѣніями объ иностранныхъ дѣлахъ которыя въ послѣдствіи передадутъ на ухо остальнымъ депутатамъ болѣе счастливые ихъ товарищи избранные въ делегаціи. Оба парламента, разъ искусно обойденные такимъ образомъ при требованіи военнаго кредита въ 60 милліоновъ, утверждаютъ что делегаціи суть не болѣе какъ коммиссія парламентовъ, хотя и снабженная правомъ постановлять нѣкоторыя рѣшенія, и что вліяніе на иностранную политику есть право самихъ парламентовъ, особенно когда дѣло идетъ о новыхъ тѣлостяхъ возлагаемыхъ на населеніе.

Отношенія обонхъ министровъ и самого графа Андраши къ народному представительству остаются, однако, независимы отъ этого предварительнаго вопроса. Открытый нынѣ Венгерскій сеймъ вышелъ изъ новыхъ выборовъ. Выборы эти производились въ то самое время когда изъ Босніи приходили неутѣшительныя извѣстія о ходѣ дѣлъ, когда Санари употребляли все усилія чтобы удержаться у дѣла противъ инсургентовъ и дополнительная мобилиза-

ція была въ полномъ ходу. Венгерскія газеты соперничали въ порицаніяхъ правительства, рѣчи кандидатовъ оппозиціи гремѣли противъ министровъ какъ „измѣнниковъ отечеству“, недогадливыхъ „орудій панславизма.“ Въ этой соединенной оппозиціи, бывшіе члены правительственной либеральной партіи, недовольные соглашеніемъ съ Австріей, слились съ консервативами и членами крайней лѣвой. Тѣмъ не менѣе правительство одержало на выборахъ полную побѣду, и хотя министр-президентъ Тиса провалился въ Дебречинѣ, но за то былъ единогласно избранъ въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ. Одно это показываетъ уже что въ Венгріи, несмотря на всѣ крики, отнюдь не прочь отъ восточной политики графа Андраши, лишь бы она слѣдовала по пути начертанному Мадьярами и не подавалась на компромиссы съ противоположными вліяніями въ Вѣнѣ. Сила этихъ вліяній, однако, достаточно известна въ Венгріи, почему всѣ кандидаты въ сеймъ, не исключая правительственныхъ, выражали весьма осторожно свои взгляды на оккупацию Босніи и Герцеговины, и предоставляли себѣ составить сужденіе когда дѣло разъяснится. Настоящій венгерскій министерскій кризисъ былъ ясно разчитанъ на то чтобы заранѣе расположить общественное мнѣніе и парламента Венгріи въ пользу кабинета Тисы, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить положеніе графа Андраши. Пора дуализма, или вѣрнѣе мадьярской гегемоніи, еще не прошла для Австріи, и частная демобилизація оккупационной арміи, которой добились венгерскіе министры подъ предлогомъ финансовой нужды, есть безъ сомнѣнія ихъ побѣда, на которой, конечно, они не преминутъ основать свою дальнѣйшую тактику въ обонхъ направленіяхъ, какъ въ отношеніи къ парламенту такъ и коронѣ.

Въ иномъ положеніи находится въ сущности уже покончившее свое существованіе австрійское министерство. Князь Ауэрсбергъ, употребившій столько усилій чтобы переустроить рейхсратъ въ смыслъ почти компактнаго „вѣрно-конституціоннаго“ большинства, въ послѣдствіи очутился въ разладѣ со своею партіей почти по всѣмъ вопросамъ, большимъ и малымъ. Припомнимъ что первоначальный кризисъ австрійскаго министерства въ іюль нынѣшняго года относится еще къ прошлой сессіи рейхсрата и произошелъ по поводу не-

значительнаго разногласія съ парламентомъ въ размѣрахъ пошлины на кофе и петролей. Будучи не въ состояніи защищать что бы то ни было предъ парламентомъ, министерство Ауэрсберга предпочло безъ шума сойти со сцены. Впрочемъ, конституціонная партія своею строптивостію отнюдь не имѣла намѣренія порвать связи со „своими“ министрами, и желало дотянуть съ ними по крайней мѣрѣ до будущаго года, когда предстоитъ избраніе новаго рейхсрата. Поэтому вожакъ ея, г. Гербстъ, посоветовалъ императору поручить составленіе кабинета нынѣшнему министру финансовъ Де-Претису, который, оставя „дѣловыя“ портфели за нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, остальныхъ избереетъ по соглашенію съ большинствомъ парламента. О предстоящихъ конференціяхъ по этому поводу намъ уже сообщали вѣнскія телеграммы.

Главная тяжесть парламентской кампаніи остается, конечно, все-таки на плечахъ графа Андраши, и ему придется снова употребить всѣ старанія чтобы увернуться отъ всѣхъ, не поддаваясь никому. Нѣкоторые любопытные намеки на то какъ графъ Андраши объясняетъ свою политику и ея не совсѣмъ удачные результаты были брошены нѣсколько времени тому назадъ вѣнскимъ корреспондентомъ графской *Tagespost*. Весьма вѣроятно что въ своей аргументаціи графъ Андраши послѣдуетъ приблизительно теченію мыслей передаваемому упомянутымъ корреспондентомъ. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отнюдь не считаетъ занятіе Босніи ошибкой. Онъ полагаетъ его безусловно необходимымъ для политическихъ интересовъ Австро-Венгріи. Если же этотъ взглядъ не вѣренъ, то съ нимъ, министромъ, ошибались де и всѣ кто вотировалъ ему деньги на это дѣло. Парламенты виноваты де еще болѣе потому что вотировали мало денегъ. Оккупациа сошла бы гладко еслибы не „измѣна“ Порты и не возстаніе. Измѣны нельзя было предвидѣть такъ какъ невозможно было предполагать что Порта рискнетъ потерять послѣднее къ себѣ сочувствіе въ Европѣ и соблазнится на образъ дѣйствій который могли внушить ей только „русскіе агенты“ и который послужитъ лишь въ пользу русскимъ интересамъ. Возстаніе не было задумано ракъе, ибо невозможно предположить заговоръ между 60.000 инсургентовъ. Это было нѣчто вспых-

нувшее внезапно, причемъ первое несчастіе Австрійцевъ у Маглая подѣйствовало на умы Босняковъ какъ искра на порохъ. Въ этомъ нельзя де обвинять министра иностранныхъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ сопротивление въ концѣ концовъ успѣшно побѣждено, австро-венгерскія войска „покрылись славой“, что не могло де не произвести впечатлѣнія въ Петербургѣ и Римѣ, и опять-таки избавило Австрію отъ большой войны которая стоила бы гораздо тягчайшихъ жертвъ.

Послѣдній аргументъ, надо замѣтить уже не разъ дѣйствовалъ успѣшно на слушателей графа Андраши.

Но посмотримъ что скажутъ событія и каковы будутъ ихъ аргументы.

№ 259.

Москва, 12-го октября.

Война Англіи съ Афганистаномъ неизбежна, — такъ гласятъ телеграммы изъ Сямлы, — вслѣдствіе рѣзкаго отвѣта полученнаго отъ Афганскаго эмира. По свѣдѣніямъ *Daily News*, смыслъ этого отвѣта таковъ: „Поступайте какъ хотите; дѣло въ рукахъ Божіихъ.“

Извѣстія эти, конечно, не очень пріятны британскому министру финансовъ, который всего дня три тому назадъ такъ благодушно отзывался объ Афганскомъ дѣлѣ. Новые факты, между тѣмъ, уличаютъ его показанія въ несогласіи съ истиною. Министръ оправдывался что миссія Чамберлена не была воинственною и что необходимую эскорту онъ имѣлъ лишь на случай защиты отъ варваровъ, а о намѣреніяхъ правительства присовокупилъ что всѣ мѣры были приняты собственно для охраненія настоящей границы Индіи. Что самъ сэръ-Стаффордъ Норткотъ не принадлежитъ къ числу приверженцевъ дѣятельной политики въ Афганистанѣ, этому можно повѣрить. Въ 1869 году, когда онъ былъ статсъ-секретаремъ Индіи онъ рѣшительно высказался въ парламентѣ противъ всякой попытки расширенія границъ Индіи къ Афганистану. И въ прошедшемъ году, въ преніяхъ возбужденныхъ г. Грантомъ Доффомъ, онъ снова повторилъ что всегда считалъ истинною политикою „не преступать настоящихъ границъ Индіи, а укрѣпиться внутри ихъ.“ Но, каковы бы

ни были его личные мнѣнія, странно чтобъ онъ, членъ кабинета, былъ въ такомъ полномъ невѣдѣніи о томъ что дѣлалось въ послѣдніе два года, въ особенности въ послѣдніе мѣсяцы, чтобы говорить съ полнымъ убѣжденіемъ будто правительство заботится только объ охраненіи настоящихъ границъ Индіи. Факты слишкомъ противорѣчатъ его добродѣтельнымъ увѣреніямъ. Мы уже указывали на эти факты, и не мѣшаетъ еще разъ припомнить ихъ. Въ концѣ 1876 года Индійское правительство уже отступило отъ прежней политики и заняло гарнизономъ Кветту, за Боланскимъ проходомъ, откуда идетъ прямой путь въ Кандагаръ, тотъ самый коимъ, въ 1839 г., послѣдовало первое вторженіе Англичанъ въ Афганистанъ. Въ то же время, вице-король лордъ Литтонъ отправилъ посланіе къ эмиру Ширъ-Али съ просьбой допустить его посланника сэръ-Луиса Пелли для личнаго свиданія. Эмиръ отклонилъ это, но прислалъ уполномоченное лицо выслушать предложеніе сэръ-Луиса Пелли въ Пешаверѣ. Результатъ переговоровъ былъ тотъ что они только усилили недовѣріе и подозрительность эмира и онъ отвергъ англійскія предложенія. Несмотря на то, лордъ Литтонъ въ нынѣшнемъ году рѣшилъ отправить новое посольство съ тѣми же предложеніями, и въ то же время эмиру объявлялось о готовности поддержать ихъ силой. Такимъ образомъ, старанія вице-короля убѣдить эмира согласиться на условія которыя дѣлали его вассаломъ Англіи предшествовали появленію въ Кабулѣ русскаго посольства.

Теперь вдобавокъ раскрываются все новыя подробности. Впервыхъ, оказывается что сенсационная телеграмма объ оскорбленіи панесенномъ англійскому посольству въ Али-Мёсджидѣ офицеромъ эмира была очень прикрашена. Разказъ объ угрозѣ коменданта этой крѣпости разстрѣлять майора Каваньяри, посланнаго генераломъ Чамберленомъ потребовать свободнаго пропуски, былъ такою же выдумкой какъ и пресловутый разказъ объ оскорбленіи королемъ Пруссіи французскаго посла г. Бенедетти, распушенный французскими газетами предъ объявленіемъ войны въ 1870 г. Напротивъ, изъ корреспонденціи *Times* теперь оказывается что свиданіе въ Али-Мёсджидѣ не сопровождалось ничѣмъ оскорбительнымъ, и хотя майоръ Каваньяри услышалъ отъ коменданта Фаизъ-Магомета

рѣшительный отказъ пропустить миссію, вслѣдствіе предписаній эмира, но при прощаніи благодарилъ его за учтивость и выразилъ надежду вновь свидѣться при лучшихъ обстоятельствахъ.

Затѣмъ, нѣсколько дней тому назадъ, въ газетѣ *Times*, такъ часто выставляющей себя глашатаемъ министерскихъ намѣреній, появилась статья не менѣе сенсационная и плохо вяжущаяся съ ея надеждами что дѣло все еще можетъ обойтись безъ войны. „Солдатамъ нашимъ,“ сказано въ ней, „во всякомъ случаѣ будетъ дѣло. Если эмиръ будетъ упорствовать, то будетъ необходимо образумить его силой. Если же онъ уступитъ безъ борьбы, то намъ все-таки понадобятся солдаты для занятія новой пограничной линіи которою мы намѣрены замѣнить нынѣшнюю.“ Вотъ вамъ и „охраненіе нынѣшнихъ границъ Индіи!“

На другой же день послѣ этой статьи въ *Times*, телеграмма въ *Daily News* возвѣстила что для отвращенія войны недостаточно было бы теперь простое извиненіе эмира въ случившемся, но что вице-король потребуетъ прибытія его лично въ Пешаверъ, а изъ Кветты уже сообщалось о началѣ непріятельскихъ дѣйствій „набѣгомъ“ произведеннымъ майоромъ Сандеманомъ съ 1-мъ Пенджабскимъ полкомъ и горною батареей на непокорное селеніе Урумзаевъ на спорной землѣ, причемъ „было захвачено 65 лошадей, цѣнностью въ 2.000 фунт. ст., и приведены четверо старшинъ въ качествѣ заложниковъ.“ Славное начало компаніи, предпринимаемой для поддержанія достоинства и значенія Великобританіи на Востокѣ!

Но, кромѣ того что Англія сама вызвала эмира на ссору и вознамѣрилась подчинить его своей власти, есть еще новое указаніе что это рѣшеніе есть исполненіе давнишняго плана, который настойчиво рекомендовали за много лѣтъ люди съ авторитетомъ. Мы говорили недавно объ обнародованной только въ послѣднее время запискѣ извѣстнаго руссофоба сэръ-Генри Роулинсона, поданной имъ еще въ 1868 году правительству, въ которой онъ рекомендовалъ мѣры приводимыя теперь въ исполненіе лордомъ Литтономъ. Теперь въ *Times* обнародовано письмо другаго Англо-Индійца, долго служившаго на сѣверѣ Индіи, а нынѣ занимающаго постъ губернатора мыса Доброй Надежды, сэръ-Бартля

Фрера. Письмо это было имъ писано въ 1874 году къ сэръ-Джону Кею (*Keay*), автору исторіи первой войны Англичанъ съ Афганистаномъ, и тогда назначалось не для печати, а для сообщенія изложенныхъ въ немъ мнѣній лорду Солсбери. И этимъ рекомендовались все тѣ же самыя мѣры. Вотъ онѣ: во первыхъ, выдвинуть передовой постъ арміи въ Кветту, въ территоріи хана Келатскаго, что дастъ де отличную позицію для наблюденія надъ южнымъ Афганистаномъ (исполнено); во вторыхъ, держать хорошихъ англійскихъ агентовъ, предпочтительно военныхъ, въ Гератѣ, Кабулѣ и Капдагарѣ. Цѣль же этихъ мѣръ принудить эмира Афганскаго сообразоваться съ совѣтами Британскаго правительства. Сэръ-Бартль Фреръ предусматривалъ возможность что эмиръ не согласится пожалуй на эти требованія, и присовокуплялъ: „дать ему ясно понять что его отказъ будетъ принятъ за доказательство враждебности, и приготовиться дѣйствовать.“ Необходимость этихъ мѣръ тогда еще, въ 1874 году, доказывалась опасностью со стороны Россіи, которую авторъ считалъ неминуемою и неизбежною какъ судьба, хотя онъ не сомнѣвался что доброе расположеніе нынѣшняго правительства (*of the existing Government*) въ Россіи не допуститъ его принять какія-либо мѣры относительно Афганистана, „если, прибавляетъ онъ, мы серіозно сдѣлаемъ ему увѣщаніе въ настоящую минуту.“ Вообще, сэръ-Бартль Фреръ, какъ видно, кромѣ индійскихъ знакомъ и съ нашими дѣлами, такъ какъ онъ говоритъ о существованіи у насъ двухъ партій, изъ коихъ одна „включающая самыхъ способныхъ финансистовъ и просвѣщенныхъ политиковъ очень противится всякому расширенію въ Азіи,“ другая же, „партія протекціонистовъ, обрусѣвшихъ Нѣмцевъ, болѣе Русскихъ чѣмъ Русскіе, по большей части военныхъ и ультра-національных (хорошо это *ultra*!) политиковъ, восторженно привѣтствуютъ дальнѣйшіе планы завоеваній;“ и въ другомъ мѣстѣ письма онъ опять говоритъ: „Мы всегда увѣрены что найдемъ въ русскихъ совѣтахъ большую и вліятельную партію, искренно противящуюся всякимъ попыткамъ поощрять вторженія въ Индію.“ Пріятно слышать, если сэръ-Бартль Фреръ не ошибся, что у насъ есть вліятельная партія болѣе заботящаяся объ англійскихъ чѣмъ о русскихъ интересахъ!

Въ чемъ же заключается, любопытно послушать, эта возможная опасность со стороны Россіи, о которой такъ толкуютъ во всѣхъ газетахъ, о которой пишетъ и сэръ-Бартль Фреръ и многіе другіе принявшіе участіе въ полемикѣ по поводу Афганистана, изъ коихъ особенное вниманіе вызвалъ письмомъ въ *Times* сэръ-Джемсъ Стивенъ, извѣстный англійскій юристъ, служившій прежде членомъ-юристомъ въ совѣтѣ вице-короля въ Калькуттѣ. Разказываютъ что когда лордъ Элленборо въ 1842 году спросилъ въ Калькуттѣ плѣннаго Достъ-Магомета: что онъ думаетъ объ Англичанахъ въ Индіи? то послѣдній отвѣтилъ: „Я пораженъ вашимъ могуществомъ. Какъ горной мышкѣ сражаться со львомъ? Но зачѣмъ же, владея всею Индіей, желаете вы занять мою скалистую и голодную землю?“ Поясненія которыя теперь даются на этотъ вопросъ не слишкомъ поучительны для его бѣднаго сына. Въ возможность русской экспедиціи въ Индію не вѣрятъ или прикидываются что не вѣрятъ. Не допускаютъ чтобы Россія могла подумать о ней, въ противномъ случаѣ, предсказываютъ бѣдственную неудачу. Но опасность де прежде всего въ томъ впечатлѣніи которое будетъ сдѣлано въ Индіи если Россія утвердитъ свое вліяніе въ Афганистанѣ: „всѣ „недовольные и опасные классы,“ по словамъ сэръ-Бартля Фрера, „будутъ на сто- „рожѣ, готовые взволноваться въ первую „минуту, и милліоны въ конхъ еще уцѣ- „лѣла искра воинственнаго духа отточатъ „свои мечи и будутъ убѣждены что близ- „ка новая эра борьбы ради воинской сла- „вы и грабежа. Всѣ эти элементы могутъ „быть подняты въ любую минуту на борь- „бу русскою прокламаціей въ Кабулѣ, или „ложнымъ слухомъ о таковой, ибо нѣтъ „надобности чтобы слухъ былъ вѣренъ „дабы привести иные изъ этихъ неспокой- „ныхъ элементовъ въ движеніе.“ Но это не все. Россія легко можетъ, — какъ полагаютъ насъ и что не мѣшаетъ намъ принять къ свѣдѣнію, — направить цѣлыя орды азіатскихъ хищниковъ на Индію. Конечно, онѣ будутъ де отражены. Но это будетъ стоить страшныхъ расходовъ. А сколько де можетъ случиться при этомъ возстаній въ самой Индіи? „И кто можетъ сказать что случится когда разъ будетъ брошенъ катящійся камень?“ А главное, какъ толкуетъ газета *Times*, все это мо-

жетъ случиться въ такое время когда Англія будетъ замѣшена въ дѣлѣ въ другомъ мѣстѣ. „При такого рода кризисѣ, перспектива опасности со стороны Кабула, какую Россія можетъ легко воздвигнуть, парализуетъ Индію. Въместо того чтобы брать оттуда полки на службу въ другомъ мѣстѣ, мы будемъ принуждены посылать туда новые полки именно въ ту минуту когда намъ всего труднѣе будетъ обойтись безъ нихъ.“ И вотъ, ради желанія ихъ застраховать себѣ возможность мутить вездѣ гдѣ вздумается, долженъ заплатить эмиръ Афганскій. Вотъ его истинная вина. „Мы едва ли можемъ покончить съ этимъ дѣломъ пока не повоюемъ (*until we have done some fighting first*), на какихъ бы условіяхъ потомъ мы ни придумали помириться,“ восклицаетъ газета *Times*. И это говорятъ люди у кого слово миръ не сходитъ съ языка, которые возмущались войной за освобожденіе христіанъ отъ постыднаго ига, которые обличали эту войну какъ несправедливую, противную религіи!

№ 260.

Москва, 13-го октября.

А.

Въ теченіе послѣдней недѣли, законопроектъ о германскихъ социалистахъ не только благополучно прошелъ послѣднюю парламентскую стадію, но получилъ и окончательную санкцію со стороны Союзнаго Совѣта и императорской власти (въ лицѣ наслѣднаго принца); мало того, законъ уже приводится въ исполненіе и притомъ съ большою энергіей. Телеграфъ то и дѣло сообщаетъ намъ о мѣрахъ принятыхъ въ послѣдніе три дня, со времени официальнаго обнародованія закона, противъ общества социально-демократическаго характера и противъ социалистской печати. Важнѣйшія изъ этихъ сообществъ и союзовъ частію сами прекратили свое существованіе, частію закрыты; многія сочиненія запрещены, и даже періодическая печать этой партіи уже успѣла почувствовать на себѣ карающую руку, несмотря на нѣкоторыя праздныя оговорки внесенныя въ текстъ закона либеральною партіей. Выходящій въ Берлинѣ руководящій

органъ социаль-демократовъ *Берлинская Свободная Печать* (*Berliner Freie Presse*) уже подверглась полному запрещенію не только подъ этимъ заглавіемъ, но и подъ новымъ, подъ которымъ издатели газеты хотѣли было продолжать свою дѣятельность. Мы еще не знаемъ что именно послужило поводомъ къ этимъ запрещеніямъ. Но если принять во вниманіе что по смыслу закона такое запрещеніе можетъ послѣдовать лишь въ случаѣ рецидива, то-есть послѣ конфискаціи одного изъ выпусковъ изданія, то нужно признать что правительство отнюдь не чувствуетъ себя особенно связаннымъ оговорками либераловъ. Не далѣе какъ въ воскресенье *Берлинская Свободная Печать* изложила свою программу дѣйствій въ виду новаго закона. Органъ социалистовъ заявилъ что онъ намѣренъ строго подчиняться требованіямъ закона, избѣгать всего что могло бы навлечь на него преслѣдованіе и соблюдать строгую умѣренность тона. Но президентъ берлинской полиціи, повидимому, мало былъ смягченъ этою „умѣренностью тона.“

Дошедшіе до насъ національ-либеральные органы съ особеннымъ удовольствіемъ разбираютъ рѣчь г. Ласкера, произнесенную имъ въ пятницу, когда было заявлено о соглашеніи состоявшемся между его партіей и обѣими консервативными фракціями, соглашеніи вслѣдствіе котораго законъ прошелъ въ третьемъ чтеніи безъ затрудненій. Г. Ласкеръ указалъ на то что національ-либералы приняли лишь въ принципѣ ту мѣру которую правительство требовало для усиленной борьбы противъ общепризнанной опасности представляемой социалистскою пропагандой. Но затѣмъ правительственный законопроектъ подвергся де всѣмъ тѣмъ измѣненіямъ и ограниченіямъ кои сочтены были необходимыми съ либеральной точки зрѣнія, дабы онъ не имѣлъ характера слишкомъ большаго стѣсненія гражданской свободы. Увидимъ что скажутъ газеты той же партіи по поводу уже начавшагося дѣйствія новаго закона.

Но пока національно-либеральные органы очень довольны исходомъ дѣла въ рейхстагѣ. Дѣятельное участіе въ соглашеніи національ-либераловъ съ консервативами принималъ лично князь Бисмаркъ, и это ободрило національ-либераловъ послѣ ихъ недавнихъ неудачъ на выборахъ. Имъ снова представляется перспектива по-

литического вліянія, и они уже снова вошли въ прежнюю роль „надежнѣйшей опоры“ для князя Бисмарка. Благодаря соглашенію, въ пользу закона о социалистахъ оказалось большинство 72 голосовъ. Националь-либеральные органы думаютъ что отнынѣ князь Бисмаркъ можетъ и впредь разчитывать на подобное же большинство, чѣмъ и осуществляются де желанія высказанныя имъ въ послѣдней его рѣчи, когда онъ указывалъ на необходимость чтобы партіи склонныя поддерживать правительство тѣснѣе сплотились между собою, дабы эта поддержка не подвергалась всякимъ случайностямъ. *Національная Газета* замѣчаетъ при этомъ что отнынѣ вниманіе князя Бисмарка будетъ обращено болѣе на иностранную политику, которая снова выдвигается на первый планъ послѣ того какъ закономъ о социалистахъ завершится періодъ внутреннихъ смутъ и затрудненій возбужденныхъ въ Германіи двумя покушеніями на жизнь императора. Руководящій органъ національ-либераловъ думаетъ что князь Бисмаркъ снова посвятитъ свои заботы „честному маклерству“ къ осуществленію Берлинскаго трактата, коему въ послѣднее время грозятъ де многоразличныя опасности съ разныхъ сторонъ. Искренно желаемъ чтобы руководитель германской политики занялся чѣмъ-нибудь другимъ.

Въ берлинской печати встрѣчаются указанія и на другіе пункты, болѣе тѣсно связанные съ интересами Германіи и возбуждающіе въ ней нѣкоторое безпокойство и даже тревогу. Объ этой тревогѣ свидѣлствуютъ, между прочимъ, различные сенсационные слухи, распространившіеся на дняхъ въ Берлинѣ. Тамъ говорили, напримѣръ, что контингентъ призываемый въ этомъ году на пополненіе рядовъ арміи увеличенъ на 20.000 человекъ. Говорили также что императоръ Вильгельмъ измѣнилъ свои предположенія, и вмѣсто того чтобы продолжать свое лѣченіе въ Висбаденѣ до начала декабря, пріѣдетъ на дняхъ въ Берлинъ и приметъ опять въ руки бразды правленія. И тотъ и другой слухъ опровергаются; но берлинскія газеты не отрицаютъ что въ области политики „что-то творится,“ и это „что-то“ не совсѣмъ успокоительнаго свойства.

Главнымъ образомъ эта неопредѣленная тревога порождена тѣмъ что будто графъ

Бейсть назначается австрійскимъ посломъ въ Парижъ. Графъ Бейсть заклятой врагъ князя Бисмарка и германскаго единства. Еще недавно, благодаря разоблаченіямъ герцога Грамона, стало извѣстнымъ что графъ Бейсть въ 1870 году, послѣ начала Франко-Прусской войны, дѣятельно хлопоталъ о союзѣ между Австріей и Франціей. И вдругъ будто бы назначаютъ его на постъ австрійскаго посла въ Парижъ! Не слѣдуетъ ли усматривать въ этомъ признакъ радикальную переменъ въ отношеніяхъ между Австріей и Германіей? Такъ спрашивали въ Германіи, и хотя офиціозная берлинская печать успокоиваетъ публику, увѣряя что союзъ между Австріей и Германіей такъ проченъ что и интриги графа Бейста, хотя бы въ качествѣ уполномоченнаго Австріи въ Парижъ, ему не страшны, однако безпокойство не улеглось, и вопросъ о миссіи графа Бейста продолжаетъ возбуждать недоумѣніе.

Впрочемъ, назначеніе графа Бейста въ Парижъ, о чемъ говорятъ какъ о дѣлѣ будто бы рѣшеномъ, до сихъ поръ офиціально не объявлено.

Б.

Телеграммы о движеніи вспыхнувшемъ въ мѣстностяхъ обитаемыхъ Болгарами, которыя по Санъ-Стефанскому договору должны были составить часть Болгарскаго княжества, а по Берлинскому трактату возвращаются подъ власть Порты, показываютъ чего стоятъ планы выработанные „европейскимъ ареопагомъ.“ На дняхъ мы указывали на неудовлетворительность отношеній между Портой и Австріей, между Портой и Греціей, между Портой и княжествами Сербіей и Черногоріей, относительно исполненія предначертаній Берлинскаго договора. Сюда же присоединяется извѣстіе въ недоразумѣніи между Портой и Персіей по поводу занятія Котурскаго округа. И вотъ, пока ни одно изъ этихъ затрудненій еще не улажено, начинается движеніе Болгаръ во Фракіи и Македоніи. Телеграммы о немъ еще неопредѣленны и сбивчивы. Но одно ясно: движеніе это поднялось въ тѣхъ западныхъ мѣстностяхъ которыя были отрѣзаны Берлинскимъ конгрессомъ отъ Болгарскаго княжества, какъ оно было намѣчено Санъ-Стефанскимъ трактатомъ. Возстаніе, какъ говорятъ, распространяется и на Салоникскій вила-

еть, угрожая сдѣлаться всеобщимъ во всѣхъ мѣстностяхъ обитаемыхъ Болгарами, и въ Серее, въ Македоніи, уже происходили безпорядки. Между тѣмъ Порта составила обвинительный актъ противъ Россіи, и грозитъ всеобщимъ вооруженіемъ мусульманскихъ населеній, требуя съ тѣмъ вмѣстѣ чтобы Россія забыла за что она проливала недавно свою кровь и соединилась съ баши-бузуками къ подавленію Болгаръ.

Достаточно говорить за себя тотъ фактъ что волненіе Болгаръ обнаружилось въ мѣстностяхъ не занятыхъ русскими войсками и не вошедшихъ въ составъ даже той измышленной конгрессомъ области что была наименована Восточною Румеліей. Конгрессъ хотѣлъ изгладить имя Болгаръ даже изъ этой области, но Болгары напоминаютъ что они живутъ далеко за предѣлами ея, гдѣ они, наперекоръ всякому праву, были принесены въ жертву великому принципу сохраненія „оттоманской юрисдикціи.“

Движеніе это важно. Оно побуждаетъ насъ быть насторожѣ и не уступать притязаніямъ которыя спѣшатъ вырвать изъ рукъ русской власти управленіе Восточною Румеліей. Рейтерово Агентство успѣшило разослать телеграмму будто Русское правительство уже передало международной комиссіи администрацію финансами Восточной Румеліи. Но передача финансовъ области занятой русскими войсками въ чужія руки означала бы и передачу имъ всего управленія, а русскіе офицеры и чиновники не могутъ считать себя подчиненными чужому контролю, отвѣчая только предъ властью ихъ назначившею, а не предъ г. Вольфомъ или другими ему подобными агентами. Дѣйствительно, константинопольскій корреспондентъ *Times* телеграфировалъ, отъ 18 октября, что международная комиссія для Восточной Румеліи, утвердивъ резолюцію опредѣляющую де ея права и обязанности по завѣдыванію финансами провинціи, назначила затѣмъ подкомиссію, изъ французскихъ, англійскихъ и турецкихъ вторыхъ комиссаровъ, для „произведенія слѣдствія надъ дѣйствующею русско-болгарскою администраціей.“ Возможна ли болѣе возмутительная наглость?

Вѣнскій корреспондентъ той же газеты еще прежде объяснялъ эту торопливость международной комиссіи тѣмъ что иначе

она рисковала бы найти слишком много совершившихся фактовъ, которые потомъ пожалуй будетъ невозможно поправить. Но не въ тысячу ли разъ болѣе опасны совершившіеся факты подъ турецкою властью, которые отзываются такими событіями какъ возстаніе Болгаръ въ Македоніи и поголовное бѣгство христіанъ изъ мѣстностей только что оставленныхъ русскими войсками?

№ 261.

Москва, 14-го октября.

Чтобъ уяснить себѣ значеніе англо-афганской распри для Россіи, лучше всего воспользоваться матеріаломъ который мы находимъ въ самой англійской печати. „Ширъ-Али явный оскорбитель, а есть еще скрытый,“ поучаетъ *Daily Telegraph*; „и намъ слѣдуетъ искать его позади Кабульскаго трона.“ „Прежде чѣмъ приступать къ Афганскому вопросу,“ говоритъ въ свою очередь *Times*, „мы должны составить какое-либо сужденіе о положеніи и намѣреніяхъ Россіи: они то и даютъ значеніе этому вопросу.“ Признаваемая англійскою печатью связь Афганскаго затрудненія съ Россіей налагаетъ на насъ обязанность взглянуть на вопросъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Въ Англіи видятъ въ этомъ дѣлѣ антагонизмъ съ Россіей. Можемъ ли мы въ такомъ случаѣ отказываться отъ представляющихъ намъ выгодъ, или по крайней мѣрѣ не озаботиться чтобы наше положеніе не слѣлалось слабѣе вслѣдствіе происковъ Англіи?

Затѣю подчинить своей власти Афганистанъ, безъ всякаго основательнаго предлога, затѣю такъ плохо согласующуюся съ лицемѣрно миролюбивыми заявленіями Англичанъ, они оправдываютъ опасностями будто бы угрожающими ихъ положенію въ Индіи если Афганистанъ не будетъ прочнымъ образомъ огражденъ отъ русскаго вліянія. Доказываютъ что опасности неминуемы, что Россія и Англія рано или поздно должны встрѣтиться въ Азіи, и что весь вопросъ въ томъ только гдѣ произойдетъ ихъ встрѣча, и гдѣ выгоднѣе для Англіи провести эту линію. Но въ подтвержденіе неминуемости этой встрѣчи приводятся аргументы различные и противорѣчивые. Одни, какъ сэръ-Бартль Фреръ, разсуждаютъ что Россія должна подвигать-

ся и расширяться въ Средней Азіи въ силу неотразимаго закона, совершенно также какъ Англичане дошли отъ Калькутты до Пешавера, что Россія есть „цивилизованная, живая и растущая держава,“ что въ соприкосновеніи съ нею варварскіе сосѣди или становятся жертвой завоеванія которое сами вызываютъ своею неурядицей, или же, менѣе насильственнымъ, но не менѣе неизбѣжнымъ процессомъ, сами тяготеютъ къ ней. Изъ чего и слѣдуетъ заключать что Россія неизбѣжно водворится въ Афганистанъ если Англія не предупредить ея тамъ.

Но весьма также распространено и другое объясненіе наступательности Россіи въ Средней Азіи, которое выставляетъ мотивомъ крайнюю будто бы слабость положенія Россіи въ тѣхъ мѣстностяхъ и ненадежность ея завоеваній. Это мнѣніе въ особенности развиваетъ сэръ-Джемсъ Стивенсъ. Онъ указываетъ на громадность разстояній, на ненадежность русскихъ сообщеній, на безплодные степи, на малочисленность и бѣдность населеній, которыя однако требуютъ бдительнаго надзора, и говоритъ что именно въ силу этого Россія, заботясь объ обезпеченіи своего положенія, ищетъ предпріятій которыя могутъ быть опасны для Англіи. Россія де болѣе ста лѣтъ ищетъ твердой границы, и таковую можетъ найти лишь въ дѣлѣ Гиндукуша съ его проходами. Къ этому побуждаетъ ее и то что она сама будто бы страшится Англичанъ; ибо „пораженіе на Оксѣ пожалуй означало бы изгнаніе ея изъ Средней Азіи.“ Итакъ, по однимъ, мы стремимся впередъ на встрѣчу Англіи потому что мы сильны, а по другимъ—потому что мы слабы. Иногда встрѣчается и куріозное сочетаніе обоихъ этихъ противоположныхъ мнѣній. Такъ газета *Times* готова была вторить тому и другому, и о нашей слабости замѣчала что „со стороны Англіи не потребовалось бы большаго усилія чтобы повалить карточный домъ который Россія воздвигала съ такимъ терпѣніемъ и трудомъ.“

Остановимся на минуту на этомъ послѣднемъ мнѣніи. Что же слѣдуетъ? Будь оно вѣрно, оно окажется сильнымъ для насъ аргументомъ противъ плановъ англійской политики. Если вѣрно, какъ говоритъ сэръ-Джемсъ Стивенсъ, будто Пешаверъ ближе къ ресурсамъ Англіи чѣмъ Ташкентъ къ ресурсамъ Россіи, то за-

чѣмъ же намъ допускать чтобъ Англичане еще болѣе приближались къ нашей границѣ? Напротивъ, нашъ интересъ долженъ побуждать насъ воспрепятствовать Англичанамъ утвердиться въ Афганистанѣ. А между тѣмъ сэръ-Джемсъ Стивенъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, съ увѣренностью ожидаетъ что Россія не вступится за Афганистанъ противъ Англичанъ.

Но мнѣніе о нашей слабости въ Средней Азіи, въ сравненіи съ положеніемъ Англичанъ въ Индіи, конечно есть порадокъ и не вяжется съ собственными страхами Англичанъ. Сэръ-Джемсъ Стивенъ осмѣливаетъ опасенія относительно туземныхъ принцевъ и ихъ армій, относительно недовольства туземныхъ войскъ и вообще возможности волненій въ населеніяхъ Индіи и ихъ стремленій „сбросить Британское иго.“ Но другіе авторитеты говорятъ совсѣмъ иное. Сэръ-Бартль Фреръ въ своемъ письмѣ, которое, не забудемъ, было писано еще въ 1874 году, рекомендовалъ приняться за полную реформу арміи со-держимой въ Индіи. „Мы тратимъ,“ говоритъ онъ, „огромную сумму на армію которой никто не доверяетъ, за исключеніемъ европейской ея части.“ И, кромѣ того, онъ за четыре еще года тому назадъ обращалъ вниманіе на опасность того обстоятельства что большое число надежной части этой арміи, именно до 10.000 европейскихъ войскъ, заняты исключительно наблюденіемъ за туземными владѣтелями. И на дняхъ, въ той же самой *Times*, смѣющейся надъ нашими карточными домами въ Средней Азіи, мы читали сомнѣнія допускать ли слишкомъ большую пропорцію туземныхъ войскъ въ колоннахъ формируемыхъ противъ Афганистана. Именно, одна изъ нихъ составлена изъ 4 баталіоновъ англійской и 17 туземной пѣхоты, и по этому поводу *Times* напоминаетъ что прежде считалось болѣе безопаснымъ допускать не болѣе двухъ туземныхъ баталіоновъ на одинъ британскій. Затѣмъ, что же означаютъ извѣстія объ ожидаемомъ отправленіи изъ Англій болшихъ подкрѣпленій въ Индію? То насъ пугали семью тысячами сипаевъ, а теперь эти сипаи оказываются не слишкомъ надежными въ самой Индіи безъ англійскихъ подкрѣпленій!

Мы понимаемъ трепеть Англичанъ при мысли о потерѣ Индіи, и въ этомъ отношеніи сэръ-Джемсъ Стивенъ долженъ знать

неизмѣримую разницу въ положеніи Россіи и Англій. Россія и безъ Ташкента была бы все тою же Россіей что и теперь; Англія же безъ Индіи не останется нынѣшнею Англіей, а снизойдетъ на чреду второстепенной державы. Но какъ ни велика разница между значеніемъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній для насъ и Индіи для Англій, мы обязаны дорожить своими приобрѣтеніями столько же какъ и она своими, и также заботиться объ обезпеченіи своего положенія.

Если Англія, заноса ударъ надъ эмпиромъ Афганскимъ, разчитываетъ поразить Россію, ослабить ея положеніе въ Средней Азіи и обезоружить ее противъ себя на случай столкновенія, то можемъ ли мы съ своей стороны не принимать мѣръ къ отраженію косвенно на насъ занесеннаго удара? Вѣримъ что не Афганистанъ заботитъ Англій и что овладѣніе этою страной не имѣетъ для нея никакой цѣны; еще болѣе вѣримъ что англійская политика разчитываетъ занятіемъ Афганистана обезпечить себя со стороны Россіи. Что же отсюда слѣдуетъ? Очевидно то что наступленіе Англій на Афганистанъ будетъ ничѣмъ инымъ какъ враждебнымъ противъ насъ дѣйствіемъ, и что успѣхъ Англій въ Афганистанѣ оказался бы нашимъ пораженіемъ въ глухой борьбѣ которую мы неизбежно ведемъ съ ней...

№ 263.

Москва, 16-го октября.

Англійскій кабинетъ вновь собирался на совѣщаніе, однимъ изъ главныхъ предметовъ коего были, какъ полагаютъ, афганскія дѣла. Принятые рѣшенія не замедлятъ, конечно, вскорѣ обнаружиться какими-либо мѣрами въ извѣстномъ направленіи.

Между тѣмъ полемика въ англійской печати по поводу афганскихъ дѣлъ продолжается уясняя значеніе предпріятія задуманнаго Англійскимъ правительствомъ со стороны Индіи. Мы видѣли что въ самой Англій есть авторитеты противящіеся новой затѣѣ. Но можно предвидѣть что всѣ ихъ старанія останутся безуспѣшны, подобно тому какъ разлетѣлась дымомъ и анти-Беконсфильдовская оппозиція въ вопросѣ объ освобожденіи христіанъ отъ ма-

гометанскаго лига. Подобно тому какъ въ той оппозиціи приняли участіе люди именами коихъ справедливо можетъ гордиться современная Англія, г. Гладстонъ, герцогъ Аргайлъ, знаменитые историки Англіи, много людей науки и проповѣдниковъ, такъ и теперь противъ новой Афганской войны до сихъ поръ уже высказались такіе авторитеты въ политикѣ, администраціи и военномъ дѣлѣ какъ лордъ Грей, лордъ Лоренсъ и генералъ-майоръ Эдай (*Adye*). Но мы видѣли какъ агитація г. Гладстона и людей раздѣлявшихъ его мнѣнія была заглушена и какъ кабинетъ Беконсфильда, среди самыхъ неблагопріятныхъ для него условій, успѣлъ было, при ликованіяхъ общественнаго мнѣнія всей Англіи, закрѣпить, сколько еще возможно, узы христіанъ. Теперь торійское правительство стало сильнѣе чѣмъ когда-либо. Вся печать, за исключеніемъ голоса одной *Daily News*, въ Афганскомъ дѣлѣ за него. Секретъ его популярности въ томъ что эта мѣра направлена противъ Россіи, и она можетъ поколебаться развѣ когда плательщики почувствуютъ удвоившуюся тяжесть налоговъ и поймутъ во что обходится погоня за *престижемъ*.

Лордъ Лоренсъ, бывший генералъ-губернаторъ Индіи, при коемъ въ ней было и спокойнѣе и управлялась она экономнѣе чѣмъ при всѣхъ его преемникахъ, напечаталъ въ *Times* новое письмо съ аргументами противъ войны съ Афганистаномъ. Задѣтый за живое упреками будто нынѣшнее затрудненіе есть наслѣдіе прежнихъ ошибокъ, бывший вице-король, напротивъ, указываетъ что прежняя политика была успѣшна, такъ какъ отношенія къ Афганистану были тогда какъ нельзя болѣе мирны и дружны, затрудненія же начались лишь въ послѣднее время, именно вслѣдствіе отступленія отъ прежней политики. Онъ и теперь желалъ бы привлечь Афганцевъ на сторону Англіи мирными средствами, убѣдивъ ихъ что они имѣютъ въ Англіи вѣрнаго друга и надежнаго защитника, а не посягая на ихъ независимость. Для обезпеченія же Индіи отъ возможной опасности съ сѣвера онъ все-таки признаетъ нынѣшнюю границу болѣе сильною и удовлетворительною чѣмъ всякая другая, и предпочелъ бы видѣть истраченными на еще большее укрѣпленіе оной часть суммъ которыя хотятъ употребить на войну съ Афганомъ.

Но этихъ и подобныхъ аргументовъ теперь никто не хочетъ слушать. Возражаютъ что время пререканій прошло, что нечего доискиваться по чьей винѣ вышло такъ, а не иначе, и что надо соображаться съ настоящими условіями. „Если Афганское затрудненіе можетъ быть улажено безъ войны,“ рѣшаетъ *Times*, „мы и не пожелаемъ искать никакого другаго рѣшенія; но улажено оно должно быть, какими бы то ни было средствами, и улажено на нашихъ условіяхъ.“ А въ чемъ заключаются эти условія, телеграфировалъ 30-го октября корреспондентъ *Times* изъ Дарджилинга: „Слѣдуетъ помнить что нынѣшняя Афганская война будетъ отличаться отъ обыкновенныхъ пограничныхъ войнъ не только обширностью предпріятія, но существенно тѣмъ что цѣль ея есть не одно успѣшное исполненіе простой экспедиціи для наказанія, но *постоянное военное занятіе, если не полное присоединеніе*, важнѣйшихъ стратегическихъ путей ведущихъ въ Индію черезъ Афганистанъ.“ Другая газета, *Morning Post*, приводила въ тѣсную связь Афганское затрудненіе съ исполненіемъ Берлинскаго договора, и по поводу извѣстной рѣчи канцлера казначейства въ Бѣрмингемѣ, замѣчала: „Очевидно что Берлинскій трактатъ долженъ быть поддержанъ, а съ другой стороны ясно что кабинетъ болѣе чѣмъ когда-либо единодушенъ въ рѣшимости обезпечить преобладающее вліяніе въ Афганистанѣ.“

Итакъ, подчиненіе Афганистана есть не только дѣло рѣшенное Англійскимъ правительствомъ, измѣнить которое бессильны всѣ аргументы противниковъ этого предпріятія, но оно въ связи и съ тѣми интригами которыя ведетъ Англія въ Турціи. Это есть часть одного и того же обширнаго плана направленаго противъ Россіи, другую часть коего мы видѣли въ англо-турецкой конвенціи и видимъ теперь въ торопливости Англіи скорѣе вновь подчинить Забалканскихъ Болгаръ турецкой власти.

Нами уже было замѣчено что успѣхъ Англіи въ Афганистанѣ оказался бы нашимъ пораженіемъ въ глухой борьбѣ которую мы ведемъ съ ней. Но ничто не ручается чтобъ эта глухая борьба не могла принять острый характеръ и не стала явною. Вопросъ въ томъ гдѣ она прежде обнаружится, и намъ должно озаботиться чтобы повсюду она насъ встрѣтила сильными и готовыми къ отпору. Можно подо-

зрѣвать что въ англійскихъ совѣтахъ колебаніе только въ томъ какой части ихъ плановъ противъ Россіи, европейской или азійской, дать прежде ходъ. По словамъ телеграммы, на совѣтѣ министровъ поднятъ былъ вопросъ слѣдуетъ ли предпринимать военныя дѣйствія противъ Афганистана еще въ нынѣшнюю зиму. *Morning Post* выражаетъ надежду что вопросъ этотъ былъ рѣшенъ кабинетомъ утвердительно. *Times* иного мнѣнія, и говоритъ что хотя Англія должна удалить изъ Афганистана „все чье пребываніе тамъ угрожаетъ Англіи,“ но не рѣшено де еще когда это случится, и полагаетъ что походъ не будетъ предпринятъ до весны. „До тѣхъ же поръ Англія должна настаивать на исполненіи Берлинскаго трактата въ Европѣ. Трактатъ этотъ не разорванъ еще, и недалекъ моментъ, прибавляетъ съ угрозой *Times*, когда онъ долженъ быть исполненъ въ болѣе положительной формѣ.“

Объ этомъ исполненіи Берлинскаго трактата, какъ извѣстно, говорилъ съ удареніемъ и сэръ-Стаффордъ-Норткотъ въ своей рѣчи въ Бѣрмингамѣ, грозя что державы не допустятъ чтобы постановленія этого трактата, стоившаго такъ много хлопотъ, были оставлены втунѣ, и напоминая что важнымъ моментомъ будетъ май будущаго года когда русская армія должна очистить занятую территорію. Сущность его рѣчи была намъ передана точно, и мы уже говорили о ней, но въ полномъ текстѣ встрѣчается фраза выставляющая его мысль рельефнѣе. „Политика Англіи, говорилъ онъ, есть поддержаніе интересовъ нашей страны въ связи съ нашею великою колониальною и Индійскою имперіей. Пусть изображаютъ это какъ эгоистическую политику, но обязанность наша какъ правительства заботиться объ интересахъ страны ввѣренной нашему попеченію.“ И вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ великую истину что Англія находитъ нужнымъ поддерживать Турецкую имперію. „Многіе скажутъ что Турецкая имперія есть гнусность и чѣмъ скорѣе будетъ снесена тѣмъ лучше. Возводятъ обвиненія на управленіе Турціи которыя я не могу и не мое дѣло отрицать. Я вполне допускаю многія изъ обвиненій противъ этого управленія, но я спрашиваю: что же поставить на ея мѣсто?“ И такъ для интересовъ Англіи нужно и выгодно существованіе порядка который есть „гнусность.“ Черезъ день послѣ того, канцлеръ

казначейства говорилъ другую рѣчь въ Вульвергамптонѣ, о которой намъ не сообщалъ телеграфъ, и еще рѣзче развилъ мысль „о своекорыстныхъ интересахъ Англіи.“ „Вы слышите, говорилъ онъ, многое о томъ что мы дѣлаемъ, чего страшимся и чего надѣемся на Востокъ Европы и въ Азіи. Можетъ-быть вы думаете что для васъ, жителей Вульвергамптона, это не важно. Нѣтъ, это не такъ. Я приглашаю васъ взглянуть на прямые корыстные интересы Англіи и сказать отъ чего зависитъ процвѣтаніе нашего небольшого острова? Не зависитъ ли оно отъ положенія нашей торговли, отъ развитія промышленности? Да, мы великая производительная страна. Гдѣ же искать намъ нашихъ покупателей? Какое будетъ положеніе нашей страны, нашихъ производителей, рабочихъ классовъ заинтересованныхъ въ производствѣ, если наши рынки закроются и будутъ отрѣзаны?“ И это опять говорилось какъ сильный аргументъ въ пользу поддержанія во всей полнотѣ постановленій Берлинскаго трактата. Вотъ предъ нами самъ англійскій министръ не смущаясь объявляетъ что Англія есть паразитъ для существованія коего необходимо процвѣтаніе гнусностей! Для процвѣтанія этого паразита требуется чтобы половина Болгаръ была вновь закрѣпощена подъ управленіе, коего „гнусность“ не оспариваетъ Англійское правительство.

И Англія не шутя стремится къ исполненію своихъ плановъ. О планахъ же этихъ мы знаемъ слѣдующее: Константинопольскій корреспондентъ *Times* рассказываетъ о работахъ комиссіи для Восточной Румелии что на второмъ ея засѣданіи англійскій комиссаръ, сэръ-Генри Вольфъ, поднялъ вопросъ уже не о завѣдываніи только финансами этой провинціи, а, какъ предвидѣли, о всемъ ея временномъ управленіи. Онъ доказывалъ де что хотя „трактатъ не далъ прямо комиссіи общаго права контроля, но что фактъ завѣдыванія ея финансами долженъ неизбѣжно дать ей вмѣшательство въ другіе департаменты управленія, ибо завѣдываніе финансами должно означать не просто сборъ доходовъ, но также плату жалованья и другіе расходы, за которыми комиссія обязана присмотрѣть чтобы они велись экономно.“ Далѣе, англійскій комиссаръ требовалъ чтобы гражданское управленіе, во время русскаго занятія, было передано Туркамъ. Ту-

редкіе комиссары, со своей стороны, ухватились за эту мысль и возвестили что Порта намѣрена назначить генералъ-губернатора провинціи и офицеровъ въ жандармерію и милицію. Передать власть Туркамъ въ присутствіи русскихъ войскъ, вотъ отличная идея! Хороша была бы при этомъ роль русскаго Императорскаго комиссара, и вообще значеніе русской оккупациі.

Вообще, изо всего этого можно думать что Англійское правительство, повидимому, предпочитаетъ сначала осуществить европейскую часть своихъ плановъ? въ Азіи же, если возможно, ограничиться приготовленіями въ большихъ размѣрахъ, съ тѣмъ чтобы приступить къ обузданію эмира Афганскаго когда сэръ-Генри Вольфъ покончитъ свою расправу съ Болгарами.

№ 264.

Москва, 17-го октября.

Сколько можно судить по берлинскимъ газетамъ полученнымъ нами въ послѣдніе три дня, общественное мнѣніе слѣдитъ съ сочувствіемъ за быстрыми и энергическими дѣйствіями противъ социалистской пропаганды коими ознаменованы были первые дни, можно даже сказать часы, закона изданнаго съ цѣлью искорененія этой пропаганды. Политически-зрѣлое общество поняло что такого рода исключительныя мѣры только тогда и достигаютъ цѣли когда примѣняются съ неуклонною твердостью, безъ уступокъ и колебаній. Запрещеніе органа германскихъ социаль-демократовъ, *Берлинской Свободной Печати*, послѣдовавшее на другой же день послѣ опубликованія закона объясняется очень просто. Дѣло въ томъ что текстъ закона (который у насъ теперь предъ глазами) *не требуетъ*, для воспрещенія социалистскаго періодическаго изданія, чтобы сначала былъ задержанъ отдѣльный номеръ изданія, а за тѣмъ чтобы въ томъ же изданіи было допущено новое отступленіе отъ предѣловъ дозволеннаго. Таковъ былъ дѣйствительно первоначальный смыслъ поправки внесенной либеральною партіей къ законопроекту правительства, который не дѣлалъ никакого различія между печатью періодическою и неперіодическою. Но въ окончательной редакціи добавленіе относящееся до журналистики (2 отдѣлъ § 11) гла-

ситъ такъ: „При періодическихъ изданіяхъ запрещеніе можетъ простираться и на дальнѣйшее продолженіе изданія если одинъ номеръ онаго подвергся запрещенію на основаніи этого закона.“ Вотъ почему названный выше органъ могъ подвергнуться запрещенію вслѣдъ за первымъ номеромъ явившимся послѣ опубликованія закона. Самое изданіе закона послужило такимъ образомъ первымъ и единственнымъ предостереженіемъ для *всей* социалистской періодической печати. Мотивы коими сопровождается запрещеніе *Берлинской Свободной Печати* доказываютъ что запрещеніе остальныхъ органовъ не заставитъ себя долго ждать. Видно что правительство очень широко толкуетъ выраженіе закона о „тенденціяхъ направленныхъ къ *испроверженію* существующаго порядка“ коимъ, по настоянію либераловъ, замѣнено было „подкапываніе“ этого порядка. Названной газетѣ поставлено въ вину не только содержаніе номера появившагося послѣ изданія закона, но и прежнее ея направленіе.

Берлинскія либеральныя газеты нисколько не поражены этимъ распоряженіемъ и не находятъ чтобы оно заключало въ себѣ отступленіе отъ точнаго смысла закона. Тѣмъ менѣе можно ожидать чтобы оно было отмѣнено специальнымъ трибуналомъ учрежденнымъ при Союзномъ Совѣтѣ въ качествѣ ревизіонной инстанціи для надзора за примѣненіемъ новаго закона. Президентомъ этой коммиссіи назначенъ не кто иной какъ прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ, который во все время преній о законѣ горячо отстаивалъ всѣ пункты подвергшіеся возраженіямъ со стороны либераловъ. Не трудно предвидѣть что рѣшенія трибунала въ которомъ будетъ предсѣдатель графъ Эйленбургъ, рѣшенія, изъ коихъ первыя будутъ имѣть значеніе руководящихъ толкованій закона, не пойдутъ въ разрѣзъ съ распоряженіями исходящими отъ административныхъ органовъ непосредственно подчиненныхъ тому же графу Эйленбургу.

Кромѣ запрещенія постигшаго *Берлинскую Свободную Печать*, въ тотъ же день опубликовано запрещеніе 34 сочиненій изданныхъ частію въ Германіи, частію за границей. Въ числѣ этихъ сочиненій встрѣчаются не мало и такихъ которыя изданы пять-шесть лѣтъ тому назадъ. Въ этомъ списокѣ красуется между прочимъ и выборка изъ сочиненій Писарева, на нѣмѣд-

комъ языкѣ, изданная въ 1875 году въ Пештѣ.

Соціально-демократическая партія, считавшая въ своихъ рядахъ до милліона послѣдователей въ Германіи, болѣе не существуетъ. Таковы послѣдствія закона 21 октября который былъ вызванъ злодѣйскими покушеніями въ Берлинѣ. Покушенія эти заставили встрепетаться всѣ охранительные элементы въ германскомъ обществѣ и ближе всмотрѣться въ свойство той злокачественной пропаганды, которая безпрепятственно производилась повсемѣстно и росла съ каждымъ днемъ, пользуясь временно благоприятными для того условіями. Большинство народа поняло что общество не можетъ долѣе равнодушно присутствовать при этомъ явленіи и терпѣть дѣйствія его во имя фальшиво-толкуемыхъ принциповъ политической свободы. Правительству предоставлена широкая власть для борьбы со зломъ, и оно уже показало какое широкое употребленіе намѣрено оно сдѣлать изъ этой власти.

До сихъ поръ мы получали извѣстія лишь о мѣрахъ которыя принимались органами Прусской администраціи на основаніи новаго закона. Но изъ берлинскихъ газетъ сегодня полученныхъ мы узнаемъ о цѣломъ рядѣ мѣръ послѣдовавшихъ и въ остальныхъ союзныхъ государствахъ. Изъ этихъ мѣръ позднѣйшія обнародованы 23 октября, то-есть не далѣе какъ черезъ два дня по обнародованіи закона въ Берлинѣ. Закрыты различнаго рода соціалистскія сообщества и союзы коими изобиловали въ особенности промышленные центры Саксоніи. Замѣчательно кромѣ того послѣдовавшее со стороны Брауншвейгскаго правительства запрещеніе денежныхъ сборовъ въ пользу забастовавшихъ въ *Буда-Пештѣ* подмастерьевъ по каретному промыслу. Запрещеніе это показываетъ что германскія правительства имѣютъ въ виду распространить дѣйствіе закона нѣкоторымъ образомъ за предѣлы Германіи, не допуская въ своей странѣ никакой открытой поддержки соціалистской агитаціи происходящей въ той или другой формѣ за границей, независимо отъ того терпятъ ли мѣстное правительство эту агитацію или нѣтъ.

№ 265.

Москва, 18-го октября.

Лондонская телеграмма вчера извѣстила насъ будто Англійское правительство готовить новую дипломатическую кампанію противъ Россіи. Этимъ, повидимому, подтверждается наше предположеніе что Англія торопится ускореніемъ развязки съ Болгарами согласно со своими видами, прежде чѣмъ приняться серіозно за исполненіе своего давно задуманнаго предпріятія противъ эмира Афганскаго. Столь свѣдущая въ дипломатическихъ фокусахъ и часто предвѣщающая ихъ своими намеками, газета *Times* беретъ на себя рекомендовать совокупный шагъ Англіи, Франціи и Австріи дабы напомнить Россіи о ея обязательствахъ соотвѣтственно Берлинскому трактату, и ожидаетъ весьма добраго результата отъ такого дѣйствія. При этомъ выражается ожиданіе что и Германія примкнетъ де къ такому дѣйствію, такъ какъ Бисмаркъ обязанъ „дополнить его не полное созданіе.“ Зная по прежнимъ опытамъ значеніе рекомендацій и намековъ *Times*, можно не безъ основанія предположить что пожалуй нѣчто подобное и обсуждалось на послѣднемъ совѣтѣ англійскихъ министровъ.

Мы только никакъ не можемъ усмотрѣть почвы на которую Англійское правительство могло бы опереться для такого шага. Весьма вѣроятно что здѣсь разумѣются затрудненія которыя встрѣчаетъ Румелійская коммиссія въ своемъ замыслѣ забрать немедленно въ свои руки управленіе Восточною Румеліей. Извѣстно что это обстоятельство занимало и тревожило англійскую печать въ послѣднее время. Кромѣ того, она была очень озадачена и огорчена извѣстіями о требованіи Россіи отъ Порты облечь въ окончательную форму всю ту часть прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго договора которая осталась внѣ обсужденій Берлинскаго конгресса, и о пріостановкѣ отступленія русскихъ войскъ къ Адрианополю и даже о возвращеніи ихъ на нѣкоторыя изъ оставленныхъ было позицій. Побужденіемъ къ этой послѣдней мѣрѣ были какъ отказъ Порты заключить съ Россіей окончательный мирный договоръ, такъ въ особенности насилія надъ христіанами, возобновившіяся съ отступленіемъ нашихъ войскъ. Оба эти обстоятель-

ства не имѣютъ ни малѣйшей связи съ Берлинскимъ трактатомъ. Въ этомъ послѣднемъ обозначенъ срокъ опредѣленный для русской оккупации Болгарскаго княжества и Восточной Румелии, который еще впереди, но нигдѣ нѣтъ ни слова о томъ когда должны быть очищены остальные части Оттоманской территоріи занятыя русскими войсками. Если скажутъ что немедленное очищеніе ихъ тѣмъ болѣе разумѣлось само собою что Берлинскимъ трактатомъ была покончена война, то на это отвѣтъ что трактатъ этотъ отнюдь не есть мирный трактатъ, что явствуетъ изъ самаго предисловія его, гдѣ сказано что поименованныя державы, „желая регулировать вопросы возбужденные на Востокѣ событіями послѣднихъ лѣтъ и войной, окончаніе коей было обозначено Санъ-Стефанскимъ предварительнымъ трактатомъ, выразили единодушное мнѣніе что собраніе конгресса представить наилучшее средство облегчить соглашеніе между ними,“ и далѣе: „такъ какъ по счастію соглашеніе установилось между ними, то они (уполномоченные) приняли слѣдующія условія.“ За симъ слѣдуетъ текстъ трактата. Отсюда видно что Берлинскій трактатъ былъ соглашеніемъ нѣсколькихъ европейскихъ державъ, между собой не воевавшихъ, о вопросахъ общаго для нихъ интереса, а не тѣмъ что обыкновенно называется мирнымъ инструментомъ, опредѣляющимъ новыя отношенія между воевавшими. Прекращеніе же войны между Турціей и Россіей, какъ это упомянуто и въ Берлинскомъ договорѣ, послѣдовало въ силу Санъ-Стефанскаго трактата. Но этотъ трактатъ былъ предварительный, и какъ въ силу этого обозначенія, такъ и по условію, долженъ быть облеченъ въ окончательную форму. Берлинскій конгрессъ не могъ устранить и не устранялъ этой необходимости. Онъ трактовалъ лишь о вопросахъ общеевропейскаго интереса, но все остальные вопросы между Россіей и Турціей оставилъ нетронутыми. Указанія же на очищеніе Турками болгарскихъ крѣпостей и Батума, приводимыя туркофильскими органами въ подтвержденіе требованій объ отступленіи русскихъ войскъ, не имѣютъ силы, потому что Порта обязана была очистить крѣпости еще по условіямъ перемирія. Итакъ, Россія вполне въ правѣ требовать отъ Порты облеченія мирнаго договора въ окончательную форму, и пока это требованіе не будетъ

исполнено, русскія войска имѣютъ полное право оставаться въ сосѣдствѣ Константинополя.

Вопросъ о Румелійской комиссіи болѣе запутанъ благодаря неопредѣленности какою отличаются многія изъ постановленій Берлинскаго трактата. Претензіи комиссіи, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, не выдерживаютъ критики. Она требуетъ себѣ права вмѣшательства во внутреннее управленіе провинціи, съ другой стороны и Порты готова немедленно назначить въ провинцію своего губернатора, съ тѣмъ чтобы ему была передана власть. Но нигдѣ въ Берлинскомъ трактатѣ не выговорено права на такія требованія. Вотъ что въ немъ сказано:

„*Статья XVII.* Генераль-губернаторъ Восточной Румелии назначается Портой, съ согласія державъ, на 5 лѣтъ.

„*Статья XVIII.* Непосредственно по размѣнѣ ратификацій настоящаго договора будетъ образована европейская комиссія, дабы совместно съ Высокою Портой *выработать организацию* Восточной Румелии. Эта комиссія должна будетъ опредѣлить, въ трехмѣсячный срокъ, власть и права генераль-губернатора, также какъ административное, судебное и финансовое управленіе провинціи, сообразно съ различными законами о вѣлестахъ и предложеніями сдѣланными въ восьмомъ засѣданіи Константинопольской конференціи.

„Все постановленія относительно Восточной Румелии будутъ внесены въ императорскій фирманъ, который будетъ Высокою Портой обнародованъ и сообщенъ державамъ.“

Читатели могутъ видѣть что срокъ введенія новыхъ властей вовсе не обозначенъ, еще менѣе гдѣ-либо сказано чтобы онѣ могли вступить въ дѣйствіе въ присутствіи русскихъ властей, а задача европейской комиссіи назначена чисто организационная, отнюдь не административная.

Единственная статья на которой комиссія основываетъ свою придирку вмѣшательства въ управленіе есть весьма туманно изложенная XIX статья трактата, гдѣ сказано:

„Европейской комиссіи будетъ поручено, по соглашенію съ Высокою Портой, завѣдывать финансами провинціи впредь до введенія въ ней новаго устройства.“

Но опять мы не видимъ здѣсь никакого указанія срока когда именно комиссія должна вступить въ это завѣдываніе. Къ

тому же эта статья находится въ явномъ противорѣчїи со слѣдующею статьей XXII о русской оккупаци, гдѣ сказано что войска оккупационнаго корпуса „содержатся насчетъ занятыхъ странъ.“ А какъ въ странѣ въ настоящее время нѣтъ никакой другой власти кромѣ русскаго занятія, то очевидно оно должно имѣть въ рукахъ и средства для содержанія этой власти. Иначе русскія войска и власти оказались бы подчиненными чужому правительству, что не допустимо.

Заслуживаетъ еще вниманія заискиваніе лондонской газеты у Германіи доводомъ что князю Бисмарку предстоитъ дополнить свое созданіе. Она забываетъ, однако, что германскій канцлеръ ограничилъ свое дѣло лишь „маклерствомъ.“ Дѣло же Берлинскаго конгресса гораздо болѣе есть дѣло англійскихъ министровъ. Теперь они сами недовольны имъ, и желали бы дополнить его. Не станемъ спорить что Берлинскій трактатъ весьма неудовлетворительная работа. Но если исправлять ее, то почему же непременно по англійскимъ желаніямъ? Напротивъ, за исправленіе справедливѣе приняться тамъ гдѣ машина вовсе не дѣйствуетъ, гдѣ измышленія англійскихъ политиковъ встрѣчаютъ отпоръ. Возможно ли требовать отъ насъ чтобы мы поторопились передать Болгаръ Восточной Румелии въ англійскія и турецкія руки когда мы видимъ что не только изъ этой провинціи поднимаются громкіе протесты противъ отдѣленія ея отъ освобожденныхъ собратій, но и въ мѣстностяхъ отрѣзанныхъ отъ этой провинціи и оставленныхъ прямо подъ турецкою властью, въ Македоніи и Фракіи, Болгары встаютъ массами съ оружіемъ въ рукахъ и противятся возвращенію ихъ подъ мусульманское иго?

№ 266.

Москва, 19-го октября.

Съ нѣкотораго времени, въ англійской печати дѣлаются намеки на существованіе соглашенія, даже союза между Англіей и Франціей для общаго дѣйствія на Востокъ, разумѣется въ смыслъ враждебномъ Россіи. Мы не придаемъ этимъ слухамъ серіознаго значенія. Это слишкомъ походило бы на предпріятіе во вкусъ Второй Имперіи. Наполеонъ III, случайно до-

стигшій власти и чувствуя шаткость своего положенія, радъ былъ всякому *респектабельному* союзу, и готовъ былъ заплатить за него чѣмъ угодно, прежде всего разумѣется интересами своей страны. Извѣстно какъ торгъ былъ слаженъ. Англійская королева съ принцемъ-супругомъ посѣтили императора, его генералы, сподвижники *du coup d'état*, жали руку англійскимъ генераламъ и вмѣстѣ съ ними отправились воевать за Турокъ, и затѣмъ, послѣ войны, новая улица въ Парижѣ получила громкое имя *Севастопольскаго бульвара*. Что же еще осталось Франціи отъ затѣи которая стоила ей до ста тысячъ ея сыновъ? Она понесла главную тяжесть войны, а выгоды извлекла Англія, усиливъ свое положеніе въ Средиземномъ морѣ. Первый шагъ авантюристской политики роковымъ образомъ повлекъ Францію къ новымъ ошибкамъ, которыя такъ бѣдственно завершились Седаномъ. Неужели Франція пожелала бы вступить на тотъ же путь, и испытать разъ Англійскій союзъ допустила бы вновь увлечь себя въ тѣ же сѣти?

Что Англія хлопочетъ объ этомъ, этому мы вѣримъ. Не трудно понять и на что она разчитываетъ для своихъ плановъ. Положеніе нынѣшней правительственной партіи во Франціи, руководимой г. Гамбеттой, во многомъ сходно со Второю Имперіей. Эта партія также случайно достигла власти какъ и имперія которую она низвергла среди національнаго крушенія; она также держится только благодаря раздорамъ своихъ противниковъ, и также трепеща за прочность своей власти ищетъ поддержки и *престижа*. Во внутренней политикѣ она разительно подражаетъ приемамъ имперіи. Эти люди, такъ рѣзко изобличавшіе имперіализмъ за его злоупотребленія, подкупы массъ и сенсационные эффекты, достигнувъ сами власти слѣдуютъ совершенно той же тактикѣ. Имперія есть миръ, она благодѣтельствуетъ массамъ, даетъ имъ заработки, заботится о ихъ благосостояніи и процвѣтаніи, вотъ что говорила Вторая Имперія. То же самое твердитъ и республиканская печать. Какъ торжество мирной политики республики представляется выставка которая должна была привлечь въ Парижъ множество иностранцевъ. Балы и праздники по случаю этого торжества не уступаютъ въ блескѣ Наполеоновскимъ. Въ нынѣшнемъ году ожидаются выборы для возобновленія треть-

ей части сенаторовъ, и подкупъ массъ ведется *en grand*. Министръ публичныхъ работъ, г. Фрейсине, бывший правою рукой Гамбетты во время его диктаторства, испросилъ у палаты громадный кредитъ для постройки второстепенной сѣти желѣзныхъ дорогъ и проведенія каналовъ: вотъ знакомое средство подкупать общины, какъ дѣлали власти при Наполеонѣ III, поддерживая официальныхъ кандидатовъ за обѣщаніе провести мостъ или шоссеиную дорогу на счетъ государства. Лотереи были запрещены во Франціи. Теперь палатой разрѣшена гигантская лотерея съ *благотворительною цѣлью*, давшая правительству новое средство подкупа на выборахъ. Разрѣшенъ выпускъ милліона билетовъ въ одинъ франкъ, съ тѣмъ чтобы половину собранной суммы употребить на даровой провозъ рабочихъ и крестьянъ на Парижскую выставку, а другую половину на покупку призовъ для розыгрыша изъ выставленныхъ же предметовъ. Лотерея эта возбуждаетъ не малый скандалъ. Первый милліонъ билетовъ былъ живо расхваченъ; за нимъ послѣдовалъ второй, третій, пока не было выпущено до шести милліоновъ. Наконецъ, рѣшено довести число до восьми милліоновъ. Раздача билетовъ была поручена чиновникамъ всѣхъ степеней, отъ префектовъ до почтальоновъ и сельскихъ сторожей. Многіе сельскіе учителя взялись быть агентами продажи билетовъ, и раздавали ихъ дѣтямъ. Приманка же большая потому что въ числѣ призовъ приобретаемыхъ за франкъ значатся два крупные выигрыша во 100.000 и 125.000 франковъ. Многіе чиновники даже жаловались на принужденное участіе въ раздачѣ билетовъ, и одинъ обнародовалъ циркуляръ полученный отъ министра финансовъ, въ которомъ значилось что если онъ не раздастъ 5.000 билетовъ, то навлечетъ на себя подозрѣніе въ „нерадѣніи о республикѣ.“ Восемь милліоновъ билетовъ даютъ правительству четыре милліона франковъ чтобы рабочихъ и крестьянъ, изъ тѣхъ мѣстъ гдѣ требуется завоевать сенаторское мѣсто, угостить даровою прогулкой въ Парижъ. Закупка же призовъ у экспонентовъ также служитъ отличнымъ средствомъ для косвеннаго подкупа. Чѣмъ же всѣ эти продѣлки уступаютъ Наполеоновскимъ? Конечно, нельзя думать чтобъ этотъ новый видъ игры, чтобъ это поголовное развращеніе массъ

замаскированными подкупами, были въ интересъ страны. Но что за дѣло? Развѣ объ интересахъ страны заботятся искатели власти? Поговаривали даже что нынѣшнее республиканское правительство думаетъ будущею весною устроить плебисцитъ чтобы „заткнуть глотку“ бонапартистамъ...

Дѣйствительно, не достаетъ только того чтобы республиканская Франція заявила себя блескомъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Уже велись рѣчи что Франція, заключивъ мирное торжество выставки и показавъ миру какъ блистательно она оправилась отъ своихъ бѣдствій, готова будетъ занять свое прежнее мѣсто въ Европѣ. Вѣрно и то что Англія очень ухаживаетъ за республиканцами. Она предлагаетъ имъ свою *респектабельность* чтобы возвысить ихъ и въ ихъ собственныхъ, и въ чужихъ глазахъ. Принцъ Вельскій былъ рѣшительно львомъ Парижской выставки. Онъ разсыпался въ любезностяхъ съ г. Гамбеттой, оказывалъ ему всякое вниманіе, угощалъ его завтракомъ, и пресловутый воздухоплаватель, въ своемъ органѣ *République Française*, засвидѣтельствовалъ свою благодарность слѣдующей замѣткой: „Французская публика признаетъ услугу оказанную принцемъ Парижской выставкѣ въ такое время когда сомнѣнія, возникшія изъ кретическаго положенія дѣлъ, мѣшали приготовленіямъ. Франція запомнитъ это доказательство сочувствія и навсегда свяжетъ его съ успѣхомъ выставки.“ Въ англійской печати, въ свою очередь, расточается лесть мудрости, твердости и мирнымъ успѣхамъ Французской республики.

Отсюда понятно рожденіе слуховъ о сближеніи или союзѣ Франціи съ Англіей въ видахъ враждебныхъ Россіи. Ни противъ кого другаго Англія не станетъ искать союза Франціи. Но отъ всего этого кокетничанья до союза весьма далеко. Сила вещей возьметъ свое. Напротивъ, скорѣе Англія и Франція сами столкнутся чѣмъ соединяется для дѣйствія на Востокъ...

№ 267.

Москва, 20-го октября.

А.

Враждебные Россіи органы заграничной печати не довольствуются измышленіемъ

коалиціи Франціи съ Англіею съ цѣлью „огражденія неприкосновенности Берлинскаго трактата.“ Австрія, по мнѣнію *Новой Свободной Печати* (*Neue Freie Presse*), тоже не поколеблется пристать къ этому союзу если продолжится тотъ угрожающій цѣлости Турціи (австрійскіе органы не стыдятся еще толковать о цѣлости Турціи!) порядокъ вещей который усматривается нынѣ органами этого лагеря. Этого мало: вѣнскій органъ турецкой дипломатіи льститъ себя надеждой что и князь Бисмаркъ не останется равнодушнымъ зрителемъ того какъ дѣло рукъ его, то-есть Берлинскій трактатъ, попирается Россіею, и если не пристанетъ открыто къ коалиціи, то во всякомъ случаѣ лишитъ Россію той поддержки которую онъ ей оказывалъ при существованіи Тройнаго Союза. Но чтобъ оцѣнить по достоинству эти родомонтады, стоить только перевернуть страницу того же нумера *Новой Свободной Печати*: внутреннее положеніе дѣлъ въ Австріи рѣзко противорѣчитъ этой безстыжей похвальбѣ. Та же самая газета всѣми силами старается о томъ чтобъ усилить острый характеръ теперешняго министерскаго кризиса и не допустить чтобы кабинетъ барона Де-Претиса состоялся. Судя по послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіямъ изъ Вѣны, усилія эти увѣнчались успѣхомъ. Цислейтанскій рейхсратъ упорно отказывается утвердить дополнительный 25-милліонный кредитъ на покрытіе передержки по занятію турецкихъ провинцій, настаивая на томъ чтобы правительство дало свои объясненія по иностранной политикѣ теперь же, въ полномъ собраніи рейхсрата, а не предъ делегаціями. Правительство столь же настойчиво отклоняетъ это предложеніе, и по слухамъ г. Де-Претисъ уже отказался отъ порученія составить кабинетъ, и рѣчь идетъ о распусcenіи рейхсрата. Натянутыя отношенія между Австріей и Турціей, по словамъ тѣхъ же вѣнскихъ газетъ, далеко не прекратились; вопросъ о конвенціи между этими державами не подвинулся ни на шагъ впередъ, и если Турція нѣсколько умѣрила свой вызывающій тонъ противъ Австріи, обращикомъ котораго была недавняя циркулярная нота Порты, объ австрійскихъ жестокостяхъ въ Босніи, то это лишь потому что Турція разчитываетъ на содѣйствіе своихъ добрыхъ друзей въ самой Австріи, надѣясь что они опутаютъ тамошнее правительство

такою сѣтью затрудненій что ему нелегко будетъ изъ нея выбраться, и первыя же засѣданія рейхсрата и венгерскихъ палатъ доказали что то былъ вѣрный разчетъ. Итакъ, къ лицу ли австрійскимъ политическимъ глашатаямъ принимать угрожающую позу?

Но эти толки сами по себѣ не лишены интереса и знаменуютъ теперешнее положеніе дѣлъ. Указывается на то что Россія нынѣ господствуетъ болѣе чѣмъ когда-либо на Балканскомъ полуостровѣ; болшую тревогу возбуждаетъ возстаніе Болгаръ въ Македоніи, и разумѣется Россію обвиняютъ въ томъ что она вызвала это движеніе, или по крайней мѣрѣ поощряетъ его своимъ бездѣйствіемъ. Эти господа не на шутку готовы утверждать что Россія должна бы употребить свои военныя силы расположенныя въ Турціи на то чтобъ ограждать власть султана и привести его непокорныхъ подданныхъ къ повиновенію. Но за всѣмъ этимъ проглядываетъ лишь страхъ за неприкосновенность Берлинскаго трактата, страхъ неподдѣльный, который только самыя крайніе и самыя изолгавшіеся изъ туркофильскихъ органовъ стараются пересилить крикомъ о европейской коалиціи. Болѣе умѣренные изъ этихъ органовъ предаются напротивъ меланхоліи въ виду опасностей угрожающихъ Берлинскому трактату и повидимому плохо вѣрятъ въ его живучесть. Вотъ напримѣръ разсужденіе которое мы прочли въ полученномъ сегодня номерѣ *Кельнской Газеты*.

„Въ дѣйствительности Англія была единственною державой которая въ Берлинѣ дѣятельно воспротивилась притязаніямъ Россіи. Ей удалось тогда настоять въ существенномъ на своихъ требованіяхъ, ибо Россія находилась въ то время въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Армія ея была ослаблена (?) и потребность въ мирѣ сказывалась и внутри государства; Румынія приняла почти открыто враждебное положеніе, а положеніе Австріи, которая въ то время еще не принимала участія въ раздѣлѣ Турціи, было сомнительно; турецкія войска еще занимали всѣ крѣпости въ Болгаріи. Теперь же совершенно иное. Русская армія находящаяся на Балканскомъ полуостровѣ снова пришла въ наилучшее состояніе; Румынія успокоилась; Болгарія устранивается вполне на русскій ладъ, и всѣ крѣпости въ рукахъ Россіи. Австрія очень плохо пере-

„вариваетъ проглоченный ею кусокъ Турціи, а силы самой Турціи ослабѣли, а „не возрасли. Наконецъ Англія въ значительной мѣрѣ отвлечена Афганскимъ замѣшательствомъ.“ *Кельнская Газета* при всемъ томъ не думаетъ чтобы Россія имѣла въ виду открытою силой добиться обратной замѣны Берлинскаго трактата Санъ-Стефанскимъ. Но она думаетъ что Россія во всякомъ случаѣ настолько воспользуется выгодами своего теперешняго положенія чтобы достигнуть фактической отмѣны Берлинскаго трактата. Прирейнскій органъ туркофильства тоже не скупится по этому поводу на всякаго рода любезности по отношенію къ Россіи; но коалиціей западныхъ державъ съ присоединеніемъ Австріи ей не грозитъ. Интереснѣе же всего отзывъ *Кельнской Газеты* о достоинствѣ Берлинскаго трактата, коего судьбу она уже теперь такъ оплакиваетъ. Приведа презрительный о Берлинскомъ трактатѣ отзывъ князя Дондукова-Корсакова, который, по увѣренію корреспондентовъ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, выразился предъ членами Румелийской международной комиссіи что этотъ трактатъ есть „Оффенбаховская музыка,“ — *Кельнская Газета* думаетъ что русскій комиссаръ былъ правъ если онъ этими словами желалъ указать на легкомысленность этого акта. Въ остальномъ же она находитъ сравненіе неудачнымъ, и вотъ почему: „Оффенбаховская музыка,“ замѣчаетъ *Кельнская Газета*, „весела; Берлинскій же трактатъ — и это „съ каждымъ днемъ обнаруживается все „болѣе — есть актъ печальный и притомъ „такой который мало чести приносить тѣмъ „кто его сочинялъ.“

Не намъ спорить противъ такого отзыва о Берлинскомъ трактатѣ. Но сколько же нужно безстыдства чтобы, высказывая подобнаго рода сужденіе, вмѣстѣ съ тѣмъ порочить Россію за то что она нераспинается за осуществленіе этого „печальнаго памятника дипломатическаго легкомыслія?“

Б.

Въ ряду безчисленныхъ естественныхъ богатствъ русской почвы, лежащихъ втунѣ, не послѣднее мѣсто занимаютъ обширныя и богатѣйшія нефтяныя мѣсторожденія по сю и по ту сторону Кавказа. По недостатку ли у насъ предприимчивости, капиталовъ и умѣнья, или по другимъ при-

чинамъ, разработка кавказской нефти производится далеко не въ тѣхъ размѣрахъ какъ желательно и возможно. При неимовѣрномъ изобиліи нефти въ собственной почвѣ, петролей у насъ не только не сталъ важною статьей заграничнаго отпуска, наравнѣ съ льсомъ, льномъ, пенькою, шерстью, хлѣбомъ и проч., но къ нашему стыду, даже для собственныхъ надобностей мы продолжаемъ употреблять чужой, привозимый къ намъ изъ-за Океана, американскій петролей.

Но вотъ, спасибо, сами Американцы вызываются помочь намъ выступить опасными для нихъ соперниками на всемірномъ рынкѣ.

Такому великодушію трудно было бы повѣрить, но нельзя отрицать фактъ который налицо. Чтобы двинуть русскую нефть на недоступные ей донинѣ иностранные рынки, американская кампанія, въ лицѣ своего представителя, г. Твидла (Twedle), щедрою рукою предлагаетъ русской нефтепромышленности все чего ей недостаетъ для быстраго, широкаго и успѣшнаго развитія: американскую предприимчивость, американскіе капиталы, американское умѣнье.

Грандіозный проектъ г. Твидла о разработкѣ кавказскихъ нефтяныхъ мѣсторожденій и объ устройствѣ нефтепроводовъ по сѣверную сторону Кавказа отъ Майкопа къ Тамани (270 верстъ), и по южную поперекъ всего Кавказскаго перешейка (730 верстъ), отъ Баку до Потти или до Батума, — проектъ, долгое время хранившійся въ тайнѣ, вотъ уже около полугода вышелъ наружу, вызвавъ своимъ появленіемъ горячую полемику. Какъ о сущности самаго проекта, такъ и о главныхъ пунктахъ вызваннаго имъ спора, читатели могли уже составить себѣ достаточное понятіе изъ заявленія бакинскихъ нефтепромышленниковъ (*Моск. Вид. № 134*) и изъ ряда статей о „нефтяномъ вопросѣ“ недавно помѣщенныхъ въ нашей газетѣ *) и обсуждавшихъ это дѣло съ различныхъ точекъ зрѣнія. Кто правъ въ этомъ спорѣ, сторонники или противники проекта? Чего можетъ ожидать русская нефтепромышленность если откажется отъ великодушнаго содѣйствія г. Твидла, и на что можетъ она разчитывать если приметъ оное? Уяснить

*) *Нефтяной вопросъ*, г. А. Зиссермана (*Моск. Вид. № 254*), *Нефтяной вопросъ*, г. Л. Н. (*Моск. Вид. № 257*) и *Нефтяной вопросъ* г. С. Р. К. (*Моск. Вид. № 259*).

себѣ эти вопросы тѣмъ необходимѣе что дѣло о проектѣ г. Твидла уже находится на разсмотрѣніи, и самое рѣшеніе его, по всей вѣроятности, не заставитъ себя долго ждать.

Разработка кавказской нефти едва ли не самая молодая изъ всѣхъ отраслей русской промышленности: со времени ея возникновенія, съ тѣхъ поръ какъ г. Кокоревымъ, въ 1859 году, устроенъ былъ близъ Баку первый керосиновый заводъ, не прошло еще и двадцати лѣтъ. Но какъ ни кратковременна исторія нашего нефтянаго производства, въ ней рѣзко выдѣляются три весьма различные между собою періода: первый, самый продолжительный, въ тринадцать лѣтъ, съ 1859 до 1872, былъ періодъ откупной системы, не предоставлявшій нефтяному производству никакой возможности развитія; второй, пятилѣтній съ 1872 до 1877, былъ, періодъ акцизной системы, сравнительно болѣе льготной, хотя все же стѣснительной для промысла едва зародившагося и не могшаго, благодаря откупу, окрѣпнуть; наконецъ, третій періодъ, самый льготный, начался лишь съ 1877 года, съ отмѣной акциза. Разность условій разработки нефти въ каждый изъ указанныхъ трехъ періодовъ бросается въ глаза. Послѣдовательныя измѣненія въ этихъ условіяхъ не могли остаться безъ вліянія на успѣхи нашей нефтепромышленности; но вмѣстѣ съ тѣмъ они не остались безъ значенія и для американскихъ нефтепромышленниковъ. Чѣмъ тяжеле было положеніе русскихъ промышленниковъ тѣмъ выгоднѣе было Американцамъ, и наоборотъ чѣмъ легче дышалось русской промышленности тѣмъ невыгоднѣе становилось для американской. Пока разработка русской нефти искусственно подавлялась откупною системой, сбытъ въ Россію американскаго петролея возрасталъ непрерывно и въ быстрой прогрессіи. Офіціальныя цифры о количествѣ петролея выпущеннаго изъ таможенъ для внутренняго потребленія въ десятилѣтіе 1864—1873 всего нагляднѣе показываютъ какъ быстро росъ въ періодъ откупа ввозъ къ намъ американскаго петролея, и какіе виды могли имѣть Американцы на дальнѣйшее увеличеніе сбыта къ намъ своего продукта. Всего, по таможеннымъ свѣдѣніямъ, ввезено въ Россію петролея:

Въ 1864 году . . . 189.135 пуд.
 „ 1865 „ . . . 258.397 „

| | |
|--------------------|--------------|
| Въ 1866 году . . . | 364.356 пуд. |
| „ 1867 „ . . . | 552.497 „ |
| „ 1868 „ . . . | 792.000 „ |
| „ 1869 „ . . . | 1.099.472 „ |
| „ 1870 „ . . . | 1.440.971 „ |
| „ 1871 „ . . . | 1 720.420 „ |
| „ 1872 „ . . . | 1 790.335 „ |
| „ 1873 „ . . . | 2 710.143 „ |

Замѣна въ Россіи откупной системы акцизною не дозволила осуществиться надеждамъ Американцевъ на дальнѣйшее увеличеніе сбыта къ намъ своей нефти. Русская нефть начала быстро вытѣснять иностранную съ русской почвы. Керосиновое освѣщеніе продолжало распространяться въ Россіи еще въ большой прогрессіи чѣмъ прежде, но господство на нашихъ внутреннихъ нефтяныхъ рынкахъ скоро перешло отъ американскаго къ русскому керосину, и привозъ къ намъ американскаго сталъ годъ отъ году уменьшаться, какъ показываютъ офіціальныя цифры за пятилѣтіе 1873—1877. Именно всего изъ-за границы было привезено петролея:

| | |
|--------------------|-------------------|
| Въ 1873 году . . . | 3.035.848 пуд. *) |
| — 1874 „ . . . | 2.487.846 „ **) |
| — 1875 „ . . . | 2.465.884 „ ***) |
| — 1876 „ . . . | 2 221.367 „ ****) |
| — 1877 „ . . . | 1.700.183 „ †) |

Такое сокращеніе ввоза иностраннаго петролея было прямымъ результатомъ успѣховъ сдѣланныхъ нашею нефтепромышленностью въ краткій срокъ немногихъ лѣтъ прошедшихъ со времени отмѣны откупа. Въ тринадцать лѣтъ откупной системы ежегодная добыча нефти на Кавказѣ едва могла подняться до 1½ милліона пудовъ; вдвое кратчайшій срокъ, со времени отмѣны откупа, ежегодная добыча нефти возрасла до двадцати милліоновъ пудовъ, а размѣръ производства изъ нея керосина до 6.000.000 пудовъ. Таковы результаты отмѣны откупа. Результаты отмѣны акциза не могли еще достаточно обнаружиться, но несо-

*) 334.705 пуд. изъ этого количества поступили на складъ, который съ 385 452 пуд. оставшихся къ 1873 году возросъ къ 1874 до 720.157 пуд.

**) Одновременно количество петролея въ таможенныхъ складахъ уменьшилось до 683.842 пуд., то-есть на 36.415 пуд

***) Вмѣстѣ съ тѣмъ количество на складѣ уменьшилось до 496.600 пуд

****) Количество петролея на складѣ разомъ уменьшилось до 55.481 пуд., то-есть на 441.119 пуд.

†) Послѣдняя цифра выражаетъ количество не привоза, а выпуска изъ таможенъ и не могла быть исправлена по неизвѣстности какія измѣненія въ этомъ году произошли въ количествѣ петролея оставшагося на складѣ.

мнѣнно что благодаря этой мѣрѣ, развитіе нефтянаго промысла пойдетъ впередъ еще въ болѣе благопріятной прогрессіи. Есть ли, однако, при всемъ этомъ твердая надежда что благодаря одной отмѣнѣ акциза наша нефтепромышленность разовьется въ такой степени чтобы не только вытѣснить американскій керосинъ изъ Россіи, но и сдѣлать русскій керосинъ видною статьей заграничнаго отпуска?

При нынѣшнихъ средствахъ перевозки нефти, такой надежды, по общему признанію, нѣтъ. Хотя нефть добывается пока только въ мѣстахъ не весьма удаленныхъ отъ Каспійскаго моря, но все-таки доставка керосина съ Кавказа во внутреннія мѣстности Россіи обходится дороже доставки изъ Америки. О доставкѣ же нефти отъ береговъ Каспійскаго моря къ портамъ Чернаго для отправки за границу при настоящихъ путяхъ сообщенія невозможно и думать.

При такихъ обстоятельствахъ, не истиннымъ ли благодѣяніемъ былъ бы для русской нефтепромышленности нефтепроводъ который предполагаетъ устроить г. Твидль съ компаніей? Не должны ли бы наши нефтепромышленники, такъ терпящіе отъ недостатка путей сбыта, радоваться что нашелся добрый человѣкъ предлагающій имъ удобный путь доставки къ порту Чернаго Моря, по цѣнамъ не выше желѣзнодорожнаго тарифа.

И однако наши нефтепромышленники, насколько не пугающіеся высоты желѣзнодорожнаго тарифа и нетерпѣливо ожидающіе постройки Тифлиско-Бакинской дороги для расширенія своего производства, не только не приходятъ въ восторгъ отъ проекта г. Твидла, а напротивъ выражаютъ увѣренность что осуществленіе этого проекта было бы смертельнымъ ударомъ будущему развитію *русской* нефтепромышленности, что оно создало бы на Кавказѣ такую подавляющую монополію американской компаніи что существованіе русскихъ промысловъ стало бы рѣшительно невозможнымъ. И вникая въ выставляемые ими доводы трудно не согласиться съ бакинскими нефтепромышленниками.

Нефтепроводы г. Твидла будутъ устроены не для услугъ нашимъ нефтянымъ промысламъ; напротивъ, наши нефтяные промыслы должны быть предоставлены къ его услугамъ. Его приспособленія предназначаются для провода лишь его собственнаго

керосина. Только въ видѣ крайней уступки соглашается онъ допустить чтобъ изъ общаго количества нефти проходящей по его трубамъ половина принадлежала не ему, а другимъ промышленникамъ. Но такое рѣшеніе устраняетъ ли монополію? Возможно ли будетъ какое-либо соперничество съ г. Твидломъ въ торговлѣ нефтью, когда онъ одинъ будетъ располагать количествомъ ея равнымъ находящемуся въ распоряженіи всѣхъ остальныхъ нефтевладельцевъ вмѣстѣ взятыхъ? Не раздѣлятъ ли всѣ они судьбу Новороссійскаго Пароходнаго Товарищества, покончившаго продажей своихъ пароходовъ Русскому Обществу Пароходства и Торговли, съ тою лишь разницей что нашимъ кавказскимъ нефтепромышленникамъ пришлось бы сдать свои промыслы не русской, а американской компаніи? Но монополія Русскаго Пароходнаго Общества не можетъ идти и въ сравненіе съ проектируемою г. Твидломъ. Русское Общество не помѣшало основанію Новороссійскаго Товарищества; г. Твидль впередъ выговариваетъ что параллельно съ его нефтепроводомъ въ 50-верстномъ районѣ не можетъ быть устроенъ другой нефтепроводъ, а по мѣстнымъ условіямъ въ другомъ районѣ устроеніе нефтепровода почти немыслимо.

При всей громадности пространства нефтяныхъ мѣсторожденій на Кавказѣ, всѣ нефтепромышленники въ совокупности разрабатываютъ всего какихъ-нибудь 400 десятинъ. Г. Твидль одинъ выговариваетъ для своихъ промысловъ *тысячу* десятинъ, концентрированныхъ по линіи нефтепровода, съ воспрещеніемъ для другихъ промышленниковъ добыванія нефти на *двухъ стахъ тысячахъ* десятинъ въ окрестности отъ избранныхъ имъ источниковъ. Возможно ли будетъ другимъ промышленникамъ, которымъ запрещено закономъ занимать подъ свои промыслы болѣе десяти десятинъ въ одномъ мѣстѣ на одно лицо, соперничать съ такимъ конкурентомъ?

Не касаясь пока другихъ сторонъ проекта, полагаемъ что и двухъ приведенныхъ достаточно чтобы видѣть въ чемъ состоитъ сущность проекта и какими послѣдствіями грозитъ онъ нашей только что начавшей развиваться нефтяной промышленности. Такая ли мѣра какъ предпріятіе г. Твидла нужна для того чтобы направить эту промышленность къ развитію желательному въ русскихъ экономическихъ интересахъ?

Русская нефтяная промышленность нуждается въ путяхъ сбыта, будутъ ли то желѣзныя дороги или нефтяныя проводы, но въ путяхъ не монополизированныхъ въ пользу одного предпринимателя.

№ 268.

Москва, 21-го октября.

Новыя подробности все болѣе подтверждаютъ что афганская затѣя лорда Литтона есть попытка привести въ исполненіе давно задуманный планъ. Мы припоминали что многія изъ этихъ мѣръ давно рекомендовались извѣстными англо-индійскими авторитетами, встрѣчая впрочемъ постоянно возраженія со стороны многихъ другихъ. Сэръ-Генри-Роулинсонъ подавалъ записку объ Афганистанѣ въ 1868 году, сэръ-Бартль Фреръ въ 1874. Послѣдній, какъ видно, предлагая рекомендуемыя имъ мѣры, ставилъ тѣмъ свою кандидатуру на предстоявшее въ слѣдующемъ году назначеніе новаго вице-короля Индіи. Это ему не удалось, такъ какъ лордъ Беконсфильдъ предпочелъ болѣе сподручнаго себѣ клеврета въ лордѣ Литтонѣ, а сэръ-Бартль долженъ былъ удовольствоваться болѣе скромнымъ постомъ губернатора мыса Доброй Надежды. Но взгляды имъ изложенныя не были оставлены безъ вниманія. Оставаясь тайной для публики, записка его была предметомъ обсужденія въ официальныхъ сферахъ и между компетентными лицами. Лордъ Лоренсъ, задѣтый постоянными нападками на него, обнаруживалъ въ газетахъ меморандумъ писанный имъ также въ 1874, въ отвѣтъ на записку сэръ-Бартля Фрера. Вотъ слѣдовательно, новое доказательство что перемѣна политики относительно Афганистана не есть что-либо новое, вызванное будто бы появленіемъ русской миссіи въ Кабуль, а исполненіе мѣры давно обсуждавшейся.

Оказывается далѣе что для Англійскаго правительства отнюдь не могло быть тайной что исполненіе его плановъ встрѣтитъ большія затрудненія. Нѣтъ надобности ссылаться на русскія интриги, будто бывшія виной враждебнаго къ Англичанамъ положенія принятаго эмиромъ, когда о такомъ результатѣ предупреждали за четыре года тому назадъ люди самые компетентные въ

вопросѣ. Лордъ Лоренсъ, на основаніи своей 28 лѣтней индійской опытности, рѣшительно возражалъ противъ этихъ плановъ, между прочимъ и противъ занятія Кветты, и возражалъ въ своемъ меморандумѣ по пунктамъ противъ желательной, по мнѣнію сэръ-Бартля, перемѣны политики въ отношеніи къ Афганистану. Два замѣчанія лорда Лоренса въ особенности заслуживаютъ вниманія. Вопервыхъ, онъ находилъ полезнымъ не заирать Россію, а жить съ нею мирно и дружно въ Азіи. „Я осуждаю,“ писалъ онъ, „всякую политику которая можетъ причинить ненужную обиду Россіи.“ А затѣмъ относительно требованій которыя готовились предъявить эмиру, онъ замѣчалъ: „Я не думаю чтобъ Афганцы какъ нація потерпѣли присутствіе британскихъ офицеровъ въ Афганистанѣ которые направляли бы ихъ политику, давали бы ихъ вождямъ совѣты, обучали бы ихъ войска, и тому подобное. Временный правитель, прижатый врагами, можетъ дать согласіе на такую систему, но онъ дастъ его крайне неохотно, и только ради денегъ и оружія какія за то получить, и будетъ въ сильномъ искушеніи когда представится случай отдѣлаться отъ этого. Я опасюсь что совѣтъ подаваемый сэръ-Бартлемъ Фреромъ приведетъ къ войнѣ и во всякомъ случаѣ обратитъ Афганцевъ противъ насъ.“ Предвидѣніе лорда Лоренса оправдывается какъ нельзя болѣе.

Но лордъ Лоренсъ былъ не одинъ такого мнѣнія. „Теперь не тайна,“ по словамъ *Times*, „что большое число служащихъ, гражданскихъ и военныхъ, британскихъ и туземныхъ, обладающихъ большою опытностью въ пограничныхъ дѣлахъ, увѣряли вице-короля что слишкомъ поздно вступать въ переговоры съ эмиромъ, что его дружба безноворотно потеряна, и что вліяніе на Афганистанъ можетъ быть упрочено только новою Кабульскою войной.“ Объ успѣхѣ миссіи были большія сомнѣнія, и самъ глава оной, генералъ Чамберленъ, крайне неохотно принялъ назначеніе. Онъ же настаивалъ чтобы миссія не двигалась въ путь до полученія отвѣта эмира. Но соображенія другаго рода пересилили представленія ветерана. Объ осторожности не хотѣли думать по странной увѣренности будто Ширъ-Али для виду играетъ роль и самъ желаетъ чтобы принудили его уступить, „дабы имѣть благовидный предлогъ отречься отъ своихъ

новыхъ друзей Русскихъ, и сохранить достоинство послѣ своего дерзкаго отказа отъ Англійскаго союза два года тому назадъ.“ Это мнѣніе въ особенности поддерживалъ майоръ Каваньяри, и оно одержало верхъ: миссія выступила, но съ тѣмъ чтобы тотчасъ же остановиться въ Алп-Мёсджидѣ. Что мнѣніе молодого офицера могло одержать верхъ, это свидѣтельствуется либо о непонятномъ ослѣпленіи, либо о настоящемъ приказѣ изъ Лондона, внушенномъ неудержимою злобой поскорѣе предпринять что-нибудь враждебное противъ Россіи.

Вообще въ этомъ дѣлѣ много диковиннаго. Изъ этой торопливости можно бы заключить что Англійское правительство шло на разрывъ. А между тѣмъ оказывается что мѣры для поддержанія миссии силой не были приготовлены, хотя ихъ и требовалъ генераль Чамберленъ. Теперь признають что торопиться съ миссіей было ошибкой, и что лучше было бы дожидаться Рождества. Между тѣмъ, по словамъ корреспондента *Daily News*, 34.000 войска уже сосредоточены на границѣ, изъ коихъ третья часть европейскихъ. Это странно. Одно изъ двухъ: или фактъ что въ два мѣсяца Индійское правительство не въ силахъ привести 30.000 въ готовность къ походу показываетъ плохое состояніе этой арміи, или же оно не смѣетъ двинуть такого большого отряда изъ Индіи, не дождавшись подкрѣпленій изъ Англіи, то-есть что оно не совсѣмъ спокойно относительно настроенія въ самой Индіи. Современемъ эта интересная загадка разрѣшится. Во всякомъ случаѣ повидимому вѣрно что экспедиція противъ Афганистана отложена до будущей весны. Такъ возвѣстила *Times* на другой день послѣ бывшаго въ пятницу на прошедшей недѣлѣ министерскаго совѣта. А тѣмъ временемъ, помимо военныхъ приготовленій, хотятъ еще разъ пустить въ ходъ дипломатію, то-есть интригу. Въ *Daily News* телеграфируютъ изъ Симлы что рѣшено отправить къ эмиру новое посланіе, величаемое ультиматумомъ, въ коемъ де будутъ явственно указаны послѣдствія отказа принять Британскую миссію. Но кто же посылаетъ ультиматумъ за полгода до дѣйствія? Проще думать что туземный посланецъ отправляется въ Кабулъ для шпіонства и интригъ. Но отсрочка не означаетъ отказа отъ начатаго предпріятія.

„Намъ нѣтъ выбора,“ рѣшаетъ *Times*: „Мы должны навязать себя въ Афганистанѣ, исключивъ оттуда другихъ кто не имѣетъ тамъ права быть. Нашъ путь ясенъ. Когда мы на него вступимъ это другой вопросъ.“ А между тѣмъ, въ эти шесть мѣсяцевъ, вниманіе Англіи будетъ направлено въ Европѣ на исполненіе Берлинскаго трактата, который не разорванъ и въ скоромъ времени долженъ де быть исполненъ въ болѣе положительной формѣ.

Объ этой статьѣ министерской газеты мы уже упоминали кратко когда она была намъ передана телеграфомъ. Но текстъ ея гораздо рѣзче телеграфнаго изложенія. Въ ней возобновляются угрозы противъ Россіи, на которыя въ послѣднее время англійская печать была нѣсколько воздержаннѣе, и — что для насъ всего страшнѣе — намъ вновь грозятъ дипломатіей. Берлинскій трактатъ былъ де только прелюдіей, а истинное дѣло предстоитъ лишь теперь, и оно было бы не трудно будь между державами согласіе, но къ этому одно препятствіе — въ Россіи. И что всего удивительнѣе, лондонскій органъ самъ признаетъ что „положеніе Россіи, въ извѣстномъ смыслѣ, сильное.“ Но что устоитъ противъ всемогущаго орудія дипломатіи умѣющей застрашивать пустыми угрозами? Россія пожалуй де воображаетъ что, благодаря затрудненіямъ другихъ державъ, Австріи въ Босніи, Англіи въ Афганистанѣ, поше за нею. Но она, какъ видно, забываетъ про недремлющаго Аргуса дипломатіи. „Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,“ учитъ *Times*, „Гордіевъ узелъ Восточнаго вопроса могъ бы быть разрубленъ мечомъ. Теперь Европа желаетъ чтобы дипломатія совершила дѣло войны. Методъ болѣе долгій и требующій терпѣнія и твердости. Но вѣдь дипломаты, слѣдуетъ помнить, суть представители вооруженныхъ націй.“ (Значитъ, опять дипломатія опирающаяся на мизерные резервы и горсть сипаевъ, которыхъ, однако, теперь едва ли посмѣютъ тронуть изъ Индіи!) „И мы не сомнѣваемся что сопротивленіе Россіи падетъ предъ волей Европы, и столь же мало имѣемъ сомнѣнія что оно будетъ побѣждено мирнымъ образомъ...“ Да, особенно если правда, какъ телеграфируетъ намъ сегодня корреспондентъ нашъ изъ Берлина, что имѣется въ виду созвать *Nachcongress* для окончательной дипломатической побѣды надъ Россіей. А какъ одержать эту новую по-

бѣду, столь склонная въ послѣднее время къ метафорамъ газета *Times* поясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Положеніе Россіи въ настоящее время затруднительно, но и забавно. Она отваживается стоять на пути не потому чтобы была сильна удержаться на немъ, но полагаясь на снисходительность другихъ желающихъ пройти, но не желающихъ столкнуть ее въ сторону грубою силой. Одно слово серьезно сказанное Англіей и Австріей образумить ее въ минуту.“

Какъ однако господа мореплаватели разохотились на дешевые триумфы!..

№ 270.

Москва, 23-го октября.

Почти каждый день телеграфъ доставляетъ намъ по нѣскольку извѣстій о комедіи которая разыгрывается въ Австро-Венгріи. Герой ея, графъ Андраши, упорно отказывается выступить ранѣе собранія делегаціи которое назначено императоромъ на 7 ноября нов. ст. Его монолога приходится ждать еще съ недѣлю, а теперь раздаются только обвиненія, возводимыя на его политику парламентами. Все дѣло, само собою разумѣется, сводится къ занятію Босніи и Герцеговины, и парламентамъ весьма желательно заблаговременно опорочить это дѣйствіе путемъ адреса императору, способомъ не практиковавшимся уже цѣлые годы. Въ Австрійскомъ рейхсратѣ проектъ такого адреса внесенъ былъ, уже въ первое засѣданіе, вожакомъ прогрессистской фракціи, г. Коппомъ. Адресъ съ самаго начала заявляетъ что Австрія нуждается въ спокойствіи дабы обратиться съ силами, и что народы ея обременены непомерно. Правительство является де предъ парламентомъ съ совершившимися уже фактами, что, какъ про-нически замѣчаетъ адресъ, „можетъ-быть удобно въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными державами, примѣнительно же къ своему народному представительству оно лишь подрываетъ парламентскую систему и способствуетъ всеобщему пессимизму и недовѣрію.“ Что касается Боснійской оккупации, то адресъ выражается еще рѣшительнѣе. Еще въ октябрѣ 1876 года, рейхсратъ спрашивалъ де правительство намѣрено ли оно,

въ случаѣ если изъ восточныхъ замѣшательствъ возникнетъ война, соблюсти для Австріи миръ и въ особенности удержаться отъ присоединенія иностранныхъ территорий. Правительство отвѣчало утвердительно и еще въ маѣ 1878 года снова объявило неосновательными слухи, о вступленіи въ Боснію, причемъ требовало 60 милліоннаго кредита лишь на случай непредвидѣнныхъ событій и крайней необходимости. Между тѣмъ, лишь только делегаціи закрылись, графъ Андраши отправился въ Берлинъ и *выхлопоталъ* тамъ порученіе занять Боснію и Герцеговину. Раскрывъ такимъ образомъ весьма подозрительную, чтобы не сказать болѣе, непоследовательность графа Андраши, адресъ распространяется о томъ какъ занятіе Босніи, предпринимаемое безъ объявленія войны, обратилось въ сущности въ тяжкую для Австріи войну; которая можетъ „повести къ государственнымъ замѣшательствамъ и финансовому затрудненію внутри и къ опаснымъ столкновеніямъ внѣ.“ Въ концѣ концовъ адресъ проситъ императора принять къ свѣдѣнію глубокое безпокойство Австрійскаго народа, въ виду того что судьбы Австріи увлекаются на новый опасный путь, и повелѣтъ правительству дать откровенное и положительное объясненіе цѣлей его иностранной политики, и въ особенности *объяснить тѣ непредвидѣнныя обстоятельства которыя сдѣлали неизбежно-необходимымъ военное занятіе Босніи и Герцеговины.*

Предполагаемый адресъ обсуждался въ засѣданіи рейхсрата 29 октября, причемъ депутатъ Коппъ, мотивируя свое предложеніе, коснулся и спорнаго вопроса: подлежитъ ли Берлинскій трактатъ рассмотрѣнію парламентовъ. По австрійской конституціи, такому рассмотрѣнію подлежатъ всѣ договоры возлагающіе на имперію постоянныя тягости (*dauernde Lasten*). Кроме того, военный законъ гласитъ что войско и флотъ предназначаются лишь для отраженія внѣшнихъ враговъ или для прекращенія внутреннихъ безпорядковъ. Присоединеніе или уступка территорий также требуетъ по конституціи согласія парламентовъ. Очевидно, въ дѣйствіяхъ правительства были нарушены всѣ эти законоположенія. Армія была мобилизована безъ объявленія войны. На „берлинское порученіе“ уже израсходовано 100 милліоновъ гульденовъ, не считая новыхъ расходовъ

въ будущемъ. Для австрійскаго парламента былъ бы возможенъ путь привлеченія министровъ къ отвѣтственности, но онъ не имѣетъ права привлекать къ ней общеперскихъ министровъ, а собственно австрійское правительство перестало существовать, ибо кабинетъ Ауэрсберга заблаговременно убрался въ отставку.

Противъ предложенія Коппа высказалась только оппозиція, то-есть члены правой, и Поляки, Гоэнвартъ и Грохольскій, но и то не противъ подачи адреса, а противъ его редакціи составленной прогрессистами. При этомъ, графъ Гоэнвартъ весьма основательно замѣтилъ что адресъ начинается съ обвиненія правительства, кончается просьбой къ тому же правительству чтобъ оно объяснило свои дѣйствія.

Неизвѣстно какая судьба ожидаетъ этотъ адресъ прогрессивной фракціи, будетъ ли онъ измѣненъ въ комиссіи, куда переданъ, будетъ ли даже поданъ или нѣтъ, — мы во всякомъ случаѣ можемъ судить о настроеніи парламента уже по результату настоящаго голосованія, а также и по другимъ фактамъ. Такъ, телеграфъ уже сообщилъ что бюджетная комиссія рейхсрата, которой поручено представить докладъ о важномъ для правительства требованіи чрезвычайнаго кредита въ 25 милліоновъ, на Боснійскую оккупацию, рѣшила не входить въ обсужденіе требованія, но рекомендовать рейхсрату чтобъ онъ потребовалъ отъ правительства предъявленія Берлинскаго трактата, и притомъ до исполненія возложеннаго на Австрію порученія, то-есть не разрѣшать правительству кредита пока оно не дастъ объясненій. Докладчикомъ этой комиссіи избранъ Искра, который вмѣстѣ съ Гербстомъ и другими вожаками конституціонной партіи подаль въ делегаціяхъ голосъ противъ 60-милліоннаго кредита. Замѣтимъ еще что для составленія новаго министерства, баронъ де-Претисъ, которому было поручено составить его, обращался со своею программой къ представителямъ различныхъ парламентскихъ фракцій и при этомъ вынужденъ былъ поставить весьма скромные предѣлы Боснійской оккупации. Онъ заявилъ что оккупация не пойдетъ далѣе, и что въ этихъ размѣрахъ она продолжится лишь пока въ Босніи востановлено будетъ спокойствіе и будутъ взысканы издержки. Но и это не удовлетворило парламента.

Изъ конституціонныхъ партій, обѣ прогрессивныя, старая и новая, рѣшительно высказались противъ программы министра; двѣ же другія партіи, лѣвая и лѣваго центра, хотя и выразили согласіе, но съ оговоркой касательно иностранной политики. Такимъ образомъ г. де-Претисъ не могъ найти себѣ большинства, и отказался отъ составленія кабинета. Вѣнскія телеграммы передавали даже что правительство намѣрено распустить рейхсратъ какъ только будутъ выбраны члены делегацій.

Дѣйствіе венгерской оппозиціи пока не отличаются единодушіемъ, а правительство Тисы имѣетъ въ сеймѣ значительное большинство, сила котораго выказалась при выборѣ президента палаты, когда кандидатъ правительственной партіи, г. Гичи, получилъ 77 лишнихъ голосовъ противъ кандидата оппозиціи, г. Битто. Колебанія венгерской оппозиціи выразилось въ томъ что умѣренные члены ея отказались отъ мысли присоединиться къ партіи крайней лѣвой, требующей преданія министровъ суду и уже двинувшей съ этою цѣлью предложеніе въ сеймъ и рѣшили сосредоточить свои дѣйствія также на преніяхъ объ адресѣ. Пока неизвѣстно въ какомъ смыслѣ разрѣшится вопросъ о Венгерскомъ адресѣ, но здѣсь правительство не отказывается отъ объясненій, и г. Тиса еще до собранія сейма далъ ихъ частнымъ образомъ въ клубѣ своей партіи, а затѣмъ, какъ извѣстно, хотя и съ оговорками, выложилъ на столѣ палаты и самый трактатъ. Сказанное на частномъ собраніи правительственной партіи г. Тисой о цѣляхъ правительства рѣшено хранить въ тайнѣ, но общій смыслъ данныхъ объясненій, утѣшительно подѣйствовавшій на мадьярскія головы, говорятъ таковы что посредствомъ занятія турецкихъ провинцій Австрія наступила де на голову славянской гидры. Вѣнскія газеты иронически замѣчаютъ что если Австрія и наступила, то никакъ не на голову, а развѣ на хвостъ гидры.

А между тѣмъ въ австрійскихъ же газетахъ напечатанъ адресъ боснійскихъ магметанъ бѣжавшихъ въ Сербію адресованный къ русскому канцлеру. Магметанскіе беги говорятъ что, потерявъ все вслѣдствіе вторженія Австрійцевъ, они лишь въ Сербіи нашли облегченіе своей участи, за что не находятъ словъ благодарности Сербамъ; затѣмъ признаютъ что могуще-

ственная Россія пролила кровь въ войнахъ съ Турками единственно для уравниня правъ всѣхъ жителей Турціи, почему и просятъ теперь ея заступничества противъ звѣрствъ гражданской войны внесенной въ Боснію Австрійцами. Мадыры приписываютъ этотъ адресъ, конечно, также русскимъ проискамъ...

№ 271.

Москва, 24-го октября.

На дняхъ мы имѣли случай указать въ какомъ тонѣ отзываются теперь о Берлинскомъ трактатѣ газеты завѣдомо преданныхъ интересамъ Турецкаго правительства. Но и самые „безпристрастные“ изъ органовъ берлинской печати, то-есть тѣ которые безусловно довѣряютъ политикѣ князя Бисмарка, если не порицаютъ созданія Берлинскаго конгресса, то во всякомъ случаѣ не прикрашиваютъ теперешняго положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и прямо признаютъ что осуществленіе постановленій Берлинскаго трактата немыслимо. Вотъ картина теперешняго положенія Турціи набросанная *Національною Газетой*: „На западѣ господствуетъ Австрія, Сербія, Черногорія и Албанская Лига; въ Болгаріи, въ Восточной Румелии и нѣсколько далѣе—Русскіе; въ Родопскихъ горахъ инсургенты, въ Македоніи также инсургенты. Турки же стоятъ крѣпко лишь въ Константинополѣ и близъ Митровицы.“ Рѣшительной власти, по справедливому замѣчанію берлинской газеты, нѣтъ нигдѣ кромѣ главной квартиры генерала Тотлебена. Австрійцы могли бы де раздѣлить эту власть, но они этимъ случаемъ воспользоваться не умѣютъ, замѣчаетъ мимоходомъ и не безъ раздраженія берлинская газета. Русская армія, вотъ единственная рѣшающая сила на Балканскомъ полуостровѣ. Берлинскій публицистъ весьма справедливо также прибавляетъ что не въ интересахъ этой силы добиваться осуществленія того что постановлено Берлинскимъ трактатомъ и приносить для этой цѣли новыя жертвы. Если анархія воцарилась въ бывшихъ владѣніяхъ Турціи, разсуждаетъ цитуемая газета, то интересы Россіи предписываютъ ей скорѣе воспользоваться ею нежели стараться объ устраненіи ея. „Всѣхъ громаднѣхъ усилій конгресса, всѣхъ мастерскихъ изворотовъ

собранныхъ на немъ великихъ политиковъ достало лишь на то чтобы кое-какъ поддержать жалкую плотину и замкнуть скважины. Но вотъ вода снова стала просачиваться со всѣхъ сторонъ, и запруда окончательно оказывается никуда не годною. Восточный вопросъ нынѣ означаетъ уничтоженіе турецкаго владычества въ Европѣ.“

Берлинская газета не думаетъ, подобно кельнской, дѣлать Россіи упреки за то что она не старалась до сихъ поръ объ устраненіи анархіи замѣнившей турецкое владычество, и не ждетъ чтобы такова была ея цѣль въ будущемъ. Съ большою трезвостью и политическимъ разумѣніемъ *Національная Газета* высказываетъ, напротивъ, слѣдующія соображенія на счетъ ближайшаго будущаго: „Становится очень сомнительно чтобъ Австрійцы полюбовно „возвратили Туркамъ Боснію и чтобы Россія отступила параднымъ маршемъ за Дунай со своими 250.000 войска оставивъ „Болгарь опять лицомъ къ лицу съ Турками подъ охраной того волшебнаго на- „питка *цивилизаци*и которой составленъ „лордомъ Беконсфильдомъ и который г. Ле- „ярдъ заставилъ принять страждущаго султана, несмотря на его гримасы. Едва ли „имѣется въ Европѣ такой счастливый „фантазеръ который еще вѣритъ что султану удастся дружески выпроводить за „свой порогъ всѣхъ друзей и недруговъ „нынѣ хозяйствующихъ у него въ домѣ... „Четвертый актъ драмы долженъ наступить такъ или иначе, не нынче такъ завтра. Развязка неизбежна.“

Но, спрашивается, къ чему направлены эти рѣчи? Какой выводъ изъ предвидимой близкой развязки Восточнаго вопроса? Выводовъ, къ сожалѣнію, никакихъ не встрѣчаемъ, кромѣ развѣ указанія, сопровождаемаго Мефистофелевскою улыбкой, на то что „силы наиболѣе заинтересованныя въ той развязкѣ стоятъ нынѣ другъ противъ друга съ сугубою враждой.“ Въ сотый разъ повторяется при этомъ что Германія не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ никакого непосредственнаго интереса, и можетъ спокойно взирать на грядущія событія. Одна изъ большихъ южно-германскихъ газетъ вздумала было протестовать противъ этого положенія выставляемаго аксіомой, не требующею дальнѣйшихъ доказательствъ, и вообще возроптала противъ устраненія общественнаго мнѣнія и рейхстага отъ конт-

роля надъ дѣйствіями и предположеніями имперскаго правительства по предметамъ иностранной политики. Органъ этотъ находилъ что если Германія дѣйствительно относится такъ безучастно къ тому что совершилось и что еще имѣетъ совершиться на Балканскомъ полуостровѣ, то это недостойно принадлежащаго Германіи призванія какъ „великой державы“. На эти роптанія, довольно рѣдкія въ хорошо дисциплинованной по вопросамъ иностранной политики нѣмецкой печати, поспѣшила отозваться *Национальная Газета*. Сверхъ обычныхъ указаній на то что иностранная политика Германіи находится въ надежныхъ рукахъ и что парламентскій контроль въ этомъ дѣлѣ есть въ сущности вездѣ лишь фикція, возраженіе берлинской газеты любопытно въ томъ отношеніи что въ немъ отчасти раскрывается причина почему въ Берлинѣ считаютъ политику „безучастія“ по Восточнымъ дѣламъ наиболее выгодною для Германіи. Берлинская газета не думаетъ чтобы Германія имѣла надобность, въ качествѣ великой державы, непременно вмѣшиваться тамъ гдѣ „стучаются лбами“ и гдѣ „вязнуть въ тинѣ политическія колесницы“; а съ другой стороны она увѣрена что Восточный вопросъ не будетъ разрѣшенъ въ противность интересамъ Германіи.

Любопытно еще и то, что берлинскихъ политиковъ не тревожитъ и указаніе на то будто Франція съ своей стороны намѣрена отказаться отъ политики безучастія по вопросамъ обще-европейской политики и въ особенности по дѣламъ Востока. Объ этомъ стали поговаривать въ особенности въ послѣдніе дни, повторяя на всѣ лады слухи о готовящемся совокупномъ дѣйствіи западныхъ державъ съ цѣлью настоять предъ Россіей на точномъ исполненіи Берлинскаго трактата. Въ послѣдній разъ этотъ видимо тенденціозный слухъ пущенъ былъ 30 октября вѣнскою офиціозною газетою *Fremdenblatt*, которая вздумала обратиться съ предостереженіемъ къ Россіи и для вящей острастки указала при этомъ на „предстоящее возвращеніе Франціи на путь активной политики“. Англійскія газеты въ свою очередь также всячески стараются поддержать мысль о томъ что для Франціи „достаточно оправившейся отъ прошлыхъ невзгодъ“, настала пора возвратить себѣ принадлежащее ей по праву вліяніе въ обще-европейской политикѣ, и

что первымъ для того опытомъ она выберетъ дѣятельное охраненіе (разумѣется рука объ руку съ Англіей) своихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ въ Средиземномъ Морѣ.

Но берлинская печать, которой южно-германская газета поставила на видъ возрожденіе французскаго политическаго феникса, не смутилась и этимъ. „Если Франція,“ замѣчаетъ *Национальная Газета*, „дѣйствительно, готовится къ тому чтобъ имѣть свою долю въ разрѣшеніи „восточной“ проблемы, то мы находимъ „это лишь справедливымъ. Мы также мало намѣрены оспаривать ея права въ этомъ отношеніи какъ и права кого-либо иного... Скорѣе для насъ подозрительна „была бы воздержность Франціи по дѣламъ Востока.“

Въ Берлинѣ видимо держатся того убѣжденія что европейское замѣшательство по по дѣламъ Востока можетъ только благоприятствовать специальнымъ интересамъ Германіи. Намъ кажется что въ Берлинѣ нѣсколько ошибаются въ разчетахъ, и что Германія можетъ въ концѣ концовъ остаться проигравшею партіей.

№ 272.

Москва, 25-го октября.

Англійскіе министры изъ всѣхъ силъ старались устроить общее дипломатическое дѣйствіе противъ Россіи, и сообразно съ этимъ былъ принятъ тонъ всѣми министерскими органами англійской печати. Одинъ изъ нихъ, *Morning Post*, увѣщаетъ Россію, „пока еще не поздно,“ взвѣснить всѣ послѣдствія принятаго ею образа дѣйствій. „Россія,“ внушительно говоритъ эта газета, „грубо ошибается если слишкомъ низко цѣнить могущество Англии.“ Угрозы эти относились къ Россіи по поводу якобы ухищреній ея уклониться отъ исполненій Берлинскаго трактата, увѣнчавшаго великую дипломатическую побѣду Англии. Министерскій органъ присовокупляетъ что „еще не выкованъ мечъ который могъ бы разрубить этотъ трактатъ.“

Все это было бы очень грозно еслибы не было очень смѣшно. Одинъ изъ англійскихъ министровъ похвалялся послѣ конгресса, что Берлинскій трактатъ, подобно Вѣнскому, проживетъ сорокъ лѣтъ;

но сэръ-Вильямъ Гаркортъ, въ рѣчи произнесенной имъ 29 октября при открытіи либеральнаго клуба въ Скарборо, замѣтилъ что трактатъ не проживетъ и сорока дней. „Что случилось съ этимъ трактатомъ?“ спрашивалъ онъ: „Я замѣчаю что всѣ обвиняютъ другъ друга въ нарушеніи этого трактата, и никто кажется не думаетъ о его постановленіяхъ.“ Указавъ, между прочимъ, на созданныя имъ затрудненія для Австріи и Греціи, онъ продолжалъ: „Взгляните на остальные территории которыя еще называются Европейскою Турціей. Каждое утро читаемъ мы о новыхъ возстаніяхъ въ Албаніи и Македоніи. Кто можетъ удивляться этому видя что онѣ страдаютъ подъ тѣмъ же игомъ отъ котораго только что освободились Боснія и Герцеговина? Мы знаемъ что Восточно-румелійская коммиссія уже встрѣчаетъ затрудненія. Я на дняхъ читалъ въ одномъ изъ министерскихъ органовъ объясненіе этого. Авторъ говоритъ что никто не нуждается въ этой коммиссіи, что Туркамъ она не нравится, что Русскіе мѣшаютъ ей, а сами Румелійцы (то-есть Болгары) отвергаютъ ее. Это не слишкомъ пріятная перспектива для моего друга сэръ-Друммонда Вольфа, который посланъ составить конституцію для Восточной Румелии. Я не сомнѣваюсь что онъ превзойдетъ самого аббата Сийеса въ придуманной имъ конституціи. Но я не знаю въ исторіи примѣра пригодности учреждений слѣданныхъ для народа людьми посторонними. Каковы бы ни были ваши взгляды на европейскую политику, но вы никогда не убѣдите жителей Румелии что они имѣютъ менѣе права на свободу чѣмъ ихъ братья живущіе къ сѣверу отъ Балканъ.“

Намъ кажется что во всѣхъ этихъ сѣтованіяхъ и крикахъ по поводу Берлинскаго трактата звучитъ только грѣхъ его происхожденія. Въ чемъ дѣло? Что требуется? Исполненіе Берлинскаго трактата? Но онъ исполненъ, — онъ исполненъ во всемъ въ чемъ онъ согласенъ съ мирнымъ трактатомъ заключеннымъ Россіей съ Турціей въ Санъ-Стефано. Берлинскій договоръ не исполненъ только въ томъ въ чемъ онъ разнится отъ Санъ-Стефанскаго, въ чемъ противорѣчитъ ему, въ чемъ отрицаетъ его. Положительная часть его исполнена, но его отрицательная часть исполнена быть не можетъ! Берлинскимъ

трактатомъ намѣревались разорвать условія мира, который Россія стяжала многою кровью и великими побѣдами. Но это оказывается не возможнымъ. Англійская дипломатія *переклюкала* себя, говоря словомъ нашего стараго дѣтописца. Лорды Беконсфилдъ и Солсбери сочли себя ловцами челоуѣковъ и попали въ собственные сѣти. Скоро всѣ въ Англіи убѣдятся какъ преждевременны были тѣ оваціи какими были встрѣчены эти герои дешевой побѣды. Что дешево, то гнило, говоритъ пословица. На Берлинскомъ конгрессѣ наступала Англія, Россія уступала. Санъ-Стефанскій договоръ былъ утвержденъ, но съ измѣненіями какихъ требовала Англія, которая разчитывала обезславить дѣло Россіи и подорвать значеніе ея побѣды. Англійскіе министры хвалились предъ своею страной что имъ удалось повернуть дѣла на Востокъ противъ Россіи; вырвать изъ ея рукъ пріобрѣтенныя ею выгоды или обезсилить ихъ другими которыя даромъ пріобрѣтала Англія. Что же вышло? Значительная часть того дѣйствительнаго, того серьезнаго, по истинѣ мирнаго договора, заключеннаго между Россіей и Турціей подъ стѣнами Константинополя получила всеобщую санкцію въ которой участвовала и Англія, и эта часть трактата приведена въ исполненіе; но тѣ измѣненія, тѣ уступки, которыя вытребованы англійскими министрами, оказываются недѣйствительными, не исполняются и не будутъ исполнены, потому что не могутъ быть исполнены. Англійскіе уполномоченные потребовали разрушенія Болгаріи созданной Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Одной части ея согласились они предоставить независимость съ тѣмъ чтобы другая удовлетворялась фальшивою автономіей подъ „политическою и военною властію султана,“ а третья просто-на-просто осталась бы въ снѣдѣ Туркамъ, дабы сохранить *престижъ* и значеніе „Оттоманской юрисдикціи,“ нужной въ интересахъ Англіи. И вотъ, независимое Болгарское княжество уже существуетъ, а такъ-называемая Восточная Румелия не возвратилась подъ „политическую и военную власть султана,“ и не возвратится. Болгары Македонскіе въ свою очередь вырываются изъ-подъ этой власти, и вырвутся. Что же теперь дѣлать съ этими населеніями которыя изготавились къ отчаянной борьбѣ, что дѣлать для того чтобы исполнить желанія

Англии внесенный въ Берлинскій трактатъ? Кому же исполнять эту проклятую часть Берлинскаго трактата? Болгары отказываются повиноваться. Кто же будетъ принуждать ихъ къ повиновенію? не русскія же войска? Съ другой стороны, могутъ ли русскія войска допустить турецкую расправу которая и была виною войны? Могутъ ли они допустить кого-нибудь подавлять возстаніе въ этихъ краяхъ занятыхъ ими и ихъ кровью орошенныхъ?

Итакъ, Берлинскій трактатъ въ своей отрицательной части неисполнимъ, и дипломатическая побѣда Англии осталась на бумагѣ. Трактатъ нуждается въ дополненіи,—но въ какомъ? Если вѣрно свѣдѣніе сообщенное намъ вчера изъ Берлина по телеграфу, германскій канцлеръ предлагаетъ такъ дополнить Берлинскій трактатъ чтобы за Портой ничего не осталось кромѣ Константинополя съ его окрестностями. Вотъ это хорошее дополненіе,—но будетъ ли оно пріятно новымъ рыцарямъ Подвязки?

Телеграфъ извѣщаетъ сегодня о циркулярѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Ваддингтона, который также приглашаетъ державы къ совокупному дѣйствию, но противъ Турціи чтобы побудить ее къ удовлетворенію Греціи. Это въ томъ самомъ направленіи какое и Германіей указывается...

№ 273.

Москва, 26-го октября.

Англія окружена множествомъ затрудненій, и одно изъ самыхъ опасныхъ есть ея раздоръ съ Афганистаномъ. Удивляетъ всѣхъ что послѣ всѣхъ громкихъ приготовленій для наказанія эмира, вдругъ рѣшена новая отсрочка дѣйствій и отправленъ ему еще ультиматумъ. Несоотвѣтствіе этого рѣшенія съ недавнимъ задоромъ бросается въ глаза. Говорятъ, вице-король Индіи лордъ Литтонъ намѣренъ подать въ отставку, находя свое положеніе компрометтированнымъ. Телеграммы изъ Индіи лондонскихъ газетъ переполнены горькими сѣтованіями. Корреспондентъ *Daily News*, извѣстный Форбсъ, телеграфируетъ изъ Симлы, отъ 31 октября, что это рѣшеніе было навязано Индійскому правительству изъ Лондона и принято лишь послѣ на-

стоятельныхъ и неоднократныхъ понужденій, присовокупляя что „всѣ служащіе, отъ высшаго до нисшаго, видятъ въ этомъ жестокую и унижительную ошибку.“ Въ другой телеграммѣ отъ того же числа онъ подробно разказываетъ какъ было дѣло: „На засѣданіи кабинета 25 октября было телеграфировано принятое формальное рѣшеніе отправить ультиматумъ эмиру Ширъ-Али. На совѣтѣ вице-короля, бывшемъ здѣсь на другой день, всѣ согласились просить Лондонское правительство пересмотрѣть дѣло. Представленія были сдѣланы съ горячностью рѣдкою въ официальныхъ сообщеніяхъ. Послѣдовалъ непрерывный обмѣнъ телеграммъ, и вчера еще имѣли большую надежду на успѣшный исходъ представленій. Сегодня же утромъ совѣтъ вице-короля собрался для окончательнаго исполненія рѣшенія кабинета, который остался при прежнемъ рѣшеніи.“ Далѣе корреспондентъ сообщаетъ что ультиматумъ требуетъ отъ эмира извиненія, принятія британской миссіи и „другія условія.“ Что означаютъ эти „другія условія“ не сказано, но по другимъ свѣдѣніямъ, отъ эмира требуется удалить русское посольство изъ Кабула и не заключать никакихъ договоровъ съ Россіей. Замѣчательно притомъ что въ Индіи не возлагаютъ никакихъ надеждъ на успѣхъ этого ультиматума; ожидаютъ даже что эмиръ вовсе откажется принять посланца отъ вице-короля и вступать съ нимъ въ какія-либо сношенія. О негодованіи въ англо-индійскихъ сферахъ на эту отсрочку говорятъ также телеграммы въ *Times* и въ *Standard*.

Самою простою причиною отсрочки приходится признать полную неготовность Англии къ предпріятію такъ необдуманно затѣянному. Изъ прежнихъ разсужденій *Times* уже можно было видѣть что начатыми въ Индіи приготовленіями предполагалось запугать эмира. Когда же эти ожиданія не оправдались, оказывается что сдѣланныя приготовленія не соответствуютъ цѣли. Иначе конечно не стали бы откладывать принятіе немедленныхъ мѣръ противъ эмира и ждать полгода подъ гнетомъ впечатлѣнія какое эта отсрочка должна несомнѣнно произвести повсюду. Любопытны признанія какія проскальзываютъ въ англо-индійской печати въ ея стараніяхъ оправдать эту отсрочку. Въ *Бомбейской Газетѣ*, напримѣръ, читаемъ слѣдующее: „Индійскому правительству ничего не слѣ-

дуетъ такъ опасаться какъ неудачи. Одинъ слухъ о поражении британскаго оружія въ Афганистанѣ, *при настоящемъ возбужденномъ состояніи Индіи*, воскреситъ угасшія честолюбія, и подстрекнетъ недовольныхъ которые теперь остаются въ бездѣйствіи. Откуда бы, въ такомъ случаѣ, правительство успѣло притянуть подкрѣпленія? Изъ недавнихъ статей въ *Times* объ арміяхъ содержимыхъ Сиддией, Голкаромъ и Низамомъ явствуется что Индійское правительство серьезно и справедливо озабочено необходимостью употреблять большую часть своихъ войскъ на наблюдение за арміями туземныхъ владѣльцевъ. Поэтому и малѣйшая неудача въ ходѣ Афганской кампаніи принудила бы Индійское правительство телеграфировать въ Англію за подкрѣпленіями, и сомнительно чтобъ ихъ можно было дать теперь когда Россія обнаружилась расположеніе помочь Афганцамъ возобновленіемъ наступательныхъ дѣйствій въ Европѣ.

Таковыми же соображеніями и другая бомбейская газета, *Pioneer*, оправдываетъ ожидательный образъ дѣйствій.

Очевидно, однако, что неготовность Англіи должна быть на руку Афганскому эмиру. Отсрочка не только дастъ ему время усилить свои приготовленія къ отпору, но можетъ-быть поощритъ его начать наступленіе не дожидаясь пока Англія будетъ болѣе готова. Телеграммы которыя шлются изъ Индіи о болѣзняхъ и дезертирствахъ въ войскахъ эмира не имѣютъ никакого значенія. Не странно ли, напримѣръ, что намъ ежедневно сообщаются точныя цифры о числѣ умирающихъ отъ болѣзней въ войскахъ эмира, между тѣмъ какъ, по словамъ *Бомбейской Газеты*, въ совѣтѣ вице-короля почти ничего неизвѣстно ни о силѣ, ни организаціи этихъ войскъ? Мы то и дѣло читаемъ въ лондонскихъ телеграммахъ о „ежедневныхъ восторженныхъ заявленіяхъ преданности вассальныхъ вождей“, о предложеніи ими своихъ войскъ въ распоряженіе правительства, и о томъ что пограничныя горныя племена принимаютъ сторону Англіи. Преданность туземныхъ вассальныхъ владѣтелей Индіи, это фактъ англо-индійской мифологіи. На заявленія же горныхъ племенъ менѣе всего могутъ полагаться Англичане. Одинъ день телеграфируютъ что такое-то племя пристало къ Англичанамъ, а на другой что оно на сторонѣ Афганцевъ. Г. Форбзъ теле-

графируетъ въ *Daily News* что отсрочка военныхъ дѣйствій, кромѣ дурныхъ послѣдствій, подорветъ кредитъ Англіи въ пограничныхъ горныхъ племенахъ.

№ 274.

Москва, 27-го октября.

Австро-мадьярская печать видимо старается подѣйствовать на Германію призракомъ „воскресающей“ Франціи. Въ этомъ смыслѣ была на дняхъ напечатана статья въ офиціозномъ *Пештскомъ Ллойдѣ*, которая обратила на себя особенное вниманіе берлинской печати. *Пештскій Ллойдъ*, кстати пригрозилъ и Россіи предстоящимъ дѣятельнымъ вмѣшательствомъ Франціи въ Восточный вопросъ, въ коемъ она имѣетъ де столь жизненные интересы, и доказываетъ что для Австріи есть только одинъ выходъ изъ „безконечныхъ затрудненій политики оккупации,“ именно присоединеніе къ западнымъ державамъ. Нѣмецкій органъ венгерскаго министерства напоминаетъ затѣмъ что за послѣдніе годы въ Германіи постоянно вызывалъ нервное возбужденіе всякій, даже самый отдаленный, слухъ о сближеніи между Австріей и Франціей. Дружба Германіи конечно высоко де цѣнится въ Австріи, „но пусть не требуютъ,“ продолжаетъ *Пештскій Ллойдъ*, „чтобы мы цѣнили эту дружбу дороже „всякаго другаго единенія несмотря на то „что эта дружба сказала только въ реваншъ нѣжности и ни въ чемъ болѣе.“ Дружба эта обошлась молъ Австріи слишкомъ дорого; она навязала ей Тройной Союзъ коего пагубныя послѣдствія достаточно характеризуются тѣмъ что этотъ союзъ „толкнулъ Австрію въ Боснію.“ Вообще Германія, разсуждаетъ венгерская газета, ставитъ цѣлью своей дружбы безусловное подчиненіе Австріи политическимъ интересамъ Германіи. Пештская газета надѣется что предвозвѣщаемая перемѣна въ политикѣ Франціи будетъ имѣть въ Австріи то благотѣльное послѣдствіе что ея государственные люди сумѣютъ эманципироваться отъ диктатуры князя Бисмарка. Къ этимъ нелишеннымъ пикантности въ устахъ офиціозной газеты разсужденіямъ присовокупляется приглашеніе чтобы Германія стала „дѣйствительнымъ“ союзникомъ Австріи. Берлинская печать

отнеслась къ этимъ угрозамъ съ насмѣшкой. *Національная Газета* замѣчаетъ въ отвѣтъ на выходку пептскаго органа что не къ лицу австро-мадьярской печати угрожать Германіи. Если вліяніе Германіи было дѣйствительно такъ сильно, то благодаря ему Австрія избавлена была отъ войны съ Россіей въ которую она непременно была бы втянута еслибы слѣдовала стремленіямъ мадьярскихъ сумасбродовъ; а чего бы стоила такая война доказывается тѣмъ матеріальнымъ истощеніемъ которое является теперь послѣдствіемъ сравнительно-ничтожной военной операціи по занятію Босніи. Вслѣдствіе дружбы Германіи, Австрія нынѣ расширила свои владѣнія, тогда какъ послѣдствіемъ услуги которую Австрія оказала Франціи въ 1855 году, выручивъ ее изъ очень большихъ политическихъ затрудненій, было то что Франція въ 1859 году отняла у Австріи Ломбардію. Далѣе берлинская газета старается доказать что если Австрія находится нынѣ въ трудномъ положеніи, то въ этомъ виноваты прежде всего сами Мадыры которые не хотятъ де понять что ихъ де слѣпая вражда къ Славянству не можетъ не отозваться пагубно на нихъ самихъ, такъ какъ они толкаютъ южныхъ Славянъ въ объятія Россіи, между тѣмъ какъ, по мнѣнію берлинской газеты, ссылающейся въ этомъ отношеніи на авторитетъ Кошута, Венгерцамъ слѣдовало бы принять на себя роль покровителей и защитниковъ южныхъ Славянъ дабы тѣмъ вѣрнѣе сохранить свое преобладаніе надъ ними.

Давно уже мы не встрѣчали подобнаго рода полемики между австрійскою и германскою печатью и она во всякомъ случаѣ указываетъ на существованіе незримыхъ политическихъ теченій клонящихся къ тому чтобъ измѣнить существующія отношенія и создать новыя комбинаціи. Такъ смотрятъ на дѣло и берлинскія газеты, признавая что всѣ эти попытки къ перемѣщеніямъ и новымъ сочетаніямъ политическихъ силъ суть прямое послѣдствіе неосуществимости предположеній Берлинскаго конгресса. „Планы выработанные „международными архитекторами въ Берлинѣ“, замѣчаетъ *Національная Газета*, „лежатъ втунѣ за неимѣніемъ мастеровъ для ихъ исполненія, а можетъ-быть и годнаго матеріала. Архитекторамъ поневолѣ приходится озаботиться насчетъ другихъ „плановъ.“

Эти-то планы, разчитанные на то чтобы найти иной способъ „обуздать“ Россію и приостановить естественное развитіе вещей на Востокъ, австро-мадьярскіе политики спѣшатъ учестъ впередъ, спекулируя на „нервную чувствительность“ Германіи по отношенію къ политическимъ поползновеніямъ Франціи. Въ Германіи однако не очень-то встревожились мадьярскими запугиваньями. Еще менѣе, полагаемъ, имѣетъ Россія основанія опасаться той фантастической „коалиціи“, въ которой выражаются только отчаянныя усилія Англіи запутавшейся въ собственныхъ сѣтяхъ. Весь этотъ планъ совокупнаго дѣйствія для того ли чтобъ измыслить что-либо живучѣе нежели Берлинскій трактатъ, или для того чтобы вдохнуть жизнь въ это мертворожденное дѣтище, есть очевидно плодъ пылкой фантазіи лорда Беконсфильда. Но между фантазіей и дѣйствительностью большой промежутокъ. Объ Австріи говорить нечего; но сила вещей, очевидная для всякаго свѣдущаго и мыслящаго ума, заставитъ и Францію и Италію дѣйствовать на Востокъ, если не въ союзѣ съ Россіей, то въ одномъ съ нею направленіи. „Я не знаю настолько ли наивно „Французское правительство чтобъ увлечься нашептываньями и обманчивыми обѣщаніями Англіи насчетъ Египта“, пишетъ весьма свѣдущій въ италіанскихъ дѣлахъ римскій корреспондентъ *National-Zeitung*, „но мнѣ извѣстно, и притомъ изъ хорошаго источника, что Италія не пойдетъ на удочку и не повѣритъ обѣщаніямъ „Англійскаго правительства почти похожимъ на иронію. Италія не пойдетъ на то чтобы послѣ Гибралтара, Мальты и Кипра содѣйствовать Англіи въ завладѣніи Египтомъ, а послѣ Египта Константинополемъ, и не согласится быть и безучастною зрительницей такихъ захватовъ. Это до такой степени вѣрно что даже тѣ въ Италіи которые теперь еще „любятъ декламировать противъ Россіи, панславизма, опасности угрожающей европейской цивилизаціи и т. п.; вопросительно обращаютъ свои взоры на Петербургъ желая знать достанетъ ли у Россіи умѣнья чтобы разстроить эти новыя козни „Англіи.“

№ 275.

Москва, 28-го октября.

Если вѣрить сообщенію *Manchester Guardian*, переданному намъ телеграфомъ (а свѣдѣнія лондонскаго корреспондента этой газеты не рѣдко оказывались близкими къ истинѣ), то еще до выѣзда уполномоченныхъ изъ Берлина послѣ конгресса между Англіей и Австріей былъ подписанъ договоръ, которымъ эти державы взаимно обязались настоять въ благопріятный моментъ на безусловномъ отступленіи русской арміи съ турецкой территоріи, и что въ силу этого спеціальнаго договора, буде весной было бы указано что силы турецкихъ войскъ не въ состояніи удержать волненія въ Румелии, Австрія и Англія могутъ послать „маленькую оккупационную армію“ для замѣны русскихъ войскъ.

Вотъ въ самомъ дѣлѣ сенсационное извѣстіе, совершенно во вкусъ Беконсфильдовскихъ замашекъ! Какъ же теперь приходится глядѣть на Берлинскій трактатъ; на этотъ дипломатическій актъ которому хотѣли придать торжественный видъ рѣшенія всей Европы? Не успѣли высохнуть чернила на его подписяхъ какъ оказывается что за спиной конгресса главными нашими противниками заключены сдѣлки совершенно измѣняющія характеръ и значеніе сдѣланныхъ нами уступокъ. Сначала англо-турецкая конвенція, теперь англо-австрійскій договоръ. Зачѣмъ же разыгрывалась вся эта комедія, на которой отъ насъ выговаривали уступки вовсе не для того чтобы передать всю Турцію, Европейскую и Азіатскую, въ руки Англіи и Австріи, а ради будто бы сохраненія спокойствія Европы? Мы отказались въ Азіи отъ уступленныхъ намъ Турками Баязида и Алашкертской долины, черезъ которую пролегаетъ весьма важная караванная дорога въ Персію. Кромѣ того, у насъ выговорили: обѣщаніе что и приобрѣтенный нами Батумъ будетъ сдѣланъ портомъ „существенно коммерческимъ.“ А когда это было нами подписано, оказалось что Англія молча захватила себѣ Кипръ и управленіе всею Малою Азіей. То же самое и въ Европѣ. Съ нами торговались до крайности о сокращеніи срока русской оккупации, а между тѣмъ втихомолку Англія и Австрія условливаются замѣнить ее своими войсками.

Въ виду этихъ плановъ, что же значить недавняя дипломатическая кампанія предпринятая Англіей съ цѣлью устроить общее дипломатическое дѣйствіе противъ Россіи дабы побудить ее къ исполненію Берлинскаго трактата? Можно впрочемъ думать что это было лишь попыткой со стороны Англійскаго правительства чтобы облегчить себѣ исполненіе плана касательно совокупной оккупации. Россію желательно было выставить неправую чтобы заявить новыя требованія. Иначе трудно объяснить себѣ эту преждевременную суетливость Англійскаго кабинета.

Попытка эта потерпѣла неудачу, какъ теперь признаетъ сама англійская печать. Но она намъ напомнила нѣкоторые эпизоды изъ времени Берлинскаго конгресса. Перелистывая протоколы этого собранія, мы находимъ что въ пятнадцатомъ засѣданіи его, 8 іюля, мысль объ обезпеченіи исполненія всѣхъ принятыхъ условій была дѣйствительно заявлена, но кѣмъ?—не англійскими, а русскими уполномоченными. Князь Горчаковъ тогда спросилъ „какимъ способомъ конгрессъ полагаетъ обезпечить исполненіе своихъ высокихъ рѣшеній,“ и въ слѣдующемъ же засѣданіи внесъ резолюцію въ томъ смыслѣ что „высокія договаривающіяся стороны считаютъ всѣ статьи настоящаго акта образующими совокупность условій, надъ исполненіемъ коихъ онѣ обязуются имѣть контроль и наблюденіе.“ Но противъ этого предложенія тотчасъ же возстали турецкіе и англійскіе уполномоченные, которые въ одинъ голосъ заявили что подпись трактата есть лучшая гарантія исполненія. Ихъ голосами, вмѣстѣ съ французскими и италіянскими делегатами, и было отвергнуто предложеніе за которое высказались Россія, Германія и Австрія. Можно думать что англійскіе министры опасались подъ этою формулой какого-либо давленія на Турцію. Но не столь понятною кажется цѣль какую могли имѣть русскіе делегаты дѣлая предложеніе объ обезпеченіи исполненія того въ чемъ имъ пришлось сдѣлать такъ много уступокъ противныхъ видамъ и интересамъ Россіи. Они повидимому вѣрили въ добросовѣстность своихъ товарищей надѣявшихся на мирный исходъ невозможнаго плана, и желали оградить его отъ обычнаго турецкаго пріема обѣщать что угодно ничего не исполняя. Когда князь Бисмаркъ, желая истолковать себѣ предложеніе князя Гор-

чакова, выразилъ что „первый русскій уполномоченный, конечно, имѣетъ въ виду условія высокаго собранія относящіяся къ покровительству христіанамъ,“ то князь Горчаковъ согласился что его мысль понятна вѣрно, а графъ Шуваловъ пояснилъ что „русскіе уполномоченные имѣютъ главнымъ образомъ въ виду избѣжать недочетовъ послѣдовавшихъ за трактатомъ 1856 года, когда многія изъ статей постановляющихъ улучшеніе быта христіанскихъ населеній Оттоманской имперіи не были приведены въ исполненіе.“ Какъ бы то ни было, но мысль о наблюденіи всей Европы за исполненіемъ Берлинскаго трактата была отвергнута самими англійскими министрами, очевидно потому что они предвидѣли со стороны Турціи первое нарушеніе принятыхъ обязательствъ.

На это обстоятельство обратилъ вниманіе и членъ англійскаго парламента сэръ-Вильямъ Гаркортъ въ письмѣ къ издателю въ *Times*, гдѣ онъ укоряетъ англійскихъ министровъ въ близорукости по поводу того что они, изъ желанія оставить лазейку для Турокъ, сами отвергли предложеніе которое имъ теперь могло бы пригодиться противъ Россіи. Но въ этомъ онъ ошибается. Это невѣрно. Противъ Россіи это не могло бы пригодиться. Оно могло имѣть значеніе только въ видахъ покровительства христіанамъ остающимся подъ властію Порты; но и для этого врядъ ли могла пригодиться коллективная гарантія Европы...

Впрочемъ, мы совершенно увѣрены что всѣ эти коалиціи которыми насъ пугаютъ не имѣютъ никакого серіознаго значенія. Это новоизобрѣтенный способъ одерживать надъ нами мирныя побѣды. Нѣтъ, не коалиціи мы опасаемся, которая для всякаго здраваго политическаго разумѣнія тотчасъ же окажется на дѣлѣ совершенно невозможною; нѣтъ, мы несравненно болѣе опасаемся тѣхъ *дружескихъ* плановъ которые намъ предлагаются въ предотвращеніе мнимой опасности. Въ политическихъ столкновеніяхъ мы понимаемъ враговъ и друзей противниковъ и союзниковъ; но не признаемъ безкорыстныхъ посредниковъ...

№ 277.

Москва, 30-го октября.

Петербургскія газеты сообщили что Министерство Путей Сообщенія отправляетъ спеціальную комиссію для описанія новаго пути образовавшагося вслѣдствіе прорыва Аму-Дарьи въ старое русло.

Нынѣшнее Министерство Путей Сообщенія, какъ извѣстно, обратило особое вниманіе на улучшеніе водяныхъ сообщеній, что прежнія управленія, озабоченныя постройкой сѣти желѣзныхъ дорогъ, не дѣлали или не могли дѣлать. Почти на всѣ значительныя рѣки Россіи и забытыя искусственныя сообщенія отправлены теперь описательныя комиссіи; разрѣшены какъ общіе, такъ и частныя сѣзды судовладельцевъ для заявленія и обсужденія потребностей судоходства. Но между всѣми этого рода вопросами нѣтъ ни одного который былъ бы важнѣе вопроса о возстановленіи прежняго теченія Аму-Дарьи, нынѣ находящейся въ русскихъ предѣлахъ какъ своими низовьями такъ и верховьями. Водяное сообщеніе по Узбою (Каспійское русло Аму-Дарьи) окончательно закрѣпить за Россіей Среднюю Азію какъ въ торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Если товары будутъ проходить водой изъ Нижняго въ Хиву, въ Бухару и въ безчисленные ханства верховьевъ Аму, подвластные либо Бухарѣ, либо Афганистану, то морской путь англійскихъ товаровъ, хотя бы чрезъ Суэзскій каналъ, не будетъ страшенъ для нашей торговли. Почти вся Средняя Азія, до Китая и Индіи, орошается притоками Аму. Отроги Тянь-Шаня и Гиндуку почти непроходимыми стѣнами отдѣляютъ среднеазіатскія владѣнія отъ китайскихъ и остѣиндскихъ. Еслибы даже оказалось невозможнымъ возстановить судоходство по Узбою, еслибы въ концѣ концовъ мы добились лишь небольшого ручья по старому руслу Аму, то и тогда было бы уже много сдѣлано. Для торговли открылся бы хорошій колесный, для войскъ стратегическій путь въ самую глубь Средней Азіи, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ туда пути снабженнаго водой на всемъ протяженіи. Впрочемъ, масса данныхъ говорить за возможность возстановить „старый токъ“ Аму, и министръ Путей Сообщенія рѣшеніемъ этого вопроса соорудилъ бы себѣ памятникъ. Старое теченіе Аму-Дарьи

давно стало предметомъ ученыхъ соображеній: Гумбольдтъ и Риттеръ, историки и археологи, этнографы и геологи, ботаники и зоологи всѣ поочередно трудились надъ рѣшеніемъ вопроса объ этой рѣкѣ. Пора наконецъ приняться за него практическимъ инженерамъ какихъ массу имѣть въ своемъ распоряженіи Министерство Путей Сообщенія.

Поворотъ одной изъ величайшихъ рѣкъ отъ одного моря въ другое, поворотъ подъ угломъ въ 90 градусовъ представляетъ большой интересъ для науки. Подобное явленіе въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ нигдѣ не существуетъ. Были перебраны и сличены показанія лѣтописцевъ всѣхъ народовъ и испробованы всѣ теоріи для объясненія явленія, — и все напрасно, вся эта громадная литература не дала почти никакого результата. Прежде наука поневолѣ должна была ограничиваться теоретическими предположеніями. Закаспійскія пустыни и Хива, гдѣ сохранились старыя русла Аму, были недоступны для Европейцевъ. Никакихъ положительныхъ данныхъ не имѣлось. Они стали получаться лишь съ начала семидесятыхъ годовъ, когда, послѣ основанія Красноводска, русскіе отряды появились въ Закаспійскихъ степяхъ. Весьма богатые данныя собраны въ 1873 г. во время Хивинской экспедиціи и въ послѣдующіе годы. Но ходившія съ войсками ученые экспедиціи все еще держались чисто теоретическаго направленія. Онѣ принесли намъ гипотезы для объясненія почему Аму повернула отъ Каспія къ Аралу, но точныхъ данныхъ дали мало. Исключеніе остается лишь за г. Стебницкимъ, хотя и онъ заплатилъ дань прежнему направленію. Въ первую экспедицію на Узбой, г. Стебницкій, увидавъ на немъ соленыя озера и солончаки, готовъ былъ признать его за прежнее морское соединеніе Аральскаго моря съ Каспійскимъ. Но потомъ онъ наблюдалъ тѣ же явленія въ пересохшемъ въ жаркое время руслѣ Атрека, гдѣ онъ находилъ прежде прѣсныя воды. — Г. Стебницкій публично покался въ своей ошибкѣ, и съ тѣхъ поръ всѣ труды его были направлены къ собранію точныхъ данныхъ. Русскіе ученые, надо замѣтить, внесли въ дѣло одну характеристическую черту: съ какою-то особою легкостью они останавливались на наиболѣе неблагоприятныхъ для восстановленія „старого тока“ гипотезахъ, и всегда въ худшую для того

сторону рѣшали встрѣчавшіяся сомнѣнія. Въ особенности жаль что члены экспедиціи 1874 года, бывшіе на мѣстѣ, остались въ области теоретическихъ соображеній. Г. Богдановъ объяснялъ что причина поворота сдѣланнаго Аму-Дарьей было медленное поднятіе почвы, ось котораго идетъ отъ Крыма чрезъ Закавказье до Памира. Г. Сѣверцовъ указывалъ на наносы образуемые мутною водой Аму, на разборъ ея водъ хивинскими арыками и пр. Но всѣ эти теоріи были развѣяны возраженіями другихъ ученыхъ.

Недавно мы прочли въ *Военномъ Сборникѣ* статью г. Костенка: *Рѣка Аму-Дарья. Сводъ новѣйшихъ изслѣдованій о бассейнѣ этой рѣки*. Авторъ полагаетъ будто возвращеніе Аму въ старое русло „трудно, если не совершенно невозможно“ вслѣдствіе общаго уклоненія рѣкъ Средней Азіи отъ запада къ востоку. Но эта гипотеза уже была давнымъ давно высказана и давно опровергнута: высказана гг. Ленцемъ и Богдановымъ, опровергнута вычисленіями и возраженіями г. Стебницкаго. Авторъ полагаетъ еще что пароходство по Аму невозможно вслѣдствіе быстроты теченія, узкости и извилистости фарватера. Онъ ссылается на рапортъ начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла полковника Гротенгельма: о прошлогоднемъ плаваніи парохода *Самаркандъ* отъ Петропавловска до Чарджуя. Что же узнаемъ мы изъ этого рапорта? Пароходъ въ теченіе двухъ дней нѣсколько разъ садился на мель вслѣдствіе того что „сильный вѣтеръ поднималъ кучи песку, которые затемняли горизонтъ до такой степени что трудно было видѣть фарватеръ.“ Но развѣ это обстоятельство касается судоходности рѣки? Этакъ и море можно признать несудоходнымъ, такъ какъ на немъ бывають густыя туманы и при этомъ случаются аваріи! Далѣе узнаемъ изъ того же донесенія что у этого ветерана Аральской флотиліи, у парохода *Самаркандъ*, два раза ломался руль, и что однажды его нельзя было починить средствами имѣвшимися на пароходѣ и пришлось управляться однимъ внутреннимъ рулемъ. Но изъ донесенія не видно чтобы въ этомъ была виновата Аму. Впрочемъ полковникъ Гротенгельмъ въ томъ же донесеніи свидѣтельствуетъ что благополучно исполненное плаваніе *Самарканда*, по его мнѣнію, доказало что Аму судоходна

даже при малой водѣ. Сегодня получили мы № 41 газеты *Ахта* и прочли въ ней что въ нынѣшнемъ году *Самаркандъ* снова поднялся вверхъ по Аму, и прошелъ за границу *Афганистана* до переправы Хаджп-Соля. Командиръ парохода капитанъ-лейтенантъ Брюховъ пишетъ въ рапортѣ начальнику Аральской флотилии: „Рѣка Аму-Дарья въ верховьяхъ ея также для плаванія не представляетъ никакихъ затрудненій; *теченіе много слабѣе нижняго*, берега иловатые, поросшіе камышомъ и фруктовыми деревьями, грунтъ мягкій; оба берега населены густо. Карта рѣки снята подпоручикомъ корп. флот. штурм. Филипповымъ.“

Итакъ, Афганистанъ уже видѣлъ первый русскій пароходъ, и вопросъ о судоходствѣ по Аму можно считать рѣшеннымъ.

Пора бы, повторимъ, идти къ практическому рѣшенію. Конечно, очень важно знать почему Аму-Дарья оставила свое русло въ Каспій, но еще важнѣе доискаться нѣтъ ли какой возможности теперь, при настоящихъ условіяхъ мѣстности, возстановить старое теченіе. Гипотезъ и сомнѣній болѣе или менѣе остроумныхъ было много; пора собрать положительные факты, не упуская ничего что указываетъ на возможность возстановленія пути по Узбою. Такъ понималъ задачу экспедиціи для изслѣдованія Узбоя и Петръ Великій: посылая туда князя Бековича-Черкаскаго онъ писалъ въ собственноручной инструкціи: „осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки и изслѣдовать возможно ли теченіе это направить въ старый токъ.“

Будемъ надѣяться, что экспедиція снаряжаемая Министерствомъ Путей Сообщенія получитъ инструкціи составленныя въ томъ же смыслѣ.

№ 278.

Москва, 31-го октября.

Англійская печать прямо или косвенно угрожаетъ намъ войной если мы въ чемъ-либо уклонимся отъ исполненія желаній Англій, причемъ съ грубымъ цинизмомъ заявляется что „здравомыслящіе государственные люди Россіи,“ въ виду затруднительнаго экономическаго положенія своей страны, будутъ настолько осторожны чтобы не вовлечь ее въ новую войну ко-

торая грозила бы ей конечною гибелью (*ruin*). Не полагая обязательнымъ для себя мнѣніе Англичанъ о благоразуміи въ примѣненіи къ нашимъ дѣламъ, замѣтимъ что съ нашей стороны было бы крайнимъ неблагоразуміемъ лѣзть по ихъ рецепту или слѣдовать ихъ дружескимъ предостереженіямъ. Еслибы возможность столкновенія съ Англійей въ самомъ дѣлѣ грозила намъ крушеніемъ, то тамошніе друзья наши стали бы напротивъ вызывать насъ на путь ведущій къ пропасти. Съ фарисейскими же заявленіями ихъ о своемъ миролюбіи всѣ давно уже освоились. Блага мира способенъ цѣнить всякій. Но когда угрозами войны заставляютъ купить ихъ не иначе какъ по навязываемой цѣнѣ, то не мѣшаетъ разобратъ, насколько основательны угрозы, и не гораздо ли болѣе Англія имѣетъ причины страшиться вооруженнаго столкновенія?

Прежде всего должно говорить что когда идетъ рѣчь объ экономическихъ условіяхъ страны, то не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ финансовыми затрудненіями которыя можетъ испытывать правительство въ данный моментъ при составленіи бюджета. Эти затрудненія зависятъ часто отъ причинъ совершенно постороннихъ естественнымъ экономическимъ условіямъ страны, на примѣръ отъ недостатковъ или неправильностей финансовой системы. У насъ дефицитъ въ бюджетѣ оставленъ минувшею войной. Но мы видимъ что почти и всѣ другія государства испытываютъ въ большей или меньшей степени то же затрудненіе. Вотъ и въ Англій, которая не вела войны, бюджетъ на текущій годъ представляетъ почтенный дефицитъ въ два милліона ф. ст.; покрытіе коего, чтобы не пугать страны, министерство отнесло на будущее время, а публикуемая еженедѣльно цифры поступленія доходовъ предвѣщаютъ что дефицитъ превзойдетъ цифру предусмотрѣнную канцлеромъ казначейства, показывая уменьшеніе по всѣмъ главнымъ бюджетнымъ статьямъ въ сравненіи съ цифрами прошлаго года. Съ такого рода затрудненіями такъ или иначе государство должно справиться. Но чувствительность войны для населенія вѣрнѣе узнается изъ сравненія естественныхъ экономическихъ условій.

Въ этомъ отношеніи контрастъ между Англійей и Россіей очевиденъ всякому. Англія живетъ исключительно торговлей;

всякія колебанія и потрясенія въ ней отзываются періодически тяжкими кризисами въ Англіи. Англіійскіе статистики вычисляютъ, что ихъ страна производитъ средства существованія менѣе чѣмъ для половины всего ея населенія: остальную же часть приходится кормить хлѣбомъ привознымъ, платя за него произведеніями англіійской промышленности. Россія есть великая житница разнообразнѣйшихъ сырыхъ произведеній, которыми она не только удовлетворяетъ свое громадное населеніе, но и отпускаетъ значительный излишекъ ихъ за границу. Англія можетъ блокадой остановить отпущъ изъ нашихъ портовъ. Это правда. Но этимъ она сдѣлаетъ себѣ болѣе ущерба, чѣмъ намъ. Наша виѣшняя торговля ничтожна, у насъ почти нѣтъ своего торговаго флота, и намъ не трудно обойтись безъ предметовъ привозимыхъ на англіійскихъ судахъ. По крайней мѣрѣ масса нашего народа не почувствуетъ этого лишенія. Прекращеніе же вывоза нашего хлѣба подниметъ на него цѣну въ другихъ мѣстахъ откуда можетъ получить его Англія, въ Америкѣ, въ средней и южной Европѣ, между тѣмъ, какъ цѣна на англіійскіе товары отъ того отнюдь не возвысится, а скорѣе упадетъ вслѣдствіе риска войны. Вздорожаніе цѣнъ на хлѣбъ немедленно отзовется усиленною цифрой голодающихъ пролетаріевъ и упадкомъ благосостоянія. Неужели „благоразумные государственные люди“ Англіи не знали этого?

Мы вели войну которая обошлась не дешево; но, слава Богу, бѣдствій отъ того народъ у насъ не терпитъ. Колебанія цѣнъ на предметы первой потребности, какъ и въ мирное время, зависѣли отъ степени урожая въ разныхъ мѣстностяхъ и другихъ, не отъ войны зависящихъ, условій. Цѣна на рабочій трудъ не упала. Фабрики не остаются безъ дѣла.

То ли мы видимъ въ Англіи? Минувшею весной мы говорили о жестокомъ кризисѣ постигшемъ хлопчатобумажную промышленность въ Англіи, составляющую одно изъ главнѣйшихъ ея производствъ, о забастовкахъ рабочихъ, столь печально для нихъ кончившихся. Это не было временнымъ затрудненіемъ, какъ уже тогда можно было видѣть. Это недугъ хроническій, коснувшійся почти всего мануфактурнаго строя Англіи. Какъ ни старается печать поддерживать бодрость обществен-

наго мнѣнія обнадеживаньями, но сѣтованія на „плохія времена“, *bad times*, невольно прорываются. Беремъ указанія изъ англіійскихъ газетъ послѣднихъ дней. Въ южномъ Стаффордширѣ на желѣзныхъ заводахъ понижена заработная плата на 5%; въ сѣверномъ Стаффордширѣ заводчики грозятъ тѣмъ же. Въ Шеффилдскомъ округѣ рабочіе согласились на сбавку, но продолжаютъ увольняться съ фабрикъ большими партіями. Въ Нортонберлендѣ углекопы приглашены подчиниться сбавкѣ платы на 12 $\frac{1}{2}$ %. Рабочіе на судостроительныхъ верфяхъ. Кляйда должны были согласиться на сбавку 7 $\frac{1}{2}$ %. Въ Бѣрмингемѣ рабочіе на стеклянныхъ заводахъ забастовали противъ пониженія платы. Въ Единбургѣ, Лейтѣ и Гаддингтонѣ забастовали каменщики по той же причинѣ. Фабриканты же Ланкашира готовятся принудить рабочихъ къ новой сбавкѣ 10% ихъ платы, вслѣдъ за тою (также 10%) которая уже была сдѣлана въ маѣ мѣсяцѣ. И несмотря на это пониженіе, въ Ланкаширѣ 60% веретенъ и станковъ стоятъ безъ дѣла или работаютъ менѣе времени. Производство, не находя сбыта, сокращается съ недѣли на недѣлю, а *Manchester Guardian* еще утѣшаетъ рабочихъ разсужденіемъ, что если бумажная промышленность не вовсе прекратилась, то потому только что въ постройкахъ и машинахъ затрачены большіе капиталы которые не легко вынуть изъ предпріятія. Ко всему этому раздоры за плату появляются и въ такихъ отрасляхъ гдѣ прежде о нихъ не было слышно. Въ Кентѣ и Суссексѣ, а также въ меньшей степени и въ Суффокѣ, фермеры понижаютъ на 9% плату земледѣльческимъ рабочимъ, люду не имѣющему ни кола ни двора, подобно фабричному населенію, но еще болѣе его угнетенному. Фермеры жалуются что, безъ сокращенія расходовъ, они не въ состояніи платить аренду которая имъ въ убытокъ, и это обстоятельство весьма всѣхъ озадачило, такъ какъ близко касается интересовъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ вербуются правящія лица. И дѣйствительно, множество фермъ по всей странѣ остаются безъ арендаторовъ. Всѣ признаютъ что движеніе къ пониженію заработной платы всеобщее и касается большей части главныхъ отраслей производства. Вотъ признаки глубокаго разстройства экономическаго быта Англіи въ настоящую мину-

ту; но опасаются что положеніе вещей, какъ замѣчаетъ *Times*, можетъ стать еще гораздо хуже, и что бѣдствіе рабочихъ классовъ будетъ продолжительно.

Оно должно было уже отозваться на усиленіи пауперизма. Утѣшали себя что, по цифрамъ, пауперизмъ усилился пока не болѣе какъ на 2⁰/₀. Но не говоря о томъ что вначалѣ у рабочихъ имѣлись сбереженія отъ болѣе счастливаго времени, точный анализъ показалъ обманчивость этой цифры. Именно, въ сѣверныхъ мануфактурныхъ округахъ и въ Вельсѣ усиленіе гораздо значитѣльнѣе. Въ концѣ іюля, въ Ланкаширѣ, число пролетаріевъ содержимыхъ на приходскія средства возрасло на 10⁰/₀, а въ Йоркскомъ округѣ на 7⁰/₀. Притомъ, въ послѣднее время система приходскихъ пособій примѣняется гораздо строже чѣмъ пять или шесть лѣтъ тому назадъ. Дурнымъ признакомъ является и начавшееся уменьшеніе вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ. Прибавимъ еще, для полноты характеристики, что давно въ Англіи не было такой дешевизны на хлѣбъ и другіе предметы потрѣбленія какъ въ настоящемъ году, вслѣдствіе хорошаго урожая. Легко представить себѣ какъ тяжело почувствовалось бы бѣдствіе еслибы цѣна на хлѣбъ стояла выше.

Изысканіемъ причинъ бѣдствія занимаются многіе. Г. Чадвикъ, на бывшемъ недавно конгрессѣ социальныхъ наукъ, перечислилъ десять такихъ причинъ; газета *Times* довольствуется указаніемъ пяти. Но проще кажется объяснить одною: мануфактурное преобладаніе Англіи, на комъ зиждется все ея могущество, клонится къ упадку, подрываемое конкуренціей. *Saturday Review* говоритъ откровеннѣе: „Истина несомнѣнно въ томъ что не „возможно далѣе устранить ни одну отрасль „англійской промышленности отъ вліянія „конкуренціи... Преобладающее угнетеніе причинено недостаткомъ потребленія. „Отсюда наши затрудненія. Пониженіе платы въ хлопчатобумажной промышленности нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ положительно не принесло пользы. Дня, „вмѣсто того чтобы уллучиться, пошли „еще хуже. Это не можетъ продолжаться „не причиняя глубокаго бѣдствія. Его, конечно, придется вынести, ибо мануфактуристы не могутъ продолжать работу „въ убытокъ; но опасность въ томъ что „все жертвы будутъ напрасны. Возоб-

„новившіяся опасенія касательно Восточнаго вопроса усиливаютъ зло.“ Газета обмолвилась этимъ безо всякаго упрека правительству. Но не всѣ столь благодушны. Въ засѣданіи Манчестерской торговой палаты 27 октября г. Уотерсъ прямо приписывалъ „все затрудненія дурному управленію.“ Довѣріе, говорилъ онъ, есть „духъ торговли,“ а этотъ жизненный элементъ торговой жизни уничтоженъ потому что „правительство слишкомъ много тратило денегъ и возбуждало постоянныя опасенія войны.“ По его предложенію, палата и рѣшила разслѣдовать насколько опасенія войны и увеличеніе налоговъ содѣйствовали неудовлетворительному положенію вещей. Недостатокъ довѣрія, парализующій торговые предпріятія, впрочемъ, признаетъ и *Times*: „Торговля оказывалась столь невыгодною во многихъ направленіяхъ, вслѣдствіе банкротствъ торговцевъ всякаго рода, что капиталисты уже почти никому не довѣряютъ. Они тревожатся и боятся, а слухи о новыхъ войнахъ усиливаютъ ихъ безпокойство.“ Далѣе въ той же газетѣ мы читали: „При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, предъ нами зима которая должна внушать тревожную заботу всѣмъ имѣющимъ власть намѣчать будущее; но мрачная картина можетъ стать еще мрачнѣе; стѣсненные средства будутъ стѣснены еще болѣе если государственные люди не будутъ довольно мудры чтобы распознать и довольно мужественны чтобы держаться пути мудрости. Велика будетъ на нихъ отвѣтственность если по какой-либо ошибкѣ съ ихъ стороны они помѣшаютъ устраненію всѣхъ препятствій къ возстановленію здоровой промышленной жизни.“

А между тѣмъ въ этой самой газетѣ читали мы угрозы Россіи! Судите же къ лицу ли Англіи эти угрозы въ ея теперешнемъ положеніи?..

№ 279.

Москва, 1-го ноября.

Дипломатическая переписка между Англіей и Франціей по восточнымъ дѣламъ, обнародованная во французской *Желтой Книжкѣ*, — изъ ней мы привели вчера важнѣйшіе документы, — должна послужить наилучшимъ комментариемъ къ тѣмъ тол-

камъ о „коалиціи“ между этими державами, направленной противъ Россіи, какими все еще продолжают пугать насъ будто малыхъ дѣтей. Въ депешахъ французскаго министра, несмотря на изысканно вѣжливый тонъ, казалось весьма ясно чувство тревоги столь естественной во Французѣ при вѣсти о конвенціи 4 іюня. „Впечатлѣніе это“ (отъ обнародованія конвенціи), замѣчаетъ г. Ваддингтонъ, „было „глубже во Франціи чѣмъ гдѣ-либо... Не „оправдывается ли взрывъ удивленія и „безпокойства обнаружившихся во Франціи когда стало извѣстно что Англія готовится занять островъ на Средиземномъ Морѣ, имѣющій самую выгодную стратегическую и морскую позицію, чтобы командовать въ одно и то же время надъ берегами Сиріи и Египта, и что вдобавокъ къ этой прямой выгодѣ Англія пріобрѣтаетъ также право дѣятельнаго вмѣшательства на будущее время въ управленіе всѣхъ территорій въ Азіи подчиненныхъ Оттоманской юрисдикціи?“ Неужели можно, въ самомъ дѣлѣ, допустить что всѣ эти справедливыя и нешуточныя опасенія были разсѣяны вслѣдствіе любезностей на которыя не поспешилъ лордъ Солсбери въ своихъ отвѣтахъ, съ присовокупленіемъ увѣреній въ наилучшихъ *намереніяхъ* Англіи по отношенію ко Франціи, да еще указанія на то что Англія уйдетъ изъ Кипра когда Россія „почему бы то ни было“ откажется отъ своихъ новыхъ пріобрѣтеній въ Малой Азіи? Никакихъ болѣе существенныхъ гарантій Франція не получила, если не считать таковою хорошій завтракъ какимъ принцъ Вельскій угостилъ г. Гамбетту въ свое недавнее пребываніе въ Парижѣ.

А между тѣмъ подкупная и изолгавшаяся печать продолжаетъ морочить легковѣрную публику возможностью совокупнаго дѣйствія Англіи и Франціи на Востокъ. Соображенія эти подкрѣпляются ссылкой на первую Восточную войну въ которой обѣ державы выступили союзниками. Ничто не можетъ быть фальшивѣе этого аргумента. Наполеонъ III, вступая въ союзъ съ Англіей противъ Россіи на Востокъ, руководился въ этомъ случаѣ не интересами Франціи, какъ всѣмъ извѣстно, а своими личными или династическими надобностями. Вопарившись хищеніемъ, потомокъ перваго Наполеона долженъ былъ искать себѣ какой-нибудь опо-

ры въ Европѣ. Оскорбленный пренебреженіемъ выказаннымъ ему императоромъ Николаемъ, Наполеонъ III тѣмъ охотнѣе поддавался приманкамъ лорда Пальмерстона что этотъ союзъ открывалъ ему возможность удовлетворить національному тщеславію Французовъ блескомъ военнаго предпріятія. Дальнѣйшій результатъ извѣстенъ. Личныя цѣли Наполеона были отчасти достигнуты; но страна понесла огромныя жертвы, силы ея, еще не надломленныя никакимъ Седаномъ, съ трудомъ вынесли тяжесть тогдашней гигантской борьбы, безъ всякой для нея пользы.

Въ настоящее же время что могло бы вознаградить Францію за жертвы войны противъ Россіи въ союзѣ съ Англіей? Властолюбивыя и эгоистическія стремленія Англіи обнаружились теперь яснѣе чѣмъ когда-либо. Конвенція 4 іюня показала Франціи и прочимъ державамъ заинтересованнымъ въ Средиземномъ Морѣ что настоящая опасность грозитъ имъ со стороны ненасытной „властительницы морей.“ Министръ Ваддингтонъ явился вѣрнымъ истолкователемъ настроенія которое не могло не овладѣть „встрепенувшимся“ Французскимъ народомъ при первой вѣсти о новомъ захватѣ Англіи. Что же случилось съ тѣхъ поръ чтобы разсѣять эту естественную тревогу Франціи и превратить ее изъ подозрительнаго соперника, какимъ она является въ обнародованной теперь перепискѣ, въ преданнаго и довѣрчиваго союзника Англіи? Не слухъ ли о томъ что проектируется окончательная ликвидація турецкаго владычества въ Европѣ, при которой на долю Англіи достались бы ни больше, ни меньше какъ Константинополь и Проливы? Какъ ни чудовищенъ этотъ слухъ въ настоящее время, когда Россія, слава Богу, еще стоитъ твердою ногой на Балканскомъ полуостровѣ и пока она не выпустила изъ своихъ рукъ возможности отразить всякія поползновенія этого рода со стороны Англіи,—никто не сомнѣвается что захватъ Константинополя есть конечная цѣль къ которой стремится Англія, и что конвенція 4 іюня была лишь еще однимъ шагомъ впередъ по этому пути. Въ этихъ ли видахъ Франція рѣшится вторично подать руку Англіи и отдать въ ея распоряженіе свои едва возродившіяся военныя силы?

Но, говорятъ, Франція ищетъ предлога чтобы снова занять подобающее ей мѣсто

среди великихъ державъ. Теперешнія complicации на Востокъ представляютъ къ тому удобный случай, и Франція не можетъ имъ не воспользоваться. Это правда: Франція должна въ своихъ интересахъ выйти изъ пассивнаго положенія навязаннаго ей печальными послѣдствіями недавняго погрома. И это стремленіе довольно ясно обнаружилось въ образѣ дѣйствій Французскаго правительства со времени Берлинскаго конгресса. Но то что обнаружилось отнюдь не даетъ повода заключать чтобы Франція ступила еще разъ на тотъ ложный путь который въ 1854 году привелъ къ Англо-Французскому союзу. Французское правительство взяло теперь на свою долю Греческій вопросъ. Греки, кругомъ обманутые лживыми обѣщаніями Англіи и воздержавшіеся вслѣдствіе этихъ обѣщаній отъ дѣятельнаго участія въ расправѣ съ турецкимъ владычествомъ, нашли теперь во Франціи болѣе правдиваго заступника своихъ законныхъ притязаній. Нельзя не признать что мысль внушившая Французскому правительству такой образъ дѣйствій была вполнѣ вѣрная. При дальнѣйшихъ замѣшательствахъ грозящихъ возникнуть на Востокъ, Франціи придется быть-можетъ не ограничиваться одною дипломатическою поддержкой, а оказать Греціи и матеріальную помощь, по крайней мѣрѣ посылкой своего флота къ берегамъ Греціи...

Кто же станетъ утверждать что выступая защитницей Греціи какъ одной изъ народностей рвущихся къ жизни изъ-подъ давящей и мертвящей силы турецкаго владычества, Франція идетъ не одною съ Россіей дорогой, а становится на сторону ея злѣйшаго противника?

№ 280.

Москва, 2-го ноября.

Документы обнародованные во французской *Желтой Книгѣ* представляютъ такъ много интереснаго что считаемъ не лишнимъ возвратиться къ нимъ. Въ дополненіе къ общему впечатлѣнію которое они производятъ, слѣдуетъ воспользоваться имидля нѣкоторыхъ болѣе специальныхъ указаній.

Интересна депеша главы французскаго кабинета, г. Дюфора, временно управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ

за отсутствіемъ г. Ваддингтона, къ этому министру, бывшему первому французскимъ уполномоченнымъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Она даетъ ключъ къ уразумѣнію того положенія котораго Франція держалась на конгрессѣ съ самаго начала. „Намъ, чуждымъ столкновеній которыя въ продолженіи двухъ лѣтъ раздирали Востокъ и вызвали соперничество кабинетовъ,“ говоритъ г. Дюфоръ, „неумѣстно было вступать въ пренія о соглашеніяхъ коими державы, раздѣленные своими интересами или своими стремленіями, находили удобнымъ установить между собою систему компромиссовъ.“ Вѣрная своему нейтральному пассивному положенію, Франція приняла участіе въ конгрессѣ не имѣя *parti pris* касательно спорныхъ вопросовъ и желала, сохранить свободу своего мнѣнія о состоявшихся сдѣлкахъ. Единственное отступленіе отъ этой пассивности представляли случаи когда французскіе уполномоченные старались согласить державы на принципъ религіозной свободы, который всегда защищался Франціей, и „обеспечить уваженіе къ великимъ нравственнымъ интересамъ которыя на Востокѣ, по преданію, были предметомъ заботливости Франціи.“ Къ этой категоріи относились сохраненіе правъ католической церкви на Востокѣ и „вѣковыхъ привилегій въ дѣлѣ покровительства Святымъ Мѣстамъ и другимъ странамъ Турецкой имперіи.“ Кромѣ того, въ предѣлахъ своего воздержнаго дѣйствія, Франція нашла де возможнымъ „принять въ свои руки дѣло національностей которыя имѣли право на ея доброжелательство и развитію коихъ уже много помогло ея дружественное участіе въ другія времена.“ Такимъ образомъ, „благодарное дѣйствіе этой инициативы Франціи, по словамъ депеши г. Дюфора, испытали на себѣ въ особенности Греки и католическое населеніе Мирдитовъ.“ Вотъ предъ нами дѣйствія Франціи на конгрессѣ, истолкованныя ея собственнымъ правительствомъ, одобренныя, по словамъ главы кабинета, всею страной, и стяжавшія ей, какъ онъ надѣется, уваженіе другихъ государствъ. Что же въ нихъ спрашивается, есть враждебнаго Россіи, и что, слѣдовательно, могло бы побуждать Францію приступить къ коалиціи противъ насъ?

Другое интересное указаніе находимъ въ депешѣ самаго лорда Солсбери къ г. Ваддингтону объ обстоятельствахъ пред-

шествовавшихъ конгрессу. Понимая необходимость какъ-нибудь оправдать предъ Франціей скрытное дѣйствіе англійской политики въ захватѣ Кипра и протектората надъ Малою Азіей, англійскій министръ жалобнымъ тономъ признаетъ что это произошло потому лишь что Парижскій трактатъ въ сущности уже былъ разорванъ, и Англіи по неволѣ пришлось дѣйствовать одной. Еслибы дѣйствовалъ еще специальный трехсторонній трактатъ апрѣля 1856 года, то Англія могла бы де пригласить „своихъ двухъ могущественныхъ военныхъ совѣтниковъ пособить ей въ поддержаніи цѣлости Оттоманскихъ владѣній.“ Но какъ Австрія такъ и Франція ясно указали де свое намѣреніе не вступать въ войну для поддержанія условій 1856 года. *Ergo*, Англія сама поспѣшила захватить Кипръ. Логичность и нравственность такого заключенія, не смотря на его убѣдительность, затронули однако Францію „до глубины сердца,“ какъ выражается г. Ваддингтонъ.

Но что же, прежде всего, слѣдуетъ изъ этого любопытнаго признанія, которое для насъ отнюдь не новость? Если для Англіи невозможно было возстановить Восточную коалицію 1856 года предъ нашею послѣднею войною, какъ это мы знали и безъ откровенности лорда Солсбери, — невозможно было въ то время когда въ Турціи дѣйствительно еще было что охранять, и когда принципы 1856 года то и дѣло сыпались изъ устъ англійскихъ министровъ, когда Порта обладала еще многочисленными арміями и въ ея рукахъ были всѣ крѣпости, когда, слѣдовательно, и небольшая союзная помощь могла принести ей пользу, — то развѣ легче исполнить это теперь, когда полчища султана уничтожены и деморализованы, когда всѣ главныя крѣпости сданы, а русская армія закаленная подвигами, отдохнувшая и оправившаяся послѣ перенесенныхъ испытаній, стоитъ въ полной готовности въ недалекомъ разстояніи отъ турецкой столицы? Мысль невольно переносится къ сравненію настоящаго времени съ недавнимъ прошлымъ Крымской войны. Тогда французская имперія стояла на верху своего могущества, и Франція считалась первою военною націей въ мірѣ, Англія не была въ періодѣ тревожнаго торговаго и промышленнаго кризиса, какъ теперь, Турція не хуже чѣмъ за два года предъ симъ была приготовлена къ борьбѣ и, за исключе-

ніемъ Синопскаго погрома, еще не испытала военныхъ неудачъ; а наша отсталость въ путяхъ сообщенія и вооруженія арміи дали союзникамъ возможность внести войну въ наши предѣлы. И несмотря на всѣ эти неблагоприятныя для насъ условія, всѣмъ извѣстно какихъ усилій союзникамъ, въ особенности Франціи, стоила эта война, какъ долго и упорно она длилась, и какъ часто исходъ ея колебался и зависѣлъ отъ случайностей. Кто можетъ сказать какихъ новыхъ усилій потребовала бы она въ то время отъ нашихъ противниковъ и какъ бы она еще кончилась если бы мы захотѣли продолжать ее! Но и не задаваясь гипотезами, развѣ не очевидно для всякаго что повтореніе республиканскимъ правительствомъ династической затѣи Наполеона III потребовало бы вдвѣтеро большаго напряженія отъ едва начинающей оправляться Франціи? Возможно ли это? Франціи пришлось бы послать не сто, а двѣсти, триста тысячъ въ Турцію, — и для чего? Для того чтобы поставить опять турецкихъ пашей надъ Болгарами, а никакъ не для отпора Россіи, потому что въ Европѣ, кромѣ клочка своей же Бессарабіи, Россія не приобрѣла ровно ничего. Что же касается Карса, Ардагана, Батума, то какое Франціи можетъ быть до нихъ дѣло? Но относительно азіатскихъ цѣлей Англіи нельзя не отмѣтить еще одинъ любопытный *lapsus calami* въ депешѣ лорда Солсбери.

Благородный лордъ, какъ видно, еще мало искусенъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ и грѣшитъ обмолвками какія едва ли позволилъ бы себѣ покойный лордъ Кларендонъ и даже нынѣшній графъ Дарби. Англійскому правительству, пишетъ лордъ Солсбери, „неоднократно изъ разныхъ сферъ (по толкамъ печати, Германіей) давались настоятельные совѣты занять Египетъ или по крайней мѣрѣ связать побережье Суэзскаго канала;“ также ей рекомендовалось „занять какой-либо портъ на берегу Сиріи, напримѣръ Александретту.“ Онъ пишетъ г. Ваддингтону: „все это хорошо извѣстно вашему превосходительству,“ и при этомъ увѣряетъ что „правительство ея величества постоянно оставалось глухо ко всѣмъ внушеніямъ такого рода.“ По какой же причинѣ? Изъ платонической дружбы ко Франціи или по безкорыстію? Читайте: „Подобная операція пожалуй не противорѣчила бы англійскимъ интере-

самъ и не представила бы матеріальныхъ затрудненій. Но такой политики не приняло правительство ея величества. Мы получили внушеніе отъ Французскаго правительства: что всякое такое дѣйствіе было бы весьма неприятно для Французскаго народа." Г. Ваддингтонъ конечно долженъ былъ понять что это значило. Ему подробнѣе извѣстно какимъ образомъ мѣры „не противныя интересамъ" Англійскаго правительства и на его взглядъ, „не представлявшія трудностей" были остановлены запретомъ Франціи. Это бросаетъ свѣтъ и на то почему заключеніе англо-турецкой конвенціи о Кипрѣ совершалось въ глубокой тайнѣ. Англійское правительство имѣло поводъ опасаться что и этой сдѣлкѣ могло помѣшать *veto* со стороны Франціи. Предположеніе это подтверждается весьма любопытнымъ фактомъ. Англійское правительство рѣшилось ли прямо сказать своимъ бывшимъ союзникамъ что такъ какъ Парижскій трактатъ безсиленъ, то Англія впредь будетъ сама дѣйствовать какъ ей выгодно? Нѣтъ, изъ сличенія дати видимы что депеша Солсбери, имѣвшая цѣлю: „заблаговременно" извѣстить Французское правительство о конвенціи, въ виду вѣроятнаго весьма скорого ея обнародованія, была написана въ Берлинѣ и сообщена французскому министру лишь наканунѣ дня когда это стало извѣстно всему свѣту, и когда помѣшать достигнутому было поздно...

Итакъ, изъ всего заключающагося въ обнародованныхъ документахъ видно что ни до конгресса, какъ проговорился лордъ Солсбери, ни во время конгресса, какъ видно изъ депеши г. Дюфора, не было и не могло быть никакого спеціальнаго уговора между Франціей и Англіей для общаго дѣйствія на Востокъ. Измѣнились ли обстоятельства послѣ того? Да, они измѣнились англо-турецкой конвенціей, и не трудно усмотрѣть въ какую сторону...

№ 281.

Москва, 3-го ноября.

Венгерская столица была въ послѣдніе дни однимъ изъ тѣхъ пунктовъ на которые обращаются попеременно взоры политической публики слѣдящей за передвиженіями дѣйствующихъ лицъ и составляющей

по внѣшнимъ фактамъ заключеніе о томъ что готовится въ сокровенной тишинѣ дипломатическихъ кабинетовъ. Графъ Шуваловъ провелъ въ Буда-Пештѣ два дня проездомъ изъ Ливадіи въ Лондонъ куда онъ возвращается, вопреки упорнымъ слухамъ будто его долженъ замѣнить при Сентъ-Джемскомъ дворѣ князь Орловъ. Въ Пештѣ графъ Шуваловъ имѣлъ нѣсколько продолжительныхъ совѣщаній съ австро-венгерскимъ канцлеромъ и былъ принятъ въ частной аудіенціи императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Вчера графъ Шуваловъ отправился въ дальнѣйшій путь, но по дорогѣ долженъ былъ заѣхать въ Берлинъ для свиданія съ княземъ Бисмаркомъ отложившимъ по этой причинѣ свой отъѣздъ для отдыха въ деревенскомъ уединеніи. Все это даетъ обильную пищу толкамъ о новыхъ переговорахъ имѣющихъ де цѣлю предотвратить опасности новыхъ столкновеній и изыскать путь для мирнаго соглашенія выступившихъ съ новою силой наружу политическихъ противорѣчій. Рѣчь идетъ де о примиреніи интересовъ Англіи и Россіи какъ въ Европѣ такъ и въ Азіи, и наилучшимъ способомъ для такого примиренія будто бы проектируется „дополнительный Берлинскій конгрессъ," по пословицѣ „чѣмъ ушибся тѣмъ и лѣчись." Если слухъ о дополнительномъ конгрессѣ вѣренъ, то естественно было бы предположить что мысль явилась вслѣдствіе оказавшейся на дѣлѣ невозможности осуществить предположенія Берлинскаго трактата, и что дополнительный ареопажъ европейскихъ дипломатовъ постарается замѣнить невозможныя постановленія онаго болѣе сообразными съ историческою необходимостью. Но вотъ, прошедшая недѣля ознаменовалась двумя политическими манифестаціями въ иномъ смыслѣ, рѣчью лорда Беконсфильда на банкетѣ у лорда-мера и отвѣтомъ даннымъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ на привѣтственную рѣчь президента австрійской делегаціи графа Корони-ни. Въ этихъ обѣихъ рѣчахъ Берлинскій трактатъ выдвинутъ на передній планъ и „неприкосновенность" онаго выставлена какъ непреложная политическая аксіома. Глава Британскаго кабинета заявилъ что Англійское правительство „рѣшилось настаивать „на буквальномъ исполненіи трактата, и что „оно въ случаѣ надобности сдѣлаетъ призывъ къ народу дабы поддержать трактатъ со всею энергіей, употребивъ на это

„всѣ зависящія отъ него средства.“ Всѣ важнѣйшіе органы англійской печати хоромъ подхватили эту грозную діатрибу въ пользу Берлинскаго трактата, съ коимъ, по словамъ *Times*, „тѣсно связана честь Англійскаго народа,“ и въ то же время намъ говорятъ что лордъ Беконсфильдъ былъ еще очень умѣренъ въ своей рѣчи и „щадилъ Россію,“ не желая ни въ чемъ повредить успѣху происходящихъ въ настоящее время переговоровъ. Желательно бы знать о чемъ могутъ идти переговоры если неприкосновенность Берлинскаго трактата есть исходная точка всей теперешней политики Англии?

Другое официальное слово въ защиту Берлинскаго трактата принадлежитъ, какъ сказано, Австрійскому императору. По его словамъ, Берлинскій трактатъ „создалъ на Балканскомъ полуостровѣ новый порядокъ вещей способный предотвратить на будущее время опасности угрожающія европейскому миру и интересамъ Австріи.“ И Австрійское правительство намѣрено де „въ согласіи со *всеми* державами участвовавшими въ трактатѣ“ отстаивать послѣдовательное и всестороннее его исполненіе. Но если со *всеми*, такъ противъ кого же?

Достойно однако замѣчанія что эта самая рѣчь императора Франца-Иосифа признается значительною въ томъ отношеніи что въ ней указанъ конецъ всѣмъ колебаніямъ относительно Боснии и Герцеговины и выражена рѣшимость навсегда включить эти провинціи въ составъ Австрійской монархіи, на что Берлинскій трактатъ отнюдь не уполномочиваетъ Австрію. На это съ торжествомъ указываютъ берлинскія газеты, вѣрныя своей программѣ толканія Австріи на Востокъ, которая въ самой Австріи такъ мало встрѣтила сочувствія и поддержки. Еще недавно пренія объ адресѣ въ австрійскомъ рейхсратѣ и самое принятіе этого адреса показали какъ глубоко разногласіе по этому предмету между правительствомъ, или лучше, между придворною кoterіей, — такъ какъ правительства въ конституціонномъ смыслѣ въ Цислейтаніи вовсе нѣтъ въ настоящее время, — и тѣми партіями которыми нынѣ господствуютъ въ не мадьярской половинѣ имперіи. Адресъ рѣзко высказался противъ политики оккупации. А императоръ напротивъ съ удареніемъ указалъ на то что военная задача связанная съ занятіемъ турецкихъ провинцій

„нынѣ блистательно окончена,“ и что не-далеко то время когда будетъ возможно, не истощая финансовыхъ средствъ имперіи, покрывать издержки на управленіе вновь приобрѣтенными провинціями изъ ихъ собственныхъ средствъ. Императоръ взываетъ къ патриотизму „своихъ народовъ,“ и надѣется что ихъ представители уразумѣютъ значеніе великаго историческаго момента наступившаго для Австріи, и поймутъ что для разрѣшенія подобныхъ задачъ требуются и чрезвычайныя усилія. Это-то указаніе на „великую историческую миссію“ наступившую для Австріи берлинскія газеты приняли съ особенною радостію, такъ какъ она есть почти буквальное повтореніе того что эти газеты не переставали твердить, въ назиданіе Австріи, съ самаго начала Восточнаго кризиса:

Весьма любопытенъ тотъ фактъ что Мадьяры, которые до послѣдняго времени ретивѣе всѣхъ прочихъ возставали противъ политики оккупации, нынѣ совершенно перемѣнили тонъ и повидимому вполне примирились съ графомъ Андраши кому еще такъ недавно грозили преданіемъ суду. Въ адресѣ Венгерской палаты въ отвѣтъ на тронную рѣчь нѣтъ ни слова порицанія дѣйствіямъ правительства, и теперешняя сессія, вопреки ожиданіямъ, отличается большимъ миролюбіемъ. Одна лишь крайняя лѣвая продолжаетъ бушевать противъ внѣшней политики правительства. Но и это, по объясненію свѣдущихъ пештскихъ корреспондентовъ, есть не болѣе какъ согласованный маневръ, *pour sauver les apparences*, въ виду того что еще наканунѣ открытія парламента устранивались народныя митинги гдѣ политическіе вожаки разныхъ партій обвиняли правительство чуть не въ государственной измѣнѣ. Этотъ внезапный поворотъ объясняется тѣмъ что Мадьяры получили увѣреніе что новое приращеніе монархіи пойдетъ въ прокъ исключительно имъ, и что Боснія съ Герцеговиной будутъ включены въ составъ земель Венгерской короны. Официальнымъ подтвержденіемъ этого считается весьма рѣзкій по тону отвѣтъ который далъ императоръ Францъ-Иосифъ депутатамъ поднесшей ему адресъ Хорватскаго сейма, адресъ, въ которомъ высказана благодарность правительству за приобрѣтеніе двухъ новыхъ славянскихъ земель и выражена надежда что эти земли будутъ

соединены съ Тріединымъ королевствомъ, которое такимъ образомъ составить равноправную половину „Мадьяро-Хорватскаго королевства.“ Императоръ отвѣчалъ на это: сожалѣніемъ, что Хорватскій сеймъ дозволилъ себѣ выйти изъ предѣловъ своей компетенціи, обсуждалъ вопросъ иностранной политики, и выразилъ надежду, что сего впредь не будетъ.

№ 282.

Москва, 4-го ноября.

Въ послѣдніе два года, англійскіе министры пользовались бычнымъ банкетомъ лорда-мера, 10-го ноября, для самыхъ шумныхъ демонстрацій. Въ нынѣшнемъ году, какъ можно было видѣть уже изъ телеграммы, глава кабинета значительно понизилъ тонъ, и въ сравненіи съ прежнимъ левомъ явился смиренною овечкой. Теперь предъ нами англійскія газеты съ изложеніемъ рѣчей и отзывовъ печати.

Публика съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидала новаго проріцанія, и печать еще наканунѣ старалась успокоить эту трѣвогу и предостеречь министровъ. Въ *Экономистъ*, вышедшемъ утромъ того самаго дня, когда былъ банкетъ у новаго лорда-мера, сказано: „Что бы министры ни нашли нужнымъ сказать сегодня вечеромъ, невозможно кажется, чтобы они въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что Берлинскому трактату суждено продлиться. До нѣкоторой степени еще во власти правительства ея величества отбросить иллюзіи подъ вліяніемъ, коихъ былъ составленъ Берлинскій трактатъ и замѣнить постановленія тогда бесполезныя условія устройствомъ болѣе достойнымъ этого имени. Оно можетъ само выступить за отмену раздѣленія Болгаріи вмѣсто того, чтобы предоставлять этой отменѣ совершиться помимо его. Правительство не можетъ не знать, какъ глубоко Англія нуждается въ обезпеченномъ мирѣ, и оно покажетъ только мелочное нежеланіе сознаться въ этомъ, если останется далѣе притворяться, что пишетъ его въ условіяхъ Берлинскаго трактата.“ Даже одна торійская газета, гадая о томъ, что скажутъ министры, замѣтила, что если они разочаруютъ „общее ожиданіе“ и, вмѣсто подтвержденія вѣроятностей мира, примутъ высокій и грозный тонъ, то они внезапно повергнутъ

страну еще глубже въ бѣдствіе, а торговлю въ отчаяніе.“ До желаемаго *Экономистомъ* признанія дѣло еще не дошло, но общее желаніе было въ извѣстной степени исполнено. Лордъ Беконсфильдъ ни разу не произнесъ слова *война*, и даже прямо отрицалъ, чтобы положеніе дѣлъ было опасно. Какой контрастъ съ прежними похвальбами о многихъ кампаніяхъ, которыя можетъ выдержать Англія и о ея способности вызвать на бой весь міръ! Не поучительно ли одно это обстоятельство?

Вообще нынѣшній годъ церемонія была блѣдна и скучна. Уныніе отразилось на самой погодѣ дня пасмурнаго и холоднаго. Вслѣдствіе ссоры новаго лорда-мера съ нѣкоторыми альдерменами, много мѣстъ на банкетѣ остались пусты. Министры явились почти въ полномъ составѣ, но изъ нихъ только одинъ премьеръ говорилъ о политикѣ. Въ контрастъ прошлаго года, когда изъ иностранныхъ представителей были только одинъ турецкій паша, а остальные послы блистали своимъ отсутствіемъ, не пожелавъ принять участія въ подстроенной демонстраціи противъ Россіи, нынѣшній годъ были послы Германіи, Франціи, Италіи, Австріи, но не было именно турецкаго, который въ прошлый разъ придалъ такую пикантность празднику, гдѣ восхвалялись доблести Турокъ; почти наканунѣ паденія Плевны. Прошлогодня демонстрація была не болѣе, какъ грубый пухъ, но теперь обнаружилось, какъ дорого обходятся странѣ эти пухы, и вотъ отъ повторенія подобной забавы пришлось отказаться, чтобы не повернуть торговлю „въ отчаяніе.“ Корреспондентъ *Manchester Guardian* пишетъ: „Главное впечатлѣніе произведенное рѣчью лорда Беконсфильда было чувство облегченія. Всѣ знали, что рѣчь будетъ успокоительнаго характера, но непріятныя ассоціаціи, связанныя съ послѣдствіями изреченія премьера въ Гильд-галлѣ, заставляли ожидать съ нѣкоторою тревогой появленія его на банкетѣ лорда-мера.“

Что же сказать о самой рѣчи? Конечно, лордъ Беконсфильдъ не могъ не быть самимъ собой. Трудно было ожидать отъ него признанія въ неудачѣ всей своей политики; а потому и мирная фразелогія его не могла обойтись безъ нѣ котораго треска. Ему приходилось говорить о двухъ предметахъ, возбудившихъ вниманіе страны со времени закрытія парламента: объ Афганистанѣ и

о замѣнательствахъ въ Турціи. Слѣдуетъ замѣтить что предъ тѣмъ толки объ Афганистанѣ вдругъ сразу замолкли. Телеграммы изъ Индіи продолжаютъ еще сообщать будто тамъ всѣ недовольны предписаніями изъ Лондона, приостановившими экспедицію, но, по замѣчанію газеты *Times*, „истина въ томъ что военныя приготовленія не были въ такомъ состояніи чтобы военныя дѣйствія были въ настоящее время благоразумны.“ Лордъ Беконсфильдъ объ этомъ предметѣ не высказалъ своимъ слушателямъ никакого положительнаго намека, не упомянулъ вовсе объ оскорбленіи будто бы нанесенномъ Англіей отъ эмира, но за то далъ совершенно новое и оригинальное объясненіе Афганскаго затрудненія. Правительство отнюдь не опасается вторженія въ Индію черезъ сѣверо-западную границу. Но самая эта граница есть дѣйствительно „случайная“ (*haphazard*), а не „научная“ (*scientific*). Неудобства этого *ненаучнаго* характера границы потребовалось исправить, и когда это будетъ сдѣлано, тогда, прорицаетъ оракулъ, „мы будемъ, надѣюсь, жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ нашими непосредственными сосѣдями и въ неплохихъ можетъ-быть отношеніяхъ съ нѣкоторыми сосѣдями болѣе отдаленными.“ Мы слышали о „естественныхъ“ границахъ, о „военныхъ“ границахъ, и часто споры о такихъ бывали поводомъ къ раздорамъ между государствами, но до сихъ поръ не слышно было о границахъ „научныхъ.“ Однако Ширъ-Али едва ли успокоится если до него дойдетъ вѣсть что Англія желаетъ на его счетъ продвинуться далѣе по всѣмъ правиламъ науки.

Но главнымъ образомъ вниманіе всѣхъ было заинтересовано тѣмъ что скажетъ лордъ Беконсфильдъ о Турціи, о тѣхъ опасеніяхъ которыя возбуждало исполненіе Берлинскаго трактата и о возможности влѣдствіе того столкновенія съ Россіей. Главный баронъ (*lord Chief Baron*, то-есть председатель суда казначейства) Келли, которому утромъ долженъ былъ представиться новый лордъ-меръ, тотъ самый кто прошлымъ годомъ удивилъ всѣхъ увѣреніемъ что Англія одна своею силой низвергла Наполеона I: когда предъ нимъ преклонились всѣ другія государства Европы, теперь въ своей рѣчи упомянулъ объ „опасности войны съ могущественною имперіей“ и уличалъ Россію въ нарушеніи Берлин-

скаго трактата. Приятно ему было потомъ вечеромъ слышать отъ премьера что тотъ считаетъ совершенно невозможнымъ чтобы кто-либо изъ подписавшихъ трактатъ помышлялъ уклониться отъ принятыхъ обязательствъ. Итакъ, если все идетъ отлично, всѣ одушевлены наилучшими намѣреніями, то для чего понадобились слѣдующія заключительныя слова рѣчи, сказанной премьеромъ: „Полагая что Берлинское соглашеніе подвинетъ прогрессъ и цивилизацію міра, и что оно удивительно приспособлено къ обезпеченію мира, правительство ея величества, буде явится необходимость, обратится съ довѣріемъ къ народу своей страны чтобы настоять на буквѣ и духѣ Берлинскаго трактата всею энергіей и всѣми средствами Англіи.“

Такъ какъ лордъ Беконсфильдъ никого не подозреваетъ въ намѣреніи нарушить Берлинскій трактатъ, то мы можемъ судить о его словахъ объективно. Дѣло прежде всего не въ томъ желаетъ ли или не желаетъ кто его исполненія, а въ томъ какъ исполнить его буквально и возможно ли это? Мы предоставимъ говорить за насъ англійскому и притомъ торійскому органу, который въ послѣднее время сталъ весьма рѣзко высказываться противъ Беконсфильдовской политки, въ чемъ тоже нельзя не видѣть признака. „Если слово лорда Беконсфильда,“ говоритъ *Pall Mall Gazette*, „считать окончательнымъ и неизмѣннымъ, то желательно обсудить точное значеніе обязательства которое они на насъ налагаютъ. Хорошо говорить о рѣшеніи чтобы Берлинскій трактатъ былъ „буквально исполненъ“, вопросъ въ томъ „можетъ ли онъ быть такимъ образомъ исполненъ. Недостаточно быть увѣреннымъ въ невозможности для кого-либо изъ подписавшихся уклониться отъ исполненія обязательствъ; буквальное исполненіе много зависитъ отъ дѣйствія другихъ сторонъ, кромѣ участниковъ трактата, а надъ этимъ дѣйствіемъ мы не имѣемъ никакого контроля. Мы можемъ только съ большою вѣроятностію предполагать что движеніе въ Румелии и Македоніи будетъ продолжаться, и что агитация въ пользу соединенія этихъ округовъ съ Сѣвѣрною Болгаріей усилится въ теченіе зимы, и отсюда заключать о томъ что налагаетъ на насъ политика правительства. Вынудить буквальное исполненіе Берлинскаго трактата означало бы,

„следовательно; вынудить силой оружия политическое отдѣленіе южно-балканскихъ провинцій отъ сѣверныхъ, а для такого предпріятія едва ли правительство обратится съ воззваніемъ къ энергіи и средствамъ народа нашей страны, тѣмъ болѣе еслибы это вовлекло насъ въ войну съ Россіей, безъ поддержки союзниковъ и съ другими затрудненіями на рукахъ. Поссорить ли это насъ съ Россіей или нѣтъ, но намъ представляется что вынудить въ этомъ отношеніи буквальное исполненіе Берлинскаго трактата есть дѣло почти безнадежное; и если министры теперь думаютъ что сдѣлаютъ это, то мы смѣло предсказываемъ что черезъ полгода они будутъ иного мнѣнія.“

Если однако это такъ очевидно для одного изъ самыхъ крайнихъ торійскихъ органовъ, если притомъ страна такъ напугана одною мыслью о возможности столкновенія, что министрамъ пришлось успокоивать ее, то на чемъ же основаны благодушныя ожиданія лорда Беконсфильда что все исполнится по его желаніямъ? Странно сказать, но оказывается что разчитываютъ именно на насъ самихъ. Ожидаютъ что Россія сама какъ-то убѣдитъ Болгаръ „подождать свободы еще нѣсколько лѣтъ.“ Это, „по разчетамъ благоразумія,“ считается болѣе *натуральнымъ* оборотомъ русской политики, и на такихъ соображеніяхъ вертятся заграничныя толки по поводу поѣздокъ графа Шувалова.

№ 284.

Москва, 8-го ноября.

„Послѣдняя, хотя и побѣдоносная, война нанесла Россіи страшный ударъ; отъ котораго ей долго не оправиться: финансы ея разрушены, экономическое благосостояніе подорвано и истощено въ своихъ источникахъ,“ — такова тема на которую давно уже разыгрываются всевозможныя варіаціи въ заграничной печати какъ только зайдетъ рѣчь о Россіи. Прямой выводъ изъ всѣхъ этихъ толковъ тотъ что Россія силою самихъ вещей скоро будетъ вынуждена отказаться отъ всякаго политическаго дѣйствія, оставаясь безсильною и безучастною зрительницей событій. Эту мысль, конечно, всячески стараются внушить христіанскимъ населеніямъ Балкан-

скаго полуострова, и искони привыкшимъ видѣть въ Россіи свою единственную и сильную покровительницу. Болгары не могутъ болѣе разчитывать на Россію, которая въ такой степени ослаблена, что сильно нуждается въ спокойствіи; Россія теперь не въ состояніи начать новую войну противъ Турціи; поэтому Болгарамъ остается только преклонить голову предъ волей Европы, — таковъ былъ отвѣтъ, по словамъ филиппопольскаго корреспондента *Новаго Времени*, данный однимъ изъ членовъ международной Румелійской Комиссіи болгарской депутаціи, которою подана была промеморія съ ходатайствомъ о присоединеніи Южной Болгаріи къ Болгарскому княжеству. То же самое что твердятъ враждебные намъ иностранные публицисты и политическіе агенты повторяется, — и притомъ еще чуть ли не съ большимъ злорадствомъ и съ меньшею сдержанностью въ выраженіяхъ, — многими изъ нашихъ отечественныхъ финансистовъ и политиковъ. Съ увлеченіемъ, съ какимъ-то сладострастіемъ твердятъ они о безднѣ будто бы разверзшейся предъ Россіей вслѣдствіе войны, самодовольно и насмѣшливо нагѣвая Русскому народу извѣстное при словѣ: „Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома“. Петербургскія газеты служащія разительницами мнѣній этихъ господъ только и занимаются что исчисленіемъ громадныхъ издержекъ вызванныхъ войной, стараясь доказать несоразмѣрность этихъ издержекъ съ финансовыми и экономическими средствами государства и показъ публикѣ въ перспективѣ неизбежность стомилліонныхъ хроническихъ дефицитовъ. Эти дефициты должны де все болѣе и болѣе ронять цѣну нашего кредитнаго рубля, а обезцѣненіе монетной единицы будетъ вести къ большому и большому возрастанію дефицитовъ. Выхода же изъ этого заколдованнаго круга не предвидится, такъ какъ де всѣ пружины государственной финансовой машины уже натянуты до послѣдней крайности и ничего болѣе извлечь не могутъ; весь экономическій бытъ страны пришелъ въ крайнее разстройство и всѣ отрасли народнаго хозяйства быстро падаютъ. „У насъ царить повсюду застой и спячка, мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разоряемся,“ замѣчаютъ *Биржевыя Вѣдомости*, въ видѣ общаго вывода изъ приведенныхъ посылокъ, и изрекаютъ какъ непреложную аксіому что „государ-

ство бѣднѣйшее: всѣхъ другихъ государствъ въ Европѣ, болѣе всѣхъ другихъ отстававшее, никогда не можетъ имѣть большаго вліянія внѣ своихъ границъ и всегда будетъ въ потерѣ при всякомъ международномъ столкновеніи.

Нѣтъ ли безъ примѣси правды. Есть доля правды и въ пессимистическихъ отзывахъ о послѣдствіяхъ недавней войны по отношенію къ финансовому положенію Россіи. Но ложь отъ примѣси малой доли правды становится еще хуже.

Война, особенно при современныхъ способахъ ея веденія, никакой странѣ не обходится дешево. Не дешево, конечно, обошлась она и Россіи, и разныя случайныя и не случайныя обстоятельства при которыхъ велась война имѣли своимъ послѣдствіемъ то что военныя издержки достигли гораздо высшей цифры чѣмъ какою могли бы ограничиться при другихъ обстоятельствахъ. Для покрытія этихъ издержекъ мы уже заключили рядъ займовъ—одинъ внѣшній во 100 милліоновъ, и три внутренніе, во 100, въ 200 и въ 300 милліоновъ, то-есть увеличили свой государственный долгъ на 700 милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на покрытіе тѣхъ же издержекъ, выпущено почти на 500 милліоновъ *) кредитныхъ билетовъ. Этими суммами дѣло, очевидно, не ограничится. Берлинскій миръ не былъ миромъ такого свойства чтобы могъ повести къ скорому прекращенію дальнѣйшихъ военныхъ расходовъ. Кромѣ того, должны потребоваться не малые расходы при окончательной демобилизаціи, при окончательныхъ разчетахъ по сдѣланнымъ уже военнымъ заказамъ и подрядамъ и т. д. Все это конечно вызоветъ если не новые выпуски кредитныхъ билетовъ, то новые займы, и одинъ изъ такихъ, выпускъ на 50 милліоновъ 4⁰/₁₀₀ обязательствъ Государственного Казначейства уже объявленъ. Уплата процентовъ и погашенія по займамъ, конечно, ляжетъ на государственный бюджетъ не легкимъ бременемъ. Значительное паденіе вексельнаго курса, вызванное, помимо другихъ причинъ, экстраординарными выпусками кредитныхъ билетовъ, также увеличиваетъ государственные расходы по всѣмъ тѣмъ статьямъ гдѣ уплаты производятся въ металлической валютѣ; извѣстнаго увеличе-

нія расходныхъ смѣтъ бюджета должно ожидать и по нѣкоторымъ изъ тѣхъ статей гдѣ уплаты производятся рублемъ кредитнымъ, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на многіе предметы вызваннаго паденіемъ вексельнаго курса. Все это вмѣстѣ взятое, конечно, нарушаетъ обычное равновѣсіе въ нормальномъ бюджетѣ, то-есть ведетъ къ дефициту, для устраненія котораго необходимо изыскивать средства, и изысканіе ихъ, при существующей у насъ нерациональной финансовой системѣ, можетъ быть задачей трудною. Все это справедливо, и во всемъ этомъ нѣтъ повода оспаривать завязтыхъ пессимистовъ. Такъ ли именно велики проистекающія отсюда для правительства затрудненія, и въ той ли именно мѣрѣ сомнителенъ успѣшный выходъ изъ этихъ затрудненій какъ утверждаютъ,—это другой вопросъ, о которомъ мы предоставляемъ себѣ поговорить послѣ, а пока ограничимся признаніемъ безспорныхъ фактовъ каковы крупное увеличеніе государственнаго долга, значительное паденіе вексельнаго курса, вызываемый ими дефицитъ и затруднительность покрытія его при неправильной финансовой системѣ.

Но какъ бы велики ни были бюджетныя затрудненія правительства, отъ нихъ нечего приходить въ уныніе. Въ какомъ государствѣ правительства не испытывали подобныхъ затрудненій? Не говоря о затрудненіяхъ созданныхъ Франціею войной съ Германіей, припомнимъ ужасное положеніе финансовъ Италіи во все продолженіе эпохи ознаменованной разными фазисами ея объединенія; припомнимъ финансовыя затрудненія въ которыхъ очутились Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты послѣ междоусобной войны; припомнимъ отчаянное финансовое положеніе самой Англіи послѣ освобожденія ея бывшихъ американскихъ колоній, а также и въ другія эпохи ея исторической жизни. Ни въ одномъ изъ указанныхъ примѣровъ финансовыя затрудненія, гораздо большія чѣмъ теперь наши, не оказались такимъ зломъ которое могло бы парализовать государственную жизнь, нигдѣ эти затрудненія не были непреодолимыми, и не мѣшали государствамъ принимать дѣятельное участіе въ событіяхъ міра. Англія вслѣдъ за самымъ страшнымъ разстройствомъ своихъ финансовъ выдержала двадцатилѣтнюю борьбу съ Наполеоновскою Франціей, выставившею противъ нея столь убійствен-

*) 493.320.000 р. по балансу Государственного Банка къ 23 октября 1878 г., сверхъ 721.765.125 р. обычно находящихся въ обращеніи.

ное для нея оружіе какъ континентальная система. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, ни мало не смущаясь своимъ финансовымъ положеніемъ послѣ междоусобной войны, принудили Наполеона III отказаться отъ его Мексиканской затѣи и подвергли Англію заслуженному униженію въ дѣлѣ объ *Алабамѣ*. Италію въ ея стремленіяхъ къ національному объединенію ни разу не могли остановить никакія финансовыя затрудненія. Если Франція и воздерживалась донинѣ отъ дѣятельной политики, то причиной тому были ужь никакъ не финансовыя соображенія. Финансы ея теперь чуть ли не лучшіе въ мірѣ. Италія, еще въ недавнее время съ трудомъ занимавшая деньги за хорошій процентъ по 30 за 100, и имѣвшая затѣмъ громадныя хроническіе дефициты, составляетъ нынѣ бюджетъ съ 40 милліоннымъ избыткомъ доходовъ надъ расходами и задается уже вопросами объ отміну и пониженіи разныхъ налоговъ. Одна Россія почему-то должна быть парализована сравнительно меньшими финансовыми затрудненіями, одной ей почему-то предстоятъ преграды къ выходу изъ затрудненій!

Наши заграничныя друзья и недруги, впрочемъ, очень хорошо понимаютъ какъ относительно и скоропреходящи бываютъ для государствъ постигающія ихъ по временамъ собственно финансовыя, бюджетныя затрудненія. Они отлично понимаютъ что, поэтому, въ интересахъ финансовой войны, которая давно уже ведется противъ Россіи между прочимъ путемъ распространенія чрезъ продажную печать разныхъ злонамѣренныхъ слуховъ съ дѣлію подорвать русскій кредитъ и русскій вексельный курсъ, слишкомъ недостаточно толковать объ однихъ только финансовыхъ затрудненіяхъ Русскаго правительства. Требуется распространить убѣжденіе что помимо разстройства русскихъ государственныхъ финансовъ, помимо ветхости и негодности нашей финансовой системы, потрясена самая почва на которой эта система могла бы быть перестроена, истощены источники народнаго богатства въ которыхъ финансы могли бы искать себѣ необходимой поддержки. Результаты послѣдней войны не ограничиваются дѣтѣмъ что увеличили государственный долгъ, вызвали дефицитъ въ бюджетѣ и уронили вексельный курсъ; война ознаменовалась де разореніемъ всей страны, обѣдненіемъ

всего населенія, разстройствомъ всего экономического быта въ самыхъ его основахъ. Для утвержденія въ публикѣ такого мнѣнія объ экономическомъ положеніи Россіи, наши заграничныя доброжелатели не отступаютъ ни предъ какою ложью, и въ сентябрѣ, на примѣръ, петербургскіе купцы не безъ удивленія узнали изъ берлинскихъ газетъ о томъ что въ Петербургѣ будто бы пятьдесятъ двѣ фирмы объявлены несостоятельными...

Въ чемъ же доля правды которая лжи придаетъ нѣкоторый кредитъ? Всѣмъ извѣстно что нашъ экономическій бытъ съ давняго времени находился, какъ и нынѣ, далеко не въ блестящемъ состояніи. Наши неисчислимыя естественныя богатства, земли, лѣса, рудники, соляныя, каменноугольныя, нефтяныя и иныя залежи, наши рѣки, озера и моря, не даютъ странѣ всего того что могли бы давать, по недостатку ли соразмѣрныхъ съ громадностью задачи капиталовъ, рабочихъ рукъ, предпримчивости, по неудобству ли путей сообщенія, или по другимъ причинамъ. Нашъ сельскій людъ не богатъ; онъ несетъ на себѣ все тяжкія послѣдствія податной системы давно признанной несостоятельною, неравномѣрною, несправедливою, разорительною и вредною; онъ несетъ на себѣ все тяжкія послѣдствія связанной съ этою системой круговой поруки; онъ испытываетъ все невыгоды и общиннаго землевладѣнія, и прикрѣпленія къ землѣ, лишаящаго его свободы передвиженія и переселенія изъ мѣстностей менѣе для труда выгодныхъ въ болѣе выгодныя. Наше крупное землевладѣніе страдаетъ отъ недостатка и правильной ипотеки, и краткосрочнаго кредита, и правильныхъ отношеній къ сельскимъ рабочимъ. Наша промышленность и торговля, при всѣхъ достигнутыхъ ими успѣхахъ, не мало терпятъ отъ неправильности денежнаго обращенія, отъ частыхъ и сильныхъ колебаній вексельнаго курса, отъ неправильной постановки кредитныхъ учреждений, отъ односторонней финансовой политики, долгое время усиленно поощрявшей крупныя, часто дутыя предпріятія. Но все эти и многія другія подобныя имъ неблагопріятныя условія нашего экономического быта существовали въ равной мѣрѣ до войны, какъ сохраняютъ свою силу и теперь, и стало-быть не имѣютъ никакого отношенія къ занимающему насъ предмету. Рѣчь не о томъ хороши или дурны экономическіе порядки въ

Россіи и какія измѣненія въ нихъ требуются въ интересахъ народнаго благосостоянія. Рѣчь идетъ объ упадкѣ нашего народнаго благосостоянія, будто бы вслѣдствіе потрясеній причиненныхъ именно послѣднею войной. Посмотримъ же въ чемъ и насколько ухудшилось во время войны наше экономическое положеніе, поищемъ признаковъ этого ухудшенія, о которомъ такъ настойчиво, но голословно, толкуютъ вкривь и вкось и у насъ дома, и за границей.

Россія по преимуществу страна земледѣльская. Посмотримъ, не нанесла ли война тяжкаго удара нашему земледѣлію, которое есть главный источникъ нашего богатства. Можетъ-быть, вслѣдствіе войны наши поля преданы запустѣнію; сократилось производство хлѣба и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ, сократился ихъ сбытъ, подобно тому какъ это замѣчается нынѣ во многихъ отрасляхъ англійской промышленности, составляющей главный источникъ британскаго народнаго богатства? Довольно обстоятельный отвѣтъ на это даютъ таможенные свѣдѣнія о размѣрахъ отпуска русскихъ товаровъ за границу. Мы имѣемъ такіа свѣдѣнія за первыя двѣ трети текущаго года, съ 1-го января по 1-е сентября. Вотъ цифры отпуска хлѣба за означенныя двѣ трети года сравнительно съ соотвѣтственнымъ періодомъ времени шести прошлыхъ лѣтъ:

| | | Отпущено хлѣба. | |
|----------------------|---------|-----------------|-------|
| Съ 1 янв. по 1 сент. | 1872 г. | 9.702.732 | четв. |
| " " " " " " | 1873 " | 11.905.849 | " |
| " " " " " " | 1874 " | 17.610.628 | " |
| " " " " " " | 1875 " | 16.958.188 | " |
| " " " " " " | 1876 " | 14.996.073 | " |
| " " " " " " | 1877 " | 19.875.815 | " |
| " " " " " " | 1878 " | 29.386.516 | " |

Вмѣсто сокращенія производства и отпуска хлѣба, мы видимъ предъ собою неожиданно громадное его увеличеніе. Отпускъ почти тридцати милліоновъ четвертей хлѣба въ какіе-нибудь восемь мѣсяцевъ! Восьмимѣсячный отпускъ съ которымъ не могутъ идти въ сравненіе даже годовые отпуска цѣлаго ряда лѣтъ до войны, и которому равняется только годовой отпускъ военнаго 1877 года *), — это яв-

*) Вотъ годовые отпуска хлѣба:

| | | |
|------------------------------|------------|-------|
| Въ 1872 году | 15.950.449 | четв. |
| " 1873 " | 20.705.130 | " |
| " 1874 " | 26.805.826 | " |
| " 1875 " | 22.441.689 | " |
| " 1876 " | 24.403.573 | " |
| " 1877 " | 30.690.037 | " |
| Въ восемь мѣсяцевъ 1878 года | 29.386.516 | " |

леніе можетъ быть признакомъ чего угодно, но ужъ никакъ не упадка нашего главнаго источника народнаго богатства.

Можетъ-быть, однако, хлѣбъ сбывался по дешевымъ, разорительнымъ для земледѣльцевъ цѣнамъ? Нѣтъ, пока этого не замѣтно. Цѣны на земледѣльческіе продукты, при огромномъ сбытѣ, не только не понизились, но напротивъ повысились. Какого свойства это повышение цѣнъ, дѣйствительное или мнимое, объ этомъ каждый можетъ разсуждать на досугъ, но наши земледѣльцы, нашъ сельскій людъ, не входятъ въ эти теоретическія тонкости. Усилился отпускъ, повысились цѣны, стало больше денегъ въ рукахъ, легче стало вносить подати однимъ, уплачивать долги другимъ, усиливается спросъ и поднимаются цѣны на землю, увеличиваются заработки сельскихъ рабочихъ: вотъ факты видимые, безспорные. И факты эти свѣдѣтельствуютъ отнюдь не о подрывѣ минувшею войной главныхъ производительныхъ силъ страны, а о совершенно противоположномъ явленіи.

Итакъ, наше земледѣліе не потерпѣло отъ минувшей войны. Но не подорвало ли оно нашу промышленность, нашу торговлю.

Война застигла нашу промышленность и торговлю въ моментъ серіознаго кризиса, возникшаго задолго до войны и по причинамъ къ ней не относящимся. И въ производствѣ, и въ сбытѣ господствовалъ сильный застой. Множество фабрикъ закрылись совсѣмъ, другія сокращали число рабочихъ. Распущенные рабочіе оставались безъ заработковъ и безъ всякихъ средствъ вносить подати. Все это отозвалось въ 1876 году и увеличеніемъ недоимокъ по податямъ и выкупнымъ платежамъ, и уменьшеніемъ казеннаго дохода по питейному акцизу, вслѣдствіе сокращенія питей. Насколько усилился этотъ торгово-промышленный кризисъ, благодаря минувшей войнѣ?

Нѣтъ, нашъ торгово-промышленный кризисъ въ теченіе войны не только не усилился, а напротивъ ослабѣлъ въ настоящее время совсѣмъ прекратился. Этому не мало способствовала сама война, когда, съ занятіемъ русскими войсками района гдѣ идетъ путь черезъ Турцію въ Персію, открылся сбытъ въ эту послѣднюю страну даже для массы давно залежавшихся и не находившихъ покупателя

товаровъ. Вскорѣ затѣмъ закрытыя фабрики стали быстро открываться и расширять производство, и бѣдствовавшій фабричный вновь получилъ необходимые ему заработки. Подати начинаютъ поступать исправнѣе, упавшіе было акцизные сборы стали вновь, по свѣдѣніямъ за первую половину текущаго года, замѣтно возрастать. Въ какой мѣрѣ поправилось промышленное дѣло наглядно показываютъ, на примѣръ, нынѣшніе размѣры спроса на хлопокъ со стороны нашей самой важной по размѣрамъ оборотовъ хлопчатобумажной промышленности. Въ восемь мѣсяцевъ, съ 1-го января по 1-е сентября текущаго года, привозъ къ намъ хлопка изъ-за границы достигъ громадной, еще небывалой у насъ цифры 4.223.000 пудовъ, на 10% болѣе самага большаго ввоза хлопка какой когда-либо бывалъ у насъ въ соотвѣтственный періодъ времени.

На послѣдовавшее одновременно съ промышленнымъ оживленіемъ торговаго движенія всего лучше указываетъ сильно увеличившійся въ послѣднее время провозъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ и большое увеличеніе полученнаго ими валоваго дохода. Вотъ цифры средняго сбора съ версты въ восьмимѣсячные періоды съ 1-го января по 1-е сентября:

| | |
|------------------------|------------|
| Въ 1874 году | 5.974 руб. |
| „ 1875 „ | 5.502 „ |
| „ 1876 „ | 5.175 „ |
| „ 1877 „ | 6.048 „ |
| „ 1878 „ | 6.878 „ |

Столь крупное увеличеніе поперстныхъ желѣзно-дорожныхъ сборовъ тѣмъ замѣчательнѣе что съ 1-го января 1877 по 1-е сентября 1878 г. открыто вновь для движенія 1672 версты желѣзныхъ дорогъ, включеніе коихъ въ общій разчетъ должно было понизить среднюю доходность старыхъ дорогъ. И еще болѣе замѣчательно это увеличеніе доходности дорогъ въ виду того факта, что въ текущемъ году пассажирское движеніе вмѣстѣ съ провозомъ воинскихъ чиновъ значительно сократилось противъ прошлаго, и все увеличеніе доходности было результатомъ единственно огромнаго усиленія провоза товаровъ, который увеличился противъ прошлаго года на *двадцати тридцати миллионѣхъ* пудовъ, то-есть болѣе чѣмъ на двадцать процентовъ.

Но еще убѣдительнѣе чѣмъ всѣ эти цифры говорятъ о нынѣшнемъ положеніи нашей торговли недавній исходъ главной

изъ нашихъ ярмарокъ, Нижегородской, которая всегда служила и служить самымъ вѣрнымъ барометромъ общаго хода нашей торговли. Вотъ свѣдѣніе объ этой ярмаркѣ которое мы беремъ изъ тѣхъ же *Виржевыхъ Вѣдомостей* (№ 278):

„Нынѣшняя ярмарка, по всѣмъ вообще частямъ обширной и разнообразной ея торговли, на сумму свыше двухсотъ миллионъ рублей, безъ преувеличенія, была одна изъ наилучшихъ, какихъ давно не бывало, вполне благоприятная и взаимно для всѣхъ удовлетворительная; развязка съ товарами успѣшная; продавали преимущественно за наличныя деньги и частію въ кредитъ на возможно короткіе сроки; цѣны существовали на все высокія; разчеты шли правильно; денегъ было много; срочные платежи по всѣмъ обязательствамъ производились аккуратно; векселей въ протестъ отъ частныхъ лицъ поступило чрезвычайно мало; банкротствъ, — благодаря установившемуся послѣ нихъ правильному ходу торговли, — вовсе не было.“

Итакъ и земледѣліе, и промышленность, и торговля оказывается нынѣ, послѣ войны, въ несравненно лучшемъ положеніи чѣмъ въ какомъ они были до войны. Гдѣ же искать признаковъ того что Россія съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разоряется, и что весь экономическій бытъ ея подорванъ въ своихъ основахъ до такой степени что не оставляетъ правительству надеждъ на успѣшный выходъ изъ созданныхъ войной бюджетныхъ затрудненій, осуждая вмѣстѣ съ тѣмъ Россію на долготѣнее воздержаніе отъ всякаго дѣятельнаго участія въ дѣлахъ міра? И не въ правѣ ли былъ министръ финансовъ у насъ, въ сознаніи успѣховъ нашего народнаго благосостоянія, не только не задержанныхъ войной, а напротивъ, получившихъ отъ нея благодѣтельный толчокъ къ развитію, — не въ правѣ ли былъ онъ сказать что „Россія имѣетъ полное основаніе въ финансовыхъ дѣлахъ держать высоко голову?“

№ 285.

Москва, 7-го ноября.

„Полное и всестороннее осуществленіе Берлинскаго трактата,“ вотъ лозунгъ коимъ съ прошедшей недѣли характеризуется теперешнее политическое положеніе. 28

октября, на банкетъ у лорда-мера, онъ еще прозвучалъ угрозой противъ Россіи въ устахъ лорда Беконсфильда. Но вслѣдъ затѣмъ тотъ же лозунгъ обошелъ всю европейскую печать какъ знаменіе мира, въ виду того что по послѣднимъ дипломатическимъ заявленіямъ со стороны Россіи, какъ о нихъ сообщается въ иностранныхъ газетахъ, имъ выражается политическая программа самой Россіи. Такъ въ берлинскія газеты телеграфируютъ изъ Буда-Пешта, отъ 13 ноября, что пріѣздъ туда графа Шувалова, имѣвшій де несомнѣнно огромное политическое значеніе, прежде всего имѣлъ цѣлью успокоить Австрію насчетъ намѣреній Россіи касательно Берлинскаго трактата. Сверхъ того, графъ Шуваловъ долженъ де былъ обратить вниманіе на то что сама Порта, основывая свои расчеты на разногласіи державъ, не исполняетъ многихъ существенныхъ пунктовъ того же трактата. Въ этомъ же смыслѣ телеграфируетъ изъ Петербурга офиціозный корреспондентъ вѣнской *Политической Корреспонденции*. Съ своей стороны, *Агентство Гаваса* сообщаетъ что князь Орловъ заявилъ Французскому правительству что строгое исполненіе Берлинскаго трактата составляетъ основу теперешней политики Россіи, а англійскія газеты воспроизвели министерское сообщеніе о содержаніи русской ноты переданной лорду Лофтусу въ коемъ повторено въ сущности то же самое. Берлинскія газеты не упускаютъ при этомъ случая указать на „укрѣпившееся положеніе“ графа Шувалова, и *Національная Газета* прибавляетъ что это обстоятельство „имѣетъ огромное значеніе для европейскихъ и въ особенности для германскихъ интересовъ“, не говоря разумѣется, ничего объ интересахъ самой Россіи.

Итакъ, всѣ согласны что Берлинскій трактатъ долженъ быть исполненъ. Австрія также заявила торжественно, устами императора Франца-Иосифа, о своемъ намѣреніи настаивать на „всестороннемъ и консеквентномъ“ осуществленіи постановленій этого трактата. Любопытно однако вотъ что: Въ той самой рѣчи къ австрійской делегаціи въ которой императоръ Францъ-Иосифъ изложилъ эту политическую программу Австріи по отношенію къ Берлинскому трактату вообще заключается весьма важная манифестація по отношенію къ той части трактата которая касается Австріи.

Рѣчь императора положила конецъ всѣмъ колебаніямъ касательно будущей судьбы Босніи и Герцеговины. Безконечныя пререканія между разнообразными политическими факторами этой „сложной“ монархіи, весь непообразимый гвалтъ бушевавшій по этому поводу по сю и по ту сторону Лейты, умолкли сразу. Императоръ прекратилъ ихъ своимъ прямымъ и недвусмысленнымъ заявленіемъ, изъ коего видно что Боснія и Герцеговина навсегда присоединяются къ Австріи. Вопросъ этотъ считается окончательно рѣшеннымъ. Всѣ газеты на другой же день высказались что это отнынѣ совершившійся фактъ, и что было бы бесполезно продолжать пререканія. Положеніе графа Андраши считается нынѣ болѣе крѣпкимъ чѣмъ когда-либо, и поговариваютъ о томъ что онъ будетъ возведенъ въ княжеское достоинство въ награду за услуги оказанныя имъ отечеству. Въ Берлинѣ разумѣется ликуютъ и воздаютъ хвалу мужественной рѣшимости императора Франца-Иосифа.

Но развѣ это есть исполненіе Берлинскаго трактата? Развѣ Берлинскій трактатъ предоставилъ Австріи присоединить Боснію и Герцеговину? Берлинскій трактатъ уполномочилъ ее только временно занять эти обѣ турецкія провинціи для умиротворенія ихъ и для водворенія тамъ лучшихъ порядковъ. Австрія присоединяетъ ихъ къ своей территоріи и именуетъ это рѣшеніе свое „консеквентнымъ проведеніемъ“ Берлинскаго трактата... А еслибы Россія вздумала точно также присоединить къ себѣ занятую ея войсками Болгарію? Не было ли бы это то же самое? Не было ли бы это также *eine consequente Durchführung*? Къ счастью, Россія не имѣетъ надобности прибѣгать къ такой консеквенціи. У нея никогда не было мысли присоединять къ себѣ Болгарію. Не для этого подняла она свое оружіе. Не въ этомъ состоитъ и смыслъ дважды заключеннаго ею трактата. Она хотѣла освободить единовѣрныя и родственныя ей населенія, обезпечить ихъ независимое и самостоятельное существованіе. По отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ всѣ повидимому согласны что присоединеніе этихъ земель къ Австріи не будетъ противорѣчіемъ Берлинскому трактату (на чемъ настаиваетъ Турція), и что даже это будетъ послѣдствіемъ вытекающимъ изъ самаго трактата въ силу измѣнившихся обстоятельствъ и невозможности возвратитъ

эти провинція Турціи. Спрашивается, теперь, не съ большимъ ли правомъ должно быть признано послѣдствіемъ вытекающимъ изъ смысла трактата оказавшееся на дѣлѣ неудобство разъединенія обѣихъ половинъ Болгаріи? Что Восточная Румелія проектированная Берлинскимъ трактатомъ есть дѣло неудобноисполнимое, это начинаютъ высказывать даже торійскія газеты въ Англіи. И тамъ признають что слѣдуетъ покориться необходимости и не противиться присоединенію Южной Болгаріи къ Болгарскому Княжеству. Если оставить въ сторонѣ заднія мысли подъ вліяніемъ коихъ возникъ Берлинскій трактатъ, то прямой его смыслъ и по отношенію къ Румеліи все-таки тотъ, что и эта провинція получаетъ опредѣленное устройство съ тою цѣлью, дабы избавить ея злополучное населеніе отъ тѣхъ ужасовъ, коимъ оно подвергалось подъ турецкимъ владычествомъ. Но отъ этихъ ужасовъ оно не избавится если оно будетъ возвращено подъ военную и политическую власть Высокой Порты; они возобновятся съ сугубою силой: это теперь выяснилось, и противъ этого и въ Англіи почти не спорятъ. Не было ли бы въ самомъ дѣлѣ послѣдовательнымъ шагомъ присоединеніе или уравниеніе Румеліи и Македоніи съ Болгаріей? Только это могло бы дать дѣйствительныя гарантіи злополучнымъ населеніямъ за которыя Россія вела свою побѣдоносную войну; только это было бы *консеквентнымъ исполненіемъ* Берлинскаго трактата. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть примѣненъ къ Восточной Румеліи тотъ логическій приѣмъ, который Австрія съ успѣхомъ примѣняетъ къ Босніи и Герцеговинѣ? Разница, правда, есть и очень большая: Австрія захватываетъ эти провинціи въ свою пользу, а Россія добивается лишь освобожденія независимыхъ отъ ней населеній. Но неужели Россія именно по этой причинѣ не можетъ настаивать на логикѣ фактовъ какъ Австрія?

№ 286.

Москва 8-го ноября.

Послѣ внезапно наступившаго молчанія въ англійской печати объ Афганистанѣ, рѣчь лорда Беконсфильда какъ будто прервала заклятіе, и въ два дня разомъ явился

новый, обильный вкладъ афганской литературы. Дѣло въ томъ, что приближается послѣдній срокъ данный эмиру, чтобъ одуматься, 11 (23) ноября назначено послѣднимъ днемъ для его отвѣта въ посланномъ ему ультиматумѣ; а до сихъ поръ нѣтъ и признака чтобъ онъ готовъ былъ покориться. Естественно, что къ этому времени сторонники противоположныхъ взглядовъ на Афганскія дѣла стараются подкрѣпить ихъ новыми доказательствами. Сэръ-Джемсъ Стивенъ напечаталъ новое письмо въ *Times*; въ той же газетѣ помѣщена новая пространная докладная записка сэръ-Бартля Фрера, занимающая почти цѣлую страницу газеты и писанная въ 1875 году. Въ *Daily News* перепечатано мнѣніе выраженное объ Афганской границѣ еще въ 1858 году генераломъ сэръ-Гербертомъ Эдвардсомъ, бывшимъ комиссаромъ Пешаверской границы въ критическое время Индійскаго мятежа; наконецъ, вслѣдъ за лордомъ Лоренсомъ, другой бывший вице-король Индіи, лордъ Нортбрукъ, высказалъ свое мнѣніе въ рѣчи произнесенной имъ 11 ноября въ Винчестерѣ. Эта послѣдняя особенно интересна по историческому обзору сношеній Англіи съ Афганистаномъ.

Замѣчательно, что оба бывшіе вице-короля Индіи, находящіеся теперь въ Англіи, рѣшительно высказались противъ Афганской затѣи и строго осуждаютъ за нее правительство. Что касается третьяго, умершаго лорда Мео, преемника лорда Лоренса и его предшественника лорда Нортбрука, то его сношенія съ эмиромъ Ширъ-Али были исполненіемъ политики намѣченной при лордѣ Лоренсѣ; а лордъ Нортбрукъ продолжалъ идти по стопамъ лорда Мео. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ раскрытій явствуетъ, что хотя политика принятая теперь правительствомъ давно обсуждалась и рекомендовалась многими въ 1874, 1868 и даже еще въ 1858 году, она до сихъ поръ постоянно встрѣчала оппозицію правящихъ авторитетовъ Индіи. Противъ нея высказывались также, при лордѣ Нортбрукѣ, его военные совѣтники лордъ Непиръ Магдальскій и сэръ-Генри Норманъ, при лордѣ Лоренсѣ сэръ-Вильямъ Мансфельдъ и сэръ-Генри Дюрандъ (*Durand*), а въ 1858 году генералъ Эдварсъ. Мнѣніе послѣдняго любопытно какъ историческій документъ, такъ какъ онъ тогда уже предвидѣлъ, что русскія и англій-

скія владѣнія сойдутся и предпочитать сохранить выгоды настоящей границы, оставляя Россіи все бремя трудной борьбы съ дикими племенами Средней Азіи. „Даже еслибы Россія,“ писалъ онъ, „нашла выгоднымъ поглотить все что остается отъ независимости Персіи, Хивы, Бухары, Кокана, Герата и Афганистана, я не думаю чтобъ Англичанамъ пришлось чего опасаться, а филантропамъ пожалѣть. Предположивъ что она имѣла бы полный успѣхъ, кто можетъ сомнѣваться что замѣна русскимъ управленіемъ анархіи и хищничества людей Хивы, мрачной тиранніи Бухары, кочевого варварства Кокана, разслабленности и испорченности Персіи и адскаго фанатизма Афганистана была бы выигрышемъ для человѣчества? А если мы тѣмъ временемъ приготовимъ нашу границу для обороны, я не вижу чтобы наши выгоды уменьшились при какой-либо будущей войнѣ съ Россіей.“ Генераль Эдвардсъ указывалъ также что искать занятія стратегическихъ пунктовъ въ Афганистанѣ было бы лучшимъ средствомъ бросить Афганцевъ въ объятія Россіи, и потому слышалъ съ сожалѣніемъ и удивленіемъ рекомендаціи занять Кветту, за Боланскимъ проходомъ, какъ приготовленіе къ будущему занятію Герата. Эта историческая подробность характеристична, показывая намъ къ чему и теперь должны клониться виды Англіи на исправленіе границы въ *научномъ* смыслѣ. Теперь кричатъ что эта необходимость вызвана положеніемъ которое принялъ эмиръ. Но въ 1858 году, мы видимъ, были тѣ же планы, хотя Англичане тогда дружили съ эмиромъ Достъ-Магометомъ. Притомъ, замышляемое исправленіе границы, какъ тогда такъ и теперь, есть вопіющее нарушеніе принятыхъ обязательствъ. Въ 1854 году былъ заключенъ трактатъ между Достъ-Магометомъ и Остъ-Индскою Компаніей, въ силу коего обѣ стороны взаимно обязались уважать неприкосновенность территорій другъ друга, и Англійская корона, принявъ владѣнія Компаніи, наслѣдовала, вмѣстѣ съ правами, обязательствами трактаты ею заключенные. Отказъ Ширъ-Али допустить въ свою страну англійскихъ резидентовъ не измѣняетъ дѣла, такъ какъ основательность этого отказа признавалась всѣми бывшими вице-королями. Достъ-Магометъ, еще въ 1856 году, говорилъ лорду Лоренсу: „Если намъ быть друзьями,

то не навязывайте мнѣ британскихъ офицеровъ.“ Лордъ Мео держался той же политики и, по словамъ лорда Нортбрука, въ 1869 году далъ положительное увѣреніе Ширъ-Али что ни при какихъ обстоятельствахъ европейскіе офицеры не будутъ назначены резидентами въ его городахъ противъ его желанія. Поэтому, въ 1873 году, и самъ лордъ Нортбрукъ, когда было отказано въ пропускъ чрезъ Афганистанъ сэръ-Дугласу Форсайту, на его обратномъ пути въ Индію изъ Капшгара, не считъ этого отказа за оскорбленіе для Британскаго правительства. Вообще до нынѣшняго кабинета и до прибытія въ Индію вице-королемъ лорда Литтона, Индійское правительство умѣло жить въ мирѣ и дружбѣ съ Афганистаномъ, довольствуясь тѣмъ что держало при дворѣ эмира туземныхъ агентовъ, чрезъ которыхъ аккуратно получало вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ что тамъ дѣлалось.

Противная политика постоянно рекомендовалась руссофобами, дипломатами сэръ Генри Роллинсономъ, сэръ-Бартлемъ Фреромъ, судьей сэръ-Джемсомъ Стивенемъ. Ею руководятъ страхъ и ненависть къ Россіи. Страхъ и ненависть исключительно руководятъ ею даже въ всякаго отношенія къ Восточному вопросу, съ возбужденіемъ коего лишь случайно совпало принятіе этой политики нынѣшнимъ правительствомъ. Самъ сэръ-Джемсъ Стивенъ признаетъ совершенно вѣрнымъ что „не будь Россіи, лучшею политикой въ отношеніи къ Афганцамъ было бы оставлять ихъ безъ вниманія.“ Лордъ Лоренсъ, въ своемъ меморандумѣ на первую записку сэръ-Бартли Фрера, осуждалъ всякую политику которая безъ нужды могла бы оскорбить Россію. Лордъ Нортбрукъ засвидѣтельствовалъ что въ его управленіе Индіей Русское правительство въ отношеніи къ Афганистану предупредительно шло далѣе желаній Англіи. Но уже въ 1874 году обсуждалась въ руководящихъ и свѣдущихъ сферахъ Лондона записка сэръ-Бартли Фрера, которая несомнѣнно легла въ основаніе принятаго затѣмъ плана. Господствующею идеей этой пространной записки было принятіе мѣръ противъ Россіи. Авторъ совѣтовалъ смотрѣть на Афганистанъ какъ на Бельгію или Голландію — государства лежащія между Англіей и великими военными державами, которыя по временамъ поддаются искушенію поглотить

ихъ.“ Аналогія, конечно, натянута, ибо ни Бельгія, ни Голландія не находятся къ Англіи въ такихъ отношеніяхъ, какія рекомендовались для Афганистана. Онѣ не подчинены Англіи, которая не держитъ своихъ военныхъ агентовъ во всѣхъ главныхъ пунктахъ этихъ странъ и не занимаетъ тамъ никакихъ позицій. Между тѣмъ сэръ-Бартль-Фреръ настоятельно совѣтовалъ: размѣстить, англійскихъ агентовъ, главнымъ образомъ, военныхъ, во всѣхъ главныхъ городахъ Афганистана, Кабулъ, Кандагаръ, Гератъ, Балхъ и пр.; принять въ свои руки сношенія эмира со всякими другими странами; потребовать письменной гарантіи, что англійскіе товары не будутъ подвергаться никакимъ стѣснительнымъ для нихъ пошлинамъ; наконецъ, занять Кветту. Широкій взглядъ автора рекомендовалъ примѣнить эту систему и ко всѣмъ странамъ „лежащимъ непосредственно за Англо-Индійскою границей, отъ Арабскаго моря до Китайской границы,“ которыя всѣ должны де считаться барьерами Индійской имперіи, и ни одной изъ нихъ не должно быть дозволено принимать участіе въ комбинаціяхъ, которыя въ какомъ-либо смыслѣ сталкиваются съ интересами Англіи. По словамъ газеты *Times*, новый планъ для огражденія сѣверо-западной границы Индіи, цѣль и свойства коего объясняются запиской сэръ-Бартля-Фрера, былъ обдуманъ вновь назначеннымъ вице-королемъ лордомъ Литтономъ по соглашенію съ центральнымъ правительствомъ еще до отъѣзда его изъ Англіи. Въ разговорахъ съ лордомъ Солсбери (тогдашнимъ министромъ Индіи), ему была объяснена необходимость занятія Кветты, и прибывъ въ Индію лордъ Литтонъ тотчасъ же сталъ готовиться къ этому. Какія еще другія причины, кромѣ этого занятія, повели къ разрыву сношеній между вице-королемъ и эмиромъ и къ отозванію англійскаго туземнаго агента изъ Кабула, объ этомъ подробно можно узнать только когда будутъ обнародованы документы о миссіи сэръ-Луиса Пелли, который велъ въ Пешаверѣ переговоры съ посланцемъ эмира. Но изъ обнародованнаго сообщенія въ *Globe*, можно видѣть, что эмиръ прежде еще былъ оскорбленъ приглашеніемъ на „дурбаръ“ въ Дели по случаю провозглашенія королевы Викторіи императрицей Индіи, какъ будто онъ былъ ея вассаломъ, а потомъ сэръ-Луисъ Пелли требовалъ допущенія англійскихъ агентовъ

въ Кандагаръ, Гератъ и Балхъ; но на всѣ „умѣренные“ требованія эмиръ обнаружилъ лишь „духъ непримиримый.“ Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что Кветта была занята въ 1876 году, за годъ до нашей войны съ Турціей, и за два года до появленія русской миссіи въ Кабулъ.

По поводу лживыхъ толкованій будто этою миссіей Россія нарушила свои обязательства и вынудила Англію къ мѣрамъ строгости противъ Афганскаго эмира, лордъ Нортбрукъ имѣлъ смѣлость сдѣлать въ своей рѣчи слѣдующее замѣчаніе: „Мы должны быть справедливы въ этомъ дѣлѣ, и должны припомнить, что не такъ давно, весной этого года, мы были на волосъ отъ войны съ Россіей. Съ своей стороны, я не колеблясь скажу, что если мы имѣли право послать индійскія войска въ Мальту, то русскіе имѣли право принять мѣры какія считали необходимыми для огражденія своей территоріи въ Азіи.“

Но этого недостаточно. Изъ вышеизложеннаго видно, что и помимо всякихъ замѣшательствъ и разногласій съ Англіей въ Европѣ мы не можемъ оставаться равнодушными къ ея махинаціямъ въ Азіи. Когда во время нашихъ пресловутыхъ переговоровъ съ Англіей о средней Азіи опредѣлялись границы Афганистана, то тутъ значилось и ханство Келатское. Теперь Англія заняла въ этомъ ханствѣ Кветту, на прямомъ пути въ Кандагаръ и Гератъ, и замышляла поставить своихъ военныхъ агентовъ въ Гератъ, Балхъ, близъ самой нашей границы. Могли ли бы мы остаться къ этому равнодушными даже и безъ Восточнаго вопроса?..

№ 287.

Москва, 9-го ноября.

А.

Въ западно-европейской печати теперь только и рѣчи, что по „буквальному“ исполненію Берлинскаго трактата, и подъ этимъ разумѣется почти единственно неукоснительное осуществленіе плановъ относительно Восточной Румеліи. Тутъ по толкованію *Times*, была вся суть берлинскихъ соглашеній, и относительно ихъ не можетъ де быть никакой уступки. Жители Румеліи, то-есть забалканскіе Болгары,

каковы бы ни были ихъ желанія и какъ ни тяжело должно быть имъ разстаться съ независимостью и свободой которыя они только что вкусили благодаря жертвамъ принесеннымъ съ этою цѣлью русскимъ воинствомъ и народомъ, не въ правѣ де ожидать ничего бѣльшаго кромѣ тѣхъ гарантій которыя можетъ имъ дать указанная въ Берлинскомъ трактатѣ мѣстная автономія. Иначе же всего какъ имъ, такъ и подавно Болгарамъ Македоніи, нечего и мечтать о возстановленіи большой Болгаріи кака была предначертана Санъ-Стефанскимъ трактатомъ.

Мы имѣемъ, однако, теперь полную возможность оцѣнить тѣ благодѣянія и гарантіи которыми такъ-называемая Европа будто бы хотѣла обставить свое дѣло. Къ будущей участи этой злополучной провинціи конгрессъ отнесся самымъ невнимательнымъ и поверхностнымъ образомъ. Съ величайшею точностью обозначалъ онъ ея границы, сохраненіе „политической и военной“ власти султана, его права держать гарнизоны и воздвигать укрѣпленія на границахъ, право губернатора, назначаемого султаномъ, призывать войска и внутрь провинціи „когда будетъ грозить виѣшняя или внутренняя опасность,“ то есть по своему усмотрѣнію. Во всемъ этомъ обнаружилась большая заботливость. Но объ обезпеченіи христіанъ отъ угнетенія и повторенія прежнихъ ужасовъ не сказано ни слова. Съ замѣчательнымъ равнодушіемъ къ этому вопросу конгрессъ рѣшилъ только что провинція будетъ дана христіанскій губернаторъ и административная автономія (ст. XIII Берлинскаго трактата), а опредѣлять условія этой автономіи предоставлено европейской комиссіи, которая „совмѣстно съ Высокою Портой“ и должна выработать организацію Восточной Румеліи, опредѣлить власть и права генераль-губернатора, и пр. (ст. XVIII).

Порта, совмѣстное дѣйствіе коей необходимо для этой организаціи, вскорѣ по собраніи Румелійской комиссіи, не замедлила передать на ея обсужденіе составленный ею и утвержденный султанскимъ прадѣ текстъ органическаго регламента для Восточной Румеліи, состоящій изъ 38 статей и обнародованный въ англійскихъ газетахъ. Многія изъ этихъ статей, по словамъ филлиппопольскаго корреспондента *Daily News*, были внушены г. Леярдомъ. Сообщаютъ что комиссія уже приняла

этотъ проектъ съ небольшими измѣненіями: любопытно посмотрѣть что сулитъ христіанамъ Румеліи это буквальное исполненіе Берлинскаго трактата?

Посмотримъ сперва организаціи властей. Генераль-губернаторъ, само собою разумѣется, назначается Портой (въ Берлинскомъ трактатѣ было сказано: султаномъ), и онъ, по этому проекту, имѣетъ быть облеченъ „всеми атрибутами исполнительной власти,“ будучи отвѣтственъ только предъ правительствомъ султана (ст. 4). Затѣмъ, при генераль-губернаторѣ будетъ состоять административный совѣтъ изъ пяти директоровъ и генеральнаго секретаря. Всѣ эти лица также назначаются султанскимъ прадѣ, и губернаторъ не въ правѣ требовать ихъ увольненія иначе какъ на законномъ основаніи (ст. 5). Не сказано что эти лица должны быть христіане, а важное значеніе ихъ явствуетъ изъ того что „по представленію административнаго совѣта“ генераль-губернаторомъ назначаются всѣ остальные чиновники (ст. 3).

Таково верховное управленіе. Далѣе область раздѣляется на санджаки (губерніи), казы (уѣзды), нахіи (округи) и карін (общины). Учрежденіе этихъ раздѣленій предоставлено Портѣ. Кака же проектирована организація властей въ нихъ? Муттесарифъ (губернаторъ) въ санджакѣ назначается Портой, по представленію генераль-губернатора; каймакамъ (исправникъ) въ казѣ назначается опять-таки Портой, по представленію муттесарифа одобренному генераль-губернаторомъ; мюдиры и мировые судьи въ нахіяхъ назначаются генераль-губернаторомъ, раздѣляя администрацію съ меромъ который выбирается населеніемъ, и только общинамъ дано право выбирать своихъ мухтаровъ (старостъ), безъ придачи къ нимъ султанскаго чиновника. Эти мухтары главнымъ образомъ будутъ обязаны заниматься сборомъ налоговъ и передавать ихъ сборщикамъ нахій. Для содѣйствія въ исполненіи этой обязанности, къ нимъ будутъ приставлены одинъ или два жандарма (стт. 14, 16, 17, 18 и 20). На пособіе административнаго совѣта при генераль-губернаторѣ, и муттесарифу въ санджакѣ приданъ совѣтъ изъ „трехъ высшихъ чиновниковъ“ губерніи (слѣдовательно назначенныхъ генераль-губернаторомъ), а именно изъ главнаго казначея, директора корреспонденціи и генераль-контролера.

Перейдемъ теперь къ организаціи трибуналовъ. Мировые судьи, какъ сказано, назначаются генераль-губернаторомъ. Судьи трибуналовъ двухъ высшихъ инстанцій назначаются султаномъ. Исполнительный департаментъ при судахъ для исполненія ихъ рѣшеній назначается султаномъ. Рѣшенія и приговоры судовъ будутъ излагаться на турецкомъ языкѣ, съ приложеніемъ перевода на греческій или болгарскій языкъ если одна изъ заинтересованныхъ сторонъ принадлежитъ къ одному изъ этихъ племенъ (стт. 29, 30 и 37).

Наблюденіе за порядкомъ, какъ постановлено на конгрессѣ, поручено жандармеріи и мѣстной милиціи. Первая поставлена подъ власть генераль-губернатора, муттесарифовъ, комиссаровъ и мюдировъ; вторая же подчинена исключительно генераль-губернатору, и, кромѣ того, что всѣ ея офицеры будутъ назначаться султаномъ, эта милиція, значитъ, въ проектѣ, „будетъ подчинена общимъ военнымъ законамъ имперіи уже выработаннымъ и предполагаемымъ.“ (Стт. 21, 22 и 23).

До сихъ поръ во всемъ указанномъ изъ этого регламента, конечно нѣтъ ничего автономнаго, а напротивъ, видна система весьма сильной бюрократической централизаціи, восходящей чрезъ генераль-губернатора и административный совѣтъ къ султану въ Константинополѣ, и нисходящей, по іерархическимъ ступенямъ, до мюдира и мирового судьи въ волостяхъ. Какія же, въ уравниваніи этой сильной организаціи султанской, слѣдовательно турецкой власти, даются автономныя права христіанскому населенію Южной Болгаріи? О нихъ говорится въ статьяхъ 7—12 проекта. Предполагается учредить при генераль-губернаторѣ, кромѣ упомянутаго административнаго совѣта, назначаемаго Портой, вѣдующаго дѣла и раздѣленнаго на департаменты, еще генеральный совѣтъ, который будетъ состоять изъ равнаго числа членовъ, назначаемыхъ генераль-губернаторомъ и делегатовъ, выбираемыхъ жителями казъ, по три отъ каждой. Функции этого совѣта будутъ: 1) обсужденіе и принятіе (о правѣ отвергать не сказано) всѣхъ постановленій представляемыхъ генераль-губернаторомъ и потомъ подлежащихъ утвержденію султана; 2) разсмотрѣніе и *утвержденіе* бюджета (объ отказѣ утвердить опять не значитъ); 3) обсужденіе и *принятіе* (опять *только* принятіе)

всѣхъ предложеній и мѣръ исходящихъ отъ административныхъ департаментовъ, и 4) разсмотрѣніе и обсужденіе желаній и жалобъ совѣтниковъ. Совѣтъ будетъ ежегодно имѣть одну сессію, не долѣе какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и генераль-губернаторъ имѣетъ право распустить совѣтъ, съ обязательствомъ, впрочемъ, созвать новый въ теченіе полугода. Затѣмъ, спускаясь по всей администраціи, мы не встрѣчаемъ никакого, даже совѣщательнаго, участія населенія въ управленіи, пока не дойдемъ до общинъ, гдѣ, для содѣйствія меру, будетъ муниципальный совѣтъ изъ шести членовъ выбираемый на четыре года.

Проектъ говоритъ самъ за себя. Вся власть въ рукахъ чиновниковъ присылаемыхъ въ провинцію извнѣ по назначенію Порты. Христіанское же населеніе остается безотвѣтнымъ и беззащитнымъ, кромѣ права заявлять свои желанія и жалобы тѣмъ же чиновникамъ. Въ проектѣ много громкихъ фразъ о свободѣ богослуженія, преподаванія, о равномъ для всѣхъ законѣ, но кто не знакомъ съ ними по множеству прежнихъ султанскихъ ирадѣ, гатовъ, фирмановъ? Двѣ статьи, однако, заслуживаютъ чтобы привести ихъ цѣликомъ. Вотъ онѣ:

Ст. 24. Исключая случаевъ съ лицами *in flagrante delicto*, никто не будетъ арестуемъ иначе какъ по разрѣшенію судебной власти *или по приказанію исполнительной власти, представляемой генераль-губернаторомъ, муттесарифами, каймаками и мюдирами.*

Ст. 27. Общіе законы имперіи *примѣняются* къ Восточной Румелии, за исключеніемъ измѣненій и дополненій, которыя могутъ быть введены въ нихъ рѣшеніемъ генеральнаго совѣта *по предложенію генераль-губернатора и которыя получаютъ утвержденіе султана.*

Эти двѣ статьи явно обращаютъ въ ничто даже тѣ призрачные намеки на автономныя права какіе есть въ проектѣ. Въ силу ихъ надъ христіанами попрежнему будетъ тяготѣть произволъ каждаго турецкаго чиновника, до мюдира и жандарма включительно, „на основаніи общихъ законовъ имперіи.“

Спрашивается, чѣмъ же весь этотъ проектъ лучше прежнихъ регламентовъ, которые обильно расточала Порта для блага своихъ христіанскихъ подданныхъ? Законъ

о вилаетахъ, напимѣрь, если судить абстрактно, былъ выработанъ вовсе не дурно. Въ немъ также были всѣ эти фразистыя постановленія о равноправности, было и представительство христіанъ, наравнѣ съ мусульманами, въ меджлисахъ, или мѣстныхъ совѣтахъ, не менѣе пожалуй чѣмъ и въ просктѣ Порты для Восточной Румелии, принятомъ европейскою комиссіей съ небольшими измѣненіями.

Намъ очень кстати пришлось познакомиться съ этимъ просктомъ благотѣльныхъ учрежденій даруемыхъ Европой забалканскимъ Болгарамъ чтобъ отрезвиться отъ иллюзій копми на дняхъ еще насъ ублаживавъ г. Поггенполь въ литографированномъ листѣ именуемомъ *Agence Générale Russe*. Французскій истолкователь русской политики, при видѣ злобныхъ махинацій направленныхъ противъ освобожденія Болгаръ, утѣшаетъ насъ и беретъ на себя авторитетно объявить что русскія войска оставлятъ Балканскій полуостровъ не прежде какъ когда участь христіанъ будетъ обезпечена „учрежденіями практическими“, и когда въ точности будутъ исполнены реформы такъ какъ онѣ были окончательно постановлены „Европой“ на Берлинскомъ конгрессѣ. Но вѣдь въ этой румелійской комиссіи орудуетъ та же самая „Европа“ что такъ безстыдно наругалась надъ русскимъ именемъ въ Родопской комиссіи. Или можетъ-быть г. Поггенполь надѣется что русскія войска будутъ вводить эти „гарантіи“, главные черты конхъ мы изложили нашимъ читателямъ?...

Б.

Роль Австріи въ Восточномъ вопросѣ обрисовывается все яснѣе. Удаленіе генерала Филипповича отъ команды въ Босніи указываетъ на преобладаніе мадьярской политики, но отнюдь не на воздержаніе отъ активной роли. Мы уже имѣли случай указывать на тотъ утвердительный тонъ въ рѣчи Австрійскаго императора который не оставляетъ сомнѣній что Боснія и Герцеговина предназначаются стать предметами цивилизующей „миссіи“ Австро-Венгрии, равно какъ и на противорѣчіе кроющееся въ этомъ фактѣ съ постановленіями Берлинскаго трактата; ревниво оберегаемыми лишь въ томъ случаѣ когда дѣло касается Россіи. Въ вѣнскихъ газетахъ, напимѣрь въ *Wiener-Tagblatt*, встрѣчаемъ намеки что

въ переговорахъ объ австро-турецкой конвенціи возникла мысль устроить дѣло такъ чтобъ Австрія приняла на себя часть турецкаго долга падающаго якобы на Боснію и Герцеговину и удерживала эти провинціи въ видѣ залога. А затѣмъ, предполагая что Турція отдать этотъ долгъ была бы не въ состояніи, провинціи и остались бы по праву за Австріей. *Wiener-Tagblatt* поясняетъ что эта новая идея вводимая въ переговоры сообщается ею лишь въ „грубыхъ общихъ“ чертахъ, но поясненіе ся находимъ въ пештской телеграммѣ берлинской *Tageblatt*, которой нѣтъ причинъ такъ церемониться какъ вѣнской газетѣ. Здѣсь прямо поясняется что Австрія имѣетъ въ виду конвенцію въ силу коей, за принятіе соотвѣтственной доли турецкаго долга, то-есть за извѣстную сумму въ видѣ займа, и въ случаѣ надобности, за поддержку Порты въ Восточной Румелии, ей будутъ *правомѣрно* уступлены Боснія и Герцеговина. Предполагается что при сказанномъ условіи легко будетъ подвинуть австро-венгерскіе парламенты на заключеніе новаго займа. Такимъ образомъ все яснѣе выступаютъ контуры англо-австрійско-турецкой конвенціи, и за спиной, можетъ быть, готовятся новые трактаты; тогда какъ въ печати и въ парламентахъ (вспомнимъ запросъ Грохольскаго съ товарищами въ австрійской делегаціи) нѣтъ болѣе рѣчи какъ о томъ: для какой надобности Россія угрозами добивается отъ Турціи заключенія окончательнаго мирнаго договора и тѣмъ не даетъ де Турціи исполнить Берлинскій трактатъ.

Ниже мы приводимъ рѣчь венгерскаго министра-президента Тисы проливающую еще болѣе свѣта въ этомъ отношеніи. Рѣчь эта была произнесена въ Венгерскомъ сеймѣ въ защиту правительственной политики Австріи, и такъ какъ уже теперь нѣтъ болѣе сомнѣній что Тиса благополучно переживетъ созданный имъ самимъ министерскій кризисъ, то можно съ увѣренностью сказать что онъ произносилъ свою рѣчь заранѣе слѣвшись съ графомъ Андраши. Въ этой рѣчи снова проходятъ предъ нами дипломатическіе фокусы послѣднихъ трехъ лѣтъ, какъ пресловутая нота Андраши, Берлинскій меморандумъ, Константинопольская конференція, но уже безъ обветшалыхъ прикрасъ. Теперь уже нѣтъ болѣе надобности церемониться, и прямо объявляется что во всѣхъ этихъ случаяхъ

австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ то „выступало впередъ, то прислонялось къ тѣмъ кто стремились къ тѣмъ же двумъ цѣлямъ,“ „къ тому, чтобы въ границахъ возможности Турецкая имперія осталась попрежнему добрымъ сосѣдомъ, а если нельзя сохранить Турцію въ этомъ положеніи, то хотъ воспрепятствовать ей стать добычей одной Россіи.“ А мы имѣли наивность думать, что хотя въ своей первой нотѣ, или въ Берлинскомъ меморандумѣ, Австрія „выступала впередъ“ ради облегченія участи восточныхъ христіанъ, и приписывали неудачу Берлинскаго меморандума только упорству Англіи! Стремленія Австріи не имѣли результата; то есть не удалось попятить заблаговременно Россію и заставить ее ограничиться одною нотой Андраши. Венгерскій „премьеръ“ ищетъ тому причину во взаимномъ недоброуразумѣніи тогда державы. Даже Англіи, занятой своими *atrocities-meetings*, было еще неловко горячиться за Турцію!

Тиса тратитъ напрасно столько времени и краснорѣчія, чтобы доказать преимущества Берлинскаго трактата, съ англо-мадьярской точки зрѣнія, надъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Ему слѣдовало бы приберечь ихъ поболѣе на доказательство, что оккупация Босніи и Герцеговины была принята въ интересахъ Турціи; но на этомъ очевидно не слѣдовало останавливаться. Онъ уже убѣдился, что Турцію не спасешь; и тенденція австрійской политики сосредоточивается въ томъ, чтобы убѣдить мелкія государства на Балканскомъ полуостровѣ и живущія тамъ народности, что отнынѣ имъ слѣдуетъ искать рѣшенія своей участи не въ сѣверной Россіи, а исключительно въ сосѣдней Австро-Венгріи. Увѣренность венгерскаго министра, что такъ будетъ можно истолковать лишь убѣжденіемъ его, что Россія буквально исполнитъ Берлинскій трактатъ, хотя бы другимъ и благоразсудилось обойти его.

№ 288.

Москва, 10-го ноября.

А.

Если ближе всмотрѣться въ положеніе дѣлъ и внимательно прислушаться къ толкамъ послѣднихъ дней, то оказывается

что „точное и всестороннее исполненіе Берлинскаго трактата,“ офиціально и офиціозно возвышенное въ видѣ категорическаго требованія обращеннаго къ Россіи, имѣетъ своимъ источникомъ лишь одну заботу искренно одушевляющую всѣхъ недруговъ Россіи: поскорѣ выпроводить Россію изъ Балканскаго полуострова и лишить ее на дѣлѣ того положенія которое она еще продолжаетъ занимать благодаря своимъ жертвамъ и блистательнымъ военнымъ успѣхамъ. Это всего явственнѣе сказалось съ тѣхъ поръ какъ сама Россія начала настаивать предъ державами, чтобы Берлинскій трактатъ былъ исполненъ во всѣхъ его частяхъ, а стало-быть и въ тѣхъ которыя имѣютъ отношеніе къ обязанностямъ возлагаемымъ на Турцію. Въ этомъ смыслѣ, говорятъ, поручено было графу Шувалову изложить взгляды и предположенія Россіи Австрійскому правительству. Было даже указано на то, что Турція до сихъ поръ и не думала приступать къ исполненію того, что она обязалась сдѣлать для водворенія лучшаго порядка въ тѣхъ провинціяхъ, которыя остаются подъ ея властью, и при этомъ графъ Шуваловъ поставилъ на видъ, что пребываніе русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ по необходимости придется продолжить до тѣхъ поръ пока установлены будутъ прочныя гарантіи безопасности для христіанскихъ подданныхъ Турціи остающихся подъ ея владычествомъ. Казалось бы, что это требованіе какъ нельзя болѣе естественно. Занятіе Русскими войсками Турецкой территоріи въ продолженіе извѣстнаго срока, установленное Берлинскимъ трактатомъ, есть само по себѣ лишь гарантія достиженія того, что и европейскій конгрессъ призналъ необходимымъ; оно есть средство къ цѣли, а не сама цѣль. Стало-быть одно изъ двухъ: Либо исполнить возможное осуществитъ въ опредѣленный срокъ цѣли кои Европа, въ согласіи съ Россіей, установила въ видахъ улучшенія быта турецкихъ христіанъ, и въ такомъ случаѣ, она должна вмѣстѣ съ Россіей позаботиться прежде всего о томъ, чтобы это было сдѣлано. Либо исполнить предположенное на бумагѣ не такъ-то легко на дѣлѣ. Но въ такомъ случаѣ что же можетъ быть естественнѣе продолженія тѣхъ мѣръ обезпеченія, коими гарантируется *всестороннее* исполненіе общеєвропейскихъ предположеній? Но нѣтъ, болѣе всего заботятъ

ся о томъ чтобы Россія выпустила дѣло изъ своихъ рукъ. Пусть только уйдутъ русскія войска; остальное не существенно. Никто не утверждаетъ чтобы настоянія Россіи были лишены основанія. Напротивъ; вполне признается что Турція и не думала еще приступить къ исполненію принятыхъ ею на себя обязательствъ относительно христіанскихъ населеній. Такъ напримѣръ по ст. XXIII Берлинскаго трактата Порта обязалась во всѣхъ тѣхъ провинціяхъ которыя остаются вполне подъ ея властью, и для которыхъ не имѣется специальныхъ распоряженій въ Берлинскомъ трактатѣ, внести органическій регламентъ на подобіе того который принятъ для острова Крита съ тѣми измѣненіями кои окажутся необходимыми примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ. Для этого Порта должна была назначить спеціальныя коммиссіи съ привлеченіемъ въ оныя представителей мѣстнаго населенія, и статуты выработанные этими коммиссіями имѣли быть представлены на одобреніе международнои коммиссіи разрабатывающей устройство Восточной Румеліи. А между тѣмъ Порта до сихъ поръ и не подумала о созваніи указанныхъ коммиссій; международная же коммиссія для Восточной Румеліи проживетъ не долѣе середины декабря, такъ что ст. XXIII Берлинскаго трактата, насколько она касается земель такъ-называемой Западной Румеліи, представляется уже теперь неисполнимою. Съ другой стороны, и въ Восточной Румеліи обнаружались явленія, коихъ никто не отрицаетъ, указывающія на то что присутствіе русскихъ войскъ есть единственное обезпеченіе противъ поголовной рѣзни, и тамъ гдѣ русскія войска начали отступать (что было до сихъ поръ лишь въ ближайшемъ сосѣдствѣ Константинополя), башкибузукъ принялись за прѣжнее. Никто не доводитъ политическаго безстыдства до того чтобы утверждать что Берлинскій трактатъ допускаетъ возможность повторенія забалканскихъ излодѣній. Утверждаютъ; напротивъ, что все устроится. Берлинскимъ трактатомъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, именуемъ Оттоманскою Портою. Нагдѣлъ; однако, оказывается не то: порядокъ поддерживается только присутствіемъ русской власти, и анархія немедленно воцаряется въ тѣхъ мѣстахъ откуда русскія войска отступаютъ. Если Берлинскій трактатъ этого

не желалъ, а имѣлъ въ виду чтобы сама Турція которую онъ считалъ на то способною, позаботилась водвореніемъ порядка и предупрежденіемъ кровопролитія, то не въ правѣ ли Россія, опираясь *именно* на официально всѣми признаваемый смыслъ Берлинскаго трактата, требовать чтобы Турція исполнила его дѣйствительно, то-есть, чтобы порядокъ *былъ* водворенъ, а въ противномъ случаѣ не выпускать изъ рукъ того обезпеченія которое далъ тотъ же трактатъ?

Но о такомъ исполненіи Берлинскаго трактата никто не помышляетъ. Толкуютъ что коллективное давленіе на Порту съ цѣлью побудить ее къ точному исполненію трактата, на чемъ настаиваетъ Россія было бы въ настоящее время неудобно; — неудобно потому что въ концѣ концовъ оказалось бы что Турція не можетъ взять на себя обязанность дѣйствительно исполнить трактатъ, то-есть, другими словами, Турція лишена возможности предупредить возобновленіе рѣзни. Почему же это неудобно? Потому, безъ сомнѣнія, что это привело бы къ прямому выводу что предупредить рѣзню возможно лишь однимъ способомъ: продолженіемъ занятія турецкихъ провинцій русскими войсками, а этого то опасаются всего болѣе. О результатахъ миссіи графа Шувалова офиціозно сообщаютъ что ему не удалось склонить Австрію къ согласію на то чтобы русскія войска остались на занимаемыхъ ими мѣстахъ долѣе опредѣленнаго срока. Сообщеніе это подтверждается и рѣчью венгерскаго министра-президента Тисы которую мы привели вчера. Рѣчь эта вся проникнута ничѣмъ не прикрытою ненавистью къ Россіи, а подъ конецъ г. Тиса разразился прямою угрозою войны противъ Россіи на случай еслибы она двоспротивилась исполненію Берлинскаго трактата. "Такія рѣчи едва ли были бы возможны еслибы конфиденціальныя переговоры веденныя въ Пештѣ увѣнчались успѣхомъ.

Омущаются подобными угрозами нечего. Въ другомъ мѣстѣ той же рѣчи г. Тисы съ достаточною откровенностью высказано что Австрія въ интересахъ собственной безопасности не можетъ и думать о войнѣ съ Россіей. Но не явствуетъ ли изъ всего вышесказаннаго какъ бесполезно склонять нашихъ друзей къ согласію на то чтобы безъ того Россія еще держитъ въ своихъ рукахъ...

Б.

Не знаемъ многіе ли читатели обратили вниманіе на описанное въ судебной хроникѣ *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 264, октября 18) дѣло, разбиравшееся въ сентябрѣ въ городѣ Скопинѣ Рязанскимъ окружнымъ судомъ, по обвиненію отставнаго корнета Цѣнина въ нанесеніи крестьянину Гурину съ умысломъ тяжкихъ побоевъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть. А дѣло заслуживаетъ вниманія и наводитъ, какъ говорится, на размышленіе. Трудно повѣрить, чтобы на такихъ шаткихъ основаніяхъ какія представлены въ обвинительномъ актѣ можно было подвергнуть человѣка истязаніямъ слѣдствія, всей тягости судебной процедуры. Странно также было, по раскрытіи дѣла на судѣ, продолжать настаивать на обвиненіи. Послѣднее произошло, можетъ-быть, впрочемъ изъ ревности о достоинствѣ суда и опасенія не нанести бы этому достоинству ущерба отказавшись отъ обвиненія. Подсудимый вышелъ изъ суда оправданнымъ. Но какъ вошелъ онъ туда? Какимъ образомъ дѣло, которое при жизни потерпѣвшаго могло быть предметомъ разбирательства въ камерѣ мирового судьи, могло быть выкопано изъ могилы въ формѣ важнаго уголовнаго обвиненія? На судѣ не совершилось какихъ-либо новыхъ открытій, всѣ факты обнаружившіеся на судѣ легко могли быть собраны до суда, и нѣкоторое вниманіе къ ихъ совокупности устранило бы все дѣло изъ уголовной лѣтописи. Надо было очень разсѣянными глазами посмотреть на результаты слѣдствія чтобы на ихъ основаніи начать надъ человѣкомъ процедуру уголовного суда. Нельзя же было разчитывать такъ: если правъ, такъ оправдается и на судѣ. Приведеніе на судъ есть актъ серіознаго и тяжелаго свойства, и великая обязанность судьи пользоваться дарованною ему властію надъ свободой гражданъ съ величайшею осмотрительностію. Удивительно какой мы обрядный народъ! Если посмотрѣть на обвинительную процедуру настоящаго дѣла со стороны формы, то все кажется въ порядкѣ, и чего-чего тутъ нѣтъ! Приѣзжали, уѣзжали, дѣлали всякія дознанія, не удовлетворялись и собирали новыя, зарывали, вырывали покойника. Даже микроскопъ былъ на сценѣ и тончайшія научныя изслѣдованія. На микроскопъ главнымъ образомъ и зиждется обвиненіе. Наговоръ

и микроскопъ, вотъ два его опорные пункта. Одинъ наговоръ безъ микроскопа можетъ-быть не произвелъ бы еще дѣйствія, но въ соединеніи съ микроскопомъ оказался неотразимымъ. Микроскопъ доставилъ „научныя данныя“, а всякому извѣстно что мы люди просвѣщенные и къ авторитету всего надъ чѣмъ стоитъ надпись: наука—и особенно положительная наука—относимся съ должнымъ почтеніемъ. И не только мы люди просвѣщенные, но и ученые мы люди. Въ глуши провинціи, врачи-практики, вооружившись средствами современной оптики и знаніемъ морфологіи, чрезъ показанія микроскопическихъ клѣточекъ лопатки бросаютъ свѣтъ въ темную исторію преступнаго дѣянія и указываютъ его эпоху. Это ли не приложение науки къ практикѣ!

18 апрѣля нынѣшняго года отставной корнетъ Цѣнинъ, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, пріѣхавъ на свою лѣсную дачу, нашелъ слѣдъ покражи и побилъ своего лѣсника, крестьянина Горина. Хотя Цѣнинъ, его прикащикъ и всѣ бывшіе на мѣстѣ дѣйствія свидѣтели отрицаютъ самый фактъ нанесенія побоевъ, хотя по первому полицейскому дознанію произведенному тотчасъ послѣ смерти Горина, нанесеніе ему Цѣнинымъ побоевъ не подтвердилось, но по совокупности обстоятельствъ, можно, пожалуй, имѣть нравственное убѣжденіе что Цѣнинъ дѣйствительно нанесъ нѣсколько ударовъ (три „оплеухи“, какъ первоначально показалъ слѣдователю сынъ покойнаго, пришедшій по смерти отца съ жалобой на Цѣнина и получившій въ отвѣтъ что такіа дѣла разбираются у мирового судьи, къ которому и долженъ былъ бы обратиться самъ обиженный). Можно полагать даже что пожалуй Горинъ, мировой судья, нашелъ бы поводъ къ осужденію Цѣнина. Но при жизни своей потерпѣвшій никому жалобы не приносилъ. Были или нѣтъ побои, это такъ и остается подъ сомнѣніемъ; но несомнѣнно что не было тяжкихъ побоевъ. Происшествіе было 18 апрѣля; Горинъ умеръ 13 мая. Въ концѣ апрѣля его видѣли совершенно здоровымъ; онъ ходилъ за три версты съ тяжелыми мѣшками муки на плечѣ. Послѣдній, очевидно, важный фактъ подтвержденъ даже дочерью покойнаго, вмѣстѣ съ братьями наговаривавшею на Цѣнина. Въ маѣ Горинъ захворалъ и 13-го умеръ. Никто, кромѣ наговаривавшихъ, не слыхалъ

не только о томъ чтобы покойный приписывалъ свою болѣзнь потерпѣннымъ побоямъ, но и о томъ чтобы онъ вообще говорилъ что Цѣнинъ его прибилъ. Въ опредѣленіи Московской судебной палаты, по которому Цѣнинъ преданъ суду, правда, значится не совсѣмъ ясно что „священникъ исповѣдывавшій и причащавшій покойнаго подтвердилъ сдѣланное ему заявленіе о причинѣ болѣзни Горина,“ но на судѣ священникъ показалъ что Горинъ „никогда“ ему не говорилъ о побояхъ нанесенныхъ ему Цѣнинымъ. О побояхъ показывала кухарка, которой Цѣнинъ отказалъ отъ мѣста; но она показывала будто бы лѣсника побилъ Цѣнинъ не въ лѣсу, а въ домѣ съ выталкиваньемъ за дверь и ударомъ плечомъ о косякъ. Свидѣтельница дала показаніе крайне спутанное и ссылаясь на крестьянина Семена, показавшаго на судѣ что онъ ничего ей не говорилъ.

А лопатка и микроскопъ? Лопатка дѣйствительно играетъ важную роль въ дѣлѣ. По ней, если вѣрить сыновьямъ покойнаго, билъ чѣмъ-то твердымъ Цѣнинъ; ею же затѣмъ, если вѣрить кухаркѣ, ударилъ потерпѣвшаго о дверь у себя въ домѣ (и притомъ, какъ оказалось, во время своего отсутствія); на ней же покойный около того же времени носилъ двухпудовыя тяжести; ее же, если дать вѣру показаніямъ расположенныхъ къ Цѣнину свидѣтелей, повредилъ упавъ около того же времени ночью съ печки; она же, оказывается, пострадала полтора года тому назадъ когда Горинъ свалился съ риги и былъ сильно боленъ. На ту же многострадальную лопатку—когда Горина вырыли изъ могилы—направили свои микроскопы рязанскіе врачи и усмотрѣли что „время происхожденія поврежденія лопаточной кости не болѣе двухъ или трехъ недѣль“ (полагать надо съ момента смерти, а не съ момента вскрытія происходившаго мѣсяць спустя). Врачами и на тѣлѣ вырытаго покойника найдены были знаки—подтеки на боку и полъ лопаткой. Эти подтеки, замѣченные *черезъ мѣсяць послѣ смерти*, по мнѣнію врачей, *могли* произойти отъ удара и *могли* произвести воспаленіе легкихъ. Истинною опорой обвиненія остался все-таки микроскопъ. Но и микроскопъ дѣло рукъ человѣческихъ. Вызванные на судѣ эксперты, и со стороны обвиненія, и со стороны защиты, *единогласно* заключили „что смерть Горина не находится ни въ какой связи съ

поврежденіями найденными въ лопаткѣ, состояніе которой въ моментъ смерти было лучше чѣмъ прежде.“ Эксперты прибавили: „отчего произошла смерть Горина они опредѣлить не могутъ, но что замѣченные въ лопаткѣ явленія положительно не могли быть причиной смерти.“

Мы указали факты въ силу которыхъ корнетъ Цѣнинъ преданъ, по опредѣленію Московской Судебной Палаты, суду съ присяжными, по обвиненію въ „нанесеніи Горину, съ умысломъ, тяжкихъ побоевъ отъ которыхъ послѣдовала смерть.“ Все это на единственномъ фундаментѣ: микроскопическомъ изученіи клѣточекъ лопатки. Въ опредѣленіи о преданіи суду указывается, впрочемъ, какъ на обстоятельство бросающее нѣкоторую тѣнь на дѣло, — на то что „были употреблены мѣры чтобы правосудію не удалось доискаться истины.“ Къ свидѣтельницамъ кухаркѣ, оказывается, приходилъ жандармъ и совѣтовалъ показывать правду говоря: „все люди за Цѣнина, наше начальство любитъ правду.“ Что же? Совѣтъ, полагаемъ, прекрасный, рекомендующій и жандарма и начальство. Но почему же совѣтъ показывать правду данный кухаркѣ, очевидно путавшей дѣло, могъ мѣшать правосудію доискаться истины.

Какая же мораль басни? Въ судебномъ производствѣ есть два акта величайшей важности: предварительное слѣдствіе и преданіе суду. Дурно произведенное предварительное слѣдствіе даетъ суду неразобранный матеріалъ и принуждаетъ и судей и присяжныхъ двигаться въ потемкахъ и рѣшать по случайностямъ впечатлѣнія. Преданіе суду безъ строгаго взвѣшиванія обстоятельствъ можетъ подвергнуть невиннаго тяжкимъ мученіямъ за которые никто вознаградить не можетъ и за нанесеніе которыхъ некого призвать къ отвѣту. Настоящее дѣло и многое множество другихъ дѣлъ свидѣтельствуютъ что и предварительное слѣдствіе и преданіе суду едва ли находятся у насъ въ удовлетворительномъ состояніи. Предварительное слѣдствіе, которое отдаетъ въ руки слѣдователя, при его обширныхъ полномочіяхъ, спокойствіе, свободу, честь, иногда жизнь человѣка, у насъ обыкновенно ввѣряется младшимъ, наименѣе опытнымъ юристамъ. Преданіе суду въ Англіи обставлено важными гарантіями, во Франціи подлежащее обжалованію, у насъ предоставлено безапелляціонному рѣшенію палаты и производится

въ массѣ дѣлъ, повидимому, безъ особаго вниманія; что отчасти также обусловливается недостатками предварительнаго слѣдствія, приносящаго данныя (по которымъ обыкновенно трудно составить правильное сужденіе).

Послушать — мы чрезвычайно любимъ гарантіи. Мы рвемся къ гарантіямъ. Дайте намъ гарантіи! Но удивительное дѣло! — тѣ же ревнители гарантіи являются обыкновенно крайними поборниками нашихъ судебныхъ порядковъ и всякое слово о несовершенствахъ по этой части готовы встрѣтить съ яростью; въ странныхъ пассажирахъ юридической практики готовы видѣть нѣчто въ корнѣ либеральное, а не рукоплещущаго этимъ пассажирамъ обличать какъ противника великой реформы. Но гдѣ же, спрашивается, гарантіи спокойствія и свободы если такіе важные моменты судебного производства какъ слѣдствіе и обвиненіе обставлены неудовлетворительно? Учрежденію дана огромная сумма власти, но приняты ли всѣ мѣры, чтобы власть эта не могла сдѣлаться произволомъ? Почему, если чинить надо мною какой произволъ губернаторъ, то мнѣ позволено чувствовать непріятность этого дѣйствія, обѣщается даже защита фельетона если пожелаю обратиться къ этому гласному воспитательному учрежденію для нашей интеллигенціи; но если чинится надо мною, сохрани Богъ, произволъ судебной власти, почему долженъ я ощущать это какъ дѣяніе либеральное и посему долженствующее всякому быть пріятнымъ? Конечно, дѣло Цѣнна не есть дѣло первой величины, обращающее на себя общее вниманіе. Но тѣмъ оно типичнѣе, являясь однимъ изъ многихъ...

№ 289.

Москва, 11-го ноября.

Посреди возбужденныхъ въ настоящее время и почти исключительно занимающихъ европейскую печать толковъ объ исполненіи Берлинскаго трактата, въ духъ и буквѣ всѣхъ его постановленій, намъ легко было указать на контрастъ взглядовъ касательно того исполненія которое придирчиво требуется отъ Россіи и того которое падаетъ на обязанность Турціи. О послѣднемъ неудобно вести рѣчь: Турція ни-

когда не исполнитъ своихъ обязательствъ и не можетъ ихъ исполнить; это всѣ знаютъ, а между тѣмъ наши друзья, какъ мы замѣтили вчера, торопятся „выпроводить“ Россію изъ занимаемаго ею положенія, конечно изъ страха, чтобы она не воспользовалась имъ для настояній на серьезныхъ гарантіяхъ въ пользу христіанъ, какого она въ правѣ требовать послѣ понесенныхъ ею жертвъ. Не трудно поглубже заглянуть въ мотивы этой торопливости и показать что они не просто отрицательнаго свойства, а скрываютъ въ себѣ весьма положительные цѣли.

Венгерскій министръ президентъ Тиса объяснялъ что австро-мадьярская политика имѣетъ цѣлью „внушить народностямъ Востока убѣжденіе, что если нельзя задержать восточныя замѣшательства (а это разумѣется всего желательнѣе Мадыарамъ), то нѣтъ никакой другой державы которая могла бы оказать на судьбу населенія Турціи большее вліяніе чѣмъ Австро-Венгрія.“ Но вѣдь эти народности и такъ знаютъ какого рода вліяніе на ихъ судьбу оказывала всегда политика Австро-Венгрии. Мы слышали также какъ британскій vizиръ, на банкетѣ лорда-мера, толковалъ что цѣлью Берлинскаго конгресса было „избавить султана отъ тѣхъ губительныхъ отношеній ко псевдо-вассальнымъ или небольшимъ племенамъ, различнымъ по племенію и религіи, которыя были готовымъ орудіемъ для враждебныхъ внѣшнихъ вліяній, — отъ тѣхъ отношеній, благодаря которымъ большая часть европейскихъ территорій султана была сценой хроническаго заговора, прерываемаго по временамъ возмущеніями.“ И однако этотъ самый лордъ Беконсфильдъ ставилъ себѣ въ заслугу что воспротивился „избавленію“ султана отъ Болгаръ, Румелии и Македоніи, отъ Грековъ, Фессаліи, хвастался тѣмъ что обезпечилъ султану разумную (*intelligible*) границу и богатые провинціи въ Европейской Турціи. Нѣтъ, не отъ замѣны вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ Европой Беконсфильда и Тисы, могутъ ожидать чего-либо христіане Турціи. Напротивъ, цѣль ихъ уничтожить дѣло Россіи, извратить его еще болѣе чѣмъ это оказалось для нихъ возможнымъ на Берлинскомъ конгрессѣ, а послѣ они уже подумаютъ какъ обезпечить себѣ турецкое наслѣдіе.

Заглянемъ въ отвратительный докладъ

Родопской комиссіи (то-есть главнымъ образомъ англійскаго комиссара), преисполненный всякой лжи и клеветы на русскія войска и власти. Поворитъ о ея разсѣдованіяхъ оскорбительно для нашего достоинства, но обратимъ вниманіе на ея выводы и рекомендаціи. Заботясь объ изысканіи средствъ для водворенія вновь въ Румелии „всего“ бѣжавшаго мусульманскаго населенія, комиссія прежде всего вынесла убѣжденіе, что мусульмане, „какъ они де сами объявляютъ“, не питаютъ никакого враждебнаго чувства къ своимъ сосѣдямъ христіанамъ: „Мы нигдѣ не замѣтили закоренѣлой ненависти или непреодолимой мстительности; мы даже имѣемъ на глазахъ доказательства обратнаго.“ По въ то же время выходцы объявляли, что они не вернутся „пока турецкая власть не возстановитъ своихъ правъ надъ страной“, и докладъ комиссіи прибавляетъ: „совѣсть и долги побуждаютъ насъ одобрить ихъ осторожность.“ А потому и рекомендовалось слѣдующее: „Если Европа намѣрена дѣйствительно вновь поставить мусульманъ въ обладаніе ихъ собственностью, то необходимо учредить безъ замедленія въ Румелии международную комиссію, съ исключительною обязанностью водворенія мусульманскихъ выходцевъ и возвращенія ихъ собственности. При ней необходимо и учрежденіе смѣшанной полиціи. Этой мѣстной полиціи будетъ достаточно, ибо *все знающіе робкій характеръ Болгаръ* могутъ предположить, что, *по удаленіи русскихъ войскъ, и въ особенности если ихъ удаленіе будетъ считаться окончательнымъ*, населеніе возвратится къ своему естественному спокойствію, а мусульмане, изъ опасенія дать Славянамъ новый предлогъ ко вторженію, *будутъ довольно благоразумны*, чтобы избѣгать раздоровъ и жить въ мирѣ съ сосѣдями противъ которыхъ, *если они говорятъ правду*, они не питаютъ никакого зложелательства.“

Вслѣдъ за обнародованіемъ этого доклада, въ *Times* доказывалось, что Румелийской комиссіи слѣдуетъ взять въ свои руки организацію и администрацію провинціи *прежде* еще чѣмъ Русскіе оставятъ ее; иначе ея работа можетъ встрѣтить неожиданныя препятствія. А потомъ, черезъ нѣсколько дней, тотъ же корреспондентъ объяснялъ, что идея ограниченія Болгаріи Балканами могла бы быть осуществлена только когда бы цѣль горь была вмѣстѣ

и военною, и этнографическою границей. „Для этой цѣли необходимо было бы поставить Турокъ *тотчасъ же* въ полное военное обладаніе странами къ югу отъ Балканъ, и найти средства побудить многочисленное магометанское населеніе живущее къ сѣверу переселиться на югъ. Этого, *вмѣстѣ съ возвращеніемъ* магометанскихъ выходцевъ, было бы достаточно для уравниженія болгарскаго элемента.“

Всѣ эти намеки, казавшіеся въ началѣ мало понятными, получаютъ особый смыслъ и значеніе теперь когда только и рѣши что объ исполненіи Берлинскаго трактата и когда Россіи ставятъ въ упрекъ, какъ это дѣлаетъ пештскій корреспондентъ въ послѣднемъ номерѣ *Times*, громадное будто бы „переселеніе“ Болгаръ въ Румелию, какъ будто они тамъ прежде никогда не жили.

Мусульманское вторженіе, вмѣстѣ съ возвращеніемъ турецкихъ властей, — вотъ что грозитъ несчастнымъ забалканскимъ Болгарамъ отъ тѣхъ мѣръ которыя выдаются за исполненіе Берлинскаго трактата. Предоставляемъ судить насколько это соответствуетъ бывшему цѣлю нашей войны: освобожденію ихъ отъ турецкаго произвола и угнетенія...

№ 291.

Москва, 13-го ноября.

А.

— Телеграммы послѣднихъ дней извѣстили насъ о началѣ военныхъ дѣйствій Англичанъ противъ Афганстана. Пессимистскіе взгляды людей опытныхъ оправдались. Эмира Ширъ-Али не запугали грозныя приготовленія Индійскаго правительства; и на посланный ему ультиматиссимумъ онъ къ назначенному сроку не далъ никакого отвѣта. Вслѣдствіе сего, одновременно въ трехъ заранѣе указанныхъ пунктахъ; началось движеніе войскъ и, какъ сообщаютъ телеграммы, увѣнчалось немедленнымъ успѣхомъ. Хотя въ одной индійской газетѣ предъ этимъ и предупреждалось что надъ отправляемыми съ мѣста дѣйствій телеграммами и даже корреспонденціями будетъ учрежденъ контроль, нельзя сомнѣваться въ сущности извѣстій. Самымъ важнымъ успѣхомъ слѣдуетъ считать занятіе, послѣ одно-

дневной канонады; небольшого форта Али-Масджида при началѣ Хайберскаго прохода. Противорѣчія относятся только къ подробностямъ. По однимъ извѣстіямъ, при этомъ достались Англичанамъ трофеями десять, а по другимъ болѣе двадцати орудій. Въ одну газету телеграфируютъ также что потеря Англичанъ при этомъ была до 300 человекъ, между тѣмъ какъ, по официальному донесенію командовавшаго генерала, она не болѣе 30 или 40 человекъ. Но въ самомъ фактѣ занятія форта сомнѣваться нѣтъ повода, такъ какъ и въ 1842 году Англичане легко форсировали входъ въ Хайберское ущелье. Въ то же время извѣщаютъ что въ менѣе важномъ проходѣ Курумской долины англійскій отрядъ также имѣлъ успѣхъ, занявъ безъ труда два небольшіе форта, а на крайнемъ лѣвомъ или западномъ флангѣ, англійскія войска безъ боя заняли мѣстечко Сибъ, или Сиви, къ востоку отъ Дадура.

По всему, однако, что мы читаемъ въ англійскихъ газетахъ за немногіе дни предъ этими событіями, когда нельзя уже было сомнѣваться въ неизбежности столкновенія, ошибочно было бы преувеличивать значеніе этихъ первыхъ дѣйствій и видѣть въ нихъ начало обширныхъ предпріятій противъ Афганистана. Дѣло въ томъ что время для такого рода дѣйствій уже пропущено. Въ концѣ октября и даже въ началѣ ноября, возможно было еще пожалуй быстрымъ энергическимъ движеніемъ занять столицу Афганистана, въ расчетѣ, хотя бы и ошибочномъ, принудить эмира къ покорности и разомъ кончить все дѣло. Но неприготовленность арміи помѣшала этой попыткѣ, а теперь это едва ли исполнимо: въ началѣ декабря въ Афганистанѣ наступаетъ зима, которая часто бываетъ весьма сурова, и прекращаетъ возможность энергическихъ дѣйствій въ странѣ гористой, бѣдной, мало населенной, безъ путей сообщенія, гдѣ все припасы придется подвозить, а горные проходы заносятся снѣгами. Поэтому, если не послѣдуетъ перемѣны распоряженій и какихъ-либо непредвидѣнныхъ событій, на извѣщенные движенія слѣдуетъ смотрѣть какъ на начало и конецъ операцій противъ Афганистана въ настоящемъ году. Всѣ дондонскія газеты, даже самыя зазорныя, объявляютъ что дальнѣйшія операціи слѣдуетъ отложить до весны. Теперь нѣтъ де никакихъ поводовъ простираť военные

операціи далѣе передовыхъ пунктовъ; и достаточно де утвердиться въ хорошихъ позиціяхъ на территоріи эмира чтобы подождать „что принесетъ зима.“ А между тѣмъ, если военныя операціи и приостановятся, „дипломатія не прекратитъ своей работы,“ и можетъ-быть приведетъ де къ результату менѣе страшному чѣмъ необходимость полнаго покоренія Афганистана.

Эти до сихъ поръ неоставляемыя надежды, также какъ и принятіе указаннаго плана вмѣстѣ съ отправленіемъ послѣдняго ультиматума Афганскому эмиру, наперекоръ настояніямъ изъ Индіи, которыя еще за мѣсяць предъ этимъ рекомендовали немедленныя энергическія дѣйствія, показываютъ только что министерство, принявъ рѣшеніе, понимаетъ какъ непопулярна въ Англіи эта затѣя. Дѣйствительно, въ послѣднее время рѣдко когда приходилось читать чтобы на митингахъ гдѣ бесѣдуютъ члены парламента со своими избирателями говорилось въ защиту Афганской экспедиціи; напротивъ, болѣею частью приверженцы правительства хранили молчаніе, а витійствовали ораторы либеральной оппозиціи, часто въ самыхъ запальчивыхъ выраженіяхъ осуждая новую войну противъ Афганистана, къ великой досадѣ торійскихъ органовъ печати. На сторонѣ противниковъ войны стояли извѣстные авторитеты, между прочимъ два бывшіе видокороля Индіи, и никакіе возраженія и намеки на ихъ собственныя ошибки, будто бы приведшія къ настоящему кризису, не могли поколебать ихъ. Одна изъ главныхъ причинъ непопулярности въ Англіи Афганской войны есть дорогая стоимость этой честолюбивой затѣи для поддержанія *престижа*. Весьма кстати напомнили публикѣ что прежняя Афганская война, почти тридцать лѣтъ тому назадъ, стоила 17 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а при нынѣшней стоимости войны повтореніе ея обойдется гораздо дороже. Потомъ вычисляли что постоянное занятіе страны, еслибы оно оказалось необходимо, будетъ стоить отъ трехъ до четырехъ милліоновъ фунтовъ, и невольно является вопросъ: на чей счетъ падутъ эти расходы? Компетентныя лица доказываютъ что Индія совершенно не въ силахъ нести это новое бремя, что и теперь главная опасность англійскому владычеству надъ нею грозитъ отъ недовольства вызываемаго непосильными налогами; слѣдовательно, большая часть расходовъ должна пасть на ан-

глійскихъ плательщиковъ; а эта перспектива, при настоящемъ критическомъ состояніи англійской торговли и промышленности, никому не доставляетъ удовольствія.

Оппозиція противъ Афганской экспедиціи, по мѣрѣ приближенія критической минуты, заявляла себя все съ большею смѣлостью. Извѣстно уже что въ предсѣдательствѣ бывшаго вице-короля Индіи лорда Лоренса образовался въ Лондонѣ весьма вліятельный и многочисленный комитетъ по Афганскому вопросу. 16 ноября имъ адресована къ лорду Беконсфилду просьба принять депутацію отъ этого комитета. Цѣлью депутаціи, какъ излагалось, было побудить правительство отправить по телеграфу въ Индію запрещеніе начинать войну противъ эмира до полученія специальныхъ инструкцій; убѣдить правительство немедленно обнародовать всѣ документы, официальные и иные, о сношеніяхъ съ Кабульскимъ эмиромъ и, наконецъ, рекомендовать скорѣйшее созваніе парламента. Лордъ Беконсфилдъ отказался принять депутацію, но объявилъ что документы уже готовятся для обнародованія и что парламентъ конечно будетъ созванъ, въ случаѣ если того потребуетъ открытіе военныхъ дѣйствій. Парламентъ дѣйствительно, какъ сообщилъ телеграфу, созванъ на 5 декабря, но это не то чего желала депутація: она требовала созванія до рѣшенія вопроса о войнѣ; требованіе необычное такъ какъ вопросъ объ объявленіи войны есть прерогатива короны, и смѣлость его указываетъ съ какимъ сильнымъ теченіемъ придется бороться правительству.

Отмѣтимъ слухъ о новыхъ размолвкахъ въ средѣ англійскаго кабинета по этому самому вопросу, и даже будто бы о предстоящемъ выходѣ лорда Солсбери въ отставку.

Б.

Политическія обстоятельства снова обращаютъ вниманіе на вопросъ о распространеніи желѣзнодорожной сѣти на наши азіатскія владѣнія. Желѣзныя дороги въ Сибирь и въ Туркестанъ были уже на ближайшей очереди предъ войною, остановившею постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ, Богъ дастъ не надолго. Вопросъ о рельсовыхъ путяхъ въ Азію сталъ предметомъ оживленныхъ обсужденій еще въ 1873 году, когда г. Лессепсъ выступилъ съ проектомъ желѣзной дороги изъ Рос-

сіи въ Индію, отъ Оренбурга до Пешавера или точнѣе отъ Сызрани до Пешавера, потому что постройка Сызранско-Оренбургской дороги тогда еще не была рѣшена. Г. Лессепсъ имѣлъ въ виду построить дорогу міроваго транзитнаго значенія и мало входилъ въ подробности ея мѣстнаго начертанія. Его проекту былъ противопоставленъ тогда нѣмекій проектъ другой дороги, такой же важности для міроваго транзита, отъ Екатеринбургa въ Китай къ Океану. Кромѣ того, указывали на чрезвычайныя неудобства мѣстности между Оренбургомъ и Сыръ-Дарьей, неудобства одинаково значительныя какъ для постройки дороги, такъ и для ея эксплуатаціи. Въ особенности страшились лежащихъ у сѣверо-восточнаго угла Аральскаго моря песковъ Кара-Кумы, считая ихъ и подвижными, и безводными. Лессепсъ согласился тогда видоизмѣнить свой первоначальный проектъ и примкнуть со своею линіей къ большой Сибирской, проводя свою дорогу изъ Туркестана не на Оренбургъ, а на Троицкъ; въ такомъ случаѣ оставалось бы связать Оренбургъ съ главною линіей возможно короткою вѣтвію, обходящею, конечно, пески Кара-Кумы. Подобный оборотъ дѣла представлялъ тогда особую привлекательность тѣмъ что позволялъ для достиженія двойной цѣли соединенія внутренней Россіи съ Сибирью и Туркестаномъ ограничиться постройкою одной большой линіи Сибирской съ вѣтвію къ Туркестану, а не строить для того двѣ большія линіи и Сибирскую, и Туркестанскую.

Результатомъ Лессепсова проекта были изысканія произведенныя съ русской стороны — инженерами путей сообщенія, со стороны Индіи — инженерами г. Лессепса подъ руководствомъ его сына. Какъ водится, прежде чѣмъ наши инженеры собрались въ путь, развѣдки инженеромъ г. Лессепса, правда весьма летучія, были уже исполнены, и оказалось что русско-индійская линія, еслибы и не встрѣтила чрезмѣрныхъ трудностей, во всякомъ случаѣ представила бы много неудобствъ для эксплуатаціи. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ свѣдѣній, а всего болѣе вслѣдствіе политическихъ замѣшательствъ, начавшихся въ 1875 году, вопросъ о русско-индійской дорогѣ замолкъ.

Но осуществима или нѣтъ эта великая транзитная дорога изъ Россіи въ Индію,

во всякомъ случаѣ соединеніе Европейской Россіи и Сибири съ Туркестаномъ остается дѣломъ первостепенной важности. Лѣтомъ 1876 инженеры путей сообщенія, гг. Дембицкій, Гольдстремъ и Соколовскій, произвели изысканія по предполагаемой главной линіи отъ Екатеринбургa чрезъ Троицкъ и Тургай къ Сыръ-Дарьѣ, и также по вѣтви этой линіи отъ истока рѣчки Теки до Оренбурга. Длина главной линіи опредѣлилась въ 1.461 версту; длина Оренбургско-Текенской вѣтви въ 641; по всему протяженію ихъ не оказалось никакихъ особыхъ препятствій ни для построекъ, ни для эксплуатаціи желѣзной дороги. Въ случаѣ осуществленія Троицкой линіи съ Оренбургско-Текенскою вѣтвю, рельсовый путь изъ Москвы въ Ташкентъ чрезъ Екатеринбургъ составлялъ бы около 3.630 верстъ, а чрезъ Оренбургъ около 3.315 верстъ. Естественно что большинство товаровъ идущихъ изъ внутренней Россіи въ Туркестанъ направлялись бы, при упомянутой желѣзнодорожной сѣти, на Оренбургъ, и вступали бы на главную линію лишь у Теке. На Троицкъ шла бы торговля между Сибирью и Туркестаномъ; впрочемъ и теперь уже весьма значительная.

Наступившее въ послѣдніе годы затишье въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ узнаемъ изъ недавно вышедшей въ Оренбургъ замѣчательной брошюры: *О выборѣ кратчайшаго направленія Средне-Азіатской желѣзной дороги*, было употреблено на дальнѣйшее разъясненіе вопроса. Въ июлѣ прошлаго года, Оренбургскій генераль-губернаторъ поручилъ Е. И. В. Великому Князю Николаю Константиновичу прослѣдить на мѣстѣ направленіе проектированныхъ среднеазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ и вообще представить свои соображенія. Великій Князь предпринялъ цѣлый рядъ разѣздовъ по степи. Лѣтомъ была осмотрѣна самая линія, а осенью Великій Князь занялся подробнымъ изученіемъ песковъ Кара-Кумы, считавшихся главнымъ препятствіемъ для проложенія желѣзной дороги въ прямомъ направленіи отъ Оренбурга къ Ташкенту.

Эти изслѣдованія увѣнчались счастливыми результатами, которые въ подробности изложены въ запискѣ Великаго Князя „Пески Кара-Кумъ“, вошедшей въ составъ упомянутой выше брошюры. Мы читаемъ въ запискѣ:

„Преобладающее мнѣніе о Кара-Кумахъ

могло образоваться прежде всего изъ отзывовъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя приходилось преодолевать русскимъ воинамъ, со времени Обручева и графа Перовскаго, при переходахъ по западнымъ окраинамъ этихъ песковъ. Потомъ изъ разказовъ лицъ проѣзжавшихъ Орско-Казалинскимъ трактомъ, часть котораго между Терекли и Казалинскомъ, на протяженіи 250 верстъ проложена по той же окраинѣ. Дѣйствительно, эта окраина представляетъ необозримое песчаное море, бутристыхъ сыпучихъ песковъ, почти совершенно лишенныхъ растительности. Ѣзда по дорогѣ проложенной въ глубокомъ сыпучемъ пескѣ чрезвычайно трудна и по своей медленности крайне утомительна. Путешественникъ, въ высшей степени утомленный, растроенный и озлобленный всѣми трудностями этой дороги, получаетъ о пройденномъ пути самое невыгодное впечатлѣніе и на этомъ впечатлѣніи строитъ представленіе обо всей массѣ Кара-Кумовъ, которое и распространяетъ въ обществѣ. Общество принимаетъ на вѣру эти преувеличенные разказы. Оно видитъ нѣкоторое сходство ихъ съ отзывами извѣстныхъ путешественниковъ (Муравьева, Борнса, Вамбери) о свойствахъ другихъ среднеазіатскихъ песковъ, наводящими на сравненіе съ Сахарой, гдѣ караваны дѣйствительно нерѣдко гибнутъ подъ горами раскаленного песка, вздымаемаго жгучимъ самумомъ, и ставитъ Кара-Кумы въ одинъ рядъ съ этими песками, не дѣлая между ними никакого различія. Наконецъ, знаменитый походъ русскихъ войскъ по сыпучимъ подвижнымъ пескамъ пустыни Хала-Ата, извѣстной грозными песчаными ураганами (таббадъ или туфальянъ) и по безводнымъ труднопроходимымъ Кизиль-Кумамъ, только еще болѣе закрѣпилъ установившееся въ русскомъ обществѣ понятіе о средне-азіатскихъ пескахъ и не раздѣльно съ ними о Кара-Кумахъ.

„Между тѣмъ вообще всѣ Кара-Кумы и особенно пройденная часть ихъ, по своимъ свойствамъ, рѣзко отличаются не только отъ прочихъ песковъ Средней Азіи, исключая Барсуковъ, но даже и отъ западной своей окраины.“

Эта окраина весьма новаго образованія; юго-западный уголъ ея слагается изъ нашихъ глазъ. Въ заливѣ Сары-Чаганакъ Аральское море постоянно и постепенно отступая обнажаетъ пески остающіеся по-

ка пустыней, совершенно лишенной растительности; вѣтеръ свободно переноситъ ихъ и вздымаетъ въ холмы.

„Но по мѣрѣ удаленія отъ Аральскаго моря на сѣверо-востокъ,“ сказано далѣе въ Запискѣ,

„замѣчается въ пескахъ растительность, ближе къ морю рѣдкая, а далѣе къ востоку болѣе густая. Это явленіе заставило обратить вниманіе на самое свойство Каракумскихъ песковъ. Химическое, качественное и механическое изслѣдованіе песку взятаго по пути показало что въ немъ, кромѣ кремнезема, положительно содержится въ смѣси глиноземъ, хлористый натръ и другія соли; присутствія же извести не было открыто. Такая смѣсь по своимъ составнымъ частямъ способна питать растенія, и потому дѣлается понятнымъ существованіе растительной жизни въ Каракумскихъ пескахъ, которые вслѣдствіе этого, по крайней мѣрѣ по пройденному пути, должны быть признаны почвенными, а не сыпучими песками.“

Изслѣдованія предпринятыя Его Высочествомъ открыли въ Кара-Кумахъ двѣ рѣзко различающіяся части. Западная половина ихъ сплошь завалена безпорядочными буграми песковъ и лишь мѣстами видна между ними глинистая подпочва. Въ восточной половинѣ пески встрѣчаются небольшими разорванными площадями, а въ южной части лишь изрѣдка малыми островами. Желѣзная дорога прошла бы по пескамъ съ сѣвера на востокъ и пересѣкла бы такимъ образомъ лучшую ихъ часть. Вездѣ въ пескахъ замѣчены ложбины, общее направленіе коихъ съ СЗ на ЮВ, то-есть параллельно желѣзной дорогѣ, что весьма благоприятно. Неподвижность песковъ пересѣкаемыхъ проектированной линіей доказывается еще тѣмъ что многіе предметы, остающіеся въ теченіи многихъ лѣтъ на поверхности земли, вовсе не заносятся пескомъ. Такъ киргизскія постоянныя зимовки, глиняныя и земляныя хаты, не только не сдвинуты съ мѣста, но и не засыпаны пескомъ. Даже мелкіе слѣды зимовокъ: тропинки, слѣды расположенія кибитокъ, черныя круги костровъ долго остаются явственными. Киргизская могила покрытая семь лѣтъ назадъ кучкой сухаго кызыль-джузгена стоитъ не тронутаю. Верблюжьи тропы Пргизо-Казалинскаго тракта всегда явственны.

Лучшею охраной песковъ отъ передви-

женія является растительность. Мы читаемъ о томъ въ запискѣ слѣдующія интересные данныя:

„Въ былое время, лѣтъ 30 назадъ, когда въ южной части степи, вслѣдствіе набѣговъ барантачей, кочевать было опасно, мирные Киргизы-кочевники заходили туда рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Въ то время растительность была тамъ выше и гуще. Такъ напримѣръ кызыль-джузгенъ, болѣе другихъ распространенный въ степи, занималъ большія пространства и достигалъ роста выше двухъ аршинъ. Со времени же окончательнаго умиротворенія Киргизской степи, кочевники стали появляться въ Кара-Кумахъ чаще и въ большемъ числѣ, заняли мѣста для зимовокъ и теперь кочуютъ тамъ постоянно и по всѣмъ направленіямъ. Киргизы охотно кочуютъ въ Кара-Кумахъ потому что среди бугровъ они находятъ защиту отъ вѣтровъ, а скотъ ихъ вполне обезпеченъ подножнымъ кормомъ во время тебенювокъ. Годъ отъ года они все болѣе и болѣе уничтожаютъ кустарникъ на топливо. Скотъ же ихъ, разрыхляя подъ ногами почву на пастбищахъ, расслабляетъ и обрываетъ корни, уничтожаетъ сцѣпленіе между ними и тѣмъ задерживаетъ или совершенно прекращаетъ дальнѣйшее развитіе растительности. Кромѣ того, онъ обрываетъ и поѣдаетъ молодую поросль и молодые побѣги на кустахъ, вслѣдствіе чего уменьшается, во первыхъ, самое число кустовъ, а во вторыхъ, кустарникъ, поднявшись не болѣе какъ на аршинъ, перестаетъ расти въ вышину и разрастается въ вѣтви. Поэтому нынѣ въ Кара-Кумахъ хотя растительности еще много, но она порѣдѣла и обѣдѣла противъ прежняго.“

По растительность легко возстанавливается въ степи:

„По отзыву иргизскаго воинскаго начальника майора Чишковскаго, въ 1869 песчаная окрестности Иргиза были совершенно лишены растительности вырубленной на надобности гарнизона. Во время урагановъ сыпучій песокъ, ничѣмъ не сдерживаемый, переносился вѣтромъ съ мѣста на мѣсто цѣлыми массами и въ 1870 году даже засыпалъ три хаты. Въ 1871 году было запрещено производить рубку кустарниковъ и вообще уничтожать растительность вокругъ Иргиза на разстояніи двухъ верстъ во все стороны. Результатомъ этого запрещенія было то что уже

съ 1872 года чагырь и нѣкоторые кустарники настолько разрослись и укрѣпились что оказались въ состояніи сдерживать почву и тѣмъ совершенно прекратить песчаные заносы.

„Киргизы уже давно кочующіе въ Кара-Кумахъ положительно замѣтили что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растительность до послѣдней степени уничтожена: скотомъ и людьми, хотя и образуются обнаженные пески, но достаточно прекратить кочевки въ этихъ мѣстахъ на 2 на 3 года чтобы дать возможность растительности вновь скрѣпить ихъ поверхность.“

Снѣга также не представляютъ затрудненій для желѣзной дороги. Зима въ Кара-Кумахъ продолжается съ ноября по мартъ, и снѣга выпадаетъ немного, на 4—6 вершковъ. Метели бываютъ, но не имѣютъ характера степныхъ бурановъ. Снѣгъ таетъ дружно, но весенняя вода уходитъ въ песокъ, рѣдко дѣлая рытвины и промоины; грязи въ пескахъ никогда не бываетъ.

Вода найдена въ Кара-Кумахъ, весьма хорошаго качества, почти совершенно прѣсная, повсюду на глубинѣ отъ одного до трехъ аршинъ. Вода до суха вычерпанная изъ колодца быстро возобновляется. Нѣкоторые колодцы существуютъ по столѣтъ.

Исслѣдованія Великаго Князя Николая Константиновича доказали такимъ образомъ проходимость Кара-Кумовъ для желѣзной дороги: въ этихъ пескахъ не встрѣчается никакихъ особыхъ техническихъ трудностей. Въ мѣстахъ, исключительныхъ, еслибы таковыя оказались при подробныхъ изысканіяхъ, можно защититься отъ песчаныхъ заносовъ заслонами. Въ томъ же смыслѣ высказались теперь по этому дѣлу академикъ Гельмерсенъ и комиссія Оренбургскаго отдѣла Географическаго Общества для разсмотрѣнія изслѣдованій Великаго Князя Николая Константиновича о пескахъ Кара-Кумъ. Призная что проходимость Кара-Кумъ для желѣзной дороги теперь доказана, академикъ Гельмерсенъ припомнилъ въ письмѣ къ Великому Князю (стр. 59 оренбургской брошюры) что когда Лессепсъ уже оканчивалъ Суэзскій каналъ тогда Англія снарядила туда экспедицію, которая похвалила Лессепса какъ техника, но выразила опасенія за будущность канала, утверждая что „Суэзскій каналъ неизбѣжно будетъ заноситься сыпучими песками, передвигаемыми къ нему изъ Сахары дѣйствіемъ гос-

„подствующихъ вѣтровъ.“ Хорошо еслибы Англія и теперь была того же мнѣнія о Суэзскомъ каналѣ!

Проходимость Кара-Кумъ открываетъ возможность провести между Оренбургомъ и Ташкентомъ желѣзную дорогу почти по прямой геометрической линіи. Такая дорога, по расчетамъ оренбургской брошюры, будетъ имѣть около 1.700 верстъ длины.

По прямой Кара-Кумской дорогѣ разстояніе отъ Москвы до Ташкента (на Оренбургъ и Кара-Тугай) составитъ около 3.115 верстъ, а это на 500 верстъ короче проектированнаго пути на Екатеринбургъ и на 200 верстъ меньше проектированной дороги чрезъ Оренбургъ, Теке и Тургай.

Кромѣ краткости направленія, большое значеніе имѣетъ также вопросъ: сколько извѣстное направленіе требуетъ постройки новыхъ рельсовыхъ линій? Сызранско-Оренбургская дорога теперь построена, и ее надо сбросить со счетовъ при сравненіи числа верстъ новыхъ дорогъ требуемыхъ тѣмъ или другимъ направленіемъ. Участокъ Сибирской линіи отъ Нижняго до Екатеринбурга тоже надо сбросить со счетовъ: эта дорога не построена, но она чрезвычайно важна сама по себѣ, въ среднеазиатскаго транзита, и стоитъ на ближайшей очереди. Сколько же затѣмъ нужно уложить новыхъ рельсовыхъ путей за Екатеринбургъ и Оренбургомъ?

Въ случаѣ осуществленія дороги по изысканіямъ произведеннымъ инженерами путей сообщенія, причемъ получается сътъ удовлетворяющая торговлѣ Туркестана какъ со внутреннею Россіей, такъ и съ Сибирью, необходимо построить 2.600-верстъ новыхъ дорогъ, а если отбросить даже Оренбургско-Текенскую вѣтвь и заставлятъ товары идущіе внутрь Россіи дѣлать 300 верстъ крюку, то лишь 1.960 верстъ. Прямая же дорога изъ Оренбурга въ Ташкентъ, чрезъ Кара-Кумы, составитъ около 1.700 вер., то-есть на 900 вер. менѣе вышепомянутой съти и на 300 вер. менѣе одной главной линіи на Екатеринбургъ. Но прямая Кара-Кумская дорога удовлетворяетъ лишь потребностямъ торговли Европейской Россіи. Чтобы удовлетворить также и потребностямъ сибирской торговли, Кара-Кумскую линію пришлось бы соединить съ Сибирскою уже на европейской сторонѣ Урала, на примѣръ дорогою отъ Оренбурга чрезъ Уфу къ Красноуфимску, причемъ сибирскіе товары также будутъ дѣлать крюкъ въ нѣ-

сколько сотъ верстъ, но экономіи въ количествѣ потребныхъ новыхъ путей уже почти не окажется.

Что же выгоднѣе? Тутъ какъ въ сказкѣ на распутьи предъ нами четыре рѣшенія. *Первое:* Пойдемъ ли заразъ на Екатеринбургъ и Оренбургъ, соединимъ ли Туркестанъ рельсовою сѣтью съ Европейскою Россіей и Сибирью построивъ притомъ 900 верстъ лишнихъ и удлинивъ путь для внутреннихъ грузовъ на 300 верстъ? *Второе:* Ограничимся ли только Сибирскою линіей, что удлинитъ путь этихъ грузовъ на 500 верстъ и потребуетъ постройки 300 верстъ лишнихъ? *Третье:* Ограничимся ли одною Кара-Кумскою линіей жертвуя торговлей Туркестана съ Сибирью? *Четвертое:* Проведемъ ли еще вдобавокъ къ прямой Кара-Кумской дорогѣ вѣтвь отъ нея на соединеніе съ Сибирскою, причемъ протяженіе вновь требуемыхъ путей почти не сократится, но за то откроется сибирской торговлѣ рельсовый путь, хотя и кружной, на нѣсколько сотъ верстъ?

Намъ придется не разъ вернуться къ этимъ вопросамъ, поставленнымъ теперь съ ясностію. Замѣтимъ пока что много данныхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ сведены въ брошюрѣ *О выборѣ кратчайшаго направленія Средне-Азіатской желѣзной дороги*, которая высказывается за направленіе кратчайшее отъ Оренбурга водораздѣлами системъ Урала, Илека, Ори и Ир-гиза, сѣдловиною между южными отрогами Губерлинскихъ горъ и Мугоджарами и затѣмъ равниною западнѣе Иргиза, песками Кара-Кумъ, на Кара-Тугай и т. д.

Оренбургскій отдѣлъ Географическаго Общества рѣшилъ произвести дальнѣйшее изслѣдованіе Кара-Кумъ: сдѣлать съемку и нивелировку ихъ; собрать сѣмена и гербарій мѣстныхъ растений, устроить тигрометрическія наблюденія и проч. Но для полнаго обсужденія дѣла слѣдуетъ также собрать данныя касательно будущей эксплуатаціи дороги, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тарифа ея. Въ виду важности дѣла надо желать самаго полнаго изслѣдованія его.

№ 292.

Москва, 15-го ноября.

Англійское правительство обнародовало оправданіе начатыхъ имъ военныхъ дѣй-

ствій противъ Афганистана. Другой цѣли, очевидно, не могла имѣть длинная депеша адресованная статсъ-секретаремъ Индіи, лордомъ Кранбрукомъ, къ вице-королю лорду Литтону, написанная всего за два дня до истеченія срока послѣдняго ультиматума эмиру и обнародованная въ газетахъ прежде чѣмъ она могла быть получена по назначенію. Депеша писана для публики, такъ-какъ вице-король конечно не узнаетъ изъ нея ничего новаго. Она есть не что иное какъ *analyse raisonnée* дипломатическихъ документовъ. Опубликованіе ихъ также готовится, но такъ какъ „они обнимаютъ періодъ въ 15 лѣтъ, то по необходимости должны быть объемисты,“ а въ ожиданіи публикѣ предлагается познакомиться съ исторіей вопроса по конспекту изложенному самимъ министерствомъ.

Объяснительная депеша написана ловко и въ умѣренныхъ выраженіяхъ. Только она едва ли способна достигнуть цѣли и разсѣять убѣжденіе что ссора съ Афганистаномъ затѣяна нынѣшнимъ правительствомъ, а отнюдь не вынуждена необходимостью. Чтобы судить о вѣрности разсказываемой исторіи надо подождать обѣщанныхъ документовъ, ибо въ этой депешѣ, наряду съ любопытными указаніями, замѣтны не менѣе знаменательныя умолчанія. Притомъ, главные дѣятели прежняго времени, лордъ Лоренсъ, лордъ Нортбрукъ, г. Гладстонъ, все на лицо въ Англіи и поскольку ихъ дѣйствія и политика задѣты въ этой депешѣ, они конечно не замедлятъ возраженіями, такъ что можно ожидать горячей и любопытной полемики.

Главная цѣль кабинета въ обнародованіи этой депеши, повидимому, была сложить съ себя отвѣтственность и перенести ее на ошибки бывшаго Гладстоновскаго министерства. Въ 1873 году, при вице-королѣ лордѣ Нортбрукѣ, эмиръ самъ предлагалъ Англіи союзъ и искалъ ея помощи на случай угрозы со стороны Россіи. Вице-король и готовъ де былъ обѣщать ее „на извѣстныхъ условіяхъ,“ но правительство въ Лондонѣ разсудило иначе, о чемъ эмиръ узналъ будто бы „съ горемъ и разочарованіемъ,“ и съ тѣхъ поръ „вообще принялъ относительно Индійскаго правительства положеніе угрюмой сдержанности.“ Такое положеніе наслѣдовано де въ 1874 году нынѣшнимъ правительствомъ, то-есть когда эмиръ уже совсѣмъ отшат-

пулея отъ Англіи. Затѣмъ разсказывается исторія всѣхъ безуспѣшныхъ стараній нынѣшняго вице-короля возобновить сношенія съ эмиромъ до тѣхъ поръ пока Ширъ-Али, отказавъ принять даже временно британскаго посланника, принялъ съ пышностью русское посольство, „отправленное къ его двору въ такое время когда были признаки что неминуемо можетъ произойти разрывъ дружескихъ отношеній между Англіей и Россіей.“ Отсюда, разумѣется, предоставляется сдѣлать выводъ что теперь во всякомъ случаѣ, по чьей бы винѣ ни произошло охлажденіе между эмиромъ и Индійскимъ правительствомъ, Англіи ничего не остается дѣлать какъ принять свои мѣры.

Но кто не склоненъ вѣрить на слово, тотъ въ самой депешѣ найдетъ поводы къ сомнѣніямъ. Въ ней же признается что при лордѣ Лоренсѣ лучшимъ средствомъ достигнуть цѣлей англійской политики считалось уклоняться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Афганистана; признается что этой политикѣ слѣдовали потомъ лорды Мео и Нортбрукъ. Остается знать на какихъ условіяхъ въ 1873 году Ширъ-Али искалъ заручиться на всякій случай помощью Англіи, и на какихъ условіяхъ находилъ возможнымъ дать ее лордъ Нортбрукъ, и почему правительство Гладстона предписало тогда вице-королю отложить обсужденіе этого вопроса „до болѣе удобнаго времени.“ Все это остается совершенно не разъясненнымъ.

Между тѣмъ, какъ только вступилъ въ дѣла нынѣшній кабинетъ, онъ немедленно счелъ положеніе въ Средней Азій серьезнымъ, „хотя никакая непосредственная опасность, по видимому, не угрожала британскимъ интересамъ на границѣ Афганистана,“ и новому вице-королю, ещенъ при отъѣздѣ изъ Англіи, уже поручено было предложить Ширъ-Али денежную субсидію, и формальное признаніе его династіи, и ручательство помощи отъ нападенія, но съ непремѣннымъ условіемъ чтобы въ его владѣніяхъ были допущены британскіе агенты. Въ результатѣ же этихъ новыхъ домогательствъ мы и видимъ что изъ положенія „угрюмой сдержанности“ въ какомъ министерство Беконфильда застало эмира, онъ въ концѣ концовъ былъ доведенъ назойливостью Англіи до того, что его пришлось считать „открытымъ врагомъ.“ Итакъ, по крайній мѣрѣ остается безспорнымъ что

именно нынѣшнѣе министерство съ самаго начала имѣло въ виду начать наступательную политику въ Средней Азій. О томъ что происходило на Пешаверской конференціи прошлаго года между министромъ эмира и сэръ-Луисомъ Пелли, ничего нельзя узнать изъ депешъ. Ничего въ ней не сказано и о занятіи Кветты въ 1876 году. Далѣе остается неизвѣстнымъ текстъ отвѣта эмира съ отказомъ принять миссію Чамберлена, и текстъ самаго ультиматума. Если судить по послѣднемъ по словамъ депешъ, то въ немъ и рѣчи нѣтъ объ исправленіи границы, между тѣмъ какъ премьеръ, за нѣсколько дней до написанія этой депешы, публично объявилъ о необходимости озаботиться приобрѣтеніемъ „научной“ границы.

Неизвѣстность будущихъ намѣреній правительства достаточно можетъ объяснить причину непопулярности начатой войны, что признаетъ и *Times*. Мы помнимъ что во время Абиссинской экспедиціи не было ни сомнѣній; ни споровъ; не было бы ихъ и теперь еслибы дѣло шло просто о наказаніи варвара за оскорбленіе Англіи.

Times, хотя и старается оправдать правительство въ нареканіи будто оно умышленно навязало странѣ эту затѣю, однако допускаетъ что „въ отношеніи къ будущему было не мало опасеній; что дальнѣйшія цѣли къ коимъ стремится правительство имѣютъ опасно честолюбивый характеръ; что онѣ включаютъ присоединеніе Афганистана; и что правительство склонно втянуть страну на путь сомнительныхъ и опасныхъ приключеній.“

Любопытно что сама эта газета, вообще такъ горячо поддерживающая министерство, не чувствуетъ полной увѣренности, а только выражаетъ надежду что „умѣренныя совѣты одержатъ верхъ.“ Дѣйствительно, теперь уже не тайна что въ самомъ кабинетѣ уже около мѣсяца господствуетъ большое разногласіе по Афганскому вопросу, и въ послѣднемъ засѣданіи его, 22 ноября, въ прошедшую пятницу, какъ пишетъ корреспондентъ *Manchester Guardian*, произошла буря какихъ не бывало со времени выхода лорда Дарби въ отставку. Министры Кроссъ и Стаффордъ Норткотъ, поддерживаемые также лордомъ Солсбери, требовали созванія парламента и настояли на этомъ, хотя премьеръ и не находилъ этого нужнымъ. Въ тотъ же день лордъ Беконфильдъ ѣздилъ къ королевѣ

въ Виндзоръ, которая только что возвратилась изъ Шотландіи нѣсколькими днями ранѣе обыкновеннаго.

Насъ не удивляетъ непопулярность Афганской войны въ Англіи, несмотря на извѣстія о первыхъ успѣхахъ. Никто не сомнѣвается, что Англичане могутъ войти въ страну и занять ее Афганцы, правда, племя воинственное, но войска ихъ плохо обучены, а главное — плохо вооружены: повѣйшаго оружія у нихъ мало, и еще употребляются даже кремневые ружья. Но нельзя думать, что Ширъ-Али, такъ хорошо знакомый съ Англичанами, не зналъ этого когда въ теченіе двухъ лѣтъ такъ упорно отклонялъ всѣ авансы Индійскаго правительства, „столь выгодные для его интересовъ“, по словамъ депеши лорда Кранбрука, и наконецъ отвергъ послѣдній ультиматумъ. Онъ долженъ былъ предвидѣть, и имѣлъ полный досугъ обсудить, что не сможетъ воспрепятствовать вторженію Англичанъ въ его страну, а онъ безъ сомнѣнія готовъ оставить и свою столицу Кабуль. Но что затѣмъ? Въ такой странѣ, населенной воинственнымъ и фантастическимъ племенемъ, партизанская война можетъ тянуться долго. Это предвидятъ люди съ такимъ авторитетомъ какъ лорды Лоренсъ, которые предсказываютъ, что съ занятіемъ Афганистана именно и начнутся важныя затрудненія для Англичанъ. Эмиръ уйдетъ въ горы, и оттуда будетъ тревожить непрощенныхъ гостей неожиданными нападеніями, а население вокругъ разсѣянныхъ англійскихъ гарнизоновъ будетъ въ постоянномъ заговорѣ, возстанетъ по первому сигналу и при малѣйшей неудачѣ. Для прочнаго покоренія страны потребовалось бы постоянное занятіе ее по крайней мѣрѣ стотысячною арміею. Вотъ эта неизвѣстность будущаго и побуждаетъ людей болѣе осторожныхъ надѣяться, что исправленіе границы ограничится минимумомъ Афганской территоріи. По этой же причинѣ полагаютъ, теперь возможнымъ ограничиться занятіемъ лишь передовыхъ позицій, а дальнѣйшія операціи отложить до весны, въ разчетъ, что можетъ быть къ тому времени и дипломатія сдѣлаетъ свое дѣло.

Разчеты на дипломатію не совсѣмъ понятны. Съ Ширъ-Али дипломатія до сихъ поръ не имѣла успѣха и не могла убѣдить его признать себя вассаломъ Англіи. Не разчитывается ли эта дипломатія, что Рос-

сія постарается склонить эмира къ покорности? Это было бы чрезчуръ смѣло.

Услужливая *Agence Générale Russe* на дняхъ объявила, что Россія расположена возвратиться *purement, et simplement* къ прежней конвенціи съ Англіею относительно Афганистана. Но что же бы значило такое возвращеніе? Не то ли, что Англія признавъ нейтральность Афганской территоріи, постышитъ очистить ее и оставить эмира Ширъ-Али хозяиномъ у себя дома?...

№ 293.

Москва, 16-го ноября.

Темная сила, ознаменовавшая въ началѣ этого года свои замыслы выстрѣлами Гёделя и Нобилинга, неослабно продолжаетъ свое дѣло въ Европѣ. Послѣ выстрѣла направленаго въ юнаго короля Испаніи, цивилизованный міръ съ ужасомъ принялъ вѣсть о новомъ покушеніи на царевубійство противъ недавно воцарившагося короля Италіи. И рядомъ съ извѣстіями о негодованіи Итальянскаго народа и о патріотическихъ демонстраціяхъ его, приходять новыя вѣсти о неслыханныхъ по своей дерзости и безчеловѣчію злодѣйствахъ. Злоумышленники уже не довольствуются покушеніями на жизнь того или другаго лица: они бросаютъ бомбы въ толпу вымещая такимъ образомъ свою злобу на *idiotes*, какъ называютъ массу народа герои злодѣйствующихъ во имя ея блага.

Мы узнаемъ, что правительства континентальной Европы рѣшились наконецъ подать другъ другу руку для борьбы съ общимъ врагомъ. Первымъ указаніемъ на это послужила полуофициальная замѣтка появившаяся по поводу покушенія на Итальянскаго короля въ прусскомъ правительственномъ органѣ, *Провинціальной Корреспонденціи*. Въ замѣткѣ сказано: „Все болѣе и болѣе укрѣпляется въ общемъ сознаніи тотъ фактъ, что вся Европа открыта сътью тайныхъ революціонныхъ обществъ коихъ пагубная дѣятельность грозитъ величайшими опасностями высшимъ благамъ и святынямъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. При такихъ обстоятельствахъ должно окончательно окрѣпить убѣжденіе, что дальнѣйшее распространеніе пагубной заразы можетъ быть предотвращено лишь твердымъ и

„ясно сознающимъ свою цѣль содѣйствіемъ всѣхъ силъ опирающихся на существующемъ порядкѣ при мощныхъ и рѣшительныхъ правительствахъ.“ Въ добавленіе къ этому, нашъ берлинскій корреспондентъ сообщаетъ намъ что Швейцарія приглашена измѣнить свое законодательство оказывающее покровительство анархистамъ всѣхъ странъ, и что на этомъ настаиваютъ совокупно Франція, Италія и Германія.

Безъ сомнѣнія, Швейцарія много способствовала до сихъ поръ развитію зла, служа притономъ для всякаго рода революціонныхъ проходимцевъ и точкой опоры для пропаганды въ самомъ центрѣ Европы. Со Швейцаріей и не трудно будетъ справиться. Но этимъ будетъ достигнуто еще не много. Всѣмъ извѣстно что Швейцарія служитъ лишь суккурсаломъ главнаго притона анархистовъ который находится въ Лондонѣ.

Англичане кичатся своимъ „священнымъ“, какъ они говорятъ, правомъ убѣжища. Они утверждаютъ, и наивные люди этому вѣрятъ, что англійская политическая свобода, съ одной стороны, обеспечиваетъ анархистамъ полный просторъ на англійской почвѣ, а съ другой служитъ лучшимъ оплотомъ для самой Англии противъ дѣйствія губительной заразы социальной пропаганды. Во всемъ этомъ большая фальшь. Нѣтъ страны гдѣ власть была бы вооружена болѣе сильными средствами борьбы противъ революціонной пропаганды и гдѣ бы ими пользовались съ болѣею настоячивостью и безцеремонностью чѣмъ въ Англии. Лондонская полиція окружаетъ самымъ бдительнымъ надзоромъ проживающихъ тамъ вожаковъ революціи; ей извѣстенъ каждый ихъ шагъ; она знаетъ содержание каждого отправляемаго ими и получаемого по почтѣ письма. Внутри страны вся власть, и судебная, и административная, и полицейская сосредоточена въ рукахъ землевладѣльцевъ, которые въ качествѣ мировыхъ судей распоряжаются полновластно. Революціонеры знаютъ что наималѣйшая ихъ попытка посѣять смуту въ самой Англии встрѣтила бы немедленный и беспощадный отпоръ. Они не смѣютъ ничего затѣвать противъ самой Англии. Вотъ истинная причина почему зараза социальной пропаганды менѣе всего коснулась Англии. Это результатъ taciti consensus между революціонерами и англійскою властью. Иначе и нельзя объяс-

нить того факта что революціонная пропаганда именующая сама себя „международною“, то-есть всесвѣтною, оставляетъ въ сторонѣ Англію. Никакая страна не представляетъ собою болѣе рѣзкой организаціи того общественнаго строя противъ котораго вооружается „соціально-демократическая“ доктрина. Нигдѣ право собственности не ограждено такъ сильно; нигдѣ нѣтъ такого сосредоточенія капиталовъ и земли; нигдѣ нѣтъ такой массы бездомныхъ бобылей. Отчего же вожаки социалистовъ ничего не дѣлаютъ чтобы привлечь на свою сторону массы англійскаго рабочаго люда? Отчего они не стараются опрокинуть тамошній общественный строй? Ужъ не потому ли что они уважаютъ англійскую свободу и дорожатъ тѣмъ государственнымъ устройствомъ коего прототипомъ служитъ Англія? Но всѣмъ извѣстны взгляды теоретиковъ и практиковъ социализма на этотъ предметъ. Они не ставятъ ни во что такъ называемыя либеральныя учрежденія, и во всѣхъ прочихъ странахъ Европы социалисты наиболѣе враждуютъ противъ тѣхъ именно партій для коихъ англійскіе политическіе порядки служатъ идеаломъ.

Въ Англии революціонная пропаганда не имѣетъ успѣха не потому что ей предоставлена полная свобода, напротивъ, нигдѣ анархистовъ не держатъ такъ крѣпко въ рукахъ какъ въ Англии. Въ Англии рабочіе дѣлаютъ стачки для борьбы съ хозяевами въ видахъ повышенія платы или сокращенія рабочаго времени; но, Боже сохрани, еслибъ интернаціональная пропаганда попыталась придать этимъ частнымъ спорамъ революціонный характеръ и социалистское значеніе!

Итакъ, не въ томъ дѣло что Англія сама по себѣ застрахована противъ извы социальной пропаганды и не потому воздерживаются отъ практики надъ нею анархисты всѣхъ странъ, тамъ проживающіе, что политическій просторъ есть лучшее противъ нихъ средство. Широкомъ просторомъ для дѣятельности направленной противъ самой Англии агитаторы тамъ отнюдь не пользуются. Но тѣмъ просторнѣе свобода предоставляемая Англіей для агитаціи въ *другихъ* странахъ. Англійское „священное“ право убѣжища чрезвычайно облегчаетъ „международному“ революціонному союзу его дѣятельность въ другихъ странахъ, и никакія дружныя мѣры континен-

тальныхъ державъ не достигнуть вполнѣ своей цѣли пока Англія будетъ служить для агитаторовъ убѣжищемъ... Какое ей удобство всегда имѣть подъ рукою элементы всеобщей смуты которую нетрудно направить смотря по надобности туда или сюда. Исторія свидѣтельствуетъ какъ пользовалась англійская политика этимъ *удобствомъ*...

№ 294.

Москва, 17-го ноября.

Книга о князѣ Бисмаркѣ во время войны съ Франціей, изданная г. Бушемъ, бывшимъ секретаремъ его, въ эту достопамятную эпоху, произвела большую сенсацию. Передавая съ буквальною точностью множество отзывовъ князя Бисмарка о людяхъ, большею частью современникамъ, и мнѣнія его о разнообразнѣйшихъ предметахъ, отъ европейскихъ переворотовъ до тонкостей гастрономіи, авторъ рисуетъ предъ читателями желѣзнаго канцлера во весь ростъ. Явно выступающее сознание своего превосходства, быть-можетъ, непомѣрно развитое быстрыми и блестящими успѣхами, вмѣстѣ съ тѣмъ привычка высказываться не стѣсняясь, придаютъ сужденіямъ князя Бисмарка о людяхъ тонъ нѣсколько презрительный и какъ бы циническій. Въ книгѣ встрѣчается много рѣзкихъ отзывовъ, и неудивительно что они вызвали большое негодованіе. Говорятъ что семейство покойнаго графа Гольца, бывшаго германскаго посла въ Парижѣ, намѣрено начать судебное преслѣдованіе не только противъ автора книги, Dr. Буша, но будто и противъ самого князя Бисмарка. О раздраженіи произведенномъ книгой можно судить по тому уже что извѣстный органъ германскаго канцлера, берлинская *Post*, сочла нужнымъ объявить что книга эта вышла безъ его разрѣшенія, и что самъ канцлеръ помѣшалъ бы ея выходу въ свѣтъ еслибы могъ это сдѣлать.

Тѣмъ не менѣе, читающая публика благодаритъ г. Буша за его подарокъ ибо едва ли когда давалась возможность современникамъ значительнаго историческаго дѣятеля получить такое характерное изображение его въ то время когда онъ не только еще не сошелъ со сцены, но продолжаетъ стоять въ самомъ разгарѣ дѣя-

тельности, въ полномъ развитіи своихъ силъ, и когда его роль и могучее вліяніе на судьбы своей страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Европы, далеко не кончены. Естественно что жадная до скандаловъ публика накинулась въ первую минуту преимущественно на личности. Но кто же станетъ судить по нимъ о дѣятельности имперскаго канцлера? Мы можемъ видѣть въ нихъ раздраженіе препятствіями, досаду на непониманіе его плановъ и на противодѣйствіе со стороны мелочнаго самомнѣнія и самолюбія. Замѣчательно что неблагоприятные отзывы князя Бисмарка (а таковыхъ большинство въ книгѣ) относятся къ лицамъ потерпѣвшимъ пораженіе въ борьбѣ съ нимъ.

Но саркастическое отношеніе къ людямъ и націямъ отнюдь не есть еще признакъ великаго дѣятеля. Не въ этихъ свойствахъ, конечно, можемъ мы искать объясненій успѣха какой-нибудь князь Бисмаркъ. Гораздо интереснѣе его взгляды и сужденія о событіяхъ и положеніяхъ, его рассказы о томъ какъ онъ умѣлъ ими пользоваться.

Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не остановиться на глубокомъ религіозномъ чувствѣ человека, который „желѣзомъ и кровью“ создалъ единство своего отечества. Онъ говоритъ что въ этомъ чувствѣ вся его жизнь, и что только оно давало ему силу. Слова его замѣчательны:

„Я не могу представить себѣ какъ человекъ можетъ жить безъ вѣры въ откровеніе, въ Бога устрояющаго всѣ вещи къ лучшему, въ Верховнаго Судію и въ будущую жизнь. Еслибъ я не былъ христіаниномъ, я не остался бы на моемъ посту ни одного часа. Еслибъ я не полагался на Всемогушаго Бога, я не сталъ бы довѣряться государямъ. У меня довольно средствъ къ жизни, и я достаточно знатенъ и безъ должности канцлера. Зачѣмъ сталъ бы я неустанно работать, подвергаясь безпокойствамъ и непріятностямъ еслибъ я не былъ убѣжденъ что Богъ судилъ мнѣ исполнить этотъ долгъ? Твердость съ какою я боролся противъ всякаго рода нелѣпостей въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ имѣетъ единственный источникъ въ вѣрѣ. Отнимите у меня вѣру, и вы уничтожите мой патріотизмъ.“

Князь Бисмаркъ скорбитъ что онъ живетъ въ „поколѣніи язычниковъ“, и что не находитъ преемника „столь же вѣрующаго“

щаго“ какъ самъ онъ, чтобы передать ему свою должность. Онъ хотѣлъ бы и въ народѣ своемъ видѣть ту же вѣру, и хотя Германія слыветъ колыбелью раціонализма, онъ увѣряетъ, что если въ Германіи есть еще самоотреченіе и преданность королю и отечеству, то это остатокъ религіознаго вѣрованія который безсознательно держится въ народѣ отъ прежняго времени.“ Онъ говоритъ, что продолжаетъ оставаться на дипломатическомъ поприщѣ лишь въ силу убѣжденія, что „Германской націи, въ Божественно устроенномъ порядкѣ вещей, предназначено нѣчто великое и благое.“

Его, однако, не обольщаетъ слѣпая вѣра въ свою „звѣзду.“ Какъ всѣ люди съ твердою волей, онъ въ фантазіи не знаетъ препятствій, и какъ Наполеонъ I въ подробностяхъ развивалъ свой планъ похода въ Индію, такъ и князь Бисмаркъ серьезно толковалъ о возстановленіи Бургундіи, считалъ возможнымъ возстановить Наполеона III, чтобы заключить съ нимъ миръ, и даже грозилъ республиканскимъ министрамъ созвать для этой цѣли французское законодательное собраніе въ Кассель. Но все это въ разговорѣ, на дѣлѣ же фантазія никогда не увлекаетъ его далѣе осуществимаго. „*La patrie veut être servie, et non dominée*,“ говорилъ онъ Жюлю Фавру, объясняя ему, что самъ онъ, князь Бисмаркъ, учился опытомъ и никогда не колебался жертвовать личными мнѣніями требованіямъ времени. Это умѣнье пользоваться обстоятельствами и характеризуетъ ясный практическій взглядъ Бисмарка. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ умѣлъ ими воспользоваться для своего отечества въ Голштинскомъ вопросѣ, въ войнахъ 1866 и 1870—71 годовъ. Но въ этомъ отношеніи не менѣе замѣчательны его сужденія о тѣхъ моментахъ, когда, по его мнѣнію, для другихъ представлялись выгодные случаи. Въ приведенныхъ въ № 282 нашей газеты отрывкахъ изъ книги Буша мы видѣли какъ по мнѣнію князя Бисмарка принцъ Августенбургскій могъ бы получить Голштинское герцогство, еслибъ этотъ претендентъ согласился на тѣ уступки Пруссіи, какія потомъ были сдѣланы владѣтельными государями Германіи, или о томъ какъ Наполеону III, въ 1866 году, следовало бы прежде захватить территорію которую онъ желалъ получить, а потомъ уже вести переговоры. Въ дополненіе къ этимъ примѣ-

рамъ приведемъ взгляды князя Бисмарка по поводу переговоровъ которые возбуждены были въ 1871 году объ отмѣнѣ Черноморскихъ статей Парижскаго трактата. На выраженное лордомъ Гранвиллемъ опасеніе „будущихъ замѣшательствъ вслѣдствіе произвольнаго дѣйствія подрывающаго всѣ трактаты“, князь Бисмаркъ, просто расхохотался:

„Ха! ха! Будущія замѣшательства! Парламентскія рѣчи, и все тутъ! Слишкомъ робки для дѣйствія. Удареніе явно ставится на слово *будущія*! Фразеологию эту употребляютъ когда не намѣрены ничего дѣлать. Этихъ Англичанъ такъ же мало можно теперь опасаться какъ мало можно было и надѣяться на нихъ четыре мѣсяца тому назадъ. Еслибъ они запретили Наполеону объявить намъ войну, то не было бы ни войны, ни упраздненія трактата 1856 года. Я право не вижу, чтобы русскіе дипломаты были такіе интриганы какими ихъ изображаютъ. Будь они такъ дурны какъ ихъ славятъ, они не упразднили бы трактата, а строили бы себѣ военныя суда въ Черномъ Морѣ давая уклончивые отвѣты на вопросы. Въмѣсто этого они предпочли огласить свои намѣренія.“

Мѣсяцъ спустя, 13 декабря 1870 года, князь Бисмаркъ говорилъ о томъ же предметѣ слѣдующее:

„Англійское правительство не воспротивится дѣломъ возврату Чернаго Моря Россіи и Турціи. Но ему не хочется одобрить изъ страха что скажетъ общественное мнѣніе въ Англіи. Г. Одо-Россель неоднократно намекалъ, что Англіи слѣдуетъ дать эквивалентъ. Онъ спрашивалъ, на примѣръ, не присоединится ли Германія къ соглашенію 16 апрѣля 1856 года. Когда я сказалъ, что мы не довольно заинтересованы для этого, онъ подалъ мысль, чтобы мы обязались быть нейтральными при всякомъ будущемъ столкновеніи по этому вопросу. Я возразилъ, что не охотникъ до политическихъ предположеній и предпочитаю чтобы наши дѣйствія зависѣли отъ обстоятельствъ. Въ настоящее время мы не имѣемъ повода для дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, я думаю, что признательность должна имѣть вѣсь въ политикѣ. Нынѣшній Государь Россіи былъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ къ Германіи, Австріи, напротивъ, была ненадежна, даже двусмысленна, между тѣмъ какъ относительно Англіи всѣмъ хорошо извѣстно ка-

кіе поводы Германия имѣла считать себя въ долгу предъ Англіей. Дружескія чувства Русскаго Государя основаны на семейномъ преданіи, не говоря уже о томъ что наши интересы не сталкиваются.

Когда же гг. Одо Россель замѣтили что будущіе отношенія Россіи и Германіи нельзя предвидѣть, князь Бисмаркъ возразилъ: *«возможны только два случая»*.

«Положеніе Германіи иное чѣмъ оно было прежде. Мы единственная держава которая имѣетъ причины быть довольною. Не имѣя ничего требовать для себя, мы не будемъ никого обязывать, иначе какъ при утѣренности что и насъ обязать взаимно того... Мое личное мнѣніе таково что еслибы Русскіе потребовали больше, они не встрѣтили бы никакого затрудненія въ своихъ черноморскихъ требованіяхъ».

Позднѣе, 25 января 1871 года, князь Бисмаркъ отозвался еще слѣдующимъ образомъ объ Англичанахъ: *«Англичане очень разгнѣваны за то что мы поразили Французовъ въ великой войнѣ»*.

«Въ ихъ глазахъ маленькой, презираемой Пруссіи непростительно претендовать на успѣхъ въ свѣтѣ. Они воображали что вся цѣль существованія Пруссіи вести войны для Англіи и получать за то плату».

Эти взгляды князя Бисмарка показываютъ какъ глубоко понималъ онъ весь *humbold* англійской политики. Но не правда ли что въ подчеркнутыхъ выше словахъ его уже виденъ намекъ на будущее честное маклерство, *«котораго мы такъ недавно были свидѣтелями?»* Мы никому ничего не сдѣлаемъ даромъ: «вотъ его международный принципъ». Можетъ-быть, если появится книга, подобная изданной г. Бушемъ, о происшествіяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, мы узнаемъ неменѣе интересныя объясненія комедіи Берлинскаго конгресса.

№ 295.

Москва, 18-го ноября.

Съ петербургскихъ скоропечатныхъ машинъ сыплются на насъ громы и молніи. Мы обвинены въ неслыханной дерзости, въ цинизмъ, въ поступкъ который долженъ вызвать краску стыда на чьихъ-то лицахъ, въ постыдномъ отступничествѣ, въ намеренномъ искаженіи истины. Наши мнѣнія куріозны, чудовищны и не могутъ быть

высказаны въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Мы Вандалы, мы авгуры не вѣрящіе сами въ то что говоримъ, мы іезуиты у которыхъ цѣль оправдываетъ средства, мы вредные, злонамѣренные шовинисты (далось же имъ это злополучное слово!) разчитывающіе на экономическое невѣжество нашихъ читателей, поджигающіе публику къ зазорной внѣшней политикѣ (какъ будто публика можетъ объявлять войны и заключать миръ) и старающіеся подорвать народное благосостояніе Россіи*).

Этотъ вопль вызванъ одною изъ нашихъ статей, помѣщенной въ № 284 *Московскихъ Вѣдомостей*. Этихъ господъ возмутило то что мы, основываясь на безспорныхъ фактахъ, не только позволили себѣ сравнить нынѣшнее экономическое положеніе Россіи съ тѣмъ въ какомъ она находилась предъ послѣднею войною, но и высказали вытекающій изъ этого сравненія выводъ прямо, не прибѣгая ни къ какимъ словоизвитіямъ и крючкотворству.

Какіе факты имѣли мы для сравненія? Что замѣчалось предъ войною въ экономической жизни Россіи?

Главная основа народного благосостоянія въ Россіи — наше земледѣліе страдало недостаткомъ, необезпеченностью и невыгодною сбыта. Нашъ хлѣбъ быстро терялъ принадлежавшее ему издавна господство на заграничныхъ рынкахъ, вытѣсняемый оттуда американскою конкуренціей; оставшіеся вслѣдствіе этого непроданными излишки хлѣбныхъ запасовъ угнетали цѣны и на внутреннихъ рынкахъ, не давая имъ подняться до надлежащаго уровня. Жалобы нашего земледѣлія на американскую конкуренцію раздавались все громче. Въ отвѣтъ на эти жалобы, земледѣльцы получали только одинъ саркастическій отвѣтъ: *«понижьте цѣны на вашъ хлѣбъ, и вамъ не страшна будетъ конкуренція»*. Легко сказать: *«понижьте цѣны!»* Но какъ ихъ понизить если онѣ уже такъ низки что едва покрываютъ затраты производства, не дають достаточныхъ средствъ на удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ производителей и ведутъ къ безпрестаннымъ продажамъ заложенныхъ имѣній съ молотка? Какъ понизить ихъ земледѣльцамъ, едва сводящимъ концы съ концомъ и вынужденнымъ изъ-за недостатку денежныхъ

*) Подробную мотивировку всѣхъ этихъ обвиненій желающіе могутъ прочесть въ № 313 *Голоса* и въ № 311 *Виржевыхъ Вѣдомостей*.

средствъ, отказываться даже отъ обычныхъ затратъ и сокращать (до нельзя) свой спросъ на промышленныя издѣлія? Известно, какъ это сокращеніе спроса отозвалось на нашей промышленности, живущей не въищимъ, а внутреннимъ сбытомъ. Послѣ долгой борьбы съ тяжкими обстоятельствами, послѣ сдѣлавшихся обычными запродажъ въ долгъ на чрезвычайно отдаленные сроки, послѣ долгаго введенія дѣлъ не только безъ пользы, но въ прямой убытокъ себѣ, послѣ многихъ банкротствъ, фабриканты наконецъ совсѣмъ отчаялись въ поправленіи дѣла и въ усиленіи спроса на свои издѣлія. Разразился промышленный кризисъ. Фабрики быстро стали закрываться или сокращать свое производство, распуская рабочихъ ставшихъ не нужными. О торговлѣ, при такихъ обстоятельствахъ, нечего и говорить: одновременный земледѣльческій и промышленный кризисъ не могъ не сопровождаться торговымъ застоємъ, который въ свою очередь не могъ не отозваться на размѣрахъ и прибыльности извознаго промысла и вообще на интересахъ всей массы людей которымъ торговля давала занятіе. Главная производительная сила Россіи, сельскій людъ бился какъ рыба объ ледъ. Не даетъ Богъ цѣны на хлѣбъ, не спорятся, не даются въ руки и сторонніе заработки, которыми нашъ народъ добываетъ деньги и на оплату податей, и на покупку нѣсколькихъ аршинъ дешеваго миткала, и на другія немногія и незатѣйливыя нужды своего скромнаго быта. Несмотря на все изощренное въковымъ навыкомъ искусство выбиванія податей, несмотря на все эти губительныя для народнаго благосостоянія продажи коровъ, лошадей и другихъ животныхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства, несмотря на патентованную ловкость кабатчиковъ въ дѣлѣ выжиманія послѣднихъ соковъ изъ народа, — растутъ недоимки въ податяхъ и выкупныхъ платежахъ, падаютъ и акцизные сборы *). И составляя въ 1876 году свой отчетъ по исполненію государственной росписи за смѣтный періодъ 1875 года, государственный контролеръ, нынѣ министръ финансовъ, въ *Объяснительной Запискѣ* къ отчету (стр. 50 и 51), уже высказывалъ скорбную мысль что благотѣльное вліяніе которое должны были имѣть на возрастаніе

народнаго благосостоянія „освобожденіе крестьянъ, величавыя сооруженія желѣзныхъ дорогъ и портовъ, обезпеченіе и доступность правосудія, улучшеніе таможенныхъ постановленій, устройство народнаго кредита и долгіе годы мира и спокойствія,“ — что „главная сила этого вліянія большею частію уже выразилась;“ и что поэтому впредь при составленіи бюджетовъ нельзя уже разчитывать попрежнему на „возрастаніе народнаго благосостоянія которое отражается преимущественно въ большей или меньшей производительности налоговъ,“ и что „увеличенія доходовъ годъ отъ году въ размѣрахъ послѣдняго десятилѣтія едва ли можно ожидать безъ открытія новыхъ или усиленія существующихъ источниковъ государственныхъ доходовъ.“

И вотъ, въ то самое время, когда и настоящее, и будущее нашего народнаго благосостоянія представлялось въ такомъ мрачномъ видѣ, Провидѣніе призвало Россію на подвигъ.

Мы помнимъ разнообразія, усердныя, энергическія старанія и отечественныхъ и чужеземныхъ печальниковъ о благоденствіи Россіи запугать ее войною. Мы помнимъ, между прочимъ, какъ носились въ Петербургѣ съ статьями г. Леруа де-Болье о русскихъ финансахъ въ *Revue des deux Mondes* *), какъ восхваляли и просвѣщенный умъ автора, и его строга научные взгляды, и его необычное въ иностранцѣ знакомство съ русскими финансами, и благотворительный тонъ которымъ онъ говоритъ о Россіи. И дѣйствительно, въ этихъ статьяхъ французскій писатель показалъ себя *plus russe que les Russes eux-mêmes*. Какъ краснорѣчиво, съ какимъ пыломъ убѣжденія умолялъ онъ послушаться совѣтовъ благоразумія и не вѣшиться не въ свои дѣла на Востокъ. Какъ боялся онъ чтобы великіе результаты нынѣшняго царствованія не были потеряны и погублены однимъ опрометчивымъ шагомъ! Какую бездну золь, до банкротства включительно, пророчилъ онъ Россіи, если она навлечетъ на себя войну, съ неизбежными ея послѣдствіями: дефицитомъ, выпусками бумажныхъ денегъ, паденіемъ курсовъ! Мы были тогда такъ интересны, такъ жалки, что самые враждебные намъ органы, мадьярскіе и англійскіе, заботливо предостерегали насъ отъ неминуемыхъ золь. И все

*) См. *Объяснительную записку къ Отчету Государственного Контроля за 1876 годъ.*

*) См. вторую декабрьскую книжку за 1876 и первую январскую за 1877 годъ.

эти пророчества жадно подхватывались и повторялись у нас на тысячу лавовъ и въ салонахъ, и въ канцеляріяхъ, и на столбахъ газетъ.

Но воля Божія должна была совершиться. Мы невольно усомнились въ своей силѣ; мы понизили тонъ; мы начали отказываться отъ нашихъ требованій; мы принялись поспѣшно отступать, во избѣжаніе войны, и, — какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, — война вспыхнула. Война не была послѣдствіемъ чьего-нибудь шовинизма; нѣтъ, мы не были наступательны, не были настойчивы, мы напротивъ истощили все запасы нашего миролюбія и уступчивости, и война тѣмъ не менѣе стала неизбежною. Россія, уже удрученная тяжкимъ земледѣльческимъ, промышленнымъ и торговымъ кризисомъ, должна была вынести на себѣ еще все тягости военного времени. Много прибавилось и частнаго, и общаго горя. Много семействъ облеклось въ трауръ, много семействъ разорилось съ утратою членовъ бывшихъ ихъ главною или единственною поддержкой, не мало рабочихъ рукъ оторвано отъ производительнаго труда, масса капиталовъ истрачена безвозвратно. Обнаружились дефициты, произошли выпуски бумажныхъ денегъ, упалъ вексельный курсъ.

Что же? Какъ отразилось все это на экономическомъ бытѣ Россіи?

Совершилось нѣчто такое что позволило признать чудомъ. Очевидное зло обратилось для Россіи въ еще болѣе явное благо. Гроза войны разсѣла душную, гнетущую экономическую атмосферу въ которой задохнулись наши земледѣліе, промышленность и торговля. Экономическаго кризиса какъ не бывало. Американская конкуренція перестала быть страшною для нашего земледѣлія, получившаго возможность сбыта своихъ продуктовъ, съ выгодой для себя, по цѣнамъ обезпечивающимъ за нимъ господство на иностранныхъ рынкахъ. Парализованная кризисомъ промышленность ожила съ появленіемъ внутренняго спроса на ея издѣлія, для которыхъ, кромѣ того, открылся усиленный сбытъ и въ Персію, и въ Среднюю Азію. Торговля пошла ходко и правильно. Простой народъ получилъ возможность передохнуть отъ давившей его тяжелой нужды. Богъ далъ цѣны на хлѣбъ, улучшились и сторонніе заработки съ появленіемъ и уси-

леніемъ спроса на его трудъ и на фабрикахъ, и по извозу, и по другимъ промысламъ, и по сельскимъ работамъ. Все это уже начинаетъ обозначаться въ сравнительно успѣшномъ поступленіи податей и въ увеличеніи казенныхъ доходовъ отъ акцизныхъ сборовъ.

— Это ли та бездна золь отъ которой предостерегали насъ и заграничные и туземные радѣтели о нашихъ финансахъ?

Что сказать объ этомъ разительномъ фактѣ, объ оказавшемся въ результатъ войны сильнымъ и несомнѣннымъ возрастаніи народнаго благосостоянія? Не должна ли человѣческая мудрость преклониться предъ судьбами Божиими, превратившими проклятіе въ благословеніе и горе въ радость?

Нѣтъ, нѣтъ, кричатъ газетные академики, это шовинизмъ, это мечта, это призракъ, — хорошаго въ этомъ нѣтъ ничего.

Но почему же? Развѣ усилившійся до неслыханно громадныхъ размѣровъ отпускъ хлѣба за границу, улучшение цѣнъ на хлѣбъ внутри страны, оживленіе промышленности и торговли — мечта, а не дѣйствительность?

Нѣтъ, до отрицанія очевидныхъ фактовъ дѣло пока еще не доходитъ. Но, спрашиваютъ насъ, что добраго во всѣхъ этихъ фактахъ, коль скоро они результатъ случайныхъ и временныхъ причинъ, не одобряемыхъ людьми, стоящими на стражѣ зрѣлыхъ экономическихъ понятій? Отпускъ хлѣба изъ Россіи, говорятъ намъ, дѣйствительно сдѣлался громаднымъ, — но этотъ громадный отпускъ вызванъ: 1) политическими опасеніями которыя заставили заграничныхъ хлѣбопромышленниковъ запастись большимъ количествомъ зерновыхъ продуктовъ, 2) неурожаемъ во Франціи и 3) нашими низкими вексельными курсами. Наша промышленность и торговля дѣйствительно оживились, — но это оживленіе есть лишь лихорадочное возбужденіе возникшее потому что пущены въ ходъ сильно возбуждательныя средства, какъ то: 1) поддержка искусственными банковыми или, лучше, государственно-финансовыми пособіями разныхъ частныхъ предприятий, 2) военные заказы, 3) выпуски кредитныхъ билетовъ и 4) низкій вексельный курсъ.

Остаемся на указанныхъ причинахъ, и сравнимъ ихъ относительное вліяніе на обнаружившійся огромный прогрессъ въ экономическомъ бытѣ Россіи.

И въ минувшемъ 1877, и въ текущемъ 1878 году, дѣйствительно, были и есть политическія опасенія побуждающія заграничныхъ хлѣботорговцевъ дѣлать запасы хлѣбныхъ продуктовъ. Но такія же точно опасенія были и въ 1875 и въ 1876 годахъ. И однако тогда отпускъ хлѣба изъ Россіи не только не возросъ, а напротивъ уменьшился *), и политическія опасенія были на руку, по части хлѣбной торговли, не Россіи, а Америкѣ. Итакъ не въ этихъ опасеніяхъ должно искать причинъ благоприятнаго нашему земледѣльцамъ оборота хлѣбной торговли.

Неурожаи въ странахъ пользующихся русскимъ хлѣбомъ не разъ обращались въ выгоду Россіи. Но для того чтобы вывозъ хлѣба отъ насъ удвоился и разомъ поднялся съ *пятнадцати* милліоновъ четвертей (въ первые 8 мѣсяцевъ 1876 года) до *тридцати* почти милліоновъ четвертей (въ 8 мѣсяцевъ текущаго года), необходимо, чтобы во Франціи былъ не просто неурожай, а голодъ въ размѣрахъ страшнаго народнаго бѣдствія, такого бѣдствія, которое обратило бы въ ничто всѣ блестящіе результаты послѣдней Парижской Всемірной Выставки и подвергло бы даже вопросу прочность ея нынѣшней политической системы. А ни о чемъ подобномъ что-то не слышно. Нѣтъ, не неурожаю во Франціи обязано русское земледѣліе тѣмъ, что получило возможность вздохнуть свободно.

Обращаемся къ причинамъ промышленнаго и торговаго оживленія. Система поддержки разныхъ частныхъ предпріятій государственно-финансовыми пособіями практикуется у насъ давно, практикуется до излишества, до злоупотребленій, и всѣ благомыслящіе люди съ благодарностью выслушали заявление министра финансовъ что онъ не намѣренъ поддерживать фиктивныхъ, дутыхъ предпріятій. Намъ извѣстно что эта система казенной поддержки, нѣкоторыхъ частныхъ предпріятій практиковалась до войны въ большихъ размѣрахъ. Но намъ неизвѣстно чтобы во время

*) Вотъ размѣры отпуска хлѣбныхъ продуктовъ изъ Россіи:

| Годы: | Въ цѣлый годъ. | Въ первый и въ третій года. |
|----------------|------------------|-----------------------------|
| 1874 | 26.805.826 четв. | 17.610.628 четв. |
| 1875 | 22.441.689 " | 16.958.188 " |
| 1876 | 24.403.573 " | 14.996.073 " |
| 1877 | 30.690.037 " | 19.875.815 " |
| 1878 | — | 29.386.516 " |

войны и послѣ нея примѣненіе этой системы было усилено и расширено, и мы желали бы чтобы насъ убѣдили въ этомъ точными фактами. А пока такихъ фактовъ не видать, должно признать что не этой ошибочной системѣ обязаны русская промышленность и торговля своимъ оживленіемъ.

Не принадлежитъ ли, наконецъ, главная роль въ оживленіи торговли и промышленности военнымъ заказамъ? Заказы эти, конечно, были немалые, но не говоря уже о томъ что крупная доля выгодъ отъ этихъ заказовъ вреднымъ для торговли и промышленности образомъ досталась нѣкоторымъ нечистымъ на руку подрядчикамъ, эти заказы дѣйствовали на промышленность и торговлю крайне односторонне и могли поощрить лишь нѣкоторыя отрасли промышленности и торговли, — а мы видимъ общее оживленіе ея. Притомъ надо взять въ разчетъ что война, займами и другими путями отвлекла отъ промышленности и торговли едва ли не больше капиталовъ, чѣмъ сколько вернула имъ въ формѣ военныхъ заказовъ. Большая часть потребованныхъ войною суммъ была израсходована за границей. Кромѣ того, изъ военныхъ заказовъ большая доля пошла на поощреніе не отечественной, а чужеземной промышленности; даже заказы на поставку сапоговъ и фуфаякъ, какъ извѣстно, дѣлались за границей. На Руси же интендантство давало, на примѣръ, суконнымъ фабрикантамъ, такія цѣны, которыя могли скорѣе убить, а не поддержать промышленность, направляя ее на изготовленіе *кнопованныхъ* суконъ, въ подрывъ настоящей фабрикаціи. Нѣтъ, не военные заказы оживили на Руси промышленность и торговлю.

Остаются двѣ дѣйствительныя, безспорныя причины очевиднаго и серьезнаго улучшенія во всемъ экономическомъ бытѣ Россіи. Эти двѣ причины — понизившійся вексельный курсъ и вызванный войною выпускъ полумилліарда новыхъ кредитныхъ билетовъ. Вы видите, зло въ этихъ причинахъ, преклонитесь же, тѣмъ болѣе предъ фактомъ который изъ зла выработалъ благо.

Нашихъ экономистовъ приводитъ въ ужасъ что *курсовая* цѣнность кредитнаго рубля на Петербургской биржѣ съ высоты 86—84½ металлическихъ копѣекъ понизилась до 60 копѣекъ съ небольшимъ. Но что ужаснаго въ этомъ пониженіи кур-

са, когда оно принесло столь громадную пользу всей нашей экономической жизни? Для Англии подобное понижение курса ея монетной единицы на всемирномъ рынкѣ, при ея громадныхъ заграничныхъ оборотахъ, было бы, можетъ-быть, смертнымъ приговоромъ. Но много ли теряетъ отъ этого Россія при весьма ограниченныхъ размѣрахъ ея торговыхъ сношеній съ другими странами? Чтобы наглядно представить себѣ все различіе условій въ какихъ находятся Россія и другія страны, изъ чьей жизни выведены тѣ экономическіе законы въ рамки коихъ хотятъ втиснуть факты нашего своеобразнаго экономического быта, достаточно допустить въ воображеніи два предположенія подобныя дѣлаемымъ въ математикѣ. Допустимъ, что вслѣдствіе ужаснаго катаклизма всѣ земные материкъ и острова разомъ исчезли; осталась одна Англія. Что стало бы съ ея населеніемъ безъ заграничнаго хлѣба? Что стало бы съ ея промышленностью безъ чужеземнаго сырья и безъ возможности заграничнаго сбыта? Но случись, что на всемъ земномъ шарѣ осталась бы одна Россія. Вымретъ ли голодною смертію ея населеніе? Погибнетъ ли ея промышленность живущая не ви́шимъ, а внутреннимъ сбытомъ и могущая найти все нужное ей сырье въ русскихъ предѣлахъ?

Вы ждете всякихъ бѣдъ отъ вызваннаго войной выпуска полумилліарда новыхъ кредитныхъ билетовъ. Этотъ выпускъ представляется вамъ губительнымъ ядомъ разстроившимъ весь экономическій организмъ Россіи. Но почему же это только ядъ? Почему не противоядіе которое избавило насъ отъ серьезно-болѣзненнаго состоянія въ какомъ мы находились предъ войной?

Припомните, господа, что въ политико-экономической наукѣ теорія бумажно-денежнаго обращенія принадлежитъ къ числу наименѣе установившихся, наиболѣе спорныхъ. Это не то что приводимый во всѣхъ учебникахъ законъ объ отношеніи спроса къ предложенію. Чтобы не далеко ходить, посмотрите на какихъ гадательныхъ соображеніяхъ основываютъ г. Вагнеръ (Швецъ) и г. Бунге (Русскій) свои расчеты о размѣрахъ бумажно-денежнаго обращенія которое они, въ своихъ проектахъ, благодѣтельствовать Россію посредствомъ *мучительной операции* (собственное ихъ выраженіе), благоволятъ допускать съ высоты своей научной точки зрѣнія. Рѣшая

съ плеча вопросы величайшей государственной важности, они понынѣ бродятъ вокругъ цифры 300—350 милліоновъ рублей которыми ограничивалось у насъ бумажно-денежное обращеніе до Крымской войны; при тогдашнемъ размѣнѣ на звонкую монету и курсахъ близкихъ къ *al pari*, мимоходомъ накидываютъ на эту цифру какую-нибудь сотню-другую милліоновъ, и не утруждая себя серьезнымъ изученіемъ перемѣнъ совершившихся въ экономическомъ бытѣ Россіи въ теченіе цѣлой четверти вѣка, ставятъ вопросъ: не накинуть ли еще сотню милліоновъ?

А вѣдь въ Россіи, въ эту четверть вѣка, произошелъ одинъ изъ величайшихъ экономическихъ переворотовъ. На всемъ неизмѣримо-громадномъ пространствѣ начался и продолжаетъ совершаться переходъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству не только въ помѣщичьемъ, но и въ крестьянскомъ быту, гдѣ также покупной миткаль и сапожный товаръ болѣе и болѣе вытѣсняють самодѣльные холсты и лапти. Потрудились ли наши ученые мужи, стоящіе на стражѣ зрѣлыхъ экономическихъ понятій, обстоятельно изслѣдовать значеніе этого переворота по отношенію къ усиленію потребности въ денежныхъ знакахъ? Сдѣлали ли они для разъясненія этого вопроса то, напримѣръ, что сдѣлалъ г. Блюхъ для оцѣнки значенія нашей желѣзно-дорожной сѣти въ своемъ обширномъ и почтенномъ трудѣ, давшемъ содержаніе для пяти томовъ вышедшей недавно его книги *Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи*? Они знаютъ только, что до крестьянской реформы находилось въ Россіи въ обращеніи 700 милліоновъ рублей кредитными билетами. Эта цифра казалась въ то время чрезмѣрною. И вотъ теперь та же цифра 700 милліоновъ, не говоря уже о вновь выпущенныхъ 500 милліонахъ, продолжаетъ имъ казаться столь же чрезмѣрною какъ и прежде. Не высокаго же они мнѣнія о размѣрахъ переворота произведеннаго освобожденіемъ крестьянъ! А вѣдь они должны бы, кажется, знать, что серьезная экономическая наука придаетъ весьма важное значеніе вліянію перехода отъ натуральнаго къ денежному хозяйству на размѣры денежнаго обращенія.

Практиковавшаяся у насъ издавна односторонняя экономическая политика обра-щавшая исключительное вниманіе на фаб-

ричную и заводскую промышленность и торговлю и совершенно забывавшая о земледѣліи; — какъ будто возможны у насъ прочныя успѣхи торговли и промышленности безъ процвѣтанія земледѣлія дающаго имъ жизнь; — эта односторонняя политика создавшая массу промышленно-коммерческихъ банковъ, до сихъ поръ оставляетъ страну безъ сельскихъ банковъ краткосрочнаго кредита. Благодаря этому, мы имѣемъ барометръ денежнаго обращенія въ относительно малой у насъ сферѣ торгово-промышленной жизни; но у насъ нѣтъ барометра который служилъ бы указателемъ потребностей денежнаго обращенія въ нашемъ неизмѣримо-громадномъ мірѣ сельско-хозяйственной жизни; гдѣ недостатокъ наличныхъ денегъ часто вынуждаетъ къ продажамъ хлѣба на корню по „будущимъ“ цѣнамъ, на самыхъ притѣснительныхъ для сельскаго хозяина условіяхъ.

Наши экономисты все твердятъ объ обезцѣненіи нашего рубля и пророчатъ грядущую за нынѣшнимъ оживленіемъ неизбежную экономическую реакцію, „періодъ печали и воздыханій“, по ихъ выраженію.

Обезцѣненіе рубля не одно и то же что пониженіе вексельнаго курса. Обезцѣненіе рубля есть упадокъ его покупной силы, начало дороговизны; на все покупаемое за деньги. Какія явленія замѣчаются въ Россіи въ этомъ отношеніи?

У насъ замѣчается повышеніе цѣнъ не на все, а лишь на нѣкоторые предметы. Прежде всего и болѣе всего поднялись въ Россіи цѣны на привозные изъ-за границы товары, — цѣны находящіяся въ прямой зависимости отъ вексельнаго курса. Но есть ли основаніе признавать такое вздорожаніе вреднымъ? Это вздорожаніе стѣсняетъ, конечно, потребленіе чужеземныхъ продуктовъ; побуждая потребителей къ замѣнѣ ихъ въ своемъ быту отечественными. Иностранцы, безъ сомнѣнія, могутъ стѣснать на стѣсненіе этимъ сбыта ихъ продуктовъ, но почему мы, Русскіе, будемъ роутать на покровительство оказываемое такимъ образомъ русскому производству? Не говоря о протекціонистахъ, развѣ разумные фритредеры не желаютъ пользы отечественному производству? Развѣ всѣ возраженія ихъ противъ покровительныхъ пошлинъ не сводятся въ сущности единственно къ указаніямъ на насилуваніе производствъ поощреніемъ нѣкоторыхъ его от-

раслей въ ущербъ другимъ? Но пониженіе вексельнаго курса случайно становится покровительствомъ равномѣрнымъ для всѣхъ безъ изыятія отраслей производства, причемъ если не устраняется, то по крайней мѣрѣ ослабляется вредное дѣйствіе нѣкоторыхъ излишествъ покровительнаго тарифа.

Въ меньшей мѣрѣ чѣмъ на привозныхъ товарахъ, но тѣмъ не менѣе замѣтно обозначилось повышеніе цѣнъ въ области нашихъ отпускныхъ товаровъ, гдѣ разница между прежнимъ и нынѣшнимъ вексельнымъ курсомъ дѣйствуетъ двояко. Во первыхъ, повышаетъ внутреннія цѣны на наши продукты; къ очевидной выгодѣ производителей, то-есть почти всей массы населенія. Во вторыхъ, понижая цѣны нашихъ продуктовъ на иностранныхъ рынкахъ, усиливаетъ спросъ на нихъ, что еще болѣе увеличиваетъ выгоды русскихъ производителей, то-есть почти всего народа.

Остается еще одно пугало, порожденное разстроеннымъ воображеніемъ — страхъ предъ экономическою реакціей. Въ воображеніи нашихъ экономистовъ рисуется непомѣрно широкое развитіе и размноженіе промышленныхъ предпріятій вслѣдствіе лихорадочнаго возбужденія произведеннаго выпусками кредитныхъ билетовъ, — и какъ результатъ этого они предвидятъ губительныя кризисы. Дѣйствительный, не воображаемый кризисъ, который переживала Россія предъ войной, для нашихъ экономистовъ ни почему. Они не прочь даже возобновить его, и притомъ возобновить въ болѣе грандіозномъ видѣ, сокративъ денежное обращеніе и поднявъ вексельный курсъ (цѣною дорогихъ займовъ и мучительной, какъ они сами заявляютъ, операціи) до уровня не 1876, а 1853 года; лишь бы помощью дѣйствительнаго ужаснаго кризиса устранить возможность кризисовъ воображаемыхъ.

Кризисы возможны всегда и вездѣ. Отъ нихъ не спасаетъ ни бумажное, ни металлическое денежное обращеніе. Не переживаетъ ли нынѣ сама Англія одинъ изъ такихъ кризисовъ? А ея система денежнаго обращенія есть идеалъ для нашихъ экономистовъ.

Чтобы застраховать себя отъ промышленныхъ кризисовъ пришлось бы воспретить закономъ всякую предпримчивость. Но намъ ли бояться чрезмѣрной предпримчивости и возбуждающаго къ ней обилия свободныхъ денежныхъ капиталовъ,

когда наши неисчислимыя естественныя богатства, наши земли, лѣса, рудники, соляныя, каменноугольныя, торфяныя, нефтяныя и инныя залежи, рѣки, озера и моря, наши сухопутныя и водяныя сообщенія, нашъ сельскій кредитъ, наши незанятыя чуть не полгода рабочія руки, ждутъ не дождутся предприимчивости и денежных капиталовъ?

№ 296.

Москва, 19-го ноября.

Прошло болѣе полутора года съ того дня когда Москва имѣла счастье видѣть Государя Императора. Это была великая, торжественная и грозная минута. Уже была объявлена война, и тогда Его Величество милостиво благодарилъ Москву за усердныя жертвы которыми она немедленно отозвалась на святое дѣло ополчившее Россію. Сколько событій совершилось въ этотъ промежутокъ времени! Возлюбленный Государь нашъ, послѣ побѣдоносной войны, вступаетъ нынѣ въ свою первопрестольную столицу какъ благословенный Богомъ исполнитель судьбы Его.

Нѣтъ, не славолубіе, не жажда стяжаній подбѣла мечъ Россіи на эту войну; которой суждено, мы вѣруемъ, стать началомъ новой эпохи въ исторіи міра. Были явлены доказательства непрекаемые что война эта не была дѣломъ человѣческой воли. Россія начала войну не потому что хотѣла, но вѣришь потому что не хотѣла войны. Все человѣчески возможное сдѣлано было чтобы предотвратить кровавую расправу. Кто осмѣлится сказать что не были истощены все усилія къ сохраненію міра? Правда, у всехъ въ нашемъ народѣ горѣло сердце, все рвалось къ дѣйствию. Все пламенѣло чувствомъ народной гордости, и неправыя пререканія нашихъ противниковъ волновали всехъ изъ конца въ конецъ нашей страны! Если бы Россія увлеклась этимъ теченіемъ, если бы отдалась она порыву оскорбленной гордости, то иной характеръ и иной оборотъ приняли бы событія; иная была бы война, и иная имѣла бы она послѣдствія. Но всего вѣроятнѣе что Восточный вопросъ былъ бы отсроченъ надолго, возникшія замѣшательства были бы улажены малою сдѣлкой, и все осталось бы по ста-

рому. Теперь, когда событія совершили циклъ свой, всякому должно быть очевидно что энергически изъясленная готовность къ дѣйствию въ первое время заставила бы Порту согласиться на требованія которыя предъявляла ей Россія; требованія не угрожавшія ни цѣлости ея владѣній, ни основамъ ея власти. Турція не имѣла тогда ни духа, ни силы оказать сопротивленіе; она не была тогда готова къ отчаянной борьбѣ за свое существованіе; она поспѣшила бы обѣщать всякія реформы и не отказала бы въ какихъ-нибудь мнимыхъ гарантіяхъ. Идти далѣе не было бы повода, наша народная гордость была удовлетворена, и дѣло кончилось бы ничѣмъ. Гордость была бы удовлетворена, но великій вопросъ давно тяготящій надъ міромъ не подвинулся бы къ рѣшенію.

Благоговѣнно преклонимся предъ святыней чувства, которое побуждало нашего возлюбленнаго Государя, обладателя могущественной страны, вождя безпредѣльно преданнаго Ему народа, смирять себя и изыскивать способы мирнаго соглашенія къ предотвращенію бѣдствій войны.

Богъ благословилъ нашу войну. Она ознаменовалась великими доблестями, великими побѣдами, но она не была бы истинно русскою войною, не была бы святымъ дѣломъ, если бы увѣчалась только торжествомъ военной славы. На высотѣ своихъ побѣдъ Россія, великій Своего Державнаго Властителя, сохранила смиреніе сердца. Блистательными торжествами полна исторія многихъ народовъ, но мы знаемъ какъ непрочна и бесплодна бываетъ торжество кичливой славы; какъ часто народы выносятъ изъ нихъ начало своего упадка. Благодать Божія тамъ гдѣ есть самоотреченіе и гдѣ побѣды не питаютъ кичливости. Духъ самоотреченія и смиренія, вотъ сила нашего народа, которую чувствуемъ мы во всей его исторіи; мы чувствуемъ ее особенно въ нашей нынѣшней войнѣ и ея послѣдствіяхъ. Послѣ славныхъ побѣдъ дѣло еще далеко не кончилось: это значитъ что оно въ рукахъ Божіихъ.

Много новыхъ славныхъ именъ, много неслыханныхъ прежде уроцищъ вписала послѣдняя война золотыми буквами въ нашу исторію. Потомки наши будутъ гордиться ими въ лучшемъ смыслѣ этого слова; будутъ питать ими чувство своего народнаго достоинства, свою любовь къ

отечеству. Но между ними съ особеннымъ умиленіемъ русское сердце будетъ вспоминать тѣ темныя болгарскія мѣстечки, ставшія нынѣ столь славными, гдѣ совершалъ свой царственный подвигъ, смиряя себя, могущественный Властитель, по манію котораго миллионы готовы подняться какъ одинъ человѣкъ.

№ 297.

Москва, 20-го ноября,

А.

Слова произнесенныя Государемъ Императоромъ въ Георгіевской залѣ потрясли всѣхъ внимавшихъ имъ. Въ нихъ слышалась грусть которая глубоко отозвалась во всѣхъ сердцахъ, и такъ отзовется во всей Россіи. Его Величество призываетъ насъ всѣхъ содѣйствовать Ему къ огражденію нашихъ разцвѣтающихъ надеждъ, нашего юношества отъ злоумышленниковъ старающихся завлечь его на пагубный путь. Да, это наша великая скорбь, наша великая забота. Тайная организація, направляемая изъ иностранныхъ центровъ и повсюду раскинувшая свою сѣть, не находитъ себѣ почвы въ нашемъ отечествѣ и не въ силахъ проникнуть во глубь нашего народа. Въ нашемъ народѣ еще крѣпка его вѣра, еще силенъ его историческій духъ. Быть его темень и скуденъ, но народъ нашъ состоитъ не изъ бездомныхъ бобылей и не страдаетъ тѣми глубокими недугами въ которыхъ таится язва современной цивилизаціи въ Европѣ. Злоумышленная пропаганда не нашла ничего другаго въ нашемъ отечествѣ какъ обложить своею осадой нашу школу, нашу учащуюся молодежь, чтобы въ ней убить наши надежды и отравить наше будущее. Пользуясь нашимъ легкомысліемъ, „неблагонадежные люди“ обратили всѣ свои усилія на юныя, едва раскрывшіяся для жизни души, и нѣтъ обмана который не употреблялся бы на то чтобы завлечь ихъ въ сѣти. Эти люди вносятъ свою отраву въ благороднѣйшіе порывы юныхъ умовъ, и слѣпыми орудіями имъ нерѣдко служатъ сами родители и наставники. Нѣтъ, не тѣмъ любить молодежь кто служитъ, хотя бы и слѣпымъ орудіемъ обмана, но тѣмъ кто льститъ ей для того чтобы вѣрнѣе погубить.

Да поможетъ намъ Богъ въ дѣлѣ къ которому призываетъ насъ слово Государя; да поможетъ намъ оградить надежнымъ щитомъ дорогое намъ юношество, нашихъ дѣтей, дѣтей нашего народа. Слава Богу, заблуждающихся и уловленныхъ сравнительно немного. Большинство нашего юношества цѣло, невредимо и здорово. Мы уже много сдѣлаемъ для него если сами не будемъ неразумными мѣрами загонять его въ сѣти враговъ. Если мы искренне любимъ его и заботимся о его благѣ, то намъ грѣхъ мѣрволить его врагамъ, слѣпымъ или зрячимъ, сознательнымъ или безсознательнымъ. Противъ нихъ-то слѣдуетъ принимать дѣйствительныя мѣры къ огражденію нашей молодежи. Растущее поколѣніе, которое явится намъ на смѣну, будетъ несравненно лучше насъ, если только мы сами не помѣшаемъ его развитію.

Б.

Телеграфъ передаетъ намъ интересныя откровенія графа Андраши въ засѣданіи бюджетной комиссіи рейхсрата 30 ноября. Прижатый оппозиціей въ обѣихъ половинахъ монархіи, отказывающею разрѣшить экстренные кредиты, графъ Андраши былъ вынужденъ на болѣе подробное объясненіе, и, какъ видно изъ его рѣчи, болѣе заботился задобрить своихъ мадьярскихъ соплеменниковъ чѣмъ расположить въ свою пользу мнѣніе сосѣдей.

Теперь уже не скрывается что Боснія и Герцеговина были добычей которую Австрія давно намѣтила себѣ, и графъ Андраши не смущаясь требуетъ отъ всякаго беспристрастнаго человѣка признанія что Австро-Венгерская монархія, не принимая участія въ войнѣ, получила приращеніе въ своемъ политическомъ вѣсѣ. Приличнымъ считается только, для смягченія оппозиціи, растолковать ей выгоды отъ сего для монархіи и неудобства какимъ бы она подверглась при иномъ ходѣ дѣлъ. Безкорыстная Австрія, говоритъ ея первый министръ, не нуждается въ территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ, но она не могла допустить самостоятельное устройство Босніи и Герцеговины подъ номинальною властью Порты. Вѣдь тогда спокойствіе въ сосѣднихъ съ Австріей провинціяхъ пришло бы въ зависимость отъ смежныхъ съ ними небольшихъ государствъ, и Австро-Венгріи пришлось бы вырывать

Боснію и Герцеговину изъ непріятельскихъ рукъ, которыя укрѣпились бы тамъ. Такого оправданіе! Объясненіе же о выгодѣ прибрѣтенныхъ Австріей еще (характеристично). Результаты конгресса объявляются выгодными для Австріи, въ томъ отношеніи, что Сербія и Черногорія увеличались не настолько, какъ было предположено, Турція же получила обратно значительную территорію. Какъ бы сознавая, что довольно странно ссылаться на эту заботливость, Турція въ то время какъ Австрія сама отнимаетъ у нея двѣ провинціи, графъ Андраши пояснилъ, что занятіе Босніи и Герцеговины было послѣдствіемъ признанія державами законности австрійскихъ интересовъ на Востокѣ. Въ этомъ выразилась де потребность Европы въ великой и могучей Австріи. Выходитъ, что для сохраненія цѣлости Турціи, необходимо оторвать отъ нея двѣ провинціи, а если невозможно сохранить Турцію, то также необходимо оторвать у ней эти двѣ провинціи. Онѣ должны стать оборонительнымъ для Австріи пунктомъ. Отъ кого же готовится оборонять себя Австрія? Цѣль всей австрійской политики, свидѣтельствуемъ министръ, противодѣйствовать самобытности и развитію христіанскихъ государствъ и народностей на Балканскомъ полуостровѣ. Турція до известной степени удовлетворяетъ этой цѣли, а потому и охраняется сколько возможно, если же ей суждено пасть, то этимъ народамъ придется считаться съ Австріей. Смотрите, говоритъ австрійскій министръ, прежде Черногорія имѣла вліяніе на сосѣднія земли; теперь, занимая Боснію и Герцеговину, господствуетъ надъ ними Австрія. Такая политика объявляется доброю австрійскою политикой и, по замѣчанію графа Андраши, „сводится къ исполненію Берлинскаго трактата.“

Но вотъ что странно. Въ другомъ мѣстѣ той же рѣчи австро-венгерскій канцлеръ, въ оправданіе все того же занятія Босніи и Герцеговины, указываетъ на то, что „при невозможности для Порты исполнить Берлинскій трактатъ относительно Сербіи и Черногоріи, Восточный вопросъ могъ бы вновь разгорѣться.“ Что же это значитъ? Какимъ же образомъ цѣлю австрійской политики является требованіе, чтобы Берлинскій трактатъ былъ исполненъ, и вмѣстѣ признается невозможность исполненія его Портой? Что же

это за трактатъ, который одною стороною долженъ быть исполненъ, а другою можетъ быть не исполненъ? Трактаты всегда считались обязательствами обоюдными.

Вообще откровенная рѣчь графа Андраши разсѣяла туманъ, облекавшій австро-венгерскую политику. Нѣсколько времени тому назадъ, авенгерскій министръ-президентъ г. Тиса толковалъ въ Пештѣ, что сохраненіе *status quo* на Балканскомъ полуостровѣ необходимо пока и живущимъ на немъ народамъ разныхъ племенъ и исповѣданій не научатся той истинѣ, что Австрія, и одна Австрія, способна имѣть самое сильное вліяніе на ихъ судьбу. Теперь рѣчь австро-венгерскаго канцлера не оставляетъ и тѣмъ сомнѣній въ томъ, какого рода должно быть это вліяніе. Австрія не допускаетъ ихъ самобытности и развитія, и для этого поддерживаетъ пока возможно существованіе Турціи. Увѣренность, что все это легко совершится согласно съ его желаніями, руководитель австрійской политики подкрѣпляетъ ссылкой на то, что великая и могучая Австрія признана всѣми державами за „европейскую необходимость“. Но! если существованіе Австріи, какъ великой державы, условливается причинами внѣшними, если она держится не своею внутреннею силою, а надобностями Европы, то что отсюда слѣдуетъ? Не то ли, что величіе Австріи, даже ея существованіе, могутъ подвергнуться вопросу, наравнѣ съ участіемъ Турціи, которая тоже признавалась „европейскою необходимостью?“

№ 298.

Москва, 22-го ноября.

Въ цислейтанскомъ парламентѣ Австрійской имперіи (вотъ уже недѣли двѣ разыгрываются бури. Это въ сущности бури въ стаканѣ воды, если принять во вниманіе, что императорская власть въ дѣйствительности очень мало обращаетъ тамъ вниманія на „упорное противодѣйствіе“ оппозиціи, протестующей „во имя конституціи“ противъ внѣшней политики правительства. Тѣмъ не менѣе, такъ-называемая конституціонная партія Цислейтаніи бросила на дняхъ открытый вызовъ графу Андраши, и тѣмъ во всякомъ случаѣ еще болѣе отравила жизнь злополучному канцлеру. Едва удалось ему убажить своихъ соплеменниковъ

въ Пештѣ и уладить дѣло такимъ образомъ что венгерскій парламентъ пропустилъ почти безъ протеста заявленіе Босніи и Герцеговины, по поводу котораго мадьярскія партіи всѣхъ оттѣнковъ такъ основались мѣсяца два тому назадъ, какъ разразился „грозный ударъ“ съ той стороны которая первоначально казалась менѣе опасною. Бюджетная коммиссія австрійской делегаціи, обсуждая предложеніе правительства о дополнительномъ кредитѣ на покрытие издержекъ оккупаци, приняла, большинствомъ 14 голосовъ противъ 6, мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ предложенный въ заголовкѣ слейтанскихъ конституціоналистовъ, г. Гербстомъ, отвергнувъ требуемый кредитъ, и въ первыхъ, потому что не дано достаточно-полнаго отчета о произведенныхъ издержкахъ, а во вторыхъ, потому что рейхсратъ еще не далъ своего согласія на Берлинскій трактатъ, въ силу коего тѣ издержки произведены. Партія г. Гербста присваиваетъ себѣ такимъ образомъ право высшаго контроля въ дѣлѣ мира и войны и заключенія международныхъ трактатовъ коимъ не пользуется ни одинъ парламентъ въ Европѣ. Такія притязанія вызываютъ, разумѣется, лишь улыбку у серьезныхъ людей, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ ни для кого не ясно чего собственно хотятъ слейтанскіе нѣмецкіе централисты. По дѣльшимъ извѣстіямъ, г. Гербстъ и его партія уже смягчились и взявъ назадъ свой мотивированный *ordre du jour* согласились на разрѣшеніе временнаго кредита. Тѣмъ опредѣленіемъ начинается то что составляетъ истинный предметъ стремлений той политической силы въ Австріи которая одна знаетъ чего хочетъ и до сихъ поръ сумѣла добиться своего несмотря на многочисленныя и многоразличныя парламентскія оппозиціи. Недавнія рѣчи императора Франца-Иосифа доказали что Боснія и Герцеговина считаются окончательными приобрѣтеніями Австрійской монархіи, и новыя объясненія которыя далъ графъ Андраши той же коммиссіи 30 ноября (о коихъ мы уже имѣли случай говорить) сводятся въ сущности къ тому же. Теперь рѣчь идетъ о томъ чтобы не только продолжать дѣло расширенія сферы могущества Австріи *au delà de Mitrovitza*, но и оставить за собою все поле и добиться того, чтобы никакая конкурирующая сила не препятствовала Австріи про-

должать ее дѣломъ проникновенія на Востокъ, съ такимъ успѣхомъ ею начатое на основаніи постановленій Берлинскаго трактата. Нужно эксплуатировать выгоды этого трактата до конца, а главная выгода его заключается въ томъ что Россія положена опредѣленный срокъ (когда она обязана очистить территоріи занятыя ею по праву войны) дѣною (потоковъ) ее крови и великихъ побѣдъ, территоріи которыя Россія однако никогда не претендовала приобрѣсти для себя, между тѣмъ какъ Австріи предоставлено ввести свои войска въ турецкія владѣнія, и при этомъ не обозначены въ точности предѣлы ни въ пространствѣ, ни во времени. Понятно что для Австріи, при такихъ условіяхъ какъ нельзя болѣе выгодно настаивать предъ Россіей на *точномъ* исполненіи Берлинскаго трактата. Подъ этимъ терминомъ понимается исключительный срокъ опредѣленный для выхода русскихъ войскъ, до точности же по всѣмъ другимъ пунктамъ трактата никто не заботится. Графы Андраши давалъ на дняхъ объясненія въ этомъ смыслѣ предъ делегаціями, отвѣчая на запросъ депутата Грохольскаго. Венгерскій же министръ-президентъ Тиса, который вообще не имѣетъ надобности сдерживать себя подобно имперскому министру иностранныхъ дѣлъ, высказался на дняхъ еще яснѣе отвѣчая на нападки мадьярской оппозиціи. Онъ прямо выразился что Австрія *должна* вытѣснить Россію на всѣхъ пунктахъ. Разница между правительствомъ и тою оппозиціей, душой которой Кошутъ, заключается лишь въ томъ что послѣдніе думали достигнуть этого путемъ войны съ Россіей въ союзѣ съ Турціей, между тѣмъ какъ онъ, Тиса, думаетъ что союзъ съ Европой во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе союза съ Турціей, и что исполненіе Берлинскаго трактата дастъ Австріи возможность добиться того же чего требуетъ оппозиція съ Кошутомъ, но безъ риска и жертвъ войны. Мы никогда не сомнѣвались въ томъ что таковъ именно истинный смыслъ австро-венгерской политики, увѣчавшейся Берлинскимъ трактатомъ, но мы не подумали чтобъ официальные представители Австріи такъ разоблачали теперь свои замыслы, когда еще только *предстоитъ* исполнить на дѣлѣ то что написано на бумагѣ. А самое толкованіе которое придается договору съ точки зрѣнія этихъ нынѣ офи-

ціально раскрываемыхъ видовъ Австріи, развѣ выдерживаетъ сколько-нибудь добросовѣстную критику? Важнѣйшимъ, чуть не единственнымъ подлежащимъ исполненію пунктомъ Берлинскаго трактата выставляется срокъ, назначенный для пребыванія русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ. Но развѣ теперешнее пребываніе русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ есть само себѣ цѣль? Развѣ не для того оставлены они тамъ что ли. Берлинскій трактатъ призналъ законность тѣхъ требованій отъ Турціи изъ-за которыхъ Россія начала противъ нея войну, и опредѣливъ въ какихъ размѣрахъ требованія эти должны быть исполнены Турціей указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и срокъ исполненія оныхъ, срокъ, совпадающій съ пребываніемъ русскихъ войскъ на турецкой территоріи. Имѣются ли виды на то, чтобы Турція исполнила эти требованія? Этого никто не утверждаетъ. Напротивъ, всѣ согласны, что Турція не умѣетъ, да и охоты никакой не имѣетъ исполнить все то что на нее возложено Берлинскимъ трактатомъ. Она, на-противъ, уже успѣла показать, что постановленія этого трактата отнюдь не считаются для себя обязательными. Такъ, напримеръ, ею недавно назначена коммиссія кѣей поручено разработать планъ реформъ, которыя предполагается примѣнить къ провинціямъ Европейской Турціи (кроме Болгаріи и Восточной Румеліи). Коммиссія эта составлена исключительно изъ Турокъ. А между тѣмъ, по ст. XXIII Берлинскаго трактата, Порта обязалась ввести въ эти провинціи учрежденія по образцу органическаго статута 1869 года для острова Крита, съ тѣмъ что примѣненіе основныхъ положеній этого статута къ мѣстнымъ потребностямъ будетъ поручено *спеціальнымъ коммиссіямъ*, въ коихъ населенію каждой изъ провинцій будетъ предоставлено *широкое, представительство*.

Съ Россіей не стѣсняются, и по отношенію къ ней проповѣдуютъ вотъ какую теорію! Берлинскій трактатъ обязываетъ индивидуально каждого изъ подписавшихъ оный, и никто не можетъ отказываться отъ исполненія договора, подъ тѣмъ предлогомъ что его не исполняютъ другіе. Россія обязалась къ извѣстному сроку увести свои войска изъ южной Болгаріи, и она обязана это сдѣлать, хотя бы ко времени выхода войскъ Турки принялись на глазахъ русскихъ войскъ рѣзать Болгаръ съ боль-

шимъ противъ прежняго остервенѣніемъ. Въ дѣйствительности никто и не сомнѣвается что такъ именно и будетъ колы скоро южная Болгарія будетъ снова отдана въ руки Турокъ...

Итакъ, что же будетъ послѣ Берлинскаго трактата?

№ 299.

Москва, 29-го ноября.

Легенда о томъ, что Али-Масджида, и

Лагорскія телеграммы торжествуютъ побѣду одержанную генераломъ Робертсомъ въ Курумской долигѣ. Послѣ битвы длившейся цѣлый день, онъ овладѣлъ Пейваръ-Котубомъ и взялъ 18 пушекъ. Бѣдный эмиръ! Однако всѣ эти побѣды, такъ отрывисто и лаконически сообщаемыя публикѣ, повидимому, не очень ее радуютъ. Она какъ бы не придаетъ этимъ извѣстіямъ очень серьезнаго значенія. Въ большихъ, особенно артиллерійскихъ бояхъ, Англичане всегда будутъ имѣть верхъ надъ войсками эмира. Но за большими боями идетъ по пятамъ малая война. Несовсѣмъ понятныя телеграммы прошедшей недѣли о столкновеніяхъ въ Хайберскомъ проходѣ и о закрытіи его, не только послѣ взятія Али-Масджида, но и послѣ занятія Англичанами Дакки уже позади прохода, читаемъ теперь въ лондонскихъ газетахъ. Оказывается, что, несмотря на отступленіе афганскихъ войскъ, сообщенія все время оставались не безопасны. Корреспондентъ *Daily News* телеграфировалъ отъ 29-го числа: „горцы продолжаютъ убійства и грабежи по всей линіи нашихъ сообщеній вдоль проходовъ; и транспорты могутъ проходить только подъ прикрытіемъ“. Еще серьезнѣе другая телеграмма того же корреспондента, отправленная четырьмя часами позже: „Сообщенія отряда генерала Брауна временно прерваны! Большое сборище враждебныхъ горцевъ племенъ Заккаръ-Хайля и Хуки-Хайля, числомъ, какъ полагаютъ, не менѣе 4.000 человекъ, появилось въ гористой странѣ ниже Али-Масджида, и ведетъ себя съ крайнею дерзостью; отрубая, отсталыхъ и стрѣлая по вооруженнымъ отрядамъ. Часть прохода между Джамрудомъ и Али-Масджидомъ, вовсе заперта въ настоящее время. Сегодня транспортъ зарядовъ, сопровождаемый сильной эскортой, принужденъ былъ вернуться въ Джамрудъ, не имѣвъ возможности пробиться черезъ сопротивленіе. Положеніе серьезное, и не-

избѣжны сильныя мѣры. Для подкрѣпленія гарнизона Али-Масджида пришлось возвращать 81 полкъ изъ Дакки.

Полемикой возгорѣвшейся въ самой Англіи по Афганскому вопросу было вполне разъяснено что пресловутое „соглашеніе“ о нейтральности Афганистана, въ пользу и выгодъ коего для Россіи мы, съ своей стороны, всегда сомнѣвались, давно разорвано Англійскимъ правительствомъ, когда оно, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, среди мира, заняло Кветту, въ нейтральномъ поясѣ. Кроме того, оно же возбуждало недовѣрчивость эмира требованіями чтобы онъ призналъ себя вассаломъ императрицы Индійской и размѣстилъ англійскихъ агентовъ и офицеровъ по своимъ городамъ. Россія, несмотря на то, не принимала никакихъ мѣръ, и даже не дѣлала запросовъ Англійскому правительству. Только въ ту минуту когда мы были на волосъ отъ войны съ Англіей, когда она грозила намъ и своимъ флотомъ, ворвавшимся въ Дарданеллы вопреки трактатамъ, и своими сипаями привезенными изъ Индіи, въ это время нами были двинуты войска, пока еще только въ предѣлахъ нашихъ собственныхъ владѣній. Была также отправлена дружественная миссія въ Афганистанъ. Моментъ этотъ признается и въ депешѣ лорда Кранбрука. Герцогъ Аргайль, въ письмѣ въ *Times* по этому поводу, справедливо замѣчаетъ что „дѣйствіе Россіи было просто отвѣтнымъ шагомъ въ игрѣ войны.“ „Поэтому вся отвѣтственность за это дѣйствіе“, продолжаетъ герцогъ Аргайль, „лежитъ на тѣхъ кто завелъ эту игру между двумя державами. Оно было лишь естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ политики которая грозила втянуть насъ въ войну съ Россіей, какъ въ Европѣ такъ и въ Азіи, ради поддержанія Турціи.“ Герцогъ Аргайль, хотя признаетъ аксіомой англійской политики отнюдь не допускать русскаго вліянія въ Афганистанѣ, упоминаетъ что въ Индіи „былъ распространенъ слухъ“ что „Афганистанъ станетъ базисомъ операцій противъ Русскихъ въ Средней Азіи.“ Итакъ, извѣстно и всѣмъ въ Англіи признается что дѣйствія Англіи, вооружившія противъ нее эмира, были направлены собственно противъ Россіи. Таково положеніе дѣлъ. Между тѣмъ, на этихъ дняхъ газета *Times*, служащая вѣрнымъ органомъ англійской политикѣ и обыкновенно предва-

ряющая или сопровождающая своими статьями дипломатическіе шаги, являясь что для удовлетворенія Англіи Россія должна отозвать генерала Кауфмана изъ Туркестана, то-есть смѣнить его съ должностію (быть можетъ предать суду). Это было бы лишь minimumъ удовлетворенія. Затѣмъ Россія должна прервать всякія сношенія съ Кабуломъ.

Мы понимаемъ что Англіи желательно укрѣпить себя всѣми мѣрами противъ Россіи и сдѣлать такъ чтобы мы ни въ какомъ случаѣ не могли вредить ей, между тѣмъ какъ она могла бы причинять намъ всякій вредъ. При антагонизмѣ ея и нашихъ интересовъ, который не прекращается и въ мирѣ, это желаніе съ ея стороны весьма естественно. Мы понимаемъ также что англійской политикѣ было бы желательно чтобы мы въ бездѣйствіи смотрѣли на исполненіе ея плановъ противъ насъ. Точно также понятно было бы и съ нашей стороны желать чтобы англійскіе планы не удались, и стараться помѣшать имъ. Естественно было бы намъ не оставаться праздыми зрителями, а принимать соотвѣтствующія мѣры къ укрѣпленію своихъ позицій.

Но нѣтъ. Намъ ставятъ въ священную обязанность молчать и бездѣйствовать. Россія, говорятъ, никоимъ образомъ не должна имѣть голоса въ рѣшеніи Афганскаго вопроса. Ей прямо должно быть сказано, говоритъ *Statist* (новое еженедѣльное изданіе, весьма вліятельное въ финансовыхъ сферахъ), что ея вмѣшательство не будетъ допущено, и что исправленіе британской границы на югѣ Афганистана не оправдываетъ русскаго исправленія на северѣ.

Но и этого мало... Нѣтъ, намъ не позволяютъ смотрѣть сложа руки на дѣйствія противъ насъ направленные; требуется чтобы мы способствовали этимъ дѣйствіямъ по мѣрѣ нашихъ силъ. Находили справедливымъ требовать чтобы мы склоняли эмира къ покорности предъ Англіей. Не много не доходило до того чтобы намъ же отправить войска противъ эмира.

Однако и этого мало. Требуется чтобы мы нанесли себѣ самоубійственный ударъ въ Средней Азіи. Дѣйствительно, отозвавъ нашего генерала-губернатора изъ Туркестана, по приказанію Англіи, мы лишились бы всякаго достоинства даже во мнѣніи Киргизовъ, мы убили бы себя въ Средней Азіи.

Торійская *Pall Mall Gazette*, какъ видно, сомнѣвается въ готовности Россіи на самозакланіе, и понимая что покореніе Афганистана поставитъ Англію и Россію лицомъ къ лицу, и что Россію самая необходимостъ безопасности въ ея настоящемъ положеніи можетъ вынудить на дѣйствіе, говоритъ что „это дѣйствіе рано или поздно неизбежно, и ничто его не предотвратитъ, развѣ только расторженіе или полный разгромъ (*discomfiture*) той Россіи какую мы знаемъ.“ Полное разстройство и паденіе вполне удовлетворило бы Англію.

Вотъ такъ и только такъ мы можемъ угодить англійской политикѣ. Она будетъ довольна если мы будемъ бездѣйственно отступать предъ ней. Она будетъ еще довольнѣе если мы будемъ способствовать ей въ ея планахъ противъ насъ. Она будетъ еще довольнѣе если мы сами будемъ бить себя, и останется вполне довольна когда мы добьемъ себя.

№ 300.

Москва, 24-го ноября.

Императоръ Вильгельмъ возвратился вчера въ Берлинъ послѣ продолжительнаго отсутствія, и въ тотъ же день снова принялъ въ свои руки управленіе государствомъ переданное послѣ покушенія Нобилинга на слѣдному принцу. Населеніе Берлина воспользовалось этимъ случаемъ чтобъ устроить Императору восторженный приемъ о коемъ извѣстилъ насъ вчера вкратцѣ телеграфъ. Приемъ былъ дѣйствительно величественный, судя по описаніямъ приготовленій переполнявшимъ до вчерашняго дня берлинскія газетныя. Императоръ горячо благодарилъ за эту патріотическую встрѣчу. Но его рѣчь, какъ и самая встрѣча, носила на себѣ отпечатокъ и слѣдъ мрачныхъ событій вызвавшихъ эту демонстрацію. Въ трогательныхъ выраженіяхъ маститый монархъ высказалъ волновавшія его при этомъ чувства, и всѣ, конечно, вполне сочувствовали ему когда онъ говорилъ что „сердце его обливалось кровью больше чѣмъ раны“ нанесенныя ему злодѣйскою рукой. Твердое намѣреніе Германскаго правительства бороться сильною рукой противъ глубокаго общественнаго зла, раскрытаго покушеніями, высказано съ полною ясностью въ этой первой манифестаціи императора которою

ознаменовалось его возвращеніе къ отправленію своихъ высокихъ обязанностей. Онъ благодарилъ за принятіе закона о социалистахъ и выразилъ желаніе чтобъ исполнительныя власти энергическимъ и всесторонне-справедливымъ дѣйствіемъ способствовали тому чтобы намѣреніе закона было исполнено и цѣль его достигнута.

Законъ о социалистахъ, впрочемъ, отнюдь не оставался мертвою буквой. Съ самаго дня его обнародованія, правительство пользовалось имъ для безпощаднаго преслѣдованія многоразлично развѣтвленной социалистской пропаганды. Каждый день *Имперскій Указатель* приводилъ длинные списки воспрещенныхъ сообществъ и союзовъ, равно какъ и произведеній печати и періодическихъ изданій. Изъ весьма многочисленныхъ социалистскихъ органовъ, едва ли хотя одинъ остался въ живыхъ уже теперь (спустя лишь полтора мѣсяца послѣ изданія закона). Доктринеры либерализма настойчиво противились въ рейхстагѣ тому параграфу законопроекта въ силу коего правительство предполагало сразу запретить всѣ періодическія изданія служащія для цѣлей пропаганды; но это ни къ чему не послужило: съ тѣхъ поръ, какъ сказано, запрещеніе, и притомъ полное, постигло всѣ изданія социалистской печати, и не было ни одного примѣра чтобы вмѣстѣ съ запрещеніемъ отдѣльнаго номера, содержащаго статью преступнаго содержанія, не послѣдовало и окончательное прекращеніе изданія.

Германскія власти не оставили безъ вниманія и русскую такъ-называемую „заграничную литературу.“ Въ перечнѣ запрещенныхъ изданій, печатаемомъ въ *Имперскомъ Указателѣ*, мы встрѣтили на дняхъ русскій листокъ *Набатъ, органъ русскихъ революціонеровъ*, издаваемый въ Швейцаріи, и еще одну фотографическую группу которая распространяема была изъ Шюренберга: на этой группѣ изображены были портреты шести русскихъ нигилистовъ осужденныхъ въ разное время за революціонную пропаганду, съ соответствующимъ „восхваленіемъ“ на русскомъ языкѣ.

Законъ о социалистахъ заключаетъ въ себѣ, какъ извѣстно, и спеціальныя правила о мѣрахъ еще болѣе строгихъ, равняющихся осадному положенію, которыя предоставляется принять на случай неминуемо-угрожающей опасности общественному спокойствію. Прусское правительство

сочло нужнымъ воспользоваться этимъ чрезвычайнымъ средствомъ наканунѣ пріѣзда императора Вильгельма въ Берлинъ. Разрѣшеніе объявить такъ-называемое гражданское осадное положеніе дается на одинъ годъ Союзнымъ Совѣтомъ, и Прусское министерство испросило это разрѣшеніе 28 ноября. Въ тотъ же день Союзный Совѣтъ единогласно утвердилъ представленіе Прусскаго правительства, и въ тотъ же самый день оно было обнародовано. Впрочемъ, Прусское правительство воспользовалось не всюю полнотою чрезвычайныхъ полномочій предоставляемыхъ 28 параграфомъ закона о социалистахъ. Осадное положеніе ограничивается запрещеніемъ носить всякаго рода оружіе и имѣть у себя какія-либо взрывныя вещества, да высылкою лицъ присутствіе коихъ признается опаснымъ для общественнаго спокойствія. Мѣра эта распространяется на Берлинъ, Потсдамъ, Шарлоттенбургъ съ ихъ округами.

Что собственно побудило прусскія власти прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, въ точности неизвѣстно. Правительство обязано отдать отчетъ о причинахъ побудившихъ его къ принятію подобнаго рѣшенія лишь имперскому рейхстагу, который теперь не заседаетъ. Но ожидаютъ что оно дастъ по этому поводу объясненія въ Прусскомъ ландтагѣ, который теперь въ сборѣ, а партія прогрессистовъ на всякій случай рѣшилась сдѣлать запросъ. Въ первые два дня по обнародованіи осаднаго положенія Берлинская полиція уже объявила 57 лицъ, подлежащихъ изгнанію изъ Берлина, съ предвареніемъ что если они не выѣдутъ въ теченіе трехъ дней, то будутъ принудительно выслазы. Въ числѣ изгнанныхъ находятся Гассельманъ и Фритше, депутаты рейхстага.

Все берлинскія газеты согласны въ томъ что эта мѣра, принятая наканунѣ пріѣзда императора, имѣетъ связь съ этимъ пріѣздомъ, и предназначалась главнымъ образомъ къ огражденію безопасности династической. По словамъ *Кельнской Газеты*, предложеніе внесенное въ Союзный Совѣтъ было мотивировано тѣмъ, что правительство имѣетъ свѣдѣнія о продолжающейся среди нѣмецкихъ социалистовъ тайной агитаціи. Сверхъ того, имѣются достовѣрныя свѣдѣнія о приобрѣтеніи и изготовленіи разрушительныхъ снарядовъ. Въ офиціозной же замѣткѣ сообщенной берлинскимъ газетамъ по этому поводу

сказано между прочимъ слѣдующее: „Агитація содѣланная съ поверхности дѣлаетъ попытки организовать тайно, и по полученнымъ свѣдѣніямъ агитація въ этомъ направленіи зашла уже довольно далеко. Довѣрно что по всей имперіи и особенно въ Берлинѣ распростирались сѣти небольшихъ кружковъ сносящихся между собою чрезъ своихъ довѣренныхъ лицъ и повинующихся паролю главныхъ вожаковъ, и имѣются положительныя данныя что эта организація состоитъ въ тѣсной связи съ вожаками интернаціоналки.“ Центральнымъ пунктомъ этой тайной организаціи избранъ, согласно тому же сообщенію Берлинъ.

Одновременно и прочія правительства принялись съ болѣею энергіей за подавленіе злокачественной пропаганды. Недавнее покушеніе на жизнь Италіанскаго короля и послѣдовавшія затѣмъ злодѣянія въ разныхъ пунктахъ Италіи заставили и „радикальное“ министерство Каироли отступить отъ предвзятыхъ доктринъ. Всѣ „клубы Борзанти“, служившіе въ Италіи главными очагами революціонной пропаганды, объявлены надняхъ закрытыми. Сверхъ того, правительство намѣрено внести въ парламентъ законопроектъ сходный съ нѣмецкимъ закономъ о социалистахъ, требуя чтобы ему предоставлены были средства для болѣе энергической борьбы противъ пропаганды интернаціоналки, находившей себѣ до сихъ поръ особенно благопріятную почву въ Италіи.

При этомъ нельзя однако не отмѣтить что учащаяся молодежь, въ особенности студенты италіанскихъ университетовъ, не только непричастны этой пропагандѣ, но напротивъ повсюду являются въ первыхъ рядахъ тѣхъ грандіозныхъ патріотическихъ демонстрацій коими Италіанскій народъ выказалъ недавно свой протестъ противъ злодѣйскаго покушенія на жизнь короля Гумберта. Въ толпу студентовъ въ Пизѣ была брошена одна изъ орсиніевскихъ бомбъ, коими бандиты мстили народу за его негодование противъ гнуснаго преступленія Пассананте.

№ 301.

Москва, 25-го ноября.

Истекшая недѣля была обильна событіями. Пребываніе Государя Императора въ

Его первопрестольной столицѣ и достопамятныя слова произнесенныя Его Величествомъ въ Кремлѣ; затѣмъ возвращеніе императора Германскаго въ свою столицу и принятіе имъ снова въ свои руки управленія. Наконецъ телеграфъ извѣстилъ о неожиданной перемѣнѣ полного состава министерства въ Константинополѣ и объ открытіи Англійскаго парламента на необычную осеннюю сессію, вынужденную Афганскою войною. Тронная рѣчь королевы, прочтенная при открытіи парламента, отличается краткостью и безцвѣтностью. Думаютъ что эта рѣчь была измѣнена въ послѣднюю минуту, вслѣдствіе успокоительныхъ увѣреній данныхъ Русскимъ правительствомъ. Мы впрочемъ не помнимъ чтобы тронныя рѣчи королевы когда-либо отличались особенною цвѣтностью. За исключеніемъ только случаевъ когда Англія находится въ войнѣ, королева всегда увѣряетъ что пребываетъ въ наилучшихъ и самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ правительствамъ. То же и въ нынѣшней рѣчи. Спеціальная же черта рѣчи, въ отношеніи къ настоящему европейскому положенію, есть заявленіе что распорядки Берлинскаго трактата, какъ имѣетъ основаніе думать ея Британское величество, будутъ исполнены съ успѣхомъ. Но въ какомъ смыслѣ съ успѣхомъ? Если въ англійскомъ, то успѣхъ не можетъ быть желателенъ ни въ интересахъ Востока, ни въ интересахъ человѣчества, не говоря уже о Россіи.

Дѣйствительное значеніе въ парламентскихъ дѣлахъ имѣютъ не тронныя рѣчи, а объясненія министерства. Въ эту экстренную сессію главнымъ предметомъ пререканій будутъ Афганскія дѣла. Но, какъ уже можно видѣть, оппозиція и на этотъ разъ будетъ также безсильна и ничтожна какъ въ прошедшую сессію. Во время парламентскихъ вакацій, на митингахъ только и слышались что запальчивыя изобличенія министерской политики. Но едва открывается парламентъ, оппозиція сглаживается. Всего за четыре дня до открытія парламента, г. Гладстонъ, на многолюдномъ митингѣ въ Гриничѣ, громилъ Афганскую войну какъ несправедливую. „Внѣшній успѣхъ, говорилъ онъ, не всегда можетъ утишить, не всегда можетъ заглушить вѣстника совѣсти. Въ вѣчныхъ законахъ міра Божьяго написано что за грѣхомъ слѣдуетъ страданіе. Меня тревожитъ что эта война ока-

жется совершенно неправою. Если такъ, то мы подпадемъ подъ ударъ вѣчнаго закона что за грѣхомъ слѣдуетъ страданіе. И день наступитъ, рано или поздно, когда Англійскій народъ узнаетъ что національная несправедливость есть вѣрнѣйшій путь къ національному паденію.“ Но вотъ, по открытіи парламента, внесеніе предложенія о порицаніи политики правительства предоставлено независимому, то-есть не имѣющему никакого вліянія, одиночному члену; регулярные же вожди оппозиціи, лордъ Гранвиль въ палатѣ лордовъ и его намѣстникъ лордъ Гартингтонъ въ палатѣ общинъ, остаются въ сторонѣ. Есть стало-быть, кромѣ сознанія себя въ меньшинствѣ, нѣкая сильная причина которая въ теченіе двухъ лѣтъ парализуетъ оппозицію въ Англіи. Твердое сознаніе въ правотѣ своего взгляда не дало бы ей спасовать предъ большинствомъ въ палатахъ и энергическій протестъ далъ бы ей случай прямо стать предъ страной при будущихъ выборахъ. Уклончивость вождей оппозиціи показываетъ что они въ сущности вовсе не претендуютъ на политику правительства, либо сознаютъ свое безсильіе предъ *force majeure*. Ни для кого не тайна что королева всею силой своего авторитета поддерживаетъ нынѣшнее министерство, и мы видимъ что регулярная оппозиція ни разу не рѣшилась дать или принять генеральную битву въ парламентѣ.

Перемѣны въ турецкомъ министерствѣ возбуждаютъ болѣе интереса по своей неожиданности. Вмѣсто Сафветъ-паши, великимъ визиремъ назначенъ Херединъ-паша, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовала смѣна всѣхъ другихъ министровъ, включая даже шейхъ-юль-ислама. Назначеніе новаго визиря сопровождалось султанскимъ гатомъ на его имя, съ выраженіемъ желанія чтобы Турція вполнѣ и безъ замедленія воспользовалась благами мира и реформъ вынуждаемыхъ духомъ времени. Какое значеніе этихъ перемѣнъ? Одновременно съ извѣстіями о нихъ, телеграммы передаютъ что Турки, повидимому, начинаютъ сближаться съ Россіей. Въ константинопольскихъ корреспонденціяхъ послѣднихъ нумеровъ англійскихъ газетъ, писанныхъ прежде министерскаго кризиса, находимъ указанія которыми повидимому подтверждаются эти слухи. Судя по нимъ, положеніе министерства Сафветъ-паши уже нѣсколько времени предъ тѣмъ было весьма

шатко. Константинопольскій корреспондентъ *Pall Mall Gazette*, въ письмѣ отъ 26 ноября, жаловался что султанъ внѣ кабинета ищетъ себѣ довѣренныхъ совѣтниковъ, изъ коихъ особымъ расположеніемъ его пользовались де престарѣлый Намыкъ, гази Османъ и Фуадъ. О послѣднихъ двухъ корреспондентъ отзывался что они, какъ люди военные, ничего не понимаютъ въ политическихъ дѣлахъ, а Намыка прямо упрекалъ за пристрастіе къ Россіи. Онъ же писалъ что оппозиція встрѣчаемая Сафветомъ во дворцѣ поддерживала хроническій министерскій кризисъ. Корреспондентъ *Times*, въ телеграммѣ отъ 28 ноября, уже передавалъ слухи о предстоящихъ министерскихъ перемѣнахъ, выставляя причиной ихъ обратный вызовъ въ Константинополь Саидъ-паши, губернатора Бруссъ. Этотъ Саидъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Саидомъ, англофиломъ, бывшимъ гофмаршаломъ, былъ долгое время секретаремъ султана, пользовался всегда особеннымъ фаворомъ его, и, по увѣренію англійскихъ корреспондентовъ, имѣлъ во все время войны вредное (то-есть въ англійскомъ смыслѣ вредное) на него вліяніе. Креатура Леярда, Ахмедъ-Вефикъ-паша, въ бытность свою великимъ визиремъ, требовалъ его удаленія, и отказъ султана исполнить такое давленіе на его волю со стороны министра былъ причиной почему Вефикъ самъ подалъ въ отставку. Султанъ, принявъ ее, будто бы „для удовлетворенія общественнаго мнѣнія,“ одновременно отправилъ и Саиду губернаторомъ въ Бруссу. Въ послѣднее время, однако, Саидъ былъ вновь вызванъ въ столицу султаномъ, который прочилъ де его на министерскій постъ, чему однако противился Сафветъ, угрожая даже отставкой. Сообщая эти извѣстія, корреспондентъ *Times* прибавлялъ что, „по мнѣнію дипломатическихъ сферъ, отставка Сафветъ-паши будетъ серіознымъ несчастіемъ.“

И такъ, можно пока догадываться что перемѣна совершилась вопреки англійскимъ желаніямъ. О личности новаго великаго визиря Хереддина весьма мало извѣстно. Онъ выдвинулся на службу у Тунисскаго бей, гдѣ вся политика сводится къ борьбѣ французскаго вліянія съ италіянскимъ. Когда сторонникъ перваго, Мустафа-Казнадаръ, палъ въ 1873 году, то его и замѣнилъ Херединъ. Но онъ, какъ увѣряютъ, вскорѣ оказался не по-

датливымъ никакому иностранному вліянію, и обнаружилъ будто бы большія способности и честность. Онъ былъ противъ всякаго, кромѣ турецкаго, протектората надъ Тунисомъ и, наконецъ, благодаря стараніямъ французскаго консула, г. Руста-на, былъ свергнутъ. Мѣсяца два тому назадъ, онъ прибылъ въ Константинополь, былъ весьма милостиво принятъ султаномъ и назначенъ президентомъ финансовой коммисіи. Теперь онъ назначенъ великимъ визиремъ, и по тунисскимъ его антецедентамъ можно предположить что онъ едва ли будетъ такимъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Леярда какимъ былъ Сафветъ. Притомъ мы видимъ что въ составъ его кабинета вошли, съ должностями министровъ юстиціи и военнаго, именно Саидъ и Османъ. Кромѣ того, нельзя пройти молчаніемъ что въ новомъ кабинетѣ участвуютъ два христіанина: министръ иностранныхъ дѣлъ Каратеодори-паша, и министръ публичныхъ работъ Савва-паша... Впрочемъ, со времени подписанія Санъ-Стефанскаго договора мы видѣли уже пять перемѣнъ правительственнаго персонала въ Турціи: великаго визиря Мегмедъ-Рюшди смѣнилъ Ахмедъ-Вефикъ; этого замѣнилъ Садыкъ; послѣдняго Сафветъ, а нынѣ онъ уступаетъ мѣсто Хередину. Надолго ли?

Но что намъ до турецкаго правительственнаго персонала! Печальныя вѣсти доходятъ до насъ изъ этой бѣдной южной Болгаріи—Восточной Румелии хотѣли мы сказать, — печальныя, но изъ хорошихъ источниковъ. Дѣло вообще въ томъ что русскіе чиновники набранные отовсюду и насованные тамъ вездѣ, повидимому очень стараются чтобы въ этомъ злополучномъ краѣ, именно между болгарскими населеніями, не оставалась слишкомъ добрая память о русскомъ управленіи и чтобы они не слишкомъ тосковали по Русскимъ переходя къ Туркамъ. Можетъ-быть эти русскіе чиновники именно и стараются подготовить румелійскихъ Болгаръ къ переходу подъ турецкое управленіе, въ чемъ, говорятъ, и успѣваютъ. Болгары смущены, Англичане потираютъ себѣ руки, а Турки смѣются.... Грустно и стыдно!

Непонятно почему самихъ Болгаръ устраиваютъ отъ общественныхъ должностей. Не въ томъ ли главнымъ образомъ должно бы состоять русское управленіе этимъ краемъ чтобы привлечь самихъ Болгаръ къ дѣламъ и приучить ихъ къ самоуправле-

нію? Не лучше ли было бы вмѣсто *русскихъ* чиновниковъ, нахватанныхъ съ разныхъ сторонъ, ставить на должности мѣстныхъ жителей, по выбору, но подъ высшимъ контролемъ русскихъ властей? Не въ этомъ ли задача администраціи временно занимаемаго нами края? Увы, бѣдные мы!

№ 303.

Москва, 27-го ноября.

Завтра, 28 ноября, минетъ ровно годъ по паденіи Плевны. Въ этотъ день сорокатысячная армія Османъ-паши, разбившись о штыки двухъ гренадерскихъ дивизій, сдалась на милость побѣдителя.

Ровно годъ прошелъ съ того времени, но въ памяти еще такъ свѣжо впечатлѣніе. *Плевна пала*, вѣсть эта съ магическою быстротою разнеслась повсюду въ незабвенный вечеръ 28 ноября. Это была не только всеобщая, это была для каждого какъ бы своя личная радость.

Въ день годовщины естественно придти на память пятимѣсячный періодъ напряженія всѣхъ силъ Дѣйствующей Арміи, всѣ перипетіи кровавой драмы до прибытія подкрѣпленій. Рядъ успѣховъ, начавшійся блистательнымъ переходомъ черезъ Дунай; за которымъ послѣдовалъ также блистательный перелетъ черезъ Балканы, вдругъ прервался неожиданнымъ извѣстіемъ о неудачѣ постигшей дивизію генерала Шильдеръ-Шульднера. Впервые произнесено было роковое имя Плевны. Краткія извѣстія о передвиженіи нашихъ войскъ уже указали на тяготѣніе ихъ къ новому центру, разомъ остановившему наступательныя движенія.

День 18 іюля обнаружилъ геройскій духъ нашей молодой, еще необстрѣленной арміи; тѣмъ болѣзненнымъ повсюду чувствовалась неудача атаки. Неудача была очевидная; стала очевидна и причина неудачи: ошибочность первоначальнаго плана кампаніи, крайняя недостаточность силъ двинутыхъ въ Турцію. Съ этого роковаго дня Плевна приковала къ себѣ всеобщее вниманіе; взоры всей Россіи устремились на берега Вида; всѣ сознавали что здѣсь, на маломъ пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, идетъ дѣло о чести Россіи.

Воликимъ счастіемъ было присутствіе

Государя Императора на театрѣ войны. За Дунаемъ, въ селеніи Бѣлѣ, было рѣшено дальнѣйшее направленіе кампаніи. Получивъ извѣстіе о вторичной неудачѣ постигшей наши войска подъ укрѣпленіями Плевны, Его Величество изволилъ немедленно послать въ Тырново телеграмму къ Великому Князю главнокомандующему съ приглашеніемъ прибыть въ Бѣлу, куда былъ также вызванъ и Августѣйшій командиръ Руцукскаго отряда, Наслѣдникъ Цесаревичъ, „Государь казался совершенно спокойнымъ, пишетъ графъ Соллогубъ въ своемъ *Дневникѣ*, и за обѣдомъ принималъ участіе въ разговорѣ, а по прибытіи Главнокомандующаго былъ устроенъ военный совѣтъ рѣшившій дальнѣйшія операціи. 20 іюля, послѣ отбытія Главнокомандующаго по направленію къ Плевнѣ, Государь вышелъ къ завтраку и обратившись къ присутствовавшимъ сказалъ: „Сегодня въ Петербургѣ большая радость. Я телеграфировалъ чтобы гвардія, кромѣ кирасиръ, немедля выступала на Дунай.“

Такъ рѣшено было усиленіе арміи, и не только гвардіей, но и частями войскъ изъ Польши и другихъ мѣстностей, всего въ количествѣ 180.000 человекъ.

Но подкрѣпленія изъ мѣстностей столь отдаленныхъ не могли явиться съ желаемою скоростью. Потребовалось не менѣе двухъ мѣсяцевъ для окончательнаго сосредоточенія ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. А между тѣмъ непріятель употреблялъ всѣ усилія чтобы воспользоваться выгодами своего численнаго перевѣса. Съ юга и востока ломились сильныя арміи на соединеніе съ засѣвшимъ въ окопы Османомъ.

Шипка, бѣшеные приступы Сулеймана, горсть героевъ отбивавшихся отъ шестидесятитысячной арміи, эти изумительные бои изо дня въ день... Боже, съ какимъ замираніемъ сердца слѣдили мы за ними! Многимъ ли изъ Шипкинскихъ орловъ довелось возвратиться на родину! Но они сослужили великую службу. Шипкинскіе бои станутъ народнымъ сказаніемъ.

Дѣйствіе Руцукскаго отряда сдерживали напоръ всѣхъ силъ сосредоточенныхъ въ знаменитомъ четырехъ-угольникѣ: Турки не смогли воспользоваться ни выгодами положенія, ни превосходствомъ числа и наконецъ понесли жестокое пораженіе подъ Церковною, принудившее ихъ къ отступленію по всей линіи.

Пока такимъ образомъ по дугѣ нашихъ растянутыхъ позицій шли ожесточенные бои, въ центрѣ ея, вокругъ Плевны, мало-по-малу усиливался осаждавшій отрядъ прибывавшими подкрѣпленіями.

19 августа мы имѣли подѣ Плевной первую значительную удачу. Сильная вылазка Османъ-паши, въ количествѣ не менѣе 30 таборовъ пѣхоты, въ направленіи къ деревнямъ Сгалевицамъ и Пелишатъ, была блистательно отброшена. Дѣло это ободрило войска осаждаващаго отряда, обреченнаго на тяжелую службу, и быть-можетъ подѣ впечатлѣніемъ этой удачи рѣшено было снова штурмовать Плевнинскія позиціи 30 августа, къ чему также побуждалъ и возраставшій напоръ турецкихъ армій стремившихся къ соединенію съ Османомъ. Были совершены чудеса мужества, отваги и самоотверженія, но нельзя было одолѣть окопы превосходнаго числомъ противника: осыпавшаго наступавшія войска градомъ пуль изъ своихъ магазинныхъ ружей. Неудачное направленіе боя выяснилось уже въ началѣ когда, не дождавшись условленнаго часа общаго приступа, нѣкоторые полки 4-го корпуса вовлеклись въ преждевременное наступленіе.

Тяжела была эта неудача, но, слава Богу, это была уже послѣдняя.

Давно ожидающія подкрѣпленія стали прибывать чуть не ежедневно. День взятія Горнаго Дубняка, 10 октября, былъ уже началомъ ея паденія. Сдавленная желѣзнымъ кольцомъ осады и отрѣзанная гвардейскимъ корпусомъ отъ Орханіе, Плевнинская армія была уже почти въ плѣну.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый день. Близость нашихъ позицій со времени занятія Зеленыхъ Горъ генераломъ Скобелевымъ 2-мъ слишкомъ беспокоила противника и вынуждала его къ неестественному напряженію силъ. Османъ-паша оставались два исхода: сдаться на капитуляцію или пробиваться сквозь линію блокады. Османъ рѣшилъ послѣднее, и на разсвѣтъ 28 ноября съ сорокатысячною силою опрокинулся на сѣверо-восточныя позиціи наши, занятыя двумя гренадерскими дивизіями.

Стремительность натиска была такъ велика, что несмотря на отчаянное сопротивленіе Сибирскій гренадерскій полкъ былъ выбитъ изъ ложементовъ. Но торжество противника было кратковременно;

подоспѣвшіе другіе полки гренадерскихъ дивизій: Астраханскій, Самогитскій, Фангорійскій, Малороссійскій, быстро опрокинули всю непріятельскую армію и принудили ея вожда къ безусловной сдачѣ. Трофеями Плевнинской осады были главнокомандующій, 10 пашей, 120 штаб-офицеровъ, 2.000 оберъ-офицеровъ, 40.000 нижнихъ чиновъ, 1.200 всадниковъ, 77 орудій и множество припасовъ.

Затѣмъ послѣдовали побѣда за побѣдой. Генераль Гурко, столь достойно украшенный вчера въ Георгіевскій день, совершилъ послѣ взятія Горнаго Дубняка вторичный переходъ чрезъ Балканы, ознаменованный стратегическими маневрами которые сберегли намъ столько дорогой русской крови. Но еще прежде чѣмъ какая-либо часть Западнаго отряда, занятаго разборкой плѣненной арміи, могла, покинуть свои позиціи, и пойти въ подкрѣпленіе генераламъ Гурко и Радецкому, войска Наслѣдника Цесаревича одержали рѣшительную побѣду надъ Восточною турецкою арміей. Главнокомандующій турецкими силами въ пространствѣ четырехъугольника крѣпостей, Сулейманъ-паша, еще не имѣя извѣстій объ участи постигшей его товарища, рѣшилъ энергическимъ нападеніемъ на лѣвый нашъ флангъ произвести диверсію въ пользу Османа. 30 августа, съ главными силами своей арміи, онъ обрушился на лѣвый флангъ Руцукскаго отряда у селеній *Мечка* и *Трестяникъ*, но былъ въ двухъ кровопролитныхъ сраженіяхъ совершенно разбитъ войсками Цесаревича подѣ личною командой Его Высочества и Великаго Князя Владиміра Александровича. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ сдачи Плевны генераль Радецкій, герой Шипки, послѣ блистательнаго боя взялъ въ плѣнъ всю турецкую Шипкинскую армію; а перешедшая черезъ Балканы гвардія и другія части Западнаго отряда, въ трехдневномъ бою подѣ Филиппополемъ, уничтожили послѣднія силы Сулеймановскихъ полчищъ.

Русская армія въ число самыхъ славныхъ дней своей лѣтописи внесетъ день 28 ноября, а русская военная наука почерпнетъ поучительныя соображенія изъ предшествовавшихъ этому дню событій.

№ 304.

Москва, 28-го ноября.

Мы воспроизвели вчера *in extenso* странную рѣчь произнесенную графомъ Андраши 30 ноября въ финансовой комиссіи австрійской делегаціи. Извлеченіе этой рѣчи переданное въ Россію услужливымъ вѣнскимъ телеграфомъ было лишь блѣдною копіей этого „блестящаго“ оправданія всей бывшей дѣятельности графа Андраши, всей его политики по Восточному вопросу. Въ первый разъ объясненія австро-венгерскаго канцлера по сему предмету оглашены цѣликомъ; во всѣ прежніе годы со времени возникновенія восточныхъ замѣшательствъ объясненія графа Андраши предъ делегаціями давались при закрытыхъ дверяхъ и съ обязательствомъ со стороны членовъ делегацій хранить оныя въ тайнѣ, а публикѣ сообщалось лишь краткое извлеченіе. Нынѣ нѣтъ болѣе надобности носить маску, и руководитель австро-венгерской политики счелъ возможнымъ высказаться публично съ полною откровенностью и подвести итогъ тому чего онъ достигъ. Итогъ этотъ самъ графъ Андраши выражаетъ двумя словами: „Берлинскій трактатъ. Я самъ признаю,“ говоритъ онъ, „что результатомъ моей *сесильней* дѣятельности должно быть признано положеніе которое заняла наша монархія послѣ Берлинскаго конгресса. „Если вы признаете этотъ результатъ дурнымъ, тогда нѣтъ надобности защищаться въ остальномъ, ибо это будутъ лишь „пункты второстепенной важности.“ Затѣмъ слѣдуетъ подробное изложеніе того что Австріей достигнуто чрезъ Берлинскій трактатъ. Вся фальшь которая скрывалась подъ личиною дружбы къ Россіи выступаетъ здѣсь безъ прикрасъ. Въ дѣйствительности графъ Андраши, какъ самъ онъ теперь признается, былъ одушевленъ лишь однимъ стремленіемъ быть помѣхой Россіи во всѣхъ ея начинаніяхъ на Востокѣ и свести дѣло къ тому чтобъ Австрія въ ущербъ Россіи воспользовалась выгодами войны вся тяжесть которой пала на Россію. Чтобъ это доказать графъ Андраши сопоставляетъ несостоявшійся Санъ-Стефанскій договоръ, косяго успѣхъ онъ также ставитъ себѣ въ заслугу, съ Берлинскимъ трактатомъ, въ коемъ, какъ мы теперь узнаемъ, должно видѣть исклю-

чительно успѣхъ Австріи. Помимо „европейскихъ“ интересовъ огражденных послѣднимъ трактатомъ, графъ Андраши дѣлаетъ перечень специальныхъ выгодъ пріобрѣтенныхъ Австріей. Расширеніе Сербіи и Черногоріи, проектированное Санъ-Стефанскимъ договоромъ, было второстепеннымъ вопросомъ для прочихъ державъ; но для Австріи недопущеніе такого расширенія имѣло первостепенную важность. Конгрессъ вполне уважилъ требованія Австріи: Сербія была урѣзана со стороны Новаго Базара и Митровицы, и расширеніе ея допущено лишь въ сторону Болгаріи, которое не затрагиваетъ стратегическихъ и торговыхъ интересовъ Австріи. Точно также урѣзаны были предположенные приращенія Черногоріи. Санъ-Стефанскій договоръ настолько приблизилъ одну къ другой границы Сербіи и Черногоріи что оставленная за Турціей узкая полоса грозила „отрѣзать Австрію отъ Востока.“ Конгрессъ не только значительно расширилъ эту полосу, но оставивъ оную во власти Турціи, далъ Австріи право пролагать по ней дороги и содержать тамъ свои гарнизоны. Черногоріи предоставлена лишь гавань Антивари, но безъ права имѣть военныя суда и съ обязательствомъ срыть всѣ прибрежныя укрѣпленія; Австріи же дана гавань Спидца безъ всякихъ ограниченій и съ правомъ пролагать дороги по прибрежной полосѣ уступленной Черногоріи. Сверхъ того, конгрессъ удержалъ въ силѣ всѣ постановленія относящіяся до огражденія торговыхъ интересовъ Австріи на Востокѣ, возложивъ на Болгарію и Сербію точное исполненіе трактатовъ прежде заключенныхъ по этому предмету между Австріей и Портою. Наконецъ огражденіе свободы Дуная представлено исключительно Австріи, такъ какъ въ ея руки отдано регулированіе теченія рѣки у Желѣзныхъ Воротъ. Болѣе же всего дипломатическое торжество Австріи выразилось де въ „европейскомъ мандатѣ“ на занятіе Босніи и Герцеговины. Съ болѣею ловкостью графъ Андраши постарался доказать что это занятіе было неизбежнымъ условіемъ дѣйствительнаго исполненія той миссіи на Востокѣ которую Берлинскій конгрессъ, по его словамъ, возвелъ на степень общевропейскаго политическаго принципа. Занятіе совершилось де не ранѣе и не позднѣе того момента когда оно стало необходимымъ. Оно рав-

но де необходимо какъ для поддержанія существованія Турціи, такъ и на тотъ конецъ; еслибы Турція, несмотря на заботливость о ней Европы, оказалась неспособною къ жизни. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Австрія получаетъ въ этихъ провинціяхъ „оборонительный пунктъ.“ Не трудно изъ этого вывести отвѣтъ на вопросъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Австріи по отношенію къ этимъ провинціямъ. Графъ Андраши не одинъ, а нѣсколько разъ въ своей рѣчи высказываетъ сомнѣнія на счетъ жизне-способности Турціи. Само собою поэтому разумѣется что Австрія не выпуститъ изъ своихъ рукъ „оборонительнаго пункта“ пока эти сомнѣнія существуютъ, то-есть пока *вопросъ*, именующій Восточнымъ, не получитъ окончательнаго разрѣшенія.

Объ одномъ только умолчалъ графъ Андраши: о томъ что вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ былъ дѣломъ рѣшеннымъ между Австріей и Россіей еще въ то время когда Австрія слыха ея союзникомъ и предполагалось что обѣ державы, при дружественномъ и безкорыстномъ участіи Германіи, сами разрѣшатъ ближе всего ихъ затрагивающія затрудненія на Балканскомъ полуостровѣ, не привлекая къ этому дѣлу „Европы“ и не прибѣгая къ войнѣ.

При дружномъ содѣйствіи Австріи и Россіи Турція едва ли отважилась бы на открытое сопротивленіе, а еслибы дѣло и дошло до этого, то война во всякомъ случаѣ не стоила бы и десятой доли тѣхъ жертвъ которыя пришлось принести Россіи въ виду того что Австрія тотчасъ по объявленіи войны приняла угрожающее положеніе и сохранила его до тѣхъ поръ пока Берлинскій трактатъ не увѣнчалъ „семилѣтнихъ“ усилій графа Андраши тѣми блестящими результатами коими онъ теперь такъ кичится. Тройной Союзъ могъ бы дать Австріи то же самое; но тогда Австрія вынуждена была бы дѣйствовать заодно съ Россіей и споспѣшествовать дѣйствительному освобожденію христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова отъ мертвящаго ига. А мы теперь знаемъ изъ устъ самого officialнаго представителя австрійской политики что вражда къ Россіи, къ ея законнымъ стремленіямъ на Востокъ и къ естественному, исторически-неизбѣжному развитію вещей на Балканскомъ полуостровѣ есть главная пружина всѣхъ успѣхъ Австріи и конечная цѣль

долголѣтней политики ея канцлера. Тройной Союзъ былъ лишь маневромъ для достиженія указанной цѣли. Вотъ почему графъ Андраши о немъ ни словомъ не упоминаетъ въ своемъ обзорѣ семилѣтней политики. Средство это брошено по минованіи въ немъ надобности, и теперь Австрія выставляетъ себя „европейскою необходимостью;“ ей даны всѣ льготы и предоставлены всяческія выгоды дабы служить оплотомъ *противъ* Россіи. Вотъ почему графъ Андраши выставлетъ лозунгомъ и дальнѣйшей своей политики „исполненіе Берлинскаго трактата.“

Но для характеристики той силы которую, по словамъ графа Андраши, „Европа“ такъ заботливо надѣлила всѣми благами дабы воздвигнуть изъ нея оплотъ противъ Россіи, нельзя не указать на то что всѣ аргументы графа Андраши остались тщетны даже предъ тою единственною партіей въ Австріи которая нынѣ представляетъ собою ея обще-государственную идею. Австро-нѣмецкіе централисты нисколько не убѣдились доводами мадьярскаго канцлера и попрежнему яростно критикуютъ его образъ дѣйствій. Оппозиція эта, правда, ни къ чему не ведетъ, и въ концѣ концовъ делегація австрійскаго рейхсрата разрѣшила, хотя и подъ видомъ временнаго кредита и съ оговоркой, что этимъ отнюдь не берется назадъ выраженное графу Андраши порицаніе, ту именно сумму которая была потребована правительствомъ на покрытіе чрезвычайныхъ издержекъ. Тѣмъ не менѣе характеристично то что главный органъ этой партіи, *Neue Freie Presse*, настойчиво доказываетъ что Берлинскій трактатъ отнюдь не уполномочилъ Австрію на окончательное пріобрѣтеніе Босніи и Герцеговины.

Но если такъ говорятъ въ самой Австріи, то не въ правъ ли Россія утверждать что Берлинскій трактатъ несовѣщенъ только для того составленъ чтобъ отгнать ее отъ Востока. Россія сама въ этомъ трактатѣ участвовала и стало-быть имѣетъ также голосъ при истолкованіи его истиннаго смысла. Исполненіе трактата—о коемъ теперь толкуютъ со всѣхъ сторонъ, есть де не что иное какъ соблюденіе въ точности сроковъ назначенныхъ для пребыванія русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ. Мы же напротивъ думаемъ что русскія войска на Балканскомъ полуостровѣ составляютъ единствен-

ную реальную гарантію исполненія Берлинскаго трактата, что для этого они тамъ оставлены послѣ заключенія мира, а потому могутъ удалиться не прежде какъ по исполненіи онаго всѣми сторонами и во всѣхъ его частяхъ.

№ 305.

Москва, 29-го ноябрю.

Факты, приведенные въ №№ 284 и 295 *Московскихъ Вѣдомостей* привели многихъ въ недоумѣніе. Факты несомнѣнны, выводы вѣрны,—но какъ быть съ ними? Они требуютъ мысли способной вырабатывать понятія,—а если у насъ такой способности не имѣется, то остается отрицать фактъ, и смотря по степени умственной несостоятельности болѣе или менѣе неистово ругать тѣхъ кто на фактъ укажетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сравненіе экономическаго положенія Россіи *прежде и послѣ* войны приводитъ къ неожиданнымъ и страннымъ на первый взглядъ выводамъ. Прежде всего оказывается что война, со всѣми ея кровавыми ужасами, громадными издержками, многими и серьезными нарушеніями обычнаго теченія экономической жизни, не только не разорила страны, но напротивъ обозначилась подъемомъ народнаго благосостоянія. Война возвышаетъ народное благосостояніе! Чтò можетъ быть нелѣпнѣе?

Это, однако, не совсѣмъ нелѣпо. Войны войнамъ рознь, и экономическая наука не отрицаетъ благотворнаго вліянія *нѣкоторыхъ* войнъ на народный бытъ. Такое значеніе признается германскими экономистами; между прочимъ, за Австро-Прусскою войною 1866 года и, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, столь извѣстный у насъ г. Адольфъ Вагнеръ, поставивъ вопросъ: кто изъ разумныхъ нѣмецкихъ патріотовъ не захотѣлъ бы принести для славной войны 1866 года еще болѣе жертвъ чѣмъ какія были принесены? говорить: „Въ приведенномъ примѣрѣ послѣдовало благотворное превращеніе вещественнаго капитала въ невещественный. Вещественное; обыкновенное хозяйственное производство можетъ при помощи этого капитала, получить тѣмъ большее развитіе чѣмъ болѣе послѣднее не зависитъ отъ однихъ вещественныхъ

капиталовъ.“ *) Положимъ, наша недавняя война съ Турціей не увѣнчалась результатами которые могли бы идти въ сравненіе съ результатами Австро-Прусской войны 1866 года. „Они, какъ сказано въ правительственномъ сообщеніи, далеки отъ того на чтò Россія имѣла бы право разчитывать послѣ столькихъ жертвъ и послѣ славной войны.“ **) Но это не уменьшаетъ благотворнаго значенія „невещественнаго капитала“ созданнаго въ эту войну давно небывалымъ у насъ подъемомъ народнаго духа. Этотъ подъемъ народнаго духа, правда, не котируется на биржахъ и ни во чтò вмѣняется такъ называемыми „биржевыми зайцами“, но предъ нимъ благоговѣютъ люди способные постигать его значеніе и имѣющіе болѣе широкіе и просвѣщенные взгляды чѣмъ какихъ достаточно для разчета шансовъ биржевой игры и ожидаемыхъ отъ нея барышей.

Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, рѣчь идетъ не о невещественномъ капиталѣ могущемъ дать матеріальные результаты лишь съ теченіемъ времени, а о совершенно вещественномъ, оказавшемся уже нынѣ, вслѣдъ за войной, подъемъ народнаго благосостоянія въ Россіи. Признаки явно благопріятнаго поворота въ нашей экономической жизни послѣ тяжкаго кризиса бывшаго предъ войной и въ ея началѣ очевидны, и сомнѣваться въ нихъ нельзя: улучшеніе цѣнъ и небывалое усиленіе сбыта хлѣба, равно какъ оживленіе промышленности и торговли суть факты несомнѣнные, безспорные. Само собою разумѣется что эти факты не были прямымъ послѣдствіемъ пролитія крови и военныхъ издержекъ, но они были прямымъ результатомъ того что война прекратила вредное народному хозяйству дѣйствіе столь усердно практиковавшихся у насъ финансовыхъ мѣръ для насильственнаго держанія вексельныхъ курсовъ на произвольныхъ, невѣдомо почему и для чего устанавливаемыхъ уровняхъ. Съ прекращеніемъ этого безпрерывнаго подергиванія курсовъ то вверхъ, то внизъ, угнетавшаго цѣны на русскіе товары и внутри, и внѣ страны, несприятное многимъ пониженіе вексельнаго курса явилось правильнымъ покровительствомъ

*) См. *Государственное Хозяйство Русскія бумажныя деньги*. Соч. Адольфа Вагнера, переводъ Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1871. Стр. 19

**) См. правительственное сообщеніе въ № 167 *Правительственнаго Вѣстника*, отъ 27 іюля.

всей русской промышленности, совершенно равномерно распространяющимся на все ея отрасли, и повело къ тому что и на внутренних, и на иностранных рынкахъ установились цѣны выгодныя для русскихъ производителей, то-есть для всего Русскаго народа, за ничтожнымъ сравнительно исключеніемъ.

Таковъ фактъ. Людямъ неспособнымъ къ самостоятельному мышленію, этотъ фактъ, при всей своей очевидности, представляется дѣломъ невозможнымъ. Какъ? искусственное раздуваніе денежнаго обращенія, выпускъ полумилліарда бумажныхъ денегъ можетъ быть причиной улучшенія въ экономическомъ бытѣ? Какъ, пониженіе вексельнаго курса можетъ принести пользу экономической жизни? Нѣтъ, это невозможно! Нѣтъ, это видимое возвышеніе народнаго благосостоянія не признакъ здоровья, а болѣзненная опухоль. Въ заученомъ наизусть, ходячемъ экономическомъ словарѣ легко подыскалось и подходящее словечко. Словечко это: фикція. И выходя изъ недавняго кризиса есть не что иное какъ фикція, и подъемъ народнаго благосостоянія фикція, и улучшеніе цѣнъ фикція. Нельзя де, конечно, отрицать что за вывезенный изъ Россіи хлѣбъ получено продавцами больше кредитныхъ рублей чѣмъ прежде, — но выгода тутъ только фиктивная: рублей получено больше, но это рубли не прежніе, а обезцѣненные.

Подобныя сужденія, высказываемыя тономъ непогрѣшимаго авторитета, показываютъ только съ какою легкостію подводятся у насъ подъ готовые книжныя формулы самыя важныя явленія нашей экономической жизни. Дѣйствительно ли такъ чрезмѣренъ вызванный войной выпускъ кредитныхъ билетовъ какъ имъ кажется? Дѣйствительно ли вызвано этимъ выпускомъ обезцѣненіе рубля которое приводитъ ихъ въ ужасъ? Дѣйствительно ли, наконецъ, нѣкоторое уменьшеніе его покупной силы, еслибы таковое оказалось, есть зло какимъ они его представляютъ? Нѣтъ, фактъ есть фактъ, и фикцій въ немъ не бываетъ. Фикціи бываютъ только въ пустыхъ головахъ.

Людямъ денежныхъ биржъ естественно придавать вексельнымъ курсамъ и ихъ котировкамъ у биржевыхъ маклеровъ преувеличенное значеніе. Чѣмъ больше въ странѣ масса людей интересы коихъ втянуты въ сферу вліянія всемірныхъ денеж-

ныхъ оборотовъ, тѣмъ шире и глубже распространяются въ ней биржевые взгляды, и тѣмъ большее значеніе получаютъ въ странѣ вексельные курсы. Въ Англіи, на примѣръ, гдѣ все люди, вся промышленность, живутъ почти исключительно заграничнымъ привозомъ и сбытомъ, гдѣ вся страна представляетъ какъ бы одну громадную всемірную биржу, вексельный курсъ имѣетъ первенствующее въ экономической жизни значеніе. Малѣйшее колебаніе курса сразу отзывается тамъ на всемъ народѣ сверху до низу, и подвергается вопросу все находящіяся въ странѣ цѣнности. Это, безъ сомнѣнія, не могло не отразиться и на образѣ мыслей тамошнихъ экономистовъ, чему разительный примѣръ представляетъ хотя бы г. Маклеодъ въ своихъ *Основаніяхъ Политической Экономіи*. Но таково ли значеніе биржи и ея вексельныхъ курсовъ въ Англіи? Велика ли у насъ масса людей и интересовъ стоящихъ въ прямой зависимости отъ денежныхъ биржъ и ихъ вексельныхъ курсовъ? Въ Россіи, питающейся собственнымъ хлѣбомъ, и думающей только о сбытѣ его излишковъ, въ Россіи гдѣ массы народа не имѣютъ и понятія о привозныхъ изъ-за границы продуктахъ, гдѣ промышленность живетъ внутреннимъ сбытомъ и лишь отчасти, и то не безусловно, нуждается въ привозномъ сырѣ, — въ Россіи, при такой не существующей нигдѣ въ Западной Европѣ особенности экономическихъ условій, могутъ ли вексельные курсы имѣть такое же значеніе какъ въ другихъ странахъ? Что значитъ итогъ всехъ связанныхъ съ вексельными курсами заграничныхъ оборотовъ нашихъ биржъ, въ сравненіи съ массой оборотовъ при которыхъ вексельный курсъ совсѣмъ не принимается въ уваженіе, и съ еще большею массой цѣнностей которыя вовсе въ оборотъ не поступаютъ?

И вотъ, однако, люди рутины, руководствуясь выводами сдѣланными изъ совершенно иныхъ данныхъ, воображаютъ что все наше денежное обращеніе, все наши внутренніе обороты, цѣны всехъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ девяностомилліоннаго населенія Россіи, находятся въ рабской зависимости отъ маклерскихъ отмытокъ вексельныхъ курсовъ на Петербургской биржѣ, пляшущей по берлинской и лондонской дудкѣ! Чихнуть въ Берлинѣ, поспѣшить повысить или понизить кур-

совую отмѣтку послушная Петербургская биржа,—и вотъ немедленно во всей Россіи кредитный рубль будто бы перестанетъ быть тѣмъ рублемъ какимъ былъ накануне, и вмѣстѣ съ тѣмъ во всей Россіи измѣнятся измѣряемая этимъ рублемъ цѣны всего имѣющаго цѣнность!

На дѣлѣ ничего подобнаго у насъ не бываетъ. Вексельные курсы возвышаются и падаютъ своимъ чередомъ, а наше внутреннее денежное обращеніе идетъ своимъ порядкомъ, и бури въ лужѣ петербургскихъ курсовъ едва замѣтною волной теряются въ морѣ внутреннихъ оборотовъ Россіи. Упалъ или не упалъ нашъ кредитный рубль въ своей покупной силѣ, это другой вопросъ; но не таблицы вексельныхъ курсовъ должны у насъ служить основою для рѣшенія этого вопроса.

Не ищите основаній для рѣшенія этого вопроса и въ существующемъ у насъ высокомъ лажѣ на золото. Въ русскомъ денежномъ обращеніи золото отнюдь не имѣетъ такого господствующаго значенія какъ въ другихъ странахъ. Не золото служитъ у насъ мѣриломъ нашихъ цѣнностей. Золото у насъ точно такой же товаръ какъ и хлѣбъ, мясо, соль, желѣзо, дрова и т. д., и вздорожаніе золота имѣетъ отнюдь не большее значеніе чѣмъ вздорожаніе каждаго изъ упомянутыхъ продуктовъ. Вздорожаніе золота можетъ, конечно, вести у насъ къ нѣкоторымъ неудобствамъ, но оно не влечетъ за собою непремѣннаго измѣненія цѣнъ всѣхъ прочихъ предметовъ, какъ не ведетъ къ нему, напримѣръ, вздорожаніе мяса. И еслибъ ожилъ знаменитый Натанъ-Мейеръ-Ротшильдъ и повторилъ у насъ ту операцію которою всегда гордился въ Англіи какъ „лучшимъ своимъ дѣломъ“, то-есть скупилъ бы все находящееся въ обращеніи золото *), этотъ подвигъ его имѣлъ бы у насъ гораздо меньшее значеніе чѣмъ напримѣръ скупка въ однѣ руки всѣхъ запасовъ соли.

Чтобы рѣшить вопросъ понизилась ли нѣтъ покупная сила кредитнаго рубля въ русскомъ денежномъ обращеніи, надо знать то чего у насъ пока никто не знаетъ: нужно знать какова была покупная сила кредитнаго рубля до войны и какова она стала теперь, а для этого нужно знать уровень цѣнъ на *всѣ* предметы купли и продажи во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи въ пе-

ріодъ предшествовавшій послѣднимъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ и сравнить эти цѣны съ ихъ нынѣшнимъ уровнемъ. Только такимъ сравненіемъ можетъ быть рѣшенъ у насъ вопросъ касательно обезцѣненія кредитнаго рубля, а не указаніями на вексельный курсъ и высоту лажа. Думать иначе значитъ воображать что въ недавнюю еще у насъ эпоху искусственнаго регулированія курсовъ, трасировка Государственнымъ Банкомъ векселей на нѣсколько милліоновъ измѣняла цѣны на *всѣ* предметы на всемъ пространствѣ Россіи, тогда какъ существенное значеніе этихъ трасировокъ, несвѣдомо тѣмъ кто орудовалъ этою операціей, сводилось на дѣлѣ къ оказанію на русскій счетъ большаго или меньшаго покровительства иностранцамъ.

Вмѣсто всякихъ серіозныхъ изслѣдованій которыя дѣйствительно могли бы рѣшить вопросъ, обезцѣнился или не обезцѣнился нашъ кредитный рубль вслѣдствіе вызваннаго войной выпуска полумилліарда бумажныхъ денегъ, наши quasi-экономисты довольствуются безсмысленнымъ повтореніемъ избитой фразы что чрезмѣрный выпускъ бумажныхъ денегъ и происходящее отъ него раздуваніе денежнаго обращенія неизбѣжно ведутъ къ обезцѣненію денежной единицы. Взятая отвлеченно, мысль запертая въ приведенной фразѣ вѣрна. Но если съ азростата сойти на землю и примѣнять этотъ законъ къ факту совершившемуся въ Россіи, — потребуются одно важное условіе: нужно прежде всего доказать точно ли выпускъ кредитныхъ билетовъ былъ *чрезмѣрный*, и при этомъ рѣшить не предшествовало ли этому выпуску *насильственное сжатіе* денежнаго обращенія. Вопросы о размѣрахъ нужнаго странѣ количества орудій денежнаго обращенія, то-есть денежныхъ знаковъ, не можетъ быть рѣшаемъ а priori. Этотъ размѣръ въ разныхъ странахъ различенъ; онъ бываетъ различенъ и въ одной и той же странѣ въ разныя эпохи ея экономической жизни. Количество денежныхъ знаковъ нужныхъ для совершенія одной и той же суммы денежныхъ оборотовъ далеко не одно и то же даже въ Англіи и Франціи, не говоря уже, напримѣръ, объ Испаніи. Количество денежныхъ знаковъ которымъ могли довольствоваться Американскіе Соединенные Штаты въ концѣ прошлаго и даже въ первые годы нынѣшняго столѣ-

*) См. *Русскій Вѣстникъ* 1856 года № 18, статью „Биржевыя операціи“ В. Безобразова.

тія,—когда экономическая жизнь тамъ обходилась чуть не совсѣмъ безъ монеты,—далеко не то какое потребовалось при послѣдовавшемъ развитіи экономического быта Американскаго народа. Но люди вопиющіе объ экономическихъ законахъ упорно отказываются примѣнить къ русской жизни именно тотъ экономическій законъ который всѣхъ болѣе къ ней примѣнимъ. А не знать этого закона не можетъ даже тотъ чья экономическая мудрость ограничивалась бы только *Курсомъ политической Экономіи* Мишеля Шевалье, гдѣ цѣлая глава посвящена тому какъ *развивающаяся* нація въ теченіе извѣстнаго періода увеличиваетъ количество своихъ денежныхъ знаковъ и какъ она по истеченіи этого періода стремится къ сокращенію массы этихъ знаковъ. Предоставляемъ нашимъ экономистамъ разсудить, находится ли Россія, въ виду всѣхъ совершенныхъ и ожидаемыхъ еще реформъ, въ положеніи развивающейся націи, и завершился ли для нея періодъ когда требуется не сокращеніе, а умноженіе денежныхъ знаковъ.

Но нашихъ экономистовъ, повидимому, вовсе не интересуется вопросъ увеличилась ли въ странѣ, и въ какой мѣрѣ увеличилась потребность въ орудіяхъ денежнаго обращенія; ихъ интересуется пока только задача о томъ какъ бы насильственно вогнать эту потребность въ рамки произвольно взятой ими а priori цифры. Они были бы, правда, не прочь удовлетворять эту потребность путемъ, напимѣръ, выпуска банковыхъ билетовъ частнымъ банкомъ, но они забываютъ, или не хотятъ помнить что при отсутствіи у насъ банковъ выпускающихъ банковые билеты сказанная потребность можетъ быть удовлетворяема только выпусками государственныхъ кредитныхъ билетовъ, пользующихся у насъ колебимымъ довѣріемъ народа, какимъ не могли бы пользоваться въ Россіи банковые билеты выпущенные частнымъ банкомъ, хотя бы и въ тысячу разъ болѣе солиднымъ чѣмъ покойной памяти Коммерческій Ссудный Банкъ въ Москвѣ. Изъза своей теоретической ненависти къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ, эти господа готовы оставить страну безъ удовлетворенія одной изъ самыхъ существенныхъ нуждъ экономической жизни.

Расширеніе бумажнаго денежнаго обращенія въ предѣлахъ существующей экономической потребности въ немъ не со-

провождается обезцѣненіемъ монетной единицы и не ведетъ даже къ измѣненію уровня вексельныхъ курсовъ. Экономистовъ вообще пугаетъ только переходъ за эту грань дѣйствительной экономической потребности, послѣ чего уже несомнѣнно должно начаться пониженіе покупательной силы денежной единицы. Чтобъ эта грань была уже перейдена у насъ, это пока весьма сомнительно и, во всякомъ случаѣ, это трудно было бы доказать. Однако допустимъ что эта грань перейдена недавними выпусками кредитныхъ билетовъ для покрытія военныхъ расходовъ, и что поэтому послѣдовало нѣкоторое, пока еще неуловимое, пониженіе покупательной силы нашего рубля. Такъ ли ужасенъ былъ бы этотъ фактъ какъ онъ инымъ представляется?

Джонъ Стюартъ Милль справедливо говоритъ что въ подобномъ случаѣ „люди, въ рукахъ которыхъ находятся деньги, теряютъ чрезъ упадокъ ихъ цѣнности ровно столько же сколько выигрываетъ выпускающій билеты.“ (У насъ выпускаетъ ихъ государство.) Въ примѣненіи къ занимающему насъ случаю, это значило бы просто-на-просто что сдѣланный въ интересахъ государства, на покрытіе военныхъ издержекъ, выпускъ кредитныхъ билетовъ оказался налогомъ (во всякомъ случаѣ весьма умѣреннымъ) на всѣ денежные капиталы и доходы.

Любопытно бы знать что имѣютъ возразить наши экономисты противъ такого налога въ принципѣ. Противъ принципа подходящаго и поразряднаго налоговъ они, сколько помнится, не возражали; и встрѣтили выработанный Податною Коммиссіей „проектъ положенія о разрядномъ налогѣ“ критикой ни принципа налога, а формы его примѣненія. Но налогъ устанавливаемый выпусками бумажныхъ денегъ, въ предѣлахъ строго обозначенныхъ потребностью, чуждъ тѣхъ недостатковъ которыми преизобиловалъ проектъ Податной Коммиссіи: это самая правильная форма поразряднаго налога какую только можно придумать.

Правда, Милль гдѣ-то сказалъ что такой налогъ есть „только особый видъ грабительства.“ Но почему же, въ такомъ случаѣ, не считать „грабительствомъ“ налоговъ на всѣ прочіе виды собственности, кромѣ денежной, а равно и налоговъ на рабочій трудъ,—налоговъ крайне тяжкихъ

и неравномерныхъ благодаря несовершенствамъ нашей податной системы? На какомъ основаніи наши экономисты отдають предпочтеніе существующимъ и ново-измыслимымъ налогамъ предъ идеально-правильнымъ поразряднымъ налогомъ съ денежныхъ капиталовъ, не несущихъ у насъ никакихъ государственныхъ тягостей, между тѣмъ какъ всѣ другіе предметы податнаго обложенія обременены чуть не до послѣдней крайности?

Или, можетъ-быть, наши экономисты противъ умереннаго налога на денежные капиталы (хотя бы сопряженнаго съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ покупной силы кредитнаго рубля) выдвинуть тотъ аргументъ который игралъ у насъ немалую роль въ эпоху освобожденія крестьянъ? Можетъ-быть они скажутъ что обложеніе налогомъ денежныхъ капиталовъ, облегчая податные классы и поземельную собственность, сократитъ потребление богатыхъ и достаточныхъ классовъ денежнаго, биржеваго и бюрократическаго міра, что отзовется на интересахъ промышленности и торговли? Не будемъ опровергать такой аргументъ. Предоставимъ слово одному изъ нашихъ экономистовъ, г. Безобразову. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ сдѣланному имъ переводу книги г. Курсель-Сенеля о банкахъ:

„...Не стало бы однихъ покупателей, должны бы явиться другіе. „Кто у васъ „будетъ теперь покупать ваши дорогія „матеріи?““ говорилъ въ 1861 году одинъ помѣщикъ одному негоціанту торгующему иностранными товарами роскоши, — „мы „разорены, разоритесь и вы.““ — „Почему „же мы разоримся?““ отвѣчалъ негоціантъ; „мы вамъ продавали 100 бальныхъ платьевъ по 100 руб. сер., а теперь будемъ „продавать 1.000 бальныхъ платьевъ по „10 руб., выручимъ тѣ же 10.000 руб. и „получимъ ту же для себя пользу. Намъ „все равно привозить *) въ Россію сто- „рублевая или десятирублевая платья, „лишь бы намъ была польза, — а польза „не зависитъ отъ того: дворянскій товаръ „въ ходу или крестьянскій.““ — „Зна- „читъ мы совсѣмъ пропали,““ говоритъ „помѣщикъ. — „Почему же? И вы, точно

„также какъ мы, можете примѣниться къ „новому порядку.““ *)

Если эта аргументація была умѣстна противъ нѣкоторой части земельной аристократіи, то та же самая аргументація, какъ мы полагаемъ, въ той же мѣрѣ умѣстна и по отношенію къ биржевой аристократіи:

№ 306.

Москва, 30-го ноября.

Таинственная поѣздка германскаго посла въ Лондонъ, графа Мюнстера, въ гости къ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу Солсбери, не могла остаться незамѣченной; ей приписали политическое значеніе, что и не замедлило подтвердиться, такъ какъ по открытіи парламента она стала предметомъ запроса, на который подсекретарь иностранныхъ дѣлъ, г. Боркъ, отвѣчалъ что графъ Мюнстеръ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ сдѣлалъ Англійскому правительству конфиденціальное сообщеніе касательно исполненія Берлинскаго трактата; но сообщеніе это не можетъ быть обнародовано. Тайна, впрочемъ, не замедлила тотчасъ же выйти наружу, и телеграммы изъ Берлина оповѣстили что это важное сообщеніе сдѣланное Англии со стороны Германіи относилось къ плану полюбовной сдѣлки между Россіей и Англійей, по коему, взаимнъ соединенія Восточной Румеліи съ Сѣверною Болгаріей, былъ предложенъ Англии протекторатъ надъ Константинополемъ и занятіе извѣстныхъ позицій вблизи турецкой столицы.

Читателей нашей газеты едва ли удивятъ эти вѣсти какъ нѣчто новое. Они могутъ припомнить что еще въ письмѣ отъ 24 октября (5 ноября) нашъ весьма свѣдущій берлинскій корреспондентъ излагалъ этотъ самый планъ, коимъ великій магъ европейской политики, германскій канцлеръ, придумалъ спасти насъ отъ воинствующихъ замысловъ Беконсфильдовской политики. Удивительно какъ этотъ великій политикъ, въ своемъ безкорыстіи, заботится о Россіи! Онъ все спасаетъ ее отъ войны, и все маклерствуетъ для обезпеченія ей мира. Миръ даромъ получить нельзя, надо купить его, и смыслъ грандіоз-

*) Съ своей стороны, мы охотѣе привели бы въ примѣръ негоціанта торгующаго не привозными, а отечественными товарами, и привозу платьевъ предпочли бы изготовленіе ихъ въ самой Россіи.

*) См. *Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе*. Курсель-Сенеля. Перев. В. П. Безобразова Спб. 1862. Стр. IV.

наго проекта заключается въ томъ чтобъ отдать Англіи Проливы. Вотъ и рѣшеніе великаго Восточнаго вопроса! За то чтобы получить согласіе Англіи на полное освобожденіе всего Болгарскаго народа и его соединеніе въ одно государство простирающееся до Эгейскаго моря, то-есть за восстановление въ этомъ пунктѣ Санъ-Стефанскаго договора, Англія должна получить Константинополь, приобрѣтая безспорный протекторатъ надъ этимъ городомъ и Оракійскимъ полуостровомъ, примѣрно до Чаталджи, въ добавокъ къ тому протекторату который она уже присвоила себѣ надъ всею Малоазійскою Турціей. Не забыта и Австрія, которая распространила бы свои верховныя права на прилежащую къ ней западную часть Балканскаго полуострова. А Россія? И она не забыта: когда всѣ получаютъ что имъ угодно и нужно, ей будетъ предоставлено убраться съ миромъ во свояси. Таково новое изданіе *честнаго маклерства*.

Припоминая свѣдѣнія сообщенныя нашимъ берлинскимъ корреспондентомъ, мы не въ правѣ относиться съ недоумѣніемъ къ тому что составляетъ предметъ миссіи графа Мюнстера.

Что Англія не довольствуется своею добычей, что она ищетъ и желаетъ большаго, это вѣдь сомнѣнія. Она хочетъ до конца воспользоваться выгодными шансами политической игры. Мы уже давно читали, даже въ ультра-торійскихъ органахъ, нападки на правительство Беконсфильда за сдѣланныя будто бы имъ невыгодныя для Англіи уступки, и въ виду постепенно развивающагося новаго плана дипломатическихъ интригъ, сѣтованія эти получаютъ теперь особый смыслъ. Возможно что Англія еще поторгуетъ. Весьма можетъ быть что она не прочь была бы получить Проливы простымъ захватомъ, какъ она захватила Кипръ и протекторатъ надъ Малою Азіей. По крайней мѣрѣ весьма подозрительна была константинопольская телеграмма Рейтерова Агентства на прошедшей недѣлѣ о какихъ-то переговорахъ между Англіей и Портой съ цѣлью заключенія новой конвенціи, политическаго характера, но не по поводу требованій Порты объ англійской гарантіи для новаго займа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ газетахъ былъ пущенъ слухъ будто въ Стамбулѣ даже приготовляются казармы для помѣщенія англійскаго полка. Не совсѣмъ довѣряя

мирному осуществленію полюбовной сдѣлки касательно Проливовъ, Англія пролагаетъ къ нимъ кратчайшій путь. На это указываетъ недавняя статья *Times*, въ которой снова повторялось что пока русскія войска остаются на теперешнихъ позиціяхъ невозможно обойтись безъ нѣкоторыхъ предосторожностей въ видахъ безопасности Константинополя. А такъ какъ Россія опасается возмущеній и избіеній по удаленіи ея войскъ, то *Times* на это возражаетъ такъ: „Турецкія регулярныя войска представляютъ немаловажное обезпеченіе противъ безпорядковъ. А если понадобится еще другія гарантіи, то можно найти менѣе опасныя чѣмъ присутствіе русскихъ войскъ. Австрія и наша страна легко могутъ дать такое обезпеченіе какого требуетъ Россія для сохраненія мира. Пусть только оккупационная армія удалится, и дѣло умиротворенія будетъ сравнительно легкое. Пріятно слышать что Русское правительство охотно готово поступиться своими правами ради успокоенія Европы.“ И такъ, лишь бы добиться ухода русскихъ войскъ, а тамъ Англія уже сумѣетъ сама взять что ей надо.

Отдать Проливы Англіи! Но вѣдь это значило бы отдать ей Востокъ... нѣтъ, это значило бы, со стороны Россіи, отдать ей себя. Это значило бы паденіе Россіи какъ великой державы. Да что же наконецъ случилось чтобы трактовать насъ такимъ образомъ? Это такъ чудовищно что объ этомъ нѣтъ возможности разсуждать. Трудно думать чтобы Берлинскій маклеръ серьезно помышлялъ объ осуществленіи подобнаго плана. Это, конечно, не болѣе какъ политическая игра. Но къ чему она клонится? Какая цѣль ея?

№ 307.

Москва, 1-го декабря.

Задача русской администраціи въ Болгарскомъ краѣ была и остается очень трудною. Она вступала въ страну по слѣдамъ войны, въ одно время съ нею; она вступала въ край надъ которымъ тяготѣло страшное иго, гдѣ кипѣла вражда, гдѣ населенія обливались кровію, гдѣ христіанскій народъ былъ преданъ въ рабство варварскому фанатизму. Пало было быстрою и энергическою рукою устанавливать ка-

кой-либо порядокъ среди этихъ несчастныхъ населеній пока рѣшалась ихъ судьба. Злополучный народъ, послѣ столькихъ вѣковъ рабства, представлялъ массу лишенную всякой гражданской организаціи; не на кого было опереться, некому было взяться. Нельзя не удивляться успѣху съ какими лица поставленныя во главу этого труднаго дѣла следили со своею задачей. Не можемъ не вспомнить при этомъ покойнаго князя Черкаскаго, который достославно кончилъ свое земное поприще на зарѣ освобожденія Востока; не можемъ также не воздать чести, отъ полноты русскаго чувства, нынѣшнему Императорскому комиссару въ Болгаріи, князю Дондукову-Корсакову, который высоко понялъ и призваніе Россіи на Востокъ, и свою службу въ духѣ этого призванія. Дипломатическія колебанія вопроса не смущали его въ увѣренности что дѣло за которое такъ славно и съ такими жертвами боролась Россія возьметъ свое и одержитъ верхъ надъ всѣми препонами. Поднимая духъ въ Болгарахъ и укрѣпляя ихъ надеждой, онъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ мысли своего Государя. Наши противники слишкомъ рано торжествуютъ свои успѣхи. Конечъ вѣнчаетъ дѣло, а въ концѣ мы сомнѣваться не можемъ. Насъ оскорбляютъ и до глубины души волнуютъ впечатлѣнія пролетающей минуты, и это естественно; но мы не колеблемся въ увѣренности что успѣхъ останется все-таки за нами, когда совершится полный циклъ событій.

Недавно, въ № 301 нашей газеты, вырвалось у насъ нѣсколько горькихъ словъ о русскихъ чиновникахъ въ Румеліи, по поводу нѣкоторыхъ полученныхъ нами оттуда извѣстій. Трудно объяснить себѣ то злорадство съ какимъ были подхвачены эти слова—не въ Лондонѣ или Пештѣ, а въ Петербургѣ. Но мы должны разочаровать этихъ добрыхъ патріотовъ. Насъ огорчило не то что они думаютъ. Нѣкоторые факты намъ сообщенные, и еще требующіе повѣрки, огорчили насъ чертой которая напомнила намъ ихъ самихъ, этихъ нашихъ патріотовъ, которые такъ радуются всему что можно истолковать въ дурномъ для ихъ отечества смыслѣ. Не въ томъ ли особенность фальшивой русской интеллигенціи чтобы ставить ни во что свою народность и преклоняться предъ тѣмъ что ей чуждо и враждебно? Быть просвѣщеннымъ и либеральнымъ не зна-

читъ ли у насъ презирать прежде всего свое, а затѣмъ по порядку все что болѣе или менѣе близко и сочувственно нашему народу. Съ болгарскимъ мужикомъ мы церемониться не будемъ, потому что онъ сродни русскому мужику и одной вѣры съ нимъ. Болгаринъ свой человекъ, значитъ его можно обругать всякимъ дурнымъ словомъ и отхлестать нагайкой. Турокъ другое дѣло. Они чужой: значитъ, надо соблюдать съ нимъ вѣжливость и оказывать ему почтеніе; значитъ, виноватъ Болгаринъ и правъ его врагъ. Вотъ что насъ смутило, вотъ отъ чего намъ стало стыдно. На насъ вдругъ повѣяло духомъ той *антирусской* фальшивой интеллигенціи которая страслась надъ Русскимъ народомъ, которая и есть наша истинная чума. Вотъ чему должны радоваться Англичане и надъ чѣмъ могутъ посмѣяться даже Турки. Тотъ или другой изъ нашихъ интеллигентныхъ господъ, высоко цѣня свое маленькое я, въ то же время считаетъ долгомъ просвѣщеннаго и либеральнаго человека не имѣть національнаго самоуваженія. Безпристрастіе у насъ не рѣдко состоитъ въ томъ чтобы своего унизить предъ чужимъ и обидѣть въ угоду врагу. У насъ такъ наболѣла эта язва наша что мы не могли удержаться отъ крика при первой вѣсти о нѣкоторыхъ проявленіяхъ подобнаго безпристрастія въ бѣдной Румеліи... Дошедшіе до насъ слухи быть-можетъ преувеличены, быть-можетъ слишкомъ обобщаютъ нѣкоторые случаи, но они не лишены основанія; горькое чувство овладѣвшее нами быть можетъ выразилось слишкомъ горячо, но оно сказалось естественно.

Мы говорили только о такъ-называемой Восточной Румеліи. Вѣсти пришли къ намъ оттуда и не касаются собственно Болгаріи. Сѣтованій и жалобъ изъ Болгаріи не слышно. Напротивъ, всѣ свидѣтельствуютъ о прочно установившемся тамъ порядкѣ, о водворяющейся повсюду безопасности. Даже англійскіе корреспонденты свидѣлствуютъ объ этомъ. Деревенскія населенія сами выбираютъ своихъ муктаровъ (старость). Окружные или уѣздные начальники назначаются изъ надежныхъ военныхъ офицеровъ, и преимущество вездѣ дается самимъ Болгарамъ, коль скоро оказываются между ними способныя къ начальственнымъ должностямъ лица. Надо удивляться успѣху съ какимъ здѣсь устроились дѣла, и порадоваться что нашлась такая масса

способныхъ и надежныхъ русскихъ людей, которымъ пришлось дѣйствовать среди столь чуждыхъ имъ условій. Въ Румелии, когда еще она была Болгаріей, когда еще былъ въ силѣ Санъ-Стефанскій договоръ, не было повидимому никакого отличія отъ остальной Болгаріи. Административный персоналъ выбирался главнымъ образомъ изъ гвардейскихъ офицеровъ. Но гвардія ушла, переѣхалъ Императорскій комиссаръ изъ Филиппополя въ Софію. Санъ-Стефанскій трактатъ смѣнился Берлинскимъ. Лучшая половина Болгаріи отъ нея оторвана, и одна часть ея (Македонія) уже давно отдана Туркамъ, а другая имѣетъ поступить къ нимъ въ скоромъ времени. Тамъ уже сидитъ международная коммиссія, которая наложила свою руку на финансы края и контролируетъ дѣйствующихъ тамъ чиновниковъ. Не думаемъ чтобъ этотъ контроль способствовалъ хорошему управленію края какое могло бы успокоить Болгаръ, удовлетворить русское народное чувство и требованія справедливости. Стоить ли, быть-можетъ думаютъ нѣкоторые изъ служащихъ тамъ должностныхъ лицъ, стоитъ ли заботиться о хорошемъ управленіи краемъ когда быть-можетъ завтра уйдутъ оттуда русскія войска?...

№ 308.

Москва, 2-го декабря.

Рѣчь лорда Беконсфильда, произнесенная имъ въ палатѣ лордовъ 11 декабря, преисполнена миролюбія и розовыхъ надеждъ. Онъ, лордъ Беконсфильдъ, можетъ теперь свободнѣе говорить о щекотливыхъ вопросахъ чѣмъ годъ и даже 8 мѣсяцевъ тому назадъ, „когда война съ Россіей казалась неизбѣжною.“ (Навѣрное онъ улыбался когда говорилъ эти слова). Теперь отношенія Англіи ко всѣмъ державамъ дружественны, и съ Россіей они не менѣе де дружественны какъ и со всякою другою державой. Казалось бы, чего же лучше? Однако что-то мало оптимистовъ которые успокоились бы на этихъ свѣтлыхъ ожиданіяхъ. Въ прочность этихъ надеждъ всего менѣе вѣрятъ въ тѣхъ политическихъ центрахъ откуда исходили наиболѣе „ревностныя“ старанія о полюбовномъ улаженіи затрудненій путемъ безкорыстнаго посредничества и честнаго маклерства. Въ одной изъ бер-

линскихъ газетъ намъ случилось прочесть, на дняхъ, любопытныя разсужденія по поводу теперь образовавшагося политическаго положенія. Берлинская газета начинается съ того что Австрія обманула возложенныя на нее въ Берлинѣ ожиданія. Тѣмъ сильнѣе и неудержимѣе возрастаетъ де „лавина англійскаго могущества и англійской притязательности.“ Трудно де и въ мысли перенестись обратно къ тому, столь еще недавнему, времени когда значеніе Англіи въ международныхъ европейскихъ вопросахъ возбуждало лишь улыбку сомнѣнія. А теперь? „Какая могучая, неутомимая на весь Земной Шаръ распространяющаяся дѣятельность закипѣла въ послѣдніе три года, особенно послѣ Берлинскаго конгресса!“ Безъ устали идетъ работа сооруженія новыхъ политическихъ и стратегическихъ позицій для усиленія англійскаго вліянія; ни одного шага не дѣлается назадъ, ни одного дня не проходитъ безъ новаго движенія впередъ. И все это движеніе, по сознанію того же цитируемаго нами политическаго наблюдателя, направлено главнымъ образомъ и прежде всего противъ Россіи. Англія господствуетъ де въ Константинополѣ, а не Россія; Англія, а не Россія, паритъ въ Эрзерумѣ, Смирнѣ, Дамаскѣ и Месопотаміи; она же вытѣсняетъ Россію изъ Кабула. Все это даетъ берлинской газетѣ основаніе заключать что англійская политика не такова чтобы вести къ мирному осуществленію Берлинскаго трактата.

„Послѣ всего что совершилось въ послѣдніе годы,“ читаемъ мы далѣе, „весь образъ дѣйствій Англіи запечатлѣнъ такимъ характеромъ постояннаго вызова относительно Россіи что Россія, которая пока мѣстъ еще не перестала быть великою державой“ (благодаримъ за комплиментъ!) „съ теченіемъ времени лишена будетъ возможности соблюдать долѣе свою политику мира. Еслибъ она захотѣла теперь предоставить Восточную Румелию ея собственной судьбѣ; очистить Болгарію отъ своихъ войскъ, прервать свой путь сообщенія съ этими странами чрезъ Румынію и предоставить г. Леярду распоряжаться въ Константинополѣ, то это не было бы подчиненіемъ посредническому рѣшенію Европы, а лишь отступленіемъ предъ Англіей. Еслибъ Англія и была въ состояніи возстановить порядокъ въ Румелии, Македоніи и Албаніи, еслибъ она и могла уми-

„протворить и успокоить глубоко взволнованные тамъ страсти племенной розни и религии, то и тогда было бы трудно для Россіи отступить изъ — подъ Адрианополя „предоставивъ Англіи надолго спокойное „владычество надъ Константинополемъ и „Проливами.“ Но берлинская газета совершенно не вѣритъ чтобъ Англія могла одними способами дипломатіи достигнуть дѣйствительнаго умиротворенія тѣхъ странъ; для этого ей пришлось бы поддержать безсильную на всякое созидательное дѣло Порту своею военною силою. А могла ли бы Россія взирать и на это спокойно и допустить чтобъ ея войска на Балканскомъ полуостровѣ замѣнены были англійскими? Съ другой же стороны, Россія не можетъ де оставить турецкія провинціи прежде чѣмъ въ нихъ установится прочный порядокъ, ибо немисливо чтобы порядокъ этотъ установился тѣми путями которые для того начертаны на бумагѣ. Вотъ почему *Національная Газета* полагаетъ что и та и другая альтернатива заключаютъ въ себѣ серіозныя зачатки новыхъ столкновений.

Все это разсужденіе совершенно вѣрно, но въ немъ есть одна недомолвка. Справедливо что въ теперешней Англіи трудно узнать ту Англію которая еще такъ недавно провозглашала своимъ руководящимъ принципомъ политику невмѣшательства. Справедливо что этотъ задирающій и назойливый образъ дѣйствій направлень преимущественно противъ Россіи. Справедливо наконецъ и то что при такомъ порядкѣ вещей столкновение рано или поздно должно послѣдовать неизбежно. Объ одномъ только умолчала берлинская газета: она не коснулась значенія этой силы, не пояснила откуда взялось это „возрастающее какъ лавина“ могущество Англіи. Въ самомъ ли дѣлѣ теперешняя Англія обладаетъ несравненно большимъ могуществомъ нежели въ то время когда не менѣе теперешнихъ патріотическіе и способные руководители ея судебъ признавали что Англія не можетъ и не должна слѣдовать политикѣ наступательной? Нѣтъ, матеріальныя силы Англіи не получили съ тѣхъ поръ никакого дѣйствительнаго приращенія. Сухопутныя арміи ея попрежнему ничтожны, ибо нельзя же считать серіознымъ дѣломъ прошлогодній опытъ лорда Беконсфильда съ 7.000 индійскихъ сипаевъ привезенныхъ на островъ Мальту. Въ ряду миражей коними съ такимъ успѣхомъ маневрировали

англійскій премьеръ, для усиленія „престижа“ Англіи, и этотъ грубый фарсъ достигъ своей цѣли. Но что это было только средствомъ обмана дабы прикрыть бросающееся въ глаза противорѣчіе между военною немощью Англіи и ея политическою притязательностью, это теперь открыто признается въ самой Англіи. Въ то время какъ всѣ континентальныя державы радикально изменили свою военную организацію и усилили свои сухопутныя войска введеніемъ общей воинской повинности, Англія осталась при старыхъ порядкахъ и при своей устарѣлой, неуклюжей, ничтожной по численности и дорого стоящей регулярной арміи. Она имѣетъ громадный флотъ; но съ теченіемъ времени скорѣе умалилось нежели увеличилось значеніе военнаго флота вообще. Финансовое могущество Англіи находится въ тѣсной зависимости отъ мира, и всякая европейская война, хотя бы Англія не принимала въ ней никакого участія, прежде всего губительно дѣйствуетъ на состояніе англійскаго рынка. О томъ какія бѣдствія пришлось бы претерпѣть англійской промышленности въ томъ случаѣ еслибы сама Англія была втянута въ крупную войну нельзя составить себѣ определенное понятіе, ибо тутъ мы имѣемъ лишь одинъ примѣръ для сравненія: Крымскую войну, когда была коалиція, нынѣ совершенно немислимая. А какія перемены въ условіяхъ производства и сбыта произошли уже съ тѣхъ поръ?

Итакъ, гдѣ же вина столь грозно и неудержимо возрастающаго могущества Англіи? Могущество это кроется не въ самой Англіи; она обязана имъ удивительной податливости среды сопротивленія...

Это мы сдѣлали Англію великимъ военнымъ могуществомъ, точно также какъ мы произвели Беконсфильда, къ удивленію самой Англіи, въ великіе государственные мужи.

Мы подаемся, Англія подвигается, и она будетъ подвигаться пока мы подаемся. Но когда намъ попятиться будетъ некуда и мы остановимся, то столкновение станетъ неизбежнымъ, какъ это всегда, по закону политической физики, между государствами бываетъ...

№ 310.

Москва, 4-го декабря.

А.

Извѣстія о томъ что происходитъ въ Константинополѣ темны и загадочны. Вслѣдъ за полною переменой состава всего турецкаго министерства, включая и шейхъ-юль-ислама, стали являться извѣстія объ открытомъ якобы заговорѣ противъ султана, о начавшихся арестахъ и ссылкахъ, а наконецъ сообщаютъ что волненіе проявилось и открытыми уличными беспорядками, которые сопровождались грабежами. О причинахъ же которыми могло быть вызвано волненіе телеграммы не поясняютъ. Говорятъ только будто недовольство вызвано проектами реформъ замышляемыхъ Портой. Но никакихъ реформъ до сихъ поръ еще не совершено, и онѣ остаются, какъ всегда, бумажными обѣщаніями. А изъ недавняго опыта мы знаемъ что всѣ насильственные перевороты въ турецкой столицѣ производились не снизу, а сверху, людьми стоящими у дѣлъ, по возбужденіямъ и интригамъ извнѣ. Извѣстно чья рука направляла всѣ прежніе перевороты, и къ чьей выгодѣ они служили. Въ послѣдніе три года, при малѣйшей попыткѣ въ Константинополѣ къ образованію правительства менѣе податливаго на интриги Англіи, или совершались насильственные перевороты, или раздувались слухи о заговорахъ, что въ концѣ концовъ всегда обращалось въ пользу англійскаго вліянія. Знаменательно что въ настоящую минуту тревожное положеніе дѣлъ въ турецкой столицѣ совпадаетъ съ какими-то важными политическими переговорами которые тамъ ведетъ англійское правительство.

Впрочемъ, опасенія волненій и внутреннихъ замѣшательствъ возникали не въ одной турецкой столицѣ... Разжигаются и приводятся въ движеніе всякіе элементы смутъ гдѣ нужно и гдѣ какіе есть. Или безъ цѣли, на примѣръ, и только для удовольствія, смущаютъ единственную въ Россіи доступную для агитаціи среду учащейся молодежи? Развѣ не имѣется разчета возбужденіемъ этихъ жалкихъ смутъ настрашать Россію мнимой революціей таящейся въ ея нѣдрахъ и парализовать ея правительство въ рѣшительную минуту?...

Какъ бы то ни было, но слишкомъ очевидно что въ Константинополѣ Англія стремится къ тому чтобы забрать Турцію въ свои руки. Помимо интригъ Лейрда и его покаместъ еще не пришедшихъ ни къ какому результату переговоровъ о способѣ исполненія реформъ въ Малой Азіи, въ послѣдніе дни телеграфъ то и дѣло сообщаетъ о переговорахъ между Англіей и Портой для заключенія новой конвенціи. Извѣщали что за финансовое вознагражденіе и за обезпеченіе турецкаго займа въ 20 милліоновъ Англія требуетъ уступки двухъ гаваней, особенно Александретты, и даже присовокупляли что, по новой конвенціи съ Турціей, не только уступаются Англіи многія морскія станціи, но и нѣкоторые стратегическіе пункты Турецкой имперіи будутъ постоянно заняты англійскими войсками.

Почему же Англія такъ самовластно распоряжается территоріями которыми она объявляла якобы огражденными силой европейскихъ трактатовъ? Ничто такъ не свидѣтельствуетъ о лжи той фикціи которая на дипломатическомъ языкѣ слыветъ подъ именемъ Европы.

Россія вела съ Турціей войну, но она не искала завоеваній, и если взяла себѣ часть территорій которыхъ уже принадлежали ей по праву войны, то лишь въ зачетъ контрибуціи за понесенные ею военныя издержки. Однако, противъ этого несомнѣннаго права Россіи были сдѣланы возраженія якобы на основаніи трактатовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, Россія, по невиданной еще доселѣ со стороны побѣдителя уступчивости, согласилась передать свои права на утвержденіе Европы, то-есть въ сущности Англіи, хотя легко могла обойтись безъ ея согласія. Для полученія этого согласія потребовался сложный механизмъ европейскаго конгресса. Цѣной этой покорности было лишь то что на конгрессѣ пріобрѣтенныя кровью права Россіи были сокращены и умалены въ угоду ея врага.

Но параллельно съ этимъ, и въ самое время засѣданій пресловутаго конгресса, Англія преспокойно, никого не спрашиваясь, пріобрѣла отъ Турціи Кипръ и протекторатъ надъ Малою Азіей. Она не находила нужнымъ даже увѣдомлять объ этомъ кого-либо, и всѣ узнали о ея захватѣ лишь *post factum*. И теперь, ободренная успѣхомъ, она готовится идти да-

лѣе на этомъ пути. Порта нуждается въ деньгахъ, и Англія собирается купить у ней Александретту и другія гавани, занять стратегическіе пункты своими войсками, словомъ прибрать къ своимъ рукамъ всю Турцію.

Но если существуютъ европейскіе трактаты относительно Турціи, то они одинаково имѣютъ силу для Англіи какъ и для Россіи. Отсюда слѣдуетъ что и Англія только тогда можетъ законнымъ образомъ удержать Кипръ или получить право еще на что-нибудь, когда она испроситъ нато согласіе другихъ державъ, когда согласится на то Россія. А если Англія полагаетъ что этого не требуется, то она должна допустить что и другіе имѣютъ право заключать такіе же сдѣлки съ Турціей. Денежная сдѣлка отнюдь не измѣняетъ характера территоріальнаго пріобрѣтенія. Англія отхватываетъ у Турціи то что ей желательно за финансовое вознагражденіе, за гарантію займа. Но Россія также купила свои пріобрѣтенія цѣной военной контрибуціи, и затѣмъ Порта остается ей еще должною значительную сумму. Россія также могла бы потребовать у Порты, въ виду ея неспособности уплатить въ скоромъ времени эту сумму, уступки себѣ тѣхъ или другихъ пунктовъ, и вообще вступить съ ней въ сепаратное соглашеніе.

Не менѣе возмутительны извѣстія о дипломатическомъ проектѣ англо-австрійскаго занятія Восточной Румелии послѣ ухода Русскихъ „для защиты христіанскаго населенія.“ Слухъ объ уговорѣ между Англіей и Австріей съ этою цѣлью былъ уже болѣе мѣсяца тому назадъ пущенъ *Manchester Guardian*. Потомъ намекъ на этотъ планъ мы читали на прошедшей недѣлѣ въ газетѣ *Times*. Затѣмъ о немъ было повторено въ одной телеграммѣ изъ Вѣны. Наконецъ, и нашъ берлинскій корреспондентъ подтвердилъ что со многихъ сторонъ слышится слухъ о происходящемъ обмѣнѣ мыслей касательно совокупнаго занятія Восточной Румелии по уходѣ Русскихъ.

Если, въ виду разностороннихъ подтвержденій этого слуха, мы должны повѣрить что въ немъ есть нѣчто справедливое, то въ этомъ мы прежде всего видимъ признаніе невозможности буквальнаго исполненія Берлинскаго трактата касательно возвращенія Южной Болгаріи подъ

власть Турокъ. Значитъ, наши противники, предложившіе на Берлинскомъ конгрессѣ созданіе Восточной Румелии, сознаются что, по уходѣ Русскихъ войскъ, безопасность христіанъ ничѣмъ не будетъ обезпечена, коль скоро для защиты христіанъ собираются послать туда англійскія и австрійскія войска. Но если эта благая цѣль защиты христіанъ признается справедливою и необходимою, зачѣмъ же беспокоиться англійскимъ и австрійскимъ войскамъ, которымъ такъ много другаго дѣла, когда тамъ уже есть русскія войска, которыя уже исполняютъ это назначеніе? Если скажутъ что русская оккупация тревожитъ Англію и Австрію, то развѣ англо-австрійская оккупация не можетъ тревожить Россію? Наконецъ, никакая оккупация, ни русская, ни чья другая, не можетъ продолжаться вѣчно. Что же иное остается сдѣлать какъ не возвратиться къ Санъ-Стефанскому договору и освободить Восточную Румелию, наравнѣ съ Болгаріей, отъ турецкаго владычества? Будутъ ли обѣ области соединены или управляться каждая отдѣльно,—это вопросъ менѣе важный, но главное чтобы та и другая были одинаково свободны отъ турецкаго управленія и отъ присутствія турецкихъ войскъ. Тогда Болгары будутъ сами охранять свою безопасность и не потребуются никакого занятія, ни русскаго, ни англійскаго. Смѣшанное же занятіе, взамѣнъ русскаго, конечно предполагается не столько для защиты христіанъ сколько для болѣе спокойнаго водворенія турецкой власти въ провинціи, въ виду сопротивленія какое ожидается со стороны Болгаръ.

Б.

Слова Государя въ Московскомъ Кремлѣ о нашей смущаемой злонамѣренными людьми молодежи не должны и не могутъ остаться безъ дѣйствія.

Неужели нѣсколько потерявшихъ почву эмигрантовъ, нѣсколько агентовъ революціонныхъ международныхъ союзовъ, нѣсколько наемныхъ подосланцевъ разныхъ враждебныхъ нашему отечеству лагерей, были бы въ состояніи привлекать на свои грубыя приманки нашу молодежь. еслибы все вокругъ ея обстояло благополучно? Мы сами губимъ ее своею пассивностію, своимъ разслабленіемъ. Мы выбросили ее на улицу, безъ призора, безъ защиты,

безъ огражденія, въ ту критическую пору развитія когда она такъ нуждается въ поддержкѣ, въ опекѣ, въ справедливой и строгой дисциплинѣ.

Можетъ ли быть для разсуждающаго чело-вѣка какое-либо сомнѣніе что наши высшія учебныя заведенія нуждаются въ самыхъ серіозныхъ мѣрахъ для своего улучшенія? Казалось бы по отношенію къ этому предмету общей пользы не можетъ быть раздѣленія, а должно быть единодушіе въ стремленіи ко благой цѣли и дружное исканіе средствъ къ ея осуществленію. Такъ ли на дѣлѣ? Каждодневныя явленія свидѣтельствуютъ о поразительной распатанности нашихъ высшихъ школъ. Вчера ректору пустили камнемъ въ голову, сегодня попечителя выгнали чуть не въ шею, тамъ спустили съ лѣстницы требовательнаго экзаминатора, здѣсь выгнали съ шумомъ и свистомъ профессора изъ аудиторіи, агитируются адреса (на дняхъ въ Медико-Хирургической Академіи порицательный адресъ профессору Цитовичу собралъ до 600 подписей), пишутся соборныя посланія, шлются эмиссары чтобы на приманку товарищеской солидарности организовать при каждомъ удобномъ случаѣ общее сопротивленіе. Наконецъ что-то еще случилось въ Петербургѣ, о чемъ до сихъ поръ нѣтъ обстоятельныхъ свѣдѣній. Аудиторіи превращаются въ клубы куда кромѣ студентовъ являются, на глазахъ властей, какія-то неизвѣстныя лица которыя распоряжаются и командуютъ. Къ студентамъ присоединяются студентки. Военное Министерство занимается приготовленіемъ не только врачей, но и акушеровъ... Богъ знаетъ что дѣлается!...

Ведутъ ли къ какимъ-либо послѣдствіямъ невѣроятныя событія, производятъ ли они какое-либо дѣйствіе? Не ведутъ ни къ какимъ послѣдствіямъ, кромѣ гибели нѣсколькихъ молодыхъ людей... Агитации попрежнему предоставляется полный просторъ; ничто не противопоставлено вліяніямъ загоняющимъ бѣдную молодежь во враждебные общественному порядку лагери; добрый элементъ остается безъ поддержки, дурному дается полный просторъ. Распущенность дошла до кулачнаго протеста харьковскихъ студентовъ противъ ученія и до грубой расправы съ профессоромъ поусердствовавшимъ въ обученіи. Да и что можетъ послѣдовать когда для всякой серіозной мѣры потребовалось бы согласіе десятка

вѣдомствъ завѣдующихъ высшими учебными заведеніями и дѣйствующихъ врознь.. Но слова Государя не могутъ же остаться втунѣ. Дѣло необходимое и неотложное.

№ 311.

Москва, 5-го декабря.

А.

Борьба между Германіей или, вѣрнѣе, прусскою государственною властью и папскою куріей ознаменовалась на дняхъ новымъ эпизодомъ пролившимъ нѣкоторый свѣтъ на тотъ полумракъ, въ который за послѣднее время отступилъ этотъ нескончаемый споръ. Мы говоримъ о преніяхъ происходившихъ 11 декабря въ Прусскомъ ландтагѣ. Пренія эти отчасти выяснили теперешнее положеніе дѣла и разсѣяли многія недоразумѣнія и преувеличенныя надежды на торжество стремленій, кои питали нѣмецкіе клерикалы. Отлично дисциплинованная и энергически направляемая партія „центра“ не преминула воспользоваться для своихъ цѣлей политическимъ потрясеніемъ произведеннымъ въ Германіи двойнымъ покушеніемъ на жизнь императора Вильгельма и всеобщимъ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ революціонной пропаганды социаль-демократовъ. Ультрамонтаны проповѣдовали на всѣхъ перекресткахъ и во всѣхъ своихъ органахъ что успѣхъ социальной пропаганды есть прямое послѣдствіе „культурной борьбы“ поднятой княземъ Бисмаркомъ. Слишкомъ осторожные чтобы возобновить по этому поводу свои попытки свергнуть могучаго канцлера, что имъ было бы не подъ силу, они старались выставить дѣло въ такомъ свѣтѣ какъ будто самъ князь Бисмаркъ уразумѣлъ наконецъ всю пагубу поднятой имъ „титанской“ борьбы противъ папскаго престола и ищетъ лишь благовиднаго предлога дабы прекратить эту борьбу, взамѣнъ чего ему давалось обѣщаніе полной поддержки партіи центра противъ обѣихъ фракцій либеральной партіи. Нѣкоторое колебаніе несомнѣнно наступило въ нѣдрахъ Прусскаго правительства непосредственно послѣ покушеній. Въ это время правительство обнаруживало особенное раздраженіе противъ національ-либераловъ, отвергнувшихъ первый зако-

нопроектъ касавшійся соціалистовъ и внесенный въ рейхстагъ послѣ покушенія Гёделя. Покушеніе Нобилинга повлекло за собою распушеніе рейхстага, которое было мотивировано именно противодѣйствіемъ встрѣченнымъ правительствомъ со стороны національ-либераловъ. Послѣдовавшій затѣмъ періодъ избирательной агитаціи былъ запечатлѣнъ характеромъ ожесточенной вражды между правительствомъ и его недавними приверженцами. Казалось что разрывъ между княземъ Бисмаркомъ и національ-либералами былъ полный. Ультрамонтаны торжествовали. Были и другіе признаки дававшіе поводъ думать что наступилъ радикальный поворотъ въ церковной политикѣ князя Бисмарка. Былъ обнаруженъ отвѣтъ наслѣднаго принца, вступившаго въ управленіе имперіей, на письмѣ папы Льва XIII, въ коемъ высказано было убѣжденіе въ необходимости установить миръ между католическою церковью и государствомъ. Князь Бисмаркъ велъ какіе-то таинственные, но чрезвычайно дѣятельные переговоры съ монсиньоромъ Мазелли, папскимъ нунціемъ при Баварскомъ дворѣ, нѣсколько разъ пріѣзжавшимъ для этого ко князю Бисмарку въ Киссингенъ. Было также извѣстно что министръ исповѣданій, Фалькъ, виновникъ „майскихъ законовъ“ и самый ревностный исполнитель, вопиющей противъ папскихъ притязаній политики князя Бисмарка, подалъ въ отставку, которая хотя и не была принята немедленно, но вопросъ о ней оставался открытымъ. Партія центра, между тѣмъ, продолжала свою наступательную политику и ожививъ свои силы въ новыхъ выборахъ выступила въ рейхстагъ противъ законопроекта о соціалистахъ: подѣлывая предлогомъ что революціонная пропаганда не можетъ быть подавлена исключительными мѣрами, а что для этого есть лишь одно дѣйствительное средство: заключеніе мира съ Римскою церковью и отмена тѣхъ законовъ коими ознаменовалась культурная борьба.

Съ возвращеніемъ императора Вильгельма въ Берлинъ и вступленіемъ его вновь въ управленіе государствомъ, клерикалы рѣшились дѣйствовать энергически. Они внесли въ Пруссійскій ландтагъ два предложенія прямо направленные къ отмене ненавистныхъ имъ майскихъ законовъ. Одно изъ нихъ, внесенное г. фонъ-Шорлемеръ-Альстомъ, заключается въ томъ чтобы воз-

становлены были статьи 15, 16 и 18 Пруссійской конституціи, отмѣненные въ маѣ 1875 года, по коимъ католическая церковь пользовалась въ Пруссіи различными прерогативами. Статьи эти были отмѣнены именно потому что майскіе законы шли въ разрѣзъ съ этими прерогативами и клерикалы основывали на нихъ свою „легальную“ оппозицію противъ новыхъ законовъ. Это предложеніе г. фонъ-Шорлемеръ-Альста до сихъ поръ еще не подвергалось формальному обсужденію ландтага. Другое предложеніе, исходившее отъ самаго вожака ультрамонтанъ, г. Виндгорста, было съ виду менѣе рѣшительнаго свойства и по видимому было разчитано на успѣхъ. Оно заключалось въ томъ чтобы пріостановлено было „впредь до новыхъ распоряженій“ упраздненіе существовавшихъ еще къ 1-му декабря сего года духовныхъ орденовъ и орденскихъ конгрегацій католической церкви кои занимаются воспитаніемъ юношества. Однимъ изъ майскихъ законовъ, а именно закономъ отъ 31-го мая 1875 года, отмѣнены были въ Пруссіи всѣ католическіе ордена и данъ былъ четырехлѣтній срокъ на ликвидацію тѣхъ изъ нихъ кои занимались обученіемъ и воспитаніемъ юношества. Въ настоящее время такихъ учреждений осталось лишь весьма немного. И вотъ, въ защиту этихъ немногихъ обреченныхъ на гибель воспитательныхъ (преимущественно женскихъ) заведеній, выступилъ г. Виндгорстъ со своимъ предложеніемъ. Общественное мнѣніе въ Германіи слѣдило съ напряженнымъ вниманіемъ за судьбой этого предложенія не столько изъ за сопряженной съ нимъ судьбы двухъ-трехъ католическихъ женскихъ институтовъ до сихъ поръ существующихъ на Рейнѣ, сколько потому что на этомъ вопросѣ должно было сказаться дальнѣйшее направленіе „культурной борьбы“ и отношеніе къ оной правительства, равно какъ и указаніе на состояніе таинственныхъ переговоровъ которые до сихъ поръ ведутся съ Ватиканомъ, но о которыхъ ничего не проникло въ публику. Всѣмъ было ясно что п. со стороны клерикаловъ это былъ лишь *ballon d'essai*. Пруссійскій ландтагъ, какъ сообщилъ намъ въ прошедшій четвергъ телеграфъ, отвергъ предложеніе г. Виндгорста, принявъ предложенный со стороны національ-либераловъ простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Въсѣмъ съ тѣмъ, пренія по этому поводу во многомъ

выяснили общее положеніе церковнаго вопроса въ Германіи. Важнѣйшимъ эпизодомъ этихъ преній была рѣчь министра исповѣданій г. Фалька. Рѣчь эта должна была разсѣять всѣ иллюзіи нѣмецкихъ ультрамонтанъ и доказать имъ еще разъ что князь Бисмаркъ не такой государственный человекъ чтобъ его можно было поколебать въ разѣ принятомъ рѣшеніи и заставить отступить отъ руководящей идеи положенной имъ въ основаніе своей политики. Г. Фалькъ категорически заявилъ что всѣ мечтанія клерикаловъ объ измѣнившихся намѣреніяхъ правительства совершенно тщетны, и что если они разчитываютъ на возстановленіе мира путемъ отмѣны майскихъ законовъ, то они очень ошибаются. Клерикалы старались ослабить впечатлѣніе этого заявленія восклицаніями коими они прерывали рѣчь министра и которыя имѣли тотъ смыслъ что г. Фалькъ можетъ говорить лишь о намѣреніяхъ того правительства коего онъ состоитъ членомъ, намекая тѣмъ на шаткость его собственнаго положенія. Но г. Фалькъ успѣшилъ разсѣять и эту иллюзію заявивъ что онъ уполномоченъ на свое заявленіе всѣмъ составомъ правительства. Дабы придать еще большее удареніе этому заявленію, правительственная замѣтка, появившаяся на другой день, объявила лишенными всякаго основанія всѣ слухи объ отставкѣ министра Фалька. Въ замѣткѣ сказано далѣе что почва для примиренія можетъ быть найдена единственно на основаніи тѣхъ законовъ коими государство сочло необходимымъ оградить себя отъ притязаній церкви, а потому попытка партіи центра направленная противъ этихъ законовъ свидѣтельствуетъ де что эта партія ищетъ не мира, а новаго нарушенія онаго.

Неизвѣстно на сколько партія предводителя г. Виндгорстомъ солидарна въ своемъ образѣ дѣйствій съ теперешнею папскою куріей. Нѣтъ недостатка въ указаніяхъ что нѣмецкіе ультрамонтаны не всѣмъ отождествляютъ себя со своимъ духовнымъ центромъ „по ту сторону горъ“. Но г. Виндгорстъ, во время упомянутыхъ преній, въ свою очередь заявилъ что его партія подчинится условіямъ мира который будетъ заключенъ съ Ватиканомъ, „хотя бы этотъ миръ не вполнѣ соответствовалъ ихъ собственной программѣ.“

Въ виду этого заявленія, берлинскія га-

зеты еще и теперь не теряютъ надежды что папское правительство пойдетъ на компромиссъ...

Б.

Мы получили слѣдующее письмо:

„Парижъ, 6 декабря

„М. г.,—Я встрѣтилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, отъ 19 ноября, нѣсколько относящихся ко мнѣ строкъ, которыя озадачили меня. Вы повидимому упрекаете меня за то что я „оказался болѣе Русскимъ чѣмъ сами Русскіе.“ По истинѣ, такого обвиненія я никакъ не ожидалъ отъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Упрекъ это или комплиментъ, я не заслуживаю ни того, ни другаго. Несмотря на всѣ симпатіи мои къ вашему великому отечеству, я при всякомъ случаѣ старался быть правдивымъ и справедливымъ въ отношеніи къ нему.

„Вы вспоминаете, м. г., появившіяся въ прошлую зиму мои замѣтки о русскихъ финансахъ съ отгѣнкомъ ироніи который заставляетъ меня думать что вы забыли ихъ или не такъ поняли ихъ смыслъ. Вы какъ будто дѣлаете мнѣ два противоположные упрека: во первыхъ, что я слишкомъ благопріятно отзывался о вашей странѣ, во вторыхъ, что я недостаточно довѣрялъ ея силамъ. Я полагаю что въ этомъ отношеніи вы несправедливы ко мнѣ. Я всегда утверждалъ что Россія имѣетъ средства вести большую войну, и вѣрю и нынѣ еще что если ваше правительство сумѣетъ *держаться политики мира*, и сумѣетъ рѣшиться во время *на необходимые налоги*, то русскіе финансы могутъ поправиться. Но исправленіе не можетъ, однако, совершиться безъ страданій для страны, и всѣмъ друзьямъ Россіи позволительно пожалѣть что ослабленіе Порты не оставило вамъ возможности не прибѣгать къ пушкѣ.

„Находя миръ желательнымъ для Россіи, я съ своей стороны не переставалъ защищать въ *Revue des deux Mondes* и въ другихъ изданіяхъ право вашего Государя помогать инсургентамъ Турціи, и жалѣю только объ одномъ что дѣло предпринятое вами не было исполнено по общему согласію самою Европой.

„Я не обратился бы, м. г., къ вамъ съ этими нѣсколькими словами поправки если бы газета ваша не пользовалась такимъ

авторитетомъ, и еслибъ я не уважалъ такъ человѣка стоящаго во главѣ ея.

„Прошу васъ, м. г., принять увѣреніе и пр.

А. Леруа-Больё.

Всегда съ удовольствіемъ читали мы въ *Revue des deux Mondes* этюды г. Леруа-Больё, посвященные Россіи, подъ общимъ заглавіемъ *l'Empire de Tsars*. При просвѣщенномъ взглядѣ и талантѣ автора, статьи эти постоянно отличались замѣчательною основательностію какая рѣдко до сихъ поръ встрѣчалась въ сообщеніяхъ иностранцевъ, особенно Французовъ, о Россіи. Г. Леруа-Больё знакомилъ французскую публику съ учрежденіями и бытомъ современной Россіи. Но, къ сожалѣнію, въ прошлую зиму, онъ прервалъ рядъ своихъ интересныхъ очерковъ и взялъ на себя задачу, всегда неблагоприятную, совѣтника и руководителя въ чужомъ дѣлѣ. Съ бѣльшимъ чѣмъ сколько подобаетъ иностранцу усердіемъ и заботливостію о равновѣсіи нашего бюджета проповѣдывалъ онъ намъ политику мира, и изъ спокойнаго, доброжелательнаго и безпристрастнаго наблюдателя чужой страны, сталъ невольно органомъ одной изъ ея партій.

Проповѣдуя намъ политику мира, г. Леруа-Больё prêchait les convertis. Россія не войнолюбива, и никто въ Россіи не желалъ войны. Всѣмъ извѣстно что не Россія была виновницей смутъ на Востокѣ. Тамъ совершились дѣла которыя отозвались негодованіемъ и ужасомъ въ цѣломъ мірѣ, даже въ Англіи, главной виновницѣ всего зла на Востокѣ. Могла ли Россія, соединенная съ Востокомъ особенно тѣсными узами, оставаться равнодушною? Чувство вызванное въ ней событіями на Востокѣ было всенародное и глубокое, и не могло въ своемъ выраженіи ограничиваться праздными возгласами. Но Россія избѣгала войны; она приглашала державы къ совокупному дѣйствію, и охотно предоставляла другимъ честь инициативы. Россія была до конца миролюбива; она была слишкомъ миролюбива. Она уступала во всемъ чтобы сохранить свое согласіе съ державами, и очутилась наединѣ съ Турціей. Война стала неизбежна не вслѣдствіе воинственной политики Россіи, а „ослѣпленія Порты“ и недоброхотства Европы, какъ свидѣтельствуется самъ почтенный корреспондентъ нашъ.

Итакъ, поощряя Россію къ миролюби-

вой политикѣ не было надобности. Она шла этимъ путемъ,—и пришла къ войнѣ. Что же въ сущности могутъ означать эти увѣщанія обращаемыя къ Россіи чтобъ она держалась политики мира? Не то ли что она должна отказаться отъ участія въ дѣлахъ всемірнаго значенія, пожертвовать своими интересами на Востокѣ и измѣнить тамъ всѣмъ своимъ симпатіямъ?

Если политика уступчивости привела насъ къ войнѣ, то позволительно спросить, не привела ли бы политика противоположнаго свойства къ другому результату, и не были ли бы финансы наши вслѣдствіе того цѣлѣе? Вотъ примѣръ къ соображенію. Англія безъ войны и безъ большихъ тратъ настояла на своемъ, благодаря отнюдь не миролюбивой, принятой ею, осанкѣ.

Насъ, впрочемъ, пугали не одними финансами, но и грозною революціей будто бы кипящею въ нѣдрахъ нашего народа... Въ томъ же изданіи гдѣ печатались статьи г. Леруа-Больё, и въ другихъ французскихъ, появлялись статьи очень дурнаго свойства, явно недобросовѣстныя и диктованныя интригой. Припоминаемъ, между прочимъ, сужденія о процессѣ Вѣры Засуличъ.

Но изъ нашихъ финансовыхъ и другихъ затрудненій мы выйдемъ тѣмъ успѣшнѣе чѣмъ менѣе будемъ руководиться совѣтами и сужденіями иностранцевъ, даже честныхъ и свѣдущихъ. Трудно быть совѣтникомъ въ чужомъ дѣлѣ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ слѣдующее замѣчаніе: Не вѣрнѣе ли было бы еслибы столь даровитый и просвѣщенный писатель какъ г. Леруа-Больё, въ виду смутъ возникшихъ на Востокѣ, обратился со словомъ убѣжденія и совѣта къ общественному мнѣнію не Россіи, а своей страны или вообще Европы, склоняя его къ согласію съ Россіей?

№ 312.

Москва 7-го декабря.

Возвращаемся къ предмету затронутому въ №№ 284, 295 и 305 *Московскихъ Вѣдомостей*, къ ярко обозначившемуся вслѣдъ за недавнею войной возвышенію народнаго благосостоянія въ Россіи, — и переходимъ къ самому капитальному возраженію

противъ этого утѣшительнаго факта, который многимъ неизвѣстно почему такъ досаденъ.

„Несомнѣнное *возбужденіе* у насъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ,“ твердятъ наши экономисты, „есть возбужденіе *лихорадочное*, вызванное преимущественно выпускомъ во время войны полумилліарда кредитныхъ билетовъ. За первымъ періодомъ возбужденія не можетъ не послѣдовать періода экономической реакціи, и истинный патріотизмъ долженъ побуждать каждого сколько-нибудь понимающаго экономическіе вопросы напоминать публикѣ о непремѣнномъ наступленіи этого періода *печали и воздыханій* и о необходимости принятія мѣръ противъ приготовляемыхъ имъ опустошеній.“ Таковъ самый главный аргументъ этихъ господъ. И вся эта дерзкая фальшь заключающаяся въ приведенныхъ звонкихъ фразяхъ выдается нашими софистами за „основныя истины науки!“ Это де „смыслъ самыхъ простыхъ экономическихъ явленій, давно съ *математическою точностью* (!!!) объясненныхъ наукой *).

Для подкрѣпленія ложной теоріи о страшномъ и безусловномъ будто бы вредѣ выпуска государствомъ бумажныхъ денегъ, у насъ, кромѣ *совершенно нейдущихъ къ дѣлу* примѣровъ изъ исторіи бумажно-денежнаго обращенія во Франціи, Австріи и Америкѣ, приводится обыкновенно указаніе на одинъ крупный фактъ нашей собственной экономической исторіи, — фактъ который у многихъ еще въ свѣжей памяти. Вспоминаются первая Восточная война 1853 — 1856 годовъ и вызванный ею выпускъ кредитныхъ билетовъ безъ малаго на 400 милліоновъ рублей; вспоминается *послѣдовавшая* затѣмъ промышленная и акціонерная лихорадка, сопровождавшаяся извѣстнымъ кризисомъ который поглотилъ массы капиталовъ, пустилъ множество людей чуть не по міру, и создалъ общую дороговизну при одновременномъ такъ-

называемомъ безденежѣ, то-есть произвелъ не мнимое только, а дѣйствительное ослабленіе покупательной силы денежной единицы, называемое иначе ея обезцѣненіемъ. Сопоставленіе этихъ печальныхъ событій съ *предшествовавшимъ* выпускомъ кредитныхъ билетовъ въ Крымскую войну выдвигается какъ неотразимое доказательство гибельности выпуска кредитныхъ билетовъ, на какія бы государственныя надобности они не выпускались.

Этимъ господамъ не мѣшало бы немножко поучиться логикѣ хотя бы у тѣхъ самыхъ московскихъ просвиренъ, у которыхъ Пушкинъ совѣтовалъ учиться русскому языку. Этими наблюдательными старушками подмѣченъ фактъ ни въ чемъ не уступающій тому который сбиваетъ съ толку нашихъ экономистовъ. Онѣ замѣтили что до „короначіи“ все было дешевле, а *послѣ* „короначіи“ стало дороже. Но здравый смыслъ, не затемненный книжнымъ хламомъ, не допустилъ ихъ сдѣлать грубую ошибку противъ законовъ логики и смѣшать простую *послѣдовательность* съ *причиненностью*.

Напомнивъ столь часто забываемый у насъ законъ логики, обратимся къ фактамъ исторіи. Припомнимъ экономическій бытъ Россіи въ періодъ предшествовавшій Крымской войнѣ; посмотримъ какія измѣненія были внесены въ него вызваннымъ этою войною 400-милліоннымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ.

Трудно представить себѣ экономическій застой больше того въ какомъ пребывала Россія наканунѣ борьбы съ Англо-Франко-Сардино-Турецкою коалиціей. На всемъ русскомъ бытѣ лежали тяжкимъ гнетомъ крѣпостное право и тѣсно съ нимъ связанная, обусловленная имъ, система управленія. Экономическое движеніе и находящееся въ зависимости отъ него денежное обращеніе развивались лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Все хозяйство, какъ въ помѣщицкѣмъ такъ и въ крестьянскомъ быту, почти безъ исключеній, было не денежное, а натуральное, и шло повсюду дѣдовскимъ, не требующимъ затратъ порядкомъ. Положеніе податныхъ сословій, до крайности обремененныхъ податями и разными повинностями, было таково что они не имѣли возможности предъявлять имѣющій какое-нибудь значеніе спросъ на фабричныя издѣлія и другіе предметы, входящіе нынѣ въ кругъ такъ-называемыхъ крестьян-

*) Уже хоть бы почаще заглядывали наши экономисты въ источникъ своей мудрости, въ экономическіе учебники. По крайней мѣрѣ, они вычитали бы что между такъ-называемыми „экономическими законами“ и математикой нѣтъ ничего общаго. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ г. Маклеодъ: „Политическая экономія есть наука по преимуществу практическая. Очень заблуждаются люди полагающіе что она можетъ быть построена въ кабинетѣ подобно какой-нибудь отвлеченной наукѣ.“

скихъ товаровъ. Всѣ свои заработки крестьянинъ почти сполна несъ на уплату податей и оброка, да на обычную дань акцизно-откупному комиссіонерству. Если затѣмъ у иного мужичка оставалась копѣйка, онъ, при полной необеспеченности его собственности и изъ боязни обратить на себя вниманіе какимъ-нибудь улучшеніемъ въ своемъ бытѣ, торопился спрятать ее въ кубышку. Со стороны помѣщиковъ также почти не было спроса на отечественные товары и издѣлія. Почти все продовольствіе помѣщикъ имѣлъ свое, не покупное; если затѣмъ ему и приходилось покупать кое-что, то преимущественно не отечественные, а привозные, иностранные товары. При такомъ порядкѣ вещей, ни промышленность, ни торговля не имѣли возможности широко развернуться, не могли поэтому и привлекать къ себѣ большихъ денежныхъ капиталовъ: общее положеніе дѣлъ усыпляло всякую предпримчивость. Помимо крестьянской кубышки, всѣ классы населенія знали только одинъ способъ обезпеченнаго помѣщенія капиталовъ: нести ихъ въ сохранную казну или въ приказъ общественнаго призрѣнія, принимавшіе вклады. Размѣнность кредитныхъ бумажекъ на звонкую монету (за исключеніемъ размѣна на мелочь) мало кого интересовала; но всѣхъ интересовала возможность точнѣе увѣренность возможности, всегда получить на свои деньги изъ казны узаконенные четыре годовые процента: въ „ломбардъ“ несли свои сбереженія и помѣщикъ, и чиновникъ, и купецъ. Правительство и его кредитныя учрежденія были центромъ откуда все истекало и куда все возвращалось. Довѣріе къ государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ было полное и неизблемое. Никому не приходило въ голову чтобы *государственный* кредитный рубль могъ когда-нибудь перестать быть тѣмъ чѣмъ онъ былъ, или чтобы *государственные* кредитныя учрежденія могли въ чемъ-либо поколебаться.

И вотъ, при такомъ положеніи раздалась грома Восточной войны и потребовался для ея веденія, помимо другихъ ресурсовъ, выпускъ кредитныхъ билетовъ на сумму 400 милліоновъ, съ пріостановкой размѣна на звонкую монету. Сумма для того времени громадная, имѣвшая, по тогдашнимъ у насъ размѣрамъ денежныхъ капиталовъ, несравненно большее значеніе чѣмъ засмѣ 500 милліоновъ.

Россія не вышла изъ войны побѣдительною и вынесла изъ нея много разочарованій. Не мало иллюзій разлетѣлось какъ дымъ. Исчезло обаяніе военнаго могущества; рухнула вѣра въ пригодность для Россіи прежней системы ея внутреннихъ порядковъ. Все заколебалось, все подверглось вопросу. Одно только устояло непоколебимо, ни мало не пошатнувшись: связь народа съ верховною властью и зиждущаяся на томъ система внутренняго государственнаго кредита.

Никакихъ вредныхъ явленій которыя, по доктринѣ нашихъ экономистовъ, должны быть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, не оказалось. Не сдѣлалось ни промышленной лихорадки, ни дороговизны, ни безденежья, ни обезцѣненія монетной единицы. До прекращенія размѣна и до вексельныхъ курсовъ никому, за немногими исключеніями, не было дѣла. Условія экономическаго быта всѣхъ классовъ населенія оставались тѣ же самыя что и до войны; такимъ же какъ и прежде оставалось и безусловное довѣріе къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ и къ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ. Точно также какъ и до войны, несъ каждый въ „ломбардъ“, изъ четырехъ процентовъ, избытокъ своихъ денежныхъ средствъ. Милліонами, сотнями милліоновъ, накапливались для будущаго въ сундукахъ „ломбарда“ эти народныя сбереженія, въ чаяніи предстоявшихъ реформъ, которыя имѣли снять оковы съ русской экономической жизни и открыть широкій просторъ русскому труду, русской сметкѣ и предпримчивости, русскимъ денежнымъ капиталамъ.

Въ этомъ громадномъ приливѣ въ государственныя кассы свободныхъ денежныхъ капиталовъ, временно не находившихъ въ странѣ выгоднаго и солиднаго помѣщенія, не было ничего вреднаго или неправильнаго. Это было естественное стремленіе части государственнаго безпроцентнаго долга, или дароваго кредита, превратиться въ долгъ процентный, въ кредитъ оплачиваемый. Правда на приливавшіе въ кассы государственныхъ кредитныхъ установленій и затѣмъ непроезвительно въ нихъ лежавшіе денежные вклады нужно было платить проценты. Но платежи процентовъ могъ бы быть неудобствомъ или затрудненіемъ только для *частныхъ* кредитныхъ учреждений, никакъ не для *государственныхъ*. Уплата этихъ про-

центовъ могла даже вовсе не ложиться тягостью на бюджетъ и не требовала непременно установленія новыхъ податей и налоговъ. Деньги на уплату процентовъ по вкладамъ были налицо, въ тѣхъ самыхъ сундукахъ гдѣ непродуманно лежали свободные частные капиталы внесенные въ государственныя кассы, и никакихъ другихъ денегъ русскіе вкладчики не требовали. Да наконецъ и платить-то эти проценты изъ своихъ средствъ государству пришлось бы не долго, ибо лежавшимъ въ „ломбардахъ“ свободнымъ денежнымъ капиталамъ предстояло не долго оставаться свободными. Крестьянская реформа и неизбежно вызываемый ею переходъ отъ натурального къ денежному хозяйству были уже не за горами. Съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, помѣщики, для веденія хозяйства на новыхъ условіяхъ, не замечали бы обратиться къ обычному источнику откуда они всегда черпали нужны имъ денежные средства. И государство, въ своихъ прочныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ и въ накопившихся въ нихъ свободныхъ капиталахъ, имѣло бы готовое и испытанное средство облегчить русскому дворянству трудную переходную эпоху.

Никакихъ иныхъ сколько-нибудь серьезныхъ послѣдствій выпускъ кредитныхъ билетовъ на издержки Крымской войны самъ по себѣ у насъ не имѣлъ. И однако, начавшаяся скорѣ послѣ окончанія этой войны акціонерная лихорадка съ ея послѣдствіями не вымыселъ. Что же было причиной этого плачевнаго и для многихъ гибельнаго факта?

Впечатлѣніе произведенное исходомъ Крымской войны, окончившейся первою со временъ Ляховѣтѣя потерю русской территоріи, было потрясающее. Не было русскаго сердца въ которомъ этотъ исходъ не отзывался бы болью. Весь строй старыхъ порядковъ сдѣлался ненавистенъ. Необходимость какъ можно скорѣ перетряхнуть заржавѣвшую государственную машину и замѣнить въ ней все гнилое здоровымъ и крѣпкимъ сознавалась всѣми и каждымъ. Настала пора обличенія общественныхъ язвъ. Закипѣла работа столь недавно еще придавленной и пѣмотствовавшей русской мысли. Все настоятельно указывало на необходимость освобожденія крестьянъ въ связи съ преобразованіемъ системы податей и повинностей. Наряду съ этимъ, не менѣе рѣшительно ставились

на видъ и другіе наши застарѣлые недуги: кривосудіе, казнокрадство, невѣжество, бѣдность народа при богатствѣ страны, и т. д. Въ невообразимомъ хаосѣ разнородныхъ понятій, быстро, какъ въ калейдоскопѣ, мелькавшихъ и смѣнявшихся другъ друга предъ глазами тогдашней публики, въ непроглядномъ туманѣ разныхъ нахватавшихся изъ книгъ и занесенныхъ изъ чужихъ цѣликомъ, безъ критической провѣрки, готовыхъ теорій, трудно было отличить плевелы отъ пшеницы и не принять иной фальшивой монеты за настоящую. Не мало такихъ теорій, чуждыхъ условіямъ русской жизни, пустили тогда у насъ корни и не перестаютъ понынѣ портить и истощать здоровые соки нашего народнаго организма.

Первымъ плодомъ практическаго примѣненія у насъ экономической доктрины, выработанной чужимъ опытомъ, былъ тотъ самый кризисъ, та самая акціонерная лихорадка, которая несправедливо приписывается выпуску кредитныхъ билетовъ для Крымской войны. Вклады въ нашихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ были именно тѣмъ превращеніемъ безпроцентнаго государственнаго долга въ процентный, которое такъ настоятельно рекомендуетъ экономическая наука; кредитныя учрежденія, куда эти вклады стекались какъ въ резервуаръ, были именно тѣмъ регуляторомъ денежнаго обращенія, тѣми предохранительными клапанами для устраненія могущаго оказаться въ немъ вреднаго излишка, которыхъ необходимость доказывается тою же экономической наукой. Въ своихъ экономическихъ учебникахъ, писанныхъ для странъ гдѣ нѣтъ такихъ кредитныхъ учреждений какія были у насъ, гдѣ національные банки, несмотря на близкія отношенія къ нимъ правительствъ, суть также частные, а не государственные, наши мудрецы не нашли готовыхъ формулъ для функціи нашихъ бывшихъ государственныхъ кредитныхъ учреждений и поспѣшили примѣнить, съ буквальною точностью, къ операціямъ *государственнаго* кредита правила имѣющія смыслъ только по отношенію къ операціямъ *частныхъ* банковъ.

Они знали изъ своихъ учебниковъ (и только изъ учебниковъ) что накопленіе въ кассѣ *частнаго* банка слишкомъ большой денежной наличности, не находящей себѣ помѣщенія на денежномъ рынкѣ, есть обстоятельство крайне для этого банка не-

благопріятное; они знали что уплата процентовъ по вкладамъ не покрываемая получениемъ процентовъ по ссудамъ есть для *частнаго* банка вѣрный путь къ разоренію. Ихъ учебники давали имъ и готовую формулу того какимъ путемъ *частный* банкъ можетъ выйти изъ подобнаго критическаго для него положенія—пониженіе процентовъ по вкладамъ съ цѣлю удаленія изъ банковской кассы обременяющаго ее избытка денегъ. И вотъ они взяли эту формулу и примѣнили ее къ русскимъ *государственнымъ* кредитнымъ учрежденіямъ, не помышляя о томъ что тамъ гдѣ предстоитъ несомнѣнная опасность для шаткаго *кредита частнаго* банка, опирающагося на болѣе или менѣе ограниченныя средства основнаго и запаснаго капиталовъ, нѣтъ даже и повода видѣть опасность для прочнаго и незыблемаго *государственнаго кредита*, опирающагося на всѣ настоящія и будущія средства страны. Проценты по ломбарднымъ вкладамъ съ *четырехъ* были понижены сперва до *трехъ*, потомъ до *двухъ* съ *половиной*, а наконецъ было объявлено что съ 1 января 1860 года платежъ процентовъ по частнымъ вкладамъ будетъ производиться лишь въ размѣрѣ 2%, и то безъ начисленія сложныхъ процентовъ.

Дѣйствіе произведенное на публику этимъ пониженіемъ процентовъ было чуть ли не сильнѣе Севастопольскаго погрома. Съ 1830 года, цѣлая поколѣнія выросли и состарились въ твердомъ убѣжденіи что всякій денежный капиталъ въ Россіи во всякое время, на всякій срокъ и безъ малѣйшаго риска, можетъ быть помѣщенъ въ ломбардъ и приносить вкладчику вѣрные четыре процента дохода. Образъ жизни, вся домашняя обстановка многихъ тысячъ семействъ были разчитаны именно по размѣру этого вѣрнаго дохода. И вотъ вдругъ вѣрное стало невѣрнымъ. Жить на ничтожный процентъ было невозможно; поневолѣ пришлось брать свои деньги изъ ломбарда и пускать ихъ въ рискованныя предпріятія. А между тѣмъ время реформъ долженствовавшихъ пробудить и расширить наше сонное и крайне ограниченное тогда экономическое движеніе было еще впереди; условій необходимыхъ для плодотворной предпріимчивости еще не было, какъ не было и людей способныхъ вести новыя, непривычныя предпріятія. Возникъ насильственно насажденный на русской почвѣ пустоцвѣтъ эфемерныхъ акціонер-

ныхъ предпріятій, разорившихъ своимъ банкротствомъ цѣлыя массы людей бывшихъ до того достаточными. Многимъ памяты сены происходившіе три года тому назадъ въ Москвѣ, на Никольской, у запертыхъ дверей погубленнаго Струсбергомъ Коммерческаго Ссуднаго Банка. Но что значили всѣ эти сены предъ тѣми какія разыгрывались по всему лицу Русской земли въ періодъ исхода этой акціонерной лихорадки, при ея страшныхъ размѣрахъ? Тутъ попался не какой-нибудь частный банкъ съ трехмилліоннымъ капиталомъ, а ликвидировала свои дѣла, къ подрыву прежнихъ солидныхъ и истинно полезныхъ предпріятій, масса акціонерныхъ обществъ съ основными капиталами на сумму до 450 милліоновъ, да умирала не родившись масса такихъ же обществъ съ трехсотмилліоннымъ капиталомъ, не говоря уже о множествахъ частныхъ банкротствъ.

Могъ ли такой погромъ не подорвать значенія денежныхъ капиталовъ Россіи, присужденныхъ доктриной или не приносить достаточнаго дохода, или гибнуть безслѣдно? Могла ли удержаться на прежнемъ уровнѣ цѣна кредитнаго рубля, зиждущаяся на довѣріи къ правительству, когда факты указывали что само правительство какъ бы не признаетъ за своимъ рублемъ прежняго значенія, и выпустивъ его въ свѣтъ не хочетъ брать обратно на прежнихъ условіяхъ? И дѣйствительно, внутренняя цѣнность рубля, то-есть заключенной въ немъ доли государственнаго кредита, упала; возникла общая дороговизна, связанная съ безденежьемъ, то-есть недостаткомъ прежнихъ средствъ для прежняго образа жизни,—дороговизна особенно тяжкая для потерпѣвшихъ отъ страшнаго крушенія.

Все это не фикціи, а факты. Но кто долженъ нести за нихъ отвѣтственность, выпускъ ли кредитныхъ билетовъ на издержки Крымской войны, или доктрина нашихъ экономистовъ? Нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ заботливо исчисляютъ потери государства вызванныя Крымскою войной въ милліардъ рублей. Любопытно знать во что цѣнятъ они потери приписанныя государству доктриной, не сумѣвшей сдѣлать различіе между условіями частнаго и государственнаго кредита. Они признаютъ обезцѣненіе рубля налогомъ съ денежныхъ капиталовъ. Да, это вѣрно, и вскорѣ послѣ Крымской войны дѣйстви-

тельно былъ взысканъ со всѣхъ денежных капиталовъ невыносимо тяжкій, подавляющій налогъ. Но этотъ налогъ былъ взысканъ не на покрытіе военныхъ издержекъ, не въ пользу государства: нѣтъ, этимъ налогомъ была оплачена первая услуга оказанная Россіи безразсуднымъ при-мѣненіемъ чужой доктрины.

Нашихъ экономистовъ не могло вразумить даже крушеніе собственныхъ плановъ ихъ въ періодъ „акціонерной лихорадки.“ Они принялись чинить, какъ Тришкинъ кафтанъ, государственный кредитъ подорванный ихъ доктринерствомъ. Отъ удешевленія кредита пониженіемъ процентовъ по вкладамъ, они, чтобы заклать вызваннаго ими бѣса, бросились, не зная зачѣмъ, къ консолидаціи вкладовъ путемъ заключенія государственныхъ займовъ и подорвали государственный кредитъ и въ этомъ отношеніи до того что въ 1864 — 66 годахъ для настоятельныхъ государственныхъ нуждъ пришлось выпускать „лотерейные“ займы, а въ 1869 году маленькій 15 милліонный выпускъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ могъ состояться лишь по 83 за сто. Они набросились на государственныя кредитныя учрежденія и разбили въ дребезги, какъ очки въ Крыловской баснѣ, испытанное орудіе отечественнаго государственнаго кредита съ которымъ не умѣли обращаться, не найдя для этого указаній въ иноземныхъ учебникахъ.

И въ какую пору настояли доктринеры на ликвидаціи этихъ какъ нельзя лучше приноровленныхъ къ нуждамъ страны государственныхъ кредитныхъ установленій? За восемь, за девять мѣсяцевъ до обнаруженія Высочайшаго Манифеста 19 февраля 1861 года *).

Для Россіи открывалась заря лучшаго будущаго, но оно не могло быть достигнуто безъ временныхъ невзгодъ. Настали для помѣщиковъ черные дни, про которые и накапливались въ былые годы бережения деньги въ ломбардѣ. Но этихъ народныхъ сбереженій къ этой порѣ уже не было: ихъ развѣяло по вѣтру увлеченіе чужеземною доктриной. Настала для русскаго дворянства настоящая нужда въ поддержкѣ со стороны государственнаго кредита, въ которой ему, со време-

ни Екатерины, никогда не было отказа. Но въ этомъ кредитѣ, которымъ дворянство всегда широко пользовалось даже для своихъ частныхъ надобностей, было ему отказано благодаря ликвидаціи кредитныхъ учреждений, въ самое нужное время. Распространяться объ этомъ нѣтъ надобности. Желаящіе могутъ найти по этому предмету не лишенныя интереса подробности, между прочимъ, въ печатавшихся недавно въ *Голосъ* *) дѣльныхъ, хотя и нѣсколь-ко одностороннихъ, статьяхъ г. Весселя, и въ помѣщаемой ниже статьѣ г. Спичакова „Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита.“

При такихъ условіяхъ, тяжело отозвалось на помѣщикѣмъ бытѣ и на всемъ сельскомъ хозяйствѣ совершавшаяся реформа. Но сама ли реформа была тому причиной? Нѣтъ, не реформа, благодѣтельная для помѣщиковъ не менѣе чѣмъ для ихъ бывшихъ крѣпостныхъ, а экономическая доктрина, безъ всякой мѣры превозносящая пользу кредита даже когда онъ служить *рискованнымъ и неблагонадежнымъ* сдѣлкамъ (мы не преувеличиваемъ: это *буквально* пишется и печатается нашими экономистами, и не въ газетныхъ только статьяхъ, а въ серіозныхъ книгахъ издаваемыхъ въ руководство людямъ ведущимъ банковое дѣло), и въ то же время отказавшая въ кредитѣ русскому землевладѣнію въ несомнѣнно благонадежномъ дѣлѣ перехода къ новому порядку сельскаго хозяйства.

№ 313.

Москва, 8-го декабря.

Дворцовые перевороты и заговоры въ Константинополѣ служатъ однимъ изъ обычныхъ средствъ къ коимъ въ данную минуту прибѣгаетъ таинственная рука, управляющая судьбами гальванизованнаго трупа именуемаго Оттоманскою Портой, дабы произвести нужный ей эффектъ. Цѣль этихъ неожиданныхъ *coups de théâtre* не всегда сразу обнаруживается; но опытъ доказалъ что они всегда совпадаютъ съ какимъ-либо рѣшительнымъ моментомъ въ великой борьбѣ которая должна рѣшить судьбу Балканскаго полуострова. Вотъ и въ послѣдніе дни телеграфъ изъ Константинополя,

*) Выдача ссудъ подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній была приістановлена еще ранѣе, съ весны 1859 года

*) Въ №№ 208, 210, 215, 221 и 269.

путемъ чрезъ Вѣну, приносилъ свѣдѣнія о новомъ заговорѣ противъ теперешняго султана, и какова бы ни была истинная подкладка событій совершившихся на дняхъ въ нѣдрахъ сераля, можно навѣрное сказать что дѣло не въ томъ только Мурадъ ли опять замѣнить свергнувшаго его Гамида, или же на мѣсто ихъ обоихъ воярится третій претендентъ. Одно уже то что вѣнскія газеты оказываются посвященными во всѣ тайны *неудавшагося* заговора и спѣшатъ повѣдать ихъ міру служить доказательствомъ что имѣется въ виду извѣстный эффектъ, но какой именно, объ этомъ пока можно лишь гадать. Достоверно лишь то что игра налаженная въ послѣднее время и долженствовавшая, какъ казалось, привести къ чему-то положительному, оказалась кому-то не по вкусу, и вотъ карты опять смѣшаны и переданы въ руки новыхъ подставныхъ партнеровъ: Сафветъ-пашу замѣнилъ въ должности великаго визиря какой-то выходецъ изъ Туниса, Хайреддинъ-паша, и вслѣдъ затѣмъ изъ Константинополя удаленъ ближайшій родственникъ и любимецъ султана Абдулъ-Гамида; Махмудъ-Даматъ-паша, тотъ самый который два года тому назадъ спасъ султана отъ козней Мидхатъ-паши и былъ главнымъ виновникомъ паденія этого „англомана“ изъ Турокъ, затѣявшаго пересоздать Оттоманскую имперію по образцу и подобію Британской.

Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ быть-можетъ и „окончательный миръ“ между Россіей и Турціей снова подвергнется вопросу. Этотъ миръ долженъ былъ регулировать тѣ вопросы кои не затронуты Берлинскимъ трактатомъ, а именно о военной контрибуціи которую Турція обязалась по Санъ-Стефанскому договору уплатить Россіи и о срокѣ очищенія русскими войсками тѣхъ мѣстностей (кругомъ Константинополя) кои не вошли въ составъ Восточной Румелии и на которыя, поэтому, срокъ опредѣленный для очищенія сей послѣдней не распространяется. Каковы въ этомъ отношеніи предположенія новаго великаго визиря, объ этомъ политическіе хроникеры изъ Константинополя рассылающіе свои извѣстія въ иностранныя газеты тщательно умалчиваютъ. Тѣмъ настойчивѣе повторяются слухи о новой конвенціи проектируемой между Англіей и Турціей. Что какіе-то новые переговоры ведутся чрезъ г. Леярда съ новымъ Турецкимъ правительствомъ,

это видно изъ заявленія сдѣланнаго г. Норткотомъ 18 декабря въ послѣднемъ предъ роспускомъ на Рождественскіе праздники засѣданіи палаты общинъ. Изъ этого сообщенія видно что рѣчь идетъ о гарантіи новаго турецкаго займа со стороны Англіи, причемъ англійскій министръ умалчиваетъ какого рода вознагражденіе предлагается за это Турціи. Но при сопоставленіи его заявленія съ сообщеніемъ вѣнской газеты взаимныя недомолвки дополняются, и можно заключить съ нѣкоторою достоверностью о свойствѣ новаго сюрприза который лордъ Беконсфильдъ готовитъ міру. Г. Норткотъ добавилъ, правда, что Англійское правительство на этотъ разъ не будетъ дѣйствовать безъ вѣдома и разрѣшенія парламента и не приметъ на себя денежной гарантіи безъ согласія послѣдняго. Но это не значитъ что предложеніе Турціи отвергнуто. Еслибъ это было такъ, то едва ли г. Норткотъ сталъ бы заявлять публично о полученномъ предложеніи въ самый день полученія онаго. Скорѣе слѣдуетъ предположить что теперешній Британскій кабинетъ упоенный новою блестящею парламентскою побѣдой, одержанною имъ 13 декабря надъ оппозиціей, такъ какъ, при голосованіи порицательной резолюціи, оказалось въ пользу правительства небывалое большинство въ 101 голосъ, слишкомъ увѣрено что каково бы ни было соглашеніе въ которое оно вступитъ съ Турціей, оно будетъ одобрено послушнымъ большинствомъ. Заключить окончательную конвенцію безъ вѣдома парламента правительство теперь и по закону не въ правѣ, такъ какъ парламентъ нынѣ въ сборѣ, чего не было при заключеніи конвенціи 4 іюня. На дѣлѣ же правительство и теперь избавлено отъ неудобнаго и назойливаго контроля оппозиціи, ибо сессія отсрочена почти на два мѣсяца, а къ началу февраля парламенту будетъ вѣроятно представлено готовое соглашеніе, въ утвержденіи коего нѣтъ повода сомнѣваться. Не потому ли и самое предложеніе Турціи, о коемъ такъ давно уже идетъ рѣчь, получено въ Лондонѣ *официально* лишь третьяго дня, то-есть въ самый день закрытія сессіи парламента?

Любопытно сопоставить съ заявленіемъ г. Норткота еще другое официальное заявленіе Англійскаго правительства. 9 декабря, какъ уже было сообщено, статсъ-секретарь Боркъ подтвердилъ, вслѣдствіе

сдѣланнаго ему запроса, что германскій посоль графъ Мюнстеръ сдѣлалъ въ минувшемъ сентябрѣ маркизу Солсбери сообщеніе относящееся до способа разрѣшенія Восточныхъ затрудненій, прибавивъ что сообщеніе это, по свойству своему, не можетъ быть обнародовано. 13 декабря вопросъ объ этомъ сообщеніи снова возбужденъ былъ членомъ оппозиціи Диллингомъ, который спросилъ справедливо ли сообщеніе одной петербургской газеты утверждающей что конфиденціальное предложеніе графа Мюнстера заключалось въ томъ чтобъ Англія согласилась на соединеніе Восточной Румеліи съ Болгаріей, взамѣнъ чего былъ бы предоставленъ ей протекторатъ надъ Константинополемъ. Г. Норткотъ рѣшительно отрицалъ чтобы таково было содержаніе предложенія германскаго представителя, добавивъ что предложеніе это „касалось лишь общаго соглашенія о способѣ исполненія Берлинскаго трактата.“ Итакъ, „посредническія услуги“ Германіи не прекращаются. Она не перестаетъ хлопотать о томъ чтобы Берлинскій трактатъ *былъ* исполненъ. Мы очень рады слышать что чудовищный проектъ о видоизмѣненіи трактата и воссоединеніи обѣихъ частей Болгаріи цѣной отдачи Константинополя въ руки Англіи въ ходъ не пошелъ. Но почему же облечено въ такую таинственность предложеніе въ которомъ нѣтъ рѣчи о видоизмѣненіяхъ трактата, а трактуется лишь о соглашеніи насчетъ исполненія? И не характеризуется ли лучше всего эфемерность постановленій международнаго акта тѣмъ что на другой почти день послѣ торжественнаго заключенія онаго приходится вновь таинственно сговариваться на счетъ его исполненія?

Берлинскія газеты, конечно, не проговариваются о содержаніи конфиденціальныхъ предложеній сдѣланныхъ Германіей Англіи. Онѣ лишь полагаютъ что предложенія эти, о коихъ засвидѣтельствовалъ г. Норткотъ, „какъ должно думать,“ не увѣнчались успѣхомъ. Но вѣнскія газеты утверждаютъ, на основаніи сообщеній изъ Берлина, будто упомянутое предложеніе Германіи между прочимъ заключалось въ томъ чтобы, по выходѣ Русскихъ войскъ изъ Болгаріи и Восточной Румеліи, эти страны были заняты смѣшаннымъ контингентомъ изъ войскъ всѣхъ европейскихъ державъ (за исключеніемъ, какъ слѣдуетъ

думать, Россіи). Извѣстный органъ турецкой дипломатіи, *Новая Свободная Печать*, тщательно взвѣшиваетъ всѣ *pro* и *contra* этого проекта, разумѣется съ точки зрѣнія цѣлости и независимости Турціи, и приходитъ къ тому заключенію что это дѣйствительно „наилучшій способъ исполненія Берлинскаго трактата,“ причемъ не церемонясь объясняетъ что подъ этимъ она разумѣетъ вытѣсненіе Россіи изъ занимаемой ею до сихъ поръ позиціи.

№ 314.

Москва, 9-го декабря.

А.

Константинопольскій корреспондентъ *Times*, желая увидѣть своими глазами что дѣлается въ Восточной Румеліи, и при невозможности придти къ какому-либо заключенію среди разнородныхъ слуховъ ходящихъ въ турецкой столицѣ, недавно предпринялъ поѣздку по этой провинціи, и въ двухъ письмахъ, отъ 26-го и 27-го ноября, изложилъ бѣглый разказъ о своихъ развѣздахъ и заключенія къ коимъ онъ пришелъ на основаніи видѣннаго. Лучшей услуги не могъ онъ оказать болгарскому дѣлу, хотя самъ онъ очень не сочувствуетъ ему. Несочувствіе это сказывается въ его заключеніяхъ, но они столь же мало убѣдительны какъ и разсужденія самой газеты *Times* по ихъ поводу. Для насъ важнѣе факты, и въ этомъ отношеніи въ бѣглыхъ замѣткахъ корреспондента находимъ много указаній которыя тѣмъ интереснѣе что они подлежатъ подозрѣнію въ пристрастіи.

Начать, напримѣръ, съ того что корреспонденту пришлось, на первыхъ же порахъ по выѣздѣ изъ Филиппополя, видѣть слѣды отступленія турецкихъ войскъ. Въ Узункепри церковь была осквернена, а большая церковь въ Чирнели почти разрушена. Многія деревни носили на себѣ слѣды разрушенія, и въ одной изъ нихъ молодой Болгаринъ разказалъ корреспонденту какъ селеніе это было разрушено со-сѣдними Турками, а отецъ его повѣшенъ въ Филиппополѣ, стоявшій же рядомъ молодой Турокъ прибавилъ что нѣсколько турецкихъ семействъ теперь нашли тамъ убѣжище, не подвергаясь никакимъ притѣсненіямъ отъ Болгаръ.

Но самыя потрясающія впечатлѣнія корреспонденту пришлось вынести изъ посѣщенія Карлова, долины Казанлыка, Эски-Загры, и вообще мѣстности между Большими и Малыми Балканами, которая дважды подверглась турецкому погрому. Въ Карловѣ ему рассказали что между Турками и Болгарами былъ, въ началѣ войны, сдѣланъ уговоръ взаимно охранять другъ друга отъ башибузуковъ и Русскихъ; но когда русскія войска, послѣ перваго перехода черезъ Балканы, отступили, Турки тотчасъ же принялись грабить и убивать Болгаръ, а затѣмъ начались судебныя преслѣдованія. Вліятельныхъ Болгаръ отвозили въ Филиппополь, судили ихъ и вѣшали за то что они „съ радушіемъ и гостепріимствомъ“ встрѣчали Русскихъ. Рассказывая объ этомъ жители заявляли корреспонденту что „они ни за что не подчинятся вновь турецкимъ властямъ, и что если Европа попытается исполнить Берлинскій трактатъ, то они воспротивятся тому силой или же удалятся въ Сѣверную Болгарію.“ Затѣмъ корреспондентъ былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Его пригласили посѣтить школу гдѣ собралось много женщинъ, вдовъ убитыхъ или повѣшенныхъ. Онѣ принялись рассказывать видѣнные ими ужасы и испытанныя страданія: „сначала обильно лились слезы, но постепенно негодованіе одержало верхъ, и многія со сжатыми кулаками и сверкающими глазами объявляли что лучше имъ умереть чѣмъ снова увидѣть Турокъ.“

А между тѣмъ отъ Турокъ въ Карловѣ корреспондентъ слышалъ что съ ними обращаются хорошо, хотя они и жаловались что принуждены работать, такъ какъ не могутъ получить назадъ оставленные ими земли.

То же самое увидѣлъ корреспондентъ спустившись въ долину Тунджи, эту знаменитую долину Розъ, прелестнѣйшій уголокъ во всей Юго-Восточной Европѣ. Вотъ предъ нимъ развалины Калофера, города съ тысячею двумястами домовъ, изъ коихъ онъ не нашелъ ни одного который не былъ бы вполнѣ или отчасти разрушенъ. Здѣсь также жители рассказывали что послѣ отступления Русскихъ, болѣе 500 человекъ были убиты, а остальные бѣжали за Балканы, и только послѣ января изъ нихъ вернулось около половины.

Въ деревнѣ Окчиярѣ, въ довольно хорошо сохранившихся турецкихъ домахъ,

покинутыхъ хозяевами, корреспондентъ нашелъ Болгаръ изъ сосѣдней совершенно разоренной болгарской деревни Хаджары. Старшиной тутъ Болгаринъ Григорій Стойновъ, про котораго Турки, разспрошенные корреспондентомъ безъ свидѣтелей, отзывались что онъ охраняетъ ихъ „какъ отецъ своихъ дѣтей“, а между тѣмъ у этого самаго Стойнова Турки убили сестру и зятя, оставивъ на его рукахъ шесть малолѣтнихъ дѣтей. Этотъ замѣчательный человекъ говорилъ корреспонденту что только Турки завѣдомо совершавшіе звѣрства не смѣютъ возвратиться, другіе же могутъ возвратиться ничего не опасаясь. И здѣсь корреспондентъ увидѣлъ такую же сцену какъ въ Карловѣ:

„Собралась толпа мужчинъ и женщинъ, со священникомъ во главѣ. Мужчины молчали, а женщины говорили съ большою запальчивостью. Потомъ священникъ водворилъ молчаніе и произнесъ пылкую рѣчь. Между прочимъ онъ сказалъ что жители были очень благодарны Англіи за помощь оказанную леди Странгфордъ имъ и другимъ разореннымъ поселянамъ, но что они вскорѣ поняли что это было лишь лицемеріемъ, ибо Англія желала вновь поставить ихъ подъ власть тирановъ. И Европа, на фарисейскомъ собраніи въ Берлинѣ, показала себя въ такомъ же духѣ. Онъ увѣрялъ, однако, что попытка эта не удастся, такъ какъ всѣ, мужчины и женщины, готовы скорѣе умереть чѣмъ допустить возвращеніе Турокъ.“

Повсюду корреспондентъ слышалъ одну и ту же повѣсть. Въ деревнѣ Шипкѣ Болгары ему говорили: „Мы потеряли все, но съ Божіею помощью мы поправимся, лишь бы мы были увѣрены что Турки не возвратятся.“ Въ Казанлыкѣ жители подали ему петицію за 200 подписей, въ коей сказано что „если Болгарскій народъ не найдетъ покровителя, то онъ будетъ искать утѣшенія и спасенія въ своихъ собственныхъ слабыхъ силахъ, и будетъ защищаться, хотя бы это усиліе стоило ему полнаго уничтоженія.“

Общій же результатъ наблюденій корреспондента таковъ, говоря его собственными словами: „Нѣтъ сомнѣнія что народъ вообще рѣшительно противъ возврата Турокъ... Можно сказать что Восточная Румелія, конечно, не желаетъ возвращенія Турокъ. Для массы народа оно означаетъ возобновленіе грабежей и убійствъ послѣд-

нихъ двухъ лѣтъ, и всякій мужчина, женщина и ребенокъ натурально смотрятъ на возвращеніе Турокъ съ ужасомъ. Для объясненія этого чувства *вовсе нѣтъ надобности предполагать* существованія русскихъ интригъ или болгарскихъ агитаторовъ. Фактъ объясняется самъ собой. Тѣ что не потеряли близкихъ родственниковъ и спасли часть своей собственности могутъ быть менѣе горячи въ своихъ чувствахъ и выраженіяхъ, но они естественно сочувствуютъ своимъ менѣе счастливымъ сосѣдямъ и не желаютъ вновь подвергаться опасностямъ коихъ недавно избѣжали.

Далѣе корреспондентъ замѣчаетъ что какого бы ни были мнѣнія люди безпристрастные, судящіе издали, о достоинствахъ или недостаткахъ турецкой или болгарской администраціи, но что „Болгарину едва ли возможно не предпочитать нынѣшняго порядка вещей прежнему,“ ибо „только люди жившіе подъ системой не обезпечивавшею равенства племенъ и вѣроисповѣданій могутъ оцѣнить важность переменъ.“ „Къ тому же,“ прибавляетъ онъ, „должно допустить что нынѣшняя система дѣйствуетъ довольно хорошо. Нигдѣ я не слыхалъ отъ Болгаръ ни малѣйшей жалобы, а подчасъ и отъ иностранцевъ слышалъ благоприятные отзывы о нынѣшней системѣ. Въ деревнѣ Окчилярѣ, на примѣръ, одинъ италіанскій докторъ, живущій нѣсколько лѣтъ въ округѣ, увѣрялъ меня что теперь жизнь и собственность гораздо болѣе обезпечены чѣмъ подъ турецкимъ управленіемъ.“

Опасеніе румелійскихъ Болгаръ и ихъ нежеланіе подчиниться рѣшенію Берлинскаго конгресса, какъ развѣдалъ корреспондентъ, сводятся къ слѣдующимъ доводамъ: во первыхъ, они страшатся что теперь турецкая администрація стала бы еще хуже прежней, ибо турецкія власти были бы одушевлены жаждой мщенія. Затѣмъ, къ великому огорченію корреспондента, Болгары объявляли что не ждутъ ничего добраго отъ международной коммисіи, хотя бы она была одушевлена наилучшими намѣреніями: она можетъ де придумать самый совершенный органическій регламентъ, но если исполненіе его ввѣрить Туркамъ, то онъ раздѣлитъ участь гатти-гумаюна и другихъ превосходныхъ законовъ обнародованныхъ султанами. Далѣе, крайнее недовольство между всѣми

классами возбуждается мыслию о турецкихъ гарнизонахъ въ Балканахъ и о назначеніи офицеровъ милиціи султаномъ. Вообще, какъ корреспондентъ убѣдился, всѣ Болгары стремятся видѣть Болгарію собранною воедино, какъ это было сдѣлано Санъ-Стефанскимъ трактатомъ; причемъ однако онъ предостерегаетъ что „совершенно ошибочно распространенное въ западной Европѣ мнѣніе будто эта панболгарская партія есть созданіе Русскаго правительства или русскихъ славянофиловъ.“

Итакъ, англійскій корреспондентъ самъ видѣлъ и убѣдился что во всѣхъ классахъ Болгарскаго народа коренится сильная враждебность къ тѣмъ постановленіямъ Берлинскаго трактата которыя касаются будущности Румелійской провинціи, и хотя онъ допускаетъ что это возбужденіе имѣетъ „широкое, солидное основаніе,“ и что оно отнюдь не вызвано русскими интригами, тѣмъ не менѣе онъ ставитъ въ вину, почти въ преступную небрежность, русскимъ властямъ то что онѣ ничѣмъ не стараются подавить это возбужденіе и не принимаютъ мѣръ чтобы не допустить въ послѣдствіи сопротивленія Болгаръ „рѣшенію Европы помѣстить турецкіе гарнизоны въ Балканахъ.“ Другими словами, онъ желалъ бы видѣть чтобы Россія заставила Болгаръ быть довольными возвращеніемъ ихъ подъ отеческую власть Порты. Какъ это требованіе, такъ и досада на существующее положеніе вещей понятны, такъ какъ, по словамъ корреспондента, только Россія одна и могла бы заставить Болгаръ подчиниться неблагоприятному для нихъ рѣшенію конгресса. Безъ ея же помощи, очевидно, это исполненіе считается безнадежнымъ.

Б.

Да, среди гнили господствующей въ нашемъ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ, при ничтожествѣ „старшихъ,“ только и можно успокоиться душою на нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи, которое готовится намъ на смѣну. Сколько усилій употребляется чтобы сбить его съ пути! Все кажется такъ и устроено чтобы молодые люди въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подвергались пагубнымъ вліяніямъ; все кажется такъ и сдѣлано чтобы покорить ихъ, какъ беззащитное стадо,

подъ власть всякой недостойной интриги. Дворы и залы высшихъ учебныхъ заведеній стали мѣстомъ бурныхъ сходовъ, на которыя собираются, смѣшиваясь со студентами, посторонніе люди, употребляющіе всѣ способы обмана и даже насилія чтобъ увлечь за собою учащуюся молодежь. Но кромѣ явныхъ возбужденій, сколько тайныхъ, безчестно затѣваемыхъ и поддерживаемыхъ не рѣдко даже тѣми кому бы слѣдовало, напротивъ, заботиться объ охраненіи учащагося юношества! Чтò было бы съ университетскою молодежью лѣтъ за десять предъ симъ, еслибы въ то время общество „старшихъ“ явило такой скандалъ, на примѣръ, какъ процессъ Вѣры Засуличъ? Благодареніе Богу! Въ послѣднее время положены у насъ основы подготовительной къ университетамъ школы. Она дѣйствуетъ недавно и среди самыхъ неблагопріятныхъ общественныхъ условій, и она еще далека отъ совершенства, но уже благодѣянія ея чувствуются. Нынѣшніе студенты, въ общей сложности, существенно разнятся отъ прежнихъ поколѣній. Они учились готовясь къ университетской наукѣ, а тѣхъ готовили къ ней куреніемъ опиума...

Вчера мы познакомили нашихъ читателей съ отзывомъ двухъ студентовъ Новороссійскаго университета, которые высказались не только отъ себя, но и отъ своихъ товарищей по курсу. Какое благородство и мужество въ ихъ словахъ и тонѣ! Какая зрѣлость и твердость мысли въ молодыхъ людяхъ среди всеобщей расшатанности! Вотъ они, тѣ новые люди которые идутъ намъ на смѣну...

Съ радостью спѣшимъ сообщить другой фактъ значительныхъ размѣровъ. Въ Московскомъ Университетѣ, въ эти послѣдніе дни, тоже дѣлались попытки возбудить молодежь къ демонстраціямъ и смутамъ. Возбужденія были очень сильныя. И чтò же? Большинство не только не далось въ обманъ, не только не пошло на недостойные зазывы, но сочло должнымъ оказать энергическое противодѣйствіе агитаторамъ, кто бы они ни были. Студенты намѣревались собраться массою чтобъ уличить агитаторовъ и изгнать ихъ изъ своей среды, а когда это не могло состояться, они передали свой рѣшительный протестъ университетскимъ властямъ, прося о принятіи мѣръ къ прекращенію сходовъ въ стѣнахъ Университета. Мы должны добавить

что протестъ этотъ возникъ совершенно свободно среди самихъ студентовъ, и прежде чѣмъ стало извѣстно правительственное распоряженіе касательно недозволенныхъ закономъ сходовъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній.

Нѣтъ сомнѣнія однакоже что прошеніе студентовъ будетъ принято властями Университета, и Совѣтъ его должнымъ образомъ оцѣнитъ этотъ актъ самозащиты университетскаго юношества.

№ 316.

Москва, 11-го декабря.

Судить объ афганскихъ дѣлахъ по англійскимъ телеграммамъ трудно. Противъ излишняго довѣрія къ нимъ предостерегалъ, во время преній въ парламентъ, такой авторитетъ какъ сэръ-Джорджъ Кампбелль, долго служившій въ Индіи и занимавшій тамъ важный постъ вице-губернатора Бенгалии. Онъ обратилъ вниманіе на то что сопровождать войска дозволено только „одобренными“ корреспондентамъ, на которыхъ поэтому нельзя де разчитывать чтобъ они сообщали всю истину, а нѣкоторыя мелкія указанія, какъ на примѣръ извѣстія о большой болѣзненности между лагерными прислужниками, убѣждаютъ его что не все обстоитъ дѣйствительно такъ хорошо какъ инымъ пріятно воображать. Онъ также счелъ себя обязаннымъ протестовать противъ „внушенныхъ“ телеграммъ, свидѣтельствующихъ „о преданности вассальныхъ индійскихъ государей.“ Фактъ этотъ дѣйствительно, и безъ его протеста, обращаетъ на себя вниманіе. Громкія телеграммы возглашали что всѣ эти вассальные раджи наперерывъ желали доказать свою вѣрнопопданность Англіи, отдавая въ ея распоряженіе свои войска противъ Афганцевъ. Между тѣмъ Индійское правительство не слишкомъ-то поспѣшило воспользоваться этими вѣрнопопданными заявленіями и приняло услуги только отъ немногихъ мелкихъ туземныхъ владѣтелей Пенджаба, да и то всего въ размѣръ 3.000 человѣкъ, которые притомъ назначаются не для дѣятельныхъ операцій, а для гарнизонной пограничной службы въ тылу арміи.

Нельзя однако отрицать успѣховъ одержанныхъ Англичанами. Но значеніе этихъ успѣховъ далеко еще не выяснилось, и от-

нюдь нельзя заключить по нимъ о скоромъ окончаніи кампаніи. До сихъ поръ Англичане имѣли собственно только два дѣла съ Афганцами. Первымъ была канонада Али-Масджида, послѣ чего непріятель ночью очистилъ фортъ безъ боя. Другимъ — тяжелая битва выдержанная генераломъ Робертсомъ при занятіи Пейварскаго прохода въ Курамской долины. При всѣхъ же другихъ движеніяхъ Англичанъ непріятель отступалъ безъ боя, и военныя дѣйствія ограничивались тѣмъ, что горныя племена тревожили англійскія войска мародерскими нападеными на ихъ сообщенія. Эти тревоги продолжаются и понынѣ, и не далѣе какъ 16 декабря, изъ Курама, извѣщалось о нападении учиненномъ Мангалами на аррьергардъ отряда сопровождавшаго транспортъ черезъ одинъ изъ проходовъ. Все это вполне понятно. Нельзя было и ожидать чтобъ афганскія войска, плохо къ тому же вооруженныя, могли выдерживать регулярныя битвы съ англійскими войсками. За исключеніемъ единственнаго случая защиты Пейварскаго прохода, они и не пытались на это. Но не довольствуясь извѣстіями объ успѣшномъ движеніи войскъ, офиціальныя англійскія телеграммы постоянно передаютъ еще о томъ что дѣлается впереди англійскихъ отрядовъ, въ мѣстахъ ими еще не достигнутыхъ. По ихъ словамъ, во всемъ Афганистанѣ якобы уже господствуетъ полная анархія; власть эмира почти де не признается; самъ онъ сначала отправилъ свое семейство изъ Кабула, а потомъ бѣжалъ неизвѣстно куда. Разгадку даетъ сегодня корреспондентъ *Daily News*. По его телеграммѣ отъ вчерашняго числа, эмиръ удалился, вмѣстѣ съ русскою миссіей, въ Балхъ. Извѣстіе это напоминаетъ лишь то что давно уже было намъ свѣдомо о намѣреніяхъ эмира. Онъ не обольщалъ себя несбыточнымъ планомъ веденія регулярной войны противъ Англичанъ, а напротивъ, готовился, послѣ первыхъ же столкновений, очистить свою столицу Кабулъ, предоставить ее непріятелю; а самому удалиться въ горы и вести оттуда малую войну, выжидая событий. Если извѣстіе корреспондента *Daily News* вѣрно, то теперь именно и начинается осуществленіе этого плана. И дѣйствительно, телеграмма прибавляетъ что и Заккархали, воинственное афганское племя, удаляются въ горы съ приближеніемъ британскихъ войскъ. Разрушеніе же ихъ фортовъ и домовъ едва ли

можетъ расположить жителей страны къ покорности Англичанамъ.

Труднодумать чтобы такой оборотъ упрощалъ дѣла Англичанъ. Имъ несомнѣнно было бы лучше еслибъ эмиръ, убѣдясь въ невозможности продолжать борьбу, изъявилъ покорность и подчинился всѣмъ англійскимъ требованіямъ. Но удаленіе его изъ столицы и бѣгство въ горы воинственныхъ племенъ подвергаютъ сомнѣнію и ходъ, и исходъ борьбы. Объявить эмира Ширъ-Али низложеннымъ и посадить на его мѣсто другаго, болѣе подручнаго, значило бы повторить роковую ошибку 1838 года, когда на мѣсто низложеннаго Достъ-Магомета былъ Англичанами посаженъ шахъ Суджа. Для поддержанія претендента потребовалось бы постоянное присутствіе британскихъ войскъ и приходилось бы то и дѣло подавлять возмущенія, вмѣстѣ съ продолженіемъ упорной горной войны противъ самого Ширъ-Али.

Безошибочно можно сказать что такая затяжка не въ интересѣ Англіи. Судя по всему, ея правительству было бы пріятнѣе ожидать иного, болѣе быстрого, исхода. Оно испросило у парламента на военные расходы всего 1.200.000 ф. ст., изъ коихъ около 900.000 падаютъ на текущій финансовый годъ, и притомъ возложило этотъ расходъ цѣликомъ на бюджетъ Индіи, чтобы не тревожить англійскихъ плательщиковъ, и безъ того озабоченныхъ плохимъ положеніемъ торговли и промышленности въ настоящее время. Оправдывая такое возложеніе бремени войны на одну Индію, канцлеръ казначейства объяснялъ что Индія должна сама оплачивать свою оборону отъ сосѣда. Въ послѣдствіи, мѣсяца черезъ два, когда болѣе выяснится характеръ войны, Англія можетъ де пособить Индіи, но министръ прибавилъ что въ этой субсидіи можетъ-быть и не встрѣтится надобности, такъ какъ война можетъ скоро окончиться. Также и намѣстникъ Индіи, лордъ Литтонъ, въ рѣчи произнесенной предъ контингентомъ вассальныхъ государей, о которомъ мы говорили выше, выразилъ надежду что „наученный понесенными пораженіями, эмиръ сдѣлаетъ не нужнымъ продолженіе войны.“

Чтобъ оцѣнить это желаніе Англичанъ поскорѣе привести къ концу затѣю, принятую или для поддержанія *престижа*, слѣдуетъ припомнить что Афганское предпріятіе есть лишь часть общей восточной

политики Англии и не может слишком долго отвлекать ее внимание от других плановъ, обрабатываемыхъ въ тайнѣ. Это не болѣе какъ интермедія, важная для общей цѣли, но ее требуется поскорѣе кончить. Весьма вѣроятно что потому лишь нѣсколько и притихли (хотя не прекратились) англійскія интриги въ Константинополѣ что Англичане торопятся прежде всего обезпечить себя со стороны Афганистана. Никто не вѣритъ отрицаніямъ со стороны англійскихъ министровъ предъ закрытіемъ парламента относительно переговоровъ съ Портой. Исторія съ Кипромъ у всѣхъ въ свѣжей памяти. А потому есть поводъ опасаться что обезпечивъ себя въ Индіи, особенно еслибы мы сами оказали Англичанамъ дружескую услугу въ Афганистанѣ пособивъ имъ покончить ихъ ссору съ эмиромъ, они оплатятъ намъ новымъ сюрпризомъ на берегахъ Босфора. Припомнимъ нашъ уговоръ съ ними о Дарданеллахъ. Лордъ Дарби клялся что англійскій флотъ не войдетъ въ Мраморное Море если русскія войска не займутъ ни Дарданеллъ, ни Константинополя. Наши войска, дѣйствительно, не заняли ни столицы турецкой, ни Галлиполи, а англійскій флотъ тотчасъ же затѣмъ вступилъ въ Мраморное Море, гдѣ онъ и хозяйничаетъ по сіе время.

№ 317.

Москва, 12-го декабря.

Опроверженія за опроверженіями—вотъ что теперь à l'ordre du jour, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ берлинскій корреспондентъ. Никто не вѣритъ въ эти опроверженія, ибо ими отнюдь не разсѣвается дипломатическій мракъ. Но таково ужъ свойство дипломатическаго „ремесла“, какъ выражается князь Бисмаркъ. Наступаютъ періоды глухой работы; въ тиши кабинетовъ подготавливаются новые замыслы, а жадная до политическихъ новостей публика должна между тѣмъ довольствоваться какою-либо неопредѣленною и ничего не говорящею формулой, въ родѣ „исполненія Берлинскаго трактата“ и... опроверженіями. Послѣ англійскихъ манифестацій въ сказанномъ смыслѣ, и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Ваддингтонъ счелъ нужнымъ присоединить свой голосъ къ общему хору. Поводомъ къ тому по-

служилъ для него запросъ сдѣланный въ засѣданіи сената г. де-Гонто-Бирономъ, бывшимъ недавно французскимъ посломъ при Берлинскомъ дворѣ. Г. де-Гонто-Биронъ выразилъ опасеніе чтобы Французское правительство своимъ заступничествомъ за Грецію не зашло слишкомъ далеко и не отступило отъ той политики воздержанія которая должна де быть руководящимъ принципомъ Франціи въ иностранныхъ дѣлахъ. Г. Ваддингтонъ поспѣшилъ устранить это опасеніе увѣреніемъ что Франція не вступила до сихъ поръ ни въ какое обязательство, что она вернулась съ Берлинскаго конгресса съ совершенно свободными руками и сохранить эту свободу и впредь. Переходя затѣмъ къ общему положенію дѣлъ, г. Ваддингтонъ счелъ нужнымъ и съ своей стороны повторить всеобщій лозунгъ о необходимости всесторонняго исполненія Берлинскаго трактата. Но изъ его словъ видно что это „благое намѣреніе“ не всегда существовало, а что были и предположенія инаго свойства. „Съ „различныхъ сторонъ“,“ сказалъ французскій министръ, „возникали наклонности поступить болѣе или менѣе несогласно съ тѣмъ что постановлено въ Берлинскомъ трактатѣ. Но въ концѣ концовъ всѣ государственные люди Европы какъ тѣ коимъ „трактатъ принесъ пользу, такъ и тѣ кои „черезъ него потерпѣли ущербъ, пришли „къ тому убѣжденію что есть лишь одно „средство не подвергать вопросу европейскаго мира, а именно всестороннее исполненіе трактата“. Однако и во Франціи никто не удовольствовался этими „успокоительными“ увѣреніями министра Ваддингтона, и пришлось прибѣгнуть къ обычному способу опроверженій. *Journal des Débats*, по поводу объясненій г. Ваддингтона, завелъ рѣчь о готовящемся новомъ соглашеніи между Англіей и Турціей, въ силу коего Англійи имѣютъ быть сдѣланы новыя уступки территоріи въ Сиріи. Легитимистскіе органы подхватили эту тему и стали оплакивать погибшее вліяніе Франціи въ Средиземномъ Морѣ. Раздраженіе противъ Англійи возрастало. *Gazette de France* доказывала что лордъ Беконсфильдъ „эксплуатируетъ неспособность французскихъ государственныхъ людей болѣе пагубнымъ для Франціи образомъ нежели князь Бисмаркъ.“ И вотъ *Агентство Гаваса* сообщило 19 декабря официальное опроверженіе по коему „не было и рѣчи

о занятіи Англіей Александретты, ни о какомъ бы то ни было приращеніи англійскихъ владѣній въ Передней Азіи.“ Французская печать однако этимъ не успокоилась и вовсе не придаетъ вѣры официальнымъ опроверженіямъ, а усматриваетъ въ нихъ лишь продолженіе той игры которая ведется противъ Франціи со времени конвенціи 4 іюня. До поры до времени Англія и не можетъ, какъ доказываютъ французскія газеты, не отрекаться формально отъ приписываемыхъ ей замысловъ на Сирію. Въ этомъ отношеніи она какъ бы связана категорическимъ заявленіемъ изложеннымъ въ нотѣ маркиза Солсбери къ г. Ваддингтону отъ 7 іюля сего года, которая находится въ числѣ документовъ обнародованныхъ вмѣстѣ съ конвенціей 4 іюня. Въ этой нотѣ между прочимъ сказано: „Англійскому правительству было предложено „занять какой-либо пунктъ на Сирійскомъ „побережьи, на примѣръ Александретту. Но „Англійское правительство разсудило что „какія бы оговорки оно ни сдѣлало, та- „кое приобрѣтеніе при теперешнемъ на- „строеніи умовъ было бы истолковано какъ „желаніе приобрѣсти для себя приращенія „въ западной Азіи, а оно не желало быть „заподозрѣннымъ въ планахъ которые на- „ходятся совершенно внѣ круга его пред- „положеній. Вотъ почему оно приняло отъ „султана другую позицію; въ дѣйстви- „тельности менѣе выгодную, но достаточ- „ную для достиженія цѣли и не подающую „повода къ указаннымъ недоразумѣніямъ.“ Эта нота объясняетъ почему теперь съ такимъ рвеніемъ официально опровергаются слухи о предстоящей уступкѣ Александретты. Но не явствуетъ ли изъ нея самой тотъ обманъ на который Франція поддавалась съ такою легкостью? Смыслъ конвенціи 4 іюня понимается всѣми совершенно одинаково: Англія прибрѣла чрезъ нее фактическое владычество надъ *всею* Азіатскою Турціей. Такъ истолковано было дѣло прежде всего въ самой Англіи, восторженно привѣтствовавшей по этому поводу главнаго виновника этого успѣха по возвращеніи его изъ Берлина. Самый тяжелый ударъ нанесенъ былъ конвенціей Франціи. Всѣмъ понятно какой взрывъ негодованія вызванъ былъ тамъ первою вѣстью о конвенціи. Нужно было загладить во что бы ни стало это впечатлѣніе. И вотъ сначала пуценъ былъ слухъ о томъ что конвенція эта, переговоры о

которой сохранялись въ глубокой тайнѣ противъ всѣхъ, не была секретомъ лишь для одной Франціи. Она была де предупреждена о готовящемся соглашеніи и найденъ былъ способъ устранить ея опасенія и заручиться ея согласіемъ. Но затѣмъ обнаружилось что это былъ ложный слухъ, нарочно придуманный чтобы загладить первое впечатлѣніе. Нота маркиза Солсбери, отъ 8 іюля, доказала что Англія обдѣлала дѣло за плечами Франціи, и не сочла нужнымъ справляться съ ея мнѣніемъ. Но было все-таки нежелательно допустить чтобы Франція наконецъ отрезвилась отъ того непонятнаго ослѣпленія въ какомъ пребывало тамошнее общественное мнѣніе во все время Восточныхъ замѣшательствъ. Конвенція 4 іюня на первыхъ порахъ открыла было глаза Французамъ, и показала имъ что честолюбивые происки Англіи на Востокъ столько же угрожаютъ Франціи какъ и Россіи и дѣлу Славянъ. И вотъ маркизъ Солсбери спѣшитъ увѣрить ее что Англія хотя и не посвятила ея въ тайну своихъ переговоровъ съ Турціей по поводу конвенціи 4 іюня, однако помнила объ ея „законныхъ интересахъ“ въ Азіи, и постаралась избѣгнуть всего того что при „настоящемъ настроеніи умовъ“ могло задѣть ея чувствительность. Англіи предложено было взять какой-либо пунктъ въ самой Сиріи, на примѣръ Александретту, но какъ это ни было удобно Англія принесла французской чувствительности великодушную жертву и рѣшилась довольствоваться Кипромъ. На худой конецъ и этого недостаточно „для достиженія цѣли.“ Что эта цѣль есть не что иное какъ полное господство надъ Переднею Азіей, на это во Франціи какъ будто не обратили вниманія, и довольные этимъ фарисейскимъ признаніемъ „законныхъ интересовъ Франціи“ продолжали расшаркиваться предъ Англіей. Но обольщеніе не могло продолжаться. Одно изъ двухъ: либо конвенція 4 іюня останется мертвою буквой, либо первые шаги къ ея исполненію должны снова пробудить заботы Франціи и доказать ей что нѣтъ мѣста ея „законнымъ притязаніямъ“ коль скоро предположеніямъ Англіи суждено осуществиться. Для этого нѣтъ никакой надобности чтобы Англіи былъ формально уступленъ тотъ или другой пунктъ: она все равно забереетъ все въ свои руки какъ только уступлено будетъ къ исполненію конвенціи.

А въ этомъ отношеніи она повидимому не дремлетъ. Не даромъ лордъ Беконсфильдъ недавно заявилъ что дѣло обстоитъ благополучно, и что осуществленіе конвенціи 4 іюня „превзошло ожиданія.“ Извѣстно что идутъ дѣятельныя подготовленія къ сооруженію пѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ долину Евфрата. Исходнымъ приморскимъ пунктомъ этой сѣти служить гавань Александретты, та самая отъ которой Англія такъ великодушно отказалась изъ уваженія къ интересамъ Франціи. Весьма вѣроятно что и теперь англійскія увѣренія продолжаются въ томъ же духѣ, и что упомянутое официальное опроверженіе *Агентства Гаваса* основано на какомъ-либо новомъ формальномъ заявленіи Британскаго кабинета. Тѣмъ не менѣе, упомянутая сѣть желѣзныхъ дорогъ будетъ построена на средства Англіи, и эксплуатація ея будетъ отдана въ англійскія руки, а стало-быть и Александретта неменуемо станетъ англійскимъ портомъ.

Удивительно ли, послѣ этого, что болѣе проникательныя изъ органовъ французской печати начинаютъ сознавать что они попались въ ловушку?

№ 318.

Москва, 13-го декабря.

Все что мы говорили третьяго дня о планахъ англійской политики касательно способа какимъ она разчитываетъ успешно покончить съ Афганскимъ затрудненіемъ и о тѣсной связи этого дѣла съ восточною политикой Англіи на берегахъ Босфора, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ признанныхъ органахъ Англійскаго правительства. Послѣдніе нумера англійскихъ газетъ гораздо болѣе заняты дипломатическою чѣмъ военною стороною Афганскаго дѣла, чему данъ былъ поводъ слѣдующимъ сообщеніемъ петербургскаго корреспондента *Standard*: „Могу сообщить вамъ самую важную новость. Въ послѣдніе дѣсять дней происходили дѣятельныя сношенія между Сентъ-Джемскимъ и С.-Петербургскимъ кабинетами, причемъ графъ Шуваловъ, какъ мнѣ положительно извѣстно, отличился своими искренними стараніями о сохраненіи добраго согласія между обѣими странами. Большая опасность

„для этого добраго согласія наконецъ устранена. Превосходная твердость Англійскаго кабинета увѣнчалась законною побѣдой. Русская миссія въ Кабулѣ формально и официально отозвана. Я имѣю также возможность прибавить что Англійское правительство удостовѣрилось что Россія, когда наступитъ срокъ назначенный трактатомъ, очиститъ тѣ части Европейской Турціи что еще заняты были ея войсками.“

Упоеніе торжества развязало языкъ министерскимъ органамъ, и они проболтались о томъ какъ важно для видовъ Англіи чтобъ Афганская экспедиція не затянулась надолго. „Страна наша,“ восклицаетъ *Morning Post*, „вздохнетъ свободнѣе узнавъ что обильный источникъ интриги устраняется въ такое время когда онъ *всею болѣе* могъ причинить намъ безпокойства. Не далекъ тотъ день когда Ширъ-Али вступитъ въ переговоры съ Индійскимъ правительствомъ для окончанія войны. Въ высшей степени важно чтобы русское вліяніе было вытѣснено изъ сосѣдства Кабула *прежде* чѣмъ начнутся эти переговоры. Успѣхъ англійскаго требованія объ удаленіи русской миссіи окажетъ превосходное впечатлѣніе въ двоякомъ отношеніи. Въ Индіи это впечатлѣніе будетъ сильнѣе чѣмъ успѣхъ нашего оружія въ поддержаніи британскаго престижа. Въ Афганистанѣ удаленіе миссіи будетъ внѣшнимъ и видимымъ знакомъ что эмиръ былъ жертвой неумѣстнаго до-
вѣрія.“

Съ неменьшимъ пафосомъ высказывается объ этомъ обстоятельстве *Times*. „Россія,“ говоритъ она, „признаетъ наше законное преобладаніе въ странахъ граничащихъ съ нашею Индійскою имперіей. Такое публичное признаніе съ ея стороны дастъ истинное значеніе и всякимъ военнымъ успѣхамъ какихъ мы можемъ достигнуть въ Афганистанѣ. Оно докажетъ восточнымъ государямъ что требованія и авторитетъ Англіи *не могутъ оспариваться (are beyond dispute)* даже Россіей, и оно убѣдитъ эмира въ необходимости покориться намъ. Наступающая зима дастъ ему достаточно времени опѣнить значеніе русскаго удаленія, и такимъ образомъ возрастаетъ надежда на скорое окончаніе войны.“

Можетъ-быть, эти чрезмѣрныя ликованія еще преждевременны. Если извѣстіе переданное корреспондентомъ *Daily-News*

объ удаленіи эмира Ширъ-Али въ Балхъ подтвердится, то имъ еще далеко не оправдывается то впечатлѣніе отъ ухода русской миссіи какого ожидаютъ въ Англіи. Но, во всякомъ случаѣ, развѣ неожиданная откровенность англійскихъ газетъ не обнаруживаетъ тревожной заботливости Англіи обезпечить себя со стороны Индіи для того чтобы потомъ вѣрнѣе обрабатывать свои дѣла въ Турціи? Радость по поводу новаго дипломатическаго торжества Англіи развѣ не изобличаетъ опасенія что именно затяжка Афганскаго дѣла могла бы создать серіозную помѣху планамъ Англіи въ другомъ мѣстѣ?

Еслибы мы сами не были убѣждены въ этомъ и хотѣли бы не вѣрить въ связь Восточнаго вопроса съ Афганскимъ, то насъ въ этомъ убѣждаетъ газета *Times*, которая объявляетъ что въ „тѣсной связи“ съ установленіемъ добраго согласія между обѣими имперіями въ Азіи находится и „обозначеніе должныхъ предѣловъ русскаго вліянія въ Восточной Европѣ“, въ смыслѣ: буквальнаго исполненія Берлинскаго трактата. Къ этому заявленію органа лорда Беконсфильда даетъ поводъ краткая рѣчь произнесенная премьеромъ при приѣмѣ депутаціи отъ живущихъ въ Калифорніи Англичанъ, поднесшихъ ему въ золотомъ ковчегѣ адресъ съ признаніемъ его заслугъ для поддержанія величія Англіи. Газета *Times* поясняетъ что при этомъ случаѣ лордъ Беконсфильдъ говорилъ съ большею увѣренностью и рѣшимостью чѣмъ даже въ парламентѣ, и что невозможно подумать чтобы онъ могъ выражаться такимъ рѣшительнымъ языкомъ „не имѣя наилучшихъ основаній полагать что его слова оправдаются фактами.“ Разумѣется, эти слова относились ни къ чему другому какъ только къ Берлинскому трактату. Лордъ Беконсфильдъ, въ благодарность за лесть поднесенную ему депутаціей, приглашалъ своихъ слушателей сохранять увѣренность и, „что бы они не слышали, считать политическимъ фактомъ что Берлинскій трактатъ будетъ поддержанъ и приведенъ въ исполненіе.“ Новаго, впрочемъ, кромѣ этого увѣренія, лордъ Беконсфильдъ ничего не сообщилъ. Онъ только повторилъ провозглашаемое ежедневно до пресыщенія мнѣніе что только этимъ способомъ и можетъ быть обезпечено умиротвореніе Европы, и ксати произнесъ не совсѣмъ скромный панегирикъ се-

бѣ и своимъ товарищамъ на конгрессѣ. „Берлинскій трактатъ, сказалъ онъ, не былъ кое-какъ скропанною (*patched up*) сдѣлкой; онъ не былъ сдѣлкой направленною къ тому чтобы унижить какую-либо державу; онъ составленъ нѣкоторыми изъ самыхъ опытныхъ и искусныхъ государственныхъ людей (какая скромность!) цѣлью конхъ было обезпечить прочный миръ Европы, и я долженъ выразить мое мнѣніе что эта цѣль будетъ вполнѣ достигнута.“

Но въ одурающую лесть поданнаго лорду Беконсфильду адреса страннымъ образомъ вкралась фраза такого содержанія: „ваши мудрые совѣты и твердое положеніе обезпечили Европѣ почетный миръ, обезпечили гражданскую и религіозную свободу угнетеннымъ племенамъ и водворили царство порядка и спокойствія тамъ гдѣ господствовали анархія и угнетеніе.“ Неужели это лесть? Неужели это не пропія? Британскому премьеру конечно извѣстно, чрезъ его агентовъ и консуловъ, о томъ что дѣлается теперь въ Турціи. Первымъ исполненіемъ Берлинскаго трактата было возвращеніе Македоніи подъ власть султана, и насколько эта мѣра была „водвореніемъ порядка и спокойствія тамъ гдѣ господствовали анархія и угнетеніе,“ это читатели могли видѣть изъ приведеннаго во вчерашнемъ номерѣ нашей газеты письма корреспондента *Daily News*. Разказъ его напоминаетъ ужасы 1876, о которыхъ этотъ же самый корреспондентъ впервые сообщилъ англійской публикѣ и которые потомъ были такъ живо описаны покойнымъ Макъ-Гээномъ и офиціально подтверждены докладомъ г. Беринга. Не далѣе какъ въ прошлый мѣсяцъ, Турки въ Македоніи, подъ предлогомъ усмиренія возстанія, принялись грабить, жечь и разрушать болгарскія деревни и убивать жителей, не различая пола и возраста. И эти звѣрства совершаютъ не одни Черкесы и баши-бузузи, а вмѣстѣ съ ними и регулярныя турецкія войска. Корреспондентъ перечисляетъ поименно 12 болгарскихъ деревень разрушенныхъ такимъ образомъ, и, по его словамъ, объ этихъ неистовствахъ должно быть извѣстно британскому консулу Палгреву, находящемуся вблизи сцены этихъ происшествій. Корреспондентъ присовокупляетъ что русскія власти дѣлаютъ все возможное чтобы не дать хода Македонскому возстанію, но что сами Турки желаютъ чтобы возстаніе продлилось, — вѣроятно пото-

му, заключаетъ корреспондентъ, что воз-
станіе дасть имъ предлогъ къ истребленію
Болгаръ.

И это въ устахъ лорда Беконсфильда
называется прочнымъ обезпеченіемъ евро-
пейскаго мира! И онъ *обезпечилъ угнетен-
нымъ племенамъ гражданскую и полити-
ческую свободу, и водворилъ царство по-
рядка и спокойствія* на Балканскомъ полу-
островѣ!

№ 319.

Москва, 14-го декабря.

Положеніе принятое съ самаго начала
замѣшательствъ въ Турціи большею частью
французской печати въ отношеніи къ Рос-
сін и къ восточнымъ христіанамъ, стре-
мившимся освободиться отъ турецкаго ига,
не могло не показаться страннымъ, тѣмъ
болѣе что Франція была совершенно без-
силна оказать какое-либо вліяніе на ходъ
событій. Менѣе всякой другой державы
была она заинтересована исходомъ минув-
шей борьбы. Отъ освобожденія Болгаръ
она не терпѣла никакого ущерба ни въ
своемъ вліяніи, ни своихъ интересахъ.
Еслибъ она могла быть чѣмъ-либо недо-
вольна, то развѣ интригами Англіи. На
дѣлѣ, однако, вышло совсѣмъ иное. Еще
до начала войны, французскіе республи-
канцы, происшедшіе изъ столькихъ рево-
люцій, вдругъ стали страшными консерва-
торами и принялись упрекать бѣдныхъ
Герцеговинцевъ и Босняковъ, потомъ Бол-
гаръ, наконецъ Сербовъ съ Черногорцами,
въ революціонномъ духѣ. Затѣмъ ихъ зло-
ба обринулась на Россію. Этого мало. Рес-
публиканскіе органы съ яростію накину-
лись на англійскихъ либераловъ, и въ
особенности на г. Гладстона, за то что
тѣ посмѣли изобличать неистовства Турокъ
и будто бы поощряли Россію къ войнѣ,
и эти же органы не находили словъ для
превознесенія патріотизма и мудрости лорда
Беконсфильда, а его газеты пользовались
этимъ настроеніемъ французской печати
въ полемикѣ со своими либеральными про-
тивниками, и ставили имъ на видъ что
либеральное мнѣніе на континентѣ со-
чувствуетъ не имъ, а правительству Бе-
консфильда.

Задѣтая наконецъ за живое, оппозиціон-
ная газета *Daily News* занялась разъ-
ясненіемъ причинъ этого страннаго явле-

нія во французской журналистикѣ. Она не
обманывается его наружностію и не вѣ-
рить въ искренность французскаго сочув-
ствія англійской политикѣ. Лондонская оп-
позиціонная газета обращаетъ вниманіе на
то что Франція сама всегда любила пози-
ровать въ качествѣ освободительницы и
защитницы угнетенныхъ, хотя заступни-
чество ея далеко не было безкорыстно.
Правда, Франція заступалась за Грецію,
за христіанъ въ Сиріи, но совсѣмъ иначе
относились Французы къ освобожденію Ита-
ліи. „На Греческій вопросъ,“ замѣчаетъ
Daily News, „Французы смотрѣли безъ
предубѣжденія, на Римскій же вопросъ
они смотрѣли сквозь очки Тьеровскаго шо-
винизма. И этимъ въ сущности объясняют-
ся и отношенія французскихъ либераловъ
къ Россіи. Имъ непріятно видѣть что дру-
гая держава дѣлаетъ то что они не разъ
дѣлали и за что цивилизація должна имъ
всегда быть признательна. Ихъ болѣзнен-
но тревожитъ всякое приращеніе чести
приобрѣтаемое другою державой въ то вре-
мя когда Франція не можетъ шевельнуть-
ся. Освобожденіе очень хорошее дѣло ког-
да бы Франція была освободительницей.
Но пусть другая нація обнажитъ мечъ за
идею, пусть свобода Рима столкнется со
славой государства которое хвалится ти-
туломъ старшей дочери церкви, и вамъ
предстанетъ иное зрѣлище. Французская
республика подавляетъ Римскую респуб-
лику, и совершаетъ дѣло позорнаго поли-
тического лицемерія.“ Впрочемъ, досада
французскихъ руссофобовъ кажется лон-
донской либеральной газетѣ не болѣе какъ
amantium ira. Франція никогда не отказы-
валась отъ мысли что, рано или поздно,
Россія можетъ стать дорогимъ для ней со-
юзникомъ противъ Германіи. А потому
Французамъ и досадно было видѣть какъ
Россія тратитъ въ борьбѣ съ Турціей де-
нги, людей и порохъ которые могли бы
употреблены для лучшихъ, по ихъ мнѣнію,
результатовъ.

Наконецъ, къ этимъ чувствамъ, по суж-
денію лондонской газеты, присоединяется
еще другаго рода ревность, а именно есте-
ственное неудовольствіе Французовъ ви-
дѣть когда другіе люди дерутся въ то вре-
мя когда сами они принуждены сидѣть
спокойно. „Если кто серіозно вообража-
етъ,“ заключаетъ *Daily News*, „что Фран-
цузы смотрятъ на это дѣло безъ преду-
бѣжденія или что они дадутъ хотя бы одну

копѣйку на поддержаніе господства Англіи на Востокѣ, тотъ очень ошибается. Французское сочувствіе во время индійскаго мятежа было на сторонѣ тѣхъ кого они изображали храбрымъ, но угнетеннымъ племенемъ, мужественно сражавшимся за свободу, подъ начальствомъ Нена-Санба и Тантиа Топи.

Все это не только остроумно, но и вѣрно подмѣчено. Вѣрность замѣчаній органа англійской оппозиціи подтверждается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ послѣднее время стали сильнѣе прежняго повторяться слухи объ ожидаемыхъ большихъ перемѣнахъ въ составѣ французскаго министерства. Ожидаютъ что послѣ сенаторскихъ выборовъ, будущаго 5 января, республиканцы, заручившись, кромѣ палаты депутатовъ, большинствомъ и въ сенатѣ, потребуютъ болѣе прямого участія въ дѣлахъ, и первыми жертвами будущихъ министерскихъ перемѣнъ считаютъ нынѣшняго главу кабинета, г. Дюфора, и министра иностранныхъ дѣлъ, г. Ваддингтона. Слухи объ удаленіи послѣдняго очень знаменательны. Они свидѣтельствуютъ, вопреки всему что пишется во французскихъ газетахъ, что его политика безмолвнаго согласія на захваты въ Средиземномъ Морѣ не слишкомъ популярна въ странѣ. Но любопытна тревога заранѣе обнаруживаемая англійскими министерскими органами по поводу этихъ перемѣнъ. Они не знаютъ какъ восхвалить заслуги якобы оказанныя г. Ваддингтономъ Франціи въ критическое для нея время, и горько осуждаютъ нетерпѣніе Французовъ, не умѣющихъ должнымъ образомъ цѣнить сдержанную, но въ то же время достойную осанку этого министра, снискавшаго де всеобщее уваженіе и даже будто бы возвысившаго кредитъ Франціи. А что слѣдуетъ понимать подъ этимъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ которыя читаемъ въ торійской *Pall Mall Gazette*: „Отъ французскихъ палатъ нельзя ожидать чтобъ онѣ удержали въ должности умѣреннаго либерала подобнаго г. Ваддингтону для того только чтобы доставить удовольствіе иностранному правительству, но имъ не мѣшало бы понять какъ выгодно имѣть въ такое критическое время для сношеній съ великими державами министра снискавшаго себѣ такую солидную и почетную репутацію какъ г. Ваддингтонъ.“

№ 320.

Москва, 16-го декабря.

Въ палатѣ депутатовъ Цислейтанскаго рейхсрата разыгрался на прошедшей недѣлѣ эпизодъ чрезвычайно характеристичный для Габсбургской монархіи и неожиданно пролившій нѣкоторый свѣтъ на ту глухую политическую работу которая непрерывно идетъ въ „яѣмецкихъ“ провинціяхъ имперіи, но до послѣдняго времени не проглядывала наружу. Попытки затушить крайне непріятное впечатлѣніе были сдѣланы и на этотъ разъ: вѣнскій и берлинскій телеграфы умолчали о скандалѣ. Но онъ случился въ открытомъ засѣданіи рейхсрата, затаить его вовсе не было никакой возможности, и волей-неволей пришлось австрійской, а за нею и германской печати заняться непріятнымъ казусомъ, который притомъ остался не совсемъ безъ послѣдствій.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Въ засѣданіи 18 декабря разсматривался вопросъ о бюджетѣ, съ коимъ тѣсно такъ связаны вопросы объ иностранной политикѣ Австро-Венгріи. Словоохотливые депутаты оппозиціи не упустили разумѣется и этого случая чтобы „пробрать“ графа Андраши, и посыпались нескончаемыя нападки и „жестокія критики“ на дѣйствія правительства и на нарушенія конституціи. Австрійское правительство, или вѣрнѣе правительства, до такой степени прислушались къ этимъ нападкамъ что чувствительность ихъ совсемъ притупилась, такъ что пренія въ сущности ведутся съ благодушіемъ несмотря на кажущуюся ярость. Но вотъ выступилъ депутатъ Шёнереръ (изъ Нижней Австріи). Онъ радикалъ нѣдущій ни съ какою партіей и не признающій надъ собой никакой политической дисциплины. Онъ нападаетъ съ яростью не только на правительство, но и на оппозицію, упрекая ее въ „платонизмъ“, такъ какъ она ограничивается словоизверженіями, а въ концѣ концовъ подаетъ голосъ за финансовыя мѣры какихъ требуетъ правительство. Онъ, г. Шёнереръ, подаетъ свой голосъ противъ требованій правительства и думаетъ что пока будетъ стоять теперешнее правительство народъ не долженъ платить податей, и „если даже большинство палатъ утвердитъ таковыя, то онъ закричитъ въ окно на улицу что

народъ не долженъ ихъ уплачивать иначе какъ путемъ экзекуціи.“ Гамлетъ сказалъ: „Есть что-то гнилое въ Датскомъ государствѣ,“ а г. Шёнереръ утверждаетъ что въ Австрійской имперіи „все гнило.“ Но неугомонный ораторъ не ограничивается этими комплиментами своему „отечеству;“ онъ продолжаетъ такъ: „Все болѣе и болѣе въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи раздаются кликъ: *Ахъ, еслибы мы наконецъ вошли въ составъ Германской имперіи!*“ Эти слова производятъ сенсацию даже въ привыкшемъ къ „пикантнымъ“ выходкамъ собраніи Цислейтанскаго парламента. Оратора, прерываютъ различными восклицаніями. Но г. Шёнереръ этимъ не смущается и говоритъ: „Повторяю что въ нѣмецкихъ коронныхъ земляхъ Австріи все громче и громче раздаются восклицанія: „Когда же наконецъ мы будемъ принадлежать къ Германской имперіи?““

Выходка неугомоннаго радикала сошла ему съ рукъ совершенно безнаказанно. Онъ даже не былъ призванъ къ порядку президентомъ. Нѣмецкіе члены палаты благоразумно остереглись вступать съ нимъ въ пренія на этой почвѣ. Отвѣчать ему не стѣсняясь могли бы лишь представители не-нѣмецкихъ населеній коронныхъ земель Австріи, но они, какъ извѣстно, не участвуютъ въ рейхсратѣ, за исключеніемъ. Поляковъ и загнанныхъ галицкихъ Русскихъ. Возразить г. Шёнереру пришлось только печати, и разумѣется всѣ нѣмецкіе органы въ Вѣнѣ поспѣшили выразить свое „негодованіе“ противъ „зарапортовавшагося“ депутата и протестовать противъ вѣрности столь смѣло высказаннаго имъ утвержденія. Черезъ нѣсколько дней (21 декабря) представлено было „документальное“ опроверженіе и въ палатѣ депутатовъ. Президентъ палаты прочелъ полученную имъ телеграмму изъ того округа представителемъ коего состоитъ г. Шёнереръ. Подписавшіе телеграмму протестуютъ отъ имени всего округа противъ утвержденія г. Шёнерера, и „клянутся торжественно въ преданности Австрійскому отечеству и любви къ Австрійскому царствующему дому,“ прося довести о томъ до свѣдѣнія палаты. На это г. Шёнереръ заявилъ что онъ считаетъ невозможнымъ вступать въ палатѣ въ пререканіе съ подписавшими телеграмму; но ее подписали лишь немногіе изъ избирателей, и именно тѣ которые принадлежатъ къ партіи кле-

рикаловъ и которые подавали голосъ противъ него. Онъ же, напротивъ, получилъ изъ многихъ мѣстъ сочувственныя заявленія по поводу своей рѣчи, кои онъ готовъ предъявить всѣмъ желающимъ.

Весьма интересно какъ отнеслась къ этому эпизоду хитро руководимая берлинская печать. Вліятельнѣйшій изъ ея органовъ, *Національная Газета*, отозвалась о выходкѣ г. Шёнерера неодобрительно, мотивируя это мнѣніе тѣмъ что „друзья въ родѣ Шёнерера только еще болѣе затрудняютъ поддержаніе существующихъ отношеній между Австріей и Германіей, которое и безъ того сопряжено съ немалыми трудностями.“ *Національная Газета* довольствуется тѣми отношеніями „тѣсной дружбы“ которыя установились благодаръ усиліямъ графа Андраши и такъ блистательно оправдались во время восточныхъ замѣшательствъ и на Берлинскомъ конгрессѣ. Такими общими мѣстами берлинская газета старается обойти сущность вопроса, такъ некстати выдвинутого грубою рукой австронѣмецкаго радикала. Во всякой другой странѣ такая выходка разумѣется была бы совершенно не мыслима; но интересъ дѣла именно въ томъ и заключается что „австрійскаго отечества“ въ дѣйствительности нѣтъ, и если заводится рѣчь о „тяготѣніяхъ“ народностей входящихъ въ составъ Габсбургской монархіи, то неизвѣстно во имя чего можетъ быть предъявленъ протестъ противъ подобныхъ манифестацій.

Щекотливая исторія имѣла еще эпилогъ, не менѣе щекотливый. Въ средѣ *нѣмецкихъ* профессоровъ и студентовъ Вѣнскаго университета существуетъ, съ 1871 года, общество для чтенія (*Leseverein*). Общество это съ самаго своего основанія поставило себѣ задачей „поддержаніе національно-нѣмецкаго образа мыслей и сердечныхъ отношеній австрійскихъ Нѣмцевъ къ Германской имперіи.“ Число членовъ общества простиралось до 700. Черезъ два дня послѣ манифестаціи г. Шёнерера въ рейхсратѣ, общество это было закрыто по распоряженію намѣстника Нижне-Австрійской провинціи. Распоряженіе мотивировано тѣмъ что общество это съ самаго своего основанія „съ настойчивостью преслѣдовало національно-политическія тенденціи.“ Вслѣдствіе этого намѣстникъ признаетъ такое общество „опаснымъ для государства.“

Это запрещеніе существовавшего въ теченіе семи лѣтъ общества вызвало большое волненіе и много толковъ въ мѣстной печати. Ближайшею причиною запрещенія вѣнскія газеты выставляютъ то что однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества былъ тотъ же г. Шенереръ. Но всего характеристичнѣе то что тѣ самые органы вѣнской печати которые отрицали указанное г. Шенереромъ тяготѣніе австрійскихъ Нѣмцевъ къ Германіи, критикуя мѣру правительства запретившую общество, вынуждены признать то что они за нѣсколько дней предъ тѣмъ отрицами. Такъ *Новая Свободная Печать* доказываетъ что нельзя осуждать нѣмецкую учащуюся молодежь Австріи за то что она питаетъ національно-нѣмецкія идеи. „Не слѣдуетъ забывать,“ замѣчаетъ названная газета, „что старшія поколѣнія у насъ воспитаны были въ духѣ какъ австрійскаго, тамъ и нѣмецкаго патріотизма. Это тождество патріотизмовъ было упразднено битвой при Кениггрецѣ и Пражскимъ миромъ. Но развѣ достаточно однако десятилѣтія чтобы изгладить изъ памяти тысячелѣтнюю общность историческихъ судебъ? Австрійскій дуализмъ не есть де что-либо такое что могло бы удовлетворить идеальнымъ стремленіямъ, и нужно имѣть двойственную душу чтобы проникнуться „австро-венгерскимъ патріотизмомъ.“

Вотъ какъ начали ужь поговаривать въ Австро-Венгріи! Вскорѣ, мы полагаемъ, и для главы знаменитаго Габсбургскаго дома станетъ ясно то что давно и для всѣхъ было ясно. Предопредѣленіе судебъ его имперіи, которыя куются въ Берлинѣ, уже начинается совершаться. Лишь только Австрія шагнула на Востокъ, какъ уже и зашевелился въ ней роковой нѣмецкій вопросъ. Честные и ловкіе государственные люди, управлявшіе имперіей Габсбурговъ, все припирали Славянъ къ стѣнѣ, и пугали династію тяготѣніемъ ихъ къ Россіи. Истинная опасность Габсбургской имперіи, таившаяся и зрѣвшая въ ея нѣдрахъ, тщательно прикрывалась, и тѣмъ дѣятельнѣе и шумнѣе принимались радикальныя мѣры противъ того въ чемъ было ея спасеніе...

№ 321.

Москва, 16-го декабря.

Не прошло еще шести недѣль съ тѣхъ поръ какъ намъ приходилось разувѣрять и успокаивать людей приходившихъ въ отчаяніе отъ мысли что „у насъ парить повсюду застой и спячка“ и вопившихъ о томъ на всѣхъ перекресткахъ, — и какая удивительная метаморфоза совершилась въ столь краткій періодъ времени! Кажется, ничего особеннаго за это время не случилось, въ ходѣ экономическихъ дѣлъ въ Россіи не произошло никакой перемѣны, — и что же? То самое положеніе дѣлъ на которое чуть не вчера указывалось какъ на *застой и спячку* выставляется теперь необычайнымъ, страшнымъ *лихорадочнымъ возбужденіемъ*! Тѣ самые врачи которые еще вчера, толпясь около мнимаго больного, хотѣли спасти его отъ малярии, кричатъ теперь что его надо лѣчить отъ горячки! Да полноте, господа! Не пора ли вамъ оставить въ покоѣ здоровыхъ, и не укладывая ихъ насильно на свою клиническую койку, справиться о своемъ собственномъ здоровьи?

Прилагая свою діагностику, непрощенный консилиумъ врачей ведетъ теперь такія рѣчи: „Говорятъ что ярмарки и въ особенности важнѣйшая изъ нихъ, Нижегородская, расторговались какъ никогда; что сбытъ товаровъ былъ великолѣпный и расплаты почти всѣ производились наличными деньгами; что фабрики и заводы пошли какъ давно не удавалось имъ идти; что цѣны на хлѣба повысились; что во всемъ замѣтно оживленіе; что акцизные сборы поднялись; и что поступленіе податей идетъ почти безнедоимочно. *Все это такъ или почти такъ.* Но что все это значитъ? Что же новаго во всѣхъ этихъ фактахъ? Когда же ихъ не было послѣ выпусковъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и чѣмъ они колеблютъ установившіяся, на основаніи именно этихъ самыхъ фактовъ, понятія науки о бумажныхъ деньгахъ? Радуются возвышенію внутреннихъ цѣнъ на многіе наши товары; оживленію спроса на нихъ и возбужденію промышленнаго производства, — но вѣдь это-то и страшно; въ этомъ-то и заключаются признаки лихорадочнаго состоянія.“

Выдаваемая у насъ за „аксіомы“ якобы „установившіяся“ понятія науки о бумажныхъ деньгахъ“ пзвѣстны чуть не каждо-

му школьнику. Но серьезные ученые не придают этимъ понятіямъ значенія аксіомъ и законовъ и, напимѣръ, г. Адольфъ Вагнеръ весьма основательно говоритъ что „установились, и то едва, лишь основныя черты общей теоріи системъ, во первыхъ бумажно-денежной, вовторыхъ денежной, кредитной и финансовой,“ и что „въ каждомъ новомъ случаѣ, когда предстоитъ практикѣ опредѣлить путь, необходима проверка ученія вообще, какъ исходной точки для частнаго случая.“

Наиболѣе толковое изложеніе той экономической теоріи за которую ратуютъ наши доктринеры, не умѣя дать самимъ себѣ яснаго о ней отчета, мы находимъ у гг. Бунге и Вагнера, который, по отзыву кievскаго ученаго, „рукою мастера изобразилъ экономическій процессъ который совершается въ обществѣ вслѣдствіе выпуска огромнаго количества бумажныхъ денегъ. Можно съ увѣренностью сказать,“ прибавляетъ г. Бунге, „что экономическая литература не представляетъ другаго лучшаго, болѣе вѣрнаго и болѣе полного теоретическаго изслѣдованія.“ Итакъ, изложимъ сущность этого процесса руководствуясь трудами гг. Бунге и Вагнера и пополняя ихъ другъ другомъ:

Начинается война; повышаются налоги, заключаются займы, дѣлаются выпуски бумажныхъ денегъ на военные расходы. Расходуемая на войну деньги накапливаются у производителей и поставщиковъ. Деньги эти устремляются въ банки и на фондовую биржу; дисконтъ падаетъ; государственныя бумаги возвышаются въ цѣнѣ вслѣдствіе усиленнаго на нихъ спроса со стороны празднoleжащихъ денегъ. Пока масса свободнаго денежнаго капитала копится и поκειται въ кредитныхъ учрежденіяхъ, запасы денегъ остающіеся праздными еще не обнаруживаютъ вреднаго вліянія. Но это длится не долго. Конецъ войны снимаетъ оковы страха съ духа предпримчивости, а низкій процентъ по ссудамъ и вкладамъ служитъ ему сильнымъ поощреніемъ. Праздные капиталы по большей части принадлежатъ людямъ быстро разбогатѣвшимъ спекуляціями во время войны. По успокоеніи общества отъ военныхъ тревогъ, эти капиталисты обращаютъ свои деньги на новыя спекулятивныя предприятия, на устройство акціонерныхъ обществъ, банковыхъ и кредитныхъ товариществъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ,

на горныя промыслы, фабрики и заводы. Еслибы свободные денежные капиталы послужили для основанія полезныхъ предприятий и были затрачены съ должною бережливостью, то страна нашла бы въ этомъ средства восполнить причиненную войной убыль въ капиталахъ (матеріальныхъ) и накопить новыя сбереженія. Но обыкновенно происходитъ совершенно противное. Образовавшіеся во время войны денежные богатства порождаютъ роскошь и мотовство. Опирающаяся на нихъ предпримчивость преслѣдуетъ одну цѣль — легкое обогащеніе на биржѣ, и отличается крайнею неразчетливостью и безразсудствомъ. При основаніи новыхъ предприятий, разчитывается не столько на прибыльную затрату своихъ средствъ, сколько на перепродажу акцій и паевъ съ выгодною преміей, въ видахъ основанія еще новыхъ предприятий обѣщающихъ такія же спекулятивныя прибыли. Вслѣдствіе основанія, новыхъ предприятий, оборотный капиталъ большими массами обращается въ постоянный. Деньги постепенно проникаютъ во все каналы оборотовъ, производятъ разнообразное возрастаніе цѣнъ и создаютъ около себя картину цвѣтущаго благосостоянія и быстро развивающейся промышленности. До сихъ поръ кризиса еще нѣтъ, это пока только предвѣстіе грядущихъ золъ и болѣзней. Но вотъ свободный денежный капиталъ поглощается вполнѣ новыми предприятиями, вклады и кассовыя средства банковъ быстро уменьшаются. Дисконтъ возвышается. Вслѣдствіе созданнаго новыми предприятиями усиленнаго спроса на сырые матеріалы, на разныя произведенія и на трудъ, выгодное возрастаніе цѣнъ на разные предметы обращается въ невыгодную дороговизну. Начинаются жалобы на безденежье; ощущается затрудненіе въ приобрѣтеніи капитала нужнаго для окончанія или поддержки начатыхъ предприятий. Цѣны фондовъ, государственныхъ бумагъ, акцій и облигацій падаютъ. Наступаетъ кризисъ: предприятия лопаются, и ихъ банкротство влечетъ за собою разореніе цѣлой массы прикосновенныхъ къ нимъ лицъ и имуществъ. Результатомъ являются паника и общій экономическій застой.

Такъ подмѣченъ и описанъ экономистами процессъ возникновенія, теченія и исхода того болѣзненнаго явленія которое носитъ наименованіе „промышленной лихорадки.“

И это называется *закономъ*! Въ этомъ хотятъ видѣть научную формулу!

Гереміада о бѣдствіяхъ происходящихъ отъ выпусковъ бумажныхъ денегъ оказывается въ сущности ничѣмъ инымъ какъ филиппикой противъ богатѣющихъ во время войны производителей, поставщиковъ и подрядчиковъ.

Бываютъ воры поставщики и мошенники подрядчики, но это вопросъ суда и слѣдствія, а не политической экономіи, которая едва ли можетъ выставить закономъ что всякій нажившійся человекъ непремѣнно будетъ бросаться на неразчетливыя и безразсудныя предпріятія. Зачѣмъ будетъ онъ это дѣлать? Спекулятивныя операціи, дутыя акціонерныя предпріятія для легкой и скорой наживы опасны и вредны, но они являются не вслѣдствіе избытка свободныхъ капиталовъ которые могутъ идти и на полезныя предпріятія, а вслѣдствіе злоупотребленія кредита. Для дутыхъ предпріятій, въ родѣ *Crédit Mobilier*, нѣтъ необходимости въ выпускѣ бумажныхъ денегъ. Предпріятіями на фуфу свойственно заниматься скорѣе людямъ ничего не имѣющимъ. Почему, повторимъ, люди съ большими деньгами будутъ непремѣнно пускаться въ дутыя предпріятія? Мало ли что могутъ дѣлать люди съ большими капиталами? Они покупаютъ земли, строятъ дома, открываютъ фабрики и заводы (что отнюдь само по себѣ не вредно); во всякомъ случаѣ, нѣтъ правила чтобъ они непремѣнно бросали свои деньги на вѣтеръ. Въ странѣ гдѣ ничего не тронутъ, гдѣ ничего не разработано, гдѣ столько дѣла для капиталовъ, нечего опасаться предпріимчивости; тамъ надо желать предпріимчивости, а правительство обладаетъ могущественными средствами обращать ее къ полезнымъ цѣлямъ. Напротивъ, тамъ гдѣ уже все такъ-сказать занято и разобрано, гдѣ предпріимчивость выбивается изъ силъ, гдѣ на твердой почвѣ уже нѣтъ для ней мѣста, тамъ по неволѣ капиталы летятъ на воздухъ.

Рисуя яркую картину вреда причиняемаго будто бы скопленіемъ капиталовъ у *спекулянта-поставщика*, экономисты представляютъ подъ завѣсой молчанія — вредъ или пользу причиняемые деньгами попавшими въ руки, напримѣръ, *производителя-земледѣльца*, пополнившего на эти деньги свой хозяйственный инвентарь или уплатившаго долги державшіе его въ кабаль...

Да развѣ на военные издержки идутъ *исключительно* только деньги печатаемыя *ad hoc*? Развѣ на военные издержки не употребляются также деньги поступающія въ казну отъ налоговъ и займовъ? Въ рукахъ разбогатѣвшихъ отъ войны спекулянтовъ одинаково скопляются во время войны и рубли отгиснутые Экспедиціей Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, и рубли внесенные публикой при подпискахъ на займы, и рубли поступившіе въ казну въ видѣ податей и налоговъ, — и первые отнюдь не отличаются магическимъ свойствомъ причинять зло въ чьихъ бы рукахъ они ни скоплялись. На нихъ вовсе не лежитъ такого заклятія какъ на легендарныхъ кладахъ. Чтобы не погрѣшати противъ законовъ логики, признавъ теорію безусловнаго вреда отъ выпуска бумажныхъ денегъ, необходимо признать на ряду съ нею еще другія двѣ *равносильныя* теоріи: во первыхъ, гибельности государственныхъ займовъ, и во вторыхъ, гибельности государственныхъ налоговъ, ибо деньги получаемыя изъ этихъ двухъ источниковъ ведутъ совершенно къ тѣмъ же послѣдствіямъ какъ и печатаемые государствомъ кредитные билеты. Кто, основываясь на вышеизложенномъ экономическомъ процессѣ, говоритъ: „не надо выпусковъ бумажныхъ денегъ,“ тотъ, на томъ же основаніи, *долженъ* сказать: „не надо займовъ, не надо налоговъ,“ — то-есть ничего не надо. На все можно жаловаться; можно сѣтовать и на приливъ *металлическихъ* денегъ; все можетъ быть и вредно, и полезно смотря по условіямъ. „Внезапное появленіе на рынкѣ значительныхъ металлическихъ суммъ не остается безъ тяжкихъ послѣдствій для народнаго благосостоянія; разительнымъ тому примѣромъ служитъ Германія, болѣе пострадавшая отъ наплыва французскихъ денегъ чѣмъ сама Франція уплатившая небывалую контрибуцію.“ Это не наши слова; это слова г. А. К., помѣстившаго въ *Новомъ Времени* статью, направленную противъ насъ и противъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Почтенный г. А. К. не замѣтилъ что говоритъ прозою.

Отъ мертвой доктрины обратимся къ экономической жизни. Посмотримъ нѣтъ ли въ ней на самомъ дѣлѣ признаковъ того болѣзненнаго положенія которое характеризуется именемъ промышленной ляхорадки, и которое могло быть послѣдствіемъ не выпуска кредитныхъ билетовъ, а на-

плыва созданныхъ военными издержками свободныхъ денежныхъ капиталовъ вообще?

Нѣтъ, ничего лихорадочнаго въ нынѣшнемъ экономическомъ оживленіи не замѣчается; ничего болѣзненнаго ни въ расходахъ наличными на ярмаркахъ, ни въ ходѣ промышленныхъ дѣлъ. Нѣтъ ничего лихорадочнаго въ томъ что фабрики закрывшіяся во время бывшаго предъ войною кризиса стали вновь открываться; что тѣ изъ нихъ которыя во время кризиса сократили свое производство теперь расширяютъ оное соразмѣрно усилившемуся спросу на ихъ произведенія. Считать подобное оживленіе лихорадкой значило бы признавать здоровьемъ положеніе дѣлъ при которомъ отечественныя фабрики не имѣли бы заказовъ или отсылали бы заказы къ иностранцамъ. Но вѣдь это не было бы здоровьемъ; это было бы именно застоємъ и спячкой. Чтобъ основались безразсудныя и нерасчетливыя предпріятія, этого пока не видать, и мы были бы весьма благодарны еслибы кто-нибудь указалъ намъ таковыя. Люди биржевой спекуляціи, аферисты на кредитъ, не успѣли еще пока внести свой духъ въ дѣло промышленности, и въ этомъ дѣлѣ поле остается пока за дѣйствительно полезными, а не за эфемерными предпріятіями. Итакъ все у насъ пока обстоитъ благополучно, и трудно даже понять что побуждаетъ нашихъ доктринеровъ и биржевыхъ зайцевъ ротиться и клястися утверждая противное. Но не грозитъ ли въ будущемъ опасность что нынѣшнее здоровое экономическое оживленіе перейдетъ въ такую же лихорадку какою ознаменовалась у насъ эпоха слѣдовавшая за Крымскою войной, и о которой мы упоминали въ № 312 *Московскихъ Вѣдомостей*?

Въ замѣчаемомъ у насъ нынѣ промышленномъ оживленіи, правда, есть много общаго съ тѣмъ какое замѣчалось въ 1855 и 1856 годахъ. Разница между тогдашнимъ и нынѣшнимъ оживленіемъ только въ размѣрахъ промышленности. Тогда ея размѣры (выражающіеся количествомъ фабрикъ и заводовъ, числомъ рабочихъ на нихъ и суммами ихъ оборотовъ) были, сравнительно, ничтожныя, и потому появившееся тогда оживленіе нагляднѣе и рѣзче бросалось въ глаза. Не удивительно, поэтому, что о 1855 и 1856 годахъ всѣ участники тогдашней нашей промышленной и коммерческой дѣятельности гово-

рятъ какъ о *золотомъ времени*, не удивительно что объ этомъ времени и простые рабочіе, и фабричныя, и фабриканты, и купцы всюду говорили г. Безобразову, когда онъ совершалъ въ 1862 году свою вакаціонную прогулку по украинскимъ ярмаркамъ: „мы тогда озолотились.“ Фабрики не успѣвали изготовлять товары, которые быстро расхватывались; строились новыя фабрики и расширялись старыя; удваивалось число рабочихъ часовъ, работали ночью; цѣны на всѣ товары и заработки шли въ гору, и несмотря на то, на всѣ фабрики и ко всѣмъ гуртовымъ продавцамъ товара безпрестанно являлись новыя заказы и новыя покупатели. Люди только что взявшіе товары тотчасъ возвращались за новымъ товаромъ, расплачивались до срока и, если не было наличнаго товара, на перебой заказывали въ сроки. Ничего дурнаго въ этомъ не было. Напротивъ, дай Богъ чтобы всегда такъ было. Въ настоящее время, при несравненно болѣе широкихъ чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ размѣрахъ нашей промышленности, оживленіе ея отъ усиленія спроса, конечно, не могло выразиться съ тогдашнюю яркостью. Но это не мѣняетъ сущности дѣла и не устраняетъ сходства между тогдашнимъ и нынѣшнимъ положеніемъ нашей промышленности. Оживленіе ея, какъ тогда было, такъ и нынѣ есть, не болѣе, а здоровое.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, болѣзнь была внесена въ нашъ экономическій бытъ ложною доктриной потребовавшею пониженія казеннаго учета, то-есть созданія именно того условія которое, по замѣчанію самихъ экономистовъ, вызываетъ духъ спекулятивной предпріимчивости; доктриной вызывавшею акціонерныя предпріятія безъ яснаго представленія цѣли и условій ихъ дѣятельности, безъ всякаго разсужденія о томъ имѣлись ли эти условія налицо въ Россіи; наконецъ, доктриной воспѣвавшей прелести биржевой спекуляціи и приходившею въ восторгъ и умиленіе отъ героев легкой наживы. Эти доктрины не могли не взбудоражить людей въ ту пору, и они не могли не поддаться имъ въ то время когда только-что „новымъ духомъ повѣяло.“ Но *tempora mutantur*; двадцать лѣтъ не даромъ прошли для русской публики, и теперь она, конечно, не дастъ увлечь себя какъ въ бывшее время, хотя она и нынѣ недостаточно ограждена

какъ отъ упомянутой доктрины, такъ и отъ пользующихся ею, какъ сподручнымъ орудіемъ, биржевыхъ дѣльцовъ, отъ которыхъ, — а не отъ выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, — дѣйствительно можетъ грозить опасность нашей экономической жизни въ настоящее время.

По ходу экономическихъ дѣлъ пока ни въ чемъ еще не замѣтно руки вредной биржевой спекуляціи. Но ничто, конечно, не мѣшаетъ быть на сторожѣ противъ возможныхъ съ ея стороны попытокъ воспользоваться появляющимся обиліемъ свободныхъ денежныхъ капиталовъ. Публика отчасти успокоена въ этомъ отношеніи заявленіемъ министра финансовъ что онъ не будетъ поддерживать, какъ это дѣлалось недавно, дутыхъ и эфемерныхъ предпріятій, — и вся русская промышленность говоритъ ему за это спасибо. Но она успокоилась бы еще болѣе еслибы приступлено было къ исправленію какъ государственныхъ, такъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій, уставы коихъ составлялись подъ вліяніемъ и при дѣятельномъ участіи доктрины восхвалявшей кредитъ между прочимъ именно какъ орудіе рискованныхъ и неблагонадежныхъ предпріятій, причемъ самый Государственный Банкъ, оставаясь государственнымъ, усвоилъ въ своей дѣятельности аллюры какъ бы частнаго акціонернаго банка.

Кстати. Тяжелый историческій опытъ показалъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ, при скопленіи свободныхъ денежныхъ капиталовъ вслѣдствіе военныхъ расходовъ, пониженіе казеннаго процента до 2% (съ прежнихъ четырехъ). А какъ высокъ нынѣ размѣръ процента по текущимъ счетамъ (прежніе вклады были въ сущности однозначачи съ нынѣшними текущими счетами) въ Государственномъ Банкѣ? Съ 16 апрѣля 1875 года, размѣръ процента былъ опредѣленъ именно въ 2%, и вслѣдъ затѣмъ, говорятъ, былъ еще стѣсненъ пріемъ денегъ на текущій счетъ отъ частныхъ банковъ, не могущихъ, по самымъ условіямъ своего существованія, терпѣть въ своихъ кассахъ избытка свободныхъ, непроизводительно лежащихъ денежныхъ капиталовъ и вынужденныхъ, въ крайности, ссужать ими даже людей занимающихся не достаточно солидными предпріятіями, — ибо не ихъ кассы, а кассы Государственного Банка могутъ и должны служить регуляторомъ го-

сударственного денежнаго обращенія и клапаномъ предохраняющимъ страну отъ его мѣстной и временной раздутости. Sapi-
enti sat.

№ 323.

Москва, 18-го декабря.

Всѣхъ вѣроятно не мало подивило извѣстіе изъ Константинополя о столкновеніи между англійскимъ членомъ Румелійской международной комиссіи, сэръ-Друммондомъ Вольфомъ, и г. Марешалемъ, который, въ телеграммѣ названъ арендаторомъ таможенъ Филиппопольскаго округа. Столкновение рисуется не въ красивомъ видѣ англійскаго джентльмена, который, вмѣсто занятія возложеннымъ на него дѣломъ, нашелъ досугъ написать анонимный пасквиль, позорящій какъ г. Марешаля, такъ и русскія власти, изобличая ихъ въ стачкѣ для незаконной наживы. Какъ ни отрицивался г. Вольфъ отъ объясненій по этому поводу, прикрываясь своимъ официальнымъ положеніемъ, но прижатый къ стѣнѣ г. Марешалемъ, онъ, наконецъ, принужденъ былъ выдать письменное удостовѣреніе въ томъ что обвиненіе взведенное на г. Марешаля ложно, и что самъ онъ, Вольфъ, никогда не писалъ и не говорилъ ничего позорящаго г. Марешаля и русскія власти въ Болгаріи.

Но вотъ, въ послѣднемъ полученномъ здѣсь номерѣ газеты *Times*, находимъ, подъ видомъ корреспонденціи изъ Филиппополя о „русской администраціи въ Восточной Румелии“, тотъ же пасквиль на русскія власти и г. Марешаля. Корреспонденція эта доставлена не обычнымъ постояннымъ сотрудникомъ газеты (который титуруется *our own correspondent*); а случайнымъ корреспондентомъ (*from a correspondent*), и повидимому писана тою же самою рукой какъ и статья въ *Constantinople Messenger*, послужившая поводомъ къ объясненію между гг. Вольфомъ и Марешалемъ. Такимъ образомъ, можетъ-быть въ то самое время какъ англійскій комиссаръ въ Филиппополь, подъ угрозой пистолета, отрекался ото всякаго соучастія въ клеветѣ, оттуда же, и вѣроятно тою же рукой, послалась въ лондонскую газету статья повторяющая тѣ же самыя клеветы. Родопская комиссія уже показала до какихъ размѣровъ можетъ доходить самая безсовѣстная

ложь, и по гнусностямъ ея отчета можно судить о характерѣ навѣтовъ г. Вольфа и его клеветовъ.

Пештскій корреспондентъ той же *Times* на дняхъ пояснялъ что Румелійская коммиссія потому поспѣшила воспользоваться 19 статьей Берлинскаго трактата, поручившею ей финансовое управленіе Восточною Румеліей, что разчитывала, постепенно забравъ въ свои руки финансы провинціи, перетянуть къ себѣ и всю исполнительную власть. Но такого полномочія ей не дано и Берлинскимъ трактатомъ. Отсюда и досада ея на то что русскимъ управленіемъ уже произведены были тѣ или другіе расходы и заключены разные контракты. Англійскимъ коммиссарамъ, поручившимъ директору Оттоманскаго банка, г. Шмидту, взиманіе доходовъ въ Восточной Румеліи, досадно что они не могутъ прибрать къ своимъ рукамъ средства страны чтобы распоряжаться ими по своему.

Но англійская интрига не ограничивается клеветою на русскія власти въ Болгаріи. Она была бы рада оклеветать всю Россію. Въ торійской *Pall Mall Gazette* открылся новый отдѣлъ имѣющій въ виду сообщать англійскимъ читателямъ „мнѣнія русскихъ газетъ,“ и составитель ея предпосылаетъ ей сожалѣніе что лондонскія газеты до сихъ поръ такъ мало давали мѣста извлеченіямъ изъ русскихъ газетъ. Этотъ недостатокъ онъ взялся дополнить совершенно своеобразнымъ пріемомъ. Его первый очеркъ о русской журналистикѣ въ настоящую минуту какъ нельзя болѣе подходит на пресловутое описаніе одного концерта; заранѣе написанное борзымъ фельетонистомъ, между тѣмъ какъ самый концертъ не состоялся. Докладчикъ лондонской газеты писалъ какъ бы на основаніи программы спектакля какой желалось бы устроить въ Россіи и повѣствуетъ обо всемъ якобы на основаніи русскихъ газетъ. Картина выходитъ самая мрачная. Россія изображается „наканунѣ всеобщаго потрясенія изъ конца въ конецъ нигилистическою агитаціей,“ „раздираемою между чиновною партіей, которая старается гальванизовать народъ въ энтузіазмъ на новую священную войну, и народомъ, который равнодушенъ къ этому.“ Въ примѣръ приводятся случаи: „Мы слышимъ какъ крестьяне укрываются отъ набора и ихъ прячутъ населенія цѣлыхъ деревень, камнями прогоняющія вербующихъ офицеровъ.“ „Въ Одес-

сѣ представленіе оперы Глинки было прервано громкими свистками студентовъ, а когда ихъ выгнали изъ театра, они собрались на улицѣ и заставили венгерскій оркестръ, вызванный изъ ресторана, играть революціонный маршъ.“ Въ Николаевѣ жители, въ годовщину Плевны, вмѣсто того чтобы вывѣсить флаги, по приказанію губернатора, „собрались на шумный митингъ на рынкѣ и приняли резолюцію (даже резолюцію приняли!) заявляющую что имъ надоѣла война и нуженъ миръ.“ Въ томъ же Николаевѣ, читаемъ далѣе, „одинъ нигилистическій издатель на пути въ тюрьму былъ освобожденъ толпой, въ которой видны были и солдаты, и съ торжествомъ отведенъ назадъ въ свою квартиру.“ Изъ какихъ русскихъ газетъ почерпнуты эти разказы — не знаемъ, такъ какъ авторъ статьи не называетъ ихъ. За то онъ именуетъ насъ: „Московскую газету г. Каткова,“ и влагаетъ намъ въ уста придуманную имъ эффектную тираду, нужную ему въ качествѣ правоученія. Мы будто бы говоримъ слѣдующее: „Какъ правительственное учрежденіе *чинъ* (chin) не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ вѣка, и лучшая надежда вѣрно подданныхъ Русскихъ должна состоять въ томъ чтобы правительство вновь прониклось тѣмъ же духомъ какъ во время освобожденія крѣпостныхъ и новымъ великимъ актомъ порвало нравственные узы опутывающія весь народъ. Пусть оно сдѣлаетъ это прежде чѣмъ агитаторы доведутъ націю до нетерпѣнія и сдѣлаютъ слишкомъ труднымъ то что теперь было бы легко.“ Приписать намъ этотъ вздоръ понадобилось для такого заключенія: „положеніе дѣлъ должно быть весьма критическимъ когда самая *лояльная* изъ московскихъ газетъ можетъ писать такимъ образомъ.“

Итакъ, вотъ чего добиваются наши англійскіе друзья, вотъ что желаютъ они видѣть въ Россіи! Вотъ кому угождаютъ и чье дѣло дѣлаютъ добрые и умные люди подбивающіе нашу учащуюся молодежь къ бессмысленнымъ и непристойнымъ демонстраціямъ! А наша развратная печать вотъ кому служить органомъ!

№ 324.

Москва, 19-го декабря.

Къ празднику Рождества въ англійскихъ газетахъ открылись едва ли слишкомъ пріятные для ихъ читателей постоянные отдѣлы подѣ такими заглавіями какъ *failures* — банкротства, *distress in the provinces* — бѣдствіе въ провинціяхъ, *depression of trade* — угнетеніе торговли. Бѣдствія рабочихъ отъ продолжающагося застоя въ промышленности и торговлѣ въ Англіи не сейчасъ начались, и мы уже не разъ обращали на нихъ вниманіе въ нынѣшнемъ году; но теперь англійская печать занята ими болѣе чѣмъ когда-либо. Правительству, по многимъ причинамъ, во время краткой осенней парламентской сессіи не желательно было обращать вниманія на этотъ фактъ. На многіе запросы по этому поводу въ палатахъ министры отдѣлялись благодушными и оптимистическими отвѣтами. Отважный премьеръ, въ одной изъ своихъ рѣчей, даже выразилъ надежду что „наихудшее миновало.“ Но едва успѣлъ закрыться парламентъ какъ его оптимизмъ опровергнуть самую грустною дѣйствительностью. Быстро наступившая суровая зима, съ небывалыми снѣгами, дала жестоко себя чувствовать, бѣдствія нуждающихся классовъ проявились въ болѣе острой формѣ, и столбцы газетъ открылись для сообщеній о крайней нищетѣ для возбужденія имущей публики къ усиленной благотворительности. *Daily News* отправила отъ себя даже „спеціального коммиссіонера“ для объѣзда болѣе бѣдствующихъ промышленныхъ округовъ, и уже помѣстила нѣсколько писемъ его изъ Шеффилда и Манчестера. Стоить лишь развернуть любую англійскую газету: вездѣ читаемъ однѣ и тѣ же печальные сѣтованія и жалобы.

Замѣчательно то что предметы первой потребности не вздорожали. Пшеница, на примѣръ, стоитъ въ низкой цѣнѣ, а именно среднимъ числомъ 41 шиллингъ 6 пенсовъ за четверть, вмѣсто прошлогодней цѣны 54 ш. 6 п., и фермеры жалуются что такая низкая цѣна лишаетъ ихъ всякой прибыли. Разчитываютъ что въ нынѣшнемъ году они продали 600.000 четвертей болѣе прошлогодняго, а между тѣмъ выручили только 7.500.000 ф. ст. вмѣсто 8.175.000 ф. ст. вырученныхъ въ

1877 году. Но тѣмъ замѣчательнѣе что, несмотря на дешевизну хлѣба, бѣдствіе, по общему признанію, не только не походить на обыкновенную нужду зимняго времени и даже на періодически повторяющіеся чрезъ извѣстные промежутки торговые кризисы, а представляетъ собою нѣчто непримѣрное, нѣчто неиспытанное нынѣшнимъ поколѣніемъ, и чему трудно подобрать подходящее сравненіе.

Мы затрудняемся только обиліемъ матеріаловъ чтобы представить ихъ читателямъ въ сколько-нибудь систематическомъ порядкѣ. Не претендуя на полноту, занимаемъ лишь нѣсколько болѣе яркихъ указаній изъ послѣднихъ номеровъ англійскихъ газетъ. Наиболѣе страдают сѣверные и западные округа Англіи, княжество Вельсское и Шотландія, и хотя нѣтъ почти ни одной отрасли промышленности которой бы не коснулось бѣдствіе, но крупнѣе и рѣзче всего выражается оно въ трехъ главныхъ производствахъ Англіи: хлопчатобумажномъ, желѣзодѣлательномъ и каменноугольномъ.

Въ Шеффилдѣ, пишутъ въ *Manchester Guardian*, отъ 23 декабря, не видно и признака чтобы бѣдствіе уменьшалось. Около 14.000 человекъ зависятъ отъ общественной благотворительности. Цѣлая линія домовъ стоятъ не занятыми, и полагаютъ что около 4.000 квартиръ остаются безъ жильцовъ. Въ городѣ образовалось уже 27 комитетовъ для раздачи вспоможеній собираемыхъ подпиской, но опасаются что собранныхъ суммъ едва ли достанетъ до весны. Коммиссіонеръ *Daily News*, въ письмѣ изъ этого же города, поясняетъ бѣдствіе такимъ образомъ: „За дѣятельностью наступившею послѣ войны между Франціей и Германіей послѣдовалъ упадокъ столь продолжительный, столь упорный, наконецъ столь жестокий, что рабочіе бывшіе четыре года тому назадъ предметомъ зависти своихъ собратьевъ теперь заслуживаютъ ихъ сожалѣнія. Уже будетъ два съ половиною года какъ желѣзная промышленность пришла въ упадокъ. Заработная плата упала, а затѣмъ быстро послѣдовало и уменьшеніе количества работы.“ За исключеніемъ Бессемеровою стали, желѣзные издѣлія совершенно не въ спросѣ, и на множествѣ фабрикъ число рабочихъ дней сокращено съ шести до трехъ, двухъ и даже одного дня въ недѣлю.

То же самое явление, по словам *Manchester Guardian*, замѣчается въ сѣверномъ желѣзодѣлательномъ и каменноугольномъ округѣ, включающемъ Дургамъ, Кливландъ и Нортмберландъ. Здѣсь торговля начала падать еще съ 1874 года, и казалось что дѣла не могли уже стать хуже какъ въ 1876 году, послѣ случившихся тогда банкротствъ на пять милліоновъ. Однако пришлось испытать еще худшее. Съ тѣхъ поръ цѣны на желѣзные издѣлія упали отъ $17\frac{1}{2}$ до $22\frac{1}{2}\%$. Вмѣстѣ съ тѣмъ и заработная плата была понижена на 15% , и теперь хозяева собираются еще понизить ее на 5% . Болѣе 1.000 доменныхъ печей, изъ 2.000 въ этомъ округѣ, стоятъ праздными. Изъ 14.000 мастеровыхъ заняты менѣе половины. И утверждаютъ притомъ что значительная часть этой промышленности никогда не можетъ возродиться въ прежнемъ видѣ, такъ какъ заводы были построены для производства желѣзныхъ рельсовъ, а ихъ повсюду замѣняютъ стальные, между тѣмъ какъ до сихъ поръ не удавалось устранить изъ Кливландскаго желѣза примѣсь фосфора дѣлающую его негоднымъ для производства стали.

Изъ Кардифа и Мертира, въ Вельсѣ, сообщаютъ въ ту же газету такіе же неутѣшительныя извѣстія, съ тою только разницей что тамъ грозитъ гигантская стачка каменноугольныхъ рабочихъ, вслѣдствіе требуемаго хозяевами новаго пониженія заработной платы. Вслѣдствіе же упадка желѣзнаго производства, и уголь требуется въ меньшемъ количествѣ, и нѣтъ почти ни одной копи гдѣ бы работа покрывала расходы. Не въ лучшемъ положеніи находится и оловянная промышленность вслѣдствіе огромнаго избытка производства. Вообще положеніе рабочихъ въ Вельсѣ, какъ пишутъ, таково что еженедѣльнаго заработка едва достаетъ на то чтобы влечить самое жалкое существованіе, и это уже отозвалось серіознымъ развитіемъ нищенства. Къ тому же банкротство западно-англійскаго банка совершенно разстроило дѣла многихъ значительныхъ предпріятій.

Размѣры бѣдствія въ Ланкаширѣ не меньше чѣмъ въ другихъ округахъ. Въ Манчестерѣ съ начала зимы уже организована систематически раздача пособій жертвующихъ подпиской въ добавокъ къ приходской благотворительности. Въ Манчестерѣ

и Сальфордѣ, при населеніи въ полмилліона, свыше 27.000 числятся получающими пособіе. Агентство *Provident Society* тратитъ на этотъ предметъ до 1.000 ф. ст. еженедѣльно. Съ другой стороны, однако, разчитываютъ что потребуется отъ 25.000 до 30.000 ф. ст. для облегченія нужды неимущихъ пролетаріевъ до начала апрѣля. Наихудшая черта въ хлопчатобумажномъ, какъ и въ желѣзодѣлательномъ производствѣ, есть та что торговцы не имѣютъ никакой надежды на скорое поправленіе дѣлъ. Между тѣмъ, несмотря на пониженіе платы рабочимъ, они продолжаютъ работать почти въ убытокъ, лишь бы не закрывать фабрикъ. Въ Манчестерѣ, корреспондентъ *Daily News* подмѣтилъ одну особенность настоящаго положенія, а именно что бѣдствіе коснулось почти всѣхъ классовъ населенія. „Не одни только рабочіе,“ пишетъ онъ, „остаются безъ работы, но лишилась занятій и большая порція лицъ занимающихъ болѣе высокое общественное положеніе, часто весьма образованныхъ, которымъ и въ лучшее время гораздо труднѣе сводить концы съ концами: они доведены до самой безнадёжной нищеты... Я слышалъ, напримѣръ, о лицахъ которыхъ, года два тому назадъ, получали ежегодно по нѣскольку сотъ фунтовъ стерлингъ, и постепенно впали въ крайнюю нужду.“ Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ что и „люди недавно еще бывшіе богатыми такъ сильно пострадали отъ банкротства другихъ что принуждены сокращать всѣ излишніе расходы.“ Хозяинъ гостиницы жаловался что онъ не знавалъ такого плохаго времени. Въ счастливые дни 1872—73 годовъ, въ Манчестерѣ толпились иностранные покупатели, —теперь они вовсе исчезли.

Отовсюду, съ большею или меньшею подробностью, слышится одно и то же. Система организованнаго закономъ (*Poor Law*) приходскаго пособія, во главѣ коей стоитъ министръ короны, —это единственное въ дѣломъ мірѣ чисто-англійское учрежденіе министерства пролетаріата, —оказывается несостоятельнымъ для борьбы съ бѣдствіемъ. Во множествѣ городовъ составляются комитеты для сбора добровольныхъ пожертвованій и раздачи ихъ бѣдствующимъ. На митингѣ въ Бѣрмингемѣ съ этою цѣлью меръ заявилъ что подобнаго страданія не было въ теченіе двадцати лѣтъ, и что нужда коснулась людей недавно еще быв-

шихъ зажиточными. Онъ привелъ что, по отчетамъ инспекторовъ санитарнаго комитета, множество дѣтей умираютъ отъ недостатка пищи. Такіе же митинги для обсуждения средствъ къ облегченію бѣдствія были въ Аштонѣ, Вулвергамптонѣ, Честерѣ, Гэнли, Саутамптонѣ, Киддерминстерѣ, Стаффордѣ, Престонѣ, Экзетерѣ, Бёркделѣ, Бёрнли, Плимутѣ, Йоркѣ. Упоминаемъ лишь о тѣхъ какіе попались намъ на глаза въ послѣднихъ нумерахъ газетъ. Въ краткихъ отчетахъ о митингахъ повсюду значится что они вызваны были нищетою множества рабочихъ остающихся безъ дѣла. И явленіе это продолжаетъ все идти подъ гору. Ассоціація каменноугольныхъ заводчиковъ Южнаго Йоркшира и Сѣвернаго Дёрбишира рѣшила понизить на $12\frac{1}{2}\%$ заработную плату рабочихъ. Въ округѣ Дьюсбери открылась обширная забастовка рабочихъ противъ объявленнаго желѣзными заводчиками пониженія платы на 2 шиллинга въ недѣлю; забастовка простирается на всѣ фирмы округа. Желѣзодѣлательная фирма Тёрлея въ Южномъ Стаффордширѣ закрыла заводъ вслѣдствіе усилившагося торговаго застоя. Одна изъ обширнѣйшихъ фирмъ въ Нантвичѣ, занимающаяся издѣліемъ сапогъ, понизила почасную плату рабочимъ: 5.000 рабочихъ на машинныхъ фабрикахъ въ Кру распущены на десять дней по домамъ вслѣдствіе вялой торговли. Въ небольшомъ городкѣ Чардѣ, въ Сомерсетширѣ, забастовка кружевныхъ рабочихъ. Во всѣхъ главныхъ каменноугольныхъ копяхъ Сѣвернаго Дургамскаго округа работы должны были приостановиться вслѣдствіе огромнаго количества выпавшаго снѣга. Это конечно случайность, но она весьма не кстати для населенія и безъ того бѣдствующаго. Приведемъ еще нѣсколько торговыхъ извѣстій изъ *Times*, отъ 23 декабря: „*Барро-на-Фернессъ*. Судостроеніе чрезвычайно тихо, и желѣзо въ отдѣлкѣ въ ограниченномъ спросѣ.“ „*Бёрмингемъ*. У фабрикантовъ на этой недѣлѣ прибавилось весьма мало заказовъ.“ „*Брадфордъ*. Сдѣлки съ шерстью весьма ограничены. Цѣны едва поддерживаются.“ „*Галифаксъ*. Весьма мало сдѣлокъ съ шерстью. Прядильщики сокращаютъ свои заказы, которые крайне ограничены и удовлетворяютъ лишь немедленной надобности.“ „*Гартлпуль*. Привозъ лѣса въ этомъ мѣсяцѣ никогда еще не былъ такъ малъ.“ „*Лидзъ*.

Сукна всякаго рода дешевле чѣмъ были въ началѣ осени. Большая часть фабрикъ рѣшили сократить время работы.“ „*Лейстеръ*. Запасы пряжи у прядильщиковъ весьма велики, несмотря на то что производство было сильно сокращено, и трудно сбывать пряжу даже по выгоднымъ для покупателей цѣнамъ.“ „*Манчестеръ*. Многія продажи были сдѣланы по цѣнамъ низшимъ чѣмъ прежде. Большая часть издѣлій трудно продается въ нѣкоторомъ количествѣ, и несмотря на сокращенное производство рынокъ остается переполненнымъ. Спросъ издѣлій для Индіи и Китая совершенно пресѣкъся.“ „*Ньюпортъ*. Многіе желѣзные заводы едва держатся, и когда получаютъ заказы, то большею частью невыгодные. Желѣзные рельсы почти не спрашиваются, а нѣкоторые недавніе заказы на стальные были взяты по исключительно низкимъ цѣнамъ.“ „*Стокъ-на-Трентъ*. Съ желѣзомъ тише чѣмъ когда-либо. Фабрики и заводы работаютъ на половину, и заказовъ почти нѣтъ.“

Остается прибавить что и Шотландія терпитъ такое же бѣдствіе. Въ Эдинбургѣ, Инвернесѣ, Эбердинѣ, Арбротѣ, Денди, Глазго, Лейтѣ, Гринокѣ, вездѣ не только понижается заработная плата, но и масса рабочаго люда остается безъ дѣла и бѣдствуетъ. Въ Эдинбургѣ 1.500 праздныхъ рабочихъ обратились съ просьбой въ магистратъ, и онъ нанялъ около 300 изъ нихъ для расчистки улицъ отъ снѣга. Въ Эбердинѣ 3.000 людей не имѣютъ занятій, въ Глазго до 5.000, помимо получающихъ пособіе отъ приходскихъ со- вѣтовъ и частной благотворительности.

Эти факты раскрываютъ причину почему правительство лорда Беконсфильда, несмотря на всю увѣренность въ поддержкѣ нынѣшняго парламента, не рѣшило возложить бремя затѣянной имъ войны съ Афганистаномъ на англійскихъ плательщиковъ, а предпочло отнести его на долю безотвѣтныхъ Индусовъ.

№ 325.

Москва, 20-го декабря.

Наканунѣ самаго праздника Рождества князь Бисмаркъ подготовилъ политическимъ партіямъ Германіи сюрпризъ. Мы говоримъ о письмѣ его Союзному Совѣту

по вопросу о пересмотрѣ таможеннаго тарифа, которое обнародовано было въ Берлинѣ 24 (12) декабря. Мы воспроизвели этотъ документъ почти цѣликомъ еще въ субботу. Нѣмецкая печать еще не успѣла высказаться по поводу „письма,“ такъ какъ большинство газетъ въ теченіе двухъ дней не выходило вовсе. Но изъ первыхъ отрывочныхъ и краткихъ замѣчаній, коими сопровождалось посланіе имперскаго канцлера, уже видно какое громадное впечатлѣніе произвело оно въ Германіи. Это весьма понятно. Князь Бисмаркъ выступилъ съ обширною программой экономической и финансовой реформы, программой идущею совершенно въ разрѣзъ не только съ усиленіемъ которое до сихъ поръ упорно отстаиваетъ преобладающая либеральная партія, но и съ принципами коихъ придерживалось правительство какъ бывшаго Сѣверо-Германскаго Союза, такъ и Германской имперіи. Программа эта совершенно противоположна прежнимъ предположеніямъ князя Бисмарка, которыя онъ не далѣе какъ въ 1875 году развивалъ въ рейхстагѣ. Въ посланіи князь Бисмаркъ говорить только отъ своего имени, ни словомъ не упоминая о прусскомъ министерствѣ. Но тѣ перемѣны которыя произошли въ составѣ онаго въ послѣднее время, коихъ причины оставались загадочными, теперь только выясняются вполнѣ. Особенно загадоченъ былъ выходъ въ отставку г. Дельбрюка, бывшаго президента имперскаго канцлерства, оставившаго свою должность два года тому назадъ. За нимъ послѣдовалъ въ этомъ году г. Кампаузенъ, прусскій министръ финансовъ. Гг. Дельбрюкъ и Кампаузенъ были приверженцами принциповъ свободной торговли и ревностно проводили въ финансовой политикѣ вновь созданной Германской имперіи тѣ начала *фрит-редерства* которыя въ 60-хъ годахъ получили широкій ходъ въ Европѣ съ легкой руки императора Наполеона обращеннаго „на путь истинный“ г. Кобденомъ. Англо-французскій торговый трактатъ заключенный по инициативѣ послѣдняго послужилъ первообразомъ для цѣлаго ряда международныхъ соглашеній этого рода, связавшихъ почти все государства западной Европы. Несмотря на то что трактаты эти заключались лишь на срокъ (большею частью десятилѣтній), казалось что принципы свободного оборота прочно утвердились, и г. Дельбрюкъ особенно способ-

ствовалъ утвержденію этого мнѣнія, ибо на первыхъ порахъ пересозданія Германіи онъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ князя Бисмарка и полновластно вѣдалъ финансовую и экономическую политику, причемъ князь Бисмаркъ неоднократно заявлялъ что онъ не считаетъ себя компетентнымъ въ вопросахъ этого рода.

А теперь, какая разительная перемѣна! Князь Бисмаркъ всецѣло принялъ въ свои мощныя руки и эту часть управленія, и со свойственною ему энергіей круто повернулъ въ другую сторону, установивъ рѣзко и опредѣленно тѣ новыя начала которыми онъ отнынѣ намѣренъ слѣдовать. Впрочемъ, этотъ крутой поворотъ въ значительной мѣрѣ объясняется огромными перемѣнами происшедшими въ послѣдніе годы въ экономическомъ быту Германіи и тѣми горькими разочарованіями, которыя постигли тамъ многихъ послѣ лихорадочныхъ увлеченій и золотыхъ грезъ порожденныхъ французскими миллиардами. Экономическій кризисъ наступившій послѣ 1873 года повсемѣстно въ Европѣ отзывался особенно тяжело на германской промышленности не въ мѣру расширившей свою производительность, и въ упоеніи побѣды вообразившей что ей не трудно будетъ поборотъ Французовъ и на этомъ полѣ. Разочарованіе было скорое и весьма горькое. Съ тѣхъ поръ стала складываться въ Германіи партія протекціонистовъ, возрастающая съ каждымъ годомъ и достигшая теперь весьма значительнаго политическаго вѣса. Партія эта настойчиво добивается чтобы германская промышленность, которой не подъ силу оказалась конкуренція съ произведеніями англійской и французской промышленности, была ограждена въ предѣлахъ самой Германіи отъ наплыва подрывающихъ оную произведеній заграничнаго производства. Агитація достигла своего апогея осенью этого года. Предъ самымъ открытіемъ послѣдней сессіи рейхстага была обнародована программа, подписанная 204 депутатами рейхстага, въ которой охранительная таможенная политика выставляется какъ настоятельная и неотложная потребность. Большинство подписавшихъ этотъ манифестъ принадлежитъ къ консервативнымъ фракціямъ. Національно-либералы продолжаютъ до сихъ поръ держаться своихъ прежнихъ экономическихъ принциповъ, и для нихъ посланіе князя Бисмарка было неожиданнымъ и тяжкимъ

ударомъ. Имъ, правда, было не безызвѣстно, что князь Бисмаркъ давно уже пересталъ причислять себя къ приверженцамъ фритредерства. Еще на дняхъ они имѣли случай убѣдиться, что имперское правительство имѣетъ иной взглядъ, нежели они на вопросы этого рода изъ опубликованнаго торговаго трактата съ Австріей заключеннаго лишь на одинъ годъ, но на основаніяхъ не имѣющихъ ничего общаго съ прежнимъ истекшимъ въ прошедшемъ году десятилѣтнимъ австро-германскимъ торговымъ трактатомъ. Новое соглашеніе съ Австріей, состоявшееся съ большимъ трудомъ, есть уступка охранительнымъ тенденціямъ, которыя въ Австріи возобладали еще въ большей мѣрѣ нежели въ Германіи. Національ-либералы были очень недовольны этимъ трактатомъ, за которымъ они предвидѣли наступленіе „реакціи“ и въ самой Германіи. Но дѣйствительность превзошла ихъ ожиданія. Программа князя Бисмарка представляется имъ полнымъ провозглашеніемъ системы протекціонизма, несмотря на то что князь Бисмаркъ, рекомендуя обложеніе почти всѣхъ привозимыхъ въ Германію продуктовъ таможенною пошлиной, мотивируетъ свое предложеніе соображеніями финансоваго свойства, оговариваясь что онъ вовсе не имѣетъ въ виду содѣйствовать осуществленію требованій протекціонистовъ. Посланіе князя Бисмарка Союзному Совѣту прислано имъ по тому случаю, что со 2 января имѣетъ собраться особая коммиссія Союзнаго Совѣта для изслѣдованія и пересмотра германскаго таможеннаго тарифа. Въ эту коммиссію князь Бисмаркъ, какъ имперскій канцлеръ, имѣетъ право назначить по своему усмотрѣнію трехъ членовъ, въ томъ числѣ предсѣдателя, а вся она состоитъ изъ 11 членовъ по избранію Союзнаго Совѣта изъ представителей главнѣйшихъ государствъ Германіи. Князь Бисмаркъ назначилъ предсѣдателемъ коммиссіи г. фонъ-Варнбюлера, виртембергскаго министра, и это назначеніе, по мнѣнію національ-либераловъ, есть само по себѣ цѣлая программа, такъ какъ г. фонъ-Варнбюлеръ чистый протекціонистъ и стоитъ во главѣ той партіи которая видитъ единственный путь къ экономическому спасенію Германіи во введеніи охранительнаго таможеннаго тарифа.

Рѣшатся ли національ-либералы на этотъ разъ вступитъ въ открытую борьбу съ кня-

земъ Бисмаркомъ, это сомнительно. Канцлеръ пока все-таки нѣсколько щадитъ ихъ, облачая свои планы таможенной реформы въ форму „финансовыхъ пошлинъ.“ Весьма быть можетъ, что національ-либералы въ концѣ-концовъ пойдутъ и на эту сдѣлку, если князь Бисмаркъ, какъ предусматриваетъ нашъ свѣдущій въ этихъ дѣлахъ берлинскій корреспондентъ, предложитъ имъ въ видѣ вознагражденія тѣ „конституціонныя гарантіи“ коихъ національ-либералы такъ давно уже отъ него добиваются.

Нѣтъ сомнѣнія что вопросъ о германскомъ таможенномъ тарифѣ въ томъ видѣ какъ онъ поставленъ нынѣ княземъ Бисмаркомъ будетъ имѣть огромное вліяніе и на международныя отношенія Германіи. Боле всего предположенное нововведеніе должно затронуть интересы Англіи, для произведеній которой въ значительной мѣрѣ стѣсненъ будетъ огромный рынокъ центральной Европы, что не можетъ не грозить новыми бѣдствіями британской промышленности, и безъ того изнемогающей нынѣ подъ бременемъ своего зарвавагося производства.

Хотя князь Бисмаркъ, излагая свою программу пошлинъ на иностранный привозъ, и сдѣлалъ нѣкоторыя оговорки въ пользу привознаго сырья, однако берлинскія газеты полагаютъ что таможенною пошлиной будутъ обложены, между прочимъ, и продукты идущіе въ Германію изъ Россіи, преимущественно хлѣбъ и рогатый скотъ. Если это и такъ, интересы Россіи мало отъ этого пострадаютъ. Несмотря на то что въ нашихъ таможахъ отпускъ русскихъ продуктовъ въ Германію занимаетъ первое мѣсто, отодвигая въ иные годы на второй планъ даже отпускъ въ Англію, въ дѣйствительности потребленіе русскихъ товаровъ въ Германіи самое ограниченное. По отношенію почти ко всей массѣ русскихъ продуктовъ ввозимыхъ въ Германію, она служитъ лишь передаточнымъ пунктомъ и небезкорыстнымъ посредникомъ въ снабженіи русскими товарами другихъ странъ. Это посредничество такъ выгодно для Германіи, даетъ ей такіе огромные барыши, что стоить только Россіи стать относительно ея въ твердую позицію съ твердою рѣшимостью облегчить русскимъ товарамъ помимо германскаго маклерства доступъ въ тѣ страны куда они идутъ,—и Германія, облагая пошлиной всѣ товары ввозимые къ ней изъ другихъ странъ, не

замедлить въ то же время установить, въ собственныхъ интересахъ, беспошлинный ввозъ русскихъ товаровъ, безо всякаго спеціальнаго торговаго трактата съ Россіей. Германскіе государственные люди понимаютъ это лучше всякаго другаго, хотя, конечно, въ разчетъ на наше недалекое добродушіе и непониманіе нами собственныхъ выгодъ и интересовъ, они и будутъ не прочь выторговать себѣ исключительныя льготы въ нашемъ общемъ таможенномъ тарифѣ, на условіяхъ, напримѣръ, мнимой равноправности.

№ 326.

Москва, 21-го декабря.

Серьёзные размѣры промышленнаго кризиса въ Англіи признаются всѣми; нѣтъ ни одной газеты, какого бы она ни была направленія, которая старалась бы отрицать или смягчать значеніе фактовъ. Торійская *Pall Mall Gazette*, напримѣръ, замѣчаетъ о застоѣ въ различныхъ отрасляхъ промышленности: „хуже всего то что пока мы не опустимся до самаго дна, всѣ эти застои должны дѣйствовать и воздѣйствовать другъ на друга.“ Финансовый еженедѣльный органъ *Statist* опасается что бѣдствіе можетъ усилиться вслѣдствіе потрясенія кредита причиненнаго крушеніемъ банковъ, и говоритъ: „если насъ постигнутъ новыя тревоги и упадокъ кредита, то значитъ, мы не достигли еще худшаго.“ *Saturday Review* также ожидаетъ ухудшенія: „Пыльшій застои торговли во всѣхъ отношеніяхъ всеобщій. Нѣтъ ни одной отрасли промышленности которая была бы свободна отъ него. Даже еслибы мы могли перескочить черезъ два мѣсяца и очутиться въ началѣ весны, мы не выбрали бы изъ лѣсу. Нѣтъ и признака что торговля оживится съ болѣе долгими днями и ясною погодой. Причины, политическія ли онѣ или финансовыя, приведшія къ настоящему положенію дѣлъ, конечно, со временемъ минуютъ. Но когда дѣло касается поддержанія многочисленнаго населенія, увѣренность что улучшеніе наступитъ когда-нибудь мало помогаетъ.“ Въ такомъ же болѣе или менѣе смыслѣ выражаются и другіе органы. Печать подготавливаетъ публику къ худшему, убѣждая ее въ то же время не предаваться пани-

кѣ. Какого же рода утѣшенія ей подносятся? *Daily News* единственную надежду возлагаетъ на благотворительность. *Saturday Review* утѣшаетъ тѣмъ что, какъ ни велико теперь бѣдствіе, оно еще далеко отъ того какое дважды, въ теченіе десяти лѣтъ, постигало Индію. Хорошо утѣшеніе для голодающихъ! Но особенно характеристичны утѣшенія газеты *Times*. Въ виду печальной обстановки наступающаго праздника она приглашаетъ читателей искать ободренія въ сравненіи настоящаго положенія съ положеніемъ за годъ назадъ.

„Мы жили тогда, говоритъ она, въ сознаніи что каждый день могъ принести намъ вѣсть о какомъ-либо несчастномъ случаѣ который могъ повергнуть насъ въ войну.“ Припоминая эту опасность, *Times* советуетъ не быть неблагодарными: „Оглядываясь на тревоги тѣхъ дней мы даже лучше можемъ опѣнить чѣмъ въ то время важность результатовъ бывшихъ спорными и мрачными затрудненія, которые понимались всѣми кромѣ теоретическихъ политиковъ. Можетъ-быть хорошо было что мы тогда не знали ихъ размѣра. Мы не знали что въ случаѣ еслибы мы устремились въ войну съ Россіей, мы были бы замѣшаны въ весьма беспокойныя непріятельскія дѣйствія на нашей индійской границѣ, и что намъ предсояла бы борьба въ сравненіи съ которою Крымская оказалась бы лишь слабою репетиціей.“ Вотъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательное признаніе! Какъ хорошо оно вяжется съ воинственнымъ задоромъ этой самой газеты минувшей весной! Теперь она сама рассказываетъ, утѣшая публику смущаемую народнымъ бѣдствіемъ, какъ много тяжелое было бы оно при войнѣ и невольно раскрываетъ тайну, которая для многихъ не была тайной, что Англичане не смѣли и думать о войнѣ.

Но, къ удивленію, не всѣмъ понравилось это утѣшеніе. Газета *Times* хотѣла показать что нынѣшнія затрудненія, въ сравненіи съ прошлогодними, то же что работа при дневномъ свѣтѣ въ сравненіи съ гнетомъ кошмара. Но не всѣ смотрятъ такъ благодушно. „Наши домашнія безпокойства“, читаемъ въ *Manchester Guardian*, „имѣютъ соотвѣтствіе во внѣшнихъ дѣлахъ, и хотя мы избѣгли въ настоящее время европейской войны, за то мы ввязались въ ненужную ссору въ Азіи. Мы стыдимся тѣхъ промаховъ которые привели насъ къ войнѣ, и не вѣримъ въ бла-

годбѣнія какія обѣщаютъ намъ вслѣдствіе ея. Наши домашнія безпокойства не только не облегчаются мыслью о военныхъ дѣйствіяхъ за границей, но они усиливаютъ мракъ нашего положенія. Они результатъ ошибочной театральнѣйшей политики, которая одинаково удручаетъ насъ дома и за границей, и признаемся, мы встрѣтили бы праздникъ радости еслибъ имѣли увѣренность что она скоро придетъ къ концу. У насъ на плечахъ война и все еще виситъ надъ нами другая, гораздо болѣе обширная, которая намъ постоянно угрожаетъ, и угроза которой парализуетъ не слишкомъ крѣпкія пружины возможнаго оживленія торговли. При такомъ прошедшемъ, чего ожидать намъ отъ будущаго? Мы желали бы чтобы наши предчувствія оказались неумѣстными. Никто болѣе насъ не порадуется если при наступленіи будущаго Рождества намъ придется признаться въ ошибкѣ. Не мѣшало бы, впрочемъ, манчестерской газетѣ, при этомъ отзывѣ, припомнить что и сама она ободряла театральную политику лорда Беконсфильда въ Восточномъ вопросѣ не далѣе полугода предъ симъ.

Впрочемъ, нельзя вину за все возлагать на политику Беконсфильда. Усиливая расходы въ трудное и безъ того для націи время, волнуя страну неизвѣстностью и подвергая ее опасности войны, политика эта конечно усилила торговый застои и задержала надежды на возрожденіе торговли, но не она создала кризисъ. Замѣчательно какъ мало англійская печать въ настоящее время занята разысканіемъ причинъ онаго. Въ этомъ отношеніи мы видимъ большую разницу противъ того что наблюдали весной. Тогда эти вопросы довольно сильно занимали всѣхъ, можетъ-быть потому что всѣ хотѣли считать застой дѣломъ преходящимъ и надѣялись найти средство поправить обстоятельства. Теперь же повидимому всѣ преклонились предъ неизбѣжнымъ. Изрѣдка повторяютъ давно слышанныя фразы объ иностранной конкуренціи, о покровительственныхъ заблужденіяхъ запирающихъ рынки для англійскихъ товаровъ, о томъ что и другія страны претерпѣваютъ экономическій кризисъ. Но это не даетъ достаточнаго объясненія кризису столь давно начавшемуся, столь продолжительному и упорному. Не указываютъ ли эти черты скорѣе на хроническій недугъ постигшій англійскую тор-

говлю и промышленность, можетъ-быть находящійся въ связи съ ея политикой, но порожденный самостоятельными причинами? Газета *Times* въ успокоеніе замѣчала: „Единственная опасность—наклонность къ паникѣ. Въ теченіе нѣкотораго времени были нездоровые элементы въ нашей финансовой и нашей мануфактурной системѣ, которые теперь начинаютъ обнаруживаться. Но это обнаруженіе не должно вести къ роковому потрясенію нашего коммерческаго положенія, если только мы будемъ благоразумны и тверды.“ Значать страшаться и этого! Такъ зыбко торговое положеніе Англіи! Но какіе же это нездоровые элементы?

Вслѣдствіе продолжительности настоящаго кризиса, многое начинаетъ разъясняться. Дознано, какъ мы уже говорили прежде, что упадокъ начался давно. Уже съ 1874 года фабрики и заводы работаютъ въ убытокъ, не сокращая, а все расширяя свое производство. Полагаясь на всемогущество капитала, твердили что Англія въ состояніи производить дешевле всѣхъ другихъ странъ и въ концѣ концовъ должна выиграть. вмѣстѣ съ тѣмъ, безумная конкуренція роняла все болѣе и болѣе качество англійскихъ товаровъ, особенно дешевыхъ сортовъ, имѣющихъ главный сбытъ на Востокъ, въ Индію и Китаѣ. Теперь иные особенно напираютъ на это обстоятельство, говоря что иностранная конкуренція потому и стала опасна что англійскіе фабриканты сами подорвали свой кредитъ. Но что же это доказываетъ? Это превратное стремленіе къ одушевленію производства, чтобы рѣзать конкурентовъ, развѣ не свидѣтельствуетъ о нездоровомъ характерѣ англійской промышленности? Немыслимо увѣковѣченіе такого порядка вещей чтобъ одна страна была исключительнымъ рынкомъ и фабрикой для всего міра. А это всегда было мечтой Англичанъ, которую они лелѣютъ въ сердцахъ и понынѣ.

Банкротство лѣтъ пять тому назадъ громадной манчестерской фирмы Александра Колли, пмѣвшей главнымъ образомъ дѣла съ крайнимъ Востокомъ, было первымъ предостереженіемъ противъ фальшивости этихъ дутыхъ предпріятій. Тогда уже стали поговаривать что торговля съ Востокомъ не возмѣщаетъ расходовъ. Но предостереженію не внимали въ то время когда развитіе Англіи шло, по выраженію г. Гладстона, „прыжками и скачками, *by*

leaps and bounds.“ Продолжавшійся же упадокъ дѣлъ стали объяснять голодомъ въ Индіи и Китаѣ. Но голодъ нисколько не повліялъ на хлопчатобумажное производство въ самой Индіи, а въ Китаѣ англійскіе товары стали вытѣсняться германскими и особенно американскими. Дѣла шли все хуже и хуже. Въ послѣдніе три года жаловались на тревогу возбужденную Восточнымъ вопросомъ, и ожидали что съ обезпеченіемъ мира все снова пойдетъ по прежнему. Но вотъ Берлинскій конгрессъ далъ желаемое, а вмѣсто поправленія дѣлъ начался съ осени періодъ небывалыхъ банкротствъ. Недавно на биржѣ въ Манчестерѣ нѣкто возбудилъ большое любопытство развернувъ свертокъ бумаги въ нѣсколько сажень длиной составленный изъ наклеенныхъ извѣщеній о банкротствахъ, ликвидаціяхъ, закрытіяхъ фирмъ въ Англіи и Вельсѣ въ теченіе осени. Число этихъ извѣщеній было болѣе 3.000. Но самымъ крупнымъ и поучительнымъ было банкротство въ Шотландіи Глазгоскаго банка. Фирма эта считалась одною изъ самыхъ солидныхъ, имѣла много отдѣленій въ разныхъ городахъ Шотландіи и отдѣленіе въ Лондонѣ. Акціи банка, по коимъ послѣдній дивидендъ былъ выданъ въ 12%, стояли наканунѣ банкротства 240 за 100. Благодаря репутации и множеству конторъ, банкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи громадныя вклады. И не только всѣ эти суммы безнадёжно растрочены, но акціонеры банка, какъ учрежденія съ неограниченною отвѣтственностью, разорены въ конецъ, такъ какъ они, по закону, отвѣчаютъ предъ кредиторами не одною только потерей внесеннаго акціонернаго капитала, а всѣмъ своимъ имуществомъ. Ликвидаторами уже было разослано приглашеніе о взносѣ на каждую акцію новаго пая въ 500 ф. ст., то-есть вдесятеро больше первоначальнаго капитала, и нѣтъ увѣренности что не потребуется новыхъ взносовъ, такъ какъ кредиторы до сихъ поръ не хотятъ идти на сдѣлку. За неимущихъ акціонеровъ должны будутъ заплатить другіе. Вслѣдствіе этого принужденъ закрыться и ликвидировать операціи другой, болѣе скромный банкъ, Каледонскій, дѣла коего не были разстроены, по который, къ несчастію значился владѣльцемъ четырехъ акцій Глазгоскаго банка и потому былъ приглашенъ отчислить для обезпеченія кредиторовъ 50.000 ф. ст. Эта исторія очень напоми-

наетъ крушеніе Московскаго Коммерческаго Ссуднаго Банка, съ тою только разницей что тамъ дѣло гораздо грандіознѣе и обманъ велся долгій рядъ лѣтъ. Словомъ, директорами Глазгоскаго банка, кромѣ другихъ кредиторовъ, было выдано 5.700.000 ф. ст. (болѣе 40 милліоновъ рублей) въ ссуду четыремъ должникамъ, а обезпеченіями служили земли въ Австраліи и Новой Зеландіи и акціи и облигаціи американскихъ компаній желѣзныхъ дорогъ не приносящихъ дохода. Банкротство этихъ фирмъ погубило и банкъ. Тогда оказалось что много лѣтъ уже балансы банка были фиктивные. Отчеты поддѣлывались такъ что въ нихъ скрывалась на милліонъ сумма выданныхъ ссудъ, имущество банка показывалось на милліонъ болѣе, и въ кассѣ значилось золота на 300.000 болѣе чѣмъ въ дѣйствительности. Наконецъ, директора обвиняются въ томъ что они учитывали векселя черезъ подставныхъ лицъ. По этимъ уликамъ рѣшено предать ихъ уголовному суду, и процессъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ. На немъ можетъ-быть разъяснится какой былъ у банка интересъ поддерживать несостоятельныя фирмы. Теперь же публикѣ остается предаваться разнымъ догадкамъ по поводу сенсационныхъ показаній нѣкоторыхъ должниковъ. Такъ, Флемингъ, фирмы Смитъ, Флемингъ и К°, показалъ что онъ еще въ іюлѣ 1870 былъ несостоятеленъ и хотѣлъ ликвидировать, но былъ отговоренъ отъ этого банкомъ, которому онъ состоялъ долженъ около 150.000 ф. ст. Несмотря на поддержку банка, фирма никакъ не могла поправиться и черезъ восемь лѣтъ обанкрутилась съ пассивомъ въ 1.618.000 ф. ст., изъ коихъ 1.467.000 ф. ст. должна банку, при активѣ всего въ 236.000 ф. ст. Еще удивительнѣе и непонятнѣе показанія Матью, весь капиталъ коего не превышалъ въ 1864 году 7.000. Въ это время онъ вошелъ съ банкомъ въ сношенія которыя заключались въ томъ что черезъ его руки прошли ссуды на сумму 1.200.000 ф. ст. двумъ фирмамъ Мортонъ и Гея, которыя также будто бы противъ воли поддерживались банкомъ, причемъ самъ Матью, по его словамъ, не получалъ никакой выгоды и все время довольствовался скромнымъ доходомъ въ 325 ф. ст. По этимъ указаніямъ догадываются что банкъ въ сущности уже въ 1869 году былъ несостоятеленъ въ такой

мѣръ что паденіе одного торговаго дома съ коимъ онъ велъ дѣла грозило ему крушеніемъ.

Въ декабрѣ закрылъ дѣла еще одинъ банкъ, Западно-Англійскій, и хотя здѣсь пока не обнаружилось скандала, но директорамъ и этого банка грозятъ нѣсколько гражданскихъ процессовъ потому что ими укрывались большія потери отъ ссудъ Фотергилю и Букеру и выдавались дивиденды не оправдываемые дѣлами банка.

Во всемъ этомъ конечно не виновата политика нынѣшняго правительства. Мы видимъ что десятки лѣтъ велись дѣла фальшивыя, состоявшія въ злоупотребленіи кредита. Громадные капиталы, скопившіеся въ Англіи, до сихъ поръ скрывали эту фальшь. И теперь еще она не раскрылась во всей ясности. Но кредитъ уже сильно встревоженъ и близокъ къ паникѣ. По всему можно полагать что мы присутствуемъ при поворотномъ пунктѣ въ исторіи Англіи, при началѣ упадка ея незаконнаго денежнаго и торговаго преобладанія. А съ этимъ паденіемъ должно послѣдовать и паденіе ея, еще менѣе законнаго, политическаго вліянія. И оно наступитъ если правительство вовлечетъ страну въ какія-либо серіозныя внѣшнія затрудненія. Это-то сознаніе и сказывается въ начинающейся реакціи противъ кабинета Беконсфильда.

№ 327.

Москва, 22-го декабря.

Князь Бисмаркъ не бросаетъ словъ на вѣтеръ когда идетъ рѣчь о серіозныхъ интересахъ государства которому служить и которое столь много обязано ему своимъ нынѣшнимъ величіемъ. У него слово не расходится съ дѣломъ. Это доказано всѣмъ пройденнымъ имъ понынѣ путемъ многолѣтней государственной службы. Желѣзный канцлеръ не отступалъ ни предъ какою борьбой, и ходъ исторіи уже оправдалъ его во многомъ предъ соотечественниками: многіе изъ нихъ, какъ извѣстно, бывъ прежде заклятыми его противниками, стали нынѣ ревностными и сознательными его послѣдователями. Тѣмъ большее значеніе получаетъ опубликованное недавно посланіе князя Бисмарка къ Германскому Союзному Совѣту, обозначающее точки

зрѣнія которыми, по его мнѣнію, слѣдуетъ руководиться при предположенномъ въ Германіи пересмотрѣ налоговъ (назначенная для сего Союзнымъ Совѣтомъ особая коммиссія уже приступаетъ къ своимъ занятіямъ) и *которыхъ онъ, князь Бисмаркъ, считаетъ нужнымъ держаться въ своей служебной дѣятельности.*

Его общая точка зрѣнія, въ сущности, та же что была заявлена нашимъ министромъ финансовъ въ краткой рѣчи обращенной имъ 25 сентября къ представителямъ Общества для Соудѣйствія Русской Торговли и Промышленности. „Я не сочувствую,“ между прочимъ сказалъ тогда генералъ-адъютантъ Грейгъ, „крайнему фритредерству, но я не сторонникъ также и крайняго протекціонизма. Преслѣдуя во всѣхъ операціяхъ и финансовыхъ мѣрахъ чисто русскіе интересы, мы главнымъ образомъ, господа, должны и думать во всемъ по-русски.“ То что въ рѣчи русскаго министра высказано пока лишь мимоходомъ, какъ благожеланіе, въ письмѣ германскаго канцлера является уже какъ твердая, ясно сознавая, опредѣленная программа, отъ которой отклонить его будетъ такъ же трудно какъ и отъ иныхъ усвоенныхъ имъ программъ внутренней и внѣшней государственной политики. Отсюда понятно почему, между тѣмъ какъ заслуживающая полного сочувствія рѣчь нашего министра финансовъ вызвала въ печати едва нѣсколько мимолетныхъ комплиментовъ, письмо князя Бисмарка, какъ только оно стало извѣстно*), не замедлило возбудить противъ себя общее негодованіе тѣхъ чьи сепаратные интересы идутъ въ разрѣзъ съ національными интересами всей Германіи.

Что въ Германіи финансовая программа князя Бисмарка встрѣчена многими неблагоприятно, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: не лучшимъ пріемомъ встрѣчались тамъ и нынѣ его программы. Но нельзя не подивиться видя какъ чуть ли не съ большимъ чѣмъ въ Германіи задоромъ набросились на финансовый проектъ германскаго канцлера у насъ въ Россіи, въ петербургской печати. Есть сторона съ которой русская печать могла бы выражать недовольство этимъ проектомъ. Онъ ставитъ интересы германскаго производства выше интересовъ производства чужихъ странъ;

*) Оно помѣчено во Фридрихсруэ 15 (3), а опубликовано въ Берлинѣ 24 (12) текущаго декабря.

онъ хочетъ разчитать и таможенный и желѣзнодорожные тарифы такъ чтобы пошлины и невыгоды, по возможности, падали болѣе на иностранныхъ производителей чѣмъ на отечественныхъ потребителей. Русскіе для князя Бисмарка иностранцы, Россія страна ему чужая; многое изъ того что въ его проектѣ невыгодно иностранцамъ вообще, можетъ оказаться невыгоднымъ, въ частности, и Русскимъ; которыми, конечно, позволительно не приходиться отъ этого въ восторгъ... Но не съ этой русской точки зрѣнія обруганъ Бисмарковскій проектъ въ нашей петербургской печати. Нѣтъ, съ пѣной у рта набрасываются у насъ на князя Бисмарка какъ на „главнаго виновника постигшихъ его отечество экономическихъ бѣдствій.“ Обзывая его „дилеттантомъ въ экономическихъ вопросахъ“, упрекая его за прежнія сношенія съ Лассалемъ, и завѣряя что „популярность его теряетъ въ самой Германіи свой блескъ съ каждымъ днемъ“, намъ рисуютъ самыми мрачными красками черты этого звѣря, этого демона стоящаго у кормила германской государственной ладьи. „Всякія экономическія ученія для князя Бисмарка—дѣло постороннее“, кричатъ негодующіе толоса въ Петербургѣ. „Протекціонизмъ, свободная торговля, основныя правила финансовой науки—ко всему этому желѣзный канцлеръ сталъ относиться отрицательно. (И хорошо дѣлается.) Нѣтъ, онъ нынѣ уже не дилеттантъ въ экономическихъ вопросахъ, онъ просто игнорируетъ ихъ. Ему не хватаетъ денегъ—онъ не задумывается... усилить дороговизну и общее бѣдствіе. Что князю Бисмарку за дѣло до этого? Онъ заботится вѣдь главнымъ образомъ о томъ чтобы Крупновскіе заводы не оставались безъ заказовъ, чтобъ арсеналы наполнялись, и воздвигались новыя крѣпости *ad maiorem Germaniae gloriam.*“ Это, кричатъ въ Петербургѣ, человекъ „для котораго отвлеченная идея государства дороже всего на свѣтѣ: пусть гибнетъ индивидъ, пусть онъ страдаетъ, умираетъ съ голоду, благо бы государство было цѣло и невредимо.“ Для него „интересы, стремленія, симпатіи, прихоти (!),—все должно быть принесено въ жертву великой объединенной Германіи, хотя бы для этого потребовались потоки крови и слезъ и подавленіе умственной свободы.“

Откуда въ „русской“ газетѣ такая зло-

ба противъ финансоваго проекта имѣющаго значеніе почти исключительно для Германіи и лишь косвенно, весьма слабо, затрагивающаго русскіе интересы? Но забавно что эта гнѣвная филиппика противъ князя Бисмарка выходитъ чуть не панегирикомъ ему. Въ порицаніи князю Бисмарку за его финансовый проектъ высказано то самое что ревностѣйшіе поклонники Петровскаго преобразования приводятъ въ восхваленіе того „славнаго скипера“

Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормъ роднаго корабля,

и чья высшая слава и оправданіе всѣхъ увлеченій страстной натуры заключаются въ приписываемыхъ ему словахъ: „Петру жизнь его не дорога, лишь бы жила Россія въ чести и славѣ.“

Князь Бисмаркъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ кто „ничего не забываетъ, но и ничему не научается.“ Тяжкій опытъ экономического кризиса начавшагося въ Германіи вскорѣ по полученіи пятимилліардной контрибуціи и не прекращающагося донинѣ убѣдилъ германскаго канцлера въ непригодности рекомендуемыхъ экономической доктриной рецептовъ.

Вникая въ мотивы Бисмаркова проекта финансовой реформы, дѣйствительно, нельзя не замѣтить многихъ общихъ чертъ между экономическими явленіями въ Германіи, подавшими поводъ къ проекту, и тѣмъ что въ этомъ отношеніи замѣчается въ Россіи. Исходнымъ пунктомъ финансовой программы германскаго канцлера служитъ тотъ фактъ что „въ значительной части Германіи, прямыя налоги, включая въ нихъ общинныя подати, достигли размѣровъ обременительныхъ и, съ экономической точки зрѣнія, ненормальныхъ. Тяжело всего ложатся они въ настоящее время на среднія сословія... Этимъ сословіямъ еще болѣе чѣмъ низшимъ приходится терпѣть отъ *взыскиваемыхъ принудительно прямыхъ налоговъ, превышающихъ иногда ихъ средства къ уплатѣ.* Въ чрезмѣрной тяжести для нѣкоторыхъ классовъ населенія принудительно взыскиваемыхъ прямыхъ налоговъ, часто превышающихъ ихъ средства къ уплатѣ, заключается главная язва и нашего экономического быта, главный тормазъ развитію благосостоянія и въ нашей странѣ. Разница лишь въ томъ что у насъ, благодаря отсутствію классной по-

дати, вся тяжесть обременительныхъ прямыхъ налоговъ давить не средніе, а низшіе классы, ложась одновременно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также невыносимую тяжестью и на землевладѣніе вообще, преимущественно на мелкое и среднее. Да еще разнида въ томъ что въ Германіи, при всѣхъ громкихъ жалобахъ на тяжесть классной подати, не имѣютъ и отдаленнаго понятія о тяжести прямыхъ податей лежащихъ на податныхъ классахъ въ Россіи. Въ Германіи едва ли даже поймутъ чтобы возможно было такое землевладѣніе при которомъ всей доходности земли не достаетъ на покрытіе лежащихъ на ней повинностей, — а у насъ такое положеніе землевладѣнія есть фактъ не рѣдкій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ сѣверныхъ губерніяхъ.

Сравнительно умѣренная тяжесть прямыхъ налоговъ уже побуждаетъ государственныхъ людей Германіи приступить къ реформѣ всей финансовой системы „на самыхъ широкихъ основаніяхъ,“ съ тѣмъ чтобы перенести, возможно большую долю этой тяжести на косвенные налоги, уплачиваемые потребителями вмѣстѣ съ цѣной добровольно покупаемыхъ товаровъ. Эта основная общая мысль приводитъ германскаго канцлера къ другой — положить въ основаніе таможеннаго тарифа не фритредерскія и не протекціонныя, а главнымъ образомъ финансовыя соображенія, тѣмъ болѣе что дѣйствіе основанной на этихъ соображеніяхъ системы пошлинъ на *всѣ* привозные товары, съ тѣми лишь исключеніями какихъ требуютъ спеціальныя германскіе интересы, распространится на всѣ производящіе классы народа равномѣрнѣе нежели дѣйствіе защитительныхъ пошлинъ въ пользу *нѣкоторыхъ* отраслей промышленности.“ Князь Бисмаркъ иронически замѣчаетъ что при этомъ не слѣдуетъ „стѣсняться опасеніемъ что германскіе продукты будутъ пользоваться нѣкоторыми преимуществами предъ иностранными.“ Онъ сознаетъ что рекомендуемая имъ система пошлинъ „представляющая всему внутреннему производству на внутреннемъ рынкѣ преимущество предъ иностраннымъ“ можетъ отозваться невыгодно на производящихъ классахъ и особенно на служебномъ сословіи, получающемъ опредѣленное содержаніе, но справедливо полагаетъ что именно возвышеніе народнаго благосостоянія поставить общество въ возможность

возмѣстить невыгоды могущія произойти для этихъ классовъ. еслибы, вслѣдствіе обложенія пошлиной всѣхъ ввозимыхъ товаровъ, повысились цѣны на жизненные потребности. Строго послѣдовательный и въ мысли и въ дѣйствіяхъ, германскій канцлеръ не хочетъ допустить чтобы въ Германіи то что дѣлается одною рукой разстраивалось и портилось другою. Не находя возможнымъ чтобы „правленіямъ мѣстныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ могло быть надолго предоставлено право нарушать по произволу экономическій бытъ имперіи, противодѣйствовать торговой политикѣ союзныхъ правительствъ и подвергать населеніе колебаніямъ въ цѣнностяхъ, необходимо вызываемыхъ измѣненіями въ платѣ за провозъ,“ князь Бисмаркъ признаетъ необходимымъ чтобы съ пересмотромъ таможенныхъ пошлинъ шель объ руку таковой же тарифовъ желѣзнодорожныхъ. Пересмотръ этихъ послѣднихъ, по его мысли, тѣмъ необходимѣе что желѣзнодорожные тарифы нерѣдко предоставляютъ иностранцамъ, въ ущербъ внутреннему производству, льготы которыми перевѣшиваются всѣ таможенные стѣсненія, проектируемыя княземъ Бисмаркомъ въ размѣрѣ всего 5% или 10%. Наконецъ, общій принципъ полагаемый въ основу пересмотра таможеннаго и желѣзнодорожныхъ тарифовъ кладется также въ основаніе и иностранной политики, насколько она касается торговыхъ дѣлъ, причемъ заключенію новыхъ торговыхъ трактатовъ должно предшествовать „созданіе такой системы пошлинъ которая ставила бы совокупность внутренняго производства въ преимущественное положеніе сравнительно съ производствомъ иностраннымъ.“

Такова, въ главныхъ чертахъ, сущность финансовой программы германскаго канцлера, которую, вслѣдъ за иностранными, и наши доморощенные экономисты обыываютъ непослѣдовательною, бюрократически-рутинною, пестрою смѣсью разнородныхъ руководящихъ началъ и поразительнымъ отказомъ отъ всякихъ теоретическихъ принциповъ, отъ всякихъ общихъ экономическихъ воззрѣній. Несравненно менѣе сильныхъ и настоятельныхъ чѣмъ у насъ мотивовъ князю Бисмарку было достаточно чтобы разорвать съ захватившею себя власть космополитическою и антинаціональною доктриной и оттолкнуть отъ себя ея сторонниковъ. Но во сколько разъ

силнѣе, существеннѣе и настоятельнѣе живые, насущные интересы требующіе покончить съ этою доктриной у насъ, въ Россіи, и не позволять ей производить надъ Русскимъ народомъ, какъ бы *in anima vili*, свои эксперименты?

Сдѣланный германскимъ канцлеромъ рѣшительный шагъ долженъ раскрыть глаза многимъ слѣпо шедшимъ донинѣ по слѣдамъ слѣпыхъ вожаковъ. Но это не значитъ, конечно, чтобы программа придуманная княземъ Бисмаркомъ для Германіи, и можетъ-быть вполне для нея пригодная, была въ той же мѣрѣ и безъ всякихъ измѣненій и пополненій пригодна и для всякой другой страны. Мы слишкомъ склонны переносить къ себѣ фантомы чужеземныхъ учрежденій и мѣропріятій, не спрашиваясь сообразны ли они съ нашими бытовыми условіями.

№ 328.

Москва, 23-го декабря.

Предстоящіе въ воскресенье, н. ст., выборы одной трети членовъ Французскаго сената составляютъ въ настоящую минуту поглощающій интересъ во внутренней жизни Франціи. До сихъ поръ большинство въ сенатѣ не было республиканскимъ, а выборы, какъ ожидаютъ, должны исправить эту „аномалію“ и окончательно упрочить Французскую республику. Надолго ли? Какъ бы то ни было, но результатъ выборовъ уже теперь не подлежитъ сомнѣнію, во первыхъ, потому что и теперешнее республиканское правительство отнюдь не пренебрегаетъ тѣми приѣмами вліянія на избирателей какими издавна привыкли пользоваться во Франціи всякаго рода правительства, а во вторыхъ, потому что исходъ предстоящихъ выборовъ уже предрѣшенъ происшедшими осенью выборами департаментскихъ генеральныхъ совѣтовъ, коимъ принадлежитъ избраніе сенаторовъ. Эти послѣдніе выборы были подготовлены уже теперешнимъ правительствомъ и имѣли исходъ вполне благопріятный для республиканской партіи.

При такихъ обстоятельствахъ г. Леонъ Гамбетта есть безспорно самый могущественный человѣкъ теперешней Франціи, и мало-по-малу всѣ свыклись съ мыслью что онъ, а не кто другой будетъ преем-

никомъ маршала Макъ-Макона. Г. Гамбетта уже теперь настоящій властелинъ Франціи, онъ живетъ окруженный цѣлымъ придворнымъ штатомъ; онъ руководитъ правительствомъ, и рѣчи имъ произносимыя въ различныхъ публичныхъ собраніяхъ составляютъ каждый разъ событіе дня. Нужно отдать справедливость бывшему диктатору: вознесшись столь неожиданно на высоту государственнаго дѣятеля, онъ перемѣнился во многомъ и ничѣмъ не напоминаетъ того запальчиваго крикуна и радикала какимъ онъ выступалъ и прославился въ послѣдніе годы имперіи и даже во время своего диктаторства въ Турѣ. Вслѣдствіе этого, онъ и потерялъ популярность въ средѣ крайнихъ республиканцевъ и является теперь по преимуществу представителемъ той партіи „умѣренныхъ“ во главѣ коей стоялъ предъ смертью Тьеръ.

Одною изъ послѣднихъ манифестацій г. Гамбетты была рѣчь произнесенная имъ 24 декабря на банкетѣ данномъ въ честь его странствующими торговыми прикащиками въ Парижѣ. Французскіе торговые прикащики представляютъ собою готовое орудіе республиканской пропаганды. Это большею частію молодые люди, не лишенные образованія и подчиняющіеся вліянію республиканскихъ идей. Они находятся въ постоянныхъ разъѣздахъ, и въ теченіе года посѣщаютъ не только всѣ города, но и всѣ значительныя селенія. Ведя свои торговые сдѣлки съ мѣстными жителями всѣхъ классовъ, они являются въ отдаленныхъ мѣстностяхъ вѣстовщиками послѣднихъ новостей и политическими ораторами трактировъ и кабачковъ въ которыхъ населеніе глухихъ провинцій любитъ проводить свое время, обдѣлывая тамъ же и свои коммерческія дѣла. Эти-то прикащики собрались 24 декабря въ Парижѣ чествовать г. Гамбетту, главнаго *comité-voyageur* республики, какъ въ насмѣшку называли его органы монархистскихъ партій; намекалъ на частыя поѣздки въ провинцію предпринимаемыя имъ съ цѣлью политической агитаціи. Въ рѣчи произнесенной на этомъ банкетѣ, г. Гамбетта напередъ высказалъ увѣренность въ томъ что предстоящіе выборы въ сенатъ доставятъ и въ этомъ собраніи перевѣсъ въ 25 голосовъ республиканской партіи; и затѣмъ коснулся будущихъ судебъ Франціи. Онъ не сомнѣвается въ томъ что республика утвердится въ ней навсегда; но въ виду того что существуютъ

партіи открыто враждующія противъ этого „законнаго порядка“, онъ указываетъ на необходимость принять мѣры къ обузданію „измѣнническихъ поползновеній“ враговъ республики. Рекомендую затѣмъ своимъ слушателямъ разнести по всей странѣ вѣсть объ утвержденіи во Франціи „дѣйствительно свободнаго и дѣловаго демократическаго порядка“, г. Гамбетта счелъ нужнымъ сдѣлать оговорку которая очевидно предназначалась къ тому чтобъ „успокоить монархическую Европу.“ Французская демократія, говорилъ г. Гамбетта, будетъ правительствомъ для Французовъ, а не для другихъ. Онъ пользуется этимъ случаемъ чтобы заявить торжественно что онъ и его друзья хлопчутъ о томъ чтобъ основать *французскую* республику, нисколько не заботясь о другихъ народахъ, и отклоняетъ всякое подозрѣніе въ томъ будто имъ желательно вести всемірную пропаганду республиканскихъ идей. „Мы не хотимъ“, добавилъ онъ, „торговать на вывозъ нашими теоріями. Мы имѣемъ достаточно дѣла у себя дома, и у насъ нѣтъ времени, ни возможности думать и работать для остальной части земнаго шара.“

„Истинные республиканцы“ во Франціи не замедлили однако ослабить дѣйствіе этого мудраго самоограниченія республиканскаго трибуна. Многочисленные редикальные органы Парижа и провинцій съ яростію напали на г. Гамбетту за эту оговорку, въ которой они усмотрѣли „отреченіе отъ истинной республиканской доктрины и отступничество отъ святаго дѣла.“ Г. Гамбетта былъ обозванъ за это „гнуснымъ реакціонеромъ“, болѣе опаснымъ для республики нежели открытые монархисты. Особенно неистово напала на г. Гамбетту газета *Марсельеза*, главный органъ радикальной партіи. „Итакъ“, восклицаетъ она, „наши предки 1789 года были глупцами, и еслибы г. Гамбетта жилъ въ то время, онъ не подписалъ бы деклараціи о *правахъ человека*, а настаивалъ бы лишь на *правахъ Француза*! Г. Гамбетта отрицаетъ такимъ образомъ лучезарный свѣтъ и грандіозное развитіе революціи на весь міръ! Неужели знамя Франціи перестанетъ быть надеждой для поработенныхъ? Развѣ республиканцы всего міра не наши братья, и развѣ они не имѣютъ права разчитывать на насъ? Развѣ, словомъ, наша республика не будетъ укрѣплена прочнѣе если ее будутъ окру-

жать дружественныя республики, а не „монархіи?“

Приведенная выписка характеризуетъ французскихъ радикаловъ. Возгласы эти не могутъ встревожить монархическую Европу, какъ не нуждается она въ „успокоеніяхъ“ г. Гамбетты. Но для внутреннихъ отношеній Франціи они знаменательны, ибо показываютъ каково настроеніе *дѣйствительныхъ* республиканцевъ, а не тѣхъ которые воображаютъ что во Франціи возможно успокоеніе на началахъ „умѣренной“, или даже „консервативной“ республики, какъ выражался покойный Тьеръ.

Впрочемъ, для всѣхъ интересующихся будущими судьбами Франціи важнѣе этихъ раздоровъ между умѣренными и крайними республиканцами представляется вопросъ о томъ какіе замыслы питаетъ господствующая нынѣ партія и ея признанный глава г. Гамбетта по отношенію къ Германіи? Преданная князю Бисмарку германская печать въ послѣдніе годы все толковала что утвержденіе республики во Франціи наиболѣе желательно въ интересахъ мира, ибо какая бы изъ династій претендующихъ на французскій престолъ ни воцарилась вновь, она должна будетъ для своего упроченія предпринять войну для возстановленія военной чести Франціи и возвращенія потерянныхъ ею провинцій. Республиканское же правительство не настолько де вынуждено будетъ искать военной славы, да и слишкомъ будетъ связано внутренними заботами и затрудненіями. Въ послѣднее время, однако, когда шансы на утвержденіе, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, республики во Франціи значительно возрасли, взгляды нѣмецкой печати измѣнились, и прежняя увѣренность уступила мѣсто нѣкоторой тревогѣ. Въ корреспонденціяхъ изъ Парижа печатаемыхъ въ берлинскихъ газетахъ стали встрѣчаться указанія на то что по отношенію къ Альзасъ-Лотарингіи настроеніе Французовъ совершенно одинаково, къ какой бы политической партіи они ни принадлежали. Еще на дняхъ, какъ сообщаютъ въ *Національную Газету*, въ Парижѣ происходила демонстрація коей смыслъ слишкомъ прозраченъ. Въ одномъ изъ парижскихъ театровъ устроена была елка „для Альзасъ-Лотарингскихъ дѣтей.“ До 3.500 дѣтей выходцевъ изъ этихъ провинцій прошли въ процессіи по сценѣ. При этомъ читались разные стихи „исполненные пат-

ріотической ненависти“ и пропѣты были такого же рода хоры. На праздникъ присутствовала многочисленная и избранная публика, и въ томъ числѣ г. Гамбетта „со всѣмъ своимъ штабомъ.“

Другой корреспондентъ той же газеты считаетъ нужнымъ обратить вниманіе общественныхъ сферъ Германіи на мнѣніе рѣшительно преобладающее нынѣ во Франціи, будто Германія будетъ побуждена такъ или иначе возвратити Франціи отнятыя у нея провинціи путемъ мирнаго соглашенія. Вообще же Французы отбросили теперь прежнюю сдержанность относительно Альзасъ-Лотарингіи и открыто толкуютъ о „возвращеніи“ съ большею чѣмъ когда-либо самоувѣренностью. Само собою разумѣется что берлинская газета энергически протестуетъ противъ французскихъ „мечтаній“, и старается увѣрить ихъ въ томъ что подобныя увлеченія могутъ лишь „испортить тѣ добрыя отношенія которыя нынѣ установились между правительствами обѣихъ странъ.“

№ 330.

Москва, 28-го декабря.

Наконецъ, мы узнаемъ кое-что объ организаціонныхъ планахъ Румелійской комиссіи, помимо ея пререканій съ русскими властями и неудовольствія на болгарскую оппозицію. Изъ которыхъ свѣдѣнія о нихъ сообщила газета *Times*, въ письмѣ ея филиппопольскаго корреспондента, помѣченномъ отъ 13 декабря. Къ сожалѣнію только, планы эти до сихъ поръ болѣе состоятъ изъ фразъ въ коихъ провозглашаются общіе принципы, и весьма мало касаются вопросовъ практическаго примѣненія, между тѣмъ какъ, собственно говоря, комиссія должна бы быть близка къ окончанію своихъ работъ для коихъ Берлинскимъ трактатомъ назначенъ трехмѣсячный срокъ.

Любопытно прежде всего отмѣтить что только на шестомъ засѣданіи, 2 ноября, въ Филиппополѣ комиссія принялась за свою работу, поручивъ австрійскому члену г. Каллаю составить программу для изготавленія органическаго статута. На слѣдующемъ засѣданіи имъ и была представлена такая программа раздѣленная на двѣ части, изъ коихъ въ одной заключались

общіе принципы, а въ другой систематически перечислялись предметы для обсужденія въ подробностяхъ. Относительно первой части мы узнаемъ отъ англійскаго корреспондента что, хотя и предполагалось одарить Восточную Румелію организаціей которая была бы „въ согласіи съ духомъ учрежденій Западной Европы, такъ чтобы провинція эта могла примкнуть къ движенію новѣйшей цивилизаціи и воспользоваться ея благодѣяніями,“ но, принималъ во вниманіе что такія учрежденія „не соответствовали бы ни практическимъ потребностямъ, ни историческому развитію, ни привычкамъ населенія,“ комиссія не задавалась намѣреніемъ вводить таковыя, а поставила себѣ цѣлью скорѣе „создать работу согласующуюся съ туземными потребностями и съ интеллектуальнымъ состояніемъ народа.“ Итакъ это произведеніе будетъ имѣть двойной интересъ: изъ него Болгары не только въ состояніи будутъ оцѣнить заботливость о нихъ Европы, но и узнаютъ также какое мнѣніе представители цивилизованныхъ государствъ имѣютъ о ихъ умственномъ развитіи.

Далѣе мы узнаемъ что въ засѣданіи комиссіи 6 ноября поступила на обсужденіе вторая часть программы г. Каллая, въ которой предметы для обсужденія были распределены подъ слѣдующими рубриками: государственное право и привилегіи провинціи; права гражданъ; права и дѣятельность генералъ-губернатора; исполнительная власть; народное представительство; гражданская администрація; юстиція; исповѣданія; народное просвѣщеніе; организація милиціи; организація полиціи и жандармеріи; организація поземельной собственности; постановленія о правахъ и обязанностяхъ чиновниковъ. Занятіе предметами здѣсь перечисленными комиссары раздѣлили между собою, причемъ сэръ-Генри Вольфъ взялъ на себя государственное право и привилегіи провинціи, г. де-Ренгъ (*de Ring*) принципы администраціи (*droit administratif*), г. Вернони—финансы, г. Каллай—судебную организацію, г. фонъ-Брауншвейгъ—народное просвѣщеніе, а лордъ Дономоръ—организацію жандармеріи. Русскій и оттоманскій комиссары устранились отъ всякаго участія въ приготовительныхъ работахъ.

На слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи первый англійскій комиссаръ представилъ уже краткій проектъ изъ 15 параграфовъ

касающихся избраннаго имъ предмета, въ которомъ, по словамъ корреспондента, особенно имѣлось въ виду ясно обозначить какъ понимать выраженіе „автономная провинція.“ Такъ какъ, однако, по мнѣнію комиссіи, нѣкоторые изъ принциповъ изложенныхъ г. Вольфомъ требовали весьма тщательнаго разсмотрѣнія, то, по его же предложенію, было рѣшено передать его проектъ въ подкоммиссію, составленную изъ него же самаго, г. фонъ-Брауншвейга и г. де-Ренга. О дальнѣйшей судьбѣ этого проекта корреспондентъ *Times* ничего не сообщаетъ, и мы пока остаемся въ невѣдѣніи о самой интересной части работъ комиссіи, ибо конечно отъ степени автономіи, т.-е. независимости отъ власти султана, только и могли бы имѣть какую-либо цѣну всѣ дальнѣйшія измышленія комиссіи относительно органическаго статута провинціи.

За то корреспондентъ *Times*, дословно приводитъ всѣ 21 статью проекта о „правахъ гражданъ“, составленнаго французскимъ комиссаромъ г. де-Ренгомъ, которому задача эта очевидно пришлась по нраву. Со свойственною большинству Французовъ склонностію полагать суть дѣла въ теоретическихъ обобщеніяхъ г. де-Ренгъ составилъ изложеніе напоминающее пресловутые *droits de l'homme*. Здѣсь мы читаемъ такіа фразы какъ: „Туземцы Восточной Румеліи, безъ различія племени и исповѣданія, пользуются одинаковыми правами. Общественныя должности, почести и занятія доступны всѣмъ, по мѣрѣ ихъ пригодности, заслугъ и способностей.“ „Всякая подать налагается для общаго блага, и всякій участвуетъ въ ней по мѣрѣ своихъ средствъ и состоянія.“ „Личная свобода обезпечена.“ „Домъ всякаго жителя неприкосновененъ.“ „Всякая собственность неприкосновенна.“ „Всякій имѣетъ право подавать властямъ прошенія подписанныя однимъ или нѣсколькими лицами.“ „Заботливый Французъ одаряетъ жителей провинціи всяческою свободой: свободой передвиженія изъ одной части провинціи въ другую, свободой исповѣданія, свободой обученія, свободой печати (*consacrée*!) наконецъ свободой ассоціацій. Кто же не знаетъ что всѣ эти бумажныя опредѣленія сами по себѣ не значатъ ровно ничего, и что все зависитъ отъ организаціи властей и отъ духа въ какомъ онѣ дѣйствуютъ. Въ законахъ Англіи и на половину нѣтъ тѣхъ

благъ какія значатся въ этихъ „правахъ гражданъ“ для Восточной Румеліи; свобода печати, напримѣръ, отнюдь не формулована такъ пышно, а существуя на фактъ, не имѣетъ въ сущности права печатать даже отчетовъ о парламентскихъ преніяхъ. Главный предметъ—организацію властей, обозначеніе привилегій и автономіи провинціи, — взялъ на себя англійскій комиссаръ сэръ-Генри Вольфъ; и хотя корреспондентъ *Times* скрываетъ отъ свѣта его работу, но есть основаніе предполагать въ какомъ духѣ она будетъ совершена. Онъ достаточно показалъ себя завзятымъ туркофиломъ въ парламентѣ; а къ тому же извѣстно зачѣмъ онъ посланъ Англійскимъ правительствомъ. Ободряя на бумагѣ публику разными „свободами“, даруемыми забалканскимъ Болгарамъ, имъ отказываютъ въ главной и самой существенной: въ свободѣ отъ турецкихъ властей и отъ присутствія турецкихъ войскъ. А между тѣмъ только благодаря ихъ отсутствію въ настоящее время, могли, наконецъ, вздохнуть свободно жители несчастныхъ мѣстностей бывшихъ театромъ страшнаго погрома 1876 года, слѣды ко-его можно видѣть и понынѣ.

Впрочемъ, въ самомъ проектѣ французскаго комиссара, несмотря на его отвлеченность, встрѣчается достаточно ограниченій показывающихъ какъ легко эти постановленія могутъ стать иллюзорными. Напримѣръ, что касается одинаковыхъ правъ жителей на занятіе должностей, между прочимъ, значится: „чиновники должны избираться изъ туземцевъ провинціи, исключая случаи которые будутъ въ послѣдствіи обозначены.“ Въ статьѣ обезпечивающей личную свободу отъ произвольнаго преслѣдованія, ареста и тюремнаго заключенія есть исключеніе въ пользу „осаднаго положенія законнымъ образомъ провозглашеннаго.“ Свобода обученія ограничивается надзоромъ властей „согласно съ нравственностью, общественнымъ порядкомъ и уваженіемъ законовъ государства.“ Также и свобода ассоціацій ограничена условіемъ „чтобы въ ихъ цѣляхъ и въ средствахъ ими употребляемыхъ не было ничего незаконнаго или опаснаго для государства.“ Подобныя исключенія и ограниченія конечно обращаютъ на себя вниманіе не сами по себѣ, а потому что въ нихъ выражается заботливость объ интересахъ совершенно чуждыхъ и даже враждебныхъ

дѣйствительной автономіи Южной Болгаріи. Ибо очевидно въ мысли комиссіи слово *государство* должно означать не провинцію эту, а Оттоманскую имперію, подъ власть коей желаютъ ее возвратить. Такимъ образомъ требованіемъ „уваженія къ законамъ государства“ или подъ предлогомъ „опасности для государства“ румелійскіе Болгары тѣмъ легче могутъ быть лишены всѣхъ красно расписанныхъ фиктивныхъ благъ что эти постановленія будутъ примѣняться турецкими властями которыя всегда могутъ объявить „законнымъ порядкомъ осадное положеніе.“

Интереснѣе всего въ письмѣ корреспондента его заключеніе. „Читая эти извлеченія изъ органическаго статута,“ пишетъ онъ, „безпристрастный юристъ могъ бы основательно заключить что Восточной Румелии предстоить перспектива стать одною изъ наилучше управляемыхъ странъ въ Европѣ, и онъ могъ предположить что жители должны быть весьма признательны международной комиссіи. Такое предположеніе, мнѣ прискорбно сказать это, было бы несогласно съ фактами. Когда комиссары только что прибыли, то вообще полагали что они явились попросту затѣмъ чтобы возстановить власть Турокъ и водворить вновь прежнее управленіе, которое въ народномъ мнѣніи есть дурное управленіе, избіенія и безпорядки всякаго рода. (Будто только во мнѣніи!) Хотя имъ удалось, въ нѣкоторой степени, устранить это ложное мнѣніе, они не снискали еще довѣрія и признательности народа. Главная причина преобладающаго недовѣрія есть чрезвычайно распространенное и глубоко укоренившееся убѣжденіе что никакой хорошей администраціи не можетъ быть подъ прямою властью султана. Органическій статутъ, говорятъ вамъ, можетъ быть совершенствомъ законодательной работы; но если эти льготы имъ даруемыя ставятся подъ опеку кого-либо, будь онъ христіанинъ или магометанинъ, назначаемаго султаномъ, то онѣ останутся мертвою буквой подобно пресловутымъ реформамъ 1839 и 1856 годовъ. Кромѣ того, есть другія, болѣе глубокія причины недовольства. Принципы изложенные въ Берлинскомъ трактатѣ ненавистны болѣе образованной части Болгарскаго населенія, которое желаетъ Болгаріи Санъ Стефанскаго трактата. Этимъ людямъ ненавистна самая идея Восточной Румелии, и они готовы сдѣлать все воз-

можное чтобы помѣшать ея осуществленію. Для необразованныхъ массъ органическій статутъ представляется столь же мало сочувственнымъ. Болгары не желаютъ равноправности племенъ, а хотятъ быть исключительными хозяевами страны, и сильно противятся возвращенію не только турецкихъ чиновниковъ, но также и безобидныхъ мусульманскихъ крестьянъ, покинувшихъ свои дома и земли.“

Заключеніе поясняетъ смыслъ всей корреспонденціи. Она разчитана произвести впечатлѣніе рисуя контрастъ заботливости международной комиссіи, начертавшей „права гражданъ,“ съ неблагодарностью и дикостью Болгаръ.

Заслуживаютъ ли, однако, Болгары упрека за недовѣріе къ реформамъ подъ властью чиновниковъ назначаемыхъ султаномъ когда, вслѣдъ затѣмъ, въ самой же *Times* мы встрѣтили разсужденіе о характерѣ восточныхъ правительствъ, въ которомъ, по поводу слишкомъ частой и безпричинной смѣны турецкихъ министровъ, находимъ слѣдующія фразы: „Вина здѣсь лежитъ не столько въ самомъ султанѣ сколько въ системѣ коей онъ есть официальное средоточіе и въ обществѣ его окружающемъ... Безполезно разчитывать на добрыя намѣренія или усилія какого-либо турецкаго министерства, какъ бы они ни были искренни...“ Поэтому улучшение, по заключенію *Times*, возможно только съ утвержденіемъ „твердаго и настойчиваго вліянія Англіи въ турецкой столицѣ.“ Эту же мысль мы встрѣчаемъ и въ туркофильской *Pall Mall Gazette*, корреспондентъ коей пишетъ изъ Перы что „перемѣна къ лучшему наступитъ только когда Англія станетъ прямо говорить султану, станетъ погонять его одною рукой и водить другою.“ Неблагодарность Болгаръ, какъ видно, сводится къ тому что имъ не нравится быть погоняемыми султаномъ котораго будетъ погонять Англія.

№ 331.

Москва, 29-го декабря

Результатъ выборовъ во Французскій сенатъ происходившихъ во воскресенье, 5 января, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія партій такъ-называемыхъ умѣренныхъ республиканцевъ, во главѣ которой

стоитъ г. Гамбетта. Въ виду нѣсколько сложнаго устройства Французскаго сената, нелишне будетъ напомнить существенныя черты онаго. Французскій сенатъ состоитъ изъ 300 членовъ, изъ коихъ 75 назначаются пожизненно, а 225 избираются на три года, но такъ что чрезъ каждые три года выбываетъ и переизбирается лишь одна треть выборныхъ сенаторовъ (75). Выборы эти не непосредственныя, а двухъ степеней: сенаторы избираются по департаментамъ делегатами различныхъ коллегій мѣстнаго самоуправленія, начиная отъ генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ и кончая муниципалитетами отдѣльныхъ общинъ. Порядокъ возобновленія перваго состава сената установленъ былъ такимъ образомъ что подлежавшіе выбору 225 сенаторовъ были разбиты на три серіи обозначенныя литерами *A*, *B* и *C*, и жребіи рѣшилъ время выбытія ихъ, а именно: серія *B* выбываетъ въ 1879; серія *C*—въ 1882 и серія *A*—въ 1885 году. Серія выбывшая теперь принадлежитъ къ 29 департаментамъ слѣдующимъ въ алфавитномъ порядкѣ отъ департамента Верхней Гаронны до департамента Уазы. Сверхъ того, къ этой же серіи присоединены двѣ колоніи, избирающія по одному сенатору: Константина (Алжиръ) и островъ Мартиникъ. Выборы должны быть произведены въ одинъ день, и избраннымъ считается получившій большинство голосовъ, которое не должно быть менѣе четвертой части всѣхъ избирателей. Перебаллотировка (при отсутствіи абсолютнаго большинства) должна быть произведена въ тотъ же день, причемъ третья перебаллотировка считается окончательною, хотя бы избранный кандидатъ получилъ только относительное большинство. Сверхъ 75 сенаторовъ на мѣсто выбывшей серіи, въ прошедшее воскресенье подлежали выбору еще семь сенаторовъ на мѣсто умершихъ; всего такимъ образомъ выбору подлежали 82 сенатора.

Результаты выборовъ (за исключеніемъ двухъ колоній) были извѣстны на другой же день и, какъ сказано, ими ознаменована полная побѣда республиканской партіи. Консервативы переизбраны лишь въ 14 мѣстахъ, во всѣхъ остальныхъ восторжествовали кандидаты партіи г. Гамбетты. Послѣдствіемъ этого будетъ то что въ сенатѣ вмѣсто прежней группировки партій дававшей перевѣсъ монархистамъ, послѣд-

ніе будутъ имѣть лишь 119 голосовъ, а республиканцы не менѣе 176. Въ Парижѣ исходъ выборовъ возбудилъ большой восторгъ среди республиканцевъ, изукрасившихъ по этому поводу свои дома флагами.

Монархическія партіи потеряли такимъ образомъ послѣднюю „легальную“ точку опоры во Франціи, въ чемъ онѣ, конечно, должны прежде всего винить самихъ себя. Раздоръ и непримиримая вражда между приверженцами трехъ различныхъ династій претендующихъ на французскій престолъ пошли въ прокъ республиканцамъ. Имѣя въ своихъ рукахъ надежное большинство не въ одной уже палатѣ депутатовъ, но и въ сенатѣ, приверженцы г. Гамбетты чувствуютъ себя вполне властелинами Франціи, и теперь вопросъ лишь въ томъ какъ станутъ они распоряжаться судьбами этой злополучной страны, и насколько они оправдаютъ ту программу „умѣренности“ которою бывшіе послѣдователи Тьера, а нынѣ Гамбетты, отдѣляли себя (на словахъ) отъ партіи „непримиримыхъ“ приверженцевъ радикализма. Что не все останется по старому и что теперешній кабинетъ, состоящій весь изъ сторонниковъ покойнаго Тьера, не вполне соответствуетъ желаніямъ и стремленіямъ главы партіи, этого г. Гамбетта не скрывалъ и предъ выборами, а теперь, покаместъ отрывочныя, телеграфныя свѣдѣнія указываютъ что кабинету г. Дюфора уже предъявленъ рядъ требованій коимъ онъ долженъ будетъ подчиниться, если не желаетъ быть свергнутымъ г. Гамбеттой. Такъ, мы узнаемъ что республиканскіе сенаторы совмѣстно съ республиканскими депутатами, уже выработали программу которая имѣетъ быть предложена теперешнему министерству. Министерство г. Дюфора, по тѣмъ же извѣстіямъ, соглашается на амнистію всѣмъ лицамъ осужденнымъ за участіе въ Парижской коммунѣ (чему это самое министерство до сихъ поръ настойчиво противилось), на установленіе обязательности посѣщенія школъ и на присвоеніе исключительно государству права раздавать ученые степени, т.-е. на упраздненіе привилегіи дарованной нѣсколько лѣтъ тому назадъ (при министерствѣ Бюффе) католическому духовенству учреждать свои университеты съ правомъ раздачи ученыхъ степеней. Но сверхъ того, отъ министерства Дюфора

требуется согласие на отмену закона о несмѣняемости судей, на что г. Дюфоръ, по слухамъ, не соглашается. Объ отменѣ закона о несмѣняемости судей республиканцы толкуютъ уже давно. Въ этомъ они видятъ единственное средство окончательно подорвать то вліяніе коимъ до сихъ поръ пользуются въ странѣ бонапартисты благодаря тому обстоятельству что большинство теперешняго состава французской магистратуры, назначенное при второй имперіи и сохранившее свои мѣста благодаря несмѣняемости судей, принадлежитъ почти поголовно къ партіи бонапартистовъ. Въ томъ что теперешніе французскіе судьи суть большею частью приверженцы имперіи, при которой они получили свои мѣста, нѣтъ ничего удивительнаго. Но для теперешнихъ поборниковъ республики весьма характеристично что они, забравъ власть въ свои руки, спѣшатъ воспользоваться ею для того чтобы выбить своихъ противниковъ изъ крѣпкой позиціи и для этого не колеблясь приносятъ въ жертву одну изъ самыхъ основныхъ гарантій гражданской свободы во имя которой они будто бы борются. Съ тою же цѣлью „борьбы противъ враговъ гражданской свободы,“ т.-е. республики, г. Гамбетта возвыщаетъ въ своихъ рѣчахъ какія-то мѣры противъ враждебной республикѣ печати. Все это уже напередъ служить указаніемъ той „умѣренности“ которой можно ожидать отъ торжествующихъ нынѣ свою побѣду республиканцевъ.

Для ближайшаго будущаго Франціи важнѣе всего вопросъ о томъ согласится ли маршалъ Макъ-Магонъ и впредь разыгрывать ту пассивную роль которая стала его удѣломъ съ тѣхъ поръ какъ пало такъ называемое „министерство борьбы“ Броля-Фурту. Свѣдущіе корреспонденты изъ Парижа утверждаютъ что маршалъ Макъ-Магонъ перенесетъ съ покорностью наступающія перемѣны и, въ случаѣ надобности, согласится и на отставку г. Дюфора, и на замѣну его теперешнимъ министромъ публичныхъ работъ г. Фрейсине. Самою важною уступкой, на которую уже теперь согласился маршалъ, было увольненіе военнаго министра г. Бореля, навлекшаго на себя неудовольствіе г. Гамбетты. Но есть одинъ пунктъ въ теперешней программѣ республиканцевъ принятіе котораго совершенно немыслимо для маршала Макъ-Магона: это—преданіе суду

министерства 16 мая. Вопросъ объ этомъ, какъ извѣстно, еще не разрѣшенъ; но весьма вѣроятно что онъ будетъ въ скоромъ времени предложенъ палатѣ депутатовъ, и еслибы состоялось постановленіе о преданіи суду виновниковъ неудавшагося „государственнаго удара“ 16-го мая 1877 года, то маршалу Макъ-Магону, который, какъ всѣмъ извѣстно, былъ главнымъ виновникомъ тогдашней попытки, осталось бы лишь одно: выйти немедленно въ отставку. Въ этомъ смыслѣ высказалась на дняхъ и стоящая близко къ маршалу газета *Мониторъ*.

№ 332.

Москва, 30-го декабря.

А.

Мы привели вчера письмо папы Льва XIII къ архіепископу Кельнскому, которое обратило на себя общее вниманіе какъ первая манифестація преемника Пія IX по поводу ожесточенной борьбы между папскимъ престоломъ и Германскою имперіей, борьбы объ окончаніи которой не переставали носиться самые разнообразныя слухи съ тѣхъ поръ какъ вступилъ на престолъ Левъ XIII, причемъ, однако, никакихъ положительныхъ данныхъ о ходѣ переговоровъ въ печать не проникало. Понятно поэтому какой интересъ возбудило папское письмо отъ 24-го декабря. Но разсматриваемое съ этой точки зрѣнія оно весьма мало пролило свѣта на глубокую тайну въ которую облечены переговоры князя Бисмарка съ папскою куріей. Папа Левъ XIII, правда, говоритъ языкомъ совершенно отличающимся отъ воинственныхъ рѣчей Пія IX, и если припомнить аллокуцію послѣдняго въ которой онъ сравнилъ князя Бисмарка съ Аттилой и предрекалъ гибель Германской имперіи, то контрастъ представляется поразительнымъ. Но по существу вопроса и до сихъ поръ неизвѣстно намѣренъ ли нынѣшній папа сдѣлать какой-либо шагъ къ дѣйствительнымъ уступкамъ и допустить то подчиненіе католической церкви законамъ государства котораго такъ настойчиво добивается князь Бисмаркъ. Первое извлеченіе изъ папскаго письма, которое было передано по телеграфу, заставило думать что папа со-

глашается въ известной мѣрѣ признать требованія имперіи. Но полный текстъ письма показалъ что то мѣсто онаго которое подало поводъ къ такому заключенію вовсе не имѣетъ столь опредѣленнаго смысла и не можетъ служить указаніемъ на перемѣну происшедшую въ этомъ отношеніи въ предположеніяхъ и намѣреніяхъ Ватикана. Въ письмѣ своемъ папа съ прискорбіемъ перечисляетъ всѣ невзгоды которыя постигли католическую церковь въ Германіи и выражаетъ желаніе чтобы германскіе епископы соединили свои усилія дабы положить конецъ этому плачевному положенію вещей. Для этого вѣрующіе должны все болѣе и болѣе соблюдать покорность велѣніямъ церкви. „Изъ сего же слѣдуетъ,“ сказано далѣе, „что своею покорностью и послушаніемъ съ которыми они будутъ исполнять законы (тѣ однако, *которые не противорѣчатъ въпрѣи и долгу католиковъ*), они явятся достойными „принятія благъ мира и продолжительнаго „пользованія его спасительными плодами.“ Оговорка о томъ что католики обязаны подчиниться лишь тѣмъ законамъ которые не противорѣчатъ ихъ долгу какъ католиковъ была большимъ разочарованіемъ для тѣхъ изъ органовъ германской печати которые поспѣшили было праздновать побѣду надъ клерикалами, ибо въ этой оговоркѣ вся сущность дѣла, и она, несмотря на примирительныя фразы, оставляетъ весь споръ на той самой почвѣ на которой онъ вращался до сихъ поръ, такъ какъ ультрамонтаны и прежде толковали лишь одно: что они не могутъ не оказывать „пассивнаго сопротивленія“ тѣмъ законамъ государства которые противорѣчатъ велѣніямъ церкви.

Надежда на окончательное установленіе мира между церковью и государствомъ въ Германіи представляется еще менѣе вѣроятною, если сопоставить письмо папы съ рѣчью произнесенною 11-го декабря прусскимъ министромъ исповѣданій, г. Фалькомъ, въ Прусскомъ ландтагѣ. Прусскій министръ, какъ известно категорически заявилъ что не можетъ быть и рѣчи объ отмѣнѣ и измѣненіи майскихъ законовъ, о чемъ клерикальные органы говорили какъ о единственномъ условіи прекращенія „культурной борьбы.“ Министръ точно также энергически отвергнулъ, не только отъ своего имени, но и отъ имени всего состава правительства, поползновеніе клери-

каловъ возстановить хотя отчасти педагогическую дѣятельность католическаго духовенства и возвратить въ руки онаго нѣкоторыя изъ воспитательныхъ заведеній упраздненныхъ или подлежащихъ упраздненію на основаніи одного изъ майскихъ законовъ. А между тѣмъ папа, въ письмѣ написанномъ двѣ недѣли послѣ рѣчи г. Фалька, снова высказываетъ желаніе чтобы воспитаніе юношества не было изъято „отъ епископскаго надзора и авторитета.“

Еще одно разочарованіе постигшее германскихъ клерикаловъ заключается въ томъ что имъ не удалось избавиться отъ самаго министра Фалька, который какъ бы олицетворяетъ собою „культурную борьбу.“ Весной, послѣ берлинскихъ покушеній, объ отставкѣ г. Фалька говорили какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, и дѣйствительно стало извѣстно что г. Фалькъ подалъ просьбу объ увольненіи его, но что императоръ не далъ ему рѣшительнаго отвѣта. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужили дѣла по евангелической церкви, относительно которой г. Фалькъ также провелъ нѣкоторыя мѣры возбуждшія противъ него большой ропотъ въ ортодоксальныхъ кругахъ и въ набожныхъ сферахъ окружающихъ дворъ. Г. Фалькъ счелъ себя обиженнымъ вслѣдствіе того что императоръ призвалъ въ верховный церковный совѣтъ поставленный во главѣ прусской евангелической церкви двухъ придворныхъ проповѣдниковъ открыто враждующихъ противъ введенныхъ г. Фалькомъ новыхъ церковныхъ порядковъ. Недоразумѣніе по этому поводу, возникшее еще весной разрѣшено лишь на дняхъ. Императоръ Вильгельмъ остался при своемъ рѣшеніи о назначеніи указанныхъ двухъ проповѣдниковъ, г. Кёгеля и Баура, членами церковнаго совѣта; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ адресовалъ г. Фальку рескриптъ, въ которомъ отзывается съ полнымъ одобреніемъ объ его министерской дѣятельности. Либеральныя берлинскія газеты, всегда съ горячностью отстаивающія г. Фалька, не скрываютъ того что и на этотъ разъ понадобилось могучее посредничество князя Бисмарка чтобы устранить возникшія затрудненія и что г. Фалькъ лишь благодаря этому рѣшился принести въ жертву свои личныя чувства и продолжать служеніе тому дѣлу которому онъ себя посвятилъ. Какъ бы то ни было, но если г. Фалькъ остался на своемъ мѣстѣ, то германскимъ ультрамонтанамъ

нѣтъ повода разчитывать на какія бы то ни было принципиальныя уступки со стороны имперіи. Въ этомъ смыслѣ г. Фалькъ высказался и вчера въ Прусскомъ ландтагѣ, заявивъ, какъ сообщаетъ телеграфъ, въ отвѣтъ г. Виндгорсту, этому неутомимому и неутомонному вожаку партіи центра, что все высказанное имъ 11-го декабря остается и теперь въ полной силѣ, что съ тѣхъ поръ не произошло никакихъ перемѣнъ и все остается попрежнему.

Нужно впрочемъ замѣтить что ультрамонтанскіе органы въ Германіи, продолжая утверждать, что „церковь ни въ чемъ не уступить,“ значительно умѣрили свой тонъ и совсѣмъ прекратили ту яростную оппозицію которую они до сихъ поръ систематически оказывали правительству по всѣмъ вопросамъ внутренней политики. По вопросу объ экономическихъ и финансовыхъ преобразованіяхъ, выдвинутому на первый планъ недавно обнародованною программой князя Бисмарка, газета *Germania*, главный органъ партіи центра, высказываетъ полное сочувствіе проекту имперскаго канцлера и обѣщаетъ ему дѣятельную поддержку своей партіи.

Б.

Съ удаленіемъ эмира Ширъ-Али изъ Кабула афганскія дѣла вступили въ новую фазу, и неизвѣстность дальнѣйшаго развитія событій становится большею чѣмъ прежде. О томъ что эмиръ, покинувъ свою столицу, направился въ русскіе предѣлы, мы теперь знаемъ на основаніи не однихъ только англійскихъ извѣстій. Изъ Ташкента сообщаютъ въ *Международное Телеграфное Агентство* что 1-го декабря эмиръ выѣхалъ вмѣстѣ съ полковникомъ Разгоновымъ, членомъ возвращающейся русской миссіи въ Кабулѣ, уже изъ Мазаръ-и-Шерифа, мѣстечка въ недалекомъ разстояніи отъ Балха, изъ чего слѣдуетъ заключить что онъ давно уже покинулъ свою столицу, можетъ-быть вскорѣ послѣ начала военныхъ дѣйствій. Въ Кабулѣ онъ оставилъ регентомъ сына своего Якубъ-хана, и предъ отъѣздомъ объявилъ де народу и сообщилъ письменно англійскимъ генераламъ что ѣдетъ въ Петербургъ.

Слухъ о томъ что эмиръ ищетъ русскаго гостепріимства съ цѣлью потребовать посредничества Европы и передать на судъ державъ свой раздоръ съ Англи-

чанами основывается, однако, покамѣстъ единственно на англійскихъ телеграммахъ, которыя уже не разъ оказывались весьма недостоверными. *Journal de St.-Petersbourg* повидимому допускаетъ вѣроятность этихъ извѣстій; но замѣчанія его не отличаются ясностью, и полагаемъ, вообще преждевременно пускаться въ гаданія когда еще нѣтъ никакихъ достоверныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и намѣреніяхъ эмира.

Нѣсколько съ большею вѣроятностью можно судить о вліяніи событій въ Кабулѣ на дѣла Англичанъ. На ходъ военныхъ дѣйствій въ настоящую минуту удаленіе эмира изъ Кабула не имѣетъ никакого вліянія. Они теперь во всякомъ случаѣ не могутъ продолжаться и должны быть пріостановлены. Ожидаютъ только что южная колонна изъ Кветты, дѣйствія коей начались позже другихъ, можетъ-быть еще будетъ имѣть время занять Кандагаръ. Но движеніе ея, какъ видно, замедлилось, такъ какъ Кандагаръ еще не занятъ, хотя занятія его ожидали еще въ пятницу на прошедшей недѣлѣ. Заслуживаетъ вниманія официальное извѣстіе сегодняшней калькуттской телеграммы о томъ что командующій среднею колонной генераль Робертсъ, на долю коего выпало имѣть единственное сколько-нибудь серьезное дѣло съ афганскими войсками при Пейваръ-Котулѣ, находитъ нужнымъ отступить къ Куруму чтобы сосредоточить свои черезчуръ разбросанныя войска, въ виду опасности угрожающей со стороны Мангаліевъ. Это послѣ того какъ онъ только что объявилъ всю занятую имъ мѣстность присоединенною ко владѣніямъ императрицы Индійской! Въ то же время, въ Хайберскомъ проходѣ, занятомъ Англичанами до самаго Джеллалабада, непрерывно продолжаются мелкія нападенія горцевъ на англійскія сообщенія. Такимъ образомъ, военные успѣхи до сихъ поръ одержанные Англичанами ограничиваются весьма немногимъ. Такъ какъ ими заняты пока лишь немногіе передовые пункты и война приняла партизанскій характеръ, то присутствіе или отсутствіе эмира имѣетъ весьма мало значенія.

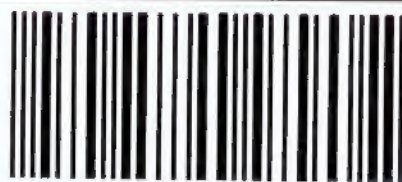
Въ политическомъ отношеніи, то-есть для возможно скорѣйшаго и успѣшнаго окончанія экспедиціи, удаленіе эмира имѣетъ гораздо большее значеніе. Оно прежде всего совершенно устранило надежду Англичанъ что первыхъ демонстрацій будетъ

достаточно, чтобъ убѣдить эмира въ бесполезности сопротивленія и побудить его къ покорности. Какой оборотъ примутъ затѣмъ дѣла остается въ совершенной неизвестности, что явствуетъ изъ различныхъ плановъ и предположеній англійской печати. Они основываются большею частью на непрерывно повторяющихся телеграфныхъ извѣстияхъ изъ Индіи о всеобщей анархіи въ Афганистанѣ, о томъ что власть эмира никѣмъ не признается и что ему отказались повиноваться собственныя войска, что и было де причиной его бѣгства. Но трудно различить въ какой мѣрѣ эти извѣстія выражаютъ лишь желанія Англичанъ и въ какой передаютъ дѣйствительность. Въдѣ сообщалось же въ нихъ будто эмиръ былъ низложенъ возстаніемъ, будто недовольные имъ вожди Гилзаевъ заставили его освободить изъ заключенія Якубъ-хана, и что этотъ послѣдній готовъ вступить въ переговоры съ англійскими генералами. Было извѣстіе будто онъ даже прибылъ съ этою цѣлью въ Джеллалабадъ, а въ одной газетѣ была даже описана встрѣча его майоромъ Каваньяри. Во всемъ этомъ не оказалось потомъ и тѣни правды. Затѣмъ оказалось, по англійскимъ же извѣстіямъ, что эмиръ предъ своимъ отъѣздомъ держалъ большой *дурбаръ* или совѣтъ съ главными сердарями, на коемъ объявилъ о намѣреніи искать русскаго покровительства, причемъ самъ поручилъ управленіе Кабуломъ сыну Якубъ-хану, присягнувшему что онъ будетъ дѣйствовать по указаніямъ эмира. Съ этимъ согласно и извѣстіе ташкентской телеграммы о томъ что Якубъ-ханъ ежедневно доноситъ отцу о ходѣ дѣлъ. Теперь перестали также пред-

полагать что Якубъ-ханъ немедленно изъяснить покорность. Тѣмъ не менѣе, для Англичанъ такъ важно чтобъ экспедиція не затянулась до весны что большая часть газетъ все еще хотятъ вѣрить что въ скоромъ времени можно ожидать съ его стороны мирныхъ предложеній, хотя для такой надежды нѣтъ никакого другаго основанія какъ предположеніе что „положеніе страны не можетъ поощрять его на продолженіе борьбы противъ непріятеля доказавшаго свое превосходство и склоннаго быть великодушнымъ при обсужденіи условій мира.“ Словомъ, относительно Якубъ-хана повторяются тѣ же предположенія какія недавно дѣлались относительно отца его Ширъ-Али. Что имъ нельзя придавать слишкомъ большаго значенія явствуетъ изъ того что та же газета *Times*, которая ободряетъ читателей такими надеждами, въ другой статьѣ, по поводу разныхъ недостатковъ обнаружившихся въ организаціи индійской арміи, замѣчаетъ, противорѣча сама себѣ: „Было бы преждевременно выражать надежду что война кончена. До сихъ поръ мы еще мало видѣли дѣйствительныхъ опасностей кампаніи. Но мы можемъ встрѣтить гораздо болѣе грозное сопротивленіе чѣмъ какое видѣли до сихъ поръ.“ Другая лондонская газета, *Morning Post*, проговаривается что „люди наиболѣе свѣдущіе въ афганскихъ дѣлахъ сожалеютъ объ удаленіи Ширъ-Али, ибо онъ можетъ быть причиной многихъ затрудненій которыя теперь и не предвидятся.“

Все это заставляетъ думать что мы далеко еще не слышали послѣдняго слова объ афганскихъ дѣлахъ.





2007052023